
Живописная Россія
Изданіе тов. М. О. Вольфъ

ТОВАРИЩЕСТВО · М.О. ВОЛЬФЪ

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.ВОЛЬФЪ

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ТОМЪ III.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

ЖИВОПИСНАЯ
РОССІЯ
ВАРШАВСКАЯ
A. MALINOWSKI

ЖИВОПИСНАЯ
РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

въ его

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

подъ общей редакціей

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЛИТОВСКОЕ ПОЛѢСЬЕ.

Съ 113 рисунками въ текстѣ и 15 отдѣльными картинами, рѣзанными на деревѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БѢЛОРУССКОЕ ПОЛѢСЬЕ.

Съ 80 рисунками въ текстѣ и 11 отдѣльными картинами, рѣзанными на деревѣ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.*

МОСКВА, *Петровка, д. Михалкова, № 5.*

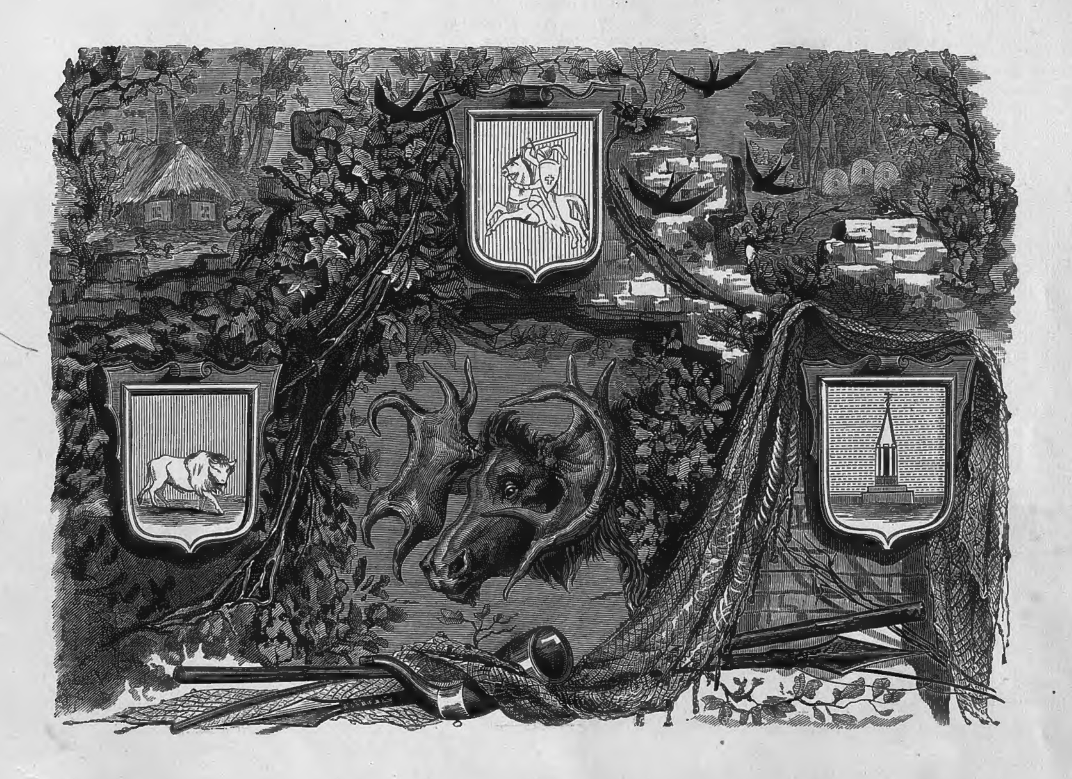
1882.

Дозволено цензурою. Спб., 22 іюля 1882 г.

Печать типографіи Маврикія Осиповича Вольфа, въ Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5.
Шрифты изъ Словолитни его же.

ЗАПАДНАЯ И ЮЖНАЯ РОССІЯ.

Литовское полѣсье.

ГУБЕРНІИ: ВИЛЕНСКАЯ, КОВЕНСКАЯ И ГРОДНЕНСКАЯ.

Литва! Отчизна дорогая!
Ты—какъ здоровье: мы въ твоемъ
Лишеньи, все съ тобой теряя,
Тебѣ всю цѣну сознаемъ.
Теперь, Литва, твою красу
Постигъ и вижу всю вполнѣ,
Въ чужомъ краю тебя рисую
Когда тоска жметъ сердце мнѣ.

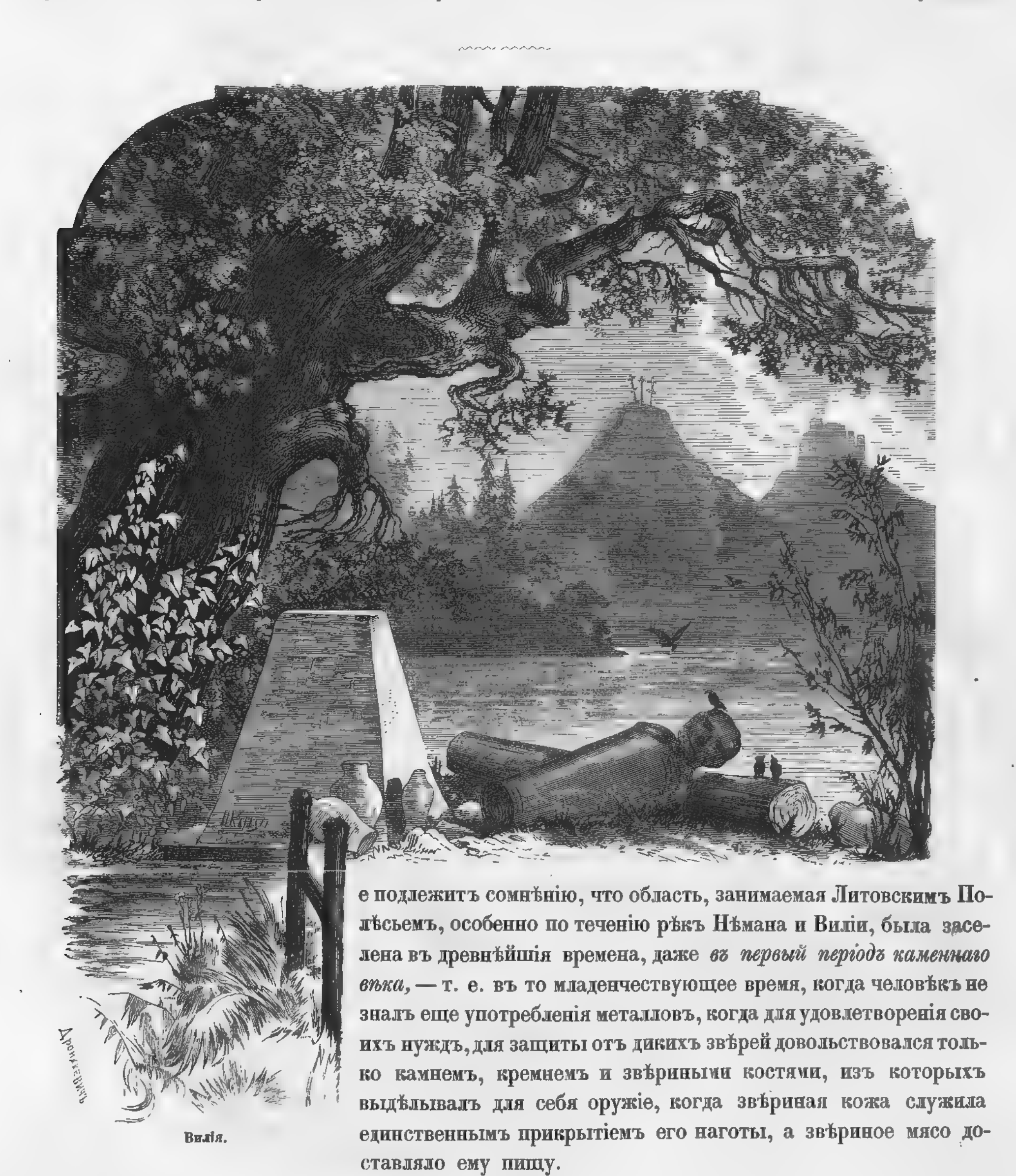
О матерь Божія! Ты—вздоховъ
И стоновъ набожныхъ предметъ!
Твой кроткій ликъ хранитъ Ченстоховъ
И съ Остро-брамы льетъ намъ свѣтъ; —
И Новогрудскія твердыни
Стоятъ, съ народомъ вѣрнымъ ихъ,
Крѣпитъ щитомъ твоей святыни, —
Верни насъ чудомъ въ край родимый.
А между тѣмъ мой духъ томимый
Перенеси къ холмамъ роднымъ,
Къ лугамъ, къ долинамъ благовоннымъ,
Струями Нѣмана вспоеннымъ
И растянувшимся надъ нимъ, —
Къ полямъ, гдѣ весело тѣснятся
Колосья, полные зерномъ,
Къ полямъ, что житомъ серебрятся
Иль раззолочены пшеномъ,
Къ полямъ гречихи бѣлоснѣжнымъ,
Къ мѣстамъ, гдѣ сплошь румянцемъ нѣжнымъ
Въ цвѣтеньи дятлина горитъ,
И долъ широкій порубежнымъ
Зеленымъ поясомъ обвитъ,
Въ которомъ, вдоль его извива,
Въ раскидку, груши по мѣстамъ
Вѣтвистыя — то здѣсь, то тамъ —
Сидятъ спокойно, прихотливо....

МИЦКЕВИЧЪ.

ОЧЕРКЪ I.

ПЕРВОБЫТНЫЯ ВРЕМЕНА ЛИТОВСКАГО ПОЛѢСЬЯ.

Заселеніе страны въ первобытное время. — Исчезнувшія животныя. — Издѣлія первобытныхъ людей. — Могилы великановъ. — Курганы. — Кострища. — Сожиганіе женъ. — Древнѣйшія поселенія. — Городища. — Двинскіе камни. — Камни и кладки съ изсѣченными изображеніями.

Вилія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что область, занимаемая Литовскимъ Полѣсьемъ, особенно по теченію рѣкъ Нѣмана и Виліи, была заселена въ древнѣйшія времена, даже *въ первый періодъ каменнаго вѣка,* — т. е. въ то младенчествующее время, когда человѣкъ не зналъ еще употребленія металловъ, когда для удовлетворенія своихъ нуждъ, для защиты отъ дикихъ звѣрей довольствовался только камнемъ, кремнемъ и звѣриными костями, изъ которыхъ выдѣлывалъ для себя оружіе, когда звѣриная кожа служила единственнымъ прикрытіемъ его наготы, а звѣриное мясо доставляло ему пищу.

Отъ этой, на многія тысячи лѣтъ отдаленной отъ насъ эпохи сохранились еще вещественныя доказательства существованія здѣсь человѣка, именно: грубо обработанные каменные пращи, топоры, молоты и т. п. предметы. Графы Евстафій и Константинъ Тышкевичи и другіе археологи собрали значительное число этого рода издѣлій первобытнаго человѣка въ разныхъ мѣстахъ Литовскаго Полѣсья. Въ недавнее же время польскій археологъ С. Глогеръ изслѣдовалъ берега Нѣмана отъ Гродна до Ковна и открылъ нѣсколько доисторическихъ станцій каменнаго вѣка съ уцѣлѣвшими въ немъ кремневыми издѣліями.

Неоднократно находимы были въ краѣ кости исчезнувшихъ, но современныхъ человѣку животныхъ: мамонта, пещернаго медвѣдя, носорога и др., а равно принадлежащихъ ко второму періоду каменнаго вѣка: сѣвернаго оленя, мускуснаго быка и др. Нѣкоторые изъ этихъ остатковъ хранились въ особомъ музеѣ при гродненской палатѣ государственныхъ имуществъ.

Естественныхъ пещеръ, въ которыхъ первобытные люди находили для себя пріюты, въ Литовскомъ Полѣсьѣ нѣтъ. Дремучіе лѣса, прорѣзываемые озерами и рѣками, наполняли всю площадь этой страны. Человѣку приходилось создать себѣ искусственные гроты; пользуясь каждымъ естественнымъ выступомъ или впадиной почвы, онъ стаскивалъ туда въ кучу попадавшіеся ему каменья, громоздилъ ихъ одинъ на другой, устраивая подъ ними убѣжище для своего семейства, чтобы укрыться отъ зимняго холода.

Кромѣ указанныхъ нами молотовъ, топоровъ, пращей, къ этому же періоду относятъ находимые въ разныхъ мѣстахъ въ значительномъ числѣ ножи, шилья, пилы, скребки (для соскабливанія волосъ со шкуръ) и пр. Къ этому же времени относятся нерѣдко находимые обломки глиняной посуды, въ которыхъ, кромѣ глины, замѣтна примѣсь песку и даже соломы.

И здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ Европы, неоднократно находимы были разныя украшенія въ родѣ ожерелій, запястьевъ, даже серегъ изъ просверленныхъ раковинъ или зубовъ, а также изъ ушныхъ звѣриныхъ хрящей.

Послѣ великаго земнаго переворота, подъ конецъ четвертичной эпохи, когда громадные потоки водъ образовали новые пласты красноватой глины, перемѣшанной съ пескомъ и мелкими гальками, извѣстные подъ названіемъ красныхъ или сѣрыхъ *диллювіевъ* (мало изслѣдованныхъ въ Литовскомъ Полѣсьѣ), человѣческая порода не исчезла на берегахъ Нѣмана, Виліи и другихъ Литовскихъ рѣкъ. Съ наступленіемъ новой эпохи, именно *шлифованнаго* или *полированнаго камня*, а затѣмъ, перейдя въ вѣкъ металлическій, человѣкъ постепенно совершенствуется и нагромождаетъ матеріалы для нашихъ выводовъ о его развитіи.

Къ этой эпохѣ относятся и озерныя жилища, которыя такъ много обогатили науку, открывая совершенно новыя стороны первобытной жизни человѣка. Къ сожалѣнію, въ Литовскомъ Полѣсьѣ такихъ жилищъ до сихъ поръ еще не найдено, можетъ быть, потому, что какъ въ торфяникахъ, такъ и въ озерахъ не было еще производимо точныхъ научныхъ изслѣдованій.

Не менѣе того, слѣды постояннаго обитанія человѣка на земляхъ описываемаго нами Полѣсья сохранились и непрерывнымъ рядомъ археологическихъ выкопокъ убѣждаютъ въ существованіи здѣсь человѣка въ продолженіе всѣхъ извѣстныхъ въ наукѣ доисторическихъ эпохъ. Выкопки эти преимущественно обогащаютъ Виленскій музей древностей.

Болѣе восьмисотъ каменныхъ и кремневыхъ орудій, какъ грубыхъ, нешлифованныхъ, такъ ровно и отлично полированныхъ; слишкомъ тысяча бронзовыхъ издѣлій, изъ коихъ нѣкоторыя, по своему изяществу, превосходной отдѣлкѣ и орнаментаціи, высоко цѣнятся знатоками, и которымъ подобныхъ нѣтъ въ другихъ Европейскихъ музеяхъ; много предметовъ изъ желѣза, серебра, золота, янтаря, кости, глины и т. п.—собранныхъ въ означенномъ музеѣ, какъ добытые изъ кургановъ и кострищъ большею частью на всемъ протяженіи Литовскаго, а отчасти и Бѣлорусскаго Полѣсья (много предметовъ изъ Минской и Витебской губерніи)—фактически свидѣтельствуютъ намъ о жизни и дѣятельности человѣка съ глубокой древности до историческихъ временъ.

Типъ Литовской дѣвушки.

Но въ Виленскомъ музеѣ собрано далеко не все. Много предметовъ находится въ Петербургскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ музеяхъ; весьма замѣчательная коллекція хранилась у Болеслава Подчалинскаго въ Варшавѣ, послѣ его смерти пріобрѣтенная Краковскою Академіею Наукъ; много рѣдкихъ предметовъ находится у гр. А. С. Платера въ Вильнѣ, изъ коихъ почти всѣ найдены въ имѣніи его Швекшняхъ на Жмуди, и у разныхъ частныхъ лицъ. Замѣчательныя коллекціи выкопокъ хранились въ Дубровлянахъ помѣщика гр. Гинтера, перешедшія потомъ въ собственность гр. Р. К. Тизенгауза, недавно умершаго, и нынѣ принадлежащія сестрѣ его гр. Пржедзецкой. Такія же коллекціи находились у знаменитаго историка Ѳ. Е. Нарбутта въ имѣніи его Шаврахъ. Дальнѣйшая ихъ участь неизвѣстна.

Гимны Ригъ-Веды убѣдительнымъ образомъ доказываютъ, что Арійцы еще въ первобытномъ своемъ отечествѣ, до переселенія въ Европу, были уже знакомы съ металлургіей. Въ гимнахъ преимущественно говорится о двухъ металлахъ, *золотѣ* и *бронзѣ*. Въ одномъ изъ гимновъ сказано, что Трита убилъ вепря тростью съ *бронзовымъ остріемъ*, т. е. копьемъ. Изъ металловъ дѣлались у нихъ жертвенные котлы и разные другіе сосуды. Знали лукъ и стрѣлы, дротики. Упоминается даже о бронзовыхъ мечахъ, хотя преимущественно употреблялось метательное оружіе.

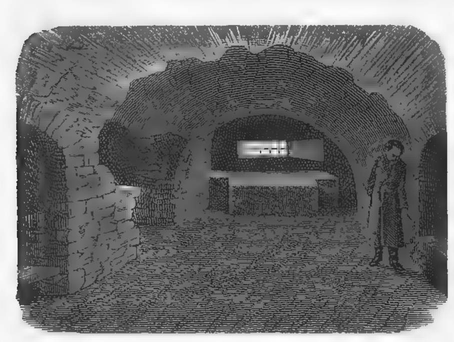
А потому предкамъ Литовцевъ уже были извѣстны металлы при самомъ ихъ здѣсь поселеніи. Литовцевъ, само собою разумѣется, не слѣдуетъ смѣшивать съ неизвѣстными намъ аборигенами страны, незнавшими металловъ и употреблявшими грубое нешлифованное каменное оружіе.

Но мы вовсе и не намѣрены доказывать, чтобы всѣ указанные нами предметы были мѣстнаго издѣлія. Нѣкоторыя каменныя и кремневыя орудія, даже бронзовыя издѣлія, не отличающіяся особенною отдѣлкою, могли быть сдѣланы на мѣстѣ, но самое изящество многихъ предметовъ и ихъ обиліе доказываютъ обширныя торговыя связи, которыя имѣли первобытные жители этой страны съ Финикіянами, Этрусками, Скандинавами, съ Византіею. Наука указала и опредѣлила даже пути, которыми велась эта мѣновая торговля, особенно на янтарь, которымъ такъ богаты были берега Балтійскаго моря. Многія изъ бронзовыхъ издѣлій, въ Литовскомъ Полѣсьѣ находимыхъ, не только наружною своею отдѣлкою, но и особыми знаками и орнаментовкою ясно обнаруживаютъ свое происхожденіе. Такъ напр. круги, эмблематическія изображенія солнца, круги съ четырьмя лучами, зубчатыя линіи и спирали доказываютъ несомнѣнное финикійское происхожденіе и принадлежатъ къ разряду такъ называемаго культа Ваала. Извѣстно, что Тиръ, Сидонъ, Тарсисъ, Мелитте (Мальта) и другіе города и колоніи Финикіянъ славились своими издѣліями и своею обширною торговлею. Бронза ихъ достигала Скандинавіи и оттуда переходила въ Литву. Наконецъ, непосредственная торговля Литовцевъ съ Римлянами и Византіею научными изслѣдованіями считается окончательно опредѣленною. Не можетъ подлежать также сомнѣнію, что нѣкоторыя бронзовыя издѣлія вырабатывались и на мѣстѣ, у себя дома. По новѣйшимъ изысканіямъ, Цыгане съ необходимыми матеріалами и снарядами переходили съ мѣста на мѣсто и исключительно почти занимались отливкою бронзовыхъ издѣлій. Въ Венгріи и на Буковинѣ они и до сихъ поръ слывутъ отличными литейщиками.

Къ древнѣйшимъ могильнымъ памятникамъ въ Европѣ относятъ такъ называемые *дольмены*, т. е. гробницы, устроенныя изъ каменныхъ плитъ. Ежели въ Литовскомъ Полѣсьѣ и не открыто настоящихъ дольменовъ, какія находятъ въ другихъ странахъ, зато извѣстны древнѣйшіе мегалитическіе памятники, называемые въ Ковенской губерніи *могилами великановъ*, которые по внутреннему своему устройству напоминаютъ извѣстныя дольмены. Между Поневежемъ и Шавлями, на берегу рѣки Даугивенна, впадающей въ Мушу, вблизи деревни Ландышки, есть множество такихъ мегалитическихъ памятниковъ. Кромѣ того, такіе же памятники находятся вблизи деревень Розалинъ, Курпишки, Рогняны и въ другихъ мѣстахъ. Въ окрестностяхъ Крожъ, близъ устья Виндавы или Венты, а также на берегахъ Окмяны тоже

много кургановъ, изъ каменныхъ плитъ сооруженныхъ, называемыхъ могилами великановъ. Въ сороковыхъ годахъ въ нѣкоторыхъ курганахъ производилъ поиски Дюбоа де Монперъ *(Dubois de Montpereux)*.

На всемъ протяженіи Литовскаго Полѣсья разсѣяны цѣлыя тысячи могильныхъ кургановъ. Одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ остовы, другіе урны съ сожженными костями. Трупосожиганіе производилось почти исключительно въ собственной Литвѣ, гдѣ и до сихъ поръ слышится литовская рѣчь; напротивъ, въ славянскихъ приходахъ, коихъ жители подраздѣляются нынѣ на Бѣлоруссовъ и Черноруссовъ, почти всегда находятъ остовы. Исключенія нерѣдки; оба этого рода погребенія можно назвать преобладающими, т. е. у Литовцевъ трупосожиганіе, а у Русиновъ погребеніе несожженными; но не менѣе того, какъ у однихъ, такъ и у другихъ, оба эти рода были въ обычаѣ одновременно. Случалось такъ, что въ одной и той же группѣ кургановъ, въ одномъ было кострище съ сожженными останками, а въ другихъ остовы. Даже въ отношеніи погребальныхъ обрядовъ можно найти много аналогическаго. Какъ въ курганахъ съ кострищами, такъ равно и съ остовами, попадались лошадиные остовы несожженные и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предполагать можно, зарытые въ стоячемъ положеніи. Горшки, кубки и мисы съ яствами и питьемъ были всегда принадлежностью каждаго кургана. Наконецъ, даже предметы, находимые въ курганахъ, почти всегда однородны: такія же женскія украшенія, браслеты, ожерелья, серьги, кольца, цѣпочки, поясы, разнородные бусы; предметы эти изъ бронзы, серебра, иногда золотые. Оружіе или каменное, или желѣзное: мечи, рогатины, копья, кистени, наконечники стрѣлъ. Въ литовскихъ курганахъ подразумѣваемые вѣка и эпохи сливаются вмѣстѣ—вы найдете въ нихъ камень, бронзу, желѣзо, золото, серебро, янтарныя, стеклянныя и другія издѣлія. Судя по урнамъ и горшкамъ, находимымъ въ курганахъ, гончарное искусство не было въ цвѣтущемъ состояніи, но замѣчательно то, что орнаментовка сосудовъ, даже самая форма ихъ, имѣютъ много сходства съ такими же, находимыми въ другихъ славянскихъ земляхъ. Этотъ замогильный міръ нагляднымъ образомъ можетъ убѣдить каждаго, что Литовцы были въ близкихъ и тѣсныхъ связяхъ съ своими славянскими сосѣдями, и хотя въ самомъ родѣ погребенія мы видимъ рѣзкое различіе, т. е. трупосожиганіе и погребеніе останковъ несожженными, но могильныя насыпи, т. е. курганы, какъ по величинѣ, такъ и по формѣ, совершенно одинаковы. Оружіе, украшенія, глиняные сосуды, тоже почти одинаковые, изъ чего ясно, что оба народа, какъ въ бытовомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, жили одинаковою жизнію, владѣли одинаковыми средствами. Торговыя ихъ связи съ отдаленными народами были общія, что доказывается однородностью предметовъ съ ними погребенныхъ, однородностью, какъ въ отношеніи ихъ цѣнности, такъ и формъ, отдѣлки и качества. Этотъ замогильный міръ воочію можетъ убѣдить каждаго, что Литовцы въ доисторическое время вовсе не были такъ грубы, дики, невѣжественны и бѣдны, какими ихъ изображаютъ намъ нѣмецкіе и другіе лѣтописцы.

Алтарь Знича.

Въ цѣлой Европѣ и въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ, напр. въ Чехіи, въ Польши, на Шлёнскѣ (Силезіи) и др., существуютъ доисторическія кладбища съ кострищами, на коихъ сожигали покойниковъ. Такія кладбища иногда занимаютъ значительное пространство, урны складывались одна надъ другой, въ три и четыре этажа, и, конечно, здѣсь сожигали покойниковъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Въ Литвѣ такихъ кладбищъ почти не существуетъ. Извѣстно только нѣсколько случаевъ нахожденія этого рода пространныхъ кострищъ (напр. въ Сувалкской губ.). Обыкновенно же кострище заключается въ одномъ курганѣ, прикрываю-

щемъ сожженные останки одного или нѣсколькихъ человѣкъ. Но число кургановъ въ одной группѣ иногда очень значительно. Эти-то курганы и составляли кладбища. Рѣдкій случай, чтобы такой курганъ не заключалъ вмѣстѣ съ урною оружія или разныхъ бронзовыхъ украшеній.

Случается находить и одинокіе курганы, замѣчательной величины. Въ Лантваровѣ, близъ Вильна, въ такомъ курганѣ найдена бронзовая урна, въ родѣ большаго котла, висѣвшая на желѣзныхъ цѣпяхъ, въ нишѣ, устроенной изъ изразцовъ, а при ней мечъ, копья, стремя, удило, шпоры изъ желѣза. Такого рода бронзовыя урны вообще считаются большою рѣдкостью. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, въ весьма древнемъ поселеніи съ городищемъ и курганами, сохранившемъ и названіе *Городзилова*, въ группѣ кургановъ, одинъ, въ срединѣ, отличался своею величиною и былъ значительно выше другихъ. Въ немъ я нашелъ урну съ пережженными костями, надъ нею *наружный обручъ*, знакъ достоинства боярина, состоящій изъ бронзовой дуги, покрытой серебряною пластинкою съ украшеніями въ серединѣ и при оконечностяхъ изъ серебра, съ круглыми углубленіями изъ золота. Работа весьма искусная и отчетливая. Возлѣ же самой урны лежалъ желѣзный мечъ, вчетверо изогнутый и пережженный, и тутъ же нѣсколько копій, стремена, разныя кольца и другія части оружія и сбруи, спаявшіяся въ одно и образовавшія одну массу желѣза. Во всѣхъ же другихъ курганахъ, близъ этого насыпанныхъ, оказались остовы.

Можно бы еще много привести любопытныхъ подробностей о литовскихъ могилахъ и кострищахъ; но нашею задачею было только доказать фактически, во-первыхъ, что описываемая нами область была всегда заселенною съ древнѣйшихъ временъ, и во-вторыхъ, что народъ Литовскій даже въ доисторическое время не былъ такимъ дикимъ и варварскимъ, какимъ его изобразили нѣкоторые лѣтописцы, одни вслѣдствіе предубѣжденія и невѣжества, а другіе съ затаенною злобою и завистью.

Но мы не можемъ не коснуться еще одного археологическаго вопроса. Наука давно рѣшила, что Славяне подобно другимъ Индо-Европейскимъ народамъ, а слѣдовательно и Литовцамъ, придерживались страшнаго обычая убіенія, или сожиганія женъ послѣ смерти ихъ мужа и погребенія ихъ вмѣстѣ съ останками послѣдняго. Обычай этотъ явился не въ Индіи, но уже, кажется, послѣ переселенія въ Европу. Св. Бонифацій, извѣстный просвѣтитель нѣмецкихъ племенъ (755), говоритъ опредѣлительно въ письмѣ къ Этибальду, королю англійскому, объ убіеніи женъ у Балтійскихъ Славянъ; епископъ Дитмаръ (Титмаръ) говоритъ, что этотъ обычай существовалъ у Поляковъ даже во времена Мечислава; Ибнъ-Фоцланъ описываетъ какъ очевидецъ убіеніе невольницы русскаго купца и потомъ сожженіе ея вмѣстѣ съ ея господиномъ. Массуди и другіе арабскіе хроникеры подтверждаютъ этого рода извѣстія.

Сожигали ли или убивали своихъ женъ Литовцы, археологія не открыла до сихъ поръ положительныхъ слѣдовъ. Въ курганахъ съ кострищами обыкновенно одна только урна съ пепломъ и недогорѣвшими костями; эти послѣднія большею частію до того мелки, что и самый опытный антропологъ не можетъ отличить — отъ одного или отъ нѣсколькихъ субъектовъ эти останки. Въ мѣстахъ же, гдѣ существовалъ обычай обыкновеннаго погребенія, не сожиганія, какъ мы уже замѣтили въ мѣстахъ поселенія Славянскаго племени, надъ каждымъ покойникомъ насыпанъ особый курганъ и по раскопкѣ его всегда находили одинъ только остовъ; но было нѣсколько случаевъ, когда подъ одною насыпью, въ одномъ курганѣ, почивали два остова, и въ томъ числѣ одинъ женскій, какъ можно заключить по строенію черепа, по объему таза и по украшеніямъ, при остовѣ найденнымъ. Такое одновременное погребеніе мужчины и женщины въ одной могилѣ невольно наводитъ на мысль, что и между Русскими Литовскаго Полѣсья могъ существовать обычай убіенія женъ и погребенія вмѣстѣ съ останками мужа. Такихъ случаевъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, когда въ большихъ курганахъ попадается много остововъ, потому что въ нихъ, понятно, покоятся воины, убитые въ одномъ сраженіи и одновременно погребенные.

Въ археологическихъ изысканіяхъ въ Галицкой Подоліи намъ случалось не разъ находить *по два остова* въ одномъ курганѣ, изъ коихъ одинъ былъ женскій. Но были и такіе случаи, что въ одномъ и томъ же курганѣ при остовѣ взрослаго человѣка лежалъ остовъ малолѣтняго, отъ 10 до 17-лѣтняго возраста. Не предрѣшая вопроса, для окончательнаго разъясненія котораго надобно еще много изслѣдованій, невольно однако приходитъ на мысль, что если, по сказанію Льва Діакона, съ усопшими родителями иногда предавались смерти чрезъ удушеніе и младенцы-сироты, которыхъ, слѣдуя преданію, имѣющему миѳическое основаніе, топили въ водѣ вмѣстѣ съ пѣтухами, то можно бъ предположить, что по удушеніи—не всегда же *топили*—могли *иногда* и хоронить въ одной могилѣ съ отцомъ или матерью.

Къ древнѣйшимъ поселеніямъ въ Литовскомъ Полѣсьѣ, не въ силу историческихъ данныхъ, но на основаніи археологическихъ изслѣдованій, мы относимъ мѣстности: Россіены, Кроже, Упиту, Посволь, Вилкомиръ, Уцяну—въ Ковенской губерніи; г. Вильно, Старые Троки, Керновъ, Крево, Красное, Рѣчки—въ Виленской губерніи; Гродно, Слонимъ, Мсцибовъ, Каменецъ-Литовскій, Дрогичинъ и др.—въ Гродненской губерніи. Мы еще возвратимся къ этимъ мѣстностямъ, а теперь укажемъ на болѣе значительныя городища, какъ многовѣковые памятники доисторической жизни народовъ, здѣсь обитавшихъ.

Прусское Ромове.

Въ мѣстечкахъ *Эйшишки* и *Радунь* въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи; первое изъ нихъ имѣетъ въ окружности до 4,000 квадр. саженъ, второе поменьше. Оба отлично сохранились. Въ томъ же уѣздѣ, на Шейбакъ-Полѣ, близъ имѣнія Костеневъ; городище давно уже обращено въ христіанское кладбище. Въ Вилейскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, очень много городищъ. Мы укажемъ на болѣе замѣчательныя: въ Красномъ (близъ Молодечно), вблизи м. *Курженецъ* и имѣнія *Гвленово,* вблизи имѣнія *Богданово*, въ *Рѣчкахъ.* Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, Виленской губ., вблизи деревни *Коробъ;* въ *Ольшанахъ* или въ *Гольшанахъ*, которое народъ называетъ *Господнею славою;* въ *Монтуцишкахъ;* въ *Кревѣ; Жагіянское* городище въ дер. *Щепановичи;* въ *Городзиловѣ;* въ *Лоскѣ.* Въ Трокскомъ уѣздѣ особенно любопытное по своему устройству близъ селенія *Бражола*, среди дремучаго лѣса и мн. др. Въ Ковенской и Гродненской губерніяхъ множество городищъ; но здѣсь они большею частью превращены впослѣдствіи въ замки, т. е. укрѣпленныя мѣстности. На другихъ воздвигнуты монастыри и церкви. Въ цѣлой Славянщинѣ всѣ такъ называемыя Замковыя Горы, а равно много монастырей, воздвигнутыхъ на горахъ, первоначально были городищами и доказываютъ древность поселенія. Во избѣжаніе повтореній, мы не перечисляемъ здѣсь всѣхъ подобнаго рода доисторическихъ памятниковъ, такъ какъ намъ придется говорить о нихъ при описаніи городовъ и другихъ болѣе замѣчательныхъ населенныхъ мѣстностей. Замѣтимъ только, что отъ словъ *Городыще, Городище, Гродиско, Городокъ* и т. п. сохранилось много названій городовъ, мѣстечекъ и селеній. Такъ напр. Гродно происходитъ отъ *Городенъ*, мѣста *огороженнаго*, точно также какъ въ польскомъ языкѣ *тынъ* означаетъ то же *ограду*, отсюда *Тынецъ*, *Тенчинекъ* и мн. др. Отсюда же проис-

«Писаникъ» полоцкихъ князей, находящійся на рѣкѣ Двинѣ подлѣ Дисны.

ходитъ *Городзиловъ* въ Ошмянскомъ уѣздѣ, очень много въ разныхъ мѣстахъ Литовскаго Полѣсья *Грудковъ*, несомнѣнно первоначально называвшихся *Городками; Городники* въ Ошмянскомъ уѣздѣ; *Городецъ* въ Кобрынскомъ уѣздѣ, Гродненской губ.; *Городченъ* въ Пружанскомъ.

Невозможно намъ исчислить всѣ памятники, сохранившіеся въ Литовскомъ Полѣсьѣ, особенно въ собственной Литвѣ, гдѣ язычество существовало до конца XIV столѣтія и гдѣ даже въ XVII ст. слѣды его были весьма замѣтны. Для этого пришлось бы написать цѣлую книгу; но намъ еще не разъ придется возвращаться къ этимъ завѣтнымъ памятникамъ литовской старины.

Историческихъ памятниковъ болѣе сохранилось въ Бѣлорусскихъ поселеніяхъ. Мы упомянемъ здѣсь о такъ называемыхъ *Двинскихъ камняхъ* или «Писаникахъ». Собственно эти камни относятся къ Бѣлорусскому Полѣсью, но особенно замѣчательные изъ нихъ находятся въ предѣлахъ Виленской губерніи. Въ пяти верстахъ отъ уѣзднаго города Дисны, близъ деревни Наковники, въ Двинѣ, въ самой срединѣ рѣки, лежитъ сѣраго цвѣта гранитный валунъ, длиною въ $5^1/_2$ аршинъ, въ высоту $2^7/_4$ аршина и въ окружности четырнадцать аршинъ. На немъ, какъ это видно на представляемомъ здѣсь рисункѣ, высѣченъ крестъ, поставленный на двухъ ножкахъ, въ видѣ буквы П, по сторонамъ котораго высѣченная надпись «Господи помози рабу твоему Борису». Верхняя часть креста повреждена. Въ 1818 управленіе Путей Сообщеній для очищенія фарватера предположило порохомъ взорвать большіе камни. Эта участь постигла и настоящій камень, но, къ счастію, только верхняя часть креста раздробилась въ куски, остальныя части креста и надпись уцѣлѣли. Лѣтомъ 1858 г., при весьма низкомъ уровнѣ воды, М. Ф. Кусцинскій, извѣстный бѣлорусскій археологъ, собралъ почти всѣ раздробленные куски камня, изъ коихъ можно было составить первоначальную форму креста.

Въ двухъ верстахъ отъ этого камня, въ 7 отъ Дисны, почти на срединѣ русла рѣки, лежитъ тоже *Борисовъ камень*, какъ народъ вообще называетъ эти камни, размѣрами превосходящій всѣ другіе. Высота его отъ дна равна $3^1/_2$ аршинамъ, длина $5^1/_4$ арш., окружность около 24 аршинъ. На плоской поверхности его высѣченъ шестиконечный крестъ, по обѣимъ сторонамъ котораго надпись: «Господи помози рабу своему Борису».

Наконецъ третій камень лежитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лѣваго берега Западной Двины, при впаденіи въ нее рѣчки Повяпушки. Камень этотъ меньше предъидущихъ, имѣетъ въ поперечникѣ два аршина, цвѣта краснаго. На немъ высѣченъ четырехконечный крестъ, поставленный на кругъ, съ нѣсколько расширенными концами перекладины. Надпись не прочтена.

Камни эти здѣсь не прекращаются. Они находятся въ Двинѣ еще пониже, близъ Ашерадена, въ Фридрихштадтскомъ уѣздѣ, Лифляндской губерніи. Всѣ эти камни, въ значительномъ числѣ, съ крестами, по замѣчанію д-ра Крузе въ его *Necrolivonica*, принадлежатъ, вѣроятно, къ одному времени, потому что Ашераденъ принадлежалъ къ Полоцкому княжеству.

Борисъ, князь Полоцкій, былъ сынъ Всеслава, внукъ Брячеслава, князя Полоцкаго, умершаго въ 1129 г.

Гр. Константинъ Тышкевичъ думаетъ, что эти камни были пограничными знаками. Едва ли съ этимъ можно согласиться; какъ Дисненскій уѣздъ, такъ и окрестности Ашерадена входили въ составъ Полоцкаго княжества. При Борисѣ эти камни пограничнаго значенія не могли имѣть никакого, потому что они лежали внутри страны, а не на рубежѣ. Такой же точно камень находится и въ пяти верстахъ отъ Полоцка, а также въ Могилевской губерніи, и въ Виленской, близъ м. Долгинова, въ деревнѣ *Камень*. Этотъ имѣетъ видъ самородной глыбы темнаго гранита, въ видѣ конуса; вышиною въ 5 аршинъ и два въ поперечникѣ основанія. На этомъ камнѣ изсѣченъ шестиконечный крестъ.

Изслѣдователи Двинскихъ камней не обратили вниманія на то, нѣтъ ли въ окрестностяхъ другаго русла Западной Двины; не измѣнила ли она своего теченія, что, какъ извѣстно, часто случается съ большими рѣками? Можетъ быть, въ XII ст. эти камни были положены на сушѣ

а не въ руслѣ рѣки? Извѣстно вѣдь много камней у Славянъ съ надписями и безъ надписей, имѣющихъ значеніе памятниковъ въ честь знаменитыхъ людей или славныхъ событій. Существуетъ много камней, съ которыми связаны народныя сказанія, и мы еще укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

Камень игралъ важную роль въ жизни человѣка, даже во времена его младенческаго состоянія. Едва только человѣкъ вышелъ изъ дикости, едва началось его умственное развитіе, камень является какъ бы спутникомъ его жизни. Первое оружіе—каменное. Первые памятники — каменные. Древнѣйшія гробницы — каменныя (дольмень, кромлехи, менхиры, пельвены и др.).

Въ Литвѣ и на Жмуди до сихъ поръ сохранился обычай, конечно, существующій со временъ язычества, по ручьямъ и небольшимъ рѣчкамъ класть камни, съ изсѣченными на нихъ изображеніями стопы, подковы, земледѣльческаго орудія, меча и т. п. Это надгробные памятники по умершимъ, или желаніе увѣковѣчить какое нибудь важное въ жизни крестьянина событіе. Въ Бѣлорусскихъ приходахъ, въ весьма многихъ мѣстахъ такіе же знаки вырѣзываютъ на деревѣ, которое служитъ кладкой черезъ ручей или рѣчку; мы видѣли такіе куски дерева съ изображеніемъ стопы и т. п., разбросанные среди улицы въ деревнѣ, когда проходъ по ней весною и осенью, а также въ ненастное время затруднителенъ. Проходящій и пользующійся удобствомъ переправы обязанъ за то помолиться за упокой душъ, въ память которыхъ эти памятники положены.

Въ Литовскомъ Полѣсьѣ нѣтъ почти ни одного большаго камня, который бы не имѣлъ особеннаго названія и съ которымъ не было бы связано какое либо преданіе.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ II.

НАРОДНОСТИ ЛИТОВСКАГО ПОЛѢСЬЯ И ИХЪ ЖИЗНЬ.

Литовцы, Кривичи, Бѣлоруссы, Дейновцы, Черноруссы, Поляки, Великоруссы, Татары, Караимы. Евреи, Цыгане, Нѣмцы. — Набожность Литовско-русскихъ жителей края. — Крестные ходы. — Рожденіе и крестины (литовскія парки). — Свадьба. — Похороны и поминки. — Домашній бытъ. — Жилища. — Гостепріимство. — Одежда. — Наружность. — Сельскія занятія. — Дожинки. — Корчмы и ярмарки. — Шляхта и ея околицы.

Народъ этотъ смирный, сердечный, страдавшій
И, какъ говорится, всѣ виды видавшій.
По нраву онъ мягокъ, какъ воскъ, но бѣда,
Лишь только затропутъ, обиженъ онъ будетъ, —
Того и въ могилѣ Литвинъ не забудетъ,
Но все жъ своего онъ добьется всегда.

Хоть край его бѣденъ, но не унываетъ
Народъ бережливый, народъ-скопидомъ;
Онъ денегъ на платье свое не бросаетъ,
Гроши добывая тяжелымъ трудомъ;
Онъ внѣшняго блеска не любитъ, не цѣнитъ,
Въ дѣлахъ осторожный себѣ не измѣнитъ,
Добро наживая въ родимой странѣ,
И вѣчно печется о завтрашнемъ днѣ.

В. ПОЛЬ.

Жители Гродненской губерніи.

Государственная жизнь въ Литовскомъ полѣсьѣ начинается едва съ X и даже XI вѣка. Достовѣрно однако то, что Литовцы и Бѣлоруссы сидятъ на земляхъ собственныхъ, унаслѣдованныхъ споконъ вѣка. Не смотря на то, что историческія судьбы и человѣческія страсти то скучивали ихъ въ административномъ отношеніи въ одно цѣлое, то разбивали; что распредѣленіе по уѣздамъ въ племенномъ отношеніи бывало совершенно случайное; что, казалось бы, Литовцы давно уже должны были утратить свой народный бытъ, входя въ составъ трехъ государствъ: Пруссіи, Россіи и Царства Польскаго, они, однако, пережили всѣ невзгоды и случайности, ни съ кѣмъ не слились, а оба племени Полѣсья, живя цѣлыя столѣтія въ такихъ близкихъ сношеніяхъ, сумѣли сохранить свои народности, свой языкъ, нравы и обычаи.

Къ кореннымъ жителямъ этой области слѣдуетъ также причислить и Поляковъ. Польскихъ выходцевъ, переселенцевъ изъ собственной Польши, здѣсь немного; но коль скоро многіе Бѣлоруссы и Литовцы усвоили себѣ польскую національность, польскій языкъ и во многомъ (хотя и не во всемъ) польскіе нравы и обычаи, наконецъ, коль скоро сами себя называютъ Поляками, то не только съ этнографической, но и съ нравственной точки зрѣнія мы не имѣемъ никакого права называть ихъ иначе.

Наконецъ къ кореннымъ, исконнымъ жителямъ области слѣдуетъ еще причислить незначительное число Черноруссовъ.

Статистики считаютъ еще отдѣльную вѣтвь *Малоруссовъ.* Такихъ мы не знаемъ на Литовскомъ полѣсьѣ. Могутъ быть отличія, измѣненія въ обрядности, можетъ быть отличенъ говоръ; но народъ одинъ и тотъ же — Русскій, или, какъ принято называть, Бѣлорусскій. Есть выходцы изъ южныхъ губерній, есть цѣлыя группы поселившихся здѣсь Малоруссовъ, но мы ихъ коренными жителями признавать не можемъ.

Кромѣ указанныхъ нами коренныхъ обитателей Литовскаго Полѣсья, здѣсь живутъ еще *Великоруссы, Татары, Караимы, Евреи, Цыгане* и *Нѣмцы.*

Поговоримъ о каждомъ изъ этихъ народовъ.

Литовцы изъ окрестностей Вилкоміра.

Начнемъ съ Литовцевъ. Самое трудное — провести точную линію, отдѣляющую одно племя отъ другаго.

Возьмемъ въ основаніе *языкъ*, которымъ говоритъ народъ.

Итакъ, народъ, и нынѣ говорящій литовскимъ языкомъ, заселяетъ четыреугольникъ, котораго одна сторона примыкаетъ къ Балтійскому морю, а по угламъ котораго города: Либава, Динабургъ, Гродно и Лабява (Labiau). Все это занимаетъ слѣдующіе уѣзды: Пилкаяцскій, Столупянскій, Тильжицкій, Рагнецкій, Нижній (Nehrung), Клайпедскій или Мемельскій, Гейдескругскій. Въ русскихъ же предѣлахъ Литовское племя занимаетъ слѣдующіе уѣзды: въ Сувалкской губерніи Царства Польскаго: Маріампольскій, Кальварійскій и Сейненскій; въ Ковенской губерніи: Ковенскій, Россіенскій, Тельшевскій, Шавельскій, Поневежскій, Вилкомирскій, Ново-Александровскій (б. Упитскій); въ Виленской губерніи: Виленскій, Трокскій, половину Лидскаго, часть Свенцянскаго, часть Ошмянскаго и въ Гродненской — часть Гродненскаго уѣзда. Кромѣ того, отдѣльными, небольшими поселеніями Литовцы живутъ въ Рѣжицкомъ, въ Августовскомъ, въ Вилейскомъ, Новогрудскомъ, Слонимскомъ уѣздахъ и въ восточной части Курляндіи. Незначительное число живетъ еще въ Волковыскомъ уѣздѣ.

Въ 1875 г., по Риттиху, всѣхъ Литовцевъ и Жмудиновъ въ Россіи считалось 1.452,410. Въ Пруссіи, по свѣдѣніямъ 1872 г., 139,990, или всего 1.592,400. Конечно, это число менѣе дѣйствительности, но другіе источники слишкомъ его преувеличиваютъ. Общимъ числомъ въ настоящее время населеніе Литовцевъ и Жмудиновъ можно утвердительно полагать въ два милліона душъ. Мы имѣемъ въ виду собственно народъ, говорящій литовскимъ языкомъ, не

смѣшивая его съ Леттами и Латышами, которые живутъ въ Курляндіи, въ Витебской губерніи, или въ Инфлянтахъ (т. е. въ уѣздахъ Динабургскомъ, Рѣжицкомъ, Люцинскомъ и отчасти въ Дриссенскомъ) и которыхъ языкъ хотя очень близокъ съ литовскимъ, но наукою признанъ отдѣльнымъ языкомъ.

Для полнаго уясненія мы должны провести границу, отдѣляющую собственныхъ Литовцевъ отъ Жмудиновъ, языки которыхъ составляютъ два нарѣчія, хотя и очень близкія между собою, а именно: начиная отъ Полангена, границею Курляндской губерніи до мѣстечка Жагоръ; потомъ чрезъ Шакиновъ, Куршаны, Куртовяны, Шидловъ, Таурогенъ, далѣе по Нѣману до самаго моря. Такимъ образомъ Жмудское нарѣчіе господствуетъ въ уѣздахъ Тельшевскомъ, отчасти въ Шавельскомъ и Россіенскомъ Ковенской губерніи, затѣмъ въ уѣздахъ Клайпедскомъ и Гейдескругскомъ въ Пруссіи. На этомъ пространствѣ собственно народъ говоритъ по-жмудски, а затѣмъ вся остальная часть Жмуди и собственная Литва составляютъ територію литовскаго языка.

Наконецъ мы должны еще провести границу, отдѣляющую Литовцевъ отъ Бѣлоруссовъ въ Виленской губерніи:

Взявъ въ основаніе пунктъ при впаденіи рѣки Ротничанки въ Нѣманъ, на рубежѣ Трокскаго уѣзда, провести линію вверхъ по теченію Ротничанки до деревни Лютъ, далѣе, по прямому направленію на востокъ, до деревни Кермуши; потомъ по границѣ Гродненской губерніи до озера Дупъ и деревни Романовъ или Ромуве; отсюда, по прямой линіи до впаденія рѣки Пелюсы въ озеро того же названія, при деревнѣ Дубичи, потомъ вверхъ по рѣкѣ Пелюсѣ до устья ея при имѣніи Пелюса, далѣе границею, отдѣляющею приходъ Заблоцкій отъ Радунскаго, и вверхъ по рѣкѣ Дзитвѣ до впаденія ея въ рѣку Оссовку; затѣмъ по теченію этой рѣки до деревни Подворонцовъ, а потомъ на востокъ до деревни Дайновки, лежащей на правомъ берегу рѣки Жижмы, оттуда вверхъ правымъ берегомъ Жижмы до мѣстечка Стокъ; съ этого пункта до устья рѣки Ошмянки, при имѣніи Граужишки, и по теченію этой рѣки внизъ лѣвымъ берегомъ до впаденія ея въ Вилію; отсюда лѣвымъ берегомъ послѣдней до м. Михалишекъ, потомъ до сѣвернаго берега озера Свиръ, затѣмъ на сѣверо-востокъ, вверхъ по теченію рѣки Струны и Отры, а потомъ по прямой линіи до м. Поставы; отсюда по границѣ Дисненскаго уѣзда до границы губерніи Ковенской, далѣе по этой границѣ до Нѣмана и наконецъ по теченію Нѣмана обратно до рѣки Ротничанки. Вся верхняя часть надъ этой полосой, или сѣверо-западная часть—заселена Литовцами, нижняя же часть, или юго-восточная половина губерніи — славянскими племенами.

Славянскія племена въ Виленской губерніи распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Кривичи въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ юговосточной части Ошмянскаго уѣзда и на всемъ пространствѣ за правымъ берегомъ Дзитвы.

Бѣлоруссы заселяютъ остальныя пространства Вилейскаго и Свенцянскаго уѣздовъ и Дисненскій уѣздъ.

Дейновцы заселяютъ юговосточную часть Лидскаго уѣзда, именно приходы Оссовскій, Жирмунскій, Мытлянскій и частію Лидскій. Здѣсь было Дейновское княжество, существовавшее до XIV столѣтія. Недалеко отъ Лиды есть небольшая деревня Дейново, бывшая столица княжества. Сохранился большихъ размѣровъ камень, который народъ называетъ *кобылой*, увѣряя, что на ней казнили преступниковъ.

Черноруссы живутъ въ Лидскомъ же уѣздѣ отъ озера Дупъ, по границѣ Гродненской губерніи и занимаютъ приходы Лидскій, Новогродскій и Заблоцкій. Эти Черноруссы до сихъ поръ отличаются своимъ костюмомъ, состоящимъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, изъ чернаго цвѣта. У женщинъ, за исключеніемъ одной рубашки, все черное: головной уборъ, свитка, юпка и, сверхъ того, широкое покрывало, съ головы, пониже колѣнъ, изъ чернаго толстаго холста. Мужчины носятъ черные свитки, штаны, даже шляпы.

Во всемъ остальномъ, какъ Черноруссы, такъ и Дейновцы *ничѣмъ* не отличаются отъ Бѣлоруссовъ. Точно также нѣтъ никакихъ особенныхъ отличій между Кривичами и Бѣлоруссами.

Въ Ковенской губерніи, какъ уже мы знаемъ, сплошное населеніе Литовское и Жмудское. Изъ пришельцевъ здѣсь живетъ незначительная часть *Латышей*, именно въ уѣздахъ Поневежскомъ, Шавельскомъ и Тельшевскомъ.

Въ Гродненской губерніи кореннымъ населеніемъ считается Бѣлорусское. Нѣкоторые статистики, не знаемъ ужь почему и на основаніи какихъ данныхъ, считаютъ въ Гродненской губерніи болѣе 2790 Литовцевъ. За исключеніемъ небольшаго числа въ Гродненскомъ уѣздѣ, ихъ нѣтъ здѣсь вовсе. Другіе насчитываютъ нѣкоторое число *Ятвяговъ*, показаніе тоже весьма загадочное. Несомнѣнно только то, что Ятвяги жили здѣсь, занимали нынѣшніе Бѣлостокскій, Бѣльскій и части другихъ уѣздовъ. Въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ былъ городъ *Ятвяжъ;* Дрогичинъ— тоже имъ принадлежалъ. О происхожденіи Ятвяговъ ведется довольно давно споръ. Ученый историкъ Литвы Ярошевичъ, также и Нарбуттъ признаютъ ихъ Литовцами. Д. Шульцъ причисляетъ ихъ къ древнимъ Пруссамъ. Поляки, вмѣстѣ съ цѣлою Подляхіею, какъ называлось воеводство, въ составъ котораго входили эти земли, считаютъ ихъ Поляками. Они приняли католическую вѣру около 1264 г., и тогда папа подарилъ эту землю польскому князю Болеславу. Ятвяги съ X ст. вели безпрестанныя войны съ князьями Кіевскими и Галицкими, были отчасти истреблены Монголами, но потомъ окончательно Поляками. Ятвяги перешли въ Литву и Пруссію и тамъ поселились, ихъ мѣсто заняли Поляки и Русскіе. Конечно, въ тамошнемъ населеніи сохранилась кровь Ятвяговъ; но языка литовскаго уже не существуетъ.

Поляки живутъ разсѣянно во всѣхъ трехъ губерніяхъ. Только въ Бѣлостокскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ Гродненской губерніи Поляки составляютъ сплошное населеніе и число ихъ достигаетъ до 100,000 душъ. Это переселенцы, занявшіе мѣста Ятвяговъ. Въ прочихъ мѣстахъ Поляки, землевладѣльцы и вообще дворяне, бывшіе чиновники, учителя, артисты и другія лица, преимущественно изъ привилегированныхъ сословій, живутъ по деревнямъ и въ городахъ. Къ нимъ также принадлежатъ однодворцы и граждане, происходящіе изъ польской шляхты, не доказавшіе правъ своихъ на дворянство. Въ городахъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, а равно въ мѣстечкахъ, мѣщанское христіанское сословіе принадлежитъ также къ Полякамъ, какъ усвоившее польскій языкъ и большею частью признающее себя Поляками.

Великороссіяне переселились въ эту страну еще во времена Патріарха Никона, около 1655 года, другіе со временъ *Петра В*. Они почти всѣ старообрядцы разныхъ толковъ и вполнѣ сохранили свою національность, хотя многіе хорошо говорятъ по-польски. Даже въ физическомъ отношеніи они сохранили народный типъ. Всѣ они большею частью высокаго роста, крѣпкаго сложенія, цвѣтъ лица бѣлый, волоса свѣтлые, глаза голубые, носятъ усы и бороды. Здѣшніе Великороссіяне тоже рѣзко отличаются отъ коренныхъ жителей Литовцевъ и Бѣлоруссовъ, полные, здоровые, крѣпкаго тѣлосложенія и нѣкоторые красавцы. Въ Виленской губерніи ихъ мало; только въ Вилейскомъ уѣздѣ считаютъ до 6 тысячъ. Въ Гродненской губерніи гораздо больше, особенно въ уѣздахъ Гродненскомъ, Сокольскомъ, Бѣльскомъ (около 40,000), Брестъ-Литовскомъ (около 30,000), Кобринскомъ, Волковысскомъ и Слонимскомъ. Въ Ковенской губерніи Великоруссы живутъ особой колоніей, близъ Ковно, въ Вилькомирскомъ и Ново-Александровскомъ уѣздахъ (около 20,000), въ прочихъ уѣздахъ незначительное число.

Татары переселены въ Литву великимъ княземъ Витовтомъ въ 1395 и 1398 г. изъ числа взятыхъ имъ въ плѣнъ подъ Азовомъ. Вмѣстѣ съ Татарами онъ переселилъ изъ Крыма около 400 семействъ Караимовъ. Поселеннымъ въ Литвѣ Татарамъ онъ предоставилъ права гражданства, совершенную свободу вѣроисповѣданія и образовалъ изъ нихъ колоніи въ Вильнѣ на Лукишкахъ, на берегахъ Ваки, въ Сорокъ-Татарахъ, въ Немежѣ, а также въ уѣздахъ Лидскомъ, Трокскомъ, Ошмянскомъ, Новогрудскомъ, Брестскомъ, на Волыни и въ нынѣшней

Сельская церковь на Литвѣ. Ярмарка Гродненской губ. Мельница близъ Пинска.

Паромъ на Литвѣ.

Сувалкской губерніи. Давъ имъ разныя привиллегіи и облагодѣтельствовавъ, онъ пріобрѣлъ вѣрныхъ подданныхъ. Воинственное это племя и до сихъ поръ исповѣдуетъ магометанскую вѣру и постоянно отличается преданностью законнымъ властямъ. Всѣ государи Литвы подтверждали данныя имъ Витовтомъ привиллегіи; Екатерина II въ 1794 г., между прочимъ, писала генералъ-губернатору князю Николаю Васильевичу Рѣпнину: «Не оставить безъ обезпеченія поселенныхъ въ Литовскихъ областяхъ Татаръ». Большая часть Татаръ служила въ полкахъ Литовскаго корпуса. Въ рядахъ русскаго воинства не разъ отличались литовскіе Татары. Колоніи ихъ и нынѣ заселены отставными воинами, изъ коихъ многіе въ высшихъ чинахъ и украшены орденами. Въ послѣднее только время многіе стали служить и по гражданской части. Татары всѣ вообще и до сихъ поръ пользуются правами дворянства. Замѣчательно, что они хотя сохранили восточный типъ, хотя и теперь остаются вѣрными закону Магомета, но совершенно забыли по-татарски, такъ что Алкоранъ и другія богослужебныя книги переведены на польскій языкъ. Наконецъ надобно еще замѣтить, что они всегда пользовались уваженіемъ за свои благородныя качества, честность и прямоту. Ежели были исключенія, то рѣдкія, и то въ послѣднее время. Память Витовта, какъ своего благодѣтеля, до сихъ поръ чтятъ Татары и еще въ недавнее время поминали его въ своихъ молитвахъ. Витовта они зовутъ *Ваттадъ*, кроткій, сильный, *Ватадъ* — покровитель.

Караимы — еврейскаго происхожденія и Моисеева закона, отвергающіе талмудъ и строго придерживающіеся обряда древняго Іерусалимскаго храма. Въ послѣднее время стали доказывать, что Караимы тѣ же Татары, но только древне-еврейской вѣры. Едва ли однако это можетъ быть доказано историческими фактами. Историки причисляютъ ихъ къ сектѣ Садукеевъ, что тоже едва ли основательно, потому что, какъ извѣстно, Садукеи отвергали будущую жизнь и воскресеніе мертвыхъ, Караимы же вѣрятъ въ то и другое. Непримиримая, вѣковая ненависть Караимовъ къ Евреямъ-раввинистамъ, кажется, заставила нѣкоторыхъ изъ ихъ ученыхъ даже отвергать племенное родство съ ними. Историческія изслѣдованія признаютъ основателемъ секты Караимовъ Анана бенъ-Давида въ Багдадѣ; онъ первый около 761 г. устроилъ синагогу для своихъ послѣдователей въ Іерусалимѣ. Но еще гораздо прежде произошелъ расколъ между Евреями, отвергавшими талмудъ. Ананъ успѣлъ соединить ихъ, заимствовалъ коечто изъ ученія Садукеевъ и далъ правильную организацію своей сектѣ.

Витовтъ поселилъ Караимовъ въ Трокахъ, въ Луцкѣ и въ Галичѣ (въ Восточной Галиціи), а также часть ихъ поселилась въ Поневежскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи. Они имѣютъ своихъ газзановъ, т. е. духовныхъ, главное же управленіе духовными дѣлами всѣхъ Караимовъ находится въ Крыму. Первенствующимъ духовнымъ лицомъ у Караимовъ, или *гахамомъ*, былъ недавно умершій ученый археологъ, Авраамъ Фирковичъ. Нынѣ же имѣется особый гахамъ, или глава караимскаго духовенства въ Западныхъ губерніяхъ, жительствующій въ Трокахъ. Синагога Караимовъ въ Трокахъ, хотя очень бѣдная, но устроена по образцу древняго храма въ Іерусалимѣ, съ престоломъ, въ которомъ помѣщено десять заповѣдей. Служеніе ихъ величественно: гахамъ, или главный газзанъ, въ сослуженіи двухъ другихъ, надѣваютъ ризы и бѣлые клобуки, на которыхъ вырѣзаны золотомъ извѣстные знаки, называемые шифромъ Соломона. Богослуженіе состоитъ въ чтеніи пяти книгъ Моисеевыхъ, въ проповѣди гахама, въ тихой исповѣди, причемъ всѣ падаютъ ницъ и, наконецъ, въ торжественномъ благословеніи гахама.

Какъ трокскіе, такъ и поневежскіе Караимы, до сего времени сохранили рѣзко-выдающійся восточный типъ и говорятъ по-татарски, но богослуженіе совершается на древне-еврейскомъ языкѣ. Честность ихъ, добрая нравственность извѣстны всѣмъ. Не было почти примѣра, чтобы Караимъ былъ обличенъ въ какомъ-либо уголовномъ преступленіи. Они очень любятъ свои Троки, любятъ нѣгу, праздную жизнь, занимаются ловлею знаменитой *селявы* въ трокскомъ озерѣ Гальва, главный же ихъ промыселъ огурцами, которые считаются самыми луч-

шими. Огурцы и селяву продаютъ въ Вильнѣ, а въ Трокахъ купить даже трудно. Всѣ Караимы грамотны, нѣкоторые получили университетское образованіе, нѣкоторые съ успѣхомъ занимаются науками. Примѣръ и вліяніе ученаго Авраама Фирковича, а также его зятя Гавріила Фирковича, человѣка весьма образованнаго, такъ сказать, подняли Трокскихъ и Поневежскихъ Караимовъ и заставили серьезно подумать объ образованіи и улучшеніи быта, отрѣшаясь отъ столь сродной имъ лѣни и безпечности.

На основаніи прежнихъ законовъ, въ Трокахъ воспрещено было жительство Евреямъ-раввинистамъ и только въ царствованіе Николая I они получили право здѣсь селиться.

Русскіе *Евреи* южныхъ губерній во многомъ отличаются отъ Литовскихъ. Послѣдніе принадлежатъ къ древнимъ поселенцамъ Литовскаго полѣсья. По изысканіямъ Нарбутта и увѣреніямъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ, Евреи пришли въ Литву въ первой половинѣ двѣнадцатаго сто-

Литовская еврейская корчма.

лѣтія, первоначально изъ Кіева, откуда были изгнаны за тайныя сношенія съ Греками. Въ первой половинѣ XIV столѣтія они уже имѣли въ Вильнѣ собственный гостиный дворъ. По увѣренію историка Ярошевича, въ м. Эйшишкахъ, въ Лидскомъ уѣздѣ, на еврейскомъ кладбищѣ еще въ прошломъ столѣтіи отысканъ былъ надгробный камень, на которомъ значилась надпись 1170 года. Книга могильнаго еврейскаго братства въ Вильнѣ заведена въ 1486 году; по преданію же извѣстно, что на древнемъ виленскомъ еврейскомъ кладбищѣ (за Виліею) похороненъ начальникъ всѣхъ Литовскихъ раввиновъ, или великій раввинъ Яковъ Лэви, получившій это достоинство въ 1427 году.

Извѣстно, что во время всеобщаго преслѣдованія Евреевъ въ Европѣ, Казимиръ Великій, изъ любви къ Эстеркѣ, далъ многія привиллегіи Евреямъ, во множествѣ перешедшимъ изъ Германіи и другихъ странъ въ Польшу. Пользуясь же вѣротерпимостью великаго князя Витовта, много Евреевъ переселилось изъ Польщи въ Литву.

Послѣ Казимира Великаго, Евреи въ Польшѣ подвергались разнымъ преслѣдованіямъ; въ Литвѣ же они были болѣе ограждены въ правахъ своихъ. Они сживались съ туземцами и раздѣляли общую участь. Вся ихъ сила и умѣнье заключались въ мелочной торговлѣ. Едва въ нынѣшнемъ столѣтіи число болѣе зажиточныхъ капиталистовъ стало увеличиваться, такъ что, когда въ Вильнѣ въ 1806 году считалось только 12 купцовъ изъ Евреевъ на 42 христіанъ, въ 1830 г. было ихъ уже 196 на 46 христіанъ, а затѣмъ, хотя число это уменьшается, но всегда превосходитъ купцовъ изъ христіанъ.

Въ этнографическомъ отношенiи Евреи Литовскаго полѣсья имѣютъ много общаго, какъ по характеру, душевнымъ свойствамъ и качествамъ, такъ и по нравамъ и обычаямъ, со всѣми Евреями въ Царствѣ Польскомъ и въ Россiи и даже съ германскими и австрiйскими, особенно въ земляхъ бывшаго Царства Польскаго.

Намъ однако кажется, что литовскiе Евреи лучше, благороднѣе всѣхъ другихъ. Пороки, дурныя качества выработались судьбами и вѣками, но у литовскихъ Евреевъ вы встрѣтите и такiя качества, какихъ бы вы напрасно искали у другихъ Евреевъ. Отношенiя ихъ къ мѣстному населенiю ближе, искреннѣе, нежели въ другихъ странахъ. Хорошiя, благородныя черты характера литовскихъ Евреевъ описывали знаменитѣйшiе изъ новѣйшихъ польскихъ писателей: Мицкевичъ, Крашевскiй, Корженевскiй и др. Отличительною чертою здѣшнихъ Евреевъ является любовь къ родинѣ. Мѣсто, гдѣ онъ родился, гдѣ жили и умерли его родители, дѣлается ему дорогимъ, завѣтнымъ и даже видимая польза отъ переселенiя, сулящая наживу, улучшенiе быта, не могутъ его заставить покинуть родное пепелище. Факторъ-Еврей — личность любопытная и въ своемъ родѣ замѣчательная. Конечно, мы говоримъ о времени, когда еще не существовало желѣзныхъ дорогъ, во многомъ измѣнившихъ отношенiя. Каждый заѣзжiй домъ имѣлъ своихъ привилегированныхъ факторовъ, они дѣлили между собою прiѣзжихъ, разыгрывали ихъ даже въ лотерею, т. е. каждый факторъ долженъ былъ положить извѣстную сумму за руки и потомъ бросали жребiй: счастливецъ завладѣвалъ прiѣзжимъ, а его товарищи, получивъ обратно свои деньги, раздѣляли сумму, представленную тѣмъ, на кого палъ жребiй. Факторъ дѣлался необходимымъ для прiѣзжихъ— продажа, купля, самыя интимныя дѣла и отношенiя къ разнымъ лицамъ, все это совершалось черезъ фактора. Онъ знаетъ всѣхъ и все, объяснитъ, гдѣ и когда кого можно видѣть, разскажетъ вамъ всѣ тайны и обстоятельства, васъ интересующiя, однимъ словомъ, дѣлается человѣкомъ необходимымъ и весьма полезнымъ, получая за свою усердную службу самое умѣренное вознагражденiе. Теперь, конечно, многое измѣнилось. Но едва ли измѣнились факторы въ помѣщичьихъ имѣнiяхъ. У каждаго маломальски зажиточнаго помѣщика всегда былъ факторъ, часто унаслѣдовавшiй это званiе послѣ отца, иногда даже дѣда. Въ былое время такимъ домашнимъ факторомъ являлся корчмарь, въ болѣе же зажиточныхъ домахъ почти всегда существовалъ особый факторъ. Никто насъ не уличитъ въ пристрастiи, если мы скажемъ, что большинство этого рода факторовъ—честнѣйшiе люди. Пользуясь неограниченнымъ довѣрiемъ помѣщика, онъ всегда соблюдаетъ его

Типъ полѣсскаго крестьянина.

интересы, онъ привязывается къ нему и его семейству, работаетъ безъ устали, дѣлитъ съ ними отъ искренняго сердца печаль и радость. Многіе помѣщики такому факѓору болѣе довѣряли, нежели своимъ управляющимъ и повѣреннымъ. Я зналъ одного очень умнаго помѣщика, любившаго поднимать новые вопросы, говорившаго въ глаза правду не обинуясь. Однажды, въ довольно большомъ обществѣ распространился онъ именно о деревенскихъ факторахъ, доказывая, что этотъ обычай рисуетъ помѣщиковъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ, ибо изобличаетъ ихъ лѣнь, сибаритство, отсутствіе рѣшимости и полезной дѣятельности. Много говорилъ о вредѣ сваливать всѣ свои домашнія дѣла на фактора и самому ничего не дѣлать. Говорилъ онъ такъ краснорѣчиво и убѣдительно, что почти всѣ съ нимъ должны были согласиться. Помѣщикъ жилъ въ городѣ уже дней десять. На другой день послѣ того, какъ онъ такъ горячо осуждалъ факторство, зашелъ я къ нему въ гостиницу. Вижу, въ передней сидитъ Еврей. Вотъ тебѣ на, думаю, а безъ фактора и самъ не можетъ же обойтись, ну, да это вѣдь въ городѣ.—Что у васъ дѣлаетъ этотъ Еврей? — спрашиваю. Помѣщикъ мой засмѣялся. — Да это мой факторъ изъ деревни; зажился я тутъ у васъ, да и еще придется прожить можетъ недѣли двѣ, признаться, я и соскучился безъ него, да и написалъ, чтобы онъ сюда пріѣхалъ.— А вчера-то что вы говорили? — Э, батюшка, то была теорія, а въ практикѣ совсѣмъ другое, и я вамъ скажу откровенно, безъ этого Моньки я ничего не умѣю, да и не могу сдѣлать.

Можно думать, что такіе факторы наживаются, богатѣютъ. Ничего не бывало. Онъ радъ, что прокормится съ семьей да накопитъ малую толику на черный день, но и это накопленіе чаще всего обрѣтается у того же помѣщика.

Мы знаемъ многихъ Евреевъ въ разныхъ мѣстахъ бывшей Польши и обижать ихъ не намѣрены, но такихъ Евреевъ, какъ въ Литвѣ, мы не знаемъ: они лучше, теплѣе, благороднѣе другихъ.

О торговой и промышленной дѣятельности здѣшнихъ Евреевъ будетъ сказано въ особой главѣ. Здѣсь же замѣтимъ только, что въ Литовскомъ полѣсьѣ очень много Евреевъ ремесленниковъ, тяжелымъ трудомъ добывающихъ хлѣбъ. Въ Вильнѣ въ 1858 году считалось ремесленниковъ Евреевъ 1680 человѣкъ, и въ числѣ ихъ больше всего было скорняковъ, портныхъ и мебельщиковъ.

И здѣсь вы замѣтите особенности, не всегда и не вездѣ бросающіяся въ глаза. Ремесленникъ на васъ работаетъ, положимъ портной, работаетъ десятки лѣтъ, счеты съ нимъ нескончаемые. Случаются разныя передряги, но вы знаете, что этотъ человѣкъ васъ любитъ, что онъ вамъ преданъ вполнѣ, а поскользнетесь вы, онъ готовъ даже вамъ помочь изъ послѣдняго.

Нельзя забывать, что Евреи вообще во всѣхъ провинціяхъ бывшей Польши отличались глубокимъ невѣжествомъ и фанатизмомъ, особенно принадлежащіе къ сектѣ Хассидовъ. Господствовавшіе законы, предразсудки христіанскаго населенія, нетерпимость, не давали возможности Евреямъ освободиться изъ своей замкнутости. Еще въ прошедшемъ столѣтіи на сеймѣ 1788 года предложены и одобрены были правила, которыя заключали въ себѣ зачатки новой эры для польскихъ и литовскихъ Евреевъ, открывая для нихъ болѣе широкія права, какъ въ образовательномъ, такъ и въ гражданственномъ отношеніи. Для Евреевъ открыты были всѣ вообще учебныя заведенія, обученіе же въ приходскихъ училищахъ дѣлалось обязательнымъ.

Но политическія событія и переворотъ, постигшій Польшу, не дозволили осуществить эти благія преднамѣренія. Евреи по-прежнему оставались въ своей замкнутой средѣ, подъ деспотическою властію фанатическихъ раввиновъ и корыстолюбивыхъ кагаловъ. Просвѣщеніе для нихъ было почти недоступно, въ государственномъ отношеніи они оставались паріями, не только въ гражданскомъ, но нерѣдко даже въ общечеловѣческомъ отношеніи.

Послѣ этого развѣ можно удивляться, что они любили деньги? Деньги, единственную исходную точку, чтобы жить, чтобы откупиться отъ всяческихъ преслѣдованій.

Возвращеніе со свадьбы.

И ежели въ то дикое время Евреи успѣвали сохранить добрыя отношенія съ литовскими помѣщиками, ежели ихъ связывали нерѣдко болѣе тѣсныя, почти дружескія отношенія, то это надобно отнести къ особенному умѣнью со стороны Евреевъ и гуманности ихъ.

Едва въ сороковыхъ годахъ начало улучшаться положеніе Евреевъ. Обязательная перемѣна костюма имѣла самыя благодѣтельныя послѣдствія. Подчиненіе (19 декабря 1844 г.) Евреевъ въ городахъ и уѣздахъ общему управленію, съ уничтоженіемъ еврейскихъ кагаловъ, имѣвшихъ такое гибельное вліяніе на нравственный и матеріальный бытъ Евреевъ; положеніе о Евреяхъ-земледѣльцахъ (26 декабря 1844 г.), дозволеніе (1839) возводить Евреевъ въ почетное гражданство за особенныя заслуги или за успѣхи въ наукахъ и художествахъ, а также за отличія на поприщѣ мануфактуры и торговли, дозволеніе (1840) снабжать Евреевъ дипломами на ученыя и медицинскія степени по окончаніи ими образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; наконецъ, учрежденіе въ Вильнѣ Раввинскаго училища и затѣмъ многія другія правительственныя мѣропріятія открыли Евреямъ болѣе широкій путь къ образовательной и гражданственной дѣятельности.

О замѣчательныхъ способностяхъ литовскихъ Евреевъ въ наукахъ и искусствахъ говорить нечего: они это доказали на дѣлѣ. Довольно упомянуть имя Антокольскаго, знаменитѣйшаго изъ современныхъ художниковъ. Мы уже имѣемъ нѣсколько человѣкъ, пользующихся извѣстностью въ русской литературѣ, изъ числа бывшихъ воспитанниковъ виленскаго Раввинскаго училища. Многіе съ пользою подвизаются на медицинскомъ, юридическомъ и другихъ поприщахъ.

Нельзя не упомянуть про недавно умершаго въ Вильнѣ, пользовавшагося громкою извѣстностью въ еврейскомъ мірѣ, поэта и ученаго *Адама-га-Когена*, собственно Авраама *Добъ-Беръ га-Когена Лебенсогна*, виленскаго уроженца, прославившагося своими *пѣснями священнаго языка* (Szire Sefat Kodesz) и многими другими сочиненіями, имѣвшими большой успѣхъ, особенно въ Германіи и Англіи. Лебенсогнъ былъ въ то же время и ученый филологъ. Его ученый комментарій Ветхаго Завѣта пользуется всеобщею извѣстностью. Сынъ его Михаилъ-Іосифъ Лебенсогнъ считался феноменальнымъ явленіемъ въ еврейской литературѣ; его переводы изъ Виргилія, оригинальное произведеніе *Пѣснопѣніе сіонской дщери* и другія возбудили удивленіе и общій интересъ въ средѣ занимающихся еврейскимъ языкомъ. Онъ умеръ въ 1849 году на 21 году своей жизни.

Говоря о прославившихся литовскихъ Евреяхъ, нельзя не упомянуть о *Іуделѣ Клячко*, тоже виленскомъ уроженцѣ. Іудель Клячко или Іуліанъ, усердный католикъ и польскій патріотъ, бывшій сподручникъ Бейста, пользуется большою извѣстностью въ польской и французской литературахъ.

Цыгане, послѣдніе выходцы изъ Индіи, по изысканіямъ Чацкаго, пришли въ Литву около 1500 года; послѣдующія однако изысканія Даниловича, Нарбутта и др. убѣждаютъ, что они появились здѣсь вѣроятно гораздо раньше. Въ Польшѣ они были уже въ XIII столѣтіи. Въ послѣднее время, Цыгане, какъ мы уже замѣтили, обратили на себя особенное вниманіе археологовъ, и, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что именно они еще въ доисторическое время занимались выдѣлкою бронзовыхъ издѣлій.

Насколько сохранилось преданіе о Цыганахъ въ Литовскомъ полѣсьѣ, они всегда вели кочевую, бродяжническую жизнь, подчиняясь своимъ *королямъ*, по собственному выбору. Такъ 17 августа 1780 г. король польскій Станиславъ-Августъ особымъ рескриптомъ утвердилъ главою литовскихъ Цыганъ лидскаго шляхтича Якова Знамеровскаго, избраннаго ими и величаемаго королемъ, за его храбрость и мужество, именно за то, что когда у него Цыгане украли лошадь, онъ съ двумя Цыганами напалъ на цѣлый таборъ и отколотилъ всѣхъ бывшихъ въ немъ Цыганъ. Знамеровскій властвовалъ деспотически надъ всѣми цыганскими таборами въ уѣздахъ Лидскомъ, Виленскомъ, Трокскомъ и Ковенскомъ; столицею же его было мѣстечко

Эйшишки въ Лидскомъ уѣздѣ. Въ 1789 г. вспыхнуло возстаніе Цыганъ противъ Знамеровскаго. Его обвиняли въ разныхъ злоупотребленіяхъ, несправедливыхъ приговорахъ и излишнихъ поборахъ. Собралось нѣсколько таборовъ, Знамеровскаго арестовали и предали суду старшинъ. Послѣдніе рѣшили, что надобно его *высѣчь*. Старшины однако позаботились, чтобы отъ этого наказанія достоинство народнаго главы не пострадало. Связаннаго по рукамъ и ногамъ и раздѣтаго Знамеровскаго положили въ длинный мѣшокъ, завязанный сверху, и потомъ прикрѣпили къ потолку, подставивъ подъ ноги скамейку. Исполнители приговора, съ своими *чупнами*, т. е. нагайками, стали кругомъ; одинъ же изъ нихъ мѣднымъ тазомъ прикасался къ мягкимъ частямъ тѣла, изъ предосторожности, чтобы ударъ былъ произведенъ въ опредѣленное мѣсто. Такъ отсчитали Знамеровскому сто ударовъ. Счетъ вела старѣйшая годами цыганка, сидя внутри мѣшка и натягивая его каждый разъ, чтобы ударъ былъ солиднѣе. Прежде начала

Крестный ходъ на Жмуди.

экзекуціи эта же цыганка произнесла присутствующимъ рѣчь. Когда приговоръ былъ исполненъ, Цыгане не прежде развязали своего властителя, какъ получивъ отъ него полнѣйшую амнистію. Затѣмъ выпустили его, надавали подарковъ и съ почестями проводили до его мѣста жительства. Наказаніе такъ хорошо подѣйствовало, что Знамеровскій совершенно исправился и отлично правилъ своимъ народомъ. Онъ умеръ въ 1795 г. Ему наслѣдовалъ по избранію Цыганъ тоже лидскій шляхтичъ Милосьницкій. Новые порядки въ странѣ не понравились цыганскому королю, и онъ въ 1799 г. съ своими таборами перекочевалъ въ Турцію. Въ Литвѣ осталось незначительное число Цыганъ, неимѣвшихъ уже ни установленнаго начальника, ни правильной организаціи. Отдѣльными толпами они переходятъ съ мѣста на мѣсто, воруютъ лошадей и что удастся. Въ Зельвѣ, Гродненской губерніи, во время ярмарки, и въ другихъ мѣстахъ Цыгане ведутъ торговлю лошадьми. Никакія мѣры для прочнаго водворенія ихъ на мѣстѣ жительства не имѣли до сихъ поръ никакого успѣха. Они приписаны теперь къ городскимъ и сельскимъ

обществамъ и число ихъ неизвѣстно, но оно незначительно. Въ Ковенской губерніи считаютъ до 180 человѣкъ обоего пола.

Нѣмцы первоначально выписаны въ Литву великимъ княземъ Гедиминомъ въ XIV столѣтіи. Они поселились здѣсь навсегда и давно уже потонули въ омутѣ коренной народности. Вильно въ особенности имѣетъ способность поглощать чуждыя національности. Въ третьемъ, въ четвертомъ колѣнѣ остается уже только фамилія, напоминающая нѣмецкое происхожденіе, но представители его уже ни аза не знаютъ по-нѣмецки. Какъ въ 1831, такъ и въ 1863 годахъ, нѣкоторые изъ этого рода потомковъ переселившихся сюда Нѣмцевъ, а также Итальянцевъ, принимали участіе въ возстаніяхъ, нѣкоторые казнены. Нѣмцы и вообще иностранцы въ особенности любятъ Ковенскую губернію, какъ пограничную и плодородную. Здѣсь вы найдете не только Нѣмцевъ, но также Датчанъ, Шведовъ, Бельгійцевъ и даже Англичанъ. Общее число ихъ составляетъ съ небольшимъ 15 тысячъ. Въ Виленской губерніи иностранцевъ считается 2,810 человѣкъ, но въ это число не входятъ Нѣмцы русскіе подданные. Число сихъ послѣднихъ тоже незначительно. Въ бывшей Бѣлостокской области осталось немного Прусаковъ, какъ наслѣдіе прусскаго владычества. Въ самомъ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ живетъ, хотя немного, но весьма полезныхъ нѣмцевъ-фабрикантовъ. Въ Брестъ-Литовскомъ уѣздѣ еще въ прошломъ столѣтіи Голландцы основали двѣ колоніи въ имѣніяхъ князей Радзивилловъ: Нейбровъ и Нейдорфъ.

Селеніе въ окрестностяхъ Кобрина.

Какъ въ Литвѣ, такъ въ особенности на Жмуди народъ чрезвычайно набоженъ. Вліяніе духовенства весьма сильное, и добрый пастырь можетъ всецѣло руководить своею паствою. Большая часть духовенства на Жмуди происходитъ изъ народа, что, конечно, ставитъ его въ близкія и благопріятныя къ нему отношенія. Оно знаетъ его слабости, его хорошія и дурныя качества; въ немъ не можетъ не таиться особенной любви къ народу, къ которому оно само принадлежитъ, въ средѣ котораго у него еще могутъ быть родные, друзья и товарищи дѣтства. Не смотря на такое сильное вліяніе духовенства, послѣдствіемъ котораго народная нравственность гораздо выше нежели въ другихъ областяхъ Полѣсья, мы замѣтимъ, однако, что набожность заключается только въ обрядности, которую народъ очень любитъ. Народъ усердно ходитъ въ свои костелы, при каждомъ случаѣ служитъ молебны, совершаетъ крестные ходы, ставитъ во множествѣ на поляхъ, при дорогахъ, особенно перекресткахъ кресты съ распятіями, фигуры святыхъ, столбы съ маленькими клѣточками, въ которыхъ помѣщаетъ лѣпныя изображенія Богоматери, какъ это видимъ на прилагаемомъ рисункѣ, эти кресты и фигуры украшаетъ ленточками, цвѣтами и т. д.; но этимъ почти и ограничиваются его религіозныя понятія. Вотъ почему эта набожность, которой суть заключается для него только въ обрядности, нисколько не препятствуетъ ему въ то же время соблюдать завѣщанные отъ прадѣдовъ разные обычаи, вѣрить въ предразсудки, которыхъ начала надобно искать еще въ язычествѣ.

Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, его обмываютъ самою холодною водою. Это значитъ *обмываніе потомъ Лаумы*. На крестины друзья и родные по обыкновенію приносятъ съ собою что нибудь съѣдомое и водку; въ числѣ приношеній главную роль играютъ *яйца*, хозяйка же непремѣнно жаритъ въ этотъ день яичницу. При всѣхъ обрядахъ у Литовцевъ, какъ и у всѣхъ Индо-Европейскихъ народовъ, *яйцо* было необходимою принадлежностью.

До истеченія года со времени рожденія, ребенокъ остается безъ рубашки, окутываемый кусками холстины. По этому случаю существуетъ поговорка: «довольно еще ему будетъ времени свой *вѣкъ* износить». Выраженіе аллегорическое изъ эпохи язычества, теперь, конечно, многими повторяемое безсознательно.

У Литовцевъ было семь богинь *(Dejwos Walditojes)*, имѣвшихъ совершенно такое же значеніе, какъ извѣстныя три греческія *Парки*. Этимъ богинямъ посвящались груды камней, складываемыхъ на берегахъ рѣкъ, которыя и теперь еще можно видѣть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ уѣздахъ Шавельскомъ, Тельшевскомъ и Вилкомирскомъ. Первая изъ нихъ *Werpantiey* была пряхой; она пряла нить жизни человѣка. Вторая, *Metantiey* вила нити. Третья, *Audietoy*, ткала холстъ. Четвертая, *Gadiutoy*, очаровывала своихъ подругъ прибаутками, разсказами, смѣшила, шалила, чтобы отвлечь ихъ отъ работы и испортить тканье, а слѣдовательно испортить и жизнь человѣка, для котораго предназначался холстъ, т. е. чью жизнь пряла богиня. Пятая, *Sargietoy*, была добрымъ геніемъ и вела постоянную борьбу съ предъидущею, чтобы не допустить ее вредить человѣку. Счастливъ былъ тотъ, надъ холстомъ котораго бодрствовала эта богиня. Шестая, *Nukirptoy*, подобно греческой Антропосъ, отрѣзывала нить жизни. Наконецъ седьмая, *Yszkaletoy,* мыла отрѣзанный холстъ и передавала верховному божеству. Изъ этого-то холста шили рубашку, предназначавшуюся для умершаго, которую онъ и надѣвалъ на томъ свѣтѣ. Весь этотъ разсказъ Юцевичъ слышалъ въ наше время изъ устъ народа, и теперь почитающаго помянутые камни священными.

Обряды сватовства, сговора и самой свадьбы замѣчательны своей простотою и пѣснями, изъ которыхъ иныя не лишены поэзіи. Обряды эти во многомъ уже схожи съ бѣлорусскими.

У Литовцевъ, также какъ и у Бѣлоруссовъ, когда молодцу приглянулась дѣвушка и когда со стороны его родителей послѣдуетъ на это согласіе, посылаютъ въ домъ родителей дѣвушки офиціальнаго свата, который ведетъ такую заученную и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ однообразно повторяемую рѣчь: «У стараго Жвирблиса изъ Бутеновъ есть молодой голубь, какъ мѣсяцъ ясный; но вотъ бѣда, нѣтъ для него голубицы. А какой голубь, какой голубь! За горами, за морями, говорили намъ, что у васъ есть голубица. Такъ нельзя ли бы соединить этихъ голубковъ? Сколько бы отъ нихъ произошло голубочковъ, бѣлыхъ, золотыхъ, алмазныхъ!»

На такое воззваніе родители дѣвушки, если не хотятъ этого замужства, отвѣчаютъ кратко: «нѣтъ у насъ такой голубки.» Въ противномъ же случаѣ, т. е. если согласны, говорятъ: «хорошо, да благословитъ Господь!» — Этимъ судьба дѣвушки считается уже рѣшенною.

Наканунѣ бракосочетанія молодой даритъ невѣстѣ башмаки. Отецъ молодой послѣ угощенія, въ присутствіи всѣхъ собравшихся родныхъ и сосѣдей, объявляетъ, какое за дочерью даетъ приданое, причемъ онъ наливаетъ деревянный кувшинъ пивомъ и пьетъ къ молодому; послѣдній кланяется ему въ ноги, пьетъ къ одному изъ старшихъ въ семействѣ или изъ числа гостей, а тотъ передаетъ кувшинъ слѣдующему. Это круговое питье изъ одного кувшина служитъ порукою въ исполненіи данныхъ обѣщаній съ обѣихъ сторонъ, и если, впослѣдствіи, та или другая сторона не исполнитъ уговора, Литовцы говорятъ: «мы съ нимъ опорожнили кувшинъ, а онъ не исполнилъ священной для честнаго человѣка клятвы.»

Пиво въ общемъ употребленіи на Жмуди. Его приготовляютъ дома въ особыхъ сосудахъ, что со введеніемъ акцизной системы, конечно, строго преслѣдуется. Пиво, древній *алусъ*, считается самымъ здоровымъ питьемъ, освященнымъ преданіями старины. *Пивомъ* недаромъ даютъ взаимную клятву въ исполненіи предбрачныхъ условій.

На свадьбу молодой пріѣзжаетъ съ друзьями, составляющими его свиту, съ сватомъ, именуемымъ уже маршаломъ, сначала въ домъ невѣсты, гдѣ ихъ сначала не пускаютъ и послѣ зарядныхъ продолжительныхъ объясненій отворяютъ двери. Когда молодые ѣдутъ въ костелъ и потомъ возвращаются, ихъ сопровождаютъ сватъ, или маршалъ, а также дружка верхомъ и стрѣляютъ на пути изъ пистолетовъ, причемъ поютъ разныя пѣсни. Послѣ бракосочетанія мо-

лодые возвращаются отдѣльно къ своимъ родителямъ, и потомъ уже молодой является съ своими ассистентами въ домъ молодой.

Обряды общіе съ бѣлорусскими распространены у Литовцевъ и даже Жмудиновъ почти повсемѣстно. Появляется даже бѣлорусскій *коровай.* Мы поговоримъ объ этихъ обрядахъ подробнѣе при описаніи Бѣлорусской свадьбы.

Лѣтописецъ Стрыйковскій оставилъ намъ любопытное описаніе погребальныхъ обрядовъ у Литовцевъ. Стрыйковскій жилъ на Жмуди во второй половинѣ XVI столѣтія, и хотя обряды, которые онъ описываетъ, относятся къ прошлому времени, и которыхъ онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ тѣмъ не менѣе сопоставленіе этихъ обрядовъ, съ особенностями, и нынѣ существующими, несомнѣнно языческаго происхожденія, можетъ до нѣкоторой степени уяснить намъ значеніе сихъ послѣднихъ.

По странному понятію языческихъ Литовцевъ, человѣкъ и послѣ смерти оставался въ такомъ же состояніи, въ какомъ находился при жизни. Вельможа, простолюдинъ или воинъ оставались и послѣ смерти тѣмъ же. Но чтобы достигнуть полнаго блаженства, требовалось, чтобы на землѣ, по смерти, родственниками почившаго исполнены были разные обряды.

Литовецъ, предвидя близкую кончину, приказывалъ заготовить бочку или двѣ алуса (пива) и приглашалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Съ ними онъ прощался и просилъ прощенія, если кого обидѣлъ. Тотчасъ послѣ смерти тѣло его обмывали въ банѣ, одѣвали въ длинную бѣлую рубаху и сажали на стулъ. Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ съ бокаломъ въ рукѣ, обращался къ покойнику съ рѣчью: «Пью къ тебѣ, милый другъ! Зачѣмъ ты насъ оставилъ? Вѣдь у тебя была прекрасная жена, дѣти, скотъ, друзья и всего обиліе.» — Спустя нѣкоторое время, опять пили, прощаясь съ покойникомъ и прося его, чтобы онъ кланялся на томъ свѣтѣ ихъ роднымъ и жилъ съ ними дружно.

Покойника одѣвали въ лучшее его платье, препоясывали мечъ или сѣкиру, вокругъ шеи обвязывали полотенце, въ которое завертывали нѣсколько монетъ, въ могилу ставили хлѣбъ съ солью и пиво.

Когда умиралъ князь или вообще знатный человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ сожигали его слугъ, служительницъ (невольницъ), одежду, драгоцѣнности, лошадей, борзыхъ собакъ, лукъ, колчанъ, саблю и другія вещи, особенно любимыя покойникомъ при жизни. На кострѣ сожигали также рысьи и медвѣжьи когти. Эти послѣдніе должны были облегчить путь покойнику на высокую гору, на которой верховное божество будетъ судить хорошія и злыя дѣянія каждаго человѣка. Съ ремесленниками и поселянами сожигали тѣ предметы, которые они употребляли при жизни. Женщинамъ клали въ могилу иглы и нитки. Когда умершую женщину везли на костеръ, ея друзья и знакомые, махая ножами въ воздухѣ, громко кричали: «разступитесь, бѣжите злые духи!» О сожиганіи, конечно, Стрыйковскій передаетъ слышанное имъ изъ прежнихъ обычаевъ.

Стрыйковскій говоритъ также, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ въ Лифляндіи, какъ во время погребенія играли на трубахъ и пѣли: «иди съ этого свѣта въ міръ вѣчнаго блаженства, гдѣ тебя уже не въ силахъ обидѣть Нѣмецъ или Русинъ!»

Поминки по умершимъ совершались въ октябрѣ, чаще съ 1-го ноября (день всѣхъ Святыхъ). Послѣднія назывались *Илги* (Ilgi). Хотя въ измѣненномъ видѣ, эти Илги и до сихъ поръ продолжаются. Поминки, кромѣ заупокойнаго служенія, причитаній на могилѣ, сопровождались ѣдою и попойкою.

Въ нынѣшнихъ обрядахъ, какъ при похоронахъ, такъ и поминкахъ, не смотря на христіанскую обстановку, и до сихъ поръ много сохранилось языческаго. Какъ только больной начинаетъ кончаться, изъ избы выносятъ всѣ сѣмена, *потому что они не взойдутъ, оставаясь въ той же избѣ, гдѣ покойникъ.* Если предсмертныя страданія продолжительны, изъ-подъ головы его вынимаютъ подушку, а въ потолкѣ надъ нимъ дѣлаютъ небольшое отверстіе, *чтобы душа свободнѣе могла улетѣть.* У Литовцевъ Сувалкской губерніи, умирающаго кладутъ на полъ.

Тотчасъ послѣ смерти, покойному закрываютъ глаза, *чтобы онъ не заманивалъ другихъ на тотъ свѣтъ.*

Гостепріимство Литовцевъ извѣстно съ древнѣйшихъ временъ. Оно и теперь у нихъ сохраняется, особенно на Жмуди, гдѣ народъ зажиточнѣе. Если проѣзжему случится ночевать въ деревнѣ, онъ никогда не останавливается въ корчмѣ, но заѣзжаетъ къ знакомому крестьянину, и тотъ принимаетъ его съ особенною радостью. Гость въ домѣ — Богъ въ домѣ, говорятъ Литовцы. Хозяйка прежде всего озаботится, чтобы накормить путника: на столѣ является жмудскій крупникъ, т. е. крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ водки съ медомъ, съ примѣсью разныхъ кореньевъ, молоко, яичница, жареная курица, пиво. Ежели гость лицо почетное, особенно ежели ксендзъ, у нѣкоторыхъ пограничныхъ крестьянъ найдется и чай съ ромомъ, бутылка

Жатва въ Литвѣ.

хорошаго портера или вина. Не отвѣдать каждаго блюда значило бы обидѣть хозяйку. Спать уложатъ гостя въ особой чистой свѣтлицѣ, накладутъ ему пуховиковъ и подушекъ, бѣлье тонкое и чистое. Когда гость уже уляжется, хозяйка является къ нему съ подносомъ, предлагая выпить еще хоть рюмочку на сонъ грядущій. Все это дѣлается отъ души, искренно.

Мы говорили исключительно о жмудскихъ крестьянахъ и въ особенности пограничныхъ. Въ собственной Литвѣ, а также въ Бѣлорусскихъ приходахъ крестьяне не менѣе радушны, но они гораздо бѣднѣе Жмудиновъ.

Изъ всѣхъ сельскихъ занятій жатва — самое уважаемое и любимое. На жатву всѣ спѣшатъ охотно, а по ея окончаніи, не только крупные землевладѣльцы, но и болѣе зажиточные крестьяне совершаютъ *дожинки,* почти одинаково, какъ у Литовцевъ, такъ и Бѣлоруссовъ. Обыкновенно выбираютъ самую красивую дѣвушку, которая съ ассистентками и со всѣми жницами отправляется съ пѣснями въ господскій домъ и вручаетъ владѣльцу вѣнокъ изъ ржи. Послѣдній даритъ дѣвушку и приглашаетъ всѣхъ собравшихся повеселиться. Иногда, кромѣ обычныхъ пѣсенъ, старѣйшій изъ крестьянъ говоритъ владѣльцу привѣтственную рѣчь, въ которой при-

Въ литовской корчмѣ въ праздничный день

несенный вѣнокъ называетъ не золотымъ, не серебрянымъ, но изъ алмазныхъ колосьевъ. Послѣ угощенія, въ которомъ, конечно, водка играетъ главную роль, является деревенская музыка, зажигаются костры, пѣсни и пляски продолжаются до глубокой ночи.

Одежда мужчинъ, какъ у Литовцевъ, такъ и у Бѣлоруссовъ почти одинаковая. Сверхъ рубахи носятъ короткія свитки изъ бѣлаго холста, осенью же и зимою *сѣрмяги* изъ сѣраго сукна и полушубокъ, кто побогаче *кожухъ* (тулупъ) ниже колѣнъ. Шапки весьма различны; одни носятъ съ длинными ушами, подбитыя овчинами, покрытыя сукномъ; другіе—обыкновенныя фуражки съ козырьками. Лѣтомъ многіе носятъ соломенныя шляпы домашняго издѣлія. Литовцы подпоясываются ремнемъ, а Бѣлоруссы кушакомъ. На ногахъ—зажиточные носятъ сапоги, кто побѣднѣе—лапти изъ липовой коры, или изъ лозы, прикрѣпленные лыкомъ. Живущіе поближе къ городамъ носятъ длинные камзолы изъ синяго сукна, съ металлическими пуговицами, съ стоячимъ воротникомъ. Многіе носятъ на шеѣ платки яркаго цвѣта.

Женщины сверхъ рубахи носятъ юпку, передникъ, корсетъ съ прорѣзомъ на груди, свитку или катанку изъ сукна. Цвѣта обыкновенно самые яркіе. На Жмуди женщины одѣваются богаче, употребляя иногда шелкъ и бархатъ. На головѣ замужнія носятъ *капторы*, другія платки. У дѣвушекъ изъ-подъ платка спадаютъ двѣ сплетенныя косы съ ленточками на концахъ. Въ большіе праздники, а также на свадьбахъ или крестинахъ, дѣвушки являются иногда безъ платка, въ однихъ волосахъ, украшенныхъ цвѣтами. На Жмуди, особенно въ окрестностяхъ рѣки Свентой, какъ мужчины, такъ и женщины сверхъ платья надѣваютъ бѣлый холстяной плащъ.

Литовцы, съ рѣдкими исключеніями, имѣютъ волоса бѣлокурые, въ юности совершенно бѣлые, доходящіе почти до цвѣта жемчуга; въ среднемъ возрастѣ и въ старости, волоса темнѣютъ, но никогда не переходятъ въ рыжій цвѣтъ. Глаза у большинства голубые. Носъ большею частью античный, въ прямой линіи съ челомъ. Лицо и тѣло цвѣта совершенно бѣлаго. Вообще настоящій Литовецъ физіономіею разнится отъ Бѣлорусса, у котораго черты болѣе мужественныя, волоса большею частью темнаго цвѣта, также и глаза. Женщины Литовскія отличаются пріятною наружностью. По берегамъ Нѣмана, Виліи, въ Трокскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ Стоклишекъ, Бирштанъ, Езна, Литовки славятся своею красотою. Правильныя черты лица, голубые глаза, бѣлокурые волосы, гибкій станъ отличаютъ ихъ отъ бѣлорусскихъ женщинъ, хотя между послѣдними тоже много красавицъ.

Какъ Литовцы, такъ и Бѣлоруссы вообще роста средняго, отъ 2 арш. 3 верш., до 2 арш. 7 верш., но бываютъ до 10 и даже до 14. Особенно рослы на берегахъ Нѣмана и Виліи. Меньше другихъ ростомъ въ Поневежскомъ уѣздѣ, Ковенской губерніи.

Литовцы, также какъ и Бѣлоруссы, бороду и усы брѣютъ, хотя въ послѣдніе годы многіе уже стали отращивать усы. Волосы на головѣ носятъ длинные съ раздѣломъ поближе къ правому виску.

Какъ Литовцы, такъ и Бѣлоруссы любятъ пѣсни и пляски. Ими сопровождаются всѣ торжественные случаи въ жизни, всѣ праздничные дни. Корчма и ярмарки въ мѣстечкахъ составляютъ для нихъ клубы и рауты, и къ несчастію, водка играетъ здѣсь важную роль, хотя общества трезвости, съ такимъ успѣхомъ дѣйствовавшія въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, имѣли значительное вліяніе на общественную нравственность.

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ Литовскаго Полѣсья есть такъ-называемыя шляхетскія околицы, въ которыхъ живутъ однодворцы, т. е. лица недоказавшія своихъ правъ на дворянское происхожденіе. Обломки прежняго шляхетскаго значенія, праздной и буйной жизни, сторонники и ревнители того или другаго вельможи, съ которымъ ѣздили на сеймъ и сеймики, на счетъ котораго жили и кутили, и теперь еще представляютъ много любопытнаго и типичнаго. Одни живутъ на собственныхъ крошечныхъ участкахъ земли, другіе поселены на казенныхъ или владѣльческихъ земляхъ. Плохая избенка, такіе же, большею частью, какъ и у крестьянъ лапти, изъ такого же домашней выдѣлки сукна одежда, но сшитая иначе, съ высокимъ стоячимъ ворот-

никомъ, съ разными тесемками, шнурками и пуговками и называемая *капота*, въ отличіе отъ сѣрмяги; жизнь бѣдная, трудовая, — и не смотря на это до сихъ поръ не исчезнувшій шляхетскій *animusz* (задоръ), у другихъ шляхетская *buta* (чванство). Бывшій шляхтичъ не станетъ родниться или брататься съ крестьяниномъ; онъ нерѣдко полуграмотенъ, но помнитъ преданія и родословную своей фамиліи, гордится своими предками. И въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ однодворцевъ, а также гражданъ (той же шляхты, приписанной къ городскимъ обществамъ, но неназывающихся мѣщанами) есть и такіе, у которыхъ цѣлые сундуки завалены старинными граматами, привиллегіями и разными документами, доказывающими не только ихъ дворянское происхожденіе, но даже значительную роль, которою разъигрывали ихъ предки въ былое время. 17 мая 1843 г. учреждена была въ Вильнѣ Центральная Ревизіонная Коммиссія по дѣламъ о дворянскомъ происхожденіи для губерній: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, подъ предсѣдательствомъ бывшаго ковенскаго губернскаго предводителя дворянства, каммергера графа Забеллы. Въ эту-то коммиссію шляхта обязана была представить доказательства на свое дворянское происхожденіе. У большинства не было никакихъ документовъ, другіе хотя и имѣли, но не въ состояніи были нести неизбѣжныхъ издержекъ, сопряженныхъ съ поискиваніемъ правъ дворянства. Тогда-то десятки тысячъ бывшей шляхты записаны въ граждане и однодворцы.

Есть околицы, въ которыхъ почти всѣ живущіе носятъ одну и ту же фамилію. Такъ напр., въ Свенцянскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, есть мѣстечко Свиръ, нѣкогда столица князей Свирскихъ. Кажется, послѣдній въ родѣ, настоящій князь Свирскій умеръ въ нищетѣ лѣтъ тридцать тому назадъ. Онъ хранилъ какъ зеницу ока свои граматы и привиллегіи. Въ этомъ-то Свирѣ много шляхты, называющейся Свирскими, нѣкоторые утвержденные въ дворянствѣ, кажется съ княжескимъ титуломъ. Крестьяне не долюбливаютъ околичную шляхту и подтруниваютъ надъ нею. Въ окрестностяхъ Свира сложилась даже пѣсенка, начинающаяся словами:

„Шуми, гудзи диброва —
Ѣдзѣ князь по дрова!"

Большая часть мелкой шляхты, особенно въ Гродненской губерніи, переселена сюда изъ царства Польскаго послѣ Люблинской Уніи. Живя въ замкнутой средѣ и не роднясь съ другими сословіями, шляхта сохранила свой первобытный типъ, рѣзко отличающій ее отъ туземцевъ. Нѣкоторыя шляхтянки очень красивы. Онѣ стараются наряжаться хотя и бѣдно, но довольно прилично, съ нѣкоторыми затѣями, что однако имъ не мѣшаетъ расхаживать босикомъ, надѣвая башмаки, также какъ и крестьянки, только тогда, когда подойдутъ къ костелу.

А. К. Киркоръ.

Нищій.

ОЧЕРКЪ III.

ЛИТОВСКІЙ ЯЗЫКЪ И ЛИТОВСКАЯ МИѲОЛОГІЯ.

Самобытность литовскаго языка, границы его распространенія, его нарѣчія и говоры; мнѣнія ученыхъ о литовскомъ языкѣ. — Письменные памятники языка. — Древняя миѳологія Литовцевъ. — Перкунъ. — Криве-Кривейте. — Долина Свинторога и храмъ Перкуна въ Вильнѣ. — Зничъ или Зинчъ. — Идолы. — Остатки язычества. — Миѳологическія преданія: Лаума и Мейтусъ; Лайма; моровая дѣва Каралуни; Дзивсвитсъ; королева Юрата и ея чертоги; морскія нимфы—Чельтице, Ундины и Гуделки. — Правила, завѣщанныя мудрецомъ Ишминтасомъ. — Законы завѣщанные Вайдевутомъ и Брутеномъ. — Суевѣрія и предразсудки. — Козы въ Гнездиловѣ. — Идолъ и чаровники въ Половѣ.

Мѣсяцъ женился на солнцѣ,
То была первая весна.
Солнце встало очень рано,
Мѣсяцъ устыдясь сокрылся,
Мѣсяцъ блуждалъ одинъ:
Онъ влюбился въ денницу.
И разсердился Перкунъ —
И разсѣкъ его мечемъ.
— Зачѣмъ ты измѣнилъ солнцу?
Зачѣмъ влюбился въ денницу?
Зачѣмъ таскаешься по ночамъ?

(Древнѣйшая изъ литовскихъ пѣсенъ).

Рѣшено ли наукою окончательно, что языкъ литовскій коренной, самобытный? Кажется, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Покрайней мѣрѣ съ этимъ согласны знаменитѣйшіе ученые лингвисты. Мы приведемъ здѣсь мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, пользующихся авторитетомъ. Дубровскій говоритъ, что языкъ литовскій ближе всѣхъ къ славянскому и долженъ занимать мѣсто между латинскимъ и славянскимъ. Мнѣніе Дубровскаго раздѣляютъ Раскъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ.

Тунманнъ говоритъ, что Литовцы находятся въ такомъ близкомъ отношеніи къ Славянамъ, что ихъ можно считать отраслью славянскаго племени, отпавшею отъ него въ первые вѣка нашей эры.

Того же мнѣнія были Аделунгъ, Антонъ, Кеппенъ, Линде.

Шафарикъ полагаетъ, что народы Литовскій и Славянскій въ доисторическіе времена составляли двѣ отрасли одного племени; но въ историческую эпоху такъ между собою раздѣлились, что теперь должно ихъ принимать за два племени различныя, хотя между всѣми индо-европейскими племенами самыя родственныя.

Соловьевъ говоритъ, что, напротивъ, въ до-историческое время Славяне и Литовцы принадлежали къ двумъ различнымъ племенамъ; но въ историческую эпоху такъ между собою сблизились, что изъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ являются самыми родственными.

Боппъ, причисляя Литовцевъ къ семьѣ арійскихъ народовъ, опредѣлилъ для нихъ мѣсто между Германцами и Славянами.

Гриммъ Литовцевъ считаетъ пятымъ народомъ въ семьѣ индо-европейскихъ народовъ. Исторія почти умалчиваетъ объ этомъ народѣ, говоритъ онъ; но зато почтенный языкъ этого народа лучшее свидѣтельство его далекаго прошлаго.

Гриммъ высказалъ мнѣніе, что литовскій языкъ ближе всѣхъ къ санскриту и имѣетъ много родственнаго съ славянскимъ и нѣмецкимъ.

Поттъ, не раздѣляя убѣжденій своихъ предшественниковъ (Тунманна, Аделунга и др.), будтобы языкъ литовскій былъ только отраслью славянскаго, положительно утверждаетъ, что этотъ языкъ первобытный, арійскій, а его формы старше всѣхъ нынѣ существующихъ индо-европейскихъ языковъ.

Ученый Микуцкій того мнѣнія, что изъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ, литовскій сохранилъ наиболѣе словъ и грамматическихъ формъ, относящихся къ глубочайшей древности, и что въ этомъ отношеніи онъ богаче всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ славянскихъ нарѣчій.

Послѣднее, самое знаменательное слово принадлежитъ Шлейхеру. По его опредѣленію литовскій языкъ, вмѣстѣ съ языками нѣмецкимъ и славянскимъ, составляетъ отрасль сѣверно-европейскую общей вѣтви индо-европейскихъ языковъ. Близкія узы родства связываютъ его съ языкомъ славянскимъ, съ которымъ у него много общаго, какъ по богатству словъ, такъ и въ грамматическомъ строѣ. Въ отношеніи системы звуковъ онъ превосходитъ не только славянскій, но даже всѣ существующіе аріо-европейскіе языки, и въ этомъ заключается его значеніе для сравнительной грамматики.

Литовскій языкъ раздѣляется на слѣдующія нарѣчія: *прусское*, вымершее еще въ XVII ст. Оно было въ употребленіи на балтійскомъ поморьѣ между Нѣманомъ и Вислою и поддалось общей германизаціи.

2) *Латышское,* употребляемое въ Курляндіи и въ Инфлянтахъ. Отношеніе его къ литовскому языку такое, какъ напр. итальянскаго языка къ латинскому, и потому нѣкоторые нарѣчіе это считаютъ особымъ языкомъ.

и 3) *Литовское*, подраздѣляемое на два главные говоры: *литовскій* и *жмудскій.*

Литовскій языкъ богатъ, звученъ, способенъ къ метрическимъ стихамъ. Въ старинное время литовскіе барды воспѣвали на немъ подвиги своихъ вождей, отраженіе кровавыхъ набѣговъ враговъ; изъ рода въ родъ передавали дѣянія своихъ предковъ. Жрецы воспѣвали славу своихъ боговъ; странствующіе нищіе, гадатели, даже дѣвицы слагали новыя пѣсни, или изучали старыя и пѣли при всякомъ случаѣ. Труды и игры, религіозные обряды и воинскіе набѣги сопровождались пѣніемъ. Пѣсни эти, вѣрный отпечатокъ нравовъ, обычаевъ и самаго характера, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошли и до нашихъ временъ. И теперь берега Нѣмана и Виліи, многочисленныхъ озеръ, древніе городища, могильные курганы, дубовыя рощи, дремучіе лѣса нерѣдко оглашаются звуками литовскихъ пѣсенъ, въ которыхъ слышится завѣтная старина, иногда упоминаются древніе идолы, живо рисуются нравы, обычаи, обрядность народа, бѣднаго исторіею, но богатаго своими многовѣковыми преданіями, древностію своего языка.

Слѣдовъ письменности прошлыхъ вѣковъ литовскаго народа почти нѣтъ. Полагаютъ, что Литовцамъ извѣстны были письмена руническія. Такія письмена даже открыты, но подлинность ихъ не удостовѣрена. До XIV столѣтія языкъ литовскій несомнѣнно былъ письменнымъ; но потомъ, когда Литва такъ широко раздвинула свои предѣлы, когда Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ сумѣли образовать могучее государство изъ русскихъ удѣльныхъ княжествъ, когда и первопрестольный Кіевъ призналъ надъ собою власть литовскаго князя, именовавшагося уже литовско-русскимъ великимъ княземъ, собственная Литва, составляя незначительную часть въ составѣ княжествъ и областей, одному князю подвластныхъ, не могла развить свой языкъ.

Языкомъ оффиціальнымъ, на которомъ писались граматы и привиллегіи, сталъ уже русскій. Литовскій языкъ былъ попрежнему языкомъ народнымъ, домашняго быта, духовной рѣчи, даже придворнымъ, но письменность его упала. Мы укажемъ здѣсь на письменные памятники, дошедшіе до насъ.

Лѣтописецъ Альбертъ (Alberti chronicon, p. 527) говоритъ, что Вильгельмъ, епископъ моденскій, находясь въ Пруссіи и изучивъ литовскій языкъ, перевелъ на оный извѣстную грамматику Доната около 1223 года. Но только мы и знаемъ объ этомъ переводѣ.

Первою печатною книгою на литовскомъ языкѣ считается *Катехизисъ*, изданный въ Кенигсбергѣ въ 1547 году. Полагаютъ, что авторомъ былъ Мосвидіусъ. Новый Завѣтъ переведенъ на литовскій языкъ Яномъ Бреткуномъ и напечатанъ въ 1576 г., полное же священное писаніе напечатано въ 1590 г. Изданія эти повторялись многократно. Въ 1561 г. въ Кенигсбергѣ напечатанъ *Enchiridion M. Lutheri*. Первый польско латинско-литовскій словарь составленъ іезуитомъ Константиномъ Ширвидомъ и напечатанъ въ Вильнѣ въ 1629 г.

Знаменитѣйшимъ литовскимъ поэтомъ считается и до сихъ поръ Христіанъ Доналейтисъ, умершій въ 1780 г.; его поэма *Четыре времени года* живыми красками изображаетъ домашній бытъ народа. Она переведена д-ромъ Л. І. фонъ Реза на нѣмецкій языкъ и издана вмѣстѣ съ подлинникомъ въ Кенигсбергѣ въ 1818 году. Въ 1865 г. Академія Наукъ издала сочиненія Доналейтиса подъ редакціею и съ примѣчаніями Шлейхера. Потомъ Нессельманъ издалъ ихъ въ Кенигсбергѣ въ 1869 г.

Еще въ 1713 г. іезуиты издали литовскую грамматику. Въ новѣйшее время изданы грамматики Гаака, Юшкевича, Клейна, Коссаковскаго, Куршата, Остермейера, Мельцка, Ругига, Шульце, Шлейхера, Сапугна. Марцинскій по-литовски написалъ польскую грамматику. Извѣстна также сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ Шерцля.

Кромѣ словаря Ширвида еще извѣстны словари Милка, Гаака; замѣчательнѣйшими считаются литовско нѣмецкій Нессельмана и нѣмецко-литовскій Куршата. Императрица Екатерина II въ сравнительномъ словарѣ включила также много литовскихъ словъ.

Къ замѣчательнымъ сочиненіямъ о литовскомъ языкѣ принадлежитъ Шлейхера *Lithuanica* въ двухъ частяхъ.

Д-ръ Реза издалъ литовскія народныя пѣсни. Ксендзъ Станевичъ писалъ литовскія остроумныя басни.

Мы видимъ, что главная дѣятельность по литовской литературѣ принадлежитъ Пруссакамъ. На Литовскомъ же Полѣсьѣ извѣстны литовскіе писатели — епископы жмудскіе, князь I. А. Гедройць и Волончевскій (послѣдній много содѣйствовалъ распространенію просвѣщенія въ народѣ); С. Довконтъ, Дроздовскій, Незабитовскій, Гойлевичъ, Юшкевичъ и др. Литовскія народныя пѣсни Юшкевича съ переводомъ на русскій языкъ, изданы Академіемъ Наукъ въ 1867 г. Сохранилось много рукописей, до сихъ поръ неизданныхъ. Такъ напр. въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ хранится *восемь* литовскихъ словарей, неизвѣстныхъ авторовъ. Рукопись *Жулды* по части миѳолологіи и грамматики литовской — находилась у книгопродавца Завадскаго въ Вильнѣ. Въ семействѣ гр. Платеровъ хранится рукопись, заключающая исторію Литвы, написанная по-литовски графомъ Юріемъ Платеромъ, умершимъ въ 1837 г. Извѣстны еще литовско-польскіе словари Д. Пашкевича, К. Незабитовскаго, а также литовско-нѣмецкій (и наоборотъ) Бродовскаго, жившаго въ первой половинѣ XVIII ст. Всѣ эти словари до сихъ поръ ненапечатаны.

Изъ филологовъ, считающихся особенными знатоками литовскаго языка и литературы, извѣстны своими трудами Н. Акелевичъ (въ Парижѣ), С. Микуцкій (въ Варшавѣ), д-ръ А. Мѣржинскій (профессоръ варшав. университета) и д-ръ И. Карловичъ (помѣщикъ Виленской губерніи). Лучшимъ сочиненіемъ о литовскомъ языкѣ считается сочиненіе Карловича, одобренное и напечатанное Краковскою Академіею Наукъ (1875).

На польскомъ языкѣ нѣсколько книгъ и много статей посвящены исторіи, миѳологіи и

этнографіи Литвы. Лучшими по части этнографіи считаются Л. А. Юцевича (Ludwika z Pokiewa).

Еще не очень давно Литовцы могли гордиться тѣмъ, что у нихъ миѳологія обработаннѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ о литовской миѳологіи написано нѣсколько книгъ.

Филологія, какъ извѣстно, съ каждымъ годомъ дѣлаетъ большіе успѣхи; литовскій языкъ, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ, обратилъ на себя особенное вниманіе ученыхъ филологовъ. Поэтому неудивительно, что они набросились на литовскую миѳологію.

Этотъ филологическій походъ и до сихъ поръ продолжается и ознаменовывается разрушительными симптомами. Много боговъ уже низвергнуто съ ихъ пьедесталовъ, ореолъ окружавшій ихъ — осмѣянъ; бѣдные труженики, ихъ созидавшіе, чуть не заклеймены позоромъ. Существованіе другихъ боговъ подвержено сомнѣнію; вся система поколеблена. Однимъ словомъ, литовская миѳологія теперь почти не существуетъ, и создавать ее вновь хотя бы и опытному этнографу, но незнакомому вполнѣ съ литовскимъ языкомъ, научнымъ образомъ, невозможно. Сами же филологиразрушители объ этомъ не заботятся.

Отцомъ литовской миѳологіи считается Ласицкій, писавшій объ ней еще въ XVI столѣтіи. Его главнымъ пособникомъ былъ Лясковскій. Стрыйковскій, Гваньини и другіе лѣтописцы тоже оставили кое-что изъ литовскихъ миѳологическихъ воззрѣній, обрядности и т. д. Въ Пруссіи еще въ XVII ст. Гартнохъ писалъ о прусской миѳологіи, трудъ, смотря по времени, заслуживающій уваженія и многое разъясняющій въ соплеменной литовской миѳологіи. Въ наше же время главнымъ двигателемъ дѣла считается заслуженный историкъ Литвы, Нарбуттъ, написавшій большой томъ собственно о литовской миѳологіи. Лелевель, Крашевскій, Ярошевичъ основывали свои труды главнѣйшимъ образомъ на Нарбуттѣ.

Что же оказалось? Микуцкій, Акелевичъ, Мержинскій, Карловичъ доказали, что какъ Ласицкій, такъ и Лясковскій не знали по-литовски и потому все переврали, перепутали, такъ что основанія, ими положенныя для литовской миѳологіи, не имѣютъ никакого авторитета. Далѣе, что Нарбуттъ не только не зналъ языка, какъ того требуетъ современное развитіе науки, но еще увлекался, поэтизировалъ, и потому нѣкоторые изъ приводимыхъ имъ боговъ оказались никогда не существовавшими, другіе подвержены сомнѣчію. Труды другихъ миѳологовъ точно также признаны неудовлетворительными.

Въ такомъ положеніи теперь литовская миѳологія. Одно разрушено, другое поколеблено, а прочнаго новаго ничего еще не создано.

Надобно надѣяться, что наши ученые филологи, на развалинахъ разрушеннаго ими зданія, воздвигнутъ новое, прочное, неуязвимое. Желательно также, чтобы почтенные филологи предварительно позаботились объ уясненіи сомнительныхъ вопросовъ, о согласованіи своихъ мнѣній и взглядовъ, такъ чтобы непосвященные въ таинства филологическихъ знаній, въ реформахъ, ими вводимыхъ, видѣли трудъ единодушный, цѣльный, вполнѣ обработанный и нерождающій новыхъ сомнѣній.

Поэтому въ нашемъ краткомъ очеркѣ языческой жизни Литовцевъ, мы будемъ придерживаться только такихъ фактовъ, которые до сихъ поръ по крайней мѣрѣ (насколько намъ извѣстно) еще не подвержены филологическому крушенію.

Міръ, по мнѣнію Литовцевъ, существовалъ искони. Все существовавшее въ мірѣ было воплощеннымъ божествомъ. Оно проявлялось двояко: какъ благодѣтельное или какъ гибельное, т. е. было добромъ или зломъ. Эти два начала, находясь въ постоянной борьбѣ между собою, сосредоточивались въ источникѣ добра и зла. Понятіе о верховной силѣ проявлялось въ слѣпомъ вѣрованіи въ *предопредѣленіе*. Оно господствовало надъ всѣмъ, отъ песчинки до цѣлаго государства. Отъ него зависѣла участь не только людей, но и боговъ. Верховное существо опредѣлило судьбу себѣ, людямъ, землѣ, растеніямъ, всему, и никто и ничто, самое это

существо не могли избѣжать этой судьбы или перемѣнить ее. Самый грѣхъ былъ слѣдствіемъ не злой воли человѣка, но предопредѣленія, и кто согрѣшилъ, тотъ не могъ не согрѣшить.

Кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что Литовцы вѣрили въ безсмертіе. По крайней мѣрѣ есть много фактовъ, указывающихъ, что, не смотря на безусловное вѣрованіе въ предопредѣленіе, они ожидали награды или наказанія послѣ смерти. Награда ожидала того, кто безропотно покорялся судьбѣ; наказаніе того, кто дерзалъ противиться ей. Можно догадываться, что у Литовцевъ было нѣкоторое понятіе о метемпсихозѣ: они допускали, что послѣ смерти духъ могъ оставаться на землѣ и переходить въ другое тѣло. Осужденіе духа послѣ смерти на вѣчное ничтожество почиталось самымъ страшнымъ наказаніемъ.

Литовецъ имѣлъ понятіе о законѣ, какъ олицетвореніи правды. Поэтому-то законъ нельзя было *создать*, но только *отыскать*. Такимъ образомъ законъ и истина значили одно и то же.

Предметы, какъ одушевленные, такъ и неодушевленные, неприносящіе дѣйствительной пользы, подлежали уничтоженію. Удрученныхъ годами, неизлечимыхъ страдальцевъ приносили въ жертву богамъ, чтобы ихъ стоны и жалобы не оскорбляли верховную силу.

Преданіе, древніе обычаи до такой степени пользовались уваженіемъ, что даже порокъ, подъ покровомъ обычая, былъ терпимъ.

Литовцы поклонялись свѣтиламъ небеснымъ. Солнце было источникомъ жизни. Съ его появленіемъ Литовецъ радовался, чувствовалъ, что все вокругъ него воскресаетъ; съ его закатомъ печальная мысль имъ овладѣвала: возвратится ли солнце, возродится ли жизнь? Поклоненіе солнцу, какъ полагаютъ, было древнѣйшимъ вѣрованіемъ Литовцевъ; впослѣдствіи оно породило поклоненіе огню. Огонь былъ *вѣченъ*, *неугасаемъ*. Его зажигали передъ главнымъ богомъ, громовержцемъ, *Перкуномъ* или *Перкунасомъ*. Огонь поддерживали днемъ и ночью особо назначенные для того жрецы и жрицы. Густинская лѣтопись говоритъ: «ему же (Перкуну), яко богу, жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древія непрестанно паляху; аще бы случилося, за нерадѣніемъ служащаго іерея, когда сему огню угаснути, таковаго іерея безъ всякаго извѣта и милости убиваху».

Истуканъ Перкуна обыкновенно ставили подъ дубомъ, исключительно посвященнымъ этому богу. Поэтому и самый дубъ почитался священнымъ. Были особыя рощи *посвященныя*, которыхъ никто не смѣлъ коснуться и которыя назначались для поддерживанія неугасимаго огня. Эти рощи (гаи), какъ равно и нѣкоторыя отдѣльныя деревья, особенно старыя, пользовались большимъ уваженіемъ. Ихъ окружали заборами, и поклоненіе имъ долго еще продолжалось послѣ введенія христіанства. Во время крещенія ни одинъ Литовецъ не соглашался прикоснуться сѣкирою къ вѣковому дубу, свидѣтелю давно минувшаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до сихъ поръ существуютъ лѣса, называемые священными рощами, и народъ питаетъ къ нимъ безсознательное, родовое уваженіе.

Главнымъ священникомъ или первосвященникомъ былъ Криве-Кривейте. Власть и вліяніе его были очень сильны, такъ что въ иныхъ случаяхъ даже великіе князья находились въ нѣкоторой отъ него зависимости. Но со временъ Гедимина, и въ особенности въ царствованіе Ольгерда вліяніе ихъ упало—они были точными исполнителями воли своихъ властелиновъ; они вѣщали народу именемъ боговъ, но говорили, конечно, то, что имъ было приказано.

Криве-Кривейте всегда находился при главномъ капищѣ Перкуна. Первое, т. е. древнѣйшее капище находилось въ Прусской Литвѣ, въ Ромове, между рѣками Фришингъ и Бейслейнъ. Здѣсь передъ величавымъ, многовѣковымъ дубомъ стоялъ истуканъ главнаго бога Перкуна. По сторонамъ его стояли истуканы Атримпа въ видѣ змія, съ человѣческою головою и Поклюса, т. е. бога морей и воды и бога преисподней (ада). Изгнанный изъ Ромове крестоносцами, Криве-Кривейте устроилъ капище на Жмуди при впаденіи Дубиссы въ Нѣманъ. И здѣсь, тревожимый рыцарями, онъ удалился въ глубь страны, поселившись при впаденіи Невяжи въ Нѣманъ, а затѣмъ въ Керновъ, близъ Вильно.

По сказаніямъ лѣтописцевъ, въ 1265 г., въ Вильнѣ, среди дубовой рощи, въ долинѣ, называемой Свинторога, ибо здѣсь былъ сожженъ прахъ князя Свинторога сыномъ его Гермундомъ, — основано было капище Перкуна. Капище имѣло въ длину около 150 аршинъ, въ ширину 100, высота стѣнъ достигала 15 аршинъ. Оно было безъ крыши, съ однимъ входомъ съ западной стороны. Передъ дубомъ стоялъ истуканъ Перуна. Въ этомъ храмѣ была устроена галлерея въ 16 аршинъ надъ стѣною. Въ ней былъ сооруженъ главный алтарь, или жертвенникъ, шириною въ 9 аршинъ, вышиною 3 аршина. Къ этому алтарю вели 12 ступеней, изъ коихъ каждая была поларшина вышиною и 3 арш. шириною. На этомъ-то алтарѣ во внутреннемъ углубленіи стѣны пылалъ вѣчный, неугасимый огонь. Углубленіе было такъ искусно устроено, что огонь не могъ быть потушенъ ни дождемъ, ни вѣтромъ. На ступеняхъ обозначено было теченіе луны. Насупротивъ входа, т. е. съ восточной стороны была особая часовня съ разными сосудами и священными предметами; подъ нею устроенъ былъ погребъ, въ которомъ хранились змѣи и разныя гадины. Вблизи храма находилось жилище верховнаго жреца, а также его подчиненнаго. Здѣсь же стояла высокая каменная башня, съ которой онъ возвѣщалъ народу волю боговъ. Теперь на мѣстѣ, гдѣ стоялъ храмъ Перкуна, каѳедральный соборъ св. Станислава, а изъ башни устроена колокольня. Съ введеніемъ христіанства, послѣ разрушенія храма, Криве-Кривейте жилъ еще нѣкоторое время въ Кернѣвѣ, потомъ переселился въ Жмудь, на берега Невяжи. Умеръ въ 1414 г.

Вѣчный, неугасаемый огонь, горѣвшій передъ Перкуномъ, всѣ историки и этнографы цѣлыя столѣтія называли *Зничемъ*. Афанасьевъ (въ своихъ поэтическихъ воззрѣніяхъ Славянъ на природу) и нѣкоторые другіе русскіе этнографы тоже были введены въ заблужденіе, полагая, что *Зничъ* значитъ неугасимый огонь. Сколько вдохновенія потрачено на прославленіе *вѣчнаго Знича!* Увы! И Зничъ, подобно нѣкоторымъ богамъ, уже не существуетъ. Безжалостные филологи и его низвергли съ жертвеннаго пьедестала. Но и въ средѣ ихъ произошелъ расколъ. Первый Длугошъ употребилъ выраженіе не Зничъ, но *Зинчъ*, назвавъ такъ жреца, поддерживавшаго вѣчный огонь. Его примѣру послѣдовалъ Меховита. Стрыйковскій же и Гваньини подъ словомъ Зничъ разумѣли не жреца, но *вѣчный огонь*. Цѣлыя столѣтія повторялось тоже самое. Кто только писалъ о Перкунѣ, говорилъ и о Зничѣ. Поэты воспѣвали его въ своихъ стихотвореніяхъ. Въ обществѣ, въ разговорахъ часто повторялось слово Зничъ, какъ эмблема вѣчности, постоянства, неизмѣнности. И все это разрушено! Профессоръ Мержинскій и Акелевичъ разъяснили, что не Зничъ, не Зинчъ, но *Зиниче* означаетъ мѣсто, гдѣ стояло капище, на которомъ горѣлъ неугасаемый огонь. Съ нимъ однако не согласенъ д-ръ Карловичъ. Онъ скорѣе склоняется на сторону Длугоша и увѣряетъ, что Зинчъ (żiniczus или żinczius) именно и означаетъ жреца, поддерживавшаго вѣчный огонь. Такимъ образомъ мы знаемъ теперь, что Зничъ или Зинчъ вовсе не значитъ вѣчный огонь; но что именно значитъ, мы все-таки не знаемъ, потому что не знаемъ, кто правъ, Акелевичъ ли съ Мержинскимъ, или д-ръ Карловичъ?

Кромѣ главнаго, всемогущаго бога Перкуна, было много другихъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ боговъ, были также и домашнія божества. Мы не станемъ здѣсь исчислять ихъ; нѣкоторые миѳологическимъ значеніемъ своимъ напоминаютъ славянскихъ боговъ.

Этимъ второстепеннымъ богамъ, нѣкоторымъ по крайней мѣрѣ, тоже воздвигались капища. Въ самой Вильнѣ, во времена Ольгерда, кромѣ главнаго храма Перкуна, насчитывалось 5 такихъ капищъ.

Хотя сущность религіи допускала и даже требовала кровавыхъ жертвоприношеній, но Литовцы не отличались кровожадностью. Намъ извѣстно немного случаевъ подобнаго изувѣрства; но и эти случаи оправдываются нѣкоторымъ образомъ глубокою ненавистью къ рыцарямъ, ибо, сколько извѣстно, только рыцарей, взятыхъ въ плѣнъ, сожигали въ честь боговъ.

Язычество господствовало въ Литвѣ до конца XIV столѣтія. Въ то же время въ странѣ было много христіанъ, свободно исполнявшихъ свои обряды, такъ что за весь продолжительный періодъ язычества извѣстны только два случая (при Ольгердѣ) возстанія противъ христіанъ. Напрасно думать, что съ окончательнымъ введеніемъ христіанства прежнее вѣрованіе совершенно измѣнилось. Есть много фактовъ, доказывающихъ, что даже въ XVI столѣтіи, во многихъ мѣстахъ, въ особенности на Жмуди, исполнялись языческіе обряды. О внутреннемъ настроеніи мало и заботились, довольствуясь наружнымъ лоскомъ. Прежніе идолы, прежніе праздники примѣнялись къ христіанскимъ, получали новое названіе, и этимъ довольствовались. Народъ, напр., чтилъ вербу, въ которую, по преданію, обратилась богиня плодородія, окружалъ ее и поклонялся ей. Духовенство повѣсило икону на вербѣ, и народъ продолжалъ молиться передъ нею. Духовенство радовалось, что молятся передъ иконой; народъ радовался, что не запрещаютъ молиться передъ вербой. Невѣста въ дѣвичій вечеръ отправлялась къ своему владѣльцу, чтобы, по обычаю, прежде замужества, пожертвовать ему своею дѣвственностью; ее сопровождали подруги и на пути пѣли пѣсни къ солнцу и лунѣ, умоляя, чтобы заступились за бѣдную и вдохнули *своему брату* (т. е. владѣльцу) мысль сохранить для суженаго ея невинность. Народъ попрежнему поклонялся подземнымъ божествамъ, чтобы отводили господъ отъ тиранства. Осеннія дожинки еще въ XVI столѣтіи совершались совершенно по языческимъ обрядамъ. Когда всѣ полевыя работы были окончены, на большомъ столѣ клали сѣно, поверхъ его застилали скатерть и ставили бочку *алуса* (пива). Затѣмъ вводили быка, предназначаемаго въ жертвоприношеніе богу оплодотворенія. Присутствующіе съ ожесточеніемъ бросались на свою жертву съ кольями и палками и убивали до смерти, приговаривая: «вотъ тебѣ наша жертва, боже земли! благодаримъ тебя за то, что сохранилъ нашу жизнь въ истекшемъ году, защити же насъ и въ будущемъ отъ врага, огня, меча, мороваго повѣтрія!» Мясо убитой скотины тутъ же жарили и съѣдали, а часть закапывали въ землю для бога земли.

Ростовскій говоритъ, что когда въ 1618 году въ Крожахъ іезуиты основали свой коллегіумъ, то должны были начать съ того, чтобъ уничтожить древніе священные литовскіе дубы и *низвергнуть идоловъ*, коимъ народъ еще въ то время поклонялся и приносилъ въ жертву животныхъ. Въ окрестностяхъ Россіенъ, Динабурга, Кейданъ, Крожъ іезуиты нашли еще шесть жертвенныхъ алтарей.

Стрыйковскій видѣлъ, какъ еще совершались разные языческіе обряды въ Литвѣ и на Жмуди, а это было между 1565 и 1582 годами. Онъ же говоритъ, что въ четырехъ миляхъ отъ Вильно, въ *Лавриркахъ*, народъ боготворилъ черныхъ ужей. Въ Виленскомъ уѣздѣ и теперь находятся *Лаваришки*, вѣроятно, тѣ же Лаврирки, гдѣ дѣйствительно много ужей. Какъ въ цѣлой Литвѣ, такъ и здѣсь, народъ ихъ уважаетъ, никогда не убиваетъ. Дѣти ѣдятъ съ ужами изъ одной чаши. На Жмуди и въ Литвѣ убить ужа считается величайшимъ грѣхомъ. На Полѣсьѣ, въ окрестностяхъ Кобрыня (Гродн. губ.), какъ свидѣтельствуетъ Крашевскій, тоже ни въ какомъ случаѣ нельзя убить ужа. Наконецъ, Стрыйковскій же упоминаетъ, что въ его время народъ измѣрялъ свою жизнь по языческимъ праздникамъ, и они были ближе его сердцу, чѣмъ христіанскіе.

Крашевскій говоритъ о томъ уваженіи, какое народъ питаетъ въ тѣхъ окрестностяхъ къ огню. Даже когда вспыхнетъ пожаръ, никто не осмѣлится его тушить. Народъ привѣтствуетъ его какъ *гостя* и выставляетъ столы, накрытые бѣлою скатертью съ положенными на нихъ хлѣбомъ и солью. Ежели пожаръ не унимается, то приглашаютъ старуху-чаровницу, и та, раздѣвшись до-нага, обѣгаетъ кругомъ загорѣвшихся строеній три раза, произнося какія-то заклинанія.

Ежели громъ ударитъ въ человѣка или въ строеніе, никто не станетъ его спасать, считая это сопротивленіемъ волѣ божіей. Предразсудокъ этотъ распространенъ какъ въ цѣлой Литвѣ, такъ и въ Бѣлоруссіи. Понятно, что онъ порожденъ вѣрою въ Перкуна.

Праздничные обряды Литовцевъ имѣли и теперь имѣютъ много общаго съ славянскими вообще и бѣлорусскими въ особенности. Такъ праздникъ Рождества напоминалъ праздникъ *каляды*. Новый годъ праздновался языческимъ *щедрымъ вечеромъ;* въ день крещенія совершались обряды съ пирогами; Пасха Христова напоминала шумное празднество *волочиньня;* въ Георгіевъ день шумное, веселое празднество въ полѣ съ плясками, пѣснями, играми; въ Троицынъ день завивали вѣнки; въ день Рождества Іоанна Предтечи скакали черезъ огонь; въ день Петра и Павла строили качели. Большая часть всего этого и до сихъ поръ сохранилась; но въ XVI и даже, какъ мы видѣли изъ разсказа Ростовскаго, въ началѣ XVII ст. обряды эти и имъ подобные имѣли всѣ знаменья язычества.

Въ Лабонарахъ, Виленской губерніи, въ Троицынъ день народъ собирался даже изъ отдаленныхъ мѣстъ и здѣсь послѣ вечерняго крестнаго хода, до слѣдующаго утра, происходилъ страшный развратъ. Очевидцы разсказывали намъ ужасы про эти буйныя ночи! Отецъ не могъ защитить дочери, мужъ жены, женихъ невѣсты. Едва въ сороковыхъ годахъ, особенно усиліями епископовъ Клонгевича и Жилинскаго, обычай этотъ искорененъ по крайней мѣрѣ на столько, что ночныя оргіи стали не такъ публичны.

Въ Лелянахъ, въ Трокскомъ уѣздѣ, въ тотъ же Троицынъ день и до сихъ поръ литовская молодежь собирается изъ окрестныхъ деревень на берегъ озера, считающагося священнымъ, завиваетъ вѣнки и бросаетъ ихъ въ это завѣтное озеро, причемъ поютъ пѣсни на древне-языческой подкладкѣ.

Кромѣ большихъ истукановъ Перкуна и другихъ идоловъ, стоявшихъ въ капищахъ, въ Литвѣ, эти же самыя божества изображались въ меньшемъ, даже маленькомъ видѣ, въ родѣ статуэтокъ изъ бронзы, кости, камня, нѣкоторыя превосходной отдѣлки. Вѣроятно это были домашніе идолы, пранадлежавшіе духовенству или людямъ богатымъ. Такихъ идоловъ извѣстно нѣсколько, и мы упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ покрайней мѣрѣ.

Въ началѣ второй половины минувшаго столѣтія случайно найденъ былъ замѣчательный идолъ въ Ковнѣ, въ жилищѣ тамошняго настоятеля ксендза Фронцкевича, задѣланный въ нишѣ. Когда передѣлывали квартиру настоятеля, въ его отсутствіе, при ломкѣ стѣны, открылась ниша и въ ней бронзовый идолъ, изображавшій нагую женщину. Присутствовавшій при этомъ викарій настоятеля, ксендзъ Мингайло, озадаченный видомъ нагой женщины въ квартирѣ настоятеля и притомъ, узнавъ изъ объясненій мѣстнаго учителя Лавриновича, что это вѣроятно языческій идолъ, счелъ своею духовною обязанностію изрубить ее въ мелкіе куски. Когда возвратился ксендзъ Фронцкевичъ, то съ горестью узналъ о случившемся. Былъ онъ умнѣе своего помощника, собралъ подробнѣйшія свѣдѣнія о найденномъ идолѣ отъ Лавриновича и Мингайлы, конечно, соображаясь и съ уцѣлѣвшими кусками, и составилъ обстоятельное описаніе, которое хранилось въ архивѣ Ковенскаго приходскаго костела. Изъ этого описанія мы узнаемъ, что идолъ былъ вышиною въ полтора аршина и представлялъ женщину съ сомкнутыми глазами и съ букетомъ цвѣтовъ въ правой рукѣ. На животѣ была повязка. Ксендзъ Фронцкевичъ называетъ ее литовскою Венерою.

Въ виленскомъ музеумѣ древностей (по каталогу № 2743) хранится совершенно схожій съ приведеннымъ выше описаніемъ небольшой идолъ изъ бронзы вышиною въ три дюйма, грубой работы. Идолъ этотъ найденъ въ подземельѣ Замковой горы въ Вильнѣ. Вмѣстѣ съ этимъ идоломъ найдены въ томъ же подземельѣ: 1) превосходной работы бронзовое изображеніе, какъ полагаютъ, римскаго Фаустула съ волчицею; 2) Изображеніе ящерицы, вьющейся вокругъ колонны, внутри которой отверстіе; 3) маленькая фигурка, изображающая медвѣдя въ стоячемъ положеніи; 4) старецъ, въ сидячемъ положеніи, съ бородою и короною на головѣ; 5) музыкальный инструментъ въ родѣ кларнета съ клапанами. Всѣ эти предметы изъ слоновьей кости, отличной отдѣлки, подарены мною Виленскому музеуму, гдѣ и теперь находятся.

Къ замѣчательнѣйшимъ идоламъ, какіе до сихъ поръ найдены, принадлежитъ идолъ, по мнѣнію гр. Е. Тышкевича, Нарбутта, Крашевскаго и другихъ археологовъ, *Перкунаса,* найденный въ Керновѣ, близъ Вильна, сдѣланный изъ бронзы, превосходной работы, вышиною въ 3 вершка. Богъ грома и молніи изображенъ въ видѣ старика съ бородою и усами, въ сидячемъ положеніи, въ правой рукѣ держитъ громовыя стрѣлы, въ лѣвой, въ сомкнутой ладони, видно небольшое отверстіе, въ которое, можно догадываться, влагался каменный молотъ. Видъ Перкунаса грозный, сосредоточенный и не лишенъ величавости. Черезъ верхъ головы и потомъ чрезъ всю фигуру продѣлано небольшое круглое отверстіе, оканчивающееся межъ ногъ. Идолъ этотъ находится въ Виленскомъ музеумѣ (по каталогу № 2742), здѣсь же представляемъ вѣрное его изображеніе.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Крожахъ найдено было тоже изображеніе, какъ полагаютъ, Перкуна. Идолъ этотъ находился въ іезуитской библіотекѣ, гдѣ теперь находится — неизвѣстно.

Перкунасъ.

Оборотная сторона идола.

Въ 1864 или 1865 г. генералъ Колодѣевъ нашелъ въ Нѣманѣ, недалеко отъ Ковно, каменный истуканъ, грубой работы, изглаженный временемъ и водою, не менѣе того по всѣмъ признакамъ изображавшій Перкуна. Генералъ Колодѣевъ обязательно подарилъ мнѣ этотъ рѣдкій памятникъ. Я его оставилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ проданъ съ аукціона, но кому— мнѣ неизвѣстно.

Въ 1818 г. въ Ковнѣ, въ стѣнѣ зданія, существующаго и до сихъ поръ и неосновательно называемаго храмомъ *Перкунаса,* чиновникомъ Соколовскимъ найденъ былъ бронзовый идолъ вышиною въ шесть дюймовъ. Идолъ изображенъ стоящимъ на поджатыхъ ногахъ, съ короной на головѣ, въ родѣ тіары, украшенной башнями, въ рукѣ держалъ три рыбы. Досужіе археологи сейчасъ же объяснили значеніе идола: это, дескать, покровитель. или домашній богъ г. Ковно, башни именно и означаютъ городъ, а три рѣки: Нѣманъ, Вилія, Невяжа, т. е. три ковенскія рѣки. Въ 1820 г. графъ Михаилъ Коссаковскій пріобрѣлъ этотъ идолъ и подарилъ варшавскому обществу любителей наукъ, гдѣ его признали изображеніемъ женщины восточнаго типа, а ученый Сташицъ полагалъ, что это индійское произведеніе. Въ 1836 г. музеумъ общества вмѣстѣ съ этимъ идоломъ переведенъ въ Петербургъ. Гдѣ онъ теперь, мнѣ неизвѣстно. Въ Эрмитажѣ я не отыскалъ ничего подобнаго, а между тѣмъ фактъ несомнѣнный, удостовѣряемый описями, что онъ перевезенъ въ Петербургъ.

Въ 1852 г. въ имѣніи Швекшняхъ, Россіенскаго уѣзда, Ковенской губерніи, на самой границѣ Пруссіи, графъ Адамъ Плятеръ, въ одной изъ тринадцати могилъ-кургановъ, нашелъ семь идоловъ, изъ коихъ шесть бронзовыхъ и одинъ серебряный, вышиною отъ четырехъ до пяти дюймовъ. Несомнѣнно, что всѣ эти идолы египетскіе, совершенно схожіе съ извѣстными этого рода идолами, въ другихъ мѣстахъ найденными. Здѣсь можно видѣть Озириса, Изиду, богиню солнца Горусъ, кошку и пр. Политеизмъ имѣлъ много общаго, и весьма вѣроятно, что эти идолы и въ древней Литвѣ были почитаемы.

Въ виленскомъ музеумѣ древностей хранится каменная нога отъ большаго истукана, найденная въ Вильнѣ на Лукишкахъ и подаренная музею докторомъ Ю. А. Титіусомъ.

Литовцы богаты миѳологическими и вообще доисторическими преданіями. Нѣкоторыя поэтичны, не лишены фантазіи и имѣютъ много общаго съ преданіями славянскими и другихъ индоевропейскихъ народовъ.

Возьмемъ для примѣра преданіе о богинѣ *Лаумѣ*. Она, къ счастію, не выброшена изъ литовскаго Парнаса, хотя и обезображена вымыслами, догадками и прибавленіями, о которыхъ народъ ничего не знаетъ. Мы передадимъ только то, что говоритъ достовѣрнѣйшій изъ литовскихъ этнографовъ Л. А. Юцевичъ. Преданіе это, какъ свидѣтельствуетъ авторъ, *до сихъ поръ* сохранилось въ Литвѣ, на Жмуди и въ Пруссіи.

Лаума — это *Dejwa,* богиня чудной красоты, обитательница облаковъ, воздушная нимфа, витающая въ горнихъ высотахъ. Однажды, сидя на своемъ алмазномъ тронѣ, увидала она на землѣ прекраснаго юношу, который ей очень понравился. Она распахнула свой блестящій поясъ, т. е. *радугу*, спустилась на землю и сошлась съ возлюбленнымъ. Послѣдствіемъ этого свиданія было рожденіе богинею сына, которому она дала имя *Мейтусъ*. Каждый день чадолюбивая мать по три раза спускалась на землю, чтобы покормить молютку своею грудью. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ всемогущій Перкунъ узналъ ея тайну. Разсердившись на небесную дѣву, которая сошлась съ обыкновеннымъ смертнымъ, Перкунъ схватилъ ребенка за ноги и забросилъ его въ отдаленныя высоты неба, гдѣ онъ обратился въ звѣзду *Sictinas*. Этого мало. Грозный Перкунъ отрѣзалъ Лаумѣ груди (сосцы), изрѣзалъ ихъ на мелкія части и разсѣялъ по землѣ. Отъ этого произошли белемниты или громовыя стрѣлы, которыя народъ называетъ *сосцами Лаумы (Laumies papaj)*. Не смотря на это Лаума все-таки прекрасна, очаровательна. Она прельщаетъ не только боговъ, но и обыкновенныхъ смертныхъ, приманивъ же къ себѣ, своею холодностью приводитъ въ отчаяніе и убиваетъ. Поясъ Лаумы—это радуга (Linksmine). Когда Литовецъ увидитъ ее, то говоритъ: вотъ Лаума распустила свой поясъ и прельщаетъ боговъ. Поясъ блеститъ издалека, но коль скоро къ нему приблизишься, Лаума тотчасъ его свиваетъ и прячетъ. Итакъ, по народному понятію, Лаума—обольстительница, богиня женской измѣнчивости.

Не слѣдуетъ смѣшивать богиню *Лауму* съ *Лаймою*. Это два отдѣльные миѳа. Лайма является человѣку въ трехцвѣтномъ облаченіи. Зеленый цвѣтъ обѣщаетъ хорошій урожай, красный — войну, черный — моровую язву. Въ послѣднемъ случаѣ называется *Моровою дѣвою* (воспѣтою Мицкевичемъ). Она считается покровительницею земныхъ плодовъ и среди ненастныхъ дней, даритъ людямъ солнечный: «*Lajme léme saulužes dienate*».

Очень поэтично изображаетъ народъ богиню, управляющую небесными свѣтилами, *Каралуни*. Молодая очень красивая дѣвица; голову ея украшаетъ солнце; мантія ея усѣяна звѣздами, застегнута петлицей, въ срединѣ коей—луна. Ея улыбка—утренняя звѣзда, слезы—брилліанты. Когда при солнечномъ свѣтѣ падаетъ дождь, Литовцы говорятъ: *королева плачетъ*.

Балтійское море имѣло своего короля и королеву, хотя связи между ними незамѣтно. Королемъ или богомъ моря, покровителемъ моряковъ, былъ *Дзивсвитсъ*. Юцевичъ самъ слышалъ, какъ рыбаки, отправляясь въ море для ловли сельдей, обращались къ Дзивсвитису съ мольбою о покровительствѣ. Пѣсня ихъ оканчивается стихами:

Dziwswitise diewajte,
Sergiek musu Tajwajte,
Dziwswitise! Dziwswitise!

т. е. боже Дзивсвитесе, охраняй наши ладьи. Дзивсвитесе, Дзивсвитесе!

Королевою же была прекрасная *Юрата*. Великолѣпный чертогъ ея на днѣ моря былъ весь изъ янтаря, пороги изъ золота, крыша изъ рыбьей чешуи. Дворъ ея составляли морскія

нимфы *Чельтице.* Онѣ носили платье изъ рыбьей чешуи, украшенное жемчугомъ. На головѣ короны изъ янтаря. Эти балтійскія русалки одарены были чуднымъ голосомъ. Пѣніе ихъ было обворожительно. Пѣніемъ онѣ привлекали къ себѣ красивыхъ юношей, не щадили ласкъ, выманивая обѣщаніе, что станутъ жить съ ними на днѣ моря. Кто далъ такое обѣщаніе, того увлекали и душили въ своихъ объятіяхъ. Чтобы откупиться отъ нихъ, рыбаки приносили имъ въ даръ по одной штукѣ каждаго сорта изловленной ими рыбы. Сама королева Юрата въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгала къ средствамъ увлеченій; но при впаденіи рѣки Швенты въ Балтикъ жилъ красивый молодой рыбакъ. Юрата влюбилась въ него и на янтарныхъ ладьяхъ съ цѣлымъ штатомъ своихъ Чельтице отправилась къ берегу. Пѣніе, улыбки и всевозможныя ухищренія употреблены были, чтобы соблазнить молодаго рыбака; но тотъ не поддался. Тогда Юрата почувствовала къ нему такую страсть, что забыла свое божеское происхожденіе и совсѣмъ предалась обыкновенному смертному. Каждый вечеръ пріѣзжала она къ нему на берегъ, входила на высокую гору, которую отъ имени рыбака народъ и до сихъ поръ называетъ *Castiti*, и здѣсь цѣлые часы проводила съ милымъ въ упоеніи; вмѣстѣ они ѣли рыбу, которую она раздирала по поламъ, отъ чего и произошли камбалы. Но всевидящее око Перкунаса скоро замѣтило эту незаконную связь. Богъ-громовникъ воспылалъ гнѣвомъ, бросилъ громы въ морскую глыбь, раздробилъ янтарные чертоги Юраты, обломки которыхъ и составляютъ тѣ куски янтаря, которые море во время бури выбрасываетъ теперь на берегъ. Юрата была убита на мѣстѣ, *Castitisa* же Перкунъ приковалъ къ утесу на днѣ моря и передъ нимъ положилъ трупъ его возлюбленной. И до сихъ поръ, когда буря взволнуетъ море, бушующія волны, разбиваясь о берегъ, издаютъ жалобные стоны—народъ говоритъ, что это стонетъ несчастный рыбакъ.

Кромѣ морскихъ Чельтицъ, были озерныя и рѣчныя *Ундины*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называемыя *Гуделками.* Свойства ихъ совершенно такія же, какъ и русалокъ. Въ лунныя ночи онѣ выплывали на поверхность рѣки, рѣзвились, плясали, соблазняли молодыхъ людей своею необыкновенною красотою, очаровывали ихъ своимъ пѣніемъ, и ежели успѣвали сманить ихъ къ себѣ, схватывали въ объятія и щекотали до смерти, а потомъ бросали на дно рѣки или озера. Красота ихъ обольстительна, очи блестятъ, какъ небесныя звѣзды, а разсыпанныя по плечамъ кудри шелестятъ и звенятъ очаровательною музыкою. Юцевичъ приводитъ поэтическія и любопытныя пѣсни на всѣ описанные выше случаи. Въ одной изъ нихъ говорится, что молодыя дѣвушки, обманутыя и съ отчаянія бросающіяся въ рѣку, были обращаемы *милостивыми богами* въ ундинъ для того, чтобы могли мстить мужчинамъ и покровительствовать рѣкамъ и озерамъ.

Изъ приведенныхъ преданій мы видѣли, что всегда и вездѣ присущъ Перкунъ, какъ вседержитель, всевидящій богъ надъ всѣми богами и надъ всѣмъ земнымъ. Густинская лѣтопись говоритъ: «Перконосъ, си есть Перунъ, бяше у нихъ (Литовцевъ) старѣйшій богъ, созданъ наподобіе человѣче, ему же въ рукахъ бяше камень многоцѣнный, аки огнь, ему же... огонь неугасающій з' дубоваго древія непрестанно паляху.» Если пламя, сверхъ чаянія, угасало, то для возженія костра высѣкали огонь изъ камня, находившагося въ рукахъ Перкуна. Микуцкій говоритъ, что Литовцы сохранили еще память о девяти силахъ Перкуна и тридевяти его названіяхъ. Литовцы, также какъ и русскіе, вѣрятъ, что весною земля до тѣхъ поръ не раскроетъ своихъ нѣдръ, пока Перкунъ, возсѣдая па пламенной колесницѣ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, не проѣдетъ по небесному пространству, т. е. пока не раздастся первый весенній громъ. Мы видѣли, что Перкунъ строго наблюдалъ за своими подчиненными богами и былъ безжалостенъ, когда который провинился, особенно въ волокитствѣ. Этой участи не избѣжалъ даже мѣсяцъ. Какъ извѣстно, былъ онъ мужемъ солнца, но вздумалъ ухаживать за Денницею. Перкунъ разгнѣвался, выхватилъ мечъ и разсѣкъ ему лицо пополамъ. «Зачѣмъ ты оставилъ Солнце, поетъ литовская пѣсня, зачѣмъ влюбился въ Денницу, зачѣмъ таскаешься по ночамъ?»

Юцевичъ разсказываетъ литовское преданіе о мудрецѣ *Ишминтасъ (Yszmintas)*. Онъ научилъ Литовцевъ стрѣлять изъ лука, сѣять хлѣбъ, но что важнѣе, онъ преподалъ имъ законы небесные, которыми они должны были руководствоваться въ жизни. Пока Литовцы строго исполняли эти законы, все было благополучно; когда же стали пренебрегать ими, счастіе имъ измѣнило. Прусскіе Литовцы и Жмудины, говоритъ Юцевичъ, до сихъ поръ повторяютъ золотыя правила этого мудреца. Онъ передаетъ тѣ изъ нихъ, которыя самъ слышалъ изъ устъ народа.

Правила эти во многомъ напоминаютъ скандинавскую Эдду.

Вотъ нѣкоторыя изъ завѣщанныхъ этимъ мудрецомъ мнѣній и правилъ:

1) Дурное сѣмя всходитъ и безъ посѣва, а доброе, хотя бы и посѣянное, не всегда приноситъ плодъ.

2) По лицу можно узнать человѣка: узкій лобъ означаетъ глупца; широкій лобъ, глаза налитые кровью изобличаютъ злость и сладострастіе. Кроткое лицо не всегда обличаетъ кротость; чаще это личина, прикрывающая величайшія преступленія.

3) Пиво безъ хмѣлю, масло безъ соли, лошадь безъ хвоста, женщина безъ добродѣтели — одну и ту же имѣютъ цѣну.

4) Одно только распутство не даетъ плода (бездѣтно).

5) Скорѣе выпьешь воду изъ цѣлаго моря, нежели узнаешь характеръ женщины.

6) Хвали день вечеромъ; женщину послѣ смерти; мечъ, когда испытаешь его; а свою невѣсту на другой день послѣ свадьбы. (Въ Эддѣ прибавлено еще: «ледъ, когда по немъ пройдешь; пиво, когда его выпьешь»).

7) Не вѣрь женщинамъ, потому что сердце у нихъ легкомысленно, а языкъ лживый; женщина всегда готова на клятвопреступленіе.

Въ Эддѣ же къ этому прибавлено: «не вѣрь ясной погодѣ, спящей змѣѣ, ласкамъ той, на которой ты намѣренъ жениться, переломленному мечу, сыну богача, недавно засѣянной нивѣ.»

8) Дружба между красивыми, но злыми женщинами — то же, что замки, появляющіеся въ облакахъ.

9) Глупца и труса могутъ любить однѣ развратницы.

10) Мудрость, мужество и добродѣтель—вотъ основы какъ небеснаго, такъ и земнаго благоденствія.

Литва богата не одними миѳологическими преданіями. Она имѣетъ свои собственныя саги, у нея есть свой эпосъ. Народныя преданія, пѣсни, обряды, пляски, игры, повѣрья носятъ на себѣ отпечатокъ самобытности, доказываютъ, что народная жизнь слагалась самостоятельно; вѣра и вліяніе на всѣ дѣла Криве-Кривейта помогали къ продолжительному сохраненію отдѣльности, препятствовали не только сліянію съ другими народностями, но даже заимствованію обычаевъ, обрядовъ, неосвященныхъ преданіями старины. Подробная этнографія Литвы потребовала бы цѣлыхъ томовъ. Мы, къ сожалѣнію, должны ограничиться указаніемъ только болѣе интереснаго, рельефнѣе рисующаго нашъ Литовскій народъ.

Въ древнемъ періодѣ Литовцевъ, по сохранившимся преданіямъ, мы видимъ много дикаго и варварскаго, истекающаго изъ язычества, вслѣдствіе той силы, какую имѣли жрецы. Убіеніе увѣчныхъ, дряхлыхъ, лишенныхъ возможности работать, принесеніе въ жертву богамъ людей проистекало не изъ кровожадности народа, но въ силу тѣхъ законовъ, коимъ онъ управлялся.

Въ новѣйшемъ періодѣ, начиная съ XII столѣтія, можетъ быть даже ранѣе, постоянныя и близкія сношенія съ христіанами, а потомъ, въ XIII и въ особенности въ XIV ст. постепенное ослабленіе вліянія жрецовъ дѣйствовали на смягченіе нравовъ. Затѣмъ со временъ Гедимина, даже ранѣе, Миндовга, твердыя начала государственной жизни — общей съ большинствомъ христіанскихъ населеній, конечно, совершенно устранили тѣ жестокіе обычаи, которые были послѣдствіемъ происковъ и ухищреній алчныхъ и кровожадныхъ жрецовъ.

Въ преданіяхъ народа играютъ важную роль Вайдевутъ и Брутенъ. Существовали они дѣйствительно, и когда именно жили, опредѣлить трудно. Эти-то Вайдевутъ и Брутенъ оставили народу законы, долго и свято исполняемые. Вотъ эти законы, какъ ихъ намъ передаетъ Юцевичъ:

I. Не исповѣдовать никакихъ чужихъ боговъ безъ соизволенія Криве-Кривейта.

II. Богамъ угодно, чтобы Криве-Кривейто былъ истолкователемъ ихъ воли и начальникомъ народа, вейделотамъ же (жрецамъ) народъ долженъ оказывать уваженіе.

III. Слѣдуетъ почитать боговъ и съ довѣріемъ на нихъ полагаться, потому что ихъ щедротами дана намъ земля, на которой мы живемъ и которая насъ питаетъ, а впослѣдствіи дадутъ намъ еще болѣе плодородныя земли. Послѣ смерти, почитателямъ своимъ боги дадутъ прекрасныхъ женъ, большое потомство, вкусныя яства, сладкое питіе, лѣтомъ бѣлую одежду, зимою теплыя шубы и сонъ на мягкихъ ложахъ. Злыхъ же обрекутъ на слезы и мученія.

IV. Сосѣдей, поклоняющихся нашимъ богамъ, слѣдуетъ считать друзьями, а съ людьми другой вѣры вести постоянную войну.

V. Каждому позволяется имѣть три жены, но первая должна быть хозяйкой и госпожей дома.

VI. Кого постигла неизлечимая болѣзнь, тому дозволяется сгорѣть на кострѣ, потому что служители нашихъ боговъ обязаны не плакать, но веселиться.

VII. Если бы кто, находясь въ здравомъ умѣ, пожелалъ принести въ жертву богамъ и сжечь своего домочадца или ребенка, не слѣдуетъ ему воспрещать этого, потому что огонь освящаетъ человѣка и дѣлаетъ его достойнымъ жить съ богами.

VIII. Если мужъ или жена нарушитъ супружескую вѣрность, тогда, послѣ достаточнаго удостовѣренія въ прелюбодѣяніи, виновнаго (или виновную) слѣдуетъ сжечь, вдали отъ лика боговъ, и прахъ развѣять на перекрестныхъ дорогахъ, потомство же ихъ лишается права быть вейделотами.

IX. Если жена не слушается мужа, онъ имѣетъ право сжечь ее, сестры же непокорной подвергаются посрамленію за то, что не учили покорности богамъ и супругу.

X. Если кто изнасилуетъ чужую жену, она по закону можетъ его сжечь, потому что онъ испилъ роскошь ея стыдливости.

XI. Кто лишитъ дѣвственности дѣвушку, долженъ на ней жениться; если же этого не исполнитъ, то долженъ быть затравленъ собаками, потому что оскорбилъ достоинство боговъ, которые или женаты, или пребываютъ въ невинности.

XII. Если кто кого убьетъ, тѣло убитаго обязанъ передать родственникамъ, а сіи послѣдніе могутъ или убить его, или пустить на волю.

XIII. Пойманнаго на воровствѣ, въ первый разъ слѣдуетъ высѣчь розгами; во второй разъ — бить палками, а за третьимъ разомъ сжечь вдали отъ лика боговъ.

XIV. Никто никого не имѣетъ права заставлять работать, пока не будетъ заключенъ обоюдный уговоръ.

XV. Если кто лишится жены, долженъ немедленно взять другую, потому что не подобаетъ долго печалиться по женщинѣ. Найдя невѣсту, можно съ нею жить и до вступленія въ бракъ; но въ такомъ случаѣ надобно только принести въ жертву богамъ курицу и пѣтуха.

XVI. Если умретъ мужъ и оставитъ жену бездѣтную и не беременную, послѣдняя не смѣетъ отказывать никому, кто пожелаетъ ее забеременить (дать ей потомство). Если же окажется безплодною, то обязана поступить въ вейделотки.

Къ этимъ законамъ, впослѣдствіи *Герма*, жена князя *Вармо,* сына Вайдевута, прибавила еще слѣдующія постановленія собственно по женской части:

Если жена нарушитъ супружескую вѣрность, слѣдуетъ привязать ей на шею четыре камня и такъ вести ее отъ одного села къ другому, пока камней не развяжетъ Криве-Кривейто.

Женѣ, которая ударила мужа, надобно отрѣзать носъ и лишить ее всякаго права завѣдыванія домомъ.

Жену, которая выругаетъ мужа, если молодая, можно высѣчь розгами; если же стара и безобразна — сжечь.

Поэтому видимъ, что господствовало право взаимнаго возмездія: смерть за смерть, рана за рану. Родственники убитаго мстили убійцѣ; но если послѣдній успѣлъ бѣжать и спрятаться въ храмѣ боговъ—дѣлался свободнымъ,—обычай весьма древній и существовавшій долгое время у разныхъ народовъ.

Вообще приведенные нами выше литовскіе законы относятся къ глубокой древности и невольно переносятъ мысль въ первобытную отчизну, въ Индію. Мы видимъ такую же печальную участь женщины, какая существовала и тамъ; такую же зависимость отъ Криве-Кривейта, какая была и тамъ отъ брахмановъ, какъ насъ достаточно убѣждаютъ въ томъ гимны Ригъ-Веды. Вендійскій Индусъ смотрѣлъ на женщину, какъ на нечистый сосудъ всякихъ грѣховъ и чаръ. До извѣстной же степени литовскій законъ въ отношеніи женщины даже болѣе дикъ, нежели у Индусовъ. Тамъ, если умиралъ мужъ, жена переходила, какъ наслѣдство, къ его брату или деверу; даже еще при жизни мужа, братья его имѣли право на его жену, такъ какъ она была *собственностью всей семьи;* у Литовцевъ же, послѣ смерти мужа, жена его дѣлается какъ бы общимъ достояніемъ, ибо не смѣетъ отказать тому, кто захочетъ подарить ей потомство.

Надобно думать, что законы эти, ежели и были исполняемы, то развѣ только въ глубокой древности. Мы имѣемъ много другихъ доказательствъ, что Литовцы были добродушны, поэтичны, гостепріимны, нравственны. Пѣсни Литовцевъ, эти знаменательные памятники прошедшаго, внутренней жизни народа, его страстей, пороковъ и добрыхъ качествъ,—относятся къ глубокой старинѣ. Народъ и до сихъ поръ поетъ такія пѣсни, въ которыхъ упоминается о языческихъ богахъ. Что же мы замѣчаемъ въ этихъ пѣсняхъ? Въ нихъ вѣютъ теплые вѣтры, поютъ прекрасныя дѣвы, цвѣтутъ луга, лиліи, розы; дѣти плачутъ на могилахъ родителей; братъ брату, сестра сестрѣ, мать дочери — подаютъ дружескія, родственныя руки и взаимно благословляютъ одинъ другаго. Ни одна пѣсня не оскорбляетъ цѣломудреннаго уха, нигдѣ любовь не обезображена циническимъ безстыдствомъ или прославленіемъ разврата. Не только пѣсни, но и вообще повѣрья, пословицы, народные обычаи убѣждаютъ положительнымъ образомъ, что если Литовецъ на войнѣ былъ храбръ, мужественъ, даже дикъ и жестокъ, зато дома, при семейномъ очагѣ онъ былъ кротокъ, добръ, даже поэтиченъ. Народные памятники нигдѣ вамъ не говорятъ, какъ напр. въ скандинавскихъ сагахъ, о жаждѣ крови, о мщеніи и тому подобное. Поэтому весьма основательно говоритъ знаменитый польскій писатель І. И. Крашевскій, что древніе лѣтописцы, говоря о Литвѣ, неправильно изображаютъ ея жителей дикими варварами, темною, безобразною толпою. Война не можетъ служить примѣромъ. Во время войны, даже и въ наше время, чуть ли не каждый народъ является дикимъ и жестокимъ.

Есть, однако, нѣсколько весьма древнихъ пѣсенъ, доказывающихъ, какъ глубоко, какъ страшно ненавидѣли Литовцы заклятыхъ враговъ своихъ — Нѣмцевъ, т. е. преимущественно рыцарей, кои съ самаго начала образованія орденовъ не давали покоя Литовцамъ, жгли ихъ села, имущества, проливали кровь неповинную дѣтей и старцевъ, разоряли и грабили.

До сего времени уцѣлѣла пѣсня, сопровождаемая пляскою, не лишенная даже юмора. Мы передаемъ ее въ переводѣ со словъ Юцевича: мужчины и женщины образуютъ кругъ, держась за руки, потомъ начинаютъ плясать живо и шумно подъ напѣвъ:

Плясалъ чортъ,
Засучивъ штаны,
Чертовскія подтяжки оборвались,
И штаны опали.

А этотъ чортъ —
Былъ изъ рижской псарни
Гадкій ястребъ — Нѣмецъ,
Нашей земли врагъ.
Гопъ, гопъ, го, го!
Кунтай, балабай!
Врагъ!
Мы этого Нѣмчика,
Мы этого врага
Растрясемъ, разотремъ,
Точно въ глину обратимъ.
Гопъ, гопъ, го, го!
Кунтай, балабай!
Джунгеса, гоферпеса!
Минджура!
Гога!
Въ глину обратимъ!

При словахъ гопъ, гопъ! и т. д. всѣ танцующіе бросаются въ разныя стороны, стучатъ каблуками, бьютъ руками въ печку, по стѣнамъ, разбрасываютъ по полу попавшуюся лучину. Пляска эта называется *Битва* (Musztini). Это они, бѣдные, мстятъ за тѣ ужасы, какіе выдѣлывали злобные рыцари съ ихъ предками.

Но есть еще на ту же тему болѣе грустная пѣсня, современная одному изъ болѣе продолжительныхъ захватовъ, когда народъ стоналъ подъ игомъ рыцарей.

Маленькая Летува,
Дорогая свобода,
Ты скрылась въ пространствѣ небесъ,
Гдѣ жь тебя искать?
Развѣ только на лонѣ смерти!
Пусть смотритъ куда хочетъ несчастный:
Взгляни на востокъ,
Взгляни на западъ —
Бѣдность, принужденіе, притѣсненіе —
Потъ отъ труда, кровь отъ ударовъ
Залили пространную землю!
Миленькая Летува,
Дорогая свобода,
Сойди съ неба — сжалься!

До сихъ поръ сохранилось много поговорокъ и пословицъ, доказывающихъ ненависть къ Нѣмцамъ. «Обманулъ, какъ Нѣмецъ изъ-подъ Риги» *(Лейсышъ)*. — «Слѣпой Нѣмецъ людей не понимаетъ».—Бурный вѣтеръ, поднимающій столпы пыли, называется у Жмудиновъ: «Нѣмецкій посолъ», т. е. что Нѣмецъ подослалъ подсмотрѣть, каковъ урожай на Жмуди. «Нѣмчикомъ» вообще называютъ чорта. Есть еще поговорка: «Тонетъ Нѣмчикъ».

Древніе обряды Литовцевъ мало намъ извѣстны. Въ нынѣшнихъ обрядахъ много уже общаго съ обрядами Бѣлоруссовъ. Духовенство употребляетъ усилія, чтобы изгладить малѣйшую черту, напоминающую язычество. Но, не смотря на это, и въ настоящее время проглядываетъ еще много уцѣлѣвшаго отъ древнихъ обрядовъ. Суевѣріе, предразсудки не могутъ быть искоренены, пока масса населенія остается темною. Литовцы, подъ вліяніемъ духовенства, успѣли придать своимъ обрядамъ совершенно христіанскій характеръ, не менѣе того предразсудки не только уцѣлѣли отъ прежняго времени, но еще много другихъ позаимствовали отъ своихъ сосѣдей, Бѣлоруссовъ, у которыхъ едва ли не больше разныхъ суевѣрныхъ обычаевъ, чѣмъ у Литовцевъ. Рожденіе, крестины, сговоръ, свадьба, похороны, поминки, не только всѣ большіе праздники, но очень много отдѣльныхъ дней въ году, какъ у однихъ, такъ и у другихъ, сопровождаются до сихъ поръ множествомъ предразсудковъ, взятыхъ живьемъ изъ язычества и до сихъ поръ сохраняемыхъ и почитаемыхъ.

Еще не далѣе какъ въ пятидесятыхъ годахъ, въ Дисненскомъ уѣздѣ, въ семи верстахъ отъ м. Докшицъ, въ казенномъ селеніи Гнездзилово, гдѣ существуетъ древняя церковь св. Петра, въ храмовой праздникъ, 29-го іюня, собиралось множество народа изъ окрестныхъ мѣстъ и совершало особаго рода поминки по умершимъ. Кто только былъ въ состояніи, приводилъ съ собою козу; козъ этихъ торжественно закалывали, жарили и съѣдали на кладбищѣ, на могилахъ родныхъ и друзей. Почему же козы играютъ тутъ главную роль? Извѣстны бѣлорусскіе миѳы о козѣ. Коза въ славянской миѳологіи была символомъ молніи. Въ козу обращается Коледа (мать солнца, то же, что и жена Перуна), убѣгаетъ отъ Карачуна (Ситиврата, Чернобога), прячется въ ивникахъ и рождаетъ Дажбога. Коза играетъ тутъ роль греческой Амальтеи. Объ этомъ миѳѣ мы поговоримъ подробнѣе въ описаніи слѣдовъ язычества въ Бѣлоруссіи, но здѣсь не можемъ не указать на этотъ древній обычай, несомнѣнно имѣющій отношеніе къ Коледѣ.

Окрестности Докшицъ и вообще Дисненскій уѣздъ сохранили много суевѣрныхъ обычаевъ временъ язычества. Этого мало. У насъ есть фактическое доказательство, что еще въ 1855 году, въ деревнѣ *Половъ,* народъ тщательно пряталъ отъ духовенства какого-то идола, вокругъ котораго въ извѣстные дни плясалъ, съ неистовствомъ повторяя непонятныя слова: «*Гауры, гауры—гамъ!*» Крестьяне въ Половѣ считаются *чароуниками* и промышляютъ этимъ. «Половскій чароуникъ» извѣстенъ въ цѣлой окрестности, и къ нему прибѣгаютъ даже изъ отдаленныхъ мѣстъ.

А. К. Кирноръ.

ОЧЕРКЪ IV.

ПРИРОДА ДРЕВНЕЙ ЛИТВЫ.

Мѣсто обиталища «хороброй» и «беззаконной» Литвы. — Литовскія топи и зыбучія болота. — Лѣсные островные города съ ихъ мостами и гатями черезъ трясины. — Литовскіе разливы и воды. — Рыбныя ловли. — Бобровые гоны. — Звѣроловство, скотоводство и слабое развитіе земледѣлія. — Пчеловодство. — Могущество лѣсной растительности въ древней Литвѣ. — Любовь Литовцевъ къ природѣ.

Деревья-монументы наши!
О, сколько, сколько каждый годъ,
Коль головы исчислить ваши,
Головъ отрубленныхъ падетъ!
Купца ли васъ сѣкира губитъ,
Иль отъ правительства остеръ
По силѣ васъ указовъ рубитъ
Московскій роковой топоръ,
Пріютъ послѣдній отнимая
И у пѣвучихъ птицъ лѣсныхъ,
И у кудесниковъ земныхъ,
Которымъ лѣсъ родного края
Какъ птицамъ дорогъ!..

МИЦКЕВИЧЪ (ПАНЪ ТАДЕУШЪ).

Предкамъ нашимъ, Русскимъ, Литва, какъ народъ, была извѣстна въ двойномъ образѣ. «Литва *хоробрая*», напѣвалъ о ней Великоруссъ въ богатырскомъ эпосѣ своемъ. «Литва *беззаконная»,* разсказывалъ о ней Малоруссъ у домашняго очага своего. Но самая страна, называвшаяся Литвою, была закрыта отъ ихъ наблюдательности и наѣздническою воинственностью, и языческимъ отособленіемъ отъ христіанскаго міра, которыми Литвины обозначили себя въ умѣ сосѣдней Руси.

Когда наконецъ историческія знанія стали интересовать наше общество, и тогда ему еще смутно представлялся край, сдѣлавшійся новымъ сѣдалищемъ русскаго языка и обычая послѣ татарскаго погрома. Между тѣмъ «хоробрая» и «беззаконная» Литва—это были скрещенные съ нашими предками вояки, принимавшіе нашъ христіанскій *законъ;* это были мы, сами, возродившіеся въ недоступномъ для Татаръ убѣжищѣ, чтобы выступить противъ нихъ подъ литовскимъ великокняжескимъ знаменемъ.

Каково же было это убѣжище, это новое гнѣздо древнихъ Русичей, которыхъ вѣщій Боянъ возвеличилъ именемъ *шестокрыльцевъ,* и которыхъ Батый выпугнулъ изъ кіевскаго сѣдалища боевой русской славы?

Наши предки XIII вѣка — съ приднѣпровскихъ высотъ, съ этихъ полей, по которымъ они назывались Полянами, съ этихъ свободныхъ отъ лѣсной заросли пространствъ, на которыхъ *гикающіе ратаеве* (орачи) были самымъ обычнымъ для перваго русскаго поэта явленіемъ, бѣжали въ край низменный, лѣсистый и водянистый. Тамъ жили люди, недоступные для татарскаго господства, крѣпкіе своею позиціею, хоробрые. Они были беззаконны не только въ смыслѣ церковномъ, но и въ смыслѣ первобытной силы, которая ставила подчиненнаго относительно его владыки въ такое положеніе, что, по мановенію князя, какъ это гласила молва, провинившійся подданный дѣлался собственнымъ палачемъ своимъ. Въ этой таинственной и невѣдомой для всего современнаго человѣчества странѣ человѣкъ находился въ борьбѣ съ природою, которая только-что начала уступать ему первенство передъ растительными и животными тварями своими.

Письменная память о постепенномъ пониженіи воднаго уровня въ Балтійскомъ морѣ указываетъ на времена, когда воды на всемъ польско-литовскомъ побережьѣ Балтики стояли выше, разливались шире нынѣшняго; а это время прикасается къ половинѣ XIII вѣка, къ эпохѣ бѣгства южныхъ Русичей въ одну сторону на Клязьму, въ другую на Карпаты, въ третью къ Вислѣ, Нареву, Нѣману. Лѣтописнымъ свидѣтельствомъ продолжавшагося поднятія прибалтійской почвы и ея постепеннаго осушенія остались для насъ такіе факты, что одинъ изъ польскихъ королей Ягайловичей увязъ безвыходно въ трясинѣ во время свадебнаго поѣзда, а другой умеръ по невозможности доставить къ нему врача, въ такихъ мѣстахъ, которыя нынѣ совершенно сухи.

Древніе литовскіе *города* можно назвать *островами*. Они основывались или среди вереницы озеръ, соединенныхъ между собой непроходимыми топями, или среди такихъ зыбучихъ мѣстъ, которыя сдерживали только звѣриную лапу да легкую обувь пѣшаго Литвина, называвшуюся по-русски *ходачками*. Охотившіеся на Литовцевъ тевтонскіе рыцари крыжаки не могли съ ними воевать въ «полномъ вооруженіи»; а литовская дичь была опасна для своихъ преслѣдователей, стекавшихся со всего цивилизованнаго Запада, всего больше тѣмъ, что свободно расхаживала по роднымъ топямъ, неодолимымъ для непріятеля. Вести съ Литвой войну значило у прибалтійскихъ крестоносцевъ то же самое, что мостить безконечные мосты и гати, которые всасывались охранительною литовскою почвою и пропадали безслѣдно.

Когда наконецъ подъ Грюнвальдомъ Литворуссы, вмѣстѣ съ Поляками и Чехами, положили конецъ вторженіямъ тевтонскихъ рыцарей, и литовское общежитіе развилось подъ покровомъ безопасности, — отъ островныхъ городовъ, засѣвшихъ на трясинахъ, раскинулись радіусами длинные мосты. Эти мосты играютъ важную роль въ старинныхъ документахъ, трактующихъ о земскихъ повинностяхъ и платежахъ. Но въ наше время исчезли всѣ ихъ слѣды и самыя названія. Только изрѣдка любители археологіи открываютъ на громадныхъ протяженіяхъ искусственныхъ дорогъ древней Литвы сохранившіяся почти въ свѣжемъ видѣ, точно окаменѣлыя, трехсаженныя бревна; а рыбаки, въ сухую пору года, при тихой и ясной погодѣ, видятъ иногда на днѣ прозрачнаго озера остатки каменныхъ быковъ. То были сооруженія исчезнувшихъ поколѣній, силившихся овладѣть утопавшею въ болотахъ почвою Литвы.

Нѣкоторыя изъ судоходныхъ нѣкогда литовскихъ рѣкъ теперь вовсе не судоходны, а нѣсколько рѣкъ, извѣстныхъ по бумагамъ хозяйственными сплавами и рыбными промыслами, совсѣмъ исчезли, не оставивъ именъ своихъ даже въ мѣстныхъ урочищахъ. Такъ велика разница между природой древней Литвы и природой замѣнившей для насъ Литву Бѣлоруссіей, которую жители кіевскаго Поднѣпрія все еще находятъ страною лѣсистою, многоводною, болотистою.

Письменные памятники среднихъ столѣтій говорятъ о необыкновенныхъ разливахъ литовскихъ водъ отъ проливныхъ дождей. Поля въ Литвѣ весьма часто страдали отъ такихъ разливовъ. Но литовскій пахарь не унывалъ. У него сложилась пословица: «вода беретъ, вода даетъ». На опустошенныхъ нивахъ своихъ ловилъ онъ дорогую, не вездѣ доступную для него рыбу.

Лѣсная глушь.

Дождевые потоки приносили къ нему часто съ верховыхъ рѣчекъ жилыя постройки. Къ одному селу приплыла, по преданію, совсѣмъ устроенная для богослуженія церковь, и, сверхъ того, поля, небывавшія подъ разливомъ, считались плодородными. Поэтому сухое лѣто въ Литвѣ называлось несчастливымъ.

Самую обычную принадлежность литовскаго ландшафта составляли бѣлѣющіеся паруса, съ наполняющими воздухъ и воду рыболовными птицами. То, что въ наше время, весною, представляютъ пинскія озера, усѣянныя рыбачьими лодками, плавичками и плавицами, шугалеями, барками и байдаками, то повсемѣстно виднѣлось въ древней Литвѣ, среди ея густыхъ лѣсовъ, разрѣзанныхъ стоячими и текучими водами. Водяная пошлина, въ соединеніи съ рыбною, составляла въ этомъ озерномъ и рѣчномъ царствѣ лѣсовъ значительную часть княжескихъ, панскихъ и церковныхъ доходовъ. Обладаніе скрытыми въ водѣ богатствами природы создало въ немъ *водяныя братства*, имѣющія нѣчто общее съ *рѣчными* или *водными* козаками на Днѣпровскомъ Низу; а рыболовство было въ Литвѣ занятіемъ ежедневнымъ. Христіанство кстати внесло сюда частые и долгіе посты, которые для невѣжественныхъ неофитовъ были самою доступною формою новой религіозности, и въ свое время послужили для русскихъ людей одною изъ опоръ борьбы съ иновѣрцами. Рыбный промыселъ господствовалъ надъ всѣми прочими.

Теперь уже забыты и названія нѣкоторыхъ рыбъ, подлежавшихъ когда-то казеннымъ и владѣльческимъ пошлинамъ, какъ напримѣръ *берзаны, уклеи, клещи, селявы* и др. На большихъ рѣкахъ дѣлались рыболовныя заставы, съ воротами для судовъ посрединѣ. Другія рѣки перегораживались желѣзными крючьями, или *гродями* и *язами*. Сѣти, закидываемыя на озерахъ, обременялись уловомъ до такой степени, что рыбныя *тони* вытаскивали посредствомъ лошадей. Но самая оживленная, самая любимая Литвинами ловитва производилась по льду зимой. Начиналась она съ ноября и продолжалась до конца марта. Особая корпорація рыболововъ произвела особый классъ рыбачьихъ ткачей, а рыболовный промыселъ былъ подчиненъ придворному сановнику великаго князя, называвшемуся рыбачьимъ мастеромъ. Такъ и владѣльцы частные держали у себя рыбачьихъ старостъ, которые одни имѣли право ловить рыбу волокомъ. Несостоявшіе подъ вѣдомствомъ старосты люди могли ловить рыбу не иначе, какъ «стоя на ногахъ».

Почти въ такой же степени литовская природа способствовала и развитію звѣроловства, въ которомъ первое мѣсто занимали *бобровые гоны*. Эта отрасль сельскаго хозяйства пользовалась особеннымъ вниманіемъ землевладѣльцевъ, такъ что стада бобровъ составлялись искусственнымъ подборомъ самцовъ и самокъ по цвѣту шерсти. Недостатокъ мануфактуръ восполняли въ Литвѣ звѣриными шкурами, которыя въ быту Литовца составляли и роскошь, и предметъ первой необходимости. Но если рыболовство занимало преимущественно чернорабочія руки, то охота за звѣрями была главнымъ занятіемъ высшаго класса и вмѣстѣ школою военнаго быта. Южно-русская народная муза до сихъ поръ воспѣваетъ золоторогихъ туровъ, по старой памяти о томъ времени, когда литовскіе охотники рогами молодецки убитаго тура дорожили больше, чѣмъ его шкурою и мясомъ. Простымъ людямъ не дозволялось охотиться на этого дикаго быка. Онъ составлялъ поэтическую принадлежность сословія господствовавшаго.

Второе мѣсто послѣ тура занималъ въ литовской охотѣ также привилегированный закономъ зубръ, о которомъ страстные любители аристократической забавы твердили, будто бы между его роговъ могли усѣсться три человѣка. Высоко цѣнилась Литвинами болотная рысь, которую, по ея пятнистой шкурѣ, называли они тигромъ. Въ Литвѣ, какъ и въ украинскихъ степяхъ, водились дикіе кони, которыхъ можно было тамъ видѣть еще и въ XV вѣкѣ. Лосей было такое множество, что, когда князь или какой нибудь «великій панъ» готовился къ охотничьему походу, — лосиное мясо заготовлялось въ прокъ для содержанія охотниковъ. Въ лѣсныхъ озерахъ купались цѣлыми стадами серны, огражденныя, точно въ звѣринцѣ, болотистою, заваленною древесными стволами почвою. На нихъ устраивали зимой охоту волки, нагоняли

на голый ледъ и терзали быстроногихъ животныхъ, точно овецъ. Но царемъ литовскихъ звѣрей считался медвѣдь, отличавшійся необыкновеннымъ ростомъ, отвагой, силой и свирѣпостью. Противъ него была объявлена всеобщая война: самому простому человѣку предоставлялось право охотиться на медвѣдей, какъ и на волковъ. Привычка имѣть весьма часто дѣло съ медвѣдемъ породила въ простонародьѣ промыселъ показыванья ручныхъ медвѣдей уличной толпѣ. Прихотливые паны содержали ихъ на конюшнѣ и появлялись иногда въ запряженныхъ медвѣдями рыдванахъ среди ярмарки, или мѣстнаго сеймика къ ужасу «низшей шляхты». Вообще звѣриное царство въ Литвѣ отличалось многочисленностью породъ и густотою населенія.

Обиліе пушныхъ звѣрей и настоятельная нужда въ мѣховой одеждѣ способствовали чрезвычайному развитію охоты. Предоставляя мелкаго звѣря въ пользу простонародья, литовскіе землевладѣльцы присвоивали себѣ только крупнаго. Во время охотничьихъ походовъ, цѣлыя села участвовали обыкновенно въ облавахъ, называемыхъ *перелаями*. Княжившія и пановавшія особы устраивали вокругъ себя постоянныя охотничьи дружины, которыя во время войнъ превращались въ ополченія. Образовался даже особый охотничій языкъ. Молодцоватые поселяне бѣгали отъ своихъ отцовъ и господъ въ охотничью службу къ сосѣднимъ Нимвродамъ, какъ въ днѣпровской Украйнѣ къ прославленнымъ атаманамъ на козацкій промыселъ. Свою наѣздническую удаль хоробрая Литва вырабатывала въ гонитвѣ за обитателями родныхъ лѣсовъ и болотъ.

Развалины рыцарскаго замка.

Продукты звѣроловства составляли у этого народа важную отрасль государственнаго и частнаго хозяйства. Бочки соленой или вяленой звѣрины отправлялись по зимнему пути къ иноземнымъ купцамъ въ приморскія факторіи. Во время войны, она составляла главный съѣстной запасъ. Ветчина изъ дикаго кабана принималась въ казнѣ на мѣсто денежныхъ взносовъ. Звѣриными шкурами платили въ судахъ пени и пошлины. Даже на краковскомъ рынкѣ, за недостаткомъ звонкой монеты, торговля производилась иногда при посредствѣ попеличьихъ лобковъ и куньихъ мордокъ. Одежда изъ ласицъ, попелицъ и бѣлокъ была распространена въ Литвѣ такъ, что нынѣ трудно даже вообразить, какъ много ихъ добывалось.

Свѣжесть и могущество растительной природы сильно вліяли на скотоводство, но подавляли земледѣліе. Лука и лугъ были для древняго литовца дороже нивы и лана. Онъ былъ номадъ, какъ и днѣпровскій козакъ, продолжившій его трудную привольную жизнь въ то время, когда польская хозяйственность отодвинула малолюдныя пустыни отъ Нѣмана къ Днѣпру.

«Эй, вы луки, луки!
За вами всѣ луги и луки»...

вотъ единственная жалоба днѣпровскаго номада на своихъ богачей. Такъ, безъ сомнѣнія, чувствовалось и въ Литвѣ. Пастбища еще въ XVI вѣкѣ цѣнились въ литовскомъ хозяйствѣ наравнѣ съ пахатнымъ полемъ. Во времена Ягайла и сами Поляки, учители безграмотной Литвы, занимались еще такъ мало земледѣліемъ, что главную статью дохода составляли у нихъ конскіе табуны, а главный чиншъ получали они за отдачу дубовыхъ лѣсовъ подъ выпасъ «гуртовыхъ свиней».

Долгая, суровая, многоснѣжная зима отвлекала Литовца отъ земледѣлія столько же, какъ и его воинственность, переходившая отъ защиты его убѣжищъ къ набѣгамъ на образованныхъ

сравнительно сосѣдей и обратно. Домашній бытъ его не представляетъ утонченности даже въ знатныхъ семействахъ. Мы напримѣръ знаемъ, что простой тулупъ былъ повседневною одеждою великаго князя Ягайла. Да и на Поляковъ его времени заграничные ихъ пріятели жаловались, что отъ нихъ смердитъ кожухомъ. Но зато это былъ народъ желѣзный. Прошлявшись лѣто и осень по своимъ водянистымъ трущобамъ, Литовцы жаждали морозовъ, которые бы выгубили у нихъ насѣкомыхъ и уничтожили въ ихъ жилищахъ гадовъ. Хотя Литовецъ жилъ, можно сказать, въ шалашѣ, но морозы не страшили его. Въ жестокую стужу и метель обитатель дремучихъ лѣсовъ и болотъ чувствовалъ себя особенно бодрымъ и предпріимчивымъ. Зима давала ему наилучшую добычу, какъ рыбаку и охотнику. Зима снабжала его домашній бытъ иноземными продуктами путемъ торговли, потому что только въ эту пору года проникали къ нему купцы, которыхъ и называлъ онъ не иначе, какъ *зимними гостями*.

Слабое развитіе земледѣлія въ Литвѣ возмѣщалось не однимъ скотоводствомъ, не однимъ рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ, но и пасѣками или бортными входами. Свѣжая природа не была еще здѣсь измята, скомкана, притоптана человѣческою дѣятельностью, какъ въ западной Европѣ, и, будучи послѣднею по обработкѣ, являлась первою по своей производительности. На Западѣ не сохранилось ничего подобнаго величественнымъ липовымъ лѣсамъ, одѣвавшимъ влажныя побережья Нѣмана. Литовскіе дубы поражали своей громадностью тевтонскихъ рыцарей; а Поляки, хозяйничая въ странѣ, сдѣлавшейся наконецъ для нихъ доступною, дивились окаменѣлымъ стволамъ великанскихъ деревъ, «которыхъ породы никто не умѣлъ назвать». Обиліе душистыхъ злаковъ и цвѣтовъ, питаемыхъ роскошно отѣненною, влажною почвою, производило несмѣтные рои пчелъ. Медовая дань въ Литовскомъ государствѣ уступала одной рыбной. Медомъ Литовцы замѣняли монету такъ же, какъ и мѣхами. Нѣкоторыя судебныя пени взимались опредѣленнымъ количествомъ меду, а восковые круги и свѣчи сдѣлались въ свое время обыкновенными взысканіями за церковныя преступленія. «Камни воску» вывозились изъ Литвы за границу, какъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ продуктовъ. Литовскимъ медомъ, по словамъ древнихъ лѣтописей, пробавлялась «вся Германія, Британія и отдаленнѣйшія страны Европы». Въ Литвѣ существовали братства бортняковъ. Они имѣли присяжныхъ лавниковъ, старосту, судью, писаря. Медовый староста, распоряжавшійся бортною челядью, былъ важнымъ членомъ каждой экономіи. Существовало даже особое бортное право.

Богатство водяной и лѣсной природы долго держало сельское хозяйство въ первобытномъ состояніи. Коренное населеніе Литвы было немногочисленно. Наши русскіе предки нашли въ этомъ краѣ большой просторъ и готовыя на каждомъ шагу средства къ существованію. Переселеніе кіевскихъ Русичей въ литовскія трущобы совершалось по путямъ, проложеннымъ торговыми людьми, литовскими зимними гостями. Оно, конечно, сопровождалось бѣдствіями торопливаго передвиженія. Оно было горестнымъ дѣломъ и въ вещественномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Но когда литовская природа заключила наконецъ бѣглыхъ Русичей въ свои объятія, — они должны были скоро успокоиться на счетъ потери своего земледѣльческаго хозяйства среди неисчерпаемыхъ источниковъ хозяйства номаднаго.

О впечатлѣніи, какое дѣлала «беззаконная» Литва на пришельцевъ, можно судить по тому, какъ поражались ея дикими прелестями суровые монахи-крестоносцы, занявшіе балтійское поморье на устьяхъ Вислы съ цѣлью искоренить язычество, засѣвшее въ первобытныхъ лѣсахъ Нѣмана. Нигдѣ въ христіанской Европѣ не видали они столько птицъ и не слыхали такихъ концертовъ птичьяго пѣнія, какъ при вступленіи въ область ненавистныхъ идолопоклонниковъ. Первую свою крѣпость, первый редутъ, устроенный въ глухомъ лѣсу, какъ операціонный базисъ для войны съ варварами, прозвали они Птичьимъ Пѣніемъ — Vogelsang. Природа Литвы величіемъ своихъ созданій представитъ намъ нѣчто сказочное, если мы вспомнимъ, что этотъ первый тевтонскій за́мокъ, у входа въ ея дикую область, былъ построенъ не на землѣ, а на раскидистомъ стволѣ великанскаго дуба, подобно гнѣзду эпическаго Соловья Разбойника.

Многія сотни лѣтъ работала стихійная сила надъ созданіемъ подобныхъ колоссовъ растительности въ странѣ, занятой племенемъ, которое смотрѣло на громадныя деревья съ чувствомъ боготворенія. Когда наконецъ промышленная жизнь пришла въ литовскіе лѣса съ истребительными своими занятіями, и рубка первобытныхъ зарослей воспреобладала надъ всѣми отраслями мѣстнаго хозяйства, — количество древеснаго матеріяла, добываемое изъ одного дуба, представило цифру невѣроятную. Въ тѣ времена, когда въ Литвѣ и въ Польшѣ цѣлая деревня покупалась иногда «за два вола, за шесть локтей сукна и за нѣсколько лисьихъ мѣховъ», или «за двадцать гривенъ серебра и за двѣ сукни», бывали дубы, цѣнимые во сто гривенъ.

Поэтическія впечатлѣнія величавой въ своей первобытности природы дѣйствовали сильно на мѣстныхъ жителей. Литовская миѳологія, блескомъ и роскошью фантазіи, представляетъ одинъ изъ богатѣйшихъ матеріяловъ для художественнаго творчества. Великій князь Ягайло, сдѣлавшись польскимъ королемъ, навѣщалъ свою дикую родину съ единственною цѣлью отдохнуть отъ новыхъ впечатлѣній въ ея полупраздномъ и полудикомъ быту. Не могъ наслушаться онъ досыта литовскихъ соловьевъ, и умеръ отъ простуды, схваченной во время ихъ ночныхъ концертовъ. Богатырскіе походы Гедиминовичей и Ольгердовичей въ занятыя Татарами степи, на карпатское подгорье и къ черноморскимъ лукоморьямъ, воспѣваемые неграмотными *вайделотами*, можетъ быть, превзошли бы «старыя словеса» ихъ предка, Игоря, когда бы мѣстная письменность не была подавлена схоластическимъ латинствомъ. Любовь къ родной природѣ отразилась поэтически и въ крѣпкомъ стояньѣ Литворуссовъ противъ татарокозацкихъ ордъ, истреблявшихъ въ половинѣ XVII вѣка города и мѣстечки Кіевской и Волынской земли, такъ что, по словамъ московскихъ вѣстовщиковъ, казалось, «будто бы тамъ никогда ничего не было».

Черты своей суровой поэтичности сохранила Литва до нашего времени. Она лишилась, правда, колоссальныхъ дубовъ, служившихъ пьедесталами рыцарскимъ за́мкамъ. Въ ней не растутъ уже «сладкіе цвѣты», дивившіе встарину иноземцевъ. Ея медовые соты отзываются не липовымъ ароматомъ, а запахомъ сосновой смолы. Она утратила пѣсеннаго тура съ фантастически золотыми рогами. Но ея природа все еще такъ захолустна, что въ ея пущахъ царитъ постарому силачъ медвѣдь и плодится въ удаленіи отъ человѣка широкорогій зубръ. Эта природа, поражавшая въ свое время удивленіемъ языческихъ миѳистовъ и ихъ преслѣдователей крестоносцевъ, оставила по себѣ безсмертную память въ произведеніяхъ нашего современника Мицкевича, котораго лѣсныя картины первенствуютъ недосягаемо, въ поэтической живописи, среди произведеній всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

П. Кулишъ.

ОЧЕРКЪ V.

СОВРЕМЕННАЯ ПРИРОДА ЛИТВЫ.

Общій характеръ литовской природы. — Виленская губернія: поверхность; возвышенности; геологическія формаціи; минеральные источники: Стоклишки, Нѣмонайце, Биршганы; почва; воды: Нѣманъ, Вилія, Зап. Двина; озера; болота; рыбы; лѣса; звѣри. — Ковенская губернія: поверхность; возвышенности; геологическія формаціи; почва; рѣки; озера; рыбы; болота; минеральные источники: Смердоне, Малюны, Бидзы; лѣса; хищныя животныя. — Гродненская губернія: поверхность; возвышенности; геологическія формаціи; почва; минеральные источники Друскеники; 36-лѣтняя дѣятельность д-ра Пилецкаго; воды: Нѣманъ и его притоки; каналы; озера; болота; рыбы; лѣса: Бѣловѣжская пуща, пожаръ 1811 г.; зубръ; другіе звѣри; царская охота 1860 г.; Гродненская пуща; лѣсная торговля и лѣсное хозяйство. — Охота.

О, современники великихъ
Князей литовскихъ — дерева
Лѣсовъ непроходимо-дикихъ!
О васъ досель гремитъ молва.
Понари, Кушелево, Свитезь
И Бѣловѣжской пущи сѣнь!
Безсмертны вы! — Превозноситесь,
Лѣса Понари! Ваша тѣнь

Съ крутаго горнаго отрога
Ложилась на чело Мендова.
Литвы державный исполинъ,
Лежалъ подъ вами Гедиминъ: —
Въ кругу ловцовъ, питомцевъ бури.
Сынъ грома на медвѣжьей шкурѣ,
При пламени костра, здѣсь онъ
Внималъ вѣщаніямъ Лездейки...

МИЦКЕВИЧЪ: ПАНЪ ТАДЕУШЪ.

ирокою полосою разстилается площадь Литовскаго полѣсья, болѣе суглинистая, плодородная, особенно въ Ковенской губерніи, а отчасти въ Виленской и Гродненской.

Возвышенности незначительны и то въ извѣстныхъ только направленіяхъ. Зато площадь эта богата судоходными и сплавными рѣками, рѣчками и озерами. Большая часть береговъ рѣкъ и озеръ представляютъ весьма живописные виды, преимущественно въ Ковенской и Виленской губерніяхъ, а также Гродненской, за исключеніемъ южной ея части, какъ принадлежащей къ болотистой долинѣ Припети. Рѣки, а еще болѣе озера, богаты разныхъ сортовъ рыбами, способствуя, кромѣ мѣстнаго потребленія, развитію довольно значительнаго промысла.

Край особенно богатъ лѣсами: несмотря на значительное ихъ истребленіе въ послѣдніа пятнадцать лѣтъ, лѣса занимаютъ еще большія пространства. Въ этомъ отношеніи богаче всѣхъ трехъ губерній Гродненская, затѣмъ слѣдуетъ Виленская, менѣе же лѣсиста Ковенская. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Литовскій край славился своими дремучими лѣсами. Марлинскій (Александръ Бестужевъ), въ своихъ воспоминаніяхъ 1812 года, сравниваетъ литовскіе лѣса съ непроходимыми сибирскими пущами. Много истреблено ихъ съ того времени; тѣмъ не менѣе и теперь еще край можетъ назваться богатымъ въ отношеніи лѣсовъ. Много лѣсовъ истреб-

лено въ 1863 году, вслѣдствіе принятой мѣры очистки желѣзныхъ дорогъ отъ прилегающихъ къ нимъ лѣсовъ. Вокругъ каждой станціи вырублено на 300 саж. во всѣ стороны, а по всему протяженію дорогъ на 150 саж., какъ въ одну, такъ и въ другую сторону.

Чтобы ближе познакомить читателя съ природою Литовскаго полѣсья, съ его естественными произведеніями и минеральными богатствами, мы разсмотримъ каждую губернію отдѣльно. Начнемъ съ Виленской губерніи.

Поверхность губерніи представляетъ песчаную равнину. Самая возвышенная часть ея отъ юго-западнаго угла Лидскаго уѣзда простирается діагонально черезъ всю губернію въ направленіи къ сѣверо-востоку и соединяется узкимъ перешейкомъ на границѣ Витебской и Минской губерній съ Алаунскою возвышенностью. Наиболѣе возвышенныя точки Литовской возвышенности имѣютъ отъ 100 до 1100 ф. (около 150 саж. абс. выс.), какъ напримѣръ высоты при деревнѣ Тупишки, въ Ошмянскомъ уѣздѣ, въ Лидскомъ уѣздѣ, при деревнѣ Тарновцы, въ Виленскомъ уѣздѣ, при им. Мѣдники, въ Вилейскомъ уѣздѣ, при деревнѣ Кондратахъ.

Сѣверный склонъ главнаго кряжа, въ сѣверной части Лидскаго и въ западной Трокскаго уѣздовъ, представляетъ песчаную равнину; въ Виленскомъ же, постепенно понижаясь къ р. Виліи, при впаденіи въ нее р. Вилейки, образуетъ котловину, окаймленную со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной, высотами, изъ коихъ, къ западу, Понарскія горы образуютъ цѣпь прорѣзанныхъ оврагами холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ. Сѣверный край этой цѣпи, въ 7 верстахъ отъ впаденія Вилейки, упирается въ р. Вилію и образуетъ крутые, значительной высоты берега рѣки, замѣчательные своимъ разнообразіемъ и очаровательными видами. Съ восточной стороны означенная котловина ограничена высокими песчаными холмами, изъ коихъ Трехъ-крестовая, Замковая и Бекешевая горы въ Вильнѣ, у подножія которыхъ извивается р. Вилейка, возвышеннѣе всѣхъ прочихъ. Сѣверная часть котловины съ востока на западъ прорѣзывается р. Виліею, правый берегъ которой, близъ г. Вильно имѣетъ возвышенности, называемыя Шешкине.

Горныя породы Виленской губерніи принадлежатъ къ нижнему ярусу третичной формаціи, кромѣ сѣверной ея части, гдѣ показываются песчаники девонской формаціи.

Нижній ярусъ эоценовой формаціи (т. е. третичной) состоитъ изъ сланцеватой глины, кремнистаго песчаника, грубо-зернистаго известняка, мергеля, мѣловида, рухляковъ и гипса. Всѣ эти породы расположены неправильно перемежающимися пластами, перемѣшаны между собою. Морскіе осадки перемежаются съ прѣсноводными.

На всемъ протяженіи губерніи, какъ на поверхности, такъ и на небольшой глубинѣ, попадаются эрратическіе валуны, занесенные льдомъ или водою во время одного изъ земныхъ переворотовъ. Камни эти принадлежатъ къ кристаллическимъ породамъ: граниту, гнейсу, базальту, кварцу, трахиту и пр., и пригодны для разныхъ построекъ, для выдѣлки колоннъ, крылецъ, надгробныхъ памятниковъ и т. п.

Изъ другихъ минеральныхъ богатствъ лигнитъ преимущественно находятъ въ Лидскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Юндзилла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ Трокскомъ и Ошмянскомъ уѣздахъ, попадается луговой желѣзнякъ, или болотистая руда съ известняковымъ туфомъ на глубинѣ 1 фута подъ поверхностью. Руда эта является въ видѣ комковъ темно-бураго цвѣта, въ изломѣ съ слабо-блестящимъ отливомъ, и содержитъ болѣе 50% желѣзной окиси; поэтому въ Налибокахъ и Вишневѣ, въ Ошмянскомъ уѣздѣ, устроены чугунно-плавильные заводы. Въ весьма многихъ мѣстахъ губерніи находятъ бурый торфъ, годный на топливо. Глина, которою изобилуетъ губернія, отличнаго свойства. Попадается также бѣлый кварцевый песокъ, годный для выработки хорошаго бѣлаго стекла. Минеральные источники находятся въ трехъ мѣстахъ, въ Трокскомъ уѣздѣ, а именно: въ Стоклишкахъ, въ 70 верстахъ отъ г. Вильно, въ 50 отъ Трокъ и въ 15 отъ р. Нѣмана, гдѣ они состоятъ изъ трехъ источниковъ: сѣрнаго, соленаго и желѣзнаго; въ Нѣмонайцахъ, близъ м. Олиты, здѣсь, въ ста шагахъ отъ берега р. Нѣмана нахо-

дится ключъ соленой минеральной воды. Вкусъ немного солеповатый, безъ горечи. Вообще Нѣмонайцкій ключъ гораздо слабѣе Стоклишскихъ источниковъ и посѣщается только больными изъ окрестныхъ мѣстъ. Наконецъ третій минеральный источникъ находится въ Бирштанахъ, въ Трокскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Нѣмана. Начиная отъ м. Нѣмонюнъ до деревни Жидейканъ, Нѣманъ своимъ кривымъ оборотомъ образуетъ какъ бы полуостровъ, называемый жителями бухтою. Полуостровъ этотъ простирается въ длину до 20, а въ ширину до 15 верстъ; перешеекъ, или самое узкое мѣсто, между Нѣманомъ и Жидейканами, составляетъ не болѣе 7 верстъ. Въ этой-то бухтѣ находятся Бирштаны, гдѣ во времена Витовта существовалъ охотничій дворецъ. На южной оконечности Бирштанъ лежитъ трехугольная, въ 30 десятинъ величиною долина, прорѣзанная оврагомъ, чрезъ который протекаетъ небольшой ручей, впадающій въ Нѣманъ. Оврагъ этотъ подъ конецъ переходитъ въ котловину, покрытую толстымъ слоемъ крупнаго кварцоваго песку, и здѣсь, въ этой котловинѣ, посрединѣ ея находятся два источника соленой воды. Источникъ, тоже соленый, находится въ двухъ верстахъ повыше мѣстечка, на окраинѣ лѣса, близъ Нѣмана. Бирштанскія воды въ нѣкоторой степени соперничаютъ съ Друскеникскими и въ цѣлебномъ отношеніи, если не превосходятъ, то не уступаютъ первымъ. Воды эти употребляются какъ для купанья, такъ и для питья. Съ каждымъ годомъ извѣстность ихъ, а съ нею и число посѣтителей, увеличиваются.

Почва губерніи большею частію глинистая и песчаная. Черноземная полоса идетъ отъ м. Бутриманцы по Трокскому уѣзду, чрезъ Езно, Пуне, Жижморы и Жосли, переходитъ на правый берегъ Виліи и занимаетъ сѣверную часть Виленскаго уѣзда, сѣверо-восточную Свенцянскаго и часть Дисненскаго. Песчаная же полоса идетъ отъ окрестностей Вильно на юго-западъ, по направленію къ р. Нѣману до м. Мереча, въ Трокскомъ уѣздѣ. Болотистая почва находится въ южной части Ошмянскаго и въ Вилейскомъ уѣздѣ. Въ остальныхъ затѣмъ мѣстахъ преобладаетъ глинистая почва, кое-гдѣ перемѣшанная съ пескомъ.

Виленская губернія богата водами. Всѣ текущія ея воды принадлежатъ Балтійскому бассейну. По юго-западной границѣ течетъ Нѣманъ, а по сѣверо-восточной — Западная Двина, Вилія же, главный притокъ Нѣмана, дѣлитъ губернію на двѣ равныя части: сѣверо-восточную и юго-западную, протекая чрезъ всю ширину губерніи и принимая въ себя множество притоковъ.

Нѣманъ орошаетъ всѣ три губерніи Литовскаго полѣсья и потому мы поговоримъ о немъ подробнѣе.

Нѣманъ, въ древности *Chronus,* у Нѣмцевъ Мемель, во время язычества пользовавшійся божескими почестями, вытекаетъ изъ болотъ и лѣсовъ Игуменскаго уѣзда Минской губерніи, протекаетъ въ этой губерніи около м. Могильно, памятнаго побѣдою Рингольда надъ удѣльными русскими князьями (1235), а потомъ м. Свержня, весьма важнаго пункта въ торговомъ отношеніи, а затѣмъ отъ устья рч. Сульмы вступаетъ на границу Виленской губерніи, протекая въ направленіи къ сѣверо-западу, не доходя до селенія Докуды.

Нѣманъ поворачиваетъ къ юго-западу и вступаетъ обоими берегами въ предѣлы Виленской губерніи, проходитъ мимо Докудова, Бѣлицы, Орля, течетъ многочисленными изгибами, то среди дремучихъ Докудовскихъ и Делятычскихъ, съ правой стороны, лѣсовъ, то имѣя на своихъ берегахъ значительныя высоты, съ очаровательными, весьма живописными и разнообразными видами. Вообще отъ Бѣлицы, Лидскаго уѣзда, берега его возвышаются, и мѣстами образуютъ обрывы.

Ниже селенія Турейки (за м. Орле), Нѣманъ входитъ въ Гродненскую губернію. Отъ м. Мостовъ онъ дѣлаетъ полукругъ и вновь принимаетъ направленіе къ сѣверо-западу. Лѣвый берегъ гористъ, правый окружаютъ лѣса и болота. Такъ онъ приближается къ г. Гродно, расположенному на правомъ его берегу. Множество овраговъ и кургановъ опять разнообразятъ берега. Пройдя около 4 верстъ отъ Гродно, Нѣманъ дѣлаетъ крутой оборотъ къ сѣверу. Правый берегъ его принадлежитъ къ Виленской, а лѣвый къ Сувалкской губерніи царства

Польскаго. Характеръ мѣстности постепенно измѣняется, ширина русла Нѣмана увеличивается, но быстрота теченія уменьшается, берега не столь высоки, песчанисты, безлѣсны и неживописны. Миновавъ деревню Гожа, въ 21 верстѣ отъ Гродно, при Нѣмновѣ, Нѣманъ соединяется съ Августовскимъ каналомъ и затѣмъ доходитъ до м. Пржеломъ; при устьѣ же Ротничанки дугой окружаетъ мѣстечко Друскеники (Гродненской губерніи), славящееся своими минеральными водами.

Изъ Друскеникъ, принимая направленіе то къ сѣверо-востоку, то къ востоку и наконецъ дугой къ западу, Нѣманъ протекаетъ около историческаго Лишкова, существующаго на развалинахъ древняго Новогрудка (Науеницлле).

Звѣринецъ на р. Виліи, въ окрестностяхъ г. Вильно.

Далѣе на правомъ берегу видимъ историческій Меречъ, какъ равно и другія мѣстности Трокскаго уѣзда, которыя сейчасъ исчислимъ, знаменательныя по историческимъ воспоминаніямъ. Природа опять измѣняется. Берега становятся возвышеннѣе, лиственныя деревья смѣшиваются съ хвойными; далѣе среди зеленѣющихъ долинъ, холмовъ и рощъ видны на лѣвомъ берегу деревни. За ними Нѣманъ поворачиваетъ къ востоку и течетъ къ древнѣйшему литовскому поселенію Нѣмонайцамъ, окруженному многочисленными курганами. Здѣсь-то, по преданію, будто бы баснословный Нѣмонъ, давшій названіе рѣкѣ и почитаемый какъ божество, высадился на берегъ, и здѣсь существовало даже особое капище въ честь этой священной рѣки. Для судоходовъ начинаются опасные подводные камни и пороги. За Нѣмонайцами Нѣманъ поворачиваетъ къ сѣверу. Въ 14 верстахъ (по прямому направленію и въ 28 по Нѣману) отъ Нѣмонайцъ, находится м.

Олита, потомъ въ 14 верстахъ памятныя въ лѣтописяхъ Пуне, со слѣдами древняго укрѣпленія. Описывая дугу около Пренъ, Нѣманъ приближается къ Бирштанамъ; затѣмъ въ 20 вер. слѣдуютъ Дорсунишки, со слѣдами замка, и въ 25 вер. отъ послѣднихъ—Румшишки. Не доходя 7 верстъ до Румшишекъ, Нѣманъ входитъ въ предѣлы Ковенской губерніи, поворачиваетъ къ западу, окружаетъ Пожайскій монастырь, вступаетъ въ Ковно, гдѣ сливается съ водами, воспѣтой Мицкевичемъ, Игнатіемъ Ходзькою и др., р. Виліи.

Отъ Бирштанъ до Ковно и далѣе, берега Нѣмана красуются очаровательными, разнообразными видами. Множество тѣнистыхъ липъ, многовѣковыхъ дубовъ, живописныхъ овраговъ, высокія горы съ богатою растительностію, долины, усѣянныя цвѣтами, развалины древнихъ замковъ, могилы и кострища—невольно переносятъ мысль во времена давно минувшія, въ царство богини любви, здѣсь обитавшей, въ долину Мицкевича, гдѣ онъ вдохновлялся и изливалъ свои чудныя пѣсни.

Въ десяти верстахъ отъ г. Ковно, на скатѣ плоской возвышенности, лежитъ м. Сапѣжишки, гдѣ среди священной рощи было идолопоклонническое капище. Далѣе м. Вількія, или Вилькенбергъ въ прусскихъ лѣтописяхъ. Потомъ Средники, а при устьѣ Дубиссы — Биленъ, будто бы построенный баснословнымъ Палемономъ на вершинѣ горы, которая и теперь носитъ названіе *Палемоновой.* Здѣсь по преданію было языческое Ромове. Билена нѣтъ и слѣдовъ. Далѣе м. Скирстымони, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ сильно укрѣпленный замокъ рыцарей, Христъ-Мемель, а въ 10 верстахъ отъ Средникъ — Веллона, памятная кончиною Гедимина; далѣе среди очаровательной окрестности Гелгудишки, потомъ Кудуле и наконецъ древній Юрбургъ съ пристанью.

Берега Нѣмана.

За Юрбургомъ Нѣманъ входитъ въ предѣлы Прусскихъ владѣній и течетъ еще 82 версты; близъ Тильзита раздѣляется на два рукава: Руссе и Гильге и много побочныхъ. Затѣмъ впадаетъ въ заливъ Куришъ-гафъ.

Нѣманъ судоходенъ, начиная отъ м. Свержня Минской губ., на протяженіи 730 верстъ. Ширина Нѣмана въ Виленской губ. отъ 35 до 75 саженъ. Глубина во время половодья весною доходитъ до 3, а въ нормальномъ состояніи отъ 1 до $1^1/_2$ сажени. Разливы весною доходятъ до 8 верстъ въ ширину, такъ что сообщеніе между прибрежными поселеніями прерывается. Въ мѣстахъ, гдѣ берега крутые и высокіе, сопротивляющіеся разливу, отъ сильнаго напора воды образуются промоины, отъ чего нерѣдко огромныя деревья, вырываемыя съ корнемъ, уносятся водами Нѣмана. Вскрытіе Нѣмана бываетъ въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля. Судоходство по Нѣману производится съ весны до поздней осени.

Пароходное сообщеніе существуетъ только отъ Тильзита до Ковна. Далѣе пароходы не идутъ по причинѣ подводныхъ камней и мелей.

Для Виленской губ., главный притокъ Нѣмана, рѣка Вилія имѣетъ почти такое же значеніе, какъ и Нѣманъ.

Вилія вытекаетъ изъ Минской губ., Борисовскаго уѣзда, а по Виленской протекаетъ до 600 верстъ.

По теченію Виліи расположены 2 губернскіе города, 1 уѣздный, 9 мѣстечекъ и 269 заселенныхъ мѣстностей. Пороговъ, угрожающихъ судамъ, считаютъ 12, кромѣ множества подводныхъ камней, опасныхъ для судоходства: изъ нихъ самый опасный называется Лысина Паца, по срединѣ рѣки въ г. Вилейкѣ.

Берега Виліи разнообразны и очень живописны: то крутыя, высокія горы, то неприступные утесы, покрытые на вершинахъ густымъ лѣсомъ и загроможденные разной величины камнями.

Хроника Ривіуса говоритъ, что Вилія была судоходною еще въ 1380 году. Виленское и иностранное купечество сплавливало свои товары Виліею въ 1444, 1494, 1535 и послѣдующихъ годахъ. Въ 1589 г. Вилія была вновь очищена средствами однихъ жителей г. Вильно; очистка эта была возобновлена въ 1606 г. на счетъ правительства. Гваньини (Kronika, 1611) говоритъ, что Вилія рѣка судоходная, по которой Виленцы отправляютъ товары въ Данцигъ. Въ настоящее же время дно рѣки, хрящеватое и каменистое, затрудняетъ судоходство, продолжающееся только въ маѣ, іюнѣ и осенью, когда вода бываетъ на прибыли. Сплавъ начинается отъ м. Шиланце до самаго устья, на пространствѣ 385 верстъ.

Въ 1855 г. графъ Райнольдъ Константиновичъ Тизенгаузъ на собственный счетъ выписалъ два парохода, большой «Кейстутъ», предназначавшійся для Нѣмана, и меньшій—«Нерисъ» для Виліи. Пароходъ «Нерисъ» открылъ свое плаваніе весною 1856 г. и поднялся вверхъ до Сосенки, одной изъ первыхъ пристаней въ верховьяхъ Виліи. Этимъ опытъ и окончился. Плаваніе сопряжено было съ необыкновенными трудностями. Въ теченіе лѣта однако «Нерисъ» перевозилъ пассажировъ между Вильною и Ковномъ, а также для прогулокъ въ Верки. Затѣмъ, потерпѣвъ отъ весенняго льда въ Ковнѣ значительное повреждение, «Нерисъ» уже и не возвратился въ Вильно. «Кейстутъ» же на Нѣманѣ оказался вполнѣ пригоднымъ.

Западная Двина, протекая по границѣ Виленской губерніи на протяженіи 70 верстъ, имѣетъ двѣ пристани, въ Диснѣ и Друѣ.

Озера въ Виленской губ. очень многочисленны: ихъ считается болѣе 400, изъ коихъ большая часть въ Трокскомъ и Свенцянскомъ уѣздахъ. Отличительный характеръ здѣшнихъ озеръ тотъ, что они не соединены между собою рѣками, составляя какъ бы отдѣльныя группы. Самое большое озеро въ губерніи — Нарочъ находится въ Свенцянскомъ уѣздѣ; длина его, по исчисленію Корево, 16 верстъ, ширина 12 верстъ. По другимъ же свѣдѣніямъ, длина озера 23 версты, ширина 15. Между лежащею на берегу озера деревнею Наносы и расположеннымъ на противоположномъ берегу мѣст. Мядзіолъ, въ озерѣ находится такъ называемая въ народѣ Чортова гребля, съ которою связаны разныя сверхъестественныя преданія. 31 іюля 1854 я, вмѣстѣ съ знаменитымъ авторомъ Литовскихъ очерковъ, Игнатіемъ Ходзько, изслѣдовалъ эту Греблю въ подробности. Въ полуверстѣ отъ дер. Наносы начинается Гребля, на глубинѣ подъ поверхностью воды на $1^3/_4$ аршина. Гребля построена изъ камней разной величины, крѣпко между собою связанныхъ, вышиною отъ дна озера на $2^1/_4$ арш. Ширина такая, что можно бы свободно по ней ѣхать четверкою рядомъ запряженныхъ лошадей. Длина гребли, идущей въ прямой линіи по направленію къ Мядзіолу, около версты. Со стороны послѣдняго, на озерѣ есть небольшой островъ, такъ и называемый, со слѣдами развалинъ какого-то большаго каменнаго зданія. Отъ этого Острова идетъ такая же гребля тоже—на протяженіи около версты въ прямомъ направленіи, насупротивъ Наносной гребли, но перерывъ между ними весьма значительный. Какое назначеніе было этой гребли, когда она построена и кѣмъ—нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, преданіе же самое сооруженіе приписываетъ чертямъ. Озеро Нарочъ совершило своего рода чудо въ 1847 году. Въ это время жителямъ губерніи угрожалъ совершенный голодъ. Неурожай былъ всеобщій. Въ іюнѣ мѣсяцѣ заревѣла страшная буря, какой не запомнятъ. Деревья вырывались съ корнями. За завалами проѣзду не было. Бушевало и озеро. Волны его, ударяясь о берега, выбрасывали маленькихъ рыбокъ, называемыхъ оклейками, весьма вкусныхъ и выбрасывали въ такомъ множествѣ, что жители цѣлыми возами забирали ихъ, сушили, и когда настала зима, когда сосѣдніе

крестьяне умирали съ голоду, прибрежные жители Нароча прокормились оклейкою, пекли даже изъ нея хлѣбъ. Выбрасываніе рыбы на берега, хотя и при меньшихъ буряхъ, продолжалось десять дней и, что всего страннѣе, съ соблюденіемъ очереди относительно береговъ. По серединѣ озера въ водѣ есть значительныя возвышенности, надъ которыми ледъ въ зимнее время обыкновенно очень тонокъ; такъ что, когда однажды подъ большимъ экипажемъ ледъ проломился, и проѣзжавшіе были въ ужасѣ, рыбаки успокоили ихъ: экипажъ загрязъ неглубоко, а тамъ была уже твердая земля.

Значительны по своей величинѣ также озеро Мадзіолъ, при мѣстечкѣ того же названія, на границѣ Виленскаго и Свенцянскаго уѣздовъ, имѣющее въ длину 12 верстъ, въ ширину 5, и озеро Свиръ, въ Свенцянскомъ уѣздѣ, при м. Свиръ, бывшей столицѣ удѣльныхъ князей Свирскихъ, имѣющее въ длину 11 верстъ, въ ширину же только 1½ версты. Въ Лидскомъ у. еще замѣчательно озеро Дубо при селѣ Дубичи, гдѣ похороненъ знаменитый историкъ Ѳедоръ Ефимовичъ Нарбуттъ; оно длиною въ 4 вер. На немъ островъ, на которомъ видны развалины замка, кажется временъ Витовта. Но къ знаменитѣйшимъ озерамъ по историческимъ воспоминаніямъ принадлежитъ Трокское озеро, или Гальва (голова). Оно соединяется съ озеромъ Бражола и имѣетъ въ длину 6 верстъ, въ ширину 2 вер. На этомъ-то озерѣ нѣсколько острововъ, и на одномъ изъ нихъ великолѣпныя развалины великокняжескаго замка. Мы еще возвратимся къ этому озеру, говоря о Трокахъ.

Въ водахъ Виленской губ., какъ въ рѣкахъ, такъ и въ озерахъ, водится немало породъ рыбъ, а именно: щука, окунь, карась, линь, лещъ, плотва (плотичка), налимъ, сомъ, бѣлуга, язь, угорь, голавль, или головень (Leuciscus dobula), вырезубъ, лосось, пискарь, вьюнъ, харіусъ (Salmo Thymallus), преимущественно въ каменистыхъ рѣчкахъ, уклея (оклейка) (Cyprinus Leuciscus), сигъ морской въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ Трокскаго озера, чебакъ двуточечный (Leuciscus bipunctatus), карпъ, хохолча иглистая (Gasterosteus aculeatus et pungitius), миногъ рѣчной,—осенью ловимыя во множествѣ въ З. Двинѣ. Еще болѣе замѣчательны рыбы: лососина и осетрина, ловимыя въ Нѣманѣ; угорь, ловимый въ притокѣ Виліи—Вакѣ; цырта въ З. Двинѣ и прославленная селява Трокскаго озера; ряпушка, похожая на селяву, ловится во всѣхъ водахъ, но такой вкусной селявы, какъ въ Трокскомъ озерѣ, нигдѣ нѣтъ.

Одна треть пространства Виленской губерніи, а именно до 1,440,000 дес. находится подъ лѣсами. Изъ общаго числа десятинъ казнѣ принадлежитъ 377,000, частнымъ владѣльцамъ 1,060,000; остальное количество — городамъ и монастырямъ.

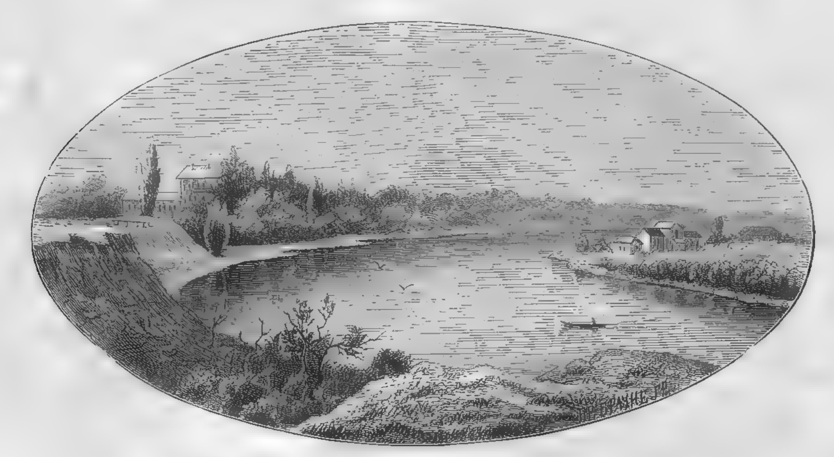
Въ прежнее время знаменитѣйшею пущею въ Виленской губерніи считалась Рудникская, въ Трокскомъ уѣздѣ. Она тянулась отъ м. Рудникъ до р. Нѣмана, т. е. имѣла въ длину болѣе 70 верстъ, и славилась какъ своею обширностью и густотою, такъ равно качествомъ и количествомъ дикихъ звѣрей. Литовскіе в. князья любили въ ней охотиться, для чего былъ здѣсь и охотничій дворецъ. Пуща была оберегаема, а во времена Владислава IV составлено было подробное ея описаніе. Въ настоящее время изъ уцѣлѣвшаго лѣса устроена Мендзыржецкая лѣсная дача, отличающаяся еще и донынѣ качествомъ деревъ. Существуютъ и другія казенныя дачи, а равно 4,135 десятинъ выдѣлено подъ корабельныя рощи. Роды деревьевъ слѣдующіе: дубъ, сосна, пихта, ель, кленъ, ясень, вязъ, липа, грабъ, береза, ольха, осина, лещина, верба, черемха, тополь и рябина. Соотвѣтственно почвѣ, лѣса не группируются отдѣльными породами, но перемѣшаны, хотя существуютъ и отдѣльныя немѣшаныя рощи, напр. дубовыя, березовыя и т. д. Въ Лидскомъ у. особенно замѣчательны Докудовскіе дубовые лѣса.

Звѣрей водится въ Литовскихъ лѣсахъ еще не мало: волкъ, лисица, медвѣдь-муравейникъ (чернобурый), медвѣдь-бортникъ (буро-рыжій), медвѣдь-бортникъ малый (рыжій съ серебрянымъ отливомъ), вепрь-кабанъ дикій въ большихъ лѣсахъ, лось или олень сохатый только въ большихъ лѣсахъ; заяцъ-русакъ, лозовикъ, сѣраго цвѣта, часто съ бѣлымъ брюхомъ; заяцъ-бѣлякъ сѣвер-

ный зимою совершенно бѣлый; куница лѣсная въ большихъ лѣсахъ; рысь и обыкновенный олень очень рѣдко попадаются; рысь бываетъ величиною съ волка.

Ковенская губернія имѣетъ видъ холмистый, особенно по теченію рѣкъ, хотя возвышенности ея не такъ значительны, какъ въ Виленской губерніи. Такъ самые возвышенные пункты въ губерніи: Пеликальне, гора близъ м. Таурогенъ, Праткуны, близъ м. Солоки, Медвѣйгола въ Россіенскомъ у., недалеко отъ Колтынянъ, гора Шатрія, въ Шавельскомъ у. имѣютъ отъ 820 до 740 надъ ур. м.

Горныя породы, изъ которыхъ состоитъ поверхность Ковенской губерніи, относятся къ осадочнымъ формаціямъ. Изъ нихъ самая древняя — силлурійская распространена въ Шавельскомъ уѣздѣ, къ сѣверу отъ г. Шавли. Пространство, занимаемое силлурійскою форма — ціею, — изъ котораго беретъ начало р. Муша, — а также прилегающей къ ней, съ сѣ

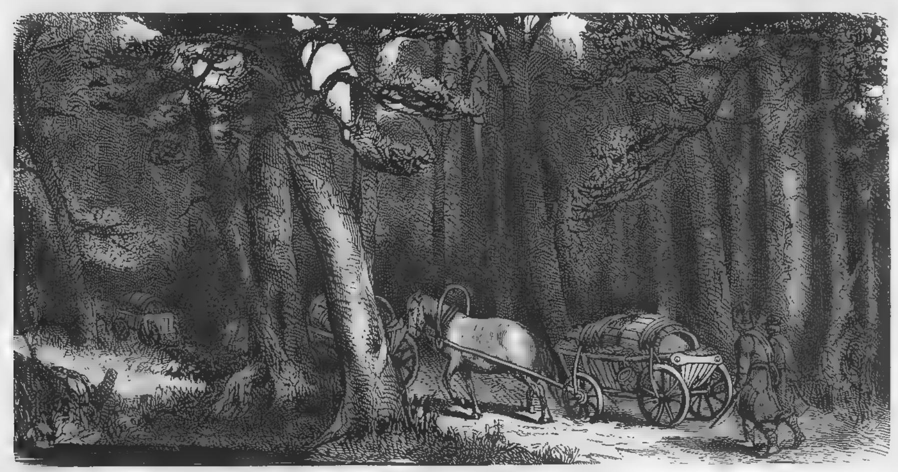
Видъ Друскеникъ съ праваго берега Нѣмана.

веро-востока, девонской формаціей, — гдѣ берутъ начало притоки Аа, — имѣетъ ту особенность, что, при известняковой толщѣ верхней почвы, атмосферныя воды пропадаютъ въ многочисленныхъ трещинахъ. Отъ этого происходитъ то, что на этомъ пространствѣ нѣтъ ни болотъ, ни озеръ, колодцы же и пруды надобно копать очень глубоко, чтобы вода не ушла въ щели известняковъ. Провалы или воронки, въ которые уходятъ весеннія и осеннія воды, встрѣчаются очень часто на здѣшнихъ поляхъ.

Обнаженія девонской формаціи являются почти во всемъ Шавельскомъ и Ново-Александровскомъ уѣздахъ, въ сѣверной части Вилкомирскаго, въ значительныхъ частяхъ Тельшевскаго и Поневѣжскаго и отчасти въ Россіенскомъ. Девонская формація состоитъ здѣсь преимущественно изъ древняго краснаго песчаника; въ Поневѣжскомъ уѣздѣ отъ м. Попелянъ, чрезъ Посволь, Криничинъ и Подбирже до Курляндской границы, распространенъ гипсъ. Гипсъ, разрушаясь, производитъ обвалы, съ незапамятныхъ временъ повторяющіеся ежегодно. Предвѣстниками такого разрушительнаго обвала обыкновенно бываютъ трескъ и гулъ подземный; слышится какъ будто паденіе большихъ камней въ воду. Жители понимаютъ уже значеніе такихъ явленій и спасаются бѣгствомъ, и счастливъ тотъ, кто успѣетъ захватить съ собою болѣе цѣнныя вещи. Вслѣдъ затѣмъ начинается разрушеніе — земля проваливается, увлекая за собою жилыя строенія, нерѣдко цѣлыя деревни. Все это исчезаетъ въ пропасти — на виду остается только обвалъ, дно котораго залито водою, но случается, что дно заваливается камнями, и воды на немъ не видно. Всего болѣе такихъ проваловъ въ окрестностяхъ Биржъ, Малюнъ, Посволя, по теченію рѣкъ Смордоны, Тоторы, Лавены, на протяженіи 25 верстъ въ длину и 7 верстъ въ

ширину. Замѣчательнѣйшимъ изъ проваловъ считается близъ д. Монтыгалишки, подъ названіемъ *Szwentoie,* т. е. святая яма (собственно св. дыра). Провалъ этотъ образовалъ родъ пещеры съ корридорами, залами и множествомъ проходовъ. На днѣ протекаетъ ручей чистой воды. Народъ считаетъ его святымъ, цѣлебнымъ во всякихъ болѣзняхъ, и складываетъ здѣсь свои приношенія. Другой подобный обвалъ, существующій въ родѣ пещеры, называется Pożemis; въ него вливается ручей того же имени *(Pożemis* собственно по землѣ, земляника). Нѣкоторые обвалы получили названіе отъ предметовъ или строеній, разрушенныхъ обвалами. Такъ напр. есть обвалъ *Господыня,* хозяйка, потому что на этомъ мѣстѣ стоялъ скотный дворъ, провалившійся вмѣстѣ съ хозяйкою. На днѣ этого обвала часто попадаются плавающія рыбы. Другой обвалъ называется *Каретой,* потому что въ этомъ мѣстѣ провалился экипажъ съ людьми и лошадьми.

Этотъ же гипсъ даетъ начало нѣсколькимъ сѣрнымъ источникамъ, имѣющимъ постоянную температуру 6° Р. Главнѣйшіе изъ нихъ: Талюны, Малюны, Смердона. Послѣдніе два особенно

Литовскіе лѣса.

посѣщаются больными, и при нихъ устроены соотвѣтственныя помѣщенія. Есть еще сѣрный источникъ около г. Видзъ Ново-Александровскаго уѣзда, въ имѣніи Видзахъ, Ловчинскихъ.

Юрская формація, принадлежащая къ вторичнымъ образованіямъ, является по правому берегу Венты въ видѣ небольшихъ глинистыхъ холмовъ. Напластованіе слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: въ основаніи мелкозернистый песокъ, съ обломками бураго угля подъ прикрытіемъ черной глины, богатой окаменѣлостями аммонитовъ и белемнитовъ; надъ глиною лежитъ глинистый песокъ толщиною до 18 ф. съ окаменѣлостями, прикрытый желтымъ, плотнымъ песчаникомъ, надъ которымъ лежитъ сѣрый или желтый известнякъ съ кристаллами известковаго шпата и друзами сѣрнаго колчедана. Вверху пласты эти прикрыты мягкою, черною или бурою, слюдянистою глиною. Въ числѣ окаменѣлостей юрской формаціи находятся грифеи, аммониты, теребратулы, белемниты

Третичная формація занимаетъ большую часть Россіенскаго уѣзда, западъ Тельшевскаго, югъ Поневѣжскаго, Ковенскій, значительную часть Вилкомирскаго и юго-западн. часть Ново-Александровскаго. Эта формація состоитъ изъ песковъ и глинъ съ прослойками бураго угля или лигнита; янтарь лежитъ въ этихъ прослойкахъ, иногда даже подъ корою того дерева, изъ котораго вытекалъ. Янтарь находятъ преимущественно около Полангена, а также въ озерѣ Лукшты, въ окрестностяхъ Ворнь въ Тельшевскомъ уѣздѣ. Эрратическихъ валуновъ очень

много: есть мѣста, гдѣ ими усѣяны цѣлыя поля, въ ближайшей же къ тому мѣсту окрестности нѣтъ ихъ вовсе. Въ числѣ валуновъ попадаются граниты, гнейсы, діориты, порфиры и др.

Почва Ковенской губерніи считается самою плодородною въ Сѣверо-западномъ краѣ, въ особенности же въ уѣздахъ Шавельскомъ, Россіенскомъ, Тельшевскомъ, Поневѣжскомъ и отъ части въ Вилкомирскомъ. Черноземъ находится въ уѣздахъ Поневѣжскомъ, Шавельскомъ, частію Россіенскомъ и Вилкомирскомъ. Глинистая почва встрѣчается въ Ковенскомъ уѣздѣ отъ р. Невяжи, кое-гдѣ въ низменныхъ мѣстахъ прерываемая черноземомъ. Живописные берега Дубиссы, покрытые глиною, славятся своимъ плодородіемъ. Вообще глинистая почва является во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ нѣтъ чернозема, преимущественно же въ Ковенскомъ. Песчаная почва занимаетъ около $^4/_5$ всей поверхности Тельшевскаго уѣзда и почти половину

Лѣсъ съ лосями.

Ново-Александровскаго. Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ песчаная почва смѣшана съ глиною, или черноземомъ.

Ковенская губернія богата рѣками, принадлежащими къ бассейну Балтійскаго моря. Непосредственно въ море впадаютъ: Виндава или Вента, и Свента (въ Курляндіи Гейлигенъ-Аа); Нѣманъ, Минія и Окмяна впадаютъ въ Куришъ-гафъ; наконецъ Западная Двина и Курляндская Аа—въ Рижскій заливъ. Эти главныя рѣки имѣютъ множество притоковъ. О Нѣманѣ и его притокѣ Виліи мы уже говорили. Другой судоходный притокъ Нѣмана есть Невяжа, а сплавныя—Дубисса и Митва, имѣющія отъ 190 до 90 верстъ теченія.

Минія протекаетъ по Тельшевскому уѣзду до 130 верстъ и за м. Горжды уходитъ въ предѣлы Пруссіи. Несмотря на значительную глубину, сплавъ по ней незначителенъ. Окмяна за Кретингеномъ также входитъ въ Пруссію, гдѣ извѣстна подъ именемъ Данге (Dange). Устьемъ своимъ при Мемелѣ она образуетъ безопасную и удобную гавань для купеческихъ судовъ.

Свента (святая), во времена язычества почитаемая священною, составляетъ часть границы Ковенской губ. съ Курляндскою. Въ Курляндіи ее называютъ Гейлигенъ-Аа, и тамъ она изливается въ $1^1/_2$ вер. отъ сел. Свенты въ море. Здѣсь прежде существовала гавань, и въ 1685 г. англійская компанія въ м. Свентѣ основала торговую контору. По другимъ свѣдѣніямъ гавань здѣшняя была уничтожена еще въ 1625 г. Густавомъ Адольфомъ, который по просьбѣ рижскаго купечества на 9 корабляхъ прислалъ камни, которыми ее забросали.

Вента, или Виндава, получаетъ начало въ Шавельскомъ уѣздѣ, пройдя извилистымъ путемъ по Ковенской губ. до 130 верстъ, входитъ въ Курляндію и при г. Виндавѣ изливается въ Балтійское море.

Западная Двина не касается предѣловъ Ковенской губ., но рѣки, принадлежащія къ ея системѣ, какъ напримѣръ Дисна, вытекающая въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ изъ озера Дисно, орошаютъ Ковенскую губернію и преимущественно южную часть Ново-Александровскаго уѣзда.

Озеръ въ губерніи считаютъ до 720, непринадлежащихъ ни къ какой искусственной системѣ водяныхъ сообщеній.

Друскеники.

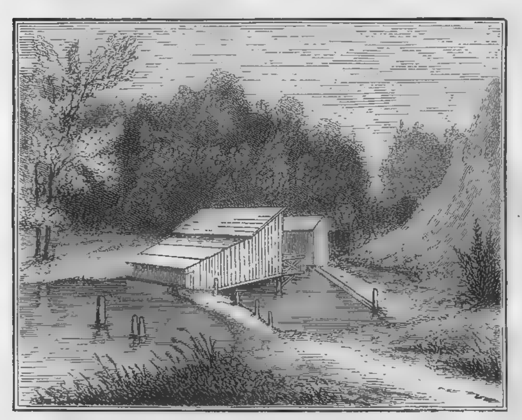
Самымъ большимъ озеромъ считается Сорты близъ м. Дусяты, въ Ново-Александровскомъ у.; оно растянуто на протяженіи 13 верстъ, въ ширину же не достигаетъ и одной версты, но имѣетъ 5 большихъ заливовъ. По окружности наибольшее озеро Дрисвяты. Длина его отъ с. къ ю. 9 в., а ширина отъ з. къ в. $10^1/_2$ в.; окружность болѣе 40 верстъ. Оно находится при мѣстечкѣ того же названія въ Ново-Александровскомъ у., расположенномъ на полуостровѣ, образуемомъ этимъ озеромъ. Глубина его мѣстами болѣе 25 саженъ.

Озера Ковенской губерніи богаты рыбою. Щуки нерѣдко попадаются вѣсомъ отъ 30 до 50 фунтовъ. Въ Браславскомъ озерѣ иногда въ одну тоню вытаскиваютъ до 500 пудовъ рыбы.

Сорты рыбъ какъ въ рѣкахъ, такъ и въ озерахъ такіе же, какіе мы исчислили уже, говоря о водахъ Виленской губ. Только форель попадается здѣсь чаще въ рѣкахъ, имѣющихъ каменистое дно.

Болотистыя мѣста занимаютъ въ губерніи до 1450 кв. верстъ. Наиболѣе болотъ въ Шавельскомъ (320 кв. в.), наименѣе въ Ковенскомъ (102 кв. в.). Большая часть болотъ покрыта небольшимъ лѣсомъ. Другія обильно зарастаютъ травою. Но есть болота, особенно въ Шавельскомъ у., совершенно недоступныя лѣтомъ. Такъ болото близъ м. Грузде, на пространствѣ болѣе 40 кв. в., мѣстами совсѣмъ непроходимо. Болото Каманы, близъ Курляндской границы, имѣетъ около 48 кв. в. Вся эта площадь въ прежнее время была залита озеромъ, часть котораго еще уцѣлѣла имѣетъ въ окружности около 1 квадр. версты.

Минеральные источники въ Ковенской губ. двухъ родовъ: сѣрные и желѣзные. Изъ числа сѣрныхъ источниковъ болѣе другихъ посѣщаются Смердонскій въ Поневѣжскомъ уѣздѣ, въ им. Смердоне. Полагаютъ, что они сильнѣе извѣстныхъ бальдонскихъ водъ. Въ Смердонскомъ источникѣ на 100 куб. дюймовъ найдено 0,70 сѣроводнаго и 10 дюймовъ углекислаго газа. Для посѣтителей этихъ водъ устроено нѣсколько помѣщеній.

Ванны и каскады на Ротничанкѣ, въ Друскеникахъ.

Малюнскій источникъ находится въ 14 верстахъ отъ м. Посволя, въ им. Малюнахъ (Карпя). Этотъ источникъ наиболѣе посѣщается, для чего также приспособлены помѣщенія.

Видзкій источникъ, въ 4 верстахъ отъ г. Видзъ, въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ, до такой степени насыщенъ сѣроводороднымъ газомъ, что запахъ его дѣлается чувствительнымъ издали.

Желѣзныя минеральныя воды близъ м. Янова, въ Ковенскомъ уѣздѣ, мало извѣстны.

Воды Дубиссы, текущей между горъ, заключаютъ въ себѣ много частей извести, желѣза и даже сѣры, и потому купанье въ этой рѣкѣ приноситъ пользу при разслабленіи тѣла, хроническихъ болѣзняхъ и въ золотухѣ.

Если бы не историческіе факты и сказанія лѣтописцевъ, если бы не многіе изъ жившихъ въ наше время свидѣтелей, то народное преданіе, древнія поговорки, служили бы доказательствомъ, какъ велико было пространство лѣсовъ въ древней Литвѣ. Мы приведемъ здѣсь одно изъ сохранившихся преданій. Вблизи м. Крожъ, въ Россіенскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу Кроженты есть гора Мѣдзіокальня, любимое мѣсто поэта Сарбѣвскаго. По преданію, на этой горѣ было капище богини Меджіонна. Богиня была покровительницею звѣриной ловли и вообще охоты, а слѣдовательно и лѣсовъ. Это была великанъ-дѣва, съ мужскимъ лицомъ, покрытая медвѣжьею кожею и съ лукомъ на плечахъ.

Народъ вѣритъ, что она и теперь еще иногда является, но уже печальная, со слезами на глазахъ, безъ лука и медвѣжьей кожи. Если кто повстрѣчается съ нею, она говоритъ ему съ горестью:

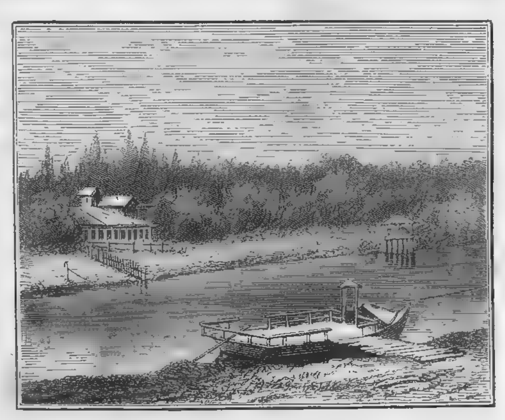
«Lietuva ira myszkŭnse! Kirskiet myszkus; yszkïrste myszkus ne bus Lietuwos. Kirskiet! kirskist!» т. е. «Литва въ лѣсахъ! Уничтожаете лѣса; уничтожите лѣса, не будетъ Литвы. Уничтожайте, уничтожайте!»

Это народное преданіе весьма знаменательно. Народъ понимаетъ, какъ велико значеніе лѣсовъ, и влагаетъ въ уста богини слова, выражающія собственныя его чувства.

Старовольскій пишетъ, что еще въ его время, т. е. въ первой половинѣ XVII столѣтія, вся Жмудь была покрыта сплошь лѣсомъ.

Знаменитыя священныя липовыя рощи на лѣвомъ берегу Нѣмана, противъ г. Ковно, вырублены совершенно владѣльцемъ Алексоты Годлевскимъ. Отъ м. Румшишекъ до г. Ковно и

далѣе, по обѣимъ сторонамъ Нѣмана тянулась славная Зеленая пуща; отъ нея остались только слѣды лѣса. Другая роща на правомъ берегу Виліи, въ роскошной ея долинѣ, уничтожена въ 1846 г. Но эта роща составляла только частицу, оконечность непроходимой пущи, существовавшей на Линковскихъ высотахъ, совершенно истребленной. Часть этой пущи, вмѣстѣ съ им. Линково, принадлежала нѣкогда іезуитамъ. Многовѣковые дубы ея были посвящены Перкунасу. Умные іезуиты устроили часовни подъ этими дубами и совершали крестные ходы. Еще недавно существовали вблизи Линкова два ветхіе дуба, необыкновенная толщина стволовъ которыхъ доказывала глубокую ихъ древность. Точно также въ Россіенскомъ уѣздѣ, въ 14 верстахъ отъ Колтынянъ, на урочищѣ, называемомъ Ротушъ, сохранился древнѣйшій изъ литовскихъ дубовъ, предъ которымъ, по преданію, вейделоты и криве совершали жертвоприношенія. Съ введеніемъ христіанства, этотъ же дубъ окруженъ былъ палисадникомъ, поставлены были иконы, и подъ сѣнію этого величаваго памятника давно минувшаго, совершались молебствія. Обычай этотъ существовалъ еще недавно. Крестный ходъ отправлялся къ дубу, и здѣсь совершалась божественная служба. Знаменитѣйшимъ памятникомъ литовской старины считался еще недавно дубъ, называвшійся Баублисъ (Baublis), въ им. Бардзе, въ 20 верстахъ отъ Россіенъ, на горѣ Вишневой (Wiszniu kalnas). Еще въ 1811 г. листья на немъ были зеленые, въ томъ же году онъ палъ отъ дряхлости. Пень его въ нижнемъ отрубѣ имѣлъ въ окружности 19 аршинъ 9 вершковъ, въ діаметрѣ 6 арш. 6 верш.; явственныхъ слоевъ на отрубѣ было болѣе 700; но по дупловатости дерева, далеко не всѣ слои могли быть сосчитаны, такъ что по общему исчисленію полагаютъ, что Баублисъ прожилъ болѣе 1000 лѣтъ. Но онъ и послѣ своего обрушенія долго еще пользовался громкою извѣстностью. Владѣлецъ имѣнія Бардзе, литовскій поэтъ и археологъ, Діонизій Пашкевичъ, построилъ, изъ двухъ цѣльныхъ выдолбленныхъ отрубковъ дуба, два древнехранилища, въ которыхъ долгое время хранились языческіе идолы и другіе предметы до-историческихъ временъ, на Жмуди найденные. По народному преданію, Баублису приносили въ жертву козъ.

Вокзалъ и паркъ съ польскаго берега въ Друскеникахъ.

Истребленію въ особенности подвергаются лѣса, лежащіе по берегамъ сплавныхъ рѣкъ, такъ что по Нѣману, гдѣ еще за 40 лѣтъ предъ этимъ расли величавые сплошные лѣса, въ настоящее время виднѣются уже голыя поля.

Не смотря на все это, еще и въ настоящее время, по свѣдѣніямъ Д. Афанасьева лѣса, занимаютъ $^1/_6$ часть всего пространства губерніи, именно болѣе 500 тыс. десятинъ; изъ нихъ $^3/_5$ принадлежатъ казнѣ.

Роды деревьевъ тѣ же, какіе мы исчислили въ Виленской г.; здѣсь больше сплошныхъ дубовыхъ рощъ. Другія же мѣста, напр. Датковскій лѣсъ, въ Ковенскомъ у., преимущественно изобилуютъ липою.

Главнымъ путемъ для сплава лѣса за границу служатъ рѣки Нѣманъ, Свента, Вилія, Невяжа, Юра, Минія и др. Главный пунктъ сбыта — прусскій Тильзитъ. Сухимъ путемъ торговля лѣсомъ, къ счастію, не производится. Изъ казенныхъ дачъ за границу сплавляется только строевой лѣсъ, т. е. обдѣланные брусья и дубовая клепка.

Хищныя животныя тѣ же, что и въ Виленской губ. Въ Ковенской въ большомъ

количествѣ водится еще выдра, именно въ рѣкахъ Дубисѣ, Виндавѣ, Свентѣ и др., а также въ нѣкоторыхъ озерахъ.

Гродненская губернія изъ всѣхъ трехъ составляющихъ Литовское полѣсье самая низменная, такъ что только Слонимскомъ уѣздѣ одинъ пунктъ, Тарасовцы, достигаетъ 924 ф. Вся же средняя поверхность губерніи и въ особенности южная ея часть, начиная отъ Бѣлостока до самой южной границы, представляетъ сплошную равнину. Сѣверная и сѣверо-восточная части нѣсколько волнисты съ весьма пологими холмами и только кое-гдѣ на берегахъ Нѣмана обрывисты.

Горныя породы, образующія поверхность губерніи, относятся къ третичной формаціи. Породы, относящіяся къ древнѣйшимъ формаціямъ девонской и силурійской, обнажены только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группахъ небольшихъ холмовъ, въ которыхъ окаменѣлости какъ морскихъ, такъ и рѣчныхъ животныхъ, перемѣшаны однѣ съ другими. По берегамъ Нѣмана, Буга, Муховца и Ясельды при сильныхъ вѣтрахъ образуются песчаные ураганы, переносящіеся на значительныя пространства, занося поля и огороды и образуя на нихъ песчаные холмы. Нерѣдко эти пески засыпаютъ даже жилья. Изъ числа несуществующихъ животныхъ попадаются кости мамонта и сѣвернаго носорога. Около Гродно по Нѣману распространены породы мѣловой формаціи, заключающія въ себѣ остатки белемнитовъ. По Бугу встрѣчаются залежи гранита, переходящаго пониже въ гнейсъ.

Почва губерніи состоитъ изъ смѣшенія песковъ съ глиною и мергелемъ. Мѣстами почва болотистая, или же состоящая изъ сыпучихъ или летучихъ песковъ. Чернозема очень мало въ губерніи. Тамъ, гдѣ пески смѣшаны съ глиною, почва считается плодородною.

Изъ всѣхъ минеральныхъ источниковъ въ Литовскомъ полѣсьѣ наибольшею извѣстностью пользуются Друскеникскія минеральныя воды, не потому, чтобы цѣлебныя ихъ свойства превосходили Бирштанскія или Стоклишскія воды, но потому, что при самомъ устройствѣ ихъ онѣ попали въ руки человѣку необыкновенно дѣятельному, умному, практичному, съ любовію и самоотверженно поработавшему для нихъ въ продолженіе 36 лѣтъ (1842 — 1878). Имя д-ра Ивана Пилецкаго срослось, сжилось съ Друскениками до такой степени, что и разъединить ихъ невозможно. Друскеникскія минеральныя воды стали извѣстны еще въ 1790 г. Но ими не пользовались и про нихъ даже совсѣмъ забыли. Настоящая ихъ жизнь начинается съ 1837 г.

Друскеники принадлежатъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ въ краѣ. Еще въ XIII столѣтіи на правомъ берегу Ротничанки, при ея впаденіи въ Нѣманъ, на границѣ Трокскаго и Гродненскаго уѣздовъ, воздвигнутъ былъ сильно укрѣпленный замокъ. Фундаменты его и теперь видны въ деревушкѣ Млынокъ, надъ большимъ оврагомъ, который въ то время соединялся съ Нѣманомъ. Друскеники были неоднократно театромъ кровавыхъ битвъ съ Меченосцами почти при каждомъ ихъ нападеніи на Гродно, Меречъ или Троки.

Друскеники принадлежали казнѣ (нынѣ частная собственность). Онѣ отстоятъ отъ Гродно на 40 верстъ; отъ станціи желѣзной дороги Порѣчье находятся въ 14 вер. Нынѣ предположено соединить ихъ особою вѣтвью съ этою станціею.

До 1837 г. не было и рѣчи о Друскеникскихъ водахъ. Цѣлебное ихъ свойство первый примѣнилъ къ себѣ крестьянинъ Францъ Суровецъ. Излеченіе его получило огласку, и на Друскеники обратили вниманіе. Послѣдовало разрѣшеніе устройства и открытія водъ, а въ 1840 г. ассигновано отъ казны на постройку особаго зданія 25 т. р. Врачемъ назначенъ былъ Вольфгангъ. Въ 1842 г. назначенъ былъ штатнымъ врачемъ Иванъ Пилецкій, всецѣло посвятившій себя этому заведенію. Друскеники составляли пустынную деревушку съ нѣсколькими хижинами. Больнымъ, съ большимъ трудомъ находившимъ помѣщеніе, воду приносили ведрами и согрѣвали на дому. Черезъ нѣсколько лѣтъ Друскеникъ уже узнать нельзя было. Необыкновенною энергіею Пилецкаго, его вліяніемъ и тѣмъ довѣріемъ, которымъ онъ пользовался у властей, Друскеники преображались съ каждымъ годомъ. На берегу Нѣмана, вблизи Ротни-

чанки разведенъ прекрасный паркъ. Устроены ванны для купающихся, необходимыя постройки, галлерея для гуляющихъ въ ненастное время, вокзалъ въ паркѣ. Воздвигались частные дома. Изъ Вильно выписывали оркестръ. Построили театръ. Издавался особый сборникъ собственно для пріѣзжающихъ п. з. «Ундина», въ которомъ приняли участіе лучшіе писатели. Знаменитый Крашевскій посѣтилъ Друскеники и написалъ объ нихъ цѣлую книгу. Въ 1852 г. мы посѣтили въ первый разъ Друскеники и застали здѣсь всевозможныя удобства для леченья, для жизни и развлеченій. Съ каждымъ годомъ число больныхъ увеличивалось; но уже не одни больные пріѣзжали въ Друскеники. Лучшаго мѣста, чтобы пріятно провести лѣтнее время, нельзя было и найти. Каждый пріѣзжій обращался къ Пилецкому. Пилецкій назначалъ квартиру, а домовладѣлецъ вполнѣ соглашался съ назначенною имъ цѣною; Пилецкій лечилъ, доставлялъ возможныя больному развлеченія. Домъ его всегда былъ открытъ для всѣхъ, а жилъ онъ на барскую ногу. Его общественное положеніе, его родственныя и дружескія отношенія съ знаменитѣйшими лицами, давали ему возможность проводить и осуществлять самые широкіе планы. Безъ Пилецкаго ничто не могло совершиться въ Друскеникахъ. Пріѣдетъ артистъ и захочетъ дать концертъ—обращается къ Пилецкому. Въ трактирѣ плохо накормятъ, въ гостиницѣ явится безпорядокъ — жалуются Пилецкому. Пилецкій командуетъ театромъ, выборомъ пьесъ, раздачею ролей, Пилецкій устраиваетъ балы, гулянья по Нѣману. Работаетъ день и ночь. Точенъ, акуратенъ до невѣроятности; все разсчитано по часамъ и минутамъ. Балъ. Пилецкій танцуетъ мазурку, а черезъ десять минутъ онъ уже у опасно-больной, старой, бѣдной Еврейки, потомъ опять на балѣ. Это былъ вездѣсущій геній. Онъ давалъ жизнь и направленіе всему обществу, онъ заботился о бѣдныхъ. Сердце у этого человѣка — было чистое золото. Мало того, что онъ пособитъ несчастному изъ собственныхъ средствъ, онъ его еще успокоитъ, утѣшитъ, направитъ на болѣе надежный путь и конечно своими связями постарается упрочить его будущность. Какъ плодотворна была дѣятельность этого человѣка, мы укажемъ на заведенія, устроенныя въ Друскеникахъ по его почину, большею частію подъ его наблюденіемъ, а нерѣдко и при денежномъ пожертвованіи.

Кромѣ устройства парка, галлерей, купаленъ, вокзала подъ ближайшимъ его наблюденіемъ, мы упомянемъ еще про слѣдующія учрежденія: 1) въ 1850 г. человѣколюбивый домъ, въ которомъ ежегодно пользовались безплатно отъ 50—80 человѣкъ безъ различія исповѣданій; 2) больница для бѣдныхъ Евреевъ, въ устройствѣ которой (1852) принялъ особенное участіе раввинъ Авраамъ Трегеръ, на 200—300 человѣкъ; 3) по ходатайству Пилецкаго устроенный на счетъ правительства въ 1856 г. госпиталь на 36 кроватей для недостаточныхъ чиновниковъ Гродненской и другихъ пограничныхъ губерній; 4) дѣтскій пріютъ.

Кромѣ необыкновенной медицинской практичности, всесторонняго образованія, въ Пилецкомъ было еще что-то особенное: въ жизни, въ умѣньѣ ладить съ людьми, заставить любить и уважать себя, была желѣзная сила воли и можетъ быть, самое главное, была любовь къ дѣлу. Вотъ почему Пилецкій успѣлъ сдѣлать такъ много хорошаго и, умирая въ 1878, оставилъ по себѣ благодарную память не въ однѣхъ только Западныхъ губерніяхъ.

Надобно еще прибавить, что окрестности Друскеникъ, берега Нѣмана и Ротничанки—очаровательны. Противоположный берегъ Нѣмана принадлежитъ уже царству Польскому.

Въ Друскеникахъ есть православная церковь и римско-католическій костелъ, начатый постройкою еще въ 1842 на счетъ добровольныхъ пожертвованій.

Число пользующихся въ Друскеникахъ достигаетъ до 2 т. и болѣе. Друскеникскій сезонъ начинается въ половинѣ мая и продолжается до октября.

Все, что необходимо для леченья, для жизни, даже для удовольствій и развлеченій, все это имѣется въ Друскеникахъ. Кромѣ исчисленныхъ нами общественныхъ и благотворительныхъ заведеній, здѣсь находятся хорошіе рестораны, книжные магазины, лавки и магазины со всевозможными товарами, театръ и пр.

Одна восьмая часть Гродненской губерніи занята водами: рѣками, озерами, ручьями и болотами, именно всего 460,000 десятинъ. Въ сѣверо-восточной части Пружанскаго уѣзда и южной Волковыскаго берутъ начало рѣки: Яселда, Наревъ и нѣсколько притоковъ р. Нѣмана, текущіе въ три противоположныя стороны: Яселда на юго-востокъ въ р. Припеть, Наревъ на западъ и притоки Нѣмана на сѣверъ.

Теченіе Нѣмана намъ уже извѣстно. Притоки же его обхватываютъ всю сѣверную часть губерніи. Изъ нихъ Щара имѣетъ то важное значеніе, что, соединяясь чрезъ Огинскій каналъ съ Яселдою и Припетью, впадающею въ Днѣпръ, соединяетъ Балтійское море съ Чернымъ. Длина Щары отъ канала до устья 270 верстъ.

Огинскій каналъ вырытъ въ концѣ прошлаго столѣтія великимъ гетманомъ лит. Михаиломъ Огинскимъ. Мы поговоримъ объ немъ обширнѣе при описаніи Минской губерніи.

Православная церковь въ Друскеникахъ.

Западный Бугъ протекаетъ по границѣ губерніи съ царствомъ Польскимъ на протяженіи 524 верстъ (начало его въ Галиціи). Притоки его: Мухавецъ, который посредствомъ Днѣпровско-бугскаго канала служитъ къ соединнію двухъ морей и впадаетъ въ Бугъ двумя рукавами въ Брестъ-Литовскѣ,—и Лѣсна, которой лѣвый штокъ беретъ начало въ Пружанскомъ уѣздѣ, а правый въ Бѣловѣжской пущѣ.

Наревъ беретъ начало двумя рѣчками въ Пружанскомъ уѣздѣ—Нарвою и Наревкою, кои протекаютъ чрезъ всю Бѣловѣжскую пущу, сходятся съ собою выше г. Нарева и образуютъ р. Наревъ, коей длина 288 верстъ.

Яселда, или Яцолда, и Пина — двѣ рѣки системы р. Припети, а слѣдовательно и Днѣпра, принадлежащія только частью своего теченія Гродненской губерніи, замѣчательны тѣмъ, что первая изъ нихъ соединена съ Щарою Огинскимъ каналомъ, а вторая съ Муховцомъ Днѣпровско-Бугскимъ каналомъ.

Днѣпровско-Бугскій каналъ сооруженъ въ 1839—1843 г. на протяженіи 75 верстъ 160 саж., въ Кобринскомъ уѣздѣ. Ширина дна 5 саженъ, вверху 10 саженъ, глубина до $7^1/_2$ футовъ. Каналъ этотъ имѣетъ важное значеніе, поддерживая внутреннія торговыя сношенія и доставляя возможность сбыта произведеній въ Данцигъ. Каналъ этотъ первоначально вырытъ былъ еще въ царствованіе Станисла Августа и потому назывался Королевскимъ, но онъ былъ судоходенъ только весною при самыхъ высокихъ водахъ, а лѣтомъ совершенно высыхалъ и обращался въ грязный ровъ.

Въ Кобринскомъ уѣздѣ находятся еще небольшіе каналы, называемые рвами, прорытые частными лицами для сплава лѣса. Батавый ровъ отъ верховьевъ Припети чрезъ озера Туръ, Луковское и Рудское, доведенъ до р. Рыты, впадающей въ Муховецъ. Каналъ этотъ, или ровъ, имѣющій 40 верстъ въ длину, предназначенъ для сплава лѣса изъ обширной Рудской пущи къ Бугу. Есть еще Кобринскій ровъ, длиною 23 версты.

Большихъ озеръ въ Гродненской губ. менѣе, нежели въ другихъ областяхъ Литовскаго полѣсья. Самымъ большимъ озеромъ считается Нервель, въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ. Оно имѣетъ въ длину 20 верстъ и въ ширину отъ 2—3 в. Небольшихъ озеръ въ губерніи очень много. Въ Гродненскомъ уѣздѣ почти всѣ озера соединены между собою протоками, рытыми рвами, и потому замѣняютъ отъ части сплавныя рѣки. Въ этомъ же уѣздѣ было озеро Салаты, расположенное на 17 саженъ выше надъ поверхностью Нѣмана. 23 марта 1841 г. озеро это прорвалось осо-

бымъ протокомъ длиною въ 14 верстъ и цѣликомъ ушло въ Нѣманъ. Въ томъ же еще году на днѣ его посѣяна была гречиха.

Болота занимаютъ до $^1/_{20}$ части всей губерніи. Они изобилуютъ торфомъ и желѣзною тундровою рудою, подвергая жителей, особенно въ южной части Брестскаго и Бѣльскаго уѣздовъ, злокачественнымъ лихорадкамъ и другимъ болѣзнямъ. Въ Кобринскомъ уѣздѣ, между правымъ берегомъ Днѣпровско-Бугскаго канала и лѣвымъ р. Пины есть болото длиною 70 верстъ и шириною отъ 6 до 30 в. Оно совсѣмъ почти непроходимо. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ, между рѣками Наревомъ и Лизою, Піотковское болото имѣетъ 22 кв. вер.

Рыбы въ водахъ Гродненской губ. тѣхъ же сортовъ, какъ и въ Виленской губ. Вообще замѣчено, что рѣки Литовскаго полѣсья, какъ Нѣманъ, Двина, Вилія и др., текущія на сѣверъ, не столь обильны рыбою, какъ Днѣпръ съ его притоками и вообще рѣки, впадающія въ Черное море.

Въ Гродненской губерніи сохранилось еще 820,000 десятинъ лѣсу, изъ нихъ 657,000 десятинъ принадлежатъ казнѣ. Наиболѣе лѣсовъ въ Гродненскомъ, Пружанскомъ и Слонимскомъ уѣздахъ.

Римско-католическій костелъ въ Друскеникахъ.

Въ Литовскомъ полѣсьѣ существуютъ еще двѣ пущи, которымъ подобныхъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ и которыя могутъ быть сравниваемы развѣ съ непроходимыми лѣсами на сѣверѣ Россіи. Мы говоримъ о Бѣловѣжской и Гродненской пущахъ. Изъ нихъ особенно первая замѣчательна и давно обращаетъ на себя вниманіе какъ экономистовъ, такъ и естествоиспытателей.

Бѣловѣжская пуща имѣетъ свою исторію, свои завѣтныя преданія, могилы праотцевъ. Ея лѣса еще посправедливости могутъ называться дѣвственными; ея трущобы, ея непроглядная глушь напоминаютъ времена первобытныя. Она—дорогой памятникъ давно минувшаго и переноситъ мыслію въ тѣ времена, когда большая часть площади, занимаемой Литвою, была покрыта такими же непроходными темными лѣсами.

Бѣловѣжская пуща занимаетъ значительную часть Пружанскаго уѣзда, врѣзываясь оконечностями въ Гродненскій, Волковыскій, Бѣльскій и Брестскій уѣзды. Она отстоитъ отъ Гродна въ 91 вер., отъ Пружанъ въ 20 в. и отъ Брестъ-Литовска въ 54 верстахъ. Пространство, занимаемое пущею, составляетъ 112,000 десятинъ, или 1,076 квадратныхъ верстъ; въ томъ числѣ собственно подъ лѣсомъ 88,000 десятинъ, или 845 кв. в. Поверхность въ срединѣ нѣсколько возвышенна, легко склоняясь во всѣ стороны, даетъ разнообразное направленіе рѣкамъ и рѣчкамъ, чрезъ нее протекающимъ. Почва супесчаная и суглинистая занимаетъ одну треть всего пространства. Большая же часть площади имѣетъ легкую черноземную почву, отъ чего растительность здѣсь очень сильна. Въ прежнее время въ болѣе открытыхъ мѣстностяхъ накашивали обыкновенно болѣе 11 тысячъ возовъ сѣна, конечно не проникая въ самую глушь. Въ настоящее время сборъ сѣна гораздо значительнѣе. Болота занимаютъ въ особенности восточную сторону. Изъ этихъ болотъ вытекаютъ различные притоки Буга, Нарева, Припети и Нѣмана. Рѣка Наревка раздѣляетъ пущу на сѣверо-восточную и юго-восточную части; кромѣ того по пущѣ текутъ притоки Наревки: Гвозна и Лотовня. По юго-западной части текутъ рр. Лѣсна и Бѣлая. Близъ истоковъ Нарева беретъ начало Ясельда, притокъ Припети, а къ сѣверо-востоку отъ пущи протекаетъ Свислочь, притокъ Нѣмана.

Въ чертѣ пущи находится 36 деревень, деревушекъ, усадебъ и 12 отдѣльныхъ сторожевыхъ

домовъ. Деревни и вообще поселенія составляютъ два сельскія общества: Бѣловѣжское и Масевское, въ которыхъ считается болѣе шести тысячъ душъ обоего пола.

Полагаютъ, что въ отдаленныя времена въ Бѣловѣжской пущѣ жили въ значительномъ числѣ единоплеменники Литовцевъ, Ятвяги. Съ XIV столѣтія Бѣловежская пуща была мѣстомъ охоты великихъ князей литовскихъ. Витовтъ неоднократно посѣщалъ ее. Стефанъ Баторій велѣлъ построить королевскій охотничій замокъ въ селеніи Бѣловѣжѣ, называвшійся Biała wieża, т. е. бѣлая башня, отъ чего, какъ нѣкоторые думаютъ, и самая пуща получила названіе Бѣловѣжской, что не совсѣмъ вѣроятно, ибо самая-то бѣлая башня построена въ селеніи, которое уже называлось Бѣловѣжемъ. Вообще начало и происхожденіе названія пущи еще загадочно. Со временъ Баторія существуетъ Баторіева Гора и Королевскій звѣринецъ при источникахъ Елярки. По случаю охоты короля Августа III въ 1752 г. воздвигнутъ былъ на правомъ берегу р. Наревки, вблизи охотничьяго замка въ сел. Бѣловѣжъ, памятникъ изъ бѣлаго песчаника въ видѣ трехугольной пирамиды въ 6 аршинъ вышиною, съ надписями, гласящими, что король, вмѣстѣ съ королевою и двумя сыновьями, убили 42 зубра, 13 лосей и 2 серны. Надпись прибавляетъ, что самый большой зубръ былъ вѣсомъ 36 пудовъ 10 фунтовъ. Станиславъ-Августъ нѣсколько разъ охотился въ этой пущѣ, но экономнѣе, не истребляя въ такомъ количествѣ зубровъ.

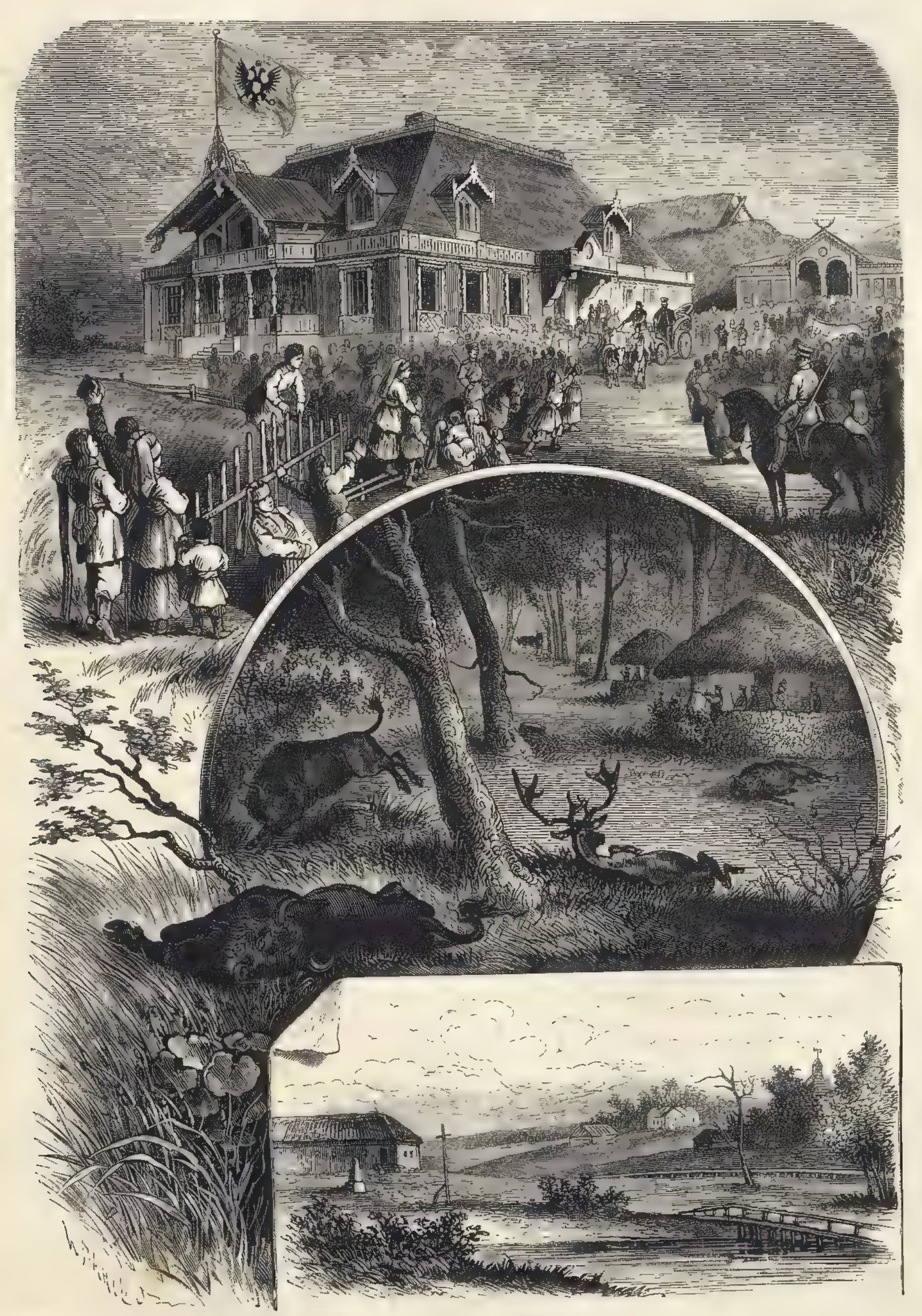
Селеніе Бѣловѣжъ называется также Новымъ Бѣловѣжемъ. Въ семи верстахъ отъ него есть небольшая возвышенность, называемая съ незапамятныхъ временъ Старымъ Бѣловѣжемъ. Въ двухъ верстахъ далѣе есть большая насыпь, называемая Замчищемъ (замковище). Въ 1825 г. гродненскій губернаторъ Бобятынскій велѣлъ разрыть эту насыпь, и въ ней найдено нѣсколько костяковъ, а при каждомъ изъ нихъ, въ головахъ, небольшіе горшечки изъ глины. Это доказываетъ, что еще въ доисторическое время Бѣловѣжская пуща была обитаема, но почему эта могила названа замчищемъ — опредѣлить трудно.

Съ исхода XVI ст. Бѣловѣжская пуща ввѣрена была оберъ-форстмейстеру, имѣвшему пребываніе въ селеніи Королевомъ-мосту, и учреждены стражники. Въ 1846 г. произведена таксація пущи, которая раздѣлена на 5 лѣсничествъ. Каждое лѣсничество раздѣлено на участки или кварталы, коихъ во всѣхъ лѣсничествахъ считается 541. Кромѣ того пуща раздѣлена на 10 объѣздовъ и 77 обходовъ и охраняется особою постоянною лѣсною стражею.

Главная древесная порода пущи: сосна, составляющая 40% всей древесной растительности; ель, около 20%; дубъ, до 3%. Кромѣ того здѣсь растутъ ясень, липа, береза, ольха, кленъ, осина, вязъ, осокорь, пихта и др. Вообще по разнообразію и хорошему качеству лѣсонасажденій она не имѣетъ себѣ равной во всемъ Западномъ краѣ и царствѣ Польскомъ. Сосна достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Сосна, имѣющая 11 саженъ длины и 8 вершковъ толщины въ верхнемъ отрубѣ, не составляетъ здѣсь рѣдкости. Дубъ и другія лиственыя породы произрастаютъ чрезвычайно успѣшно.

Лѣсное хозяйство въ Бѣловѣжской пущѣ, долгое время остававшееся въ совершенномъ запустѣніи, съ каждымъ годомъ улучшается. При раціональномъ хозяйствѣ, такая богатая площадь лѣса, съ такимъ обиліемъ породъ, можетъ составить огромный источникъ доходовъ.

Странными, почти непонятными судьбами лѣса бѣловѣжскія, имѣя такое громадное количество гніющаго разнороднаго лѣснаго матеріала, при такомъ обиліи валежника, спасаются во время засухи отъ пожаровъ. Конечно, это надобно отнести къ заботливости и особенной бдительности лѣсной стражи. Но въ исторіи пущи сохранилась память о несчастномъ 1811 годѣ, когда подъ конецъ мая вспыхнулъ страшный пожаръ, съ неимовѣрною силою и быстротою распространившійся на громадномъ пространствѣ. Принимаемы были самыя рѣшительныя мѣры, согнали тысячи людей, заливали, копали рвы — ничто не помогало. Огненное море расширялось на десятки верстъ во всѣ стороны. Намъ передавали очевидцы этой страшной, все пожирающей стихійной оргіи разныя подробности этого пожара. Въ маѣ была совершенная засуха; среди бога-

Изъ Бѣловѣжской пущи.

той растительности, змѣей извиваясь, огонь обхватывалъ громадные повалы, охватывалъ вѣковые дубы. Дикій ревъ звѣрей, крики людей, трескъ пылавшихъ поваловъ и самыхъ деревьевъ, глухой ропотъ бѣжавшаго и вертящагося по валежнику пламени—производили такую адскую музыку, что, по словамъ разскащиковъ, она на всю жизнь оставила потрясающее воспоминаніе. Звѣри бѣжали, не зная куда; но огонь былъ быстрѣе ихъ, много обгорѣло и едва спаслось, другіе тутъ же падали и дѣлались добычею пламени. И эта неистовая огненная оргія свирѣпствовала безъ устали четыре мѣсяца, какъ вдругъ, 1-го октября, почти неожиданно весь горизонтъ заволокло чреватыми тучами, тучи прорвались—и пошелъ такой ливень, какого никто не помнилъ. Дождь не уставалъ цѣлый день, и на всемъ пространствѣ огонь былъ совершенно потушенъ, но вредъ и убытки, причиненные пожаромъ,—были ужасны

Бѣловѣжская пуща можетъ гордиться сохранившимся въ ней представителемъ исчезнувшей породы первобытныхъ животныхъ. Это—зубръ (Bos bison), ровесникъ жившихъ въ Европѣ во второмъ періодѣ каменнаго вѣка, т. е. въ эпоху сѣвернаго оленя (выселившихся животныхъ), громаднаго тигра, носорога и другихъ исчезнувшихъ животныхъ. Спутниками его были сѣверный олень, буйволъ, мускусный быкъ, кабанъ, альпійская коза и др., а также нѣсколько породъ грызуновъ. Принадлежность зубра къ древнѣйшимъ эпохамъ доказывается археологическими изысканіями. Такъ напр. извѣстный археологъ Эдуардъ Ларте въ 1860 г., при открытіи пещернаго кладбища близъ Ориньяка, въ древнемъ очагѣ, въ числѣ разныхъ каменныхъ и кремневыхъ издѣлій, расколотыхъ костей пещернаго медвѣдя и другихъ выселившихся животныхъ, нашелъ и *зубы зубра*.

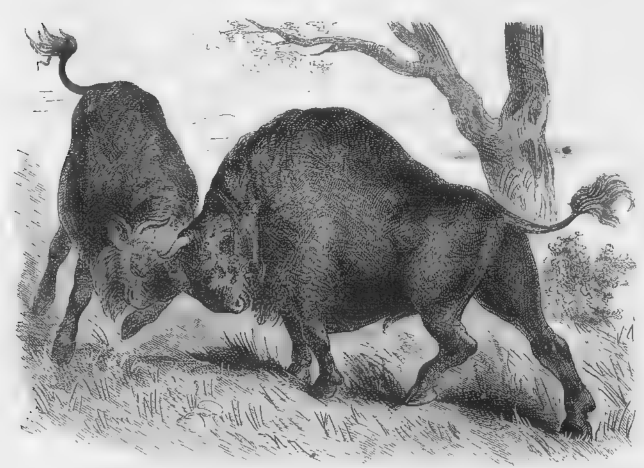
Зубры жили во всей Европѣ, а теперь нѣтъ ихъ нигдѣ. Уцѣлѣли въ одной только Бѣловѣжской пущѣ. Полагаютъ, что туръ и зубръ одно и то же животное. Туры извѣстны были на Жмуди съ древнѣйшихъ временъ. Были они и въ Мазовіи въ Яктуровской пущѣ, но совершенно вымерли въ первой половинѣ XVII ст., такъ что въ люстраціи этой пущи за 1630 годъ отмѣчено, что последняя, находившаяся въ пущѣ, самка тура издохла. Въ люстраціи же 1561 г. было ихъ еще 30, а въ 1601 только 5.

На Кавказѣ живетъ еще животное, которое называютъ туромъ; но животное это не имѣетъ ничего общаго съ зубромъ. Въ Венгріи, въ Карпатскихъ горахъ, находятся такъ называемые *волдуны*, нѣсколько похожіе на зубровъ; настоящаго же бѣловѣжскаго зубра нѣтъ нигдѣ.

Зубръ, принадлежащій къ двукопытнымъ жвачнымъ животнымъ, по величинѣ наибольшій изъ нихъ. У него выпуклый лобъ, на головѣ и шеѣ грива; рога выходятъ снизу затылочнаго гребня; у него четырнадцать паръ реберъ, вмѣсто тринадцати, какъ у домашнихъ быковъ. Зубръ имѣетъ видъ величественный, вѣсомъ бываетъ до 37 пудовъ, растетъ до шести лѣтъ, живетъ до сорока. Цвѣта онъ бураго. Рога же, круглые, разлогіе, выдающіеся впередъ и оконечностями обращенные кверху, борода подъ шеей, копыта и оконечность хвоста всегда черныя. Голосъ его похожъ на хрюканье. Обыкновенно спокойный и величавый,—когда раздраженъ бываетъ дикъ и свирѣпъ, особенно когда ведетъ бой съ другимъ зубромъ.

Борьба эта не лишена картинности и любопытна. Большею частью это случается въ августѣ. У зубровъ это время любви, страсти, нѣги — для однихъ, кровавыхъ столкновеній — для другихъ. Въ продолженіе четырнадцати дней постоянно слышится ихъ хрюканье, они какъ будто перерождаются, бѣснуются, бѣгаютъ,—веселье въ полномъ разгарѣ. Любимая ихъ забава подкапываться рогами подъ молодыя деревья до тѣхъ поръ, пока ихъ не опрокинутъ съ корнями. Коренья прицѣпляются къ рогамъ, и зубръ начинаетъ прыгать съ деревцомъ, производя шумъ и трескъ. Но горе молодому, трехлѣтнему зубрику, если онъ затронетъ ревность старика зубра и отобьетъ у него возлюбленную. Задѣтое заживое старческое самолюбіе пораждаетъ жажду мести, и тогда начинается самый свирѣпый бой. Хорошо, если молодой поплатится только искалѣченьемъ, а то бываетъ и такъ, что молодой гибнетъ, пронзенный рогами стараго ревнивца.

Законъ всегда ограждалъ жизнь зубровъ. По литовскому статуту убійство зубра считалось уголовнымъ преступленіемъ. Указомъ 10 сентября 1802 г. запрещена стрѣльба по зубрамъ. Законъ этотъ существуетъ и нынѣ. Безъ особаго Высочайшаго повелѣнія никто не имѣетъ права охотиться на зубровъ. За убійство полагался прежде штрафъ въ двѣ тысячи рублей, или ссылка въ Сибирь. Когда Бѣлостокская область принадлежала Пруссіи и окраина пущи входила въ ея составъ, крестьяне цѣлыми толпами нападали на зубровъ и убитыхъ увлекали за границу. Въ настоящее время за ними учрежденъ самый бдительный надзоръ. Стрѣлки и стража запасаютъ для нихъ стоги сѣна на зиму. Зубры, проходя мимо и присматриваясь къ работѣ, какъ будто понимаютъ, что это для нихъ заготовляются запасы. Стоги сѣна, составляющіе частную собственность, обыкновенно огораживаются заборомъ. Случается однако, что зубры посягаютъ и на чужіе стоги. Съ удивительною ловкостью они рогами разбрасываютъ заборъ и въ одну ночь съѣдаютъ цѣлый стогъ. Зубръ никогда не ѣстъ сѣна съ края; онъ какъ можно глубже всовываетъ голову съ рогами внутрь стога и потомъ однимъ быстрымъ движеніемъ подбрасываетъ сѣно съ такою силою, что часть стога опрокидывается.

Бой зубровъ.

Стрѣлки ведутъ постоянный счетъ зубрамъ по слѣдамъ, оставленнымъ ими на первой порошѣ. Число ихъ значительно увеличивается. Такъ въ 1815 г. считалось 300 головъ; въ 1820—500; въ 1830 — 711; въ 1840 — 780; въ 1850 — 1390; въ 1860 — 1700. Сколько ихъ теперь — не знаемъ; но вѣроятно число ихъ значительно увеличилось.

Яроцкій говоритъ, что въ 1829 г. было 663 зубра, а въ 1830—711; слѣдовательно, въ теченіе одного года родилось 48. А такъ какъ съ 1815 по 1860 г. прибыло 1400, то среднимъ числомъ ежегодная прибыль составляетъ 31. Самки зубровъ раждаютъ только разъ въ три года по одному. Медвѣди и волки, и въ особенности волки, ведутъ постоянную борьбу съ зубрами. Принимаются мѣры для истребленія волковъ, но истребить всѣхъ нельзя, и нападенія ихъ на зубровъ безпрестанно повторяются. У волковъ своя особая тактика на одиночныхъ зубровъ. Встрѣтивъ зубра, волкъ, который попроворнѣе, скачетъ передъ нимъ и какъ будто хочетъ броситься на него. Понятно, все вниманіе зубра обращено на этого волка, а между тѣмъ два другіе хватаютъ его за бока, такъ что одному зубру никогда не устоять противъ троихъ волковъ. Самки съ молодыми зубрами всегда держатся въ стадѣ отъ 10 до 30 и расхаживаютъ обыкновенно вблизи рѣки или источниковъ; но старики зубры скитаются по два, по три, а еще чаще въ одиночку. У послѣднихъ много чудачества, своего рода чванства, сознанія собственнаго достоинства. Зубръ вообще обладаетъ необыкновеннымъ чутьемъ. Приближеніе человѣка онъ узнаетъ за сто и болѣе шаговъ; но зубръ не убѣгаетъ, напротивъ, преспокойно идетъ на встрѣчу и когда сойдутся, зубръ останавливается и не тронется съ мѣста до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не обойдетъ его. Въ спокойномъ состояніи зубръ не сдѣлаетъ вреда человѣку, но если онъ разсерженъ, если человѣкъ въ яркомъ платьѣ, особенно если на немъ что нибудь краснаго цвѣта, или когда по немъ произведутъ выстрѣлъ, тогда зубръ становится опаснымъ. Случалось и такъ, что

зубръ, почуявъ сѣно въ саняхъ ѣдущаго, безцеремонно запускалъ рога въ сани и выбрасывалъ изъ нихъ сѣдока. Потомъ съѣдалъ сѣно и спокойно шелъ своей дорогой. Лошади страшно боятся зубра. Онѣ становятся на дыбы, или еще чаще, съ испуга что ли, бросаются на землю. Во время рубки деревъ, когда пуща бываетъ наполнена народомъ, зубры нисколько этимъ не тревожатся. А были и такіе случаи, что зубръ стоялъ и издали смотрѣлъ, какъ рубили деревья лиственыхъ породъ; какъ только дерево падало, зубръ тотчасъ же, не стѣсняясь присутствіемъ рабочихъ, смѣло подходилъ къ вершинамъ дерева и объѣдалъ свѣжіе листья. Надобно замѣтить, что побѣги отъ лиственаго лѣса, особенно отъ осины, составляютъ для зубра самый лакомый кормъ, который онъ предпочитаетъ всякому другому.

Лобъ зубра издаетъ особенный запахъ, нѣчто похожее на мускусъ, какъ будто смѣшанный съ фіалками. Поэтому, вѣроятно, первобытные дикіе быки и назывались мускусными (bos moschatus). Запахъ этотъ такъ силенъ, особенно въ августѣ, что за сто шаговъ уже слышенъ. Въ Сѣверной Америкѣ мускусный быкъ еще и теперь водится. Онъ ближе всѣхъ къ нашему бѣловѣжскому зубру; но у него не одна голова, а все тѣло пахнетъ мускусомъ. Этотъ мускусный запахъ породилъ суевѣрное мнѣніе, что шкура, содранная съ головы зубра, облегчаетъ страданія при родахъ. Изъ содранной головной шкуры выдѣлывали широкіе пояса, которые беременныя женщины носили на животѣ. Такіе талисманы-пояса продавались очень дорого. Ими не пренебрегали даже и царственныя женщины. Такъ напр. извѣстный посолъ и путешественникъ, баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ говоритъ, что когда онъ былъ въ Краковѣ, королева Бона Сфорчія, супруга Сигизмунда I, подарила ему два такихъ пояса, и что потомъ одинъ изъ нихъ онъ представилъ своей императрицѣ, чему она очень обрадовалась. Плиній свидѣтельствуетъ, что изъ роговъ зубра, разрѣзанныхъ на тонкія пластинки, дѣлали фонарики, просвѣчивавшіеся, какъ стекляные. Еще недавно охотничьи заздравныя чаши изъ роговъ зубра были въ общемъ употребленіи. Славяне пили медъ изъ турьихъ роговъ.

Семья медвѣдей.

Были уже дѣлаемы опыты воспроизведенія помѣси зубра съ домашнею коровою. Помѣщикъ Валицкій, въ имѣніи Езерахъ имѣлъ уже приплодъ, но, насколько намъ извѣстно, телята, отъ этой помѣси, второго поколѣнія, всегда издыхали.

Нѣсколько зубровъ доставлено изъ Бѣловѣжской пущи въ Царскосельскій паркъ.

Конечно, въ прежнее время зубры не ограничивались одною Бѣловѣжскою пущею. Они водились и въ сосѣдней, Гродненской пущѣ, гдѣ память ихъ сохранилась въ одномъ урочищѣ, называемомъ Зуброво.

Кромѣ зубра, въ Бѣловѣжской пущѣ водятся лоси, дикія козы, кабаны, рыжіе медвѣди, волки, барсуки, лисицы, рыси, выдры, норки, куницы, ласки, горностаи. Изъ птицъ много орловъ, соколовъ, совъ и др. На берегахъ р. Нарева указываютъ на слѣды построекъ бобровъ, которыхъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія было здѣсь очень много. Недосмотръ и невоспрещеніе убивать ихъ довели до того, что теперь нѣтъ ни одного. Знатоки увѣряютъ, что условія мѣстности вполнѣ способствуютъ разведенію бобровъ, лишь бы только законъ ограж-

далъ ихъ отъ истребленія. Еще Судебникъ 1492 г., или статутъ Казиміра Ягеллона, предписывалъ охранять бобровъ.

Въ лѣтописяхъ Бѣловѣжской пущи памятны будутъ дни царской охоты 6 и 7 октября 1860 г., по великолѣпной обстановкѣ, по количеству убитаго звѣря, превосходящей всѣ прежнія этого рода охоты. За три недѣли до назначеннаго срока прибыли въ Бѣловѣжъ для устройства охоты товарищъ министра государственныхъ имуществъ, генералъ Зеленый, и егермейстеръ графъ Ферзенъ. Все вѣдомство гродненской палаты государственныхъ имуществъ съѣхалось въ Бѣловѣжъ, и эта деревня преобразилась въ красивое и многолюдное мѣстечко. Домъ мѣстнаго лѣсничества преобразованъ былъ въ охотничій домъ, богато и со вкусомъ отдѣланный. Для ожидаемыхъ высокихъ гостей устроено было помѣщеніе у лѣсопромышленника, иностраннаго негоціанта Симунда, котораго контора превращена была въ роскошный палаццо. Для свиты и разныхъ сановниковъ воздвигнуты были новые и передѣланы старые домики. Тысячи народа стеклось въ Бѣловѣжъ изъ окрестныхъ мѣстъ, нѣкоторые за 50 и болѣе верстъ. Выписаны изъ разныхъ мѣстъ самой лучшей породы охотничьи собаки. А бѣдные зубры присматривались ко всему этому съ любопытствомъ, не догадываясь, какую роль они-то играютъ въ этихъ приготовленіяхъ. На 9-й верстѣ отъ Бѣловѣжи, вблизи дороги, ведущей въ деревню Гайновку, растянуты были тенеты, имѣя видъ овала и занимая въ окружности двѣ кв. версты. Здѣсь была устроена ложа для Государя Императора и въ одну съ нею линію 11 бесѣдокъ для высокихъ гостей, а также особая галерея для публики. 4-го октября прибыли въ Бѣловѣжъ принцы Карлъ и Альбертъ Прусскіе, принцъ Августъ Виртембергскій и принцъ Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій. 5-го числа имъ показывали окрестныя мѣста и свезли въ самую глушь пущи, въ такую глушь, гдѣ рука человѣка не коснулась ни одного изъ этихъ великановъ, гдѣ даже самая неистовая буря не могла устрашить ихъ своимъ гнѣвомъ, куда не проникали даже солнечные лучи, какъ будто не смѣя разоблачать тайнъ этихъ гигантовъ... Легко понять, какое впечатлѣніе произвело на нихъ это никогда невидѣнное ими зрѣлище. Государь Императоръ прибылъ вмѣстѣ съ великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, Карломъ-Александромъ, въ 4 часа ночи съ 5-го на 6-е октября.

6-го октября въ 12 часовъ Государь съ своими гостями и многочисленною свитою отправились на охоту. Государь занялъ свою ложу, въ бесѣдкахъ размѣстились великій герцогъ и принцы со своими свитами. Конечно, звѣрь былъ согнанъ во множествѣ въ эту часть пущи и окруженъ густою цѣпью. Въ часъ, по данному изъ Императорской ложи сигналу, выпустили гончихъ собакъ, и тѣ погнали звѣря стаей. Первый выстрѣлъ послѣдовалъ изъ Императорской ложи. Затѣмъ началась безпрестанная пальба изъ ложи и бесѣдокъ. Охота продолжалась до пяти съ половиною часовъ. Государь убилъ 4 зубра, 1 кабана, 2 лосей, 1 лань, 5 сернъ, 5 волковъ, 4 лисицы, всего 22 штуки. Великій герцогъ убилъ 2 зубровъ, прочіе принцы убили 10 зубровъ, т. е. всего убито 16 зубровъ.

Въ 6 часовъ былъ большой обѣдъ у Государя въ Бѣловѣжѣ. Въ то же время на полянѣ, на берегу Наревки, устроено было народное гулянье съ обильнымъ угощеніемъ, въ которомъ участвовало нѣсколько тысячъ народа. Вечеромъ сожженъ былъ фейерверкъ.

На другой день охота началась въ половинѣ одиннадцатаго и продолжалась до половины втораго. Государь убилъ 6 зубровъ, 7 ланей, 5 сернъ, 1 лисицу, 1 барсука и 1 зайца, всего 21 штуку. Другіе участники охоты убили 6 зубровъ и 25 штукъ разнаго звѣря. Вообще въ эти два дня убито 28 зубровъ, въ томъ числѣ 10 самокъ, и 68 штукъ разныхъ другихъ звѣрей.

Государь Императоръ остался очень доволенъ охотой и благодарилъ главнаго распорядителя и знатока въ этомъ дѣлѣ, поручика Штральборна.

Въ память охоты Государь собственноручно посадилъ вблизи императорской ложи деревцо ливанскаго кедра. Великій герцогъ, нѣмецкіе принцы, а также главный начальникъ края, генералъ-адъютантъ В. И. Назимовъ и товарищъ министра государственныхъ имуществъ, генералъ Зеленый, по желанію Государя Императора, тоже посадили по деревцу разныхъ породъ.

Послѣ Бѣловѣжской, первое мѣсто принадлежитъ Гродненской пущѣ. Она занимаетъ пространство въ 97 т. десятинъ въ сѣверной части Гродненскаго уѣзда, но не такъ богата растительностью, какъ Бѣловѣжская. Западная часть пущи холмиста, восточная же покрыта глубокими торфяными болотами. Въ западной части и на мѣстахъ возвышенныхъ распространена чисто-песчаная почва. По пущѣ протекаетъ р. Пыръ, соединенная каналомъ съ озерами, во множествѣ раскинутыми по пущѣ. Гродненская лѣсная дача раздѣлена на два лѣсничества, а каждое лѣсничество на 12 стражъ.

Лѣсная торговля въ Гродненской губерніи довольно значительна, какъ по удобству сплава, такъ равно и по его обилію. Лѣсъ сплавляютъ колодами, брусьями, клепкою и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производятъ гонку смолы и скипидара, а также дегтя, употребляя для этого особаго устройства *печи съ кожухомъ* и, для производства, опытныхъ, привыкшихъ къ дѣлу угольщиковъ. Остающійся въ печи уголь употребляютъ обыкновенно въ кузницахъ, а иногда сплавляютъ вмѣстѣ съ лѣсомъ для продажи. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что въ лѣсохозяйственномъ отношеніи замѣчательнѣйшія, уцѣлѣвшія еще пущи, какъ Гродненская и Бѣловѣжская, а также Мендзыржецкая, Рудникская, Поставская, Налибокская, Олькеникская въ Виленской губерніи и нѣкоторыя др., не играютъ еще той важной въ экономическомъ отношеніи роли, на какую онѣ имѣютъ неоспоримое право. Правильное, научное лѣсоводство еще въ младенческомъ состояніи. За границу идетъ только корабельный или крупный строевой лѣсъ. Лѣса во многихъ мѣстахъ завалены вершинами отъ произведенныхъ операцій, множествомъ валежника и буреломовъ, постоянно накопляющихся вслѣдствіе свирѣпствующихъ вѣтроваловъ. Весь этотъ матеріалъ большею частію остается безъ употребленія, гніетъ, засоряя лѣсныя дачи и препятствуя образованію молодой поросли.

Угольщики.

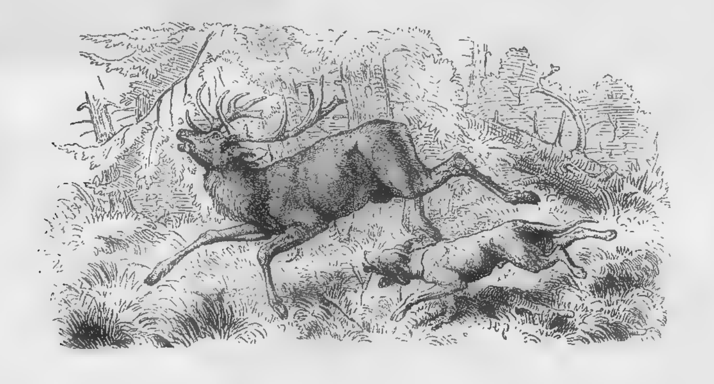
Въ былое время охота составляла любимѣйшее занятіе привилегированныхъ сословій въ здѣшнемъ Полѣсьѣ. Охотились преимущественно съ соколами-бѣлозорами. Соколиная охота, понятно, была доступна только людямъ богатымъ. Независимо отъ сего, каждый помѣщикъ держалъ у себя множество всевозможныхъ сортовъ охотничьихъ собакъ, цѣлые отряды стрѣлковъ, особыхъ—выѣзженныхъ и приспособленныхъ для охоты—лошадей. Въ прежне время охота производилась почти круглый годъ, но въ особенности славились такъ называемыя осеннія облавы на дикихъ звѣрей, на медвѣдей, волковъ, кабановъ и т. д. Тогда обыкновенно съѣзжались всѣ сосѣди, каждый съ своею псарнею и стрѣлками, такъ что собирались цѣлыя сотни охотниковъ, и облавы, сопровождаемыя разными увеселеніями продолжались цѣлыя недѣли. Потомъ всѣ тѣ же участники собирались у другаго сосѣда и т. д. Бывало и такъ, что богатые дворяне со всею своею многочисленною свитою дѣлали честь какому нибудь скромному и не такъ богатому шляхтичу—наѣзжали въ его домъ, поохотились день другой и съѣли весь годичный запасъ шляхтича. Но онъ не бывалъ отъ этого въ убыткѣ: всѣ потомъ посылали ему изъ своихъ имѣній всякаго добра. Въ каждомъ болѣе зажиточномъ домѣ было нѣсколько такъ называе-

мыхъ резидентовъ изъ бѣдныхъ дворянъ, всего чаще отставныхъ офицеровъ. Были между ними благороднѣйшіе и честнѣйшіе люди, но случались и тунеядцы. Главною обязанностію такихъ резидентовъ было заботиться о всемъ касающемся охоты. У нихъ были свои стрѣлки, псарники, оружейники и разные подначальные изъ дворовыхъ людей. Другою обязанностью резидентовъ было забавлять гостей разсказами объ охотничьихъ подвигахъ. Разсказывались такія диковинныя вещи, какихъ бы и самъ Сервантесъ не выдумалъ. Изъ самохвальства записныхъ охотниковъ составилась даже пословица, до сихъ поръ часто повторяемая: Łże jak myśliwy, т. е. вретъ, какъ охотникъ. Знаменитый князь Карлъ Радзивиллъ, называемый пане Коханку (отъ его любимой и вѣчно повторяемой пословицы), любилъ охоту, любилъ и прикрасить свои разсказы описаніемъ всевозможныхъ чудодѣйствій, будто бы имъ совершенныхъ. Резиденты, конечно, обязаны были, какъ свидѣтели, подтверждать истину разсказовъ князя. Однажды князь разсказывалъ, какъ онъ воевалъ съ тиграми въ Африкѣ, какъ тигры истребили сотни людей, но какъ онъ потомъ всѣхъ тигровъ положилъ на мѣстѣ. — Вѣдь правда, пане Коханку, ты вѣдь былъ тогда со мною и видѣлъ, какъ я перебилъ тигровъ? — прибавилъ князь, обращаясь къ одному изъ резидентовъ.—Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я ничего не видѣлъ, потому что тогда я уже былъ растерзанъ тиграми и лежалъ мертвый.—Правда, правда,—закричалъ обрадованный князь, я было и забылъ, потомъ вѣдь я же тебя воскресилъ нильскою водою, которую вылилъ на тебя изъ пасти задушеннаго мною крокодила.

Безтолково, но было весело. Все измѣнилось. Нѣтъ уже ни такихъ князей, ни резидентовъ; нѣтъ и такихъ дремучихъ лѣсовъ, но нельзя сказать, чтобы въ дичи и звѣрѣ былъ недостатокъ. Только уже нѣтъ прежнихъ шумныхъ охотъ и сопровождавшихъ ихъ оргій. Неоднократныя обезоруженія края (въ 1831, 1839, 1846, 1848, 1854 и 1863 гг.) дали возможность расплодиться звѣрю до невѣроятной степени, особенно волкамъ, свободно расхаживавшимъ по деревнямъ и безнаказанно уносившимъ добычу.

Охота, какъ въ былое время, такъ и теперь, никогда не составляла промысла; промышляли зайцами и разными птицами лѣсовщики и поселяне въ мѣстностяхъ, не столь отдаленныхъ отъ городовъ. Облавы на дикихъ звѣрей, а равно охоты на зайцевъ, рябчиковъ, тетеревовъ, глухарей, куропатокъ, бекасовъ, дикихъ утокъ, куликовъ и т. д.—и теперь бываютъ, конечно, съ соблюденіемъ разныхъ постановленій и правилъ, въ отношеніи времени, оружія и т. п. Недостатка въ дичи никогда не бываетъ и продается она недорого.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ VI.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЛИТОВСКАГО ПОЛѢСЬЯ.

Загадочное происхожденіе литовскихъ князей. —Историческій разсвѣтъ: Рингольдъ.—Битвы при Могильнѣ и Корсакишкахъ. — Миндовгъ.— Битвы на Шейбакъ-полѣ и при Койдановѣ. — Гедиминъ. — Ольгердъ и Кейстутъ.— Ягайло и Ядвига. — Коронація въ Краковѣ. — Скиригайло, намѣстникъ Ягайлы. — Витовтъ. — Присоединеніе удѣловъ. — Битва подъ Грунвальдомъ. — Дѣла съ Монголами. — Виленскій и Городельскій съѣзды. — Учрежденіе Западно-русской митрополіи. — Съѣзды вѣнценосцевъ въ Луцкѣ и въ Трокахъ. — Збигневъ Олесницкій и смерть Витовта. — Свидригайло. — Сигизмундъ. —Умерщвленіе послѣдняго кн. Чарторыжскимъ. — Вел. кн. Казиміръ Ягеллонъ. – Флорентинская унія. — Законоположенія. — Казнь князей Слуцкаго и Гольшанскаго. — Вел. кн. Александръ Ягеллонъ.—Князь Глинскій.— Сигизмундъ I Старый. — Сигизмундъ Августъ. — Королева Варвара. — Радзивиллы Черный и Рыжій. — Распространеніе реформатскихъ ученій. — Люблинская унія. — Іезуиты. — Стефанъ Баторій. — Сигизмундъ III. — Скарга.— Унія церквей. — Литовскій статутъ. — Войны съ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ Карломъ XII. — Петръ Великій. — Религіозная борьба, раздоры, междоусобія, наѣзды. — Казнь Гонсѣвскаго. — Борьба Сапѣги съ Бржостовскимъ, Сапѣги съ Вишневецкими, Ольшеникская битва. — Раздѣлъ Польши. — Русскія войска въ Литвѣ. — Возстаніе Ясинскаго. — 1812, 1831 1837, 1844, 1863 годы. — Послѣдствія.

„Оберетъ собе великій князь Швинторогъ местцо на пущи, велми хорошо, подле реки Вельи, где река Вильня, упадаетъ у Велью, и просилъ сына своего Скиримонта, абы на томъ местцу было жеглищо вчинено, гдежбы его мертваго сожели; и приказалъ сыну своему, жебы по смерти его на томъ местцу, гдѣбы его сжегъ всихъ князей литовскихъ и знаменитыхъ бояръ сожжено было и штобы вже инде тела мертвыхъ не были съжены, только тамъ“.

ЛѢТОПИСЬ БЫХОВЦА.

Съ историческимъ разсвѣтомъ Литовскаго полѣсья, мы застаемъ какъ Литовцевъ, такъ и Бѣлоруссовъ, на давно уже засиженныхъ ими мѣстахъ поселенія. Но историческіе факты еще невѣрны, обезображены вымыслами и лишены всякой критической подкладки. Долгое время вѣрили, что Литовцы первоначально пришли изъ Рима, основываясь на томъ, что въ литовскомъ языкѣ встрѣчаются слова латинскія. Длугошъ самое основаніе города Вильна приписываетъ римскому вождю, отъ имени котораго самый городъ будто-бы получилъ названіе. На такихъ шаткихъ основаніяхъ досужіе лѣтописцы составляли легенды о римлянинѣ Палемонѣ, котораго величаютъ княземъ литовскимъ и даютъ ему потомство въ сыновьяхъ Боркусѣ, Кунасѣ, Сперѣ. Произвесть Литовцевъ отъ Римлянъ, въ XIV ст.

было въ духѣ времени; этимъ увеличивалось достоинство Ягайлы, какъ короля польскаго, и льстило народному самолюбію.

Мы уже говорили, что языкъ литовскій первобытный, самостоятельный. Наука причисляетъ народъ литовскій къ индо-европейскимъ народамъ, поселеннымъ съ древнѣйшихъ временъ на тѣхъ же мѣстахъ, которыя онъ занимаетъ и нынѣ. Народъ сохранилъ преданіе о пришельцахъ изъ-за моря; но этими пришельцами, по всей вѣроятности, были Скандинавы, съ VI ст. постоянно дѣлавшіе набѣги на Литву. Часть ихъ могла селиться здѣсь, съ теченіемъ времени смѣшиваясь съ туземцами. Адамъ Бременскій говоритъ, что король норвежскій, Олафъ, около 1000 г. изгнанный изъ отечества, явился въ Литвѣ и здѣсь, между Нѣманомъ и Двиною, распространялъ христіанское ученіе. Извѣстенъ наконецъ тотъ фактъ, что въ XII ст. въ окрестностяхъ Вильна Трокъ былъ Снорро-Стурлезонъ, скандинавскій путешественникъ, и нашелъ здѣсь своихъ соотечественниковъ, съ которыми, хотя съ трудомъ, могъ объясняться на родномъ языкѣ.

Со временъ Ярослава I, рѣдкій изъ русскихъ князей не ходилъ на Литву, чтобы завоевать ее. Ярославъ успѣлъ даже обложить Литовцевъ данью, но не надолго. Походы русскихъ князей не всегда были успѣшны: самъ Мстиславъ Великій испыталъ неудачу въ Литвѣ, гдѣ погибли цѣлые полки его. Съ половины XII ст. Литовцы сдѣлались грозою русскихъ княжествъ, обнаруживая въ набѣгахъ своихъ грозную силу, страшную злобу, отчаянную дерзость. Они опустошали предѣлы Полоцкіе, Новгородскіе, Псковскіе, даже Волынскіе.

Въ началѣ XIII ст. являются новые, сильные враги Литовцевъ. На берегахъ Двины въ 1201 образовался орденъ Ливонскій; въ Пруссіи же въ 1225 орденъ Меченосцевъ. Послѣдніе, послѣ упорной борьбы, успѣли поработить Литовцевъ-Пруссаковъ и въ 1265 силою обратили ихъ въ христіанство. Съ Литвою же и Жмудью пришлось имъ долго еще вести кровавую и продолжительную борьбу.

Рядъ баснословныхъ князей литовскихъ начинается съ 366 года. Дѣянія ихъ намъ почти неизвѣстны, и нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, которыя бы могли служить ручательствомъ въ дѣйствительности ихъ существованія. Мы упомянемъ здѣсь только о Кернусѣ, сынѣ Куnаса, не потому, чтобы и онъ не былъ лицомъ миѳическимъ, но потому, что преданіе ему приписываетъ основаніе Кернова, близъ Вильна, первой столицы литовской, по всей вѣроятности одного изъ удѣловъ, на которые была раздроблена Литва.

Первымъ достовѣрнымъ литовскимъ княземъ является въ 1226 г. *Рингольдъ* (Renkold?). Дѣянія его слишкомъ извѣстны, чтобы признавать и его лицомъ миѳическимъ. Онъ памятенъ въ исторіи Руси и обоихъ орденовъ. Кто былъ этотъ Рингольдъ? Мы ничего положительно не знаемъ. Съ нимъ начинается загадочное, до сихъ поръ не разъясненное происхожденіе дѣйствительныхъ князей литовскихъ. Одни производятъ его отъ племени Римлянъ, другіе отъ Скандинавовъ, третьи же изъ рода князей Полоцкихъ. Жизнь Рингольда подтверждаетъ нѣкоторымъ образомъ послѣднее предположеніе. Литовецъ, язычникъ, онъ переноситъ свою столицу въ самую глубь славянскаго племени, въ Новогрудокъ, гдѣ Литовцевъ вовсе не было. Онъ успѣшно собираетъ раздробленные удѣлы, всѣ ему повинуются и признаютъ верховнымъ княземъ. Не только собственная Литва со Жмудью, но и земли Ливовъ и Куроновъ покоряются ему. Онъ прошелъ до самой Руссы, былъ подъ Новгородомъ, явился въ области Псковской, потомъ въ Полоцкой. Здѣсь признали даже власть его надъ собою. Есть одно обстоятельство, темное, загадочное, но, тѣмъ не менѣе, невольно указывающее, что еще до Рингольда, нѣкоторые изъ князей полоцкихъ могли переселиться въ Литву и здѣсь положить начало княжескому дому. Воскресенская лѣтопись говоритъ, что, когда въ 1128 г. вел. кн. Мстиславъ Владиміровичъ покорилъ Полоцкую землю, и всѣ князья полоцкіе, т. е. три сына и два внука Всеславовы, съ женами и дѣтьми отвезены были въ Константинополь, «Вильняне взяша себѣ изъ Царьграда полотскаго Ростислава Рогволодовича, дѣтей Давила князя, да брата его Мавкольда князя и той на Вильни прави князь Давилъ....» — Къ этому лѣтописецъ присовокупляетъ: «а Мавкольда князя, сынъ Миндовгъ».

Отравленіе дѣтей Витольда.

Миндовгъ, какъ увѣряютъ, былъ сыномъ Рингольда и располагалъ большими силами около 1235 года. Слѣдовательно, здѣсь или имена перепутаны, или же былъ другой Миндовгъ. Въ греческихъ хроникахъ ничего не упоминается объ этомъ бѣгствѣ князей полоцкихъ. Можетъ быть, они бѣжали въ Литву, можетъ быть отъ нихъ происходитъ и Рингольдъ, игравшій только роль язычника? Повторяемъ, вопросъ этотъ еще темный, неразрѣшенный.

Удѣльные русскіе князья должны были трепетать, видя такое возрастающее могущество литовскаго князя. Давидъ, князь Луцкій, Святославъ Всеволодовичъ, Левъ Даніиловичъ Волынскій и Димитрій Друцкій собрали отборную рать и пошли на Рингольда. Отчаянная битва произошла въ 1235 г. при Могильнѣ надъ Нѣманомъ, недалеко отъ Новогрудка. Союзные князья были разбиты на голову. Послѣдствія этой битвы были весьма благодѣтельны для Рингольда и его наслѣдниковъ. Съ этого времени начинается сліяніе Литвы съ Русью, единодушныя дѣйствія противъ сильнѣйшихъ враговъ: Рыцарей и Монголовъ.

Успокоившись въ отношеніи Руси, Рингольдъ пожелалъ проучить и рыцарей. Нѣсколько разъ нападалъ онъ на ихъ владѣнія, по льду доходилъ до острова Эзеля; предавая огню и мечу все встрѣчаемое на пути. Тогда гермейстеръ ордена, Вольквинъ, собралъ отборнѣйшее войско и ударилъ на Литовцевъ. Сраженіе произошло на берегахъ Каменки, близъ мѣстечка Корсакишекъ, 23 сентября 1236 г., и окончилось блистательнымъ образомъ для Рингольда. Самъ гермейстеръ Вольквинъ былъ убитъ. Пятьдесятъ Меченосцевъ изъ числа знатнѣйшихъ рыцарей и болѣе тысячи воиновъ легли на мѣстѣ, много взято въ плѣнъ.

Рингольдъ умеръ въ 1240 г. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Миндовгъ, Мен-догъ, *Mindows*. Точно ли онъ былъ сынъ Рингольда, опредѣлить трудно, но по происхожденію имѣлъ право владѣть, когда не только вся Литва ему безропотно покорилась, но и нѣкоторые удѣльные русскіе князья не противились его господству. Миндовгъ довершилъ начатое Рингольдомъ. Чтобы устрашить и дать почувствовать свою силу, онъ двинулъ свою рать на княжества Кривскія, Псковское, Новгородское, овладѣлъ даже Торжкомъ. Напоръ Литвы такъ былъ стремителенъ, что Александръ Невскій восемь разъ выводилъ въ поле свои дружины и только съ большимъ усиліемъ и значительными потерями успѣлъ отстоять свои владѣнія. Полоцкое, Минское и Витебское княжества, хотя и имѣли собственныхъ князей, признавали однако надъ собою верховную власть Миндовга. На югѣ онъ раздвинулъ свои предѣлы до самаго Пинска.

Время тогда было страшное для Руси. Не только восточная, но и юго-западная Русь страдали подъ игомъ Монголовъ. Нашествія Батыя особенно были памятны. Подолія, Волынія, Галичина лишились лучшихъ своихъ городовъ, разрушенныхъ до основанія. Каменецъ, Галичъ, Перемышль почти не существовали. Но этимъ Монголы не ограничились. Несмѣтныя полчища ихъ, предводимыя Балкалаемъ, или Балаклаемъ, двинулись на сѣверо-западную Русь и на Литву. Ихъ приглашали даже завистливые враги Миндовга, Даніилъ и Василько, князья галицкіе. Миндовгъ зналъ объ этомъ, онъ собралъ свои дружины, вызвалъ подвластныхъ ему князей и съ сильною ратью пошелъ на страшнаго врага. Они встрѣтились на пространной равнинѣ въ окрестностяхъ Лиды (въ 45 верстахъ къ сѣверо-западу). Монголы были разбиты на голову. Мѣсто это и до сихъ поръ называется Шейбакъ-поле, ибо вождемъ Монголовъ былъ Шейбакъ, родственникъ Батыя. Это было въ 1242 г. Спустя восемь лѣтъ, Монголы еще разъ захотѣли испытать свои силы и проникли до Минска. Миндовгъ съ русскими князьями встрѣтился съ ними (1249) при рѣкѣ Нетечи, вблизи Крутогорья, и здѣсь тоже одержалъ славную побѣду. Какъ въ окрестностяхъ Лиды, мѣстность, гдѣ былъ побѣжденъ Шейбакъ, названа Шейбакъ-полемъ, такъ и здѣсь отъ имени побѣжденнаго вождя Монголовъ, Койдана, Крутогорье названо Кайдановомъ, какъ и до сихъ поръ называется. Эти двѣ побѣды Миндовга занимаютъ важную страницу въ исторіи. Нанеся страшные удары дикимъ полчищамъ Чингисхана, Миндовгъ, удививъ грозныхъ пришельцевъ, считавшихъ себя до того времени непобѣдимыми, и остановивъ успѣхи ихъ оружія, быть можетъ, спасъ самую Европу отъ вторженія и порабощенія неисто-

выми ордами. Эти же побѣды, обезпечивъ Литовцевъ отъ Монголовъ, дали Миндовгу значительный перевѣсъ надъ русскими князьями и открыли путь къ сліянію Литвы съ Русью.

Густинская лѣтопись говоритъ: «Въ сіе лѣто (1246) великій князь литовскій Миндовгъ принялъ вѣру христіанскую отъ востока съ многими своеми бояры». Мы думаемъ, что Миндовгъ, какъ и братъ его Эрдзивилъ и отецъ Рингольдъ, родились христіанами, какъ происходившіе отъ Рюриковичей, отъ князей полоцкихъ. Конечно, у нихъ не было вѣры прочной, твердой, и въ средѣ подвластныхъ имъ литовскихъ язычниковъ они держались ихъ вѣры, не гнушаясь, въ случаѣ надобности, приносить въ жертву богамъ христіанскихъ военноплѣнныхъ, можетъ быть даже съ радостью, потому что это были Нѣмцы-рыцари.

Ливонцы не переставали тревожить Литву; русскіе князья Эрдзивиллъ (полагаютъ, родной братъ Миндовга), правившій въ Смоленскѣ, Викиндъ витебскій, Товтивилъ полоцкій и др. постоянно обращались къ рыцарямъ, а тѣ радовались каждой смутѣ между родственными князьями и, подъ предлогомъ обращенія въ вѣру, опустошали страну. Миндовгу надоѣли эти набѣги, особенно же безпрестанныя подстрекательства князей галицкихъ и другихъ, вносившія раздоръ и неурядицу внутри государства. Чтобы разъ навсегда обезпечить себя отъ ихъ происковъ, онъ обратился непосредственно къ папѣ Иннокентію IV, изъявивъ желаніе перейти въ католичество. Папа за это пожаловалъ Миндовга въ короли литовскіе. Обрядъ перекрещенія и коронація совершены кульмскимъ епископомъ въ 1252 г. въ Новогрудкѣ.

Ливонцы этимъ не были обезоружены. Набѣги ихъ не прекращались и Миндовгу, не разъ еще пришлось бороться съ ними. Въ 1261 г. онъ разбилъ ихъ на голову и не препятствовалъ своимъ литовскимъ воинамъ принести въ жертву своимъ богамъ восемь рыцарей, которые и были торжественно сожжены по обрядамъ языческимъ. Озлобленіе доходило до такой степени, что Литовцы истязали взятыхъ въ плѣнъ, рубили имъ руки и ноги.

Въ 1263 г. умерла супруга Миндовга, Марѳа. Родная сестра ея была за Довмонтомъ, княземъ Нальшанскимъ (Стрыйковскій пишетъ Занальщавскимъ, нынѣ Ольшаны или Гольшаны, въ Ошмянскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, бывшій удѣлъ князей Гольшанскихъ). Она пріѣхала на похороны сестры. Миндовгъ оставилъ ее при себѣ, чтобы была матерью сыновей его, Рукля и Репикасса. Озлобленный Довмонтъ, соединясь съ племянникомъ Миндовга, Тройнатомъ, однимъ изъ князей на Жмуди, Товтивиломъ полоцкимъ, Эрденемъ, или Герденемъ, сыномъ Давила (Давида), двоюроднымъ братомъ Миндовга, составили заговоръ, подкупили любимца Миндовга, Остапа Константиновича, 12 сентября 1263, въ лагерѣ, когда Миндовгъ шелъ на брянскаго князя Романа, напали на спящаго князя и умертвили его вмѣстѣ съ двумя малолѣтними сыновьями.

Но у Миндовга былъ старшій сынъ, Войшелгъ, въ православіи Романъ, родившійся въ 1223 г. отъ княжны тверской (Татищевъ). Юность свою онъ провелъ при разныхъ княжескихъ дворахъ, былъ храбръ, мужественъ, но, какъ увѣряютъ лѣтописцы, очень жестокосердъ. Могущество отца заставляло обращать вниманіе и на сына. Ливонцы заискивали у него, а папа обѣщалъ сдѣлать королемъ Руси, если приметъ католичество. Войшелгъ однако чувствовалъ, что при жизни отца для него нѣтъ дѣла. Онъ удалился въ Полонинскую обитель, на Волыни, и постригся въ монахи. Потомъ предпринялъ путешествіе на Аѳонскую гору, но, не доѣхавъ туда, возвратился на родину и, вмѣстѣ съ архимандритомъ Елисеемъ, сыномъ князя Тройната, на берегу Нѣмана, вблизи Новогрудка, основалъ обитель и поселился въ ней. Тамъ дошла до него вѣсть о смерти отца; страшась за собственную жизнь, онъ бѣжалъ въ Лещинскій монастырь близъ Пинска. Между тѣмъ въ Новогрудкѣ происходили смуты, похитители престола разграбили казну, но не могли ею подѣлиться. Тогда Войшелгъ слагаетъ клобукъ и является грознымъ мстителемъ за смерть отца. И Русскіе и Литовцы тотчасъ ему покорились. Кровь полилась рѣкою. Тройнатъ и всѣ заговорщики были казнены; *окаяннаго* бѣглеца изъ Рязани (какъ говоритъ лѣтопись), Остапа Константиновича Войшелгъ убилъ собственноручно; одинъ

только Довмонтъ съ небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ успѣлъ бѣжать въ Псковъ, гдѣ его избрали княземъ. Онъ былъ грозою Ливонцевъ. Церковь причла его къ лику святыхъ, и мощи его почиваютъ въ псковскомъ Троицкомъ монастырѣ. Тамъ же показываютъ и мечъ его. Войшелгу пришлось бороться съ удѣломъ Довмонта, Нальшанами (Гольшаны). Лѣтопись говоритъ: «Нача городы имати въ Дявелтовѣ и въ Нальшанахъ», потому что въ Литовскихъ удѣлахъ Войшелга встрѣчали непріязнено (Дявелтовъ, нынѣ Дзѣвальтовъ, недалеко отъ Вилкомира).

Войшелгъ, передавъ правленіе зятю своему Шварну Даніиловичу, князю галицкому, возвратился въ монастырь. Шварнъ былъ нелюбимъ народомъ; народъ роптадъ и требовалъ, чтобы Войшелгъ возвратился править государствомъ. Тогда Левъ Даніиловичъ, братъ Шварна, пригласилъ Войшелга на пиръ во Владиміръ Волынскій и здѣсь 9 декабря 1267 г. измѣннически собственноручно умертвилъ его ударомъ сабли по головѣ, такъ что мозгъ брызнулъ на стѣну. Убійство совершено въ Михайловскомъ монастырѣ.

Такъ погибъ весь родъ Миндовга. Столько писали о Миндовгѣ и наши лѣтописи, и рыцари, и польскіе лѣтописцы, а между тѣмъ происхожденіе его остается загадочнымъ. Ежели же вглядѣться глубже въ эту тревожную жизнь замѣчательнѣйшаго изъ дѣятелей въ Литвѣ и Руси, невольно вкрадывается убѣжденіе, что онъ не былъ природнымъ Литовцемъ. Первая жена его, неизвѣстная по имени, мать Войшелга, княжня тверская, съ чѣмъ соглашается и критическій Бартошевичъ. Вторая — Марѳа. Кто она, не знаемъ. Войшелгъ носитъ имя языческое, но уже съ дѣтства христіанинъ и постригается въ монахи. Завладѣвъ престоломъ и отомстивъ убійцамъ; онъ передаетъ власть Шварну Галицкому, передаетъ вопреки желанію литовскаго народа, который вообще не жаловалъ галицкихъ князей. Войшелгъ былъ грубый фанатикъ и не имѣлъ способностей отца; Миндовгъ умѣлъ въ одно и то же время быть язычникомъ Литовцемъ и православнымъ Русскимъ, а когда нужда заставила, и католическимъ королемъ литовскимъ; но онъ не заставлялъ свой народъ креститься, такъ что едва незначительное число придворныхъ Литовцевъ, конечно для формы, перешло вмѣстѣ съ нимъ въ католичество. Онъ надѣялся, что рыцари не посмѣютъ нападать на короля, вѣнчаннаго по повелѣнію папы. Когда же убѣдился въ противномъ, когда успѣлъ наказать ихъ за вѣроломство, онъ не стѣснялся дозволить разъярившимся Литовцамъ сжечь рыцарей во славу Перкунасу. Лѣтописцы провозглашаютъ его измѣнникомъ, кровожаднымъ, мстительнымъ; все это справедливо — но развѣ не такими же были въ то время и оба Ордена, не такими же всѣ кровожадные Даніиловичи, не такимъ же и Довмонтъ, проливавшій рѣки крови своихъ соотчичей? Таковъ былъ духъ времени. И несмотря на все это, Миндовгъ останется въ исторіи великимъ человѣкомъ, первымъ, который положилъ прочное начало образованію мощнаго Литовско-русскаго государства. Миндовга воспѣли знаменитѣйшіе польскіе поэты—Словацкій и Крашевскій.

Съ 1268 по 1315 является опять цѣлый рядъ князей не вполнѣ яснаго рода и племени. Но это были большею частію князья удѣльные — единовластіе со смертью Миндовга было поколеблено. Нѣкоторые, даже, какъ кажется, большая часть удѣльныхъ князей, признаютъ уже надъ собою верховную власть полоцкаго князя. Подчиненіе удѣльныхъ князей господствующему князю опять начинается при Витенѣ.

Въ числѣ этихъ князей, мало извѣстныхъ, лѣтописи упоминаютъ о Свинторогѣ, или Швинторогѣ, который около 1270 года, въ Вильнѣ, при впаденіи рѣки Вилейки, или Вильны въ Вилію, или Нерисъ, въ долинѣ, окруженной горами, среди дремучаго лѣса, основалъ капище Перкунаса. Въ этой же долинѣ отведено было мѣсто для кострища, на которомъ сожигали тѣла почившихъ князей. Здѣсь же первый былъ сожженъ прахъ Свинторога, отъ чего долина эта получила свое названіе. Такъ называли ее постоянно до нашихъ дней.

Съ 1293 — 1316 княжилъ въ Литвѣ Витенъ или Витенесъ. Затѣмъ въ 1316 г. вступаетъ на престолъ Гедиминъ. Рыцари по злобѣ распространяли ложныя извѣстія о низкомъ будто бы

происхожденіи Гедимина. Нынѣ критически удостовѣрено, что все это ложь. Онъ былъ сынъ не Витена, какъ думали Стрыйковскій, Кояловичъ, Быховецъ—и ихъ послѣдователи—Лелевель, Нарбуттъ, Ярошевичъ; не Лютавора, какъ говоритъ Дюсбургъ; но сынъ Гердена, или Эрдена, князя полоцкаго. Гедиминъ никогда не былъ конюхомъ Витена и не былъ его убійцею для захвата престола, какъ намъ передавали, основываясь на Оливскихъ анналахъ, Длугошъ, Кромеръ, Бѣльскій, Гваньини и ихъ послѣдователи—Нарушевичъ, Фохтъ (Voigt), Карамзинъ, даже Соловьевъ; *онъ былъ роднымъ братомъ Витена* и послѣ его смерти законно унаслѣдовалъ престолъ. Былъ еще и третій родной братъ Витена—Воинъ, или Воиній. Мы поговоримъ объ этихъ князьяхъ подробнѣе въ историческомъ очеркѣ Бѣлорусскаго полѣсья. Не подлежитъ сомнѣнію, что они были сыновьями Гердена, князя полоцкаго.

Гедиминъ являетъ намъ соединеніе замѣчательныхъ по времени воинскихъ способностей съ политическимъ тактомъ, мудростью во всѣхъ предначертаніяхъ и необыкновенною силою воли. Онъ былъ дѣйствительнымъ основателемъ могущества и славы Литвы и Западной Руси и первый сталъ именоваться великимъ княземъ литовско-русскимъ. Еще при Вингольдѣ въ составъ Литвы вошла Черная Русь съ Новогрудкомъ, Гродномъ, Слонимомъ, Волковыскомъ. При Миндовгѣ присоединилась Полоцкая земля. Гедиминъ пріобрѣлъ Минское, а едва ли не прежде еще слились съ Литвою Туровское и Пинское княжества. Мирнымъ путемъ пріобрѣлъ Гедиминъ Витебское, а потомъ (около 1340) Волынское княжества. Кіевское и Подолія окончательно слились съ Литвою позже, при Ольгердѣ Гедиминовичѣ, около 1362 г.

Такъ слагалось Литовско-русское государство, не путемъ кровавыхъ набѣговъ, но скорѣе мирнымъ путемъ, родственными связями, сознаніемъ силы и могущества государя, передъ которымъ удѣльные князья, чувствуя свое безсиліе, должны были смиряться. Конечно, этимъ не уничтожалась удѣльная система, ибо князья всегда пользовались возможностью возстать и посягать на велико-княжескій столъ. Гедиминъ снискивалъ общее расположеніе и преданность своею вѣротерпимостью и уваженіемъ народныхъ правъ; онъ никогда и нигдѣ не стѣснялъ вѣроисповѣданія, не отмѣнялъ древнихъ уставовъ, оставлялъ покоренныхъ или добровольно отдавшихся ему князей намѣстниками съ княжескими титулами. Жители ни въ чемъ не были стѣснены: ихъ вѣра, языкъ, уставы, обычаи оставались неприкосновенными. Къ тому же, нельзя забывать, что на Гедимина смотрѣли какъ на избавителя отъ тягостнаго рабства монгольскаго. Наконецъ въ народѣ несомнѣнно господствовало убѣжденіе, что князья литовскіе были такими же, какъ и русскіе князья, потомками св. Владиміра, въ чемъ еще болѣе убѣждали родственныя связи Гедимина съ русскими князьями, какъ мы увидимъ далѣе. Язычество Гедимина какъ будто улетучивалось при видѣ того уваженія, какое онъ оказывалъ христіанскимъ исповѣданіямъ, предоставляя имъ разныя льготы и полнѣйшую свободу въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ.

Заботясь о внутреннемъ благоустройствѣ государства, о развитіи торговли и промышленности, онъ входилъ въ тѣсныя связи съ ганзейскими городами, выписывалъ оттуда ремесленниковъ, купцовъ и вообще людей, кои могли вносить просвѣтительное начало. Наѣхало въ Литву множество Нѣмцевъ, пользовавшихся совершенною свободою вѣроисповѣдния и даже судившихся собственными ихъ законами. Гедиминъ основалъ много городовъ, между прочимъ Новые-Троки, которые назначилъ своею столицею, построилъ великолѣпные, сильно укрѣпленные замки въ древнѣйшемъ литовскомъ поселеніи, Вильнѣ, куда и переѣхалъ на жительство въ 1322 г.

Семейныя и родственныя связи Гедимина доказываютъ, какъ велико было его значеніе въ политическомъ мірѣ. Дочь его Альдона, въ католичествѣ Анна, была супругою Казиміра Великаго, короля польскаго. Отецъ Казиміра, Владиславъ Локетекъ просилъ у Гедимина руки Альдоны для своего 16-лѣтняго тогда сына, съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто приданаго, Гедиминъ отпустилъ на свободу всѣхъ плѣнныхъ Поляковъ, находившихся въ его государствѣ. Гедиминъ со-

гласился, и Альдона въ 1325 г. прибыла въ Краковъ вмѣстѣ съ 24,000 освобожденныхъ плѣнныхъ и понятно, возбудила всеобщій восторгъ. Послѣ смерти Локетка она была коронована вмѣстѣ съ мужемъ въ 1333. Другая дочь, Данмиля-Елисавета была супругою Янки, князя мазовецкаго, владѣвшаго Плоцкомъ; третья, Марія, была за Болеславомъ Мазовецкимъ; четвертая, тоже Марія, за Димитріемъ Михайловичемъ, княземъ тверскимъ; пятая, Августа или Анастасія, за Симеономъ Іоанновичемъ (сыномъ Калиты); наконецъ еще двѣ неизвѣстныя по имени, одна была за гродненскимъ старостою княземъ Давидомъ (какъ кажется, сыномъ Довмонта, князя псковскаго), храбрѣйшимъ изъ полководцевъ временъ Гедимина; другая за Юріемъ Андреевичемъ, княземъ галицкимъ. У Гедимина было три жены: Вида, дочь Видимунта; Ольга, дочь Всеслава Смоленскаго; Евна, или Ева, дочь Ивана Всеволодовича.

Родственныя связи литовскихъ князей съ потомками дома Владиміра св., начавшіяся еще при Миндовгѣ, какъ мы увидимъ, продолжались постоянно; литовскіе князья женились на русскихъ княжнахъ, литовскія княжны выходили за русскихъ или польскихъ владѣтельныхъ князей. А между тѣмъ, во главѣ рода все еще стояли князья язычники. Ясно, что язычество было только вынужденное, какъ временная мѣра, пока не окрѣпли связи Литвы съ Русью, пока два народа не слились окончательно въ политическомъ и государственномъ отношеніи.

Гедиминъ убитъ въ сраженіи съ Меченосцами при Велонѣ въ 1341 г.

Еще при жизни онъ раздѣлилъ государство между своими сыновьями. Явнуту, или Евнутію назначенъ былъ великокняжескій престолъ. Монвидъ получилъ въ удѣлъ Керновъ въ Литвѣ и Слонимъ въ Черной Руси; Наримундъ княжества Туровское и Пинское; Коріатъ Новогрудокъ и Волковыскъ; Ольгердъ Кревское и Витебское княжества; Кейстутъ княжество Жмудское, Трокское, Гродненское и Берестское (Брестъ Литовское); Любартъ Волынь и Луцкое княжество. Полоцкое княжество составляло удѣлъ дяди Гедиминовичей, брата Гедимина, Воина. Ольгердъ превосходилъ всѣхъ умомъ и мужествомъ, Кейстутъ—храбростью и необыкновенною честностью. Явнутъ былъ слабъ. Братья сознавали, что онъ не можетъ править государствомъ, что ему не совладать съ удѣльными князьями, не отбиться отъ рыцарей.

Ольгердъ съ Кейстутомъ рѣшили лишить его престола. Они напали на Вильно и раздѣлили между собою бразды правленія. Ольгердъ объявленъ былъ великимъ княземъ, Кейстутъ княземъ Трокскимъ, Жмуди, Гродна и всего Полѣсья. Явнуту назначили въ удѣлъ Изяславъ, но онъ бѣжалъ въ Москву, черезъ два года однако возвратился въ свой удѣлъ.

Дѣятельность, мужество, государственныя способности Ольгерда въ продолженіе тридцати четырехъ-лѣтняго княженія изумительны. Его пособникомъ, другомъ и товарищемъ въ самыхъ рискованныхъ предпріятіяхъ всегда былъ Кейстутъ. Имъ пришлось вести продолжительную борьбу съ рыцарями. Нѣсколько разъ они нападали на Ливонію, проникли до самаго Юрьева (Дерпта), разрушили Королевецъ (Кенигсбергъ). Рыцари принуждены были созывать крестовый походъ, чтобы только отбиться отъ Ольгерда. Этого мало: Ольгерду пришлось воевать и съ Казиміромъ Вел., который захватилъ Брестъ и значительную часть Волыни. Послѣ продолжительной борьбы торжество осталось на сторонѣ Ольгерда, и Поляки должны были оставить Волынь. Въ Подоліи кочевали три орды Монголовъ. Въ 1362 г. Ольгердъ одержалъ блистательную побѣду надъ тремя татарскими князьями; Вутлубугою, Хаджибеемъ и Дмитреемъ на берегахъ рѣки Синія-Воды. Затѣмъ проникъ въ Тавриду и разрушилъ Херсонесъ, гдѣ захватилъ много сокровищъ. Тогда же вся Подолія была присоединена къ великому княжеству Литовскому, а вслѣдъ затѣмъ покорилось ему и Кіевское княжество безъ боя.

Ольгердъ не оставилъ безъ вниманія и восточную половину Руси. Симеонъ Гордый покровительствовалъ родственникамъ Ольгерда, бѣжавшимъ въ Москву. Но и у него были связи въ восточныхъ княжествахъ. Онъ самъ былъ женатъ на княжнѣ Тверской; дочь его была за Борисомъ Константиновичемъ Суздальскимъ. Во время малолѣтства Димитрія Донскаго онъ безъ явной войны занялъ Брянскъ, Бѣлый, Мстиславль, Ржевъ и раздвинулъ предѣлы своихъ,

владѣній до береговъ Угры. Новгородъ, Тверь, Смоленскъ подчинялись ему, какъ своему покровителю; сынъ его Андрей былъ намѣстникомъ Пскова. Потомъ, когда Димитрій Донской сталъ тѣснить шурина его, князя Михаила Александровича Тверскаго, Ольгердъ съ сильною ратью двинулся въ восточную Русь, близъ Тростенскаго озера (въ Рузскомъ уѣздѣ) совершенно истребилъ полки московскіе и дошелъ до самой Москвы; черезъ два года (1370) онъ снова явился подъ Москвою. Наконецъ, когда Ольгердъ въ третій разъ вступилъ въ московскіе предѣлы, Димитрій просилъ мира, который и былъ заключенъ, а для скрѣпленія союза, дочь Кейстута выдана за Владиміра Андреевича Храбраго. Но миръ былъ непродолжителенъ. Черезъ два года (1372) Кейстутъ быстрымъ набѣгомъ разорилъ Переяславль—Залѣсскій и Кошинъ. Послѣ этого снова былъ заключенъ миръ, конечно непрочный, ежели бы вскорѣ не умеръ Ольгердъ.

Велона.

Широко раздвинувъ предѣлы своего государства, усмиривъ властолюбіе и строптивость удѣльныхъ князей, сдѣлавшись грозою не только рыцарей, но и Монголовъ, установивъ государственный строй въ своихъ владѣніяхъ, распространивъ и усиливъ торговлю и промышленность съ отдаленнѣйшими странами, Ольгердъ умеръ на восемьдесятъ первомъ году своей жизни въ 1377 году.

Всю жизнь свою онъ покровительствовалъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Обѣ его супруги, Марія и Іуліанія, свободно воздвигали новые храмы; онъ самъ построилъ двѣ церкви въ Витебскѣ; бояринъ его Гастольдъ строилъ католическіе храмы. Въ Вильнѣ былъ уже монастырь францисканъ. При дворѣ великихъ княгинь было духовенство православное. Великаго князя окружали князья и бояре изъ разныхъ русскихъ княжествъ. И между тѣмъ, не смотря на такую чисто-христіанскую обстановку двора, были два случая, когда язычники возстали на христіанъ и умертвили францисканскихъ монаховъ; наконецъ были еще два случая, когда Ольгердъ самъ велѣлъ казнить 3 придворныхъ за принятіе православія,—факты, до сихъ поръ не достаточно разъясненные. Мы поговоримъ объ нихъ подробнѣе въ очеркѣ г. Вильна.

По русскимъ лѣтописямъ, Ольгердъ принялъ православіе передъ самою смертію (1381) съ именемъ Александра, сдѣлался схимникомъ съ именемъ Алексія и похороненъ въ церкви Пресвятыя Богородицы въ Вильнѣ. Напротивъ, орденскіе лѣтописцы увѣряютъ, что Ольгердъ былъ сожженъ по языческимъ обрядамъ, что едва ли вѣроятно. Супруга Ольгерда, Іуліанія, пережившая его, усердная православная, имѣвшая большое вліяніе на дѣла государственныя и на любимаго сына своего Ягайлу, тоже православнаго, не допустила бы до этого. Быть можетъ, что, въ угоду язычникамъ, совершенъ былъ обрядъ сожиганія въ долинѣ Свинторога—но не тѣла Ольгерда, а всего вѣроятнѣе—его доспѣховъ, любимой лошади и тому подобнаго.

Герои литовскіе, какъ Гедиминъ, Ольгердъ, Кейстутъ и потомъ Витовтъ, отличались особенною любовью къ своимъ супругамъ, доходившею почти до слабости. Изъ угожденія супругѣ Гедиминъ передалъ великокняжескій престолъ менѣе всѣхъ способному сыну Явнуту; такъ и Ольгердъ, изъ угожденія супругѣ, назначилъ своимъ преемникомъ любимца ея, Ягайлу, вовсе неотличавшагося качествами отца и дѣда. Всю жизнь онъ былъ легкомысленъ, лѣнивъ, до крайности подозрителенъ, и хотя подъ старость сдѣлался святошей и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже добродѣтельнымъ, но въ молодыхъ годахъ былъ жестокъ и коваренъ, какъ мы увидимъ ниже. Вступивъ на престолъ, властолюбивый юноша скоро почувствовалъ, что надъ нимъ тяготѣютъ величіе и слава старшаго въ родѣ, всѣми любимаго и уважаемаго даже врагами, трокскаго князя Кейстута. Послѣдній охотно подчинялся племяннику, какъ вел. князю, но въ семейныхъ дѣлахъ считалъ себя вправѣ быть наставникомъ и руководителемъ. Между тѣмъ Ягайло безъ вѣдома Кейстута, почти тайно, выдалъ сестру свою Марію за нѣкоего Войдыло, человѣка низкаго происхожденія, но умнаго и хитраго, успѣвшаго завладѣть слабымъ и безхарактернымъ Ягайломъ. Кейстутъ, дорожившій родственными связями, былъ крайне недоволенъ и конечно упрекалъ племянника за такое легкомысліе. Тогда Войдыло рѣшилъ, что надобно избавиться отъ докучливаго и крутаго старика. Онъ уговорилъ Ягайлу войти въ тайныя сношенія съ Меченосцами. Кейстутъ однако узналъ объ этомъ, напалъ на Вильно, повѣсилъ Войдылу, взялъ въ плѣнъ Ягайлу и отослалъ его въ Витебскъ, обязавъ клятвою сидѣть смирно, довольствуясь Витебскомъ и Крево. Ягайло далъ клятву, но въ то же время, злобствуя за повѣшеніе своего любимца и подстрекаемый матерью Іуліаніею и сестрою, вдовою Войдылы, Маріею, возобновилъ сношенія съ рыцарями, прося ихъ помощи.

Крево.

Кейстута радостно привѣтствовали на престолѣ князья и весь народъ.

Рыцари торопились, пришли съ сильнымъ войскомъ. Ягайло соединился съ ними съ небольшою ратью. Хотя нападеніе было произведено врасплохъ, но борьба съ Кейстутомъ была нелегка и успѣхъ невѣренъ. Ягайло послалъ просить дядю вмѣстѣ съ сыномъ его Витовтомъ пожаловать въ его станъ для переговоровъ и заключенія мира. Довѣрчивый Кейстутъ согласился, но, едва прибылъ, его схватили вмѣстѣ съ Витовтомъ, отвезли въ Крево, заключили въ башню (до сихъ поръ существующую), гдѣ на пятыя сутки подосланные Ягайлой клевреты: Прокша, Бильгенъ, Моштенъ Готко, Кучукъ и Лисица, задушили славнаго князя. Преданный слуга Григорій Омуличъ до послѣдней минуты защищалъ своего князя и палъ жертвою своего самоотверженія. Ви-

товту готовилась судьба отца; но супруга его Анна переодѣла своего мужа въ женское платье и такимъ образомъ успѣла спасти. Бренные останки князя Кейстута были торжественно сожжены въ Вильнѣ, въ долинѣ Свинторога. Лѣтописецъ Вигандъ разсказываетъ, что какъ только пламя охватило костеръ, на которомъ, съ прахомъ Кейстута въ доспѣхахъ и княжескомъ плащѣ, были положены любимая его лошадь, охотничьи собаки и соколы, неожиданно отверзлась глубокая пропасть и поглотила прахъ литовскаго героя (1382).

Измѣною захвативъ престолъ, Ягайло не удовольствовался кровавою расправою съ своимъ дядею. Онъ истребилъ почти весь родъ любимой жены Кейстута, Бируты. Дядя ея Видымунтъ и внукъ Бутримъ были посажены на колъ, другіе казнены. Бирута была содержима въ Брестѣ, но потомъ возвратилась въ родной Полангенъ, гдѣ и умерла въ 1416 г. Народъ чтилъ ее, какъ богиню.

Въ Польшѣ была на престолѣ прекрасная Ядвига, вторая дочь Людовика, короля венгерскаго. Она была обручена съ Вильгельмомъ, герцогомъ Австрійскимъ. Но Поляки рѣшили выдать ее за Ягайло и пригласить его на польскій престолъ. Переговоры объ этомъ начались въ Кревѣ, продолжались потомъ въ Вильнѣ и наконецъ въ Волковыскѣ. Послѣдствіемъ этихъ переговоровъ было слѣдующее: Литва и Западная Русь соединяются съ Польшею; верховный государь одинъ— Ягайло; внутреннее управленіе, финансы, совершенно отдѣльныя въ каждомъ государствѣ. Дипломатическія сношенія, а равно защита противъ враговъ—общія. Ягайло принимаетъ католичество и вводитъ католицизмъ между своими подданными, какъ остававшимися въ язычествѣ, такъ и православными.

Когда условія эти были утверждены, Ягайло въ 1386 г. отправился въ Краковъ со многими князьями и боярами. Нѣкоторые изъ нихъ приняли католицизмъ, затѣмъ послѣдовало бракосочетаніе и коронація. Изъ числа князей, окружавшихъ Ягайлу, не всѣ согласились на перемѣну вѣры. Такъ Ѳеодоръ Любартъ Сангушко, князь сѣверскій; Димитрій Корибутъ, князь новогродскій; Владиміръ Ольгердовичъ, князь Слуцкій; Василь, князь Пинскій; Симеонъ Лингвинъ, князь Мстиславскій, остались православными. Другіе удѣльные князья, братья Ягайлы, и двоюродный братъ Витовтъ Кейстутовичъ перешли въ католичество.

Въ слѣдующемъ году Ягайло вмѣстѣ съ Ядвигою отправился въ Литву. Въ Лидѣ (1387) онъ издалъ декретъ объ уничтоженіи идолопоклонства въ Литвѣ. Затѣмъ въ Вильнѣ, 22-го февраля 1387 г. издалъ новый декретъ, въ коемъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ далъ клятвенное обѣщаніе, всѣхъ природныхъ Литовцевъ обоего пола, всякаго состоянія, званія и чина, жительствующихъ въ областяхъ литовскихъ и русскихъ, къ какому бы они вѣроисповѣданію ни принадлежали, пригласить, уговорить, призвать, а даже заставить къ принятію католической вѣры и послушанію римской церкви. Далѣе, что, желая устранить всѣ безъ изъятія преграды, кои бы могли противодѣйствовать возвеличенію католичества, строжайше предписываетъ: чтобы никто изъ Литовцевъ обоего пола, съ Русскими тоже обоего пола, не заключалъ брачныхъ союзовъ, до тѣхъ поръ пока не приметъ дѣйствительнаго послушанія римской церкви. Если бы же, вопреки сему, кто либо заключилъ бракъ, то въ такомъ случаѣ, будь то мужъ или жена, должны послѣдовать въ отношеніи исповѣданія за католикомъ или католичкой, къ чему должны быть принуждаемы даже тѣлесными наказаніями.

Народъ повиновался и принималъ крещеніе. Пріѣхавшее духовенство не умѣло по-литовски, и потому Ягайло самъ проповѣдовалъ и объяснялъ таинства вѣры. Король при этомъ надѣлялъ всѣхъ новоокрещенныхъ бѣлыми кафтанами. Стрыйковскій говоритъ, что «окрещено Литовцевъ въ разныхъ мѣстахъ около тридцати тысячъ, кромѣ тѣхъ, которые уже были окрещены въ Вильнѣ и Краковѣ, да кромѣ бояръ.

«И окрести Литву, говоритъ Софійскій Временникъ, половину своего города, Вильно». На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ храмъ Перкуна, основанъ каѳедральный соборъ Св. Станислава. Всѣ кумиры низвергнуты. Вѣчный огонь погашенъ.

Въ Вильнѣ и вообще въ Литвѣ многіе жители еще до этого исповѣдовали уже православную или католическую вѣру. Существовали церкви и костелы. Слѣдовательно, язычниковъ не могли поражать, отталкивать новое ученіе, новые обряды. Они уже свыклись съ ними. И не менѣе того, въ Литвѣ, также какъ и вездѣ по введеніи христіанства, какъ мы уже говорили (въ Миѳолог. очеркѣ), языческіе обряды существовали еще очень долго.

Въ Вильнѣ основана была епископская каѳедра, и кромѣ собора построены костелы св. Іоанна и св. Мартина, а внутри государства воздвигнуты первые костелы: въ Нѣменчинѣ, Мейшаголѣ, Мѣдникахъ, Кревѣ, Обольцахъ, Гайнѣ, Лидѣ, Вилкомирѣ, Ошмянѣ и Быстржицѣ.

Ягайло назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Литвѣ и Руси роднаго брата своего Скиргайлу, князя чуднаго и добраго, какъ его называютъ русскія лѣтописи, жестокаго, развратнаго пьяницу, какъ говорятъ Длугошъ, Стрыйковскій и др. Дѣло въ томъ, что Скиргайло, хотя въ Краковѣ и перешелъ въ католичество, но, какъ говоритъ уніатъ Стебельскій, былъ особеннымъ покровителемъ православія.

Назначеніе Скиргайла вооружило всѣхъ братьевъ противъ него. Негодовали и другіе удѣльные князья, но болѣе всего Витовтъ. Мы должны поговорить о послѣднемъ подробнѣе. Витовтъ, какъ мы увидимъ, славнѣйшій изъ современныхъ государей, возвелъ Литву и Русь на высочайшую степень благоденствія и могущества.

Витовтъ родился въ Трокахъ въ 1344. Онъ былъ внукъ Гедимина, сынъ славнаго и храбраго Кейстута и его супруги Бируты, дочери боярина Видымунта, вейделотки при капищѣ, существовавшемъ въ Полангенѣ, на берегу Балтійскаго моря, которую Кейстутъ силою взялъ изъ храма и женился на ней въ Трокахъ въ 1338 г. Витовтъ учился ратному дѣлу у отца, лучшаго изъ тогдашнихъ полководцевъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ женился на Маріи Прасковьѣ, дочери князя Лукомльскаго и Стародубскаго, а послѣ ея смерти на Аннѣ Святославовнѣ, княжнѣ Смоленской, которая спасла его изъ заточенія въ Кревѣ. Тогда Ягайло заключилъ Анну въ темницу въ Вильнѣ, а Витовтъ бѣжалъ къ Янушу князю Мазовецкому, женатому на его сестрѣ Данутѣ. Потомъ, зная, что еще прежде Ягайло заключилъ тайный договоръ съ Меченосцами, коимъ обязался за помощь противъ Кейстута уступить ордену всю Жмудь отъ моря до р. Дубисы, онъ обратился къ великому магистру и просилъ его помощи. Тотъ былъ радъ случаю внести новую смуту въ Литвѣ. Междоусобная война возгорѣлась, и Ягайло долженъ былъ примириться съ двоюроднымъ братомъ (1384). Онъ однако не возвратилъ ему отцовскаго удѣла (Трокскаго), но отодвинулъ подальше. Витовтъ получилъ часть Володымиріи, Гродно, Брестъ, Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Суражъ, Кременецъ, а потомъ и Луцкъ. Витовтъ, какъ уже мы знаемъ, сопутствовалъ Ягайлѣ въ Краковъ и повторилъ крещеніе въ католическую вѣру. Онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что получитъ великокняжескій престолъ. Вдругъ назначается Скиргайло. Мечты и надежды Витовта рушились. Онъ свелъ счеты: отцовскій удѣлъ былъ ему вполнѣ преданъ; онъ могъ разсчитывать на преданность и въ новомъ удѣлѣ. Но для борьбы съ Скиргайломъ и съ самимъ Ягайломъ собственныхъ силъ было недостаточно. Пришлось опять прибѣгнуть къ помощи ордена. Война опять возгорѣлась.

Витовтъ жилъ съ семействомъ въ Бартенштейнѣ. Среди внутреннихъ распръ, бушевавшей бури, сюда пріѣхали къ нему послы в. кн. московскаго, Василія Дмитріевича, за невѣстою, дочерью Витовта, прекрасною Анастасіею, съ которою великій князь московскій былъ обрученъ еще прежде въ Луцкѣ. Сопровождаемая княземъ Иваномъ Гольшанскимъ, она отправилась моремъ изъ Данцига, и 21 января 1391 обвѣнчана въ Москвѣ.

Ягайло наконецъ убѣдился, что дальнѣйшая борьба съ Витовтомъ невозможна. Они помирились. Витовтъ, въ Вильнѣ, въ каѳедральномъ соборѣ торжественно возведенъ на великокняжескій престолъ съ самостоятельною властью, но съ признаніемъ короля польскаго верховнымъ повелителемъ.

Витовту было 48 лѣтъ отъ роду (1392). Достигъ онъ давно желаннаго. Но кровь пролитая,

страна опустошенная, крамола среди удѣльныхъ князей, Меченосцы, угрожавшіе местью, уже успѣвшіе отравить сыновей Витовта, Ивана и Юрія, въ Кенигсбергѣ, Монголы, зазнавшіеся и принявшіе угрожающее положеніе, наконецъ внутренняя неурядица—требовали со стороны Витовта много силы, мужества и необыкновенной дѣятельности. Витовту надобно было уничтожить могущество рыцарей и Монголовъ, уничтожить удѣльную систему, обновить государственный строй, ввести рядъ реформъ. Вотъ какія были задачи Витовта. Но у него были еще и

Бракосочетаніе Ядвиги и Ягайла.

другія завѣтныя цѣли и стремленія: образовать мощное, независимое государство и возложить на себя вѣнецъ короля Литвы и Руси. Этимъ стремленіямъ посвящена была вся остальная жизнь Витовта.

Къ сожалѣнію, предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ развить полную картину плодотворной дѣятельности Витовта, какъ шагъ за шагомъ добивался онъ осуществленія своихъ идей, какъ боролся съ сильными врагами и какъ мужественно и успѣшно одолѣвалъ всѣ про-

Вильна, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

тивопоставляемыя преграды. Мы можемъ указать только на послѣдствія его неутомимой, поражающей тридцативосьми-лѣтней дѣятельности на великокняжескомъ престолѣ.

Прежде всего великому князю надобно было сломить гордыню удѣльныхъ князей. А князей этихъ было много. Всѣ они бурлили, зазнавались, а при малѣйшемъ случаѣ прибѣгали къ помощи Рыцарей, отъ чего домашнимъ невзгодамъ и распрямъ конца не было. Витовтъ не стѣснялся и на всѣхъ наложилъ желѣзную руку. Надобно было явить примѣры строгости. Свидригайло, братъ Ягайла, владѣвшій Витебскомъ, вздумалъ бунтовать и прибѣгалъ къ помощи Рыцарей. Свидригайло былъ изгнанъ, а Витебское княжество присоединено къ общимъ великокняжескимъ владѣніямъ. Смоленскіе князья ссорились за удѣлы. Старшему изъ нихъ, Юрію Святославовичу, помогалъ тесть его, Олегъ Рязанскій. Витовтъ явился подъ Смоленскомъ, чтобы примирить братьевъ. Князья вышли къ нему съ поклономъ и пригласили въ Смоленскъ. Витовтъ пошелъ и прекратилъ ссоры, объ-

Башня Криве-Кривейте и каѳедральный соборъ въ Вильнѣ.

явивъ себя смоленскимъ княземъ (1395). По смерти Ольгердовыхъ сыновей, Вигунда, Наримунда, Скиргайла, Витовтъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ ихъ удѣлы, а также Кіевское княжество, которое было дано Скиргайлѣ. У брата ихъ Корибута отнялъ Сѣверское княжество. Отнялъ Подольскую землю, которою владѣли Коріятовичи. Удѣльные князья притихли, заискивали, и Витовтъ положилъ прочное основаніе единовластію.

Въ 1396 г. Витовтъ съѣхался съ зятемъ своимъ в. кн. московскимъ, въ Смоленскѣ. Здѣсь были утверждены границы владѣній Восточной и Западной Руси. Нынѣшняя губернія Орловская, съ частію Калужской и Тульской принадлежали Витовту. Корачевъ, Мценскъ, Болховъ, Бѣлевъ съ нѣкоторыми другими удѣлами князей черниговскихъ, а также Ржевъ и Великіе Луки — поддались Витовту. Владѣнія его простирались отъ границъ псковскихъ съ одной стороны до Галиціи и Молдавіи, а съ другой—до береговъ Оки, Сулы и Днѣпра.

Надъ бѣдною Жмудью тяготѣла обязательная грамата Ягайлы передать ее въ собственность ордену. Витовтъ хитрилъ, обѣщалъ, а Рыцари на радостяхъ провозгласили его даже королемъ литовскимъ. Между тѣмъ онъ требовалъ отъ папы присылки легата. Легатъ пріѣхалъ, и Витовтъ удостовѣрилъ его, что положеніе дѣлъ измѣнилось, что прежніе набѣги Рыцарей съ цѣлію обращенія въ христіанство, теперь, когда Литва стала христіанскою, составляютъ уже хищническіе набѣги. Навремя Рыцари присмирѣли, но потомъ снова начались нападенія, возобновились требованія передачи Жмуди. Такъ дѣла шли въ вѣчныхъ набѣгахъ, когда наконецъ состоялась достопамятная битва подъ Гринвальденомъ и Таненбергомъ въ 1410 г. Витовтъ привелъ 103,000 человѣкъ войска, состоявшаго изъ сорока отрядовъ. Здѣсь были полки литовскіе, русскіе, татарскіе. Послѣдними командовалъ кипчакскій султанъ Саладинъ. Были еще отряды Богемцевъ и Моравлянъ. У Поляковъ было 60,000 отборнаго войска. У Рыцарей тоже были отборныя силы, подъ начальствомъ в. магистра Ульриха фонъ-Юнингена. Бой кипѣлъ цѣлый день, бой самый отчаянный. Витовтъ былъ его душею. Ягайло, сдѣлавшійся очень набожнымъ, все время молился на возвышеніи, окруженный стражею. Всѣ войска отличились, но въ особенности Смоленскій полкъ, какъ пишетъ Ваповскій. Великій магистръ былъ убитъ; пало на полѣ битвы 60 рыцарей и 40,000 воиновъ. Въ плѣнъ взято 15,000. Всѣ знамена, числомъ 51, отняты. Фохтъ говоритъ, что этотъ день «былъ послѣднимъ днемъ славы и величія ордена. Слѣдующее утро готовило ему позоръ, уничиженіе и вѣчное ничтожество». Коцебу же пишетъ: «этотъ блестящій колоссъ, варварскимъ мужествомъ, безвѣріемъ и безстыдствомъ воздвигнутый на развалинахъ попранныхъ народовъ, обогащенный награбленнымъ золотомъ, украшенный княжескими гербами, былъ ниспровергнутъ какъ будто ударомъ грома и никогда уже не возсталъ изъ своего уничиженія». Въ непріятельскомъ станѣ захвачены тысяча возовъ съ сокровищами и разными припасами, сотни бочекъ съ виномъ, тысячи цѣпей и разныхъ орудій пытокъ, множество холста, напитаннаго смолою для поджоговъ. Чтобы воины не опьянѣли, всѣ бочки съ виномъ были разбиты. Вино смѣшалось съ кровью и залило большое пространство. Въ этомъ морѣ вина и крови буквально плавали человѣческіе трупы. Стоны раненыхъ заглушали радостные клики побѣдителей.

Всѣ историки согласны, даже враги, что честь этой знаменитой побѣды принадлежитъ Витовту. Онъ хотѣлъ сейчасъ же броситься на Маріенбургъ, гдѣ уже ожидали гостей и приготовили ключи отъ крѣпости для врученія побѣдителямъ. Но Ягайло не слушался—онъ цѣлые три дня стоялъ на мѣстѣ и служилъ панихиды. Когда двинулись наконецъ, замки и города предавались безъ боя, но Маріенбургъ опять заперъ ворота, собралъ послѣднія силы и сталъ защищаться. На выручку его подоспѣлъ ливонскій магистръ Германъ. Послѣдній обратился къ Витовту. Онъ отъ имени обоихъ орденовъ отказывался отъ правъ на Жмудь и обѣщалъ вѣчный союзъ. Витовтъ сообразилъ, что Рыцарямъ болѣе не возстать, что присоединеніе къ Польшѣ прусскихъ владѣній Литвѣ не принесетъ пользы; что ему, виновнику торжества, за пролитую кровь, за столько жертвъ—Ягайло далъ всего два замка, а всѣ остальные роздалъ Полякамъ. Сообразивъ все то, Витовтъ ушелъ домой съ своими войсками. Ягайло продолжалъ осаду, но ничего не успѣлъ и возвратился, добровольно уничтоживъ плоды славной побѣды, не имѣя способностей ни полководца, ни политика, чтобы воспользоваться ею.

Витовтъ все же радовался. Онъ возвратилъ Жмудь, и ужь конечно Рыцари были ему нестрашны.

Любопытны его отношенія къ Монголамъ и та роль, которую онъ разыгрывалъ въ отношеніи ихъ. Тимуръ-Кутлукъ низвергъ Тохтамыша и самъ сѣлъ на ханскомъ престолѣ. Тохтамышъ бѣжалъ въ Литву. Витовтъ далъ ему Лидскій замокъ на житье и оказывалъ всякія почести. Витовтъ задумывалъ уже и о Восточной Руси. Это видно изъ слѣдующихъ словъ: «посажу тебя въ ордѣ, а ты меня посадишь на Москвѣ великимъ княземъ», сказалъ онъ Тохтамышу. Въ 1397 г. онъ съ Тохтамышемъ двинулся къ Азову, разбилъ Монголовъ,

прогналъ ихъ къ Волгѣ, награбилъ несмѣтныя сокровища, взялъ въ плѣнъ нѣсколько улусовъ и переселилъ ихъ въ Литву, но все-таки не успѣлъ посадить Тохтамыша на ханскомъ престолѣ.

Черезъ два года опять пошелъ на берега Ворсклы. Здѣсь уже ожидали его послы Тимуръ-Кутлука и говорили Витовту отъ имени хана: «за что идешь на меня? Я не вступалъ никогда на твою землю съ оружіемъ!» Витовтъ отвѣчалъ: «Богъ опредѣлилъ мнѣ владычество надъ всѣми землями; будь моимъ сыномъ и данникомъ, или будешь рабомъ». Тимуръ соглашался платить Витовту дань и признавать его отцомъ, но не хотѣлъ чеканить на своихъ деньгахъ изображеніе Витовта и гербъ литовскій. Подоспѣлъ Эдигей, и битва возгорѣлась. Витовтъ былъ разбитъ. Съ обѣихъ сторонъ пало до ста тысячъ. Погибло много князей, много Поляковъ, сопровождавшихъ Витовта. У Эдигея было 200 т. войска. Самъ Эдигей былъ ученикомъ Тамерлана.

Въ Восточной Руси радовались этому пораженію. Витовтъ однако не упалъ духомъ. Въ 1412 онъ успѣлъ таки посадить на тронѣ Золотой Орды Зелени-Султана, старшаго сына Тохтамыша. Въ 1416 въ отмщеніе за это Эдигей былъ подъ Кіевомъ, но испугался и вслѣдъ за тѣмъ прислалъ пословъ съ богатыми подарками, приказавъ сказать Витовту: «Князь славный! въ трудахъ и славѣ настала наша старость. Помиримся на остатокъ нашего вѣка. Кровь, пролитая нами въ битвахъ, уже высохла; бранныя слова наши разсѣяны уже вѣтрами; злоба наша сгорѣла въ пламени войны.»

Не только Зелини-Султанъ, но и дѣти его смотрѣли на Витовта какъ на своего благодѣтеля и дозволяли ему хозяйничать въ Ордѣ.

Въ 1420 Витовтъ въ Виленскомъ замкѣ именовалъ кипчацкими ханами татарскихъ князей Бетсабулу и Геремфердена и возложилъ на нихъ ханскія шубы. На случай войны по первому требованію всегда являлась монгольская рать.

Три основныя задачи княженія Витовта были осуществлены вполнѣ. Удѣльная система почти совсѣмъ разрушена, а кто и сидѣлъ въ удѣлѣ, былъ только усерднымъ исполнителемъ воли великаго князя. Рыцари и Монголы не смѣли тревожить Литву и Русь. Не все вдругъ совершено. Такія задачи могли быть осуществлены многими годами, цѣною большихъ жертвъ, желѣзною волею и великими способностями государя.

Всего труднѣе были дѣла и отношенія съ Польшею. Все, что дѣлалъ Витовтъ, его стремленіе къ единовластію, его заботы о самостоятельности государства, шли въ совершенный разрѣзъ съ желаніями и цѣлями Поляковъ. А въ Польшѣ были люди умные, глубокіе политики, истинные патріоты. Ягайло былъ слабъ, недальновиденъ, чувствовалъ и сознавалъ превосходство Витовта. Но въ Польшѣ былъ Збигневъ Олесницкій, человѣкъ умный, хитрый, тонкій дипломатъ, нестѣснявшійся въ средствахъ. Съ нимъ-то въ особенности приходилось бороться Витовту.

На съѣздахъ: Виленскомъ 1401 и Городельскомъ 1413, литовско-русское дворянство получило польскіе гербы. Дворянству нравились съѣзды и гербы. Оно получило нѣкоторыя права и привилегіи. Но въ то же время надъ православными тяготѣлъ законъ Ягайла въ отношеніи браковъ, о которомъ мы говорили. Были и другія ограниченія для некатоликовъ, установленныя на съѣздахъ. Витовтъ однако мало заботился о съѣздахъ и его постановленіяхъ. Въ собственной Литвѣ дворяне и вельможи принимали католичество, а съ ними гербъ и высшія должности, но много еще было главныхъ дѣятелей, главныхъ сподвижниковъ Витовта Русскихъ, усердно защищавшихъ своихъ единовѣрцевъ. Его окружали Олельковичи, князья Слуцкіе и Копыльскіе, потомки Ольгерда; князья Сангушки, потомки Любарта Гедиминовича; князья Сапѣги, происходившіе отъ Наримунда Гедиминовича; князья Вишневецкіе, Зборажскіе, Порицкіе, Воронецкіе, — отъ Корибута Ольгердовича; князья Друцкіе-Соколинскіе, Горскіе, Любецкіе, Озерскіе, Подберезскіе, — отъ Романа Галицкаго; князья Острожскіе — отъ Даніила Галицкаго и мн. др.

Витовтъ заботился о православныхъ. Оставаясь до конца жизни вѣрнымъ католической

церкви, онъ тѣмъ не менѣе отличался необыкновенною вѣротерпимостью. Постоянно стремясь къ образованію независимаго государства, Витовтъ желалъ образовать особую митрополію для Западной Руси, независимую отъ Московской. Съ этою цѣлію въ 1415 съѣхалось духовенство въ Новогрудокъ; и здѣсь Витовтъ издалъ окружную грамату, въ которой говоритъ: «мы хотячи, штобы ваша вѣра неменьшала, ни угыбала, и церквамъ вашимъ бы строеніе было, учинили есмо такъ митрополита, зборомъ, на кіевскую митрополію, штобы Русская честь вся стояла на своей земли».

Первымъ митрополитомъ избранъ былъ Григорій Цимвлакъ. Но митрополиты большею частію пребывали въ Вильнѣ.

Витовтъ построилъ нѣсколько католическихъ костеловъ въ Литвѣ; но въ то же время строилъ и православные храмы, какъ напр. въ Трокахъ на островѣ, въ Луцкѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Пинскѣ онъ возобновилъ соборъ, существовавшій еще въ XII ст.

Полангенъ и св. гора Бируты.

Мы уже говорили о правахъ и преимуществахъ, дарованныхъ имъ поселеннымъ въ Литвѣ Татарамъ и Евреямъ. Въ то самое время, когда въ цѣлой Европѣ преслѣдовали Евреевъ, Витовтъ говорилъ: «если бы жида забито, а черезъ свѣдетство не могъ довести своимъ пріятелемъ, который бы его забилъ; естьли бы кого въ пытанью нѣкотораго подозрѣннаго мѣти, мы жидомъ на противку подозрѣннаго хочемъ обронцомъ быти».

Если мы вспомнимъ время, когда жилъ Витовтъ, то нельзя не согласиться, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ правителей. Литва и Русь требовали во многомъ преобразованій, реформъ, улучшеній, сообразныхъ съ духомъ времени. И мы видимъ, что нѣтъ почти ни одной отрасли государственнаго управленія, котораго бы онъ не коснулся. Государство его составляли четырнадцать нынѣшнихъ губерній имперіи, именно: Виленская, Ковенская, Гродненская, Сувалкская (не вся), Минская, Могилевская, Витебская, Кіевская, Черниговская, Екатеринославская, Херсонская, Подольская, Волынская и Смоленская. Витовтъ постоянно посѣщалъ всѣ свои области и вникалъ во всѣ дѣла. Подчинивъ надменныхъ удѣльныхъ князей, укротивъ своеволіе кичливыхъ бояръ, онъ предоставилъ разныя преимущества земянамъ господарскимъ, т. е. мелкимъ владѣльцамъ земель. Въ городахъ онъ вводилъ магдебургскіе законы, заботился о благоденствіи низшихъ сословій всѣхъ народностей и исповѣданій. Обогащая казну войною и торговлею, онъ былъ щедръ до расточительности, когда того требовало поддержаніе его достоинства или народныя выгоды. Гордый и высокомѣрный съ князьями, суровый для воинскихъ начальниковъ, взыскательный и неумолимый въ дѣлахъ правосудія, онъ былъ всегда доступенъ для низшихъ: каждый воинъ, каждый поселянинъ безъ боязни приходилъ къ нему и объяснялъ свои нужды.

Мало до сихъ поръ собрано узаконеній временъ Витовта; но память объ его мудрыхъ уставахъ существовала въ народѣ многіе годы. Когда въ 1492 г. Литовцы и Русскіе торжественно возводили на великокняжескій престолъ Александра Ягеллона, маршалъ Хрептовичъ, вручая ему жезлъ и мечъ, просилъ, «чтобы онъ правилъ государствомъ и судилъ народъ, не по богем-

Закретъ близъ Вильны.

скимъ, итальянскимъ или нѣмецкимъ законамъ, но по литовскимъ и Витовтовымъ законоположеніямъ».

Витовтъ обращалъ особенное вниманіе на торговлю и промышленность.

Литва и Западная Русь славились своими торговыми сношеніями съ отдаленнѣйшими народами. Кіевъ, Новгородъ В., Псковъ были торговыми посредниками между Балтійскимъ, Каспійскимъ и Чернымъ морями. Черезъ Литву и изъ Литвы отправлялись товары къ балтійскимъ портамъ. Жмудскій янтарь, разныя рыбы, въ особенности сельди, еще въ XIV ст. ловимыя на жмудскихъ берегахъ въ большомъ изобиліи—обращали на себя съ давнихъ временъ вниманіе

Закретъ въ Вильнѣ.

торговцевъ; затѣмъ мѣховая торговля играла важную роль; у Литовцевъ были зубры, туры, медвѣди, олени, бобры, лисицы; наконецъ были табуны дикихъ коней, былъ ленъ, пенька, льняное сѣмя, конопля, много было меду и воску. Янтарь, какъ пишетъ Ривіусъ, ссылаясь на лѣтопись пинскаго монаха Митрофана, составлялъ важнѣйшій предметъ сбыта, цѣнимый наравнѣ съ дорогими каменьями.

При Витовтѣ торговля получила большое развитіе. Всякое перемиріе съ Орденомъ, каждый договоръ съ Новгородомъ и Псковомъ, или съ Московскимъ княжествомъ давали поводъ къ расширенію круга торговыхъ оборотовъ. Литовскія суда постоянно наполняли Нѣманъ и сплавляли лѣсъ, хлѣбъ и другіе продукты. Съ Востокомъ велась торговля чрезъ Каффу (Ѳеодосію), съ Венгріей чрезъ Польшу. Новгородъ и Псковъ; ганзейскіе города, состояли въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. На днѣпровскомъ островѣ Тавани учреждена была таможня, называвшаяся «Витовтова баня». Существовала пошлина на привозные товары, и учрежденъ былъ бдительный за этимъ надзоръ. Кіевъ былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ съ Востока, развозимыхъ потомъ по всему государству. Были двѣ главныя пристани: въ Полангенѣ, на Балтійскомъ морѣ, и въ Хаджибаѣ, или Качибаѣ (близъ Одессы), на Черномъ. Чтобы облегчить и

усилить промышленную дѣятельность внутри государства, Витовтъ пролагалъ новыя дороги, строилъ мосты на рѣкахъ, учреждалъ переправы, расчищалъ непроходимые лѣса, прокладывая новые пути.

Чего достигъ Витовтъ своею неутомимою дѣятельностью? Онъ осуществилъ всѣ свои основныя задачи. Достигнувъ единовластія, сломивъ гордыню Рыцарей, снискавъ въ Монголахъ преданныхъ и уважающихъ сосѣдей, водворивъ правосудіе, строгую воинскую дисциплину, расширивъ торговлю, улучшивъ земледѣліе, полнѣйшею вѣротерпимостью устранивъ тѣ стѣсненія и ограниченія, какія были установлены въ отношеніи браковъ съ иновѣрцами, — Витовтъ могъ ожидать награды за свои труды, если бы даже желанная имъ награда была порождена честолюбіемъ. Но мы хотимъ вѣрить, что онъ дѣйствовалъ изъ любви къ родинѣ, хотѣлъ оставить ее счастливою, самостоятельною, совершенно независимою, развивающеюся на собственной почвѣ. Край былъ богатъ, могучъ, обширенъ. Край не нуждался въ посторонней опекѣ. Витовту было уже за восемьдесятъ. Наслѣдниковъ у него не было. Но онъ воспиталъ при себѣ въ Вильнѣ Фридерика, прозваннаго потомъ желѣзнымъ, сына Фридерика, маркграфа бранденбургскаго. Какъ кажется, ему онъ готовилъ престолъ литовско-русскій.

Внѣшнія сношенія Витовта были наилучшія. Онъ очень любилъ внука своего Василія Московскаго. Князья Рязанскій, Тверской и др. называютъ его своимъ господиномъ и господаремъ Чехія предлагаетъ ему свою корону. Папа назначаетъ его опекуномъ рижскаго архіепископства. Императоръ Сигизмундъ въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ и самъ предлагаетъ ему короноваться королемъ литовскимъ.

Этого и добивался Витовтъ. Съ этою цѣлію, на Крещенье въ 1429 г., пригласилъ онъ къ себѣ въ Луцкъ гостей изъ всей Европы. Съѣхались: король Ягайло съ супругою, окруженный князьями Мазовецкими, Лигницкими. Поморскими и знаменитѣйшими сановниками; Василій Васильевичъ Московскій съ Борисомъ Тверскимъ, Олегомъ Рязанскимъ и князьями Одоевскими; Эрикъ, король датскій, ханы Перекопской, Придонской и Приволжской ордъ; Илья, господарь волошскій; великій магистръ Ливонскаго ордена Сигфридъ; послы императора Іоанна Палеолога; легатъ папы Андрей; посолъ отъ Тевтонцевъ; митрополитъ московскій Фотій; послѣднимъ пріѣхалъ императоръ римскій Сигизмундъ съ супругою Варварою и блистательною свитою изъ князей, герцоговъ, графовъ и бароновъ нѣмецкихъ, венгерскихъ, богемскихъ, кроатскихъ, рагузскихъ.

Гостепріимный хозяинъ принималъ царственныхъ гостей своихъ съ восточною пышностью. Почти невѣроятнымъ кажется описаніе лѣтописей, что ежедневно расходовалось на угощеніе 700 бочекъ вина, меду, пива, романеи, мальвазіи, 700 быковъ и коровъ, 1400 барановъ, 100 зубровъ, 100 кабановъ, 100 лосей. Гости пировали и прожили въ Луцкѣ семь недѣль.

Между тѣмъ велись переговоры о вѣнчаніи на королевство Витовта. Главныя лица, отъ коихъ это зависѣло, т. е. папа и императоръ Сигизмундъ, были согласны. Всѣ прочіе не противорѣчили. Ягайло, можетъ быть, и желалъ въ душѣ, хотя и не понимая истинной пользы для своего отечества, но изъ дружбы, изъ уваженія къ Витовту, который въ отношеніи его всегда дѣйствовалъ честно и искренно; но Ягайло, на старости лѣтъ, былъ еще слабѣе, нерѣшительнѣе, онъ былъ весь ъъ рукахъ Збигнева Олесницкаго, епископа краковскаго, глубокаго дипломата, искренно преданнаго дѣлу Польши и вовсе нежелавшаго разорвать связь съ дикою, варварскою Литвою и Русью. Того же мнѣнія были архіепископъ гнезненскій Ястржембецъ, Остророгъ, Шамотульскій и другіе польскіе чины, пріѣхавшіе съ Ягайлой.

Збигневъ употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы уговорить Витовта отказаться отъ короны. Но корона была слишкомъ дорога Витовту. Онъ вспылилъ и по нѣкоторымъ намекамъ нанесъ епископу краковскому слишкомъ чувствительное оскорбленіе. Тогда и Збигневъ разсердился и среди неоконченныхъ переговоровъ уговорилъ Ягайлу уѣхать изъ Луцка. Этотъ

отъѣздъ возбудилъ негодованіе императора и всего съѣзда. Переговоры однако были прерваны. Условились опять съѣхаться въ 1430 г. въ Трокахъ.

Краковскій епископъ видѣлъ, что ему не переломить Витовта и что самостоятельность Литвы легко можетъ осуществиться. Тогда онъ прибѣгъ къ послѣднему средству: уговорилъ Ягайлу объявить Витовту чрезъ нарочныхъ пословъ, что онъ уступаетъ ему польскую корону. Но Витовтъ не прельстился польской короной; онъ желалъ только литовской, и отказался.

Съѣздъ въ Трокахъ состоялся. Всѣ прежніе гости прибыли. Императоръ Сигизмундъ лично не могъ прибыть; онъ выслалъ корону съ нарочными послами. Все было приготовлено къ вѣнчанію. Но Збигневъ Олесницкій перехитрилъ всѣхъ. Лѣтопись говоритъ: «И ляхове нежичивши коруны Литве, и коруну въ нихъ (т. е. пословъ Сигизмунда) тую отняли, и разсѣкши ее на полы, и приложили ко коруне бискупа краковскаго, которая и теперь при замку краковскомъ и костелѣ св. Станислава ѣстъ».

Витовтъ вслѣдствіе паденія съ лошади былъ боленъ. Онъ не пережилъ этого новаго удара и 27 октября 1430 г. скончался въ Трокахъ. Ложе умирающаго окружали Ягайло, внукъ Василій и почти всѣ члены съѣзда.

Народное преданіе говоритъ, что кончинѣ великаго человѣка предшествовали необыкновенныя знаменья. Народъ вѣрилъ, что вода въ Трокскомъ озерѣ была кроваваго цвѣта; что въ окрестностяхъ Трокъ появилось какое-то чудовище, истреблявшее людей; въ окрестностяхъ Смоленска желѣзный волкъ пожиралъ людей; въ Брестѣ было землетрясеніе. Еще и теперь живы въ народѣ нѣкоторыя преданія. Они лучше исторіи объясняютъ, какъ страшно подѣйствовала на народъ кончина Витовта.

Со временъ Рингольда начинается историческій разсвѣтъ Литвы.

Со времени Миндовга Литва съ Русью начинаютъ ближе соединяться, начинается періодъ обобщенія.

Она крѣпнетъ при Гедиминѣ и Ольгердѣ и представляетъ уже цѣльное, подъ главенствомъ великихъ князей, но обуреваемое удѣльною системою и потому еще лишенное полнаго единовластія, государство.

При Витовтѣ удѣлы поглощены, государство сплотилось, расширилось и являетъ удивительную мощь и силу. Литва съ Русью живутъ самостоятельно и совершенно независимо.

Съ кончиною Витовта оканчивается періодъ величія, славы и самодѣятельности государства.

Начинается искусственное сближеніе, натянутая дружба, рядомъ съ препирательствами, недоразумѣніемъ, недовѣріемъ.

Борьба за независимость продолжается еще 139 лѣтъ. Въ 1569 государство политически умираетъ. Съ 1569 по 1795 рядъ бѣдствій и нравственныхъ насилованій, доведшій до нравственнаго растлѣнія и затѣмъ паденія.

Послѣдніе 84 года представляютъ броженіе умовъ, народныя вспышки, неустановившуюся, лишенную ясно опредѣленныхъ задачъ и неизмѣнности идеи, систему правленія; борьбу религіозную, борьбу національностей, борьбу политическую, колебаніе нравственныхъ и просвѣтительныхъ началъ.

Намъ остается только указать на болѣе выдающіяся дѣянія и факты собственно въ предѣлахъ Литовскаго полѣсья.

Тотчасъ послѣ смерти Витовта достоинство великокняжескаго престола поколеблено. Ягайло назначаетъ на его мѣсто своимъ намѣстникомъ Свидригайлу. Онъ однако хочетъ дѣйствовать самостоятельно, хочетъ подражать Витовту, но для этого не хватаетъ ни ума, ни мужества, хотя въ смѣлости отказать ему нельзя: онъ не устрашился даже арестовать Ягайлу въ Виленскомъ замкѣ, и тотъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, спрятанный польскими его придворными

въ телегѣ съ товарами и такимъ образомъ вывезенный изъ города. Опять начинается междоусобіе: Сигизмундъ Кейстутовичъ нападаетъ на Вильно и захватываетъ великокняжескую власть (1431). Онъ измѣняетъ систему, тѣснитъ Русскихъ, и князь Иванъ Чарторыскій, вмѣстѣ съ воеводами Довгирдомъ и Лелюссомъ, убиваютъ его (1440).

Тогда литовско-русскіе чины, не ожидая назначенія изъ Кракова, избираютъ великимъ княземъ Казиміра, сына Ягайлы (1441), а черезъ семь лѣтъ Поляки его же избираютъ своимъ королемъ. Съ этого времени, въ первый разъ властвуетъ надъ Польшею и Литвою съ Русью одно лицо.

При Казимірѣ, на сеймахъ въ Люблинѣ (1447), въ Парчевѣ (1451), въ Петрковѣ (1453) поднятъ вопросъ о неразрывномъ соединеніи двухъ государствъ; но литовско-русскіе чины еще борются и отвергаютъ окончательное соединеніе.

Въ 1439 состоялась Флорентинская унія. Казиміръ сравниваетъ права православныхъ съ католиками, на томъ основаніи, что восточная церковь соединилась съ западною. На дѣлѣ однако, несмотря на всѣ усилія митрополита Григорія, фактическаго соединенія непослѣдовало.

Дубинки близъ Вильно.

Царствованіе Казиміра достопамятно дарованіемъ странѣ разныхъ новыхъ узаконеній. Въ 1457 издалъ онъ земскую привиллегію; въ 1492 составленъ полный сводъ узаконеній подъ названіемъ Судебника Казиміра Ягеллона.

Въ 1452 г. князья Михаилъ Олельковичъ Слуцкій, князь Иванъ Юрьевичъ Гольшанскій и князь Ѳедоръ Ивановичъ Бѣльскій составили заговоръ, намѣреваясь предаться в. кн. московскому и отрѣзать отъ Литовской Руси земли по рѣку Березину. Заговоръ былъ открытъ, князья Слуцкій и Гольшанскій казнены въ Вильнѣ, а Бѣльскій успѣлъ бѣжать.

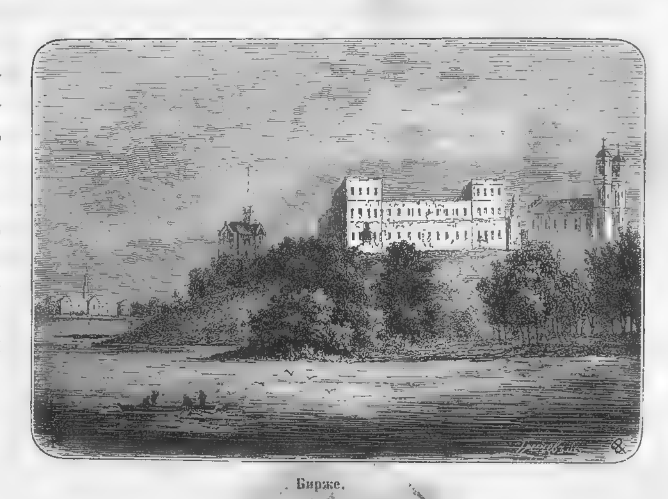
Послѣ смерти Казиміра (въ Гроднѣ, 1492) послѣдовалъ опять раздѣлъ, хотя временный. Поляки избрали королемъ Яна Ольбрахта, а литовско-русскіе чины вел. кн. Александра,— сыновей Казиміра. Когда же въ 1501 г. умеръ Янъ Ольбрахтъ, Поляки в. кн. Александра избрали и своимъ королемъ.

Александръ былъ воспитанъ въ духѣ римско-католической церкви и совершенно ей преданъ. Онъ женился на дочери Іоанна III московскаго, Еленѣ. Этого желалъ еще Казиміръ. Александръ по уговору не долженъ былъ заставлять свою супругу перемѣнять вѣру и обѣщалъ построить для нея во дворцѣ особую церковь. Несмотря на сильныя требованія и настаиванія духовенства, онъ однако предоставилъ ей полную свободу совѣсти, но втораго обѣщанія не исполнилъ. Зато Елена свободно воздвигала православные храмы какъ въ Вильнѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Первымъ лицомъ при дворѣ Александра былъ Михаилъ Львовичъ Глинскій, человѣкъ гордый, властолюбивый, не пользовавшійся любовію и уваженіемъ народа и кончившій тѣмъ, что бѣжалъ въ Москву.

Александръ умеръ въ 1506 г. Ему наслѣдовалъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ и Руси, Сигизмундъ, братъ Александра, сынъ Казиміра; но въ 1543 литовско-русскіе чины испросили себѣ въ великіе князья сына короля, Сигизмунда-Августа, который почти постоянно жилъ

въ Вильнѣ. Послѣ смерти отца (1548) онъ былъ избранъ королемъ польскимъ. Его любовь къ прекрасной Варварѣ Радзивиллъ, на которой онъ тайно женился (1547) и которую потомъ, не смотря на сопротивленіе Поляковъ, въ особенности же матери его Боны Сфорчіи, возвелъ на королевскій престолъ; его связи и близкія дружескія отношенія съ ея двоюроднымъ братомъ, княземъ Николаемъ Радзивилломъ Чернымъ и роднымъ братомъ кн. Юріемъ Радзивилломъ Рыжимъ — связывали, роднили его съ Литвою, и онъ не скрывалъ этого. Исторія долго не справедливо относилась къ этому королю; но въ послѣднее время, новѣйшіе историки открыли въ немъ такія достоинства, какими немногіе владѣли изъ королей польскихъ. Одною изъ прекрасныхъ чертъ Сигизмунда-Августа была широкая, разумная вѣротерпимость. Оставаясь католикомъ, онъ ни въ чемъ и никогда не стѣснялъ свободы совѣсти другихъ исповѣданій; именно въ это время въ Литвѣ начали распространяться ученія Лютера и Кальвина, первое политическими и торговыми сношеніями переходило изъ Пруссіи и Ливоніи и коренилось преимущественно въ городахъ и на Жмуди; второе же было покровительствуемо и сильно распространяемо Радзивилломъ Чернымъ. Имъ лично или его стараніями, а также Радзивилломъ Рыжимъ въ короткое время основано было въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ 163 кальвинскіе сборы, въ томъ числѣ въ Вильнѣ, Кейданахъ, Биржахъ, Брестѣ, Дубинкахъ, Гольшанахъ, Ошмянахъ, Сморгоняхъ и мн. др. Радзивиллы принадлежали къ богатѣйшимъ вельможамъ; вліяніе ихъ при дворѣ и вообще въ государствѣ было велико. Поэтому неудивительно, что кальвинистами дѣлались не одни католики, но и православные. Въ 1557 г. въ Вильнѣ былъ кальвинскій синодъ, на которомъ присутствовало уже около ста духовныхъ, или министровъ. Знатнѣйшія лица въ государствѣ, какъ Кишки, Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Слушки, Завиши, Вишневецкіе, Войны, Пацы, Абрамовичи, Воловичи, Огинскіе, Зеновичи, Пузины, Горскіе и мн. др., были уже кальвинистами. Въ Несвижѣ и Брестѣ печатались духовныя книги. Въ Брестѣ напечатана кальвинская библія. Радзивиллъ Черный, дѣйствуя такъ настойчиво въ дѣлѣ Кальвинова ученія, кажется, имѣлъ въ виду политическую цѣль: сдѣлать эту вѣру народною.

Бирже.

Въ то же время Альбрехтъ, герцогъ прусскій, сильно дѣйствовалъ въ средѣ Литовцевъ, особенно на Жмуди, на распространеніе лютеранскаго исповѣданія. По его приказанію, съ 1545 г. лютеранскія духовныя книги переведены и напечатаны на литовскомъ языкѣ и распространены въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ. При новоустроенномъ университетѣ въ Кенигсбергѣ онъ учредилъ особую каѳедру богословія и назначилъ восемь стипендій для Литвиновъ, приспособлявшихъ себя къ духовному лютеранскому званію.

Какъ понимали Сигизмунда-Августа въ Европѣ въ отношеніи вѣротерпимости, видно изъ того, что Лютеръ посвятилъ ему свой переводъ библіи, а Кальвинъ объясненія Посланій апостола Павла къ Евреямъ. Кальвинъ, Геснеръ, Буллингеръ состояли въ перепискѣ съ королемъ. На одномъ изъ сеймовъ Сигизмундъ-Августъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «Да не подумаютъ, чтобы я рѣшился принуждать къ вѣрѣ кого либо жестокостью, или мѣрами строгости отягчать чью либо совѣсть; не мое дѣло созидать, вѣры это совершается наитіемъ Св. Духа».

Главный противникъ уніи съ Польшею, Николай Радзивиллъ Черный, умеръ въ 1565 г. Онъ былъ похороненъ сначала въ Вильнѣ, а потомъ перевезенъ въ Дубинки, близъ Вильна, гдѣ были великолѣпныя Радзивилловскія палаты и гдѣ нѣкоторое время жила королева Варвара, супруга Сигизмунда-Августа. Сигизмундъ-Августъ любилъ свою родину; умирая бездѣтнымъ, онъ желалъ окончательнаго сліянія двухъ государствъ. Десять разъ возобновляемые переговоры (1401, 1413, 1438, 1451, 1499, 1501, 1563, 1564, 1566 и 1567) подготовили къ этому оба народа.

Въ 1569 послѣдовалъ окончательный съѣздъ, въ Люблинѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Сигизмунда-Августа, и 1-го іюля подписанъ актъ соединенія (уніи) Литвы съ Польшею.

Борьба за вѣру начата іезуитами. Выписанные епископомъ виленскимъ Валеріаномъ Протасевичемъ, они пріѣхали въ Вильно въ 1569 г., въ небольшомъ числѣ. Во время Баторія число ихъ возрастало; но послѣдній, хотя и покровительствовалъ іезуитамъ, не допускалъ однако никакихъ крутыхъ мѣръ въ дѣлѣ обращенія. Баторій говорилъ: «Я царствую только надъ людьми, а Господь надъ совѣстью». Іезуиты получили особенную силу и значеніе въ странѣ со временъ Сигизмунда III (1587—1633). Успѣхи ихъ изумительны. Въ продолженіе 46 лѣтъ они совершенно преобразили страну, подчинивъ ее вполнѣ папѣ римскому. Всѣ прежніе сборы и кирхи протестантовъ обращены были въ костелы. Основано множество монастырей и костеловъ. Въ 1587 г. въ литовскомъ сенатѣ, изъ числа 39 сенаторовъ было только 7 католиковъ, всѣ остальные были православные, кальвины, лютеране, аріане. Въ 1632 г. Сигизмундъ III передъ смертью гордился тѣмъ, что не оставляетъ въ сенатѣ ни одного диссидента.

Но іезуиты не ограничивались однимъ только водвореніемъ католицизма въ высшихъ и среднихъ слояхъ населенія; они обратили особенное вниманіе и на массы народа, исповѣдывавшаго православіе. Большинство мѣщанскаго сословія въ городахъ и почти все сельское населеніе въ русскихъ княжествахъ, за исключеніемъ собственной Литвы, было православное и совратить его въ католицизмъ было нелегко. Поэтому надобно было прибѣгнуть къ переходной мѣрѣ, т. е. уніи церквей. Мысль не новая, ибо мы знаемъ уже, что этой же цѣли стремилась достигнуть Флорентинская унія, еще во времена Казимира Ягеллона, но она не привилась, не вкоренилась въ народѣ. Іезуиты подняли эту мысль, и именно знаменитѣйшій изъ нихъ, Петръ Скарга. Изданныя имъ въ 1577 и 1590 сочиненія о единствѣ церкви Божіей и объ отступленіи отъ нея восточной церкви, породили идею соединенія церквей, и при дѣятельномъ участіи властей, имъ удалось вполнѣ осуществить ее. Первый съѣздъ по дѣлу уніи православныхъ епископовъ совершился 24-го іюня 1591 г. въ Брестъ-Литовскѣ, и отсюда отправлено прошеніе къ королю, съ донесеніемъ, что они желаютъ признать надъ собою главенство папы римскаго. 18-го марта 1592 г. Сигизмундъ III прислалъ свое согласіе. 21-го мая 1594 Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, заявилъ въ мѣстномъ судѣ, что уже совершилось соединеніе восточной церкви и папа признанъ единымъ главою церкви. 2-го декабря 1594 состоялся актъ о соединеніи церквей. 23-го декабря 1595 г. папа Климентъ VIII принялъ въ торжественной аудіенціи прибывшихъ епископовъ, Кирилла Терлецкаго и бывшаго кастелана, теперь епископа брестскаго, Ипатія Поцѣя, кои отъ имени своего и митрополита, Михаила Рагозы, исполнили присягу на вѣрность папѣ. Наконецъ окончательный соборъ, рѣшившій судьбу уніи и упрочившій ея существованіе, состоялся въ октябрѣ 1596 г. въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ 9-го октября подписанъ былъ актъ соединенія церквей.

Эта унія церквей существовала въ Литовскомъ и Бѣлорусскомъ полѣсьяхъ 243 года. 23-го іюля 1839 г. греко-уніатская церковь возсоединена съ православною и главный двигатель этого дѣла, Іосифъ Сѣмашко, епископъ уніатскій, возведенъ въ санъ православнаго архіепископа литовскаго и виленскаго (впослѣдствіи митрополитъ).

Мы указали на важнѣйшія узаконенія временъ Казиміра. Главнымъ же памятникомъ литовско-русскаго законодательства есть Литовскій статутъ. Онъ былъ составленъ по повелѣнію Сигизмунда I (1522) изъ Судебника Казиміра, уставовъ Александра; вообще въ немъ заключались

всѣ прежнія постановленія, особенно Витовта, права и обычаи, обратившіеся въ законъ. Статутъ этотъ сдѣланъ обязательнымъ для руководства съ 1-го января 1530 г. и назывался Старымъ. Напечатанъ онъ никогда не былъ.

Въ царствованіе Сигизмунда-Августа учреждена была особая коммисія для постояннаго пересмотра прежнихъ и включенія новыхъ законовъ. Главнымъ двигателемъ этого дѣла былъ в. канцлеръ Левъ Сапѣга. Окончательно составленный статутъ изданъ имъ на русскомъ (собственно бѣлорусскомъ) языкѣ въ 1588 г. Потомъ былъ нѣсколько разъ издаваемъ на польскомъ языкѣ. На основаніи же Высочайшаго повелѣнія 17-го ноября 1828 г. Литовскій статутъ съ бѣлорусскаго изданія 1588 г. переведенъ и напечатанъ на трехъ языкахъ: бѣлорусскомъ, польскомъ и русскомъ. Литовскій статутъ и главное судопроизводство имѣли силу и дѣйствіе въ Литовскомъ полѣсьѣ триста десять лѣтъ. Въ замѣнъ этого статута 25-го іюня 1840 г. введено русское законоположеніе.

Къ бѣдствіямъ и опустошеніямъ, которымъ подвергался край, присоединялись моровая язва и голодъ, страшно свирѣпствовавшіе въ 1588, 1659 и 1710 годахъ. Описывая голодъ и моровую язву 1659 г., современники говорятъ, что люди убивали другъ друга за кусокъ хлѣба, пожирали трупы своихъ ближнихъ. Троки, Ошмяна, Лида, Дисна, не говоря уже о Вильнѣ, были до такой степени опустошены, что жители на нѣсколько лѣтъ были освобождены отъ всякихъ обязательныхъ платежей. Пожары 1610, 1655, 1715 опустошали цѣлые города и деревни.

Самою гибельною для края была война съ Алексѣемъ Михайловичемъ, а потомъ съ Карломъ XII. Въ 1655 г. Хованскій, овладѣвъ Ошмяною, Лидою, 10-го августа взялъ Вильно. Бѣдственная война продолжалась до заключенія Андрусовскаго мира 30-го января 1667 года.

26-го февраля 1701 г. Августъ II въ Биржахъ заключилъ союзъ съ Петромъ В. Началась страшная, продолжительная война съ Карломъ XII и съ избраннымъ въ короли Станиславомъ Лещинскимъ. Къ бѣдствіямъ страны присоединилась борьба партій. Огинскій держалъ сторону Августа II; Сапѣга—Карла XII. Всѣ налагали контрибуціи, всѣ обирали, разоряли, и весь край представлялъ страшную картину опустошенія.

Лица высшихъ сословій въ Литвѣ и на Руси во все продолженіе господства въ краѣ рода Гедимина оказывали постоянную, неизмѣнную преданность верховной власти и уваженіе къ законамъ. До Витовта враждовали удѣльные князья между собою, но отличительною чертою подвластныхъ было повиновеніе и любовь къ великимъ князьямъ. Единственнымъ почти случаемъ исключенія служитъ умерщвленіе Сигизмунда Кейстутовича.

Послѣ Люблинской уніи, съ пресѣченіемъ династіи Ягеллоновъ, послѣ совершеннаго преобразованія края, съ утратою самостоятельности, съ ниспроверженіемъ коренныхъ основъ, которыя двигали народнымъ дѣломъ, которыя связывали народъ какъ-бы родственными узами съ властителями,—постепенно стали измѣняться нравы, начали вкореняться внутренняя рознь, раздоры, доходившіе до открытой борьбы.

Въ 1600 г. мы видимъ печальную борьбу двухъ сильныхъ родовъ: Радзивилловъ и Ходкѣвичей изъ-за княжны Софіи Слуцкой, послѣдней изъ рода Олельковичей, невѣсты кн. Януша Радзивилла, сына воеводы кн. Христофора, на бракъ котораго не соглашались опекуны ея, Ходкѣвичи, потому что Радзивиллы были усердными кальвинистами. Обѣ партіи собираютъ войска и начинаютъ войну, какъ будто два отдѣльныя государства.

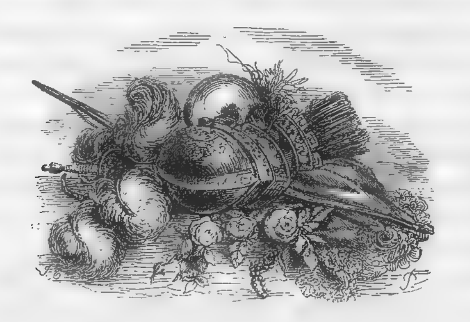
Этотъ же князь Янушъ, потомъ (1606) вмѣстѣ съ Зебржидовскимъ, краковскимъ воеводою, возстали противъ короля, но были разбиты Ходкѣвичемъ. Дѣло происходило въ Польшѣ, но потомъ кн. Янушъ уже въ Литвѣ продолжалъ войну съ побѣдившимъ его Ходкѣвичемъ.

Въ 1662 г. случился безпримѣрный въ литовскихъ лѣтописяхъ фактъ: войска взбунтовались противъ своего гетмана, Викентія Корвина Гонсѣвскаго, и войсковаго маршала Жеромскаго. 21-го ноября напали на домъ гетмана въ Вильнѣ, силою захватили его и 29-го ноября, близъ м. Острыня, въ Лидскомъ уѣздѣ, разстрѣляли. Жеромскій тоже былъ разстрѣлянъ. Въ 1694 г.

гетманъ Казиміръ Сапѣга ведетъ борьбу съ виленскимъ епископомъ Бржостовскимъ. Епископъ предаетъ его анаѳемѣ, а Сапѣга разоряетъ духовныя имѣнія. По этому случаю даже богослуженіе во многихъ храмахъ было прекращено. Въ 1700 г. близъ м. Ольkеникъ (въ Трокскомъ уѣздѣ), при деревнѣ Лейпуны произошло кровопролитное сраженіе между Сапѣгами и Вишневецкими. Въ этомъ сраженіи съ обѣихъ сторонъ участвовало до тридцати тысячъ войска. Много убитыхъ и раненыхъ. Убитъ одинъ изъ Сапѣговъ, кн. Михаилъ. Въ 1763 г. борьба князя Карла Радзивилла съ стольникомъ Понятовскимъ (вслѣдъ за симъ королемъ). Послѣдній нападаетъ на конфедератовъ Радзивилла въ соборѣ. Войска Радзивилла стрѣляютъ на виленскихъ улицахъ и убиваютъ не только своихъ противниковъ, но и ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ. Русскія войска, подъ начальствомъ Салтыкова, Нумерса и Кречетникова заняли Литву въ 1767 году. Въ 1793 г. послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши. 19-го апрѣля 1794 г. вспыхнуло возстаніе въ Литвѣ, предводимое Ясинскимъ, какъ послѣдствіе общаго возстанія въ Польшѣ Ѳаддея Костюшки. 31-го іюля войска русскія одолѣли возстаніе, а 30-го октября назначенъ генералъ-губернаторомъ Литвы князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ. Наконецъ, послѣ подписанія Станиславомъ-Августомъ 14-го ноября 1795 г. въ Гроднѣ отреченія отъ престола, 14-го декабря обнародованъ манифестъ о присоединеніи къ Россійской имперіи всего великаго княжества Литовскаго. Край едва началъ успокоиваться послѣ стольких смутъ и треволненій, какъ вспыхнула война 1812 года. Весь край принялъ въ ней участіе. Наполеонъ сулилъ золотыя горы, и всѣ ему поддались. Потомъ опять временное затишье. Въ двадцатыхъ годахъ край былъ спокоенъ, но преслѣдовались филареты, филоматы, нѣкоторые изъ числа главныхъ кадожей масонскихъ ложъ.

Далѣе мятежъ 1831 г. со всѣми печальными его послѣдствіями. Эмисарство Конарскаго (1837—1841), Рера (1845—1846), наконецъ страшный 1863 годъ, какъ грозный ураганъ, пролетѣвшій по всему краю и унесшій тысячи жертвъ. Тысячи убитыхъ въ сраженіяхъ, множество разстрѣлянныхъ и повѣшенныхъ, тысячи сосланныхъ въ каторгу и Сибирь, сожженіе и опустошеніе многихъ селищъ, выселеніе цѣлыхъ деревень, лишеніе жителей дворянскаго сословія, права пріобрѣтенія имѣній, права государственной службы, ограниченіе числа воспитывающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пріостановленіе введенія благодѣтельныхъ реформъ, коими пользуются внутреннія губерніи, какъ напр. земствъ, гласнаго судопроизводства и пр. — вотъ грустныя послѣдствія увлеченій и легкомысленной вѣры въ заграничныя подстрекательства.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ VII.

ПРОСВѢЩЕНІЕ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ВЪ ЛИТВѢ.

Народное творчество.—Начальныя средства образованія.—Просвѣтительныя начала при дворахъ князей и вельможъ.—Иностранныя вліянія.—Бабичъ и Скорина.—Типографіи.—Библіотеки.—Архивы.—Монастырскія и братскія школы.—Реформатскія, лютеранскія, аріанскія школы.—Іезуитскіе коллегіумы. — Семинаріи и бурсы.—Іезуитская академія.—Протестантская академія.—Письменные памятники.—Грамматики Зизанія и Смотрицкаго.—Полемическая литература: Скарга, Зизаній, Смотрицкій и др.—Конарскій и піаристы.—Преобразованіе системы воспитанія.—Главная школа.—Княгиня Огинская, Почобутъ и обсерваторія.—Доброхотныя приношенія на дѣло воспитанія.—Гр. Тизенгаузъ и его плодотворная просвѣтительная дѣятельность.—Учебный округъ.—Преобразованіе Главной школы въ университетъ.—Гимназіи.—Школы. —Знаменитѣйшіе дѣятели.—Вліяніе университета на народное образованіе.—Снядецкіе и естествознаніе.—Франкъ и медицина.—Юндзилъ и ботаника.—Лелевель и историческая школа.—Голуховскій и философія.—Мицкевичъ и его школа.—Борьба клазицизма съ романтизмомъ. —Занъ и Филареты.—Медико-хирургическая академія.—Духовная академія.—Дворянскій институтъ.—Литовская православная семинарія. Духовныя училища. —Женское образованіе. — Крашевскій.—Литературные и ученые дѣятели.—Графъ Евстафій Тышкевичъ и археологія.—Музей древностей и археологическая коммиссія.—Графъ Константинъ Тизенгаузъ и орнитологія.—Періодическая пресса.—Театръ.—Изящныя искусства.— Современное положеніе Литовскаго полѣсья на пути просвѣщенія.

Родное слово, рѣчь народа!
Языкъ средь жизненнаго хода,
Стоишь ковчегомъ ты святынь,
И служишь сводомъ сопряженья,
Завѣтомъ вѣчнаго сближенья
Между отжившимъ и живымъ.
Въ твои хранительныя грани
Народъ слагаетъ, въ видѣ дани,
Всю жизнь свою, свои мечты,
Геройскій мечъ питомца брани,
Понятій нити, мыслей ткани
И чувства свѣжіе цвѣты
Никто не сломитъ, не раздавитъ
Ковчегъ сей дивный, этотъ сводъ,
Никто, покуда самъ народъ
Скрижалей слова не безславитъ...

МИЦКЕВИЧЪ.

ивое слово, издревле появлявшееся въ народномъ творчествѣ въ Литвѣ, отчасти уже знакомо нашимъ читателямъ. Мы видѣли (въ этнографическомъ очеркѣ), какъ слагались нравственныя и религіозныя понятія народа подъ вліяніемъ верховнаго наставника и просвѣтителя, Криве-Кривейте. Мы видѣли, какъ съ XIII и въ особенности съ XIV столѣтія сила и значеніе верховнаго жреца и его сподвижниковъ начала падать, какъ христіанство, быстро проникая въ страну, вносило новые зачатки и содѣйствовало смягченію нравовъ. Близкія сношенія Литовцевъ съ Русскими начались еще при Миндовгѣ, даже ранѣе, въ XIII ст. Мы знаемъ, что столицею государства былъ бѣло-русскій городъ Новогрудокъ. При Гедиминѣ, въ XIV ст., когда образовалось могущественное великое княжество Литовско-русское, въ собственной Литвѣ, литовскій языкъ оста-

вался народнымъ, языкомъ пѣсни, легендъ, преданій; на немъ литовскіе барды воспѣвали подвиги своихъ героевъ, Криве-Кривейто вѣщалъ волю боговъ, жрецы провозглашали молитвы, великій князь съ придворными, воинами, съ народомъ говорилъ по-литовски; но мы знаемъ, что со временъ Гедимина великія княгини почти всегда были русскія княжны: Полоцкія, Витебскія, Тверскія, Смоленскія, Гольшанскія и др.; великокняжескій дворъ окружали русскіе князья и бояре; большинство высшаго сословія государства было русское. Поэтому весьма понятно, что русскій языкъ естественнымъ путемъ дѣлался преобладающимъ. На немъ писались всѣ акты и законоположенія не только для русскихъ областей, но и для собственной Литвы и Жмуди, такъ что мы не имѣемъ ни одного государственнаго акта на литовскомъ языкѣ.

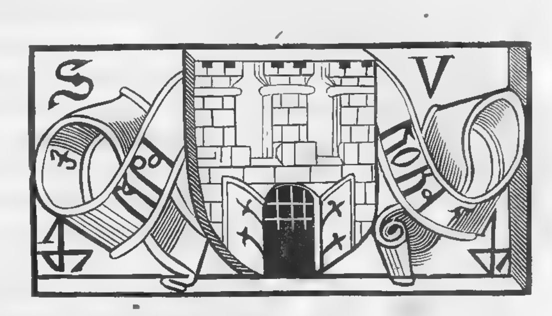
Грамотность была общею только въ средѣ высшихъ сословій. Школы существовали только при монастыряхъ и были мало доступны народу. Но дѣти вельможъ получали образованіе за границею, въ Прагѣ, въ Венеціи, Липскѣ (Лейпцигѣ), а потомъ въ Краковѣ. Выписанные Гедиминомъ Нѣмцы изъ ганзейскихъ городовъ, постоянныя сношенія съ послѣдними, русскій и иностранный гостиные дворы въ Вильнѣ, конечно, тоже содѣйствовали распространенію просвѣщенія въ странѣ.

Для юношества привиллегированныхъ сословій главною и почти единственною школою были дворы, не только великокняжескій, но и вообще княжескіе и значительнѣйшихъ вельможъ. Это была школа общественной жизни, изъ которой выходили воины, разные чиновные люди и землевладѣльцы. Съ XIV и почти до половины XVIII столѣтія каждый князь, каждый вельможа содержалъ при себѣ сотни и даже тысячи молодыхъ людей, преимущественно изъ шляхты. Въ настоящее время трудно даже составить себѣ понятіе, что такое были эти дворы литовскихъ и русскихъ князей и вельможъ. Многіе изъ нихъ имѣли собственныя войска, укрѣпленные замки. При ихъ несмѣтныхъ богатствахъ, понятно, вся шляхта вполнѣ отъ нихъ зависѣла, и состоять при дворѣ князя Слуцкаго, Ходкевича, Радзивилла, Сапѣги и имъ подобныхъ, считалось не только особенною честью, но во многомъ обезпечивало самую будущность. Одни получали прибыльныя должности по разнымъ частямъ, другіе—имѣнія на правахъ арендаторовъ. Радзивиллы въ XVI ст. въ одной только линіи князя Николая Чернаго владѣли 61 городомъ, 6 замками, 1321 деревнею, составлявшими 53 войтовства. Князья Острожскіе уже въ XIV и въ XV ст. славились своими богатствами. Потомъ эти богатства достигли баснословныхъ цифръ чрезъ женитьбы. Довольно сказать, что великій гетманъ литовскій, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій получалъ годоваго дохода одиннадцать милліоновъ золотыхъ! Маршалъ двора его получалъ въ годъ жалованья 70,000 золотыхъ, а дворъ его состоялъ изъ 2 тысячъ человѣкъ сыновей дворянскихъ родовъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ весьма почетныхъ. Четвертая только часть имѣній князя Константина Константиновича, поступившая въ собственность князю Янушу, краковскому кастелану, составляла 72 города и мѣстечка, 2,452 деревни, не считая множества хуторовъ, фольварковъ и т. д.

Русскіе и литовскіе князья и бояре, понятно, тѣснились ко двору въ Вильнѣ, а со временъ Казимира Ягеллона, весьма многіе жили и въ Краковѣ, когда король находился въ своей польской столицѣ. Не одни Радзивиллы и Острожскіе славились своими богатствами. Хотя и не въ такой степени, пользовались однако большимъ значеніемъ при дворѣ и вообще въ краѣ князья Олельковичи-Слуцкіе, кн. Четвертынскіе, кн. Чарторыскіе, кн. Огинскіе, кн. Пузины, кн. Гедройцы, кн. Сапѣги, кн. Сангушки, кн. Соломерецкіе, кн. Полубинскіе, кн. Друцкіе-Любецкіе, Соколинскіе, Горскіе, Подберезскіе, а также вельможи Ходкевичи, Войны, Слушки, Кишки, Тышкевичи и др., а какъ велико было ихъ значеніе даже въ Краковѣ, ясно уже изъ того, что въ Краковѣ раньше была заведена славяно-русская типографія, нежели польская. Это не подлежитъ сомнѣнію и фактически доказано краковскими учеными Грабовскимъ и Эстрейхеромъ.

Извѣстно, что первая печатная книга, именно Библія Гуттенберга, издана въ 1455 г. въ Нюренбергѣ, а въ 1475, въ книгѣ Statuta Synodalia, уже напечатана молитва Господня: «Отче нашъ», по-польски. Затѣмъ, въ теченіе 50 лѣтъ, т. е. до 1505 г. не вышло ни одной польской книги. Разныя богослужебныя книги для католиковъ печатались въ разныхъ мѣстахъ по-латыни. Славянскія же книги начали печататься на двадцать восьмомъ году послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, въ Венеціи, сначала глаголицей, а черезъ десять лѣтъ и кирилицей. Потребность въ богослужебныхъ книгахъ въ Литовской Руси была столь значительна, что русскіе вельможи позаботились объ основаніи въ Краковѣ славяно-русской типографіи. Захарій Копыстенскій въ своей Палинодіи (1621) говоритъ, что въ 1483 г. напечатана въ Краковѣ книга Тріодь Цвѣтная. Въ уцѣлѣвшихъ экземплярахъ нѣтъ первой страницы; но библіографъ Эстрейхеръ догадывается по страничкѣ, отысканной въ переплетѣ одной латинской книги, что Тріодь дѣйствительно напечатана въ 1483 г.

Затѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ 1491 г. напечатанъ въ Краковѣ Октоихъ. На послѣдней страницѣ этой книги мы видимъ уже русскую, или бѣлорусскую надпись, языкомъ, бывшимъ тогда въ общемъ употребленіи въ Литовской Руси. Прилагаемъ точную ея копію. На ней изображены краковскія башни (гербъ города), по сторонамъ монограмы S. V., далѣе съ лѣвой стороны буква *З* и въ лентахъ по обѣимъ сторонамъ башенъ — «Кракова». Строевъ ошибочно прочелъ эти знаки. Онъ думаетъ, что они означаютъ Sigillum urbis Кракова, т. е. два слова по-латыни, одно по-русски, а играющее главную роль *З* Строевъ пропускаетъ. Эстрейхеръ правильнѣе прочелъ эти монограмы и надпись, именно: Sweybold Veyl *З* (изъ) Кракова. (Veyl тоже, что Feyl, Fejel, Fieol). Далѣе, подъ башнями слѣдующая славянскими буквами надпись:

Доконча на бысиа книга у великоцы граде оу
Кракове при державе великаго короля полскаго
казимира . и доконча на бы мещанино краковь
скым швантополтомь , феоль , из немець не
мецкого родоу , франкь . и скончаша по божнеи
нароженнемь . ді сеть . девятьдеса и а лето

Послѣдняя страница книги «Октоихъ», напечатанной въ Краковѣ.

«Докончана бысть сия книга у великомъ градѣ оу Краковѣ при державѣ великаго короля полскаго Казимира и докончана бысть мѣщаниномъ краковьскымъ Швантополтомъ Фѣоль, и з нѣмець немецкого родоу Франкь. И скончаша по божнем нароженнемъ 14 сеть девятьдесять и 1 лѣто».

Эта надпись породила тоже ложныя толкованія польскихъ и русскихъ библіографовъ. Эта же буква *З*, замѣняющая у бѣлоруссовъ *изъ*, перепутала смыслъ надписи. Бандтке, Сопиковъ, Строевъ поняли, что Фіолъ былъ родомъ изъ Нѣмечины, нѣмецкаго происхоженія, да еще въ придачу Франкъ.

Во всѣхъ древнихъ актахъ и граматахъ того времени вездѣ вмѣсто *изъ* пишется *з*. Поэтому надобно читать, что издателями были краковскій мѣщанинъ Святополкъ Фіолъ и изъ Нѣмечины, нѣмецкаго происхожденія, Франкъ. Ясно, что книга напечатана не однимъ лицомъ Фіоломъ-Франкомъ, но двумя, Фіоломъ и нѣмцемъ Франкомъ. Фіолъ былъ мѣстнымъ краковскимъ уроженцемъ. Предки его за сто лѣтъ предъ тѣмъ переселились въ Краковъ. Личность Франка въ Краковѣ тоже подтверждается фактически. По изысканіямъ Грабовскаго, онъ былъ

книгопродавцемъ. Извѣстно и нѣсколько другихъ славянскихъ книгъ, около того же времени изданныхъ тѣмъ же Фіоломъ.

Постоянная польская типографія существуетъ въ Краковѣ съ 1505, т. е. основана спустя 22 года послѣ появленія славяно-русскихъ изданій.

Фактъ этотъ не лишенъ значенія. Мы не хотимъ сказать, чтобы Поляки въ то время стояли ниже образованіемъ Русскихъ; но во всякомъ случаѣ онъ доказываетъ съ одной стороны значеніе русскихъ вельможъ, окружавшихъ престолъ Казимира, а съ другой—извѣстную степень нравственнаго развитія народа, для котораго потребовались печатныя книги духовнаго содержанія въ то время, когда печать еще такъ мало была распространена у другихъ народовъ.

Еще убѣдительнѣе доказываетъ проводимую нами мысль слѣдующій фактъ. Приведенныя выше книги печатались для православныхъ жителей Литовской Руси. Но въ средѣ ихъ, особенно въ числѣ значительнѣйшихъ вельможъ, были уже и католики, сознававшіе необходимость имѣть на родномъ языкѣ библію.

Первая библія на славянскихъ языкахъ напечатана по-чешски въ Прагѣ въ 1488 г.; вторая же, на бѣлорусскомъ языкѣ въ 1517 г.; третья, Краинская, въ 1555, а затѣмъ четвертая, польская, напечатанная въ Краковѣ для римско-католическаго исповѣданія въ 1561, и въ Брестъ-Литовскѣ для евангелическо-реформатскаго исповѣданія, напечатанная по приказанію и издержками князя Николая Радзивилла Чернаго въ 1563 г. Наконецъ для аріанъ, тоже по-польски, напечатана библія, стараніемъ Даніила изъ Ленчицы, въ Несвижѣ, въ 1570. По-литовски библія напечатана въ первый разъ въ Кенигсбергѣ въ 1590, а по-латышски еще раньше, въ 1587 г., въ Ригѣ.

Русская библія переведена съ латинской Вульгаты Франціомъ Скориною изъ Полоцка. Скорина въ юныхъ годахъ прибылъ изъ Полоцка въ Вильно. Покровителемъ его явился виленскій старшій бургомистръ Яковъ Бабичъ. Послѣдній послалъ его въ Краковъ учиться. Здѣсь онъ въ академіи получилъ степень доктора медицины и изящныхъ искусствъ. Нѣкоторые изъ русскихъ вельможъ обратили на него вниманіе, какъ на человѣка весьма способнаго, и сознавая необходимость имѣть библію на родномъ языкѣ, поручили ему это великое дѣло. Черезъ вельможъ Скорина получилъ доступъ даже къ королю Сигизмунду I, который во всю жизнь оказывалъ ему свои милости. Скорина усердно взялся за переводъ; но вѣроятно типографія Фіола оказалась недостаточною для изданія библіи, и потому Скорина отправился въ Прагу, гдѣ и началъ ея печатаніе въ 1517 г., продолжая его до 1520 г. Между тѣмъ въ Вильнѣ, стараніями того же Бабича, основана была значительная типографія, переданная имъ потомъ братьямъ Мамоничамъ. Тогда Скорина поспѣшилъ въ Вильно и здѣсь продолжалъ печатаніе, оконченное въ 1525 г. Кромѣ перевода библіи, Скорина издалъ нѣсколько другихъ книгъ, какъ напр. Каноникъ, или Акаѳистникъ, Псалтырь и нѣсколько другихъ русскихъ книгъ. Изданія его украшены великолѣпными по времени политипажами, сдѣланными въ Нюренбергѣ. Понятно, какъ много стоили въ то время подобныя изданія, и потому легко предположить, что не одинъ только Бабичъ, но и другія лица, изъ знатныхъ вельможъ, принимали въ этихъ изданіяхъ участіе.

У Мамоничей въ Вильнѣ бѣжавшій изъ Москвы Петръ Тимофѣевъ Мстиславцевъ въ 1575 напечаталъ «Евангеліе напрестольное», а потомъ Псалтырь славянскій. Вообще съ 1517 по 1632 г., библіографы насчитываютъ 149 русскихъ книгъ, изданныхъ въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ Литовскаго полѣсья.

Кажется, что Бабичъ передалъ свою типографію Мамоничамъ около 1575 г. Мамоничи были родомъ изъ Могилева. Извѣстны два брата Мамоничи: Кузьма, виленскій бургомистръ, и Лука, скарбный (казначей) вел. кн. Литовскаго, а также сынъ Кузьмы, Левъ, именовавшійся королевскимъ типографомъ. Дѣятельность типографіи продолжалась безпрерывно до второй половины XVII ст. Въ ней напечатанъ Статутъ Литовскій, подъ редакціею знаменитаго канцлера Льва Сапѣги, много сочиненій полемическихъ, а также духовнаго содержанія.

Польская типографія въ первый разъ основана была въ Вильнѣ въ 1576 г. Въ XVII ст. существовавшихъ типографій насчитываютъ до 17.

Внутри края основаніе типографій относится также къ XVI столѣтію. Такъ въ Брестъ-Литовскѣ князь Николай Радзивилъ Черный основалъ въ 1558 г. типографіи собственно для печатанія реформатскихъ книгъ. Здѣсь напечатана такъ называемая Радзивилловская, или Брестская Библія, о которой мы уже упомянули. Послѣ смерти князя Николая, младшій сынъ его, князь Юрій Радзивиллъ, кардиналъ и виленскій епископъ, скупилъ всѣ оставшіеся въ обращеніи экземпляры и сжегъ передъ костеломъ св. Іоанна въ Вильнѣ, отчего теперь эта библія составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость. Самая же типографія перевезена была въ Вильно и подарена іезуитской академіи, положивъ начало извѣстной іезуитской типографіи.

Въ Заблудовѣ, Гродненской губерніи, типографія основана Ходкевичемъ въ 1568 г. для печатанія славянскихъ книгъ. Здѣсь нашли пріютъ бѣжавшій изъ Москвы типографъ Иванъ Федоровъ, а также извѣстный Мстиславцевъ, переселившійся сюда изъ Вильно Они издали Евангеліе учительское, Псалтырь и др.

Въ Супраслѣ, Гродненской губ., типографія существовала при монастырѣ, основанномъ въ 1498 г. вел. маршаломъ лит. Александромъ Ходкевичемъ, въ XVII ст обращенномъ въ уніатскій монастырь Базиліановъ. Время основанія типографіи съ точностью неизвѣстно, но изданія ея начинаются въ XVII ст. Здѣсь печатались Четьи-Минеи, Священное писаніе и вообще богослужебныя книги для уніатовъ во всей Литовской Руси. Здѣсь же печатались и старообрядческія книги, издаваемыя въ первой половинѣ XVIII ст Михаиломъ Соловьевымъ. Типографія эта отличалась необыкновенною дѣятельностью и существовала до начала нынѣшняго столѣтія. Когда Супрасль съ Бѣлостокомъ достались Пруссіи, монахи лишились своихъ значительныхъ доходовъ, простиравшихся до 120,000 золотыхъ, и принуждены были продать свою типографію еврею Аарону, который перевезъ ее въ Бѣлостокъ.

Въ Евье, Виленской губ., типографія основана въ 1611 г. княземъ Богданомъ Огинскимъ, трокскимъ подкоморіемъ. Въ 1611 г. изданъ здѣсь Новый Завѣтъ (кирилицей), въ 1612 Зерцало, въ 1619 знаменитая грамматика славянская Мелетія Смотрицкаго, первое изданіе. Изданія этой типографіи весьма цѣнимы библіографами.

Наконецъ типографіи существовали еще въ Деречинѣ Гродненской губерніи (основанная въ 1585 Сапѣгами), въ Кейданахъ Ковенской (основанная въ 1611 кн. Янушемъ Радзивиломъ), въ Сейнахъ Сувалкской губерніи (основанная Яковомъ Маревичемъ въ 1603 г.), въ Ошмянахъ Виленской, въ Кнышинѣ и Слонимѣ Гродненской губ. (послѣдняя содержалась великимъ гетманомъ литовскимъ кн. Огинскимъ), въ Гроднѣ (устроенная въ 1777, подскарбіемъ литовскимъ Антоніемъ Тизенгаузомъ).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ самаго начала XVI столѣтія до конца XVIII-го въ краѣ существовали типографіи въ четырнадцати мѣстностяхъ. Конечно, нѣкоторыя изъ нихъ продолжали свою дѣятельность не долго; неменѣе того, самое сознаніе необходимости основанія типографій убѣдительно говоритъ въ пользу распространенія просвѣщенія и опровергаетъ ложныя мнѣнія о варварствѣ и дикости исконныхъ обитателей Литовскаго полѣсья—Литовцевъ и Русскихъ.

Мы уже говорили, что первыя училища заведены были при монастыряхъ. При виленскомъ рим.-кат. соборѣ, а также при костелѣ св. Іоанна заведены были школы одновременно съ основаніемъ этихъ храмовъ. По всей вѣроятности, такія же школы могли существовать также съ XIV столѣтія при православномъ соборѣ и другихъ церквахъ. Къ числу первыхъ школъ, правильно организованныхъ, принадлежитъ основанная въ 1539 г. Авраамомъ Кульвою, миссіонеромъ лютеранскаго исповѣданія, на 50 учениковъ. Когда водворилось въ краѣ реформатское ученіе около 1556 г., главные ревнители онаго, Радзивиллы Черный и Рыжій, при содѣйствіи другихъ вельможъ, позаботились объ устройствѣ первыхъ разсадниковъ просвѣщенія въ

странѣ. Ими основаны были училища: въ Вильнѣ, въ Биржахъ—Ковенской губ., въ Брестъ-Литовскѣ, Семятычахъ и Заблудовѣ—Гродненской губ., въ Шидловѣ и Кейданахъ—Ковенской губ. Изъ нихъ Виленская и Биржанская назывались гимназіями; здѣсь преподавались законъ Божій, исторія, ариѳметика, языки: латинскій, нѣмецкій, русскій, польскій и литовскій. Въ этихъ гимназіяхъ воспитывались сыновья знатнѣйшихъ вельможъ не только изъ Литвы и Руси, но даже изъ Польши и Пруссіи.

Около того же времени св. Іоанновское училище въ Вильнѣ настоятелемъ испанцемъ Петромъ Рейзіусомъ возведено было тоже въ высшее учебное заведеніе, въ которомъ преподавались римское и греческое право, литовскій статутъ, піитика, риторика и т. д.

При православныхъ монастыряхъ въ Вильнѣ, въ Брестъ-Литовскѣ и нѣкоторыхъ другихъ обучали греческому, латинскому, русскому и польскому языкамъ.

Собственно для Литовцевъ евангелическихъ исповѣданій, высшимъ учебнымъ заведеніемъ считался ново устроенный въ Кенигсбергѣ университетъ, въ которомъ Альбрехтъ, герцогъ Прусскій, въ 1545 г. учредилъ стипендіи для восьми Литовцевъ, приспособлявшихъ себя къ лютеранскому духовному званію, и гдѣ Авраамъ Кульва, о которомъ мы уже упомянули, занялъ каѳедру богословія. Съ этого времени много Литовцевъ стало поступать въ этотъ университетъ.

Въ такомъ положеніи было дѣло народнаго образованія въ Литвѣ, когда, въ 1569 г., прибыли въ Вильно іезуиты и основали свой коллегіумъ. Въ слѣдующемъ году они уже торжественно открыли гимназію. Актъ этого открытія, обставленный необычнымъ доселѣ здѣсь великолѣпіемъ, сопровождался высокопарными рѣчами на греческомъ, латинскомъ и даже еврейскомъ языкахъ. Первымъ ректоромъ назначенъ былъ Станиславъ Варшевицкій, родомъ полякъ, бывшій секретаремъ Сигизмунда-Августа, занимавшій важные дипломатическіе посты, потомъ сдѣланный гнезненскимъ каноникомъ, человѣкъ глубокаго образованія, гибкаго ума и непреклонной воли. Его скоро ожидала епископская инфула, но онъ бросилъ всѣ должности, отказался отъ заманчиваго настоящаго и блестящей будущности и сдѣлался іезуитомъ. Іезуитизмъ былъ тогда обаятеленъ, и подобныхъ примѣровъ было тогда много. Преподаватели гимназіи почти всѣ были иностранцы. Гимназія раздѣлялась на два разряда. Первый назывался *humaniora*, состоялъ изъ двухъ высшихъ классовъ и предназначался для свѣтскихъ; второй для воспитанниковъ, отличавшихся замѣчательными способностями или же знатнымъ происхожденіемъ и родовымъ богатствомъ, кои намѣревались поступить въ орденъ іезуитовъ, или коихъ они желали привлечь въ свою конгрегацію. Въ гимназіи было пять классовъ: инфима, грамматика, синтаксисъ, піитика и риторика. Курсъ духовнаго отдѣленія гимназіи былъ семилѣтній, три года философіи и четыре года богословія. Іезуиты сами составляли руководства на латинскомъ языкѣ. Изъ нихъ цѣлыя столѣтія былъ въ общемъ употребленіи такъ называемый *Альваръ*, т. е. латинская грамматика, написанная іезуитомъ Эммануиломъ Альваромъ въ 1574 г. и напечатанная въ первый разъ въ 1599. Она была написана латинскими стихами съ латинскими же сбивчивыми объясненіями. Сотни изданій было этой прославленной грамматики, и еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія она была въ общемъ употребленіи.

Въ числѣ кальвинскихъ проповѣдниковъ и министровъ были люди высокаго образованія. Андрей Волянъ, Андрей Тржецѣскій своею ученостью пользовались извѣстностью въ цѣлой Германіи. Сигизмундъ-Августъ покровительствовалъ имъ и употреблялъ ихъ по дипломатической части. Волянъ былъ посланникомъ при императорѣ Максимиліанѣ.

Сначала іезуитамъ трудно было бороться съ кальвинами. Кальвинская гимназія славилась. Въ ней воспитывались дѣти первыхъ вельможъ, а у іезуитовъ совсѣмъ не было учениковъ. Варшевицкій былъ въ трудномъ положеніи. У него не было помощниковъ изъ Поляковъ. Состоявшіе въ коллегіумѣ Лука Крассовскій, Викентій Крассовскій, Станиславъ Мелецкій, Юрій Боско въ 1571 г. пали жертвою своего усердія во время свирѣпствовавшей страшной моровой язвы.

Они скончались у одра зачумленныхъ, которыхъ напутствовали. Но этотъ случай расположилъ народъ въ пользу іезуитовъ.

Въ 1573 г. прибылъ въ Вильно Петръ Скарга. Это былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ представителей политически-религіознаго направленія іезуитовъ, одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего вѣка и истинный царь проповѣдниковъ. Равнаго ему не было ни въ средѣ іезуитовъ, ни въ средѣ кальвинистовъ. По образу жизни, по характеру Скарга былъ лицомъ, которому всѣ удивлялись, передъ которымъ невольно всѣ преклонялись. Въ жизни человѣкъ высоконравственный, аскетъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Краснорѣчіе его было поразительное, до такой степени увлекающее, что ему почти безсознательно покорялись злѣйшіе враги Іезуитовъ. Не одни только религіозныя дѣла интересовали этого замѣчательнаго человѣка. Онъ былъ въ то же время проповѣдникомъ придворнымъ, государственнымъ, народнымъ. Въ присутствіи короля и значительнѣйшихъ сановниковъ онъ смѣло и рѣзко возставалъ противъ всякаго рода правительственныхъ и административныхъ злоупотребленій. Громилъ магнатовъ за неуваженіе королевской власти, говорилъ о необходимости учрежденія наслѣдственности престола, былъ самымъ горячимъ и усерднымъ защитникомъ угнетеннаго народа, ожесточенно нападалъ на своеволіе вельможъ, на неурядицу сеймовъ и т. д.

Скарга пріѣхалъ въ Вильно уже знаменитымъ, прославленнымъ. Соединясь съ Варшевицкимъ, дѣйствуя единодушно и обдуманно, они скоро, при содѣйствіи другихъ замѣчательныхъ дѣятелей изъ іезуитовъ-поляковъ, тоже прибывшихъ въ Вильно, въ самое короткое время заставили дрогнуть даже кальвинизмъ, поддерживаемый первыми и могущественными сановниками въ государствѣ. Обращеніе въ католичество Гозіуса, котораго братъ былъ вармійскимъ епископомъ и кардиналомъ, Ходкевичей, а вслѣдъ затѣмъ всѣхъ сыновей Радзивилла Чернаго, упрочили ихъ положеніе въ краѣ. Дѣйствуя съ глубокимъ предвидѣніемъ, они устроили дѣло такъ, что младшій изъ сыновей кн. Николая Чернаго, кн. Юрій почти ребенкомъ сдѣланъ былъ коадъюторомъ виленскаго епископа, а послѣ смерти Протасевича—дѣйствительнымъ епископомъ и потомъ кардиналомъ. Въ немъ они выработали лучшаго для себя друга и страшнѣйшаго врага кальвинистовъ.

Іезуиты окрѣпли, обжились, гимназія ихъ процвѣтала, новый король—Стефанъ Баторій уважалъ ихъ; но онъ не жаловалъ внутренней религіозной борьбы и не хотѣлъ стѣснять ничье свободы совѣсти. А буря уже начиналась, зловѣщія тучи накоплялись, начиналась уже страшная, продолжительная борьба, покровителей іезуитовъ Ходкевичей, съ покровителемъ кальвинизма—Радзивилломъ Рыжимъ. Наружно однако все было пока мирно. Іезуиты хлопотали объ учрежденіи Академіи со всѣми правами и преимуществами, какими пользовалась краковская академія. Противниковъ было много; противились, боялись новаго сильнаго ученаго учрежденія православные и кальвинисты. Но іезуиты успѣли преодолѣть всѣ препятствія, и 7-го іюля 1578 г. Стефанъ Баторій подписалъ грамату, дозволяющую учрежденіе іезуитской академіи, сравнялъ ее во всѣхъ частяхъ съ краковскою, съ правомъ награждать учеными степенями баккалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ и докторовъ свободныхъ наукъ, богословія и философіи.

На слѣдующій годъ посѣтивъ Вильно, Баторій 1-го апрѣля 1579 г. далъ іезуитамъ вторую грамату, подтверждающую права ихъ на преобразованіе коллегіума, или, правильнѣе, гимназіи, въ академію. Грамата была написана и подписана—оставалось только приложить канцлерскую печать. Большая печать находилась у великаго канцлера, Николая Радзивилла Рыжаго, кальвиниста; меньшая печать у вице-канцлера, Остафія Волловича, православнаго. Оба не соглашались приложить печать. Тогда Баторій сказалъ Волловичу: «подай печать, я самъ ее приложу; но ты этой печати болѣе не увидишь.» Конечно, Волловичъ поспѣшилъ приложить печать.

Заботясь о распространеніи католичества въ странѣ, іезуиты заботились объ увеличеніи духовенства. Сознавалась необходимость въ особомъ учрежденіи для приспособленія лицъ, посвящающихъ себя духовному званію. Съ этою цѣлію учреждена была въ Вильнѣ епископомъ

княземъ Юріемъ Радзивилломъ въ 1582 г. духовная семинарія, на содержаніе которой епископъ пожертвовалъ нѣсколько собственныхъ деревень и каменный домъ въ Вильнѣ. Но и этого оказалось недостаточно. По ходатайству извѣстнаго Поссевина, основана была другая еще семинарія, названная папскою, потому что папа Григорій XIII на содержаніе ея назначилъ тысячу дукатовъ въ годъ съ обязанностію воспитывать двѣнадцать клириковъ. Наслѣдникъ его, Сикстъ V увеличилъ эту сумму до двухъ тысячъ дукатовъ съ обязанностію содержать двадцать четыре стипендіата. Потомъ семинарія эта предназначена была исключительно для уніатовъ.

Еще прежде, въ 1580 г., епископъ Валеріанъ Протасевичъ, опасаясь, чтобы дѣти католиковъ, живя на квартирахъ кацеровъ, т. е. иновѣрцевъ, не увлеклись новыми ученіями, учредилъ такъ называемую Валеріановскую бурсу, или конвиктъ, и завѣщалъ три собственные дома на содержаніе бѣдныхъ воспитанниковъ. Ходкевичъ, а потомъ, разновременно, разныя лица жертвовали значительныя суммы на содержаніе бурсы. Кромѣ приведенной нами бурсы, съ тою же цѣлію основаны были впослѣдствіи конвикты для помѣщенія и содержанія бѣдныхъ учениковъ: въ 1602 г. конвиктъ Бейнартовскій, основанный каноникомъ Амвросіемъ Бейнартомъ. Въ 1618 г. Иванъ Корсакъ завѣщалъ имѣніе свое Ясевъ, домъ въ Вильнѣ и 800 копъ лит. грошей на учрежденіе конвикта, названнаго Корсаковскимъ, и на содержаніе въ немъ двадцати бѣдныхъ учениковъ. Такихъ учрежденій основано было впослѣдствіи еще нѣсколько, и всѣ они просуществовали до послѣднихъ преобразованій округа.

Первымъ ректоромъ академіи назначенъ былъ Петръ Скарга. Кромѣ ректора академію составляли: помощникъ его, или префектъ (praefectus studiorum); помощникъ послѣдняго младшій префектъ, завѣдывавшій низшими классами, и профессора. Между іезуитами существовало четыре степени: новиціевъ, схоластиковъ, коадъюторовъ и профессоровъ. Чтобы достигнуть послѣдней степени, надобно было пройти всѣ низшія степени. Чтобы сдѣлаться профессоромъ академіи, надобно было семнадцать лѣтъ усиленныхъ трудовъ. Окончившій съ успѣхомъ полный курсъ наукъ и поступившій въ орденъ, сначала получалъ званіе новиція схоластики, два года упражнялся въ латинскомъ языкѣ, потомъ еще два года въ словесныхъ наукахъ и только тогда назначался учителемъ въ низшіе классы непремѣнно на три года. Послѣ этого испытанія, оказавшіеся болѣе способными и прилежными должны были опять учиться, и непремѣнно четыре года, философіи и богословію и послѣ всѣхъ этихъ переходовъ могли удостоиться получить высшія ученыя степени и должности профессоровъ.

Въ началѣ XVII столѣтія число профессоровъ въ Виленской академіи было слѣдующее: 6 богословія, 5 философіи, 4 каноническаго права, 7 піитики и риторики и 1 еврейскаго языка, вообще 23 профессора.

Кромѣ латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ, подготовлявшихся къ миссіямъ на Востокѣ учили и восточнымъ языкамъ, особенно арабскому.

Въ академію и вообще во всѣ школы іезуитовъ ученики поступали безплатно. Принимали каждаго—богатаго и бѣднаго, знатнаго и простолюдина.

Въ каждомъ классѣ избирался самимъ префектомъ старшій ученикъ, называвшійся декуріономъ, которому обязаны были повиноваться всѣ ученики. Для возбужденія соревнованія, лучшимъ ученикамъ присвоивали титулы императоровъ, цензоровъ, префектовъ, раздавали въ награду медали, книги, изображенія святыхъ и т. п. Въ наказаніе надѣвали ослиныя шапки съ бубенчиками, сажали въ карцеръ, подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, но въ жестокости нельзя упрекнуть іезуитовъ: профессоръ могъ наказать 3 до 5 ударами; префектъ отъ 10 до 15. Замѣчательно то, что молодые профессора, превысившіе въ этомъ случаѣ власть, сами подвергались тѣлесному наказанію.

Скарга былъ только четыре года ректоромъ. Но и за это время онъ часто уѣзжалъ изъ Вильно по дѣламъ ордена и по порученіямъ Баторія. Будучи ректоромъ академіи, онъ въ то же

время назначенъ былъ ректоромъ вновь открытаго въ 1586 г. коллегіума въ Полоцкѣ, онъ же въ 1582 г. ѣздилъ въ Инфлянты по дѣламъ ордена.

Ректора смѣнялись очень часто и не всегда назначались изъ лицъ, пользовавшихся особенною извѣстностью.

Мы укажемъ здѣсь на особенно прославившихся профессоровъ виленской академіи.

Казиміръ Сарбѣвскій (род. 1593, ум. въ 1640) былъ знаменитымъ поэтомъ своего вѣка. Папа Урбанъ VIII лично возложилъ на него лавровый вѣнокъ, что почиталось тогда величайшею почестью. Кромѣ того онъ украсилъ Сарбѣвскаго медалью съ своимъ изображеніемъ на золотой цѣпи—и приказалъ нѣкоторые изъ написанныхъ имъ гимновъ включить въ Бревіарій (т. е. ежедневный молитвенникъ духовенства). Сарбѣвскій преподавалъ піитику сначала въ Крожахъ, а потомъ въ Виленской академіи. Сырокомля перевелъ лучшія изъ его произведеній съ латинскаго на польскій языкъ.

Альбертъ (Войтѣхъ) Віюкъ Кояловичъ, жмудинъ (род. въ Ковнѣ 1609, ум. въ Вильнѣ 1677), извѣстный литовскій историкъ, былъ авторомъ Historia Lithuana и многихъ другихъ сочиненій, изъ коихъ нѣкоторыя писалъ по-польски. Онъ основалъ коллегіумъ въ Ковнѣ, былъ ректоромъ виленской академіи, ѣздилъ въ Римъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ литовскихъ іезуитовъ и въ тамошнихъ архивахъ извлекъ много матеріаловъ для своей исторіи.

Константинъ Ширвидъ, авторъ грамматики литовскаго языка, а также польско-латино-литовскаго словаря, былъ замѣчательнымъ проповѣдникомъ на литовскомъ языкѣ.

Фридрихъ Барщъ, полякъ, бывшій ректоромъ академіи, подвизавшійся въ борьбѣ съ иновѣрцами, авторъ разныхъ полемическихъ брошюръ противъ Андрея Воляна. Въ числѣ профессоровъ были и политическіе дѣятели, какъ напр. Нисковскій, Высоцкій, Голынскій; бывшіе воспитатели Сигизмунда III, Блецкій, Гродзинскій, Шмиглецкій, Новакъ, Ольшевскій и др. славились своею ученостью и краснорѣчіемъ. Мы не говоримъ про многочисленныхъ иностранцевъ. Изъ нихъ нѣкоторые состояли на особыхъ правахъ и получали отъ короля жалованье. Такъ напр. профессору латинской и греческой литературы Марку-Антонію Мурета, римлянину, платили въ годъ 1500 дукатовъ!

Со вступленіемъ на престолъ Сигизмунда III, съ дѣтства привыкшаго во всемъ подчиняться волѣ іезуитовъ, дѣла послѣднихъ конечно улучшились. Постоянное покровительство, имъ оказываемое, содѣйствіе, тайное и явное, къ совращенію иновѣрцевъ въ католицизмъ, дозволили имъ поставить виленскую академію на такую степень, что въ ней въ концѣ XVI ст. находилось уже 700 студентовъ и 54 преподавателя, а въ 1632 г. было уже болѣе 1200 и преподавателей 75. Не только всѣ внутреннія болѣе важныя дѣла въ государствѣ были направляемы іезуитами, но они же имѣли самое сильное вліяніе и на дѣла внѣшнія. Іезуиты, по мысли Скарги, провели и осуществили дѣло уніи; они же руководили главными ея дѣятелями, и впослѣдствіи іезуитъ Фабрицій, виленскій профессоръ, владѣя въ совершенствѣ славянскимъ и русскимъ языками, непосредственно вліялъ на униатское духовенство и направлялъ дѣйствіями онаго. Другою выдающеюся личностью изъ іезуитовъ былъ Касперъ Савицкій, виленскій уроженецъ, духовникъ Марины Мнишекъ, тайный руководитель Димитрія Самозванца, прожившій все его время въ Москвѣ, а потомъ находившійся при Маринѣ и при Тушинскомъ ворѣ, котораго признавалъ дѣйствительнымъ Димитріемъ. Виленскіе профессора пользовались общею извѣстностью, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. профессора богословія Мазура, за отличіе перевели въ римскую академію. Въ числѣ учащихся въ академіи были уже и православные и кальвинисты. Даже родственникъ кн. Острожскаго, кн. Пузына воспитывался въ Вильнѣ у іезуитовъ. Они же воспитывали и мнимаго сына Марины, Ивана Димитріевича, претендента на московскій престолъ.

Въ Вильнѣ, кромѣ главнаго академическаго коллегіума, у нихъ были еще четыре, а впослѣдствіи пять. Кромѣ того у нихъ было въ литовскихъ городахъ 8 коллегіумовъ.

Послѣ смерти князя Николая Радзивилла Рыжаго (1584), сынъ его князь Христофоръ, прозванный *Перуномъ*, великій гетманъ литовскій, всѣми силами поддерживалъ кальвинизмъ; но вліяніе его не имѣло уже той силы и значенія, какъ при отцѣ и дядѣ, Николаѣ Черномъ. Видя такіе поразительные успѣхи іезуитской академіи, кн. Христофоръ рѣшился основать на другихъ началахъ такое заведеніе, которое бы могло парализовать дѣйствія іезуитовъ. Съ этою цѣлію онъ хотѣлъ преобразовать кальвинскую гимназію въ Вильнѣ въ академію, вполнѣ соотвѣтствующую требованіямъ высшаго учебнаго заведенія. Горячо взявшись за это дѣло, онъ энергически занялся приготовленіями, и состоя въ тоже время виленскимъ воеводою, не встрѣчалъ препятствій къ осуществленію своей завѣтной идеи; но передъ самымъ открытіемъ академіи, получилъ письмо отъ Сигизмунда III, которымъ тотъ запрещалъ ему заводить евангелическую академію.

При виленской іезуитской академіи состояла богатѣйшая по времени библіотека. Началомъ ея послужило книгохранилище Сигизмунда-Августа, заключавшее въ себѣ все, что въ его время было напечатано на всѣхъ языкахъ; кромѣ того множество рукописей. Сигизмундъ-Августъ завѣщалъ эту библіотеку коллегіуму іезуитовъ. Другое значительное пожертвованіе увеличило академическую библіотеку, именно большое собраніе книгъ, завѣщанныхъ виленскимъ епископомъ Протасевичемъ. Его примѣру послѣдовали епископы виленскій Евстафій Воловичъ (1630) и жмудскій Николай Пацъ (1619). Знаменитая библіотека в. канцлера Льва Сапѣги изъ Рожаны, заключавшая 3000 томовъ, также поступила въ виленскую академію. Затѣмъ во все время существованія академіи поступали приношенія какъ въ деньгахъ, въ домахъ, такъ и въ книгахъ. Изъ учебныхъ пособій былъ только небольшой физическій кабинетъ.

При первоначальномъ устройствѣ академіи, факультетовъ юридическаго и медицинскаго вовсе не существовало. Въ 1644 г. Казиміръ-Левъ Сапѣга пожертвовалъ 37000 золотыхъ на содержаніе четырехъ профессоровъ законовѣдѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, іезуиты выписали профессоровъ, преподаваніе началось, но продолжалось не долго и правильной организаціи факультета никогда не было. Владиславъ IV граматою 1641 г. далъ іезуитамъ привиллегію и на устройство медицинскаго факультета; но таковой также никогда не былъ открытъ.

Со времени прибытія іезуитовъ въ Литву, т. е. съ 1569 г. по день кончины Сигизмунда III, т. е. 1632 г., въ теченіе 63 лѣтъ іезуиты совершили величайшій изъ переворотовъ въ цѣлой странѣ, гдѣ либо видѣнныхъ. Порабощены православіе и протестантскія ученія, введена унія, католицизмъ и польская національность водворены на прочныхъ основаніяхъ, образованіе захвачено іезуитами въ свои руки. Нельзя отказать іезуитамъ за этотъ періодъ въ необыкновенномъ умѣ, энергіи, настойчивости въ осуществлении своихъ плановъ. Въ то же время они позаботились и о матеріальныхъ благахъ. Богатства ихъ были громадныя. Со временъ Владислава IV, слава ихъ уже меркнетъ. Мы не видимъ между ними такихъ дѣятелей въ ихъ средѣ, какъ Скарга, Варшевицкій, Кояловичъ, Сарбѣвскій, Савицкій. Они какъ-будто почили на лаврахъ. Существуетъ академія, коллегіумы, но дѣло воспитанія идетъ рутинно, нѣтъ прежняго самоотверженія, не замѣтно и тѣхъ необычайныхъ способностей, коими отличались сподвижники Сигизмунда III

Много ли пользы принесла система образованія іезуитовъ? Столько же, сколько и въ. другихъ странахъ. Выходили изъ академіи люди съ классическимъ образованіемъ, но того, что всего болѣе необходимо въ жизни, естественныхъ, медицинскихъ, юридическихъ, техническихъ знаній — не было. Они были въ пренебреженіи.

Кромѣ ученыхъ и писателей изъ іезуитовъ и протестантовъ, о коихъ мы уже упомянули, писавшихъ преимущественно по-латыни и по-польски, въ XVI и XVII вѣкѣ были въ Литвѣ православные и уніаты, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, которые писали и на мѣстномъ нарѣчіи.

Замѣчательнѣйшимъ ученымъ и публицистомъ того времени былъ Мелетій, въ мірѣ Максимъ Герасимовичъ Смотрицкій, котораго жизнь и любопытныя дѣянія всецѣло принадлежатъ Бѣлорусскому полѣсью, но который по своимъ ученымъ трудамъ и публицистической дѣятельности принадлежитъ Вильнѣ. Смотрицкій писалъ по-латыни, по-бѣлорусски и по-польски.

Другимъ ученымъ, пользовавшимся извѣстностью, былъ Лаврентій Зизаній, издавшій въ Вильнѣ въ 1596 г. славянскую грамматику, подъ заглавіемъ: «Грамматика Словенска совершеннаго искусства осьми частей слова и иныхъ нужныхъ новосоставленій». Онъ же написалъ азбуку: «Словенска азбука», съ приложеніемъ катихизиса и молитвъ, напечатанную въ Москвѣ въ 1627. Катихизисъ этотъ былъ весьма почитаемъ раскольниками; они перепечатали его вмѣстѣ съ азбукою въ Гроднѣ въ 1788 г.

Смотрицкій тоже былъ авторомъ грамматики, весьма цѣнимой учеными. Она напечатана въ Евье въ 1618 г. п. з. «Правильное синтагма по тщаніемъ многогрѣшнаго мниха Мелетія Смотрицкаго въ киновіи братства церковнаго Виленскаго при храмѣ Сошествія Пресвятаго и Животворящаго Духа». Вторымъ изданіемъ напечатана въ Вильнѣ въ 1629. Потомъ имѣла много изданій. Въ Москвѣ перепечатана въ 1721. Въ 1755 г. сербскій митрополитъ Павелъ Ненадовичъ напечаталъ ее въ Рымникѣ для Сербіи, а Савичъ издалъ для Хорватовъ съ латинскимъ переводомъ. Смотрицкій составилъ также словарь славянскій, исправилъ переводы Псалтыря и Новаго Завѣта, а для изучающихъ греческій языкъ написалъ руководство п. з. *Institutionum linguae Graecae libri duo,* 1615 г.

XVI столѣтіе замѣчательно полемикою, которую вели католики и уніаты съ православными. Полемика, самая ожесточенная, продолжалась почти до половины XVII ст. Издано было множество книгъ и брошюръ на польскомъ и русскомъ языкахъ. Скарга положилъ начало этой полемической литературѣ, издавъ въ 1577 г. на польскомъ языкѣ сочиненіе, п. з. «О единствѣ церкви Божіей и объ отступленіи отъ нея восточной церкви», а также появившимся вслѣдъ затѣмъ «Воззваніемъ къ единой спасительной вѣрѣ».

Сильнымъ борцомъ съ уніатами является Стефанъ Зизаній, братъ Лаврентія (настоящая фамилія ихъ была Тустановскіе). Онъ говорилъ и писалъ рѣзко и не щадилъ своихъ противниковъ. Рѣчи и проповѣди его, произносимыя въ Вильнѣ, имѣли громадное вліяніе на ожесточеніе борьбы, которая тогда велась между православными и уніатами. Раза два онъ принужденъ былъ даже скрываться изъ Вильно, боясь преслѣдованій. Въ 1595 г. краковскій академикъ Щенсный-Жебровскій издалъ противъ него цѣлую книгу подъ заглавіемъ «Куколь, который сѣетъ еретикъ Степка (Stefanik) Зизани въ церквахъ русскихъ въ Вильнѣ».

Могила Ивана Снядецкаго въ Яшунахъ.

Зизаній не остался въ долгу и въ слѣдующемъ же году отвѣчалъ книгою: *Слово св. Кирилла, патріарха іерусалимскаго, объ антихристѣ,* доказывая, что унія и есть антихристово время. Іезуиты отвѣчали ему брошюрою *Плевела Зизанія*, и такъ далѣе, борьба не унималась, и надобно удивляться поспѣшности, съ которою борцы старались отвѣчать другъ другу.

Въ 1597 г. Скарга издалъ описаніе брестскаго собора. Ему отвѣчали книжкою — *Апокризисъ, албо отповѣдь на книжны о съборѣ Берестейскомъ, именемъ людій старожитной релѣи греческой чрезъ Христофора Филарета.*—Вслѣдъ за тѣмъ какой-то православный священникъ издалъ брошюру: *Перестрога зѣло потребная на потомные часы православнымъ христіанамъ.* Въ отвѣтъ на «Апокризисъ» отвѣчали брошюрою *Antirresis*, въ которой автора называютъ носителемъ діавола.

Во всей этой полемической литературѣ солиднѣе другихъ сочиненіе Смотрицкаго, напечатанное въ 1610 г. подъ псевдонимомъ *Ѳеофила Ортолога*, подъ заглавіемъ «*Ѳренонъ, то есть плачъ Восточной церкви на отступленіе нѣкоторыхъ отъ древняго греческаго исповѣданія и отъ повиновенія патріарху константинопольскому*».

На эту книгу, въ которой авторъ защитникомъ церкви называетъ кн. К. К. Острожскаго, отвѣчалъ самъ Скарга брошюрою «Предостереженіе Руси насчетъ жалобъ и воплей Ортолога». Черезъ два года, вышло новое опроверженіе, написанное королевскимъ секретаремъ Ильею Мороховскимъ подъ заглавіемъ: *Парагорія, или утоленіе плача*, а въ 1517 г. виленскій уніатскій архимандритъ Левъ Креуза (впослѣдствіи смоленскій епископъ) напечаталъ: *Защиту церковнаго единства.*

На этомъ же полемическомъ поприщѣ подвизались еще Іоаннъ Вишинскій, инокъ на Аѳонѣ, Лаврентій Деревинскій, Андрей Мужиловскій, Остапъ Кисель и др. Даже вел. канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга можетъ быть причисленъ къ этой литературѣ. Онъ написалъ по этому предмету

Бывшій музей древностей въ Вильнѣ.

замѣчательное письмо къ архіепископу Кунцевичу. Къ писателямъ первой половины XVII ст. слѣдуетъ причислить также Лазаря Барановича, епископа черниговскаго, митрополита Петра Могилу и др.

Вообще полемическая литература того времени не отличалась ни глубиною мысли, ни особенною ученостью. Борцы съ обѣихъ сторонъ были ожесточены, борьба страстей, возбужденное состояніе умовъ заставляли ихъ не стѣсняться, а брань и ругательства доходятъ иногда до крайнихъ предѣловъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы за это время, какъ польская, такъ собственно и бѣлорусская литературы не подвинулись впередъ и не принесли пользы.

Но возвратимся къ народному образованію.

Уже во второй половинѣ XVII ст. весьма многіе сознавали, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, что образовательная система іезуитовъ приноситъ много вреда странѣ и что преобразованія въ ней необходимы. Іезуитовъ обвиняли въ искаженіи языка, въ подобострастіи къ знатнымъ, въ совершенномъ отсутствіи такихъ началъ въ преподаваніи, которыя болѣе всего пригодны и необходимы человѣку въ жизни, чтобы сдѣлать изъ него доблестнаго гражданина.

Первымъ изъ преобразователей, сознавшимъ необходимость реформъ, явился піаристъ Станиславъ Конарскій (род. 1700, ум. 1773). Снискавъ большое значеніе въ своемъ орденѣ, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ вельможъ, онъ, послѣ продолжительной борьбы съ іезуитами, отстаивавшими свои исключительныя права на народное образованіе, началъ устраивать особые институты, въ которыхъ преподаваніе было уже на столько улучшено и примѣнено къ современнымъ нуждамъ, что польза учрежденія ихъ была сознана обществомъ и даже властями. Въ учреждаемыхъ имъ заведеніяхъ обращено было особенное вниманіе на серьезное преподаваніе физики и математическихъ наукъ. Конарскій вообще является замѣчательнѣйшимъ педагогомъ своего времени. Написанныя имъ сочиненія имѣли большое вліяніе и пораждали послѣдователей. Вліяніе это простиралось не на однѣ только школы, но и на литературу. Его собственныя сочиненія, осмѣивавшія іезуитское направленіе, напыщенность, самую низкую лесть, смѣшиваніе польской рѣчи съ латинскою, много содѣйствовали къ очисткѣ языка и продагали новый путь къ правильному и систематическому развитію литературы. Нарушевичъ, Красицкій, Копчинскій и другіе прекрасною своею рѣчью напомнили лучшее, такъ называемое золотое время Сигизмундовской эпохи. Это было начало новой блестящей эры, подвинувшей польскую литературу на высокую степень. Исчезли такъ называемые *макаронизмы*, іезуитскіе *памфлеты*, *дедикаціи*, т. е. посвященія разныхъ похвальныхъ рѣчей не только вельможамъ, но даже святымъ, даже Іисусу Христу, котораго въ посвященіи именовали *Jaśnie Wielmożnym!*

Конечно, новыя теоріи, преобразовательная система отразились и въ Литвѣ. Здѣсь Конарскій нашелъ дѣятельныхъ сотрудниковъ въ Торкватѣ Тыминскомъ и знаменитомъ издателѣ *Дипломатическаго кодекса польскаго и литовскаго*, Матвеѣ Догелѣ. Первый былъ ректоромъ піарской школы въ Вильнѣ, основанной въ 1723 г. Потомъ Конарскій лично прибылъ въ Вильно, и по его настояніямъ, при содѣйствіи канцлера кн. Чарторыскаго, основано высшее училище, котораго главнымъ руководителемъ былъ Догель. Продолжительная тяжба съ іезуитами не дозволила Конарскому и Догелю распространить и усилить это заведеніе. Іезуиты имѣли еще настолько вліянія въ странѣ, что тяжба была проиграна, школа закрыта, и только по взаимному соглашенію съ іезуитами піары открыли дворянскій конвиктъ, пользовавшійся громаднымъ успѣхомъ. Кромѣ школы и конвикта въ Вильнѣ, піары содержали еще и другіе коллегіумы и школы въ Литовскомъ полѣсьѣ.

Кромѣ іезуитовъ и піаровъ, почти всѣ другіе ордена содержали при своихъ монастыряхъ училища. Монастырскія училища, какъ уѣздныя, такъ и приходскія приносили пользу уже потому, что распространяли грамотность въ массахъ населенія, безъ всякаго со стороны учащихся за то вознагражденія.

Монахи ордена доминиканов въ Гроднѣ содержали гимназію, при ней библіотеку изъ 15 т. сочиненій, довольно богатые кабинеты: минералогическій, физическій и механическій.

Уніатскій орденъ св. Василія (базиліане) отличался болѣе другихъ хорошимъ преподаваніемъ, и школы ихъ, большею частью трехклассныя, были отличаемы. Нѣкоторыя изъ нихъ существовали до возсоединенія уніатовъ въ 1839 г. (напр. въ Вильнѣ).

Монахини—базиліанки въ Вильнѣ, при своемъ монастырѣ, содержали училище, въ которомъ воспитывались дѣвушки. Въ католическихъ женскихъ монастыряхъ преимущественно визитки занимались воспитаніемъ. Въ Вильнѣ онѣ содержали высшее училище съ 1694 по 1863 г.

Булла папы Климента XIV 1773 года, уничтожавшая орденъ іезуитовъ, прекратила и существованіе іезуитской академіи въ Вильнѣ, а равно всѣхъ коллегіумовъ.

Сеймъ 1775, по предложенію замѣчательнѣйшаго изъ дѣятелей того времени, Іоахима Хрептовича, вице-канцлера литовскаго, учредилъ Эдукаціонную коммисію, въ вѣдѣніе которой поступили всѣ учебныя заведенія, содержимыя іезуитами, а равно все ихъ движимое и недвижимое имущество.

При передачѣ какъ имѣній, такъ и вообще имущества, конечно происходили разныя злоупотребленія и утайки. Имѣнія еще за время управленія іезуитами были доведены до крайняго разоренія. Изъ нихъ выжато все, что только могло быть обращено въ наличныя деньги. Несмотря на это, благодаря особенной дѣятельности и распорядительности коммисіи, зло было предотвращено на будущее время, и тогда выяснилось, какими громадными средствами владѣли іезуиты. Коммисія имѣла возможность вполнѣ развернуться, а дѣла предстояло много: надобно было все преобразовать и устроить согласно съ современными требованіями страны и степенью развитія тогдашней педагогики въ Европѣ. Къ счастію, въ средѣ коммисіи были люди дѣльные, благородные патріоты, были люди съ высокимъ образованіемъ. Выдающаяся личность въ коммисіи, виновникъ ея учрежденія, вице-канцлеръ литовскій (впослѣдствіи вел. канцлеръ), Іоахимъ Литаворъ Хрептовичъ (литовскій уроженецъ; 1729 † 1812), былъ человѣкъ высокаго образованія, любившій науку и еще болѣе любившій свое отечество. Исключительно почти съ учеными цѣлями, онъ изъѣздилъ всю Европу, основалъ знаменитую библіотеку въ родовомъ имѣніи своемъ, въ Щорсахъ, Новогрудскаго уѣзда, и, вполнѣ подготовивъ себя къ великому дѣлу преобразованій, онъ посвятилъ ему всю свою жизнь. Кромѣ разныхъ вельможъ и епископовъ, въ коммисіи засѣдали такія личности, какъ Нѣмцевичъ, извѣстный писатель и политическій дѣятель, Иронимъ Стройновскій, впослѣдствіи епископъ и ректоръ виленскаго университета; знаменитѣйшіе изъ дѣятелей того времени Гуго Коллонтай и Ѳаддей Чацкій, принимали самое близкое участіе въ осуществленіи благихъ предначертаній коммисіи. Секретаремъ былъ ученый Пирамовичъ, кассиромъ Карлъ Лелевель, отецъ Іоахима, историка.

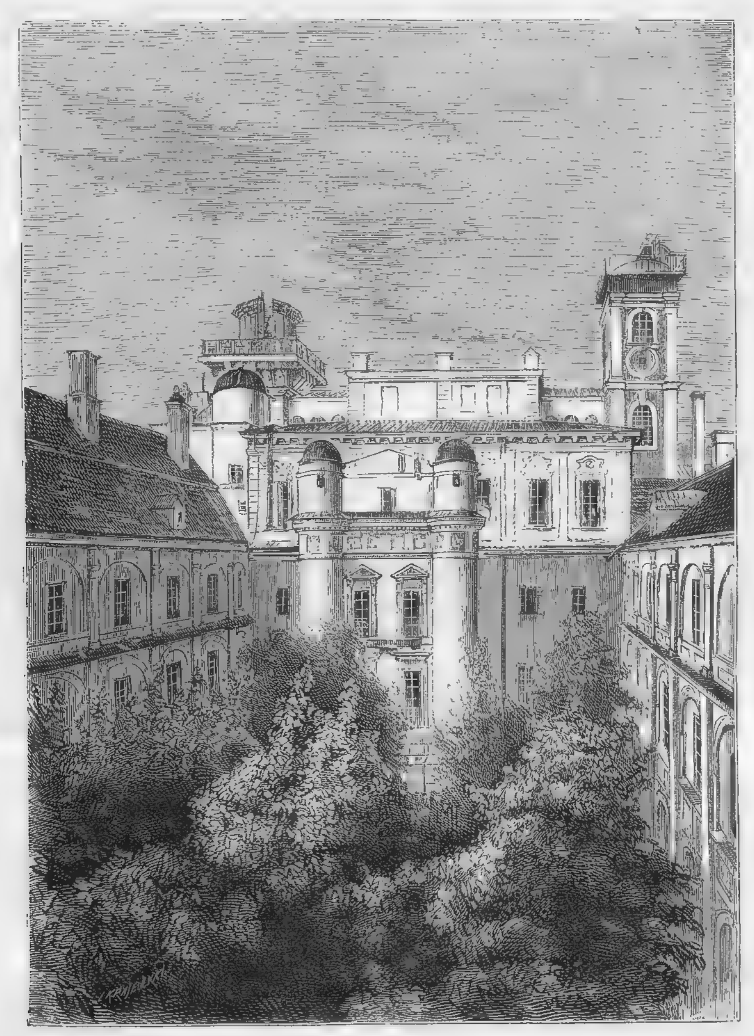

Библіотека въ Щорсахъ, въ имѣніи Хрептовича.

Сознавая свое высокое призваніе, эти люди прежде всего должны были озаботиться, чтобы окончательно разрушить то вредное направленіе, которое господствовало въ странѣ въ продолженіе двухъ столѣтій, указать новыя начала, которыя бы создали будущее поколѣніе истинно образованнымъ и вполнѣ понимающимъ обязанности свободнаго гражданина конституціоннаго государства. Ежели мы вспомнимъ, среди какихъ треволненій и политическихъ смутъ должна была дѣйствовать коммисія, съ какими препятствіями должна была бороться, когда напр. самъ ея предсѣдатель, князь Масальскій, виленскій епископъ, какъ потомъ обнаружено, злоупотреблялъ оказываемымъ ему довѣріемъ, а князь Сулковскій, гнезненскій воевода, захватилъ 584 тыс. злотыхъ, которые такъ и пропали. Но главнымъ затрудненіемъ для коммисіи было отысканіе способныхъ профессоровъ и учителей. Іезуиты оставили едва нѣсколько человѣкъ, кои, оставивъ орденъ, всецѣло предались дѣлу воспитанія, о подготовленіи же изъ частныхъ лицъ они не заботились. Коммисіи пришлось выписывать изъ-за границы ученыхъ для занятія каѳедръ и посылать въ иностранные университеты молодыхъ людей, для приспособленія себя къ званію преподавателей. Заботясь о народномъ образованіи, коммисія учредила учительскую семинарію въ Вильнѣ и объявила конкурсъ для составленія народныхъ учебниковъ, съ платою отъ 50—150 червонцевъ за каждый учебникъ.

Виленская академія преобразована была въ главную школу вел. кн. Литовскаго. Вѣдѣнію ея, подъ главнымъ начальствомъ ректора, подчинены были всѣ учебныя заведенія въ краѣ. Въ каждомъ округѣ находилось высшее, или окружное училище, отъ котораго зависѣли уѣздныя, приходскія школы, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, а также частныя училища и пансіоны, мужскіе и женскіе. Ректоръ академіи обязанъ былъ ежегодно посѣщать окружныя учи-

лица, а каждые два года назначались особые визитаторы, для осмотра всѣхъ вообще учебныхъ заведеній.

Въ 1780 г. ректоромъ главной школы былъ бывшій іезуитъ, уроженецъ Гродненскаго уѣзда, Мартинъ Одляницкій Почобутъ, математикъ и астрономъ, пользовавшійся европейскою извѣстностью. Король Станиславъ-Августъ далъ ему почетный титулъ королевскаго астронома и велѣлъ въ честь его отчеканить медаль, съ его изображеніемъ и надписью: *sic itur ad astra*. Съ его назначеніемъ, при постоянной заботливости Хрептовича, начинается преуспѣяніе главной школы, которая въ самое короткое время снискала общее уваженіе и довѣріе согражданъ и заняла высокое мѣсто въ ряду высшихъ учебныхъ заведеній въ Европѣ. Почобутъ былъ самымъ усерднымъ и точнымъ исполнителемъ постановленій Эдукаціонной коммисіи. Онъ умеръ въ 1810 г. Въ числѣ профессоровъ были уже люди истинной учености, какъ Стройновскій, преподававшій политическую экономію, и др.

Астрономическая обсерваторія въ Вильнѣ.

Еще въ 1753 г. княгиня Елисавета Пузына, рожденная княжна Огинская, основала въ Вильнѣ, при іезуитской академіи, астрономическую обсерваторію. Первымъ астрономомъ былъ Жебровскій, потомъ Накціановичъ. Обсерваторія имѣла всего три инструмента; самое зданіе ея не соотвѣтствовало потребностямъ. Въ главной же школѣ, директоромъ обсерваторіи назначенъ былъ Почобутъ. Его стараніемъ, при значительныхъ съ его стороны пожертвованіяхъ и на счетъ суммъ, назначенныхъ Эдукаціонною коммиссіею, воздвигнуто новое зданіе, соотвѣтствующее тогдашнимъ требованіямъ, выписаны инструменты, и съ 1777 г. обсерваторія заняла подобающее ей мѣсто въ ряду этого рода учрежденій.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ дѣятелей царствованія Станислава-Августа принадлежитъ Антоній Тизенгаузъ, великій подскарбій литовскій. Этотъ необыкновенный человѣкъ, о плодотворной дѣятельности котораго мы еще будемъ имѣть случай поговорить подробнѣе, избравъ центральнымъ пунктомъ управленія государственными имуществами городъ Гродно, еще во времена іезуитовъ, положилъ начало преподаванію медицинскихъ знаній. Въ Гроднѣ имъ основаны медицинская школа и институтъ повивальнаго искусства. Главнымъ руководителемъ этихъ учрежденій былъ профессоръ Жилибертъ, выписанный имъ изъ Монпелье. Предубѣжденіе противъ естественныхъ знаній было въ то время еще такъ велико, что оба эти заведенія не находили желающихъ поступить въ нихъ, и Тизенгаузу пришлось для начала почти силою заставить пять человѣкъ изъ экономическихъ крестьянъ, получившихъ первоначальное образованіе — поступить въ медицинскую школу. Точно также и въ повивальный институтъ для начала взято было пять дѣвушекъ изъ крестьянокъ; но потомъ, съ 1775 обѣ школы были уже вполнѣ устроены, и преподаваніе начато съ успѣхомъ. Вскорѣ однако интрига, зависть, а въ особенности безхарактерность короля, погубили Тизенгауза, и всѣ его начинанія не могли принести плодовъ. Къ счастью, обѣ заведенныя имъ медицинскія школы, вмѣстѣ съ Жилибертомъ, причислены къ главной виленской школѣ, въ которой учрежденъ наконецъ на прочныхъ основаніяхъ медицинскій факультетъ, сначала составленный изъ пяти каѳедръ.

Одновременно Жилибертъ привезъ въ Вильно и всѣ рѣдкія растенія, находившіяся въ существовавшемъ уже въ Гроднѣ ботаническомъ саду. Такимъ образомъ основаніе такого же сада въ Вильнѣ относится къ 1781 г., а первыми основателями были Жилибертъ, Форстеръ и потомъ Шпицнагель (съ 1781 — 1792).

Статуты, изданные Эдукаціонною коммиссіею 1783 г., останутся навсегда памятными, какъ доказательство высокаго гражданскаго развитія и педагогической опытности. Къ чести коммиссіи надобно еще отнести и то, что она сильно заботилась о распространеніи первоначальнаго образованія въ народѣ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. По особому формальному договору съ епископами, каждая епархія обязана была посредствомъ раскладки между приходами и монастырями, владѣвшими значительными имѣніями, доставлять опредѣленныя суммы на содержаніе въ каждой епархіи по пятидесяти народныхъ школъ, независимо отъ содержимыхъ при монастыряхъ и приходахъ. Много людей, игравшихъ впослѣдствіи замѣчательную роль въ научномъ мірѣ, обязаны были этимъ коммиссіи, которая посылала ихъ за границу для усовершенствованія въ той или другой отрасли знаній.

Политическій переворотъ сначала не измѣнилъ направленія и дѣятельности коммиссіи; но литовскія губерніи уже не зависѣли отъ нея, хотя и продолжали дѣйствовать по принятой системѣ, подъ руководствомъ главной школы.

Въ 1797 г. императоръ Павелъ I посѣтилъ Вильно, осмотрѣлъ въ подробности главную школу и поручилъ князю Рѣпнину, виленскому генералъ-губернатору, озаботиться составленіемъ новаго устава для управленія главною школою и подвѣдомственными ей училищами. Уставъ былъ составленъ; Почобутъ принималъ въ немъ живое участіе и настоялъ, чтобы главныя основанія, преподанныя Эдукаціонною коммисіею, ни въ чемъ не были нарушены. Права главной школы, какъ главнаго руководящаго учрежденія, были вполнѣ утверждены, прибавлена

только каѳедра изящныхъ искусствъ и усилено преподаваніе химіи. По-іезуитскія имѣнія и капиталы переданы въ вѣдѣніе казны, а для наблюденія за цѣлостію фундуша, правильнымъ его употребленіемъ и вообще за ходомъ дѣлъ по учебному вѣдомству, установлена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ поочереди виленскаго и жмудскаго епископовъ и главнымъ наблюденіемъ генералъ-губернатора. Школа обогатилась тремя новыми знаменитостями: Андреемъ Снядецкимъ, ботаникомъ Юндзилломъ и талантливымъ живописцемъ Смуглевичемъ.

Въ 1799 ректоръ Почобутъ, удрученный годами и болѣзнію, сложилъ съ себя званіе ректора, удалился въ Динабургъ, гдѣ еще существовала іезуитская коллегія, и тамъ вступилъ опять въ орденъ, отказавшись отъ епископской каѳедры, которая ему была предложена. Почобутъ умеръ въ 1810 г. Ректоромъ назначенъ профессоръ Іеронимъ Стройновскій, пользовавшійся большою извѣстностью своими сочиненіями по части политической экономіи. Директоромъ

Озеро Свитезь, воспѣтое Мицкевичемъ.

обсерваторіи и профессоромъ астрономіи и высшей математики назначенъ знаменитый Иванъ Снядецкій.

Почобутъ много сдѣлалъ для науки и для края своею неутомимою дѣятельностью. Съ тою ловкостью, къ которой такъ способны іезуиты, съ тѣмъ неподражаемымъ умѣньемъ примѣняться къ обстоятельствамъ и пользоваться ими, которое выработалось въ немъ продолжительнымъ пребываніемъ въ орденѣ, Почобутъ дѣйствительно примѣнялся и подчинялся указаніямъ и предначертаніямъ Эдукаціонной коммиссіи, такъ что даже науки, которымъ онъ мало сочувствовалъ, какъ напр. юридическія, естественныя, медицинскія, его заботами вполнѣ привились и имъ положено прочное начало будущему ихъ широкому развитію и той славѣ, которую потомъ снискали въ виленскомъ университетѣ.

При самомъ вступленіи Стройновскаго въ должность, его встрѣтило неожиданное, поразительное событіе, потребовавшее всей его энергіи и силы воли. Явился совершенно неожиданно въ Вильно генералъ іезуитскаго ордена изъ Полоцка, для осмотра и принятія въ свое вѣдѣніе главной школы и подвѣдомственныхъ ей заведеній, ссылаясь на полученный имъ правительственный вердиктъ, основанный на казуистическомъ выводѣ, что такъ какъ Литовская область принадлежитъ теперь Россіи, то поэтому бывшая іезуитская академія должна быть возвращена іезуитамъ, послѣ уничтоженія ордена, нашедшимъ въ ней убѣжище.

Стройновскій немедленно обратился прямо къ императору Павлу, отстаивая утвержденный имъ же статутъ главной школы. Онъ дѣйствовалъ такъ энергично и съ такою силою неопровержимыхъ доказательствъ, что императоръ вполнѣ съ нимъ согласился, и іезуитамъ пришлось отказаться отъ своихъ надеждъ—завладѣть снова литовскими областями.

Въ 1802 г. Стройновскій вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ участвовалъ въ засѣданіяхъ особаго комитета, учрежденнаго для составленія положенія о народномъ образованіи въ Россіи. Положеніе это, Высочайше утвержденное 24 января 1803 г., установило учебные округи, въ томъ числѣ Виленскій, въ составъ котораго вошли: Виленская (съ Ковенскою въ то время не существовавшею), Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Волынская, Подольская и Кіевская губерніи. Въ 1810 г. присоединена еще къ округу Бѣлостокская область. Первымъ попечителемъ округа назначенъ былъ князь Адамъ Адамовичъ Чарторыйскій, бывшій русскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

4 апрѣля 1803 г. императоръ Александръ I повелѣлъ главную школу въ Вильнѣ переименовать въ Императорскій университетъ. Затѣмъ 18 мая 1803 Высочайше утверждены правила этого новаго учрежденія. На содержаніе университета опредѣлено 105,000 руб. въ годъ, съ доходовъ по-іезуитскихъ имѣній. Причемъ постановлено, что какъ по-іезуитскія имѣнія, такъ и доходы съ нихъ поступающіе, а равно дома, земли и всякаго рода имущество, въ томъ числѣ библіотека, кабинеты, музеи и т. п., принадлежавшіе бывшей академіи, а потомъ главной школѣ — составляютъ на вѣчныя времена неотъемлемую собственность университета и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть обращаемы на другія надобности. Университетъ раздѣленъ на четыре факультета: физико-математическій, медицинскій, нравственно-политическій (съ богословіемъ) и литературный съ изящными искусствами. Медицинскія науки и римское законовѣдѣніе преподавались на латинскомъ языкѣ, всѣ прочія науки на польскомъ.

Въ физико-математическомъ факультетѣ открыто девять каѳедръ: физики, химіи, естественной исторіи, ботаники, агрономіи, математики чистой и прикладной, астрономіи, архитектуры, съ двѣнадцатью профессорами. Въ медицинскомъ — каѳедры: анатоміи, патологіи, медицинскихъ наукъ, клиники, хирургіи и повивальнаго искусства съ семью профессорами. Число послѣднихъ, какъ равно и преподаваемыхъ предметовъ въ этомъ факультетѣ, постоянно увеличивалось. Въ нравственно-политическомъ — каѳедры: логики и метафизики, философіи, политической экономіи, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ у всѣхъ народовъ, а также польскаго и русскаго законовѣдѣнія, всеобщей исторіи, священнаго писанія и богословія догматическаго и нравственнаго, съ десятью профессорами. Наконецъ въ литературномъ: языковъ и литературы греческой, латинской, польской и русской, съ пятью профессорами. Отдѣльно же—преподаваніе изящныхъ искусствъ. Такимъ образомъ на первый разъ назначено 34 профессора. Въ помощь имъ опредѣлено двѣнадцать адъюнктовъ. Отъ усмотрѣнія попечителя зависѣло увеличивать число каѳедръ и преподавателей.

Ректоръ и деканы избирались каждые три года; но въ 1825 года ректоръ былъ назначенъ отъ правительства. Совѣтъ университета состоялъ изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Совѣтъ рѣшалъ всѣ вообще дѣла, касающіяся университета, а равно всѣхъ гимназій и училищъ въ округѣ, непосредственно ему подчиненныхъ. Исполнительная власть находилась въ рукахъ ректора и четырехъ декановъ, составлявшихъ особый, исполнительный комитетъ. Всѣ слушатели университета свободны были отъ всякаго внѣшняго надзора, исключительно подчиняясь университетскому начальству.

Въ каждой губерніи полагалась по крайней мѣрѣ одна гимназія, а въ каждомъ уѣздномъ городѣ уѣздное училище. На содержаніе каждой гимназіи опредѣлено 5,300 р. с., а уѣзднаго училища 2,520 р. с. Основанная Эдукаціонною коммиссіею учительская семинарія не только сохранена, но получила еще большее развитіе. Сверхъ того, въ 1808 г., при университетѣ основано Еврейское училище для приспособленія молодыхъ Евреевъ къ занятію учительскихъ

должностей. Въ Вильнѣ при каждомъ монастырѣ открыто приходское училище. Въ краѣ же, не только при монастыряхъ, но даже при многихъ приходскихъ костелахъ существовали приходскія училища. Университетъ ежегодно командировалъ визитатора, избираемаго изъ профессоровъ, для подробной ревизіи всѣхъ учебныхъ заведеній. Въ 1807 г. при университетѣ учрежденъ медицинскій институтъ, для слушателей медицинскихъ курсовъ, содержимыхъ на счетъ казны въ числѣ 50 человѣкъ. Число ихъ потомъ увеличено до 100 человѣкъ. Число же слушателей въ университетѣ достигало 1750.

Чтобы замѣстить всѣ каѳедры, Стройновскій выписывалъ профессоровъ изъ заграницы. Выборъ конечно не всегда былъ удаченъ. Но зато были и знаменитости, прославившія университетъ. Въ 1804 прибыли въ Вильно Петръ Франкъ, пользовавшійся большою извѣстностью заграницею, какъ ученый писатель, профессоръ и опытный врачъ. Онъ былъ основателемъ медицинской клиники; въ слѣдующемъ году его потребовали въ Петербургъ, гдѣ онъ получилъ высшее назначеніе, въ Вильнѣ же оставилъ послѣ себя сына своего, Іосифа Франка, человѣка необыкновенныхъ способностей и притомъ благороднѣйшаго характера. Онъ оставался профессоромъ до 1823 г. и вмѣстѣ съ знаменитымъ Андреемъ Снядецкимъ (братомъ астроном- Ивана), еще въ 1797 г. пріѣхавшимъ въ Вильно, положилъ прочное основаніе тому значенію и даже славѣ, какими пользовались медицинскія знанія въ Вильнѣ во все время существованія университета и потомъ медико-хирургической академіи.

Въ Вильнѣ еще іезуиты содержали двѣ аптеки при своихъ коллегіумахъ св. Іоанна и св. Игнатія. При недостаткѣ опытныхъ врачей, составлявшихъ тогда рѣдкость, немного было пользы и отъ аптекъ. Аптекари-іезуиты сами себѣ присвоивали право леченья, конечно въ ничтожныхъ болѣзняхъ. Не смотря на это, аптеки приносили имъ весьма значительный доходъ. Достаточно сказать что аптекарь-іезуитъ Нетуль успѣлъ изъ аптечныхъ доходовъ собрать такой капиталъ, что іезуиты собственно на этотъ аптечный капиталъ воздвигли громадное зданіе въ окрестностяхъ города, въ Закретѣ. Дѣло въ томъ, что аптеки были одновременно бакалейными и табачными лавками. Въ нихъ продавался нюхательный табакъ, разныя подкрѣпляющія водки и ликеры и т. п. О правильномъ же изученіи фармакологіи не было и помину. Снядецкій, преподавая химію, касался фармаціи, но настоящая каѳедра фармакологіи основана была едва въ 1806 г. и первымъ профессоромъ назначенъ былъ Вольфгангъ.

Основанный Жилибертомъ небольшой ботаническій садъ, въ самомъ зданіи главной школы, неудовлетворялъ потребностямъ развивающейся науки. Съ этою цѣлію пріобрѣтенъ былъ значительный плацъ, на берегу Вилейки, у подошвы Замковой и Трехкрестовой горъ. Скоро явился и человѣкъ, которому принадлежитъ честь основателя въ краѣ ботаническихъ и вообще естественныхъ наукъ. Это былъ молодой піаристъ Станиславъ Юндзиллъ. Еще въ 1791 напечаталъ онъ первое въ польской литературѣ серьезное сочиненіе о литовской флорѣ. Въ 1792 Юндзиллъ назначенъ былъ вице-профессоромъ естественныхъ наукъ, но прежде, на счетъ главной школы, отправился путешествовать по всей Европѣ и только черезъ пять лѣтъ, въ 1797 г., занялъ каѳедру, окончательно приспособивъ себя къ этому за границею, гдѣ онъ нетолько осмотрѣлъ и изучилъ всѣ значительнѣйшіе ботаническіе сады, но также разные кабинеты и музеи, рудники, соляныя копи и т. д. Ботаническій садъ въ Вильнѣ основанъ имъ въ 1799 г. Въ 1802 г. напечатанъ былъ первый каталогъ растеній, заключавшій 1072 вида растеній, а въ 1824 было ихъ уже 6565. Въ этомъ же году оставилъ онъ университетъ, не переставая трудиться до самой смерти, постигшей его въ Вильнѣ въ 1847 г., на 86 г. жизни.

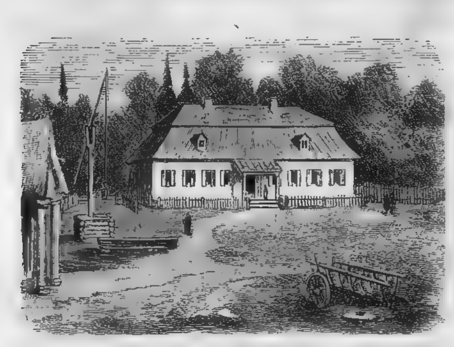
Ректорство Стройновскаго (съ 1797—1806) рѣзко отличается отъ ректорства наслѣдовавшаго ему Ивана Снядецкаго (съ 1807—1814). Стройновскій принужденъ былъ еще привлекать профессоровъ изъ иностранцевъ, что конечно сопряжено было съ большими неудобствами; Снядецкій засталъ почву уже болѣе подготовленною, и могъ предоставлять вакансіи мѣстнымъ уроженцамъ. Семилѣтнее ректорство Снядецкаго, человѣка высокаго ума, глубокой науки, не-

преклонной воли, но въ то же время гордаго и властолюбиваго, считается лучшимъ временемъ университета. При немъ университетъ созрѣлъ, окрѣпъ и вышедшіе изъ-подъ его школы люди, были люди практическіе, умные, ничѣмъ неувлекавшіеся. Снядецкій не любилъ увлеченій романтизма, поэзію считалъ чуть не сумасшествіемъ, подчасъ даже глумился надъ поэтами. Другой характеръ представляетъ намъ послѣдующее время, при ректорахъ Семенѣ Малевскомъ и Твардовскомъ, съ 1815—1825. Это было время чувства, которое осиливало холодный разумъ; время поэзіи, которая охватила всю Литву, проникла въ Польшу и завладѣла сердцами вездѣ, гдѣ только слышалась польская рѣчь. Послѣднимъ ректоромъ былъ Венцеславъ Пеликанъ, не по выбору, а по назначенію отъ правительства (съ 1825—1832).

Несмотря на разнохарактерность и измѣнчивость направленія, наука, съ самаго начала образованія главной школы и потомъ университета до его закрытія, т. е. съ 1775 — 1832, въ продолженіе 57 лѣтъ разрасталась, число истинно ученыхъ профессоровъ увеличивалось, и университетъ могъ гордиться успѣхами своихъ слушателей.

Мы должны хотя въ кратчайшемъ очеркѣ указать на болѣе замѣчательныхъ дѣятелей главной школы и университета, о которыхъ еще не было упомянуто.

Бывшій іезуитъ Францъ Нарвойшъ (род. въ Вилкомирскомъ уѣздѣ въ 1742). По порученію подскарбія Тизенгауза занялся въ 1770 г. очисткою Нѣмана и въ три года успѣлъ ее совершить отъ Гродна до Румшишекъ (близъ Ковно). Труды Нарвойша были оцѣнены по достоинству; ему хотѣли воздвигнуть памятникъ, а Нарушевичъ написалъ даже стихи, которые должны были быть вырѣзаны на немъ; но съ паденіемъ Тизенгауза забыли и о памятникѣ. Нарвойшъ въ 1783 г. назначенъ былъ профессоромъ высшей математики, сначала въ главной школѣ, потомъ въ университетѣ и занималъ эту должность до самой смерти въ 1819 г.

Гейстуны, усадьба Одынца.

Янъ Фридерикъ Нишковскій, виленскій уроженецъ (1774), въ 1797 г. назначенъ былъ вице-профессоромъ и отправленъ за границу для усовершенствованія, а по возвращеніи, въ 1807 г. занялъ каѳедру хирургіи, которую и занималъ до самой смерти въ 1819 г. Это былъ первый замѣчательный и весьма способный операторъ въ Вильнѣ.

Выписанные изъ Вѣны Лебенвейнъ и изъ Дармштадта Боянусъ—преподавали первый съ 1785 — 1820 анатомію, а послѣдній съ 1806—1825 ветеринарію и сравнительную анатомію. Лебенвейнъ былъ основателемъ анатомическаго музея. Бекю, гродненскій уроженецъ (1771), съ открытія университета преподавалъ физіологію и былъ убитъ молніею въ собственной квартирѣ въ 1824 г. Мицкевичъ въ своихъ *Dziadach,* повѣривъ слухамъ, представляетъ Бекю какъ орудіе въ рукахъ Новосильцева. Вотъ почему другой знаменитый польскій поэтъ, Юлій Словацкій сдѣлался врагомъ Мицкевича. Словацкій былъ сынъ Евсевія Словацкаго, профессора словесности; послѣ его смерти вдова Евсевія, мать Юлія, вышла за Бекю. Въ его домѣ онъ выросъ и воспитывался, навсегда сохранивъ о немъ память, какъ о своемъ благодѣтелѣ. Профессоръ Юндзиллъ въ своихъ запискахъ и другіе современники опровергаютъ ложные слухи о Бекю, называя его благороднѣйшимъ человѣкомъ.

Послѣ преобразованія іезуитской академіи въ главную школу, первымъ профессоромъ краснорѣчія и поэзіи на польскомъ языкѣ (а не на латинскомъ, какъ было у іезуитовъ), былъ Филиппъ Голянскій съ 1787 г. по 1803 годъ; въ это время онъ поступилъ на каѳедру богословія, а профессоромъ литературы назначенъ былъ Евсевій Словацкій и занималъ эту каѳедру до самой смерти въ 1814 г. Словацкій самъ былъ поэтъ, но держался классической

Малиновскій.		Монюшко.		Тышкевичъ.
Скарга.	Почобутъ.	Мицкевичъ.	Снядецкій.	Ходзко.
Кондратовичъ.				Одыньецъ.
Стрыйковскій.				Нарбутъ.

школы. На его мѣсто назначенъ былъ сначала адъюнктомъ, а съ 1822 г. ординарнымъ профессоромъ *поэзіи, польскаго краснорѣчія* и *сравнительной грамматики* Левъ Боровскій. Онъ былъ настоящимъ воспитателемъ Мицкевича и всѣхъ послѣдователей его школы. Когда ему показали первые опыты Мицкевича, Боровскій воскликнулъ: «геній, геній явился въ нашей странѣ!» Это было сказано еще въ то время, когда большинство профессоровъ въ Вильнѣ, подражая Снядецкимъ, видѣло въ Мицкевичѣ полусумасшедшаго. Знаменитѣйшіе польскіе поэты и писатели той эпохи до конца жизни сохранили признательную память о Боровскомъ, какъ талантливомъ профессорѣ, глубоко ученомъ и, въ то же время, прекраснѣйшемъ человѣкѣ.

Медицинскій факультетъ особенно былъ богатъ людьми высокоталантливыми, свято сохранявшими преданія, завѣщанныя Петромъ и Іосифомъ Франками, а также Андреемъ Снядецкимъ, который до самой кончины (1837 г.) съ особенною любовію и призваніемъ служилъ съ 1797 г. главной школѣ, съ 1803 г. университету, съ 1832 г. медико-хирургической академіи. Вначалѣ онъ читалъ химію, потомъ послѣ смерти тоже знаменитаго профессора Викентія Герберскаго съ 1828 г. руководилъ клиникою. Константинъ Порцьянко — профессоръ практической хирургіи, а также терапіи, былъ любимѣйшимъ изъ профессоровъ, пользовался большою славою, даже заграницею, какъ операторъ; въ то же время былъ счастливѣйшимъ лекаремъ. Память объ немъ и до сихъ поръ живетъ въ краѣ. Много пережилъ горя въ семейномъ быту, и умеръ преждевременно въ 1841 г. на 48 г. жизни. Адольфъ Абихтъ, сынъ профессора философіи, читалъ патологію, считался ученѣйшимъ изъ современныхъ профессоровъ. Адамъ Бѣлькевичъ, профессоръ анатоміи, кромѣ учености и замѣчательныхъ способностей, отличался особенною любовію къ своимъ слушателямъ, умѣлъ угадывать таланты и направлять ихъ. Анатомическій кабинетъ въ Вильнѣ доведенъ былъ усиліями Бѣлькевича до 2528 нумеровъ. Северинъ Галензовскій былъ адъюнктомъ при клиникѣ; въ 1828 г. высланъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ; на обратномъ пути въ 1831 г. въ Варшавѣ застигла его революція; множество раненыхъ открыло его дѣятельности широкое поприще — онъ предался весь леченью и операціямъ и принужденъ былъ эмигрировать въ Парижъ, а потомъ въ Бразилію, гдѣ былъ лейбъ-медикомъ при императорѣ. Возвратясь въ Парижъ, онъ успѣлъ снискать извѣстность одного изъ лучшихъ операторовъ. Передъ смертью въ 1878 г., кромѣ завѣщанной суммы краковской академіи наукъ въ количествѣ 12 т. фр., онъ учредилъ стипендію имени Снядецкихъ, въ 5 т. фр. ежегодно, для усовершенствованія избраннаго краковскою академіею стипендіата въ анатомическихъ знаніяхъ.

Большою славою и значеніемъ пользовался въ университетѣ Гродекъ, гданскій уроженецъ, съ 1804 г. профессоръ древнихъ языковъ и литературы, глубоко ученый, другъ Лелевеля, на котораго онъ даже имѣлъ нѣкоторое вліяніе.

Еще во времена главной школы всеобщую исторію преподавалъ ксендзъ ордена миссіонеровъ Ѳома Гуссаржевскій. Онъ умеръ въ 1807 г., и каѳедра исторіи оставалась вакантною. Попечитель Чарторыскій понималъ, что для университета требуется много отъ преподавателя исторіи. Въ 1814 Снядецкій пригласилъ Іоахима Лелевеля занять каѳедру Лелевель сразу очаровалъ слушателей. На его лекціи стало собираться множество постороннихъ, даже дамъ. Снядецкому это не нравилось. Начиналась борьба романтизма съ классицизмомъ. Снядецкій не понималъ Лелевеля, точно также какъ Лелевель не понималъ Снядецкаго и его консервативную партію. Между тѣмъ Лелевелю предложили каѳедру въ Варшавѣ, и онъ уѣхалъ. Тогда временно поручили читать исторію Жеготѣ Онацевичу (гродненскій уроженецъ, сынъ уніатскаго священника, род. 1780). Читалъ онъ, даже съ успѣхомъ, четыре года (1818—1822), но конкурсъ былъ снова объявленъ, а Лелевелю понравилось Вильно, его тянуло туда; къ тому же ректоромъ былъ уже Шимонъ Малевскій, честный, благодушный человѣкъ. Онъ представилъ диссертацію и былъ назначенъ профессоромъ. Онацевичу была предоставлена каѳедра статистики. Лелевель пріѣхалъ. Его встрѣтили радостно. Въ письмахъ своихъ къ отцу онъ описываетъ, какъ ему

было пріятно видѣть столько сочувствія. Первая лекція назначена была 9 января 1822 г. Лелевель вмѣстѣ съ ректоромъ Малевскимъ пришли въ аудиторію, но публики оказалось такое множество, что и десятая часть ея не могла бы помѣститься. Ректоръ назначилъ другую залу, а публика не отставала и требовала главной залы, аулы, гдѣ совершались акты университетскіе. Ректоръ долженъ былъ уступить, но и въ аулѣ едва только часть собравшихся могла помѣститься. На эту первую лекцію пріѣхалъ нарочно изъ Ковно учитель тамошней гимназіи и бывшій слушатель Лелевеля, Адамъ Мицкевичъ. На другой же день весь городъ читалъ его вдохновенное посланіе къ Лелевелю (оно напечатано въ полномъ собраніи сочиненій Мицкевича). Лекціи Лелевеля производили постоянный фуроръ. Слушатели изъ всѣхъ факультетовъ, даже медики, спѣшили на его лекціи. А между тѣмъ предметы чтенія вовсе не были заманчивы, скорѣе сухи. Но всѣ видѣли и понимали, что совершается великій переворотъ въ исторической литературѣ, что передъ ними глубокій мыслитель, что въ каждой лекціи слышится новая рѣчь, новые взгляды, нелицемѣрная историческая критика людей и ихъ дѣяній. Справедливо замѣчаетъ извѣстный польскій историкъ Бартошевичъ, что этотъ потомокъ нѣмецкаго рода поставилъ на такую высокую степень польскую историческую науку, какая до него ни для кого не была доступна. Лойко, Нарушевичъ и Чацкій, говоритъ Бартошевичъ, открыли калитки исторіи; но Лелевель отворилъ ворота настежь. Великій историкъ былъ основателемъ новой исторической школы.

Онацевичъ, удаленный изъ университета въ 1829 году, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и продолжалъ свои историческіе труды. Онъ былъ членомъ археографической коммиссіи, потомъ помощникомъ библіотекаря при Румянцевскомъ музеѣ и умеръ въ клиникѣ въ 1845 году.

Самыми близкими людьми къ Лелевелю были: извѣстный историкъ-законовѣдъ Игнатій Даниловичъ (род. въ Гродненской губ. 1789, умеръ въ умопомѣшательствѣ въ Грефенбергѣ въ 1843 г.), профессоръ съ 1819 г. исторіи законовѣдѣнія, и уніатскій каноникъ Михаилъ Бобровскій, профессоръ св. писанія, извѣстный археографъ, членъ археографическихъ обществъ въ Римѣ, въ Парижѣ и др. Уже по роду занятій этихъ профессоровъ, критическій Лелевель часто нуждался въ ихъ помощи. Они втроемъ обработали Статуты Вислицкіе и Мазовецкіе и потомъ занялись приготовленіемъ къ изданію Литовскаго Статута въ трехъ языкахъ, т. е. бѣлорусскаго подлинника съ переводами на русскій и польскій. Даниловичъ извѣстенъ уже былъ изданіемъ Литовскаго лѣтописца. Бобровскій былъ страстный славистъ, изъѣздилъ всѣ славянскія земли, зналъ всѣ славянскіе языки, а изданныя имъ сочиненія о Далматіи, о верхней Лузаціи, описаніе славянскихъ рукописей въ Ватиканѣ, а также древнѣйшей Далматской лѣтописи, хранящейся въ Римѣ, и др., и въ наше время не лишены значенія. Понятно послѣ этого, какъ близки были отношенія этихъ людей. Третьимъ лицомъ, съ которымъ былъ близокъ Лелевель, былъ Іосифъ Голуховскій, профессоръ философіи. Голуховскій тоже пользовался большою популярностью и привлекалъ толпы на свои лекціи, особенно женщинъ. На факультетскихъ конференціяхъ они всегда держались одного мнѣнія. Въ одномъ изъ засѣданій ректоръ Твардовскій и всемогущій уже тогда Пеликанъ сильно хлопотали объ избраніи деканомъ философскаго факультета, не пользовавшагося уваженіемъ, профессора Яна Зноско. Лелевель съ друзьями сильно возстали противъ этого, и Зноско былъ забалотированъ. Это обстоятельство было представлено какъ ослушаніе, и всѣ они, т. е. Лелевель, Даниловичъ, Бобровскій и Голуховскій лишены занимаемыхъ каѳедръ. Та же участь постигла скоро адъюнкта и библіотекаря Казиміра Контрима, которому воспрещенъ былъ даже въѣздъ въ Вильно. Контримъ былъ однимъ изъ просвѣщенныхъ дѣятелей того времени и главное—другомъ молодежи. Онъ былъ основателемъ общества вспомоществованія бѣдныхъ студентовъ. Каждый членъ вносилъ ежемѣсячно по 30 коп., но членовъ было такъ много, что на эти деньги содержалось сто студентовъ.

Удаленіе помянутыхъ профессоровъ изъ университета произвело тяжелое впечатлѣніе. Зноско, хотя и забалотированный, назначенъ былъ деканомъ. На мѣсто Лелевеля назначенъ былъ Павелъ Кукольникъ, братъ поэта Нестора, докторъ по экзамену полоцкой іезуитской академіи, авторъ нѣсколькихъ историческихъ и этнографическихъ статей о Литвѣ, а также поэмы «Св. Апостолъ Іуда, братъ Господній» и множества стихотвореній.

Конечно, оппозиція противъ Зноско была только предлогомъ къ удаленію знаменитѣйшихъ профессоровъ университета. Это происходило въ то время, когда разыгрывалось дѣло о тайномъ обществѣ филаретовъ, и потому всѣхъ, кого любили филареты, считали неблагонадежными, а Лелевеля и его товарищей любили не одни филареты, но всѣ слушатели университета, ихъ уважало и цѣнило все общество. По уму и способностямъ они стояли выше всѣхъ, и притомъ отличались цѣльностью и самостоятельностью своихъ характеровъ.

Еще весною 1819 г. въ средѣ университетскихъ студентовъ образовалось общество *Лучезарныхъ* (Promienistych). Основателями были: Ѳома Занъ, Францъ Малевскій (сынъ ректора) и Янъ Чечотъ. Главною задачею общества было распространять любовь къ наукѣ и польской народности, сохранять добрую нравственность, взаимное братство и помощь въ каждомъ случаѣ. «Лучезарные» собирались для засѣданій и совѣщаній, ходили вмѣстѣ на прогулку, преимущественно въ селеніе *Пацовскіе-Гуры*, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ есть небольшая роща, составляющая самый высокій пунктъ въ окрестности. Здѣсь они пѣли пѣсни, читали свои новыя произведенія, бесѣдовали. Общество существовало уже два года и хотя оно и называлось секретнымъ, но какъ существованіе его, такъ и всѣ дѣйствія ни для кого не составляли тайны. Зналъ объ немъ и генералъ-губернаторъ Римскій-Корсаковъ. Вѣроятно, по порученію послѣдняго, ректоръ Малевскій, узнавъ адресъ дома, гдѣ собираются «Лучезарные», въ половинѣ мая 1821 г. отправился въ ихъ засѣданіе, приказалъ немедленно закрыть общество и впредь не смѣть собираться. Занъ и всѣ присутствующіе покорились приказанію и обѣщали исполнить его въ точности и немедленно.

Въ самомъ дѣлѣ общество «Лучезарныхъ» было закрыто. Но въ то же время образовалось другое, уже дѣйствительно секретное общество, подъ названіемъ *Филаретовъ* (съ греческаго: чтители добродѣтели). Одновременно образовалось особое отдѣленіе общества подъ названіемъ *Филоматовъ*. Во главѣ общества находился: основатель какъ и предсѣдательствующій тотъ-же Ѳома Занъ. Главнѣйшіе члены были: Адамъ Мицкевичъ, Осипъ Ежовскій, Янъ Чечотъ, Францъ Малевскій, Адамъ Сузинъ, Іосифъ Ковалевскій, Антоній Эдуардъ Одынецъ, Янъ Верниковскій. Организація общества была составлена такимъ образомъ, что о дѣйствительныхъ цѣляхъ и намѣреніяхъ его знали только избранные, главенствующіе, прочіе же принимали значеніе общества въ буквальномъ смыслѣ, именно занятіе науками, добрую нравственность, братскую любовь, помощь неимущимъ. О томъ же, въ чемъ заключалась суть общества, его завѣтныя стремленія — кромѣ главныхъ вожаковъ, не знали ни члены общества, ни самые близкіе друзья, родные, родители. Организація была сильная. Неосновательно нѣкоторые изъ филаретовъ и филоматовъ дѣлаютъ два отдѣльныя общества. Существовало одно только общество. Филоматами считались распорядители, заботившіеся о доставленіи средствъ бѣднымъ студентамъ вступать въ университетъ, пріискивать для нихъ занятія, возбуждать любовь къ наукѣ, къ польской литературѣ, преданность польской національности. Въ сущности же, Филоматы и были вождями не по однимъ только видимымъ, явнымъ цѣлямъ общества, но и въ его тайныхъ, руководящихъ началахъ. Это были желѣзные люди, тайны которыхъ остались не раскрытыми. Юндзилъ, нежаловавшій филаретовъ, всѣми силами старался добиться истины отъ льнувшихъ къ нему и уважавшихъ его бывшихъ филаретовъ, но добился только того, что они ничего не знаютъ, а знали одни вожаки, филоматы. Только въ поэтическихъ произведеніяхъ Мицкевича и учениковъ его школы кое-гдѣ замѣтны проблески задушевныхъ стремленій филоматовъ.

Въ общество филаретовъ вступали не одни только университетскіе студенты, но и довѣренныя лица изъ общества, помѣщики, адвокаты, учителя, литераторы. Душею же общества былъ Казиміръ Контримъ, впрочемъ явно къ нему не принадлежавшій.

Въ 1823 г. случилось происшествіе, котораго послѣдствія имѣли гибельное вліяніе на судьбы университета. Ученики пятаго класса гимназіи написали на классной доскѣ мѣломъ: *Wiwat Konstytucyja 3 Maia!* Надпись въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ оставалась не стертою. Произведено слѣдствіе. Виновные были арестованы, также какъ и ректоръ университета Твардовскій, префектъ гимназіи Іосифъ Скочковскій и два учителя. 7 іюля прибылъ въ Вильно сенаторъ Новосильцевъ. По его распоряженію ректоръ, префектъ и учителя освобождены изъ-подъ ареста. Виновные же ученики, а также надзиратель V класса Каетанъ Максѣвичъ отданы въ солдаты. Попечитель князь Чарторыйскій 29 августа назначилъ особую комиссію изъ профессоровъ: русской литературы Лобойки, ветеринаріи Боянуса и богословія прелата (потомъ епископа) Клонгевича, для открытія, не существуютъ ли при университетѣ тайныя общества?

Шавры.

Коммиссія нашла, что, послѣ закрытія общества Лучезарныхъ, никакого другаго при университетѣ не существуетъ. О филаретахъ и филоматахъ не было и помину.

Между тѣмъ полиція въ Свислочи напала на слѣдъ какого-то тайнаго общества между учениками. Въ захваченныхъ бумагахъ открыли слѣды существованія филаретовъ. Слѣдствіе, руководимое самимъ Новосильцевымъ, продолжалось съ ноября 1823 по апрѣль 1824 г. Сенаторъ Новосильцевъ представилъ Императору Александру I окончательный протоколъ о результатахъ произведеннаго слѣдствія. Государь поручилъ разсмотрѣніе протокола и составленіе окончательнаго приговора гр. Аракчееву, министру Шишкову и Новосильцеву. Затѣмъ приговоръ ихъ Высочайше утвержденъ 14 августа 1824.

На основаніи этого приговора, основатель общества Ѳома Занъ осужденъ на содержаніе въ теченіе года подъ арестомъ и ссылкѣ на жительство въ Оренбургъ, Янъ Чечотъ и Адамъ Сузинъ осуждены на шесть мѣсяцевъ ареста и ссылкѣ въ отдаленныя губерніи, изъ остальныхъ нѣкоторые сосланы во внутреннія губерніи, другіе отданы подъ надзоръ полиціи; кс. Львовичу (о которомъ говоритъ Мицкевичъ въ *Dziadach*) и кс. Бродовичу воспрещено заниматься преподаваніемъ и оба отданы подъ надзоръ духовнаго начальства. Ковалевскій, Кулаковскій и Верниковскій изъявили желаніе обучаться восточнымъ языкамъ и потому ихъ отправили въ Казань. Мицкевичъ съ Ежовскимъ уѣхали въ Петербургъ, потомъ въ Москву, наконецъ въ Крымъ и Одессу. Съ 24 октября 1824 по іюль 1829 Мицкевичъ жилъ въ этихъ городахъ, подружился съ Пушкинымъ и сблизился почти со всѣми русскими литераторами. Поѣздка въ Крымъ породила знаменитые «Крымскіе сонеты». Въ Одессѣ начатъ *Конрадъ Валенродъ*, а по вторичномъ прибытіи въ Москву и Петербургъ оконченъ и напечатанъ въ 1829. Въ іюлѣ онъ уѣхалъ заграницу и ужь болѣе не возвратился.

Въ то же время отправленъ былъ въ Петербургъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей общества филаретовъ, Францъ Малевскій, сынъ ректора. Этотъ навсегда остался въ Петербургѣ и умеръ тайнымъ совѣтникомъ. Изъ другихъ болѣе выдающихся личностей принадлежали къ обществу и подверглись наказаніямъ: извѣстный историкъ Николай Малиновскій, Александръ Мицкевичъ, братъ Адама, потомъ профессоръ кіевскаго и харьковскаго университетовъ, Доминикъ Ходзько, Игнатій Домейко, нынѣ ректоръ университета въ Чили и предсѣдатель университетскаго совѣта въ С.-Яго. Юндзиллъ въ своихъ Запискахъ помѣстилъ списокъ 123 филаретовъ. Изъ

нихъ въ живыхъ, кажется, остаются только поэтъ А. Э. Одынецъ въ Варшавѣ и И. Домейко въ Чили. Недавно проф. варшавскаго университета В. Макушевъ напечаталъ весьма любопытную брошюру подъ заглавіемъ «Забытый польскій поэтъ». Рѣчь идетъ о Занѣ и о филаретахъ. Здѣсь много интересныхъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ разсказовъ друга и товарища Зана, декана варшавскаго университета О. М. Ковалевскаго, недавно умершаго. Занъ опредѣленный ему по приговору годичный арестъ высидѣлъ въ Оренбургѣ. Затѣмъ сталъ давать частные уроки, между прочимъ въ домѣ генерала Нератова, который представилъ его генералъ-губернатору Перовскому. Послѣдній полюбилъ его и, зная его страсть къ естественнымъ наукамъ, поручилъ ему изслѣдованіе Оренбургскаго края въ геологическомъ и ботаническомъ отношеніяхъ. Занъ отлично исполнилъ это порученіе. Въ 1837 году по ходатайству В. Ѳ. Перовскаго онъ былъ прощенъ и возвратился въ Литву, гдѣ и умеръ въ 1855 году на 64 году своей жизни.

Изъ приведеннаго выше приговора обнаруживается, что политическихъ преступленій въ обществѣ филаретовъ не было обнаружено. Явственно было одно—стремленіе къ развитію и поддержанію польской національности. Самое наказаніе главныхъ представителей общества не указываетъ на особенную важность ихъ преступленій. Послѣдствія, однако, этихъ печальныхъ событій имѣли рѣшительное вліяніе на будущія судьбы университета. Въ то же время попечителемъ вмѣсто Чарторискаго назначенъ былъ Новосильцевъ, а ректоромъ назначенъ, уже не по избранію профессоровъ, но отъ правительства, Венцеславъ Пеликанъ.

Послѣднее это ректорство совершенно измѣнило характеръ университетской жизни. Пеликанъ дѣйствовалъ самопроизвольно, нисколько не заботясь о конференціяхъ и о желаніяхъ университетскаго сената. Сенатъ сдѣлался исполнителемъ его воли. Но это нисколько не измѣнило положенія университета въ научномъ отношеніи. Въ числѣ профессоровъ были люди замѣчательныхъ способностей, и университетъ еще процвѣталъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Въ 1827 году основанъ агрономическій институтъ, для котораго отведено было принадлежащее университету имѣніе Замечекъ, директоромъ назначенъ былъ профессоръ Фричинскій.

25 іюня 1828 виленскій университетъ весьма торжественно праздновалъ 250-лѣтній юбилей со времени основанія высшаго учебнаго заведенія въ Литвѣ, т. е. академіи (1578), и двадцати пятилѣтній со времени своего учрежденія (1803). По этому случаю выбита была большая медаль, превосходно исполненная извѣстнымъ медальеромъ гр. Ѳ. П Толстымъ. На ней съ одной стороны изображены король Стефанъ Баторій и императоръ Александръ I, а съ другой стороны императоръ Николай I, съ соотвѣтственными надписями.

Въ 1829 г. назначена была ученая экспедиція, во главѣ которой былъ профессоръ виленскаго университета Эйхвальдъ, для геогностическихъ изслѣдованій праваго берега Днѣпра отъ Кіева до Чернаго моря; послѣдствія этой экспедиціи обогатили кабинеты виленскаго университета, особенно минералогическій.

Въ послѣднее время существованія университета почти всѣ профессора его были уже мѣстные, литовскіе или бѣлорусскіе уроженцы; такъ что изъ числа 47 профессоровъ и адъюнктовъ было 36 мѣстныхъ уроженцевъ, 2 изъ Царства Польскаго, 6 изъ заграницы, 2 изъ внутренней Россіи и 1 изъ Курляндіи. Эти *тридцать шесть* человѣкъ приспособили себя къ высокому званію университетскихъ преподавателей въ томъ же виленскомъ университетѣ и потомъ, на счетъ того же университета, докончили свое образованіе за границею. Надобно еще помнить, что всѣ эти лица оставили сочиненія, каждый по своему предмету, сочиненія, какихъ въ польской литературѣ вовсе не существовало и изъ которыхъ нѣкоторыя и до сихъ поръ еще занимаютъ почетное мѣсто въ наукѣ. Далѣе, нельзя не вспомнить, что въ это же время родились двѣ сильныя школы, Лелевеля — историческая и Мицкевича — литературная, породившія многихъ тружениковъ на этихъ поприщахъ; что воспитанники виленскаго университета заняли потомъ весьма замѣтныя мѣста въ другихъ университетахъ и институтахъ, какъ напр. О. И. Сенковскій, О. Мяновскій, А. Мухлинскій, Ива-

новскій и др. — въ Петербургѣ; Сѣврукъ — въ Москвѣ; Ковалевскій — въ Казани и потомъ въ Варшавѣ; Алек. Ходзько и Адамъ Мицкевичъ — въ Парижѣ; Александръ Мицкевичъ и Валицкій — въ Харьковѣ: Домейко — въ Чили: Петрашевскій — въ Берлинѣ,—не говоря уже про Кіевъ и Варшаву. Если еще вспомнимъ, что адвокатура въ цѣломъ краѣ, при гласномъ судопроизводствѣ до 1840 г., славилась образованностью и краснорѣчіемъ многихъ изъ своихъ членовъ, что прекрасно устроенный педагогическій институтъ доставлялъ ежегодно опытныхъ и хорошо приспособленныхъ учителей для гимназій и другихъ учебныхъ заведеній въ цѣломъ краѣ, то нельзя не согласиться, что главная школа и университетъ въ продолженіе пятидесятилѣтняго своего существованія воистину были разсадниками свѣта и гражданственности въ краѣ.

По случаю участія нѣкоторыхъ воспитанниковъ виленскаго университета въ возстаніи 1831 года, указомъ 1 мая 1832 г. виленскій университетъ былъ закрытъ. Два факультета университета, медицинскій и богословскій, оставлены въ Вильнѣ и преобразованы въ медико-хирургическую академію и въ духовное училище. Оба эти учрежденія поступили въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Всѣ гимназіи и другія среднія и низшія учебныя заведенія, состоявшія подъ началомъ университета, перешли въ вѣдѣніе вновь учрежденнаго въ 1832 году бѣлорусскаго учебнаго округа. Самое число этого рода заведеній значительно уменьшилось, потому что въ 1832 г., съ закрытіемъ въ краѣ 190 монастырей, закрылись и существовавшія при нихъ школы. Въ составъ вновь образованнаго, вмѣсто Виленскаго, Бѣлорусскаго учебнаго округа вошли всѣ сѣверо-западныя губерніи, и мѣстопребываніе попечителя назначено въ Витебскѣ, но въ 1840 г. правленіе округа переведено въ Вильно. 2 мая 1850 снова преобразованъ округъ и уже названъ Виленскимъ, Могилевская же и Витебская губерніи отошли къ Петербургскому (къ которому принадлежали и прежде съ 1825 до 1832).

Въ Вильнѣ, по закрытіи университета, оставлена астрономическая обсерваторія, находившаяся при немъ, и передана въ вѣдомство петербургской императорской академіи наукъ.

Президентомъ медико-хирургической академіи назначенъ былъ Ѳома Кучковскій, бывшій генералъ-штабъ-лекарь арміи при Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ (находившійся и при кончинѣ его въ Витебскѣ). Значительная часть учебныхъ пособій университета перевезены въ кіевскій и харьковскій университеты; но при академіи оставлены: библіотека изъ 16000 томовъ; кабинеты: минералогическій — изъ 16541 предмета и особо 1283 минераловъ и скалъ изъ западныхъ губерній; анатомическій — изъ 3000 предметовъ; зоологическій — изъ 20000 предметовъ; сравнительной анатоміи — до 1600 предметовъ; физическій — изъ 416 предметовъ. Оставленъ также и ботаническій садъ, основанный Юндзилломъ, въ которомъ въ 1824 г. считалось до 7000 видовъ растеній.

Въ составъ академіи вошли всѣ профессора медицинскаго факультета университета. При академіи же сохранился институтъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ на 200 человѣкъ медиковъ и 30 ветеринаровъ. Всѣ предметы преподавались на русскомъ или латинскомъ языкахъ. Точно также и преподаваніе во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ предметовъ шло на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ только Закона Божія, который попрежнему преподавался на польскомъ языкѣ; въ первые годы польскій языкъ преподавался въ числѣ иностранныхъ, потомъ преподаваніе совсѣмъ прекращено.

Медико-хирургическая академія, открытая въ августѣ 1832 г., существовала девять лѣтъ. Она дала за это время около трехсотъ медиковъ русской арміи изъ числа казеннокоштныхъ воспитанниковъ и около пятисотъ частныхъ врачей. Въ 1841 году академія была упразднена.

1 іюля 1833 г. учреждена въ Вильнѣ римско-католическая духовная академія, образованная изъ высшаго духовнаго училища для римскихъ католиковъ и уніатовъ, или богословскаго факультета при университетѣ. Академія состояла изъ ректора, инспектора, библіотекаря, эконома, письмоводителя, семи профессоровъ, четырехъ адъюнктовъ и трехъ лекторовъ; кромѣ того двухъ свѣтскихъ профессоровъ, изъ коихъ одинъ преподавалъ всеобщую исторію (тотъ-же

П. В. Кукольникъ), другой русскую литературу (тотъ-же Лобойко). Открытіе академіи послѣдовало 11 февраля 1834 года. Первымъ ректоромъ назначенъ былъ олыкскій инфулатъ Алоизій Осинскій, ученый мужъ, всю жизнь посвятившій составленію польскаго словаря, а также Словаря польскихъ писателей. Словарь уже былъ составленъ въ 14 большихъ томахъ, а также оконченъ и колосальный трудъ о жизни и сочиненіяхъ польскихъ писателей въ 20 томахъ и исторія виленскихъ епископовъ. Въ 1839 г. на 69 году жизни онъ былъ назначенъ епископомъ-суфраганомъ Луцкой епархіи. Осинскій переселился въ Олыку и рѣшилъ пожертвовать все свое состояніе на основаніе большой типографіи, чтобы подъ собственнымъ наблюденіемъ напечатать означенныя сочиненія. Уже сдѣланы были всѣ приготовленія, но смерть предупредила исполненіе завѣтной мысли. Сочиненія его такъ и остались ненапечатанными, изъ прежде же напечатанныхъ извѣстно 15 разныхъ сочиненій. Исторія епископовъ на печатана въ Варшавѣ Скимборовичемъ давно уже, но до сихъ поръ не доступна публикѣ.

На мѣсто Осинскаго назначенъ былъ ректоромъ прелатъ, профессоръ бывшаго университета, Антоній Фіалковскій, нынѣшній митрополитъ р.-к. церквей въ Россіи, могилевскій архіепископъ (род. въ 1798 г.). Инспекторомъ академіи былъ прелатъ Липскій, потомъ епископъ саратовскій. Библіотекаремъ и профессоромъ Боровскій, нынѣ епископъ Каменецъ-Подольской епархіи.

Въ августѣ 1842 г. духовная академія переведена въ полномъ составѣ въ Петербургъ, и ректоромъ ея назначенъ могилевскій каноникъ, профессоръ кіевскаго университета, знаменитый польскій писатель, Игнатій Головинскій, потомъ митрополитъ и архіепископъ.

Съ этого времени во всемъ краѣ нѣтъ высшаго учебнаго заведенія.

Какъ вездѣ, съ немногими исключеніями, такъ и въ Литвѣ, въ первой четверти нашего столѣтія, на первобытныя древности мало обращали вниманія. Ходаковскій, въ ранней молодости оставившій родину (Минскую губ.), собственной Литвы почти не коснулся. Были музеи, въ которые попадали случайно находимые въ землѣ предметы, но безъ научной обработки. Ученые же профессора университета до такой степени пренебрегали выкопками, что не находили даже для ихъ помѣщенія соотвѣтственнаго мѣста и складывали ихъ на чердакѣ, гдѣ онѣ и найдены были въ 1855 г. Первый, посвятившій себя этому предмету, былъ графъ Евстафій Піевичъ Тышкевичъ. Разрывъ первый курганъ въ 1837 г., онъ пристрастился къ дѣлу и предался ему всецѣло, пожертвовавъ для этой цѣли большую часть своего состоянія. Его трудами, а также роднаго брата его гр. Константина, владѣльца древняго Логойска, при содѣйствіи немногихъ другихъ лицъ, собраны были значительныя коллекціи древностей, преимущественно первобытныхъ. Въ то же время началась и научная работа гр. Е. П. Тышкевича. Онъ первый въ польской литературѣ началъ описывать литовскіе курганы и городища.

Желая посвятить собранныя коллекціи на пользу общую, гр. Тышкевичъ просилъ о дозволеніи открыть публичный музей и учредить археологическую коммиссію, для изслѣдованія древностей. По представленію генералъ-губернатора И. Г. Бибикова, 29 апрѣля 1855 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на открытіе музея и учрежденіе археологической коммиссіи. Отведено было учебнымъ округомъ соотвѣтственное помѣщеніе въ зданіи б. университета и въ немъ, при содѣйствіи многихъ частныхъ лицъ, поспѣшившихъ съ денежными взносами на устройство, 17 апрѣля 1856 г., музей былъ открытъ для публики.

Графъ Тышкевичъ, кромѣ выкопокъ, коихъ число простиралось уже тогда до 1500 экземпляровъ, пожертвовалъ и всѣ другія свои коллекціи, а именно: до 2 т. медалей и монетъ, обраніе картинъ, гравюръ, политипажей, бюстовъ и т. п. болѣе 1000 предметовъ, собраніе дипломовъ, граматъ, рукописей, рѣдкихъ автографовъ, библіотеку, составленную исключительно по предметамъ касающимся древностей, свыше 3000 томовъ, и наконецъ особый отдѣлъ достопамятностей. Попечителемъ музея и предсѣдателемъ археологической коммиссіи назначенъ гр. Е. П. Тышкевичъ. По Высочайшему повелѣнію доставлено въ музей собраніе драгоцѣннаго оружія, хранившагося въ Динабургской крѣпости и принадлежавшаго наслѣдникамъ наполео-

новскаго генерала гр. Коссаковскаго. Гр. Райнольдъ Константиновичъ Тизенгаузъ пожертвовалъ замѣчательную орнитологическую коллекцію, заключавшую 1093 предмета, составленную отцомъ его, знаменитымъ орнитологомъ. Постепенно при музеѣ стали составляться кабинеты: минералогическій, зоологическій, ботаническій, этнографическій. Коллекціи музея росли съ каждымъ днемъ. Музей встрѣченъ былъ сочувственно мѣстными властями и жителями; поэтому каждый старался содѣйствовать его увеличенію. На ежемѣсячныхъ засѣданіяхъ коммиссіи всегда присутствовалъ попечитель округа, часто и генералъ-губернаторъ. Протоколы засѣданій составлялись по-русски. Статьи читались на русскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ. Коммиссія издала два выпуска своихъ записокъ, одинъ томъ археографическаго сборника, *Skarbiec* Даниловича (иждивеніемъ Сидоровича) въ 2 томахъ, подъ редакціею ученаго секретаря М. Круповича; каталогъ музея и сборникъ статей по случаю посѣщенія музея Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ 1858 и 1860 годахъ.

Какъ составленіе коллекцій, такъ равно устройство ихъ, содержаніе штатныхъ лицъ, а также самаго зданія и другія необходимыя издержки, какъ напр. превращеніе кухонной избы въ библіотечную залу и т. п., производились собственными средствами предсѣдателя гр. Тышкевича и членовъ общества. Только въ 1862 г. назначено было отъ правительства на расходы по коммиссіи по 1000 р. въ годъ.

Устраненіе въ 1864 г. особо для того назначенною коммиссіею предметовъ, напоминающихъ польское владычество въ краѣ, какъ-то: портретовъ, бюстовъ, барельефовъ, оружія и т. п. королей польскихъ и великихъ князей литовско-русскихъ, вельможъ, духовныхъ, ученыхъ и литераторовъ, вынудило Гр. Тышкевича оставить занимаемыя имъ должности, послѣ чего существованіе археологической коммиссіи прекратилось. Музей первобытныхъ древностей оставленъ при публичной библіотекѣ.

Переломъ въ польской литературѣ, переходъ отъ классицизма къ романтизму, образованіе новой школы, совершились въ Вильнѣ въ двадцатыхъ годахъ; переломъ этотъ имѣлъ то неотразимое вліяніе на всѣ польскія области, котораго сила и значеніе продолжались полвѣка, ибо только въ послѣднее время, и то почти въ одной Варшавѣ являются проблески къ поколебанію его авторитета. Какъ прежде на развалинахъ классицизма возсѣла школа романтизма, такъ теперь замѣтны усилія, чтобы на развалинахъ романтизма воздвигнуть реалистическую школу; но романтизмъ далеко еще не разрушенъ.

Творцомъ новой школы былъ Адамъ Мицкевичъ. По рожденію онъ принадлежитъ Бѣлорусскому полѣсью (род. въ Осовцѣ близъ Новогрудка 24 декабря 1798 г.), но по воспитанію, по первымъ трудамъ своимъ онъ принадлежитъ Литвѣ, которая въ воспоминаніяхъ всей его жизни, во всѣхъ его произведеніяхъ сливается съ Бѣлорусью.

Перелому, совершенному Мицкевичемъ, сопутствовала благопріятная обстановка. Мы уже знаемъ, что онъ былъ членомъ филаретовъ, руководимыхъ и вдохновляемыхъ Заномъ, который въ своемъ кружкѣ игралъ почти такую же роль, какъ напр. Станкевичъ въ Москвѣ. Мицкевичъ былъ геній и, конечно, не нуждался въ руководителяхъ; но онъ тотчасъ же нашелъ поддержку въ усвоившихъ его идеи и направленіе, хотя не геніяхъ, но въ весьма талантливыхъ Занѣ, Одынцѣ, Корсакѣ, Чечотѣ, Ходзькѣ, Горецкомъ, Масальскомъ и во множествѣ другихъ подражателей.

До десяти лѣтъ Мицкевичъ жилъ то въ Осовцѣ, то въ Новогрудкѣ, гдѣ еще указываютъ домъ, принадлежавшій его отцу, то въ Заосѣ, вблизи Новогрудка. Въ Новогрудкѣ, почти въ дѣтствѣ, онъ подружился съ Яномъ Чечотомъ и Николаемъ Верещакой. Чечотъ съ юныхъ лѣтъ являлъ необыкновенную энергію и силу воли. Онъ всю жизнь боготворилъ Мицкевича. У Верещаки была сестра, прекрасная Марія, первый предметъ платонической любви Мицкевича. Имѣніе ея родителей Плужаны расположено въ очаровательной окрестности надъ озеромъ Свитезь. Историческій Новогрудокъ съ его развалинами Миндовгова замка, живописныя мѣстности, изъ коихъ каждая связывалась съ преданіями поэтическими, проявленіями народнаго

творчества, дружба, любовь — вотъ первые мотивы вдохновенія. Здѣсь онъ уже началъ писать свои баллады (Свитезь, Свитезянки — русалки). И изъ Вильно онъ ѣздилъ въ Плужаны — Марія была обожаема; но потомъ она вышла за человѣка солиднаго, за графа Путкамера — вотъ и разочарованіе, измѣна, отчаяніе. Въ Вильнѣ увлеченія и самыя невзгоды жизни не отвлекали Мицкевича отъ серьезныхъ занятій наукою. Здѣсь онъ былъ на попеченіи бывшаго іезуита, дяди своего (отецъ его умеръ въ 1812), жмудскаго каноника, Іосифа Мицкевича, декана математическаго факультета. Два года (1815—1817) былъ онъ на попеченіи ученаго физика, который даже сначала такъ сильно повліялъ на племянника, что тотъ поступилъ на физико-математическій факультетъ и уже потомъ перешелъ на литературный. Въ 1818 напечатано первое его произведеніе въ «Виленскомъ Еженедѣльникѣ»: Зима въ городѣ (Zima miėjska); но во время посѣщеній Плужанъ, обожаемая Марія вдохнула первую мысль *Дѣдовъ* (Dziadow). Въ Ковнѣ (съ 1820) создана имъ *Гражина,* одно изъ лучшихъ его произведеній. Первое изданіе его стихотвореній вышло въ двухъ томикахъ въ Вильнѣ въ 1822 г.

Заосъ, гдѣ въ юности жилъ Мицкевичъ.

Едва появились первые опыты великаго поэта, какъ противъ него вооружились всѣ корифеи тогдашняго классицизма. Виленскіе ученые, Снядецкіе, Юндзиллъ и др., встрѣтили поэта насмѣшками. Изъ профессоровъ сочувствовали и поняли его Боровскій, Лелевель, Голуховскій, Даниловичъ и немногіе другіе. Человѣкъ замѣчательнаго ума, Контримъ былъ имъ также очарованъ. Но главная атака началась съ Варшавы. Тамъ ученые педанты — Лудовикъ Осинскій (братъ виленскаго ректора), Францъ Дмоховскій, Станиславъ Потоцкій, Феликсъ Бентковскій, Францъ Гржимало и др. разразились бранью, нѣкоторые не признавали даже и таланта, не щадили отеческихъ наставленій, Дмоховскій же прямо заявлялъ, что Мицкевичъ, разрушая основы вкуса, грозитъ паденіемъ польской литературѣ.

Велика однако сила генія. Всѣ эти нападки не произвели никакого впечатлѣнія. Массы поняли поэта, прочувствовали генія, и мы помнимъ то время, какъ не только раскупали нарасхватъ новыя изданія, но переписывали на сотни рукъ, посылали въ письмахъ въ самыя отдаленныя мѣста, въ глушь Бѣлоруссіи, старики и юноши, аристократки и шляхтянки выучивали наизусть. Объ этомъ и была только рѣчь въ городахъ, въ господскихъ домахъ, на бѣдныхъ хуторахъ шляхтичей.

Въ то же время явились и горячіе защитники Мицкевича и новой школы. Казиміръ Бродзинскій, старше Мицкевича годами, сначала былъ классикомъ, но когда появились стихотворенія Мицкевича, Бродзинскій проснулся: онъ любилъ природу, любилъ народную жизнь и сталъ подражать ему. Переводилъ сербскія и чешскія пѣсни, первый явился защитникомъ новой школы и возсталъ противъ классиковъ. Мицкевичъ, возбужденный личными нападками, при петербургскомъ изданіи своихъ произведеній напечаталъ отвѣтъ критикамъ и рецензентамъ варшавскимъ, въ которомъ громитъ въ особенности главнаго своего противника, Дмоховскаго, доказывая, что ни исторически, ни критически онъ не въ состояніи даже понимать гомерической поэзіи. Но злѣе, острѣе всѣхъ сталъ писать въ защиту новой школы Маврикій Мохнацкій,

человѣкъ необыкновенныхъ способностей. Онъ нанесъ сильнѣйшій ударъ классикамъ. Не много прошло времени, а Мицкевичъ занялъ такое преобладающее положеніе въ краѣ, въ народѣ, что всѣ передъ нимъ должны были склонить голову, если же и продолжались еще выходки противъ него, то ихъ осмѣивали, на нихъ не обращали вниманія.

Въ 1829 г. Мицкевичъ уѣхалъ за границу. Вмѣстѣ съ Одынцемъ изъѣздилъ онъ Италію и Швейцарію, долго жилъ въ Римѣ, гдѣ встрѣтилъ свою знакомую изъ Петербурга, княгиню Зинаиду Александровну Волконскую, съ которою былъ очень друженъ, часто проводилъ у нея время и написалъ для нея прекрасное стихотвореніе (Pokoj Grecki). Изъ Рима уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ былъ напечатанъ вторымъ изданіемъ «Конрадъ Валенродъ» (первое изданіе вышло въ Петербургѣ).

Еще въ Римѣ родилась мысль «Пана Тадеуша». Ежели «Гражина» и «Конрадъ Валенродъ» упрочили славу Мицкевича, то «Панъ Тадеушъ» привелъ въ удивленіе не только польскихъ, но и вообще записныхъ европейскихъ критиковъ. «Пана Тадеуша» можно читать десять разъ и находить новыя прелести. Извѣстный ученый Шлейхеръ, на одной изъ своихъ публичныхъ лекцій въ Берлинѣ, выразился, что можно позавидовать Полякамъ, у которыхъ есть своя «Иліада».

Во всѣхъ произведеніяхъ Мицкевича проявляется глубокая любовь къ его родинѣ, къ Литвѣ; но нигдѣ Литва не является такою живою, полною, какъ въ «Панѣ Тадеушѣ». Только великій геній могъ такъ олицетворить природу, жизнь, чувства, людей всѣхъ слоевъ общества, ихъ преданія, ихъ заблужденія, пороки и добродѣтели. «Панъ Тадеушъ» будетъ безсмертенъ, пока будетъ жить польская литература.

Въ Парижѣ, съ 1832 г. Мицкевичъ совсѣмъ поселился. Въ 1835 женился на Целинѣ Шимановской, въ 1840 сдѣланъ профессоромъ лозанской академіи въ Швейцаріи, а въ слѣдующемъ профессоромъ славянскихъ литературъ въ Collège de France, въ Парижѣ. Начинаются новыя эпохи въ жизни поэта. Онъ предается всецѣло изученію славянскаго міра, взгляды его поэтичны, не менѣе того имѣютъ много цѣннаго, вѣскаго, новаго. Два года онъ производилъ фуроръ своими лекціями; потомъ околдованный товянизмомъ, вдругъ предается мистицизму, начинаетъ излагать значеніе «Бесѣдъ», этого алкорана Товянцевъ, въ самомъ Товянскомъ видитъ пророка, въ Наполеонѣ мессію. Лишенный каѳедры, при Наполеонѣ III онъ получилъ мѣсто библіотекаря въ арсеналѣ въ 1852. Мистическая горячка миновала, но ее заступила горячка политическая. Въ мартѣ 1855 г. умерла его жена, а въ іюнѣ Наполеонъ послалъ его въ Константинополь съ порученіемъ содѣйствовать сформированію польскаго легіона. Великій поэтъ нашелъ здѣсь свою смерть. Онъ умеръ 28 ноября. 30 декабря прахъ его перевезенъ въ Парижъ и похороненъ въ Монморанси. Поляки поспѣшили собрать 200 т. франковъ для обезпеченія шестерыхъ дѣтей Мицкевича. Поэтъ не оставилъ никакого состоянія.

Юлій Словацкій послѣ Мицкевича занимаетъ первое мѣсто въ польской литературѣ и хотя былъ его противникомъ, но безспорно принадлежитъ къ виленской школѣ. Дѣтство его протекло въ Вильнѣ, здѣсь онъ окончилъ университетъ, слушалъ лекціи Боровскаго, былъ свидѣтелемъ того переворота, который произвелъ Мицкевичъ. Произведенія Словацкаго (изд. въ Парижѣ въ 16 томахъ), безспорно замѣчательныя, не имѣютъ того значенія для Литвы, какъ сочиненія Мицкевича.

Изъ филаретскихъ товарищей Мицкевича, первое мѣсто принадлежитъ Антонію Эдуарду Одынцу, маститому поэту, пережившему всѣхъ своихъ сверстниковъ. Главное достоинсто и заслуга Одынца—его замѣчательные переводы Байрона, Вальтеръ-Скотта, Шиллера и другихъ знаменитѣйшихъ поэтовъ. Онъ писалъ баллады, драмы, изъ коихъ «Варвара Радзивиллъ» считается лучшею. Другъ и спутникъ Мицкевича, въ послѣднее время онъ напечаталъ прозою «Письма съ дороги», возбудившія громадный интересъ и переведенныя на нѣмецкій языкъ.

Антоній Горецкій былъ старше годами Мицкевича, не менѣе того принадлежитъ къ его школѣ. Какъ остроумный баснописецъ, пользуется извѣстностью.

Чечотъ замѣчателенъ тѣмъ, что собралъ много народныхъ пѣсенъ съ береговъ Виліи, Нѣмана и Двины въ то время, когда объ этнографіи никто еще и не думалъ.

Занъ тоже писалъ стихи, нелишенные прелести и всегда проникнутые глубиною чувства. Баллада Жуковскаго «Людмилла» (Бартошевичъ говоритъ «Свѣтлана») произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ, прочитавъ ее, въ тотъ же день написалъ «Нерону». Это была *первая* польская баллада. Мицкевичъ, Одынецъ послѣ уже стали писать баллады.

Корсакъ Іуліанъ, тоже одинъ изъ товарищей Мицкевича (род. 1807 † 1855), принадлежитъ къ талантливымъ поэтамъ; но главная его заслуга—отчетливый и прекрасный переводъ «Божественной Комедіи» Данте, съ учеными комментаріями.

Къ числу выдающихся личностей Литовскаго полѣсья въ послѣднюю эпоху принадлежитъ семейство Ходзьковъ. Изъ нихъ Янъ Ходзько (род. 1777 въ Кривичахъ, въ Вилейскомъ уѣздѣ Виленской губ.) въ 1821 издалъ сочиненіе п. з. «Панъ Янъ изъ Свислочи», кочующій лавочникъ. Книга эта въ свое время имѣла громадный успѣхъ, и университетъ призналъ ее элементарною для приходскихъ училищъ. Она переведена на литовскій языкъ. Кромѣ того издано имъ 12 томовъ народныхъ разсказовъ. Сынъ его, Іосифъ, русской службы генералъ-лейтенантъ, недавно умершій въ Тифлисѣ, извѣстенъ своими трудами по части тріангуляціи Кавказа. Онъ, послѣ Паррота, первый взошелъ на самую вершину Арарата. Второй сынъ Яна, Александръ (род. въ 1806 въ Кривичахъ), товарищъ Мицкевича, поэтъ съ раннихъ лѣтъ, былъ потомъ русскимъ консуломъ въ Персіи; кажется, въ 1845 г. ѣхалъ къ отцу Яну, котораго дѣла были разстроены, и везъ съ собою порядочную сумму, которая могла бы облегчить его судьбу, но прежде изъ Одессы поѣхалъ въ Италію, въ Римѣ встрѣтился съ Товянскимъ, очарованный имъ сдѣлался его мистическимъ ученикомъ. Отецъ ни его, ни денегъ не дождался и вскорѣ умеръ въ нуждѣ. Александръ бросилъ службу въ Персіи и поселился въ Парижѣ. Между тѣмъ по службѣ онъ былъ цѣнимъ гр. Нессельроде и по желанію послѣдняго, братъ Александра, Іосифъ, кавказскій генералъ, писалъ къ нему, уговаривая, чтобы возвратился къ занимаемому въ Персіи посту; на это Александръ отвѣчалъ, что ежели бы онъ еще рѣшился служить на землѣ, то никому бы не служилъ, только русскому Императору; но онъ посвятилъ себя на службу Богу. Въ Парижѣ его сдѣлали директоромъ школы для Персіянъ во Франціи, а потомъ, на мѣсто Мицкевича, назначили профессоромъ славянскихъ литературъ въ Collège de France. Какъ поэтъ, онъ былъ всегда подражателемъ; талантъ замѣчательный, но самостоятельнаго творчества никогда въ немъ не было. Какъ оріенталистъ, пользуется извѣстностью. Его переводы съ персидскаго стихами — прекрасны. Въ Парижѣ онъ издалъ персидскую грамматику.

Леонардъ Ходзько, двоюродный братъ Яна, еще до возстанія 1830 г. поселился въ Парижѣ, издалъ тамъ много сочиненій по-французски о Польшѣ. Тоже товарищъ и другъ Мицкевича.

Игнатій Ходзько — знаменитѣйшій изъ польскихъ повѣствователей. Его Obrazy Litewskie снискали ему громкую извѣстность. Другъ и родственникъ (по женѣ) Одынца и Корсака, онъ, подъ ихъ вліяніемъ, сдѣлался горячимъ сторонникомъ романтизма, хотя прежде, подъ вліяніемъ дяди своего Яна, придерживался классицизма. Игнатій Ходзько въ полномъ смыслѣ слова Литвинъ. Литва у него во всемъ какъ живая; съ легкостью и какою-то особенною задушевностью, онъ изображаетъ живыми красками домашнюю жизнь, обряды, обычаи, то вдругъ воскрешаетъ въ памяти давно минувшія дѣянія, преданія, рисуетъ историческія личности, и все это съ такою естественностью, съ такимъ неподражаемымъ умѣньемъ приковывать вниманіе читателя, что невольно очаровываетъ его. Нѣкоторыя же изъ его сочиненій, какъ напр. «Дворики на Антоколи» (въ Вильнѣ), «Домъ моего дѣда» и др., даже въ будущемъ будутъ имѣть высокое значеніе, какъ вѣрные этнографическіе снимки быта и обычаевъ. Игнатій Ходзько родился и умеръ

(1795 — 1861) въ родовомъ своемъ имѣніи Дзевентне, въ Свенцянскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи.

Послѣ Мицкевича, изъ всѣхъ польскихъ писателей самою выдающеюся личностью является Іосифъ Игнатій Крашевскій, котораго юбилей пятидесятилѣтней ученой и литературной дѣятельности такъ торжественно праздновали въ 1879 г., не одни только Поляки, но и всѣ почти Славянскіе народы. Ни одинъ изъ писателей не имѣлъ такого преобладающаго вліянія на литературную жизнь въ Литовскомъ краѣ, никто не произвелъ такого переворота во взглядахъ, понятіяхъ и самомъ направленіи литературныхъ произведеній, какъ Крашевскій. Это неутомимый, всегда бодрый, вѣчно молодой вождь, который въ теченіе полувѣка групировалъ вокругъ себя сотни молодыхъ писателей, имъ руководимыхъ и направляемыхъ; изъ сочиненій котораго цѣлыя поколѣнія учились мыслить, знакомились съ жизнію, узнавали прошедшее, видѣли хорошее и дурное въ настоящемъ, и въ то же время тысячи другихъ, никогда не видавъ Литвы, по его сочиненіямъ полюбили ее и познакомились съ нею.

Дзевентня, мѣсто рожденія и смерти Игнатія Ходзьки.

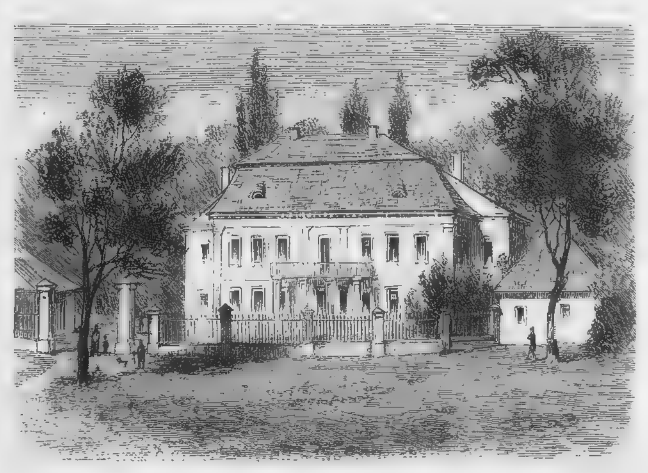
Крашевскій — польскій писатель. Его заслуги, его высокое нравственно-образовательное значеніе по справедливости оцѣнивается всѣми Поляками. Но по происхожденію, по воспитанію, по первымъ впечатлѣніямъ и по чувствамъ, одушевлявшимъ его въ молодости, наконецъ по трудамъ, изъ коихъ значительная часть посвящена Литвѣ, онъ, также какъ и Мицкевичъ, прежде всего принадлежитъ Литвѣ, а потомъ уже всѣмъ вообще Полякамъ.

Крашевскій только случайно родился въ Варшавѣ (29 іюля 1812 г.), говоримъ случайно, потому что родители его временно жили тогда въ Варшавѣ, переѣхавъ туда по случаю смутъ и опасностей, угрожавшихъ въ то время каждому живущему въ деревнѣ. Отецъ его принадлежалъ къ древней дворянской фамиліи въ Пружанскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи. Учился Крашевскій въ свислочской гимназіи, а потомъ въ виленскомъ университетѣ. Ураганъ 1831 г. увлекъ съ собою и Крашевскаго. Его сослали на Кавказъ рядовымъ. Не смотря на свою молодость, онъ уже былъ извѣстенъ какъ писатель. Генералъ-губернаторъ князь Николай Андреевичъ Долгорукій дозволилъ ему оставаться въ госпиталѣ по 19 марта 1832 г., когда было получено всемилостивѣйшее прощеніе. Въ Вильнѣ ему неразрѣшено жительство и, въ 1832 г., онъ уѣхалъ на Волынь, потомъ женился на племянницѣ извѣстнаго польскаго примаса Павла Воронича обладательницѣ богатой библіотеки, собранной покойнымъ ея дядей. Жили они сначала въ Омельнѣ, потомъ въ собственныхъ имѣніяхъ Грудкѣ и Губинѣ (въ окрестностяхъ Луцка), нѣкоторое же время въ Житомирѣ, когда онъ былъ избранъ почетнымъ попечителемъ гимназіи. Въ 1856 г. Крашевскій переселился въ Варшаву, гдѣ редактировалъ газету (Codzienna gazeta), а когда новый ураганъ началъ охватывать край, въ 1862 г. уѣхалъ за границу, нѣкоторое время путешествовалъ, потомъ поселился въ Дрезденѣ, гдѣ и живетъ до сихъ поръ.

Литературную свою дѣятельность Крашевскій началъ въ 1829 г. и сразу привлекъ къ себѣ вниманіе публики. Одни негодовали на своеобразные разсказы, какъ тогда казалось слишкомъ вольные, по мнѣнію другихъ даже циническіе, другіе восхищались, но всѣ вообще признали замѣчательный талантъ — и всѣ читали. Число произведеній увеличивалось съ каждымъ годомъ, увеличивалось и число поклонниковъ. Свѣжая, новая мысль, кипучая жизнь, невиданные образы, а во всемъ правда, безъ прикрасъ, нагая правда — такъ и били ключемъ. Въ то же время онъ былъ душею каждаго литературнаго предпріятія; не было, да и теперь нѣтъ почти ни одного журнала, ни одной газеты, въ которыхъ бы онъ не участвовалъ. Шли

годы, а этотъ удивительный человѣкъ все писалъ да писалъ, а когда уже очень уставалъ, рисовалъ или игралъ на фортепіано. Такъ проходила жизнь. Въ 1852 г. уже насчитывали болѣе 200 томовъ его сочиненій. Сколько ихъ теперь, самые записные библіографы нё могутъ сосчитать, а онъ самъ еще менѣе знаетъ. Насчитываютъ 317 однихъ заглавій отдѣльныхъ сочиненій (почти каждое въ нѣсколькихъ томахъ), но если прибавить къ этому всѣ статьи, разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, число томовъ возросло бы до баснословной цифры. По случаю юбилея, Ягеллонская библіотека въ Краковѣ устроила особые шкафы для помѣщенія его сочиненій — это цѣлая библіотека!

Нѣтъ, кажется, ни одной отрасли знаній, которой бы онъ не коснулся. Онъ писалъ сочиненія историческія, археологическія, написалъ большую книгу объ иконописи, большой томъ объ искусствѣ у древнихъ Славянъ, писалъ поэмы (стихами), драмы, романы, повѣсти, комедіи, путешествія, этнографическія статьи, критическія и т. д. Жилъ на Волыни, но главная его дѣятельность сосредоточивалась въ Вильнѣ, гдѣ онъ издавалъ въ теченіе десяти лѣтъ «Атенеумъ» (60 томовъ), который былъ органомъ края и въ которомъ почти половина написана имъ самимъ; потомъ въ Варшавѣ издавалъ газету, въ Дрезденѣ «Еженедѣльникъ». 50 лѣтъ онъ былъ воспитателемъ молодаго поколѣнія, руководителемъ молодыхъ, начинающихъ писателей, а такихъ можно насчитать цѣлыя сотни. У него они учились писать по-польски, когда въ школѣ не было уже возможности изучить даже польскую грамматику. Его повѣсти и разсказы въ дамскихъ будуарахъ замѣнили мѣсто французскихъ: онъ заставилъ читать на родномъ языкѣ.

Скоки, мѣсто рожденія Нѣмцевича.

Первыя пятнадцать, даже больше, лѣтъ, почти все, что онъ писалъ, было на канвѣ литовской. За это время онъ написалъ свою «Исторію г. Вильно» въ 4 томахъ, «Исторію Литвы» въ 2 т., «Жизнь Витовта», «Послѣдняя княжна Слуцкая» въ 3 т., «Поэтъ и міръ» въ 2 т., поэмы: «Витольрауда», «Миндовгъ», «Витолдовы бои» и мн. др.

Въ этихъ сочиненіяхъ вылилась его душа, его симпатіи къ Литвѣ, его любовь къ народу. Онъ смотритъ трезво, здраво на прошлое страны и видитъ въ ней самостоятельную силу, мощное государство, съ его прирожденными началами, безъ кощунства, безъ лицепріятія рисуетъ все что было и какъ было. И ежели теперь нѣкоторые новые дѣятели рѣшаются дѣлать ему упреки, что многое имъ недосказано, то они забываютъ, какія средства и матеріалы были для историческихъ трудовъ съ 1832 — 1843 годъ, а какими они владѣютъ теперь; они забываютъ, что все то, что имъ высказано, высказано имъ первымъ, а про этихъ дѣятелей тогда и слуху не было.

Укажемъ теперь на общее умственное движеніе въ Литовскомъ полѣсьѣ, во второй четверти нашего столѣтія до 1863 г., когда всякая дѣятельность на прежнихъ началахъ пресѣклась.

Начнемъ съ исторіи. Литовской исторіи можно сказать, не существовало. Стрыйковскій, Кояловичъ, Ваповскій, Лотышъ (впрочемъ тогда еще почти неизвѣстный), русскія лѣтописи служили единственными матеріалами для исторіи Литвы. Даже богатые акты Виленскаго капитула сохра-

нялись въ тайнѣ. Акты и вообще архивные матеріалы, какъ монастырскіе, такъ и частныхъ лицъ, были недоступны. Археографическіе труды не существовали. Не смотря на такія скудныя средства, Өедоръ Нарбуттъ предпринялъ громадный трудъ и написалъ 9 томовъ исторіи Литвы, доведенной имъ до 1569, т. е. до Люблинской уніи. Теперь, когда археографическіе труды доступны всѣмъ и каждому, Нарбутта обвиняютъ въ отсутствіи критическаго взгляда, въ ошибкахъ, наконецъ въ томъ, что онъ довольствовался каждымъ матеріаломъ, какой ему подвернулся. Съ точки зрѣнія данной минуты, во всѣхъ этихъ упрекахъ есть много правды; но развѣ можно осуждать человѣка за то, что онъ не воспользовался тѣми источниками, которыхъ тогда несуществовало, надъ собираніемъ и изданіемъ которыхъ трудились потомъ цѣлыя общества. Исторія Нарбутта вышла въ 1835 — 1841 гг.; акты же Запад. Россіи, изданные археографическою коммиссіею въ пяти томахъ, вышли въ 1846 — 1853, а акты Южной Россіи еще позже. Весьма важные матеріалы объ отношеніяхъ Литовской Руси къ Ганзейскимъ городамъ, изданные Коркуновымъ и Куникомъ, вышли едва въ 1857 г. Неговоримъ уже о послѣдующихъ изданіяхъ русскихъ и польскихъ. Даже акты Виленскаго капитула, приведенные въ порядокъ и потомъ переведенные на польскій языкъ, но и до сихъ поръ неизданные, стали доступны только нѣкоторымъ лицамъ въ пятидесятыхъ годахъ. Переводчикъ ихъ, прелатъ Мамертъ Гербуртъ до конца жизни продолжалъ свой трудъ. Всѣхъ этихъ матеріаловъ не зналъ Нарбуттъ. Онъ довольствовался извѣстными польскими и латинскими источниками, отрывками изъ лѣтописей, помѣщенными въ исторіи Карамзина, и, главное, совершенно незнакомымъ никому тогда источникомъ, Кенигсберскимъ тайнымъ архивомъ, изъ котораго, чрезъ посредство извѣстнаго прусскаго историка Фохта, онъ составилъ девять большихъ фоліантовъ актовъ, граматъ и другихъ матеріаловъ, касающихся собственно сношеній Рыцарей съ Литвою. То, что совершено Нарбуттомъ, несмотря на недостатки, зависѣвшіе отъ времени, когда онъ началъ свой трудъ, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ особеннаго уваженія и благодарности. Онъ проложилъ путь къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, онъ первый положилъ начало Литовской исторіи, и никто изъ новѣйшихъ писателей, даже хулителей Нарбутта, безъ его исторіи не можетъ сдѣлать шагу. Біографія знаменитаго литовскаго труженника совершенно неизвѣстна въ русской литературѣ. Мы рѣшаемся представить здѣсь хотя главныя черты изъ его жизни, *почерпнутыя отъ него самого*. Өедоръ Ефимовичъ Нарбуттъ родился въ родовомъ своемъ имѣніи, въ Шаврахъ, въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, 8 ноября 1784 г. Родъ Нарбутовъ весьма древній. По преданію, онъ вмѣстѣ съ Радзивиллами и Остиками происходитъ отъ криве-кривейте Лездейки, который будто бы былъ сынъ вел. князя Наримунта (въ концѣ XIII ст.) и былъ женатъ на сестрѣ в. кн. Витенеса (Стрыйковскій, Кояловичъ). По окончаніи наукъ по математическому факультету въ главной школѣ въ Вильнѣ, подъ руководствомъ Гуцевича и Шульца, онъ въ 1803 г. уѣхалъ въ Петербургъ и выдержалъ экзаменъ на кондуктора 1 класса. Нѣкоторое время былъ преподавателемъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1804 былъ откомандированъ для гидравлическихъ работъ по Нѣману вмѣстѣ съ прусскими инженерами. Въ 1807, будучи инженеръ-подпоручикомъ, раненъ штыкомъ подъ Остроленкою, а потомъ ружейнымъ выстрѣломъ подъ Тильзитомъ. Въ 1808 находился при генералѣ Буксгевденѣ въ Финляндіи и при Або былъ сильно контуженъ въ голову. Въ этомъ же году находился въ эскадрѣ адмирала Ханыкова, и строилъ баттареи на островѣ Рюгенѣ. Въ 1810 командированъ былъ для отысканія удобнаго мѣста между Могилевомъ и Рогачевомъ для основанія новой крѣпости и затѣмъ принялъ участіе въ постройкѣ Бобруйской крѣпости. Между тѣмъ контузія, полученная при Або, сильно ослабила его слухъ, работы въ болотистыхъ окрестностяхъ Бобруйска довершили остальное. Вслѣдствіе нервной горячки онъ окончательно оглохъ и въ началѣ 1812 вышелъ въ отставку съ чиномъ инженеръ-капитана и полнымъ пенсіономъ. Нарбуттъ поселился въ своихъ Шаврахъ и здѣсь проработалъ всю жизнь. Собралъ богатую библіотеку, особенно по части историческихъ

матеріаловъ, небольшой, но весьма цѣнный музей древностей и прожилъ среди большой семьи счастливо до 1863 г.

Когда начались смуты, больнаго старика перевезли въ Вильно. Затѣмъ послѣдовали печальныя событія, доконавшія восьмидесятилѣтняго старца. Сынъ его Лудовикъ, начальникъ вооруженной шайки, былъ убитъ; жена сослана въ отдаленныя губерніи. Нарбуттъ остался почти одинъ и умеръ въ Вильнѣ 28 ноября 1864 г. Похороненъ въ Дубичахъ, недалеко отъ Шавръ, гдѣ были его фамильныя гробницы. Изъ многихъ его сочиненій, кромѣ 9 томовъ «Исторіи Литвы», мы упомянемъ «Хронику Литвы Быховца» изд. 1846 г. и «Краткую исторію Литвы» въ одномъ томѣ, 1857. Еще прежде изданы «Очерки цыганскаго народа», 1830. Послѣднее его сочиненіе: «Мелкія историческія статьи».

Мы уже упомянули, что Крашевскій написалъ исторію Вильна въ 4 т. и исторію Литвы въ 2 т. до Витовта и особо томъ о Витовтѣ. Когда Крашевскій писалъ исторію Вильно, положеніе его было также трудно, какъ и Нарбутта, по совершенному отсутствію матеріаловъ. Неменѣе того онъ собралъ все, что было доступно, воспользовался актами виленскаго магистрата и другихъ архивовъ, и его исторія нетолько имѣла въ свое время, но и теперь имѣетъ громадное значеніе въ исторической наукѣ. Исторія же Литвы обработана критически, а написана такимъ языкомъ, что многіе заучивали изъ нея наизусть цѣлыя страницы.

Іосифъ Ярошевичъ, профессоръ виленскаго университета, много писалъ къ исторіи Литвы относящагося. Важнѣйшій трудъ его, весьма добросовѣстно и критически составленный «Очеркъ Литвы въ отношеніи ея просвѣщенія съ древнѣйшихъ временъ доконца XVIII ст.» (1844 г.), въ трехъ томахъ.

Михаилъ Балинскій тоже написалъ Исторію Вильно, но неокончилъ, довелъ только до временъ Баторія; весьма любопытны его записки о королевѣ Варварѣ (Радзивиллъ) въ 5 т.; имъ же составленъ третій томъ «Древней Польши», заключающій описаніе жилыхъ поселеній въ Литовскомъ краѣ. Женатый на дочери Андрея Снядецкаго, онъ получилъ богатые матеріалы для исторіи университета въ перепискѣ обоихъ братьевъ, изъ которыхъ нѣкоторые напечаталъ.

Ученѣйшимъ и даровитѣйшимъ изъ всѣхъ литовскихъ историковъ былъ Николай Малиновскій, авторъ «Исторіи Ягеллоновъ въ Венгріи», издатель хроники Ваповскаго, имъ переведенной со множествомъ ученыхъ примѣчаній. Множество статей его напечатано въ разныхъ изданіяхъ. Высокое образованіе, прекрасный даръ слова, необыкновенная память, дѣлали его ходячею энциклопедіею. Къ нему обращались всѣ за разъясненіями, справками, за совѣтами, и онъ всѣхъ удовлетворялъ съ неподражаемою любезностью. Въ послѣдніе годы своей жизни, уже лишившись зрѣнія, онъ былъ руководителемъ политическаго отдѣла издававшагося мною «Виленскаго Вѣстника», а было нѣсколько случаевъ, что передовыя статьи его переводились на англійскій языкъ и печатались въ «Times».

Михаилъ Гомолицкій, профессоръ физіологіи въ университетѣ, занимался также исторіею. Онъ первый воспользовался богатымъ матеріаломъ, заключавшимся въ актахъ виленскаго капитула и монастырскихъ архивахъ. Изъ нихъ онъ составилъ дополненія къ исторіи Вильна Крашевскаго и печаталъ ихъ въ виленскомъ сборникѣ: Wizerunki. Онъ же первый съ точностью опредѣлилъ мѣста, гдѣ существовали православные храмы въ Вильнѣ, и сообщилъ свѣдѣнія о нихъ.

Прелатъ Мамертъ Гербуртъ—необыкновенный труженикъ. Онъ перевелъ акты виленскаго капитула на польскій языкъ съ 1500 до конца XVIII ст. Этого мало: переписалъ весь первый томъ латинскаго текста, такъ какъ многіе листы его были сильно повреждены отъ времени и наводненій, которымъ архивъ капитула неоднократно подвергался.

Антонъ Марциновскій, редакторъ разныхъ періодическихъ изданій въ Вильнѣ, былъ также виленскимъ старожиломъ и напечаталъ нѣсколько статей о виленскихъ древностяхъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Онъ же участвовалъ въ составленіи сборника древнихъ актовъ и граматъ, изданнаго губернаторомъ Семеновымъ.

Александръ Здановичъ занимался всеобщею исторіею. Онъ же былъ главнымъ редакторомъ

«Словаря польскаго языка», изданнаго въ Вильнѣ книгопродавцемъ Оргельбрандомъ и, по числу словъ, превосходившаго даже извѣстный Словарь Линде.

Къ числу замѣчательныхъ виленскихъ ученыхъ принадлежитъ Адамъ Іохеръ, филологъ и библіографъ, авторъ Библіографіи польской отъ изобрѣтенія книгопечатанія до 1830 г. въ 3 большихъ томахъ—и нѣсколькихъ сочиненій и статей по части филологіи.

Изъ духовныхъ лицъ первое мѣсто занимаетъ прелатъ Антоній Мошинскій, виленскій библіологъ, писалъ много статей по части исторіи, языкознанія, библіографіи и т. д. Виленскій епископъ Адамъ Станиславъ Красинскій, лучшій изъ переводчиковъ Пѣсни о полку Игоря, съ нелишенными научнаго значенія комментаріями, авторъ грамматики польской для дѣтей, въ то же время поэтъ; писалъ и по богословской части; его Каноническое право, его дополненія къ Исторіи церкви Альзога, весьма уважаются въ духовной литературѣ. Красинскій принадлежитъ къ ученѣйшимъ изъ современныхъ писателей. Много лѣтъ уже онъ усердно трудился надъ филологіею. Продолжительное его пребываніе въ Вяткѣ не пропадаетъ даромъ для науки.— Каноникъ Липницкій написалъ жизнь св. Казиміра. — Нынѣшній ректоръ духовной академіи въ Петербургѣ, виленскій каноникъ Семенъ Козловскій, издатель Библіи Вульгаты по-латыни съ переводомъ на польскій, авторъ священной исторіи и другихъ духовнаго содержанія сочиненій.

Домъ въ Смолковѣ, въ которомъ родился Кондратовичъ.

Замѣчательнѣйшимъ критикомъ считается Александръ Тышинскій, авторъ историческаго очерка просвѣщенія у Славянъ и многихъ сочиненій.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ повѣствователей-юмористовъ принадлежалъ православный протоіерей Плакидъ Янковскій, извѣстный подъ псевдонимомъ John of Dycalp, авторъ многихъ повѣстей и разсказовъ, въ которыхъ благородный юморъ перемѣшанъ съ глубокимъ чувствомъ, картинностью и, въ то же время, ученостью. Онъ же счастливо переводилъ Шекспира; Янковскій писалъ также и по-русски.

Игнатій Шидловскій, поэтъ второстепенный, но хорошій переводчикъ Байрона и др., былъ редакторомъ сборника Wizerunki, т. е. Образы, котораго вышло 63 тома, заключающіе исключительно статьи серьезныя.

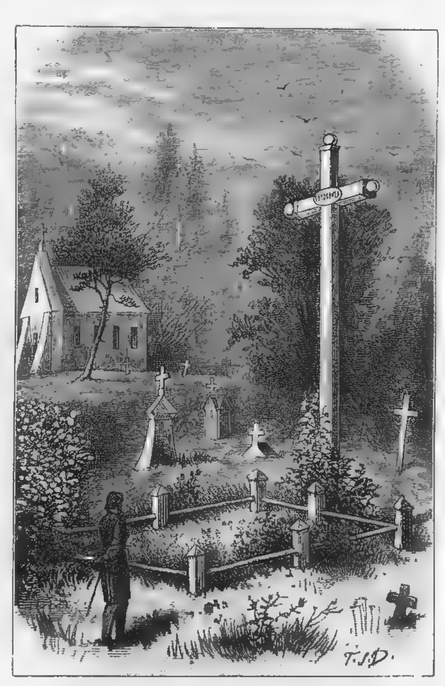
Александръ Карловичъ, таварищъ и другъ Мицкевича, Одынца и др., писалъ на досугѣ очень хорошія стихотворенія.

Сынъ его Иванъ Карловичъ, докторъ философіи берлинскаго университета, воспитывавшійся сначала въ московскомъ университетѣ, другъ и товарищъ Монюшки, талантливый віолончелистъ, котораго Серве признавалъ однимъ изъ лучшихъ виртуозовъ въ Европѣ, въ настоящее время одинъ изъ немногихъ глубокихъ знатоковъ литовскаго языка, ученый филологъ и этнографъ, трудами своими обратившій на себя вниманіе ученаго міра.

Къ числу поэтовъ надобно еще причислить Станислава Росоловскаго, доктора медицины; высокій талантъ, глубокій мыслитель, типъ вдохновенныхъ поэтовъ, всегда восторженный, какихъ въ настоящее время уже не встрѣтимъ.

Въ послѣднюю четверть столѣтія выдающеюся личностью на поприщѣ литературы—является Лудовикъ Кондратовичъ, иавѣстный подъ псевдонимомъ Владислава Сырокомли. Онъ родился въ 1822 въ Смолковѣ, въ Слуцкомъ уѣздѣ. Окончилъ только четырехклассное уѣздное училище въ Несвижѣ у Доминикановъ, но хорошо изучилъ латинскій языкъ, который ему потомъ очень пригодился. Кондратовичъ своимъ образованіемъ обязанѣ самому себѣ, своимъ необыкновеннымъ способностямъ. Нѣкоторое время служилъ въ Несвижѣ при мѣстномъ архивѣ. Богатый

архивъ и знаменитый Н. Малиновскій, жившій въ то время въ Несвижѣ, были его наставниками и руководителями на пути историческихъ изысканій. Кондратовичъ не геній, не такой человѣкъ, который бы, подобно Мицкевичу или Крашевскому, произвелъ переворотъ въ литературѣ; не менѣе того это поэтъ на родной почвѣ, поэтъ родной, прочувствовавшій, проглотившій, такъ сказать, всѣ проблески народной жизни. Онъ любитъ страстно свою Литовскую Русь, страну Миндовга и князей Слуцкихъ, гдѣ протекли лучшіе дни его жизни; онъ любитъ и воспѣваетъ все, что свое, что родное. Легкая, чудная рѣчь его льется свободно, то нѣжно и трогательно, то вдругъ возвышая голосъ, сердито, когда онъ видитъ, что что нибудь творится неладное; былъ онъ подчасъ и сатирикъ, сатирикъ ѣдкій, вцѣпляющійся въ глаза. Его «Гавенды» (разсказы)—прелестны. Изъ болѣе серьезныхъ произведеній замѣчательны «Демборогъ» и «Каноникъ Перемышльскій» (т. е. извѣстный Станиславъ Оржеховскій). Поэмы ему не дались. Драматическія произведенія были слабы, хотя и съ паѳосомъ. Его переводы польскихъ классиковъ, писавшихъ по-латыни (Сарбѣвскаго, Кліоновича и др.), высоко цѣнимы. Прозой написалъ Исторію Минска (въ издававшейся мною «Виленской текѣ»), исторію польской литературы въ 2 т., переводилъ историческіе труды польскихъ писателей, писавшихъ по-латыни, издалъ свои путевыя записки по Литвѣ и мн. др. Труженикъ былъ неутомимый. Мать, жена, трое дѣтей—просили хлѣба!—Въ 1852 году Кондратовичъ переселился въ Вильно, жилъ то въ городѣ, то въ арендуемой близъ города деревушкѣ, Борейковщизнѣ. Съ 1857 г. былъ постояннымъ нашимъ сотрудникомъ, сначала въ «Текѣ», потомъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», въ которомъ редактировалъ мѣстное обозрѣніе. Въ 1861 г. ѣздилъ въ Варшаву и увлеченный, въ дружеской бесѣдѣ, заимпровизировалъ что-то лишнее, за что былъ арестованъ, доставленъ въ Вильно и здѣсь просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ казематахъ. По выходѣ оттуда, зародышъ болѣзни, не совсѣмъ воздержная жизнь, труды, хлопоты и безсонныя ночи, сопряженныя съ работою ради куска хлѣба—безвременно свели его въ могилу. 15 сентября 1862 умеръ поэтъ. Похороны его были истинно народныя. Около двадцати тысячъ жителей Вильна сопровождало его на кладбище Росу. Собрана была довольно значительная сумма для обезпеченія осиротѣвшаго семейства. Потомъ землякъ, другъ и ближайшій сотрудникъ покойнаго, Викентій Коротынскій озаботился изданіемъ полнаго собранія его сочиненій, тоже въ пользу семейства. Оно вышло въ Варшавѣ въ 1872 въ 8 томахъ.

Могила Кондратовича (Сырокомли) въ Вильнѣ.

Писали также за это время стихами и прозой Габріеля княгиня Пузынэ, рожденная гр. Гинтеръ; Эдуардъ Желиговскій, Юрій Ласкарисъ, Казиміръ Шлягеръ Снарскій, Пржибыльскій,—люди не безъ таланта. Выше ихъ всѣхъ стоялъ и подавалъ надежды Викентій Коротынскій, но этотъ давно забросилъ поэзію и усердно и съ большою пользою работаетъ на публицистскомъ и историческомъ поприщахъ.

Первая газета, появившаяся въ краѣ, былъ «Литовскій Курьеръ», начавшій издаваться въ 1759 г. съ приложеніемъ на полулистикѣ «Литературныхъ извѣстій», издававшихся по 1763 г. Право изданія на основаніи граматы Августа III отъ 22 февраля 1760 г. принадлежало академіи,

а потомъ главной школѣ. Въ 1793 г. каммергеръ Влодекъ получилъ привиллегію отъ Станислава-Августа на изданіе газеты и началъ таковую подъ тѣмъ же заглавіемъ, т. е. «Литовскій Курьеръ». Газета главной школы прекратилась. Но въ 1805 г. университетъ возобновилъ прежнюю газету, тогда Влодекъ сталъ предъявлять претензіи къ университету. Дѣло рѣшено едва въ 1812 г.: газета осталась за университетомъ, съ обязательствомъ ежегодной уплаты Влодеку по 500 червонцевъ. Во время нашествія французовъ, редакторомъ былъ Даниловичъ, умѣвшій до такой степени расположить къ себѣ Императора Наполеона, что тотъ сдѣлалъ его директоромъ полиціи. Въ 1813 г. редакторомъ былъ профессоръ Словацкій, а въ 1815, на правахъ аренднаго содержанія, Антонъ Марциновскій, который и издавалъ ее до 1840 г. Съ 1834 г. газета эта начала издаваться на двухъ языкахъ, на русскомъ и польскомъ. Съ 1 января 1840 г. Марциновскій отказался отъ газеты; учреждена была официальная редакція при виленскомъ дворянскомъ институтѣ. Редакторомъ назначенъ А. Э. Одынецъ, поэтъ, о которомъ мы уже говорили, съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ. Ему назначены были два помощника. Съ 1841 газету приказано называть вмѣсто Литовскій, «Виленскій Вѣстникъ» (Wileński Kuryer). Въ 1859 г. газета по докладу министра нар. просв. Е. П. Ковалевскаго преобразована. Казенная редакція упразднена, Одынецъ получилъ полный пенсіонъ, а газета передана въ арендное содержаніе съ 1 января 1860 А. К. Киркору. Съ этого времени официальный отдѣлъ (указы, распоряженія правительства, приказы и т. п.) печатался попрежнему на русскомъ и польскомъ, фельетонъ на одномъ русскомъ, а прочіе отдѣлы, передовыя статьи, политическій и литературный отдѣлъ, корреспонденціи и пр. на одномъ польскомъ. Въ первомъ же полугодіи число подписчиковъ съ 220 увеличилось до 3000. Въ газетѣ приняли сотрудничество многіе извѣстнѣйшіе ученые и литераторы (Нарбуттъ, Ярошевичъ, Малиновскій, Кондратовичъ, Крашевскій, Гомолицкій, графы Константинъ и Евстафій Тышкевичи, Ходьзко, Балинскій и мн. др.). Въ русскомъ отдѣлѣ сотрудничали: П. В. Кукольникъ, М. И. Гусевъ, В. И. Веселовскій и др. — Съ 1 января 1866 г. редакція была упразднена. Газета и теперь издается, но уже на русскомъ языкѣ. Редакторомъ ея С. А. Поль.

1804 г. Станиславъ Старжинскій началъ издавать литературный журналъ «Виленскій Еженедѣльнихъ» (Tygodnik). Изданіе продолжалось по 1823 г. Вышло всего 13 томовъ.

Въ 1805 г. проф. Юндзиллъ и Андрей Снядецкій основали тоже учено-лутературный журналъ: «Виленскій Дневникъ» (Dziennik), существовавшій всего два года. Но съ 1815 «Дневникъ» опять началъ издаваться, сначала подъ редакціей К. Контрима, потомъ А. Марциновскаго. Изданіе продолжалось по 1830.

Съ 1816 г. начали издаваться «Мостовыя извѣстія» (Brukowe wiadomośći), сатирическій журналъ, имѣвшій необыкновенный успѣхъ и сдѣлавшійся грозою для многихъ. Журналъ продолжался до конца 1821. Въ томъ же духѣ и направленіи издавалъ потомъ (съ 1830—1833) извѣстный О. И. Сенковскій (баронъ Брамбеусъ) въ Петербургѣ журналъ «Баламутъ Петербургскій» (Balamut Petersburski). Въ немъ Сенковскій, превосходно писавшій по польски, наводилъ ужасъ и громилъ безпощадно тунеядцевъ, пьяницъ, лихоимцевъ и т. п.

Съ 1820 — 1824 издавались «Человѣколюбивыя Дѣянія» (Dzieje Dobroczynnosci), журналъ заключавшій преимущественно историческія статьи, касающіяся разныхъ богоугодныхъ учрежденій. Редакторомъ былъ ученый Малиновскій, сотрудниками Контримъ, Рогальскій, Одынецъ и др. Кромѣ того издавались разные специальные журналы.

1831 годъ прекратилъ всѣ изданія; остался только «Литовскій Вѣстникъ.» Но съ 1834 начали издаваться «Wizerunki» (Образы), сборникъ, заключавшій статьи преимущественно серьезнаго содержанія. Онѣ издавались по 1843 г. Затѣмъ съ 1841 — 1851 издавались «Атенеумъ» Крашевскаго (60 томовъ), «Радегастъ» въ 1843 и «Умственныя Записки» 1844—1845—Киркора. «Народъ и Время» (Lud i Czas) Филиповича, 1845; «Виленская Тека» (Портфель) Киркора въ 1857—

1858 — 6 томовъ, затѣмъ, какъ продолженіе «Теки», 3 тома «Сборниковъ» (Pismo Zbiorowe) — 1859 — 1862. Кромѣ того издавались разные альманахи.

Виленскій губернскій статистическій комитетъ съ 1845 г. издавалъ Памятныя книжки; съ 1849 — 1854 ежегодно, подъ редакціей Киркора, издавались на русскомъ языкѣ особые сборники (Историко-статистическія свѣдѣнія, Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа). Сборники эти возобновились съ 1860 (губернаторомъ и предсѣдателемъ комитета былъ М. Н. Похвисневъ; помощникомъ предсѣдателя А. К. Киркоръ). На 1860 годъ сборникъ изданъ подъ редакціею Ю. О. Шрейера, 1861 — А. К. Корева; на 1863, послѣ преобразованія комитета, изданъ сборникъ историко-статистическихъ матеріаловъ, подъ редакціею виленскаго астронома М. И. Гусева. Этимъ учено-литературная дѣятельность комитета закончена; но подъ общимъ заглавіемъ, издаваемыя ежегодно Памятныя книжки, заключаютъ также разныя, хорошо составленныя статистическія данныя. Редакторомъ Памятныхъ книжекъ былъ О. А. Левенштернъ, состоящій членомъ и секретаремъ комитета съ 1854 г.

Сборники, о которыхъ мы упомянули, заключаютъ много важныхъ матеріаловъ для исторіи, статистики и этнографіи края. М. Н. Похвисневъ направилъ комитетъ къ широкой дѣятельности. Довольно просмотрѣть программы подробнаго описанія края, чтобы убѣдиться въ томъ. Въ трудахъ комитета принимали живое участіе всѣ тогдашніе ученые и литераторы въ Вильнѣ. 1863 г. разрушилъ всѣ эти благія стремленія, и ни одна изъ программъ не осуществлена.

Духовное вѣдомство издаетъ Епархіальныя Вѣдомости, въ которыхъ помѣщаются и литературныя статьи. Въ нихъ участвовалъ и знаменитый Плакидъ Янковскій.

Драматическія представленія открылись въ Вильнѣ въ 1785 г. въ домѣ б. Оскерковъ, потомъ Абрамовича, гдѣ нынѣ домъ гражданскаго губернатора. Основателемъ былъ извѣстный польскій артистъ Войцѣхъ Богуславскій. Въ 1803 Монаретти и Дейбель основали балетъ. Потомъ театръ былъ устроенъ Моравскимъ изъ развалинъ Радзивилловскаго дворца на Виленской улицѣ. Виленскій театръ пользовался извѣстностью. Подъ дирекціею Матвѣя Кажинскаго, знаменитаго артиста (отца Виктора Кажинскаго, бывшаго капельмейстера Александринскаго театра, виленская труппа въ началѣ нынѣшняго столѣтія давала представленія не безъ успѣха), въ Петербургѣ и Москвѣ. Знаменитый польскій артистъ Веровскій въ первый разъ явился на сценѣ въ Вильнѣ. Прославленный въ Европѣ и Америкѣ Богумилъ Дависонъ, отвергнутый въ юныхъ годахъ въ Варшавѣ, пріѣхалъ въ Вильно и здѣсь снискалъ извѣстность. Варшавскіе артисты также пріѣзжали въ Вильно и являлись на сценѣ, какъ Ледуховская, Трускуляская, Кудличъ, Дмошевскій и др. Собственно же виленскіе артисты, пользовавшіеся особеннымъ уваженіемъ, были: Роговскій, Фишеръ, Діонизій Кажинскій (сынъ Матвѣя), Статковскіе, Моравскіе, Скибинскій, Бродовичева (жена знаменитаго краковскаго врача — профессора и ректора университета, потомъ вышедшая замужъ за Скибинскаго), Ашпергеры, Іосифъ Суревичъ, Хелмиковскій, Дерингъ и, знаменитѣе всѣхъ ихъ, талантливая Изабелла Горская. Нѣкоторое время существовала въ Вильнѣ нѣмецкая опера, подъ дирекціею Шмидкофа. Варшавскій балетмейстеръ Морисъ Піонъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, съ большимъ успѣхомъ, давалъ балетныя представленія. Театръ представлялъ всегда родъ артели — артисты избирали главнаго руководителя и дѣлились доходами. Въ 1844 произошелъ расколъ въ труппѣ: Новаковскій и Резголь отдѣлились и, покровительствуемые губернаторомъ Семеновымъ, устроили русскій театръ. Польская труппа оставалась подъ дирекціею Суревича и продолжала давать польскіе спектакли. Въ 1845 году театральныя представленія начались въ зданіи городской ратуши. Первое представленіе дано было 14 декабря. Это было начало польско-русскаго театра. Играли польскую пьесу «Федра» и двѣ русскія: «Жену кавалериста» и «Двѣ противъ одного». Въ 1863, польскія представленія были совсѣмъ прекращены. Съ тѣхъ поръ существуетъ русскій театръ.

Мы видѣли, что интеллигентныя силы Литвы и Руси долго отстаивали свою національную независимость; но когда историческое колесо повернуло на сторону Поляковъ, когда послѣдо-

вало постепенное сліяніе этихъ народовъ, Литовцы и Бѣлоруссы стали перенимать отъ своихъ союзниковъ многое хорошее и дурное. Мы не разъ указывали и старались доказать, что какъ умственное развитіе, такъ и гражданственность въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, до сліянія съ Поляками, вовсе не были на такой низкой степени, какъ это представляютъ нѣкоторые историки. Нельзя однако не согласиться, что какъ въ образованіи, такъ въ гражданскихъ правахъ и учрежденіяхъ, наконецъ въ глубоко сознанномъ чувствѣ патріотизма, Поляки имѣли значительный перевѣсъ надъ Литовцами и Бѣлоруссами. Этимъ-то и объясняется, что, по естественному закону природы, высшая, сильнѣшая цивилизація поглотила слабѣйшую, младшую.

Сліянные съ Польшею народы не пострадали однако отъ этого, какъ въ отношеніи умственныхъ способностей, такъ въ мужествѣ, силѣ характера, выдержкѣ и твердости; напротивъ, они не только никогда не уступали Полякамъ въ этихъ качествахъ, но часто даже превосходили ихъ. Лучшіе, знаменитѣйшіе люди на всѣхъ поприщахъ въ періодъ трехвѣковой общей исторической судьбы, большею частью были изъ уроженцевъ Литвы и Бѣлоруссіи. Достаточно вспомнить, хотя изъ послѣднихъ временъ, имена Костюшки (уроженца Гродненской губ.), Рейтана (Минской губ.), Нарушевича (Пинскаго уѣзда), Нѣмцевича (Гродненской губ.), Мицкевича (Новогрудскаго у.), Крашевскаго (Гроднен. губ.).

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ бѣглый очеркъ умственной жизни и развитія просвѣщенія въ Литовскомъ полѣсьѣ.

А. К. Киркоръ.

Придорожный крестъ.

ОЧЕРКЪ VIII.

ГОРОДЪ ВИЛЬНО.

Вильно.—Территорія города.—Его основаніе и историческія судьбы.—Достопримѣчательности города.—Христіанскіе храмы; музеи; библіотеки; архивы.—Кладбища.—Окрестности: Антоколь, Тринополь, Верки, Поплавы, Гуры и т. д.

О Литва моя святая, о мой край родной,
Милы мнѣ твои пустыни, твой просторъ глухой!
Неприглядно и непышно смотритъ глушь твоя,
Не напомнишь ты собою южные края.
Нѣтъ въ тебѣ, мой край родимый, нѣтъ такихъ красотъ!
Небеса твои безъ блеска, сумраченъ твой видъ,
И очей питомцевъ юга онъ не поразитъ....
Не сверкаетъ въ водопадахъ рѣкъ твоихъ волна,
А въ лѣсахъ твоихъ осина, ольха да сосна...
Если-жъ въ глубь твою, о, край мой, зорче кинутъ взглядъ,
Неожиданно въ ней встрѣтятъ драгоцѣнный кладъ:
Цвѣтъ чудесъ, фрегатъ британскій, баловень волны,
О Литва родная, срубленъ изъ твоей сосны!

СЫРОКОМЛЯ.

Съ трехъ сторонъ окруженный живописными лѣсистыми возвышеніями, въ долинѣ, при впаденіи р. Вилейки въ Вилію, лежитъ городъ Вильно, древняя столица великаго княжества Литовско-русскаго, нынѣ губернскій городъ Виленской губерніи. Только на сѣверѣ, за рѣкою Виліею, разстилается равнина, простирающаяся почти на квадратную милю. Самое возвышенное мѣсто въ окрестностяхъ города — Лысая гора, имѣющая 200 фут. высоты надъ уровнемъ Виліи, который возвышается надъ моремъ на 188 футовъ. Городъ Вильно расположенъ подъ 54° 41′ с. ш. на Варшавской желѣзной дорогѣ, въ 707 вер. отъ Петербурга и въ 504 отъ Варшавы. Онъ растянутъ отъ Остробрамской заставы до Антокольской и далѣе Антокольскимъ предмѣстьемъ до Вершубки на 6 вер., занимая площадь въ 1310 дес., при окружности въ 27 верстъ.

Вильно принадлежитъ къ древнѣйшимъ литовскимъ поселеніямъ. Мы пишемъ *Вильно*, а не *Вильна*, потому что такъ назывался этотъ городъ въ древнихъ русскихъ актахъ. Укажемъ здѣсь на правительственную табель раскладки на города повинностей въ 1501 году (См. Акты Зап. Рос., т. I., № 193). Здѣсь говорится *Вильно*, а не Вильна. Браунъ на планѣ 1555 года называетъ *Вильна*, также и нѣкоторые латинскіе хроникеры; но въ русскихъ актахъ говорится Вильно.

Полагаютъ, что первоначальными основателями этого города были Славяне, изъ племени Волоти (Вильки, Лютики), во II вѣкѣ по Р. Х. Птоломей упоминаетъ объ нихъ, какъ о поселенцахъ береговъ Балтійскаго моря. Племя это двинулось потомъ на сѣверъ, впослѣдствіи проникло на берега Нижней Одры и было грозою Германцевъ. Воскресенская лѣтопись (I., 48) говоритъ, что около 1128 г., когда Мстиславъ Великій напалъ на земли Кривичей, окрестные жители города Вильно избрали своимъ княземъ Ростислава Рогволодовича. Мы уже указали въ историческомъ очеркѣ, что выводъ князей литовскихъ отъ полоцкихъ весьма вѣроятенъ.

Сказаніе, или лучше догадка Длугоша, будто бы Вильно получило названіе отъ вождя Виллюса, пришедшаго изъ Италіи, не выдерживаетъ критики. Болѣе замѣчательно повѣствованіе извѣстнаго скандинавскаго путешественника по всему Сѣверу (въ XII ст.) Снорро-Стурлезона, который пишетъ, что въ окрестностяхъ города Вильно (Вильни, Вылне, Вельне) онъ встрѣтилъ своихъ одноземцевъ, съ которыми могъ объясниться на родномъ языкѣ. Изъ лѣтописи Эрика

Видъ съ Замковой горы.

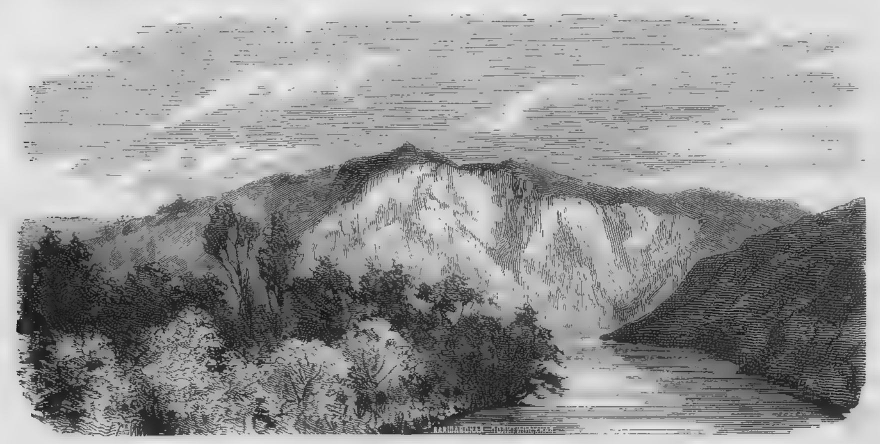
мы знаемъ, что еще въ IX ст. (около 880 г). многіе Скандинавы поселились на прибрежьяхъ Балтійскаго моря. Весьма вѣроятно, что часть ихъ могла двинуться въ окрестности г. Вильно и здѣсь слилась съ туземцами, но еще въ XII ст. не забыла своего языка.

Въ до историческое время могли проникать сюда Славяне-Вильки, Скандинавы, могли здѣсь и господствовать князья, или вожди изъ рода князей полоцкихъ, но коренными обитателями были всегда Литовцы. Доказательствомъ древности поселенія въ Вильнѣ въ доисторическое время служитъ *городище*, съ подземнымъ ходомъ (до сихъ поръ существующимъ), съ воздвигнутою впослѣдствіи на немъ башнею, отъ чего потомъ самая эта мѣстность прозвана *бакштой* (гдѣ нынѣ воспитательный домъ «Іисусъ младенецъ»). Здѣсь надобно искать главнаго поселенія въ древнѣйшее время, на берегу Виленки, или Вилейки, среди дремучихъ лѣсовъ. Съ теченіемъ времени, какъ вездѣ, городище превратилось въ крѣпость, вокругъ которой селились Литовцы. Дремучіе лѣса, двѣ рѣки, необходимыя принадлежности для первобытнаго человѣка, рыболова-охотника, конечно привлекали его сюда по самому мѣстоположенію. Какъ вокругъ городища, такъ равно и по теченію *Виліи*, на *Антоколи*, на *Вершубкѣ*, могли селиться Литовцы, и надобно думать, что поселеніе это было весьма значительно въ XIII столѣтіи, когда сюда переселился великій жрецъ литовскій, вѣщатель воли боговъ народу, изъ чего ясно, что народу этого было уже здѣсь много.

Этимъ собственно и начинается историческій разсвѣтъ литовской столицы. Около 1270 г. князь Свинторогъ, или Свентерогъ, при впаденіи рѣки Вилейки въ Вилію, въ долинѣ, у по-

дошвы трехъ горъ, основалъ капище Перкунаса. Здѣсь поселился Криве-Кривейте съ жрецами и вайделотками, здѣсь воздвигнута была башня, съ которой онъ вѣщалъ волю боговъ, зажженъ неугасаемый огонь, для поддержанія котораго отведена особая роща, почитавшаяся священною, изъ которой дозволялось рубить дрова только для капища Перкунаса. Долина эта получила названіе отъ имени основателя храма, Свинторога. Послѣ смерти, на этой же долинѣ было сожжено тѣло его, что повторялось каждый разъ послѣ смерти князей, остававшихся въ язычествѣ. Названіе долины Свинторога повторялось цѣлыя столѣтія почти до нашихъ дней. Долина Свинторога — нынѣ каѳедральная площадь; храмъ Перкунаса, гдѣ нынѣ каѳедральный соборъ; башня Криве-Кривейте, нынѣ колокольня (съ пристройкою) каѳедральнаго собора; священная роща, гдѣ нынѣ садъ по-бернардинскаго монастыря и нынѣ называемый *Гай*.

В. князь Гедиминъ основалъ свою столицу въ Трокахъ. Троки могли быть въ то время важнымъ стратегическимъ пунктомъ, съ замками на сушѣ и на озерѣ Гальва; но не представляли тѣхъ удобствъ, какія по его понятіямъ были необходимы для великокняжествеи столицы. Гедиминъ обратилъ свое вниманіе на Вильно, какъ на центральный пунктъ, гдѣ уже пребывалъ верховный жрецъ, гдѣ находился храмъ главнаго бога Перкунаса, гдѣ самая мѣстность представляла всякаго рода удобства, для основанія столицы, какъ въ городѣ, вѣроятно уже и тогда довольно населенномъ и гдѣ многія столѣтія существовало уже сильно укрѣпленное городище. Эти соображенія заставили дальновиднаго великаго князя избрать своею столицею Вильно.

Видъ Бекешевой горы.

Народная легенда, переданная Стрыйковскимъ, иначе описываетъ намъ основаніе въ Вильнѣ великокняжескихъ замковъ. Гедиминъ пріѣхалъ въ Вильно на охоту, говоритъ легенда. Въ дремучихъ лѣсахъ, окружавшихъ долину Свинторога, много убито разнаго рода звѣрей. Самъ же в. князь, на одной изъ прилегавшихъ высокихъ горъ, убилъ необыкновенной величины тура. Послѣ охоты и обычнаго пиршества великій князь уснулъ. Когда проснулся, онъ разсказалъ окружавшимъ его придворнымъ видѣнный имъ сонъ, именно: на той самой горѣ, на которой былъ убитъ туръ, князь увидалъ большаго желѣзнаго волка, котораго пронзительный вой, казалось, выходилъ изъ внутренностей ста волковъ. Тогда литовскій первосвященникъ, по имени Лездейко, тотчасъ разъяснилъ значеніе сна: желѣзный волкъ—значитъ сильно укрѣпленный замокъ, который долженъ быть построенъ на этой горѣ, пронзительный же вой волка означаетъ многолюдный и славный городъ, который будетъ построенъ вокругъ долины Свинторога.

Легенда, можетъ быть, вполнѣ справедлива. Истолкованіе сновъ, особенно первосвященникомъ, какъ и всякія его предсказанія, сильно дѣйствовали на воображеніе народа: народъ видѣлъ въ

нихъ волю боговъ, возвѣщаемую ихъ намѣстникомъ, Криве-Кривейтомъ. Немудрено поэтому, что Гедиминъ ранѣе условился съ Лездейкою, какъ онъ долженъ истолковать будто бы видѣнный имъ сонъ.

Такимъ образомъ, начало будущей столицы, въ глазахъ народа, было какъ бы освящено волею боговъ, возвѣщенною первосвященникомъ, предсказавшимъ ея величіе и славу.

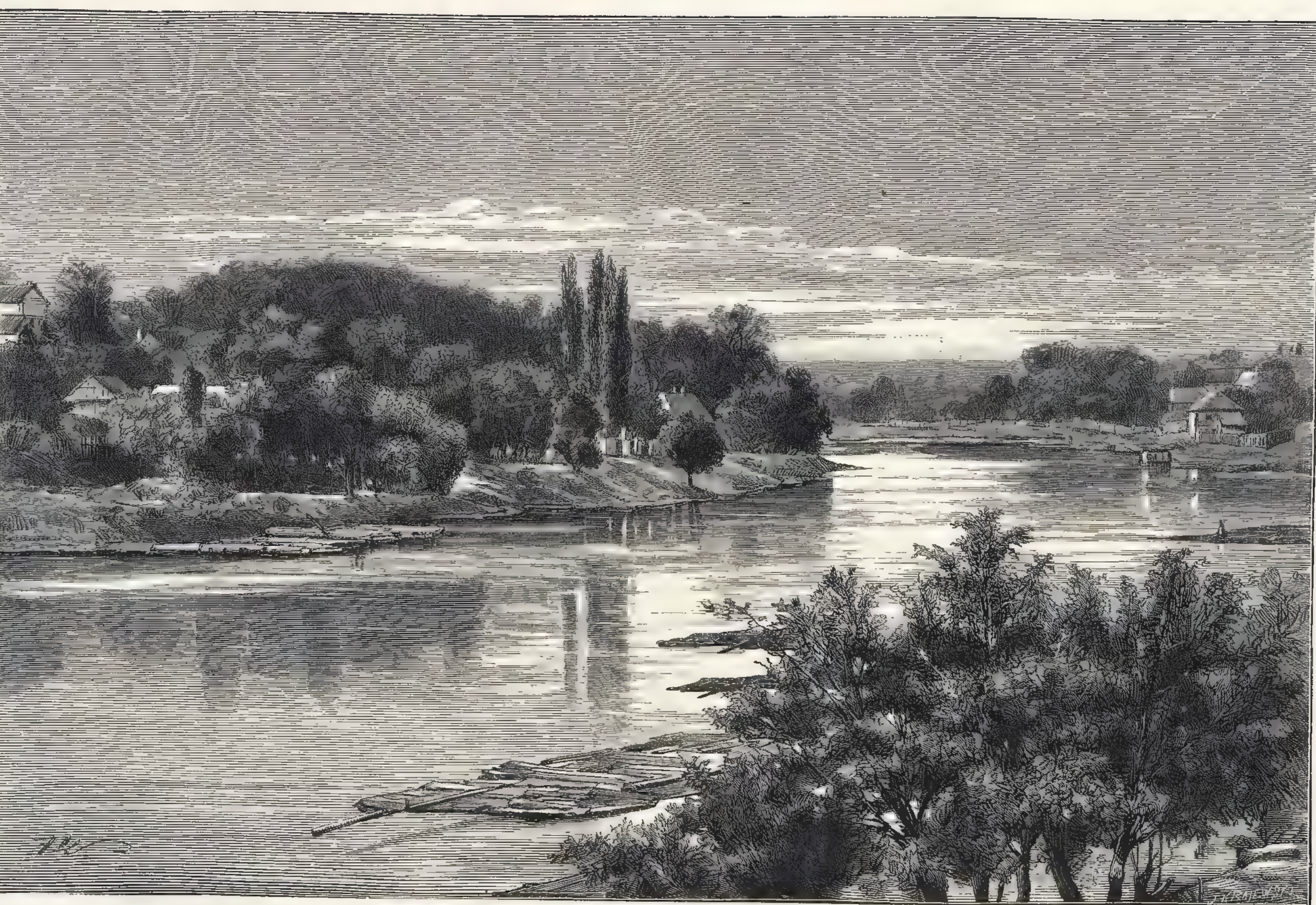
Первыя сооруженія шли быстро. Согнали тысячи народа, даже изъ Бѣлоруссіи, а работа вѣроятно была тяжела, когда у Бѣлоруссовъ съ того времени сохранилась поговорка, въ родѣ проклятія: «Штобъ табѣ ходиць у Вильно горы копаци».

Вскорѣ построенъ былъ замокъ на той самой горѣ, на которой Гедиминъ убилъ тура. Остатки стѣнъ замка и шестиугольная каменная башня сохранились и до сихъ поръ. Внизу, вблизи капища Перкунаса построенъ былъ деревянный домъ, въ которомъ и поселился Гедиминъ съ своимъ семействомъ. Мы знаемъ, что 2 октября 1323 года онъ уже жилъ въ Вильнѣ, ибо въ этотъ день здѣсь подписанъ имъ трактатъ съ магистромъ Меченосцевъ и архіепископомъ рижскимъ.

Лучшимъ доказательствомъ, что еще до постройки Гедиминомъ великокняжескихъ замковъ городъ уже существовалъ, служитъ то, что еще въ 1306 г. для русскихъ пріѣзжихъ купцовъ здѣсь находился *гостиный дворъ*; затѣмъ въ 1315, т. е. тоже еще до переселенія сюда великаго князя, основанъ былъ второй гостинный дворъ, а въ 1326 г. и Евреи основали здѣсь для себя особый гостиный дворъ.

Понятно, что съ 1323 г. великокняжескій дворъ окружили князья и бояре изъ русскихъ областей. Населеніе увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число домовъ постоянно увеличивалось. Гедиминъ, заботясь о распространеніи торговли, пригласилъ многихъ Нѣмцевъ изъ Ганзейскихъ городовъ переселиться въ Вильно, обезпечивъ для нихъ свободу совѣсти и даровавъ тѣ же права и преимущества, какими они пользовались на родинѣ. Городъ уже при Гедиминѣ раздѣлился на три части, кои потомъ получили названіе *половицъ*. Вокругъ замка и капища Перкунаса жили собственно Литовцы. Нынѣшняя Замковая улица и прилегавшія къ ней мѣстности составляли Литовскую половицу. Большая улица до Острыхъ воротъ и далѣе, а также Зарѣчная часть и впослѣдствіи мѣстность, носящая названіе Поповщизны (Поповщины), составляли Русскую половицу. Нѣмцы и Евреи поселились въ той части города, которая и до нашихъ дней сохранила названіе Нѣмецкой и Еврейскихъ улицъ.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что если еще не до Гедимина, то во всякомъ случаѣ въ его царствованіе въ Вильнѣ были уже храмы какъ восточнаго, такъ и западнаго обрядовъ. Думаютъ, что первымъ православнымъ храмомъ была церковь св. Николая (перенесенія мощей), и донынѣ существующая. Сказаніе это не подтверждается никакими актами; оно сложилось по преданію и догадкамъ, нелишеннымъ значенія уже потому, что, какъ извѣстно, славянскіе народы выше другихъ чтили и покланялись именно св. Николаю. Св. Илья и св. Николай въ понятіи народа при введеніи христіанства заступили мѣсто Перуна и Стрибога; но св. Николай иногда является и самъ въ соотвѣтствіи Перуну; тамъ же, гдѣ вѣровали въ Святовита, ему назначили преемникомъ св. Николая или св. Вита. Но, не слѣдуетъ забывать, что въ Вильнѣ была и другая весьма древняя церковь св. Николая (успенія), по преданію всегда считавшаяся старѣйшею (гдѣ нынѣ дома купца Іогихеса и Голавскаго, на углу Пятницкаго переулка). Одновременно съ православною, прибывшими изъ Ганзейскихъ городовъ Нѣмцами-католиками основана была римско-католическая церковь и тоже во имя св. Николя, на томъ же мѣстѣ, гдѣ до послѣдняго времени существовалъ костелъ св. Николая, въ готическомъ стилѣ. Уже при Гединѣ монахи францисканы были въ Литвѣ и въ Вильнѣ, и по ихъ совѣту Гедиминъ писалъ къ папѣ, изъявляя согласіе принять католическое исповѣданіе. Пріѣзжали и послы отъ папы, но Гедиминъ отказался исполнить обѣщаніе.

Берега Вилейки.

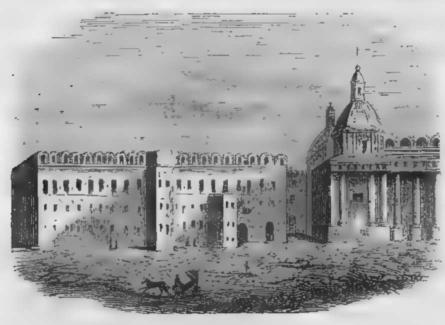
При Ольгердѣ городъ Вильно, по описаніямъ орденскихъ лѣтописцевъ, представляется не только населеннымъ и хорошо застроеннымъ городомъ, но и занимающимъ уже видное мѣсто въ торгово-промышленномъ отношеніи. Особою привилегіею виленскіе торговцы были освобождены отъ пошлинъ въ цѣломъ государствѣ. Вильно сдѣлалось центральнымъ складочнымъ пунктомъ товаровъ, привозимыхъ съ востока и юга; отсюда они не только были развозимы по всему краю, но отправлялись также въ Ригу и другіе Ганзейскіе города. Янтарь игралъ весьма важную роль въ торговыхъ сношеніяхъ. Его во множествѣ свозили изъ Жмуди, съ береговъ Балтики, складывали въ виленскихъ гостиныхъ дворахъ и потомъ отсюда уже распространяли по разнымъ странамъ. Рыбная ловля была въ большомъ развитіи; жмудскія сельди славились повсюду. У Литовцевъ были зубры, туры, медвѣди, олени, бобры, лисицы; много было меда и воска; были наконецъ табуны дикихъ коней особой породы, до сихъ поръ сохранившейся на Жмуди, нѣсколько напоминающей вятскихъ лошадей; ленъ, пенька, конопля производились въ изобиліи. Всѣ эти предметы доставляли возможность вести обширный мѣновой торгъ на разнаго рода оружіе, земледѣльческія орудія, на соль, перецъ, мыло и т. п.; средоточіемъ же торговли было Вильно, гдѣ купцы Новгорода-Великаго основали свой собственный гостиный дворъ.

Сначала Нѣманъ, а около 1380 и Вилія были уже судоходными рѣками. Виленское и иностранное купечества Виліею сплавливали свои товары въ 1444, 1494, 1535 и послѣдующихъ годахъ. Въ 1589 Вилія была вновь очищена издержками виленскихъ купцовъ. Потомъ очистка была возобновлена въ 1606 на счетъ правительства. Гваньини въ своей хроникѣ (1611) свидѣтельствуетъ, что Вилія рѣка судоходная и что по ней отправляли товары въ Данцигъ. Вилейка въ XIV ст. имѣла совершенно другое направленіе; она текла мимо Замковой и Трикрестовой горъ, окружала нижній замокъ и за нынѣшнимъ каѳедральнымъ соборомъ впадала въ Вилію. Съ противоположной стороны, т. е. съ запада, протекалъ ручей *Вингеръ* и впадалъ въ Вилію почти рядомъ съ Вилейкою.

Изъ сказаній современныхъ лѣтописцевъ можно хотя приблизительно нарисовать картину литовской столицы, какою она была во второй половинѣ XIV столѣтія. На горѣ красовался величественный, сильно укрѣпленный замокъ, съ тремя башнями, окруженный валомъ. У подошвы этой горы тянулся нижній замокъ, называемый *Кривымъ Градомъ*. Далѣе между Виліею и Вилейкою, вблизи Замковой горы, находились обширныя палаты литовскаго вельможи Монивида. Къ храму примыкали жилища первосвященника, жрецовъ и вайделотовъ. Жилище первосвященника находилось возлѣ круглой башни (нынѣ колокольня каѳ. собора) съ окошкомъ, чрезъ которое онъ вѣщалъ народу волю боговъ. Жилище его составляли обширныя палаты, съ четырьмя башнями. Зданіе это извѣстно было въ нынѣшнемъ столѣтіи подъ названіемъ дома викаріевъ. Оно снесено послѣ 1831 г. Великокняжескій дворецъ, или нижній замокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій, съ особыми кладовыми, амбарами, конюшнями. Зданія эти были большею частью деревянныя, но ихъ окружала высокая каменная стѣна съ башнями. Кромѣ того, весь Кривой Градъ, въ составъ котораго входила и долина Свинторога съ храмомъ и разными постройками, окруженъ былъ высокимъ частоколомъ и кромѣ того его омывали воды Вилейки и особаго канала, устроеннаго еще Гедиминомъ, соединявшаго Вилію съ Вилейкою. Изъ Криваго Града, проведены были разныя дороги. Такъ изъ западныхъ воротъ проходила дорога чрезъ два моста на Вилейкѣ и Вингрѣ, потомъ черезъ паромъ на Виліи, въ древнѣйшую столицу Литвы, въ Керновъ, а также въ Вилкомирскій замокъ. Эта же дорога, налѣво отъ парома, вела въ священную рощу (нынѣ Лукишки, независимо отъ *Гая*), гдѣ стояли вѣковые дубы и другія деревья, разнымъ богамъ посвященныя. Изъ замковыхъ воротъ вела дорога одна въ загородный великокняжескій замокъ Мѣдники, а также въ Лиду и Гродно, другая же, направо, въ Троки.

Кромѣ главнаго храма Пе́ркунаса, были въ то время языческія капища на Антоколи, гдѣ нынѣ костелъ св. Петра и гдѣ потомъ, по преданію, изъ капища устроены были палаты Сапѣговъ, нынѣ военный госпиталь. Были еще капища внутри города, гдѣ нынѣ костелъ св. Іоанна и церковь св. Параскевіи (Пятницкая).

Церковь св. Николая могла, по всей вѣроятности, существовать уже при Гедиминѣ, точно также какъ и костелъ св. Николая Нѣмцевъ-католиковъ. Въ царствованіе Ольгерда, первая супруга его, Марія Ярославовна, княжна Витебская, основала церковь св. Параскевіи, или Пятницкую. Вторая же его супруга, Іуліанія Александровна, княжна Тверская, основала церкви Пречистыя Богородицы и св. Тройцы. Воскресенская лѣтопись (2,334) основателемъ церкви Богородицы считаетъ и вел. кн. Ольгерда. Вѣроятно, въ царствованіе Ольгерда, или нѣсколько позже основанъ былъ православный монастырь въ Вильнѣ. По крайней мѣрѣ, при описаніи нападенія Рыцарей на Вильно въ 1390 г. лѣтописи упоминаютъ про виленскихъ православныхъ чернцовъ.

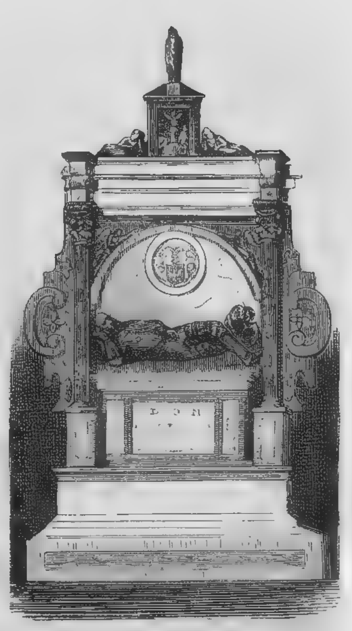
Нижній замокъ великихъ князей литовскихъ.

Католическіе монахи францисканы и доминиканцы, хотя и были въ Вильнѣ еще при Гедиминѣ, но особыхъ монастырей неимѣли. При Ольгердѣ же бояринъ Гастольдъ, исповѣдывавшій римско-католическую вѣру, выписалъ въ Вильно четырнадцать монаховъ францисканскаго ордена и устроилъ для нихъ монастырь съ костеломъ въ своихъ палатахъ, находившихся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ генералъ-губернаторовъ. Въ 1368, во время похода Ольгерда съ Гастольдомъ на Москву, литовскіе язычники напали на францискановъ и умертвили ихъ. Францисканскія лѣтописи увѣряютъ, что семь монаховъ язычники привязали къ крестамъ и бросили съ горы въ рѣку, въ память чего на этой горѣ всегда ставили три креста и самая гора до сихъ поръ сохранила названіе Трехкрестовой. Фактъ этотъ подлежитъ сомнѣнію. Трехкрестовая гора находится вблизи Замковой, гдѣ, хотя и въ отсутствіи вел. князя, былъ же гарнизонъ, и едва ли возможно допустить, чтобы на означенной горѣ язычники могли совершить такого рода казнь. Что же касается крестовъ, то, по мнѣнію профессора Даниловича, они поставлены въ память дарованія городу магдебургскихъ законовъ, чему были примѣры и въ другихъ городахъ, гдѣ въ ознаменованіе этого событія также воздвигали кресты. Гастольдъ вторично выписалъ монаховъ францискановъ и поселилъ ихъ на *Пескахъ*, т. е. тамъ, гдѣ уже существовалъ первый католическій костелъ св. Николая Потомъ воздвигнутъ былъ для нихъ другой костелъ, вблизи перваго, и построенъ монастырь Францисканскія лѣтописи говорятъ, что монахи подверглись и вторичному избіенію, но дѣйствительность этого событія подлежитъ большому сомнѣнію.

Въ царствованіе Ольгерда произошло событіе, котораго историческая критика не можетъ объяснить съ положительною ясностью. Мы знаемъ Ольгерда какъ покровителя христіанъ. Лѣтописи намъ говорятъ, что онъ самъ былъ основателемъ православной церкви въ Вильнѣ; что имъ же воздвигнуты были двѣ церкви въ Витебскѣ: Благовѣщенская и св. Духовская, что супруги его безпрепятственно воздвигали православные храмы, а католикъ Гастольдъ основалъ монастырь и костелъ францискановъ.

Между тѣмъ лѣтописи намъ передаютъ, что въ 1342 г., по настоянію жрецовъ, Ольгердъ велѣлъ казнить двухъ литвиновъ, бывшихъ у него въ услуженіи, Куклея и Миклея, а въ 1347 г. третьяго, по имени Нежило, за принятіе греческой вѣры. Восточная церковь причла ихъ къ лику святыхъ (Четь-минеи 14 апрѣля), подъ именами *Антонія, Іоанна и Евстафія*, виленскихъ мучениковъ. Обстоятельства, побудившія Ольгерда сдѣлать уступку языческимъ

жрецамъ, уже утратившимъ свою силу въ то время, когда престолъ Ольгерда былъ окруженъ столькими христіанами, остаются неразъясненными. Затѣмъ раждается новый, также не вполнѣ разъясненный вопросъ: гдѣ были погребены св. мученики? Лѣтопись говоритъ: «Тогоже году (1347) убіенъ бысть отъ Ольгерда Круглецъ (Нежило?), нареченный во св. крещеніи Евстафій, за вѣру христіанскую, *и положенъ быть у св. Николы въ Вильнѣ* со сродники своими во гробѣ, съ великими мученики Антоніемъ и Іоанномъ, иже пострадаша за православную вѣру». Вотъ единственное, возможно достовѣрное сказаніе о мѣстѣ погребенія св. мучениковъ. Но здѣсь раждается новый вопросъ: въ которой Никольской церкви, когда, какъ мы уже знаемъ, ихъ было двѣ: *Успенія* и *Перенесенія мощей* и обѣ считаются древними. Мы думаемъ, что въ церкви св. Николая успенія (т. е. гдѣ нынѣ дома Голавскаго и Іогифеса, на углу Пятницкаго переулка, бывшаго Лоточка). Такъ думали глубокіе изслѣдователи виленской старины: профессоръ Михаилъ Гомолицкій, Ѳ. Е. Нарбуттъ и А. Марциновскій. Мысль, что мученики похоронены въ церкви св. Николая перенесенія мощей, родилась у протоіерея Пщолки едва въ 1864 году, когда возникъ вопросъ о постройкѣ часовни св. архистратига Михаила въ соединеніи съ возобновленіемъ означенной Никольской церкви. Между тѣмъ А. Н. Муравьевъ, извѣстный авторъ путешествія «По святымъ мѣстамъ русскимъ», въ изданной имъ «Русской Вильнѣ» (стр. 38) говоритъ правильнѣе, что церковь эта основана второю супругою Ольгерда, Іуліаніею. Ольгердъ женился на Іуліаніи въ 1349; слѣдовательно, церковь построена позже. Какимъ же образомъ могли быть въ ней погребены мученики въ 1342 и 1347 г.? Лѣтопись же указываетъ ясно, что св. мученики были *положены у св. Николая*, т. е. что церковь въ то время уже существовала и потому не иная, какъ та, которую мы указали выше, т. е. *св. Николая успенія*.

Гробница кн. Радзивила въ побернардинскомъ костелѣ.

Съ 1347 по 1826 годъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о мощахъ св. мучениковъ не имѣется. Мощи эти были найдены въ 1826 въ св. Духовской монастырской церкви тогдашнимъ архимандритомъ и выставлены имъ торжественно въ самомъ храмѣ. Тысячи народа всѣхъ исповѣданій спѣшили въ церковь и поклонялись мощамъ. Монахи цѣлый день служили молебны. Не знаемъ ужь почему тогдашнему генералъ-губернатору А. М. Римскому-Корсакову это не понравилось. По его приказанію виленскій полиціймейстеръ прибылъ въ церковь и потребовалъ, чтобы мощи св. угодниковъ были положены въ склепъ, что конечно и было исполнено. Архимандритъ жаловался на такое распоряженіе минскому архіепископу Анатолію, вѣдѣнію котораго въ то время подлежалъ виленскій св. Духовскій монастырь. Послѣдній затребовалъ отъ архимандрита ближайшихъ свѣдѣній: какимъ образомъ онъ отличаетъ мощи угодниковъ. Архимандритъ далъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, указывая на увѣчья и раны, замѣтныя въ мощахъ и согласныя съ описаніями лѣтописей. Тогда архіепископъ донесъ обо всемъ Святѣйшему Синоду, по распоряженію котораго, архіепископъ Анатолій вмѣстѣ съ епископомъ черниговскимъ и нѣжинскимъ, Лаврентіемъ, присланы были въ Вильно для подробнаго осмотра св. мощей. Вслѣдствіе сего оба іерарха представили въ Синодъ обстоятельное донесеніе, которымъ было обнаружено, что поврежденіе на тѣлахъ мучениковъ соотвѣтствовали роду претерпѣнныхъ имъ мукъ.

Съ заключеніемъ іерарховъ согласился св. Синодъ. Полагаютъ, что мощи св. виленскихъ мучениковъ изъ Никольской церкви были перенесены въ церковь Св. Троицы, а въ началѣ

второй половины XVII вѣка, когда русскія войска заняли Вильно, перенесены изъ Троицкой, уже въ то время уніатской церкви, въ единственную въ то время православную св. Духа.

Но возвратимся еще къ Ольгерду. Благоденствію и процвѣтанію города препятствовали нападенія Тевтонцевъ. Въ 1365 и 1377 они окружали Вильно и хотя не взяли замка, но сожгли и опустошили значительную часть города.

Въ этомъ же 1377 г. умеръ храбрый Ольгердъ, стяжавъ славу героя кровію множества людей и пепломъ городовъ. Лѣтописцы увѣряютъ, что онъ передъ смертію принялъ православную вѣру. Уже Полевой сомнѣвался въ этомъ. Мы думаемъ, что онъ родился христіаниномъ и только по политическимъ обстоятельствамъ разыгрывалъ роль язычника. Если бы онъ дѣйствительно былъ язычникомъ и передъ смертью отрекся отъ язычества, тогда его сыну и наслѣднику, Ягайлѣ, не было бы никакой надобности разыгрывать роль язычника, хотя всѣмъ было извѣстно, что всѣ сыновья Ольгерда родились христіанами. Не только Ольгердъ, но даже и Гедиминъ въ русскихъ областяхъ были въ глазахъ народа христіанами и вѣроятно исполняли христіанскіе обряды, а въ собственной Литвѣ прикидывались язычниками, конечно при торжественныхъ служеніяхъ и большомъ стеченіи народа. Такъ, даже и послѣ смерти самыя похороны были двойныя: въ Пречистенской церкви погребено его тѣло, а въ долинѣ Свинторога горѣлъ костеръ, на немъ горѣло восемнадцать любимыхъ коней Ольгерда, его доспѣхи, одѣяніе и любимые предметы. Народъ, вѣроятно, думалъ, что и самый прахъ великаго князя сожигается. Такъ даже думали свидѣтели этого обряда изъ Рыцарей, находившіеся тогда въ Вильнѣ.

Церковь св. Николая.

Со времени принятія Ягайломъ крещенія по католическому обряду вмѣстѣ со многими литовскими боярами и послѣдовавшаго затѣмъ повсемѣстнаго низверженія идоловъ въ цѣломъ государствѣ, съ основаніемъ многихъ католическихъ храмовъ во всей странѣ, Вильно приняло характеръ христіанскаго города, хотя языческія преданія и самые обряды долго еще сохранялись какъ въ столицѣ, такъ въ особенности въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ.

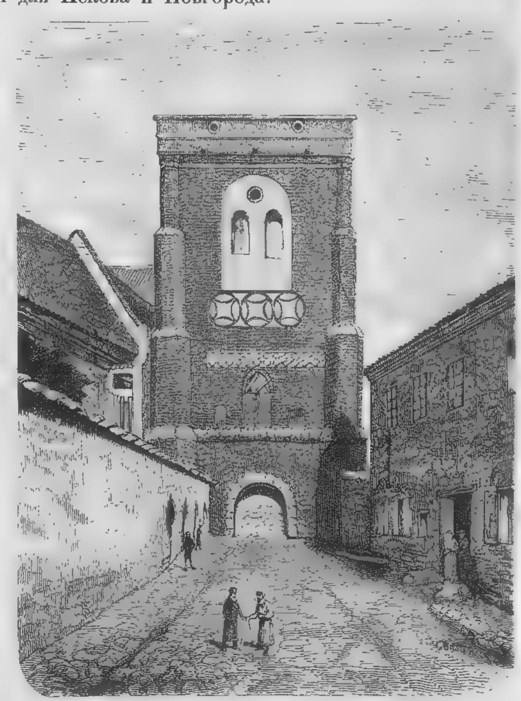
Ягайло даровалъ городу магдебургское право (1387). Съ этого времени древній гербъ города, изображавшій *алциса*, баснословнаго богатыря, съ женою на плечахъ, съ огромнымъ деревомъ, вырваннымъ съ корнями вмѣсто трости, переходящаго въ бродъ море или рѣку, превратили въ св. Христофора, съ сохраненіемъ прежняго изображенія.

Междоусобная война съ Кейстутомъ, происки любимца Ягайла Войдылы, вмѣшательства Рыцарей и ихъ нападенія, потомъ борьба съ Витовтомъ, опустошенія, причиненныя вел. магистромъ Конрадомъ Валенродомъ, наконецъ страшный пожаръ 1399 г., истребившій значительную часть города—довели Вильно до бѣдственнаго положенія. Зато, когда Витовтъ достигъ своей цѣли, когда Вильно сдѣлалось столицею всей Литвы и Руси, мудрыя его дѣянія, его заботливость о благосостояніи всѣхъ его подданныхъ, скоро залечили прежнія раны, и Вильно въ его царствованіе было значительнымъ, многолюднымъ и богатымъ городомъ. Съ учрежденіемъ Западной митрополіи, Пречистенская церковь сдѣлана митрополитальнымъ соборомъ. Въ Вильно стекались князья и бояре изъ всего государства, строили здѣсь палаты и, конечно, много содѣй-

ствовали увеличенію благосостоянія столицы. Въ Вильнѣ великій Витовтъ праздновалъ свои побѣды, а каждая побѣда обогащала его казну. Здѣсь онъ возводилъ въ ханское достоинство Бетсабулу и Геремфердена, здѣсь и приниженные, и разбитые подъ Грюнвальденомъ Рыцари ухаживали за вел. княземъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ, почти невыѣзжавшихъ изъ столицы. Такіе же уполномоченные окружали дворъ отъ вел. кн. московскаго, отъ императора Сигизмунда, изъ Чехіи, Даніи и другихъ странъ. Витовтъ считался тогда однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей.

Царствованіе Казиміра Ягелона было весьма благодѣтельно для Литовской столицы. Торговля при немъ значительно усилилась. Онъ учредилъ (1441) двѣ ярмарки, одну на Крещенье, а другую въ день Успенія. Обѣ продолжались по двѣ и болѣе недѣли и служили центральнымъ пунктомъ мѣновой торговли, въ особенности для Пскова и Новгорода.

Царствованіе Александра, сына Казиміра, памятно, между прочимъ, постройкою каменной стѣны вокругъ города. Укрѣпленіе города окружною стѣною сдѣлано было еще при Гедиминѣ Стѣна эта окружала «Кривой градъ», потомъ берегомъ Вилейки доходила до Бакшты, поворачивала направо, проходила по Нѣмецкой улицѣ и далѣе и оканчивалась у истоковъ Вингры. Набѣги Рыцарей, пожары и время совершенно почти разрушили эту стѣну. Между тѣмъ городъ разрастался и далеко переступилъ за первоначальную черту. Поэтому вел. кн. Александръ, 6 сентября 1504 г., утвердилъ положеніе о постройкѣ новой каменной стѣны вокругъ всего города, начатой еще прежде, именно 23 апрѣля 1498 г. Постройка производилась издержками самихъ жителей города и окончена въ 1506 г. Упомянутая грамата Александра указываетъ намъ предѣлы стѣны и города. Кромѣ Замковыхъ воротъ, ведущихъ въ «Кривой Градъ» и находящихся на углу Замковой улицы (соединявшихся съ зданіемъ нынѣшнихъ присутственыхъ мѣстъ), о коихъ въ граматѣ не упоминается, какъ о существующихъ, и въ сооруженіи коихъ жители не принимали участія,—каменная стѣна была раздѣлена пятью городскими каменными воротами, а именно: 1) *Вилейскими*, на нынѣшней Вилейской (обыкновенно называемой Виленскою) улицѣ, возлѣ дома Человѣколюбиваго общества (прежде палатъ Радзивиловъ); 2) *Трокскими*, изъ которыхъ, кажется, потомъ устроена была колокольня б. францисканскаго костела; 3) *Кревскими*, потомъ *Мѣдникскими*, наконецъ *Острыми*, гдѣ и нынѣ Остробрамскія ворота; 4) *Спасскими*, на берегу Вилейки за митрополитальнымъ соборомъ и придѣломъ Спаса; 5) *Рудникскими*, на площадкѣ, гдѣ Завальная улица прорѣзываетъ Рудникскую и Стефановскую. Кромѣ этихъ главныхъ или большихъ воротъ существовали еще башни съ выходами, какъ напр. *Мокрая*, *Татарская*, *Чертова* и др. (Въ послѣдней содержался прославившійся разбойникъ *Чертовъ-Батько*, отъ чего и самая башня прозвана *Чертовой*). Вышина стѣны составляла около 22 аршинъ. Окружность города, которая была обведена стѣною, занимаетъ нынѣ не менѣе пяти верстъ. Остатки существовавшей каменной стѣны сохранились за монастыремъ Св. Духа, за

Бывшая францисканская колокольня.

Острыми воротами, на горѣ Бакштѣ и возлѣ дома и сада Завадскихъ въ Замковомъ переулкѣ. Остробрамскія ворота нынѣ существующія, несомнѣнно, если не вполнѣ, то частію состоятъ изъ древнихъ Острыхъ воротъ. Прекрасная, готическая колокольня францисканскаго костела, вѣроятно, передѣлана изъ Трокскихъ воротъ. Къ сожалѣнію, она недавно разрушена. Главныя, Замковыя ворота, существовали въ прежнемъ видѣ до 1837 г.

Острая Брама.

Городъ, заключавшійся въ районѣ городской стѣны, раздѣлялся на *шесть половицъ*. Изъ нихъ *Литовская* занимала «Кривой градъ» съ великокняжескимъ замкомъ, Замковую улицу, нынѣшнія Ивановскую, Благовѣщенскую, Дворцовую съ площадью, Татарскую, Виленскую, Замковый переулокъ, а также всю сѣверную часть города, за предѣлами городской стѣны и «Криваго града». Въ этой половицѣ, уже во время вел. кн. Александра, существовало восемь большихъ каменныхъ костеловъ: св. Мартина, на Замковой горѣ, и св. Іоанна, основанныхъ Ягайломъ; каѳедральный соборъ св. Станислава, о которомъ мы поговоримъ подробнѣе; готическій костелъ св. Анны, основанный супругою Витовта, Анною Святославовною; костелъ Бернардиновъ, основанный Казиміромъ Ягеллономъ; Св. Духа, бывшій Доминикановъ, основанный тоже въ царствованіе Казиміра, но нынѣ существующій воздвигнутъ королемъ Александромъ, францисканов и св. Николая.

Русская половица занимала, начиная отъ Михайловскаго переулка, лѣвую часть города, именно: Михайловскую площадь, Пречистенскую улицу, Спасскій переулокъ (б. Лоточекъ) и Большую улицу, до Острыхъ воротъ. Это былъ виленскій кремль, въ которомъ во время Александра находилось 18 церквей, почти одна при другой. Древнѣйшая и едва ли не первая православная церковь *св. Николая* (*Успенія*) находилась на углу Лоточка, или Пятницкаго переулка, гдѣ въ послѣднее время стояли два смежные дома Іогихеса и Голавскаго; церковь эта была приходскою и существовала еще въ 1566 г., какъ это видно изъ письменнаго удостовѣренія, выданнаго 16 марта священникомъ Прокопомъ Левковичемъ о сбереженіи утвари и разныхъ вещей, принадлежащихъ церкви. Въ 1609 г. она была передана уніатамъ, но вслѣдъ затѣмъ, 1610 г. истреблена пожаромъ. Гдѣ теперь гостиница Нишковскаго, на другомъ углу Лоточка, въ улицѣ, называвшейся *Смилинской*, стояла церковь *св. Ильи*. Почти насупротивъ этихъ церквей находилась древняя *Пятницкая* церковь. На углу Михайловской улицы, насупротивъ костела св. Михаила, гдѣ теперь конвиктъ гимназіи или общія квартиры учениковъ, существовала древняя церковь *Покрова Богородицы*, первоначально

Развалины капища на Антоколѣ, гдѣ военный госпиталь.

построенная изъ башни, входившей въ составъ городской стѣны, окружавшей «Кривой градъ». Эта церковь была придворною вел. кн. Елены Іоанновны, супруги Александра. Пожаръ 1610 г. совершенно истребилъ ее. Вблизи этой церкви, на Михайловской площади, гдѣ теперь домъ Квятковскихъ, бывшій Пузыны, находилась православная церковь *св. Екатерины*. На Большой улицѣ, почти одна при другой, двѣ церкви: *св. Іоанна* и *св. Михаила*, гдѣ теперь дома Яловцера и гр. Тизенгауза, бывшій Гута. На востокъ отъ Пречистенскаго собора, гдѣ нынѣ домъ еврея Завеля, была церковь *Рождественская*, которой древнія стѣны замѣтны и нынѣ. Въ Андреевской улицѣ, на углу

Образъ Остробрамской Божіей Матери.

Бакшты, вблизи нынѣшней церкви св. Андрея, была церковь св. Безсребрениковъ *Косьмы* и *Дамiана*. Насупротивъ театральнаго сквера, на углу Большой и Стекляной улицъ, гдѣ нынѣ домъ Мокржецкихъ, была *Воскресенская* церковь, въ которой богослуженіе совершалось до 1671 г. За Острыми воротами, въ переулкѣ, направо, гдѣ домъ Зайцева, стояла церковь *св. Георгія*. На Зарѣчьѣ, въ Полоцкой улицѣ, церковь *св. Петра и Павла* существовала до 1671 года. На этомъ мѣстѣ нынѣ стоитъ столбъ съ распятіемъ Спасителя. Вблизи Св. Духова монастыря существовала еще церковь *Благовѣщенская*. Изъ числа нынѣ существующихъ храмовъ принадлежатъ къ древнимъ, существовавшимъ въ царствованіе Александра: соборъ *Пречистыя Богородицы*, бывшій митрополитальный; *Св. Духовскій монастырь; Св. Троицкій мона-*

стырь и *Св. Никола перенесенія мощей.* Гдѣ именно были другіе православные храмы, упоминаемые въ лѣтописяхъ, опредѣлить трудно. Большая часть этихъ церквей были истреблены пожарами въ 1557 и 1610 годахъ, другія же поступили въ вѣдѣніе уніатовъ, какъ это увидимъ ниже.

Университетскій костелъ св. Яна.

Нѣтъ сомнѣнія, что чеканка монетъ начата еще при Витовтѣ. Былъ ли однако постоянный монетный дворъ, или же монеты, съ изображеніями древнихъ гербовъ рода Гедимина (наподобіе извѣстныхъ генуэзскихъ воротъ), stiabas, а также всадника, часто находимыя въ землѣ, были чеканены за границею, положительно сказать нельзя; но въ царствованіе Александра мы видимъ уже правильно организованный монетный дворъ, состоявшій подъ управленіемъ Ульриха Гозіуса.

Вообще царствованіе Александра относится къ лучшимъ годамъ жизни литовской столицы. Супруга его, Елена Іоанновна (дочь царя Іоанна III Васильевича и царицы Софіи Ѳоминишны), любимая народомъ, поддерживавшая сношенія съ московскимъ дворомъ, умиротворявшая невзгоды, покровительствовавшая Русскимъ, какъ знатнымъ вельможамъ, пріѣзжавшихъ къ ея двору, такъ и купцамъ изъ Новгорода, Твери и другихъ городовъ, много содѣйствовала процвѣтанію столицы.

Но лучшими, счастливѣйшими годами въ жизни Литовской столицы, безспорно, считаются царствованія Сигизмунда I и сына его Сигизмунда Августа, послѣдняго изъ рода Ягеллоновъ. Населеніе достигло 200,000, блескъ и великолѣпіе двора, богатая, роскошная жизнь вельможъ, тѣснившихся ко двору, торговая и промышленная дѣятельность удивляли пріѣзжихъ. Герберштейнъ говоритъ о Вильнѣ того времени, какъ о значительномъ и многолюдномъ городѣ. Іоаннъ, князь финляндскій, сынъ Густава Вазы, когда въѣзжалъ въ Вильно (съ Погулянки), былъ пораженъ великолѣпіемъ вида, какой ему представился, и говорилъ, что такихъ городовъ немного онъ видѣлъ въ своей жизни. Его удивляла также разноплеменность населенія столицы: Литовцевъ, Русскихъ, Поляковъ, Армянъ, Грековъ, Нѣмцевъ, Турокъ, Татаръ, Евреевъ, являвшихся въ своихъ національныхъ костюмахъ, и конечно еще болѣе удивляло то братское отношеніе этихъ народовъ, несмотря на различіе исповѣдавій, которое было такъ отличительно въ царствованіе вѣротерпимаго Сигизмунда Августа. Не было религіозной борьбы, не было фанатическихъ преслѣдованій, и люди жили мирно, дружно, свободно исповѣдуя свои вѣры и обряды.

Костелъ св. Петра на Антоколѣ.

Царствованіе Стефана Баторія прошло для Вильно почти безслѣдно. Король рѣдко бывалъ здѣсь. Выдающимся событіемъ была казнь одного изъ знаменитѣйшихъ литовскихъ вельможъ Григорія Остика, послѣдовавшая въ Вильнѣ 18 іюня 1580 года, за тайныя сношенія съ Иваномъ IV.

Упадокъ города начинается собственно со временъ Сигизмунда III, со временъ господства іезуитовъ. Борьба съ иновѣрцами, борьба православныхъ съ уніатами, безчинства разнаго рода въ средѣ молодаго воспитывающагося поколѣнія, нападенія на кальвинскіе храмы и ихъ поруганія, выбрасываніе покойниковъ изъ гробовъ, публично, во время похороннаго шествія, сожиганіе на лобномъ мѣстѣ кальвинской библіи (брестской) и другихъ иновѣрческихъ книгъ, такое же сожиганіе книгъ Скарги православными, преслѣдованія и изгнанія братчиковъ, напа-

Соборъ св. Николая (до перестройки) и зданіе б. Ратуши, нынѣ театръ.

деніе на монастырь Св. Троицы, захваты церквей, покушеніе на убійство митрополита Ипатія Поцѣя, взаимная религіозная ненависть, раздраженіе, общее уныніе, прибавимъ къ этому пожары, голодъ, страшную нищету—вотъ какія проявленія общественной жизни, доставшіяся въ удѣлъ литовской столицѣ въ царствованіе фанатическаго Сигизмунда III. Взаимная любовь и братство, господствовавшія во время вѣротерпимаго Сигизмунда Августа, смѣнились злобою и враждою; тогдашнее богатство, процвѣтаніе торговли и промышленности замѣнили нищета и совершенный упадокъ всякой полезной дѣятельности.

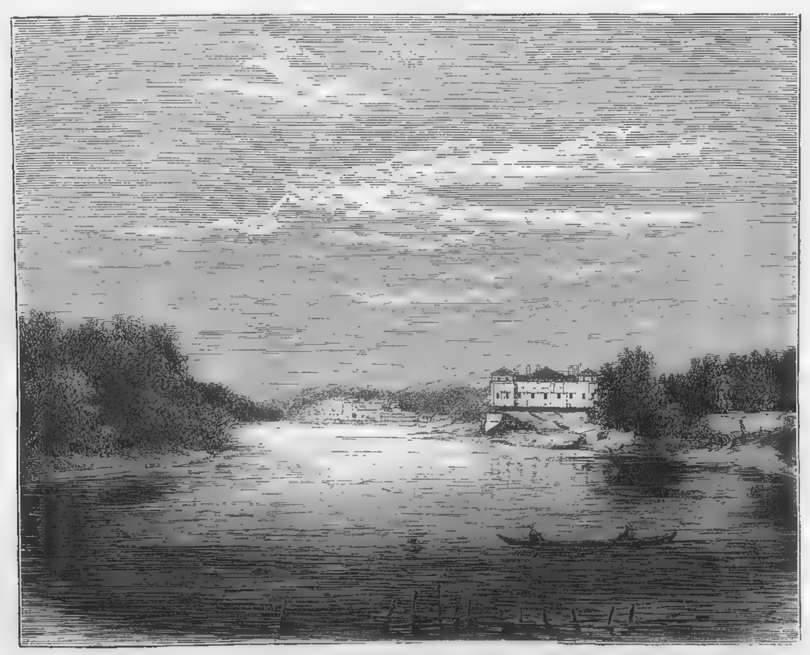
Начавшееся при Сигизмундѣ III паденіе города продолжается и далѣе, и Вильно никогда уже не достигало прежняго величія и значенія.

Въ 1609 г., 11 августа, по повелѣнію Сигизмунда III, королевскіе комиссары Сѣнковскій и Краевскій передали въ распоряженіе митрополита Поцѣя 12 православныхъ церквей и между ними соборную Пречистыя Богородицы и обѣ церкви св. Николая. Св. Троицкая церковь и монастырь переданы были уніатамъ еще раньше.

Пожаръ 1610 г. разрушилъ почти весь городъ. Уцѣлѣли только предмѣстья. Сгорѣло 10-ть разныхъ храмовъ, іезуитская академія, отчасти Нижній замокъ и, какъ пишутъ современники, 4,700 разныхъ зданій. Прежняя, старая столица Литвы исчезла почти совсѣмъ. Наступилъ новый историческій періодъ, а съ нимъ и наружность города стала принимать новый видъ, кое-гдѣ только сохранивъ остатки древней столицы.

Владиславъ IV, въ первомъ году вступленія своего на престолъ (1632), уважилъ жалобы православныхъ и обезпечилъ за ними Св. Духовскій монастырь, а также приказалъ возвратить имъ отнятыя уніатами церкви: Воскресенскую, св. Іоанна и св. Георгія.

Со временъ Сигизмунда III, при сильномъ вліяніи іезуитовъ и необыкновенной ихъ дѣятельности, большинство знатнѣйшихъ вельможъ и дворянъ обратилось въ католичество. Какъ

Палаты Слушки, гдѣ жилъ Петръ В.

православіе, такъ и протестантскія ученія лишились своего преобладающаго значенія. Съ этого времени число римско-католическихъ костеловъ и монастырей постоянно увеличивается. Іезуиты основали второй коллегіумъ съ костеломъ во имя св. Игнатія (1622, нынѣ казармы); кромѣ того у нихъ былъ такъ называемый домъ профессовъ при великолѣпномъ костелѣ св. Казиміра, основанномъ въ 1604 г., а съ 1703 г. для нихъ же основанъ былъ костелъ св. Рафаила и при немъ монастырь. Сверхъ того основано было много костеловъ въ XVII и XVIII вѣкѣ, такъ что всѣхъ католическихъ храмовъ въ 1766 считалось въ Вильнѣ 32 и 23 монастыря. Изъ вновь воздвигнутыхъ храмовъ, по красотѣ и великолѣпію зодчества, отличался костелъ св. Казиміра, воздвигнутый въ лучшей части города, вблизи зданія Ратуши (нынѣ театръ). Костелъ этотъ передѣланъ и обращенъ въ каѳедральный православный соборъ и освященъ архіепископомъ литовскимъ Іосифомъ (потомъ митрополитомъ) 8 сентября 1840 г. Храмъ сей въ нынѣшнемъ видѣ великолѣпно отстроенъ въ 1865 г.

Религіозная борьба, о которой мы упомянули выше, велась съ одной стороны между православными и уніатами, а съ другой—между католиками и реформатами. Конечно, явно или

тайно, душею этой борьбы были іезуиты. Характеристическою чертою этихъ внутреннихъ смутъ XVII столѣтія, имѣвшихъ такое гибельное вліяніе на благосостояніе города и всего края, могутъ послужить два слѣдующіе примѣра.

Св. Троицкій монастырь, съ многочисленными братствами, считался оплотомъ православія. Передача его уніатамъ по повелѣнію Сигизмунда III вооружила православныхъ жителей. Составился заговоръ, во главѣ котораго были радцы магистрата Исаакъ Кононовичъ, Иванъ Тупека и др. Заправлялъ дѣломъ архимандритъ Самуилъ Сенчило; другіе священники вмѣстѣ съ нимъ жаловались на неправильное лишеніе ихъ монастыря и другихъ церквей. Многочисленная толпа двукратно окружала монастырь, намѣреваясь силою занять его, но до кровопролитія не дошло. Какъ велико было однако озлобленіе жителей, видно изъ слѣдующаго случая. Однажды (1 августа 1609), когда митрополитъ Ипатій Поцѣй возвращался домой отъ католическаго епископа, окруженный свитою, среди бѣлаго дня, возлѣ ратуши на него напалъ неизвѣстный человѣкъ и нанесъ нѣсколько ударовъ въ шею, и отъ лѣвой руки, которою Поцѣй хотѣлъ защи-

Предмѣстье Антоколь.

щаться, совершенно отсѣкъ два пальца и повредилъ другіе. Преступникъ былъ схваченъ свитою. По однимъ источникамъ, это былъ самъ радца Иванъ Тупека, по другимъ-же какой-то гайдукъ пріѣзжаго вельможи. Преступника казнили, а отрубленные пальцы положили на алтарь въ церкви св. Троицы.

Другой случай произошелъ уже въ царствованіе Владислава IV, именно 29 сентября 1639 г. У реформатскаго министра Сурновскаго были крестины. Онъ жилъ насупротивъ монастырскаго костела св. Михаила, вблизи своего сбора (гдѣ прежде была Покровская церковь, нынѣ конвиктъ губ. гимназіи). Нѣкоторые изъ собравшихся къ министру гостей подкутили. Двое же изъ нихъ, Пекарскій и Раковскій (находившійся въ услуженіи у перваго) вздумали стрѣлять въ галокъ, сидѣвшихъ на крышѣ кальвинскаго сбора. Случайно, одна пуля попала въ икону Богородицы, нарисованую на фронтонѣ костела св. Михаила; другая пробила стекла и упала въ галлерею съ органомъ. Монахини, жившія при этомъ костелѣ, ударили въ набатъ. Собрались толпы народа, явились іезуитскіе студенты, начался штурмъ евангелическаго сбора, многихъ изувѣчили и ранили, одинъ шляхтичъ былъ убитъ, нѣкоторые дома и жилища кальвинистовъ разграблены. Виленскій воевода, князь Христофоръ Радзивиллъ выслалъ отрядъ войска, который разогналъ толпу, хотя конечно и со стороны войска были безчинства. Дѣло объ этомъ разсматривалось даже на сеймѣ. Кальвинскій сборъ приказано закрыть и потомъ дозволено построить новый за чертою города (за Трокскими воротами, насупротивъ нынѣшняго сбора, гдѣ дома

евангелическаго духовенства и виднѣются уцѣлѣвшіе памятники бывшаго здѣсь кладбища). Пекарскій и Раковскій были приговорены къ смертной казни, но успѣли бѣжать къ бранденбургскому курфирсту, покровителю евангеликовъ.

Во время войны съ Россіею, русскія войска, предводимыя кн. Хованскимъ, овладѣли Вильною 10 августа 1655 г. Въ одинъ этотъ день погибло, какъ пишутъ очевидцы, болѣе 25,000 жителей. Едва въ 1661 г. Михаилъ Пацъ успѣлъ отнять городъ. Къ бѣдствіямъ войны присоединились голодъ и моровая язва. Извѣстный австрійскій посланникъ Меербергъ, посѣтивъ Вильно въ 1663 г., видѣлъ только на пепелищѣ громады камней и почернѣвшія стѣны.

Татарская мечеть на Лукишкахъ въ Вильнѣ.

Въ 1702 г. шведскія войска заняли Вильно, но въ слѣдующемъ году, 15 іюня Петръ Великій съ 50,000 войска прибылъ въ Вильно. Петръ Великій жилъ въ палатахъ Слушки, на Антоколѣ (гдѣ нынѣ каторжная тюрьма). Петръ 1 августа уѣхалъ въ Биржи, войска же оставались здѣсь до сентября, расположенныя на снипишскихъ равнинахъ, по дорогѣ въ Тринополь. 26 января 1708 Петръ Великій вторично прибылъ въ Вильно и пробылъ здѣсь до 4 февраля, а въ мартѣ пріѣхали Карлъ XII и Станиславъ Лещинскій, учредившій здѣсь senatus consilium изъ 20 сенаторовъ, для составленія всеобщей амнистіи. Опять голодъ, моровая язва, пожары! Однихъ іезуитовъ погибло 117 человѣкъ. Насчитываютъ до 34,000 погибшихъ жителей. Люди ѣли собакъ, кошекъ, мышей. Даже въ окрестностяхъ поймано 8 человѣкъ, которые, умертвивъ своихъ женъ и дѣтей, съѣли ихъ трупы, а потомъ нападали на проѣзжихъ, убивали и пожирали.

Потомъ пожары 1741, 1748 и 1749 истребили лучшія зданія въ городѣ и много храмовъ и монастырей.

Соборъ Богородицы.

Въ 1788 русскія войска вступили въ Вильно. 19 апрѣля 1794 вспыхнуло возстаніе, предводимое генераломъ Ясинскимъ. Начальникъ русскаго войска, генералъ Арсеньевъ, полковникъ Языковъ, 40 офицеровъ и 964 человѣка солдатъ были обезоружены и заперты въ костелѣ св Казиміра. Многіе были убиты или ранены. Маіоръ Тучковъ съ небольшимъ отрядомъ успѣлъ бѣжать чрезъ Погулянку и соединился потомъ съ кн. Циціановымъ, бѣжавшимъ изъ Гродно. Гетманъ литовскій (русскій генералъ-лейтенантъ) графъ Шимонъ Коссаковскій, подозрѣваемый въ измѣнѣ, по приговору военнаго суда, былъ повѣшенъ 25 апрѣля. 7 іюня русскія войска, подъ начальствомъ Кнорринга и Зубова, приблизились къ Вильнѣ. Первый атаковалъ городъ со стороны Острой брамы, а послѣдній съ Полоцкой дороги напалъ на предмѣстье Зарѣчье. Полковникъ Дѣевъ успѣлъ уже было проникнуть въ Остробрамскую улицу, но монахъ ордена Кармелитовъ босыхъ, Целица, выстрѣлилъ въ него изъ окошка часовни Пацѣевъ (при остробрамскомъ костелѣ св. Терезіи),

и убилъ наповалъ. Войска бѣжали. Виленскими войсками командовалъ генералъ Мейенъ; мѣщанинъ Горновскій былъ главнымъ его сподвижникомъ. Защита продолжалась три недѣли съ отчаянною храбростью. Наконецъ 31 іюля городъ былъ взятъ. Дѣевъ похороненъ на восьмой верстѣ по Ошмянской дорогѣ. Ему воздвигли незатѣйливый памятникъ, сохранившійся до сихъ поръ. Въ это же время убитъ полковникъ Короваевъ.

Въ отечественную войну 1812 г. Вильно занимало видное мѣсто. Читатели наши не посѣтуютъ, если мы сообщимъ нѣсколько, мало извѣстныхъ, событій этого достопамятнаго времени.

14 апрѣля 1812 г. въ 2 часа пополудни громъ орудій и колокольный звонъ возвѣстили прибытіе императора Александра I. Встрѣча была приготовлена самая блестящая, какой въ прежнія посѣщенія никогда не было, хотя жители Литвы, боготворившіе Александра, каждый разъ старались заявить ему свою любовь и преданность. Государь въѣзжалъ съ Антоколя (по Свенцянской дорогѣ). Возлѣ Вершубки, т. е. на оконечности Антоколя, ожидалъ Государя главнокомандующій первою арміею Барклай-де-Толли, далѣе — виленскій магистратъ, всѣ городскія контуберніи и цехи со знаменами, булавами, значками, литаврами; еврейскій кагалъ съ десятословіемъ; всѣ монашествующіе возлѣ костела Іисуса; тысячи народа залили площади и улицы на всемъ пространствѣ отъ Вершубки до дворца, т. е. на разстояніи почти семи верстъ. Даже антокольскіе холмы, башни костеловъ, крыши домовъ усѣяны были народомъ. Возлѣ каѳедральнаго собора ожидалъ капитулъ съ епископомъ, далѣе студенты университета, университетскій сенатъ со всѣми профессорами и ректоромъ во главѣ (Иваномъ Снядецкимъ), воспитанники гимназій, военные и гражданскіе чины, многочисленное дворянство и наконецъ передъ самымъ дворцомъ много литовскихъ красавицъ большаго свѣта, разряженныхъ и съ букетами. Государь принималъ представителей разныхъ сословій, многіе были приглашаемы къ обѣду. 21-го, въ Свѣтлое Христово Воскресенье, Государю представлялись всѣ высшіе чины, дворянство, магистратъ, кагалъ и множество дамъ, неупускавшихъ ни одного случая явиться передъ Государемъ. Въ тотъ же день на Погулянкѣ были маневры. 25 Государь присутствовалъ на балу (въ домѣ Паца), данномъ дворянствомъ съ великолѣпнѣйшею обстановкою, съ аллегорическими транспарантами, кантатами, пѣніемъ. Кромѣ Барклая-де-Толли при Государѣ находились Наслѣдникъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, герцогъ Голштейнъ-Ольденбургскій Георгій, ревельскій военный губернаторъ герцогъ Августъ, Коновницынъ, князь Волконскій, Бенигсенъ, Балашевъ, Аракчеевъ, гр. Кочубей, Шишковъ и мн. др. Изъ Вильно писалъ Государь предсѣдателю государственнаго совѣта гр. Салтыкову о необходимости поднять оружіе. Государь часто посѣщалъ въ окрестностяхъ города Закретъ, на берегу Виліи, гдѣ іезуиты воздвигли для себя великолѣпныя палаты, перешедшія потомъ въ собственность генерала Бенигсена. Здѣсь 23 іюня данъ былъ великолѣпный балъ Императору. Приглашенныхъ было много и въ палатахъ не было достаточной по величинѣ залы для ужина. Поэтому поручено было профессору архитектуры въ виленскомъ университетѣ, курляндскому уроженцу, Шульцу, построить на дворѣ

Церковь св. Параскевы (Пятницкая).

большую открытую залу, на колоннахъ, съ крышею. Шульцъ поторопился исполнить порученіе и, хотя времени оставалось очень немного, успѣлъ воздвигнуть столовую, отличавшуюся изяществомъ отдѣлки, такъ что Императоръ и всѣ гости любовались постройкою. Но за два часа до ужина крыша этой залы рухнула. Испуганный Шульцъ, боясь, чтобы его не сочли злоумышленникомъ, бросился въ Вилію. Тѣло его вытащили черезъ нѣсколько дней въ 20 верстахъ отъ города. Здѣсь же въ Закретѣ, ночью, Государь получилъ извѣстіе о вступленіи полчищъ Наполеона, перешедшихъ Нѣманъ.

На слѣдующій день Императоръ Александръ уѣхалъ въ Свенцяны, гдѣ сосредоточивалась армія. Въ Вильнѣ оставался еще центръ арміи, состоявшій изъ 70,000, но при приближеніи непріятеля, Барклай-де-Толли отступилъ къ Нѣменчину. Мостъ на Виліи, называемый Зеленымъ, былъ сожженъ. Всѣ магазины были истреблены. Въ Вильнѣ не оставалось ни одного солдата. Жители учредили стражу, заняли гауптвахту и городскіе посты. 28 іюня депутація отъ дворянства, имѣя во главѣ Ляхницкаго, а также виленскій магистратъ, встрѣтили Наполеона въ семи верстахъ отъ города на Понарскихъ горахъ и вручили ему городскіе ключи. Первымъ вступилъ въ городъ князь Доминикъ Радзивиллъ, съ состоявшимъ подъ его командою 8 уланскимъ полкомъ. Вслѣдъ затѣмъ и Наполеонъ, осмотрѣвъ предварительно окрестности, вступилъ въ городъ съ отрядомъ конной гвардіи. Послѣ кратковременнаго отдыха во дворцѣ, Наполеонъ отправился на берега Виліи и велѣлъ наводить мосты. Здѣсь Наполеонъ просидѣлъ болѣе двухъ часовъ на простой скамейкѣ, разговаривая со всѣми подходившими къ нему. Піаристъ Глоговскій, хорошо говорившій по-французски, былъ переводчикомъ. Наполеонъ разспрашивалъ его объ Императорѣ Александрѣ, о положеніи края и города, о мануфактурной и промышленной дѣятельности.

Престолъ св. Казиміра

Въ слѣдующіе дни Наполеонъ принималъ разныя депутаціи отъ города, отъ духовенства, отъ университета и т. д. 1 іюля учреждено было верховное правленіе. Предсѣдателемъ назначенъ былъ баронъ Гогендорфъ, правительственнымъ коммисаромъ баронъ Биньонъ; членами правленія назначены: графъ Осипъ Сѣраковскій, князь Александръ Сапѣга, Францъ Ельскій, ректоръ университета Иванъ Снядецкій; секретарями: подчашій графъ Іосифъ Коссаковскій и Иванъ Рихтеръ. Генеральнымъ казначеемъ назначенъ былъ виленскій казначей Эйсымонтъ. Пацъ далъ великолѣпный балъ Наполеону въ своемъ домѣ. Сюда пріѣзжалъ посланникъ императора Александра, Балашевъ, но, какъ извѣстно, переговоры были безуспѣшны. Сюда же прибылъ князь сербскій Милошъ. Наполеону очень понравился тогдашній редакторъ «Виленскаго Вѣстника», Даниловичъ, хорошо говорившій по-французски. Онъ его сдѣлалъ директоромъ полиціи, съ предоставленіемъ ему права высылать всѣхъ подозрительныхъ въ Данцигъ.

16 іюля Наполеонъ уѣхалъ къ арміи въ Свенцяны. Въ Вильнѣ остался литовскій генералъ-губернаторъ баронъ Гогендорфъ, виленскій военный губернаторъ генералъ Жомини, министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Бассано и весь дипломатическій корпусъ, за исключеніемъ пословъ турецкаго, англійскаго и шведскаго. Въ каждой губерніи назначенъ былъ правительственный комитетъ; а въ каждомъ губернскомъ городѣ префектъ, въ уѣздныхъ же подпрефекты. Всѣ они подчинялись верховному правленію въ Вильнѣ. Интендантомъ былъ Де-Во, который прежде всего

занялся подробнымъ описаніемъ казенныхъ имѣній, а равно имѣній тѣхъ помѣщиковъ, которые усомнились въ успѣхѣ оружія Наполеона и удалились въ Россію. Жандармское управленіе состояло подъ начальствомъ помѣщиковъ: Антона Храповицкаго, Осипа Буковскаго и Ивана Бучинскаго. Учреждена была также административная коммиссія, завѣдывавшая продовольствіемъ, магазинами, госпиталями. Она состояла подъ предсѣдательствомъ барона Николаи, членами же были графъ Адамъ Хрептовичъ и графъ Фердинандъ Плятеръ.

Вильно сдѣлалось главнымъ стратегическимъ пунктомъ. Особый отрядъ, изъ корпусовъ Удино и Сенъ-Сира, назначенъ былъ для прикрытія города Вильно. Сюда свозились изо всей Литвы продовольственные матеріалы, учреждены магазины, депо, госпитали на 6000 человѣкъ, въ клиникѣ, въ гимназіи, въ монастырѣ базиліановъ, въ Игнатьевскихъ казармахъ, въ монастырѣ піаристовъ, въ домѣ главной семинаріи, въ домѣ человѣколюбиваго общества, а также въ окрестностяхъ города въ Веркахъ и Закретѣ, въ томъ самомъ зданіи, гдѣ былъ данъ послѣдній балъ императору Александру. Когда все зданіе было переполнено ранеными, вспыхнулъ пожаръ и большая часть раненыхъ сгорѣла.

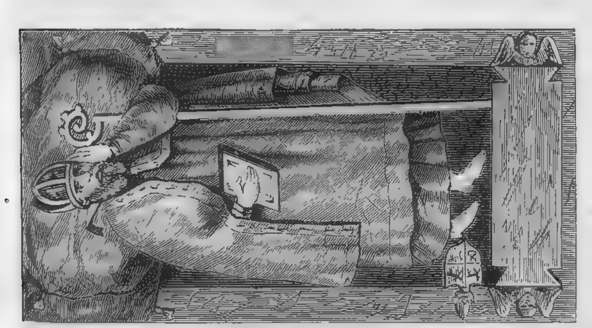
Костелъ св. Анны въ Вильнѣ.

Мы не станемъ передавать подробностей военныхъ дѣйствій. Они извѣстны изъ другихъ источниковъ. Скажемъ только, что, послѣ несчастной переправы чрезъ Березину, Наполеонъ, сопровождаемый Коленкуромъ и Дюрокомъ, 23 ноября, при 28 градусахъ мороза, въ простыхъ саняхъ прискакалъ изъ Сморгонь въ Вильно. Здѣсь онъ имѣлъ краткое свиданіе съ Гогендорфомъ передъ почтовой станціей (на Завальной улицѣ), не выходя изъ саней, и перемѣнивъ лошадей поскакалъ въ Ковно, а 26 ноября, пробывъ въ Россіи 5 мѣсяцевъ и 14 дней, былъ уже заграницей. Несчастныя толпы окоченѣвшихъ воиновъ великой арміи брели полуживыя къ Вильнѣ, преслѣдуемыя Витгенштейномъ, Чаплицомъ, Платовымъ и Бороздинымъ. При одномъ только переходѣ отъ Сморгонь въ Вильно погибло до 20 т. Около 60 т. вошло въ Вильно, и здѣсь болѣе 15 т. больныхъ, раненыхъ и изнеможенныхъ легли въ госпиталяхъ. Здоровые, какъ безумные, бросались въ частные дома, прося пищи и платья. Остатки арміи направились въ Ковно; но въ семи верстахъ отъ Вильно имъ пришлось по гололедицѣ подниматься на значительную крутизну Понарскихъ высотъ, подъ смертононоснымъ огнемъ артиллеріи Платова, оставя на мѣстѣ свою артиллерію, обозы и казну. Кромѣ убитыхъ и раненыхъ, въ Вильнѣ остались плѣнными: 7 генераловъ (Ивановскій, Заіончекъ, Vivier, Gosse, Normand, Guillon, Lifebre), 18 штабъ-офицеровъ, 224 оберъ-офицера, 9517 солдатъ. Къ концу ноября больныхъ и раненыхъ въ госпиталяхъ насчитывали 5139. Остальные вымерли. Въ арсеналѣ найдено 41 орудіе, множество понтоновъ и всякаго оружія, въ магазинахъ 14 т. четвертей ржи и 5 т. четвертей муки.

28 ноября генералъ Чаплицъ приблизился къ Вильнѣ съ Ошмянской дороги. 30 ноября въѣхалъ въ городъ Кутузовъ съ Бороздинымъ (отъ Нѣменчина и Червонаго Двора). Кутузовъ дважды былъ литовскимъ генералъ-губернаторомъ. Его здѣсь знали и любили. Понятно, обстановка тотчасъ измѣнилась. Его привѣтствовали какъ побѣдителя. Кутузовъ любилъ театръ и въ бытность свою въ Вильнѣ зналъ всѣхъ актеровъ, принималъ даже участіе въ обстановкѣ

пьесъ, мирилъ поссорившихся, даже мужа съ женою. Матвѣй Кажинскій (отецъ талантливаго композитора Виктора Матвѣевича, долгое время бывшаго директоромъ александринскаго оркестра), во время господства Наполеона, разумѣется, подражалъ публикѣ; въ театрѣ вѣнчали бюстъ Наполеона лавровымъ вѣнкомъ, освѣщали бенгальскимъ огнемъ, читались оды, пѣлись кантаты. Пріѣзжаетъ Кутузовъ. Кажинскій, ни живъ, ни мертвъ, является по приглашенію во дворецъ. Кутузовъ подходитъ къ нему, ласково треплетъ по плечу и говоритъ: «знаю, знаю, ты здѣсь на славу отличался, восхваляя Наполеона; ну, теперь мы побѣдители, и я сегодня же буду въ театрѣ». И на сценѣ ярко засіяло эмблематическое изображеніе Кутузова съ надписью «спасителю отечества»! Поэтъ—профессоръ Словацкій написалъ оду, говорились хвалебныя рѣчи.

11 декабря, Кутузовъ, въ первый разъ во все продолженіе кампаніи, нарядившись въ полный генеральскій мундиръ, въ 5 часовъ вечера, стоялъ у дворцоваго подъѣзда съ почетнымъ карауломъ. Пріѣхалъ Императоръ Александръ, обнялъ Кутузова и объ руку пошелъ съ нимъ во дворецъ. Тотчасъ же оберъ-гофъ-маршалъ гр. Толстой поднесъ на серебряномъ блюдѣ знаки ордена св. Георгія 1 ст., и Государь самъ возложилъ ихъ на Кутузова. На слѣдующій день во время обѣденнаго стола, стрѣляли изъ Наполеоновскихъ пушекъ, стоявшихъ на Замковой горѣ. Вечеромъ былъ балъ у Кутузова. Когда Государь вошелъ въ залу, Кутузовъ повергъ къ его стопамъ непріятельскія знамена, только-что присланныя Платовымъ.

Гробница епископа князя Павла Ольшанскаго.

Этотъ день, 12 декабря, останется навсегда незабвеннымъ не только въ исторіи Литвы и Руси, но и всего человѣчества. Въ этотъ день Императоръ Александръ подписалъ манифестъ, провозглашавшій: *забвеніе прошлаго, всеобщее прощеніе*.

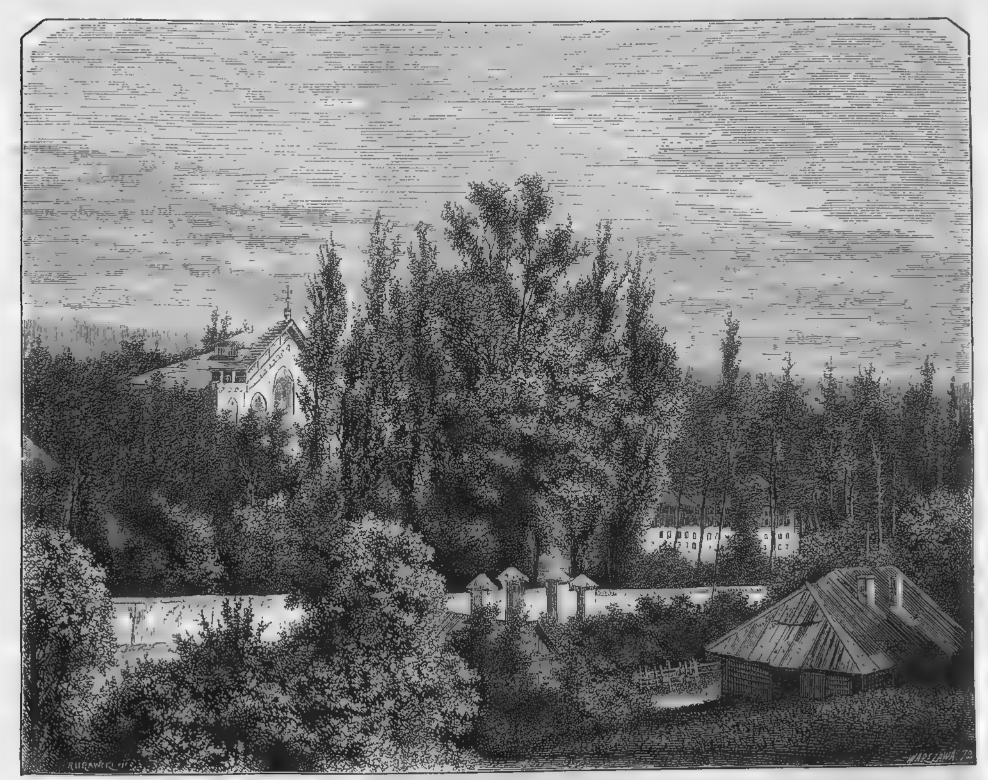
Это великодушное всепрощеніе сохранило край отъ разоренія, отъ эмиграціи, коей послѣдствія всегда столь пагубны для края. Никто не пострадалъ изъ участниковъ какъ временнаго правленія, такъ въ рядахъ великой арміи. Дворянство дало балъ Государю въ томъ же домѣ Паца, гдѣ былъ балъ и для Наполеона. Всѣ помилованные явились на балъ. Государь со многими разговаривалъ. Одинъ изъ Тышкевичей (кажется, Станиславъ) явился въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, по званію, которое ему было присвоено до войны. Во время же войны онъ состоялъ адъютантомъ, кажется, Мюрата. Государь велѣлъ подозвать его и ласково замѣтилъ: «адъютантскій мундиръ наполеоновскаго маршала не слѣдовало, безъ моего разрѣшенія, замѣнять камеръ-юнкерскимъ мундиромъ». Потомъ онъ былъ вновь пожалованъ въ камеръ-юнкеры.

Слава Наполеона, его льстивыя обѣщанія увлекли большинство жителей. Были однако люди, которые тотчасъ послѣ вступленія французкихъ войскъ предчувствовали гибельный исходъ войны для Наполеона. Имъ больше всего не нравилось неуваженіе французовъ къ религіознымъ предметамъ и грубое обращеніе съ духовенствомъ. Другіе замѣчали, что въ арміи не было достаточной воинской дисциплины и совершенное отсутствіе военной полиціи. Поражалъ наконецъ чрезвычайный падежъ лошадей, обнаружившійся еще въ Вильнѣ. Лошади, какъ тогда полагали, падали отъ того, что ихъ кормили свѣжимъ хлѣбомъ.

Когда Наполеонъ вступилъ въ городъ, онъ велѣлъ поставить четыре пушки на Замковой горѣ, и изъ нихъ въ его присутствіи производили пальбу въ ознаменованіе занятія г. Вильно. Изъ этихъ же пушекъ многократно возвѣщали народу мнимыя побѣды Наполеона. Французы бѣжали. Кутузовъ занялъ Вильно и, какъ уже мы упомянули, изъ этихъ же пушекъ стрѣляли

во время обѣда, когда побѣдитель пилъ за здоровье Государя. Этого мало, изъ этихъ же орудій возвѣщали всѣ побѣды русскихъ войскъ за границею и конечную гибель ихъ прежняго властелина. Только въ 1815 г. сданы онѣ были въ виленскій арсеналъ, а потомъ перевезены въ Москву.

Очевидцы разсказываютъ ужасы про несчастныхъ французовъ, во время ихъ бѣгства чрезъ Вильно. На Антокольскомъ предмѣстьѣ зарыто 5 т. труповъ замерзшихъ, умершихъ отъ ранъ, холода и голода. За Снипишками въ январѣ 1813 сожжено на одномъ большомъ кострѣ болѣе

Кладбище «Роса».

тысячи труповъ, собранныхъ изъ госпиталей, изъ погребовъ и склеповъ въ частныхъ домахъ, въ монастыряхъ, даже въ храмахъ, обнаружившихся, когда морозы стали полегче. Трупосожженіе присовѣтовалъ профессоръ Бекю, думая этимъ предотвратить заразу; но вышло наоборотъ: отъ сожиганія въ такомъ чрезмѣрномъ количествѣ распространился міазматическій убійственный воздухъ, породившій страшныя и неизлечимыя горячки. Въ городскихъ предмѣстьяхъ трупы лежали повсюду, такъ что съ трудомъ успѣвали убирать ихъ, притомъ же встрѣчая препятствіе со стороны цѣлыхъ стай собакъ, до того разлакомившихся на трупахъ, что потомъ и живымъ не было проходу. Послѣ неудачнаго опыта трупосожиганія, опять стали зарывать въ землю, много также труповъ брошено въ прорубь, подъ ледъ, на Виліи.

Еще болѣе печальны, леденящіе душу, разсказы очевидцевъ про больныхъ французовъ въ госпиталяхъ. Они могли бы показаться почти невѣроятными, если бы мы не находили подтвержденія ихъ въ запискахъ знаменитаго профессора Іосифа Франка. То же самое передавалъ намъ въ подробности уважаемый профессоръ Михаилъ Гомолицкій.

Еще въ 1804 г. Петръ Франкъ (отецъ Іосифа) устроилъ въ Вильнѣ патологическій кабинетъ въ зданіи клиники. Въ 1812 году въ немъ было уже очень много препаратовъ разныхъ частей человѣческаго тѣла, хранившихся въ стекляныхъ сосудахъ, наполненныхъ спиртомъ. Когда французы вступили въ Вильно, все зданіе клиники занято было подъ госпиталь. Французскіе лекаря заботились о сохраненіи въ цѣлости патологическаго кабинета; но во время отступленія, при столь значительномъ наплывѣ раненыхъ и больныхъ, и помѣщеніе кабинета было занято ими. Въ продолженіе трехъ дней во время бѣгства Французовъ, и потомъ въ первые дни вступленія въ городъ русскихъ войскъ, некому было заботиться о госпиталѣ. Больные оставались безъ всякаго призрѣнія и притомъ число ихъ значительно увеличилось, такъ что всѣ полы, какъ въ самой клиникѣ, такъ и въ кабинетѣ, были устланы полуживыми людьми. Въ это-то тяжелое время, Французы, терзаемые голодомъ, томимые жаждою, не находя помощи, не имѣя силъ, чтобы оставить зданіе, въ отчаяніи, набросились на сосуды, съѣли препараты и выпили весь спиртъ. Конечно, большая часть изъ нихъ тутъ же нашла смерть. Легко вообразить, какая адская представилась картина этой безумной предсмертной оргіи, когда истерзанные, голодные, изувѣченные — съ жадностью глотали спиртъ и потомъ, опьянѣвъ, подъ вліяніемъ воспламеняющаго алкоголя, съ дикимъ ревомъ и неистовствомъ оканчивали свою жизнь.

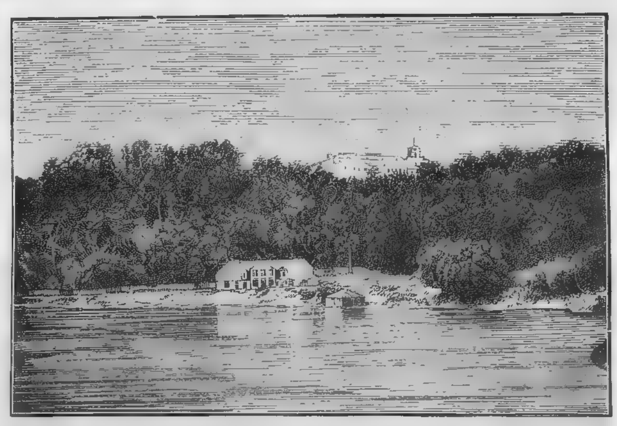
Внутренній видъ б. костела Іисуса Христа на Антоколѣ, нынѣ церковь св. Михаила.

Другой несомнѣнный фактъ, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, тотъ, что въ больницѣ, устроенной въ гимназіяльномъ зданіи, больные, тоже забытые въ означенное время, изнуренные голодомъ, приползали къ смежнымъ кроватямъ, на коихъ лежали еще незастывшіе трупы, и грызли ихъ. Во всѣхъ больницахъ появился заразительный тифъ. Въ первые же дни по пріѣздѣ Государя обращено было вниманіе на больницы, и Александръ лично посѣтилъ всѣ эти зданія, въ томъ числѣ и клинику. Въ то же время установлена была госпитальная коммисія и назначены особые коммисары для поданія помощи несчастнымъ Французамъ.

Въ настоящее время въ Вильнѣ христіанскихъ храмовъ 53, еврейскихъ синагогъ 5, молитвенныхъ домовъ 72, магометанская мечеть 1 (всего 131). Въ томъ числѣ православныхъ: соборовъ 2: св. Николаевскій каѳедральный и Пречистенскій; монастырей 3: св. Духовъ, Троицкій

и Маріинскій женскій; церквей 15, часовень 2. Римско-католическихъ: каѳедральный соборъ 1, церквей 14, монастырей 3: кармелитовъ древнихъ правилъ, монахинь бернардинокъ и монахинь бенедиктинокъ; раскольничья молельня 1, лютеранскихъ церквей 2, реформатская 1.

Изъ числа православныхъ храмовъ, соборъ Пречистыя Богородицы, знаменитѣйшій изъ всѣхъ, основанъ Іуліаніею Александровною, княжною Тверскою, второю супругою вел. князя Ольгерда, съ разрѣшенія и съ участіемъ послѣдняго. Нарбуттъ высказалъ мнѣніе, что св. Алексій, епископъ владимірскій, а потомъ митрополитъ московскій, находившійся въ Литвѣ около 1348 г., могъ освятить эту церковь. Предположеніе весьма вѣроятное, но не имѣющее никакихъ точныхъ указаній. Не менѣе того, съ легкой руки Нарбутта, новѣйшіе историки приняли за фактъ неопровержимый, что храмъ этотъ былъ освященъ св. Алексіемъ. Церковь эта получаетъ особенное историческое значеніе съ 1416 г., когда вел. кн. Витовтъ назначилъ ее каѳедральнымъ соборомъ митрополитовъ Литвы и Западной Руси, и первый западно-русскій митрополитъ, Григорій Цимвлакъ основалъ здѣсь свою каѳедру. При соборѣ находились митрополичьи палаты. Въ 1609 г. соборъ былъ занятъ уніатами. Изъ развалинъ и запустѣнія храмъ этотъ возобновленъ и освященъ въ 1868 г.

Верки.

Къ древнѣйшимъ храмамъ принадлежитъ Пятницкая церковь, основанная первою супругою вел. кн. Ольгерда, Маріею Ярославовною, княжною Витебскою. Изъ развалинъ возобновлена и освящена въ 1865 г. Св. Николаевскій каѳедральный соборъ устроенъ изъ бывшаго іезуитскаго костела св. Казиміра, основаннаго въ 1604 г., передѣланъ и освященъ въ 1840 г.

Каѳедральный римско-католическій соборъ во имя св. Станислава, какъ мы уже знаемъ, основанъ Ягайломъ въ 1387 г. Нѣсколько разъ истребляемый пожаромъ, въ нынѣшнемъ видѣ оконченъ постройкою по плану профессора Гуцевича въ 1801 г. Въ особой мраморной часовнѣ, построенной Сигизмундомъ III и оконченной Владиславомъ IV въ 1636 г., въ серебряной ракѣ покоятся мощи св. Казиміра Ягеллона. Здѣсь же, въ склепѣ почиваютъ останки короля польскаго и вел. князя литовскаго Алексадра Ягеллона, двухъ супругъ Сигизмунда Августа.

Особенно замѣчателенъ костелъ св. Анны, воздвигнутый, по изслѣдованіямъ Нарбутта, въ 1396 г., второю супругою Витовта, Анною Святославовною, княжною Смоленскою. (Рисунокъ на стр. 155). Онъ являетъ чистѣйшій готическій стиль и до сихъ поръ сохранился очень хорошо, составляя единственный памятникъ въ этомъ родѣ.

Рядомъ съ этимъ костеломъ находится бывшій Бернардинскій монастырь съ костеломъ, построенный тоже въ готическомъ стилѣ въ концѣ XV ст. Во время бомбардированія города въ 1794 г. и вспыхнувшаго пожара весь фронтонъ съ одною изъ башень были разрушены. Отстроенный вновь лишился прежняго своего стиля, о которомъ теперь можно только имѣть понятіе по уцѣлѣвшей одной изъ башень, видной изъ внутри монастырскаго двора. Башня эта тоже составляетъ драгоцѣнный памятникъ готическаго стиля.

Политическія бури и треволненія, а также пожары истребили всѣ до одного памятники, воздвигнутые надъ прахами почившихъ здѣсь членовъ великокняжескихъ семействъ. Читатель не посѣтуетъ на насъ, ежели мы исчислимъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ,

гдѣ погребены лица царствовавшаго въ Литвѣ дома и гдѣ имъ были воздвигнуты памятники. Итакъ: князь Свинторогъ, вел. кн. Гедиминъ, кн. Кейстутъ сожжены по языческимъ обрядамъ въ долинѣ Свинторога. Затѣмъ похоронены: великая княгиня Марія Ярославовна, княжна Витебская, первая супруга вел. кн. Ольгерда, въ 1346 г., въ Пятницкой церкви; великій князь Ольгердъ — въ Пречистенскомъ соборѣ въ 1377; князь Коригайло Ольгердовичъ, убитый въ 1390 г., Александръ Вигундъ, братъ Ягайла, умершій вскорѣ послѣ Коригайлы, Анна Святославовна, княжна Смоленская, вторая жена Витовта, въ 1418 г., и самъ великій князь Витовтъ, въ 1430, въ римско-католическомъ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава, послѣдній въ особомъ алтарѣ, называвшемся Витовтовымъ. Памятникъ, поставленный ему, истребленъ былъ пожаромъ, также какъ и послѣдующій, поставленный епископомъ Протасевичемъ. Только 27 мая 1853 г. извѣстный археологъ, основатель виленскаго музея древностей, графъ Евстафій Піевичъ Тышкевичъ, воздвигъ скромный памятникъ герою литовскому, состоящій изъ мраморной доски съ тою же надписью, какая была положена на памятникѣ, воздвигнутомъ Протасевичемъ. Внизу помѣщена икона Богородицы, подаренная Витовту императоромъ Мануиломъ II. Здѣсь помѣщенъ современный портретъ Витовта. Это единственный памятникъ царствующему лицу въ Вильнѣ. Въ томъ же соборѣ св. Станислава похоронены еще князь Сигизмундъ Кейстутовичъ, въ 1440, великій князь Свидригайло Ольгердовичъ, братъ Ягайла, умершій въ Луцкѣ, въ 1452 г., князь Михаилъ Сигизмундовичъ, внукъ Кейстута, въ 1452 г., Казиміръ Казиміровичъ, святой, сынъ короля польскаго и вел. кн. лит. Казиміра Ягеллона, 1484, король польскій и великій князь литовскій Александръ Ягеллонъ, въ 1506; третья супруга Витовта великая княгиня Іуліанія, княжна Гольшанская, похоронена въ 1448 г. въ костелѣ св. Анны, а супруги Сигизмунда Августа, Елисавета Австрійская, дочь Фердинанда короля римскаго, потомъ императора германскаго, умершая въ 1543, и Варвара, рожденная Радзивиллъ, ум. въ 1551; сердце и внутренности Владислава IV короля Польскаго, умершаго въ Меречѣ въ 1649 г.; королева польская, вел. кн. лит., Елена Іоанновна, супруга короля Александра, дочь Іоанна III Васильевича, царя московскаго, въ 1513, погребены въ митрополитальномъ Пречистенскомъ соборѣ. Надъ гробомъ послѣдней поставлена была икона Божіей Матери, которою Іоаннъ III благословилъ дочь свою передъ отъѣздомъ ея въ Вильно. Нынѣ икона эта находится въ Свято-Троицкой монастырской церкви.

Костелъ въ Кальваріи.

Въ каѳедральномъ рим.-кат. соборѣ уцѣлѣло нѣсколько памятниковъ епископовъ и другихъ лицъ. Особенно замѣчателенъ мраморный памятникъ епископа князя Павла Альгимунтовича Гольшанскаго (рисунокъ на стр. 156), и въ той же часовнѣ памятникъ Войцѣха Гальстода.

Окрестности города Вильно весьма живописны, богаты великолѣпными видами и многими достопримѣчательностями. Всѣ 9 кладбищъ въ окрестностяхъ города (5-ть римско-католическихъ, православное, евангелическое, татарское и еврейское) расположены въ очаровательныхъ мѣстностяхъ. Изъ нихъ римско-католическое кладбище, называемое «Роса»,

основано едва въ 1796 г. послѣ воспрещенія хоронить въ могильныхъ склепахъ при костелахъ или въ землѣ вблизи костела, нерѣдко среди самаго города. Кладбище это расположено въ долинѣ, называемой Роса, на которой съ древнѣйшихъ временъ Литовцы праздновали день богини Лады (23 іюня). Здѣсь зажигались костры, народъ прыгалъ черезъ огонь, приносилъ въ жертву богинѣ бѣлыхъ пѣтуховъ; пляски и пѣсни съ часто повторяемымъ припѣвомъ Lado, Lado, Lado, didie musu dewe! т. е. Ладо, Ладо, Ладо, великая наша богиня! продолжались всю ночь. Въ долинѣ, позади кладбища, и до сихъ поръ наканунѣ Иванова дня собираются жители города Вильно на гулянье. Въ послѣднее время эту долину прорѣзала линія желѣзной дороги.

По живописности мѣстоположенія отличается Антокольское предмѣстье, тянущееся по берегу Виліи почти на протяженіи 6 верстъ. Здѣсь на самомъ берегу Виліи находятся нѣкогда великолѣпныя палаты, основанныя въ 1690 г. полоцкимъ воеводою Слушкою, въ которыхъ послѣ разрушенія нижняго замка, т. е. великокняжскаго дворца, останавливались короли польскіе; когда пріѣзжали въ Вильно, тутъ жилъ и Петръ Великій. Потомъ домъ этотъ принадлежалъ Зайковскимъ, затѣмъ помѣщались казармы гарнизоннаго батальона, а нынѣ устроена каторжная тюрьма. Любопытная надпись на большой мраморной доскѣ, помѣщенной надъ входомъ, въ которой гордый Слушка гласитъ, что побѣдитель стихій покорилъ воды Виліи, раздвинулъ окрестныя горы и собственными силами, какъ новая гора, сталъ въ воздухѣ! Вся эта галиматья, разумѣется, относится къ этому дому, или палатамъ.

Далѣе на Антоколи замѣчателенъ костелъ св. Петра и Павла, воздвигнутый гетманомъ Пацомъ въ 1668 г., на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по преданію было капище богини Мильды и гдѣ во времена Ягайла построенъ былъ деревянный костелъ. Наружность храма напоминаетъ извѣстный соборъ св. Петра въ Римѣ, внутри же весь храмъ украшенъ слишкомъ двумя тысячами фигуръ, статуй и цѣлыхъ группъ скульптурной рельефной работы итальянцевъ Петра Перетти изъ Милана и Джовани Галли изъ Рима.

Затѣмъ на этомъ же предмѣстьѣ обширныя зданія военнаго госпиталя съ большимъ садомъ. Здѣсь, по преданію, была валгалла литовскихъ боговъ; на ея мѣстѣ, или, какъ нѣкоторые полагаютъ, изъ развалинъ ея Сапѣги въ XVI ст. устроили великолѣпныя палаты, украшенныя фресками Дельбена. (Рисунокъ этихъ развалинъ представленъ на стр. 146).

За госпиталемъ красуется весьма замѣчательная по архитектурѣ церковь св. Михаила, бывшій костелъ Іисуса Христа, построенный, по образцу св. Карла въ Римѣ, гетманомъ Іоанномъ Казиміромъ Сапѣгою въ 1696 г. На главномъ престолѣ стояло изваяніе Спасителя, привезенное, какъ гласитъ преданіе, двѣнадцатью волами изъ Рима (нынѣ помѣщенное въ костелѣ св. Петра и Павла). Представляемъ здѣсь рисунокъ внутренности этого прекраснаго храма, въ томъ видѣ, какъ она была во время существованія костела.

Антоколь заканчивается Вершубкою, гдѣ былъ лѣтній дворецъ великихъ князей литовскихъ съ обширнымъ звѣринцемъ. Въ 1853 г. открыты мною фундаменты этого дворца.

За Зеленымъ мостомъ и предмѣстьемъ Снипишки три мѣстности обращаютъ на себя особенное вниманіе. Это Тринополь, гдѣ былъ костелъ и монастырь Тринитаріевъ, а въ сороковыхъ годахъ покойнымъ митрополитомъ литовскимъ Іосифомъ (Сѣмашко) отлично отдѣланный загородный домъ съ церковью св. Іосифа и прекраснымъ паркомъ. Архипастырь украсилъ этотъ домъ картинною галереею. Тринополь расположенъ надъ самою Виліею. Далѣе въ двухъ верстахъ отсюда виднѣются на высокой горѣ очаровательныя Верки, воспѣтыя поэтами, прославленныя живописцами и удивляющія каждаго туриста великолѣпіемъ видовъ и своею величавою, богатою природою. Верки во времена язычества принадлежали Криве-Кривейту, потомъ, какъ бы по наслѣдству, перешли къ виленскимъ епископамъ, но подъ конецъ прошлаго столѣтія епископъ князь Масальскій путемъ обмѣна пріобрѣлъ ихъ въ собственность и украсилъ великолѣпными зданіями. Когда Масальскаго повѣсили въ Варшавѣ (1794), Верки перешли

въ чужія руки, а нынѣ принадлежатъ князю Витгенштейну. Замѣчательно здѣсь собраніе латъ и доспѣховъ рода Радзивилловъ, перевезенное изъ Несвижа (мать нынѣшняго владѣльца была княжна Радзивиллъ). Вблизи Верокъ, въ мѣстности называемой Новые Верки, находится писчебумажная фабрика Черно-Шварца.

Между Верками и Триноподемъ, въ лѣсу, надъ крутыми оврагами, прорѣзываемыми быстрыми ручьями, на пространствѣ 6 верстъ, въ мѣстахъ особенно живописныхъ, разбросаны по разнымъ направленіямъ каменныя часовни, съ иконами, изображающими страданія Спасителя. Въ Духовъ день и цѣлую послѣдующую недѣлю, много тысячъ путниковъ изъ далекихъ мѣстъ собираются сюда и, раздѣлясь на множество пестрыхъ группъ, изъ коихъ каждая имѣетъ своего путеводителя, странствуютъ отъ одной часовни до другой и потомъ приближаются къ высокой горѣ на небольшой полянѣ. Это Кальварія. Здѣсь, на самой вершинѣ построенъ костелъ, вокругъ котораго тоже нѣсколько часовенъ. Въ этомъ костелѣ и заканчивается молебствіе въ память страданій Спасителя. Часовни эти основаны епископомъ Юріемъ Бялозоромъ въ 1564 г. Нынѣшній костелъ воздвигнутъ въ 1755 г.

Разнообразнѣе всѣхъ восточныя окрестности города, извѣстныя подъ общимъ именемъ *Поплавъ*. Здѣсь, на крутой горѣ, на берегу Вилейки, стояли палаты знаменитыхъ вельможъ Кишковъ. Фундаменты этихъ палатъ открыты мною въ 1853 году. Мѣстность эта принадлежитъ къ имѣнію Маркуцямъ, нѣкогда составлявшему загородное помѣстье вел. князей литовскихъ. Король Александръ подарилъ Маркуци супругѣ своей Еленѣ Іоанновнѣ. Она построила здѣсь лѣтній дворецъ, но потомъ подарила это имѣніе съ дворцомъ придворному своему Унковскому, отъ котораго около 1540 г. оно перешло къ Кишкамъ, а въ XVII ст. къ Ходкѣвичамъ.

Недалеко отъ Маркуць находится самая возвышенная мѣстность въ окрестностяхъ г. Вильно, называемая *Гуры*, нѣкогда владѣніе Пацовъ, любимое мѣсто прогулокъ Императора Александра I. Здѣсь же, въ живописной рощѣ собирались филареты и филоматы.

Древній гербъ города Вильно

ОЧЕРКЪ IX.

ГОРОДА И ПОСЕЛЕНІЯ ВЪ ЛИТВѢ.

Керновъ, Мѣдники.— Троки съ уѣздомъ: Меречъ, Бражола, Пуне, Евье, Есно и др. — Лида съ уѣздомъ. — Свенцяны. — Ошмяна Гольшаны, Молодечно, Радошковичи. — Вилейка, Дисна. — Ковно съ окрестностями. Россіены, Тельши, Шавли, Поневѣжъ, Вилкоміръ, Ново-Александровскъ. — Гродно, Брестъ-Литовскъ, Каменецъ-Литовскій, Высоко-Литовскъ, Слонимъ, Жировице, Бытень, Рожано и др. — Кобрынъ. — Волковыскъ, Свислочь, Зельва. — Бѣльскъ. — Бѣлостокъ, Супрасль, Заблудово и др. — Пружаны. — Соколка и др.

Что ни шагъ — въ Литвѣ событій можно слѣдъ найти
Холмъ ли, груда ли развалинъ, крестъ ли при пути,
Столбъ, часовня, или даже постоялый дворъ,—
Все здѣсь памятникъ старинный и съ давнишнихъ поръ
Любопытнаго такъ много о Литвѣ даетъ.

СЫРОКОМЛЯ

Въ 34' верстахъ отъ г. Вильно, на берегу Виліи, три горы, называемыя до сихъ поръ *Зничевою*, *Удничьею* и *Видстовою*, остались единственными памятниками древнѣйшей литовской столицы, *Кернова*, основаннаго баснословнымъ княземъ Кернусомъ около 1040 г., но, по всей вѣроятности, гораздо раньше. Рингольдъ перенесъ столицу въ Новогрудокъ около 1230 г., но Керновъ не лишился своего значенія, какъ старѣйшая столица. Во времена Ягайла Керновъ превратился уже въ удѣльную столицу Вигунта Ольгердовича, а потомъ сдѣланъ старостовомъ. Здѣсь нѣкоторое время имѣлъ пребываніе первосвященникъ Криве-Кривейте и здѣсь же, по преданію, онъ временно проживалъ послѣ разрушенія главнаго капища въ Вильнѣ. На одной изъ горъ найденъ былъ бронзовый истуканъ Перкунаса, хранящійся нынѣ въ виленскомъ музеѣ древностей. Нынѣ Керновъ небольшая казенная деревня, въ коей около 300 чел. жителей.

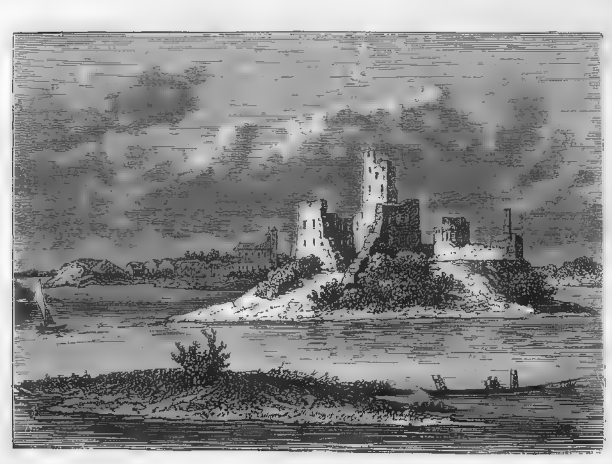
Къ древнѣйшимъ литовскимъ поселеніямъ принадлежатъ *Мѣдники*, съ великолѣпнымъ нѣкогда замкомъ, не разъ подвергавшимся нападеніямъ Рыцарей. Здѣсь, среди дремучихъ лѣсовъ, была лѣтняя резиденція князей литовскихъ. Здѣсь любилъ охотиться Ольгердъ и проживалъ въ замкѣ иногда довольно долго съ княгинею Іуліаніею. Нынѣшнія Острыя ворота въ Вильнѣ назывались прежде Мѣдникскими, потому что этой дорогой ѣздили въ Мѣдники. Въ 1385 г. великій магистръ Крестоносцевъ Конрадъ Цольнеръ фонъ-Ротенштейнъ осадилъ замокъ и простоялъ здѣсь 4 недѣли. Извѣстный лѣтописецъ Длугошъ, воспитатель сыновей

короля Казиміра, жилъ нѣкоторое время въ Мѣдникскомъ замкѣ съ королевичами. Развалины замка сохранились и до сихъ поръ и состоятъ изъ четыреугольной каменной стѣны, занимающей въ длину 249 аршинъ, въ ширину 195, вышиною въ 16 арш. На сѣверо-восточной сторонѣ была четыреугольная трехэтажная башня. Въ 1655 г. замокъ былъ разрушенъ Русскими, хотя еще и прежде былъ уже опустошенъ. Нынѣ Мѣдники принадлежатъ генералу Лабинцеву на 28 верстѣ отъ Вильно по Ошмянскому тракту.

Трокскій уѣздъ богаче другихъ воспоминаніями давно минувшаго, геройскимъ мужествомъ Литовцевъ, храбростью и доблестями князя Кейстута и его сына Витовта. Здѣсь и природа иная: она поражаетъ красотою своихъ великолѣпныхъ видовъ, своимъ разнообразіемъ и измѣнчивостью, какъ судьбы самаго народа, игравшаго, вмѣстѣ со Жмудью, первенствующую роль въ общихъ судьбахъ литовской вотчины. Величественный Нѣманъ со многими причудливыми извилистыми притоками, множество озеръ и ручьевъ, живописныя дубовыя рощи, холмы и поляны, песчаное море, тянущееся на довольно значительномъ пространствѣ отъ Нѣмана до Ротничанки — мѣняются здѣсь какъ въ калейдоскопѣ, приводя въ удивленіе своею прихотливою измѣнчивостью и, почти на каждомъ шагу, напоминая о великихъ событіяхъ здѣсь совершившихся. Могилы-курганы, городища, городки, развалины замковъ, древнія кострища, свидѣтельствуютъ о доисторической жизни праотцевъ этого чуднаго уголка земли. Въ этнологическомъ отношеніи Трокскій уѣздъ замѣчателенъ еще типичностью своихъ жителей, рѣзко отличающихся отъ сосѣдей. Нигдѣ въ Литвѣ не встрѣтите вы такихъ красивыхъ женщинъ, какъ въ окрестностяхъ Езна, Бирштанъ и въ другихъ мѣстахъ. Богатая, роскошная природа создаетъ здѣсь своихъ представителей въ людяхъ, вполнѣ ея достойныхъ и какъ-будто сросшихся съ нею. Теорія о воздѣйствіи природы на событія едва ли гдѣ найдетъ болѣе ясное примѣненіе. Событія какъ-будто подражали природѣ, проявляясь то дикостью своихъ дѣяній, то игривою неожиданностью переворотовъ, то менѣе или болѣе продолжительнымъ гнетомъ орденскаго ига, или отчаянною храбростью и мужествомъ освобождавшихся изъ-подъ гнета, то непонятнымъ въ наше время самоотверженіемъ и, изъ-за чести, изъ-за любви къ родинѣ, обреченіемъ тысячи людей на закланіе и самосожженіе. Въ бою ли, въ пѣсни, въ обрядѣ, Литовецъ всегда и вездѣ выказывалъ и заявлялъ такую восторженную любовь къ родинѣ, къ князю-властелину, къ семьѣ и родной матери-природѣ, что подобной любви, подобнаго поэтическаго настроенія, трудно отыскать у другихъ народовъ. Ежели мы теперь примѣнимъ всѣ отпрыски и проявленія многотысячной

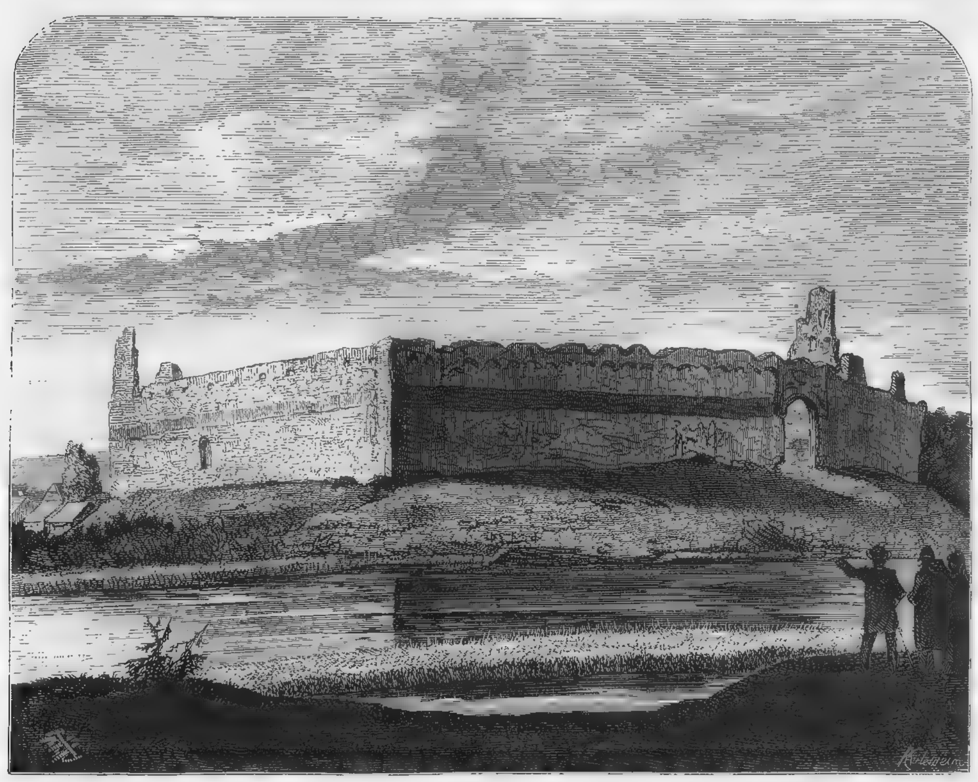
Развалины замка въ Мѣдникахъ, въ окрестностяхъ Вильно.

Развалины замка на островѣ въ Трокахъ.

жизни природы, ея дивныя причуды, ея живую картинность и эстетическую планировку, а въ то же время поражающую причудливость и измѣнчивость; ежели, говоримъ, примѣнимъ къ дѣяніямъ обитателей этого края, невольно раждается мысль, что такая природа могла отразиться именно въ такихъ, а не иныхъ дѣяніяхъ.

Къ сожалѣнію, предѣлы статьи не дозволяютъ намъ распространяться надъ описаніемъ всѣхъ мѣстностей въ Трокскомъ уѣздѣ, заслуживающихъ вниманія по историческимъ воспоминаніямъ или по остаткамъ, уцѣлѣвшимъ въ развалинахъ, въ могилахъ, въ обрядности, въ пѣсняхъ, свидѣтельствующихъ о поэтическомъ и величавомъ прошломъ этой страны. Мы должны ограничиться указаніемъ на болѣе знаменательныя и любопытныя мѣстности.

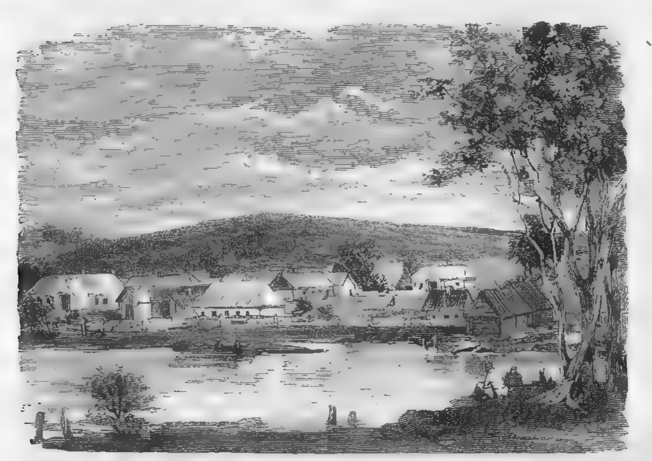
Развалины замка въ Лидѣ.

Старые Троки, или Гургани, древнѣйшее литовское поселеніе. Полагаютъ, что здѣсь была столица удѣльныхъ князей еще въ X ст. Въ XI ст., когда кіевскіе князья проникли въ эту страну, здѣсь жили нѣкоторое время намѣстники князя, собиравшіе дань съ жителей. Здѣсь было древнее городище, впослѣдствіи сильно укрѣпленное. Въ XIV ст. Крестоносцы разрушили укрѣпленія, но слѣды ихъ видны и доселѣ. Бенедиктинцы имѣли здѣсь свой монастырь съ костеломъ. Нынѣ это небольшое мѣстечко, въ которомъ около 200 чел. жителей.

Новые Троки основаны Гедиминомъ. Здѣсь, до переселенія его въ Вильно, была великокняжеская столица. Троки — это полуостровъ, ибо съ трехъ сторонъ окружены водами большихъ озеръ Гальва или Гальвія и Спайсце или Бражольское, такъ что только со стороны виленской дороги остается небольшой перешеекъ, доставляющій возможность сообщенія съ материкомъ. На берегу озера, Гедиминъ построилъ замокъ, котораго развалины существуютъ

до сихъ поръ. Хорошо сохранились двѣ башни и часть стѣны. Существуетъ и входъ въ подземелье. Изъ развалинъ замка воздвигнутъ былъ монастырь Доминикановъ. Вблизи замковыхъ башенъ виденъ высокій сторожевой курганъ, съ замѣтными слѣдами укрѣпленій и окруженный глубокимъ рвомъ.

Но славу Трокъ составляютъ развалины величественнаго готическаго замка, построеннаго въ 300 саженяхъ отъ замка на сушѣ, на островѣ, среди озера Гальва. Замокъ своими стѣнами занималъ весь островъ, около 2 десятинъ земли. Двойная каменная стѣна окружала всю площадь острова, имѣя, на выдающихся оконечностяхъ, три готическія башни. Самый замокъ въ формѣ параллелограма построенъ въ два этажа, съ высокою сторожевою башнею, высящеюся надъ самымъ замкомъ. Въ окнахъ еще и теперь аршина три въ поперечникѣ. И теперь можно судить о величинѣ большихъ залъ, а также, какъ слѣдуетъ полагать, по сохранившимся изображеніямъ святыхъ, о часовнѣ. Живопись, которую мы видѣли лѣтъ пятнадцать тому назадъ, была въ стилѣ византійскомъ.

Бирштаны подъ Ковномъ.

Лѣтописцы основаніе замка относятъ ко временамъ Гедимина; но по стратегическимъ соображеніямъ А. К. Корево, скорѣе надобно отнести его ко времени Кейстута, потому что замокъ вполнѣ приспособленъ къ дѣйствію огнестрѣльнымъ оружіемъ и построенъ въ чистѣйшемъ готическомъ стилѣ.

Здѣсь жили Кейстутъ, Ольгердъ, Витовтъ, Казиміръ и Александръ Ягеллоны. Окончательное разрушеніе замковъ, какъ на сушѣ, такъ и на островѣ, относится къ 1655 г. въ несчастное царствованіе Іоанна Казиміра.

Вокругъ острова съ замкомъ много другихъ островов разной величины, и каждый сохранилъ свои названія, объясняющія ихъ назначенія, такъ напр. кухни, конюшень, бани, сада и т. д. Надобно полагать, что оба замка, на сушѣ и на островѣ, а также приведенные выше острова соединены были мостами. До сихъ поръ видны сваи въ озерѣ, но при значительной глубинѣ онаго трудно опредѣлить ихъ направленіе. Нельзя наконецъ не предположить, что эти сваи можетъ быть остатки озернаго жилища въ доисторическое время. На одномъ изъ островов этого же озера Витовтъ построилъ небольшую православную церковь для третьей своей супруги Іуліаніи, княжны Гольшанской. Потомъ ктиторами этой церкви сдѣлались Сапѣги, тогда еще православные, и здѣсь основали фамильныя гробницы.

Сколько воспоминаній связано съ этими величественными развалинами трокскаго замка! Здѣсь жилъ храбрый и добрый Кейстутъ съ своею прекрасною Бирутою; здѣсь, 30 октября 1430 г., скончался величайшій изъ князей литовско-русскихъ, Витовтъ; здѣсь 20 марта 1440 г. кн. Чарторыскій, Довгирдъ и Лелюшъ умертвили Сигизмунда Кейстутовича, брата Витовта; здѣсь было любимѣйшее мѣстопребываніе короля великаго князя Казиміра Ягеллона; здѣсь онъ любилъ окружать себя блескомъ и величіемъ; венеціанскій посланникъ Кантарини и извѣстный путешественникъ де-Ланноа, оба были здѣсь на пиршествахъ у Казиміра и восхищаются его гостепріимствомъ, блескомъ и роскошью; послѣдній говоритъ, между прочимъ, что во время обѣденнаго стола играло 80 человѣкъ на кларнетахъ; здѣсь во времена Александра жилъ ханъ

кипчакской орды Шахъ-Ахметъ; посолъ императора Максимиліана говоритъ о великолѣпіи замка въ 1517 г., когда онъ являлся къ королю Сигизмунду I. — Со смертію Сигизмунда Августа кончилось величіе и значеніе Трокъ и его знаменитыхъ замковъ.

Нынѣ Троки бѣдный уѣздный городокъ, заселенный преимущественно Караимами, снабжающими Вильно прославленною селявою изъ трокскаго озера и огурцами. Жителей въ Трокахъ за 1876 г. показано 2155 об. п. д.

Весь берегъ Нѣмана, отдѣляющій нынѣ Трокскій уѣздъ отъ Сувалкской губерніи, усѣянъ развалинами замковъ, свидѣтелей безпрестанныхъ набѣговъ и кровавыхъ битвъ съ Рыцарями. Мы укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ, на правомъ берегу расположенные. Вблизи Бирштанъ, славящихся своими цѣлебными источниками, находится четырехъ-угольная насыпная гора, называемая Пиллисъ, на которой былъ построенъ замокъ. Витовтъ часто пріѣзжалъ сюда на охоту. Мѣстные жители увѣряютъ, что еще отцы ихъ помнили развалины замка, но считали его заколдованнымъ (Dwaras uszkialtas) и не смѣли подходить къ нему. Далѣе, въ 20 верстахъ, мѣстечко Дорсунишки, со слѣдами замка, разрушеннаго Крестоносцами въ 1381 г. Потомъ Румшишки, памятныя кровавыми сраженіями съ Орденомъ. Но вотъ историческое мѣстечко Пуне, или Пилленъ, съ которыми связано трагическое событіе, какъ намъ передали его лѣтописцы. Въ началѣ XIV столѣтія, на крутомъ берегу Нѣмана существовала крѣпость Пилленъ, построенная изъ огромныхъ бревенъ, необыкновенной толщины. Высота стѣнъ достигала 50, толщина 18 футовъ. Въ 1336 г. гросмейстеръ Теодорикъ Альтенбургскій, съ многочисленною ратью, осадилъ Пилленъ. Въ крѣпости гарнизонъ состоялъ всего изъ 4,000 чел. съ женами и малолѣтними; но вождемъ этой небольшой дружины былъ храбрый и мужественный князь Маргеръ. Осажденные защищались всѣми силами. Ежели Крестоносцы въ теченіе дня успѣли нанести поврежденія въ стѣнахъ, ночью онѣ уже были исправлены. Наконецъ Крестоносцы приблизили къ стѣнамъ всѣ свои стѣнобитныя машины, бросили въ крѣпость 600 зажигательныхъ стрѣлъ и зажгли ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Спасенія не было. Тогда Маргеръ велѣлъ зажечь большой костеръ, собралъ вокругъ него всѣхъ своихъ храбрыхъ соратниковъ и предложилъ имъ умереть, но не сдаваться. Никто не сопротивлялся такому отчаянному рѣшенію. Явилась жрица и стала рубить головы добровольно обрекавшимъ себя на смерть. Все имущество брошено было въ огонь. Бойня длилась долго, а между тѣмъ Рыцари уже наступали Тогда Маргеръ, пустивъ еще во врага нѣсколько смертоносныхъ стрѣлъ, бросился въ подземелье, закололь свою жену и дѣтей, бросилъ тѣла ихъ на костеръ, и потомъ пронзилъ себя собственнымъ мечемъ. Послѣдняя живою бросилась на костеръ жрица и уже догорала, когда Крестоносцы вошли въ крѣпость, не найдя въ ней ни одного живаго человѣка. Польскій поэтъ Сырокомля прославилъ Маргера написанною имъ подъ этимъ заглавіемъ поэмою. Недавно Крашевскій въ «Kłosach», напечаталъ занимательную повѣсть на этой же канвѣ.

Далѣе—Олита (Aliten), памятная тоже многими сраженіями съ Рыцарями. Извѣстные лѣтописцы Вигандъ и Линденблатъ разсказываютъ, что въ 1392 г. здѣсь произошла ссора, окончившаяся кровопролитною схваткою между нѣмецкимъ и англійскимъ рыцарствомъ. Нѣмецъ Рупрехтъ Секендорфъ захватилъ рыцарское знамя св. Георгія и явился съ нимъ въ качествѣ знаменосца; но этой чести добивался также лордъ Перси, сынъ князя Нортумберландскаго, что и породило взаимную распрю, которую едва успѣлъ укротить самъ гросмейстеръ Энгельгардтъ Робе.

Потомъ слѣдуютъ *Нѣмонайце,* гдѣ по преданію будтобы высадился баснословный Нѣмонъ, котораго Литовцы, тоже по преданіямъ, причисляли къ сонму боговъ. Въ окрестности Нѣмонайце много древнихъ могилъ-кургановъ.

Наконецъ мы упомянемъ еще по этому же пути про историческій *Меречъ,* мѣстность, которую Исландецъ Снорро-Стурлезонъ называетъ *Мизери,* несомнѣнно древнѣйшее поселеніе, гдѣ онъ въ началѣ XIII ст. встрѣтился съ жителями, съ которыми хотя съ трудомъ могъ

объясняться на родномъ языкѣ. Меречъ былъ на пути Рыцарямъ при ихъ набѣгахъ на Гродно и Троки и потому безпрестанно подвергался ихъ нападеніямъ. Начиная съ 1377 г., когда маршалъ Годфридъ Линденъ напалъ на Меречъ, мы видимъ вѣчную борьбу и опустошенія. Пунктъ былъ очень важный, и вел. князья литовскіе каждый разъ возстановляли укрѣпленія. Едва послѣ грунвальденскаго побоища, нанесшаго окончательную гибель Ордену, успокоился Меречъ; замокъ былъ отдѣланъ заново; сюда пріѣзжали Витовтъ, Ягайло и ихъ наслѣдники на охоту и для отдохновенія; городъ пользовался магдебургскимъ правомъ, а расположенный на большомъ трактѣ изъ Польши и Гродно въ Вильно, производилъ значительную торговлю. До сихъ поръ сохранилось древнее зданіе ратуши съ башнею, а также домъ, въ которомъ умеръ Владиславъ IV въ 1648 г. и въ которомъ впослѣдствіи квартировалъ Петръ В. Слѣды замка виднѣются при самомъ впаденіи Меречанки въ Нѣманъ, на высокой горѣ, коей верхняя часть насыпная. Въ обрывѣ горы найдены были значительной величины каменныя ядра. Меречъ нынѣ казенное мѣстечко, имѣетъ около 2 т. жителей и ведетъ довольно значительную торговлю, особенно грибами, которые во множествѣ закупаютъ нарочно пріѣзжающіе для этого промышленники изъ внутреннихъ губерній.

Къ замѣчательнымъ мѣстностямъ Трокскаго уѣзда принадлежатъ еще *Бражола,* вблизи Трокъ, надъ озеромъ того же названія, съ отлично сохранившимся большихъ размѣровъ городищемъ, котораго котлище вымощено камнями и наполнено никогда невысыхающею водою. Вокругъ Бражолы много могилъ-кургановъ бронзоваго вѣка. — Много рѣдкихъ предметовъ, хранящихся нынѣ въ виленскомъ музеѣ древностей, найдено здѣсь мною во время археологическихъ поисковъ, производившихся въ пятидесятыхъ годахъ совмѣстно съ извѣстнымъ археологомъ, караимомъ Авраамомъ Фирковичемъ, а также виленскимъ астрономомъ М. М. Гусевымъ. *Евье,* основанное супругою Гедимина Евою, славилось своею славянскою типографіею, въ которой напечатана славянская грамматика Смотрицкаго; *Кроне,* которыхъ названіе выводятъ отъ *Chronus*, какъ Римляне называли Нѣманъ, Евье и Кроне принадлежали князьямъ Огинскимъ, гдѣ они основали православныя церкви. *Езно,* вотчина Пацовъ, съ развалинами великолѣпныхъ каменныхъ палатъ, надъ которыми когда-то была громкая надпись: «*Wart palac Paca, A Pac palaca*», т. е. «дворецъ стоитъ Паца, а Пацъ дворца». Въ этихъ палатахъ помѣщалось около двухъ тысячъ человѣкъ войска. Всѣ принадлежности палатъ разсчитаны были по календарю, такъ напр. главныхъ входныхъ воротъ было четыре, соотвѣтственно четыремъ временамъ года; внутреннихъ входовъ двѣнадцать, по числу мѣсяцевъ; главныхъ залъ — по числу недѣль въ году; окошекъ — по числу дней и т. д. Трудно составить понятіе о богатствѣ, великолѣпіи и роскоши этихъ палатъ. Нынѣ Езно частное имѣніе, принадлежащее помѣщику И. Ю. Квинта. *Жосле,* казенное мѣстечко, надъ озеромъ того же названія, замѣчательно конечно баснословнымъ сказаніемъ Стрыйковскаго, по коему князь Куковойтисъ, въ началѣ XIII ст., воздвигъ идола въ честь своей матери Поjты, дочери Кернуса, а жены Живибунда. Народъ, обожавшій Поjту, поклонялся этому идолу, а когда послѣдній былъ низвергнутъ, на могилѣ Поjты выросли большущія липы, которыя народъ считалъ священными.

Развалины ковенскаго замка.

Лида, столица удѣльнаго княжества, нынѣ уѣздный городъ съ 3856 жителями, весьма древнее поселеніе, на рубежѣ собственной Литвы и славянскихъ земель, Черноруссовъ и Дейновцовъ, играла значительную роль въ историческихъ судьбахъ Литвы. Нѣтъ сомнѣнія, что

здѣсь могло существовать съ древнѣйшихъ временъ сильное укрѣпленіе, Гедиминъ же построилъ замокъ, котораго развалины уцѣлѣли до нашихъ дней. Архитектура замка имѣетъ много общаго съ мѣдникскимъ и другими этого рода укрѣпленіями въ Литвѣ. На насыпной горѣ до 4 саженъ

Готическое зданіе въ Ковнѣ, неправильно называемое храмомъ Перкуна.

вышиною окруженной съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой глубокимъ рвомъ, воздвигнуты въ квадратъ четыре замковыя стѣны, каждая длиною въ 32 саж., толщиною надъ фундаментами около 2 саж., вышиною въ 5 саж. 2 арш. Уцѣлѣли также развалины двухъ башенъ, одна противъ другой расположенныхъ. Въ замкѣ, внутри двора, были деревянныя строенія.

Лида была удѣломъ Ольгерда, Ягайла, Витовта. Витовтъ, принявъ подъ свое покровитель-

ство Тохтамыша, назначилъ для него мѣстопребываніемъ Лиду (1396—1399 г.) Ханъ жилъ въ особомъ домѣ, сохранившемъ на долго названіе Тохтамышева двора, гдѣ нынѣ приходской домъ рим.-кат. священника. Потомъ Хаджи-Гирей, ханъ Кипчацкой орды, съ 1434 по 1443 г. былъ лидскимъ старостою, пока, при содѣйствіи вел. князя Казиміра, не возвратился на ханскій престолъ. Во времена Казиміра Лида считалась значительнымъ городомъ. Населеніе ея достигало 15 т. чел. христіанъ и 160 евреевъ. Православная церковь находилась въ самомъ замкѣ; но въ 1533 г. построена новая церковь внутри города. Во время войны 1655 г., когда Хованскій взялъ замокъ, городъ былъ разоренъ и сожженъ. Потомъ, въ началѣ XVIII ст., во время шведской войны, Лида подверглась новому разоренію. Въ это время старинный архивъ, заключавшій много важныхъ граматъ, былъ взятъ изъ замка и перевезенъ въ Смоленскъ, гдѣ сгорѣлъ въ 1812 г. Въ 5 верстахъ отъ Лиды, на востокъ, въ имѣніи *Домбровкѣ,* указываютъ мѣсто и каменные фундаменты дворца Войдыла, любимца Ягайла, женатаго на сестрѣ его Маріи и казненнаго Кейстутомъ въ 1381 году, какъ виновника вражды его съ Ягайломъ.

Лида, какъ мы уже сказали, лежитъ почти на границѣ двухъ племенъ, населяющихъ Лидскій уѣздъ, Литовскаго и Черноруссовъ, отдѣленныхъ одно отъ другаго рѣкою Дзитвою, впадающею въ Нѣманъ. Древнѣйшая же столица Дейновцевъ, *Дейново,* въ 15 верстахъ отъ Лиды, нынѣ небольшая деревня. Дейновское княжество существовало еще въ началѣ XIII столѣтія. Оно граничило съ Гродненскимъ княжествомъ по р. Котру, съ нынѣшними уѣздами Волковысскимъ, Новогрудскимъ и Ошмянскимъ. Въ Дейновѣ сохранился большой камень, который народъ называетъ *кобылкою,* ибо по преданію, на немъ казнили преступниковъ.

Въ литовской половинѣ особенно замѣчательны три мѣстности: *Дубиче,* съ развалинами замка на островѣ, омываемомъ водами озера Пелюсы и рѣки Котры. Сохранились еще фундаменты замка съ валомъ и глубокимъ рвомъ, а также подземнымъ ходомъ. Въ Дубичахъ часто пребывалъ вел. кн. Витовтъ. Извѣстны двѣ граматы его, подписанныя въ Дубичахъ, одна 6 марта 1415 г. къ вел. магистру Эбергарду насчетъ обмѣна плѣнныхъ, другая 25 іюля 1421 г. о годичномъ перемиріи съ Крестоносцами. На кладбищѣ въ Дубичахъ почиваютъ останки знаменитаго литовскаго историка Өедора Ефимовича Нарбутта. *Эйшишки* и *Радунь,* незначительныя мѣстечки, замѣчательны городищами, до сихъ поръ превосходно сохранившимися. Эйшишское городище занимаетъ шесть тысячъ квад. метровъ, окружено валомъ и рвомъ. Радунское нѣсколько меньше; здѣсь вышина вала 40 метровъ, ширина 108 метровъ. Достойна примѣчанія также мѣстность, называемая *Шейбакъ-поле,* близъ м. Василишекъ, гдѣ происходила кровавая битва литовско-русскихъ князей съ Шейбакомъ, полководцемъ Батыя, въ 1242 г., и гдѣ погибъ послѣдній.

Въ Лидскомъ уѣздѣ замѣчательна еще такъ называемая околица *Трабушки,* въ 20 верстахъ отъ Эйшишекъ, къ сѣверу. Въ этомъ селеніи, въ домѣ мелкопомѣстнаго шляхтича Льва Ильцевича, въ теченіе трехъ дней, съ 28 по 30 августа, прожилъ Петръ В. съ кн. Меншиковымъ, Шафировымъ и сторонникомъ короля Августа III, княземъ Григоріемъ Огинскимъ. Значительныя войска направлялись тогда изъ Вильно рудникскимъ трактомъ, чрезъ Эйшишки и Радунь, въ Гродно. Петръ В. былъ очень доволенъ Ильцевичемъ и уѣзжая оставилъ ему охранный листъ.

Вблизи уѣзднаго города Свѣнцяны, который въ историческомъ отношеніи ничѣмъ не замѣчателенъ, въ имѣніи Цырклишки гр. Мостовскаго есть гора, называемая горою Перкунаса. По преданію здѣсь былъ истуканъ этого бога. Въ Свенцянскомъ же уѣздѣ находится мѣстечко *Свиръ,* основанное княземъ Довмонтомъ и сдѣлавшееся столицею его наслѣдниковъ, именовавшихся князьями Свирскими. Сохранилась насыпная высокая гора, на которой построенъ былъ замокъ князей Свирскихъ.

Ковно.

Въ Ошмянскомъ уѣздѣ находится *Крево*, самое замѣчательное изъ поселеній Виленской губерніи, какъ по древности своего основанія, что доказывается сохранившимися памятниками первобытныхъ эпохъ, такъ и по историческимъ воспоминаніямъ. Здѣсь разыгралась кровавая драма съ княземъ Кейстутомъ, о которой мы говорили въ историческомъ очеркѣ. Развалины замка существуютъ и до сихъ поръ. Замокъ построенъ былъ на равнинѣ при впаденіи рѣчки Шляхтянки въ р. Кревку. Развалины состоятъ изъ неправильнаго четырехъ-угольника, съ башнею съ сѣверной стороны, состоявшею изъ четырехъ этажей. Съ внутренней стороны видны еще развалины другой, круглой башни. Фундаментъ замка имѣетъ болѣе 2 саженъ высоты, а все пространство обнесено рвомъ, котораго ширина мѣстами достигаетъ 50 саженъ. Ровъ этотъ былъ соединенъ съ рѣчками Шляхтянкою и Кревкою. Указываютъ еще на входъ въ подземелье подъ башнею, гдѣ былъ умерщвленъ Кейстутъ.

Въ кревскомъ замкѣ совершилось много событій, памятныхъ въ исторіи Литвы. Здѣсь, между прочимъ, въ 1383 г. Ягайло заключилъ договоръ съ польскими послами о вступленіи въ бракъ съ Ядвигою. Кревское княжество, послѣ уничтоженія Витовтомъ удѣльной системы и послѣ умерщвленія въ 1391 г. Вигунда, которому Ягайло отдалъ Кревское княжество во владѣніе, вошло въ общій составъ великаго княжества Литовскаго. Замокъ былъ разрушенъ Татарами въ царствованіе Александра, такъ что, когда извѣстный Герберштейнъ на обратномъ пути изъ Москвы проѣзжалъ чрезъ Крево въ 1518 г., то нашелъ его совершенно опустошеннымъ. Вѣроятно, часть замка была возобновлена, потому что во времена Сигизмунда Августа здѣсь жилъ нѣкоторое время московскій выходецъ князь Курбскій.

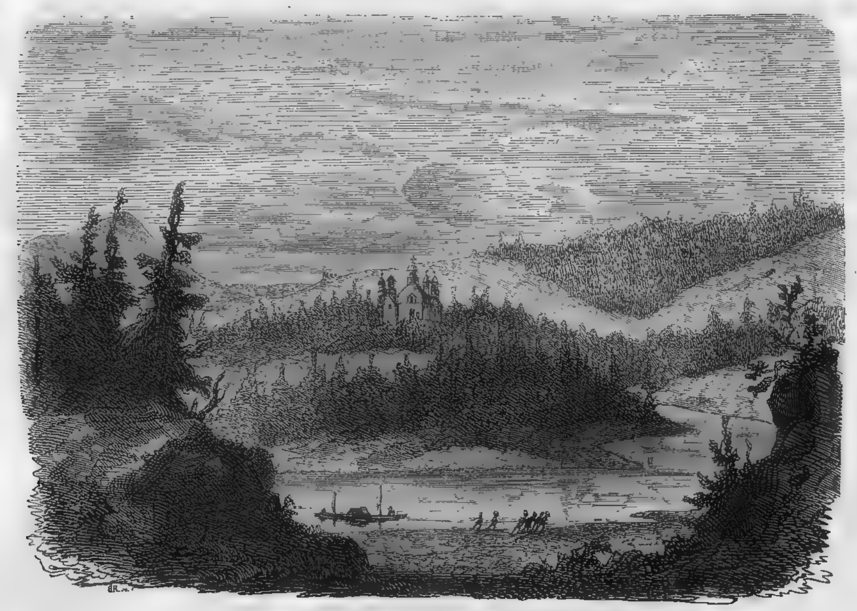
Въ двухъ верстахъ отъ Крева находится древнее городище, вышиною 11 саженъ, вершина же занимаетъ 1600 саженъ пространства, съ котлищемъ посрединѣ, коего углубленіе простирается до 2 саженъ. Существуетъ преданіе, что городище это соединялось съ замкомъ посредствомъ подземнаго хода. Что подъ городищемъ могъ быть устроенъ тунель — это весьма вѣроятно, но городище, когда имѣло прямое свое назначеніе, отдѣлено многими столѣтіями отъ постройки замка, и связи между ними существовать не можетъ. Въ верстѣ отъ городища находится нѣсколько кургановъ. Такихъ же кургановъ встрѣчается много на пути изъ Ошмяны въ Крево.

Весьма любопытны еще хорошо сохранившіяся развалины замка въ *Гольшанахъ*, или *Ольшанахъ*. Это тоже весьма древнее поселеніе. Оно еще въ XIII столѣтіи принадлежало князьямъ Гольшанскимъ, потомкамъ князя Трабуса. Гольшанскіе играли важную роль въ исторіи Литвы. Княжна Іуліанія Гольшанская была третьею супругою Витовта, а ея братъ Семенъ Ивановичъ, прозванный Лютымъ, былъ правителемъ Великаго Новгорода. Другая Гольшанская, княжна Софія, дочь Андрея Ивановича, князя Гольшанскаго и Вяземскаго, была супругою короля Ягайла. Послѣднимъ изъ рода этихъ князей былъ Павелъ, виленскій епископъ, послѣ смерти котораго Гольшаны перешли въ родъ Сапѣговъ, а потомъ Жабовъ. Древній замокъ стоялъ на величественномъ городищѣ въ двухъ верстахъ отъ Гольшанъ; замокъ же, частію сохранившійся до нашихъ дней, основанъ былъ Сапѣгами въ XVI столѣтіи.

Трабы, въ 30 верстахъ отъ Ошмяны, древняя вотчина князей Трабскихъ, коихъ родоначальникъ князь Трабусъ на древнемъ городищѣ построилъ замокъ. Городище сохранилось и до нашихъ дней, остатки же замка видны только въ окопахъ. Родъ князей Трабскихъ пресѣкся въ концѣ XV ст., и значительныя ихъ имѣнія перешли въ родъ Гастольдовъ, извѣстныхъ въ Литвѣ своимъ богатствомъ и значеніемъ. Гастольды уже въ XIV ст. отличались своею храбростью въ войнахъ съ Рыцарями, а Петръ Гастольдъ былъ знаменитѣйшимъ военачальникомъ Ольгерда. Мартинъ Гастольдъ, воевода трокскій, послѣ смерти Семена Олельковича, князя Слуцкаго и Кіевскаго, въ 1471 г. былъ намѣстникомъ кіевскимъ. Сынъ его Войтѣхъ (Адальбертъ) былъ великимъ канцлеромъ, и подъ его руководствомъ составленъ былъ *первый* литовскій статутъ. Сынъ же сего послѣдняго, Станиславъ, былъ мужемъ Варвары

Радзивиллъ, во второмъ бракѣ супруги короля Сигизмуда Августа. Въ XVI ст. Гастольды считались самыми богатыми въ Литвѣ и могли соперничать съ Радзивиллами и Острожскими. Кромѣ вотчинныхъ имѣній, они наслѣдовали имѣнія послѣ Довгяловъ, тоже знаменитаго боярскаго рода, и какъ мы уже упомянули, послѣ князей Трабскихъ. Станиславъ Гастольдъ, сопутствуя королю Сигизмунду I на съѣздъ съ императоромъ Максимиліаномъ и королями венгерскимъ и чешскимъ Владиславомъ и Людовикомъ, своимъ великолѣпіемъ, богатствомъ и многочисленностью своего двора приводилъ въ удивленіе жителей Пресбурга и Вѣны.

Главною резиденціею Гастольдовъ были *Гераноны,* въ 52 верстахъ отъ Ошмяны (по направленію къ Лидѣ) съ великолѣпнымъ четырехъ-угольнымъ замкомъ, съ круглыми башнями по угламъ, окруженнымъ глубокимъ рвомъ. Развалины замка видны еще были въ началѣ ны-

Пожайсце.

нѣшняго столѣтія и достигали значительной высоты, въ настоящее же время сохранились только слѣды нижняго этажа.

Сморгоне, значительное казенное мѣстечко, принадлежало князьямъ Радзивилламъ, наслѣдовавшимъ Деспотамъ-Зеновичамъ, впослѣдствіи же Пржездѣцкимъ. Радзивиллы основали здѣсь особую школу для обученія ручныхъ медвѣдей. Школу эту въ шутку называли *сморгонскою академіею.* Медвѣди этой школы славились повсюду и доставляли жителямъ прибыльный промыселъ Сморгоне и нынѣ славятся своими *обваранками* (маленькими бубликами).

Изъ достопримѣчательныхъ мѣстностей въ Вилейскомъ уѣздѣ, мы упомянемъ про *Кривичи,* или *Крживичи,* весьма древнее поселеніе, вотчину знаменитаго рода Кишковъ. Самое названіе напоминаетъ Славянъ Кривичей, несомнѣнно обитавшихъ въ этой странѣ. Археологическія изслѣдованія указываютъ на множество могильныхъ кургановъ, городищъ, замчищъ. Одновременно существовало здѣсь трупосожиганіе и погребеніе несожженными, что ясно уже изъ того, что въ одной и той же группѣ кургановъ попадаются костяки и кострища. Народное творчество въ Вилейскомъ уѣздѣ проявляется въ легендахъ и богатствѣ преданій о камняхъ, озерахъ, и нѣтъ почти мѣстности, съ которою бы не было связано народное преданіе. Въ

Берега Нѣмана.

Рѣчкахъ замѣчательно городище съ котлищемъ и подземнымъ ходомъ, подробно изслѣдованнымъ мною. *Долгиновъ,* вотчина князей Друцкихъ-Соколинскихъ, *Старый и Новый Мядзіолъ* при озерахъ Мястро и Нарочъ, оба существовали уже въ XV ст.; послѣдній былъ вотчиною князей Свирскихъ.

Близъ стараго Мядзіола находится сел. *Острово*. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ саду случайно открытъ гробъ и въ немъ останки человѣка большаго роста, мечъ, бутыль или глиняный глякъ съ водкою и скелетъ собачки. На камнѣ же изсѣчена слѣдующая оригинальная надпись на бѣлорусскомъ нарѣчіи:

Здѣсь ляжиць Иванъ Сѣвашка,
У головѣ у няго водки фляшка,
При боку острый мечь ляжиць
У ногъ вѣрная собачка тужиць.
Ого го, ого го,
Што кому до того.

Такъ разсказываютъ мѣстные жители. Научныхъ изслѣдованій никто не производилъ и куда дѣвался мечъ—неизвѣстно. Не знаемъ даже, изъ чего былъ сдѣланъ гробъ. Найденную же въ глякѣ жидкость разводили съ виномъ, отъ чего получалась превосходная старая водка.

Городъ Дисна и Дисненскій уѣздъ въ значительной части принадлежали къ Полоцкому княжеству. *Дисна*, при впаденіи Дисны въ Западную Двину, уже въ началѣ XIII ст. принадлежала полоцкимъ епископамъ, городомъ же наименована едва въ 1563 г. Сигизмундомъ Августомъ, по повелѣнію котораго воздвигнуты были здѣсь сильныя укрѣпленія. Послѣ втораго раздѣла Дисна назначена была уѣзднымъ городомъ Минской, а съ 1842 г. Виленской губерніи. Нынѣ это лучшій изъ уѣздныхъ городовъ. Жителей до 7 т.—Въ уѣздѣ есть еще заштатный городъ *Друя*, при впаденіи Друйки въ Западную Двину. Сигизмундъ III въ 1619 г. возвелъ эту мѣстность на степень города и даровалъ ей городское магдебургское законоположеніе. Въ Друѣ жителей около 5 т., существуетъ особое городское общественное управленіе, во главѣ котораго состоитъ городовой староста. Есть также сиротскій судъ. Друя прежде называлась *Сапѣжинъ*, была вотчиною Сапѣговъ, кои и именовались *графами на Сапѣжинѣ. Поставы,* при р. Мядзелкѣ, древнее достояніе знаменитаго рода Деспотовъ-Зеновичей, перешедшее потомъ въ собственность гр. Тизенгаузовъ. Извѣстный дѣятель на пользу просвѣщенія, литовскій подскарбій Антоній Тизенгаузъ возвелъ Поставы на высокую степень въ культурномъ отношеніи, построилъ много великолѣпныхъ зданій, завелъ бумажную и полотняныя фабрики. Потомъ Поставы принадлежали гр. Константину Тизенгаузу, европейской извѣстности орнитологу, который устроилъ здѣсь замѣчательный орнитологическій музей. Здѣсь же помѣщалась значительная картинная галлерея. Сынъ его, недавно умершій, гр. Райнольдъ, орнитологическій музей подарилъ бывшему виленскому археологическому обществу. При р. Дисненкѣ существуетъ мѣстечко *Козянъ* гр. Платера, извѣстное тѣмъ, что здѣсь

Литевка подъ Ковно.

царь Іоаннъ Васильевичъ, послѣ взятія Полоцка, въ 1563 г. построилъ сильно укрѣпленный замокъ на р. Оболи. Едва въ 1569 г. литовскій полководецъ Францъ Сука, послѣ упорной битвы, успѣлъ отнять этотъ замокъ.

Вилейскій и Дисненскій уѣзды, какъ въ естественномъ, такъ и въ этнологическомъ отношеніи, рѣзко отличаясь отъ трехъ губерній, составляющихъ Литовское полѣсье, по справедливости должны бы быть отнесены къ Бѣлорусскому полѣсью, къ которому и принадлежали до 1842 года.

Слѣдующіе стихи А. Мицкевича переносятъ насъ въ Ковно, въ ту чудную по мѣстоположенію ковенскую долину, гдѣ онъ мечталъ, гдѣ родились вдохновенныя произведенія великаго поэта.

Widziałem piękną dolinę przy Kownie ,
Kędy Rusałek dłoń wiosną i latem
Scielą murawę, Krasnymsazierzga kwiatem,
Jest to dolina najpiękniéjsza w swiecie!...
Adam Mickiewicz.

Долина эта сохранила до сихъ поръ названіе *долины Мицкевича,* хотя ее нынѣ уже прорѣзала линія желѣзной дороги.

Не только эта долина, но и вообще городъ Ковно съ его окрестностями, по своему положенію, живописнымъ, очаровательнымъ видамъ, какъ будто предназначены для вдохновенія поэтовъ. Самая исторія города, его начало, его названіе запечатлѣны поэзіею, конечно вымышленною, но неменѣе того дѣйствующею на воображеніе и доказывающею, что за много сотенъ лѣтъ Ковно уже осуществляло собою любовь и поэзію. Ковно, говоритъ поэтическая легенда, произошло отъ *Кауниса,* амура, сына Мильды, богини любви, жившаго въ Ковнѣ, а мать его, царица любви, царила только черезъ рѣку, въ *Алексотѣ,* на скатѣ горы. Здѣсь вы увидите еще вѣковыя липы, поколѣніе священныхъ липъ, среди которыхъ властвовала богиня любви и красоты, гдѣ было ея капище, гдѣ ей приносились жертвы, курился ѳиміамъ изъ янтаря, гдѣ вайделоты и вайделотки прославляли ее въ громкихъ и звучныхъ пѣсняхъ, а величаво бѣгущій у подножія Алексоты Нѣманъ покрывался вѣнками живыхъ цвѣтовъ, которые тоже приносились въ жертву властительницѣ сердецъ молодыми дѣвушками, во множествѣ стекавшимися сюда даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Литвы. Такъ описываетъ Мильду миѳологическая легенда; но народное творчество этимъ не удовольствовалось. Существуетъ другая легенда позднѣйшихъ временъ, въ которой Мильда является обыкновенною смертною, дочерью князя Эрдзивилла. Мильда посвятила себя богамъ и сдѣлалась жрицею, наравнѣ съ другими поддерживающею неугасаемый огонь. Но прекрасной княжнѣ-жрицѣ приглянулся красивый юноша, вдохновенный поэтъ, Дангерутасъ, воспѣвавшій ея красоту. Молодые сошлись и были счастливы. У Мильды была злая мачиха. Она тоже любила пѣвца, и когда узнала про измѣну его, донесла на него, какъ на оскорбителя боговъ, дерзнувшаго полюбить жрицу. Дангерутаса схватили, осудили на сожженіе и до исполненія казни заключили на горѣ Прауримѣ, вблизи капища. Мильда узнала возлюбленнаго, освободила его и пріютила у переодѣтаго жреца, въ сущности же Норвежца, по имени Оскара. Этотъ Оскаръ является благодѣтельнымъ геніемъ влюбленныхъ. Онъ не только скрываетъ у себя осужденнаго пѣвца, но и устраиваетъ ихъ тайныя свиданія. И вотъ однажды, Мильда бросаетъ капище и спѣшитъ къ возлюбленному. Но увы! въ ея отсутствіе неугасаемый огонь потухъ. Преступленіе страшное, взволновавшее всю страну. Даже самъ князь не можетъ спасти родной дочери. Мильду и Дангерутаса осудили на сожженіе. По народному обычаю, каждый проходящій близъ капища, гдѣ были могилы праотцевъ, бросалъ на нихъ вѣтки. Отъ этого образовались громадныхъ размѣровъ костры. Подъ этими-то кострами Оскаръ тайкомъ устроилъ большую пещеру, а такъ какъ онъ былъ назначенъ, въ качествѣ жреца, для исполненія приговора, причемъ конечно народъ не смѣлъ переступать за ограду, то Оскаръ повелъ дѣло такъ, что возведенные на костеръ осужденные,

едва только костеръ былъ подожженъ, провалились въ пещеру цѣлы и невредимы. Народу возвѣщено, что боги милостиво приняли принесенную жертву и вѣчный огонь на алтарѣ могъ быть возстановленъ. Мильда долго послѣ этого жила съ своимъ любимымъ, уже какъ съ законнымъ мужемъ, но народъ вѣрилъ, что она была сожжена, какъ вѣритъ и теперь, что тѣнь ея и нынѣ блуждаетъ по горѣ Праурамѣ. Легенда оканчивается уже христіанскою окраскою: оказывается, что Оскаръ былъ втайнѣ христіаниномъ; что въ пещерѣ была устроена часовня и что онъ спасъ молодыхъ, заручившись ихъ клятвою, что они примутъ христіанство, что, конечно, они и исполнили.

Гора Праурима служитъ мѣстомъ прогулокъ и увеселеній, отчего и прозвана *Веселово*. Видъ отсюда очарователенъ. Ковно съ башнями храмовъ, Нѣманъ со множествомъ флаговъ судовъ, зеленѣющія плодоносныя нивы — смѣшиваются и рисуютъ чудную картину.

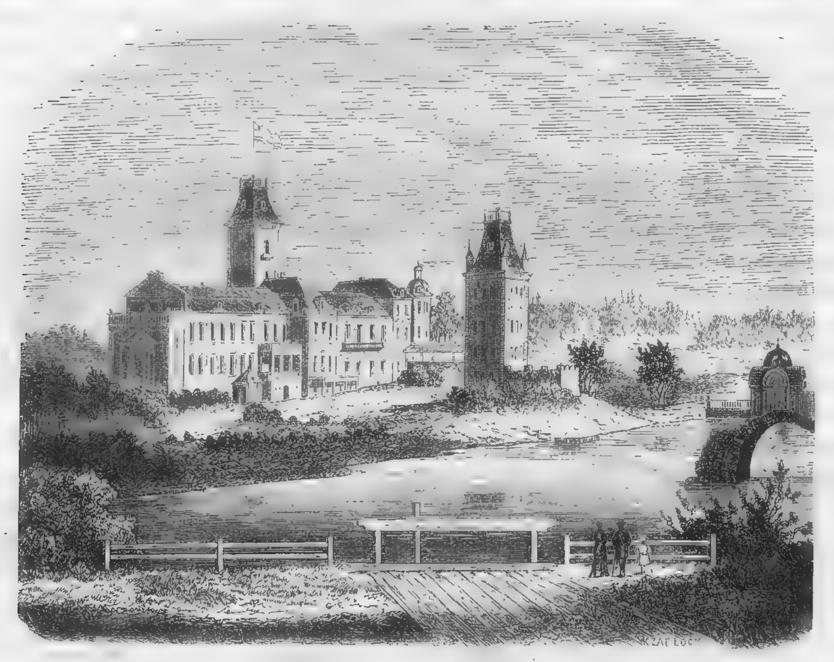
Легендарный Стрыйковскій, а также Кояловичъ и др. основаніе города *Ковно* относятъ къ X ст., полагая, что основателемъ былъ Кунасъ, сынъ Палемона. Конечно, это сказаніе неимѣющее ровно никакой критической подкладки. Достовѣрно только то, что Ковно древнѣйшее литовское поселеніе. Ковно одинъ изъ живописнѣйшихъ по своему мѣстоположенію городовъ западной Россіи. Въ долинѣ, на которой онъ построенъ, съ юга, течетъ величавый Нѣманъ; съ юго-восточной стороны въ нее впадаетъ

Wilija naszych strumieni rodzica....

Городъ широко раскинулся, какъ полипъ постоянно разрастаясь, такъ что даже прекрасная *долина Мицкевича* отчасти уже застроена домами. Крутыя горы окаймляютъ его. Вездѣ вы встрѣтите слѣды давно минувшаго, какъ временъ доисторическихъ, такъ и послѣдующихъ, современныхъ Гедимину, Кейстуту, Ольгерду, Витовту. Коса на всемъ пространствѣ между соединеніемъ рѣкъ Виліи съ Нѣманомъ и теперь называется *Гаемъ*, хотя здѣсь давно уже нѣтъ ни одного дерева. Но преданіе говоритъ, что здѣсь именно былъ священный *Гай*, т. е. роща, въ которой во множествѣ были разведены черные вороны. Коса эта примыкаетъ къ древнему ковенскому замку, котораго развалины существуютъ доселѣ. Преданіе сохранило также названіе *Зеленой пущи*. Она давно не существуетъ, но зато возвышенный берегъ вверхъ по теченію обѣихъ рѣкъ, т. е. Виліи и Нѣмана, на протяженіи двухъ верстъ называется *Зеленою горою*. Прекрасная тополевая аллея, по динабургско-ковенскому шоссе, которое прорѣзываетъ открытую площадь этой горы, составляетъ нынѣ спускъ и въѣздъ въ ковенскую долину. Въ $2^1/_2$ верстахъ ниже города находится на краю береговаго ущелья четырехугольный окопъ, какъ полагаютъ, имѣвшій во времена язычества религіозное значеніе. Въ верстѣ же отъ города, вблизи игриваго Марвянскаго ручья, бѣгущаго къ Нѣману, существуетъ древнее языческое кострище, изслѣдованное С. Ѳ. Полѣвскихъ, который нашелъ здѣсь доказательства трупосожиганія. Самое кострище, состоящее изъ толстаго и жирнаго слоя земли, въ которомъ найдены недогорѣвшія человѣческія кости и много зубовъ, на глубинѣ до полутора аршина, покрываетъ слой глинистой почвы, на которомъ растутъ вѣковые дубы. Но такихъ кострищъ и могильныхъ кургановъ очень много въ ближайшихъ окрестностяхъ г. Ковно.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ города и въ Ковенскомъ уѣздѣ насчитываютъ четыре мѣстности (Романы, Ромянка, Ромайна и Окайня), гдѣ по преданію были языческія капища. Въ Окайнѣ нашелъ послѣднее убѣжище языческій литовскій первосвященникъ, или Криве-Кривейте, Гинтовтъ, бѣжавшій, послѣ низверженія идола Перкунаса въ Вильнѣ, сначала въ Керновъ, а потомъ въ Окайню. Но главнѣйшій языческій храмъ въ окрестностяхъ Ковно, былъ въ 10 верстахъ, въ м. Сапежишкахъ; храмъ, окруженный священными рощами, занималъ своею территоріею значительное пространство и рощи достигали нынѣшней деревни Дэѣвогала, Dievagałas, т. е. конецъ божества.

Историческій разсвѣтъ города Ковно начинается въ XIV ст. одновременно съ набѣгами Крестоносцевъ. Уже въ 1317 г. существовалъ укрѣпленный замокъ, на который напали Рыцари. Въ 1362 г. гросмейстеръ Винрихъ Книпроде съ сильною ратью напалъ на городъ и, не смотря на то, что Ольгердъ съ Кейстутомъ подоспѣли на помощь, крѣпость была взята и городъ сожженъ. Нападенія и борьба продолжались въ 1376, въ 1383, въ 1391 и въ 1393 г. Въ 1383 Крестоносцы прокопали каналъ отъ Виліи до Нѣмана. Образовался островъ, на которомъ они воздвигли новую крѣпость, названную Риттерсверденъ; но въ 1384 Литовцы отняли ее. Въ 1391 происходила страшная борьба съ великимъ магистромъ Конрадомъ Валенродомъ, окончившаяся пораженіемъ послѣдняго. Въ 1401, Витовтъ, убѣдившись, что крѣпость при устьѣ Виліи приноситъ болѣе вреда чѣмъ пользы, велѣлъ при появленіи непріятеля взорвать ее на воздухъ, а деревянныя строенія сжечь. Съ этого времени прекратились набѣги Крестоносцевъ. Витовтъ далъ

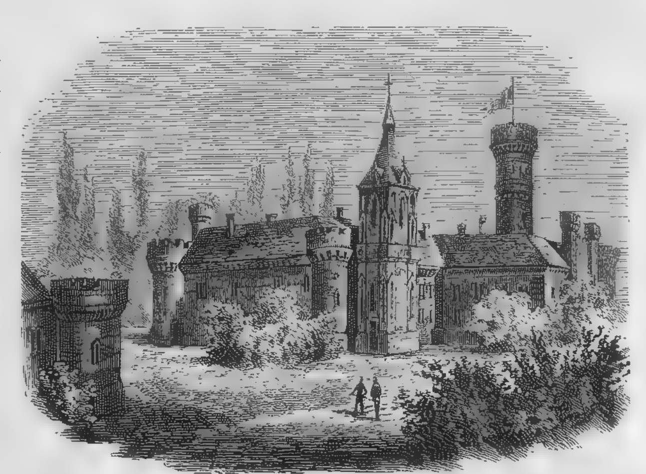
Кейданы Чапскихъ, нынѣ гр. Тотлебена.

особыя привилегіи городу, содѣйствовавшія увеличенію его благосостоянія. Всѣ государи изъ рода Гедимина до кончины Сигизмунда Августа любили Ковно и нерѣдко здѣсь проживали. По географическому своему положенію Ковно, успокоясь отъ набѣговъ Рыцарей, еще во времена Витовта заняло весьма важное мѣсто въ торговомъ отношеніи, хотя еще при Кейстутѣ здѣсь уже устроилась главная мѣна иноземныхъ товаровъ на сырыя литовскія произведенія. Постепенно увеличивалось благосостояніе города; для торговыхъ оборотовъ селилось здѣсь много иноземцевъ. Пять факторій, именно: голландская, англійская, прусская, шведская и венеціанская, служили главнѣйшими проводниками торговопромышленной дѣятельности. Великолѣпныя громадныя каменныя житницы и другіе склады и магазины покрывали берега Виліи и Нѣмана. Прекрасныя зданія воздвигались въ городѣ. Населеніе съ каждымъ годомъ увеличивалось, и Ковно даже подъ конецъ XVI ст. было значительнымъ и богатымъ городомъ.

Царствованіе Сигизмунда III съ религіозною борьбою значительно подорвало благоденствіе города, какъ и многихъ другихъ, почти всѣхъ литовскихъ городовъ. Потомъ война 1655 г.

нанесла ему жестокій ударъ. Ковно было разграблено и почти совсѣмъ сожжено. Едва жители сколько нибудь оправились, какъ пожаръ истребилъ большую часть города. Съ прорытіемъ канала отъ Нѣмана до Припети, когда Кенигсбергъ занялъ важное мѣсто въ торговыхъ оборотахъ, Ковно окончательно лишилось своего преобладающаго значенія. Его богатства съ негоціантами, факторіями — перешли въ руки Пруссаковъ. Ковно доживало свои дни, и наконецъ Наполеонъ I нанесъ ему окончательный ударъ.

Передъ нами рукопись бернардинскаго монаха, все время прожившаго въ ковенскомъ монастырѣ и безпристрастно разсказывающаго про событія 1812 г. въ Ковнѣ. Не легко было бы повѣрить описанію монаха Бернардина, если бы очевидцы не передавали намъ о подобныхъ же неистовствахъ, сумасбродствахъ и насиліи, какія производились передъ глазами Наполеона въ другихъ мѣстностяхъ Литвы и Бѣлоруссіи. 24 іюня, по словамъ разсказщика, русскій гарнизонъ оставилъ Ковно. Мостъ на Виліи, между Слободою и городомъ, былъ сожженъ. Бургомистръ Рейсъ, пріоръ Кармелитовъ и другія почетныя лица отправились встрѣчать Наполеона за Нѣманъ. Мостъ (понтонный) былъ уже наведенъ. Наполеонъ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ городъ при громѣ орудій и колокольномъ звонѣ всѣхъ храмовъ. Сначала онъ остановился въ монастырѣ Кармелитовъ, а потомъ переѣхалъ въ домъ Эхеля. Между тѣмъ войска, тотчасъ по прибытіи, напали на частные дома и на монастыри, и когда одни требовали доставки разныхъ предметовъ, толпа бросилась на кладовыя, погреба и грабила. «Солдаты, говоритъ Бернардинъ, напали на нашъ монастырь, схватили ризничаго, требуя водки (шнапса), и стали его колотить. Къ нимъ поспѣшилъ настоятель монастыря, его тотчасъ окружили съ обнаженными саблями, стали угрожать, что заколятъ, потомъ ворвались въ кладовую и погребъ, захватили триста гарнцевъ вина, хлѣбъ, ветчину, яйца, масло и все, что было съѣстное, даже всю посуду, какая была, взяли съ собою. У меня отняли часы, прибили ксендза проповѣдника Почулевича, послушниковъ и прислугу. Такъ свирѣпствовали нѣсколько часовъ, когда наконецъ явился комендантъ и поставилъ часовыхъ, но уже охранять было нечего.»

Замокъ Раудан.

Монахини Бернардинки отдавали имъ все, чего ни требовали, лишь бы только не входили во внутрь монастыря. То же самое происходило и во всѣхъ другихъ монастыряхъ. Кончилось тѣмъ, что всѣ монахи и прислуга разбѣжались и попрятались гдѣ кто успѣлъ. Нѣкоторые бѣжали за городъ. Монастыри и костелы брошены были на произволъ судьбы. Французы поспѣшили занять ихъ, причемъ разграбили всѣ ризницы. Золотыя и серебряныя дарохранительницы, дискосы и всякую церковную утварь забирали, выбрасывая св. причастіе на полъ. Ризы, которыхъ не хотѣли брать, рвали въ куски. Костелы обращены были въ магазины, монастыри — въ казармы. Изрубили всѣ деревья въ саду, всю мебель, двери, даже подоконники, обращая все это въ дрова. Въ одномъ Бернардинскомъ монастырѣ квартировало постоянно 1500 чел., одни уходили, другіе приходили. Солдаты не церемонились; не только кельи,

корридоры, но всѣ костелы были страшно запакощены, смрадъ вездѣ невыносимый. Монахъ хроникеръ говоритъ, что онъ 13 дней прятался въ лѣсу и едва въ началѣ іюля, узнавъ, что нѣсколько спокойнѣе въ городѣ, возвратился въ монастырь.

Далѣе авторъ рисуетъ передъ нами страшную картину отступленія Французовъ. Онъ говоритъ, что ретирада началась 28 ноября. Окоченѣвшіе отъ холода, голодные, Французы съ неистовствомъ бросались на дома и монастыри и грабили. Французскій губернаторъ въ Ковнѣ Терреръ и какой-то дивизіонный генералъ тайкомъ бѣжали изъ города пѣшкомъ, потому что не могли совладать съ разсвирѣпѣвшими солдатами. Магазины, лавки, аптеки, мясные ряды и множество домовъ были разграблены. Потомъ 30 ноября стали жечь городъ. Подожгли костелъ и монастырь Францисканoвъ, гдѣ было сложено нѣсколько тысячъ ружей. Все это сгорѣло. Вскорѣ запылалъ весь городъ, а между тѣмъ грабежъ продолжался. На рынкѣ стояли возы съ аммуниціею и снарядами. Когда ихъ подожгли, вспыхнулъ и порохъ — земля застонала, сосѣдніе дома потрескались. Этотъ случай болѣе всего произвелъ опустошенія. Монахъ прибавляетъ, что 1 декабря, ночью, часу въ третьемъ, собралась толпа изъ жителей Ковно, нарядилась казаками и напала на грабителей и поджигателей. Многіе, прибавляетъ онъ, при этомъ хорошо поживились, отнимая у Французовъ деньги, часы и другія цѣнности. Въ то же время жители грабили и французскіе складочные магазины въ монастыряхъ. Много забрали муки, крупъ, французской водки, рому и т. д. Но эта благодать не долго продолжалась: нагрянули дѣйствительные казаки и возстановили порядокъ. Больные, полунагіе Французы валялись еще по улицамъ и площадямъ, много ихъ гибло въ подвалахъ, на чердакахъ. Много было такихъ, которые ползкомъ добирались до пепелища, чтобы согрѣться. Въ бывшемъ костелѣ Іезуитовъ и въ разныхъ другихъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара зданіяхъ устроены были лазареты; но число больныхъ было такъ велико, что живые лежали на мертвыхъ въ два этажа. Ужасныя картины этого бѣгства описываетъ монахъ хроникеръ! — Съ пріѣздомъ графа Платова понемногу сталъ возстановляться порядокъ. Нашъ Бернардинъ явился къ нему, прося помощи, чтобы потушить пожаръ возлѣ самаго ихъ монастыря. Платовъ отрядилъ казаковъ, и пожаръ былъ потушенъ 3-го декабря на площади совершено было торжественное благодарственное молебствіе, причемъ и ксендзы въ облаченіяхъ пѣли Te deum laudamus, а Евреямъ, явившимся съ своимъ десятисловіемъ, Платовъ велѣлъ во все время молебствія стоять на колѣняхъ. 12-го декабря, въ день рожденія Императора Александра, было молебствіе въ костелѣ монахинь Бернардинокъ, причемъ произведенъ 101 выстрѣлъ изъ орудій, поставленныхъ на рынкѣ, а затѣмъ графъ Платовъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на завтракъ, вечеромъ же у него былъ балъ. Потомъ разоренный опустошенный, сожженный городъ принужденъ былъ тоже дать великолѣпный балъ.

Въ Ковнѣ едва сохранилось около 200 домовъ, годныхъ для жительства. Нищета была страшная.

Въ 1842 г., съ учрежденіемъ новой губерніи, Ковно сдѣлано губернскимъ городомъ. Съ этого времени какъ торговое его значеніе, такъ и вообще благосостояніе жителей увеличиваются постоянно. Нынѣ число жителей простирается до 40,000. Православныхъ церквей 3, римско-католическихъ костеловъ 6, лютеранская церковь 1, синагогъ 4, учебныхъ заведеній 9, человѣколюбивое общество, 18 разныхъ фабрикъ. Городъ раздѣляется на двѣ половины, старую и новую. Первая находится при самомъ устьѣ Виліи, послѣдняя тянется версты на три по правому берегу Нѣмана и состоитъ изъ пяти улицъ. Домовъ считаютъ до 2000. Городу принадлежитъ 553 десятины земли, кромѣ того онъ же владѣетъ двумя имѣніями въ Трокскомъ уѣздѣ. Имѣнія эти, Кошаны и Яхнишки съ фольваркомъ Волунце, заключаютъ 2340 десятинъ земли.

На городской площади, вблизи Александро-Невскаго собора, находится красивое, готическое зданіе, въ которомъ помѣщалась городская ратуша, а нынѣ оно преобразовано въ «большой дворецъ», въ которомъ, при проѣздахъ чрезъ Ковно, останавливается Государь Императоръ.

Кромѣ того, тутъ же построенъ каменный «малый дворецъ». На площади воздвигнутъ чугунный памятникъ въ память 1812 года, съ надписью «на начинающаго Богъ» и образомъ Георгія Побѣдоносца. Въ Старомъ городѣ сохранилось еще нѣсколько древнихъ зданій, бросающихся въ глаза своею архитектурою. Но особенно замѣчательно великолѣпное готическое зданіе, котораго рисунокъ здѣсь представляемъ. Оно слыветъ въ народѣ подъ именемъ «храма Перкуна». Понятно, что въ этомъ названіи нѣтъ ни малѣйшаго смысла. Готическихъ капищъ не строили. По стилю его надобно отнести къ первой половинѣ XV столѣтія. Здѣсь въ послѣднее время устроенъ былъ городской театръ. (Рисунокъ на стр. 169).

Ковно съ двумя судоходными рѣками, связанное сѣтью желѣзныхъ дорогъ съ важнѣйшими торговыми пунктами какъ въ Россіи, такъ и за границею, конечно, богато будущностью. И нынѣ Ковенская пристань играетъ немаловажную роль. На ней примѣрно грузится ежегодно для слѣдованія вверхъ по Нѣману до 2.000,000 пудовъ, на сумму до 1 мил. р. Разгружается для внутренняго потребленія съ судовъ, пришедшихъ съ двухъ сторонъ, до 800,000 и болѣе пудовъ, на сумму до 250,000 р.

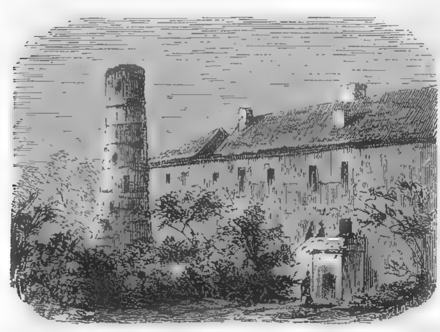
Въ семи верстахъ отъ Ковно находится Пожайсце (см. рисунокъ на стр. 172). Въ лѣсу, на высокой горѣ, на крутомъ берегу Нѣмана, виднѣется величественный храмъ съ двумя башнями. Основателемъ храма и при немъ монастыря для монаховъ ордена Камедуловъ былъ Христофоръ Пацъ, великій канцлеръ литовскій, съ супругою Елисаветою, рожденною гр. де-Майли. Постройка начата въ 1662 г., окончена въ 1674 г. Самый храмъ принадлежитъ къ красивѣйшимъ памятникамъ зодчества. Построенъ изъ гранита, внутри одѣтъ дорогимъ итальянскимъ мраморомъ чернаго и краснаго цвѣтовъ. Полъ тоже мраморный. Сводъ покрытъ рѣзьбою и фресками. Постройка этого храма вмѣстѣ съ монастыремъ стоила Пацу, какъ удостовѣряютъ счеты, восемь милліоновъ злотыхъ. Преданіе же говоритъ, что Пацъ истратилъ восемь бочекъ золота. Въ храмѣ есть склепъ, въ которомъ покоится прахъ основателя, его супруги, троихъ дѣтей и нѣсколькихъ слугъ. Храмъ занимаетъ одну изъ четырехъ сторонъ, составляющихъ Forestarium, т. е. монастырскій дворъ, застроенный красивыми зданіями, предназначавшимися для путешественниковъ и странниковъ, большою залою, называвшеюся Пацовскою, высокой башней на берегу Нѣмана; самый же монастырь, или эремъ, по закону Камедульскаго ордена, состоялъ изъ 12 маленькихъ домиковъ, въ саду, обрабатываемомъ монахами и обнесенномъ высокою каменною стѣною.

Монастырь Камедуловъ упраздненъ въ 1832 г. и обращенъ въ православный, сначала 2 класса, а потомъ первоклассный Успенскій монастырь. Церковь освящена въ 1840 г. во имя Успенія Божіей Матери. Чудотворная икона Богородицы, находившаяся въ камедульскомъ костелѣ, перевезена въ Кіевъ. Здѣсь имѣетъ пребываніе викарій Литовской епархіи, епископъ ковенскій, который состоитъ и настоятелемъ монастыря.

Какъ по очаровательному мѣстоположенію, такъ по богатству и эстетическому вкусу, занимаетъ одно изъ первѣйшихъ мѣстъ въ Литвѣ *Червоный Дворъ*, съ великолѣпными барскими палатами и нагроможденными въ нихъ сокровищами. Червоный Дворъ находится въ семи верстахъ отъ Ковно, при впаденіи Невяжи въ Нѣманъ, и принадлежитъ графу Венедикту Михайловичу Тышкевичу, одному изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Западныхъ губерніяхъ.

Мѣстность эта относится къ древнѣйшимъ литовскимъ поселеніямъ. Кто первый построилъ замокъ, Литовцы или Крестоносцы, неизвѣстно. Но замокъ уже существовалъ въ XIII столѣтіи, потомъ неоднократно переходилъ изъ рукъ въ руки. Много здѣсь пролито крови съ обѣихъ сторонъ! Потомъ въ XVI ст. Червоный Дворъ принадлежалъ Огинскимъ, въ XVII—Радзивилламъ, далѣе Забѣлламъ и въ 1834 г. пріобрѣтенъ дѣдомъ нынѣшняго владѣльца, тоже Венедиктомъ Михайловичемъ Тышкевичемъ. Онъ, превратилъ древній рыцарскій замокъ въ палаты, не измѣняя готическаго стиля, построилъ много другихъ зданій, остальное довершено уже при нынѣшнемъ владѣльцѣ.

Замокъ, или нынѣшнія палаты, построенъ на самой высокой изъ длинной цѣпи горъ, у подошвы которыхъ текутъ Невяжа и Нѣманъ. Онъ вполнѣ сохранилъ величественный готическій стиль. Съ одной стороны крутой обрывъ, въ прямой же линіи прекрасный костелъ въ итальянскомъ стилѣ, далѣе среди зелени и деревьевъ виднѣются оранжерея, разныя зданія, бесѣдки, мосты и мостики. Паркъ кругомъ, паркъ богатѣйшій, съ шоссейными дорожками, затѣйливыми постройками, статуями и моремъ тропическихъ растеній, цвѣтовъ и деревьевъ. Вездѣ видны вкусъ, богатство и самая щепетильная заботливость въ содержаніи этихъ безчисленныхъ, на значительномъ пространствѣ разбросанныхъ домовъ, зданій, домиковъ, бесѣдокъ и т. п. Нѣкоторыя хозяйственныя зданія прекрасны, даже роскошны. Довольно сказать, что однѣ конюшни, построенныя во французскомъ стилѣ, стоили 80,000 рублей, а внутреннее ихъ устройство ни въ чемъ не уступаетъ самымъ изысканнымъ моделямъ англійскаго спорта.

Гелгудовскій замокъ.

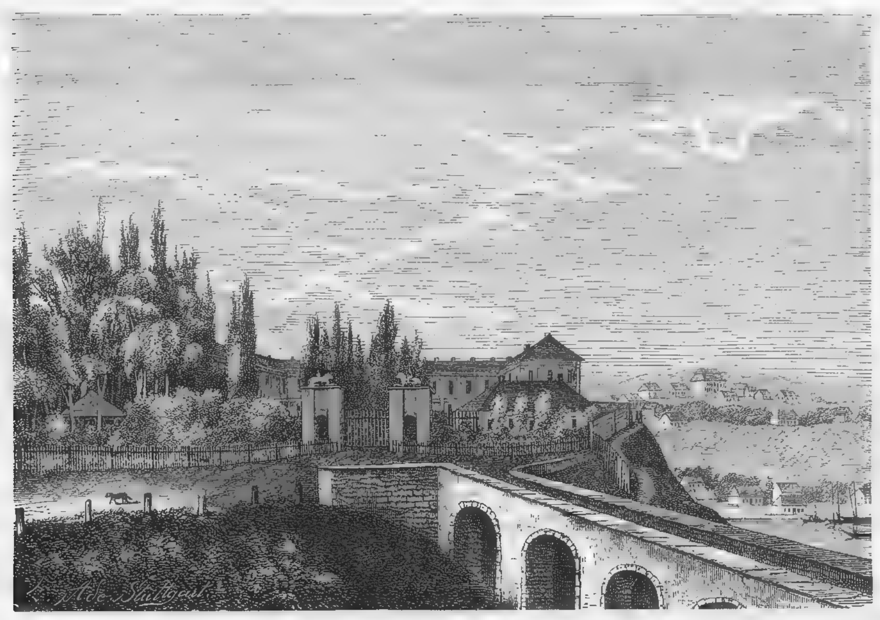
Внутренняя отдѣлка палатъ и нагроможденныя здѣсь произведенія изящныхъ искусствъ отличаются богатствомъ и умѣньемъ какъ выбора, такъ и группировки. Довольно значительная картинная галлерея, статуи, бюсты, группы работы извѣстнѣйшихъ артистовъ. Есть произведенія Кановы и Бенвенуто Челлини. Множество всякаго рода игрушекъ, китайскія и японскія вазы, рѣдкое оружіе и т. п. Есть собраніе медалей, нумизматическая коллекція. Библіотека состоитъ всего изъ 1,400 сочиненій. Надобно надѣяться, что молодой владѣлецъ постоянно будетъ ее увеличивать. Къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ искусства принадлежатъ два памятника въ надгробной часовнѣ изъ мрамора, графини Ванды Тышкевичъ, жены покойнаго гр. Венедикта, работы извѣстнаго Помпелуни во Флоренціи, стоившіе одинъ 20,000 червонцевъ, и другой поменьше, тоже изъ бѣлаго мрамора, воздвигнутый сыну ихъ Михаилу.

Въ Ковенскомъ уѣздѣ замѣчательно мѣстечко *Кейданы*, въ 47 верстахъ отъ Ковна, при впаденіи рѣкъ Абели и Смилги въ Невяжу. Это древнее гнѣздо язычества. Преданіе даже говоритъ, что здѣсь существовалъ христіанскій храмъ, но Литовцы обратили его въ храмъ Перкунаса. Достовѣрно то, что даже въ концѣ XVI ст. язычество здѣсь было сильно, а Стрыйковскій лично смотрѣлъ, какъ совершались разные языческіе обряды. Въ XVI ст. Кейданы принадлежали Кишкамъ, потомъ перешли къ Радзивилламъ. Здѣсь они основали кальвинскій сборъ, гимназію, типографію и значительную библіотеку. Въ 1650 г. супруга князя Януша Радзивилла (дочь Василія Лупуллы, господаря молдавскаго) основала православную церковь. Монастырь Кармелитовъ основанъ около 1700 г. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Кейданы принадлежали гр. Чапскимъ и всегда славились какъ своимъ блистательнымъ экономическимъ устройствомъ, такъ и въ ремесленномъ отношеніи. Въ Кейданахъ кузнечныя издѣлія и другія пользовались извѣстностью, но въ особенности славились здѣшніе мастера экипажей. Гр. Маріанъ Чапскій (недавно умершій, авторъ замѣчательнаго сочиненія п. з. «Конь», переведеннаго на всѣ почти иностранные языки) устроилъ здѣсь отборную и значительную библіотеку. Нынѣ Кейданы принадлежатъ генералъ-адъютанту графу Тотлебену, который украсилъ ихъ нѣсколькими прекрасными постройками.

Укажемъ теперь на значительнѣйшія поселенія въ сѣверо-западной части Ковенской губерніи, составляющей, такъ сказать, самую глубь Жмуди. Здѣсь важнѣйшимъ пунктомъ считается городъ Россіены. Небольшая рѣка Рось, или Россіенка, протекая съ юга на сѣверъ

и дѣлая крутой поворотъ на западъ, на обоихъ своихъ берегахъ имѣетъ возвышенности, на которыхъ и построенъ городъ, прорѣзанный рѣкою и соединяющійся мостомъ и плотинами.

Россіены по лѣтописямъ извѣстны уже въ VIII столѣтіи. Названіе рѣки Рось и самаго города породило мысль, не отсюда ли вышли Варяго-Руссы, призванные съ балтійскаго поморья? Россіены въ прямомъ направленіи отстоятъ отъ моря въ 80 верстахъ. Къ западу, на пространной равнинѣ, разсѣяны насыпные курганы, изъ коихъ самый высокій называется Явойшайскій. На этой равнинѣ происходили въ прежнее время воинскія упражненія жмудскаго ополченія и съѣзды жмудскаго дворянства, изъ 28 уѣздовъ, на сеймы, отчего равнина эта и нынѣ называется Станъ. Король литовскій Миндовгъ въ 1254 г. предназначилъ половину Россіенъ на содержаніе перваго литовскаго епископа Христіана, а черезъ три года принужденъ

Гродно.

былъ уступить Россіены инфлантскимъ Рыцарямъ. Съ XIV ст. начинается рядъ ожесточенныхъ битвъ съ Рыцарями. Россіены были неоднократно истребляемы огнемъ и мечемъ, но городъ возобновлялся, какъ стоявшій во главѣ Россіенской земли и первенствующій во всей Жмуди, такъ что мѣстный староста предсѣдательствовалъ на всѣхъ съѣздахъ и судахъ.

Россіены—лучшій изъ жмудскихъ городовъ. Торговля его довольно значительна и ведется преимущественно съ Ригою и Пруссіею. Въ немъ жителей около 12000. Домовъ считаютъ до 600. Улицъ 20 и 2 площади.

Россіенскіе земскіе акты сохранились съ 1575 г. и до 1640 г. писались на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Древнѣйшее литовское поселеніе, съ которымъ связано много историческихъ и даже миѳологическихъ воспоминаній, *Полангенъ* нынѣ уже входитъ въ составъ Курляндской губерніи, на самомъ рубежѣ Ковенской. Полангенъ служилъ для Литвы воротами въ Балтійское море. Уже въ древнѣйшее время онъ славился своимъ янтаремъ, своими сельдями и другими морскими рыбами. Полангенъ хорошо былъ извѣстенъ древнимъ Финикіянамъ и Римлянамъ. Замѣчатель-

нѣйшія археологическія бронзовыя выкопки, финикійскаго и римскаго издѣлій, находимы были въ окрестностяхъ Полангена, Кретинги и по всему протяженію морскаго побережья до Юрбурга и далѣе. Неоднократно также попадались здѣсь и римскія монеты. Витовтъ, для котораго дорогъ былъ Полангенъ, ибо здѣсь родилась и жила мать его, Бирута, устроилъ въ немъ портъ и таможню. Портъ этотъ существовалъ еще въ началѣ XVIII столѣтія. Собственно старый портъ находился въ четырехъ верстахъ, при впаденіи рѣки Швенты въ Балтійское море. Нынѣ Швента, или Свента прозвана уже Гейлигенъ-Аа. Песчаная равнина, на которой расположенъ Полангенъ, на берегу моря, окружена двумя возвышенностями. Одна изъ нихъ называется мореходцами Holländische Mütze, потому что будто бы похожа на шляпу, а другая до сихъ поръ называется горою, или могилою святой Бируты. Память объ ней доселѣ жива въ народѣ. Въ понятіи народа, Бирута служитъ олицетвореніемъ красоты, добродѣтели, соединяетъ въ себѣ всѣ высокія качества, которыя и дали ей право на наименованіе святою. Дочь боярина Видымунта, супруга князя Кейстута, мать славнаго Витовта, послѣ измѣнническаго умерщвленія своего супруга, возвратилась въ родной Полангенъ, опять сдѣлалась жрицей и здѣсь умерла. Дѣйствительно ли подъ этой горой почиваютъ ея останки, неизвѣстно, но народъ вѣритъ, что это ея могила.

Вокругъ Полангена много кургановъ, называемыхъ могилами великановъ. О значеніи этихъ могилъ мы уже говорили.

Нынѣ Полангенъ принадлежитъ графу Іосифу Іосифовичу Тышкевичу и, вмѣстѣ съ пріобрѣтенною имъ же отъ гр. Зубова сосѣднею Кретингою, составляетъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ имѣній на Жмуди. Жителей въ Полангенѣ около 2 т. Лѣтомъ сюда съѣзжаются для морскаго купанья.

Къ замѣчательнѣйшимъ мѣстностямъ принадлежитъ *Велона.* Едва ли гдѣ столько пролито литовской крови, какъ въ Велонѣ. Со временъ Витенеса здѣсь происходили безпрестанныя битвы съ Рыцарями. Здѣшнія укрѣпленія, воздвигнутыя на двухъ высокихъ горахъ надъ Нѣманомъ, считались лучшими въ Литвѣ, не разъ были разрушаемы Рыцарями и вновь возобновляемы Литовцами. Здѣсь погибъ и великій князь Гедиминъ, а гора, вблизи замковой находящаяся, сохранила названіе Гедиминовой.

Юрбургъ—на самой границѣ Пруссіи, съ таможнею 1-го класса. Городъ расположенъ при трехъ рѣкахъ Имстрѣ, Митвѣ и Нѣманѣ. Двѣ первыя тутъ же впадаютъ въ Нѣманъ. Лѣтописи говорятъ, что уже въ XI ст. здѣсь жилъ Монтвиллъ, сынъ Гимбута, удѣльный князь этой земли. На горѣ, называемой Вишплисъ, существовалъ сильно укрѣпленный замокъ, неоднократно осаждаемый Рыцарями. Нынѣ Юрбургъ принадлежитъ князю Васильчикову.

Первоклассная таможня на прусской границѣ находится также въ *Таурогенѣ*, на р. Юрѣ, на шоссе изъ Тильзита въ Ригу. Жителей около 6 т. Таурогенъ принадлежалъ князьямъ Радзивилламъ Биржанской линіи. Въ 1681 г., когда княжна Лудовика Каролина Радзивиллъ вступила въ бракъ съ Лудовикомъ маркграфомъ Бранденбургскимъ, Таурогенъ достался послѣднему и его наслѣдникамъ. Короли прусскіе улучшили здѣсь хозяйство и завели богатый конскій заводъ. Послѣ послѣдняго раздѣла правительство пріобрѣло это имѣніе покупкою отъ прусскаго короля. Екатерина Великая подарила его Зубову. Нынѣ принадлежитъ кн. Васильчикову.

Въ Польшѣ и Литвѣ каждая почти область обладала собственною чудотворною иконою Божіей Матери. Такъ, въ Польшѣ славится Ченстоховская, въ Литвѣ Трокская, а потомъ Остробрамская, въ Бѣлоруссіи Бялыничская, въ южныхъ губерніяхъ—Почаевская, въ Инфлантахъ — Аглонская, на Жмуди знаменитѣйшая Божія Матерь въ Шидловѣ. Петръ Гедыгольдъ основалъ здѣсь костелъ въ 1457 г.; въ 1532 мѣстный настоятель Голубка принялъ евангелическое исповѣданіе и костелъ обратилъ въ сборъ, существовавшій до 1754 г. Но еще прежде, около 1600 г., явилась икона Богородицы на камнѣ и вскорѣ прославилась чудесами. Тогда окрестные жители католики воздвигли большихъ размѣровъ костелъ, украшенный рельефною работою, въ кото-

ромъ и помѣстили икону. При костелѣ сохраняютъ камень, на которомъ явилась икона, и желѣзный сундукъ, найденный въ землѣ съ какими-то документами. Шидловскій настоятель пользуется титуломъ инфулата, т. е. при совершеніи литургіи и другихъ обрядовъ надѣваетъ епископскую митру (инфулу) и носитъ жезлъ. Шидлово казенное мѣстечко въ Россіенскомъ уѣздѣ. Съ 8—16 сентября бываетъ здѣсь довольно значительная ярмарка и въ то же время мѣстный храмовой праздникъ Рождества Богородицы.

Въ 28 верстахъ отъ Россіенъ находится весьма древнее поселеніе *Кроже*, при рѣкѣ Крожентѣ. Вблизи мѣстечка есть гора Медзякалня, на которой во время язычества приносились жертвы богамъ. Въ 1257 Миндовгъ долженъ былъ уступить Кроже Ливонскимъ рыцарямъ, но ненадолго. Католическій костелъ существуетъ здѣсь съ 1416 г. Въ 1614 извѣстный полководецъ Янъ Карлъ Ходкевичъ изъ развалинъ древняго замка построилъ коллегіумъ Іезуитовъ, въ которомъ долгое время былъ профессоромъ знаменитый поэтъ Казиміръ Сарбѣвскій. Послѣ уничтоженія ордена Іезуитовъ здѣсь была гимназія. Въ окрестностяхъ Крожъ, близъ источниковъ Виндавы или Венты, а также на берегахъ Окмяны, много могильныхъ кургановъ (Mylżyniu kapaj).

Въ 25 верстахъ отъ Россіенъ находится м. Цитовяны, замѣчательное въ археологическомъ отношеніи. Особенное вниманіе обращаетъ на себя каменный валъ, идущій на значительномъ пространствѣ чрезъ поля, огороды, лѣсъ, съ глубокими въ землѣ фундаментами. Вблизи много кургановъ, обложенныхъ камнями. Цитовяны принадлежали кн. Радзивилламъ, потомъ кн. Соломерецкимъ, Сапѣгамъ, Воловичамъ, нынѣ собственность Пржецишевскаго.

Нерѣдко народное творчество весьма древнія миѳическія преданія соединяетъ въ видѣ уподобленій съ дѣйствительностью, отъ чего раждается новое сказаніе, которое повторяется потомъ послѣдующими поколѣніями. Въ литовскомъ эпосѣ были богатыри-чародѣи, необыкновенной силы. Легенда сохранила имя такого чудо-богатыря Джугаса, который вырывалъ вѣковые дубы съ корнями, сносилъ цѣлыя горы. Потомъ легенда примѣнила этого героя къ борьбѣ съ Рыцарями. И вотъ Джугасъ раздѣляетъ общую ненависть къ Нѣмцамъ-поработителямъ. Онъ ведетъ съ ними страшную борьбу, однимъ ударомъ кистеня истребляетъ сотни Нѣмцевъ. Но ему и этого было мало. Любовь къ родинѣ и кипѣвшая въ душѣ злоба противъ Нѣмцевъ заставляли его придумывать средства, чтобы истребить всѣхъ Нѣмцевъ. Для этого-то онъ пригласилъ въ помощь чорта, тотъ согласился и каждый разъ по требованію Джугаса присылалъ ему цѣлые легіоны своихъ побратимовъ. Много, много пало отъ ихъ руки Нѣмцевъ: но всѣхъ все-таки не истребили.

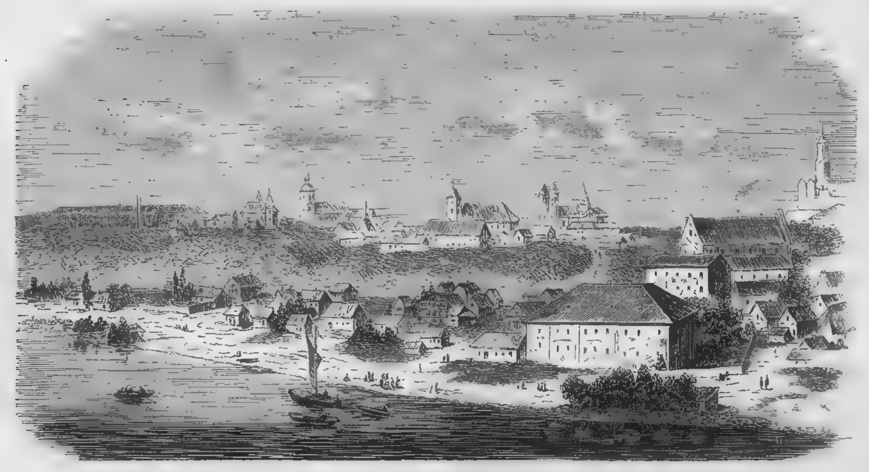
Этотъ-то чудо-богатырь собственноручно вырылъ большое озеро Мастисъ и при немъ на пяти вершинахъ горъ основалъ городъ *Тельши*, нынѣ уѣздный.

Джугасъ зналъ о днѣ, когда долженъ будетъ умереть. Поэтому онъ самъ, въ трехъ верстахъ за городомъ, при дорогѣ, ведущей въ Ольсяды, насыпалъ высокій курганъ и велѣлъ себя похоронить подъ нимъ. Курганъ существуетъ и до сихъ поръ и называется могилою Джугаса. Вблизи есть даже деревня, называющаяся Джугиняры. Но что всего любопытнѣе, въ этой деревнѣ еще недавно жило нѣсколько крестьянъ Джугасовъ, и народъ вѣрилъ, что они потомки славнаго богатыря.

По лѣтописямъ, Тельши существовали уже въ началѣ XIV столѣтія. Жителей около 8 т., они ведутъ значительную торговлю съ Ригою и Либавой.

На побережьѣ озера Лукшта и трехъ другихъ, изъ коихъ два соединяетъ рѣчка Вырвилта, среди лѣсовъ, болотъ и дебрей, въ самой неприглядной, почти дикой глуши, Литовцы основали капище богу Перкунасу и зажгли неугасаемый огонь. Это были Мѣдники, переименованные потомъ въ Ворне, отъ мѣстности расположенной за рѣкою и называвшейся Warniu Lizdaj, т. е. воронье гнѣздо. Крестоносцы имѣли благовидный предлогъ часто нападать на Мѣдники, чтобы истребить здѣсь языческій храмъ. Но имъ какъ-то не везло. Въ 1320 г. Гедиминъ одержалъ

блистательную побѣду надъ Рыцарями. Въ битвѣ этой погибъ самъ гроссмейстеръ ордена Генрихъ фонъ-Плоцке со множествомъ рыцарей. Изъ благодарности, богу Перкунасу принесена была торжественная жертва: взятаго въ плѣнъ рыцаря Герарда Родс, въ полномъ вооруженіи и на конѣ сожгли живаго. Потомъ, въ 1389 г., послѣ одержанной побѣды, не смотря на то, что Ягайло уже офиціально крестилъ Литву въ римско-католическую вѣру, взятый въ плѣнъ командоръ Маркардъ Рашау точно также былъ сожженъ на кострѣ, въ жертву Перкунасу. Едва въ 1413 г. Ягайло съ Витовтомъ въ своемъ присутствіи велѣли потушить неугасаемый огонь, истребить священныхъ ужей и разрушить алтарь Перкунаса. Въ то же время основана здѣсь была каѳедра вновь учрежденной Жмудской епархіи. Первымъ епископомъ назначенъ былъ Матвѣй изъ Вильно, именовавшійся епископомъ жмудскимъ, куронскимъ и пильтынскимъ. Здѣсь же, въ Ворняхъ, жилъ потомъ, какъ членъ капитула, извѣстный лѣтописецъ Матвѣй

Гродно.

Стрыйковскій и отсюда въ 1564 г. ѣздилъ въ Кенигсбергъ печатать свою хронику. Римско-католическая епархія существовала въ Ворняхъ до 1864 г., когда вмѣстѣ съ капитуломъ, консисторіею и семинаріею переведены въ Ковно.

При озерѣ Шавли и рѣкѣ Рудавкѣ расположенъ уѣздный городъ *Шавли*, составляющій частное имѣніе гр. Зубова, подаренное Екатериною Великою. Шавли были староствомъ; литовскій подскарбій Тизенгаузъ завелъ здѣсь образцовое хозяйство и украсилъ городъ каменными зданіями, такъ что и до сихъ поръ Шавли, въ этомъ отношеніи, лучшій изъ уѣздныхъ городовъ Ковенской губерніи. Вблизи города находится древнее городище, называемое Satduwes Katnas. Жителей въ Шавляхъ около 8 т.

Въ миѳологическомъ отношеніи замѣчательна въ Шавельскомъ уѣздѣ гора Шатрія, близъ м. Лукникъ при р.р. Вайдисъ и Ловкунисъ. Шатрія имѣетъ высоты болѣе 100 саженъ. Она тоже для Жмуди, что Лысая гора для Руси. Сюда слетаются вѣдьмы и чаровницы изо всей Жмуди, здѣсь онѣ совершаютъ свои гульбища, пляшутъ вокругъ зажженныхъ костровъ и поклоняются своей повелительницѣ, получая отъ нея приказанія.

Сохранилось и въ Шавельскомъ уѣздѣ преданіе о чудо-богатырѣ, Ансулисѣ. Жилъ онъ въ тѣ отдаленныя времена, говоритъ преданіе, когда люди еще не имѣли постоянныхъ селищъ и скитались по лѣсамъ. Ансулисъ былъ ихъ начальникомъ. Этотъ лѣсной народъ велъ постоянную войну съ какимъ-то сѣвернымъ народомъ. Ансулисъ въ одномъ пальцѣ своей рукавицы могъ помѣстить двадцать человѣкъ. Однажды, когда число убитыхъ было очень

велико, Ансулисъ сложилъ ихъ тѣла въ одну кучу, потомъ попелъ къ морю (на разстояніи 126 верстъ), наполнилъ свои сапоги морскимъ пескомъ, принесъ и высыпалъ песокъ на вражескія тѣла. Такимъ образомъ возникла высокая гора, до сихъ поръ существующая подъ названіемъ Гирники, вблизи мѣстечка Куртовянъ. Это большой курганъ, относящійся къ такъ называемымъ могиламъ великановъ, какихъ попадается довольно много надъ Виндавой, или Вентой, въ 20 верстахъ отъ Шавель. Но наиболѣе кургановъ, или могилъ великановъ, обложенныхъ большими камнями, на берегу рѣки Даугивейна (впадающей въ Мушу), близъ деревни Ландышки. Археологъ Дюбоа, производившій здѣсь изслѣдованія, насчиталъ ихъ 330. Много такихъ же кургановъ въ окрестностяхъ Розалина, Курпишекъ и Рогинянъ.

Уѣздный городъ Поневѣжъ, на Невяжѣ и впадающей въ нее Жагенѣ, принадлежитъ къ новѣйшимъ поселеніямъ и возникъ не ранѣе XVI ст. Здѣсь живетъ много старовѣровъ, а также караимовъ изъ переселенцевъ Витовтовскихъ. Жителей около 8 т.

Развалины Коложскаго храма въ Гроднѣ.

Въ Поневѣжскомъ уѣздѣ важнѣйшее и одно изъ древнѣйшихъ поселеній—Бирже. Оно богато историческими воспоминаніями. Извѣстный археологъ графъ Е. П. Тышкевичъ написалъ цѣлую книгу, заключающую весьма любопытную монографію Биржъ. На лѣвомъ берегу рѣки Еглоны виднѣются опустѣвшія развалины замка, въ которомъ жили князья Радзивиллы, именовавшіеся князьями Биржанскими и Дубинскими. Въ Биржанскомъ княжествѣ считалось 7 городовъ и 34 имѣнія (или фольварка). Уже въ 1415 г. Ягайло посѣтилъ Бирже. Въ XVI ст. извѣстный литовскій патріотъ князь Николай Радзивиллъ Рыжій, братъ королевы Варвары, основалъ здѣсь кальвинскій сборъ и высшее училище для кальвиновъ. Кальвинизмъ въ Биржанскомъ княжествѣ былъ такъ сильно упроченъ, что его не могли истребить даже въ смутныя времена религіозныхъ преслѣдованій, въ царствованіе Сигизмунда III. И теперь, въ числѣ сельскихъ жителей, какъ въ Биржахъ, такъ и въ близлежащихъ Мадейкахъ и другихъ мѣстахъ, значительная часть населнія принадлежитъ къ евангелическо-реформатскому исповѣданію. Сынъ князя Николая Рыжаго, князь Христофоръ построилъ здѣсь великолѣпный и сильно вооруженный замокъ. Въ исторіи Биржъ замѣчательно пребываніе здѣсь императора Петра В. съ Августомъ II съ 20 февраля по 10 марта 1701 г. Много лѣтъ тянулась тяжба между наслѣдникомъ послѣдней изъ рода Биржанскихъ Радзивилловъ, княжны Стефаніи, бывшей въ замужествѣ за княземъ Львомъ Витгенштейномъ, и гр. Михаиломъ Тышкевичемъ. Наконецъ въ сороко-

выхъ годахъ дѣло было рѣшено, и Бирже достались Тышкевичу. Сынъ его, гр. Иванъ Михайловичъ Тышкевичъ, завелъ здѣсь образцовое хозяйство, построилъ великолѣпныя палаты, въ которыхъ помѣщаются богатая библіотека, картинная галлерея и кабинеты разныхъ предметовъ искусствъ и достопримѣчательностей. Умирая бездѣтнымъ, гр. Иванъ учредилъ маіоратъ въ родѣ племянника своего гр. Михаила Осиповича Тышкевича.

Въ 20 верстахъ отъ Поневѣжа, на берегу небольшой рѣчки Упиты, впадающей въ Невяжу, находится мѣстечко *Упита*, нѣкогда главный городъ Упитскаго уѣзда, входившаго въ составъ Трокскаго воеводства, потомъ Виленской, а нынѣ Ковенской губерніи. Упита — весьма древнее поселеніе. За городомъ, среди пространныхъ болотъ, прорѣзываемыхъ ручьемъ Вешетъ, въ самой срединѣ находится насыпная возвышенность, имѣющая до 6 саженъ высоты и около четырехъ литовскихъ морговъ поверхности на самой вершинѣ. На этой возвышенности замѣтны слѣды вала, башень, пяти воротъ и много камней, свидѣтельствующихъ о существованіи здѣсь сильно укрѣпленнаго замка.

Въ Поневѣжскомъ уѣздѣ замѣчательно имѣніе съ мѣстечкомъ Криничинъ, при ручьѣ Ешменки, въ 1565 г. подаренное Сигизмундомъ Августомъ извѣстному московскому выходцу князю Андрею Михайловичу Курбскому Отсюда онъ писалъ свои любопытныя письма къ царю Іоанну Грозному. Наслѣдники его, уже католики, долго владѣли Криничиномъ, а сынъ его Дмитрій основалъ здѣсь католическій костелъ.

Нельзя еще не упомянуть о прославленной Раганѣ, отъ слова волшебница (чаровница)— нынѣ называемой Рагиняны (Ропа). Есть здѣсь высокая гора, на которой даже подъ конецъ прошлаго столѣтія еще сожигали на кострахъ мнимыхъ волшебницъ.

Уѣздный городъ *Вилкомиръ*, при рѣкѣ Свентой (Святой) и ручьяхъ Соколовкѣ и Вилкомиркѣ, — древнѣйшее литовское поселеніе. Лѣтописи говорятъ, что еще въ X ст. легендарный Доршпрунгъ, сынъ баснословнаго Полемона, основалъ здѣсь укрѣпленный замокъ на высокой горѣ, и до сихъ поръ сохранившей названіе замковой. Вѣрно только то, что гора эта была древнимъ городищемъ, подобно многимъ другимъ обращеннымъ въ укрѣпленіе. Достовѣрная исторія Вилкомира начинается съ XIII ст., когда въ 1238 г. Тевтонскіе рыцари напали на вилкомирскій замокъ. Нападенія эти повторялись неоднократно. Страшное сраженіе произошло здѣсь въ 1391 г., когда Витовтъ отнималъ велико-княжескій престолъ и разгромилъ Ягайла. Потомъ въ 1435 г. здѣсь же въ междоусобной борьбѣ Сигизмундъ поразилъ Свидригайла и помогавшихъ ему Меченосцевъ. Самъ великій магистръ ордена Кирксгофъ былъ убитъ и нѣсколько тысячъ Нѣмцевъ пало на мѣстѣ боя. Вилкомирская битва имѣла важное значеніе въ исторіи Литвы: какъ Грунвальдская битва сокрушила могущество Крестоносцевъ, такъ точно Вилкомирская нанесла гибельный ударъ Меченосцамъ. Съ этого времени Вилкомиръ, пользовавшійся магдебургскими законами, сталъ процвѣтать и славится своими ярмарками въ день Св. Петра и Павла. Благосостояніе города продолжалось до 1711 г., когда Шведы разрушили городъ. Въ новѣйшее время, Вилкомиръ, состоявшій уѣзднымъ городомъ сначала Виленскаго намѣстничества, потомъ Виленской губерніи, а съ 1842 г. Ковенской, прорѣзанный петербургскимъ шоссе, постоянно находился въ цвѣтущемъ состояніи и считался красивѣйшимъ изъ уѣздныхъ городовъ Литовскаго полѣсья. Желѣзная дорога миновала Вилкомиръ, и это нанесло ему тяжелый ударъ. Костелъ здѣшній принадлежитъ къ древнѣйшимъ временамъ Ягайла. Жителей здѣсь около 12 т. Окрестности города очаровательны.

Сѣсики — собственность въ XIII ст. Довмонтовъ, происходившихъ отъ князя Уцянскаго, Довмонта. Отъ Сѣсикъ, князья Довмонтовичи стали именоваться Сѣсицкими.

По историческимъ воспоминаніямъ замѣчательна *Уцяна*, въ 56 верстахъ отъ Вилкомира. При трехъ ручьяхъ Уцянкѣ, Вѣши и Крашонкѣ, князь Завилейскій Утенъ основалъ въ XII ст. замокъ и мужественно защищалъ его отъ нападеній Меченосцевъ. Въ трехъ верстахъ отъ Уцяны высятся, на берегу Уцянки, двѣ высокія горы, прорѣзанныя оврагомъ. Одна изъ нихъ назы-

вается до сихъ поръ могилою Утена. На ней на самой вершинѣ виденъ четырехугольный высокій курганъ, который собственно и есть могила. Другая гора называется Замковою. Въ землѣ здѣсь неоднократно находили оружіе и другіе предметы изъ бронзы и желѣза. До сихъ поръ сохранилось преданіе, современное господству здѣсь князя Довмонта. Послѣдній и братъ его в. кн. Наримундъ были женаты на родныхъ сестрахъ, невольницахъ, дочеряхъ какого-то Фландра Инфляндца. Жена Довмонта умерла. Сестра ея пріѣхала на похороны. Она была моложе и красивѣе умершей, понравилась Довмонту, и тотъ оставилъ ее при себѣ. Взбѣшенный Наримундъ съ сильною ратью напалъ на Уцяну и осадилъ замокъ. Спасенія не было, и Довмонтъ бѣжалъ въ Псковъ, гдѣ, какъ извѣстно, прославился мужествомъ и христіанскими добродѣтелями.

Народное творчество соединило это сказаніе съ легендою о женѣ Утена, которая тоже была красавица и которую онъ укрывалъ въ глубокой пещерѣ. Князь Утенъ давно уже не жилъ—но народъ долго послѣ того видѣлъ его жену, какъ она выходила изъ подземелья, улетала и исчезала въ воздухѣ, а потомъ опять возвращалась.

Вокругъ Уцянъ много кургановъ и городищъ.

Уцяна въ нынѣшнемъ столѣтіи принадлежала графамъ Струтынскимъ. Еще въ сороковыхъ годахъ здѣсь хранился богатый архивъ, а въ немъ между прочимъ находился большой сундукъ, наполненный идолами литовскихъ языческихъ боговъ.

Въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, въ м. Сурдеги есть православный мужской монастырь, относимый къ древнимъ храмамъ. Нынѣшній монастырь построенъ въ 1812 г. и именуется Свято-Духовскимъ.

Болотистый и озерный уѣздъ (Ново-Александровскій, бѣднѣйшій изъ уѣздовъ Ковенской губерній, главнымъ своимъ городомъ считалъ древній Братыславъ (собственно Вратыславъ) или *Браславль*, въ 1063 г. отнятый князьями Кернусомъ и Гимбутомъ отъ князей Полоцкихъ. Самый уѣздъ назывался Брацлавскимъ. Послѣ 1794 г. уѣзднымъ городомъ сдѣланы Видзы, въ 1836 оставленные за штатомъ. Видзы извѣстны и нынѣ своими минеральными источниками. Здѣсь существуютъ: ратуша, сиротскій и словесный судъ и квартирная коммиссія. Съ 1836 г. уѣздный городъ учрежденъ въ м. Езеросы, переименованномъ въ *Ново-Александровскъ*. Езеросы, при озерѣ того же названія, существовали уже въ XVI ст., ибо здѣсь князь Іоаннъ (побочный сынъ Сигизмунда I), епископъ виленскій, возобновилъ и надѣлилъ приходскій р.-кат. костелъ.

Въ 42 верстахъ отъ Браславля находится древнее поселеніе *Дрисвяты*, при озерѣ того же названія. Здѣсь былъ укрѣпленный замокъ, а потомъ королевскій домъ (дворъ). Извѣстный путешественникъ Жилибертъ де-Ланноа посѣтилъ здѣшній замокъ въ 1413 г.

Въ Ковенской губерніи замѣчательны еще развалины замка Рауданъ, близъ Велоны, хорошо сохранившіяся, которыхъ рисунокъ здѣсь представляемъ (стр. 177). Въ числѣ другихъ развалинъ замковъ замѣчателенъ также Гелгудовскій замокъ, надъ Нѣманомъ, построенный Крестоносцами (стр. 180).

На правомъ берегу Нѣмана и по берегамъ рѣчки Городничанки, въ обрывистой мѣстности, спускающейся къ рѣкѣ и прорѣзанной оврагомъ,—лежитъ нынѣшній городъ *Гродно*, древній *Городенъ*, еще древнѣе *Городокъ* или просто *Городище*. Уже самое названіе достаточно объясняетъ древность его основанія. Что Славяне издревле были поселены на берегу Нѣмана— не подлежитъ сомнѣнію. Точно также нѣтъ сомнѣнія, что берега Нѣмана были заселены въ доисторическое время, когда люди вышли изъ пещеръ и стали селиться на водахъ и на возвышенныхъ мѣстностяхъ, преобразовавшихся въ городища. Такъ было и здѣсь. Гродно, на крутомъ и высокомъ берегу Нѣмана, имѣло свое городище, превратившееся послѣ въ укрѣпленный замокъ, съ теченіемъ времени сдѣлавшійся городомъ, градомъ, городкомъ. Затѣмъ прибавился и пригородъ Коложе. Таково начало нынѣшняго г. Гродно, относящееся къ глубокой древности.

Въ историческую эпоху Гродно явственнѣе выступаетъ въ XII столѣтіи. Ипатьевская лѣтопись подъ годомъ 1128 говоритъ о Гроднѣ, какъ о столицѣ удѣльнаго Городенскаго княжества. Карамзинъ и нѣкоторые другіе ошибочно полагали, что лѣтописи говорятъ о Городкѣ близъ Минска. Въ началѣ XII ст. княземъ Городенскимъ былъ Всеволодъ Давидовичъ, правнукъ Ярослава. Въ 1167 г. Всеволодъ женился на дочери Владиміра Мономаха, Агаѳіи. У нихъ было два сына: Борисъ и Глѣбъ. Древнѣйшій православный храмъ въ Гроднѣ, замѣчательнѣйшій памятникъ зодчества въ Славянскомъ мірѣ, именовался церковью св. Бориса и Глѣба. Поэтому легко предположить, что храмъ этотъ былъ основанъ князьями Борисомъ и Глѣбомъ Всеволодовичами, или быть можетъ даже самимъ Всеволодомъ. Лѣтопись ясно говоритъ, что въ 1183 г., громовымъ ударомъ сожженъ замокъ и каменныя церкви. Вѣроятно, и церковь Бориса и Глѣба пострадала отъ пожара, но что она была возобновлена и постоянно существовала, на это указываютъ послѣдующіе историческіе факты. Въ 1405 г. Витовтъ напалъ на Псковъ и взялъ въ плѣнъ 11 т. жителей пригорода Коложи. Этихъ плѣнныхъ онъ поселилъ въ Гроднѣ, на берегу Нѣмана, вблизи церкви Бориса и Глѣба. Переселенцы, въ память псковскаго своего пригорода, назвали эту мѣстность пригородомъ Коложа. Съ этого времени и самую церковь стали называть Коложскою. Здѣсь же существовалъ и монастырь. Вел. кн. Александръ въ 1500 г. подарилъ монастырю имѣніе Чещевляны, присовокупивъ въ граматѣ, что даритъ изъ уваженія къ древности этой святыни. Новыя значительныя пожертвованія монастырю сдѣлалъ король Сигизмундъ I въ 1508 и 1538 годахъ. При Сигизмундѣ III монастырь обращенъ въ Базиліанскій. Гора, постепенно подмываемая Нѣманомъ, осыпалась, а съ нею рухнула южная стѣна, обрушилась крыша и часть главнаго фасада. Уцѣлѣвшія части зданія даютъ ясное понятіе о его византійскомъ стилѣ и рѣдкомъ устройствѣ въ акустическомъ отношеніи. Длина храма составляетъ около 70 футовъ, ширина 45. Престолъ обращенъ на востокъ. Въ отношеніи акустическаго устройства коложскій храмъ замѣчателенъ тѣмъ, что внутреннія его стѣны выложены голосниками, неодинаковой величины, отверстіемъ внутрь; нѣкоторые длиною въ полъаршина. Голосники лежатъ одинъ подъ другимъ. Много ихъ перебито, много вынуто цѣликомъ, ибо каждый изъ посѣщающихъ старается добыть голосникъ, не понимая, что этимъ содѣйствуетъ разрушенію древнѣйшей святыни. Въ настоящее время, кажется, за этимъ болѣе бдительный надзоръ. Наружныя стѣны изъ краснаго кирпича были украшены крестами разной величины изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ. Подъ церковью находился могильный

Столбъ Владиміра въ Каменцѣ-Литовскомъ.

Высоко-Литовскъ.

склепъ, въ которомъ, среди обломковъ, попадаются еще и цѣлые надгробные камни, съ славянскими надписями. Въ 1857 г. мы видѣли на западной сторонѣ храма камень съ надписью: «Положенъ рабъ Божи Елиазаръ лѣта отъ сотворенія міра 6998, т. е. 1490».

Исторія г. Гродно весьма любопытна. Мы укажемъ только на болѣе знаменательные моменты изъ жизни этого древняго города. Борьба съ Рыцарями начинается съ 1224 г., когда они сожгли замокъ и городъ. Въ 1241 г. напалъ на городъ Кайданъ, вождь Монголовъ, съ сильною ратью. Князь Юрій Глѣбовичъ храбро защищался, но былъ убитъ и вся окрестность опустошена. Едва ушли Монголы, напали Литовцы и завладѣли цѣлою страною. Князь литовскій Эрдзивиллъ на пепелищѣ древняго замка построилъ новый. Съ этого времени Гродненское княжество, не смотря на борьбу какъ съ Рыцарями, такъ и князьями Галицкими, постоянно принадлежало Литовскому великому княжеству. Въ 1259 г. Даніилъ Романовичъ и Романъ Даніиловичъ Галицкіе, а также Василій Волынскій напали на Гродно, но не успѣли взять замка. Такъ же безуспѣшно было нападеніе князей Мстислава, Владиміра и Юрія, напавшихъ на городъ вмѣстѣ съ приглашенными ими Монголами. Тевтонскіе Рыцари, предводимые магистромъ Конрадомъ Тирбергомъ, въ 1284 г., разрушили городъ почти совершенно. Потомъ въ 1391 г. гросмейстеръ Мальборгъ взялъ верхній и нижній замки. Въ 1385 г. Гродненское княжество вошло въ составъ Трокскаго удѣльнаго княжества. Витовтъ много содѣйствовалъ увеличенію благосостоянія города и заживленію тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ Рыцарями, Монголами, Галицкими и князьями. Въ 1444 Гродно получило магдебургское право. Затѣмъ всѣ государи дарили городу разныя привиллегіи и льготы. Здѣсь Казиміру Ягеллону предложена была польская корона. Здѣсь онъ и умеръ 17 іюня 1492. Стефанъ Баторій, построившій великолѣпный каменный замокъ при устьѣ Городничанки, часто пребывалъ въ Гроднѣ; здѣсь онъ и умеръ 12 декабря 1586 г. Въ 1655 г. Русскіе заняли Гродно, а послѣ нихъ Шведы завладѣли имъ. Гарнизонъ простоялъ здѣсь почти четыре года. Во второй половинѣ XVII ст. Гродно сдѣлалось сеймовымъ городомъ. Августъ III воздвигъ для этого особое зданіе вблизи каменнаго замка, въ

Слонимъ.

Жировице.

которомъ происходили засѣданія сеймовъ. Въ этомъ же громадномъ зданіи съ разными пристройками помѣщалась сенаторская палата, краевые совѣты, королевскіе кабинеты. Въ 1775 г. сюда же переведены отдѣленіе главнаго литовскаго трибунала и литовская финансовая коммиссія.

Несмотря на все это, несмотря на судоходство Нѣмана, представлявшаго возможность развитія торговли, Гродно все еще принадлежало къ разряду среднихъ городовъ. Новая эра для Гродно началась съ назначеніемъ, замѣчательнѣйшаго изъ литовскихъ дѣятелей, Антонія Тизенгауза вел. литовскимъ подскарбіемъ (министромъ финансовъ, вмѣстѣ и государственныхъ имуществъ). Стоитъ присмотрѣться къ развалинамъ и слѣдамъ прежняго величія и значенія города въ Городницѣ, составляющей часть города; стоитъ посмотрѣть на такія же развалины въ Лососнѣ, въ трехъ верстахъ отъ Гродно, наконецъ прислушаться къ разсказамъ старожиловъ, сохранившимъ преданія отцовъ и дѣдовъ, о дѣяніяхъ здѣсь происходившихъ за 115 лѣтъ — чтобы предъ нами предсталъ во всемъ величіи геніальный человѣкъ, опередившій свой вѣкъ, сдѣлавшій такъ много добра и погибшій жертвою зависти, злобы и безсилія королевской власти.

Въ 1765 г. Антоній Тизенгаузъ назначенъ былъ литовскимъ подскарбіемъ и вмѣстѣ гродненскимъ старостою. Гродненская старостинская экономія, со временъ Сигизмунда III, была самою значительною. Доходы съ нея шли на королевскій столъ. Это обстоятельство заставило Тизенгауза избрать Гродно центральнымъ пунктомъ его плодотворной дѣятельности. Здѣсь онъ былъ старостою и полнымъ распорядителемъ экономіи, состоявшей изъ двухсотъ слишкомъ деревень, раздѣлявшихся на 14 ключей (управленій) и 4 лѣсничества. Отсюда онъ могъ распоряжаться и всѣми другими казенными имѣніями, подвѣдомственными ему, какъ подскарбію. Столовыя королевскія имѣнія были весьма богаты и значительны, но король изъ всѣхъ литовскихъ столовыхъ имѣній, приносившихъ милліонные доходы, получалъ едва около 300,000 злотыхъ. Промышленность, какъ фабричная, такъ и заводская, была въ совершенномъ застоѣ; не было дорогъ, не было школъ, о народномъ образованіи никто не заботился. Тизенгаузу предстояло все пересоздать, исправить, указать новыя начала, а главное искоренить злоупотребленія, найти честныхъ и способныхъ пособниковъ. Этого мало: надобно еще было вести тягостную борьбу съ завистью, съ тысячами недоброжелателей, лишенныхъ дешевой наживы. Но Тизенгаузъ не устрашился трудностей.

Предѣлы статьи нашей не дозволяютъ намъ распространиться о всѣхъ мѣропріятіяхъ, имъ осуществленныхъ.

Гродно, какъ мы уже замѣтили, принадлежало къ разряду среднихъ городовъ, было заселено большею частью Евреями и жило только сеймомъ. Тизенгаузъ въ самое непродолжительное время сдѣлалъ его однимъ изъ лучшихъ и многолюднѣйшихъ городовъ, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Польшѣ. Онъ основалъ въ Гроднѣ ветеринарное училище, первое въ Литвѣ, а затѣмъ: училища медицины, хирургіи и повивальнаго искусства. Въ 1775 г. руководителемъ и главнымъ наставникомъ назначенъ былъ ученый докторъ медицины Жилибертъ, выписанный изъ Монпелье. Для преподаванія повивальнаго искусства выписана была учительница изъ Парижа. Такъ образовался первый въ Литвѣ медицинскій институтъ, снабженный богатою библіотекою, музеями и кабинетами. Мы уже упомянули, что сначала предубѣжденіе противъ этихъ наукъ, особенно ветеринаріи, было столь велико, что не нашлось ни одного воспитанника. Тогда Тизенгаузъ на первый разъ велѣлъ опредѣлить 15 молодыхъ людей изъ крестьянъ и содержалъ ихъ на казенный счетъ. Ботаническій садъ былъ основанъ здѣсь Тизенгаузомъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какого еще не было ни въ Вильнѣ, ни въ Варшавѣ и даже Краковѣ. Жилибертъ велъ переписку съ знаменитѣйшими того времени ботаниками въ Европѣ и получалъ отъ нихъ сѣмена. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тизенгаузъ основалъ еще въ Гроднѣ училища бухгалтерское, землемѣрное, архитектурное и кадетскій корпусъ, словолитню и типографію; основалъ «Гродненскую газету», изъ которой потомъ образовался «Виленскій Вѣстникъ». Наконецъ Тизен-

гаузъ основалъ театръ, балетъ и оркестръ, которые восхищали короля Станислава Августа. Когда завистники и враги Тизенгауза низвергли его, и всѣ почти основанныя имъ заведенія рушились, король позаботился объ оркестрѣ и балетѣ. Послѣдній въ полномъ составѣ поступилъ на варшавскую сцену, такъ что основаніемъ прославленнаго варшавскаго балета былъ гродненскій. Сдѣланы приготовленія къ основанію астрономической обсерваторіи. Ученый Нарвойшъ отправленъ былъ за границу для закупки инструментовъ. Все сдѣланное Тизенгаузомъ по этой части было только приготовленіемъ къ осуществленію болѣе широкихъ плановъ. Задушевною его мыслію было основаніе Академіи наукъ въ Гроднѣ. Составлена была программа и постепенно дѣлались приготовленія къ ея открытію, пополнялось книгохранилище, увеличивались естественные кабинеты, а главное — люди, приспособлявшіеся для этого за границею.

Но одною учено-учебною частію не ограничивалась дѣятельность неутомимаго Тизенгауза. Независимо отъ введенія разныхъ реформъ въ администраціи имѣній, примѣненія извѣстныхъ системъ сельскаго хозяйства, для улучшенія садоводства и огородничества,—особенное вниманіе обращено было на мануфактурную и ремесленную отрасли. Съ этою цѣлью въ Гроднѣ основаны были: фабрика столоваго бѣлья подъ руководствомъ Іакова Бекю (отца знаменитаго профессора); издѣлія этой фабрики соперничали съ лучшими голландскими произведеніями; фабрика для выдѣлки суконъ высшихъ сортовъ; фабрика шелковыхъ издѣлій, бархата, атласа и т. д.; фабрика металлическихъ издѣлій; каретная фабрика. Всѣхъ фабрикъ считалось 15; на нихъ постоянно работало болѣе 3000 человѣкъ. Въ Гроднѣ основанъ былъ купеческій банкъ и особая торговая контора, управляемая тѣмъ же Бекю, для сношеній съ торговыми фирмами за границею. Какъ въ Гроднѣ, такъ и въ другихъ городахъ учреждены были фабричные магазины, особенно по теченію Нѣмана, который былъ очищенъ подъ руководствомъ Нарвойша. Прибавьте къ этому проведеніе новыхъ дорогъ, постройки мостовъ, осушеніе болотъ, соединеніе Припети съ Бугомъ и Вислою посредствомъ особаго канала, названнаго королевскимъ, значительное расширеніе лѣсной торговли — и столько другихъ начинаній, проводимыхъ и поддерживаемыхъ съ необыкновенною энергіею. Зная положеніе страны, зная какъ мало было людей приспособленныхъ къ такого рода практической дѣятельности, ясно, что Тизенгаузъ былъ душою, руководителемъ и исполнителемъ всѣхъ своихъ гигантскихъ плановъ.

Король умѣлъ цѣнить заслуги своего министра. Тизенгаузъ былъ преданъ ему всею душою, пользовался полнѣйшимъ его довѣріемъ; при извѣстной расточительности короля, ссужалъ его деньгами. Но съ магнатами Тизенгаузъ былъ крутъ, не умѣлъ съ ними ладить, избѣгалъ даже ихъ общества; къ тому же были семейныя тяжбы, увеличившія число враговъ и недоброжелателей. Занятый дѣломъ, Тизенгаузъ не могъ слѣдить за всѣми подвѣдомственными ему чиновниками; создавая все вновь, онъ видѣлъ ясно, сколько пользы принесутъ странѣ устраиваемыя имъ фабрики, учрежденія, пути сообщенія, каналы, и не заботился объ издержкахъ—онѣ были громадны, но вознаградимы. Могли быть и разныя злоупотребленія со стороны его подчиненныхъ. Враги Тизенгауза иначе смотрѣли на дѣло. Величіе и признанныя всѣми заслуги преобразователя кололи имъ глаза; они завидовали его значенію, его власти, его вліянію на короля и стали подъ него подкапываться. Главнѣйшими врагами Тизенгауза были Коссаковскіе, Ржевусскій, родственники короля: Мнишекъ, Тышкевичъ, Станиславъ и Іосифъ Понятовскіе, Чарторыскіе и др. Министрамъ - резидентамъ русскому Штакельбергу, прусскому и австрійскому тоже не нравился Тизенгаузъ, человѣкъ самостоятельный, неподкупный, не заискивавшій у нихъ, имѣвшій неограниченное вліяніе на короля. Такъ все соединилось, чтобы погубить великаго человѣка, а слабый король не могъ его защитить. Въ 1780 г. Тизенгауза лишили его должности, наложили секвестръ на его собственныя имѣнія. Тизенгаузъ уѣхалъ въ Варшаву, написалъ протестъ противъ неправильныхъ и насильственныхъ дѣйствій и съ тѣхъ поръ жилъ въ уединеніи, а жилъ недолго: онъ умеръ въ Варшавѣ 31 марта 1785 г. на 52 г.

жизни. Похороненъ въ Желудкѣ, въ фамильномъ склепѣ (Виленской губерніи, Лидскаго уѣзда).

Съ паденіемъ Тизенгауза рушились почти всѣ устроенныя имъ заведенія, фабрики, училища. Осталось только нѣсколько зданій да развалины и слѣды бывшихъ громадныхъ построекъ на предмѣстьѣ Городницѣ и близъ города, въ Лососьнѣ.

Гродно памятно двумя послѣдними сеймами 1793, на которомъ утвержденъ былъ второй раздѣлъ Польши, и 1795, на которомъ Станиславъ Августъ подписалъ отреченіе отъ престола.

Въ Гроднѣ имѣетъ пребываніе викарій литовской епархіи, епископъ брестскій. Здѣшній Софійскій соборъ основанъ около 1551. Православныхъ монастырей два: мужской Борисовскій (бывшій Коложанскій), переведенный въ 1854 г. въ заштатный бернардинскій монастырь, и женскій Рождественскій, основанный для базиліанокъ въ 1633 г. Православный монастырь устроенъ

Яново.

въ 1843 г. Церквей 6. Католическихъ костеловъ было 11, изъ нихъ фарный основанъ былъ Витовтомъ. Монастыри: бернардиновъ существовалъ съ 1495, бернардинокъ съ 1620, доминикановъ съ 1633, францискановъ съ 1635, бригитокъ 1643, іезуитовъ 1647 г., кармелитовъ 1676. Евангелическая лютеранская церковь 1. Домовъ считается около 1700. Въ старомъ замкѣ помѣщаются казармы, въ новомъ замкѣ, или сеймовомъ домѣ, военный госпиталь; домъ, въ которомъ жилъ Станиславъ Августъ — нынѣ губернаторскій. Жителей считается около 32000. Въ городѣ существуютъ благотворительное общество, публичная библіотека, лечебница, богадѣльня, благородное собраніе, театръ, мужская и женская гимназіи и нѣсколько учебныхъ заведеній. Въ городѣ 6 площадей, 41 улица, 15 переулковъ. Гродненская пристань на Нѣманѣ довольно значительна. На ней грузятся на судахъ, отправляемыхъ за границу, преимущественно хлѣбъ, лѣсъ и пенька. Но вообще торговые и промышленные обороты не соотвѣтствуютъ тому значенію, которое долженъ бы имѣть городъ по своему географическому положенію. Вся торговля въ рукахъ Евреевъ.

Въ Гродненскомъ уѣздѣ есть нѣсколько замѣчательныхъ мѣстностей. О *Друскеникахъ* мы уже говорили.—*Скидель* принадлежитъ кн. Четвертынскимъ. Въ его окрестностяхъ уцѣлѣвшее племя

Ятвяговъ приняло крещеніе едва въ 1553 году. *Каменка* замѣчательна тѣмъ, что здѣсь была главная квартира Карла XII въ 1706.

Къ древнѣйшимъ поселеніямъ Гродненской губерніи принадлежитъ *Брестъ-Литовскъ*, древній славянскій *Берестенъ* или *Берестье*. Городъ лежитъ при впаденіи Мухавца въ Бугъ и состоитъ изъ первоклассной крѣпости, расположенной на правомъ берегу Буга, и города, отстоящаго отъ крѣпости на $1^1/_2$ в. и расположеннаго на правомъ берегу Мухавца; на лѣвомъ же берегу этой рѣки находится предмѣстье Волынское.

Основаніе Бреста относится къ глубокой древности. Преданіе говоритъ, что какой-то богатый и знатный вельможа проѣзжалъ этой дорогой среди непроходимыхъ болотъ, поросшихъ берестомъ. Поѣздъ загрязъ въ болотѣ; тогда пришлось вырывать берестъ и настилать дорогу,

Супрасль.

а когда добрались до берега рѣки, вельможа велѣлъ построить здѣсь церковь и назвалъ это мѣсто Берестомъ.

Въ X ст. здѣсь уже было поселеніе съ укрѣпленнымъ городомъ. Въ XI ст. Брестъ порождаетъ борьбу между Поляками и русскими князьями. Въ 1020 Брестомъ завладѣлъ Болеславъ Храбрый, король польскій; но черезъ двадцать два года вел. кн. Ярославъ отнялъ городъ у Поляковъ. Потомъ въ 1182 Брестомъ завладѣлъ Казиміръ Справедливый, король польскій, построившій здѣсь замокъ. Имъ же воздвигнутъ столбъ, т. е. башня, по тогдашнему обычаю. Въ 1141 Монголы напали на Брестъ, разрушили замокъ и произвели большія опустошенія. Едва въ 1275 г. Владиміръ Іоанновичъ, прозванный философомъ, завладѣлъ Брестомъ и воздвигъ сильный каменный замокъ, просуществовавшій 556 лѣтъ, когда былъ срытъ (1831) при возведеніи Брестской крѣпости. Въ 1275 Брестомъ владѣлъ Мстиславъ Даніиловичъ, князь волынскій и луцкій. Городъ въ это время былъ значительный и населенный. Это видно изъ дани, которую взималъ князь Мстиславъ съ жителей. Распредѣленіе дани назначено было на каждую сотню жителей. Такъ каждые сто человѣкъ обязаны были приносить въ дань два *лукна* меду, двѣ овцы, 50 *десятковъ*

льна, 100 хлѣбовъ, 5 *цебровъ* овса и столько же жита, по *гривнѣ* куницъ и по *толку* куръ. Въ 1419 Гедиминъ завладѣлъ городомъ и всею областью. Потомъ Даніилъ Галицкій, Казиміръ Великій, Болеславъ Мазовецкій добивались завладѣть Брестомъ, но съ 1340 онъ былъ окончательно присоединенъ къ Литвѣ и поступилъ во владѣніе Кейстута, какъ причисленный къ его Жмудско-Трокскому удѣлу. Съ этого времени онъ начинаетъ называться Литовскимъ. Въ 1490 г. Витовтъ далъ городу магдебургское право. Благосостояніе города значительно увеличилось — но подъ конецъ XV ст. Менгли-Гирей сжегъ городъ. Послѣ Люблинской уніи Брестъ сдѣлался воеводскимъ городомъ съ образованіемъ Брестскаго воеводства. Еще прежде Брестъ съ своимъ округомъ назначенъ былъ старостствомъ, а князь Николай Радзивиллъ Черный сдѣланъ старостою. Послѣдній избралъ Брестъ главнымъ центромъ евангелическо-реформатской пропаганды. Здѣсь князь Николай основалъ кальвинскій сборъ, опредѣливъ министромъ извѣстнаго Шимона Заціуша изъ Прошовицъ, выписалъ краснорѣчиваго проповѣдника изъ Кракова Бернарда Воеводку, основалъ типографію, въ которой напечатана кальвинская библія, составляющая нынѣ библіографическую рѣдкость, такъ какъ сынъ его Юрій, епископъ и потомъ кардиналъ, скупилъ экземпляры и сжегъ ихъ въ Вильнѣ.

2 декабря 1594 г. въ Брестѣ происходилъ соборъ епископовъ западно-русскихъ, установившихъ унію церквей греческой съ латинскою, существовавшую до 1839 года, т. е. 245 лѣтъ. Въ 1657 г. трансильванскій князь Ракочи, а въ 1706 Шведы разорили городъ. По второму раздѣлу Польши Брестъ отошелъ къ Россіи и назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ сначала Слонимской, потомъ Литовской, наконецъ Гродненской губерніи.

Со временъ Сигизмунда III здѣсь были основаны монастыри бернардиновъ, августиновъ, тринитаріевъ, бригитокъ, доминикановъ, базиліановъ и іезуитовъ. Весьма удобное въ стратегическомъ отношеніи положеніе Бреста давно уже обращало на себя вниманіе, о чемъ еще Морицъ Саксонскій упоминалъ въ своемъ сочиненіи о военномъ искусствѣ. Послѣ 1831 года древній Брестъ превратился въ сильную крѣпость, занимающую нынѣ видное мѣсто въ стратегическомъ отношеніи. Фарный костелъ, семь католическихъ монастырей съ костелами, православный монастырь, евангелическій храмъ, 3 уніатскія церкви и много другихъ зданій снесены или перестроены въ крѣпостныя зданія. Въ крѣпости остался только бывшій монастырскій костелъ доминикановъ, назначенный приходскимъ. Кромѣ того въ Брестѣ находятся двѣ православныя церкви, Симеоновскій монастырь, въ коемъ покоятся мощи преподобнаго игумена Аѳанасія, замученнаго въ 1648 г. По преданію, распространенному между Евреями, здѣшняя синагога считается будто бы первою въ Европѣ, на что, конечно, нѣтъ никакихъ фактическихъ доказательствъ. Брестъ въ торговомъ отношеніи могъ бы имѣть громадное значеніе. Соединенный желѣзными путями съ Варшавою и важнѣйшими городами Россіи, имѣя двѣ судоходныя рѣки Мухавецъ и Бугъ, соединяющія при посредствѣ Королевскаго канала Россію съ Пруссіей и Австріей, онъ имѣетъ возможность значительно расширить торговые обороты. Не смотря на это, здѣшняя торговля слаба. Мѣстные купцы отправляютъ въ Данцигъ хлѣбъ, льняное сѣмя, ленъ, кожи, песокъ, деготь, лѣсъ, щетину и пр. Жителей въ Брестѣ около 23,000 (кромѣ войскъ). Разныхъ заводовъ 23, складочныхъ магазиновъ 17, лавокъ около 500, домовъ около 900.

За городомъ, на равнинѣ, на правомъ берегу Мухавца много кургановъ и среди нихъ одинъ, отличающійся своею высотою.

Къ замѣчательнымъ по древности мѣстностямъ Брестскаго уѣзда принадлежитъ *Каменецъ-Литовскій*, славящійся своею древнею готическою башнею, много разъ рисованною и описанною любителями старины. Башня эта въ народѣ и въ лѣтописяхъ называется столбомъ. Она сохранилась и до нашихъ дней. Столбъ имѣетъ въ вышину 17, въ окружности 16 саженъ; верхъ зубчатый, три очень узкія окна въ видѣ амбразуръ. Сохранились даже погреба, коихъ своды поражаютъ своею прочностью и превосходною отдѣлкою. Башня эта или столбъ составляетъ драгоцѣнный памятникъ зодчества XIII столѣтія. Она воздвигнута въ 1276 г. княземъ Влади-

міромъ Васильковичемъ Владимірскимъ. Его считаютъ основателемъ Благовѣщенской церкви и самаго города, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что поселеніе здѣсь существовало съ древнѣйшихъ временъ. Каменецъ былъ театромъ многократной распри удѣльныхъ князей Владимірскихъ и Дрогичинскихъ. Въ XIV ст. имъ завладѣли Литовцы, короткое время онъ былъ подъ господствомъ кн. Януша Мазовецкаго. Нынѣ Каменецъ бѣдное мѣстечко. Окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсами, онъ представлялъ всѣ удобства для охоты, и сюда часто пріѣзжали Кейстутъ, Витовтъ, Казиміръ Ягеллонъ.

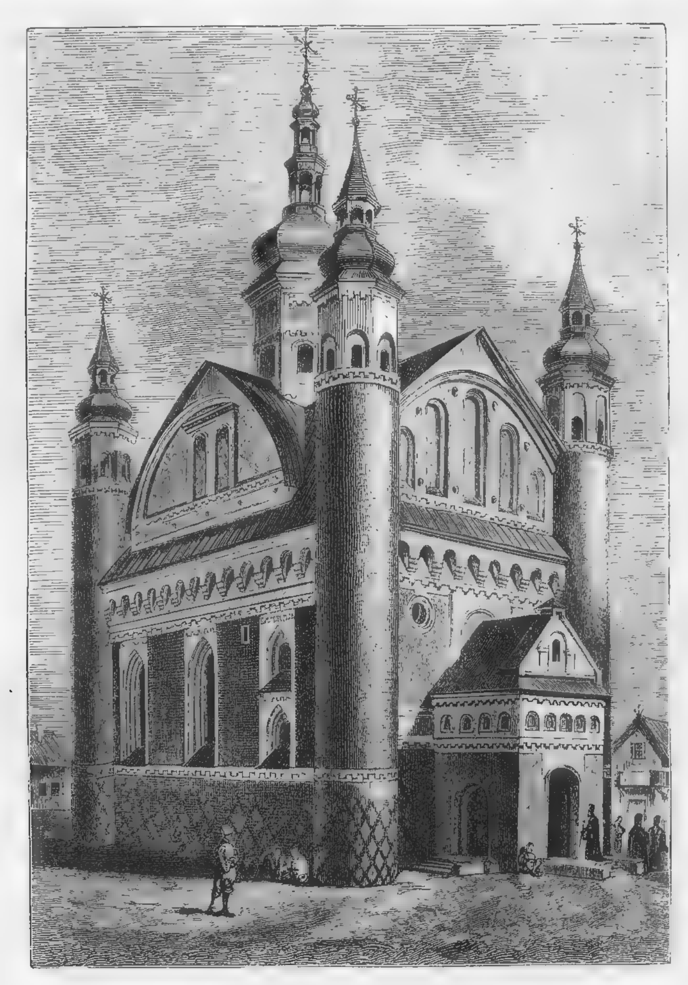
Высоко-Литовскъ, тоже древнее поселеніе, при р. Пульвѣ, былъ значительнымъ городомъ, нынѣ вотчина кн. Сапѣговъ. Извѣстенъ значительною ярмаркою, въ день св. Іакова, на рогатый скотъ, скупаемый преимущественно для Варшавы.

Слонимъ по лѣтописямъ извѣстенъ уже въ XI ст. На поляхъ Слонимскихъ въ 1040 г. Ярославъ В. Владиміровичъ одержалъ побѣду надъ Литовцами и покорилъ значительную часть Нѣманскаго побережья. Потомъ, въ 1241 г. Монголы разорили Слонимъ, а въ 1258 г. онъ перешелъ во власть Литовцевъ. Въ Слонимѣ было нѣсколько весьма древнихъ православныхъ церквей. Въ XVII ст. здѣсь строились католическіе монастыри бернардиновъ и бернардинокъ, францисканъ, доминиканъ, была и коллегія іезуитовъ. Въ царствованіе Станислава Августа слонимскимъ старостою былъ князь Михаилъ Огинскій, гетманъ литовскій. Ему обязанъ былъ городъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Огинскій постоянно жилъ въ Слонимѣ, любилъ пышность, окружалъ себя большимъ, почти царскимъ, дворомъ. Въ его палатахъ считалось 106 залъ; но были еще двѣ палаты, театръ, на которомъ представляли оперы, былъ балетъ, великолѣпный манежъ, отлично и со вкусомъ устроенные сады и парки. Въ 1777 г. Огинскій основалъ здѣсь типографію, въ которой печаталъ собственныя сочиненія. Наконецъ Огинскій былъ главнымъ виновникомъ проведенія канала, соединяющаго Яселду со Щарою и, слѣдовательно, Нѣмана съ Днѣпромъ. Каналъ проведенъ черезъ самый Слонимъ и получилъ названіе Огинскаго. Длина канала семь миль (49 вер.). Проведеніе его стоило Огинскому 12 милліоновъ злотыхъ. Рѣчь посполитая въ благодарность за такое патріотическое пожертвованіе въ 1788 г. рѣшила воздвигнуть ему памятникъ, чего однако не осуществила. Кн. Огинскій потомъ былъ литовскимъ подскарбіемъ и наконецъ русскимъ сенаторомъ. Умеръ въ 1831 году. Извѣстно его сочиненіе, напечатанное по французски въ Парижѣ въ 4 томахъ, «О Полякахъ и Польшѣ», доведенное до 1816 года. Огинскій, конечно, старается оправдать себя въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ по раздѣлу Польши. Но секретарь его Нелюбовичъ написалъ особое сочиненіе, въ которомъ выставляетъ истину, конечно, не въ пользу Огинскаго. Сочиненіе Нелюбовича вышло и по-польски въ Познани, въ 1870 г.

Слонимъ расположенъ по обоимъ берегамъ р. Щары при впаденіи р. Иссы. Здѣшняя торговая пристань считается одною изъ лучшихъ. Склады товаровъ достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ. Лѣсъ и хлѣбъ сплавляютъ отсюда преимущественно къ прусскимъ портамъ. Въ Слонимѣ есть суконная фабрика и разные заводы. Жителей считается до 12 т. Послѣ присоединенія этого края къ Россіи, Слонимъ назначенъ былъ губернскимъ городомъ Слонимской губерніи, но съ 1797 считается уѣзднымъ городомъ.

Въ 10 верстахъ отъ Слонима находится мѣстечко Жировицы, славящееся съ XV столѣтія чудотворною иконою Богородицы. По преданію, въ 1480 г., среди дремучихъ лѣсовъ, на грушѣ, пастухи нашли небольшую икону. Объ этомъ дали знать владѣльцу, Александру Солтану, которому за его воинскія заслуги Казиміръ Ягеллонъ подарилъ большія имѣнія. Солтанъ прибылъ на мѣсто и, признавая въ явленіи иконы чудо, немедленно построилъ на этомъ мѣстѣ православный храмъ, коего главный престолъ воздвигнутъ былъ именно тамъ, гдѣ стояла груша съ иконою. Впослѣдствіи здѣсь же основанъ былъ монастырь. Икона славилась чудесами и привлекала множество богомольцевъ, такъ что въ непродолжительномъ времени образовалось значительное мѣстечко. Около 1560 г. церковь истреблена пожаромъ, но во время самаго

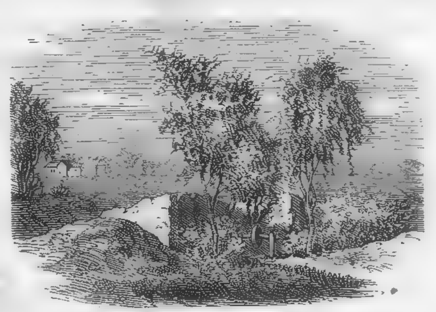
страшнаго свирѣпствованія пламени, когда все зданіе было объято огнемъ, икона исчезла. Ее нашли потомъ на большомъ гранитномъ камнѣ, лежавшемъ на возвышенной мѣстности вблизи церкви. Тотчасъ воздвигли небольшой деревянный домикъ, въ который съ крестнымъ ходомъ отнесли чудесно обрѣтенную икону. Иванъ Солтанъ, маршалъ слонимскій, поспѣшилъ построить новую церковь, въ которую и перенесена была икона. Со введеніемъ уніи, въ 1603 г. Янъ Мѣлешко, смоленскій кастеланъ, поселилъ здѣсь базиліа-

Супрасльскій Благовѣщенскій соборъ.

новъ, а извѣстный канцлеръ Левъ Сапѣга подарилъ монастырю разныя угодія, церкви принесъ богатые вклады и, между прочимъ, большой колоколъ. Первымъ настоятелемъ базиліанскаго монастыря былъ извѣстный ревнитель уніи, Іосафатъ Кунцевичъ. Сигизмундъ III граматой 14 марта 1613 возвелъ Жировицы въ мѣстечко и назначилъ еженедѣльно два торговые дня, по воскресеньямъ и четвергамъ. Съ этого времени особенно Жировицкій монастырь прославился во всей Литвѣ и Польшѣ. Стекались тысячи народа. Богатства монастыря росли съ каждымъ днемъ. Даже короли являлись сюда на поклоненіе. Такъ Владиславъ IV, Іоаннъ Казиміръ, Іоаннъ III Собѣскій съ сыномъ Іаковомъ, Августъ II, Станиславъ Августъ

Понятовскій нарочно ѣздили въ Жировицы. Богданъ Хмельницкій въ 1656 г. сжегъ монастырь и цѣлое мѣстечко; но базиліане скоро отстроили монастырь. Въ 1730 г. происходило здѣсь особенно торжественное молебствіе при многочисленномъ стеченіи народа и знатныхъ вельможъ. Это была такъ называемая коронація иконы, по повелѣнію папы. Корону возложилъ митрополитъ Аѳанасій Шептыцкій въ сослуженіи нѣсколькихъ епископовъ и духовенства. Богатая корона, украшенная дорогими камнями, пожертвована была кн. Анною Радзивиллъ, рожденною кн. Сангушко, вмѣстѣ съ сыномъ ея Іеронимомъ. Икона находилась подъ стекломъ въ золотой съ серебромъ ризѣ. Позади престола помѣщался гранитный камень, на которомъ обрѣтена икона послѣ пожара. Камень этотъ вышиною два, длиною три и шириною полтора аршина. Его зовутъ стопою Богородицы, усматривая на немъ слѣды руки и даже отпечатокъ сѣдалища Богородицы. Извѣстно и другое явленіе той же, или такой же Жировицкой Богородицы. Въ 1719 году она явилась въ ризницѣ базиліанской церкви въ Римѣ, гдѣ мѣстный настоятель, Игнатій Кульчинскій, воздвигъ мраморный алтарь, на который въ 1729 г. и вознесена икона. Въ то же время самый монастырь базиліановъ въ Римѣ стали именовать *della Madonne del Pascolo*, ибо Pascolo значитъ *пашня*, то же что Жировицы. Въ нынѣшнемъ столѣтіи центральное управленіе литовскими уніатами находилось въ Жировицахъ. Здѣсь жили епископъ Іосифъ Сѣмашко, Антоній Тупальскій, Гомолицкій, Плакидъ Янковскій (извѣстный польскій писатель: John of Dycalp) и др. извѣстные дѣятели возсоединенія уніатовъ. Здѣсь помѣщались литовская консисторія и семинарія. Въ отсутствіи епархіальнаго епископа (Іосифа Сѣмашко), по званію члена уніатской коллегіи, почти постоянно находившагося въ С.-Петербургѣ, администраторомъ епархіи былъ предсѣдатель консисторіи Антоній Тупальскій, сдѣланный по возсоединеніи протопресвитеромъ. Въ 1839 г. базиліанскій монастырь обращенъ въ православный, сохранивъ тоже названіе Свято-успенскаго. Консисторія и семинарія переведены въ Вильно. Предсѣдателемъ консисторіи, хотя уже православной, до самой кончины оставался тотъ же Тупальскій, умершій въ 1850 г. Во все время пребыванія въ Вильнѣ, онъ довольно часто произносилъ прекрасныя проповѣди на польскомъ языкѣ въ главномъ виленскомъ соборѣ св. Николая. Въ монастырѣ четыре церкви. Чудотворная икона находится въ соборной церкви св. Успенія. Трехъ-этажное зданіе монастыря, въ которомъ также помѣщается духовное училище, окружено каменною стѣною.

Развалины въ Кнышинѣ.

Вблизи Жировицъ и Слонима находился другой богатый базиліанскій монастырь, среди глубокихъ лѣсовъ, на р. Щарѣ, въ *Бытень*. Монастырь основанъ былъ въ началѣ XVII ст. Григоріемъ Тризною. Послѣ смерти сына его, подскарбія Николая Тризны, неоставившаго прямыхъ наслѣдниковъ, богатыми волостями Бытеня завладѣли базиліане. Прошло много лѣтъ. Базиліане владѣли безспорно, на правахъ собственности. Въ извѣстныхъ народныхъ пѣсенникахъ (кантычкахъ) печаталась даже пѣсня, въ которой говорилось: «что панъ Тризна отдаетъ (даритъ) монастырю Бытень». Глухая молва утверждала, что базиліане неправильно завладѣли богатымъ имѣніемъ, но никто оффиціально не оспаривалъ. Въ XVIII ст. дальняя родственница Тризновъ, рожденная Шемётъ, вышла замужъ за Казиміра Тизенгауза, старосту діаментовскаго, брата знаменитаго подскарбія Антонія Тизенгауза. Случилось, что послѣдній, находясь въ Новогрудкѣ, зашелъ въ костелъ и сѣлъ на скамьѣ. Впереди, передъ нимъ какая-то женщина вполголоса прочитывала какую-то пѣсню изъ кантычки — онъ вслушивается и что же, вмѣсто обычнаго выраженія, извѣстнаго ему въ хвалебной пѣсни о Тризнѣ, именно, что онъ даритъ Бытень монастырю, женщина произноситъ: Бытень *даетъ въ заставу*, т. е. подъ залогъ.

Пораженный этимъ, онъ проситъ позволенія разсмотрѣть книгу и находитъ, что это кантычка весьма древняго изданія, прошлаго столѣтія, въ которой дѣйствительно говорится не о дарѣ, но о заставѣ. Этотъ случай наводитъ его на путь, что выраженіе о заставѣ въ послѣдующихъ изданіяхъ замѣнено даромъ, пожертвованіемъ. Начались поиски въ актахъ и архивахъ, обнаружившихъ, что дѣйствительно Бытень отданъ былъ базиліанамъ только подъ залогъ. Начался процесъ, и въ 1779 г., по рѣшенію трибунала, имѣніе отнято отъ базиліановъ и отдано законнымъ наслѣдникамъ.

Какъ Острогъ—князей Острожскихъ, Несвижъ и Бирже—князей Радзивилловъ, Слуцкъ—Олельковичей-Слуцкихъ, Езно—Пацовъ, Слонимъ,—Огинскихъ, Бѣлостокъ,—Браницкихъ, Тульчинъ—Потоцкихъ; такъ точно *Рожана* и *Деречинъ*, князей Сапѣговъ, славились своимъ великолѣпіемъ, пышностью, богатствомъ. Это были центральные пункты, въ которыхъ сосредоточивалось молодое и старое шляхетство, въ которыхъ проявлялись послѣдніе проблески рыцарской удали, высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, почти баснословнаго славянскаго гостепріимства и, въ то же время, дикаго, необузданнаго своеволія, самоуправства и деспотизма. Это было наслѣдіе прежнихъ удѣловъ, съ тою разницею, что удѣльныхъ князей смиряли великіе князья, а вельможъ никто, самъ король не могъ смирить, и они, господствуя надъ подобострастною мелкою шляхтою, безнаказанно заправляя своими крѣпостными, — являлись болѣе сильными и своеобразными, чѣмъ даже буйные удѣльные князья. Эти княжескіе дворцы служили отпечаткомъ своего вѣка, отъ высокаго и прекраснаго—подчасъ до самаго низкаго и варварскаго: поэзія и буйныя оргіи, почти безпримѣрныя и самоотверженныя проявленія истиннаго патріотизма и самоуправство, любовь къ наукѣ и искусствамъ и невѣжество, допускавшее пытки надъ чаровницами и ихъ сожиганіе. Все здѣсь перепутывалось, а кое-гдѣ уцѣлѣвшія библіотеки и архивы, надобно отдать справедливость, содержанные въ образцовомъ порядкѣ, наглядно знакомятъ насъ съ жизнью, нравами, обычаями, образованіемъ и предразсудками обитателей этихъ конституціонныхъ нашей, этой гордой своими вольностями шляхты и бѣднаго, уничиженнаго народа.

Рожана, при р. Зельвѣ или Зельвянкѣ, была вотчиною Сапѣговъ. Въ прекрасной мѣстности на возвышенности стояли великолѣпныя палаты Сапѣговъ, съ портикомъ, боковыми галлереями, обширнымъ паркомъ, садами, оранжереями и множествомъ каменныхъ строеній. Здѣсь Иванъ Сапѣга угощалъ Сигизмунда I и пилъ за его здоровье изъ пра-прадѣдовской чаши, въ которую накачивали гарнецъ вина! Чашу эту звали *Ивановъ*. Спустя много лѣтъ, въ 1644, король Владиславъ IV съ супругою Цециліею Ренатою и цѣлымъ дворомъ посѣтилъ Рожану. Современникъ, Альбрехтъ Станиславъ Радзивиллъ въ своихъ запискахъ (II, 120) такъ между прочимъ описываетъ это посѣщеніе: «Король съ королевою и цѣлымъ дворомъ, приглашенные маршаломъ надворнымъ Казиміромъ Львомъ Сапѣгою, изъ Жировицъ прибыли въ Рожану, гдѣ въ продолженіе девяти дней неслыханнымъ образомъ были угощаемы, а потомъ и на пути, чрезъ имѣнія Сапѣги, не было конца банкетамъ. Кромѣ того Сапѣга сдѣлалъ слѣдующіе подарки: королю золотое блюдо цѣною въ 2000 дукатовъ, нидерландскіе обои въ 1000 дукатовъ; королевѣ драгоцѣнное кольцо въ 16000 дукатовъ и драгоцѣнную соболью шубу, купленную въ Москвѣ; канцлеру серебряную чашу; каменецкому епископу два сорока соболей; фрейлинамъ дорогія кольца; подкоморію саблю съ золотою оправою; ксендзамъ ассистентамъ каждому по 100 дукатовъ. Всѣмъ остальнымъ придворнымъ роздалъ значительную сумму. Во все это время каждый пользовался всѣмъ, что кому было угодно. Вино лилось рѣкою. Знаменитое это угощеніе очень долго служило предметомъ удивленія короля и другихъ.» Вѣроятно, король былъ очень доволенъ, коль скоро, находясь еще въ Рожанѣ, издалъ королевское повелѣніе, чтобы на будущее время *чаша Ивана* сохранялась бережно подъ замкомъ и чтобы ее выносили къ столу не иначе, какъ въ сопровожденіи многочисленной прислуги, при звукахъ музыки и ста пушечныхъ выстрѣлахъ! Весело было, когда издавались такого рода королевскія повелѣнія.

Въ 1698 Рожана была разграблена Шведами и ихъ сторонниками изъ Поляковъ. Кажется, въ то время погибъ и знаменитый Иванъ вмѣстѣ со многими сокровищами. Но Рожана еще долго и послѣ этого отличалась блескомъ и великолѣпіемъ. Канцлеръ литовскій, князь Александръ Сапѣга, 12 сентября 1784 г. принималъ въ Рожанѣ короля Станислава Августа; времена однако измѣнились—король съ любопытствомъ разсматривалъ богатую библіотеку, въ которой было много библіографическихъ рѣдкостей, а также фамильный Сапѣжинскій архивъ.

Это было послѣднее торжество въ Рожанѣ. Черезъ два года, тотъ же Александръ Сапѣга преобразилъ Рожану въ мануфактурное и промышленное мѣстечко. Онъ основалъ нѣсколько фабрикъ, суконную, шелковыхъ издѣлій, обоевъ, бѣлья, восковыхъ свѣчъ, экипажей и т. д. Наслѣдники кн. Александра переселились въ Деречинъ, а прежній великолѣпный дворецъ въ Рожанѣ продали Евреямъ; въ немъ и теперь помѣщается суконная фабрика.

Въ *Деречинѣ* въ 30 вер. отъ Слонима палаты были не такъ великолѣпны, какъ въ Рожанѣ, но обширны, мѣстность прекрасная, сады и парки богатые. Деречинскія груши славятся и теперь повсюду подъ названіемъ сапежанокъ. Францискъ Сапѣга помѣстилъ здѣсь большую библіотеку и фамильный Сапежинскій архивъ, перевезенные изъ Рожаны. Здѣсь же помѣщалась картинная галлерея и много цѣнныхъ предметовъ искусства. Послѣ событій 1831 г. Деречинъ былъ конфискованъ. Библіотека, архивъ, картины, статуи и т. д. перешли въ руки разныхъ лицъ, наиболѣе же Евреевъ. Архивъ состоялъ въ вѣдѣніи палаты государственныхъ имуществъ. По распоряженію генералъ-губернатора В. И. Назимова, богатый этотъ архивъ переданъ былъ существовавшей въ Вильнѣ археологической коммиссіи. Въ немъ много цѣнныхъ рукописей, актовъ, граматъ. Было нѣсколько десятковъ переплетенныхъ томовъ писемъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, начиная съ XVI столѣтія, въ томъ числѣ много писемъ какъ польскихъ, такъ и иностранныхъ государей къ Сапѣгамъ. Передъ палатами въ Деречинѣ стояли двѣ большія бронзовыя статуи, изображавшія Адама и Еву. Ева попала какъ-то въ садикъ одного изъ гродненскихъ совѣтниковъ, а Адамъ къ Еврею. Послѣдній отнятъ былъ у Еврея и перевезенъ въ виленскій музей, но уже безъ руки, которую Еврей употребилъ для выдѣлки какого-то другаго предмета.

Упомянемъ еще про двѣ мѣстности въ Слонимскомъ уѣздѣ, м. *Коссовъ* и имѣніе *Меречевщизну*, нынѣ принадлежащія Пусловскимъ. Коссовъ съ XV ст. принадлежалъ Хребтовичамъ. Меречевщизна принадлежала Флемингу, но въ продолженіе многихъ лѣтъ состояла въ залогѣ Людовика Костюшки и его жены Ѳеклы, урожденной Ратомской, до 1764 г., когда Флемингъ уплатилъ послѣдней причитавшуюся сумму 54,500 золотыхъ польскихъ. Въ этой-то Меречевщизнѣ 12 февраля 1746 г. родился Тадеушъ (Ѳаддей) Костюшко, сынъ Людовика. Небольшой деревянный домикъ, въ которомъ родился знаменитый полководецъ, сохранился и до сихъ поръ. Владѣлецъ Меречевщизны, Вандалинъ Пусловскій, воздвигая для себя новое каменное зданіе, озаботился о сохраненіи этого домика.

Кобрынъ—нынѣ уѣздный городъ, нѣкогда столица удѣльнаго княжества князей Кобрынскихъ. Кобрынъ принадлежитъ къ древнимъ поселеніямъ въ краѣ. Въ 1286 г. кн. Владиміръ Васильковичъ завѣщалъ Кобрынъ женѣ своей Ольгѣ Романовнѣ, но замокъ, какъ полагаютъ, основанъ былъ еще въ XI ст.

Вскорѣ присоединенный къ Литвѣ, Кобрынъ съ удѣломъ достались линіи Ольгердовичей. Князья именовались Кобрынскими, владѣли также Пинскомъ и были основателями нѣсколькихъ церквей и монастырей. Въ 1497 г. князь Иванъ Семеновичъ Кобрынскій съ женою своею Ѳедорою основали въ Кобрынѣ Спасскій монастырь, въ которомъ и погребены. Этотъ Иванъ былъ послѣднимъ въ родѣ князей Кобрынскихъ. Сигизмундъ I подарилъ Кобрынъ женѣ своей Бонѣ Сфорціи, потомъ, въ 1589 г., отданъ былъ Аннѣ Ягеллонкѣ, супругѣ Стефана Баторія, которая ввела здѣсь магдебургское право. Послѣ Анны владѣлицею княжества была Констанція, супруга Сигизмунда III. Въ 1626 г. здѣсь происходилъ соборъ уніатскихъ еписко-

новъ подъ руководствомъ митрополита Іосифа Веніамина Рутскаго. Изъ инвентаря 1597 года видимъ, что кобрынскія укрѣпленія состояли изъ верхняго и нижняго замковъ съ башнями, окруженныхъ валами. Въ замкѣ находилось 20 орудій. Въ то время въ Кобрынѣ было 4 церкви, 1 костелъ, 26 плацовъ и 6 улицъ. Въ XVIII ст. въ городѣ уже было 5 костеловъ и монастырь бернардиновъ. Послѣ третьяго раздѣла Кобрынъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ сперва Слонимской, а потомъ Гродненской губ. Укрѣпленія были срыты по распоряженію князя Суворова, который послѣ Италіянской кампаніи жилъ здѣсь нѣкоторое время. Ему была подарена Екатериною II большая пуща вблизи Кобрына. Въ 1812 г. близъ города происходило сраженіе съ Французами. Кобрынъ лежитъ при р.р. Мухавцѣ и Кобринкѣ. По Мухавцу изъ Пинска сюда привозятъ хлѣбъ и соль, отпускную же торговлю составляютъ спиртъ, лѣсъ, кости, кирпичъ и т. п. Жителей считаютъ около 9000.

Свислочь.

Въ 39 верстахъ отъ Кобрына находится Тараконскій Богоявленскій православный монастырь. На Днѣпровско-бугскомъ каналѣ находится мѣстечко *Городецъ*, относящееся къ древнѣйшимъ поселеніямъ, что доказывается самымъ названіемъ. Объ немъ упоминаютъ лѣтописи въ XIII столѣтіи.

Въ Кобринскомъ уѣздѣ, а кажется и въ Бѣльскомъ, до сихъ поръ живутъ князья Шуйскіе, потомки московскихъ бояръ, но уже католическаго исповѣданія. Одинъ изъ Шуйскихъ, слѣдовавшихъ съ царемъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ въ Варшаву, заболѣлъ въ пути и потомъ совсѣмъ поселился въ Литвѣ. Отъ его потомства произошелъ родъ литовскихъ князей Шуйскихъ. Имъ принадлежало мѣстечко *Яково*, въ Кобрынскомъ уѣздѣ, на границѣ Минской губерніи. Эта мѣстность извѣстна также дѣятельностью и печальною кончиною ревнителя католичества, іезуита Андрея Боболи, который успѣлъ совратить множество народа въ католичество; но казаки подстрекнули народъ къ возстанію и, 19 мая 1657 г., Боболи былъ убитъ. Папа Венедиктъ XIII причислилъ его къ лику святыхъ.

Бѣлостокъ при р. Бѣлой, какъ полагаютъ, основанъ въ XIV ст. Онъ принадлежалъ Весе-

Дрогичинъ.

ловскимъ, а потомъ перешелъ къ извѣстному герою Стефану Чарнецкому, котораго дочь Александра вышла замужъ за Браницкаго. Бѣлостокъ началъ славиться въ прошедшемъ столѣтіи, при великомъ гетманѣ коронномъ и краковскомъ кастелянѣ Янѣ Клеменсѣ Браницкомъ, женатомъ на Изабеллѣ Понятовской, сестрѣ короля Станислава Августа. Браницкій устроилъ здѣсь великолѣпную, почти царскую резиденцію, окружилъ себя блескомъ и роскошью, содержалъ многочисленный дворъ. Значеніе его въ краѣ было велико. Сюда стекались вельможи и шляхта. Не только иностранные послы часто посѣщали Браницкаго, но даже императоръ Іосифъ II, возвращаясь изъ Петербурга, посѣтилъ Бѣлостокъ. Браницкій умеръ въ 1771 г. и похороненъ въ Краковѣ, въ костелѣ св. Петра и Павла, гдѣ надъ прахомъ его, какъ послѣдняго изъ знаменитаго рода Браницкихъ, сокрушенъ былъ мечъ. Жена же пожизненно его, владѣя Бѣлостокомъ, хотя секретно и вступила во второй бракъ съ Андреемъ Мокроновскимъ, воеводою мазовецкимъ, продолжала жить по-барски. Въ Бѣлостокѣ посѣщалъ ее братъ король и въ послѣдній разъ, въ 1793 г., прожилъ здѣсь нѣсколько недѣль. Послѣ третьяго раздѣла Бѣлостокъ достался Пруссіи. Пруссаки развели здѣсь широкую фабричную дѣятельность, которая продолжается и до сего времени. Въ 1808, послѣ Тильзитскаго мира, Бѣлостокъ отошелъ къ Россіи и сдѣланъ областнымъ мимъ Бѣлостокской области, по упраздненіи коей въ 1842 г. назначенъ уѣзднымъ городомъ Гродненской губ. Здѣшній дворецъ причисленъ былъ къ вѣдомству двора и назывался императорскимъ, но потомъ въ немъ устроили институтъ благородныхъ дѣвицъ. Картинная галлерея перевезена въ Вильно и находится въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Бѣлостокская мужская гимназія всегда считалась лучшею въ округѣ и въ ней было наибольшее число воспитанниковъ. Фабричная дѣятельность въ Бѣлостокѣ довольно значительна. Жителей считаютъ 25 т., въ томъ числѣ фабричныхъ и ремесленниковъ до 3 тысячъ.

Въ окрестностяхъ Бѣлостока *Супрасль*, *Заблудовъ*, *Михалово*, *Грудекъ*, *Кнышинъ* славятся суконными фабриками, извѣстными въ цѣлой Россіи и царствѣ Польскомъ. Лучшія фабрики Захерта. Въ самомъ Бѣлостокѣ 15 разныхъ фабрикъ, въ томъ числѣ 6 суконныхъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, на всѣхъ фабрикахъ, какъ въ Бѣлостокѣ, такъ и въ приведенныхъ выше фабричныхъ мѣстахъ, работаютъ 3113 человѣкъ, вырабатываютъ ежегодно среднимъ числомъ 1.240,800 аршинъ сукна, трико и другихъ тканей, цѣною въ 2.485,180 руб.

Въ Супраслѣ Александръ Ходкевичъ, въ 1533 г., основалъ православный монастырь и церковь, завѣщавъ значительныя имѣнія, приносившія годоваго дохода до 120,000 золотыхъ. Впослѣдствіи монастырь обращенъ въ базиліанскій и славился богатою библіотекою. Въ церкви были фамильные гробы Ходкевичей, здѣсь же похороненъ митрополитъ Кипріанъ Жоховскій въ 1694 г. Въ Заблудовѣ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, сынъ предъидущаго, основалъ св. Успенскій православный монастырь, остававшійся постоянно въ вѣдѣніи православнаго духовенства. Въ Кнышинѣ былъ королевскій дворецъ съ садами и звѣринцемъ. Здѣсь часто живалъ Сигизмундъ Августъ, занимаясь охотой на зубровъ и конными заводами, здѣсь же онъ и умеръ въ 1572 г. Кнышинъ считается заштатнымъ городомъ.

Древними поселеніями Ятвяговъ считаются *Бѣльскъ*, *Брянскъ*, *Дрогичинъ*, *Мельникъ*. Когда Ярославъ Всеволодовичъ истребилъ Ятвяговъ, онъ поселилъ здѣсь русскихъ переселенцевъ. Батый разорилъ Бѣльскъ, но вскорѣ Владиміръ Іоаннъ, князь Волынскій, завладѣлъ Бѣльскомъ. Извѣстно также, что онъ сдѣлалъ вклады въ мѣстную церковь, уже существовавшую. Съ 1289 г. начинается междоусобная борьба изъ-за Бѣльска между Мстиславомъ, кн. Луцкимъ, и Юріемъ Львовичемъ, сыномъ князя Перемышльскаго. Нѣкоторое время Поляки владѣли Бѣльскомъ, наконецъ въ 1351 Ольгердъ присоединилъ эту страну къ Литвѣ. Витовтъ далъ Бѣльску разныя привилегіи, а Александръ Ягеллонъ сдѣлалъ его центральнымъ городомъ вновь образованной Бѣльской земли. Послѣ смерти Александра Бѣльскъ отданъ былъ королевѣ Еленѣ Іоанновнѣ, супругѣ его. 1564 г. памятенъ происходившимъ здѣсь сеймомъ, на которомъ утвержденъ судеб-

ный статутъ, называемый также волынскимъ. По второму раздѣлу Польши Бѣльскъ тоже отошелъ къ Пруссіи, а съ 1807 г. по присоединеніи къ Россіи былъ уѣзднымъ городомъ Бѣлостокской области. Существуетъ до сихъ поръ Замковая гора, древнее городище, на которой видны еще развалины замка, гдѣ проживали князья Литовскіе и короли Польскіе, когда пріѣзжали охотиться на зубровъ. Замокъ разрушенъ пожаромъ отъ молніи въ 1563 г., потомъ войны съ Хмельницкимъ и со Шведами совсѣмъ разорили городъ. Нынѣ здѣсь около 10,000 т. жителей.

Брянскъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ при р. Нурцѣ; здѣсь неоднократно происходили сеймы. *Дрогичинъ*, лежитъ по обѣимъ сторонамъ р. Буга, весьма древній городъ, о которомъ упоминаютъ лѣтописи подъ 1142 годомъ. По истребленіи Ятвяговъ Дрогичинъ, какъ и другія сосѣднія земли, былъ предметомъ споровъ и пререканій между князьями волынскими, галицкими, мазовецкими, Польшею и Литвою. Дрогичинъ памятенъ коронаціею Даніила князя Галицкаго. По повелѣнію папы Иннокентія IV, посломъ его аббатомъ мессинскимъ въ 1253 г. возложенъ королевскій вѣнецъ на Даніила. Дрогичинъ принадлежалъ къ удѣлу Кейстута, а потомъ перешелъ къ зятю его Янушу, князю Мазовецкому. Окончательно же присоединенъ къ Литвѣ при Казимірѣ Ягеллонѣ въ 1442 г. Замѣчательна здѣсь Замковая гора, надъ Бугомъ, вышиною до 45 саженъ. Половина горы обрушилась въ рѣку; на оставшейся половинѣ замѣтны еще развалины замка. Съ восточной стороны, на высотѣ десяти саженъ отъ основанія есть входъ въ подземелье, доступное въ длину и въ ширину на 6 саженъ. Вблизи Дрогичина много кургановъ. Бугъ раздѣляетъ городъ на двѣ части: первая сторона называется Ляцкою, лѣвая Русскою. Послѣ раздѣла Польши, Ляцкая сторона отошла къ Пруссіи, а Русская къ Австріи. Въ 1807 г. по Тильзитскому договору, прусская часть отошла къ царству Польскому, а австрійская къ Россіи. Эта послѣдняя половина составляла уѣздный городъ Бѣлостокской области, оставшійся заштатнымъ съ 1842 г. Мѣстечко *Цѣхановецъ* и *Семятичи* извѣстны также своими суконными фабриками. Въ Семятичахъ въ прошедшемъ столѣтіи владѣлица, кн. Анна Яблоновская, рожденная Сапѣга, основала типографію, кабинеты естественной исторіи, физическій, нумизматическій, музей древностей и достопамятностей. Драгоцѣнныя собранія Яблоновской пользовались извѣстностью и послѣ ея смерти, въ 1803 г., куплены были по повелѣнію императора Александра I за 150,000 руб. для петербургскихъ кабинетовъ и музеевъ. Княгиня Яблоновская заботилась о благосостояніи крестьянъ, сочинила 8 томовъ административной конституціи для крестьянъ, мѣщанъ и управляющихъ, основала училище повивальнаго искусства. Замѣчательнѣе всего то, что она много хлопотала о введеніи общинныхъ началъ среди крестьянъ, кои имѣли общинный банкъ бережливости, хлѣбные магазины, міромъ собща занимались пчеловодствомъ. Она много сдѣлала, и Семятичи пользовались громадною извѣстностью. Сюда съѣзжались съ разныхъ сторонъ, чтобы присмотрѣться къ новымъ порядкамъ, ея же кабинеты и музеи, замѣчательная коллекція медалей привлекали въ Семятичи даже ученыхъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ изъ Парижа и Германіи. Наконецъ кн. Яблоновская поощряла торговлю и промышленность и сама основала фабрики въ Семятичахъ. *Мельникъ* принадлежитъ также къ древнѣйшимъ городамъ. Въ XIII ст. здѣсь былъ уже сильно укрѣпленный замокъ. Замковая гора сохранилась и до сихъ поръ, на ней построенъ костелъ. Мельникъ подобно другимъ городамъ этого края былъ театромъ безпрестанной междоусобной борьбы. В. Кн. Александръ далъ городу магдебургское право въ 1501 г. Послѣ смерти его, въ Мельникѣ Поляки предложили польскую корону вел. кн. литовск. Сигизмунду въ 1506 г. Потомъ, въ здѣшнемъ замкѣ нѣкоторое время жила королева Бона Сфорчія. Нынѣ Мельникъ бѣдный заштатный городъ. Жители занимаются приготовленіемъ извести, добываемой въ окрестныхъ горахъ.

Князья Кобрынскіе владѣли, между прочими волостями, деревнею Добучинъ, въ которой имѣли свой охотничій дворъ. Князь Иванъ Семеновичъ Кобрынскій съ женою Өеодорою

въ 1473 г. основали здѣсь православную церковь во имя Рождества Христова. Когда съ пресѣченіемъ рода кн. Кобрынскихъ образовано было Кобрынское староство, Добучиномъ владѣлъ нѣкоторое время Вацлавъ Костевичъ, основавшій въ 1522 г. костелъ во имя св. Сигизмунда и Вацлава. Въ это время, съ достовѣрностью неизвѣстно почему, Добучинъ сталъ именоваться *Пружаною*. Преданіе говоритъ, что кормилица, державшая на рукахъ ребенка владѣльцевъ, случайно выбросила его въ р. Муху и что рѣка пожрала (pożarła) ребенка. Отъ этого будто бы и Добучинъ стали называть Пожарла, переиначенный потомъ въ Пружану. Подобное толкованіе конечно не логично, но послѣдующіе факты нѣкоторымъ образомъ подтверждаютъ, что въ этомъ переименованіи названія ребенокъ игралъ какую-то роль. Именно, Анна Ягеллонка, супруга Стефана Баторія, владѣвшая этимъ городомъ послѣ матери своей Боны Сфорчіи, дала Пружанѣ въ 1588 г. гербъ, съ изображеніемъ голубаго ужа (гербъ Сфорчіевъ), держащаго во рту ребенка. Въ 1796 г. Пружана назначена уѣзднымъ городомъ. Городъ расположенъ по обоимъ берегамъ р. Мухи. Жителей около 5000 т. Древнѣйшимъ поселеніемъ въ Пружанскомъ уѣздѣ надобно считать м. Городечнь, что доказывается самымъ названіемъ. 31 іюля 1812 г. здѣсь произошла кровавая битва Русскихъ съ Французами подъ предводительствомъ генерала Тормасова.

Между Кобрыномъ и Пружаною находится селеніе *Сѣхновиче*, родовое имѣніе Костюшковъ, пожалованное имъ Казиміромъ Ягеллономъ въ XV ст. Здѣсь и фамильный погребальный склепъ Костюшковъ. Извѣстный Тадеушъ Костюшко провелъ здѣсь юношескіе годы. Сестра его была въ замужествѣ за Эсткою, а послѣ смерти бездѣтнаго Тадеуша Сѣхновиче перешло въ родъ Эстковъ.

Уѣздный городъ *Волковыскъ* расположенъ на берегу рѣки Росса и рѣчки Волковыя. Городъ уже существовалъ въ XIII ст. Даніилъ Галицкій подарилъ его в. кн. Миндовгу. Въ 1386 г. польскіе послы встрѣтили здѣсь в. кн. Ягайла и донесли объ избраніи его на польскій престолъ. Жителей около 6 т.

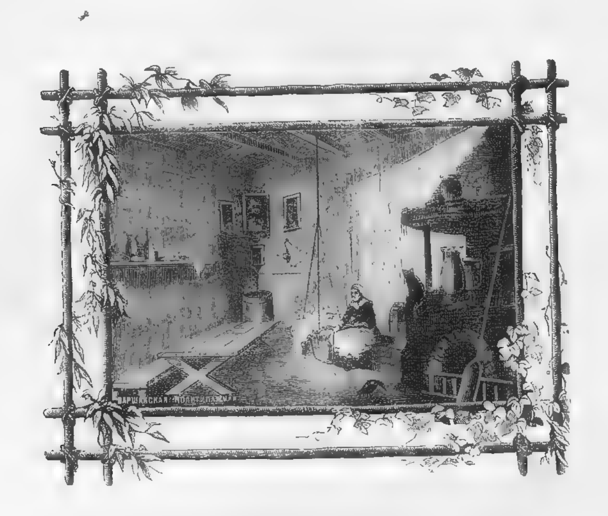
Къ древнимъ поселеніямъ въ этомъ уѣздѣ принадлежитъ *Мстибовъ*, гдѣ уже въ XII ст. былъ сильно укрѣпленный замокъ. Въ XVI ст. это былъ значительный городъ. Сюда съѣзжались послы для разсужденій о дѣлахъ внутреннихъ. Здѣсь же, въ 1576 г., послѣ бѣгства Генриха Валуа, совѣщались объ избраніи новаго короля. Волковыскій уѣздъ еще недавно славился на всю Литву своими ярмарками въ *Свислочи*, при впаденіи р. Свислочи въ Березину, и *Зельвѣ* на р. Зельвянкѣ. Сюда стекались даже изъ дальнихъ уѣздовъ, и обороты ярмарокъ были весьма значительны. Въ Свислочи славилась также гимназія, обращенная въ послѣднее время въ прогимназію. Вообще это мѣстечко имѣло значительное населеніе и было красивѣе застроено, чѣмъ нѣкоторые уѣздные города. Оно принадлежало Незабытовскимъ, потомъ Тышкевичамъ, изъ коихъ Викентій, въ 1666 г., построилъ здѣсь церковь (представляемую на рисункѣ, на которомъ также видно зданіе гимназіи). Въ Свислочи весьма хорошія фабрики сафьяныхъ и кожевенныхъ издѣлій. Въ Зельвѣ ярмарка продолжается съ 25 іюня по 25 августа. По значительности торговыхъ оборотовъ (до милліона рублей), она считалась первою во всемъ западномъ краѣ. Желѣзныя дороги измѣнили отношенія и самыя привычки, не менѣе того Зельвянская ярмарка и теперь еще занимаетъ видное мѣсто. Зельва принадлежала Сапегамъ. Послѣдніе содержали здѣсь конскій заводъ въ большихъ размѣрахъ, такъ что число англійскихъ, датскихъ, турецкихъ и др. жеребцовъ достигало 1,500 штукъ. Сапеги построили на квадратной площади нѣсколько сотъ каменныхъ лавокъ, но ихъ всегда было недостаточно для пріѣзжавшихъ купцовъ.

Уѣздный городъ *Соколка*, при источникахъ рѣки Соколды, на спб.-варшавской желѣзной дорогѣ. Незначительное селеніе подскарбій Тизенгаузъ преобразилъ въ довольно значительный городъ, построилъ нѣсколько каменныхъ зданій и учредилъ ремесленныя заведенія. Нынѣ въ Соколкѣ, бѣднѣйшемъ изъ городовъ Гродненской губ., около 4 т. жителей.

Въ Сокольскомъ уѣздѣ нѣсколько заштатныхъ городовъ: Васильковъ, Кузница, Одельскъ, Новодворъ, Домбровъ, Суховоля, Янонъ и Корицынъ. Всѣ они бѣдны и незначительны, заселены преимущественно Евреями. Съ ними не связаны даже особенно интересныя историческія событія.

Рожанный-Стокъ извѣстенъ чудотворною иконою въ здѣшнемъ костелѣ, основанномъ въ 1658 г. Феликсомъ Тышкевичемъ. До сихъ поръ въ Духовъ день стекается сюда до 40,000 народа.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ X.

НАРОДНЫЙ ТРУДЪ.

Зачатки и постепенное распространеніе земледѣлія.—Почвенныя условія.—Скотоводство и удобреніе земли.—Распредѣленіе населенныхъ пунктовъ.—Надѣлы.—Система хозяйства.—Урожаи.—Сборъ хлѣба.—Ретово.—Павлово.—Сбытъ излишка.—Неурожаи.—Ленъ.—Конопля.—Огородничество и садоводство.—Винокуреніе.—Лѣсъ.—Экономическое положеніе.—Отношенія между классами.—Торговопромышленная дѣятельность.—Пути сообщенія.—Кустарная промышленность.—Мануфактурная дѣятельность.—Тизенгаузъ.—Пусловскій. — Скирмунтъ.—Фабрики и заводы.

«О Пильвите! на кого ты милостиво, у того житницы полны хлѣба, у того много золота и дорогихъ камней, тотъ въ чести у цѣлаго свѣта.» (Пильвите—божество довольства. Изъ древней литовской пѣсни.)

«Стаитъ дайка въ концѣ поля, кто къ ней придетъ тому даетъ.»

(Литовская загадка, значитъ: гумно, овинъ.)

Многовѣковое прошлое, далекая старина, рисуютъ намъ величественную, живописно-дикую картину литовской природы: лѣса и воды; воды и лѣса. Лѣсъ и вода окружали первые зачатки зарождавшейся гражданственности, древнія городища съ разстилавшимися внизу небольшими полянами, гдѣ въ шалашахъ ютилось подвластное патріарху — кунигасу, занимавшему городище, населеніе; да на водѣ озерныя жилища, гдѣ тоже жили соплеменники, гдѣ были продовольственные склады, въ то же время служившіе крѣпостцами, въ которыхъ защищались не только отъ нападеній лютаго врага, но и дикаго звѣря. Не было мѣста для земледѣльческихъ работъ. Да едва ли въ то время Литвинъ и сознавалъ въ нихъ нужду: звѣрь, дичь, рыба, пчела—доставляли ему одежду и обильную пищу. Въ ранней молодости народа уже развилось скотоводство. Вокругъ городищъ или вблизи оныхъ заводились огороды съ ягодами, овощами, орѣхами.

Начало болѣе широкаго земледѣлія мы смѣло можемъ отнести къ періоду большаго знакомства съ сосѣдями, особенно съ Скандинавами. Мы бы не согрѣшили, допуская даже мысль что Скандинавы въ IV столѣтіи первые ввели здѣсь правильное земледѣліе. Что много ихъ здѣсь селилось—фактъ несомнѣнный. А можетъ быть еще прежде, во II или III столѣтіи, кочевые Славяне, Вильки, Лютики, Волоти, въ своемъ побѣдоносномъ шествіи на берега ниж-

няго Одера, во время продолжительной пріостановки на берегахъ Виліи и Нѣмана, первые стали расчищать лѣса и вводить земледѣліе. Но въ началѣ самая религія стѣсняла распространеніе земледѣлія. Многовѣковой дубъ, гигантская липа были священны въ глазахъ литовца. Огромныя лѣсныя дачи были посвящены богамъ и считались священными. Поэтому истребленіе лѣсовъ сопровождалось большими затрудненіями и слѣдовательно могло подвигаться очень медленно.

Не менѣе того, начало земледѣлія, хотя и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, относится къ далекой старинѣ. Языческая обрядность и особыя божества, покровительствовавшія разнымъ родамъ земледѣлія, удостовѣряютъ въ этомъ. Въ языкѣ литовскомъ встрѣчаемъ названія зерноваго хлѣба, хотя и не всѣхъ его сортовъ, а также названія нѣкоторыхъ земледѣльческихъ орудій.

Болѣе правильное и въ большихъ размѣрахъ распространеніе земледѣлія начинается едва въ концѣ XIV столѣтія. По мѣрѣ развитія гражданственности, съ прекращеніемъ кровавыхъ набѣговъ Рыцарей, оно разрастается и дѣлается уже необходимостью. Инвентари временъ Сигизмунда Августа, его заботливость объ улучшеніи быта крестьянъ, особенно въ староствахъ, доказываютъ, что земледѣліе и неразлучное съ нимъ скотоводство охватили уже всю страну. Хлѣбъ вошелъ въ число предметовъ, предназначаемыхъ для сбыта. Съ теченіемъ времени земледѣліе сдѣлалось главнѣйшимъ и почти единственнымъ источникомъ богатства края.

Въ настоящее время подъ полями, въ цѣломъ Литовскомъ полѣсьѣ, считаютъ до пяти милліоновъ десятинъ. Три губерніи, составляющія это Полѣсье, слѣдуетъ причислить къ полосѣ, въ которой хлѣбъ родится въ количествѣ достаточномъ для мѣстнаго потребленія и даже, особенно въ Ковенской губерніи, съ избыткомъ, дозволяющимъ сбывать за предѣлы полѣсья, или заграницу.

Почвенныя условія этого края довольно благопріятны земледѣлію. Въ Ковенской губерніи, какъ уже мы говорили, болѣе всего чернозему, хотя онъ и не распространенъ повсемѣстно, занимая небольшіе участки. Во многихъ же мѣстахъ почва, хотя и песчаная, но смѣшанная съ глиною и черноземомъ. Самая плодороднѣйшая земля во всѣхъ трехъ губерніяхъ, Шадовская, и прилегающихъ къ ней окрестныхъ мѣстностей, Кракинова, Іоганишкель и др.

Виленская губернія представляетъ много разнообразія въ почвенномъ отношеніи. Здѣсь и черноземъ, и глина, боровая земля, сыпучіе пески по теченію Нѣмана и болотистая почва. Черноземная полоса находится въ Трокскомъ уѣздѣ и далѣе по берегу Виліи въ сѣверныхъ предѣлахъ Виленскаго и сѣверо-восточныхъ Свенцянскаго и отчасти въ Дисненскомъ уѣздѣ.

Менѣе всего чернозема въ Гродненской губерніи. Здѣсь преобладаетъ песчано-глинистая почва, мѣстами сыпучіе пески. Въ Пружанскомъ уѣздѣ почва состоитъ изъ смѣси глины и мергеля, суглинка и только кое-гдѣ болотнаго чернозема. Въ Кобринскомъ уѣздѣ большею частью суглинокъ и болотный черноземъ; не менѣе того почва здѣсь считается довольно плодородною. Бѣлостокскій уѣздъ въ большей части представляетъ болотистую долину; за то луговъ здѣсь весьма много и сѣно отличнаго качества, что даетъ возможность содержать много скота и слѣдовательно унаваживать землю, такъ что въ этомъ уѣздѣ хлѣба всегда достаточно какъ на продовольствіе, такъ и на винокуреніе. Въ Гродненскомъ уѣздѣ мѣловая почва, прикрытая сыпучими песками; наносная же состоитъ изъ песковъ, смѣшанныхъ съ глиною и мергелемъ.

Понятно послѣ этого, что почва всѣхъ трехъ губерній требуетъ усиленнаго и постояннаго удобренія, что возможно и болѣе удобоисполнимо для Гродненской губерніи, гдѣ много луговъ и сравнительно съ другими губерніями болѣе скота; для Виленской же весьма затруднительно, ибо здѣсь относительно мало луговъ, и въ отношеніи пахатной земли приходится всего 2,9 частей, т. е. на тысячу десятинъ пахатной только 336 дес. луговъ. Между тѣмъ Виленская губернія въ особенности требуетъ значительнаго удобренія. При раціональномъ хо-

зяйствѣ здѣсь требуется на каждую десятину до 180 возовъ навоза, т. е. около 2500 пудовъ, тогда какъ въ Ковенской губерніи, гдѣ качество почвы лучше, нужно только 120 одноконныхъ возовъ, въ Гродненской же, смотря по мѣстности, отъ 150 до 200.

Въ Ковенской губерніи опытность хозяевъ выработала практическіе пріемы, какимъ именно навозомъ слѣдуетъ удобрять почву, смотря по ея качествамъ. Такъ, въ мѣстахъ низменныхъ употребляютъ преимущественно лошадиный и овечій; песчаная удобряется свинымъ, а глинистая—навозомъ отъ рогатаго скота. Для удобренія употребляютъ также илъ. Въ мѣстахъ, гдѣ находятся торфяныя болота, въ Гродненской и Виленской губерніяхъ съ пользою удобряютъ торфомъ, который или непосредственно вывозятъ на поля, или предварительно смѣшиваютъ съ соломою на скотныхъ дворахъ.

Домашній скотъ, имѣющій здѣсь большое значеніе въ экономическомъ отношеніи, составляетъ предметъ особенной заботливости хозяевъ всѣхъ вообще классовъ; но скотоводство вообще служитъ только орудіемъ для удобренія земли и продуктомъ пищи; съ небольшими только исключеніями, оно не входитъ въ разсчетъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ.

На одну душу сельскихъ обывателей въ общей сложности можно полагать пять десятинъ земли. Крестьянскія семейства въ Литовскихъ губерніяхъ получили довольно значительные надѣлы отъ 20 до 30 и болѣе десятинъ. Эти надѣлы нѣкоторые постоянно увеличиваютъ покупкою, такъ что есть такіе, которые владѣютъ по сто и до трехъ сотъ десятинъ. Но при раздѣлѣ земли между сыновьями, количество ея доходитъ иногда до ничтожныхъ размѣровъ и заставляетъ пріискивать средства трудомъ или промысломъ воспособлять недостачу земли. Одни нанимаются на полевыя работы, другіе на продолжительныя работы на большихъ лѣсныхъ дачахъ крупныхъ владѣльцевъ, для сидки дегтя, смолы, скипидара, выжиганія угля и т. п. Наконецъ нѣкоторые нанимаются въ батраки. Идти на работы въ отдаленныя мѣста, напр. на желѣзныя дороги, не въ обычаѣ между литовцами. Идутъ только тѣ, коихъ обстоятельства крайне стѣснены, или коихъ заставляетъ идти волостное правленіе для пополненія недоимокъ повинностей.

Система хозяйства до сихъ поръ еще господствуетъ трехпольная и упорно держится особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ достаточное количество луговъ дозволяетъ содержать много скота. Система эта, водворившаяся почти одновременно съ закрѣпощеніемъ крестьянъ, могла имѣть значеніе въ прежнее время; но съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, совершенно измѣнившаго экономическія отношенія, она неминуемо должна рушиться. Плодосмѣнное хозяйство введено уже многими землевладѣльцами въ Ковенской губерніи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Виленской и немногихъ еще въ Гродненской. Но оно съ каждымъ годомъ увеличивается, проникая даже въ крестьянскія усадьбы. Разнаго рода усовершенствованія сельскаго хозяйства особенно замѣтны на Жмуди, т. е. въ уѣздахъ Шавельскомъ, Россіенскомъ и Тельшевскомъ, гдѣ не только бытъ крупныхъ землевладѣльцевъ, но и крестьянъ особенно хорошъ. Усовершенствованія конечно идутъ на ряду съ введеніемъ корнеплодныхъ растеній, употребленіемъ машинъ и разныхъ земледѣльческихъ орудій, систематическимъ унаваживаніемъ почвы, улучшеніемъ породъ скота, и вообще искусственнымъ воспособленіемъ почвы и облегченіемъ средствъ уборки. Такого рода усовершенствованія, не въ одной Ковенской, но и въ Виленской, а отчасти и въ Гродненской начались во многихъ мѣстахъ еще до крестьянской реформы и постоянно составляютъ предметъ особенной заботливости землевладѣльцевъ, не только крупныхъ, но понемногу и мелкихъ.

При указанныхъ нами почвенныхъ условіяхъ и до сихъ поръ еще преобладающей системѣ трехпольнаго хозяйства, особенно въ средѣ крестьянъ, урожаи могутъ считаться посредственными, за исключеніемъ Ковенской губерніи и нѣкоторыхъ мѣстностей въ двухъ другихъ губерніяхъ, гдѣ они бываютъ вообще хорошіе, а случается и отличные. Пшеницы сѣютъ больше всего въ Ковенской губерніи и на черноземной полосѣ въ Виленской. Болѣе же всего

сѣютъ озимаго зерна и много картофеля. О значительномъ разведеніи льна мы скажемъ особо. По прежнимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ средній урожай озимаго бываетъ въ Ковенской губерніи 4 зерна, въ Виленской и Гродненской 3½; яроваго въ Ковенской 4½, въ остальныхъ 4. Картофеля повсемѣстно около 4. Выводы эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными; приводимыя общія среднія цифры урожая не могутъ быть примѣнимы ко всѣмъ вообще мѣстностямъ. Положительно извѣстно, что въ Ковенской губерніи урожай даетъ отъ 15 до 18 зеренъ, тогда какъ въ той же губерніи, въ Новоалександровскомъ уѣздѣ самъ-8 и самъ-10, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ едва достигаетъ 4.

Еще въ 1861 г. А. К. Корева въ своей статистикѣ Виленской губерніи весьма основательно замѣтилъ, что ежели-бы придавать вѣру оффиціальнымъ извѣстіямъ о количествѣ посѣвовъ и сборахъ по соображеніи данныхъ за десять лѣтъ, то оказалось бы, что на самое продовольствіе жителей въ этой губерніи недоставало бы 681,040 четвертей ржи и 893,060 четвертей картофеля. А между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что жители Виленской губерніи излишекъ ржи сбываютъ въ Ковно для вывоза за границу и въ Дисну для сплава по Западной Двинѣ въ Ригу. Мало того, часть хлѣба и картофеля идетъ на винокуреніе. Изъ собранныхъ же самимъ А. К. Корева свѣдѣній на мѣстѣ, оказывается, что напр. рожь среднимъ числомъ возвращается 5,5 зерномъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ частяхъ Трокскаго, Виленскаго, Свенцянскаго и по р. Западной Двинѣ Дисненскаго уѣздовъ, есть пространства, гдѣ рожь возвращается 7, 8, 9 и даже иногда 10 зерномъ; въ частяхъ Дисненскаго, Ошмянскаго и Лидскаго уѣздовъ 6 и 7 зерномъ. Тоже самое можно сказать о двухъ остальныхъ губерніяхъ.

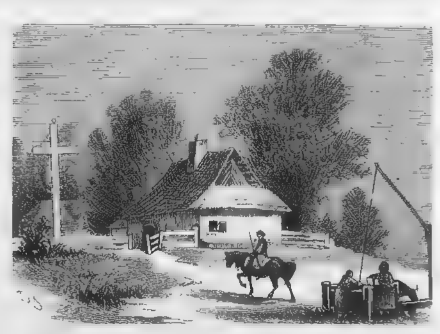

Костелъ въ деревнѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ господскихъ помѣстьяхъ, гдѣ впрочемъ нѣтъ раціональнаго хозяйства, вошло въ обычай, какъ обработку полей, такъ сборъ и умолотъ производить *половинно* съ крестьянами, т. е. раздѣляя съ ними пополамъ чистую прибыль. Крупный землевладѣлецъ заключаетъ съ крестьянами условіе въ томъ, что они вспашутъ ему землю, удобрятъ ее навозомъ, вывезеннымъ ими изъ господскаго двора, засѣютъ господскимъ же зерномъ, сожнутъ или скосятъ, свезутъ съ поля, вымолотятъ и за весь этотъ трудъ получатъ половину зерна отъ всего урожая, конечно за вычетомъ посѣяннаго зерна. Но крестьяне въ такомъ только случаѣ соглашаются на такія сдѣлки, если одновременно землевладѣлецъ согласится подѣлиться съ ними на такихъ же условіяхъ и сѣномъ, т. е. что они скосятъ, свезутъ въ господскій дворъ, но равную половину возьмутъ себѣ за трудъ. Для крестьянъ такого рода сдѣлки весьма выгодны; для крупныхъ же землевладѣльцевъ весьма убыточны. Понятно, что этотъ обычай водится только тамъ, гдѣ наемъ рабочихъ сопряженъ съ затрудненіями и у кого не хватаетъ средствъ на своевременную уплату рабочимъ. Для землевладѣльца конечно выгодно собрать все съ поля, не издержавъ ни копѣйки денегъ; но онъ почти лишенъ возможности наблюдать за точнымъ и правильнымъ приспособленіемъ земли, не можетъ указывать и заставлять, какъ въ то время, если бы у него работали наемники. Крестьяне работаютъ ради собственной пользы; но въ большинствѣ случаевъ работаютъ по исконнымъ, укоренившимся обычаямъ, не признавая и не понимая пользы отъ всякихъ нововведеній, не соглашаясь даже весьма часто употреблять земледѣльческія орудія усовершенствованной конструкціи, хотя бы таковыя находились въ господскомъ дворѣ. Понятно, что при такой системѣ хозяйства урожаи хуже и получается менѣе зерна, нежели въ имѣніяхъ, при тѣхъ же почвенныхъ условіяхъ, въ которыхъ введено правильное, раціональное хозяйство. Впрочемъ, какъ мы уже замѣтили, этотъ

родъ сдѣлокъ не есть общій; онѣ болѣе распространены въ сосѣднихъ Инфлянтахъ. Въ другихъ же мѣстахъ, излишекъ земли, на обработку которой не хватаетъ силъ, передаютъ крестьянамъ на томъ условіи, что они получаютъ чистаго зерна не половину, но только третью часть, сѣно же всегда пополамъ.

Хорошій хозяинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ держитъ за условленную плату постоянныхъ рабочихъ, батраковъ и батрачекъ, смотря по величинѣ имѣнія, отъ 30 и до 100 человѣкъ. Для нихъ строятъ особыя избы для жилья и отводятъ огороды. У нѣкоторыхъ же всѣ рабочіе остаются на харчахъ владѣльца. Конечно, въ рабочую пору, этого недостаточно, и владѣлецъ долженъ нанимать рабочихъ изъ мѣстныхъ или сосѣднихъ крестьянъ. Въ теченіи цѣлаго года крестьяне обращаются къ владѣльцу съ разными нуждами; удовлетвореніе ихъ, какъ равно заключенныя условія за лѣсъ, пастбища и разныя другія одолженія—доставляютъ владѣльцу, въ рабочую пору, рабочихъ, обязавшихся по условію отработать извѣстное число дней, что ими исполняется добросовѣстно.

Литовская хижина.

Въ батраки или паробки нанимаются безземельные крестьяне, однодворцы и даже излишнія руки изъ земельныхъ крестьянскихъ семействъ, что впрочемъ случается довольно рѣдко.

Нѣкоторыя владѣльческія имѣнія и до 1864 г. представляли образцовое благоустройство и обнаруживали особую заботливость ихъ владѣльцевъ о пользѣ сельскаго населенія.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ имѣній, по экономическому устройству своему и въ особенности по благосостоянію крестьянъ — это *Ретово*, кн. Огинскихъ. Въ этомъ имѣніи до крестьянской реформы считалось до 10 т. душъ, около 52,000 десятинъ земли, 1200 крестьянскихъ дворовъ и 97 деревень и застѣнковъ. Владѣлецъ этого громаднаго имѣнія, князь Ириней Михайловичъ Огинскій, съ рѣдкою энергіею и необыкновеннымъ умѣньемъ образовалъ здѣсь особенное управленіе и завелъ учрежденія, какихъ нигдѣ не было въ литовскомъ полѣсьѣ. Въ числѣ этихъ учрежденій особенно замѣчательны заведенныя имъ кассы: волостная, для обезпеченія исправнаго платежа податей; войтовская, составлявшаяся изъ штрафовъ, налагаемыхъ за разныя провинности; торговая, предназначавшаяся для коммерческихъ оборотовъ; сберегательная или волостной банкъ, въ который крестьяне отдавали свои сбереженія и получали по 6 процентовъ въ годъ. Оборотъ кассы простирался до 100 тысячъ и болѣе рублей. Грунтовая касса—собственность владѣльца и почтовая, составлявшаяся изъ особаго сбора на содержаніе волостной почты и подводной повинности. Кромѣ того князь, заботясь о просвѣщеніи крестьянъ, содержалъ нѣсколько школъ и высшее агрономическое училище, при которомъ устроилъ довольно значительный земледѣльческій музей. Онъ издавалъ на свой счетъ разныя брошюры на литовскомъ языкѣ, удобопонятныя для крестьянъ, которыя продавались по двѣ и по три копѣйки. Въ ковенской гимназіи на его содержаніи воспитывались бѣдные дворяне. Не было почти ни одного ученаго, литературнаго или артистическаго предпріятія, въ которомъ бы онъ не участвовалъ значительными пожертвованіями. Много полезныхъ тружениковъ облагодѣтельствовано имъ.

Въ административномъ отношеніи Ретовская вотчина раздѣлялась на восемъ войтовствъ, управляемыхъ войтами или старшинами, избиравшимися самими крестьянами, но получавшими жалованье отъ владѣльца. Ежемѣсячно происходили засѣданія всѣхъ войтовъ, подъ предсѣдательствомъ владѣльца, на которыхъ обсуждались вопросы по управленію и составлялись протоколы. Кромѣ того существовалъ еще волостной судъ, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ домо-

хозяевъ, извѣстнаго своею честностью и безупречнымъ поведеніемъ, избираемаго цѣлою волостью и называвшагося ландвойтомъ. Этотъ судъ рѣшалъ всѣ споры между жителями, налагалъ штрафы и другія наказанія за разныя провинности, принималъ соотвѣтственныя мѣры къ исправленію и улучшенію нравственности. Надобно замѣтить, что по волѣ владѣльца Евреи не только не могли жить въ ретовскихъ деревняхъ и поселкахъ, но даже расхаживать по нимъ, безъ особеннаго на то письменнаго дозволенія. Наконецъ прибавимъ, что въ Ретовѣ существовала больница съ постояннымъ штатнымъ врачемъ, аптека, лавки, въ которыхъ крестьяне могли покупать все для нихъ необходимое, а также образцовая ферма, обрабатываемая батраками и наемными людьми, такъ какъ всѣ вообще крестьяне состояли на оброкѣ и были полными владѣльцами строеній на своихъ усадьбахъ, получая притомъ безплатно какъ на постройки, такъ и на отопленіе лѣсъ изъ дачъ вотчинника. Ежегодно въ Ретовѣ происходила выставка домашнихъ животныхъ и крестьянскихъ издѣлій, за которыя присуждались крестьянамъ разныя преміи и награды.

Такое устройство ретовскихъ владѣній и самая зажиточность крестьянъ ставили ихъ въ исключительное положеніе. Удивленный путникъ не вѣрилъ собственнымъ глазамъ, проѣзжая вездѣ по шоссейнымъ дорогамъ, видя на каждомъ шагу довольство, порядокъ, отлично застроенныя деревни и поселки, чистоту, опрятность. Всего этого достигъ князь Огинскій своею неутомимою дѣятельностью и благоразумными мѣропріятіями.

Замѣчательный этотъ дѣятель скоропостижно умеръ въ 1862 г. Сыновья его и наслѣдники, на сколько намъ извѣстно, несмотря на измѣнившіяся условія съ введеніемъ крестьянской реформы, продолжаютъ начатое ихъ родителемъ. Нынѣ Ретово славится земледѣльческими выставками, чередуясь съ Шавлями, на которыя съѣзжаются экспоненты не только изъ Литвы и Царства Польскаго, но даже и изъ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ.

Нельзя не упомянуть еще о имѣніи Павловъ при р. Меречанкѣ, въ 28 в. отъ г. Вильно, извѣстномъ подъ названіемъ Меречанско-Павловской республики. Основателемъ ея былъ владѣлецъ имѣнія, литовскій референдарій, прелатъ-архидіаконъ виленскаго капитула, Павелъ Ксаверій Бржостовскій. Въ 1769 г. (10 марта) основалъ онъ маленькую республику изъ своего имѣнія, отказавшись не только отъ правъ вотчинника, но сдѣлавшись гражданиномъ республики, наравнѣ съ каждымъ поселяниномъ и наравнѣ со всѣми подвергаясь обязанностямъ, предписываемымъ статутомъ республики, утвержденнымъ сеймовымъ постановленіемъ, 4 апрѣля 1791 г. Республика эта существовала до 1824 г. Каждый житель былъ человѣкомъ свободнымъ, владѣлъ собственною землею, могъ быть избранъ президентомъ республики, а равно и въ другія должности. Граждане однако изъ благодарности избрали пожизненнымъ президентомъ самаго Бржостовскаго (умеръ въ 1828 г. 98 л.) Въ Павловѣ существовали училища, больница, ломбардъ, были даже сеймовыя собранія, на которыя избирались депутаты, и дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Многіе пріѣзжали изъ отдаленныхъ мѣстъ изучать и удивляться этому небывалому въ то время устройству имѣнія, въ которомъ всѣ жители были свободны, просвѣщенны и зажиточны. Само общество слѣдило за народною нравственностью и общимъ благосостояніемъ. Бржостовскій далъ блистательный урокъ современникамъ, владѣльцамъ обнищалыхъ, голодныхъ и битыхъ крѣпостныхъ. Подражателей немного нашелъ благородный дѣятель, хотя примѣръ его все же имѣлъ нѣкоторыя послѣдствія въ улучшеніи быта крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ.

Избытокъ хлѣба, особенно въ урожайные годы, остающійся за мѣстнымъ употребленіемъ, какъ на посѣвъ, продовольствіе, такъ и на винокуреніе, вывозится въ Пруссію, главнымъ образомъ въ Данцигъ, Кенисгбергъ, Мемель; въ отношеніи же продажи льна, важную роль играютъ Рига и Либава. Повсемѣстные неурожаи въ Литовскихъ губерніяхъ хотя случаются довольно рѣдко, но бываютъ весьма грозны и опустошительны. Памятны голодные годы 1844—1846 и 1850—1851, поглотившіе всѣ хлѣбные запасы и продовольственные капиталы. Въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Ковенской губерніи, посѣвы поражаетъ болѣзнь подъ названіемъ *амора*. Она уничтожаетъ завязывающееся зерно и поражаетъ даже солому. Аморомъ собственно называютъ ржавчину, растительную заразу, которая, въ видѣ тунеяднаго растенія, разлагающагося въ липкій порошокъ, поражаетъ колосья.

Въ настоящее время Литовское полѣсье, независимо отъ водяныхъ путей сообщенія, соединено цѣпью желѣзныхъ дорогъ съ внутренними губерніями и Царствомъ Польскимъ и пользуется болѣе близкими соотношеніями какъ для сбыта, такъ и для покупки хлѣбовъ, особенно въ неурожайные годы. Въ послѣднемъ случаѣ, весьма важно то, что Литовскія губерніи ни въ какомъ случаѣ не могутъ испытывать тяжести голода, ибо если приняты своевременныя мѣры, недостатокъ хлѣба всегда можетъ быть пополненъ во́-время доставкою изъ южныхъ или внутреннихъ губерній или даже изъ заграницы, какъ уже это случилось въ Ковенской губерніи, тогда какъ въ прежнее время, напр. въ 1845 и 1846 годахъ, не смотря на самыя дѣятельныя мѣры, принятыя правительствомъ и дворянствомъ, доставка хлѣба сопряжена была съ большими затрудненіями, и въ ожиданіи ея многіе сотни, если не тысячи, погибли голодною смертью.

Ленъ составляетъ весьма прибыльную статью дохода въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ Виленской губерніи разведеніемъ льна занимаются преимущественно въ Виленскомъ, Свенцянскомъ, Лидскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ. Въ Гродненской губерніи разведеніе льна сильно распространено во всѣхъ почти уѣздахъ. Тоже самое въ Ковенской губерніи, особенно въ сѣверныхъ ея частяхъ, гдѣ ленъ отлично родится не только на глинистой почвѣ, но даже на песчаной, особенно на новыхъ вспашкахъ. Преимущественно же онъ славится въ уѣздахъ Поневежскомъ и Ново-Александровскомъ, гдѣ даже въ гербѣ уѣзда помѣщена бабка, или связка льна. Знаменитѣе всѣхъ ленъ Ракишскій въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ (имѣніе недавно умершаго графа Райнольда Константиновича Тизенгауза, нынѣ сестры его графини Пржездзецкой). Ракишскій ленъ пользуется даже извѣстностью заграницею. Въ торговлѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ *короны*. Не знаемъ, на сколько справедливо, но его считаютъ первымъ изъ всѣхъ сортовъ, добываемыхъ въ Россіи. Хотя выдѣлка льна сильно истощаетъ поля, но за то значительный доходъ, приносимый имъ, доставляетъ возможность удобренія земли. Главные пункты сбыта льна Рига, Либава, Мемель, Кенигсбергъ. Его отправляютъ по желѣзнымъ дорогамъ, а также по Нѣману и Западной Двинѣ.

Конопля разводится большею частью только для удовлетворенія домашнихъ потребностей, для выдѣлки канатовъ, веревокъ, возжей, постромокъ, неводовъ, сѣтей и т. п. Но есть мѣста, какъ напр. въ Виздахъ (Ковенской губерніи, Ново-Александровскаго уѣзда), гдѣ производится значительная торговля сѣтями и неводами, или же канатами, а равно въ мѣстахъ, гдѣ изъ коноплянаго сѣмени въ большихъ количествахъ выдѣлывается конопляное масло; тамъ и посѣвъ конопли бываетъ значителенъ.

Огородничество и садоводство не составляютъ особенно важныхъ статей промысла жителей, но развитіе ихъ всеобщее, весьма распространенное. Каждый крестьянинъ заботится объ огородѣ, доставляющемъ ему необходимую пищу, и нѣтъ господской усадьбы, въ которой бы не было, кромѣ огородовъ, хорошо устроеннаго фруктоваго сада. Въ болѣе зажиточныхъ усадьбахъ есть цвѣтники, теплицы и т. п. На всемъ протяженіи Полѣсья, во многихъ мѣстахъ, есть великолѣпные сады, славящіеся своими фруктами и овощами. Есть сады, занимающіе до двадцати и болѣе десятинъ пространства. Большая часть владѣльцевъ отлично содержатъ ихъ, имѣя въ виду главнѣйшимъ образомъ удобства и удовольствіе собственныхъ семействъ, мало заботясь объ извлеченіи матеріальныхъ выгодъ. Есть впрочемъ не мало садовъ, отдаваемыхъ въ арендное содержаніе Евреямъ, или старообрядцамъ за довольно значительныя суммы.

Весьма важную отрасль сельской промышленности составляетъ винокуреніе. Пивовареніе и медовареніе хотя и существуютъ, но относительно не въ большихъ размѣрахъ. Въ прежнее

время винокуреніе производилось въ значительномъ количествѣ. Вырабатывалось вина на сумму свыше трехъ милліоновъ рублей. Въ послѣдующіе годы, съ измѣненіемъ коренныхъ основъ хозяйственной системы, число винокуренныхъ заводовъ уменьшилось.

Лѣсъ съ древнѣйшихъ временъ и, надобно надѣяться, долгое еще время, составлялъ и будетъ составлять богатство края. Было время, и не очень отдаленное, когда казалась самая идея о возможности истощенія лѣсовъ въ Литовскомъ Полѣсьѣ немыслимой. Истощеніе это, однако, послѣдовало въ большихъ размѣрахъ, но въ будущемъ, при раціональномъ хозяйствѣ, литовскіе лѣса надолго еще сохранятъ неизмѣнный и постоянный источникъ значительнаго дохода. Въ настоящемъ же, или лучше сказать, въ послѣдніе двадцать лѣтъ, когда много лѣсныхъ дачъ перешло въ руки неопытныхъ, незнакомыхъ съ мѣстными условіями и притомъ безденежныхъ пришлыхъ людей, жадныхъ къ высасыванію немедленной и значительной выручки, лѣса въ весьма многихъ случаяхъ сдѣлались добычею эксплоататоровъ, преимущественно Евревъ, для которыхъ не было никакой цѣли щадить лѣсъ, или заботиться о его сохраненіи и будущемъ произрастаніи. Вотъ почему во многихъ мѣстахъ лѣса или совсѣмъ истреблены, или же почти на половину сохранились только молодыя деревья. Дешевые пріобрѣтатели имѣній заботились только о томъ, чтобы поскорѣе продать лѣсъ и выручить солидную сумму, предоставляя имѣніе на произволъ и хищничество арендаторовъ. При покупкахъ имѣній по добровольнымъ условіямъ съ лицами, которыя обязаны были въ опредѣленный срокъ продать имѣніе, было много случаевъ, что отъ продажи лѣса выручалась вся сполна сумма, заплаченная за имѣніе, да еще съ излишкомъ, а самое имѣніе доставалось даромъ. Нынѣ, при нормальномъ состояніи, конечно, такіе случаи уже невозможны.

Литовская деревня.

При нормальномъ состояніи количество продаваемаго лѣса и цѣны на оный зависятъ отъ многихъ случайностей. Прежде всего отъ требованій заграницу. Если есть значительныя требованія, цѣны подымаются; но этимъ пользуется не владѣлецъ, а промышленникъ, заблаговременно скупившій часть, или цѣлую лѣсную дачу и производящій рубку зимою. Въ концѣ зимы весь лѣсъ, предназначенный для сплава, доставляется на подводахъ къ рѣкѣ. Сплавъ по небольшимъ рѣчкамъ производится поодиночкѣ, затѣмъ уже на главныхъ рѣкахъ сколачивается въ плоты и идетъ далѣе къ портамъ. Обыкновенные лѣсные пути водою по Виліи въ Вильно и Ковно; по Нѣману и Западной Двинѣ—къ заграничнымъ портамъ. Главнымъ образомъ лѣсъ направляется къ Мемелю, Данцигу, Штетину. Торговля ограничивается рубкою строеваго лѣса и дровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жгутъ уголь, приготовляютъ деготь, смолу и скипидаръ. Приспособляютъ также обручи, клепку, деревянную посуду разнаго рода. Изъ Ковенской губерніи лѣсъ сплавляютъ большею частью въ Тильзитъ. Для сплава въ половодіе кромѣ Нѣмана способствуютъ здѣсь меньшія рѣки, какъ Свента, Невяжа, Шушва, Митва, Юра, Минія. Изъ казенныхъ лѣсовъ отправляется заграницу только строевой лѣсъ, бревнами, или обдѣланный въ брусья и дубовая клепка. Въ уѣздахъ Ново-Александровскомъ, Поневежскомъ, Ша-

вельскомъ и Тельшевскомъ, за неимѣніемъ сплавныхъ рѣкъ, лѣсная торговля весьма незначительна, такъ какъ сухимъ путемъ доставка весьма затруднительна и стоитъ дороже.

Крестьянская реформа не могла не вызвать нѣкоторыхъ колебаній и потрясеній въ сельско-хозяйственныхъ отношеніяхъ, особенно если принять въ соображеніе смуты, происходившія въ 1863 г., а потомъ карательныя послѣдствія оныхъ. При всемъ томъ экономическое положеніе края, собственно въ отношеніи крестьянъ, несомнѣнно лучше, нежели въ другихъ губерніяхъ, какъ потому, что здѣсь земельные надѣлы были значительнѣе, обложеніе да и участковое владѣніе землею относительно весьма слабое, такъ и потому, что самая система хозяйства и до реформы была совершенно иная и не вызывала слишкомъ рѣзкихъ потрясеній. Нельзя притомъ не замѣтить, что предъ самою реформою здѣсь совершился знаменательный фактъ, имѣвшій громадное вліяніе какъ на улучшеніе нравственности народа, такъ и матеріальнаго быта. Мы говоримъ о распространеніи трезвости. Оно началось сначала въ Ковенской губерніи въ 1858 г., благодаря энергическимъ дѣйствіямъ Жмудскаго епископа Воленчевскаго, котораго, въ 1860 г., покойный Государь, во время пребыванія въ Вильнѣ, лично благодарилъ за починъ въ столь благотворномъ дѣлѣ. Изъ Ковенской губерніи трезвость перешла въ Виленскую и отсюда въ Гродненскую. Воззванія къ народу, произносимыя въ костелахъ, дѣйствовали такъ сильно, произносимыя рѣчи были такъ убѣдительны, что народъ тутъ же записывался въ общество трезвости и приносилъ присягу не пить вина. Въ теченіи полугода въ одной Виленской губерніи 32,195 человѣкъ отказались отъ употребленія горячихъ напитковъ. Въ Ковенской губерніи было гораздо больше. Число это постоянно возрастало, пока печальныя событія 1863 года не пріостановили дальнѣйшаго хода благаго дѣла. Духовенство не могло уже дѣйствовать съ прежнею настойчивостью, ибо многіе изъ ревнивыхъ чиновниковъ самый фактъ распространенія трезвости провозгласили политическою пропагандою. Св. Правительствующій Синодъ не усматривалъ однако беззаконія въ этомъ дѣлѣ; напротивъ, благословилъ священнослужителей православнаго исповѣданія на поученіе народа къ воздержанію отъ пьянства, и православное духовенство во многихъ мѣстахъ дѣйствовало такъ, что напр. въ Вилейскомъ и Дисненскомъ уѣзд. Виленской губ., гдѣ населеніе въ большинствѣ православнаго исповѣданія, еще въ 1859 году насчитывалось болѣе 50 т. душъ, давшихъ обѣтъ воздержанія отъ вина.

Бирштаны.

Въ послѣдующіе годы братства трезвости рушились, и воспрещена самая проповѣдь объ нихъ, но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, что хотя и кратковременное существованіе ихъ не принесло обильныхъ плодовъ. Слѣды ихъ замѣтны еще во многихъ мѣстахъ и до сихъ поръ: нѣкоторые жители, давъ обѣтъ не пить вина слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, исполняютъ его и по сіе время. Во многихъ мѣстахъ, въ то время, съ 1858—1863 г., нравственныя начала, бережливость возросли и укрѣпились въ народѣ. Это были зачатки будущаго преуспѣянія, которое, хотя и не вездѣ, постепенно развивается и служитъ залогомъ будущаго благоденствія народа.

Крестьянская реформа и послѣдовавшій за нею кризисъ 1863 и послѣдующихъ годовъ не могли во многомъ не измѣнить положенія страны. По отношенію къ крупнымъ землевладѣль-

цамъ переворотъ имѣлъ весьма тяжелыя послѣдствія. Многія помѣщичьи имѣнія были совершенно разорены; перешедшія въ другія руки по принужденію подверглись, какъ уже мы замѣтили, эксплоатаціи Евреевъ истребленіемъ лѣсовъ, земледѣліе же осталось въ совершенномъ застоѣ. Многія имѣнія представляли страшную картину запустѣнія и разоренія. Одно сожжено, другое истреблено. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ не оставалось во владѣльческой экономіи ни одной лошади, ни одной штуки скота. И не смотря на все это, не смотря на то, что землевладѣльцы края и до сихъ поръ остаются подъ гнетами разныхъ ограниченій и стѣсненій, препятствующихъ повсемѣстному развитію и усовершенствованіямъ, экономическое положеніе края, не въ отношеніи однихъ только крестьянъ, но и вообще съ каждымъ годомъ улучшается.

Экономисты, хорошо знакомые съ краемъ, увѣряютъ даже, что настоящее положеніе Сѣверо-Западныхъ губерній несравненно лучше, нормальнѣе, нежели въ нѣкоторыхъ Великорусскихъ губерніяхъ. Эту нормальность, это свободное, постепенное развитіе хозяйства и весьма замѣтное улучшеніе нравственнаго и матеріальнаго быта крестьянъ, объясняютъ тѣмъ, что въ Литовскихъ губерніяхъ до крестьянской реформы не душа играла главную роль, но земля; потому что здѣсь и прежде одно земледѣліе лежало въ основаніи хозяйственной системы, и владѣльцы имѣній менѣе всего разсчитывали на доходъ съ души. Здѣсь, изъ крѣпостнаго сословія почти не было мастеровыхъ, совсѣмъ почти не было торговцевъ, купцовъ и т. п., дорого платившихъ за дозволеніе отлучекъ и заработковъ внѣ осѣдлости. Поэтому земледѣліе хотя въ системѣ своей и было потрясено, но вслѣдъ за тѣмъ, мало-по-малу, стало приходить въ нормальное состояніе. Потребовалось только иное примѣненіе, сопряженное съ заботою объ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ, въ сущности же, главный источникъ дохода и главный родъ занятій остались безъ измѣненія.

Улучшеніе благосостоянія крестьянъ весьма замѣтно. Да оно иначе и быть не можетъ. Прежде крестьянинъ собиралъ жатву, когда у помѣщика овины уже были полны,—теперь часто, наоборотъ, помѣщикъ долженъ ожидать, пока крестьяне все свое соберутъ съ поля. Улучшеніе крестьянскаго быта доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что основанные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ послѣднее время частные уѣздные банки съ незначительными капиталами, въ нѣсколько лѣтъ, преимущественно изъ крестьянскихъ вкладовъ, достигли сотней тысячъ оборотнаго капитала. Примѣромъ могутъ служить напр. отчеты Шеметовскаго ссудо-сберегательнаго товарищества въ Свѣнцянскомъ уѣздѣ, открытаго 18 января 1877 года съ незначительными вкладами и достигшаго уже въ 1878 году оборота въ 200,862 р. 79 к., причемъ пайщики получили прибыли на каждый паевый рубль по 10⁸/₁₀ коп.

Что касается способовъ обработки земли, то хотя крестьяне и держатся еще большею частью прежней системы, мало заботясь объ улучшеніяхъ, но есть и такіе, которые уже завели у себя по деревнямъ молотилки, очищаютъ свои пахатныя поля, старательно удобряютъ ихъ, сѣютъ клеверъ и охотно подражаютъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Надобно замѣтить, что въ крестьянахъ весьма сильно развивается страсть къ землевладѣнію. Раздѣлы земли въ семействѣ, даже при жизни отца—нерѣдки. Ежели одинъ изъ сыновей женится, ему отдѣляютъ часть земли, и онъ строитъ хату. Понятно, что этимъ раздробленіемъ земли наносится много вреда благосостоянію семьи, но оно сдѣлалось ужь неизбѣжнымъ и неотвратимымъ.

Нынѣ уже сами крестьяне убѣждаются, какъ вредно для веденія правильнаго хозяйства и своевременныхъ работъ, особенно лѣтомъ—множество праздниковъ. Празднуютъ не только православные праздники, но и многіе католическіе, особенно которые соединены съ храмовыми праздниками, съ хожденіемъ къ чудотворнымъ иконамъ. Этого мало. Народъ съ такимъ же усердіемъ относится къ укоренившимся съ древнѣйшихъ временъ языческимъ празднованіямъ. Есть дни, въ которые работа воспрещается во избѣжаніе града, зноя, громовыхъ ударовъ и т. п. Народъ въ такіе дни ничего не дѣлаетъ, и весь день проводитъ въ корчмѣ.

Ежели вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, и особенно во время смутъ 1863 и 1864 годовъ,

отношенія между крестьянами и помѣщиками были натянуты и во многихъ случаяхъ непріязненны, то вслѣдъ затѣмъ, при болѣе нормальномъ состояніи, они стали видимо улучшаться. Скоро поняты были взаимные интересы, необходимость обоюднаго воспособленія; понемногу, хотя и медленно, стало водворяться довѣріе, такъ что въ настоящее время отношенія эти гораздо лучше. Могутъ быть и конечно есть исключенія, но только исключенія. Вѣрно то, что настоящія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ болѣе патріархальны, болѣе искренни, чѣмъ были во время крѣпостнаго права. Въ то печальное время, ежели владѣлецъ и помогалъ крестьянину, платилъ за него подати, снабжалъ хлѣбомъ въ неурожайные годы, давалъ лошадь или скотину, то крестьянинъ не считалъ это одолженіемъ, милостью со стороны помѣщика, хорошо понимая, что онъ дѣлаетъ это ради собственныхъ выгодъ, чтобъ не лишиться рабочихъ рукъ. Теперь положеніе измѣнилось: крестьяне стали независимы; но несчастные случаи и крайнія нужды бываютъ также часты, какъ и прежде. Крестьянинъ по прежнему обращается къ помѣщику, получаетъ помощь, конечно не даромъ, а за отработку, но принимаетъ ее уже, какъ истинное одолженіе, къ которому непосредственно помѣщикъ не былъ обязанъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы взгляды и въ настоящее время совсѣмъ измѣнились: случается и такъ, что крестьянинъ, принимая оказанное ему добро, полагаетъ, что онъ самъ этимъ дѣлаетъ одолженіе. Вотъ напр. достовѣрный случай. Въ одномъ господскомъ дворѣ, владѣлица страстно предавалась леченью гомеопатіею и завела цѣлую аптеку; устроена была особая изба, снабженная всѣмъ необходимымъ для пользованія. Дочери владѣлицы съ любовью занимались этимъ дѣломъ и заботились о больныхъ. Крестьяне ежедневно приходили, жалуясь на то или другое, и получали лекарства. Однажды является сильно расхворавшійся крестьянинъ; онъ былъ такъ слабъ, и болѣзнь была до того серьезна, что владѣлица оставила его у себя. Ему дали помѣщеніе со всѣми удобствами, гдѣ онъ пролежалъ шесть недѣль и наконецъ совершенно выздоровѣлъ. Собравшись домой, онъ явился поблагодарить владѣлицу и въ заключеніе прибавилъ: «вотъ я и пролежалъ у васъ шесть недѣль, ничего не дѣлая, а надо строить новую избенку, такъ ужь вы за это лѣсу бы мнѣ пожаловали».— Не иронія-ли это?

Трудно съ увѣренностью сказать, улучшается ли нравственность крестьянъ. Конечно, это зависитъ отъ мѣстности и вліянія духовенства. Въ Ковенской губерніи, гдѣ почти сплошное населеніе римско-католическаго исповѣданія, вліяніе духовенства очень сильно и весьма благотворно. Тамъ и въ числѣ духовенства много лицъ изъ крестьянскаго сословія, хорошо знающихъ его бытъ, характеръ, нравы и обычаи. Въ Виленской же и Гродненской, вслѣдствіе политическихъ причинъ, многіе изъ прежнихъ приходскихъ священниковъ удалены, а на ихъ мѣста назначены, большею частью по выбору административныхъ свѣтскихъ властей, люди недостойные, несознающіе своего долга и высокаго призванія. Народъ не довѣряетъ имъ и видитъ въ нихъ только чиновниковъ, въ родѣ пристава или окружнаго начальника. Понятно, что мы не имѣемъ въ виду всего духовенства, какъ православнаго, такъ и католическаго, но указываемъ только на исключенія, къ сожалѣнію весьма нерѣдкія.

Люди, хорошо знакомые съ мѣстными условіями, увѣряютъ насъ, что безнравственность въ особенности весьма замѣтна въ молодомъ поколѣніи, и что, къ сожалѣнію, старики сами сознаютъ это, но пособить не могутъ. Неуваженіе къ чужой собственности, особенно конокрадство, похищенія хлѣба не только съ полей, но даже изъ овиновъ—весьма часты. Извѣстная страсть шляхты къ тяжбамъ переходитъ и къ крестьянамъ.—Тяжбы ведутся не только съ помѣщиками, но и между собою и нерѣдко совсѣмъ разоряютъ крестьянъ.

Въ тоже время утѣшительно сознаніе въ крестьянахъ необходимости ученія. Для этого, не довольствуясь народными школами, по ихъ взглядамъ не всегда удовлетворительными, крестьяне нанимаютъ особыхъ учителей, и тѣ по очереди избираютъ хаты, въ которыя собираются для ученія крестьянскія дѣти.

Наконецъ, нельзя еще не замѣтить, что немногіе изъ мировыхъ посредниковъ нравственно

вліяютъ на крестьянъ и пользуются ихъ уваженіемъ, многіе же изъ нихъ едва разъ въ годъ заглянутъ въ волостное правленіе. Къ такимъ посредникамъ крестьяне почти никогда и не обращаются съ своими нуждами.

Между крестьянами и волостными старшинами не всегда бываютъ лады, особенно ежели старшина крутъ и взяточникъ. Писаря и здѣсь, какъ и вездѣ, играютъ важную роль, особенно если старшина неграмотный. На писарей больше жалуются, чѣмъ на старшинъ и ненавидятъ ихъ. Исключенія очень рѣдки.

Случаи тѣлеснаго наказанія весьма рѣдки и составляютъ злоупотребленіе со стороны старшины. Волостные суды, обязанные въ такихъ случаяхъ составлять приговоръ, избѣгаютъ этой мѣры, потому что такой приговоръ требуетъ утвержденія мироваго съѣзда, а послѣдній почти всегда въ этомъ отказываетъ. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, крестьяне за свои проступки подвергаются главнѣйшимъ образомъ только издержкамъ, т. е. подчиванію старшины и взяткамъ, которыя даютъ старшинамъ и писарямъ. Воровство и особенно конокрадство, значительно увеличившееся противъ прежняго, необуздываемое въ надлежащей мѣрѣ мѣстнымъ самоуправленіемъ и не всегда строго преслѣдуемое со стороны полиціи или мировыхъ судей, порождаетъ крестьянскій самосудъ, послѣдствіемъ котораго бываютъ самыя жестокія наказанія, или и самая смерть. Убить вора крестьянинъ не считаетъ ни грѣхомъ, ни преступленіемъ. Не можемъ не замѣтить, что и власти смотрятъ на это, какъ на неизбѣжное зло, какъ на *malum necessarium*.

Впрочемъ, за послѣдніе двадцать лѣтъ, со времени освобожденія крестьянъ, въ народѣ постоянно вырабатывается сознаніе собственнаго достоинства, во многихъ случаяхъ проявляется удивительная твердость и, въ случаѣ нужды, общая солидарность, къ сожалѣнію, сопровождаемая страшною жестокостью. Были случаи, когда виновнаго, совершившаго преступленіе съ согласія всей волости, ни за что не выдавали. Намъ извѣстенъ слѣдующій достовѣрный случай. Конокрады, какъ и вездѣ, страшнѣйшіе враги крестьянъ, и они ихъ преслѣдуютъ всѣми силами. Въ одной большой и зажиточной деревнѣ завелся ловкій конокрадъ. Ужь его и колотили, и въ тюрьму сажали—ничего не помогаетъ—онъ все свое. Вотъ однажды спровадилъ онъ знакомому Еврею нѣсколько лошадей. Улики были вѣрныя. Крестьяне потеряли терпѣніе и рѣшились избавиться отъ него разъ навсегда. Какимъ образомъ?—Повѣсить его, рѣшилъ сходъ. Въ туже ночь онъ уже висѣлъ. Старшина и писарь, конечно, улетучились. Будто-бы ничего не знали и ничего ни видѣли. Началось слѣдствіе. Допросили всѣхъ по одиночкѣ, мужчинъ и бабъ. «Ты видѣлъ какъ его повѣсили?»—Нѣтъ, я пришелъ, когда онъ уже висѣлъ.—«Такъ кто же его повѣсилъ?»—Не знаю!—И такъ всѣ до одного. Всѣ видѣли повѣшеннаго, но никто не видалъ когда и кто вѣшалъ.

Въ торгово-промышленномъ отношеніи, Литовское полѣсье, какъ край чисто земледѣльческій, немного представляетъ данныхъ, кои бы доказывали особенную дѣятельность по этой части, или даже заботу о расширеніи круга этой дѣятельности. Главные предметы сбыта, какъ уже мы указали, хлѣбъ, лѣсъ, ленъ, нѣкоторыя издѣлія изъ лѣса, льняное сѣмя. Вотъ почти все.

Мы видимъ, что пути сообщенія, какъ водяные, такъ и сухопутные, близость моря, географическое положеніе страны какъ пограничной съ Пруссіей, Курляндіею и Царствомъ Польскимъ, весьма благопріятны для развитія какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли. Тѣмъ не менѣе промышленная дѣятельность края довольно ограниченная, и несомнѣнно то, что земледѣліе и лѣсные промыслы долго еще будутъ составлять главный источникъ дохода, занимая первенствующее мѣсто въ этой дѣятельности.

Оптовая и розничная торговля, комиссіонерство и посредничество при сбытѣ произведеній и товаровъ заграницу, содержаніе лавокъ, магазиновъ, погребовъ и т. п. преимущественно въ рукахъ Евреевъ. Только въ послѣднее время немногіе изъ дворянъ стали заниматься торговлею.

Соединеніе Виліи съ Нѣманомъ.

Кустарная промышленность среди крестьянъ и мѣщанъ мало развита. Есть, впрочемъ, мѣстности, гдѣ почвенныя условія представляютъ возможность заработка. Такъ, напр., въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, въ окрестностяхъ Мереча, Олькеникъ, Оранъ и др., въ лѣсахъ, по теченію Нѣмана, на песчаномъ грунтѣ, цѣлое царство превосходныхъ грибовъ, собираемыхъ въ большомъ количествѣ; ихъ сушатъ съ особеннымъ умѣньемъ и потомъ продаютъ Евреямъ и даже нарочно за этимъ пріѣзжающимъ торговцамъ изъ сосѣднихъ губерній. Кустарная промышленность болѣе развита въ мѣстечкахъ и въ нѣкоторыхъ мелкихъ городахъ. Въ Сморгоняхъ, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи, едва ли не все мѣщанское женское населеніе занято печеніемъ маленькихъ бубликовъ или крендельковъ, пользующихся большою извѣстностью подъ названіемъ *Smorgońskich obwarzanków*. Каждый проѣзжій непремѣнно купитъ нѣсколько связокъ этихъ бубликовъ; кромѣ того, ихъ развозятъ въ Вильно и другіе города. Въ Трокахъ караимы заняты ловлею превосходной селявы въ мѣстныхъ озерахъ, которую продаютъ въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ. Они же ведутъ большую торговлю огурцами, которые, наравнѣ съ селявою, славятся въ цѣломъ краѣ. Въ Бутриманцахъ, въ Трокскомъ уѣздѣ, пекутъ пряники съ медомъ и орѣхами и продаютъ ихъ во множествѣ. Жители мѣстечка Ольшанъ, въ Ошмянскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, изъ шерсти вяжутъ чулки, носки, рукавицы, косынки и т. п. Въ томъ же уѣздѣ, въ м. Городкѣ жители ведутъ значительную торговлю піявками и продаютъ ихъ десятками тысячъ въ Виленской и сосѣднихъ губерніяхъ. Въ Гродненской губерніи, въ Бѣльскомъ уѣздѣ, много крестьянъ занято выдѣлкою ободьевъ, дугъ, дѣланіемъ саней и т. п. Въ Слонимѣ Татары разводятъ въ большомъ количествѣ превосходный лукъ, отличающійся вкусомъ и величиною. Многіе крестьяне промышляютъ лыкомъ, сдираемымъ съ молодыхъ липокъ. Нѣкоторые владѣльцы сами дозволяютъ эту сдирку, получая за тысячу содранныхъ лыкъ по рублю сер. Рыболовствомъ крестьяне мало занимаются: оно въ рукахъ старообрядцевъ и Евреевъ.

Не только въ торговомъ, но даже въ мануфактурно-промышленномъ отношеніи Литва, въ XVI столѣтіи, представляла болѣе данныхъ для своего развитія, нежели въ настоящее время. Мы знаемъ уже изъ прежнихъ очерковъ, что Литовцы вели весьма значительную торговлю еще въ то отдаленное время, когда почти вся ея площадь была покрыта лѣсомъ и земледѣліе было только въ зачаткѣ. Мы знаемъ, что Ганзейскіе города, а также Кіевъ, Великій Новгородъ, Полоцкъ, Псковъ были въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Литвою. Въ Вильнѣ уже въ XIV столѣтіи славился русскій гостиный дворъ. Янтарь, сельди, сушеная рыба, пушной товаръ, медъ, воскъ шли изъ Литвы въ самыя отдаленныя страны. Иностранный гость считался лицомъ неприкосновеннымъ и всѣми почитаемымъ. Затѣмъ переселенные Гедиминомъ Нѣмцы знакомили Литовцевъ съ различными отраслями промышленности. Въ XVI столѣтіи видимъ уже въ Вильнѣ и въ другихъ городахъ разныя фабрики и заводы. Особенно замѣчательна была фабрика, хлопчато-бумажныхъ издѣлій, основанная знаменитымъ виленскимъ городничимъ Гозіусомъ въ 1522 году; въ 1547 г. Пилецкій основалъ стеклянный заводъ въ большихъ размѣрахъ. Многіе предметы, выдѣлываемые въ Вильнѣ, славились повсюду. И теперь еще можно видѣть столовые (лежачіе) часы, виленской работы XVI столѣтія, въ нѣкоторыхъ публичныхъ музеяхъ (въ Краковѣ въ двухъ экземплярахъ), удивляющіе своею превосходною отдѣлкою. Разные священные сосуды и другія издѣлія изъ серебра и золота, какіе хранились въ соборныхъ ризницахъ, сдѣланные въ Вильнѣ, несомнѣнно доказываютъ высокую степень развитія ювелирнаго искусства еще въ XVI столѣтіи. Въ XVII столѣтіи, во время религіозной борьбы, неурядицы, охватившей весь край, войны, частые пожары, повальныя болѣзни и голодъ не давали уже никакой возможности развитію искусства, а также мануфактурной и торговой промышленности. Но зато въ непродолжительные мирные промежутки возрастало земледѣліе. Собственно едва въ XV столѣтіи началась очистка лѣсовъ подъ пашни въ болѣе широкихъ размѣрахъ, а въ XVI и особенно въ XVII — край уже былъ вполнѣ земледѣльческій.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія произошелъ неожиданный переломъ въ мануфактурномъ

отношеніи. Извѣстна плодотворная дѣятельность геніальнаго литовскаго министра финансовъ и государственныхъ имуществъ (вел. подскарбія), графа Антонія Тизенгауза, основателя многихъ фабрикъ и заводовъ въ Гроднѣ, въ Шавляхъ и другихъ мѣстахъ. Частныя лица, какъ Сапѣги, Огинскіе и др., также основывали разныя фабрики. Извѣстна бумажная фабрика виленскаго епископа Бржоставскаго подъ конецъ XVII столѣтія.

Все это рушилось въ смутное время разгрома, революцій, войны 1812 года. Основателями мануфактурной дѣятельности въ краѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи, по справедливости, считаются Войцѣхъ Пусловскій и Александръ Скирмунтъ. Оба они отличались смѣлою предпріимчивостью, трудолюбіемъ и знаніемъ дѣла. Пусловскій основалъ нѣсколько фабрикъ и заводовъ. Его писчебумажная фабрика въ Кучкуришкахъ, близъ Вильно, и нынѣ пользуется извѣстностью. Скирмунтъ еще въ 1830 году основалъ сахарный заводъ въ имѣніи своемъ Молодовѣ, въ Кобринскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи. Потомъ онъ перенесъ свою дѣятельность въ Пинскій край, и ему собственно принадлежитъ заслуга, что въ этой полудикой, болотистой странѣ заведены фабрики земледѣльческихъ орудій и суконныя, свеклосахарный заводъ, фабрика мыла и др. Свеклосахарный заводъ и суконная фабрика въ его имѣніи Порѣчьѣ считаются лучшими въ краѣ. Въ настоящее время замѣчательнѣе всѣхъ въ мануфактурно-промышленномъ отношеніи Гродненская губернія, и преимущественно городъ Бѣлостокъ и Бѣлостокскій уѣздъ. Суконныя фабрики въ Бѣлостокѣ, въ Супрасли, Михаловѣ, Добржиневѣ и др. пользуются большою извѣстностью. Въ 1874 году однѣхъ суконныхъ фабрикъ считалось 145, и на нихъ вырабатывалось суконъ и трико на сумму до пяти милліоновъ рублей. Произведенія эти не уступаютъ лучшимъ иностраннымъ издѣліямъ этого рода. Во всѣхъ трехъ губерніяхъ существуютъ заводы кирпичные, гончарные, кожевеные, бумаго-прядильные, бумаго-ткацкіе, свѣчные, мыловареные, стекляные и др.; но кругъ дѣятельности ихъ невеликъ.

Въ Виленской губерніи, кромѣ упомянутой нами писчебумажной фабрики Пусловскаго въ Кучкуришкахъ, пользуются извѣстностью такая же бумажная фабрика въ Новыхъ Веркахъ, близъ Вильно, чугунно-литейный заводъ въ Вишневѣ, въ Ошмянскомъ уѣздѣ, графа Хрептовича, и желѣзный заводъ въ Налибокахъ — князя Витгенштейна. Желѣзная руда имѣется въ достаточномъ количествѣ въ самомъ имѣніи; но въ Вишневъ она доставляется изъ другаго имѣнія графа Хрептовича, изъ Щорсъ, въ Новогрудскомъ уѣздѣ. Есть еще пять табачныхъ фабрикъ, съ довольно значительнымъ оборотомъ; заводъ искусственныхъ минеральныхъ водъ и др. При газовомъ заводѣ въ Вильнѣ существуетъ машино-строительное и чугуно-литейное заведеніе.

Ковенская губернія бѣднѣе прочихъ въ мануфактурномъ отношеніи. Въ Ковнѣ, впрочемъ, есть довольно значительная табачная фабрика. Въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ, въ Минчахъ Пусловскаго находится мѣдно-ковательный заводъ, на которомъ выдѣлываютъ котлы, кастрюли и разную мѣдную посуду.

А. К. Кирноръ.

Литовская соха.

ОЧЕРКЪ XI.

ЛИТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ ВЪ ЕЯ СОВРЕМЕННОМЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ.

Что мы разумѣемъ подъ Литовскою областью. — Географическое ея положеніе, физическія и климатическія условія, этнографическія особенности. — Пространство и населеніе области и его распредѣленіе. — Типическая Литовская и нѣсколько уклоняющаяся отъ ея типа Бѣловѣжская мѣстности. — Составъ населенія области по народностямъ и религіямъ; пропорція городскаго населенія. — Размѣщеніе населенія области. — Быстрый приростъ его въ послѣднее 20-тилѣтіе и причины такого прироста. — Распредѣленіе поземельной собственности. — Главныя занятія жителей: хлѣбопашество, скотоводство и другія сельскія занятія. — Лѣсные промыслы и охота не составляютъ значительныхъ народныхъ промысловъ. — Малое развитіе кустарныхъ промысловъ. — Фабричная промышленность. — Торговля и важные торговые и транзитные пути и движеніе по нимъ. — Зависимость историческихъ судебъ Литовской области отъ ея географическаго положенія, физическихъ условій страны и этнографическаго состава ея населенія. — Реформа 19 февраля 1861 года и ея послѣдствія для населенія Литовской области. — Нынѣшнія отношенія между составными ея этнографическими элементами. — Куда можетъ быть нынѣ направлено тяготѣніе Литовской области?

Проѣхавъ по Варшавской желѣзной дорогѣ изъ Петербурга раннею весною, — въ то время когда наша величественная Нева еще покрыта густыми массами ладожскаго льда, а роскошная столица окутана туманами и засыпана хлопьями скоро-тающаго снѣга, — вы прощаетесь, при закатѣ вечерняго солнца, съ холодною, болотистою равниною Озерной области, въ то время года, когда почки лиственныхъ деревьевъ едва начинаютъ обнаруживать здѣсь свою блѣдную зелень.

На другое утро, въ двухъ-трехъ станціяхъ за Двиною, лучи восходящаго солнца освѣщаютъ вамъ совершенно другіе ландшафты, блестящіе своимъ свѣжимъ весеннимъ, роскошнымъ убранствомъ. Между холмами, поросшими самою разнообразною зеленью смѣшаннаго, отчасти лиственнаго, отчасти хвойнаго и часто вѣковаго лѣса, перемежающимися съ свѣтло-зелеными коврами полей, блестятъ зеркальныя поверхности небольшихъ озеръ, а тамъ, между кряжами лѣсистыхъ возвышенностей, извивается привлекательная, поэтическая долина, въ которой между луговыми коврами, состоящими изъ неподражаемой мозаики сочной свѣжей зелени и разнообразныхъ весеннихъ цвѣтовъ, струится рѣка Вилія. И въ то время, когда вы еще не успѣли налюбоваться красотою здѣшнихъ привлекательныхъ ландшафтовъ, надышаться свѣжимъ ароматнымъ воздухомъ расцвѣтшей на глазахъ вашихъ весны, — виднѣются уже башни, шпицы, купола и крыши красиво растянутаго и разбросаннаго вдоль долины Виліи города, котораго наиболѣе оригинальныя зданія обнаруживаютъ его маститую древность и говорятъ вамъ объ историческомъ прошломъ этой страны. Современная фея, которую физики называютъ силою пара, перенесла васъ въ короткое время вашего ночнаго отдыха въ самый центръ той естественной и культурно-исторической области, которую мы называемъ *Литовскою.*

Подъ *Литовскою областью* разумѣемъ мы три губерніи Европейской Россіи: Виленскую, Ковенскую и Гродненскую, поставленныя отчасти самою природою, но еще болѣе этнографическимъ составомъ своего населенія, историческимъ ходомъ его развитія и современнымъ его экономическимъ положеніемъ въ нѣсколько иныя условія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находится населеніе сосѣднихъ съ нею областей Европейской Россіи.

Литовская область расположена на западной окраинѣ Европейской Россіи, между Балтійскою областью—на сѣверѣ, Бѣлорусскою—на востокѣ, Малороссійскою—на югѣ, Царствомъ Польскимъ и прусскою границею—на западѣ. Къ Балтійскому морю, въ сѣверо-западномъ углу своемъ, Литовская область подходитъ очень близко и не примыкаетъ къ нему только потому, что Пруссія, выходя здѣсь на правую сторону Нѣмана узкою полосою, протягивается на встрѣчу такой же узкой полосѣ, которою простирается къ ней Курляндія. Литовская область лежитъ главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. Нѣмана, но на сѣверѣ переходитъ въ бассейны Западной Двины и меньшихъ притоковъ Балтійскаго моря, а на югѣ—въ бассейнъ Вислы или, лучше сказать, ея притока Западнаго Буга и даже, конечно въ очень малой степени,—въ бассейнъ Днѣпра. Всѣ три водные пути, связывающіе верхнюю часть обширнаго Днѣпровскаго бассейна съ Балтійскимъ, проходятъ хотя отчасти черезъ Литовскую область—средній изъ нихъ, Огинскій, какъ разъ пересѣкаетъ область посрединѣ на большомъ протяженіи, южный путь, Днѣпровско-Бугскій, пересѣкаетъ южную оконечность области, наконецъ сѣверный путь, проходящій до Западной Двины внѣ предѣловъ области, прикасается къ сѣверовосточному углу ея теченіемъ этой рѣки. Вмѣстѣ съ тѣмъ область пересѣчена почти по всей длинѣ своей Петербургско-Варшавскою желѣзною дорогою, отъ которой, у Бѣлостока, отдѣляется вѣтвь, ведущая на Брестъ къ Кіеву и Одессѣ, а поперекъ или нѣсколько діагонально отъ юго-востока къ сѣверо-западу—Роменско-Либавскою дорогою, а отъ сѣверо-востока къ юго-западу—Московско-Брестско-Варшавскою. Пересѣченіе всѣхъ этихъ путей даетъ области выгодное транзитное положеніе между Малороссійскою и Бѣлорусскою областями съ одной стороны, Балтійскимъ моремъ, Пруссіею и Царствомъ Польскимъ — съ другой.

Физическія и климатическія условія области представляются весьма благопріятными. Волнистая и отчасти холмистая поверхность равнины прекрасно орошена; въ широкой полосѣ, между Западною Двиною и Нѣманомъ, богата озерами; мѣстами, какъ, напримѣръ, въ южной части своей, болотиста; а повсемѣстно обилуетъ текучими водами и лѣсною растительностью, покрывающею не менѣе четверти пространства области, что и придаетъ ей еще характеръ *полѣсья*, хотя сравнительно хорошо заселеннаго и обработаннаго.

Климатическія условія области, особливо по сравненію съ другими областями Россіи, представляются весьма благопріятными. Средняя годовая температура области между 6 и 8° Ц., т. е. такая же, какая, съ одной стороны, въ самой южной Швеціи, Даніи и сѣверо-восточной Пруссіи, съ другой—въ Малороссіи, Царицынѣ и Сарептѣ на Волгѣ, Казалинскѣ на Сыръ-Дарьѣ, въ сѣверной Кореѣ и сѣверной Японіи. По отношенію къ средней температурѣ холоднѣйшаго мѣсяца (января), колеблющейся между —4 до —6° Ц., Литовская область находится въ одинаковыхъ условіяхъ съ Христіаніей, Упсалою, Ригою, Екатеринославскою губерніею, Хивою и Пекиномъ; по отношенію къ средней температурѣ теплѣйшаго мѣсяца (іюля), отъ +17 до 19° Ц.,—въ одинаковыхъ условіяхъ съ Англіею, Бельгіею, Бранденбургіею—на западѣ, Вологдою, Чердынью, и устьемъ Амура—на востокѣ.

Главная особенность Литовской области заключается въ этнографическомъ составѣ ея населенія, въ которомъ Литовское племя составляетъ почти половину, другая же половина—распредѣляется между Русскими (преимущественно Бѣлоруссами), Поляками и Евреями, причемъ, вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій Литовской области, высшее—дворянское, землевладѣльческое сословіе состоитъ почти исключительно изъ Поляковъ или совершенно ополячившихся Литовцевъ, а торговый классъ преимущественно изъ Евреевъ, между тѣмъ какъ преоб-

ладающіе своею численностью Литовцы и Бѣлоруссы являются сельскимъ, почти исключительно земледѣльческимъ населеніемъ, Великороссіяне же состоятъ изъ образующихъ небольшое число крупныхъ и цвѣтущихъ селеній переселенцевъ-старовѣровъ и изъ чиновниковъ въ городахъ области.

По обширности своей Литовская область — одна изъ меньшихъ естественныхъ и культурно-историческихъ областей, на которыя мы подраздѣлили Европейскую Россію. Она занимаетъ пространство менѣе 2,200 кв. геогр. м., а именно: 106 тыс. кв. верстъ, т. е. почти въ десять разъ меньше области Крайняго сѣвера или Бѣломорской, втрое меньше областей Финляндской и Озерной и почти равняется нынѣшнему Румынскому королевству. Зато изъ пространства этого до 39% занято пахатными землями, такъ что площади, занятыя культурою, въ Литовской области несравненно обширнѣе, чѣмъ въ областяхъ Озерной, а тѣмъ болѣе въ Финляндской и Бѣломорской, — что въ большой мѣрѣ возвышаетъ значеніе Литовской области между областями Европейской Россіи.

Населеніе Литовской области простирается до 3½ милліоновъ жителей, т. е. въ три раза болѣе населенія области Бѣломорской, въ полтора — Финляндіи, на ⅙ — Балтійской и почти равно числу жителей области Озерной, населеніе которой достигаетъ такихъ размѣровъ только благодаря многолюдности, находящейся въ ея предѣлахъ, столицы.

Что же касается плотности населенія Литовской области, то она оставляетъ за собою далеко всѣ области, разсмотрѣнныя въ предъидущихъ томахъ «Живописной Россіи». Такъ, въ Бѣломорской области, на квадратную версту ея необъятнаго пространства приходится только 1½ человѣка, въ Финляндской — 6, въ Озерной — 10, а въ сосѣднихъ съ Литовскою: Бѣлорусской — 20 и Балтійской — 24; между тѣмъ какъ въ Литовской области приходится 33 жит. на кв. версту. Эта плотность населенія даже нѣсколько выше чѣмъ въ Московской промышленной области (въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ мы ее очерчиваемъ) и уступаетъ только плотности населенія въ густо населенныхъ и болѣе плодородныхъ областяхъ Европейской Россіи—Центральной земледѣльческой, Малороссійской по обѣ стороны Днѣпра и Царствѣ Польскомъ.

Народонаселеніе области распредѣлено съ достаточною равномѣрностью по не слишкомъ обширной поверхности области. Единственное исключеніе составляютъ три уѣзда, образующіе меньшую, юго-восточную половину Гродненской губерніи, а именно, уѣзды: Слонимскій, Пружанскій и Кобринскій, болѣе обилующіе болотами и лѣсами, чѣмъ остальныя части Литвы, вслѣдствіе чего и плотность населенія этой мѣстности (которую мы, въ отличіе отъ типической Литовской, назовемъ *Бѣловѣжскою*, по имени служащей передовымъ ея форпостомъ на западѣ знаменитой Бѣловѣжской пущи), и пропорція пахатныхъ земель гораздо менѣе значительна, чѣмъ въ типической Литовской. А именно: Бѣловѣжская мѣстность, занимающая не много болѣе 310 кв. г. м. или 14,600 квадр. вер. съ 340 т. жител., имѣетъ только 24 человѣка на квадр. версту, т. е. такую же плотность какъ типическая мѣстность сосѣдней Бѣлорусской области, съ которою она имѣетъ сходство и по пропорціи пахатныхъ земель (32%), несравненно меньшей, чѣмъ въ типической Литовской мѣстности, гдѣ пропорція пашень достигаетъ до 41%. Въ то же время Бѣловежская мѣстность, и болѣе богата лѣсами, чѣмъ типическая Литовская, такъ какъ въ первой лѣса составляютъ 34%, а во второй — только 24%.

Нельзя не признать, что Литовская область, также какъ расположенныя вдоль западной окраины Россіи — Финляндская, Балтійская и Царство Польское, по этнографическому составу своего населенія, представляются для Европейской Россіи инородческими областями. И дѣйствительно, около половины населенія Литовской области, а именно, 46% составляютъ отрасли Литовскаго племени: собственно Литовцы, Жмудь и отчасти Латыши. На Русское племя, состоящее преимущественно изъ Бѣлоруссовъ и только отчасти Малороссіянъ (въ южной части Гродненской губерніи) и Великоруссовъ, приходится въ совокупности 35%, на Поляковъ, обитающихъ сплошными массами только въ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ Царству Польскому уѣздахъ Гродненской губерніи, и, кромѣ того, разбросанныхъ повсемѣстно во владѣльческихъ

усадьбахъ, шляхетскихъ околицахъ и городахъ, 8%; на Евреевъ, преимущественно сосредоточенныхъ въ городахъ и мѣстечкахъ, не менѣе 10%. Остальное населеніе области состоитъ изъ 30 тыс. Нѣмцевъ, 4 тыс. Татаръ и небольшаго числа Цыганъ и разныхъ иностранцевъ.

По религіозному своему составу населеніе области представляется преимущественно иновѣрческимъ. На римско-католическое населеніе приходится около 62%, на православное около 30%, на еврейское 10%; остальное населеніе состоитъ изъ 40 тыс. протестантовъ, 4 тыс. магометанъ и пр.

Литовская область принадлежитъ къ числу тѣхъ областей Европейской Россіи, въ которыхъ городское населеніе достигаетъ значительной пропорціи, а именно: оно превосходитъ 10%, даже не принимая въ разсчетъ тѣхъ мѣстечекъ и поселковъ, принадлежность которыхъ къ городскимъ поселеніямъ представляется сомнительною. Сельскія поселенія Литовской области представляются вообще довольно мелкими, кромѣ южной части Гродненской губерніи. Такъ, на крестьянское селеніе въ губерніяхъ Виленской и Ковенской приходится отъ 72 до 74 жит., а въ Гродненской — 176, если же разсматривать отдѣльно Бѣловѣжскую мѣстность — 203, между тѣмъ какъ въ Литовской — только 84.

Сельское населеніе Литовской области размѣщается въ 50 тыс. поселкахъ, изъ которыхъ немного болѣе половины—до 26 тыс. крестьянскихъ селеній, меньшая же половина (болѣе 24 тыс.) состоитъ изъ носящихъ различныя названія хуторовъ (до 12 т.), поселковъ разносословныхъ собственниковъ (околицъ, плебаній, застѣнковъ и т. п., всего 6½ т.), владѣльческихъ усадебъ (болѣе 5 т.), лѣсныхъ и другихъ караулокъ (до 4 тыс.), постоялыхъ дворовъ, мельничныхъ и фабричныхъ поселковъ, мѣстечекъ (болѣе 450) и т. п. Всѣ эти поселки заключаютъ въ себѣ до 450 тыс. строеній, изъ коихъ на каждое крестьянское селеніе приходится среднимъ числомъ 13, а на каждый остальной поселокъ по 5. Крестьянскія селенія всѣ выстроены изъ дерева и каменныя строенія здѣсь встрѣчаются крайне рѣдко, въ остальныхъ поселкахъ пропорція каменныхъ строеній немного превышаеттъ 3%.

Весьма интереснымъ и важнымъ для области представляется вопросъ о томъ, на сколько прирастаетъ ея населеніе? Естественнымъ путемъ, т. е. избыткомъ рожденій передъ смертями, населеніе области въ 10-тилѣтіе 1861—70 годовъ увеличилось на 15%, а въ 6-тилѣтіе 1871—76 годовъ еще на 10%, такъ что въ полное 20-тилѣтіе увеличеніе населенія области простиралось отъ 30 до 32%.

Увеличеніе это обнаруживается не только изъ разработанныхъ Центральнымъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣній о движеніи населенія, но подтверждается для сельскаго населенія области совершенно инаго рода свѣдѣніями, а именно сравненіемъ численности сельскаго населенія области по 10-й ревизіи съ численностью его по семейнымъ спискамъ 1878 года. Изъ сравненія этихъ данныхъ оказывается, что сельское населеніе Литовской области приросло въ 20-тилѣтіе болѣе чѣмъ на 31%, несомнѣнно только въ силу естественнаго прироста, потому что ни значительныхъ выселеній изъ области, ни значительныхъ приселеній въ нее съ 1858 года не было.

Если принять въ соображеніе, что въ тотъ же періодъ времени, т. е. съ 1858 по 1878 г., сельское населеніе въ Московской области приросло только на 11% и даже въ плодородной Центральной земледѣльческой области на 20%, то приростъ населенія Литовской области, подтвержденный тожествомъ двухъ, не имѣющихъ ничего общаго между собою исчисленій, представляется превосходящимъ всякія ожиданія; тѣмъ болѣе, что до 1861 года крѣпостное населеніе, которое составляло большинство сельскаго населенія области, отъ 7-й до 10-й ревизіи, какъ извѣстно, почти вовсе не прирастало.

Необыкновенный для Европейской Россіи приростъ населенія Литовской области съ 1861 года можетъ быть объясненъ, повидимому, только благопріятностью тѣхъ экономическихъ условій, въ которыхъ сельское населеніе вышло изъ крѣпостной зависимости въ силу Положенія

19 февраля 1861 г. Съ одной стороны, за крестьянами были удержаны и, даже можно сказать, возстановлены во всей ихъ цѣлости тѣ земельные надѣлы, которые были обнаружены при первоначальномъ введеніи инвентарей, съ другой стороны, указомъ 1 марта 1863 года, введенъ обязательный выкупъ надѣловъ, причемъ выкупные платежи понижены до возможнаго минимума. Достаточно сказать, что вышедшіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне въ Литовской области, при надѣлѣ, по своимъ размѣрамъ близко подходящемъ къ размѣру надѣловъ въ Московской области, платятъ выкупныхъ платежей съ душеваго участка среднимъ числомъ менѣе 4 руб., между тѣмъ какъ въ Московской области средняя плата, до указа нынѣшняго года о пониженіи выкупныхъ платежей, составляла среднимъ числомъ 7 руб., а въ Центральной земледѣльческой области — 6 рублей 40 копѣекъ.

Замѣчательно, что,—не смотря на то, что въ Литовской области крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, получили надѣлы, размѣромъ своимъ нѣсколько превосходящіе размѣры крестьянскихъ надѣловъ въ Московской области и значительно превосходящіе размѣры надѣловъ въ Центральной земледѣльческой области (въ Литовской 3,9 дес. на ревизск. душу, которыя вслѣдствіе прироста населенія превратились въ 3,0 на наличную душу, въ Московской 3,8 дес. на ревизск. душу, превратившіеся въ 3,4 на наличную душу, въ Центральной земледѣльческой 2,7 дес. на ревизск. душу, превратившіеся въ 2,2 дес. на наличную душу),—общая цифра владѣльческихъ земель въ Литовской области все еще превосходитъ количество крестьянскихъ (здѣсь на каждыя 100 дес. крестьянскихъ земель приходится 106 владѣльческихъ), между тѣмъ какъ въ областяхъ Московской промышленной и Центральной земледѣльческой количество владѣльческихъ земель далеко уступаетъ количеству земли крестьянскихъ (въ первой на каждыя 100 дес. крестьянскихъ земель приходится 81 владѣльческихъ, во второй на 100 крестьянскихъ 46 владѣльческихъ), что ясно указываетъ на то, что владѣльческое сословіе, до упраздненія крѣпостнаго права, имѣло значительно большую силу въ Литовской области, чѣмъ въ Центральной.

Вообще, говоря поземельная собственность въ Литовской области распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 43% ея составляютъ земли крестьянскаго надѣла, 45% — земли владѣльческія (въ томъ числѣ 42% принадлежатъ дворянамъ и только 3% остальнымъ сословіямъ), 11% — казенныя земли и нѣсколько болѣе 1%—всѣ остальныя. Какъ значительно разнится это распредѣленіе съ распредѣленіемъ поземельной собственности въ центральныхъ областяхъ, видно изъ слѣдующаго сравненія. Въ Центральной земледѣльческой области 56% всѣхъ земель состоятъ въ крестьянскомъ надѣлѣ, 37% — въ личной собственности (въ томъ числѣ 31% принадлежитъ дворянству, болѣе 4% принадлежитъ казнѣ и менѣе 3% — остальнымъ категоріямъ собственности.

Совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ представляются разныя категоріи собственниковъ, когда рѣчь идетъ объ эксплоатируемыхъ хлѣбопашествомъ земляхъ. Принимая въ соображеніе только однѣ пахатныя земли Литовской области, окажется, что въ крестьянскихъ надѣлахъ состоитъ изъ этихъ земель 65%, во владѣльческой собственности 33% и только остальные 2% въ собственности государства и разныхъ учрежденій. Замѣчательно, что и въ Центральной земледѣльческой области однѣ пахатныя земли распредѣлены почти точно также, а именно 66% ихъ падаютъ на крестьянскіе надѣлы, 31% на личную собственность и немного болѣе 2% на остальное.

Изъ приведенныхъ цифръ уже достаточно видно, что главное преобладающее занятіе сельскаго населенія Литовской области есть *земледѣліе*. Характеристикѣ земледѣлія Литовской области былъ посвященъ особый очеркъ; здѣсь мы обратимъ вниманіе на самыя общія черты, опредѣляющія значеніе хлѣбопашества Литовской области, особливо сравнительно съ другими областями Европейской Россіи. На наличную душу мужескаго пола сельскаго населенія приходится въ Литовской области почти 3⅓ десятины пашни. Эта пропорція земель, эксплоатируемыхъ трудомъ литовскаго хлѣбопашца, превосходитъ втрое такую же пропорцію земель, эксплоатируемыхъ земледѣльцемъ Бѣломорской и Финляндской областей, въ полтора раза— земледѣльцами Озерной области, на 38% выше чѣмъ въ Московской промышленной

области, уступаетъ такой же пропорціи въ Центральной земледѣльческой, гдѣ на душу мужескаго пола сельскаго населенія приходится 3½ дес. всѣхъ пахатныхъ земель безъ различія, кому онѣ принадлежатъ.

Такимъ образомъ весьма естественно, что при хорошемъ климатѣ и почвѣ, которой плодородіе усиливается достаточнымъ удобреніемъ, благодаря находящимся въ пользованіи литовскихъ крестьянъ пастбищамъ, Литовская область не только производитъ при среднихъ урожаяхъ довольно хлѣба для мѣстнаго потребленія, но и высылаетъ свои хлѣбные избытки за предѣлы губерніи. Что же касается рода воздѣлываемыхъ хлѣбовъ, то 45% всѣхъ посѣвовъ приходится на рожь,— которая главнымъ образомъ идетъ на потребность мѣстнаго населенія и отчасти служитъ предметомъ для вывоза за предѣлы области, — 24% на овесъ, — служащій значительнымъ предметомъ вывоза, — 6% на ячмень, — идущій на пивовареніе и вывозъ,—5% на пшеницу, только 4% на гречу, а остальное на картофель и разные хлѣба.

Скотоводство въ Литовской области идетъ рука объ руку съ земледѣліемъ и находится, по крайней мѣрѣ количественно, въ одномъ изъ лучшихъ положеній въ Европейской Россіи. Достаточно сказать, что лошадей въ Литовской области приходится среднимъ числомъ на дворъ болѣе 2-хъ, крупнаго рогатаго скота до 5-ти головъ и даже свиней до 3. Достаточное количество скота, вліяющаго въ свою очередь на удовлетворительное состояніе земледѣлія, объясняется не только тѣмъ, что литовскіе крестьяне имѣютъ достаточно пастбищъ въ своемъ надѣлѣ, но и тѣмъ, что они имѣютъ возможность пользоваться владѣльческими пастбищами, благодаря общему многоземелію области, ограниченной хлѣбопашенной эксплоатаціи владѣльцевъ и удержаннымъ еще въ пользу крестьянъ отъ прежнихъ инвентарныхъ правилъ сервитутомъ на пастьбу скота на владѣльческихъ земляхъ, сервитутомъ конечно весьма тягостнымъ для владѣльческихъ экономій, но выгоднымъ для крестьянъ.

Общее количество хлѣба, произведеннаго Литовскою областью въ 4-хълѣтіе 1870—74 годовъ, простиралось, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, среднимъ числомъ ежегодно: ржи болѣе 4½ милліоновъ четвертей, овса болѣе 2½ милл. четвертей, ячменя 1¼ милл., пшеницы 600 тыс. четв., гречи болѣе 200 тыс. четв., картофеля 4½ милл. четвертей. Хотя офиціальныя эти свѣдѣнія ниже дѣйствительности, но все же и по нимъ можно заключить, что въ Литовской области, не подверженной, какъ сѣверныя и степныя области, періодическимъ полнымъ неурожаямъ, хлѣбовъ, идущихъ въ пищу человѣку (ржи, ячменя и гречи съ прибавкою картофеля), не только достаточно на мѣстное потребленіе, винокуреніе и пивовареніе, но въ хорошіе годы есть и избытокъ, не говоря уже объ овсѣ, большая часть котораго служитъ предметомъ вывоза.

Кромѣ хлѣбопашества, и остальныя отрасли земледѣлія имѣютъ нѣкоторое экономическое значеніе для области. А именно, разведеніе льна и пеньки достигаетъ значительныхъ размѣровъ: льна особливо въ Ковенской и отчасти въ Виленской губерніяхъ, откуда его вывозится до 600 т. пудовъ, пеньки въ губерніи Гродненской. Табаководство также составляетъ немаловажную отрасль земледѣльческой промышленности въ губерніяхъ Гродненской и Виленской.

Между сельскими занятіями жителей нѣкоторую роль играетъ еще пчеловодство, въ прежнія времена очень славившееся въ Литвѣ, но нынѣ находящееся въ нѣкоторомъ упадкѣ.

Хотя земледѣліе и скотоводство составляютъ основу благосостоянія сельскаго населенія Литовской области, но необходимость заставляетъ здѣшняго селянина искать себѣ подспорья и въ другихъ отрасляхъ промышленности и обращаться къ занятіямъ неземледѣльческимъ. Къ нѣдрамъ земли Литовецъ обращается весьма мало, потому что минеральными богатствами область, повидимому, не обилуетъ.

Лѣсныя богатства области конечно эксплоатируются, но лѣсные промыслы нельзя назвать *народными* въ Литовской области. Это зависитъ отчасти отъ того, что Литовецъ, согласно со своими еще языческими преданіями, не любитъ истреблять лѣсъ, а чтитъ его какъ святыню, такъ что лѣсъ играетъ несравненно большую роль въ духовной жизни литовскаго

народа, чѣмъ въ его жизни матеріальной и экономической. Съ другой стороны, сельское населеніе владѣетъ сравнительно весьма малымъ количествомъ лѣса, едва удовлетворяющимъ его непосредственныя нужды, а именно доставляющимъ ему топливо и строевой матеріалъ для жилищъ. Лѣса же, могущіе служить для лѣснаго промысла, принадлежатъ крупнымъ собственникамъ, большинство которыхъ ведутъ болѣе или менѣе правильное лѣсное хозяйство, т. е. рубятъ лѣсъ лѣсосѣками, сохраняя свои лѣсныя площади отъ истребленія и не допуская гибельныхъ для лѣса промысловъ, какъ, напримѣръ, смолокуренія, сидки дегтя, сдиранія коры и т. п. Участіе сельскаго населенія въ лѣсномъ промыслѣ ограничивается, слѣдовательно, тѣмъ, что оно нанимается у владѣльцевъ на работы по рубкѣ и вывозкѣ лѣса и сплаву его по воднымъ утямъ. Только въ наиболѣе лѣсныхъ частяхъ области, а именно, Бѣловежской мѣстности и Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, развиты нѣкоторые народные лѣсные промыслы, какъ, напримѣръ, заготовленіе древесной посуды, повозокъ, саней, ободьевъ и т. п.

Охота въ литовскихъ лѣсахъ, достаточно еще обилующихъ дичью, также не можетъ составлять народнаго промысла. Сколько нибудь значительные по своему пространству лѣса состоятъ въ собственности крупныхъ землевладѣльцевъ или казны, и право охоты въ заповѣдныхъ лѣсахъ строго охраняется здѣсь со временъ польскаго владычества.

Рыболовство въ озерахъ и рѣкахъ болѣе доступно для сельскаго населенія, но и оно удовлетворяетъ только мѣстнымъ потребностямъ и не служитъ важнымъ предметомъ народнаго промысла. Другіе рѣчные промыслы — судостроеніе и сплавъ по рѣкамъ занимаютъ, конечно, не мало рабочихъ рукъ въ области.

Народные домашніе или такъ называемые кустарные промыслы также имѣютъ ничтожное развитіе въ Литовской области. Исключеніе составляютъ нѣкоторыя не-литовскія, по своему этнографическому составу, части области, а именно: ю.-в. часть Гродненской губерніи, гдѣ, кромѣ лѣсныхъ крестьянскихъ промысловъ, крестьяне занимаются еще пряжею льна, выдѣлкою полотенъ, сермяги и т. п. Причины малаго участія сельскаго населенія Литовской области въ мелкихъ промыслахъ и даже мелкой торговлѣ заключаются, по всей вѣроятности, въ значительной пропорціи, въ населеніи области, Евреевъ, которые издавна захватили въ свои руки всю мелкую торговлю и промыслы страны и вытѣсняютъ своею конкуренціею поселянъ. Вслѣдствіе того Литовецъ и Бѣлоруссъ могъ только обратиться къ тѣмъ занятіямъ, которыя не привлекаютъ Еврея, и кромѣ хлѣбопашества, скотоводства, огородничества, пчеловодства и т. п. вообще земледѣльческихъ занятій, является чернорабочимъ при рубкѣ лѣса и рѣчномъ сплавѣ, землекопомъ на желѣзно-дорожныхъ постройкахъ и наконецъ работникомъ на фабрикахъ и заводахъ, оставляя ремесленность, особенно развившуюся въ городахъ и мѣстечкахъ области, и мелкую торговлю въ рукахъ Евреевъ.

Перерабатывающая и вообще фабричная и заводская промышленность хотя и не имѣетъ слишкомъ обширнаго развитія въ Литовской области, но все же не лишена, не только мѣстнаго, для области, но даже и общаго государственнаго значенія.

Между фабричными производствами, имѣющими общее значеніе, на первомъ планѣ стоитъ *суконное* и *кортовое* производство, сосредоточенное особливо въ г. Бѣлостокѣ и мѣстечкѣ Супраслѣ Бѣлостокскаго уѣзда, и вообще въ уѣздахъ Бѣлостокскомъ, Бѣльскомъ и Сокольскомъ, Гродненской губерніи, гдѣ производство это занимало въ 1880 году болѣе 5,000 рабочихъ и доставляетъ сукна, корта и другихъ шерстяныхъ издѣлій на 9 милл. рублей. Затѣмъ наибольшее мѣстное значеніе имѣютъ заводы винокуренные и пивоваренные, занимающіе болѣе 2,300 работниковъ и доставляющіе хлѣбнаго вина и водокъ на $3^1/_2$ мил. рублей, а пива болѣе чѣмъ на полтора мил. руб. Изъ остальныхъ отраслей промышленности наибольшее значеніе имѣютъ еще табачныя фабрики, которыя, при слишкомъ тысячи рабочихъ, выдѣлываютъ табаку и сигаръ на сумму до 1 мил. руб.

Остальныя отрасли обработывающей промышленности имѣютъ только ограниченное мѣст-

ное значеніе. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, *гвоздильно-проволочные* заводы, находящіеся въ Виленскомъ и Трокскомъ уѣздахъ и городѣ Ковно, *прядильныя* и *ткацко-вязальныя* фабрики Сокольскаго и Бѣлостокскаго уѣздовъ, *писчебумажныя* фабрики, главнымъ образомъ сосредоточенныя около Вильно, *кожевенныя* фабрики, занимающія въ Ковенской и Гродненской губерніи 450 рабочихъ, *чугунно-литейные* и *машино-строительные* заводы въ Виленской и Ковенской губерніи, занимающіе 500 рабочихъ, наконецъ *костомольные* Ковенской губерніи. Послѣднія двѣ категоріи фабричнаго производства находятся несомнѣнно въ связи съ запросами улучшеннаго, интенсивнаго земледѣлія.

Литовская область обладаетъ такою превосходною сѣтью водныхъ и желѣзныхъ путей, что, по отношенію къ удобствамъ торговыхъ сношеній, занимаетъ нынѣ одно изъ первыхъ мѣстъ между областями Европейской Россіи, не прилегающими непосредственно къ морю.

Главный судоходный путь области есть Нѣманъ съ своими притоками—сплавною Виліею и судоходною Шарою, которая черезъ посредство Огинскаго канала служитъ среднимъ выводнымъ путемъ Верхне-Днѣпровскаго бассейна къ Балтійскому морю. Какъ велико значеніе нѣманской сѣти для Литовской области, видно изъ того, что на пристаняхъ Нѣмана, Шары и Виліи въ предѣлахъ области грузится ежегодно болѣе 1,600 судовъ, поднимающихъ отъ 2½ до 5 милл. пудовъ, на сумму отъ 2 до 4 милл. руб., и сверхъ того собирается и сплавляется отъ 3½ до 4 тысячъ плотовъ на сумму отъ 1 до 2 милл. рублей. Большая часть этихъ грузовъ выходитъ по Нѣману черезъ Юрбургскую таможню въ Пруссію. Въ 5-тилѣтіе 1876—1880 г., черезъ Юрбургскую таможню вывозилось среднимъ числомъ ежегодно болѣе 10 милл. пуд. на сумму 4.270,000 руб. Цифры эти впрочемъ представляютъ весьма небольшое приращеніе по сравненію съ отпускомъ предшедшаго пятилѣтія. Большая часть товаровъ, проходящихъ по Нѣману, принадлежитъ къ произведеніямъ Литовской области и только меньшая проходитъ транзитомъ, черезъ Огинскій каналъ, изъ сосѣднихъ Бѣлорусской и Малороссійской областей.

Меньшее значеніе для края имѣетъ пересѣкающій южную часть области водный транзитный путь Днѣпровско-Бугскаго канала, Муховца и Западнаго Буга. На этомъ пути пристани Литовской области грузятъ мало товаровъ, но за то транзитъ съ верховьевъ Днѣпра и Припети, т. е. изъ Малороссійской и Бѣлорусской областей, по этому водному пути весьма значителенъ.

Еще меньшее значеніе для области имѣетъ самъ по себѣ важный водный путь Западной Двины, такъ какъ онъ только касается области въ сѣверо-западномъ ея углу.

Зато возникшіе въ послѣднее тридцатилѣтіе и въ особенности въ послѣднее 10-тилѣтіе желѣзные пути имѣютъ большое значеніе для области, облегчая вывозъ ея произведеній и подвозъ къ ней русскихъ и иностранныхъ, во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ.

Самую важную желѣзнодорожную артерію области представляетъ С.-Петербурго-Варшавская желѣзная дорога, вступающая въ область по переходѣ своемъ черезъ Западную Двину, за станціею Калькуненъ, и пересѣкающая область черезъ Вильно, Гродно до Бѣлостока, за которымъ она уходитъ въ Царство Польское. С.-Петербурго-Варшавская желѣзная дорога отдѣляетъ отъ себя, при станціи Ландварово, чрезвычайно важную для русской торговли вѣтвь на Ковно, которая, черезъ таможенный Вержболовскій пунктъ, вывозитъ массу русскихъ произведеній въ Пруссію. Какъ велико транзитное значеніе этой линіи, явствуетъ изъ того, что въ 5-тилѣтіе 1876 — 1880 г. среднимъ числомъ ежегодно выходило, черезъ Вержболово, изъ Россіи въ Пруссію болѣе 17½ милл. пуд. на сумму 42.600,000 руб. Цифра эта представляетъ увеличеніе на 42 проц. противъ отпуска предшедшаго пятилѣтія. Большая часть упомянутаго отпуска проходитъ черезъ Литовскую область транзитомъ изъ Петербурга и только меньшая доставляется Литовскою и прилегающимъ къ ней Балтійскою и Бѣлорусскою областями. Значеніе С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги съ ея Ковенскою вѣтвью для края усиливается еще и тѣмъ, что она соединяетъ четыре важнѣйшіе торговые и промышленные центра области: Вильно, Ковно, Гродно, Бѣлостокъ, съ одной стороны съ Петербургомъ, съ другой—съ Берлиномъ и Варшавою.

Второю важною желѣзно-дорожною артеріею края служитъ Либаво-Роменская желѣзная дорога, вступающая въ Литовскую область изъ Бѣлоруссіи, между Минскомъ и Сморгонью, и пересѣкающая ее на большомъ протяженіи до Курляндской границы, которую она переходитъ, нѣсколько десятковъ верстъ не доходя Либавы. Къ станціи Радзивилишки, Либаво-Роменской дороги, примыкаетъ вѣтвь, идущая отъ станціи Калькуненъ, С.-Петербурго-Варшавской дороги, и соединяющая слѣдовательно Западную Двину съ Либавою. О значеніи Либаво-Роменской дороги, возникшей только въ послѣднее 5-тилѣтіе, можно судить по тому, что въ пятилѣтіе 1876—1880 г., изъ Либавы вывозилось среднимъ числомъ ежегодно до 17 милл. пудовъ на сумму свыше 19 милл. руб., и отпускъ этотъ усилился противъ отпуска послѣдняго пятилѣтія почти на 400 проц., т. е. въ *пять разъ*. Большая часть либавскаго отпуска состоитъ изъ товаровъ, идущихъ въ Либаву частію транзитомъ изъ Малороссійской и Бѣлорусской областей, частію изъ произведеній Литовской области, и только небольшая состоитъ изъ произведеній окрестной Балтійской области.

Третья по важности желѣзно-дорожная артерія для края есть Кіево-Бресто-Граевская дорога. Она вступаетъ въ Литовскую область непосредственно изъ Малороссійской, между городами Ковелемъ и Брестомъ, проходитъ черезъ Бѣлостокъ, и перейдя при р. Бобрѣ границу Царства Польскаго, очень скоро вслѣдъ затѣмъ упирается въ Граево, пограничный пунктъ на Прусской границѣ. О значеніи транзитнаго движенія по этой линіи можно судить уже по тому, что, въ 5-тилѣтіе 1876—1880, черезъ Граевскую таможню отпускалось среднимъ числомъ ежегодно болѣе $12^1/_2$ милл. пудовъ, на сумму до 16 милл. руб., что составитъ громадное увеличеніе противъ отпуска предшедшаго 5-ти-лѣтія, такъ какъ и самый отпускъ этотъ вовсе не существовалъ до устройства Бресто-Граевской желѣзной дороги, т. е. до 1873 г. Большая часть граевскаго отпуска состоитъ изъ произведеній Малороссійской области, проходящихъ транзитомъ черезъ Литовскую, меньшая изъ произведеній самой Литовской области.

Наконецъ, четвертая желѣзно-дорожная артерія области есть Московско-Брестская желѣзная дорога; она вступаетъ въ Литовскую область изъ Бѣлорусской, не доходя до р. Шары, и пересѣкаетъ южную оконечность области до города Бреста, откуда, перейдя Бугъ, вступаетъ въ Царство Польское и направляется къ Варшавѣ. Несмотря на важность этого пути, какъ соединительнаго между Москвой и Варшавою, значеніе его для Литовской области, пересѣкаемой имъ на весьма короткомъ протяженіи, не особенно значительно.

Если принять въ соображеніе, что черезъ четыре таможенныхъ пункта, лежащіе непосредственно на границѣ Литовской области съ Пруссіею, въ промежуткѣ между Полангеномъ и Юрбургомъ (Кретингенъ, Горждово, Ново-Мѣсто, Таурогенъ), вывозилось въ 5-тилѣтіе 1876—1880 гг. среднимъ числомъ ежегодно по 2 милл. пудовъ, на $3^1/_2$ милл. руб., почти исключительно произведеній Литовской области, подвозимыхъ къ таможнямъ гужевыми путями,— то окажется, что количество товаровъ, проходящихъ заграницу черезъ Литовскую область или непосредственно изъ нея туда вывозимыхъ, простиралось въ послѣднее 5-тилѣтіе ежегодно до 55 милл. пуд., на сумму до 75 милл. рублей, что противъ предшедшаго 5-тилѣтія представляетъ увеличеніе на 66%, главнымъ образомъ вслѣдствіе проведенія новыхъ желѣзныхъ путей и отчасти вслѣдствіе усиленія производительности тѣхъ частей Россіи, которыя сбываютъ свои произведенія заграницу транзитомъ черезъ Литовскую область.

Само собою разумѣется, что главную роль въ колоссальномъ количествѣ грузовъ, выходящихъ изъ Литовской области къ таможеннымъ пунктамъ нашей западной границы, играетъ транзитъ изъ Петербурга, Озерной, Бѣлорусской и Малорусской областей; но во всякомъ случаѣ произведенія Литвы, попутно этому транзиту, съ большою легкостью находятъ себѣ сбытъ заграницу; произведенія эти главнымъ образомъ земледѣльческія. Для того, чтобы получить понятіе о томъ, что именно и въ какомъ количествѣ Литовская область сбываетъ за свои предѣлы, возьмемъ для примѣра 1876 годъ, не представляющійся выдающимся по степени урожая.

Въ этомъ году на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ Литовской области грузилось до 7.500,000

пуд. хлѣба, на пристаняхъ 1 милл. пуд., да подвозилось гужемъ къ сухопутнымъ таможеннымъ пунктамъ области болѣе 700 тыс. пуд., а всего 9.300,000 пуд.; разгружалось же на станціяхъ и пристаняхъ 3.300,000 пуд., такъ что 6 милл. пудовъ составляли хлѣбный избытокъ всей области. Пшеница въ избыткѣ этомъ не играла никакой роли; хотя около полумилліона пудовъ ея выходило въ обращеніе изъ селеній на станціи и пристани области, но потребленіе городовъ Литовской области не только поглощало все это количество, но и притягивало еще почти столько же, преимущественно изъ Петербурга. Зато ржи грузилось 3.600,000 пуд., разгружалось только 1 милл., такъ что избытокъ ржи, вышедшей за предѣлы губерніи, значительно превышалъ 2½ милл. пудовъ. Овса грузилось 2¼ милл. пуд., разгружалось полмилліона, такъ что избытокъ овса, выходившій за предѣлы области, составлялъ 1¾ милл. пудовъ. Ячмень грузился въ количествѣ 1.600,000 пуд., разгружался въ количествѣ 200 тыс. пуд., такъ что избытокъ, выходившій за предѣлы области, составлялъ нѣсколько менѣе 1½ милл. пудовъ. Льняное сѣмя и ленъ играютъ также не малую роль въ вывозѣ за предѣлы области. Такъ, въ 1876 г. грузилось въ области льнянаго сѣмени до 800 тыс. пуд., разгрузилось до 160 тыс. льна грузилось 200 тыс. пуд., разгружалось болѣе 40 тыс. такъ что 640 тыс. пуд. льнянаго сѣмени и 160 тыс. пудовъ льна составляли избытокъ произведеній льняной культуры, выходящій за предѣлы области. До сихъ поръ мы говорили только о русскихъ произведеніяхъ, проходящихъ въ громадномъ количествѣ транзитомъ черезъ Литовскую область, заграницу или производимыхъ областью и выходящихъ за ея предѣлы. Но не малое значеніе въ торговомъ движеніи области играютъ и иностранные товары.

Количество иностранныхъ товаровъ, проходящихъ черезъ вышепоименованныя таможни въ Россію, превышало въ 5-тилѣтіе 1876—1880 среднимъ числомъ ежегодно 14 милл. пудовъ, на сумму свыше 50 милл. руб., и большая часть этихъ товаровъ проходила транзитомъ въ сосѣднія области, а именно: Бѣлорусскую, Малороссійскую, а также въ обѣ столицы — Петербургъ и Москву. Первое мѣсто между иностранными товарами, приходящими изъ заграницы, по стоимости своей и одно изъ первыхъ по вѣсу занимали сельскохозяйственныя и фабричныя машины, которыхъ ввозилось среднимъ числомъ ежегодно на сумму 14½ милл. руб. Само собою разумѣется, что только сравнительно небольшая часть этихъ машинъ, и то, попреимуществу земледѣльческія, доставалась Литовской области.

Зато изъ двухъ слѣдующихъ по значенію статей привоза, а именно: соли, ввозившейся среднимъ числомъ ежегодно въ количествѣ 2¾ мил. пуд. на 1.400,000 р., и сельдей въ количествѣ 1.400,000 пуд. на 1.800,000 р., большая часть разгружается и потребляется въ Литовской области. Соль есть единственный значительный грузъ, идущій воднымъ путемъ изъ Пруссіи вверхъ по Нѣману. Къ подобнаго же рода иностраннымъ товарамъ, т. е. не идущимъ далеко вглубь Россіи транзитомъ, относится керосинъ (петролеумъ), ввозимый среднимъ числомъ ежегодно въ количествѣ 320 тыс. пуд. на сумму 1 мил. руб., а также желѣзо, ввозившееся ежегодно въ количествѣ 600 тыс. пуд. на 1 мил. руб. Каменный уголь ввозится ежегодно въ количествѣ 1.400,000 пуд., на сумму 330 тыс. руб., и идетъ преимущественно на потребленіе сѣти желѣзныхъ дорогъ какъ въ предѣлахъ Литовской области, такъ и въ сосѣднихъ съ нею областяхъ. Къ той же категоріи товаровъ относятся и рельсы, которыхъ въ 5-тилѣтіе 1876—1880 г. ввозилось среднимъ числомъ ежегодно болѣе 1.800,000 пуд., на 3.200,000 руб.

Остальные затѣмъ главнѣйшіе иностранные товары проходятъ большею частію чрезъ область транзитомъ; это именно: чай, краски и химическіе матеріалы, равно какъ мануфактурные товары, а именно: ткани льняныя, шелковыя, шерстяныя и хлопчато-бумажныя. Относительно дорогихъ, сравнительно съ ихъ вѣсомъ, иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ можно сказать, что Литовская область въ значительной мѣрѣ пользуется неизбѣжною на всякой пограничной линіи, при высокихъ пошлинахъ, контрабандою, съ которою, конечно, не могутъ конкурировать

товары, правильно оплаченныя пошлиною и, слѣдовательно, проходящіе черезъ Литовскую область транзитомъ безъ перегрузки.

Кромѣ этого движенія иностранныхъ товаровъ, черезъ область проходятъ въ немаломъ количествѣ, во внутрь Россіи, также фабричныя произведенія Царства Польскаго.

Всѣхъ приведенныхъ данныхъ достаточно для того, чтобы заключить о томъ, что въ послѣднее 20-тилѣтіе,— паралельно съ подъемомъ въ Литовской области народнаго благосостоянія, благодаря тѣмъ особенно выгоднымъ для земледѣльцевъ условіямъ, въ которыхъ они вышли изъ крѣпостной зависимости,— проведеніе превосходной сѣти желѣзныхъ дорогъ способствовало развитію торговли въ краѣ и дало ему именно въ послѣднее 10-тилѣтіе, чрезвычайно выгодное транзитное положеніе на сухопутной западной границѣ Имперіи, что, въ свою очередь, благопріятно отразилось на экономическомъ положеніи всего населенія Литовской области.

Вмѣстѣ съ повышеніемъ общаго уровня благосостоянія области, оказало нѣкоторые успѣхи и народное образованіе края, которому впрочемъ недостаетъ высшаго учебнаго заведенія, какимъ былъ знаменитый въ свое время Виленскій университетъ. Число учебныхъ заведеній области въ 1881 году простиралось до 1,800, съ количествомъ учащихся до 57,000, изъ коихъ до 34,000 приходилось собственно на народныя школы. Это та же самая пропорція учащихся къ учебному возрасту, какая существуетъ въ Озерной области (кромѣ столицы), а именно: процентовъ 16 для обоего пола и отъ 25 до 32% для мужескаго пола.

Въ заключеніе намъ остается сказать только нѣсколько словъ въ разъясненіе той зависимости, въ которой судьбы Литовской области находились и находятся отъ ея географическаго положенія, физическихъ условій страны и этнографическаго состава ея населенія.

Въ весьма отдаленныя и еще до-историческія времена Литовское полѣсье было занято Индо-Европейскимъ племенемъ, весьма различнымъ отъ Германскаго и Славянскаго и едва ли не наиболѣе сохранившимъ свое индѣйско-санскритское происхожденіе, вѣроятно вслѣдствіе того, что оно, засѣвъ въ дремучихъ тогда лѣсахъ Литовскаго и Балтійскаго края, менѣе другихъ Индо-Европейскихъ племенъ подвергалось передвиженію и смѣшеніямъ съ чуждыми ему народностями и жило болѣе замкнутою и обособленною жизнью. Вслѣдствіе именно этой причины Литовское племя удержало долѣе всѣхъ въ Европѣ свои языческія вѣрованія и преданія и сравнительно чрезвычайно поздно приняло христіанство, а съ нимъ и христіанское просвѣщеніе, и въ то время, когда высшіе слои Литовскаго народа, и по религіи, и по обычаямъ, уже мало отличались отъ высшихъ сословій сосѣднихъ Славянскихъ племенъ, а именно: Русскихъ и Поляковъ, народъ Литовскій коснѣлъ еще въ своемъ первобытномъ язычествѣ. Это обстоятельство весьма много способствовало тому, что князья и магнаты литовскіе утратили свою народность и, вступивъ въ близкія родственныя сношенія съ сосѣдними русскими и польскими знатными родами, сдѣлались сначала Руссо-Литовцами, а потомъ Литово-Поляками. Притомъ же занятіе Нѣмецкими рыцарями Балтійскаго побережья, съ подчиненіемъ себѣ той половины Литовско-Латышской народности, которая обитала въ восточной Пруссіи, Курляндіи и Лифляндіи, отрѣзало удержавшихъ свою независимость Литовцевъ разматриваемой нами Литовской области отъ моря и заставило ихъ искать своего спасенія въ союзѣ сначала съ Русью, а потомъ съ Польшею. Въ тѣсной связи съ Бѣлоруссами и Поляками, подъ руководствомъ князей Славянскихъ, вѣроятно русскаго происхожденія, взошедшихъ впослѣдствіи и на польскій престолъ, Литовская область отстояла свою независимость отъ Нѣмцевъ, но вслѣдствіе усилившейся связи съ сосѣдними Славянскими племенами сначала вступила въ самостоятельный государственный союзъ съ Бѣлорусскими княжествами, а потомъ, когда Московское государство было занято тяжелымъ и медленнымъ процесомъ собиранія подъ своимъ главенствомъ долго бывшихъ разрозненными частей Руси въ верхневолжской области, Литовская область пришла къ необходимости слиться въ одинъ государственный союзъ съ сосѣднею Польшею.

Но положеніе дѣлъ значительно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ XVIII вѣка Россія, найдя себѣ выходъ къ Балтійскому морю, стала твердою ногою на Балтійскомъ по-

бережьѣ и, съ одной стороны, овладѣла бассейномъ значительнѣйшихъ Балтійскихъ рѣкъ — Невы и Западной Двины, а съ другой — бассейномъ Днѣпра. Тогда Бѣлорусская и Литовская области, поставленныя между балтійскими и днѣпровскими частями Россіи, на водныхъ путяхъ, служащихъ выходомъ изъ обширнаго и богатаго Верхнеднѣпровскаго бассейна къ Балтійскому морю, должны были рано или поздно подпасть подъ русское владычество, тѣмъ болѣе, что и самая Польша, отрѣзанная Нѣмецкимъ государствомъ отъ моря, не могла оказать достаточнаго сопротивленія сплотившемуся и усилившемуся государству Русскому.

Къ концу XVIII вѣка Литовская область вошла въ составъ Русской Имперіи въ силу той же, можно сказать, исторической и географической необходимости, которая довела Россію до нынѣшнихъ ея предѣловъ.

Но внутреннія и экономическія отношенія Литовской области еще мало измѣнились въ теченіе конца прошлаго и первой половины нынѣшняго вѣка. Попрежнему народъ Литовскій находился на весьма низкой культурной степени, въ полной экономической и даже отчасти юридической зависимости отъ польскихъ или совершенно ополячившихся землевладѣльцевъ и отъ образовавшихъ среднее, посредствующее между землевладѣльческимъ и земледѣльческимъ классами населенія сословіе — Евреевъ, которые проникнувъ издавна въ Литву, размножились въ ней съ замѣчательною силою, свойственною Семитическому племени, и захватили въ свои руки торговлю и промышленность края. Русскій элементъ области, — представляемый, отчасти сплошнымъ въ южной части области Бѣлорусскимъ населеніемъ, которое находится въ однихъ и тѣхъ же экономическихъ и юридическихъ условіяхъ съ Литовскими земледѣльцами, отчасти изъ небольшаго числа Великорусскихъ переселенцевъ — старовѣровъ бѣжавшихъ изъ Россіи отъ религіозныхъ преслѣдованій, отчасти, наконецъ, изъ городскихъ чиновниковъ, — не представлялъ достаточной силы въ сравненіи съ богатыми недвижимыми и движимыми капиталами Поляками и Евреями, не могшими денаціонализировать слабыхъ, по сравненію съ ними, Литовцевъ и Бѣлоруссовъ только потому, что экономическіе интересы Поляковъ и Евреевъ слишкомъ расходились съ интересами народныхъ массъ.

Русское правительство уже со второй четверти нынѣшняго вѣка инстинктивно чувствовало необходимость предпринять что-либо въ пользу земледѣльческихъ классовъ Литовской области и поставить ихъ въ болѣе самостоятельное экономическое положеніе. Съ этою цѣлью аграрныя отношенія сельскаго населенія къ помѣщикамъ были неоднократно регулируемы инвентарными правилами, опредѣлявшими какъ составъ крестьянскихъ надѣловъ, такъ и повинности крестьянъ за пользованіе этими надѣлами. Инвентарныя правила закрѣпили за крестьянами состоявшія въ ихъ пользованіи земли, но не ослабили юридической и экономической зависимости народныхъ массъ отъ разноплеменныхъ съ ними землевладѣльцевъ.

Въ началѣ прошлаго царствованія, непосредственно послѣ Крымской войны, съ достаточною силою обнаружилась своевременность и необходимость упраздненія во всей Имперіи крѣпостной зависимости сельскаго населенія. Дворянству Литовской области принадлежитъ историческая заслуга почина въ этомъ великомъ дѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что высокія гуманныя идеи руководили, по крайней мѣрѣ въ умахъ передовыхъ людей края, этимъ почином; но едва-ли можно сомнѣваться, что идеаломъ той формы, въ которой должно было осуществиться освобожденіе крестьянъ, для землевладѣльцевъ области представлялись тѣ порядки, которые существовали со времени Наполеоновскихъ войнъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ крестьяне были юридически свободны, но экономически зависимы отъ дворянъ-землевладѣльцевъ и ихъ арендаторовъ.

Не совсѣмъ согласно съ этими порядками выработались аграрныя отношенія въ Литовской области. Реформа 19 февраля 1861 года, допустивъ отдѣльное мѣстное положеніе для трехъ Литовскихъ и одной сосѣдней Бѣлорусской губерній (Минской), которое принимало за исходную точку бывшія инвентарныя правила, стремилась совершить и въ Литовской области крестьянскую реформу въ томъ же духѣ, въ какомъ она была совершена

во всей Имперіи, т. е. съ удержаніемъ за крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ за регулированныя и облегченныя повинности, съ предоставленіемъ возможности выкупать эти надѣлы и съ поставленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ народныхъ массъ въ достаточно независимое юридическое и экономическое положеніе отъ ихъ бывшихъ владѣльцевъ и ихъ уполномоченныхъ — управителей, экономовъ и арендаторовъ. Съ этою цѣлію окончательное ближайшее и, такъ сказать, мѣстное урегулированіе аграрныхъ отношеній въ Литовскихъ губерніяхъ возлагалось мѣстнымъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года на особыя мѣстныя коммиссіи, которыя въ 1863 году еще не начали дѣйствовать.

Въ это-то время разыгралось знаменательное для исторіи нашей западной окраины событіе, имѣвшее не малое вліяніе на ея нынѣшнія судьбы — это именно польское возстаніе, охватившее и притомъ до нѣкоторой степени искусственно всѣ области, принадлежавшія польской коронѣ до перваго раздѣла Польши. Само собою разумѣется, что въ областяхъ Малороссійской—Заднѣпровской, Бѣлорусской и даже Литовской въ возстаніи принимали участіе только верхушки, т. е. польскіе элементы населенія, сельское же населеніе этихъ областей, т. е. Малороссіяне, Бѣлоруссы и Литовцы, несмотря на всѣ усилія поднять ихъ, остались вообще чуждыми, а иногда и враждебными этому движенію. Можетъ быть, даже и большинство или по крайней мѣрѣ часть участвовавшихъ въ возстаніи Поляковъ были подстрекаемы только опасеніемъ утратить свое значеніе въ области вслѣдствіе совершавшейся реформы, которая несомнѣнно переносила здѣсь хотя отчасти центръ тяжести съ чуждыхъ по своей національности народнымъ массамъ сословій на эти самыя народныя массы.

Во всякомъ случаѣ, послѣдствія возстанія 1863 года привели къ результатамъ, чуждымъ его цѣлямъ и стремленіямъ. Сельское, бывшее крѣпостное населеніе области вышло изъ своихъ крѣпостныхъ отношеній въ несравненно болѣе благопріятныхъ для себя экономическихъ условіяхъ, чѣмъ это было бы, если бы край находился въ мирномъ положеніи.

Для событій, совершившихся столь недавно, не наступилъ еще судъ исторіи, но несомнѣнно то, что отмѣна крѣпостной зависимости закономъ 19 февраля 1861 года и вызванное возстаніемъ 1863 года быстрое, рѣшительное, а можетъ быть даже, по отношенію къ землевладѣльцамъ, и суровое урегулированіе аграрныхъ отношеній земледѣльческаго населенія вывело Литовское и Бѣлорусское племена Литовской области изъ того загнаннаго и приниженнаго общественнаго и экономическаго положенія, въ которомъ они вообще находились во время польскаго владычества, и подняло въ краѣ двѣ до тѣхъ поръ коснѣвшія силы. Народная школа постепенно приходитъ на помощь этимъ народностямъ, преобладающимъ здѣсь своею численностію и способствуетъ возстановленію равновѣсія между ними и господствовавшими надъ ними, даже и во время 70-тилѣтняго русскаго владычества, народностями Польскою и Еврейскою.

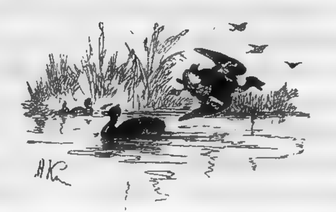
Однако же, несмотря на неблагопріятность для землевладѣльческихъ сословій Литовской области новыхъ порядковъ, несмотря на нѣкоторыя частныя разоренія, а можетъ быть и отдѣльные случаи несправедливостей въ дѣйствіяхъ повѣрочныхъ коммиссій,—землевладѣльческій классъ Литовской области, какъ доказываютъ статистическія цифры, не пришелъ въ упадокъ. Это объясняется между прочимъ тѣмъ, что поднятіе общаго уровня благосостоянія населенія области дало землевладѣльческому ея классу такія выгоды, которыя постепенно все болѣе и болѣе уравновѣшиваютъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ смыслѣ, понесенные ущербы. Даже попытка замѣнить въ области польское землевладѣніе, хотя отчасти; русскимъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, обусловленныхъ можетъ быть и самой искусственностью этой мѣры, не увѣнчалась успѣхомъ, и если нѣкоторый процентъ дворянскихъ земель, принадлежавшихъ прежде лицамъ польскаго происхожденія, перешелъ въ руки Русскихъ, то, при преобладающемъ ихъ абсентеизмѣ, русскіе мѣстные землевладѣльческіе элементы развились здѣсь очень мало, тогда

какъ непринятіе на службу въ города польскихъ дворянъ едва-ли не способствовало къ усиленію въ сельскихъ поселеніяхъ мѣстнаго польскаго землевладѣльческаго элемента.

Вообще говоря, продолжительное и отчасти славное историческое прошлое Литовской области, во время ея единенія съ Польшею, дало этой области такіе культурно-историческіе элементы и черты, которые не могли исчезнуть и сгладиться въ одно столѣтіе и не могутъ быть уничтожены искусственно. Польское или ополяченное дворянство и даже мелкое шляхетство съ своимъ роднымъ языкомъ, находящимъ точку опоры въ богатой и дорогой каждому Поляку литературѣ, съ своею религіею и историческими преданіями, съ высокою для своего времени и достаточно самостоятельною культурою, не можетъ быть ни денаціонализировано, ни уничтожено въ краѣ, ни даже вытѣснено изъ него, и надолго еще останется однимъ изъ важнѣйшихъ культурно - историческихъ и этнографическихъ элементовъ области. Точно также никакія частныя выселенія, пополняемыя столь свойственнымъ семитическому племени, быстрымъ естественнымъ приростомъ остающихся, не сотрутъ съ лица Литовской земли Еврейской народности, съ которою также нужно здѣсь считаться, какъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ этнографическихъ и культурно-историческихъ элементовъ области, давно сдѣлавшейся столь любимымъ отечествомъ Евреевъ, что любовь ихъ къ своей Литовской и Бѣлорусской родинѣ дѣлаетъ многихъ культурныхъ Евреевъ даже общерусскими патріотами. Въ сущности упомянутые два элемента населенія области и не утратили въ послѣднее 20-тилѣтіе своей абсолютной внутренней и экономической силы; они только потеряли, если можно такъ выразиться, монополію этой силы, относительное значеніе которой нѣсколько умалилось, вслѣдствіе экономическаго и духовнаго подъема двухъ остальныхъ народностей края — Литовской и Бѣлорусской. Развитіе благосостоянія этихъ коренныхъ народностей края будетъ способствовать переходу изъ нихъ самыхъ достаточныхъ и культурныхъ личностей въ земледѣльческіе и торговые классы населенія, и если переходъ этотъ будетъ совершаться безъ утраты ими своей національности, то нѣтъ сомнѣнія, что равновѣсіе между этнографическими элементами населенія края, не существовавшее во времена польскаго владычества, будетъ возстановлено. При такомъ равновѣсіи, поддерживаемомъ юридическою и экономическою независимостью другъ отъ друга составныхъ элементовъ населенія края, общее его тяготѣніе можетъ направиться только туда, куда влекутъ его экономическія выгоды.

Но именно и въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ минувшее 20-тилѣтіе, совершилось весьма многое. Благодаря прорѣзавшимъ Литовскую область въ разныхъ направленіяхъ и пересѣкшимъ прежніе водные пути желѣзнымъ дорогамъ, вся область покрылась превосходною сѣтью удобныхъ торговыхъ сообщеній. Сѣть эта служитъ выходомъ не только для Верхнеднѣпровскаго бассейна, но даже сосѣднихъ съ Литовскою—Малороссійской и Бѣлорусской областей и болѣе отдаленныхъ—Центральной земледѣльческой и Московской къ Балтійскому морю и Пруссіи. Это обстоятельство даетъ Литовской области такое выгодное транзитное положеніе между Восточною и Западною Европою, какого она никогда не имѣла, и въ силу котораго Литовская область можетъ тяготѣть только къ Россіи или Германіи. Для народности, связавшей лучшія свои историческія воспоминанія съ славною битвою при Грюнвальдѣ, выборъ конечно не затруднителенъ.

П. Семеновъ.

ЗАПАДНАЯ И ЮЖНАЯ РОССІЯ.

Бѣлорусское полѣсье.

ГУБЕРНІИ: МИНСКАЯ, МОГИЛЕВСКАЯ, ВИТЕБСКАЯ И СМОЛЕНСКАЯ.

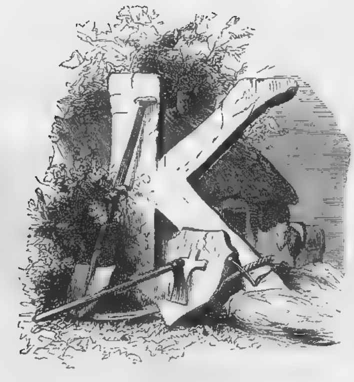
ОЧЕРКЪ I.

ПАМЯТНИКИ ВРЕМЕНЪ ПЕРВОБЫТНЫХЪ.

Пѣвецъ Слова о Полку Игоревомъ знаетъ Бѣлоруссію. — Значеніе Бѣлоруссіи въ миѳологическомъ и этнографическомъ отношеніи. — Археологическія изслѣдованія въ Бѣлоруссіи. — Могилы каменнаго вѣка. — Могилы переходныхъ эпохъ. — Издѣлія изъ камня и кремня. — Кострища. — Ростъ первобытныхъ людей. — Женскіе костяки вмѣстѣ съ мужскими. — Бронзовыя и другія издѣлія. — Музеи. — Сравнительные выводы. — Первобытныя древности въ землѣ Латышей. — Городища. — Идолы. — Значеніе камня въ доисторическое время. — Рогволодовъ камень не дольменъ-ли? — Двинскіе камни. — Іосафатовъ камень. — Витовтовы тарелки и вилки. — Оршанская кольчуга. — Памятникъ Тышкевича. — Гора Рогнѣды.

.... И снова ужь мчался
Волкомъ голоднымъ съ Дудутокъ къ Нѣмигѣ, рѣкѣ многоводной.
А на Нѣмигѣ-рѣкѣ устилають далекое поле,
Вмѣсто сноповъ, головами, молотятъ стальными цѣпами.
Жизнь кладутъ на току и вѣютъ душу изъ тѣла.
Кровью затопленный берегъ Нѣмиги не жатвой засѣянъ
Былъ, а тѣлами русскихъ сыновъ.

(«Слово о полку Игоревомъ» — пер. Гербеля).

арамзинъ полагаетъ, что Дудутки, упоминаемыя въ «Словѣ о Полку Игоревомъ», находятся около Новогрудка. — Вовсе нѣтъ. — Дудутки, нынѣ Дудиче, селеніе въ Игуменскомъ уѣздѣ. Нѣмига, нынѣ небольшая рѣченка, впадаетъ въ р. Свислочъ. Она течетъ въ самомъ Минскѣ и отдѣляетъ отъ города предмѣстье, называемое также Нѣмигой. Но иначе думали Гербель и другіе переводчики «Слова». У нихъ Нѣмига — это Нѣманъ. Такъ думалъ и Карамзинъ. Гербелю, съ легкой руки Карамзина, показалось даже, что Дудутки гдѣ-то около Новгорода Великаго. Татищевъ пошелъ еще далѣе. Онъ полагалъ, что Нѣманъ течетъ между Минскомъ и Полоцкомъ. Между тѣмъ Нѣманъ отъ Нѣмиги отстоитъ на 70 верстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Минскѣ, или близъ Минска, надъ Нѣмигою, которая въ то время дѣйствительно могла быть *многоводною*, произошло кровавое сраженіе въ 1067 г., о которомъ говоритъ авторъ «Слова».

Мы видимъ, что знаменитый творецъ пѣсни зналъ бѣлорусскую Нѣмигу, бѣлорусскій Минскъ. Онъ былъ знакомъ и съ другими древними поселеніями этой страны. Поэтъ говоритъ:

«Въ Полотскѣ рано ему позвонили къ заутренѣ въ Софьи».

Онъ вспоминаетъ и о древнѣйшемъ поселеніи Пинской области:

...... «Поникло веселье, замолкли
«Пѣсни и трубы въ *Городнѣ*, о смерти его (Изяслава) возвѣстили».

Поэтъ знакомъ не съ одними городами Бѣлоруссіи; онъ величаетъ полоцкую «Софью»; но онъ знаетъ и старыхъ боговъ, жившихъ въ памяти народа, хотя уже и христіанскаго. У него вѣщій Боянъ — внукъ Велесовъ, надѣляетъ мудростью и поэтическими вдохновеніями. Поэтъ говоритъ:

«Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче!»

Вѣтры у него Стрибоговы внуки, внуки царя морей и бурь. Этого мало: павшее воинство на полѣ брани — это внучата могучаго Даждь-бога, т. е. солнца, Перунова сына.

А эти боги такъ долго владычествовали въ Бѣлоруссіи, да и теперь не совсѣмъ чужды народу.

Бѣлоруссія, съ ея величественными Днѣпромъ и Двиною, съ ея дремучими лѣсами, съ непроходимыми тундрами и болотами, — царство волковъ и козъ, лѣшихъ и русалокъ, царство вѣдьмъ и чаровницъ, гдѣ ихъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія плавили на озерахъ — хотя и рано приняла христіанство, но надолго сохранила древніе языческіе преданія и обряды. Бѣлоруссъ и теперь чтитъ своего домашняго пената «Чура», онъ и до сихъ поръ знаетъ боговъ каждаго времени года и даже опишетъ наружность каждаго. Онъ помнитъ наружность Ярилы и теперь Ладой заклинаетъ весну; онъ умѣетъ увертываться передъ лѣшимъ въ лѣсу, подчасъ даже надуетъ его; онъ знаетъ, какъ подразнить русалокъ, но не поддаться имъ. Онъ чествуетъ свою Ліолю, богиню весны, свою Ціоцю, когда она явится красивой, полной женщиной, съ спѣлыми колосьями на головѣ и съ плодами въ рукахъ,— его кормилицу, богиню лѣта; но онъ умѣетъ задобрить и страшнаго Зюзю, грознаго, смертоноснаго Карачуна. Ліоля, Ціоця и Зюзя — прозвища извѣстныя только въ Бѣлоруссіи. Бѣлоруссъ вамъ разскажетъ, какъ Цѣрешка добылъ цвѣтокъ папоротника и какъ вдругъ сталъ могучъ и уменъ. Только Бѣлоруссъ знаетъ подземнаго Жижаля (огонь), распространителя лѣсныхъ пожаровъ.

Удивительное богатство фантазіи, въ преданіяхъ, легендахъ, съ такимъ живымъ отблескомъ давно прошедшаго, съ такимъ наивнымъ вѣрованіемъ во все таинственное, сверхъестественное, заставляетъ васъ, слушая пѣсни Бѣлоруса, его легенды, вглядываясь въ его обряды, невольно увлекаться и соглашаться, что высохшій рукавъ Сожи и другіе исчезнувшіе рукава или самыя рѣки нельзя иначе величать, какъ *стариками*.

Бѣлоруссія — край могилъ, кургановъ, городищъ, городковъ, урочищъ, замковъ, замковищъ,—край, гдѣ чуть не на каждомъ шагу вы встрѣчаете слѣды минувшаго, въ памятникахъ, сказаніяхъ, пѣсняхъ.

И столько научнаго богатства, такое обиліе матеріаловъ почти нетронуто, еще ожидаетъ серьезныхъ изысканій археологическихъ, этнографическихъ, филологическихъ.

Побережья Нѣмана, Западной Двины и Днѣпра, съ ихъ многочисленными притоками, сохранили очень много доисторическихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о населенности Бѣлорусскаго полѣсья даже въ глубокой древности. Въ Борисовскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, въ окрестностяхъ Логойска и Березины, въ Губской пущѣ и другихъ дремучихъ лѣсахъ, насчитываютъ тысячи могильныхъ кургановъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ группами, курганъ при курганѣ, по нѣсколько сотъ. Такихъ же доисторическихъ памятниковъ много въ Новогрудскомъ и другихъ уѣздахъ Минской губерніи. Все пространство между Могилевомъ и р. Сожею, а также отъ м. Шклова, по теченью Березины и Друтьи до устья Припети, усѣяно могилами. Трудолюбивый А. Сементовскій, въ изданныхъ имъ въ 1867 г. «Памятникахъ старины Витебской губерніи,» знакомитъ насъ съ древностями этой области. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ Себежскомъ уѣздѣ 540 кургановъ, въ Полоцкомъ 111, въ Лепельскомъ болѣе 300, въ Городокскомъ около 100. Но конечно это не все. Добросовѣстный авторъ

исчислилъ только тѣ, существованіе которыхъ ему было положительно извѣстно. Въ Себежскомъ уѣздѣ курганы-могилы называются сопками, въ Городокскомъ—волотовками. Сементовскимъ же указаны — и многія описаны — болѣе замѣчательныя городища, замки и замковища.

Археологическихъ изслѣдованій въ четырехъ губерніяхъ, относительно, немного сдѣлано. Родные братья, гр. Евстафій и Константинъ Піевичи Тышкевичи производили археологическія разслѣдованія въ окрестностяхъ родоваго ихъ имѣнія Логойска и въ другихъ мѣстахъ Борисовскаго и Минскаго уѣздовъ. Послѣдній изслѣдовалъ также много кургановъ въ Могилевской губерніи. Совершивъ плаваніе по всему теченію р. Виліи, онъ коснулся и древностей Бѣлорусскаго полѣсья. Извѣстный историкъ Литвы, Ѳ. Е. Нарбуттъ производилъ археологическія изслѣдованія въ Могилевской губерніи; членъ московскаго археологическаго общества М. Ф. Кусцинскій — въ Витебской. Въ пятидесятыхъ годахъ и мы изслѣдовали значительное число кургановъ въ Минской губ., въ особенности въ Борисовскомъ и Новогрудскомъ уѣздахъ. Вотъ почти все, что намъ извѣстно, изъ систематическихъ научныхъ изслѣдованій первобытныхъ древностей въ Бѣлорусскомъ полѣсьѣ. Мы не причисляемъ къ этому неумѣлыхъ изслѣдованій Говорскаго, цѣликомъ переводившаго статьи гр. Е. П. Тышкевича и выдававшаго ихъ за свои.

Система дѣленія первобытныхъ древностей на три главныя эпохи: каменную, бронзовую и желѣзную, въ настоящее время поколеблена въ Европѣ. Только немногіе изъ археологовъ еще строго придерживаются этой системы. Что̀ прежде,— мѣдь, бронза или желѣзо,— сдѣлалось доступными доисторическому человѣку, вопросъ еще далеко неразрѣшенный; нѣкоторые же окончательно склоняются въ пользу желѣза. Но желѣзо болѣе всѣхъ металловъ подвержено уничтоженію; поэтому и приговоры о каменныхъ могилахъ, т. е. такихъ, въ которыхъ не найдено ничего металлическаго, кромѣ каменныхъ, кремневыхъ, костяныхъ и янтарныхъ издѣлій, должны быть очень осмотрительны: въ нихъ могло не быть бронзовыхъ издѣлій, но могли быть желѣзныя. Мы однако думаемъ, что тщательное изслѣдованіе всегда можетъ обнаружить, какъ это намъ не разъ случалось, присутствіе желѣза въ ржавчинѣ, остающейся въ землѣ при костякахъ. И потому только тогда, когда послѣ самыхъ точныхъ изслѣдованій мы придемъ къ полному убѣжденію, что въ могилѣ нѣтъ не только бронзы, но и малѣйшихъ слѣдовъ желѣза, а между тѣмъ найдутся издѣлія изъ глины, камня или кремня, кости и янтаря, — можно придти къ заключенію, что такая могила принадлежитъ къ каменному вѣку. Конечно, въ этомъ случаѣ весьма важно самое устройство могилы, керамическія издѣлія и ихъ орнаментовка, содѣйствующія уясненію вопроса.

Долгое время существовала еще система опредѣленія могилъ переходными эпохами, отъ каменной къ бронзовой и къ желѣзной. Къ переходной эпохѣ относили такія могилы, въ которыхъ, кромѣ бронзовыхъ или желѣзныхъ издѣлій, находили также и каменныя. Такая система рушится сама собою. Металлъ замѣнилъ камень; но народная вѣра, преданія, религіозныя понятія, поддерживаемыя жрецами, придавали особенное значеніе каменному орудію. Оно составляло предметъ, священный было принадлежностью обрядовъ. Вотъ почему мы находимъ въ могилахъ каменныя или кремневыя издѣлія рядомъ съ металлическими. Каменный молотъ или топорикъ въ такой могилѣ то же, что напр. каменный молотъ въ рукахъ Юпитера, хотя вся статуя вылита была изъ бронзы; то же, что кремневый ножъ въ рукахъ Еврея при обрѣзаніи, хотя давно уже были въ употребленіи болѣе удобные ножи изъ металла.

Въ этомъ отношеніи могилы Бѣлорусскаго полѣсья представляютъ странное явленіе, ежели сравнить ихъ съ могилами въ другихъ Славянскихъ земляхъ, гдѣ большею частью, почти въ каждой могилѣ, какъ равно и на кострищахъ, рядомъ съ издѣліями изъ металловъ непремѣнно попадается какое нибудь орудіе изъ камня или кремня. Въ бѣлорусскихъ могилахъ находка каменнаго издѣлія составляетъ величайшую рѣдкость. Неуясненный этотъ вопросъ тѣмъ поразительнѣе, что нигдѣ почти не находятъ въ такомъ обиліи каменныхъ и кремневыхъ булавъ, топоровъ, рубилъ, долотъ, скребковъ и т. п., какъ въ Бѣлоруссіи и на Литвѣ. Но

ихъ находятъ большею частью не въ могилахъ, а случайно при копкѣ канавъ, при обработкѣ полей и огородовъ, въ лѣсахъ, въ болотахъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ. Каждая такая находка свидѣтельствуетъ о заселенности этихъ мѣстъ въ первобытное время. М. Ф. Кусцинскій свидѣтельствуетъ, что въ продолженіе семнадцатилѣтнихъ археологическихъ изслѣдованій ему ни разу не пришлось встрѣтиться съ каменными орудіями въ курганахъ.

Еще замѣчательнѣе, что на побережьѣ Днѣпра и его притоковъ почти не находили могилъ каменнаго вѣка, т. е. такихъ, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ присутствія металлическихъ издѣлій, а только каменныя. Гр. К. П. Тышкевичъ описываетъ чуть-ли не исключительный случай находки каменнаго гроба съ сожженными останками. Это было въ имѣніи Зыковѣ, въ Минскомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1860 г. вотчинникъ этого имѣнія, Жабчинскій, приказалъ перевезти подъ фундаментъ вновь строившагося зданія большой камень, лежавшій на дворовой запашкѣ. Когда его сдвинули съ мѣста, то подъ нимъ нашлась черная плита, тщательно обдѣланная; когда же и ее приподняли, то подъ нею нашли еще три плиты, уставленныя прямоугольникомъ и упиравшіяся боками въ плоскій, ребромъ положенный, камень. Внутри стояли четыре урны съ пепломъ и недогорѣвшими косточками, а подъ ними кремневый клинъ. Каменныхъ же гробовъ, въ родѣ ящиковъ, составленныхъ изъ шести большихъ плитъ, съ поломъ и крышею, въ которыхъ обыкновенно помѣщались два костяка въ сидячемъ положеніи, а равно и такихъ, какіе описываетъ Дюбуа на Жмуди (могилъ великановъ), въ Бѣлоруссіи, до сихъ поръ, покрайней мѣрѣ, не найдено ни одного. Тѣмъ не менѣе, въ могилахъ послѣдующихъ эпохъ, въ которыхъ находили уже металлическія издѣлія, камень служилъ во многихъ случаяхъ основнымъ матеріаломъ для устройства могилъ. Гр. К. П. Тышкевичъ описываетъ курганы въ Селищѣ, въ Минскомъ уѣздѣ, для постройки которыхъ снесена была масса громадныхъ камней, хотя окрестность вовсе не каменистая. Въ Брицянкѣ, близъ Новогрудка, въ курганахъ тоже я находилъ много камней. К. И. Шмидтъ находилъ въ могилахъ камни, уложенные въ видѣ круга или четырехугольника, такъ что въ серединѣ помѣщались камни меньшаго размѣра, окружность же составлялась изъ большихъ камней.

Гробовъ, сложенныхъ изъ кирпичей, связанныхъ известковымъ цементомъ, какіе находилъ Д. Я. Самоквасовъ въ землѣ древнихъ Сѣверянъ, сколько намъ извѣстно, въ Бѣлоруссіи нигдѣ не отыскано.

Нѣтъ и гробницъ, изъ дубоваго дерева сложенныхъ, какія я находилъ въ галицкой Подоліи и на Покутьѣ.

Въ бѣлорусскихъ курганныхъ могилахъ мы находимъ и другія отличія отъ похоронныхъ обычаевъ другихъ Славянскихъ земель. Такъ напр. горшки и другіе сосуды, которые ставили покойнику съ яствами и питьемъ, въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ всегда находили въ ногахъ или въ головѣ, иногда только сбоку, но во всякомъ случаѣ на одной поверхности съ остовомъ, тогда какъ въ другихъ Славянскихъ земляхъ эти сосуды попадаются всегда повыше остова, въ курганной насыпи.

Какъ въ Литвѣ, такъ и на всемъ протяженіи Бѣлорусскаго Полѣсья особыхъ кладбищъ съ кострищами, какія существуютъ въ Польшѣ, въ Чехіи и нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ земляхъ, вовсе нѣтъ. Кострища, на которыхъ сожигали покойника и пепелъ хоронили въ урнѣ, въ Литвѣ всеобщи, а въ Бѣлоруссіи иногда только встрѣчаются, но одиночныя, и надъ ними, также какъ надъ костяками, насыпанъ курганъ. На общихъ кладбищахъ, гдѣ совершалось трупосожиганіе, очень часто случается находить урны въ два и три яруса, одна подъ другой. Въ бѣлорусскихъ курганахъ были также подобные случаи, но не на общихъ кладбищахъ, а въ курганныхъ насыпяхъ. Гр. К. П. Тышкевичъ разсказываетъ, что въ Копыскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, на берегу рѣки Бобра, при селеніи Старый-Бобръ, въ большомъ курганѣ, на глубинѣ 1 арш. 12 верш. онъ нашелъ сожженные останки, прикрытые камнемъ; ниже на одинъ аршинъ оказалась другая куча пепла и наконецъ третья на самомъ

днѣ кургана. Можно однако усомниться въ томъ, что здѣсь, какъ думаетъ гр. Тышкевичъ, похоронены три человѣка. Кучи эти съ пепломъ и костями неизслѣдованы. Въ нихъ, особенно въ двухъ верхнихъ, могли быть кости животныхъ. Поэтому намъ кажется, что эти двѣ кучи произошли отъ тризнъ, совершенныхъ по умершемъ, котораго сожженный прахъ покоился на днѣ кургана. По крайней мѣрѣ мы много разъ встрѣчали подобные остатки заупокойныхъ языческихъ тризнъ, какъ на общихъ кладбищахъ, такъ и въ одиночныхъ курганахъ.

Въ Черцахъ, близъ Лепеля, М. Ф. Кусцинскій, въ двухъ рядомъ лежащихъ курганахъ, нашелъ останки сожженными. Въ одномъ изъ кургановъ, въ урнѣ, подъ пепломъ и недогорѣвшими костями находился бронзовый бердышъ.

Мы замѣтили при раскопкахъ въ разныхъ Славянскихъ земляхъ, что въ большинствѣ случаевъ существовалъ обычай присыпать покойника не грунтовою землею данной мѣстности, но приносною, иногда даже издалека. Такъ напр., гдѣ грунтъ песчаный, покойника клали на черноземѣ и присыпали такою же землею, и наоборотъ, въ черноземномъ грунтѣ — присыпали пескомъ. Часто употребляли для этого глину или известь. Чтобы не вводить въ заблужденіе, мы должны пояснить, что мы говоримъ не о самомъ курганѣ, который могъ быть насыпанъ изъ мѣстной земли, но о присыпкѣ и подкладкѣ подъ покойника на днѣ кургана, или еще чаще въ глубинѣ земли. То же мы замѣчали многократно и въ Бѣлоруссіи.

По замѣчанію гр. К. П. Тышкевича, болѣе другихъ изслѣдовавшаго курганы въ Бѣлоруссіи, скелеты женскіе, судя по украшеніямъ, при нихъ найденнымъ, были выше мужскихъ. По его словамъ, каждый женскій скелетъ былъ нѣсколькими дюймами выше четырехъ футовъ, тогда какъ мужскіе часто не достигали этой мѣры. По нашему мнѣнію, такого заключенія нельзя принять за общее правило уже потому, что если тазъ въ остовѣ истлѣлъ, то по одному черепу и самый опытный антропологъ не всегда можетъ отличить мужской остовъ отъ женскаго Это мнѣніе высказано даже Вирховымъ. По нашимъ личнымъ наблюденіямъ, мы могли придти только къ такому заключенію, что въ курганную эпоху женщины были далеко выше ростомъ, чѣмъ въ настоящее время,— повторяемъ однако, насколько не обманываютъ насъ украшенія, находимыя при костякахъ, по которымъ мы узнаемъ женскіе скелеты.

Мы уже указали выше, что каждый курганъ насыпанъ надъ однимъ покойникомъ. По отношенію къ Бѣлоруссіи лично мнѣ извѣстны только два исключенія изъ этого общаго правила. Во время изслѣдованій, произведенныхъ мною вмѣстѣ съ гр. К. П. Тышкевичемъ въ Логойской пущѣ, Борисовскаго уѣзда, въ урочищѣ Словогоскіе-концы, въ одномъ курганѣ оказались два костяка, оба головами обращенные на юго-западъ, лежавшіе на разстояніи одинъ отъ другаго на 4 ф. 13 д., и какъ надо думать, судя по предметамъ, при нихъ найденнымъ, одинъ мужской, другой женскій. Вблизи этого кургана, въ другомъ, въ ногахъ остова найдена одна только голова, безъ остова. Черепъ этотъ лицомъ былъ обращенъ къ ногамъ костяка, а подъ нимъ лежалъ желѣзный обручъ, какъ будто обхватывавшій горло. Тутъ-же при черепѣ лежало красивой отдѣлки бронзовое ожерелье. Эти два случая, сколько намъ извѣстно, единственные въ Бѣлоруссіи, могутъ быть объяснены только тѣмъ, что жены умершихъ и здѣсь должны были слѣдовать съ мужемъ въ могилу. Но что значила одна голова безъ остова и куда дѣвался послѣдній, что наконецъ значилъ желѣзный обручъ, разъяснить трудно. Двойные костяки въ курганахъ очень часто попадались намъ въ галицкой Подоліи. Попадались даже женскіе, по всѣмъ признакамъ, остовы съ малолѣтними мальчиками.

Въ Новогрудскомъ уѣздѣ Минской губерніи, также какъ и въ Литвѣ, находилъ я въ курганахъ лошадиные остовы, что также по отношенію къ Бѣлоруссіи принадлежитъ къ исключительнымъ случаямъ, хотя въ другихъ странахъ, особенно на кострищахъ, мнѣ случалось очень часто находить много звѣриныхъ костей. Но эти кости могли происходить отъ животныхъ, съѣденныхъ во время заупокойной тризны, тогда какъ лошадь, по всѣмъ признакамъ,

была заживо засыпана землею. Въ Брицянкѣ, близъ Новогрудка, одинъ лошадиный остовъ, надобно думать, былъ зарытъ даже въ стоячемъ положеніи.

Изъ предметовъ, находимыхъ въ бѣлорусскихъ курганахъ, по количеству первое мѣсто принадлежитъ желѣзнымъ. Изъ желѣза встрѣчаются больше всего: топорики, сѣкиры, лезвія копій и стрѣлъ, мечи (такіе же по формѣ, какъ и бронзовые), ножи, маленькие (обрядные) серпы, находимые чуть не въ каждомъ курганѣ, и т. п. Затѣмъ идутъ предметы изъ бронзы, составляющіе преимущественно женскія украшенія: серьги, кольца, цѣпочки, булавки, браслеты, грудныя украшенія, бубенчики и т. п. Бусъ очень много — сердоликовыхъ, бронзовыхъ, стеклянныхъ разныхъ цвѣтовъ, серебряныхъ (очень мелкихъ), янтарныхъ и др. Бронзовыя издѣлія не отличаются особенною отдѣлкою. Къ болѣе замѣчательнымъ предметамъ мы можемъ причислить найденные нами съ гр. К. П. Тышкевичемъ вѣсы изъ бронзы въ курганѣ въ Логойскомъ лѣсу. Вѣсы маленькіе въ футлярѣ изъ рога. Кажется, это единственный случай въ Бѣлоруссіи, но совершенно такіе же вѣски нашли д-ръ Крузе въ Лифляндіи, Штабенъ и Гасакъ въ Курляндіи, Бэръ тоже въ Лифляндіи и П. Савельевъ во Владимірской губ., въ числѣ пяти экземпляровъ.

Большая часть предметовъ, добытыхъ изъ бѣлорусскихъ кургановъ, хранится въ Виленскомъ музеѣ древностей, въ древлехранилищѣ покойнаго гр. К. П. Тышкевича (нынѣ сына его Оскара Константиновича) въ Логойскѣ, въ собраніи древностей М. Ф. Кусцицкаго и вѣроятно у другихъ частныхъ лицъ, а также при Минскомъ Статистическомъ Комитетѣ. Ежели мы станемъ сравнивать бѣлорусскіе курганы-могилы съ такими же въ другихъ Славянскихъ земляхъ, то, кромѣ поразительнаго отсутствія могилъ каменной эпохи, бѣлорусскія могилы, при всемъ своемъ сродствѣ съ могилами другихъ Славянскихъ земель, представляетъ и еще нѣкоторыя особенности.

Бѣлорусскія могилы изобилуютъ желѣзными предметами, большею частью хорошо сохранившимися, и не представляютъ такой древности, какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ желѣзо въ могилѣ совершенно изъѣдено ржавчиною, такъ что нерѣдко отъ него остается только красноватая окись въ землѣ. Это тѣмъ поразительнѣе, что въ Бѣлоруссіи христіанство водворилось раньше, чѣмъ въ Литвѣ и у Латышей. Если даже предположить, что по водвореніи христіанства языческіе погребальные обычаи не могли быть вдругъ искоренены и продолжались покрайней мѣрѣ въ теченіе цѣлаго столѣтія, то и въ такомъ случаѣ, надобно полагать, что желѣзныя орудія, сложенныя въ могилѣ, пролежали въ ней не менѣе 800 лѣтъ. При этомъ надобно принять въ соображеніе, что такое громадное количество кургановъ, какое мы видимъ въ Бѣлоруссіи, нельзя относить къ этому исключительному періоду. Большая часть ихъ несомнѣнно относится къ болѣе отдаленной эпохѣ. Намъ кажется, что на это слѣдуетъ обратить вниманіе, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что желѣзныя орудія въ теченіе 800—1000 лѣтъ не уничтожаются ржавчиною и сохраняются болѣе или менѣе въ хорошемъ состояніи, такимъ образомъ представляется возможность дѣлать заключенія о древности такихъ могилъ, въ которыхъ желѣзо совершенно изгладилось, хотя и въ этомъ случаѣ ненадобно забывать, что въ могилѣ, кромѣ почвенныхъ условій, могли быть случайные проводники для преждевременнаго уничтоженія желѣза.

Немногочисленные примѣры нахожденія кострищъ въ Бѣлоруссіи доказываютъ, что преобладающимъ въ этой странѣ обычаемъ было не трупосожиганіе, но обыкновенное погребеніе умершихъ въ землѣ. Сожигались, можетъ быть, пришельцы, или же лица привилегированныхъ сословій, или принадлежащія къ какой нибудь особой кастѣ. Сожиганіе, какъ и въ другихъ странахъ, могло быть и всеобщимъ, предшествовавшимъ обыкновенному погребенію; изслѣдованія же, до сихъ поръ произведенныя, не обнаружили большаго числа кострищъ. Но, и при недостаточности изслѣдованій по этой части, все же нельзя не замѣтить, что, въ то время, какъ напр. на побережьѣ Вислы курганы вообще почти не существуютъ и замѣняются общими костри-

щами, занимавшими нерѣдко значительныя пространства; на побережьѣ Днѣпра, а также Западной Двины, даже урны съ пепломъ, изрѣдка попадающіяся, имѣютъ отдѣльныя курганныя насыпи. На побережьѣ Днѣстра, тщательно мною изслѣдованнаго въ Галичинѣ, съ весьма немногими исключеніями, та-же курганная система, а едва вы переступите за Санъ, курганы совсѣмъ исчезаютъ и начинается рядъ кострищъ. Мы даже рѣшаемся высказать съ увѣренностью, что тамъ, гдѣ нынѣ живетъ Русь, преобладаетъ курганная система, и трупосожиганіе является только какъ исключеніе.

Все нами сказанное относится исключительно къ Бѣлоруссамъ, но не къ Латышамъ, населяющимъ три уѣзда Витебской губерніи: Динабургскій, Рѣжицкій и Люцинскій, называемые Инфлянтами. Погребальные обычаи въ землѣ Латышей такіе же, какіе уже указаны нами въ общихъ чертахъ при описаніи Литовскаго полѣсья. Первобытныя древности Латышей изслѣдывали Крузе, Бэръ, Штабекъ, Гасенъ, Гревингъ, гр. Платеръ, Буйницкій и др. Замѣтимъ только, что здѣшнія бронзовыя издѣлія, а также серебряныя женскія украшенія, во множествѣ находимыя, отличаются превосходною отдѣлкою и носятъ несомнѣнные слѣды финикійскаго и римскаго происхожденія. Побережье Балтійскаго моря въ доисторическое время имѣло значительный перевѣсъ надъ сосѣдними областями. Янтарныя издѣлія, особенно бусы, здѣсь попадаются въ изобиліи. Предметовъ изъ камня находятъ очень много. Гр. К. П. Тышкевичъ разсказываетъ, что во время плаванія въ 1838 г. по Западной Двинѣ, съ цѣлію изслѣдовать берега рѣки, близъ замка Кокенгузена, подойдя къ рыбачьимъ хижинамъ, недалеко отъ Двины, онъ замѣтилъ растянутую на землѣ для просушки сѣть, въ которой вмѣсто обыкновенныхъ глиняныхъ кружковъ для тяжести прикрѣплено было къ веревкамъ нѣсколько десятковъ каменныхъ доисторическихъ молотовъ. А. Сементовскій исчисляетъ нѣкоторыя каменныя орудія, найденныя въ Лепельскомъ и Динабургскомъ уѣздахъ случайно, но вмѣстѣ съ человѣческими костями. Это были булава, долота, молоты, топоры, рубила и др. Онъ же сообщаетъ рисунки нѣкоторыхъ любопытныхъ бронзовыхъ украшеній. Въ числѣ ихъ была цѣпь длиною 3½ анг. фута, вѣсомъ 2½ фунта, съ наплечниками изящной отдѣлки. Эти послѣдніе возбудили даже ученое препирательство. Почтенный Сементовскій признаетъ ихъ наплечниками, Костомаровъ же за локотникъ или наколѣнникъ отъ древняго панцыря; наконецъ гр. А. С. Уваровъ и архимандритъ Амфилогій видятъ въ этихъ вещицахъ пряжки (fibula). Судя по рисунку и точному описанію, нельзя ни минуты сомнѣваться, что это были пряжки, какихъ мы много видѣли и какія намъ самимъ случалось находить въ курганахъ. Что же касается положенія цѣпи на остовѣ отъ лѣваго плеча наискось груди подъ правую руку, гдѣ она достигла праваго плеча, то на этомъ никакъ нельзя основывать заключеній. Извѣстно, что вслѣдствіе многоразличныхъ причинъ нерѣдко самое положеніе остова мѣняется, а предметы, при нихъ находившіеся, еще скорѣе могутъ измѣнить мѣсто, гдѣ были положены. Серьги и длинныя волосныя затычки намъ случалось находить осунувшимися въ ногахъ остова. Наконецъ Сементовскій упоминаетъ о находимыхъ серебряныхъ издѣліяхъ, о куфическихъ монетахъ, изъ коихъ одна висѣла на цѣпочкѣ на груди скелета, о бусахъ и пр.

Графъ Адамъ Платеръ въ окрестностяхъ Креславля, въ Динабургскомъ уѣздѣ, на берегахъ Западной Двины и вблизи многовѣковыхъ дубовъ находилъ много прекрасныхъ бронзовыхъ и серебряныхъ издѣлій, какъ напр. головные уборы, ожерелья, браслеты, проволочные поясы, кольца, цѣпочки, серебряныя и стекляныя бусы, мѣдные топорики, молоты, бердыши и др. Недалеко отъ Креславля, но уже за Двиною, на границѣ Курляндіи, въ имѣніяхъ его же гр. Платера, Гренцъ-Гоффъ и Энгельсбургъ, въ 1848 г. найдено имъ же до 30 каменныхъ орудій, молотовъ, сѣкиръ, долотъ, а также продолговатыя, тщательно обдѣланныя орудія, служившія, по мнѣнію гр. Платера, для просверливанія отверстій въ молотахъ и сѣкирахъ. Всѣ эти орудія сдѣланы были изъ змѣевика, котораго въ Инфлянтахъ нигдѣ нѣтъ.

Вблизи Бреславля, въ ущельѣ, на берегу озера Мандель сохранился весьма любопытный памятникъ временъ язычества. Это большой камень, на которомъ явственны выдолбленные круги и знаки въ родѣ буквы X. Гр. Платеръ полагаетъ, что знаки эти были символомъ богини Велоны и что поэтому камень этотъ вѣроятно былъ жертвеннымъ.

Здѣсь же вблизи находится гора, до сихъ поръ сохранившая названіе Солнасъ-Колнасъ, т. е. солнечная гора.

Древнѣйшихъ поселеній человѣка, вѣчевыхъ сходбищъ, судилищъ, жертвоприношеній, сборищъ окрестныхъ жителей въ случаѣ нападенія врага, однимъ словомъ—древнихъ городищъ очень много въ Бѣлоруссіи. Гр. К. П. Тышкевичъ описалъ подробно нѣкоторыя изъ городищъ въ Минской губ. Сементовскій сообщаетъ любопытныя извѣстія о городищахъ Витебской губерніи, присовокупляя нѣкоторыя изъ преданій, сохранившихся о нихъ. Преданія эти конечно ничего не уясняютъ и уяснить не могутъ, когда дѣло касается тысячелѣтій. Почти съ каждымъ городищемъ соединены легенды о кладахъ, сокровищахъ, хранящихся подъ городищемъ, и т. д. Правильныхъ, систематическихъ раскопокъ городищъ въ Бѣлоруссіи, кажется, вовсе производимо не было.

Невельскій идолъ.

И здѣсь, какъ и вездѣ, большая часть городищъ съ теченіемъ времени превращена въ замки и замковища.

Здѣсь же укажемъ на нѣкоторыя только городища, замковища и могилы, извѣстныя въ народѣ подъ разными наименованіями. Такъ напр. въ Витебской губерніи, въ Городокскомъ уѣздѣ, на одномъ изъ острововъ пространнаго озера, называемаго *Озерище*, существуетъ до сихъ поръ довольно хорошо сохранившееся городище, которое одни называютъ *Озерищемъ*, другіе—*Городищемъ*, увѣряя, что подъ этимъ именемъ здѣсь существовалъ городъ съ сильно укрѣпленнымъ замкомъ. Уцѣлѣвшія укрѣпленія состоятъ изъ вала длиною въ 168 метровъ. Выдающійся уголъ вала, наиболѣе возвышенный, обращенъ къ селенію называемому *Мѣстечко*, съ которымъ и самый островъ соединяется узкимъ, въ 18 метровъ, перешейкомъ. Возлѣ вала идетъ глубокій ровъ, вѣроятно наполнявшійся водою изъ озера. Кромѣ того многочисленные остатки свай, идущихъ отъ острова къ берегу на протяженіи двухъ до трехъ верстъ, по народному сказанію, свидѣтельствуютъ о существованіи двухъ мостовъ, соединявшихъ островъ съ берегомъ. Такія же сваи дозволяютъ догадываться, что былъ еще третій мостъ, соединявшій городище съ противоположнымъ, вблизи находящимся, небольшимъ островомъ. Сваи эти никѣмъ съ научной точки не изслѣдованы. Можетъ быть, это слѣды озерныхъ жилищъ, обыкновенно сооружавшихся вблизи городища. Во всякомъ случаѣ, какъ Городище на островѣ, такъ и Мѣстечко на берегу могли составлять одну цѣпь укрѣпленій. Замокъ былъ сожженъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1579 году. До сихъ поръ находятъ здѣсь много обломковъ разныхъ желѣзныхъ орудій.—Память же о Батурѣ, т. е. Баторіѣ, и теперь живетъ въ народѣ. Много сохранилось народныхъ легендъ объ этомъ городищѣ, которое вѣроятно имѣло подземный ходъ, какъ всѣ большія городища. Въ этомъ-то подземельѣ были избы съ желѣзными воротами, въ нихъ сидѣла очаровательной красоты дѣвушка, конечно зачарованная царевна, и при ней двѣ собаки. Называютъ даже по имени рыбака, именно Вѣхотка, который былъ тамъ и вынесъ оттуда много серебра и золота.

Въ томъ же Городокскомъ уѣздѣ, близъ деревни Голубцовой, на берегу озера, есть одинокая могила, называемая *Голубецъ*, весьма значительной величины, вся изрытая неумѣлыми раскопками искателей кладовъ. Въ окрестности всѣ жители убѣждены, что могила скрываетъ большія сокровища. Увѣряютъ даже, что не очень давно, у самой могилы вырыли слитокъ металла, полагаютъ—серебра, величиною въ головку капусты. Народное преданіе обстоятельно указываетъ на причину зарытія здѣсь сокровищъ: могила насыпана надъ прахомъ военачальника, купившаго побѣду своею смертію, а съ нимъ зарыты и сокровища. Ручей, вблизи протекающій, носитъ названіе *Красинца*, потому что послѣ битвы онъ весь былъ окрашенъ человѣческою кровью. Народъ не разъ видѣлъ чудныя явленія на Голубцѣ. Сѣдовласый старецъ на бѣломъ конѣ являлся на его вершинѣ и исчезалъ при приближеніи къ нему. Являлась гигантской величины пара прекрасныхъ лошадей и разныя другія явленія, доказывающія, по мнѣнію народа, что это стражи сокрытыхъ въ нѣдрахъ могилы сокровищъ. Недалеко отъ Голубца есть тоже одиночная могила, носящая названіе *Буды*. Въ срединѣ ея находится другая меньшая могила. Досужая фантазія различно объясняетъ такое названіе. Преданіе говоритъ, что здѣсь покоится какой-то военачальникъ по имени Буда; другіе видѣли на могилѣ бѣлую буду, т. е. кибитку, запряженную тройкой бѣлыхъ лошадей и много другихъ представленій, также какъ на Голубцѣ, свидѣтельствующихъ о сокровищахъ, въ могилѣ сокрытыхъ.

Въ Себежскомъ уѣздѣ замѣчательны городища, носящія названія *Яковцева*, *Иваниха* и высокій до 7 саженъ курганъ *Лукина*. Любопытенъ также *Чортовъ мостъ* на озерѣ Свибло, или Свивло. Мостъ состоитъ изъ каменной гряды, раздѣляющей озеро почти на двѣ равныя части. Легенда, приводимая А. Сементовскимъ, говоритъ, что въ окрестностяхъ жили два сосѣднія племени, Свевы и Ливы. У старшины племени Свевовъ была прелестная дочь. Она полюбила красавца Лива. Но тутъ явился съ предложеніемъ Нѣмецъ. Старшина отецъ, чтобы отдѣлаться отъ него, предложилъ ему въ теченіе одной ночи построить мостъ чрезъ озеро Свибло. Нѣмецъ согласился. И что же? Ночью невидимою рукою стали водружаться гигантскіе камни. Поднялся страшный гулъ, стукъ, плескъ. Работа кипѣла, мостъ на озерѣ уже былъ воздвигнутъ болѣе чѣмъ на версту и почти что не доставалъ противоположнаго берега, какъ вдругъ запѣлъ пѣтухъ, именно въ ту минуту, когда на землю упалъ неизвѣстно откуда двухсаженный камень, и затѣмъ все стихло. Мостъ былъ неоконченъ, а Нѣмецъ исчезъ. Понятно, всѣ догадались, что Нѣмецъ былъ чортъ. Прекрасная Свевка вышла за Лива, подарившаго своему тестю землю, которою онъ владѣлъ, почему старшина и назвалъ озеро Свевломъ, т. е. Свей-ливскимъ.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Завидичъ пом. Кусцинскаго, есть валъ длиною въ 30 аршинъ, который народъ называетъ *Змѣиной могилой*.

Много и другихъ этого рода памятниковъ глубокой старины сохранилось какъ въ Витебской, такъ и въ остальныхъ двухъ губерніяхъ Бѣлорусскаго полѣсья; но всѣ они еще почти неизслѣдованы въ археологическомъ отношеніи.

Языческихъ идоловъ не много найдено въ Бѣлоруссіи. Еще въ 1684 г., въ развалинахъ какого-то древняго каменнаго зданія, близъ Витебска, найденъ былъ, какъ полагаютъ, идолъ Перуна значительныхъ размѣровъ, стоявшій на подносѣ. Идолъ и подносъ были сдѣланы изъ чистаго золота. К. С. Стецевичъ, описавшій этотъ случай, говоритъ, что отъ этой находки многіе поживились и что даже папѣ въ Римъ послана была часть золота. Гр. К. П. Тышкевичъ свидѣтельствуетъ, что въ Борисовскомъ уѣздѣ, въ лѣсу, по теченію р. Пуни, мѣстные крестьяне, срубивъ старый дубъ, нашли въ дуплѣ его два истукана, одинъ серебряный, другой бронзовый. За серебряный предлагали имъ 100 р. Но оба достались владѣльцу лѣса, Чеховичу, который прячетъ ихъ и никому не показываетъ. Въ 1865 г. они еще были у Чеховича. Тышкевичъ долго упрашивалъ показать ему эти идолы, владѣлецъ все обѣщалъ — но не показалъ. Въ Полоцкомъ уѣздѣ, близъ Полоцка, въ имѣніи Бѣликовича Экиманія, въ пятидесятыхъ

годахъ, въ курганѣ, на груди костяка, найденъ былъ неизвѣстный идолъ изъ гладко шлифованнаго камня, изображавшій человѣка, восточнаго типа, въ длинномъ одѣяніи, полулежачаго, въ лѣвой рукѣ державшаго чашу, подносимую къ устамъ; правая подогнута; волосъ нѣтъ и слѣда, лицо обрюзглое. Длина статуэтки 104 милиметра. Статуэтка эта передана была мною въ бывшій Виленскій музей древностей. — Въ іюлѣ 1874 г. въ Невельскомъ уѣздѣ Витебской губерніи, незнаемъ гдѣ именно, при посадкѣ дерева найденъ былъ идолъ съ двумя головами, вышиною 9 дюймовъ. Въ археологическомъ музеѣ Ягеллонскаго университета, въ Краковѣ хранится фотографическій снимокъ съ этого идола. О дальнѣйшихъ его судьбахъ намъ не извѣстно. Знаемъ только, что онъ въ 1874 г. находился у исправника, г. Бурмейстера, въ Городкѣ. Вѣроятно, онъ уже давно въ одномъ изъ нашихъ публичныхъ музеевъ. Двуглавый идолъ долженъ бы обратить на себя особенное вниманіе. Представляемъ здѣсь вѣрное изображеніе этого замѣчательнаго идола съ обѣихъ сторонъ.

* * *

Много доисторическихъ памятниковъ въ Бѣлоруссіи истреблено временемъ, еще болѣе невѣдѣніемъ и равнодушіемъ. Къ счастію, сохранилось еще нѣсколько драгоцѣнныхъ памятниковъ, знаменующихъ историческій разсвѣтъ этой страны.

Камень для первобытнаго человѣка представлялъ величіе и силу. Съ камнемъ, онъ, самъ силачъ, не всегда могъ совладать. И онъ видѣлъ въ немъ олицетвореніе могущества, которое превышало его власть и силу. Онъ сталъ уважать этотъ камень. Онъ радовался кремню, болѣе уступчивому, и выучился дѣлать изъ него первые необходимѣйшіе для него предметы. Явились ножи, скребки, шила, наконецъ стрѣлы и другое оружіе. Потомъ мелкіе камни послужили ему орудіемъ для защиты и ратоборства съ дикимъ звѣремъ. Камень явился первымъ и сильнымъ пособникомъ въ его бурной, стихійной жизни. Изучивъ способъ добывать огонь, онъ раскладывалъ его на камнѣ. На камнѣ мѣсилъ глину, изъ которой лѣпилъ горшки. Камень затворялъ входъ въ пещеру и защищалъ отъ мамонта, пещернаго медвѣдя и другихъ звѣрей. На камняхъ приносились жертвы богамъ, совершались погребальныя тризны. Камень, наконецъ, вдохнулъ въ него мысль сооружать своимъ почившимъ, людямъ заслуги, гробницы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ранней молодости человѣка были люди, отличавшіеся отъ другихъ. Были патріархи, родоначальники поколѣній, господствовавшіе надъ ними, направлявшіе ихъ дѣйствія, защищавшіе ихъ. И человѣкъ рано усвоилъ мысль о необходимости увѣковѣчивать память такихъ людей. Такъ родилась потребность сооруженія памятниковъ. Первый гробъ на землѣ, когда человѣкъ пересталъ погребать своихъ покойниковъ въ пещерахъ, созданъ былъ изъ камня. Съ непонятною въ наше время силою, люди двигали громадные валуны или каменныя плиты, иногда изъ отдаленныхъ мѣстъ, и изъ нихъ сооружали каменные гробы, въ которыхъ слагали тѣла почившихъ, людей заслуги, патріарховъ поколѣній, вождей, вѣщателей суда и расправы. Таково начало дольменовъ, денгировъ и т. д.

Обыкновенный каменный гробъ былъ въ землѣ, былъ невидимъ. Тогда созналась потребность передать потомству о мѣстѣ погребенія. И вотъ надъ гробомъ стали воздвигать большіе каменные столы, строить цѣлыя пирамиды, накладывать громадныя кучи изъ камней. Затѣмъ явились сфинксы, мавзолеи и т. д.

Проходили тысячелѣтія, и камень всегда оставался главнымъ орудіемъ при исполненіи разныхъ религіозныхъ обрядовъ. Когда патріархъ Іаковъ помирился съ тестемъ своимъ Лаваномъ, то положилъ камень на землѣ и сказалъ окружавшимъ ихъ: наносите побольше камней. Такъ образовалась высокая груда камней. Патріархъ возсѣлъ на ней съ Лаваномъ и ѣлъ. Іаковъ назвалъ эту груду свидѣтельскою, а Лаванъ назвалъ galaad, т. е. грудою свидѣтеля (Бытія, 31, 45—48). — Когда Іаковъ возвратился изъ Месопотаміи и Господь повторилъ

ему обѣщаніе, данное Аврааму, размножить его племя, Іаковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Господь съ нимъ бесѣдовалъ, положилъ камень, совершилъ на немъ жертву и полилъ масломъ.

На Кавказѣ Осетинцы среди неприступныхъ горъ и непроходимыхъ дорогъ наваливаютъ груды камней. Каждый проходящій обязанъ прибавить камень. При такой грудѣ они останавливаются, молятся, слушаютъ предсказанія своихъ вѣщуновъ. На могилѣ убитаго громомъ накладываютъ высокій каменный курганъ, на вершинѣ втыкаютъ большую жердь и на ней вѣшаютъ кожу чернаго козла.

Можно бы еще очень много привести подобныхъ примѣровъ.

Металлическія орудія вошли въ общее употребленіе. Но религія не допускаетъ нововведеній, и каменныя орудія не переставали быть принадлежностью религіозныхъ обрядовъ.

Обычай изъ камня дѣлать гробницы перешелъ и къ христіанамъ. Въ большихъ камняхъ выдалбливали столько мѣста, сколько нужно, чтобы уложить покойника. Обычай этотъ существовалъ долго. Въ Логойскѣ мы видѣли такіе гроба Тышковъ, или Тышкевичей съ XV ст.

Такіе же обычаи, такое же уваженіе къ камнямъ, конечно, существовали въ первобытное время и среди народа, населявшаго нынѣшнюю Бѣлоруссію. Начинается историческій разсвѣтъ страны, и мы видимъ такое же обращеніе къ камню, какъ къ самому надежному матеріалу для увѣковѣченія памяти. Вотъ существуетъ уже Полоцкое княжество, и князья-властители, желая соорудить памятники, употребляютъ для этого каменья. Такъ можно объяснить и, думаемъ неиначе, сооруженіе каменныхъ памятниковъ князьями Полоцкими.

Замѣчательнѣйшій изъ этихъ памятниковъ — это такъ называемый Рогволодовъ камень, находящійся въ 19 верстахъ отъ города Орши, Могилевской губерніи, вправо отъ почтовой дороги, ведущей чрезъ мѣстечко Коханово въ Минскъ, въ полуверстѣ отъ деревни Дзятловки, принадлежащей къ имѣнію княгини Воронцовой, близъ деревни Листоновъ. Нынѣ камень лежитъ на землѣ, но темя его подымается на четыре вершка надъ поверхностью. Онъ состоитъ изъ черноватой или бурой песчаной плиты, и на немъ изсѣченъ двойной крестъ и широкая надпись, глубоко выдолбленными чертами, славянскими буквами, именно: «Въ 6679 (1171) мѣсяца мая въ 7 день доспенъ. Господи помози рабу своему Василію въ крещеніи именемъ Рохволоду сыну Борисову». Рогволодъ, лицо историческое, онъ былъ княземъ Полоцкимъ, господствовалъ также въ Слуцкѣ и Друцкѣ. Камень этотъ имѣетъ въ длину 4 аршина 4 вершка, въ ширину 3 аршина 6 вершковъ. Замѣчательно, что мѣстные жители называютъ его неиначе какъ надгробнымъ камнемъ, или гробницею. Онъ въ большомъ почитаніи у народа. Гр. К. П. Тышкевичъ пишетъ, что мѣстные поселяне разсказываютъ слышанное отъ дѣдовъ своихъ, будто онъ стоялъ на четырехъ ногахъ и имѣлъ голову, что въ совокупности представляло фигуру животнаго. По преданію, мѣстный мельникъ, отрубивъ ему голову, передѣлалъ его на мельничный камень, который не только самъ перемололся въ песокъ, но также измололъ все состояніе и все семейство мельника. Старики же разсказывали гр. Тышкевичу, что они сами помнятъ, какъ подъ этимъ камнемъ было порожнее мѣсто, куда обыкновенно прятались отъ дождя пастухи, пасшіе скотъ; впослѣдствіи оно засыпалось, и камень все болѣе и болѣе углублялся въ землю. Потомъ подъ него подложили камни меньшей величины. Ректоръ оршанской іезуитской коллегіи Дезидерій Ришардо, въ донесеніи своемъ канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцову, тоже свидѣтельствуетъ: «что надгробный камень утвержденъ на четырехъ столбахъ, а многіе старики помнятъ, что подъ нимъ можно было проходить, и что дѣти, гуляя, бѣгали подъ нимъ. Очевидно, что гробница подалась въ землю, ибо теперь она совсѣмъ лежитъ на землѣ». Это было въ 1818 г., и объ этомъ была напечатана статья въ «Виленскомъ Дневникѣ» въ томъ же году (№ 11, стр. 394).

Оршанскій камень найденъ былъ въ 1792 г. Свѣдѣніе объ немъ сообщилъ первый Мальгинъ въ «Зерцалѣ» въ 1794 г. Въ 1805 г. надъ камнемъ воздвигнута часовня, но въ 1812 г., при нашествіи непріятеля, она была разрушена. Впослѣдствіи крестьяне, какъ пишетъ

гр. Тышкевичъ, устроили вокругъ него стѣны и накрыли кровлею; такимъ образомъ образовался родъ часовни. «Теперь (т. е. въ 1846 г. или въ 1867 г.?) камень занимаетъ всю средину часовни, оставляя вокругъ себя узкую тропинку, по коей можно кругомъ обойти его».

Съ 1794 г. Рогволодовъ камень обращалъ на себя особенное вниманіе. Имъ интересовались архіепископъ Анастасій и генералъ Зоричъ; канцлеръ Румянцевъ, потомъ гр. Е. Ф. Канкринъ лично осматривали его. Послѣдній даже сообщилъ въ первый разъ точную копію надписи. Объ этомъ камнѣ писали, кромѣ помянутаго іезуита Ришардо, а также Мальгина, гр. Канкринъ, академикъ Кеппенъ, Карамзинъ, Калайдовичъ, Погодинъ, гр. К. Тышкевичъ, Шпилевскій, Кусцинскій и др. Главное вниманіе обращалось почти исключительно на надпись въ палеографическомъ отношеніи, но, сколько намъ извѣстно, никто не изслѣдовалъ въ строго-научномъ археологическомъ отношеніи.

А между тѣмъ, съ точки зрѣнія археолога, камень этотъ представляетъ замѣчательное явленіе въ Бѣлоруссіи, если мы будемъ смотрѣть на него какъ на рѣдкій мегалитическій памятникъ въ Россіи.

Никто не сдѣлалъ окончательнаго заключенія о назначеніи этого камня. Гр. К. Тышкевичъ считаетъ его пограничнымъ камнемъ, съ чѣмъ едва ли кто согласится. Намъ кажется, слѣдовало бы прежде всего обратить вниманіе на вполнѣ достовѣрное извѣстіе, подтверждаемое разсказами старжиловъ и очевидцемъ Ришардо, что камень былъ утвержденъ на четырехъ столбахъ, что подъ нимъ можно было проходить.

Это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что оршанскій камень относится къ глубокой древности, что это былъ *дольменъ*. Если мы взглянемъ на рисунки извѣстныхъ дольменовъ и представимъ себѣ оршанскій камень, поддерживаемый четырьмя встающими изъ земли камнями, тогда мы должны будемъ согласиться, что это настоящій дольменъ. Ежели-бы опытный археологъ сдѣлалъ со стороны подкопъ, онъ бы вѣроятно нашелъ вокругъ памятника въ землѣ прочно устроенную каменную обводную стѣну, поддерживавшую, въ свою очередь, вала помянутые четыре столбовые камня, на которыхъ опирался памятникъ.

Совершенно такой же мегалитическій памятникъ нашли мы въ галицкой Подоліи, при р. Серетѣ, въ Монастыркѣ, возлѣ изсѣченнаго въ скалѣ языческаго капища, въ которомъ находились двѣ колосальныя фигуры собакъ, къ сожалѣнію, недавно истребленныя. Этотъ памятникъ, состоящій изъ большаго песчаника, длиною 390 сантиметровъ, шириною 230, опирался на трехъ, сравнительно небольшихъ, каменныхъ столбикахъ (имѣвшихъ въ окружности 175 сант.), такъ что дольменъ отстоялъ отъ земли на 63 сантим.

На первый взглядъ казалось непостижимымъ, какимъ образомъ такой громадный камень могъ держаться на трехъ столбикахъ. Послѣдующія тщательныя изысканія объяснили дѣло. Въ землѣ, подъ дольменомъ, вокругъ устроена была стѣна изъ однихъ камней, въ 60 сант. вышиною, имѣвшая, надобно полагать, главною цѣлію укрѣпленіе и упроченіе означенныхъ трехъ подпоръ на поверхности земли, на которыхъ опирался памятникъ. Искусство, съ какимъ была построена эта подземная стѣнка, безъ извести или какого либо связующаго матеріала, изумительно. Камни такъ плотно уставлены одинъ при другомъ, что образуютъ какъ-бы сплошную стѣну, сдавленные же ими выдающіеся на поверхности камни тѣмъ только отличаются, что выше другихъ.

Легенда о томъ, что оршанскій камень имѣлъ голову и походилъ на животное, конечно, принадлежитъ къ поэтическимъ вымысламъ. Для насъ важно только то, что этотъ камень лежалъ не на землѣ, но стоялъ, какъ говоритъ народъ, на четырехъ ногахъ.

Наше предположеніе, что это былъ древній дольменъ, нисколько не умаливаетъ историческаго значенія этого памятника. Такова ужь судьба дольменовъ, что послѣдующіе народы пользовались ими, приспособляя ихъ къ своимъ нуждамъ. Вѣдь извѣстно, что кельтическіе друиды употребляли ихъ какъ алтари и на нихъ приносили богамъ жертвы. Дольменъ въ Мо-

настыркѣ, о которомъ мы упомянули, тоже былъ приспособленъ для какого-то христіанскаго обряда: на немъ изсѣченъ длинный и глубокій крестъ. Точно также и на оршанскомъ камнѣ была сдѣлана надпись по желанію Полоцкаго князя. Величественный древній дольменъ, съ которымъ могли быть связаны преданія, приводилъ въ удивленіе князя, и онъ приказалъ вырѣзать на немъ свое имя, желая увѣковѣчить свою память. — Строгое, научное изслѣдованіе этого памятника въ археологическомъ отношеніи несомнѣнно объяснитъ намъ его значеніе.

При описаніи Литовскаго полѣсья, мы уже упомянули о двинскомъ камнѣ близъ Дисны. Двинскихъ камней есть еще нѣсколько въ предѣлахъ Витебской губерніи. Такъ г. Сементовскій въ своихъ «Памятникахъ старины» свидѣтельствуетъ, что въ руслѣ Западной Двины, въ разныхъ мѣстахъ, на пространствѣ между Полоцкомъ и Дриссой, еще и по нынѣ, при спадѣ воды, виднѣются громадные гранитные валуны, съ высѣченными на нихъ, разной формы, крестами и славянскими надписями, въ которыхъ упоминается о рабѣ Божіемъ Борисѣ. Объ этихъ камняхъ писалъ еще Стрыйковскій, Кояловичъ и др. Древность ихъ несомнѣнна. Гр. Тышкевичъ и Щитъ считаютъ такихъ камней семь. Сементовскій описываетъ четыре камня. О камнѣ близъ Дисны мы уже говорили. Второй лежитъ въ 5верст. отъ Полоцка, насупротивъ съ одной стороны урочища Прорытка, а съ другой имѣнія Герахты, близъ лѣваго берега Двины, цвѣта красноватаго, имѣетъ четыре аршина въ высоту и одиннадцать въ окружности. На немъ изображенъ четырехконечный крестъ и надпись:

«Іисусъ Христосъ Господи рабу помо....»

Третій камень находится среди рѣки, между имѣніями Болотниками и Повянушкою. На немъ крестъ съ двумя перекладинами и надписью:

«Господи помози рабу своему Борису.»

Окружность его двадцать четыре аршина.

Четвертый камень лежитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лѣваго берега Двины, при впаденіи въ нее Повянушки. Величина его въ поперечникѣ два аршина. На немъ четырехконечный крестъ и надпись, совсѣмъ почти изглаженная.

Въ 1865 г. въ Витебскѣ, насупротивъ древней Успенской церкви, въ 25 шагахъ отъ подошвы круто подымающагося берега З. Двины, найденъ камень съ шестиконечнымъ крестомъ, безъ всякой надписи. Онъ виденъ при высотѣ уровня воды 2 аршинъ 13 вершковъ. Народъ называетъ этотъ камень Іосафатовымъ. Кажется, камень этотъ въ связи съ убійствомъ уніатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, тѣмъ болѣе, что онъ найденъ въ рѣкѣ близъ Успенскаго собора, а извѣстно, что Кунцевичъ былъ убитъ въ своихъ палатахъ на Лысой горѣ, гдѣ нынѣ Успенскій соборъ. Послѣ убіенія тѣло Кунцевича положили въ мѣшокъ, къ ногамъ привязали камни и бросили въ Двину. Біографы его говорятъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти чудесное появленіе божественнаго свѣта указало мѣсто, гдѣ покоились его останки. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что тѣло Кунцевича найдено было на третій день послѣ убійства и на лодкѣ перевезено въ Витебскъ. Весьма вѣроятно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ найдено тѣло, положенъ означенный камень и что съ нимъ въ связи вышеприведенное чудо появленія божественнаго свѣта.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ, на берегу озера Воронечскаго, лежалъ камень, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ Витовтовы тарелки. На немъ замѣтны слѣды шести углубленій, имѣющихъ видъ тарелокъ. Преданіе говоритъ, что на этомъ камнѣ обѣдалъ великій князь Витовтъ, когда, въ 1426 г., бралъ приступомъ замокъ Воронечъ. Въ 1844 г. камень этотъ, съ обрушившимся берегомъ, упалъ въ озеро, но потомъ добытъ и перевезенъ въ имѣніе Воронечъ. Онъ имѣетъ видъ круглый съ плоской вершиной, вышиною три четверти аршина, въ окружности около трехъ аршинъ.

Есть еще камень въ томъ же уѣздѣ, у берега рѣки Ушачи, почти постоянно покрытый водою, называемый Витовтовы вилки. На немъ имѣется знакъ, похожій на вилки.

Не надобно удивляться этимъ названіямъ, передаваемымъ народнымъ преданіемъ. Камни эти могутъ относиться къ глубокой древности, знаки эти могли имѣть совсѣмъ другое значеніе, или можетъ быть они случайные, но Витовтъ могъ дѣйствительно на нихъ обѣдать, и народъ связалъ съ его именемъ эти камни. Такихъ примѣровъ народной памяти и уваженія къ литовскому герою много на всемъ протяженія Литвы и Руси. Существуютъ Витовтовы броды, Витовтовы бани (на островѣ Тамани), Витовтовы шляки (тракты). Въ Вилейскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Любаня, на небольшой рѣченкѣ есть плохой мостикъ. Народъ до сихъ поръ величаетъ его названіемъ Витовтовъ мостъ. Жизнь и великія дѣянія литовскаго господина и осподаря, какъ его называли, глубоко врѣзались въ народной памяти.

Въ томъ же Лепельскомъ уѣздѣ, у самой дороги, ведущей изъ Суши въ Уллу, находится большой каменный крестъ изъ гранита, вышиною одинъ и три четверти аршина, шириною одинъ съ четвертью. На крестѣ высѣчена славянскими буквами надпись на бѣлорусскомъ нарѣчіи: афхе ту пло—о оу поле сжвирь во хрьту поставилъ по бите по. т. е. «1569 здѣсь положено 200 жовнеръ (воиновъ) во Христу поставилъ послѣ битвы....» послѣднее слово непрочтено.

Извѣстно, что во время войны Іоанна IV съ Сигизмундомъ Августомъ, въ 1568 г., подъ Улою Литовцы претерпѣли большое пораженіе. Здѣсь начальствовалъ Янъ Ходкѣвичъ, староста жмудскій. Памятникъ вѣроятно поставленъ въ слѣдующемъ году.

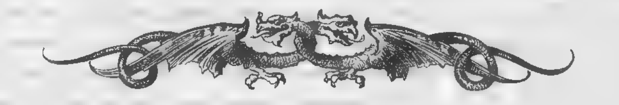
При передѣлкѣ какого-то монастыря въ Оршѣ найдена была въ нишѣ замурованною желѣзная кольчуга. Она замѣчательна тѣмъ, что, состоя изъ нѣсколькихъ тысячъ плоскихъ колецъ, на каждомъ изъ нихъ имѣетъ какую-то славянскую надпись. Кольчуга эта доставлена была въ пятидесятыхъ годахъ въ Виленскій музей древностей. Надписи и до сихъ поръ не прочтены, что впрочемъ едва-ли и возможно, потому что кольца тѣсно связаны одно съ другими и закрываютъ надписи.

Въ древней Логойской церкви, въ скленѣ которой хоронились лица рода Тышкевичей, отыскавъ большой надгробный камень съ изсѣченною на немъ славянскою надписью: «во истину преставился Остафей Васильевичъ Тышкевичъ 1558». Памятникъ этотъ доставленъ былъ покойнымъ гр. Е. П. Тышкевичемъ, въ Виленскій музей.

Какъ въ Виленскомъ музеѣ, такъ равно въ древлехранилищѣ, устроенномъ гр. К. П. Тышкевичемъ въ Логойскѣ, хранится много предметовъ первыхъ временъ христіанства, отысканныхъ въ разныхъ мѣстахъ Бѣлорусскаго полѣсья, какъ напр. кресты, крестики, складни, серебряные, мѣдные, бронзовые, кипарисовые, образки, церковная утварь и мн. др.

Изъ земляныхъ насыпей исторической эпохи достойна вниманія гора Рогнѣды, въ Полоцкомъ уѣздѣ, на полуостровѣ называемомъ Перевозъ, между устьемъ, впадающей въ озеро Дриссу, рѣчки Уши и истокомъ выходящей изъ него рѣчки Дриссы. Окружность горы имѣетъ до 300 аршинъ, вышина пять съ половиной саженъ. Народное преданіе говоритъ, что на этой горѣ былъ убитъ князь Рогволодъ ударомъ каменнаго молота, а потомъ здѣсь же погребена княгиня Рогнѣда, отъ чего народъ и называетъ этотъ памятникъ горою Рогволода и Рогнѣды. Какъ въ самой горѣ, такъ и въ озерѣ Дриссѣ нерѣдко находили каменные молоты и палицы.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ II.

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСТВА. ВЪ ПРАЗДНЕСТВАХЪ, ОБРЯДАХЪ И ПѢСНЯХЪ.

Названіе и предѣлы Бѣлоруссіи. — Коляды. — Цари и царицы четырехъ временъ года. — Празднество Громовницы. — Масляница. — Великій постъ. — Свѣтло Христово Воскресенье. — Радуница. — Дзяды. — Богиня Ліоля и Ляльникъ. — Св. Георгій. — Ярило. — Св. Тройца. — Семикъ и кустъ. — Русалки. — Св. Борисъ и Глѣбъ. — Св. Микола Мокрый. — Иванъ Купала. — Сопуха. — Ціоця. — Св. Петра и Павла. — Велезъ. — Св. Илья. — Перунъ. — Покровъ Богородицы и св. Пятница. — Жыцень. — Св. Козьма и Даміанъ. — Зюзя. — Морозъ. — Жижаль. — Жля и Карна. — Чуръ. — Лѣшіе. — Бѣлбогъ. — Домашніе бѣсы. — Духи и короли. — Богатыри. — Великаны. — Баба-Яга.

~~~~~~~~

Дзѣдко свинушку убиу.
Дзѣдко бѣленькую,
Свинку пѣгенькую.
Ай да Божья Коляда!
Прилятай къ намъ съ высока,
Разъ въ желанный годъ.

. . . .
Ай, ехъ, Коляда,
Ляци швыдче съ высока.
Да морозомъ не тряси,
Басловья къ намъ няси!

(БѢЛОРУССКАЯ КОЛЯДСКАЯ ПѢСНЯ).

Строгая критика до сихъ поръ не опредѣлила съ положительною ясностью, отъ чего произошло названіе Бѣлоруссіи? Много было говорено и написано объ этомъ, но до точныхъ и окончательныхъ выводовъ никто не договорился. Можетъ быть, самое близкое опредѣленіе это наружныя типическія черты и одежда бѣлая, иногда только сѣрая. У Бѣлорусса русые, часто почти бѣлые, волосы, сѣрые, свѣтлые глаза; бѣлая, иногда сѣрая, шерстяная одежда, бѣлыя шляпы домашняго издѣлія изъ овечьей шерсти, странной, особенно у молодыхъ, конусовой формы; у женщинъ бѣлые платки, у дѣвушекъ бѣлыя наметки (намитки) изъ холста.

Сначала Бѣлорусью называли только нынѣшнія Могилевскую и Витебскую губерніи, въ которыхъ, особенно въ Могилевской, бѣлый цвѣтъ одежды и до сихъ поръ преобладающій, но въ настоящее время, съ этнографической точки зрѣнія, какъ въ племенномъ, такъ въ бытовомъ и народномъ отношеніи, Бѣлоруссіею справедливо называютъ всѣ три губерніи: Могилевскую, Витебскую и Минскую. Исключеніе составляютъ только три уѣзда Витебской губерніи, населенные Латышами. Можно-бы сдѣлать еще изъятіе для Пинскаго, отчасти и Мозырскаго уѣздовъ Минской губерніи, гдѣ нарѣчіе болѣе подходящее къ малороссійскому. Но всѣ другія этнографическія условія ничѣмъ особеннымъ не отличаютъ жителей этихъ уѣздовъ отъ Бѣлорусскаго племени. Къ Бѣлоруссіи принадлежитъ и часть Смоленской губерніи (кромѣ сѣверныхъ уѣздовъ: Гжатскаго, Сычевскаго, Бѣльскаго и Порѣчскаго). Этого мало. Къ Бѣлорусскому племени надобно причислить жителей Вилейскаго и Дисненскаго уѣздовъ Виленской губерніи, юго-восточной части Ошмянскаго и Свенцянскаго уѣздовъ и юговосточной части Лидскаго уѣзда (за исключеніемъ трехъ приходовъ, населенныхъ Черноруссами) Виленской губерніи, большую часть Ново-александровскаго уѣзда Ковенской губерніи и большую часть Гродненской губерніи. Этимъ не ограничиваются предѣлы Бѣлорусскаго
~~~~~~~~

племени. Де-Ливронъ справедливо относитъ къ Сѣверско-Бѣлорусскому полѣсью часть Черниговской губ., Псковскую, кромѣ Холмскаго, Торопецкаго и Великолуцкаго уѣздовъ, Жиздринскій и Мосальскій уѣзды—Калужской, и Брянскій, Сѣвскій, Трубчевскій и Карачевскій уѣзды—Орловской губерніи. Всего 180402 кв. версты. Наконецъ, небольшое число Бѣлоруссовъ живетъ въ Херсонской и Пензенской губ. Число жителей, принадлежащихъ къ Бѣлорусскому племени, считаютъ до 3 милліоновъ, но оно въ настоящее время гораздо больше.

Бѣлорусскій пейзажъ.

Одежда и даже народные типы нѣсколько отличны у жителей трехъ приходовъ Лидскаго уѣзда, въ такъ называемомъ Пинскомъ полѣсьѣ, въ Новогрудскомъ уѣздѣ и небольшой части Гродненской губерніи, населенныхъ племенемъ Черноруссовъ. Но этнографъ, какъ въ бытовомъ, такъ и вообще въ народномъ отношеніи, напрасно будетъ искать рѣзкихъ отличій между Бѣлоруссами и Черноруссами. Если и были отличія, то они давно изгладились, и мы нынѣ вправѣ принимать ихъ за одинъ народъ. Если же въ нѣкоторыхъ приходахъ и есть уклоненія отъ общепринятыхъ народныхъ обычаевъ, то таковыя найдутся и въ средѣ сплошной массы Бѣлоруссовъ, преимущественно въ различіи тѣхъ или другихъ обрядовъ; этнографическая же суть, главныя руководящія начала, какъ племенное знаменіе, вездѣ почти однѣ и тѣ же.

Поэтому, представляя краткій этнографическій очеркъ Бѣлоруссовъ, мы не ограничиваемся жителями однѣхъ только трехъ названныхъ губерній, составляющихъ Бѣлорусское полѣсье, но имѣемъ также въ виду и указанные нами выше уѣзды Литовскаго полѣсья. Разницы въ обрядности, какъ мы уже замѣтили, можно встрѣтить не только по уѣздамъ, но даже и по приходамъ. Думаемъ однако, что, передавая нравы, обычаи, повѣрья, преданія, хотя и въ общихъ чертахъ, мы представимъ вѣрное очертаніе всего Бѣлорусскаго племени, указывая, по возможности, на болѣе выдающіяся стороны той или другой мѣстности.

*
* *

Какъ Сербія и Болгарія, такъ равно и Бѣлоруссія, богаче всѣхъ другихъ славянскихъ земель миѳологическими преданіями и пѣснями, которыя поются тысячи лѣтъ, хотя нѣкоторыя уже съ христіанскимъ оттѣнкомъ, но коихъ главное содержаніе и, большею частью, даже самыя выраженія несомнѣнно относятся ко временамъ язычества. Не только преданія и пѣсни убѣдятъ насъ въ этомъ, но и обрядные обычаи, таящіе въ себѣ много нитей, связывающихъ современность съ отдаленнѣйшимъ прошлымъ.

Мы убѣдимся въ этомъ, когда прослѣдимъ цѣлый годъ жизни Бѣлорусса въ его народныхъ празднествахъ, обычаяхъ, обрядахъ и повѣрьяхъ.

Начнемъ съ *Коляды,* самаго поэтическаго и древнѣйшаго изъ славянскихъ празднествъ, имѣющаго несомнѣнное миѳологическое значеніе, до сихъ поръ свято чтимаго и исполняемаго въ Бѣлоруссіи.

Коляда или Колядки празднуются съ 24 декабря по 1 января, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжаются даже до Крещенья. Коляда вполнѣ соотвѣтствуетъ сербскому Божичу, новорожденному богу, который, въ этомъ смыслѣ, весьма близокъ къ таинству бѣлорусской Коляды. Обрядность разнится, но сущность та-же, рожденіе новаго Божича (солнца), побѣда свѣта надъ тьмою, первый радостный праздникъ солнца, торжество солноворота. Но даже и въ обрядныхъ обычаяхъ есть кое-что общее. Какъ у Бѣлоруссовъ, такъ и у Сербовъ и у многихъ другихъ Славянъ — убіеніе ко-Ладѣ кабана, свиньи, поросенка считается необходимостью. Народная пѣсня, приведенная нами выше, не даромъ говоритъ: «Дзѣдко свинушку убиу.»

Мы не станемъ распространяться о происхожденіи слова Коляда, или Коледа. Объ этомъ много уже было говорено нашими этнологами. Обращаемся исключительно къ Бѣлоруссіи. Здѣсь Коляды, Колядки собственно значатъ рождественскій праздникъ. Этимъ же словомъ называютъ все даримое приходскому священнику, по древнему обычаю посѣщающему каждый домъ, какъ господскій, такъ и крестьянскій, во время праздниковъ, отъ чего и говорятъ «ксендзъ, (или попъ) ѣдзѣ по колендзѣ».—«Ходзиць или бѣгаць *по колендзѣ*»—значитъ собирать праздничные дары (большею частью что нибудь свиное). Колядой также называются дары, которыми надѣляетъ хозяинъ своего наемнаго паробка (работника), оставляющаго у него службу, ибо во второй день Рождества, по принятому съ древнѣйшихъ временъ обычаю, хозяева и работники разсчитываются и или заключаютъ новыя условія, или же разстаются. Отсюда и поговорка: «На святый Сципанъ, кажды сабѣ панъ» (26 декабря св. Стефана у р. католиковъ).

Миѳологическое значеніе Коляды явствено изъ древней пѣсни, которую и до сихъ поръ поютъ въ Пинскомъ уѣздѣ. Она снискала громкую извѣстность. Многіе этнографы обратили на нее особенное вниманіе. Вотъ самый существенный отрывокъ изъ этой пѣсни:

Ого-го, козынька,
Ого-го, сѣра,
Ого-го, бѣла!
Выскочиу воучокъ,
Козу за бочокъ,
А волченята
За козенята;
Мудрая козынька
Догадалася, —
Въ ницыя (низкія) лозоньки
Заховалася:
Южъ не боюся
Ни у полѣ лоуца,
Ни у лисѣ стрѣльца.
Оно боюся
Стараго дзѣда
Сиво-борода,
Той мяне забье
Зъ тугого лучка,
Зъ праваго плечка.

Бѣлоруссъ, среди морозной зимы, съ мятелями и вьюгами—когда дни постоянно убываютъ и ночь застилаетъ передъ нимъ всю природу, когда вѣщій вой волковъ (тоже, что завываніе бури), подходящихъ къ самой его загороди, пугаетъ дѣтей и взрослыхъ, — мрачно проводитъ декабрскіе дни среди своихъ дремучихъ лѣсовъ и пустынныхъ болотъ. Въ былое время воображенію его рисовался конецъ міра; онъ зналъ, что въ это время происходитъ страшная борьба добра со зломъ, свѣта съ тьмою; что это время господства Ситиврата, или Карачуна, подземнаго царя, повелителя морозовъ, Зюзи, какъ его и теперь называютъ Бѣлоруссы. Онъ воюетъ съ свѣтлымъ богомъ, съ самимъ Перуномъ. Но близится первый праздникъ солнца (солноворота, когда оно вступаетъ въ знакъ Козерога); подземный царь предчувствуетъ, что долженъ родиться Божичъ, свѣтлое солнышко, и что тогда борьба сдѣлается невозможною. Ситивратъ хочетъ погубить новорожденнаго; онъ оборачивается въ медвѣдя, набираетъ цѣлую стаю волковъ (т. е. мятелей) и вмѣстѣ съ ними гоняется за женою Перуна, Громовницей, долженствующей, низойдя на землю, родить Божича, т. е. Дажбога, или солнце. Громовница, въ понятіи народа теперь Коляда, прячется и въ ивнякахъ рождаетъ Дажбога.

Послѣ этого смыслъ пѣсни ясенъ. Мы видимъ, что здѣсь дѣйствуютъ: коза, медвѣдь, волкъ, свинья. Они являются здѣсь не случайно — они имѣютъ свое миѳологическое значеніе — и мы поговоримъ о нихъ.

Миѳъ этотъ дѣлается еще понятнѣе, когда вспомнимъ, что греческая Амальтея тоже превращается въ козу. Божичъ — тотъ же Зевсъ, а сивобородый старецъ — Кронъ, или его братъ Титанъ, преслѣдующій роднаго сына. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Квашнинъ-Самаринъ, бѣлорусскій миѳъ восходитъ ко временамъ предшествующимъ дуализму, такъ что въ этомъ случаѣ преслѣдователемъ новорожденнаго является не Чернобогъ, но близкій къ нему, подземный царь, Ситивратъ, Карачунъ, у Бѣлоруссовъ Зюзя, братъ Перуна.

Коза — высшее существо, оплодотворяющее. Та же пинская пѣсня говоритъ:

Гдзѣ коза тупою (стопою),
Тамъ жито купою;
Гдзѣ коза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ;
Гдѣ коза ходзиць,
Тамъ жито родзиць.

Миѳъ козы изъ пѣсни понятенъ—это сама богиня Громовница (Жива, Сива): она оплодотворяетъ, она никого не боится, ей только страшенъ старый дѣдъ, сивобородый, т. е. подземный царь, съ которымъ обреченъ бороться и мужъ ея и сынъ (Перунъ и Дажбогъ). Коза у всѣхъ Славянскихъ народовъ играетъ немаловажную роль. Она была мила Перуну, а молоко ея считалось небесною влагою. Въ Бѣлоруссіи значеніе козы и до сихъ поръ еще типичнѣе, явственнѣе. И нынѣ существуетъ обычай въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи (также какъ въ восточной Галиціи и у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ) наряжаться козою. Молодой парень надѣваетъ шерстяную бѣлую рубаху, къ вороту которой пришиваетъ голову козы, съ мордой и рожками. Случается, что голова эта сдѣлана довольно искусно, изъ какого нибудь пучка, а морда изъ двухъ деревянныхъ пластинокъ, покрытыхъ шерстью, подъ которою проведена веревка, такъ что представляющій козу, незамѣтно подергивая веревку, заставляетъ пластинки щелкать, и зрителямъ можетъ казаться, что коза щелкаетъ зубами. Переодѣтый козою парень, сопровождаемый толпою, расхаживаетъ по деревнѣ, изъ избы въ избу, поетъ пѣсни, разсказываетъ были, порождая общую веселость.

Медвѣдь, въ котораго оборачивается Ситивратъ, именно въ это время, т. е. въ день солноворота поворачивается въ своей берлогѣ съ одного бока на другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ дни солнечнаго зимняго поворота, медвѣдя почитали даже царемъ звѣрей. Въ

Сцены изъ жизни Бѣлоруссовъ.

прежнее время на Колядки водили ручнаго живаго медвѣдя съ козою. Теперь кое-гдѣ еще наряжаются медвѣдемъ—но въ большинствѣ главная роль предоставлена козѣ.

Волкъ тоже не лишенъ миѳическаго значенія. Волкъ олицетворяетъ силу холода и зимы. Декабрь называли волчьимъ мѣсяцемъ. Въ это время у нихъ начинается періодъ течки, и они бродятъ стаями. Вотъ почему у Бѣлоруссовъ волкъ является въ роли демона, орудіемъ злой силы, старающейся погубить новорожденнаго Божича.

Наконецъ вепрь, свинья почти у всѣхъ Арійцевъ на зимнемъ праздникѣ приносились въ жертву богу-солнцу,—обычай, хотя безсознательно, и нынѣ существующій у многихъ Славянъ. Въ Бѣлоруссіи, какъ и во всѣхъ Западныхъ губерніяхъ, не только въ господскихъ домахъ, но и въ средѣ крестьянства, каждый зажиточный хозяинъ кормитъ съ осени кабана и убиваетъ его къ Рождеству. Это и зовутъ «забиць каляду», или «забили къ калядѣ». Объ этомъ убіеніи мы привели пѣсню въ началѣ статьи. Пѣсню эту народъ и теперь поетъ

Въ мистеріяхъ, разсказываемыхъ во время представленій съ козою, важную роль играетъ богъ зимы, Зюзя. Бѣлоруссъ его хорошо знаетъ. Онъ сѣдъ, съ длинною бородою, съ босыми ногами, въ бѣлой шубѣ, безъ шапки, съ желѣзною булавою. Чтобы его задобрить, чтобы не былъ лютъ, ему оставляютъ кутьи, а еще чаще хозяинъ первую ложку кутьи бросаетъ за окно, приговаривая: «морозъ, ходзи куцью ѣсьци». Особенно наканунѣ Новаго года ему откладываютъ кутьи въ особую миску и оставляютъ ее на ночь на столѣ, увѣряя, что Зюзя придетъ «куцьи поѣсць». Большую часть зимы проводитъ онъ въ лѣсу, но иногда посѣщаетъ и деревни, а каждое его появленіе предвѣщаетъ жестокую стужу. Когда Зюзя разсердится, онъ ударяетъ своей булавой въ пень—и пошли трескучіе морозы.

Наканунѣ Рождества, по народному повѣрью, отверзается пресвѣтлый рай, а Славяне съ благоговѣніемъ указываютъ на звѣзду Звѣриницу (Венеру, Фрею, Сиву, Ціоцю). Бѣлоруссъ, указывая на звѣзду, говоритъ: «видзишъ вовчу звѣзду». Миѳъ рождающагося солнца, въ этомъ случаѣ, смѣшивается съ христіанскимъ преданіемъ о звѣздѣ, возвѣстившей рожденіе Спасителя.

На Коляду, точно также какъ при встрѣчѣ весны и въ Купальскую ночь, вѣдьмы и колдуны слетаются на Лысую гору въ Кіевѣ, точно также какъ литовскія вѣдьмы на гору Шатрію (въ Шавельскомъ уѣздѣ, Ковенской губ.), а польскія, чешскія и словенскія на Бабьи горы (Babia góra, въ Карпатахъ, на границѣ Венгріи). Тамъ у нихъ въ это время совершается шабашъ, любезничанье съ демонами и всякаго рода бѣсовскія потѣхи.

Рождественскіе праздники повсемѣстно въ Бѣлоруссіи, какъ у православныхъ, такъ и у католиковъ, начинаются 24 декабря, въ сочельникъ, «куцьею» (кутьею). Вымывшись предварительно въ лазни (бани), послѣ заката солнца, собираются семьями въ домахъ, придвигаютъ къ куту столъ, на немъ разстилаютъ сѣно, покрываютъ бѣлою скатертью и на ней ставятъ заготовленныя блюда съ куцьею преимущественно изъ гречи, ячменя, пшеницы, гороха, ржи, а у нѣкоторыхъ, болѣе зажиточныхъ, бываютъ и блины. Необходимая принадлежность куцьи медовая сыта. Въ домахъ господскихъ и вообще у людей достаточныхъ подаютъ разнаго сорта рыбы, но настоящая кутья (kucyja), т. е. греча, пшеница и т. д., во все продолженіе обѣда стоитъ на столѣ съ сытою и потомъ ее подаютъ въ концѣ обѣда, какъ равно овсяный кисель. Подъ скатертью тоже непремѣнно подстилаютъ сѣно. У католиковъ, какъ у дворянъ, такъ и у мѣщанъ и крестьянъ, каждое блюдо кутьи прикрыто кружкомъ оплатка (опрѣснока) съ изображеніемъ Спасителя, символовъ вѣры, Божіей матери и св. Іосифа. Хозяйка беретъ оплатокъ, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, подходитъ къ каждому изъ присутствующихъ, начиная съ хозяина, переламливаетъ кусочекъ, и вмѣстѣ съѣдаютъ, поздравляя другъ друга съ праздникомъ. Этотъ обычай сохранился въ Западныхъ губерніяхъ и въ цѣлой Польшѣ. Въ Бѣлоруссіи въ низшихъ слояхъ, а нерѣдко въ среднихъ и даже высшихъ, старшій въ семействѣ произноситъ молитву, самъ накладываетъ кутью, подливаетъ сыту, поздравляя всѣхъ своихъ домо-

чадцевъ съ праздникомъ, вспоминаетъ родственныхъ покойниковъ, желая имъ царствія небеснаго. При этомъ, какъ уже упомянуто, бросаетъ ложку кутьи въ уголъ (кутъ) Зюзѣ, или оставляетъ для него въ мисѣ. Въ Могилевской губерніи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приглашаютъ также дзядоу, т. е. почившихъ родителей и дѣдовъ, поѣсть, приговаривая: «дзяды, дзяды, ходзице куцью ѣсьць», оставляя имъ часть кутьи за окошкомъ, или въ сѣняхъ. Въ промежуткахъ вытаскиваютъ изъ-подъ скатерти сѣнную былинку, и по длинѣ ея заключаютъ о будущемъ ростѣ льна. Послѣ ѣды бѣгутъ смотрѣть, протоптаны ли тропинки по двору дочерна и много ли звѣздъ на небѣ. Первое предсказываетъ обильный сборъ гречихи, а послѣднее— хорошій приплодъ скота. Осматриваютъ также древесныя вѣтви: если онѣ всѣ покрыты инеемъ, то будетъ хорошій урожай садовыхъ плодовъ. Если въ этотъ день оттепель, то санная дорога продлится до половины марта и притомъ будетъ ранняя весна и изобильное лѣто.

Когда пожилые гадаютъ о погодѣ и урожаѣ, дѣвушки въ то же время прислушиваются къ лаю собакъ: откуда онъ слышенъ, оттуда явится женихъ. Потомъ бѣгаютъ подъ сосѣдніе дома и подслушиваютъ подъ окнами. Радуются, когда подслушаютъ слова: «ну, идзи, браце, досыць сядзѣць» и т. д. Приходятъ въ отчаяніе, если услышатъ, что гостя упрашиваютъ еще посидѣть. Первый случай предсказываетъ замужество въ теченіе года, послѣдній — сидѣнье въ дѣвкахъ. Но всего ужаснѣе, ежели послышатся слова: священникъ. свѣчи, доски и т. п.— ибо это предвѣщаетъ близкую смерть самой подслушивающей или ея суженому. Тѣ, которымъ не удалось подслушать и разгадать свою судьбу, берутъ охапку дровъ, или обхватываютъ простертыми руками плетень, и потомъ считаютъ число полѣнъ или кольевъ: четное число предсказываетъ замужество, нечетное — бѣду; весь годъ никто не посватается.

Въ этотъ же вечеръ связываютъ ноги у стола, чтобъ скотъ не перескакивалъ плетней и не стаптывалъ посѣвовъ, а также чтобъ рои пчелъ не уходили. Женщины въ это время свиваютъ клубки какъ можно тщательнѣе и побольше, ибо это увеличитъ *качны*, т. е. головки капусты; небрежная же свивка клубковъ лишитъ воловъ силы въ ногахъ. Нельзя также въ это время сгибать обручей, ободьевъ и полозьевъ, ибо это имѣетъ дурное вліяніе на скотъ: весь приплодъ въ теченіе года будетъ рождаться съ кривыми ногами. Нельзя связывать *помяла* для выметанія печей, ибо отъ этого произойдетъ пожаръ или громъ ударитъ въ домъ.

Сѣно, бывшее подъ скатертью, и остатки кушанья, на другой день отдаютъ скоту; оставшіяся же на столѣ зернышки собираютъ и хранятъ до посѣвовъ, и смѣшиваютъ тогда съ зерномъ, которое сѣютъ. Это предохраняетъ колосья отъ порчи.

Кутья повторяется наканунѣ Новаго года, но уже скоромная, непремѣнно съ колбасами и обильною выпивкою. Третья кутья бываетъ наканунѣ Богоявленія. Въ этотъ день до вечерняго освященія воды соблюдаютъ строгій постъ, и даже во время кутьи нѣтъ того обилія яствъ и питья, которыя необходимы наканунѣ Рождества и Новаго года.

При освященіи воды у римскихъ-католиковъ, освящаютъ и мѣлъ, которымъ надписываютъ надъ всѣми дверьми, не только въ домѣ, но и на всѣхъ строеніяхъ, три буквы: C + M + B +, т. е. три первыя буквы именъ волхвовъ, прибывшихъ на поклоненіе Христу (Caspar, Melchior, Baltasar). Водою же окропляютъ жилье, амбары, сараи и другія строенія. Надписи эти и окропленіе сохраняютъ здоровье и защищаютъ отъ чаръ. Мѣлъ хранятъ цѣлый годъ и употребляютъ, какъ лекарство, съ виномъ, отъ желудочной боли.

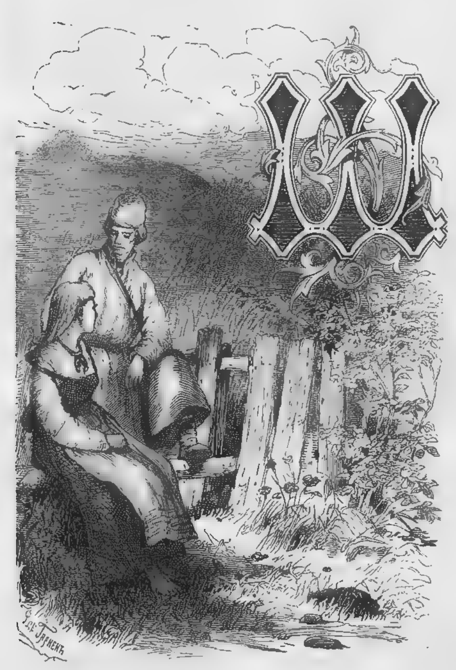
Со дня Рождества до Богоявленія, крестьяне празднуютъ и особенно съ закатомъ солнца низачто не возьмутся за какую бы то ни было работу. Если же что нибудь непредвидѣнное и не терпящее отлагательства заставитъ взяться за какую нибудь работу, то, во избѣжаніе неминуемаго отъ этого несчастія, работавшій обязанъ на другой день разсѣчь жердь въ своей загороди. Обычай этотъ, конечно, истекаетъ изъ глубокой древности и не лишенъ таинственнаго значенія. Рѣшить вопросъ трудно, но разсѣчь жердь въ собственной загороди — значитъ принести

жертву, искупляющую совершенный грѣхъ. Кому эта жертва—бѣлой или черной силѣ, опредѣлить трудно.

По вечерамъ, во всѣ дни рождественскихъ праздниковъ крестьяне собираются семьями по домамъ и мирно, тихо проводятъ время. Не даромъ эти вечера называются *Святые вечера*, или *вечеринки*. Вина или вовсе не пьютъ въ это время, или очень мало; поютъ пѣсни, слушаютъ разсказы людей *бывалыхъ*, предлагаютъ другъ другу *гадки*, пляшутъ подъ скрипку, или дуду, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называемой *муцянкой*. Орѣхи тоже составляютъ любимую игру. Берутъ горсть орѣховъ и предлагаютъ угадать *ци цотъ, ци лишка?* т. е. четное или нечетное число?

Замѣчательно, что въ эти вечера наемщики и наемщицы, оставившіе службу и получившіе плату отъ хозяевъ иногда за полгода, а то и за цѣлый годъ, не участвуютъ въ семейныхъ *святыхъ вечерахъ*. Они устраиваютъ въ корчмахъ, такъ называемыя, *игрища*, предаются дикому разгулу и разврату и нерѣдко въ одну ночь прокучиваютъ всю заработанную плату. Зато сборища эти даже запрещается называть *святыми вечерами*, составляющими исключительную принадлежность мирнаго семейнаго очага.

* * *

Типы Могилевской губ.

Широко раздвинулись народныя миѳическія преданія у Бѣлорусовъ, въ той или другой формѣ повторяющіяся и до настоящаго времени. Но знаменательнѣе другихъ преданіе о божествахъ временъ года. Воображеніе Бѣлоруссa, особенно въ Могилевской губерніи, такъ же живо рисуетъ эти божества, какъ за тысячу или за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Весна, лѣто, осень и зима имѣли каждое своихъ покровителей, царей или царицъ: Весна — *Лёлю* или *Лялю*, лѣто — *Ціоцю*, осень — *Жиценя*, зима — *Зюзю*.

Послѣ праздника Коляды, посвященнаго исключительно рожденію Божича, наступаетъ праздникъ въ честь Молніи — Лѣтницы, Громовницы, жены Перуна, т. е. бѣлорусской Ціоци. Какъ богиню лѣта, Бѣлоруссъ изображаетъ ее красивой полной женщиной, съ головой, убранной спѣлыми колосьями, и съ плодами въ рукахъ. Это изображеніе напоминаетъ *Живу* или *Сиву*, которой поклонялись Поморяне и Чехи. Вацеродъ (Mater Verborum, 1202 г.) сравниваетъ ее съ Церерой. По описаніямъ, Сива имѣла въ рукахъ плоды, а волосы ея висѣли до земли. Въ честь богини Ціоци бываетъ нѣсколько праздниковъ въ году. Первый, о которомъ мы упомянули, бываетъ 2 февраля, у православныхъ въ Срѣтеніе, у католиковъ примѣнено къ очищенію Божіей Матери, напоминающее языческое очищеніе огнемъ (Februa), и самый праздникъ у Поляковъ называется *Громничной* (Громовой) Божіей Матери. Въ этотъ день освящаются восковыя свѣчи, называемыя также *Громницами*, которыя зажигаютъ и кладутъ въ руки умирающему. Такая свѣча имѣется въ каждомъ набожномъ католическомъ семействѣ. Въ Бѣлоруссіи не одни католики, но и православные еще недавно придавали большое значеніе такой свѣчѣ. Она же служитъ предметомъ разныхъ гаданій. Чья прежде громница погаснетъ въ храмѣ, гдѣ

ихъ при освященіи зажигаютъ, тотъ прежде умретъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ несутъ громницы домой тоже зажженными. Если свѣча не погаснетъ, или если нѣсколько капель воску падетъ на руку, тому счастье. Ежели въ Срѣтенье большой морозъ, то снѣгъ не долго пролежитъ, весна же и лѣто не много обѣщаютъ хорошаго. Чаровницы и вѣдьмы страшно боятся этой громницы и, когда имѣютъ къ ней доступъ, грызутъ ее зубами. Она же спасаетъ и скотину отъ падежа и чумы. Во время грозы ее зажигаютъ, и тогда громъ не ударитъ въ избу. Вообще громница, хотя является совершенно въ христіанской формѣ, вполнѣ напоминаетъ языческое очищеніе посредствомъ огня. Надобно замѣтить, что у католиковъ въ этотъ день во всѣхъ костелахъ совершается торжественное богослуженіе *съ полнымъ грѣхо-отпущеніемъ*. Особенное почитаніе *Громничной* Б. Матери существуетъ одинаково какъ въ Бѣлорусскомъ, такъ и Литовскомъ полѣсьяхъ, а равно и во всѣхъ областяхъ Польши.

Масляница — тѣ же Сатурналіи и Вакханаліи, въ Бѣлоруссіи, какъ и у всѣхъ Славянъ, продолженіе тѣхъ же Колядокъ и служитъ завершеніемъ ея празднествъ. Но Бѣлоруссъ вообще не такъ богатъ и зажиточенъ, чтобъ предаваться излишеству. Вся роскошь заключается въ блинахъ, яичницѣ, у немногихъ, въ мясныхъ кушаньяхъ. Зато пьютъ много. Конечно, мы говоримъ исключительно о простомъ народѣ. Въ дворянскихъ домахъ масляница мало отличается отъ празднованія у Поляковъ. Тотъ же *куликъ*, или *кулигъ*, т. е. разъѣзды въ большомъ обществѣ къ сосѣдямъ, часто переодѣтыми, въ маскахъ. Но и въ этомъ отношеніи бѣлорусское дворянство много отстало отъ польскаго, что конечно зависитъ и отъ народнаго характера, болѣе серьезнаго и сосредоточеннаго.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бывалъ обычай, кажется, уже несуществующій, гурьбой молодежи скитаться на Масляницу подъ окнами домовъ и выпрашивать подачекъ, причемъ, разумѣется, пѣлись праздничныя пѣсни. Безсоновъ приводитъ любопытную масляничную пѣсню изъ Борисовскаго уѣзда:

«Молодзица, молодзица молодая!
Выдзи къ намъ на улицу,
А вынясь намъ сыра,
А породзишь сына,
А вынясь ты мачку,
А породзишь дочку.»
— Якъ я маю выходзиць —
Свякорь скаже: Позаугольница,
А свякруха скаже: Пахмурница,
А дзевярь скаже. Полятуха,
Золва скаже: Щабятуха,
«Молодая молодзица, умѣй гето отказаци:
Позаугольница, заугольница—свинья чорна,
Пахмурница — цёмна хмура,
Полятуха — ластовица,
А щабятуха—сорока!»

Великій постъ не представляетъ ничего особенно выдающагося. Въ *Вербное Воскресенье* стараются пораньше встать и приготовленною вербою будятъ спящихъ, приговаривая: «не я бью — верба бьецъ, за тыдзянь, вяликъ дзѣнь!»

Свѣтло-Христово Воскресенье, истинно народный, любимѣйшій праздникъ въ Бѣлоруссіи. Постъ, въ большинствѣ строго соблюдаемый и доводящій многихъ до истощенія, заставляетъ ожидать съ нетерпѣніемъ этого праздника, къ которому каждое семейство старается непремѣнно заготовить *свѣнцоное* (какъ у православныхъ, такъ и у католиковъ). Необходимая принадлежность *свѣнцонаго* у крестьянъ—яйца, окрашенныя красною краскою (малорусскихъ *писанокъ* не знаютъ вовсе), куличъ, сыры и колбасы. Болѣе зажиточные прибавляютъ ветчину, поросенка и т. д. Все это укладываютъ въ *коробки* и ночью отправляются въ приходскую церковь или костелъ, гдѣ послѣ всенощной священникъ освящаетъ свѣнцоное, часть котораго тутъ же отдѣляется для священника или ксендза и причта. *Великая ночь* у католиковъ, или *Великій день* у православныхъ прежде сопровождался стрѣльбою изъ ружей и мортиръ (иготь), а вокругъ храма и теперь зажигаютъ смоляныя бочки. Вся деревня на ногахъ, радость, веселье повсюду. По возвращеніи домой изъ церкви, въ каждомъ семействѣ начинаютъ разговляться: хозяйка рѣжетъ яйцо на нѣсколько кусочковъ и подаетъ каждому изъ присутствующихъ, а затѣмъ приступаютъ къ мясному и водкѣ. Народъ празднуетъ четыре дня. Четвертый день придаточный,

называется *людовымъ*. Въ каждой деревнѣ устраиваютъ качели и приготовляютъ лубки для катанья яицъ. Замѣчательно, что народъ считаетъ качели противодѣйствіемъ отъ нападенія комаровъ. Битье и катанье яицъ съ лубковъ нерѣдко превращаются въ страстную и азартную игру, доводящую до ссоры и даже драки. Игры эти продолжаются до св. Георгія (23 апрѣля). Въ первые дни праздника молодые парни расхаживаютъ по улицамъ и предъ домами поютъ священныя пѣсни, сопровождаемыя иногда и музыкою, т. е. скрипкою, балалайкой или дудой. Конечно, ихъ приглашаютъ въ домъ и потчуютъ *свѣнцонымъ*, или же дарятъ имъ по куску пирога и мяса, что они складываютъ въ особо приготовленный мѣшокъ. Парень, которому ввѣряется мѣшокъ, называется *мѣхоношъ*, вообще же пѣвчихъ и музыкантовъ называютъ *волочоўниками* или *волочобниками*. Музыкантовъ называютъ также *скоморохами*.

Типы Могилевской губерніи.

Пѣсни, которыя поютъ волочобники, не всегда только духовнаго содержанія. Попадаются между ними весьма древнія пѣсни, временъ языческихъ, бываютъ и скоромныя. Волочобныя пѣсни имѣютъ уже характеръ весенній, о которомъ сейчасъ скажемъ.

Съ Свѣтло-Христовымъ Воскресеньемъ, въ миѳическомъ значеніи, соединяется трогательное, глубоко древнее, арійское представленіе *Rädh*'ы, напоминающее славянскую *Рад-уницу*, обновленіе природы весною, сродственное съ *Ради-гостомъ*, величественный храмъ котораго, описанный Адамомъ Бременскимъ, находился въ Гетрѣ. Славянская Радовница или Бѣлорусская Радоўница имѣетъ высокое значеніе: съ весеннимъ обновленіемъ природы, она пробуждаетъ память о почившихъ отцахъ и дѣдахъ. Она и до сихъ поръ сопровождается торжественными поминками по умершимъ, совершаемыми во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Какъ въ праздникъ Свѣтло-Христова Воскресенья, такъ и въ Радоўницу, не у однихъ Бѣлоруссовъ, но у всѣхъ Славянскихъ народовъ, *яйцо* дѣлается необходимою принадлежностью, какъ при

торжествѣ Христова Воскресенья, такъ и при поминовенiи умершихъ. Яйцо у древнихъ служило уподобленiемъ мiру. Не только солнце, но и вся вселенная представлялась однимъ огромнымъ яйцомъ. Самый красный цвѣтъ яйца связывается съ понятiемъ яркаго солнечнаго цвѣта, т. е. весенняго праздника. Символическое значенiе смерти, связанное съ яйцомъ, было такъ всеобще и такъ могущественно, что христiанскiе апостолы не только не отвергли его, но придали ему еще другое, радостное значенiе, именно *Воскресенья*. Поэтому-то нынѣ яйцо одновременно означаетъ поминовенiе умершихъ и Воскресенiе Христово, а вообще—обновленiе природы, первый радостный весеннiй праздникъ. Символическое значенiе яйца и эта его двойственность, соединяющая преданiя глубокой старины съ настоящимъ, особенно рѣзко бросаются въ глаза въ Краковѣ. Здѣсь, въ третiй день Свѣтло-Христова Воскресенья почти все населенiе города собирается на могилу Кракуса, и отсюда бросаютъ яйца мальчикамъ, окружающимъ гору,—обычай, существующiй съ древнѣйшихъ временъ, первоначально, конечно, означавшiй поминовенiе легендарнаго Кракуса, основателя Кракова. Въ Чехiи, у Лужичанъ въ Силезiи, поминки по умершимъ совершаются большею частью 1 марта. Но въ Прагѣ народъ собирается на *Морани* во второй день праздника и здѣсь, стоя возлѣ языческихъ могилъ, бьетъ яйца и бросаетъ ихъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ католическое духовенство успѣло прiурочить древнiй языческiй обрядъ поминокъ ко дню, когда по католическому ритуалу совершается молебствiе за умершихъ, т. е. 2 ноября (у Поляковъ *Dzień zaduszny)*. Это извѣстные *Дзяды*, воспѣтые Мицкевичемъ. Въ Бѣлоруссiи, во многихъ мѣстахъ, оба эти дня, т. е. *Радоўница* и *Дзяды* празднуются весьма торжественно.

Въ Бѣлоруссiи, точно также какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Литовскаго полѣсья, селяне обыкновенно избираютъ пустынное мѣсто на кладбищѣ, или же вблизи онаго, если возможно, въ развалинахъ церкви или полуразрушеннаго зданiя, ставятъ тутъ разнаго рода кушанья и непремѣнно вареныя яйца или яичницу съ саломъ, а также водку, и вызываютъ покойниковъ, родныхъ и друзей. Они нисколько не сомнѣваются, что тѣни ихъ являются и присутствуютъ среди ихъ, что разставленная трапеза имъ прiятна и что они подкрѣпляютъ ею свои силы. Это вызыванiе покойниковъ совершается почти всегда ночью подъ Радоўницу или Дзяды. Днемъ же совершаютъ поминки въ церкви или костелѣ, болѣе зажиточные приглашаютъ священника на могилу отслужить панихиду. Могилы также уставляются съѣстнымъ и неизбѣжною яичницею, и на нихъ выливаютъ вино. Въ Могилевской губернiи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на могилѣ ставятъ лубки и катаютъ яйца. Поминки или заупокойная тризна, совершаются также и въ домахъ. Въ каждомъ семействѣ приготовляютъ маленькiе блины, и когда начинается призыванье духовъ, глава семейства, по очереди исчисляя имена всѣхъ своихъ близкихъ умершихъ, послѣ произнесенiя каждаго имени, прибавляетъ слово: *хаўтуры* и бросаетъ одинъ блинъ подъ столъ. Во все время этого обряда всѣ присутствующiе хранятъ благоговѣйное молчанiе. Все, что останется несъѣденнымъ, отдаютъ нищимъ, которые въ это время толпами расхаживаютъ по деревнямъ.

Вслѣдъ за Радоўницей и Свѣтло-Христовымъ Воскресеньемъ, часто даже одновременно, слѣдуетъ весеннiй праздникъ *Ляльникъ*. Значенiе его, какъ равно обрядовъ и игръ въ день св. Георгiя, 23 апрѣля, опредѣлительнѣе и яснѣе другихъ миѳическихъ празднествъ.

Мы уже говорили, что у Бѣлоруссовъ весна называется *Ляля* или *Лiоля;* но настоящая богиня весны, конечно, извѣстная *Лада*, къ которой и обращаются въ пѣсняхъ и воззванiяхъ. Лiоля—юная, стройная, красивая дѣвица. Когда хотятъ похвалить красоту дѣвушки, говорятъ: «пригожа, якъ Ляля!» Въ честь Лiоли или Ляли бываетъ праздникъ наканунѣ св. Юрiя, т. е. 22 апрѣля, и называется *Ляльникъ*. Это и есть собственно заклинанiе весны. Дѣвушки собираются изъ всей деревни на просторномъ лугу. Онѣ избираютъ изъ своей среды самую красивую, наряжаютъ ее въ бѣлую рубаху, шею, руки и станъ украшаютъ зеленью, а на голову кладутъ вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ. Потомъ ее сажаютъ на приготовленномъ возвышенiи,

устланномъ зеленымъ дерномъ. При ней кладутъ зеленые вѣнки, ставятъ хлѣбъ, молоко, яйца, масло, творогъ, сметану. Дѣвушки, взявшись за руки, окружаютъ Ліолю хороводомъ и поютъ пѣсни. Заклинаніе весны поется обращеніемъ къ самой богинѣ Ладѣ:

Благослови, маци,
Ой, Лада, маци!
Весну заклинаци.

Замѣчательна пѣсня съ просьбою объ урожаѣ:

Дай намъ житцу (жита);
Да пшеницу,
Въ огородзѣ,
Сѣножацѣ (лугу),
Ровны гряды,
Ровны зряды.

Въ отвѣтъ на эту пѣсню, Ліоля даритъ дѣвушкамъ вѣнки и угощаетъ ихъ. Вѣнки и травы, обвивавшіе Ліолю, сохраняются цѣлый годъ до слѣдующаго Ляльника.

Съ окончаніемъ праздника Ляльника, непосредственно начинается торжество сына Лады и Дажбога (солнца) — *Ярилы*. Св. Георгій въ христіанствѣ замѣнилъ Ярилу. Бѣлоруссы знакомы съ Ярилой: это молодой, красивый юноша, онъ разъѣзжаетъ на бѣломъ конѣ (также какъ и Георгій) и въ бѣломъ плащѣ; на головѣ у него вѣнокъ, въ рукахъ колосья, ноги босыя. Ярило—богъ плодородія и чувственной любви. Въ Юрьевъ день, Ярило, или теперь св. Георгій (Юрій), по приказанію матери отворяетъ ворота неба и на бѣломъ конѣ пріѣзжаетъ на землю, а съ его появленіемъ начинается настоящая весна. Въ этотъ же день въ первый разъ выпускаютъ скотъ въ поле. Быки были посвящены Ярилѣ. Не только крестьяне, но и крупные владѣльцы въ этотъ день приглашаютъ священника въ поле, и на четырехъ сторонахъ онаго служатъ молебны.

Въ день св. Георгія народъ поетъ:

А Юрьява маци,
Божа мила (припѣвъ)
По небѣ ходзила,
Зъ Юрьямъ говорила:
А Юрью мой, Юрью,
Падай Пятру ключи,
Зямлю адамкнуци,
Траву выпусцици,
Скоцину накормици.

Не только въ день св. Георгія, но и въ послѣдующіе дни, до конца апрѣля, Бѣлоруссы чествуютъ Ярилу. Еще недавно празднество его сопровождалось хороводомъ, пѣснями, потомъ попойкою. Преданіе рисовало Ярилу какъ покровителя чувственной любви. Поэтому не считалось преступленіемъ, подъ его покровомъ и согрѣшить по любовной части. Какъ въ праздникъ Ляльника, такъ и теперь, дѣвушки избираютъ самую красивую, наряжаютъ ее Ярилою и сажаютъ на бѣлаго коня. Ярилу окружаютъ не однѣ дѣвушки, но всѣ жители селенія, старики предводительствуютъ хороводомъ, а у каждаго изъ присутствующихъ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Ярило ѣдетъ по засѣяннымъ нивамъ, а хороводъ поетъ пѣсни, достаточно убѣждающія, какъ народъ понимаетъ Ярилу, какъ онъ способствуетъ плодородію земли и чадородію людямъ. Въ одной пѣснѣ говорится:

А гдзѣжъ іонъ нагою —
Тамъ жито капою,
А гдзѣжъ іонъ не зырне —
Тамъ коласъ зацьвице!

Надобно думать, что въ древности совершеніе языческихъ браковъ и умычекъ, т. е. похищенія женъ, соединялось съ празднествомъ Ярилы. На это есть указаніе въ Несторовой

лѣтописи: «Ридимичи и Вятичи, и сѣверъ (Сѣверяне) одинъ обычай имяху (съ Древлянами): живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами, бряци не бывяху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская игрища, и *ту* умыкаху у жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены.» Такихъ указаній можно бы привести нѣсколько и изъ другихъ источниковъ.

Слѣдуетъ праздникъ св. Троицы и св. Духа — *Зеленыя-Святки*, древній славянскій *Семикъ* (Сеймикъ), и неразлучный съ нимъ обрядъ *Кустовъ*. Есть что-то трогательное и высоко-

Типы Бѣлоруссовъ Минской губерніи.

поэтичное въ этомъ чествованіи весны. Народная поэзія видитъ въ мѣсяцѣ *маѣ* и началѣ іюня благословенные дни, когда Ціоця и Ліоля, поработивъ мрачныя силы, нисходятъ на землю, чтобы обновить, оживить природу, украсить ее цвѣтами и зеленью. Христіанство съ дальновидѣніемъ и особенною прозорливостью сумѣло примѣнить главныя майскія или весеннія торжества къ двумъ знаменательнымъ праздникамъ: къ Троицѣ и Вознесенію. Въ Троицу, въ *четвергъ* празднуется *Семикъ*, затѣмъ Вознесеніе тоже въ *четвергъ* (въ концѣ мая, или въ началѣ іюня), а четверги были посвящены Громовнику и весьма уважаемы народомъ. Съ Вознесеніемъ почти заканчивается весна, лѣто вступаетъ въ свои права. Недаромъ говорятъ Поляки: «Съ Вознесеніемъ Богъ (вступаетъ) въ небо, червь въ мясо, квасъ въ пиво, а чортъ въ бабу (ибо чаровницы наводятъ грады)».

Подъ Троицу, ночью, первый выѣздъ въ поле ночлежниковъ съ лошадьми, сопровождаемый особымъ пиршествомъ, при зажженныхъ кострахъ, съ неизбѣжною яичницею и пляскою. Еще болѣе торжественный праздникъ въ ночь подъ Духовъ день. По древнему обычаю, въ праздникъ Троицы не только улицы, дома внутри и снаружи украшаются молодыми березками, но даже рога скотины обвиваются зеленью. Обычай разсаживать деревца по улицамъ и возлѣ

домовъ сохраняется и до сихъ поръ въ городахъ и мѣстечкахъ не въ одной Бѣлоруссіи, но и на всемъ Литовскомъ полѣсьѣ, въ Польшѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Славянскихъ земель. Этотъ обычай, какъ равно самое названіе *Зеленыя святки*, несомнѣнно доказываютъ языческое происхожденіе, наслѣдіе временъ давно минувшихъ.

Преданіе о Русалкахъ лѣтъ за 40 предъ симъ живо еще было въ Бѣлоруссіи. Теперь оно забывается, и о праздникѣ Русалокъ, на другой день Троицы, новѣйшіе этнографы не упоминаютъ. Мы помнимъ однако преданіе о Русалкахъ и празднованіе, видѣнное въ дѣтствѣ въ Могилевской губерніи. У Бѣлоруссовъ есть повѣрье, что маленькія дѣвочки, умершія не крещенными, обращаются въ Русалокъ; онѣ живутъ въ рѣкахъ и озерахъ, но появляются также въ рощахъ и качаются на вѣтвяхъ деревъ. Завидѣвъ прохожаго, онѣ заманиваютъ его, говоря: «хадзи къ намъ на арели (качели), будзимъ калыхатца». Если же кто поддастся на эту уловку, Русалки защекочутъ его на смерть. Любопытно, что по мнѣнію Бѣлоруссовъ единственное средство освободиться отъ нихъ — показать имъ что нибудь стальное, и Русалки, говорятъ Бѣлоруссы, подобно змѣѣ отъ *мидуницы*, тотчасъ убѣгаютъ. Мидуница— трава съ сильнымъ запахомъ. Ее смѣшиваютъ съ курительнымъ табакомъ. Гдѣ растетъ мидуница, тамъ, по увѣренію Бѣлоруссовъ, змѣи не водятся. Русалки почитаются у нихъ недобрыми духами, и Бѣлоруссы, отъ Троицына дня до слѣдующей недѣли, не смѣютъ городить забора, ни строить боронъ, потому что разгнѣванныя Русалки вымѣстятъ злость свою на коровахъ и лошадяхъ.

Типы Бѣлоруссовъ Могилевской губерніи.

Праздникъ Русалокъ начинается на другой день Троицы рано утромъ. Молодежь собирается въ рощахъ, особенно на берегу рѣки или озера. Дѣвушки на вѣтвяхъ деревъ свиваютъ вѣнки, каждая столько, сколько у ней парней, ухаживающихъ за нею, на примѣтѣ. При этомъ поютъ:

Русалочки
Земляночки,
На дубъ лѣзли
Кару грызли;
Свалилися,
Пабилися
Троица!

Кончивъ вить вѣнки, составляютъ хороводъ, пляшутъ и поютъ:

Мы вяночки завили,
Горѣлочки запили,
И яишницу поѣли!

Послѣ этого влюбленныя, незамужнія, обмѣниваются кольцами. Старѣйшая изъ женщинъ садится на землѣ, беретъ пукъ крапивы, привязанный къ шесту, и представляется дремлющею за прялицею. Дѣвушки же, взявшись за руки, поютъ и скачутъ около нея. Вдругъ сидѣвшая женщина стремительно вскакиваетъ, дѣлаетъ уродливые прыжки и сѣчетъ ихъ крапивой по рукамъ, тѣ съ хохотомъ разбѣгаются. — Въ слѣдующее воскресенье, называемое *разгары*, опять собираются въ ту же рощу и развиваютъ вѣнки съ пѣснью:

На Троицу мы вянки вили,
На *разгары* развиваемъ и т. д.

Вѣнки, хорошо сохранившіеся, предсказываютъ долгую жизнь тому, на чье имя завивались. Засохшіе же бросаютъ въ воду; если они плаваютъ, то еще по крайней мѣрѣ годъ жизни предвѣщаютъ; ежели тонутъ, то нужно ожидать скорой смерти.

Тѣ же Русалки, но уже подъ названіемъ *Свитезянокъ*, извѣстны въ Минской губерніи, въ Новогрудскомъ уѣздѣ. Слѣдуя большою дорогою изъ Новогрудка въ м. Городище, проѣхавъ множество большихъ кургановъ, въѣзжаете вы въ лѣсъ, среди котораго большое, почти совсѣмъ круглое озеро, называемое *Свитезь*, воспѣтое Мицкевичемъ. Здѣсь-то водились Русалки-Свитезянки. Чудное это озеро! Вокругъ могучіе вѣковые дубы, плачучія ивы, клены — сгибаются и своими вѣтвями далеко отъ берега разстилаются надъ водою озера, отражаясь въ немъ на далекомъ пространствѣ. Множество дубовыхъ пней, съ выдающимися и углубляющимися въ озеро корнями, образуютъ какъ бы мозаическій валъ. Вода чистая, прозрачная, а виднѣющееся дно усыпано мелкими разноцвѣтными камешками. Здѣсь просиживалъ цѣлые часы, мечталъ и думалъ великій поэтъ, здѣсь же написана имъ его вдохновенная «Свитезянка». Кажется, названіе *Свитезянокъ* придумано Мицкевичемъ отъ озера *Свитезь*, хотя и въ другихъ мѣстахъ отъ названія озера получаютъ прозваніе и Русалки. Такъ напр., Русалки знаменитаго озера *Гопло*, въ Великой Польшѣ, называются *Гоплянки*. Когда я былъ надъ озеромъ Свитезь въ 1854 году, мѣстный лѣсничій пренаивно утверждалъ, что *паненки были*, выходили изъ озера, но съ тѣхъ поръ, какъ *паничъ* (т. е. Мицкевичъ) уѣхалъ, ниразу не появлялись.

Въ Пинскомъ уѣздѣ, также какъ и въ Малороссіи, празднуется въ тотъ же второй день Троицы *Кустъ*, обрядъ, мало извѣстный въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: собираются всѣ дѣвушки села, изъ нихъ избираютъ самую красивую, раздѣваютъ до-нага, кладутъ ей на голову вѣнокъ и потомъ всю до ногъ обвиваютъ зелеными вѣтвями, березовыми, кленовыми, липовыми, примѣшиваютъ цвѣты *зузулины-черемычки* (ландыша), а также *шелковую* траву (англійскую) и нѣкоторыя зелья. Такъ убранная дѣвушка получаетъ названіе *Куста*, на который она и въ самомъ дѣлѣ похожа. Ее ведутъ цѣлой громадой съ пѣснію: «Поведемъ Куста подъ гай зелененкій» и пр. — сначала въ господскій домъ, потомъ въ зажиточные дома въ деревнѣ и вездѣ собираютъ подачки, которыя сносятся въ опредѣленное мѣсто, гдѣ и начинается *пиршество* съ пѣснями, музыкою и танцами, продолжающееся всю ночь.

2 мая и 24 іюля, въ началѣ и въ концѣ полевыхъ работъ, народъ празднуетъ память покровителей земледѣлія, князей Бориса и Глѣба, воспріявшихъ въ народномъ воображеніи нѣкоторыя черты древнихъ близнецовъ *Асвиновъ*. Самыя имена ихъ указали народу сходство съ словами *барышъ* и *хлѣбъ*, и потому крестьяне стараются непремѣнно продать что нибудь 2 мая, чтобы весь годъ торговать съ барышемъ. Борисъ и Глѣбъ вмѣстѣ съ Кузьмой и Демьяномъ считаются изобрѣтателями плуга. Бѣлорусская пѣсня говоритъ:

Святы Барисъ ляды палиць *(ляды—поле очищенное отъ зарослей)*,
Зямлю грѣиць, ячмень сѣиць,
Съ поусявалками, съ правой жменьки,
Кинешь рѣдка, дасьць Богъ густа, *(Шейнъ)*.

Въ другой пѣснѣ св. Борисъ пасетъ коней, а лѣтній Борисъ (24 іюля) *снопы зносиць бобы сьѣиць*.

9 мая праздникъ *св. Миколы* (Николая) *Морскаго* или *Мокраго*. На него перенесено языческое представленіе морскаго бога, *царя водянаго-Стрибога*. Въ понятіи Бѣлоруссовъ онъ хитрѣе и добрѣе Перуна (Иліи) — онъ также покровитель земледѣлія — ибо Стрибогъ былъ въ то же время богомъ вѣтровъ. Наконецъ Микола Мокрый покровитель коней, и день 9 мая считается праздникомъ конюховъ. Любопытна слѣдующая бѣлорусская пѣсня:

«А идзець-брядзець святы Микола,
Святы Микола съ чистаго поля,
Уросиуся, умочиуся — *мокрошенекъ.*
Прачистая Мацъ яго пытаиць:
«Святы Микола, гдзѣ жь ты бываў?
«Гдзѣ ты буваў, гдзѣ жь пробуваў?»
— Прачистая Мацъ Богородзица!
Я у честнаго мужа у Романичка
Коній насциу, да запасаваў,
Я запасаўши домой пригоню,
Я домой пригоню, у хлѣвъ загоню,
У хлѣвъ загоню, словцо зговору:
Етому статку ня будзиць упадку
Ни отъ мядвѣдзя, ни отъ навову,
Ни отъ гада бѣгучаго,
Ни отъ змѣя литучаго. — *(Шейнъ).*

Св. Николая обыкновенно пишутъ *лысымъ.* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть повѣрье, что, если хотятъ возбудить вѣтеръ, слѣдуетъ дразнить лысаго дѣда. У другихъ, если морозы очень сильны, надобно сосчитать десять знакомыхъ *лысыхъ* — и морозъ пройдетъ.

* * *

Послѣ Колядокъ, замѣчательнѣйшимъ народнымъ праздникомъ считается Ивана Купалы, сохранившимъ до сихъ поръ еще какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ обрядахъ многіе слѣды язычества. Купала въ Бѣлоруссіи заканчиваетъ весенніе праздники и прекращаетъ высокое значеніе *Лголи* (Лады), хотя въ сущности еще предъ симъ *Цгоця* (Сива) уже начала свое лѣтнее господство.

Миѳъ Купалы опредѣляется весьма ясно. Купала та же Лада, или бѣлорусская Ліоля. Празднество, примѣненное къ Іоанну Крестителю, превратило Дажбога въ Ивана, иногда въ Ивана-болвана, какъ говорится въ пѣсни. Весьма древнія бѣлорусскія пѣсни объясняютъ даже событія женитьбы Дажбога на Ладѣ, морской царевнѣ. Квашнинъ-Самаринъ такъ объясняетъ это событіе. Дажбогъ увидѣлъ съ неба Ладу и влюбился въ нее. Лада ѣздила по морю въ золотой лодкѣ, гребя серебрянымъ весломъ и плескала водой на Дажбога. У нея золотая коса. Дажбогъ ѣдетъ къ морскому царю, чтобы жениться на Ладѣ. Но морской царь прибилъ его. Дажбога (Ивана или Янку) везутъ полумертваго:

Ой дымно за дворомъ,
Ѣдуць бояри усѣ рядомъ,
Вязуць Янку на конику,—
Да яго голоука на мячи,
Да за нимъ матушка плачучи:
«Ой, сынокъ Янка,
За кого голоуку положну!
Чи за пана-ойца стараго,
Чи за матку родную,
Чи за братійка молодаго,
Чи за сястрицу малую?»
— Да низа пана ойца стараго, (Перуна),
Да ни за маточку родную (Имарглу),
Да ни за братійка молодаго (Челеса),
Да ни за сястрицу малую (Денницу):
Положну голоўку за дзѣўку,
За ея цихіе походы,
За ея низкіе поклоны.

Иванъ однако выздоровѣлъ и успѣлъ жениться на Ладѣ. Народная фантазія остроумно изобразила въ этомъ случаѣ страсть женщинъ къ нарядамъ. Подосланный слуга Дажбога разложилъ на берегу моря разные дорогіе наряды, а въ томъ числѣ зеленыя черевички. Лада залюбовалась ими и вышла на берегъ. Тутъ ее и похитили.

Самое празднество Купалы совершается въ ночь съ 23 на 24 іюня почти также, съ небольшими измѣненіями въ той или другой мѣстности, какъ уже мы упомянули, говоря о Литовскомъ полѣсьѣ. Но въ собственной Бѣлоруссіи, т. е. въ Могилевской и Витебской губерніяхъ, торжество Купалы сохранилось въ первобытной своей чистотѣ болѣе наглядно и своеобразно, нежели въ другихъ Славянскихъ земляхъ. Вечеромъ, 23 іюля, т. е. наканунѣ св. Іоанна, все населеніе села или деревни выходитъ въ поле, къ рѣкѣ, къ озеру, или хотя бы къ ручью. Избравъ пригодное мѣсто, вбиваютъ большой колъ, на верху привязываютъ снопъ, обкладываютъ соломою, на которую бросаютъ прутья, полѣна, хворостъ и т. д. Потомъ зажигаютъ, одни скачутъ черезъ костеръ, другіе бѣгаютъ кругомъ непремѣнно три раза. Бросая прутья въ огонь, приговариваютъ: «Кабъ мой ленъ быў такъ вяликъ, якъ гетая хворасьцина». Дѣвушки между прочимъ поютъ:

«Купала на Ивана,
Гдзѣ Купала ночевала?
Купала на Ивана,
Купала на Ивана,
Што Купала уживала?» и т. д.

Скачка чрезъ огонь усиливается, когда костеръ истлѣетъ до половины, но женатые и вдовцы лишены этого удовольствія. Пьютъ много, ѣдятъ вареники изъ гречневой муки, яичницу, колбасы и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто обыкновеннаго столба, дѣлаютъ чучело въ видѣ женщины. Дѣвушки пляшутъ вокругъ чучела и поютъ. Купальскія пѣсни Бѣлоруссовъ весьма тщательно собраны Безсоновымъ. Мы приведемъ здѣсь одну изъ нихъ, замѣчательную по своей древности, и вмѣстѣ съ тѣмъ уясняющую значеніе *Сопухи*. Это, по всей вѣроятности, одно изъ прозваній Лады, которой были посвящены бани, гдѣ, надобно думать, помѣщали ея кумиры. Вотъ эта пѣсня:

«Сярєдзь сяла Воўчковскаго,
То то!
Туту стаяла лазьня дубовая:
Ту, ту, ту!
А ходзили дѣцюшки богу помолицься.
Стоўбъ обнимали, печь цаловали,
Перядъ Сопухой крыжомъ ляжали.
Яны думали: Прячистая,
Апожъ Сопуха — нячистая!»

Здѣсь уже явственны слѣды борьбы первыхъ апостоловъ христіанства съ языческими обрядами. Это доказывается упоминаніемъ *Пречистой*, т. е. Богородицы.

Но возвратимся къ Купалѣ. Бѣлоруссы изображаютъ Купалу сидящею у берега на заборѣ, срывающею цвѣты въ саду *Яна*. Это явственно изъ пѣсенъ. Напр.

Да сядзиць Купала на плоцѣ (заборѣ, частоколѣ),
У ней голоўка уся у злоцѣ.

Или въ другой пѣснѣ:

«Дѣжъ ты была, Купалочка?
— У твоимъ садку, Иваничка:
Красочки (цвѣты) рвала, Иваничка. —
«На што табѣ красочки, Купалочка?»
— Вянки вици, Иваничка,
Вяжискимъ (мѣстность) дзѣўкамъ, Иваничка,
Яны замужъ пойдуць, Иваничка.

Значеніе пѣсни оправдывается обрядомъ, и до сихъ поръ еще кое-гдѣ совершаемымъ въ Могилевской губерніи. Передъ разсвѣтомъ Иванова-дня дѣвушки избираютъ изъ среды себя самую красивую, раздѣваютъ ее до-нага, и голое тѣло опутываютъ цвѣтами и обвѣшиваютъ вѣнками. Потомъ, окруженная многочисленнымъ хороводомъ, *Дзѣўка-Купала*, какъ ее называютъ, идетъ въ лѣсъ, гдѣ тоже заготовлены вѣнки. Здѣсь ей крѣпко завязываютъ глаза, дѣвушки пляшутъ и извиваются вокругъ нея, а она раздаетъ имъ вѣнки. Вѣнки эти рѣшаютъ судьбу дѣвушекъ: которой достанется свѣжій вѣнокъ, та будетъ жить весело и богато; напротивъ, если получитъ увядшій: «ня бачиць ей щасцья», говорятъ дѣвушки.

Этнологи къ замѣчательнѣйшимъ бѣлорусскимъ пѣснямъ относятъ еще слѣдующую, которую поютъ тоже при восходѣ солнца, 24 іюня:

Иванъ да Марья
На горѣ купалися:
Гдзѣ Иванъ купаўся
Берегъ колыўхася,
Гдзѣ Марья купалась,
Трава разстилалась. —

Смыслъ пѣсни тотъ, что Дажбогъ (Афанасьевъ думаетъ — самъ Перунъ) и Лада купались на небесной выси и когда, по народному преданію, море (а слѣдовательно, и берегъ) колебалось отъ вступленія въ него Дажбога, Лада разстилала по полямъ травы.

А травы въ эту ночь играютъ важную роль и получаютъ особенное символическое значеніе. Первое мѣсто, конечно, принадлежитъ папоротнику, или Перунову цвѣту. Мы уже упоминали о высокомъ значеніи этого растѳнія (см. Литовское полѣсье). На папоротникъ, по народному преданію, нисходитъ огонь Перуна и вспыхиваетъ яркимъ цвѣтомъ. Это и есть воображаемый цвѣтъ папоротника, и отсюда составилось мнѣніе, будто бы онъ цвѣтетъ только разъ въ годъ, въ полночь на 24 іюня. Кто сорветъ этотъ цвѣтъ, тому открыты всѣ тайны природы, и злые духи должны ему повиноваться. Нелегко однако сдѣлаться обладателемъ волшебнаго цвѣтка: рать Чернобога употребляетъ всѣ адскія ухищренія, чтобы воспрепятствовать этому. Народъ вѣритъ, что въ эту ночь клады, зарытые въ землѣ, являются на ея поверхности въ различныхъ видахъ, какъ свѣтящіеся огоньки въ кустахъ, въ цвѣтахъ и въ особенности въ папоротникѣ, въ видѣ волка и т. п. Но на сторожѣ каждаго клада стоитъ чортъ, принимая на себя различные виды, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда надобно напугать смѣльчака, являясь въ собственномъ образѣ. Черти являются и не въ одиночку, но малыми стаями. Они прыгаютъ вокругъ искателя кладовъ, сверкаютъ огненными глазами, бьютъ его по лицу длинными хвостами, цѣпляются за волоса когтями; слышится вой, ревъ, свистъ. Есть хвастуны, которые вамъ станутъ разсказывать, что все это испытали на себѣ; они же вамъ передадутъ изображеніе великана-чорта, котораго видѣли собственными глазами: чудовище необыкновенно высокаго роста; на лбу у него одинъ большой глазъ; большущій носъ съ одною ноздрею; обнаженная голова, страшной величины; вмѣсто ушей большія дыры. На головѣ одинъ крючковатый длинный рогъ; правое плечо гораздо выше лѣваго; шеи вовсе нѣтъ; вмѣсто рукъ и ногъ конскія копыта, вмѣсто тѣла рыбья чешуя, а грудь покрыта длинною шерстью.

Сходка «таичекъ» пріятельницъ.

Чаровницы въ эту ночь тоже выкидываютъ разныя штуки: поятъ коровъ росою и этимъ отнимаютъ у нихъ молоко. Много чаровницъ отправляется также на Лысую гору, или на гору Шатрію и забираютъ крестьянскихъ лошадей. Для этого не выводятъ въ эту ночь лошадей въ поле на пашню. Есть однако средства и противъ ухищреній чаровницъ: замѣтивъ, что корова менѣе обыкновеннаго даетъ молока, хозяйка беретъ *цѣдзилку* и варитъ ее въ горшкѣ съ св.-янскимъ зельемъ. Отъ этого чаровница тотчасъ заболѣетъ и сама придетъ къ ней просить чего нибудь взаймы, напр. рѣшета, ушата и т. д.: этимъ путемъ хозяйка узнаетъ чаровницу, ничего ей не даетъ взаймы и стережетъ, чтобъ она чего-нибудь не унесла. Ежели это ей удастся и чаровница не захватитъ съ собою хотя бы щепки или песчинки, то нѣтъ ужь для нея спасенія — она начинаетъ сохнуть, хворать и вскорѣ умираетъ.

Дабы же вѣдьмы или чаровницы не захватили лошадей — ѣхать на Лысую гору, на воро-

тахъ, гдѣ заперты лошади, вѣшаютъ громничную восковую свѣчу и на другой день находятъ ее совершенно изгрызенною зубами вѣдьмъ.

Вообще для празднованія Купалы обязаны выходить всѣ — старые и молодые. Кто этого не исполнитъ, того постигнетъ горькая участь. Пѣсня говоритъ:

Кто пайдзѣць на трауку, па зеленую,
На вулицу, на широкую,
Нѣхай ляжиць колодою дубовую,
А дзѣтки его корчевьимъ нѣхай ляжаць
(т. е. въ судорогахъ, съ корчами).

Не одна папороть играетъ важную роль въ Купальскую ночь. Вообще въ это время собираютъ разныя зелья, травы и былины, какъ для украшенія и плетенія вѣнковъ, такъ равно лекарственныя, въ теченіе цѣлаго года врачующія отъ разныхъ недуговъ. Собираютъ васильки, любимые въ Бѣлоруссіи, руту, иванъ-да-марью, братники, дягель и др. Собираютъ ихъ въ такомъ множествѣ, что, оставляя для домашняго употребленія значительное количество, много еще продаютъ на ярмаркахъ въ Ивановъ и послѣдующіе дни.

Надобно замѣтить, что къ 24 іюня и послѣдующимъ числамъ до 29-го и даже далѣе примѣнены болѣе значительныя ярмарки, какъ въ Бѣлорусскомъ, такъ и Литовскомъ полѣсьяхъ. Собственно въ Бѣлоруссіи около этого времени ярмарки въ Минскѣ, Борисовѣ, Лоевѣ, Пинскѣ, Сверженѣ и Туровѣ; въ Могилевской — въ Лядахъ, въ Могилевѣ, въ Шкловѣ, въ Быховѣ, въ Витебской: въ Бѣшенковичахъ, Освѣе и въ другихъ мѣстахъ.

Купальскій праздникъ въ Бѣлоруссіи, со всѣми обрядами, пѣснями, повѣрьями, легендами— вполнѣ олицетворяетъ поэтическое творчество народа, его любовь къ природѣ, къ завѣтнымъ обычаямъ праотцевъ. Понятія, значенія перепутались съ христіанскимъ взглядомъ на св. Іоанна, но старинные обычаи и обряды уцѣлѣли. Правда, теперь едва ли гдѣ въ Бѣлоруссіи топятъ въ рѣкѣ или въ озерѣ чучело Лады, но сами почти вездѣ, къ утру, предъ восходомъ солнца бросаются въ воду, старые и молодые, мужчины и женщины. Это и есть древнее очищеніе отъ грѣховъ. Послѣ купанья, всѣ бѣгутъ благоговѣйно смотрѣть восходъ солнца, какъ оно играетъ на зарѣ, играетъ *зайчикомъ*, разбиваясь на множество частей и вдругъ сливаясь въ одинъ кругъ.

Народъ вѣритъ, что Днѣпръ, Березина, Сожа, Вехра, Двина и др. рѣки серебрятся въ это время какимъ-то особеннымъ, необычайнымъ блескомъ; что деревья сходятъ съ своихъ мѣстъ и ведутъ промежъ себя тайныя рѣчи. Говоръ деревьевъ, растеній, цвѣтовъ, разговоры птицъ и животныхъ слышны и понятны только тому, кому удастся добыть цвѣтъ папоротника. Даже роса въ Купальскую ночь обладаетъ живительными и цѣлебными свойствами: ею умываются, чтобъ отогнать отъ себя злые немощи и недуги. Въ Литовскомъ полѣсьѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже въ Вильнѣ, самый праздникъ и мѣсто, гдѣ онъ происходитъ, называется *Роса*.

*
* *

Мы уже замѣтили, что богиня лѣта *Ціоця* господствуетъ круглый годъ. Она царица небесная, супруга Перуна громовержца и владычествуетъ съ нимъ. Мы видѣли, какую роль она играетъ въ день Громовницы; но потомъ, въ народныхъ празднествахъ замѣтнѣе является на сцену Ліоля, Ляля, Ліолинька, Лада, богиня весны. Купальскій праздникъ какъ будто заканчиваетъ ея господство на землѣ, хотя оно находитъ отраженіе еще въ день св. Петра и Павла, т. е. *29 іюня,* но отраженіе въ Бѣлоруссіи довольно слабое. День св. Петра и Павла въ другихъ Славянскихъ земляхъ получаетъ гораздо большее значеніе, гдѣ Петръ сопутствуетъ Спасителю по землѣ и въ нѣкоторыхъ чертахъ напоминаетъ даже самого Перуна. Съ іюля мѣсяца черты Ціоци дѣлаются замѣтнѣе, она нисходитъ на землю, и воображеніе Бѣлорусса рисуетъ ее дородною, красивою женщиною, убранною зрѣлыми колосьями, расхаживающею по полямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это таже *Сива,* научившая людей воздѣлывать землю,

жать и обработывать ленъ. Не въ одной Бѣлоруссіи, въ дни, когда шествуетъ эта богиня по землѣ (въ дни Богородицы), народъ избѣгаетъ работъ, подымающихъ пыль, чтобъ не запылить глаза богини. Поэтому въ эти дни никто не станетъ чесать и прясть ленъ, мыть бѣлье, пахать землю, даже мести полы.

Къ лѣтнему господству Ціоци-Сивы относятся, если не столь поэтичные, какъ весенніе праздники, зато самые величественные и торжественные. 5 іюля праздникъ *Велеса*, т. е. мѣсяца, бога стадъ, покровителя пастуховъ, къ которому они обращаются со своими молитвами. Въ загадкахъ его называютъ лысымъ воломъ. Принадлежности Велеса свирѣль и дудка. Въ тоже время онъ богъ творчества. Пѣвцы — это его внуки, какъ говорится въ Пѣсни о полку Игоря. Впрочемъ миѳъ Велеса въ Бѣлоруссіи не вполнѣ опредѣлителенъ. Сохранилась однако любопытная пѣсня у Бѣлоруссовъ, намекающая, что женою Мѣсяца была Денница, или что онъ ухаживалъ за нею:

Переборъ Мисячекъ, переборъ!
Всѣхъ зирочекъ перебралъ (звѣздочекъ),
Одну себѣ зирочку сподобалъ:
Хоць она и маленька,
Да ясненька,
Межъ всѣхъ зирочекъ значненька.

Праздникъ Мѣсяца примѣненъ къ св. Лампадѣ — но особенной обрядности въ этотъ день въ Бѣлоруссіи не замѣчается.

20 іюля праздникъ Ильи Пророка. Самое совпаденіе этого дня съ началомъ жатвенной поры связало св. Илью съ *Перуномъ-громовержцемъ*, но вмѣстѣ и плододавцемъ, котораго чествовали во времена язычества именно въ эту пору. Въ народныхъ повѣрьяхъ Перуна смѣнилъ Илья и до такой степени слился съ нимъ, что народъ самого Илью называетъ громовникомъ, а про убитаго громомъ говорятъ: «Илья взялъ его къ себѣ».

Перунъ, могучій царь небесный, которому Бѣлбогъ вручилъ небесный молотъ, чтобы вести вѣчную борьбу съ Чернобогомъ и его бѣсовскою ратью, живетъ въ памяти у всѣхъ Славянъ и у Литовцевъ. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ Индрѣ Индійцевъ, Зевсу Грековъ, Тору Германцевъ. Бѣлоруссы хорошо его знаютъ и даже описываютъ его наружность. Перунъ, по представленію Бѣлоруссовъ, величавый, статный, высокаго роста, съ черными волосами и длинной золотой бородою. Возсѣдая на пламенной колесницѣ, онъ разъѣзжаетъ по небу, вооруженный лукомъ и стрѣлами. Его гремящій лукъ — каменный молотъ, иногда радуга. Его стрѣлы— это молніи. Ими онъ сокрушаетъ вражескія полчища Чернобога. Они нагромождаютъ чреватыя тучи, чтобъ затуманить солнце, сорвать мѣсяцъ, совмѣстить въ тучѣ напитокъ жизни — *воду*. Но Перунъ однимъ ударомъ своего каменнаго молота разбиваетъ тучи, и оплодотворяющая вода льется обильно на землю. Бѣсы бѣгутъ на землю, но и здѣсь ихъ настигаютъ стрѣлы Перуна. Бѣсы знаютъ, что Перунъ любитъ человѣка и щадитъ его; поэтому они бросаются въ жилища людей, чтобы спастись среди ихъ, но въ такихъ случаяхъ Перунъ поражаетъ и жилище человѣка, а если случится, что стрѣла постигнетъ и человѣка, то боги наградятъ его за то въ будущей жизни. Вотъ почему Бѣлоруссы не рѣшаются спасать погибшаго отъ грома, не тушатъ даже пожара отъ молніи. Земля не растворяется до перваго весенняго грома, т. е. до выѣзда Перуна на небо. Духи, подвластные Перуну, носятся по полямъ и лѣсамъ, говоритъ бѣлорусское преданіе, на ретивыхъ коняхъ съ быстротою стрѣлы; противники же ихъ, т. е. темныя силы Чернобога въ образѣ хищныхъ птицъ производятъ вѣтры и бурю. Самое названіе молніи и грома мало употребляется въ Бѣлоруссіи: вездѣ зовутъ перуномъ (съ удареніемъ на первомъ слогѣ) и блескъ молніи, и громовой ударъ. Когда начинается гроза, Бѣлоруссы прячутся въ домахъ, восклицая: «ай, ай, Пярунъ забье!» До сихъ поръ слышны проклятія: «кабъ цябѣ Пярунъ узяў (или треснуў)». Поляки же и нынѣ, какъ въ разговорѣ, такъ и въ литературѣ, употребляютъ выраженіе: «убитъ Перуномъ, или Перунъ убилъ (Zabity od Piorunu, Piorun zabij). Находимыя на землѣ остроконечные камни (белемниты), какъ равно всякаго рода оружіе (молоты.

сѣкиры, клины и т. п. народъ называетъ громовыми стрѣлами, бережетъ ихъ, какъ противодѣйствіе отъ громовыхъ ударовъ и приписываетъ имъ врачебныя свойства.

1-го октября празднуется Покровъ Пресвятыя Богородицы. Въ Бѣлоруссіи дѣвушки ставятъ свѣчи предъ иконою Божіей Матери и молятъ: «святой Покровъ! покрыу землю и воду (снѣгомъ), покрый и мяне молоду». Значитъ, покрой ея голову бѣлымъ покровомъ (намиткой), завязываемымъ при выходѣ замужъ. Св. Пятница-Параскева (28 октября) — сливается въ понятіи народа съ Богородицею. Какъ Цёця-Сива, такъ и св. Пятница является покровительницею дѣвицъ и браковъ.

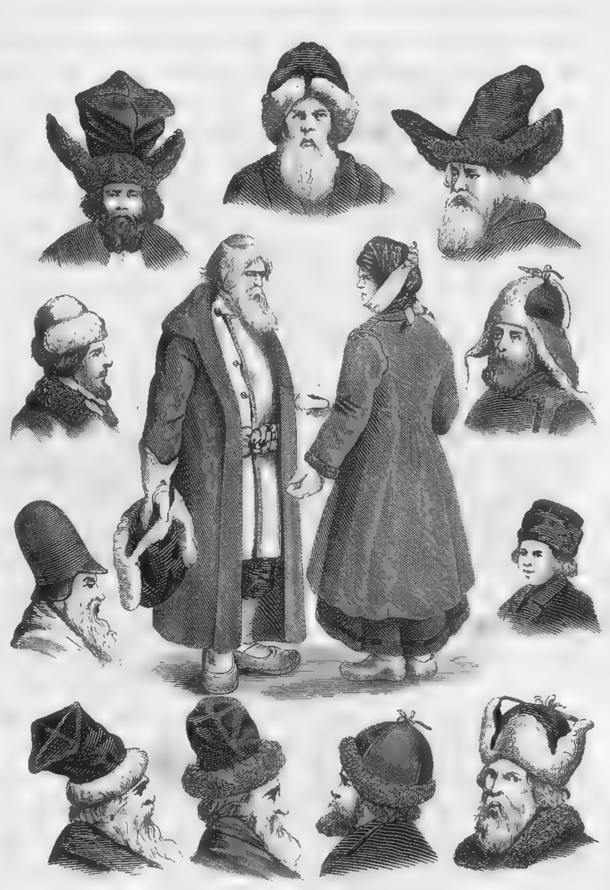

Типы Минской губерніи.

Съ наступленіемъ осени господствующимъ миѳическимъ представленіемъ, и при томъ исключительно бѣлорусскимъ является *Жыцень*. Жыцень принадлежитъ къ разряду эльфическихъ духовъ. Бѣлоруссы описываютъ его малорослымъ, худощавымъ старикомъ. У него суровое выраженіе лица, на лбу съ тремя глазами, съ длинными, взъерошенными волосами на головѣ. Назначеніе Жыценя весьма опредѣленно: онъ воспособляетъ росту и созрѣванію хлѣбовъ и овощей. Онъ расхаживаетъ по полямъ и огородамъ и наблюдаетъ, хорошо ли ведется хозяйство, а послѣ снятія хлѣба и овощей все ли какъ слѣдуетъ убрано. Тутъ же творитъ онъ судъ и расправу: коль скоро замѣтитъ, что въ извѣстномъ участкѣ оказывается много колосьевъ не срѣзанныхъ или разбросанныхъ, онъ собираетъ ихъ, связываетъ въ снопы и переноситъ на

участокъ того хозяина, у котораго все въ порядкѣ и все убрано какъ слѣдуетъ. Но этимъ судъ не оканчивается: послѣдствія явятся на слѣдующій годъ — у неряшливаго хозяина все пропадетъ, а у старательнаго, на участокъ котораго онъ перенесъ снопы — будетъ обильный урожай. Неудивительно, что вѣра въ такой судъ и расправу весьма полезна; она заставляетъ тщательно убирать хлѣбъ.

Жыцень расхаживаетъ иногда по дорогамъ въ видѣ нищаго съ нищенской сумою. Встрѣтивъ прохожаго, онъ грозитъ ему пальцемъ. Прохожій конечно узнаетъ его, и тотчасъ расходится широкая молва, что Жыцень грозилъ неурожаемъ. «*Жыцень съ кобзой* (сумой) — *голодъ на дворъ*», говорятъ Бѣлоруссы. По другимъ поговоркамъ: «*Жыцень хлѣба дау»;* или «*бардзѣй на Жытня, кали въ засѣкѣ хлѣба не прытне»,* т. е. сваливаютъ вину на Жытня, когда въ амбарѣ недостанетъ хлѣба. Жыцень и заботится съ своей стороны, чтобы урожай былъ хорошій: когда производятся осенніе посѣвы, онъ хотя и незримый, всегда при нихъ присутствуетъ, втаптывая въ землю брошенныя зерна, чтобы ни одно даромъ не пропало.

Головные уборы Бѣлоруссовъ.

Послѣдній выдающійся народный праздникъ, нелишенный миѳологическаго значенія — это Козьмы и Дамьяна 1-го ноября. Послѣ ученыхъ изслѣдованій Всев. Миллера (Асвины-Діоскуры, стр. 274 и др.), кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что св. Козьма и Даміанъ въ народномъ представленіи сохранили черты древнихъ индусскихъ близнецовъ Асвиновъ. Косьма и Даміанъ не только врачи, что имѣетъ основаніе въ житіи ихъ, но въ то же время они, подобно Асвинамъ, соединяютъ любящія сердца, покровительствуютъ свадьбамъ, *куютъ* свадьбы и поминаются въ свадебныхъ пѣсняхъ,—черты, наслоившіяся въ народѣ и не имѣющія ничего общаго съ житіемъ святыхъ. Подтвержденіе этому находимъ именно въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

А святы Кузьма и Даимянъ,
Скуй намъ свадзибку!
Солучи, Боже, гэтыхъ дзѣтыкъ:
Одного роженаго,
Другаго суженаго,

2 ноября — поминки, о которыхъ мы уже говорили.

Съ половины ноября начинается господство *Зюзи.* Зима пріѣзжаетъ на пѣгихъ кобылахъ,

встаетъ на ноги, куетъ морозы, стелетъ по рѣкамъ мосты и выпускаетъ на землю подвластныхъ ей нечистыхъ духовъ.

О *Зюзѣ* мы уже говорили при описаніи Колядокъ. Прибавимъ только, что Зюзя, или Морозъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ много общаго съ извѣстными миѳическими представленіями мрачнаго царя землянаго, или подземнаго, Нія, Ситиврата, Карачуна, Мороза.

У Бѣлоруссовъ, кромѣ главныхъ представленій, существуютъ еще миѳы, несвязанные съ тѣмъ или другимъ праздникомъ, но дѣйствующіе постоянно во всѣ времена года. Народная фантазія приковываетъ къ нимъ разные случаи вседневной жизни, боится ихъ, или почитаетъ ихъ, хотя въ христіанствѣ уже не находимъ примѣненія ихъ къ святымъ. Такъ напр. у Бѣлоруссовъ существуетъ *Жижаль*, царь огня, живущій гдѣ-то въ преисподней подъ землею. Но онъ страшенъ, являясь на ея поверхность — ибо онъ-то и производитъ лѣсные пожары. Надобно думать, что Жижаль замѣняетъ для Бѣлоруссовъ славянскаго Сварожича, о коемъ у нихъ не сохранилось никакихъ преданій. *Жижъ*, или *Жижаль* скитается подъ землею, извергая изъ себя пламя. Преданіе говоритъ, что когда онъ въ обыкновенномъ состояніи и странствуетъ тихими шагами, то отъ его пламени согрѣвается земля, но если онъ разсерженъ и ускоряетъ шаги, тогда пламя прорывается на поверхность земли, зажигаются лѣса, травы на лугахъ и хлѣбъ на поляхъ. Говорятъ: «*Жыжъ уназдзиўся*» — т. е. начались пожары. Нѣтъ сомнѣнія, что это почитаніе огня и самое представленіе огненнаго владыки — порожденіе вѣковъ давно минувшихъ, когда огню покланялись, какъ стихіи божественной.

Въ Словѣ о Полку Игоря упоминаются *Жля* и *Карна* нечестивые, кои

Прискакали въ землю Русскую,
Разразилися *пожарами*.

Ученый И. Д. Бѣляевъ доказалъ, что эти Карна и Жля были подземныя славянскія божества. Очень можетъ быть, что Жля тоже самое, что Жыжъ, или Жыжаль, точно также распространявшій пожары.

Древнее миѳическое существо *Чуръ*, извѣстное повсюду и неоднократно вспоминаемое въ народныхъ русскихъ преданіяхъ, въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ пользуется особеннымъ уваженіемъ и имѣетъ самое широкое представленіе въ жизни. Чуръ Бѣлоруссовъ — богъ, оберегающій границы поземельныхъ владѣній. Бугры, или небольшіе курганчики, нерѣдко огороженные частоколомъ, насыпанные на границахъ участковъ, какъ межевые знаки, состоятъ подъ особымъ попеченіемъ Чура и никто не посмѣетъ разрыть такого бугра изъ опасенія разгнѣвать божество. Въ то же время Чуръ является домашнимъ пенатомъ, такъ что каждый домъ, каждое семейство имѣетъ своего Чура, охранителя домашняго очага, преслѣдующаго и отгоняющаго демоновъ мрака. Отъ названія божества и таинственнаго его значенія произошло много поговорокъ, заклятій и обращеній, часто уже безсознательныхъ, къ божеству. «Чуръ мяне!» — говоритъ бѣлорусская дѣвушка, когда къ ней пристаетъ какой-нибудь нахалъ, т. е. не трогай меня, собственно воззваніе къ Чуру, чтобъ защитилъ ее. «Чуръ табѣ на языкъ!» — т. е. замолчи, просьба, чтобы Чуръ заставилъ замолчать. «Чуръ мое!» — «Чуръ вмѣстѣ, или пополамъ!» — въ этихъ выраженіяхъ Чуръ является защитникомъ правъ собственности.

Производный глаголъ отъ Чура: «чураться», значитъ избѣгать, отрекаться, чуждаться — Чуръ призывается, чтобы защитилъ, отстранилъ отъ кого, или отъ чего-либо. Пѣсня говоритъ

Гандзю душко, *нечурайся*,
Тай на Божу волю здайся,
Пригорнись до серца мого
И не зважай на никого.

Другая форма слова чуръ — есть *щуръ*, отъ слова *пра-щуръ*, родоначальникъ, предокъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ миѳу бога Чура.

Извѣстные повсюду на Руси *Лѣшіе*, конечно, и въ Бѣлоруссіи имѣютъ свои права гражданства. Лѣшій въ Бѣлоруссіи то же, что малорусскій *Полисунъ* или *Лисовикъ* (козлоногій панъ), пастырь волковъ. Миѳическія представленія о Лѣшихъ тѣ же, что и вездѣ. Мѣстныя условія, дремучіе лѣса придаютъ имъ только большее значеніе, нежели въ другихъ странахъ Происхожденіе Лѣшихъ такое же, какъ и вездѣ. Они родственны съ домовыми, съ водяными, съ русалками, съ воздушными бѣсами (крутящимися вихрями): словомъ, со всѣмъ тѣмъ что извѣстно въ Бѣлоруссіи подъ общимъ именемъ «чорцё, чортовье, чортовня». Древнія миѳическія преданія о борьбѣ Бѣлъ-бога съ Черно-богомъ и низверженіи демоновъ слились или, лучше, нашли примѣненіе къ библейскому низверженію гордыхъ ангеловъ. Лѣшіе — это тѣ духи, которые упали въ лѣса. Они и поселились въ лѣсныхъ трущобахъ. Въ другихъ мѣстахъ они съ наступленіемъ морозовъ прячутся въ преисподней и только съ весною появляются на поверхности. Бѣлорусскіе Лѣшіе, покрайней мѣрѣ большинство ихъ, не боятся морозовъ и остаются всю зиму. Напротивъ, въ сильную стужу они больше всего запугиваютъ и наводятъ ужасъ на людей. Нѣкоторые даже обращаются въ демоновъ зимнихъ вьюгъ. Лѣшій ростомъ равняется съ самыми высокими дубами и другими деревьями, но когда появится на полянѣ, онъ ровенъ съ травою. Бѣлоруссы увѣряютъ, что ростъ его именно и зависитъ отъ высоты тѣхъ деревьевъ, вблизи которыхъ онъ стоитъ или шествуетъ. Бѣлорусскіе Лѣшіе принимаютъ на себя иногда образы *лѣсныхъ цмоковъ*, т. е. змѣй, высасывающихъ у коровъ молоко. Лѣшій — царь лѣсовъ; у каждаго есть свой участокъ, они сторожатъ ихъ, ходятъ обходомъ, и не безъ того, чтобъ не происходило ссоръ и дракъ между сосѣдними владѣльцами участковъ. Лѣшій, подобно Русалкѣ, любитъ качаться на древесныхъ вѣтвяхъ, и у него, также какъ у Русалки, волоса зеленые. Онъ всегда хромой и лысый, а потому часто называется этимъ именемъ, равно какъ «лихимъ», «нелегкой», «нечистымъ» и т. д. Ихъ много породъ; есть: колдыга, клaскунъ, доброхотъ и проч. У каждаго свой характеръ, свои владѣнія и свои обязанности. Такъ напр. живутъ: клѣцникъ и подклѣцникъ, подкольникъ и подпечникъ и т. д. Расхаживая по своимъ владѣніямъ Лѣшій издаетъ дикіе звуки, приводящіе человѣка въ ужасъ и трепетъ; онъ то свищетъ, то хохочетъ, то хлопаетъ въ ладоши. Иногда ржетъ, какъ лошадь, мычитъ, какъ корова, лаетъ, какъ собака, мяукаетъ, какъ кошка. Эти дикіе звуки, смѣхъ, свистъ, хлопанье, неистовые крики — слышны на десятки верстъ. Когда Лѣшій поймаетъ человѣка, онъ, также какъ Русалки, защекочетъ его до смерти. Но невсегда бываетъ такъ жестокъ Лѣшій. Чаще онъ любитъ забавляться, запугивая человѣка, особенно ночью. У ѣдущаго или идущаго въ ночной лѣтней тьмѣ обыкновенно есть свои примѣты, дорожные знаки, чтобъ незаблудиться. Лѣшій потѣшается, переставляя эти знаки съ одного мѣста на другое. Гдѣ-нибудь на перекрестной дорогѣ стоялъ могучій дубъ, тамъ проѣзжій вдругъ видитъ небольшой кустъ; вотъ тутъ была полянка, глядь, а тутъ ужь небольшое озеро и дороги нѣтъ. Этими штуками онъ сбиваетъ съ пути, заставляетъ заблудиться, доведетъ до отчаянія и тогда хохочетъ неистовымъ образомъ. А то вдругъ прикинется хорошимъ знакомымъ путника, заведетъ съ нимъ разговоръ и проситъ подвезти маленько. Тотъ соглашается—проѣхали немного, вдругъ сани опрокидываются въ оврагъ, а спутникъ исчезаетъ и только гдѣ-то вдали слышенъ его свистъ и хлопанье. Бываетъ и такъ, что проѣзжій слышитъ въ сторонѣ раздирающіе душу вопли, или плачъ ребенка, или видитъ передъ собою рѣку. Опытный Бѣлоруссъ знаетъ, что это значитъ; его не разжалобятъ эти стоны и плачъ; не испугается онъ и рѣки — идетъ, или ѣдетъ, не останавливаясь и не поворачивая въ сторону. Но горе тому, кто повѣритъ и сочтетъ дѣйствительностью продѣлки Лѣшаго. Ему неминовать смерти, или же онъ попадетъ въ такую трясину, что едва уже днемъ, при помощи людей, освободится изъ нея.

Въ молодости мнѣ самому случилось испытать мороченіе Лѣшаго. Возвращался я изъ города домой въ деревню. Это было въ Климовицкомъ уѣздѣ. Ѣхали мы ночью, дремучимъ лѣсомъ. Кучеръ былъ человѣкъ немолодой, лѣтъ двадцать служилъ кучеромъ, зналъ каждую тро-

пинку, былъ набоженъ, непьющій. Ѣдемъ мы преблагополучно, и вотъ остается версты полторы до дома. Вдругъ заревѣлъ вѣтеръ, заскрыпѣли деревья, поднялась пыль, лошади стали пятиться и фыркать. Мы остановились; какъ будто утихло; ѣдемъ дальше, вотъ ужь должна быть окраина лѣса, за нею лугъ. Ничего не бывало—мы все въ лѣсу. Не попалъ, значитъ, говоритъ кучеръ — это я взялъ налѣво вмѣсто направо; поворотили назадъ — ѣхали, ѣхали, поворотной дороги какъ не бывало, а темь такая, что въ двухъ шагахъ ничего невидно. Вижу, мой кучеръ крестится. Что ты? спрашиваю.—Да что, батюшка, лѣшій обошелъ! — Стыдно тебѣ, говорю, вѣрить въ лѣшихъ.— Да, какъ не вѣрить, вѣдь вотъ ужь съ полчаса какъ мы должны были быть дома — что я дороги не знаю, что-ли?— Ѣдемъ, ѣдемъ и вдругъ выѣзжаемъ на большую поляну, на ней видна вдали церковь, строенія. Что это?—Да мы въ Лозовицы

Типы Минской губерніи.

заѣхали, говоритъ Цѣрехъ, т. е. верстъ 7 отъ дома. Пришлось ночевать въ Лозовицахъ, и только утромъ добрались мы до дому.

Въ числѣ древнихъ преданій Бѣлоруссовъ сохранилась память и о главномъ, добромъ богѣ, отцѣ-неба, Бѣлбогѣ, Прабогѣ, отцѣ Перуна, котораго они зовутъ *Бѣлуномъ*. О величіи и высокомъ значеніи Бѣлбога у нихъ смутное понятіе, но поэтическое настроеніе Бѣлорусса и его страсть олицетворять отвлеченные предметы позволили ему придать даже вещественный образъ Бѣлуну. Бѣлоруссъ увѣряетъ, что Бѣлунъ нисходитъ иногда на землю; что онъ является старцемъ, съ длинною *бѣлою* бородою, въ *бѣлой* одеждѣ и съ посохомъ въ рукахъ. Онъ милостивъ и творитъ одно добро. Бѣлбогъ, или Бѣлунъ показывается только днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, и если встрѣтитъ въ дремучемъ лѣсу заблудившагося путника, выведетъ его на большую дорогу. Поэтому существуетъ и поговорка: «Безъ Бѣлуна цемна у лѣсѣ». Во время жатвы онъ любитъ появляться на нивахъ и даже помогаетъ жнецамъ. Подчасъ Бѣлунъ любитъ и пошутить, но всегда какъ творитель добра, какъ податель богатства. Иногда, онъ появляется во ржи съ большимъ мѣшкомъ на носу. Высмотрѣвъ хорошаго работника, или работницу, онъ манитъ къ себѣ рукою и проситъ утереть ему носъ. Лишь тотъ дотронется до носа, изъ мѣшка вдругъ посыплется золото, и Бѣлунъ исчезнетъ. Про такого счастливца говорятъ Бѣлоруссы: «мусиць посябрыўся з'Бѣлуномъ», т. е. вѣрно подружился съ Бѣлуномъ.

О Чернобогѣ мы не встрѣтили нигдѣ прямыхъ указаній. Кажется, что *Зюзя* вполнѣ заступилъ его мѣсто. Кажется, одни Поморяне явно поклонялись Чернобогу; неменѣе того всѣ Славяне боялись Чернобога и тайкомъ бросали ему жертву. Съ распространеніемъ христіанскихъ понятій Чернобогъ окончательно замѣнился въ чорта, а въ Бѣлоруссіи, какъ и у всѣхъ Славянъ, сохранилась пословица: «И Бога хвали, и чорта не гняви».

Мы окончили нашъ миѳологическій очеркъ. Мы не затронули вопросовъ, уясняющихъ происхожденіе миѳовъ, сравненіе ихъ съ миѳами у другихъ народовъ, филологическихъ выводовъ. Наша цѣль была только собрать по возможности все, по этой части касающееся Бѣлоруссіи, какъ матеріалъ для будущихъ сравнительныхъ выводовъ.

Поэтическое творчество и богатство фантазіи Бѣлорусса не ограничилось одними миѳическими представленіями. Онъ и въ домашнемъ быту, во вседневной жизни создалъ себѣ какой-то сверхъестественный міръ, окружилъ себя бѣсами, духами, невидимыми существами и ведетъ съ ними постоянную борьбу, отыскивая способъ защищаться отъ ихъ ухищреній.

Такъ напр. Бѣлоруссамъ извѣстны домашніе бѣсы, преслѣдующіе ихъ, наводящіе разныя болѣзни и даже поселяющіеся внутри ихъ. Ихъ восемь, и Бѣлоруссы знаютъ ихъ по именамъ, именно: *Яронъ, Иронъ, Китронъ, Никитронъ, Фаронъ, Фаразонъ, Лидонъ, Столидонъ.* Имена эти вовсе не бѣлорусскія, да и не славянскія. Увѣряютъ, что они заимствованы отъ Цыганъ Цыгане же вѣроятно выучили способы избавляться отъ нихъ. Надобно написать всѣ эти восемь названій на кускѣ хлѣба и подъ каждымъ поставить крестикъ, а потомъ хлѣбъ этотъ дать съѣсть больному, въ которомъ сидитъ одинъ изъ бѣсовъ.

Есть еще девять женскихъ духовъ — сестеръ. Весною, въ лѣсу, или на дорогѣ онѣ вызываютъ человѣка по имени; кто откликнется, тотъ получитъ *трясцу*, т. е. лихорадку.

Водяной духъ называется *Водзяникъ,* земляной *Хлапникъ*; домашній *Дмовикъ;* лѣсной *Лясникъ* и стражъ кладовъ *Сатана*, или *Прдклятый.*

Король кошекъ называется *Варгинъ,* пѣтуховъ *Будзимиръ*, мышей *Подноръ.*

Бѣлоруссъ любитъ слушать и разсказывать свои *басни.* Въ этихъ басняхъ главными дѣйствующими лицами являются чаровники и чаровницы, знахари, вовколаки (оборотни), лѣшіе, русалки. Черный гость, живые волоса на головѣ, чудесная палка, бѣлая сорока, Твардовскій, Ставръ и Гавръ и т. д. Почти каждый разсказъ связанъ съ заклятыми дѣвами, съ сатаною, берегущимъ сокровище.

Иванъ Барщевскій напечаталъ на польскомъ языкѣ четыре тома фантастическихъ разсказовъ изъ жизни Бѣлоруссовъ, нелишенныхъ интереса. Во всѣхъ этихъ разсказахъ являются духи, творится сверхъестественное, а клады играютъ главнѣйшую роль.

Народный эпосъ особенно развитъ въ Могилевской губерніи, а также въ Витебской, въ окрестностяхъ Полоцка и въ другихъ мѣстахъ. У нихъ есть свои три главные богатыря-великана: *Дубина, Прудъ, Горыня.* Эти богатыри растутъ не по днямъ, а по часамъ и минутамъ. Головою они достигаютъ до облаковъ и странствуютъ съ одного конца земли на другой. Сила ихъ такъ велика, что они вырываютъ съ корнями вѣковые дубы и другія деревья, повергаютъ цѣлыя горы, такъ что, взявшись одною рукою за вершину самой высокой горы, легко подымутъ ее и перебросятъ на другое мѣсто. Дубина, кажется, то же, что извѣстный великанъ—богатырь *Дубыня*, который также вырываетъ съ корнемъ столѣтніе дубы. Горыня—хорошо извѣстенъ въ славянскомъ эпосѣ. О Прудѣ, кажется, въ первый разъ слышимъ въ бѣлорусскомъ эпосѣ, но всѣ три владѣютъ одинаковыми качествами великановъ-богатырей.

Въ Могилевской губерніи разсказываютъ про двухъ мальчиковъ изъ племени великановъ. Одинъ изъ нихъ только разъ *дунулъ* на село и—всѣ крестьянскія хаты разлетѣлись въ дребезги; другой же только разъ *плюнулъ*—и вдругъ образовалось бездонное озеро.

Въ басняхъ (сказкахъ) и вообще во всѣхъ бѣлорусскихъ разсказахъ о сверхъестественныхъ силахъ видное мѣсто занимаетъ *Баба-Яга* или *Юга.* По мѣстному преданію она гонитъ

вѣтры и тучи огненною метлою. Во всемъ остальномъ бѣлорусская Баба-Яга ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ представленій этой вѣдьмы въ другихъ Славянскихъ земляхъ. Она также летитъ на Лысую гору въ желѣзной ступѣ, погоняя клюкой или пестомъ и заметая слѣдъ помеломъ. Но невсегда она летаетъ въ ступѣ. Подобно другимъ подвластнымъ ей вѣдьмамъ, она летаетъ также на метлѣ, кочергѣ, лопатѣ, грабляхъ и костылѣ.

Вѣдьмы или чаровницы въ особенности бодрствуютъ и лиходѣйствуютъ въ Купальскую ночь. Многія изъ нихъ отправляются на Лысую гору на шабашъ, празднуемый тамъ въ эту ночь, и для этого, не довольствуясь ступою, кочергою или лопатою, иногда забираютъ хозяйскихъ лошадей. Чтобы воспрепятствовать имъ, какъ уже мы замѣтили, вѣшаютъ на воротахъ *громницу*, т. е. восковую свѣчу, освященную въ Срѣтеніе, а внутри развѣшиваютъ вѣнки изъ освященныхъ травъ и зелья. Главною задачею поставляютъ себѣ вѣдьмы украсть некрещеннаго младенца, составляющаго любимое блюдо на шабашѣ. Для этого вѣдьмы принимаютъ разные виды, лишь бы проникнуть въ хату. Такъ среди Бѣлоруссовъ въ Гродненской губерніи вѣдьма обратилась въ лягушку и забралась въ хату, гдѣ была родильница. Мужъ послѣдней схватилъ топоръ и отсѣкъ ей правую лапку. И что же? На другой день оказалось, что у вѣдьмы отсѣчена правая рука.

Есть еще въ Бѣлоруссіи чаровницы, называемыя *Стриги*. Стрига огромнаго роста, съ распущенными волосами, впалыми щеками и зелеными кошачьими глазами. Стрига не имѣетъ постояннаго жительства: она расхаживаетъ по деревнямъ и ея появленіе наводитъ ужасъ на беременныхъ женщинъ. Стрига подмѣнитъ ребенка, иногда изувѣчитъ его, а если разсердится, то на глазахъ у всѣхъ размозжитъ ему головку о камень. Можно однако задобрить Стригу. Беременная женщина, встрѣтясь съ нею, приглашаетъ ее къ себѣ въ хату на время родовъ. Стрига является, ей всѣ угождаютъ, оказываютъ особенное уваженіе и иногда дѣло улаживается: ребенокъ цѣлъ. Стрига не боится даже святой воды. Для сохраненія ребенка отъ Стриги его купаютъ ежедневно до захожденія солнца.

Впрочемъ, все, что относится къ вѣдьмамъ, чаровницамъ, знахарямъ, отслужило свой вѣкъ. Вѣра въ нихъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Знахари-лекаря еще пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ, особенно тѣ, которые умѣютъ заговаривать отъ укушенія змѣй, а также знахари, умѣющіе угадать мѣсто, гдѣ смѣло можно рыть колодезь. Ремесло послѣднихъ даже довольно выгодно, и замѣчательно то, что они опредѣляютъ эти мѣста по травамъ, растущимъ въ данной окрестности и рѣдко ошибаются.

* * *

Охарактеризовавъ достаточно повѣрья и преданія, мы не можемъ не упомянуть о повѣрьяхъ Латышей, занимающихъ три уѣзда Витебской губерніи, извѣстные подъ именемъ Инфлянтовъ. Латыши, принадлежа къ Литовскому племени, въ миѳическихъ своихъ представленіяхъ сливаются съ Литовцами, хотя и есть нѣкоторыя черты, доказывающія, что собственно литовскіе миѳы развивались здѣсь самостоятельно. Различія понятій весьма неважны и рѣдки — но въ одномъ случаѣ несходство весьма рѣзкое. Какъ у древнихъ Индусовъ, такъ точно и у Латышей невѣстой и женой мѣсяца была солнцева дочь, тогда какъ у Литовцевъ само солнце было женою мѣсяца. Далѣе, въ латышскихъ пѣсняхъ утренняя звѣзда мужскаго рода и является соперникомъ мѣсяца; въ литовскихъ же эта звѣзда изображена дѣвицею, возлюбленною мѣсяца. Вообще брачныя и родственныя отношенія небесныхъ свѣтилъ, по представленіямъ Литовцевъ и Латышей, доказываютъ глубочайшую древность, напоминая индусскія преданія.

Глубокій знатокъ Латышей, баронъ Густавъ Мантейфель (Inflanty Polskiè, 1879, Poznań) свидѣтельствуетъ, что еще въ XVIII столѣтіи у Латышей были священные дубы, которымъ

они поклонялись и приносили въ жертву *черного вола, черного козла, черную курицу, яйца, масло, сыръ и бочку черного бира*, т. е. пива.

24 іюня, извѣстный купальскій праздникъ, у Латышей извѣстенъ подъ именемъ *Лиго* и празднуется съ особенною торжественностью. Лиго было божествомъ молодости, красоты и удовольствій. Христіанское имя св. Іоанна народъ перепуталъ съ древнимъ Лиго и воспѣваетъ: «Ioniadina, Ioniadina, Lejgo, Lejgo! Танцы и пѣсни начинаются не прежде, какъ по закланіи вола и зарѣзаніи курицы, причемъ какъ дѣвушки, такъ и юноши украшаютъ себя зеленью и цвѣтами.

Латыши.

Увѣряютъ, что особенными усиліями духовенства Латыши въ настоящее время изъ одной крайности бросились въ другую: они сдѣлались чрезвычайно религіозными и набожность ихъ доходитъ до фанатизма. Память однако Перкунаса живетъ между ними и до сихъ поръ. Латышъ, точно также какъ Бѣлоруссъ и Литвинъ, ни въ какомъ случаѣ не станетъ тушить строенія, загорѣвшагося отъ громоваго удара, и приэтомъ онъ не скажетъ «громъ ударилъ», но «перкунъ низошелъ» (perkyuns spiâra). Христіанское вліяніе замѣтно впрочемъ уже въ томъ, что во время пожара Латышъ хотя и самъ не тушитъ и никому не позволитъ тушить, но бросаетъ въ огонь посвященную соль или хлѣбъ и обноситъ вокругъ пожара икону Спасителя или Божіей Матери.

Извѣстный польскій писатель, владѣлецъ Креславля въ Инфлянтахъ, графъ Адамъ Платеръ разсказываетъ про весьма любопытное вѣрованіе Латышей, до сихъ поръ сохранившееся. Оно невольно напоминаетъ древнія миѳическія явленія *Мораны*, богини смерти, или *Моры*, призрака нечистой силы, вѣстниковъ помора, повальныхъ болѣзней. Гр. Платеръ говоритъ, что передъ наступленіемъ холеры или скотскихъ падежей, прохожіе по дорогамъ встрѣчаютъ женщину, держащую подъ мышкой мертвую голову, человѣческую, лошадиную или коровью, сообразно тому, какое бѣдствіе вскорѣ постигнетъ край. Вѣсть о такихъ встрѣчахъ быстро распространяется по всей странѣ и народъ вѣритъ, что неминуемо скоро послѣдуетъ холера или падежъ. Это несомнѣнно Морана, Мора — вѣстница грозящей бѣды. Морана, съ серпомъ въ рукѣ, пожинающая все живое въ семъ мірѣ, по древнимъ преданіямъ, всегда сопутствовала рати, идущей на войну: въ Инфлянтахъ передъ каждою войною, путники точно также встрѣчаютъ по дорогамъ Морану въ видѣ женщины, несущей подъ

Латыши.

мышкою человѣческій черепъ. Мало того, она пробѣгаетъ не только по дорогамъ, но и по деревнямъ, размахивая краснымъ окровавленнымъ платкомъ. Послѣ этого всѣ убѣждены, что скоро наступитъ война и потребуетъ многихъ жертвъ.

Гр. Платеръ обращаетъ вниманіе на рѣку *Индру*, впадающую въ З. Двину. Нѣкогда она составляла границу между Латышами и Русью. Почему она называется *Индра*, т. е. древнимъ индійскимъ божествомъ, соотвѣтствующимъ Перуну и Перкунасу? Это названіе, среди народа, имѣющаго много близкихъ соотношеній къ древнимъ Индусамъ, нелишено особеннаго значенія.

Какъ у Бѣлоруссовъ, такъ точно и у Латышей чаровницы завязываютъ въ полѣ солому. Латышъ никогда ея не развяжетъ, но спѣшитъ вспрыснуть святою водою.

Не распространяемся о миѳическихъ представленіяхъ Латышей, какъ сродныхъ и имѣющихъ общее начало съ Литовцами, о коихъ мы уже говорили.

Мы должны еще обратить вниманіе на рисунокъ, помѣщенный въ началѣ этой статьи, на которомъ изображены костюмы Латышскихъ женщинъ съ конца прошлаго столѣтія. Костюмы эти составляютъ уже нынѣ достояніе археологіи и этнографіи. Съ трудомъ можно встрѣтить что нибудь похожее. Настоящіе костюмы, какъ увидимъ ниже, болѣе походятъ на мѣщанскіе.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ III.

НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ.

У Бѣлоруссовъ: Рожденіе и крестины.—Свадьба.—Похороны.—Дожинки.—Пляски.—Деревня.—Наружность.—Великороссы.—Евреи.—Цыгане.—Въ Инфлянтахъ: Латыши, Литовцы, Эсты, Поляки.—Обряды у Латышей: Крестины, свадьба, похороны.—Наружность.—Нравственность.—Одежда.—Пища.—Избы.—Симпатическія лекарства.—Танцы и пѣсни.

Гарыць огонь, гарыць огонь за водою,
Я и нявижу за бядою, за бядою.
Гарыць огонь, гарыць огонь за лѣсами
Я и нявижу за слезами, за слезами.

БѢЛОРУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ой господинъ бояринъ,
Не наказывай меня вечеромъ,
Наказывай меня на солнышкѣ,
Пусть оно горько плачетъ.

ЛАТЫШСКАЯ ПѢСНЯ.

Народная жизнь Бѣлоруссовъ сотни лѣтъ тянулась безъ измѣненій. Нравы, обычаи, народный бытъ, подъ гнетомъ крѣпостнаго права — шли обычною колеею. Небольшія измѣненія подъ вліяніемъ ближайшихъ сосѣдей замѣтны кое-гдѣ только по окраинамъ, на пограничьи съ Балтійскими провинціями, съ собственною Литвою и съ Великорусскими губерніями. Но эти измѣненія весьма незначительны. Они касаются собственно обрядности, одежды, нѣкоторыхъ измѣненій въ языкѣ подъ вліяніемъ русскаго, или польскаго; особенности же народной жизни, сложившейся въ теченіе многихъ столѣтій, остались одинаковыми на всемъ протяженіи Бѣлоруссіи. Какъ неизмѣнна природа, съ которою связанъ человѣкъ, которая болѣе всего вліяетъ на его жизнь, на его умственное и физическое развитіе, такъ и народная жизнь оставалась неизмѣнною. Болѣе рѣзкія, болѣе замѣтныя измѣненія начались съ улучшеніемъ народнаго быта, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ болѣе сильнымъ и успѣшнымъ распространеніемъ нравственно-религіозныхъ началъ и просвѣщенія. Крестьянинъ мѣстами, не вездѣ, сталъ меньше пить; зато лучше ѣстъ; улучшаются постройки жилищъ, опрятнѣе становится одежда, человѣкъ свободнѣе дышитъ и нравственно возвышается, сознавая себя свободнымъ; но просвѣщеніе еще не глубоко пустило корни.

Мы прослѣдимъ жизнь Бѣлорусса отъ колыбели до могильной доски, конечно, по источникамъ прежняго, хотя и недавняго времени и собственнымъ нашимъ наблюденіямъ.

Рожденіе. — Беременная женщина почти до послѣдней минуты родовъ исполняетъ всѣ тягостныя обязанности не только хозяйки дома, но нерѣдко и работницы. Она вынимаетъ тяже-

лые горшки изъ печи, мѣситъ хлѣбъ, работаетъ въ полѣ подъ знойнымъ небомъ, укладываетъ сѣно и снопы на воза. И нерѣдко, среди этихъ тяжелыхъ работъ наступаютъ роды. Опытныя повитухи очень рѣдки; обыкновенно приглашаютъ знахарку. Безъ всякой медицинской помощи совершаются роды; природа дѣлаетъ чудеса. Не пройдетъ двухъ, трехъ дней, какъ родильница уже опять принимается за тяжелую работу. Во время родовъ знахарка зажигаетъ восковую свѣчу и держитъ ее передъ лицомъ больной, а въ тоже время стучитъ метлой въ потолокъ избы. Тотчасъ послѣ родовъ больной даютъ пить *троянку*, т. е. грѣтое вино со смѣсью красной глины, меда, перца и коровьяго масла.

Крестятъ обыкновенно очень скоро послѣ рожденія. Крещеніе совершается въ церкви. По возвращеніи домой, ребенка передаютъ отцу, тотъ кладетъ его на нѣсколько минутъ на порогѣ, что называется *освятить дитя черезъ порогъ*. Кумъ или кумовья привозятъ съ собой водку, а кума пироги и тутъ же жарятъ яичницу. Дѣвицы дарятъ по нѣсколько копѣекъ *на мыло для ребенка*.

Въ теченіе перваго года на малютку не надѣваютъ рубашки, приговаривая: «довольно будетъ еще времени *свой вѣкъ износить*». Ребенокъ нерѣдко предоставленъ на волю судьбы. Мать работаетъ въ полѣ, а ребенокъ въ пеленкахъ лежитъ на травѣ или подъ кустомъ, подвергаясь разнымъ случайностямъ: его мочитъ дождь, жжетъ солнце, онъ дрогнетъ отъ холода. И дома не лучше. Послѣдствія ужасны: статистическія данныя показываютъ, что до пятилѣтняго возраста вымираетъ почти половина.

Свадьба. Свадебные обряды хотя въ общихъ чертахъ вездѣ одинаковы, на всемъ протяженіи Бѣлоруссіи; но въ частностяхъ есть много отличій и разнообразія. Самое подробное и толковое описаніе свадебъ въ Борисовскомъ уѣздѣ Минской губерніи напечатано въ статистическомъ описаніи этого уѣзда гр. Е. П. Тышкевича. Оно должно бы служить канвой для подобныхъ описаній въ другихъ мѣстностяхъ. Мы ограничиваемся указаніемъ болѣе замѣтныхъ особенностей и болѣе примѣнимыхъ ко всѣмъ уѣздамъ Бѣлоруссіи.

Свадебные обряды почти вездѣ начинаются такъ называемыми *запоинами*. Въ домъ родителей, гдѣ есть невѣста, являются сватъ и сваха съ водкой и хлѣбомъ. Ежели глава семейства, заблаговременно предувѣдомленный, или, какъ большею частью случается, поладившій съ родителями молодаго, согласенъ выдать дочь, то, когда вино уже выпито, въ сосудъ, въ которомъ оно было привезено, сыплетъ рожь; если-же сваты пріѣзжаютъ случайно и родители несогласны, то ту же посуду наполняютъ виномъ, и тогда сваты удаляются не говоря ни слова. Въ первомъ же случаѣ, дѣло немедленно улаживается безъ разглагольствованій, собираются родственники и сосѣди, являются подруги, и невѣста выходитъ вмѣстѣ съ ними къ свату и свахѣ. Сватъ подаетъ ей правую руку, кладетъ передъ нею пирогъ, сыръ, кусокъ говядины, двѣ, три мелкія монеты бросаетъ въ чашу и заливаетъ ихъ виномъ. Потомъ дѣвушки удаляются въ свѣтлицу, или за перегородку, а старшіе ужинаютъ и пьютъ до поздней ночи.

Затѣмъ слѣдуетъ исполненіе обычныхъ формальностей, испрошеніе согласія, заключеніе договора съ священникомъ, избраніе дружекъ, ассистентовъ и главнаго дѣйствующаго лица, маршала, который служитъ церемоніймейстеромъ обряда и въ то-же время веселитъ публику своимъ доморощеннымъ остроуміемъ, прибаутками, подшучиваньями, не выходя однако изъ главной роли руководителя празднества.

Наканунѣ бракосочетанія въ домахъ невѣсты и жениха происходитъ большое торжество, *печеніе каравая*, обусловленное разными обрядами и большимъ сборищемъ родныхъ и знакомыхъ. При этомъ конечно много ѣдятъ и пьютъ. Передъ тѣмъ какъ слѣдуетъ всыпать муку въ дежу, крестная мать, или старшая годами произноситъ слѣдующія слова, конечно неодинаково, смотря по мѣстностямъ, но содержанія почти одного и того же: «*Іосьць тутъ Богъ, бацька, матка, радзоные (родные) и сусѣды близкіе и дальные мужи статечные, бабки запечныя, дзѣтки за-*

плечныя, благословицъ красной паннъ каравай учиніцъ». Самый обрядъ печенія каравая совершается семью избранными коровайницами.

Обрядъ испрошенія благословенія не только у родителей, но у всѣхъ родныхъ и присутствующихъ весьма трогателенъ и даже поэтиченъ. Подъ хороводную пѣсню дѣвушекъ:

Карися (смирися) Агатка (или другое имя) старому,
Кланяйся и малому:
Зъ поклону голоука не балиць,
Стары и малы благословиць.

Невѣста подходитъ къ отцу и матери, потомъ къ роднымъ и всѣмъ знакомымъ, кланяется обнимаетъ и цѣлуетъ, конечно заливаясь при этомъ слезами.

Наконецъ свадебный поѣздъ отправляется въ церковь. Поѣздъ открываютъ *закосники* на пароконной бричкѣ; затѣмъ невѣста съ дружками: ея бричку окружаютъ молодые парни верхами; за нею старики и женщины въ повозкахъ. Во все время пути дѣвушки поютъ, а деревенскіе скоморохи играютъ.

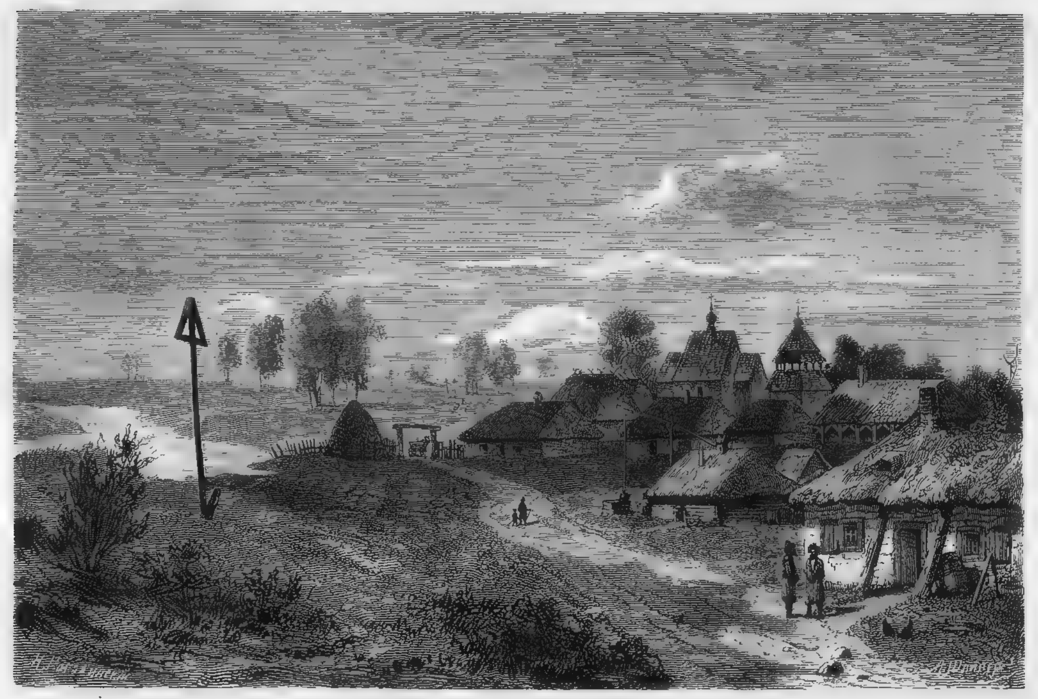
Невѣста кланяется всѣмъ встрѣчнымъ. Если проѣзжаютъ мимо мельницы, мельникъ останавливаетъ воду; тогда и поѣздъ останавливается, невѣста отдаетъ ему свой поясъ, мельникъ пускаетъ воду и поѣздъ трогается далѣе. Пріѣхавъ въ церковь, или въ костелъ, молодую вводятъ торжественно и она кланяется на всѣ стороны. Потомъ останавливается возлѣ стѣны, а ея подруги закрываютъ ее собою. Женихъ съ ассистентами подходитъ къ нимъ, кланяется подругамъ и умоляетъ отдать ему невѣсту. Тѣ сначала упрямятся, а потомъ какъ будто нехотя отпускаютъ ее. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женихъ не кланяется и не проситъ подругъ, силою расталкиваетъ ихъ и уводитъ невѣсту. Передъ налоемъ подъ ноги невѣсты застилаютъ утиральникъ. Во время обряда вѣнчанія вниманіе всѣхъ обращено на свѣчи: ежели горятъ ярко — хорошее предзнаменованіе, — ежели же свѣча потухнетъ — бѣда неминуемая. Въ нѣкоторыхъ приходахъ послѣ вѣнчанія заходятъ въ домъ священника, который читаетъ имъ наставленія и потчуетъ молодыхъ виномъ. Возвращаются тѣмъ же порядкомъ, но въ пути сопутствующіе раздѣляются, одни ѣдутъ въ домъ жениха, другіе къ невѣстѣ. Настоящее пиршество начинается къ вечеру у родителей молодой. Сначала молодая съ подругами сидятъ у печки, а молодой въ противоположномъ углу. Потомъ отецъ подводитъ ее за руку къ мужу и сажаетъ рядомъ съ нимъ. Тогда мать кладетъ ей на голову три пряди льна и на крестъ поджигаетъ волосы, а въ тоже время сестра поджигаетъ волосы молодому. Затѣмъ сваха снимаетъ ленъ, укладываетъ косы на головѣ и повязываетъ платкомъ. Въ другихъ мѣстахъ съ особою церемоніею повязываютъ *наметку*. Отецъ даритъ ей *дежу*, на которую кладетъ хлѣбъ и соль и нѣсколько монетъ, приговаривая: «*дарю цябѣ, дзѣцятка, хлѣбомъ, солей!*» Потомъ молодой закрываютъ глаза, а всѣ присутствующіе дарятъ ее чѣмъ кто можетъ. Молодымъ подаютъ особенно для нихъ приготовленную яишницу, которую они ѣдятъ одною ложкою. Первое здоровье пьетъ молодой, произнося при этомъ: «*пью да цѣбѣ (къ женѣ) поунымъ кубкомъ, щерымъ серцемъ, добрымъ здоровьемъ; што мыслю сабѣ, то и табѣ*».

Танцы и гулянье продолжаются всю ночь, у другихъ же молодую отвозятъ послѣ пиршества въ домъ мужа. Начинается трогательное прощаніе съ родителями и родными, и все это сопровождается пѣснями. Во время пути въ домъ молодаго, мальчики зажигаютъ кули соломы на дорогѣ, и молодая должна отъ нихъ откупиться подачкою. Молодую встрѣчаетъ вся семья и сосѣди. Она даритъ всѣхъ холстомъ. Между тѣмъ въ домѣ уже приготовлена дежа, и она тотчасъ же обязана мѣсить хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Лидскомъ уѣздѣ, устраивается родъ маскарада: молодежь наряжается какъ можно страннѣе, бѣгаетъ по деревнѣ, врывается въ дома, захватываетъ, что въ нихъ найдетъ съѣстное и приноситъ въ домъ молодаго.

Каравай, съ причудливыми украшеніями, играетъ важную роль во время свадьбы. Въ эпоху крѣпостнаго права, молодые, на другой день послѣ брака, отправлялись къ владѣльцу съ кара-

ваемъ, что и теперь соблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; владѣлецъ даритъ ихъ, потчуетъ, а нерѣдко въ господскомъ домѣ устраиваются даже танцы и угощеніе.

Невинная дѣвушка, вошедшая въ домъ мужа, чествуется цѣлымъ семействомъ, какъ особенное благословеніе Господне. Ее всѣ уважаютъ и во время исполненія свадебныхъ обрядовъ, она пользуется большимъ вниманіемъ, составляя радость и гордость родителей и новобрачнаго, а также семейства послѣдняго. Согрѣшившая же до замужества, хотя бы даже съ тѣмъ, за кого вышла замужъ, наоборотъ, играетъ печальную роль во время свадьбы; по этому случаю даже свадебные обряды въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняются. Такъ напр., не поютъ многихъ обычныхъ торжеству пѣсенъ. Еще печальнѣе участь той, которой посрамленіе истекаетъ изъ господскаго дома. Покровительство владѣльца, даже крутыя мѣры имъ принимаемыя, невсегда могли защитить ее отъ поруганій и дурнаго обращенія свекрови, или сестеръ мужа. Впрочемъ,

Бѣлорусская деревня.

дѣвушка, надъ которою употреблено было насиліе со стороны владѣльца, или, что еще чаще его управляющаго, возбуждаетъ сожалѣніе — надъ нею не ругаются, но не менѣе того нѣтъ уже того ореола, который окружаетъ непорочную дѣвушку, выходящую замужъ.

Конечно, не вездѣ и не всегда смотрятъ одинаково на это дѣло. Есть мѣстности, гдѣ развратъ сильно развитъ; но есть и такія, гдѣ въ крѣпостную эпоху всѣми способами защищалась честь дѣвушки отъ посягательствъ помѣщичьей власти, несмотря даже на суровыя наказанія. Обычное сѣченье красивой дѣвушки бывало иногда началомъ возбужденія страсти, сѣченье и довершало ея паденіе. Сѣкли всѣхъ безъ разбору, за что попало, но дѣвушекъ сѣкли чаще всего, хотя и не больно. Понравилась дѣвушка во время сѣченья, но оказывалась непреклонною, ее сѣкли чаще, да все больнѣе, пока не покорялась. Конечно, это были исключительные и довольно рѣдкіе случаи; но были. Но такіе случаи не препятствовали дѣвушкѣ выдти замужъ: она считалась жертвой насилія.

На рѣкѣ.

Мы передали болѣе общіе свадебные обряды, свойственные всѣмъ Бѣлоруссамъ. Но отличій, измѣненій, разнообразія въ пѣсняхъ очень много.

Такъ напр. въ Пинскомъ уѣздѣ *очепины*, т. е. повязыванье на голову молодой намитки (наметки) наступаетъ на слѣдующій день въ полдень. Свадебные обряды и пиршества продолжаются три, четыре дня. Собственно коровайный обрядъ совершается на другой день послѣ вѣнчанія. Сначала коровай ставятъ посреди улицы, на крышѣ отъ дежи. Всѣ присутствующіе должны проплясать вокругъ коровая; затѣмъ уже его вносятъ въ домъ, и начинается раздача по кусочку всѣмъ присутствующимъ, кои бросаютъ монеты на тарелку, маршалъ же, послѣ каждой подачки, ударяетъ нагайкой въ потолокъ и провозглашаетъ, сколько кто пожертвовалъ. Болѣе зажиточные дарятъ при этомъ молодымъ кто корову, кто овцу, поросенка и т. д. Чѣмъ солиднѣе подарокъ, тѣмъ громче провозглашаетъ подачу маршалъ и подаетъ большій кусокъ коровая.

Любопытно, что въ свадебныхъ пѣсняхъ, въ Пинскомъ уѣздѣ, часто упоминается рѣка Дунай. Напр.

«И ты, рыченька Дунаю!
Прибывай съ жемчугою до краю,
Намъ тая жемчуга потреба.
Старосты коныченьки коваты,
Въ дороженьку выѣзжаты —
Въ дороженьку щаспую,
По дивоньку краспую.»

«Ой гдѣжъ намъ дай подитыся?
Чивъ въ Дунаю утопытыся?

Древность этихъ пѣсенъ несомнѣнна.

Отъ веселья перейдемъ къ концу земнаго поприща Бѣлорусса, весь вѣкъ свой маюшагося, нерѣдко, на старость, когда одряхлѣвшія силы одолѣютъ человѣка, сознающаго, что онъ въ тягость семьѣ, что бѣдной семьѣ трудно, почти невозможно облегчить его недуги. Неудивительно поэтому, что самая кончина его не можетъ возбудить того сожалѣнія и горести въ средѣ родныхъ, какія были бы порождены, если-бы онъ умиралъ въ цвѣтѣ лѣтъ, когда его силы, его энергія — составляютъ главныя основанія существованія тѣхъ, которыхъ онъ оставляетъ. Бѣлоруссъ, по врождебной добротѣ, оплакиваетъ дряхлаго старика, но его горесть непродолжительна, болѣе заказная, обрядная: ему по обычаю отдается послѣдній долгъ — но въ сущности семья можетъ радоваться, что избавилась отъ тягости, отъ старца, неприносившаго уже ей никакой пользы.

Умирающаго окружаютъ всѣ члены семейства, друзья и сосѣди. Тотчасъ послѣ кончины, покойника моютъ, одѣваютъ въ лучшее платье и кладутъ на столѣ ногами къ дверямъ. Въ головахъ ставятъ зажженную восковую свѣчу, въ руки даютъ бумажный образокъ. Во все это время домашніе, особенно женщины, *голосятъ*. *Голошеніе* то же, что языческое причитанье, оплакиванье умершихъ. Однѣ плачутъ, воютъ, кричатъ, другіе поютъ заупокойныя пѣсни, мужчины исчисляютъ добродѣтели почившаго, просятъ прощенія въ нанесенныхъ обидахъ. Это голошеніе продолжается во все время съ минуты кончины до погребенія. Когда гробъ сколоченъ, оставшимися стружками набиваютъ подушку. Отправляясь на кладбище, берутъ съ собой наскоро сдѣланный простой деревянный крестъ, перевязанный красною ленточкою, и несутъ его впереди, а также горшки со святою водою и святымъ зельемъ. Если церковь близка, изъ нея приносятъ хоругви, Распятіе и несутъ передъ гробомъ. Если семья достаточная, приглашаютъ священника. Пока проѣдутъ деревню, покойника сопровождаютъ всѣ ея жители, далѣе — ближайшіе родственники; если до кладбища далеко, одни садятся на гробѣ, другіе идутъ вокругъ него. Большою частью покойника везутъ прямо на кладбище, но если священникъ въ той же деревнѣ, то сначала вносятъ гробъ въ церковь, или совершаютъ панихиду передъ церковью. На клад-

бищѣ открываютъ *вѣко* (крышу), жена, дѣти, всѣ родственники бросаются ко гробу, цѣлуютъ покойника въ лицо, съ воплями и рыданіями. Голошеніе продолжается. Если некому *голосить* въ семействѣ, приглашаютъ женщинъ и дѣвокъ изъ сосѣдей, и тѣ точно также исправно разыгрываютъ роль древнихъ плакальщицъ. Когда гробъ опущенъ въ могилу, насыпаютъ небольшой курганчикъ и въ головахъ ставятъ принесенный крестъ, а также горшокъ съ святымъ зельемъ. Въ заключеніе, тутъ же при гробѣ выпиваютъ по рюмкѣ вина и возвращаются домой. Здѣсь столъ или скамью, на которой лежалъ покойникъ, застилаютъ бѣлою скатертью, ставятъ воду и кладутъ утиральникъ, чтобы покойникъ могъ умываться. Никто къ этому не смѣетъ прикоснуться въ теченіе пяти — семи дней.

Въ домѣ уже приготовлена заупокойная тризна, на которую приглашаютъ всѣхъ родныхъ и ближайшихъ сосѣдей. Первую рюмку вина и первую ложку кушанья выливаютъ въ уголъ *для покойника*. Вообще весь обрядъ погребенія называютъ *хаутыры*. Собственно *хаутуры* означаетъ имѣть въ домѣ покойника. Отъ этого даже произошла пословица: «у одной хацѣ вяселье (свадьба), а у другой хаутыры (покойникъ)».

Спустя нѣкоторое время послѣ похоронъ, вмѣсто временнаго креста, поставленнаго въ день похоронъ, ставятъ большой деревянный крестъ, или кладутъ камень. Обрядъ этотъ называется *прикладины* и, разумѣется, сопровождается неизбѣжной выпивкой. Въ большей части Бѣлоруссіи, какъ равно въ Бѣлорусскихъ уѣздахъ Литовскаго полѣсья, кресты и камни ставятъ только надъ могилами мужчинъ; могилы же женщинъ не всегда обозначаются крестами, а только насыпными курганчиками, но зато гдѣ-нибудь при дорогѣ, на болотистомъ мѣстѣ или же на ручейкѣ, черезъ который проходитъ дорожка, кладутъ бревно или доску; на нихъ вырѣзаютъ крестъ, башмакъ или серпъ, на нѣкоторыхъ помѣчаютъ и годъ кончины. Этотъ обычай заставляетъ прохожаго совершить заупокойную молитву.

Черезъ годъ послѣ смерти совершаютъ поминки по умершемъ, называемыя *радуница*. Но подъ этимъ названіемъ извѣстны также общіе поминки, празднуемые во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Кромѣ того, поминовеніе умершихъ извѣстно подъ названіемъ *дзядоу*, о которыхъ мы уже говорили, и которые съ особенною торжественностью празднуются, преимущественно у католиковъ, 2 ноября.

Въ прежнее время, время крѣпостничества, важнымъ праздникомъ считались *Дожинки*, т. е. окончаніе жатвы. По окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ, жители не только деревни, ближайшей къ господскому дому, но и всѣхъ другихъ деревень и поселковъ, принадлежавшихъ одному владѣльцу, являлись къ нему съ вѣнкомъ изъ ржи или другаго хлѣба, который послѣдній снятъ съ поля. Слѣдовало угощеніе, пляски, пѣсни. Владѣлецъ былъ милостивъ, крестьяне веселы, это былъ едва-ли не единственный день, когда бѣднымъ труженикамъ оказывалось сочувствіе и уваженіе. Дожинки, мѣстами, и теперь совершаются, но конечно обстановка уже совсѣмъ другая.

Изъ болѣе употребительныхъ плясокъ извѣстны въ Бѣлоруссіи *Женицьба Цярешки* и *Мяцелица*. Первая нелишена комизма и даже остроумія. Молодежь становится въ рядъ по одной сторонѣ, а дѣвушки и молодицы по другой. Избираютъ одну изъ женщинъ, ловкую и навострившуюся въ этой пляскѣ. Ее-то и называютъ *свацьей-мацерью*. Она беретъ за руку одного изъ мужчинъ, ломаясь и приплясывая, проходитъ съ нимъ по цѣлой линіи дѣвушекъ съ пѣснею:

Цярешка волочицца,
Яму жаницца хочецца.
Волочицца, выглядаиць,
Кого-то іонъ паймаиць?

Потомъ избираетъ одну изъ дѣвушекъ и отдаетъ ее своему кавалеру—они и становятся въ пары; между тѣмъ *мацъ-свацья* избираетъ другаго мужчину и послѣ разныхъ кривляній, при-

плясыванья, пѣсенъ — даетъ ему дѣвушку и такъ далѣе, пока всѣхъ не переженитъ. Потомъ каждая пара танцуетъ, причемъ мужчина бросаетъ свою дѣвушку и прячется отъ нея, а та его отыскиваетъ. Такъ поступаетъ каждая пара. Все это производится игриво, нѣкоторые выказываютъ ловкость, пѣсни гармоничны и не лишены поэтическаго настроенія.

Еще интереснѣе *Мяцелица.* Въ ней много рѣзвости, кутерьмы, потому что множество паръ танцуютъ въ одно время, а между тѣмъ граціозность и стройность нисколько не нарушаются. Сущность пляски заключается въ слѣдующемъ: собираются въ пары, берутъ въ руки *махрачки*, т. е. полотенца или пояса, и становятся въ рядъ. Раздаются музыка и напѣвъ, и въ одно мгновеніе поднимается точная мятелица. Всѣ пары бросаются вдругъ: первая, проскочивъ подъ полотенцемъ, пропускаетъ вторую пару, бросается подъ полотенце третьей, пропускаетъ четвертую и т. д. Все это дѣлается съ необыкновенною быстротою, въ совершенномъ порядкѣ и всѣми парами одновременно. Приводимъ пѣсню, которую поютъ при этомъ, вполнѣ соотвѣтствующую этой бѣшеной пляскѣ:

Курыць, вѣиць мяцелица,
Чаму старый няженицца.
— Якъ же яму женицися?
Усѣ будутъ дзивицися,

Ухъ, ухъ, уха-ху!
Янки голова у снягу.
— А якъ гэта да-й ня снѣгъ,
Тогда будзѣць людзямъ смѣхъ!

Ухъ, ухъ, уха-ху!
Гэтажъ я быў на таку,
— А якъ гэта дай-ня пылъ,
То атъ дзѣўки будзиць тылъ.

Охъ, охъ, аха-хо!
Гэтажъ на мнѣ малако.
— А якъ яго не сатремъ,
Каго ў танецъ павядзіомъ?

Охъ, охъ, аха-ха!
Гэтажъ на мнѣ да-й мука.
— А якъ яна ня сляпиць,
Кто на стараго да-й поглядзиць?

Курыць, вѣиць, закурылась,
Моя дзѣўка разазлилась.
— А якъ же ей не разозлицца
Кали старый да яе масцицца?

А хоць старый, не паганый,
Япо дужый и румяный.
— А што кому до таго?
Може я пойду за пяго!

Курыць, вѣиць мяцелица,
Пеўнѣ старый оженицца.
— А што кому до таго?
Може я люблю яго!

Народный бытъ, особенности общественнаго быта, съ измѣнившимся гражданскимъ положеніемъ, съ улучшеніемъ экономическаго состоянія, весьма естественно подверглись тоже кореннымъ измѣненіямъ и, конечно, во многомъ къ лучшему. Можетъ быть, для этнографа многое уже потеряно изъ прежняго, но въ культурномъ отношеніи многое улучшается и приспособляетъ лучшую будущность. Измѣняются одежда, образъ жизни, ѣда и многое другое; но двадцать лѣтъ со времени уничтоженія крѣпостнаго права не могли измѣнить характера народа, его суевѣрія, предразсудковъ, вѣры во все сверхъ-естественное, пылкаго воображенія и поэтическаго настроенія, которое такъ явственно въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, поговоркахъ. Волколаки, оборотни, вѣдьмы, лѣшіе и теперь имѣютъ свои права гражданства въ Бѣлоруссіи.

Бѣлорусскія деревни состоятъ изъ 10 до 50, рѣдко до 70 дворовъ. Большихъ селъ, какъ въ Великороссіи, почти не существуетъ. Крестьянскія избы принимаютъ лучшій видъ; заводятся трубы, вмѣсто прежнихъ курныхъ хатъ, но еще далеко не вездѣ. Есть деревни и односелки среди дремучихъ лѣсовъ, по берегу Днѣпра и другихъ рѣкъ. Бѣлоруссъ любитъ суровую жизнь, жизнь полудикую, какъ природа, его окружающая. Есть деревни, въ коихъ вовсе нѣтъ пахатной земли, одни огороды. Жители ихъ исключительно заняты заготовленіемъ лѣсныхъ матеріаловъ, постройкою барокъ и байдаковъ. Днѣпръ — ихъ кормилецъ! И они любятъ свою рѣку. Эти жители во многомъ отличаются отъ другихъ. Многіе считаются *бывалыми*, ибо ходятъ съ судами внизъ по Днѣпру, приносятъ съ собою новыя привычки и обычаи.

Физіологическія черты Бѣлорусскаго племени во всѣхъ трехъ губерніяхъ почти одинаковы. Исключеніемъ служитъ только Пинское полѣсье, о которомъ мы поговоримъ въ отдѣльной

статьѣ. Вообще наружностью Бѣлоруссы отличаются какъ отъ Великоруссовъ, такъ отъ Литовцевъ и Латышей. Они средняго роста, отъ 2 арш. 3 верш. до 2 арш. 7 верш. и рѣдко до 8 и 9. Волосы русые, лицо большею частью круглое. Большая часть брѣетъ бороды, но въ Могилевской губерніи большинство носитъ бороду и усы. Въ молодости женщины очень красивы, но скоро старѣются. Какъ мужчины, такъ и женщины въ 50 лѣтъ уже почти дряхлые. Конечно, это зависитъ отъ тяжелой, трудовой жизни, которую они вели при крѣпостномъ правѣ, отъ излишняго употребленія вина и недостаточности питанія. Черный хлѣбъ, картофель, капуста, бураки, бобъ, горохъ, щавель, ботвинье, рѣдко молоко, еще рѣже говядина, развѣ по праздникамъ,— составляли ѣду Бѣлорусса. Къ этому надобно прибавить курныя, душныя и тѣсныя избы (хаты), столь вредно дѣйствующія на здоровье человѣка.

Въ Бѣлоруссіи дворянское сословіе состоитъ бóльшею частью изъ туземцевъ, но съ теченіемъ вѣковъ и политическихъ событій усвоившихъ польскій языкъ и польскую національность.

Кромѣ коренныхъ Бѣлоруссовъ, есть и Великороссы. Число ихъ простирается нынѣ въ трехъ губерніяхъ Бѣлорусскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ, до 71000. Они преимущественно состоятъ изъ старообрядцевъ, переселившихся сюда въ XVI и XVII столѣтіяхъ изъ внутреннихъ губерній, въ особенности изъ Псковской, Тверской, Новгородской и Черниговской. Мнѣніе, будто-бы бѣлорусскіе старообрядцы поселились въ этой странѣ только въ XVIII столѣтіи, неосновательно. А. Сементовскій правильно замѣчаетъ, что переселеніе ихъ началось очень давно и совершалось медленно. Не одни бѣглецы отъ преслѣдованій за вѣру селились здѣсь, но также пріѣзжавшіе съ княжнами, выходившими замужъ за литовскихъ князей и здѣсь записывавшіеся, какъ вольные люди, въ панцырные бояре и потомъ за извѣстное вознагражденіе и льготы оберегавшіе предѣлы Польскаго государства.

Раньше другихъ появилась въ Бѣлоруссіи не только между Бѣлоруссами, но и Латышами, секта духоборцевъ, занесенная изъ Польши. Въ началѣ второй половины XVI столѣтія появились въ Витебскѣ изъ Москвы три монаха: Ѳедосей, Артемій и Ѳома, возставшіе противъ почитанія иконъ. Найдя здѣсь уже подготовленную почву для раскола, они имѣли блистательный успѣхъ. Изъ сектъ здѣсь извѣстны ѳедосѣевцы, филиповцы, поповцы — вѣтковцы и друг.

Раскольники, какъ наружностью, такъ одеждою, домашнимъ бытомъ, рѣзко отличаются отъ Бѣлоруссовъ. Какъ вольные люди, они всегда были богаче, всегда отличались трезвостью и воздержностью въ жизни. Народный типъ, нравы, обычаи, языкъ вполнѣ сохранились у нихъ великорусскіе. Въ нравственномъ отношеніи раскольники, какъ свидѣтельствуетъ безпристрастный знатокъ народа, А. Сементовскій, ниже нравственности Бѣлоруссовъ. Раскольники не признаютъ святости брака, мало дорожатъ брачными узами, женщины же не придаютъ большой цѣны дѣвству и супружеской вѣрности. Наконецъ въ уголовныхъ преступленіяхъ: разбояхъ, грабежахъ, насиліяхъ, воровствѣ, конокрадствѣ и т. д. раскольники гораздо чаще обвиняются, чѣмъ Бѣлоруссы.

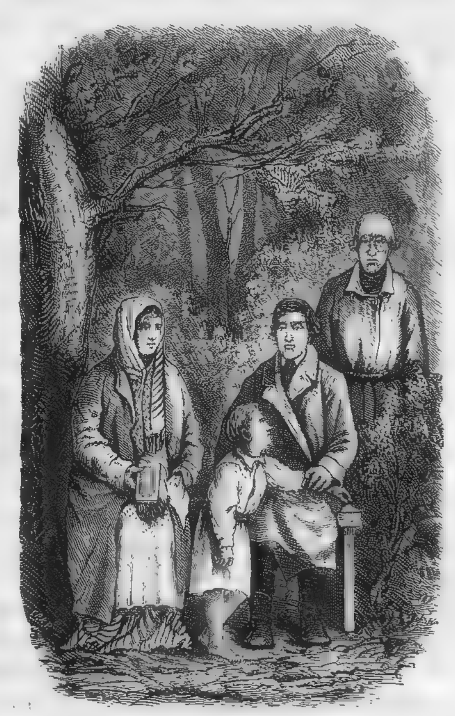
Мы еще возвратимся къ бѣлорусскимъ раскольникамъ, говоря о Вѣткѣ.

Евреи въ Бѣлоруссіи, также какъ и въ Литовскомъ полѣсьѣ, составляютъ значительнѣйшую часть населенія городовъ и мѣстечекъ и держатъ въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность. Вліяніе ихъ на сельскихъ жителей такъ же велико тутъ, какъ и вездѣ. Характеристическія черты Евреевъ вездѣ однѣ и тѣ же. Никакихъ особенностей мы и здѣсь не находимъ. Въ Могилевской губерніи, въ Оршанскомъ уѣздѣ, въ м. Любавичи живетъ раввинъ (цадикъ) секты хасидовъ, имѣющій большое вліяніе на всѣхъ послѣдователей этой секты въ цѣлой Бѣлоруссіи, отъ всѣхъ ихъ получая весьма значительные сборы и приношенія.

Наконецъ есть и Цыгане; но число ихъ вообще незначительно. По образу жизни и нравамъ они ничѣмъ не отличаются отъ Цыганъ въ другихъ мѣстахъ.

Совершенно непохожими на другія мѣстности Бѣлорусской области представляются Инфлянты.

Инфлянтами называютъ три уѣзда Витебской губерніи: Динабургскій, Рѣжицкій и Люцинскій. Коренными жителями Инфлянтъ испоконвѣка состоятъ Латыши, соплеменники Литовцевъ. Латыши кромѣ Витебской губерніи живутъ также въ Курляндской, Лифляндской, частію С.-Петербургской и Псковской губерніяхъ. Но Инфлянтскіе Латыши уже немного разнятся языкомъ отъ Латышей Курляндскихъ и Лифляндскихъ; у первыхъ много вошло словъ польскихъ и бѣлорусскихъ, а у послѣднихъ много нѣмецкихъ. Письменный языкъ однако понятенъ тѣмъ и другимъ. Кромѣ Латышей, въ Инфлянтахъ живутъ: Литовцы, вблизи развалинъ Рѣжицкаго замка (въ деревняхъ: Герноколе, Яудзимы, Кейданы, Кукуцѣ, Куртыне, Ольховка, верхняя и нижняя Слободки и Пильвеле, въ числѣ около 500 душъ). Замѣчательно, что эти Литовцы не роднятся и какъ будто даже чуждаются своихъ соплеменниковъ — Латышей; живутъ только въ своей средѣ, браки заключаютъ только между собою, говорятъ чистымъ языкомъ литовскимъ. Далѣе *Эсты* въ Люцинскомъ уѣздѣ, въ числѣ около 1,000 чел. (въ казенныхъ волостяхъ Пылденской и Михайловской). Великороссы въ числѣ около 30,000 живутъ во всѣхъ трехъ уѣздахъ. Бѣлоруссовъ незначительное число живетъ на рубежѣ Себежскаго и Дриссенскаго уѣздовъ (въ деревняхъ Ландскрона, Посинь и др.). Наконецъ польскіе крестьяне, переселенцы прежняго времени, тоже въ незначительномъ числѣ живутъ въ Рѣжицкомъ уѣздѣ (въ 4 деревняхъ имѣнія Воркляны) и въ Динабургскомъ (въ бывшихъ имѣніяхъ Гильзеновъ).

Латыши Динабургскаго уѣзда.

Скажемъ нѣсколько словъ о домашнемъ бытѣ Латышей, какъ коренныхъ обитателей этой страны. Преданія, народныя пѣсни рисуютъ намъ положеніе Латышей во время крѣпостнаго права, особенно тамъ, гдѣ владѣльцами были Нѣмцы, въ самомъ плачевномъ состояніи. Собственно въ Инфлянтахъ, могли быть злоупотребленія крѣпостнаго права, какъ и вездѣ, но они никогда не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ сосѣднихъ областяхъ. Въ настоящее время благосостояніе ихъ видимо улучшается.

Въ обычаѣ и родѣ жизни Латыши во многомъ схожи съ Литовцами и Бѣлоруссами. Водка играетъ такую же роль при всѣхъ народныхъ празднествахъ. Матери тотчасъ послѣ родовъ даютъ выпить вина. Крестины также сопровождаются выпивкой. Во время свадьбы сватъ играетъ главную роль. Если послѣ помолвки, по чему либо бракъ не состоится, сватъ принимаетъ на себя хлопоты, чтобы всѣ издержки были возвращены стороною, не исполнившею уговора. Сватъ наряжается въ шубу, припоясываетъ плеть и надѣваетъ мѣховую съ длинными ушами шапку, хотя бы свадьбу играли лѣтомъ, въ самые сильные жары. Наканунѣ свадьбы маршалъ съ жезломъ, обвязаннымъ разноцвѣтными платками, съ пучкомъ цвѣтовъ, обходитъ всю деревню и приглашаетъ на свадьбу. Свадебный поѣздъ сопровождаютъ музыканты. Важную роль играетъ дѣвичій вечеръ. Когда соберутся дѣвушки, родные и сосѣди, молодой, сопровождаемый

сватомъ и музыкантами (дуда и скрипка) пріѣзжаютъ верхами. Когда женихъ входитъ въ домъ, невѣста прячется; женихъ ее отыскиваетъ и силою сажаетъ за столъ. Тогда начинается торгъ, сватъ предлагаетъ извѣстную сумму, родители невѣсты требуютъ больше — наконецъ условливаются въ цѣнѣ, и женихъ тутъ же отсчитываетъ уговоренную сумму. Въ это время мать невѣсты занята печеніемъ коровая, заимствованнаго отъ Бѣлоруссовъ, и свадебныхъ пироговъ. Затѣмъ невѣсту сажаютъ на квашню, и дѣвушки расплетаютъ ей косу. Каждый обрядъ сопровождается заунывными пѣснями. Вечеръ оканчивается ужиномъ и танцами и неизбѣжною выпивкою.

Въ день свадьбы, передъ отъѣздомъ въ костелъ, невѣсту опять сажаютъ на квашню и одѣваютъ къ вѣнцу. Братъ или ближайшій родственникъ жениха, на тарелкѣ, обернутой платкомъ, подаетъ невѣстѣ вѣнокъ изъ руты, причемъ произноситъ высокопарную рѣчь, братъ же, или родственникъ невѣсты отвѣчаетъ на эту рѣчь. Мать сама прикалываетъ дочери вѣнокъ — тогда молодая падаетъ въ ноги родителямъ и проситъ благословенія, затѣмъ подходитъ и кланяется всѣмъ присутствующимъ. Наконецъ поѣздъ отправляется въ костелъ съ наибольшею торжественностью. Молодой, сватъ, ассистенты и вся молодежь, а также музыканты ѣдутъ верхами.

По возвращеніи отъ вѣнца, родители встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью въ дверяхъ дома. Затѣмъ обѣдаютъ, много пьютъ, танцуютъ, а пѣсни не умолкаютъ ни на минуту. Послѣ полуночи мать и сваха отводятъ невѣсту въ коморку, гдѣ для молодыхъ приготовлена постель, снимаютъ вѣнокъ, раздѣваютъ, обстригаютъ косу и надѣваютъ чепецъ — послѣ чего вводятъ туда молодаго.

Этимъ собственно свадебный обрядъ и оканчивается. Мы видимъ, что онъ не такъ сложенъ и не столь разнообразенъ, какъ у Бѣлоруссовъ. Много обрядовъ, существовавшихъ въ прежнее время, вышло уже изъ употребленія.

Похороны не сопровождаются никакими особенностями. Нѣтъ плакальщицъ, какъ у Бѣлоруссовъ, нѣтъ и другихъ, отъ язычества уцѣлѣвшихъ обрядовъ. Сохранился одинъ только обычай, неизвѣстный у Бѣлоруссовъ. Когда покойника выносятъ на кладбище, гробъ покрываютъ большимъ кускомъ холста, который потомъ въ видѣ жертвы передаютъ въ костелъ за упокой души умершаго.

Тяжелое прошлое наложило свою печать какъ на физіономію, такъ и на характеръ Латыша. Онъ мраченъ, задумчивъ, какая-то скорбь и какъ будто недовольство отпечатлѣны на его лицѣ, въ типичномъ отношеніи совершенно схожемъ съ одноплеменными Литовцемъ и Пруссомъ. У него свѣтлые глаза, русые волосы; онъ средняго роста, но статенъ и ловокъ. Но эта самая наружность совершенно измѣняется въ минуты веселья или откровенной бесѣды съ человѣкомъ, котораго онъ уважаетъ и которому вѣритъ. Тогда кажущаяся скрытность, недовѣріе замѣняются полнѣйшею откровенностью и самая наружность дѣлается привѣтливою, ласковою. Латышъ, также какъ и Литовецъ, гостепріименъ, нравственъ, нрава кроткаго. Побоевъ, дракъ между Латышами почти не бываетъ. Распутство женщинъ почти неизвѣстно. Дѣвушка можетъ увлечься изъ любви, или быть увлеченною силою, какъ бывало въ прошлое время. Многовѣковой гнетъ, конечно, имѣлъ сильное вліяніе на характеръ Латыша, научивъ его скрытности, сдержанности, подчасъ даже раболѣпству. Но эти качества болѣе напускныя, вынужденныя прошлою жизнію и прошлыми бѣдствіями, имъ претерпѣнными. По природѣ же онъ прямодушенъ, честенъ, кротокъ. Въ умственномъ отношеніи Латыши очень способны и хотя не развиты, но отличаются находчивостью, подчасъ бойкимъ остроуміемъ. Въ Лифляндіи и Курляндіи Латыши создали себѣ даже собственную литературу. Инфлянтскіе Латыши уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи, но и между ними неграмотнаго или неграмотной встрѣтить очень трудно. Пѣсни, поговорки, пословицы Латышей, также какъ и Литовцевъ отличаются глубиною чувства и нравственностью. Безнравственныхъ пѣсенъ, дышащихъ дикимъ разгуломъ, оргіей,

какъ напр. у Эстовъ да и другихъ сосѣдей, у Латышей вы не услышите. Религіозное чувство развито у нихъ въ высшей степени. Они любятъ духовное пѣніе, проходя мимо креста съ Распятіемъ или изображенія Спасителя или святаго, которыхъ у нихъ много при дорогахъ, возвращаясь съ полевыхъ работъ, цѣлой толпой становятся на колѣни и поютъ священные гимны и пѣсни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Латыши живутъ рядомъ съ Бѣлоруссами или Эстами, принадлежа къ одной и той же волости. Много раскольниковъ живетъ среди нихъ. Но Латыши остаются имъ чуждыми, не роднятся съ ними, даже не дружатся, любятъ свой родной языкъ, многіе даже совсѣмъ не знаютъ по-польски, а если и говорятъ, то неохотно. Теперь, конечно, молодое поколѣніе учится по-русски въ сельскихъ школахъ.

Старинная одежда Латышей, съ уродливыми высокими чепцами у женщинъ, почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія. Ее замѣняетъ костюмъ, болѣе схожій съ общимъ бѣлорусскимъ. Въ прежнее время едва ли не у каждаго Латыша были серебряныя пуговки при мужскихъ рубашкахъ, переходившія по наслѣдству. Суконные кафтаны замѣнились обыкновенными сермягами, кафтаны же развѣ одѣваютъ только по праздникамъ. Вмѣсто чепцовъ женщины носятъ кругло-повязанные платки. Зато лапти почти вездѣ замѣнены сапогами. Каждый Латышъ носитъ кожаный поясъ съ сумкою, въ которой хранитъ кремень съ огнивомъ или спички. Къ поясу же привѣшенъ ножъ на ремешкѣ. Особенностью костюма, до сихъ поръ сохранившеюся, считается цвѣтной камзолъ, родъ куртки, съ откладнымъ воротникомъ. Такіе камзолы носятъ мужчины и женщины. Нѣкоторые, особенно въ Динабургскомъ уѣздѣ, любятъ опоясываться краснымъ кушакомъ. На головѣ черная шляпа, или круглая суконная шапка. Юпки у женщинъ чернаго или синяго цвѣта, на головѣ платокъ, изъ-подъ котораго у дѣвушекъ свѣшивается коса. По праздникамъ же надѣваютъ цвѣтное платье со складками, цвѣтной корсетъ и косынку. Нѣкоторые на это набрасываютъ большой бумажный цвѣтной платокъ съ узорами. Зимою носятъ баранью, иные заячью шубу, покрытую синимъ сукномъ. Дѣвушки любятъ украшать голову полевыми цвѣтами. Лѣтомъ на юпку и корсетъ надѣваютъ бѣлую холстяную накидку съ зубчатымъ воротникомъ. Нѣкоторые носятъ на головѣ родъ вѣнца изъ бархата. Вообще праздничные костюмы Латышей рѣзко отличаются отъ костюма Бѣлоруссовъ.

Любимое народное кушанье Латышей *путра*. Это смѣсь молока, сыра, каши, картофеля, рыбы, если есть. Все это подвергается броженію и составляетъ лакомство для Латыша. Безъ этой путры онъ не пойдетъ ни на работу, ни въ дорогу. Кромѣ того ѣду составляетъ картофель, щи, всякаго рода огородная зелень, грибы. Мясо или сало употребляются только по праздникамъ и въ особенно рѣдкихъ случаяхъ. Хлѣбъ приготовляютъ особеннымъ образомъ. Вымолотивъ рожь, не очистивъ отъ пыли и половы, или даже съ примѣсью послѣдней, сушатъ въ печахъ, толкутъ въ деревянныхъ ступахъ, мелютъ на ручныхъ жерновахъ и затѣмъ, просѣявъ на рѣшетѣ, пекутъ хлѣбъ, котораго самая наружность, гнилистая, отвратительна. Но даже достаточные Латыши думаютъ, что чистый хлѣбъ, безъ мякины, вреденъ для здоровья, ибо по ихъ мнѣнію мякина способствуетъ пищеваренію.

Съ улучшеніемъ экономическаго быта въ послѣдніе годы, конечно улучшается и пища. У многихъ является желаніе, также какъ и у Бѣлоруссовъ, наряжаться по-мѣщански, въ сюртуки. Улучшеніе особенно замѣтно въ новыхъ постройкахъ избъ, которыхъ устройство до сихъ поръ было самое жалкое. Теперь уже вводятся трубы. Прежде, да еще и теперь у большинства, большая каменная печь, съ широкимъ очагомъ, устраивалась на деревянномъ срубѣ. Внутренность избы, въ прежнее время, представляла нѣчто мрачное, неуютное, бѣдное. Кровати, скамьи, столъ были единственными украшеніями. Вмѣсто шкафовъ или полокъ, употребляли плетеный изъ сосновыхъ драничекъ ящикъ, привѣшенный къ столбу. Въ этомъ ящикѣ хранили посуду и всю домашнюю утварь.

Латыши охотно принимаютъ лекарства, не подражая въ этомъ отношеніи своимъ сосѣдямъ раскольникамъ. Но у нихъ есть много своихъ собственныхъ средствъ леченья отъ разныхъ

болѣзней. Такъ отъ чахотки лечатъ мхомъ—собраннымъ на большихъ камняхъ; водяную болѣзнь мясомъ упареннымъ съ рѣдькою, и много другихъ. Латыши вѣрятъ и въ заговариванія, въ симпатическія лекарства. Одно изъ нихъ очень замысловато. Такъ напр. страдающій мочетеченіемъ долженъ весною, до восхода солнца, отправиться въ лѣсъ, вырѣзать осиновый колъ, завострить его, и на первомъ встрѣченномъ мосту просверлить небольшую дыру, наполнить ее мочью, тотчасъ же загвоздить принесеннымъ коломъ, произнеся при этомъ извѣстныя имъ таинственныя слова. Болѣзнь проходитъ мгновенно. Любопытно то, что одинъ изъ ученѣйшихъ людей, владѣлецъ Креславля въ Инфлянтахъ, графъ Адамъ Платеръ, свидѣтельствуетъ (рукопись у меня находящаяся), что онъ самъ былъ очевидцемъ такого леченья и убѣдился, что болѣзнь прошла безвозвратно.

Въ случаѣ скотскаго падежа, употребляютъ такое же таинственное средство. Берутъ понемногу шерсти отъ каждой коровы, просверливаютъ въ стѣнѣ хлѣва небольшое отверстіе, вкладываютъ туда шерсть и заколачиваютъ коломъ, произнося тоже таинственныя слова. Падежъ скота немедленно прекращается. Средство это до такой степени считается дѣйствительнымъ, что даже въ господскихъ домахъ, въ случаѣ появленія заразы, прибѣгаютъ къ знахарямъ. Конечно, здѣсь вся суть заключается въ произнесеніи заклинаній, но знахари никому не открываютъ тайны, а народъ, несмотря на свою религіозность, вѣритъ заклинаніямъ и заговариваніямъ, точно также какъ вѣритъ, что злой глазъ можетъ повредить какъ человѣку, такъ и скотинѣ.

Латыши не любятъ шумныхъ, многолюдныхъ игрищъ и увеселеній. Но отъ Рождества до масляницы молодежь собирается въ корчмахъ и танцуетъ. Любимый танецъ *крутелка*, называемый также *пѣтушкомъ*,— танецъ незамысловатый, заключающійся въ томъ, что нѣсколько паръ вертятся межъ собой въ кружокъ.

Пѣніе составляетъ страсть Латышей. Поютъ старые и молодые, поютъ на всѣхъ празднествахъ, во время полевыхъ работъ, поютъ сидя при домашнемъ очагѣ. Нерѣдки случаи, когда Латышъ самъ слагаетъ пѣсню или импровизируетъ въ данномъ случаѣ.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ IV.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ БѢЛОРУССКАГО ПОЛѢСЬЯ.

Заселеніе страны въ первобытное время. — Дунайскіе Славяне. — Племена заселявшія Бѣлоруссію. — Удѣльныя княжества съ X столѣтія. — Полоцкое княжество. — Историческія преданія. — Изяславъ Владиміровичъ. — Борьба Изяславичей съ Ярославичами. — Значеніе княжества при Всеславѣ. — Бѣдствія страны при его наслѣдникахъ. — Покореніе Полоцка Мстиславомъ Кіевскимъ. — Изгнаніе князей изъ рода Изяслава. — Князья Полоцкаго дома въ Литвѣ и Ливоніи. — Виленскіе князья. — Родовыя отношенія Полоцкихъ князей къ Литовскимъ. — Геологическая таблица Полоцко-Литовскихъ князей. — Значеніе вѣча. — Подчиненность удѣльныхъ княжествъ Литвѣ. — Смуты при наслѣдникахъ Ольгерда. — Междоусобная борьба. — Великій князь Витовтъ. — Бѣлоруссія входитъ въ составъ Великаго княжества Литовско-Русскаго. — Законодательства Казиміра Ягеллона. — Развитіе гражданственности. — Учрежденіе Воеводствъ. — Внутреннее состояніе края. — Князья, вельможи, бояре. — Дѣла вѣроисповѣдныя. — Отношенія къ Московскому государству. — Начало войны при Іоаннѣ III. — Великій князь Александръ вступаетъ въ бракъ съ Еленой Іоанновной. — Перемиріе. — Новая война. — Битва при Ведроши. — Продолжительная борьба за обладаніе Бѣлоруссіею. — Сраженіе близъ Орши. — Ливонская война. — Покореніе Іоанномъ IV-мъ Полоцка. — Борьба Іоанна IV-го съ Стефаномъ Баторіемъ. — Баторій отнимаетъ Полоцкъ, Соколъ, Сушу. — Iезуитскіе коллегіумы въ Полоцкѣ, въ Несвижѣ, въ Оршѣ. — Дѣянія іезуитовъ. — Учрежденіе административно-духовнаго управленія для Бѣлоруссіи въ Оболыцахъ. — Законодательство по отношенію къ дѣламъ свободы совѣсти. — Унія. — Іосафатъ Кунцевичъ и Мелетій Смотрицкій. — Казацкія войны. — Сожженіе Пинска. — Въ Бобруйскѣ казаки добровольно погибаютъ въ пламени. — Война съ Алексѣемъ Михайловичемъ. — Жестокости князя Трубецкаго. — Возстаніе въ Могилевѣ. — Побѣды Чарнецкаго, Сапѣги. — Андрусовскій миръ. — Петръ Великій и Карлъ XII въ Бѣлоруссіи. — Сраженіе при деревнѣ Лѣсной. — Первый и второй раздѣлы Польши. — Учрежденіе губерній. — Учрежденіе Римско-Католическихъ епископствъ. — Война 1812 г. — Наполеонъ въ Витебскѣ. — Грабежи. — Ретирада. — Отнятіе Полоцка и другихъ городовъ. — Разграбленіе Несвижа. — Переправа чрезъ Березину: Студзіонка, Борисовъ, адмиралъ Чичаговъ. — Побоище и его ужасы. — Упраздненіе Литовскаго Статута, разныхъ польскихъ учрежденій и званій. — Возсоединеніе Уніатовъ.

Унядзѣли раненько
Цихонина матка плакала:
Ой, зяцю, зяцю Дунаю!
Да поволи (тихо) идзи, негудзи,
Мойго дицяци не томи!

(БѢЛОРУССКАЯ ПѢСНЯ: МАТЬ ОПЛАКИВАЕТЪ ДОЧЬ УТОНУВШУЮ ВЪ ДУНАѢ).

Побережья Днѣпра и Западной Двины, съ ихъ притоками, были заселены въ глубочайшей древности. Кто были первобытные обитатели этой страны, вопросъ неразрѣшимый. Геродотъ зналъ только южный Днѣпръ. Повыше, на сѣверѣ, у него живутъ чудовищные одноглазые обитатели. Предположенія о заселеніи страны Геррами, Скиѳами и разными другими народами составляютъ только менѣе или болѣе удачныя гипотезы, но исторической подкладки не имѣютъ вовсе. Мы скорѣе склоняемся къ мнѣнію, что, какъ думаютъ Шафарикъ, Лелевель и др., Славяне были аборигенами этой страны. Весьма вѣроятно, что Дунайскіе Славяне заходили далеко на Сѣверъ, селились тамъ и смѣшивались съ туземцами. Такое движеніе и присутствіе Дунайскихъ Славянъ въ земляхъ Кривичанскихъ, нѣкоторымъ образомъ подтверждается пре-

даніями и пѣснями Бѣлоруссовъ, въ которыхъ Дунай, совершенно незнакомый Бѣлоруссу, часто упоминается. *Широкій, сѣдой, старый Дунай,* какъ его величаютъ въ пѣсняхъ, невольно напоминаетъ пришельцевъ, тосковавшихъ по своей родной рѣкѣ. Здѣсь же позволительно искать источника и въ названіяхъ, до сихъ поръ сохранившихся, напр., рѣчки Дуная, впадающей въ Двину, въ Витебскѣ; Дунайца, въ Быховскомъ уѣздѣ и др.

Несторъ исчисляетъ племена, заселявшія нынѣшнюю Бѣлоруссію. Самое многочисленное, племя Кривичей, жило по Днѣпру и Двинѣ. Тѣ, которые поселились на рѣкѣ Полотѣ, назвались Полочанами, но это были тѣ же Кривичи. По теченію рѣки Сожи, въ Могилевской губерніи, жили Радимичи. Между Западною Двиною и Припетью жили Дреговичи. Сохранилось много населенныхъ мѣстностей, своими названіями напоминающихъ означенныя племена. Такъ, есть Радомля въ Чериковскомъ уѣздѣ. Есть много мѣстностей на всемъ протяженіи Бѣлоруссіи и въ особенности въ Вилейскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, называющихся Кривичи, Кривскъ, Кривское, Кривецъ, Крево въ Ошмянскомъ уѣздѣ и т. д. По берегамъ Припети жили Древляне. Наконецъ, существуетъ мнѣніе (игумена Анатолія, приводимое Зеленскимъ), что между Мозыремъ и Пинскомъ жили также Ятвяги, что главныя ихъ селища были тамъ, гдѣ теперь Мозырь, Петриковъ, Давидъ-Городокъ, Туровъ и Пинскъ и что въ Давидъ-Городкѣ жилъ старѣйшина Ятвяговъ.

О Ятвягахъ мы уже говорили въ описаніи Литовскаго полѣсья. Вопросъ о Ятвягахъ, племени совершенно исчезнувшемъ, не можетъ считаться окончательно разрѣшеннымъ.

Всѣ эти родственныя племена Кривичей, Полочанъ, Дреговичей, Радимичей, Древлянъ, пожалуй, и Ятвяговъ давно слились въ одинъ народъ и получили общее названіе Бѣлоруссовъ.

На пространствѣ этого полѣсья уже съ X столѣтія начали образовываться удѣльныя княжества. Болѣе извѣстныя, какъ составлявшія удѣлы князей, о которыхъ упоминаютъ Лѣтописи, слѣдующія: Полоцкое, Витебское, Минское, Туровское, Оршанское, Друцкое, Лукомльское, Мстиславльское, Изяславское, Логойское, Слуцкое, Новогрудское, Несвижское, Пинское, Соломерецкое, Мозырское, Клецкое, Пересопецкое, Свислочское, Степанское, Борисовское и др.

Во всѣхъ этихъ земляхъ христіанское исповѣданіе, по восточному обряду, водворилось со временъ Владиміра св.; въ то же время и большая часть княжествъ, ежели не всѣ, подчинялась Кіевскому князю. Но съ XI ст. послѣдній встрѣчаетъ сильнаго соперника въ Полоцкомъ князѣ. Полоцкое княжество начинаетъ усиливаться, начинается продолжительная, непримиримая вражда съ Кіевскимъ княжествомъ. Полоцкое княжество на Сѣверо-Западѣ, также какъ Кіевское на Юго-Западѣ, постепенно подчиняетъ своей власти мелкіе удѣлы, подчиненіе, конечно, непрочное, безъ государственнаго единства, государственнаго строя, съ неурядицей, раздорами, измѣнами; не менѣе того, все же Полоцкій князь играетъ такую же роль въ отношеніи сѣверо-западныхъ мелкихъ удѣльныхъ князей, какую игралъ кіевскій по отношенію къ кіевскимъ, или юго-западнымъ удѣльнымъ князьямъ.

Какъ въ Литвѣ и Пруссіи, гдѣ было множество мелкихъ владѣльцевъ, такъ и въ Бѣлоруссіи мелкіе удѣлы не составляли цѣльнаго государственнаго строя; кровь лилась въ постоянныхъ враждахъ, разорялись города и села, народъ держался своего князя, пока видѣлъ въ немъ силу, но съ паденіемъ переходилъ на сторону сильнѣйшаго. Надобно еще замѣтить, что съ самаго начала историческаго разсвѣта весьма явственны слѣды вѣчеваго порядка, особенно въ большихъ городахъ, какъ-то въ Полоцкѣ, Туровѣ, Минскѣ и др. Вѣче добивалось иногда власти и само изгоняло ненравившагося ему князя, или замѣняло другимъ. Несмотря на это, если вѣче и вообще народъ враждебно относился къ тому, или другому князю, за то всегда проявлялась преданность къ княжескому роду. Князю изъ другаго рода не легко и небезопасно было возсѣсть на Полоцкомъ столѣ. Черта замѣчательная, въ дѣйствительности которой нельзя сомнѣваться, и которая въ то же время объясняетъ намъ многое въ послѣдующихъ событіяхъ,

разрѣшаетъ недоумѣнія на первый взглядъ кажущіяся непонятными. Она-то и доказываетъ, что князья съ языческими именами, занимавшіе княжескій столъ, вовсе не были иноплеменными, но принадлежали къ тому же княжескому роду; они не захватывали силою княжескій столъ, но возсѣдали на немъ по родовому праву.

Полоцкое княжество самое знаменательное изъ всѣхъ удѣловъ, образовавшихся въ Бѣлорусскомъ полѣсьѣ. Несмотря на недостаточность и часто сбивчивость источниковъ, все же оно имѣетъ свою исторію. Мы укажемъ на болѣе крупныя черты изъ исторической жизни этой страны.

Мы не станемъ повторять преданія о томъ, какъ Рюрикъ отдалъ Полоцкъ въ управленіе какому-то витязю, или князю, котораго имени не знаемъ; какъ Олегъ завладѣлъ Кривичанами, Древлянами, Радимичами, а можетъ быть и Дреговичами, платившими ему дань шлягами, вѣроятно, звѣриными кожами, хотя шляга и теперь извѣстна въ Бѣлоруссіи, какъ монета, тоже, что шиллингъ или шеленгъ. Наконецъ, не станемъ распространяться о поэтическомъ сказаніи, какъ Владиміръ умертвилъ господствовавшаго въ Полоцкѣ Рогволода и насильно женился на его дочери, прекрасной Рогнѣдѣ — Гориславѣ; какъ потомъ хотѣлъ и ее казнить, но простилъ по просьбѣ сына Изяслава, которому построилъ городъ Изяславъ въ нынѣшней Минской губерніи и далъ въ удѣлъ Полоцкое княжество.

Такимъ образомъ, Изяславъ является родоначальникомъ Полоцкаго княжескаго дома. Въ 1003 году господствуетъ уже сынъ его Брячиславъ. Съ этого-то времени и начинается продолжительная борьба съ кіевскими Ярославовичами. Изяславъ былъ старшимъ сыномъ Владиміра, и потому Изяславичи, по родовому первенству, простирали притязаніе на кіевскій столъ, гдѣ господствовали Ярославичи. Вражда обнаружилась въ особенности при Всеславѣ, сынѣ Брячислава, а внукѣ Изяслава. Онъ напалъ на Псковъ, взялъ Новгородъ, ограбилъ церковь св. Софіи, плѣнилъ множество знатнѣйшихъ гражданъ. Тогда возстали Ярославичи. Страшная битва произошла надъ Нѣмигою, подъ Минскомъ (воспѣтая въ пѣсни о Полку Игоря), взяли Минскъ, но видно и силы Всеслава были значительны, когда самъ великій князь кіевскій Изяславъ изъявилъ желаніе примириться и пригласилъ полоцкаго князя въ свой станъ. Всеславъ довѣрился и прибылъ съ двумя сыновьями къ Изяславу. Свиданіе произошло за Днѣпромъ подъ Оршею. Но здѣсь ихъ схватили и отправили въ Кіевъ. Недолго однако они оставались въ неволѣ. Въ слѣдующемъ году (1068), когда Изяславъ потерпѣлъ страшное пораженіе на Альтѣ отъ Печенеговъ, жители Кіева взбунтовались, низвергли Изяслава и пригласили полоцкаго князя Всеслава быть ихъ великимъ княземъ. Всеславъ княжилъ только около восьми мѣсяцевъ. Болеславъ II, король польскій, помогъ Изяславу отнять Кіевъ, а Всеславъ возвратился въ свой родной Полоцкъ.

Всеславъ занимаетъ важную страницу въ дѣяніяхъ Бѣлорусскаго края. Не смотря на частыя нападенія своихъ враговъ, несмотря на то, что Полоцкъ двукратно переходилъ въ руки Изяславичей, Всеславъ успѣвалъ отнимать свою столицу и нетолько сохранилъ свою вотчину до самой кончины (1101), но значительно распространилъ ея предѣлы. Княжества Минское, Витебское, Оршанское, Мстиславльское, Лукомльское, Друцкое, Логойское, Слуцкое, а также часть Ливоніи зависѣли отъ полоцкаго Всеслава и князья ихъ повиновались ему. Пятидесятисемилѣтнее княженіе Всеслава было лучшими днями могущества и славы Полоцкаго княжества. Оно получило особенную силу, значеніе и возможность бороться съ кіевскими Ярославичами.

Борьба эта продолжается и при наслѣдникахъ Всеслава, Рогволодѣ и Борисѣ полоцкихъ, Давидѣ витебскомъ и Глѣбѣ минскомъ.

Вождей и князей было много, но не было уже тѣхъ воинскихъ и гражданскихъ доблестей, коими отличался Всеславъ. А борьба была упорная, между тѣмъ силы разрознены, не было того единодушія въ дѣйствіяхъ и послушанія, какъ было при Всеславѣ. Послѣдствія были ужасны. Вся страна была доведена до крайняго разоренія. Побережья Днѣпра, Припети, Двины,

Березины дымились пожарами, горѣли и опустошались города и села; жителей, ограбленныхъ, израненныхъ, цѣлыми тысячами гнали въ неволю и потомъ перепродавали. Завелась настоящая торговля невольниками, которая понравилась не только князьямъ, но и боярамъ, сдѣлавшимъ изъ этого обильный промыселъ. Владиміръ Мономахъ Оршу, Конысь, Минскъ, Друцкъ разрушилъ почти до основанія. Наконецъ печальная эта картина заканчивается общимъ крестовымъ походомъ князей дома Ярослава на домъ князя Изяслава. Въ 1127 г. великій князь Мстиславъ, со всѣми подвластными ему князьями, напалъ на Полоцкія земли. Взяли и предали огню и мечу Логойскъ, Изяславъ и Полоцкъ. Въ 1129 г. побѣдитель подчинилъ своей власти Полоцкое и Минское княжества, назначивъ сына своего Изяслава княземъ полоцкимъ. Князей же дома Изяслава, Давида, Ростислава, Святослава, Рогволода Всеславичей, Василька и Іоанна Рогволодовичей съ женами и дѣтьми Мстиславъ отправилъ въ Константинополь.

Сказаніе это основывается на единственномъ источникѣ, на «Воскресенской лѣтописи». У греческихъ хроникеровъ объ этомъ событіи вовсе не упоминается. Воскресенская лѣтопись присовокупляетъ, что Литовцы, Вильняне, взяли себѣ князя изъ Царьграда, Давида, сына Ростислава Рогволодовича, упоминаетъ также о Мовкольдѣ (?) братѣ Давида. Выходитъ путаница. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Ростиславъ жилъ позже, около 1159, княжилъ въ Минскѣ и былъ сыномъ не Рогволода, но Глѣба, тоже князя Минскаго. Сынъ же Ростислава назывался не Давидъ, но Глѣбъ и княжилъ въ Друцкѣ. Наконецъ у Рогволода Всеславича были сыновья Василько и Иванъ.

Изъ числа извѣстныхъ князей, рода Изяслава, былъ одинъ только Давидъ Всеславичъ князь Полоцкій, тотъ самый, которому лѣтописецъ велитъ ѣхать въ Царьградъ.

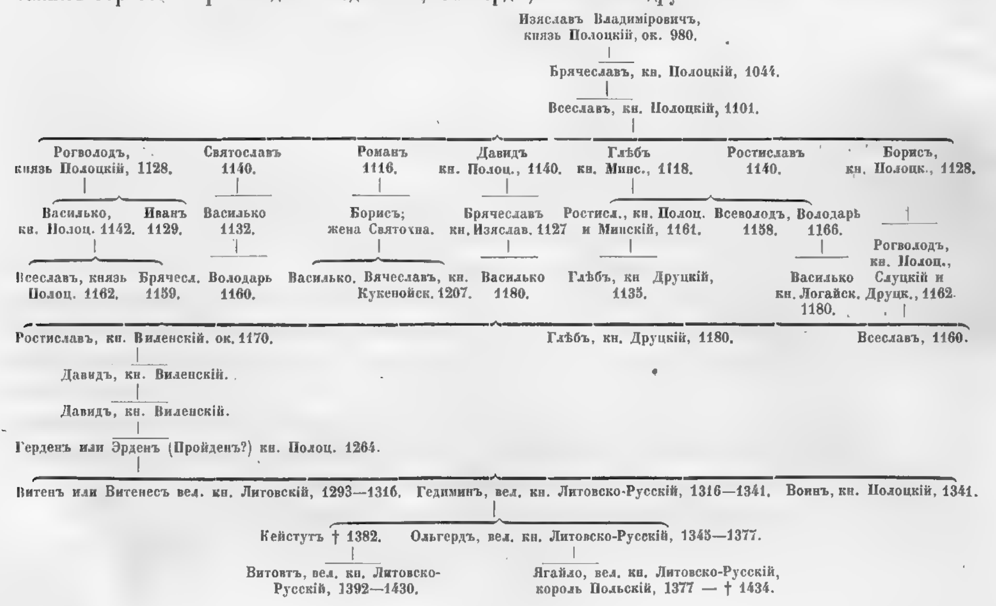
Во всемъ этомъ много сбивчиваго и неуясненнаго; не менѣе того, весьма естественно, что Ростиславъ, покоривъ Полоцкъ и его удѣлы, изгналъ всѣхъ князей рода Всеславова, а князей этихъ кромѣ поименованныхъ въ лѣтописи было еще нѣсколько. Князья бѣжали, но едва ли въ Константинополь: для нихъ удобнѣе было искать убѣжища въ Литвѣ, или въ Ливоніи. Вѣдь новѣйшія изысканія указываютъ же намъ нѣкоторыхъ князей этого же рода, прежде неизвѣстныхъ. Такъ спустя лѣтъ тридцать послѣ разгрома Полоцкаго княжества, мы видимъ Володаря Глѣбовича, вѣроятно внука Всеслава Брячеславовича полоцкаго, ходившаго въ лѣсахъ съ Литвою; лѣтописецъ Генрихъ Лотышъ указываетъ на князя Всеволода изъ Герсики надъ Двиной, тоже жившаго заодно съ Литовцами и помогавшаго имъ воевать въ Ливоніи. Слѣдовательно князья дома Изяслава, неимѣвшіе удѣловъ въ земляхъ нынѣшней Бѣлоруссіи, искали дѣла въ Литвѣ и въ Ливоніи и ихъ тамъ принимали, поэтому весьма вѣроятно, что могъ быть

и князь Давидъ, изъ того же рода княжившій въ Вильнѣ. Намъ кажется весьма естественнымъ, что князья полоцкаго дома, проникнувъ въ Литву, прикидывались язычниками, въ случаѣ надобности принимали даже имена Литовскія; княжили то въ полоцкихъ, то въ литовскихъ удѣлахъ, пока Рынгольдъ, а потомъ сынъ его Миндовгъ, по всей вѣроятности происходившіе изъ того же рода Всеславичей, потомковъ Изяслава Владиміровича, не образовали мощнаго государства и не подчинили единой власти великаго князя Новогрудскаго всѣхъ, какъ полоцкихъ, такъ и литовскихъ князей.

Въ историческихъ запискахъ императрицы Екатерины II, приводимыхъ Безкорниловичемъ, показанъ цѣлый рядъ князей виленскихъ, Полоцкаго дома, а именно Ростиславъ Рогволодовичъ, потомъ сынъ его Давидъ, наконецъ сынъ сего послѣдняго тоже Давидъ. Сынъ же сего послѣдняго Герденъ, или Эрденъ, называемый также Пройденъ, былъ уже около 1264 г. княземъ полоцкимъ и отцомъ Витена (Витенеса), великаго князя Литовскаго. Екатерина II для своихъ записокъ конечно пользовалась всевозможными источниками, изъ коихъ нѣкоторые, какъ увѣряютъ, сгорѣли въ 1812 г.

Мы уже указывали (въ Литовскомъ полѣсьѣ) неосновательность сказаній Длугоша, Стрыйковскаго и др. (заимствовавшихъ пристрастное извѣстіе изъ Оливскихъ анналовъ), о томъ, что будто-бы Витенъ и Гедиминъ были рабы, низкаго происхожденія. Сложилось также мнѣніе, что Гедиминъ былъ сыномъ Витена, котораго, прибавимъ, русскій хроникеръ (цитируемый проф. Антоновичемъ) называетъ происходящимъ изъ рода князей Смоленскихъ, а по другимъ спискамъ изъ дома *Полоцкихъ князей.* Историческая критика разъяснила, что Гедиминъ былъ братомъ, а не сыномъ Витена. Затѣмъ, если бы можно было придать окончательную вѣру историческимъ выводамъ Императрицы Екатерины, если бы можно было положительно убѣдиться, что Витенъ, Гедиминъ и третій братъ Воинъ, были сыновьями Эрдена, а равно, что Пройденъ, Эрденъ или Герденъ одно и тоже лицо, тогда отношенія князей Полоцкихъ къ Литовскимъ и самое происхожденіе послѣднихъ было бы вполнѣ уяснено.

Во всякомъ случаѣ, по необыкновенной важности предмета, чтобы читатель яснѣе могъ видѣть какъ сливаются эти роды, по вышеприведеннымъ источникамъ, мы въ видѣ опыта представляемъ здѣсь генеалогическую таблицу князей дома Изяслава Владиміровича, изъ коего такимъ образомъ происходили Гедиминъ, Ольгердъ, Ягайло и другіе.

II.

Изгнанные князья возвратились въ свои удѣлы. Полоцкое вѣче въ 1132 главнымъ образомъ содѣйствовало удаленію изъ Полоцка Святополка Мстиславича изъ Кіевскаго дома и предоставило полоцкій столъ князю Василько Рогволодовичу, на которомъ онъ просидѣлъ десять лѣтъ. Прежнія внутреннія безурядицы нѣсколько пріутихли; удѣльные князья стали крѣпче держаться, посягая только на чужіе удѣлы. Такъ они завладѣли надъ Двинскою областью Ливовъ и Латышей и не препятствовали католическому священнику Мейнгардту обращать Латышей въ католическую вѣру.

Между тѣмъ власть и вліяніе вѣча получаютъ еще большее значеніе. Вѣче имѣетъ почти преобладающее вліяніе на избраніе князей. Оно мѣняетъ ихъ по своему усмотрѣнію. Такъ въ 1151 вѣче выслало полоцкаго князя Рогволода Борисовича въ Минскъ, присоединивъ къ его удѣлу Друцкое и Слуцкое княжества, а на Полоцкомъ столѣ посадило двоюроднаго брата Рогволодова, Ростислава Глѣбовича; черезъ восемь лѣтъ опять возвратило Рогволода, а въ 1162 опять его удалило, избравъ княземъ племянника его, Всеслава Васильковича. Въ 1210 вѣче заподозрило своего князя Владиміра въ излишней преданности Нѣмцамъ и изгнало его, но черезъ три года умилостивилось, простило и опять посадило на полоцкій столъ. Вообще Полоцкое вѣче подражаетъ Новгородскому и Псковскому, руководствуясь тѣми же правилами и усвоивая тѣ же пріемы.

Всеславъ Васильковичъ, о которомъ мы выше упомянули, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ князей Полоцкихъ. Онъ княжилъ съ 1160—1180. Любимый народомъ и князьями, онъ умѣлъ ладить и съ вѣчемъ. Въ землѣ Кривичей ему давали даже титулъ великаго князя.

Послѣ его смерти, какъ думаютъ нѣкоторые, вѣче думало учредить постоянную республику и, не назначая особаго князя, управляться тридцатью избранными старцами. Зная привязанность народа къ княжескому дому, замыслы вѣче не могли осуществиться. Жили еще сыновья и внуки семи сыновей Всеслава Брячиславовича; но ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ сѣсть на полоцкомъ столѣ. Около 1190 является неизвѣстная личность изъ Литвы, Мингайло, сынъ Эрдзивилла, и его провозглашаютъ полоцкимъ княземъ. Вскорѣ онъ передаетъ управленіе сыну своему Гинвиллу.

Кто были эти Мингайло и Гинвилло — опредѣлить трудно. Естественное объясненіе можетъ быть развѣ то, что Мингайло, жившій въ Литвѣ, принадлежалъ къ тому же роду Полоцкихъ князей. Иначе трудно предположить, чтобы полоцкое вѣче и другіе удѣльные князья допустили пришельца захватить Полоцкое княжество.

Послѣ Гинвиллы является княземъ прямой наслѣдникъ Всеславова дома, Борисъ, сынъ Романа Всеславича, слѣдовательно праправнукъ Изяслава Владиміровича. Нѣкоторые же хотятъ въ немъ видѣть сына Гинвиллы, что, конечно, надобно отнести къ баснословнымъ выдумкамъ Стрыйковскаго. Борисъ извѣстенъ своею набожностью. Ему приписываютъ постройку нѣсколькихъ храмовъ въ Полоцкѣ. Второю супругою Бориса была Свентохна, или Святохна, дочь князя поморскаго Болеслава, ревностная католичка. Лѣтописи упоминаютъ про возстаніе въ Полоцкѣ въ 1217 г., во время котораго Святохна была убита. Сыновьямъ своимъ отъ перваго брака онъ далъ въ удѣлъ Двинскую область. Одинъ изъ нихъ Василько былъ княземъ Кукенойскимъ и жилъ въ Кукеносѣ, или Кокеносѣ (Кокенгаузенѣ), другой Вячеславъ, или Вячко въ Юрьевѣ (Дерптѣ), гдѣ и убитъ во время нападенія Лифляндскихъ рыцарей въ 1223 г.

Послѣ Бориса правилъ Полоцкомъ сынъ его Василько Кукенойскій.

Жилъ еще Глѣбъ Рогволодовичъ, князь Друцкій, котораго дочь Параскевія, инокиня монастыря, умершаго въ 1239 г., причислена къ лику святыхъ.

Послѣднимъ княземъ изъ дома Изяслава Владиміровича считаютъ Брячеслава, на коего дочери, Прасковьѣ, женился князь Александръ Невскій въ 1238 г. Брячеславъ господствовалъ надъ княжествами Полоцкимъ и Витебскимъ.

Когда Миндовгъ возсѣлъ на великокняжескомъ престолѣ въ Новогрудкѣ, когда владычество его было утверждено въ земляхъ Смоленской, Туровской, Пинской, Друцкой и др., тогда и Полоцкое княжество съ Витебскимъ и другими удѣлами лишились своей самостоятельности. Князья Полоцкіе избирались уже великимъ княземъ Литовскимъ. Первымъ такимъ княземъ назначенъ былъ Товтивиллъ, или Тимофей, племянникъ Миндовга, а шуринъ Данилы и Василька Романовичей, тотъ самый, который потомъ принадлежалъ къ числу заговорщиковъ на жизнь Миндовга.

Послѣ умерщвленія Миндовга начался раздоръ между князьями—заговорщиками. Товтивилъ былъ убитъ Стройнатомъ. Въ Полоцкъ назначенъ былъ княземъ Эрденъ Давидовичъ, о которомъ мы уже упомянули. Лѣтописи присовокупляютъ, что Эрденъ, или отецъ его Давидъ, былъ двоюроднымъ братомъ Миндовга. Сказаніе это весьма важно. Ежели Миндовгъ былъ въ родствѣ съ Давидомъ, слѣдовательно онъ происходилъ отъ Ростислава Рогволодовича, или Рогволода Борисовича и потому былъ изъ рода князей Изяслава Владиміровича. Этимъ объясняются и успѣхи его въ пріобрѣтеніи Кривичанскихъ удѣловъ.

У Эрдена замѣчаемъ нѣкоторую самостоятельность власти: онъ отъ своего имени и своихъ княжествъ Полоцкаго и Витебскаго въ 1264 г. заключилъ трактатъ съ Ригою и Ливонскимъ орденомъ. Въ этомъ трактатѣ о великомъ князѣ Литовскомъ не упоминается вовсе. Эту самостоятельность можно объяснить только тѣмъ, что послѣ смерти Миндовга, въ Литвѣ была неурядица, пока Витенъ не прижалъ и не подчинилъ своей власти удѣльныхъ князей. Въ 1266 г. у Эрдена было столкновеніе съ Псковомъ и лѣтописи упоминаютъ, что псковскій кн. Довмонтъ полонилъ кн. Эрдена съ княгинею и двумя княжнами.

Вел. кн. Витенъ предоставилъ Полоцкое княжество своему брату Воину. Въ стычкѣ съ Новгородцами въ 1341 г. Воинъ былъ убитъ. Княземъ въ Полоцкѣ назначили Андрея Ольгердовича, внука Гедимина.

Роль самостоятельнаго Полоцкаго княжества окончена. При Гедиминѣ и Ольгердѣ немыслимо было господство вѣча. Князья были только намѣстниками великаго князя. Ежели же и послѣ этого были примѣры самовластія и возбужденія внутренней борьбы, то это были уже возстанія противъ законной власти, подавляемыя великимъ княземъ, подвергавшимъ виновныхъ наказанію.

Гедиминъ и Ольгердъ, постоянно стремясь къ единовластію, конечно не ограничились однимъ Полоцкимъ княжествомъ. Независимыхъ удѣловъ не осталось ни одного. Витебское княжество, послѣ Полоцкаго, игравшее самую значительную роль, перешло путемъ наслѣдства къ Ольгерду. Послѣднимъ Витебскимъ княземъ былъ Ярославъ Васильковичъ. На его дочери Маріи въ 1318 г. женился Ольгердъ. Въ 1320 г. умеръ князь Ярославъ и Витебскъ перешелъ къ Ольгерду. Туровское и Пинское княжества точно также вошли въ составъ общаго государства. Послѣднимъ пинскимъ княземъ былъ Юрій Владиміровичъ, умершій въ 1292 г,, а сынъ его Дмитрій уже не владѣлъ удѣломъ. Потомъ Гедиминъ назначилъ въ эти княжества своимъ намѣстникомъ сына своего Наримунда. Въ Минскѣ и Изяславѣ намѣстникомъ Гедимина былъ князь Василій. Новогрудокъ былъ центральнымъ пунктомъ управленія всѣмъ обширнымъ государствомъ и только при Гедиминѣ столица перенесена въ Вильно.

О прочихъ мелкихъ удѣлахъ мы поговоримъ при описаніи городовъ въ Бѣлоруссіи.

Въ царствованіе Витена, Гедимина и Ольгерда край ожилъ, отдохнулъ послѣ безпрерывныхъ междоусобій, кровавыхъ стычекъ, грабежей и неистовствъ, обыкновенныхъ послѣдствій безурядицы и самоуправства отдѣльныхъ личностей. Но чаша бѣдствій не была испита до конца, и едва стали заживать раны, край подвергся новымъ ударамъ.

Ольгердъ передъ смертію (1377) отдалъ въ управленіе сыновьямъ своимъ: Симеону Лингвинію княжество Мстиславльское, Ягайлѣ Витебское, Дмитрію Корибуту Друцкое, Новогрудское и Лидское. Въ Полоцкѣ правилъ Андрей Ольгердовичъ. Понятно князья эти были намѣстниками великаго князя, правителями областей и никакихъ правъ самостоятельной власти не имѣли. Но когда Ягайло захватилъ великокняжескій престолъ, братья возстали противъ него. Андрей Полоцкій, какъ старшій въ родѣ, считалъ себя обиженнымъ и первый поднялъ знамя бунта. Узнавъ, что великій князь Московскій Дмитрій собирается войною на Литву, онъ поспѣшилъ къ нему. Крестоносцы пользовались случаемъ, чтобы увеличить смуты. На мѣсто Андрея Ольгердовича назначенъ былъ въ Полоцкъ Андрей Горбатый, сынъ храбраго Кейстута. Ягайло, злобствуя на Кейстута, на мѣсто Андрея Горбатаго послалъ брата своего Скиригайлу; но полочане полюбили своего князя и не впустили Скиригайлу. Тогда послѣдній, пригласивъ Крестоносцевъ, напалъ на Полоцкъ. Однако мужественный Андрей отстоялъ свою столицу. Между тѣмъ главный виновникъ крамолы, Андрей Ольгердовичъ, воспользовавшись отсутствіемъ Ягайлы, находившагося въ Краковѣ, соединясь съ Крестоносцами и Святославомъ смоленскимъ, напалъ на Полоцкія земли. Народъ вмѣстѣ съ Андреемъ Горбатымъ дали имъ сильный отпоръ и не допустили до Полоцка. Андрей сжегъ окрестности Лукомля и долженъ былъ отступить. Крестоносцы же сожгли Дриссу, много деревень и угнали нѣсколько тысячъ народу въ плѣнъ. Въ это же время Святославъ ударилъ на Витебскъ и Оршу. Этотъ человѣкъ прославился своимъ звѣрствомъ. Лѣтописи разсказываютъ ужасы про его неистовства. Онъ сожигалъ цѣлыя сотни живыхъ людей, заперевъ ихъ сначала въ деревянныхъ строеніяхъ, давилъ, сажалъ на колъ женъ и младенцевъ. Потомъ ударилъ на Мстиславль. Десять дней продолжалась осада. Жители не сдавались. На одиннадцатый подоспѣлъ отрядъ, посланный Витовтомъ на выручку. Вскорѣ прибылъ и самъ Витовтъ. Произошла кровавая, страшная битва. Святославъ съ племянникомъ Иваномъ были убиты, сыновья Юрій и Глѣбъ взяты въ плѣнъ. Главный виновникъ Андрей Ольгердовичъ захваченъ былъ въ Лукомлѣ и окованный, въ цѣпяхъ, отосланъ къ королю.

Мы уже знаемъ въ главныхъ очеркахъ дѣянія величайшаго изъ государей Литвы и Руси, славнаго Витовта. Онъ умѣлъ желѣзною рукою прижать своевольныхъ князей и сдѣлать ихъ слѣпыми орудіями своей воли. Бѣлоруссія дохнула свободнѣе. Плохо было князьямъ и боярамъ, но народу было привольнѣе. Въ краѣ сталъ водворяться порядокъ, соблюдалась законность. Великій князь на все обращалъ вниманіе. Чтобы оградить край отъ новыхъ нападеній Рыцарей, Витовтъ усилилъ гарнизоны, велѣлъ возобновить и привести въ оборонительное положеніе главные пункты, Полоцкъ, Витебскъ, Оршу, Мстиславль, Минскъ и др. Едва умеръ Витовтъ опять начались смуты между Скиригайлой и Свидригайлой, потомъ между Свидригайлой и Сигизмундомъ.

Со вступленіемъ Казиміра Ягеллона на великокняжескій престолъ Литвы и Руси, а потомъ королевскій въ Польшѣ, край опять сталъ приходить въ нормальное положеніе. Внутренніе раздоры стали уже немыслимы со введеніемъ системы правильно организованнаго государства. Мудрые законы Казиміра защищали гражданскія права жителей.

Съ этого времени отдѣльная исторія Бѣлорусскаго полѣсья оканчивается — она принадлежитъ общей исторіи Литвы и Руси, а съ 1569 г. и Польши.

Намъ остается только указать на болѣе выдающіяся стороны изъ жизни этого несчастнаго края, какъ будто обреченнаго самою судьбою на періодически повторяющіяся разоренія и неисчислимыя бѣдствія.

III.

Казиміръ Ягеллонъ своими законодательными мѣрами болѣе всего содѣйствовалъ введенію въ государствѣ благоустройства и пресѣченію злоупотребленій и самоуправства какъ князей, такъ и вельможъ.

«*Земская привилея Казиміра*» 1457 г. относилась одинаково и ко всѣмъ землямъ Бѣлорусскаго полѣсья. На основаніи этой привиллегіи, никто изъ князей, бояръ и мѣщанъ не казнится и не наказывается по чьему либо доносу, явному или тайному, или по подозрѣнію, прежде нежели будетъ уличонъ на явномъ судѣ, въ присутствіи обвинителя и обвиненнаго. За чужое преступленіе никто другой кромѣ преступника не наказывается: ни жена за преступленія мужа, ни отецъ за преступленія сына, и наоборотъ; также никакой другой родственникъ, ни слуга. Такія узаконенія, такой человѣчный взглядъ въ эпоху инквизиціи, пытокъ и всевозможныхъ насилованій правъ человѣка не можетъ не возбуждать удивленія. Въ отношеніи же Бѣлоруссіи, гдѣ всякаго рода безчинства и своеволіе были такъ обычны, законъ этотъ былъ весьма благодѣтеленъ, тѣмъ болѣе, что онъ не исключалъ и мѣщанъ. Правда, въ немъ ничего не говорится о крестьянахъ; но въ то время не въ одной Литвѣ крестьяне считались собственностью владѣльца, и не пользовались гражданскими правами.

Это же положеніе воспрещало иностранцамъ занимать должности и владѣть землею. Относительно положенія жены по смерти мужа постановлено совершенно также, какъ въ Псковской судной граматѣ и въ Новгородскихъ духовныхъ, именно, что вдова остается въ имѣніи мужа, пока не выйдетъ замужъ, и только тогда имѣніе переходитъ къ дѣтямъ или родственникамъ покойнаго; но если мужъ при жизни назначилъ ей какое либо вѣно, то оно остается при ней, хотя бы она вступила и во второй бракъ. Есть, впрочемъ, статья, разъясняющая отношеніе подданныхъ къ владѣльцамъ. Въ законѣ сказано, что князья, паны и бояре могутъ отлучаться въ чужія земли, кромѣ земель непріятельскихъ, лишь бы въ ихъ отсутствіе служба великокняжеская (т. е. воинская) съ ихъ имѣній нисколько не страдала. Имуществами отчинными или пожалованными они владѣютъ какъ собственностью. Подданные князей, бояръ и дворянъ освобождаются отъ всякихъ податей, платежей и поборовъ, но должны исполнять работы, необходимыя для построенія новыхъ крѣпостей и поправленія старыхъ. Если будетъ жалоба на кого нибудь изъ подданныхъ владѣльцевъ, то великій князь прежде потребуетъ управы у господина, которому виноватый принадлежитъ.

Любопытна XV статья *привилеи*. Выписываемъ ее вполнѣ на языкѣ, на которомъ она написана: «И тежъ, обѣцуемъ, и слюбуем, ижъ въ тых землях наших, того великаго княжства, земель, городов, мѣст, аль съ которых кольвек врадов и дедицтвь вдержаня, або достойностей, не маеси давати жадному чужеземцу, але только тубыльцом тых земель вел. княжства нашего прреченаго, маем давати, мы, и потомки наша давати будут.»

Казиміръ издалъ уставную грамоту Полоцку, въ коей приказываетъ, чтобы бояре, мѣщане, дворяне городскіе и все поспольство жили въ согласіи и чтобы дѣла городскія совершали вмѣстѣ согласно, по старинѣ и сходились бы всѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде издавна сходились; безъ бояръ же, мѣщанамъ, дворянамъ и черни сеймовъ не собирать. Устроенъ былъ особый ящикъ для сбора денегъ на великаго князя, за 4 ключами: ключъ боярскій, ключъ мѣщанскій, ключъ дворянскій и ключъ поспольскій. Ключи хранились у довѣренныхъ людей, по два, отъ всѣхъ этихъ сословій, людей *добрыхъ*, *годныхъ* и *вѣрныхъ*, которые одинъ безъ другаго ящика не отпирали.

Судебникъ, или *Статутъ* Казиміра Ягеллона, изданный въ 1492, имѣетъ много заимствованнаго изъ *Русской правды*. Онъ заключаетъ преимущественно законы уголовные. Любопытно

то, что, какой бы ни издавался законъ, вездѣ ссылки на постановленія **Витовта**. Судебникъ подробно говоритъ о воровствѣ и опредѣляетъ наказанія, исчисляетъ всѣ роды воровства и указываетъ порядокъ иска; есть тутъ и пытка по тогдашнему обычаю, и законодатель вѣритъ что знахарь, по тогдашнему *зѣлейникъ*, можетъ употреблять зелья, кои сдѣлаютъ для него нечувствительными мученія пытки. Далѣе въ Судебникѣ говорится о межевыхъ спорахъ, о насильственныхъ наѣздахъ и порубкахъ, о съѣздныхъ судахъ, о заблудившихся лошадяхъ, объ исправномъ содержаніи мостовъ и пр., и пр.

Въ городахъ вводилось Магдебургское право. Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ и потомъ нѣкоторые другіе города судились этимъ правомъ. Торговое значеніе этихъ городовъ усиливалось. Обмѣнная торговля велась съ Новгородомъ, Псковомъ, Кіевомъ и Москвою. Большое количество смолы и воска шло отсюда за границу.

Въ царствованіе Александра и Сигизмунда издавались новые уставы и наконецъ въ 1529 г. изданъ общій Статутъ для всего государства.

Царствованіе Сигизмунда-Августа замѣчательно многими правительственными мѣропріятіями и узаконеніями, доказывавшими стремленіе къ развитію государственнаго управленія и гражданственной жизни народа. Онъ обратилъ вниманіе и на крестьянъ старостинскихъ, т. е. казенныхъ имѣній. Для нихъ изданъ былъ особый *уволочный уставъ*, произведена люстрація имѣній. Было стремленіе улучшить бытъ крестьянъ, но при общемъ направленіи, при угнетеніяхъ и разныхъ злоупотребленіяхъ, вошедшихъ въ обычай, эти усилія не всегда могли принести пользу. Крѣпостные же крестьяне оставались въ прежнемъ положеніи. А между тѣмъ со второй половины XVI столѣтія земледѣліе получило значительное развитіе. Землевладѣльцы обогащались, зато положеніе крестьянъ стало еще хуже.

Въ 1564 г. изданъ второй статутъ и наконецъ въ 1588 г. составленъ былъ общій статутъ, въ составъ котораго вошли всѣ прежнія узаконенія, подъ руководствомъ вел. канцлера Льва Сапѣги, и напечатанъ, въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей на русскомъ языкѣ.

Въ 1500 г. исчезаетъ послѣдняя тѣнь удѣльной системы. Уничтожаются самые титулы княжествъ и вмѣсто ихъ учреждаются воеводства. Такъ, на протяженіи трехъ нынѣшнихъ бѣлорусскихъ губерній учреждено шесть воеводствъ, а именно: *Полоцкое*, состоявшее изъ одного уѣзда, въ составъ коего входили нынѣшніе уѣзды: полоцкій, дисненскій, дриссенскій, лепельскій и части смежныхъ уѣздовъ. Главные города въ этомъ воеводствѣ: Полоцкъ, Дисна, Дрисса, Лепель, Глубокое, Березвечъ, Лужки, Мосаржъ, Чашники, Ула, Ушачъ, Соколъ, Освѣй и др. *Новогородское* (Новогрудское), состоявшее изъ уѣздовъ: новогрудскаго, слонимскаго и волковыскаго, главнѣйшіе города: Новогрудокъ, Несвижъ, Любчъ, Миръ, Кореличе, Клецкъ, Столпце, Слонимъ, Жировице, Слуцкъ, Копыль и др. Въ составъ этого воеводства вошло также Слуцкое княжество.—*Витебское*, состоявшее изъ двухъ уѣздовъ: Витебскаго и Оршанскаго. Но съ учрежденіемъ Смоленскаго воеводства, Оршанскій уѣздъ, подъ названіемъ *Оршанской земли* съ бывшими княжествами Друцкимъ и Лукомльскимъ и съ городами Толочиномъ, Горы-Горками, Копысемъ, Шкловомъ, Бялыничами входили въ составъ означеннаго воеводства, по упраздненіи котораго причислены къ Витебскому.—*Минское*, состоявшее изъ уѣздовъ Минскаго, Мозырскаго и Рѣчицкаго, съ городами: Минскомъ, Изяславомъ, Койдановомъ, Дубровой, Могильной, Радошковичами, Ивенцемъ, Логойскомъ, Мозыремъ, Рѣчицей, Бобруйскомъ, Свислочемъ, Рогачевомъ, Пропойскомъ, Чечерскомъ и др.—*Мстиславльское* учреждено позже другихъ, именно въ 1590 г., состояло изъ одного только обширнаго уѣзда, захватывавшаго почти всю нынѣшнюю губернію съ городами: Мстиславлемъ, Могилевомъ на Днѣпрѣ, Кричевомъ, Чаусами, Старымъ Быховомъ, Климовичами и др. Наконецъ, шестое, *Инфлянтское*, состоявшее изъ земель, коими владѣли архіепископъ рижскій, епископы дерптскій, эзельскій, ревельскій и куронскій совмѣстно съ орденомъ Крестоносцевъ. 30 августа 1559 г. магистръ Готардъ Кетлеръ поддался Сигизмунду-Августу въ Вильнѣ и тогда, послѣ окончательнаго присоединенія этихъ земель къ

Литвѣ, образовано было особое воеводство, раздѣлявшееся не на уѣзды, но на четыре тракта: динабургскій, рѣжицкій, люцинскій и маріенгаузенскій, съ городами Динабургомъ, Крейцбургомъ, Ликсной, Краславомъ, Рѣжицей, Люциномъ, Маріенгаузеномъ, Дагдой, Волькенбергомъ, Аглоной, Прелями и др.— Пинское и Туровское княжества причислены были къ Брестъ-Литовскому воеводству.

Устройство новыхъ административныхъ началъ, введеніе правильнаго законодательства, не могли не содѣйствовать къ распространенію гражданственности, смягченію нравовъ и улучшенію благосостоянія края, которое достигло бы высшихъ размѣровъ, еслибы не тяжелыя раны наносимыя войною, коей центромъ, какъ увидимъ ниже, многіе годы былъ бѣлорусскій край. Вѣра, народныя чувства, сознаніе народнаго достоинства, любовь къ родинѣ и великимъ князьямъ, не только не были поколеблены новыми мѣропріятіями, но, напротивъ, усиливались сознаніемъ силы и величія собственнаго отечества. Когда съ 1446 г. Поляки пригласили на престолъ польскій великаго князя Казиміра-Ягеллона, то на сеймъ въ Петрковѣ явились послами князья Василій Красный и Юрій Семеновичъ, торжественно заявивъ сейму, что ихъ великій князь не принимаетъ короны польской. Казиміръ потомъ принялъ польскій престолъ (1448); неменѣе того его любовь къ родинѣ, его заботливость о благоденствіи Литвы и Руси не уменьшились. Отъ Витовта до люблинской уніи (1569), начала, имъ внесенныя, стремленіе къ самостоятельности и самобытности—крѣпнутъ, и гласно, торжественно заявляются на всѣхъ почти сеймахъ. Многое измѣнилось къ лучшему. Прежніе буйные удѣльные князья, Рюриковичи и Гедиминовичи, теперь стали богатыми и знатными вельможами; но они были болѣе просвѣщенны, многіе получили образованіе за границею. Они льнутъ ко двору и окружаютъ престолы великокняжескій въ Вильнѣ и королевскій въ Краковѣ. Они храбры на войнѣ, честны и мужественны въ судѣ и на сеймахъ и непреложно держатся своей вѣры, языка, народности, отстаиваютъ самостоятельность своей родины. Мы уже знаемъ (изъ Литовскихъ очерковъ), какъ много они жертвуютъ на распространеніе просвѣщенія, заводятъ типографіи, поощряютъ искусства и, угождая великимъ князьямъ, своимъ роднымъ Ягеллонамъ, страстно любившимъ Византійскій стиль, сами заботятся о сооруженіи храмовъ и о византійской живописи даже въ Краковѣ.

Какъ нѣкогда Витовта, такъ потомъ Казиміра, Александра и Сигизмунда I совѣтниками, придворными, высшими сановниками являются потомки князей Слуцкихъ и Копыльскихъ, происходившихъ отъ Олельки Владиміровича, внука Ольгерда и Іуліаніи; князья Сапѣги, потомки Наримунда Гедиминовича, князя пинскаго и мозырскаго; князья Друцкіе:-Соколинскіе, Горскіе, Любецкіе, Озерскіе, Подберескіе, происходившіе отъ Романа Галицкаго; князья Соломерецкіе, Лукомльскіе, Головчинскіе, Масальскіе и др. Мы указали здѣсь собственно на роды бѣлорусскіе, княжескіе; но къ нимъ надобно прибавить знатнѣйшіе боярскіе, хотя и не княжескіе роды, какъ напр. Деспотовъ—Зеновичей, Тышкевичей, Корсаковъ, Ходкевичей, Кишковъ, Глѣбовичей, Войновъ, Завишей, Воловичей, Гарабурдовъ и др.

Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи вся Бѣлоруссія, до XVII столѣтія, представляла сплошное православное населеніе. Еще Ягайло основалъ костелы въ Обольцахъ, въ Могилевской губ., въ Гайнѣ въ Минской; потомъ были основаны костелы въ Новогрудкѣ и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ; но католическое исповѣданіе, съ весьма небольшими исключеніями, въ Бѣлоруссіи почти не существовало. Другія иновѣрныя хотя проникали въ страну, но не касались народа, охватывая преимущественно высшіе слои и иногда только городскихъ жителей. Еще въ XIV столѣтіи Чешскіе Гусситы изъ Польши пришли въ Минскъ, Витебскъ и нѣкоторые другіе города Бѣлоруссіи, но не имѣли большаго успѣха. Гораздо успѣшнѣе была пропаганда въ XVI ст. (ок. 1553) князя Николая Радзивилла Чернаго. Послѣдній, какъ другъ и родственникъ короля, владѣя значительными имѣніями въ Бѣлоруссіи, какъ Несвижемъ, Миромъ, Борисовомъ и др. имѣлъ большое вліяніе на дворянство и многихъ привлекъ къ евангелическо-

реформатскому ученію. Онъ основалъ много евангелическихъ храмовъ, какъ напр. въ Несвижѣ, въ Оршѣ, Минскѣ, Новогрудкѣ, Свислочи, Витебскѣ, Шкловѣ и въ другихъ мѣстахъ. Знатнѣйшіе изъ бѣлорусскихъ вельможъ, Кишки, Глѣбовичи, Воловичи, Слушки, Зеновичи и др. были уже кальвинистами. Конечно, ихъ примѣру слѣдовала зависѣвшая отъ нихъ мелкая шляхта. Болѣе всего кальвинизмъ распространенъ былъ въ Новогрудскомъ воеводствѣ. Здѣсь изъ шести сотъ слишкомъ православныхъ дворянскихъ родовъ едва уцѣлѣло шестнадцать.

Въ то же время прибывшіе въ Витебскъ Ѳеодосей Косой и Игнатій, а также Артемій изъ Соловецкаго монастыря пристали къ антитринитаріямъ и стали распространять новое ученіе, безъ большаго однако успѣха. Мозырскій земскій судья Степанъ Лованъ, ревностный послѣдователь Буднаго и Мотовилы, распространялъ социніанизмъ. Но какъ Социніане, такъ и Аріане не привились въ Бѣлоруссіи съ такою силою, какъ въ Литвѣ и Польшѣ. Наконецъ большіе города, какъ Полоцкъ, Минскъ, Витебскъ, Динабургъ и др., имѣя постоянныя торговыя сношенія съ Магдебургскими городами, не могли совершенно избѣжать соприкосновенія съ сильно въ то время распространившимся лютеранизмомъ. Впрочемъ, Лютерово ученіе сохранилось преимущественно въ числѣ поселившихся въ этихъ городахъ по торговымъ дѣламъ Нѣмцевъ. Всѣ эти новыя ученія прививались только къ высшимъ сословіямъ и къ небольшому числу городскихъ жителей. Большинство же послѣднихъ и все сельское населеніе оставались православными.

Въ нынѣшней Бѣлоруссіи было три православныя епархіи: Туровская, Полоцкая и Слуцкая. Туровскій епископъ назывался также и Пинскимъ; Полоцкій—архіепископомъ полоцкимъ, витебскимъ и мстиславскимъ.

Церковное управленіе основывалось на древнихъ правилахъ, изображенныхъ въ Кормчей книгѣ. Великіе князья, начиная съ Витовта, утверждали неприкосновенность духовнаго суда особыми граматами. Въ 1499 г. митрополитъ Іосифъ-Солтанъ выпросилъ у великаго князя Александра подтвержденіе судебной грамоты Ярослава (такъ называемаго свитка Ярославля). Въ грамотѣ, данной по этому случаю Александромъ, между прочимъ, говорится: «И приказуемъ, абы князи и панове нашего Римскаго закону, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, и тежъ воеводы, старосты и намѣстники, такъ римскаго закону, какъ греческаго, и тивуны, и вси заказники, дежавцы по городамъ нашимъ, и тежъ, по мѣстамъ нашимъ войтове, бурмистрове и радцы, тые, которые здавна отъ продковъ нашихъ права меютъ Майтборскіе (Магдебургскіе), и тежъ же, которымъ мы тые права нѣмецкіе подавали и напредъ еще которымъ инымъ мѣстомъ нашимъ тое право зъ ласки нашое додемъ, кривды церкви Божье и митрополиту, и епископамъ не чинили, въ доходы церковные и во вси справы и суды ихъ духовные не вступалися; бо есмо приказали митрополиту и епископамъ судити и дѣла духовные справовати, и люди церковные завѣдати, подлугъ (на основаніи) давняго обычая». Нѣсколько лѣтъ спустя зтотъ же митрополитъ Солтанъ исходатайствовалъ другую грамоту у Сигизмунда I о неприкосновенности вѣры и церковныхъ уставовъ. Въ грамотѣ говорится, что она дана на основаніи древняго права и письменныхъ привиллегій, данныхъ: «отъ предковъ нашихъ, великаго князя Витольда и отца, и брата нашего». Были случаи, когда сами великіе князья заботились о соблюденіи церковныхъ установленій и правильномъ употребленіи церковныхъ имуществъ. Такъ напр. вел. кн. Александръ, грамотою 1499 г., на имя полоцкаго владыки Луки, отсудилъ его отъ владѣнія селами, подаренными княземъ Свиригайлою на церковь св. Софіи, а имъ присвоенными въ свою собственность.

Епископство Туровское основано было еще въ XI столѣтіи. Ему подчинялись древнѣйшія поселенія, какъ Туровъ, Пинскъ, Мозырь, Давидъ-городокъ и др. Въ XIII ст. въ Туровѣ прославился извѣстный св. Кириллъ, прозванный туровскимъ Златоустомъ. Между 1415 и 1420 г., при епископѣ Евфиміѣ Окушкѣ число церквей въ туровской епархіи достигало 255.

Съ учрежденіемъ Витовтомъ особой Западно-русской митрополіи, въ Новогрудкѣ и Минскѣ были митрополитальные соборы.

IV.

итовтъ умѣлъ сохранять добрыя отношенія съ Московскою Русью. Съ зятемъ своимъ, вел. кн. Василіемъ Дмитріевичемъ, и потомъ съ наслѣдникомъ его, внукомъ своимъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ, Витовтъ былъ друженъ и пользовался особеннымъ ихъ уваженіемъ. Покровительствовалъ и поддерживалъ племянника своего Бориса Александровича князя Тверскаго, а также Іоанна Өедоровича князя Рязанскаго. Оба они клялись быть всегдашними союзниками и враговъ Витовта считать своими врагами.

Въ началѣ также дѣйствовалъ и вел. кн. Казиміръ. Въ договорѣ 1449 г. Василій и Казиміръ клянутся въ любви другъ къ другу и говорятъ, что въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, другой долженъ заботиться о семействѣ умершаго. Извѣстно, что во время внутреннихъ раздоровъ побѣдитель захватывалъ путь въ Орду. Поэтому въ договорѣ сказано, что какъ великимъ князьямъ, такъ и посламъ ихъ, путь въ Орду долженъ быть свободенъ. Въ случаѣ нападенія непріятеля, обѣ стороны должны помогать другъ другу войскомъ. Казиміръ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла Новгорода, а также Рязанскаго князя Ивана Өедоровича; если же Новгородцы или Псковичи *нагрубятъ* королю, то послѣдній долженъ увѣдомить о томъ Василія, а потомъ воленъ перевѣдаться съ ними, лишь бы не захватывалъ ихъ земель и водъ. Точно также и въ отношеніи къ Рязанскому князю, ежели онъ обидитъ Казиміра, послѣдній долженъ жаловаться Василію; но ежели и засимъ Рязанскій князь не исправится — Казиміръ воленъ наказать его. Важнымъ пунктомъ въ договорѣ было условіе, что служилые князья обѣихъ сторонъ должны оставаться свободными. Но въ этомъ и заключался камень преткновенія. Князья не въ состояніи были исполнить только этого пункта. Переходы князей и бояръ съ обѣихъ сторонъ были весьма нерѣдки и начались издавна. Еще въ 1289 г. князь Михаилъ Ярославичъ Тверской послалъ игумена Андрея, *сына Литовскаго князя*, къ митрополиту Максиму и тотъ поставилъ его епископомъ въ Тверь. Ко временамъ Казиміра относится нѣсколько крупныхъ переходовъ изъ Москвы въ Литву и Бѣлоруссію и наоборотъ изъ Литвы въ Москву. Такъ, князь Юрій Патрикіевичъ перешелъ къ Василію Дмитріевичу и даже женился на сестрѣ его, княгинѣ Аннѣ. Князь Михаилъ Сигизмундовичъ былъ принятъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ. Изъ Москвы же перешли князь Иванъ Андреевичъ Можайскій, князь Василій Верейскій и даже, въ 1484 г., когда Іоаннъ III напалъ на Тверь и лишилъ княжества князя Михаила Борисовича, послѣдній бѣжалъ къ Казиміру и получилъ во владѣніе помѣстья Бѣлавичи и Гощовъ въ Слонимскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ и прожилъ до конца жизни. Дочь его вышла за одного изъ Радзивилловъ. Въ Несвижскомъ замкѣ князей Радзивилловъ еще недавно показывали портретъ ея въ русскомъ народномъ платьѣ.

Эти переходы всегда имѣли пагубныя послѣдствія. Бѣглецы обыкновенно подстрекали къ войнѣ, вносили смуты и раздоры между царствующими.

Съ восшествіемъ на престолъ Іоанна III отношенія измѣнились. Іоаннъ III съ завистью смотрѣлъ на возрастающее могущество великаго княжества Литовско-русскаго. Ему не нравился союзъ Литвы и Руси съ Польшею и онъ серьезно помышлялъ о томъ, какъ бы слить Литву и Русь воедино съ Московскимъ государствомъ. Эта мысль постоянно крѣпла, созрѣвала и никогда уже не оставляла Московскихъ властителей, а несчастная Бѣлоруссія была обречена въ жертву, какъ передовой постъ воинскихъ набѣговъ, и много, много выстрадала.

Казиміру хорошо были извѣстны мысли и стремленія Іоанна III. Поэтому-то онъ избѣгалъ всякихъ столкновеній, умѣлъ изворачиваться, ладить, мирить возникавшіе споры, а понимая

всю важность родственныхъ отношеній между властителями, составилъ проектъ женить сына своего Александра на дочери Іоанна, Еленѣ.

Едва умеръ Казиміръ (1492) и великимъ княземъ провозглашенъ Александръ, Іоаннъ III тотчасъ обнаружилъ свои намѣренія. Военачальники его, князь Ѳедоръ Оболенскій, кн. Одоевскій, Лапинъ, Истома заняли Рогачевъ и нѣсколько другихъ городовъ Бѣлорусскаго края. Тогда Александръ поспѣшилъ поручить полоцкому намѣстнику Ивану Юрьевичу Забережскому начать переговоры. Послѣдній сообщилъ о желаніи Александра, основанномъ на завѣщанной ему волѣ королемъ Казиміромъ, новгородскому воеводѣ Іакову Захарьевичу. Вскорѣ начались переговоры въ Москвѣ. Іоаннъ согласился выдать за Александра дочь свою. Этимъ война была отвращена, но только на время. Въ 1500 г. московскія войска опять вступили въ Бѣлоруссію. 14 іюля произошла страшная битва на берегахъ Ведроши, гдѣ князь Константинъ Острожскій и князья Друцкіе взяты были въ плѣнъ и много убито. Напали на Мстиславль, но не успѣли взять; зато захватили Оршу, Могилевъ, Кричевъ и другія мѣстности. Наконецъ, 25 марта 1503 г., заключено было перемиріе. За вел. княземъ московскимъ остался Гомель и нѣсколько мѣстъ въ нынѣшнемъ Рогачевскомъ уѣздѣ.

Перемиріе еще не окончилось, какъ оба воюющіе, зять и тесть, скончались. Наслѣдникъ Іоанна, Василій, въ 1507 г., нарушилъ перемиріе и пошелъ войною на Сигизмунда I. Сраженіе произошло подъ Кричевомъ, гдѣ московскія войска были разбиты на голову. Въ 1508, когда любимецъ короля Александра князь Михаилъ Глинскій измѣнилъ Сигизмунду и предался Василію, по его подстрекательствамъ, войска заняли большую часть Бѣлоруссіи. Глинскій самъ предводительствовалъ, но и король Сигизмундъ I явился лично съ сильною ратью и завладѣлъ Смоленскомъ. Тогда Василій согласился заключить вѣчный миръ. Кн. Константинъ Острожскій и др. возвратились на родину.

Вѣчный миръ былъ однако далеко не вѣченъ. Въ 1513 опять началась война. Василій взялъ Смоленскъ. Потомъ войска сошлись на берегахъ Днѣпра и Крапивны, близъ Орши. Великій гетманъ князь Константинъ Острожскій выигралъ два сраженія. Янъ Сапѣга разбилъ три полка Василія. 8 сентября 1514 произошло генеральное сраженіе. Московское войско подъ начальствомъ Булгакова и Челядинина, состояло изъ 80,000; вел. гетманъ кн. К. Острожскій командовалъ только 35,000 и, несмотря на это, одержалъ блистательную побѣду. 30,000 устлали трупами все пространство между Оршею и Дубровкою. Булгаковъ, Челядининъ, шесть другихъ воеводъ, много князей, 150 дворянъ и разныхъ чиновныхъ лицъ и значительное число войска взяты были въ плѣнъ. Захвачены весь обозъ, знамена, артиллерія. Дубровна, Мстиславль, Кричевъ возвращены Сигизмунду I. Великій гетманъ Острожскій въ память этой побѣды надъ православными, самъ ревностный православный, построилъ православную церковь въ Вильнѣ.

Съ этого времени борьба за пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи продолжается безпрестанно, съ перемѣннымъ счастіемъ для обѣихъ сторонъ. Мы не можемъ слѣдить за нею шагъ за шагомъ; скажемъ только, что Полоцкъ, Мстиславль, Орша, Рогачевъ, Гомель, Витебскъ наиболѣе пострадали отъ этой продолжительной и тягостной войны. Безпрестанно сожигались города и пригороды, опустошались селенія. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ окрестностяхъ этихъ городовъ нѣтъ пяди земли, не орошенной кровію. Тысячи могилъ и до сихъ поръ напоминаютъ Бѣлоруссамъ злосчастное для нихъ время.

Военныя дѣйствія возобновлялись въ 1516, 1518, 1519, 1534, 1535, 1536 годахъ. Наконецъ въ 1537 заключено перемиріе на пять лѣтъ, возобновленное въ 1542 на семь лѣтъ и потомъ еще разъ въ 1549 г. Едва кончилось перемиріе, какъ началась война за Ливонію.

Ливонская война началась въ 1561, когда палъ орденъ Меченосцевъ, когда Кетлеръ сложилъ съ себя званіе магистра. Въ Бѣлоруссіи война опять отразилась на Мстиславлѣ, Витебскѣ, Дубровнѣ, Копысѣ, Шкловѣ, гдѣ происходили кровавыя стычки. Но въ 1562 самъ Іоаннъ съ 280,000 арміею пошелъ на Бѣлоруссію и осадилъ Полоцкъ. 15 февраля 1563 городъ былъ

взятъ. Полоцкъ былъ богатъ въ то время. Все золото, серебро, драгоцѣнности у знатнѣйшихъ дворянъ, купцовъ и мѣщанъ было захвачено вмѣстѣ съ государственною казною. Епископъ, воевода, всѣ знатнѣйшіе чиновники отправлены въ Москву. Велѣно крестить жидовъ, а кто не соглашался, того топили въ Двинѣ. Архіепископомъ Іоаннъ назначилъ отъ себя епископа Суздальскаго Трифона Ступишина.

Въ январѣ 1564 г., подъ Чашниками, въ Лепельскомъ уѣздѣ, трокскій воевода, князь Николай Радзивиллъ нанесъ страшное пораженіе князю Петру Ивановичу Шуйскому. Шуйскій, нѣсколько князей и бояръ и много войска легли на мѣстѣ. Захваченъ былъ обозъ и артиллерія. Потомъ прогналъ князя Серебрянаго изъ Орши съ его отрядомъ, постыдно бѣжавшимъ почти безъ выстрѣла, но зато опустошившимъ огнемъ и мечемъ все пространство отъ Дубровны до Кричева. Множество мирныхъ земледѣльцевъ взято было въ плѣнъ.

Въ 1568 г. князь Романъ Сангушко, молодой, но храбрый вождь Сигизмунда-Августа, истребилъ подъ тѣми же Чашниками отрядъ Амурата и Палѣцкаго и вслѣдъ же засимъ нанесъ жестокій ударъ князю Щербатову близъ Улы. Наконецъ онъ же, почти внезапно, безъ осады, напалъ на Улу, гдѣ былъ сильный гарнизонъ, взялъ эту крѣпость, захватилъ двухъ воеводъ и 300 дѣтей боярскихъ въ плѣнъ и истребилъ въ рукопашномъ боѣ почти весь гарнизонъ.

Шереметевъ, Бутурлинъ и Сабуровъ съ сильными отрядами и 6000 татаръ посланы были противъ Сангушки. Они осадили Витебскъ и зажгли его. Воевода Пацъ сдѣлалъ вылазку, потушилъ огонь, а въ это время получено было извѣстіе, что Сангушко приближается къ Витебску. Одно имя Сангушки навело на бояръ такой ужасъ, что они ночью поспѣшили снять осаду и уйти.

Побѣды Сангушки, Паца, кн. Радзивилла заставили Іоанна согласиться на мирные переговоры. Въ 1569, въ годъ соединенія Литвы съ Польшею, миръ былъ заключенъ. Сигизмундъ-Августъ былъ послѣдній въ родѣ Ягеллоновъ, и Іоаннъ возмечталъ, что будетъ избранъ на Польско-Литовскій престолъ.

V.

Люблинская унія 1569 г., соединившая Литву съ Польшею, во многомъ измѣнила гражданскій бытъ Бѣлоруссіи. Бѣлоруссія, какъ часть Литовскаго государства, вошла въ составъ польскихъ областей, раздѣленныхъ на воеводства.

Послѣ смерти Сигизмунда-Августа образовалась партія, желавшая возвести на престолъ Өедора, сына Іоанна Грознаго. Съ этою цѣлью ѣздили послы въ Москву, Воропай, Гарабурда, а еще при жизни короля, велъ объ этомъ переговоры Юрій Тышкевичъ, ѣздившій посломъ въ Москву. Главнымъ сторонникомъ Өедора былъ Янъ Глѣбовичъ, кастеланъ Минскій, сильнымъ же противникомъ былъ Янъ Ходкевичъ, имѣвшій большое вліяніе въ государствѣ. Но еще болѣе сильными противниками были выходцы изъ Москвы, бѣжавшіе отъ жестокостей Іоанна, князь Курбскій, стрѣлецкій голова Тимоөей Тетеринъ, Марко Сарыгозинъ, Козловъ и другіе. Они распространяли извѣстія о Грозномъ и наводили ужасъ описаніемъ его тиранства. Іоанна боялись, Өедоръ же извѣстенъ былъ, какъ человѣкъ слабаго характера, которымъ можно будетъ заправлять по своему желанію. Но Іоаннъ не соглашался отпустить сына и самъ желалъ быть избраннымъ. Еще переговоры не были окончены, какъ Замойскій своими стараніями предупредилъ всѣхъ и на престолъ избранъ былъ Стефанъ Баторій. Понятно поэтому, что между ними не могло быть мира. Приготовляясь къ войнѣ, Іоаннъ устроилъ укрѣпленія при озерѣ Усвятахъ и устьѣ Улы въ Двину. Въ Полоцкомъ и Лепельскомъ уѣздахъ возвелъ сильныя крѣпости Копецъ и Соколъ, при устьѣ Нешавы въ Дриссу. Дѣло началось переговоро-

рами о мирѣ; но до осуществленія ихъ было далеко. Баторій въ 1579 объявилъ войну Іоанну. Баторію прежде всего хотѣлось отнять Полоцкъ. Въ августѣ началась осада. 27 августа Баторій уже вошелъ въ Полоцкъ и возвратилъ его къ своимъ владѣніямъ послѣ шестилѣтняго отчужденія. Король милостиво отнесся къ побѣжденнымъ, дозволивъ имъ или возвратиться на родину, или вступить въ его армію. И воеводы, и простые воины преисполнены были благодарности къ королю, но не приняли предложенія вступить въ его войска. Баторій даровалъ много милостей полуразрушенному городу. Особою граматою онъ обѣщалъ свое покровительство православнымъ жителямъ и оставилъ на занимаемомъ посту полоцкаго архіепископа, назначеннаго Іоанномъ.

Потомъ взяты были крѣпости Іоанновы Соколъ и Суша. Не повторяемъ подробностей о дальнѣйшихъ судьбахъ войны, какъ не касающейся Бѣлоруссіи, скажемъ только, что Іоаннъ сознала неравенство силъ и невозможность борьбы съ Баторіемъ, и въ 1582 заключено было 10-лѣтнее перемиріе. Вся Ливонія, Полоцкъ, Велижъ остались за Баторіемъ.

Люблинская Унія, 1569 г

* *
*

Въ Полоцкѣ еще въ 1498 г. построенъ былъ монастырь Бернардиновъ. Когда Іоаннъ взялъ Полоцкъ, монастырь былъ разрушенъ. Стефанъ Баторій, при коемъ, во время похода, находилось нѣсколько іезуитовъ, по настоянію Скарги, основалъ для нихъ костелъ, коллегіумъ и училище. Іезуитамъ предоставлено было 737 дворовъ, разоренныхъ во время войны и изъ коихъ большая часть находилась въ развалинахъ. Дворы эти принадлежали къ истребленнымъ во время продолжительныхъ войнъ монастырямъ. Принадлежавшія монастырямъ имѣнія были захвачены разными лицами. Баторій учредилъ коммиссію для обнаруженія неправильныхъ захватовъ. Большая часть этихъ имѣній передана была потомъ іезуитамъ. Кромѣ того они 320 подаренныхъ имъ разрушенныхъ дворовъ уступили полоцкимъ гражданамъ, за что, взамѣнъ, получили въ собственность, на Двинѣ, противъ города, островъ и лежащую на противоположномъ берегу слободу Екиманію. Такимъ образомъ, положеніе іезуитовъ было вполнѣ обезпечено. Коллегіумъ былъ открытъ и первымъ ректоромъ назначенъ былъ знаменитый Скарга.

Основаніе Полоцкаго коллегіума, перваго въ Бѣлоруссіи, было весьма знаменательно—оно проложило путь къ дальнѣйшему распространенію іезуитовъ въ этой странѣ и будущимъ ихъ, почти невѣроятнымъ успѣхамъ въ совращеніи почти всѣхъ знаменитѣйшихъ родовъ, вельможъ и дворянъ въ католичество. А это было не легко. Въ началѣ іезуиты на каждомъ шагу встрѣчали ненависть, всякаго рода противодѣйствія въ своихъ предначертаніяхъ. Въ самомъ Полоцкѣ воевода Дорогостайскій, ревностный кальвинистъ, ненавидѣлъ іезуитовъ. Баторій покровительствовалъ іезуитамъ, но въ то же время онъ отличался вѣротерпимостью и не допускалъ нарушеній свободы совѣсти. Обстоятельства измѣнились, когда на престолъ вступилъ Сигизмундъ III

(1857). При жизни Баторія основанъ былъ, кромѣ полоцкаго, еще одинъ іезуитскій коллегіумъ, въ Радзивилловскомъ Несвижѣ, гдѣ при кн. Николаѣ Черномъ господствующимъ былъ кальвинизмъ, а послѣ его смерти, ученый Кржишковскій сдѣлалъ изъ Несвижа притонъ аріанъ. Обращенный іезуитами въ католицизмъ, сынъ Николая Чернаго, князь Николай Христофоръ, въ 1585 бывшій *фарный* католическій костелъ, кальвинскій сборъ и аріанскую молельню отдалъ іезуитами основалъ для нихъ коллегіумъ, подаривъ на содержаніе опаго большое имѣніе, Липскъ, съ восемью деревнями. Этимъ набожный Радзивиллъ не ограничился. Онъ основалъ еще нѣсколько другихъ монастырей и костеловъ въ Несвижѣ.

Третій коллегіумъ іезуитовъ основанъ былъ Сигизмундомъ III въ Оршѣ около 1600 г. Это былъ самый важный пунктъ, пунктъ религіозно-стратегическій. Мы видимъ, что Іезуиты имѣли уже три сильныя крѣпости на противоположныхъ рубежахъ Бѣлоруссіи, именно, въ нынѣшнихъ губерніяхъ: въ Витебской — Полоцкъ, въ Могилевской — Оршу, въ Минской — Несвижъ. Затѣмъ въ теченіе XVII столѣтія основаны были еще коллегіумы въ Пинскѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Динабургѣ и Слуцкѣ. Независимо отъ этого, учреждались еще резиденціи и миссіи, въ каждой по нѣсколько іезуитовъ, въ Борисовѣ, въ Слонимѣ, въ Могилевѣ, въ Бобруйскѣ, въ Илукштѣ и сверхъ того миссіи во всѣхъ значительнѣйшихъ имѣніяхъ лицъ, уже совращенныхъ іезуитами въ католицизмъ. Такимъ образомъ явилось нѣсколько сотъ человѣкъ сильныхъ борцовъ, образованныхъ, умныхъ и совершенно преданныхъ идеѣ, которой они посвятили всю свою жизнь. Но по отдаленности Бѣлоруссіи, особенно Мстиславскаго и Витебскаго воеводствъ, отъ центра епархіальнаго управленія, находившагося въ Вильнѣ, іезуиты сознавали необходимость учрежденія на мѣстѣ административно-духовной власти, которая бы въ офиціальной сферѣ осуществляла ихъ планы.

Въ Обольцахъ, въ землѣ Оршанской, существовалъ римско-католическій костелъ, какъ уже мы сказали, основанный Ягайлою въ 1387 г. По стараніямъ іезуитовъ, настоятеля этого прихода наименовали архидіакономъ, предоставивъ ему духовно-административную власть въ цѣлой Бѣлоруссіи. Въ архидіаконы опредѣлялся одинъ изъ канониковъ виленскаго капитула, а потомъ, по повелѣнію папы, одинъ изъ епископовъ-суфрагановъ Виленской епархіи. Архидіаконъ, по близости оршанскаго коллегіума, руководимый іезуитами, сдѣлался естественнымъ ихъ пособникомъ и упрощалъ путь къ основанію и освященію новыхъ костеловъ, а также и дѣло совращенія въ католичество.

Не надобно думать, чтобы тогдашнее законодательство вполнѣ благопріятствовало дѣлу іезуитовъ. Напротивъ, законъ 1576 г. дозволялъ православному дворянству занимать всякаго рода высшія должности. Сигизмундъ III подтвердилъ этотъ законъ въ 1607 г. безъ всякихъ ограниченій. Законъ гарантировалъ свободное исполненіе греческихъ обрядовъ, уніатамъ же воспрещалъ приневоливать православныхъ къ принятію уніи и не допускать никакихъ насилій и притѣсненій. Въ 1618 году, согласно постановленіямъ 1607, подтверждено свободное отправленіе богослуженія по обрядамъ греческой церкви, какъ духовенству, такъ и свѣтскимъ лицамъ. Въ 1607, 1627 и 1631 всякаго рода *банницѣи* и преслѣдованія православныхъ духовныхъ воспрещены. Въ 1623 г. всякаго рода дѣла касательно разницы исповѣданій повелѣно уничтожать.

Имѣнія греческихъ владыкъ, монастырей и церквей, также какъ и костеловъ и католическихъ монастырей, не должны были подлежать *алїенатъ*, т. е. переходу въ другія руки. Постановленія прежнихъ конституцій о томъ, что архіереи и архимандриты могутъ быть назначаемы только изъ дворянскаго сословія, а равно, что церковныя имѣнія не могутъ быть продаваемы безъ королевскаго соизволенія, оставались неотмѣненными и сохраняли свою силу и въ царствованіе Сигизмунда III.

Изъ этого мы видимъ, что законъ вообще ограждалъ свободу совѣсти и что іезуиты не могли опереться на законъ при своей неутомимой дѣятельности. Конечно, каждый законъ всегда

и вездѣ могъ быть обойденъ; милости королевскія, при раздачѣ староствъ и должностей, могли миновать кальвинистовъ и православныхъ, что вполнѣ согласовалось съ грознымъ посланіемъ Сигизмунда III послѣ брестской уніи 1596 г., коимъ противники уніи признавались мятежниками; не менѣе того нельзя не признать за іезуитами большаго умѣнья и такта въ дѣлѣ совращенія какъ изъ православія, такъ и кальвинизма. Какъ же велики были успѣхи іезуитовъ, видно уже изъ книги *Плачъ восточной церкви*, 1610 г., Мелетія Смотрицкаго, который сѣтуетъ на совращеніе изъ православія многихъ родовъ, въ томъ числѣ большей части бѣлорусскихъ, какъ напр. князей Олельковичей-Слуцкихъ, Соломерецкихъ, Головчинскихъ, Масальскихъ, Горскихъ, Соколинскихъ, Лукомскихъ, Пузыновъ, Сапѣговъ, а равно бояръ и вельможъ Ходкевичей, Глѣбовичей, Тышкевичей, Кишковъ, Войновъ, Воловичей, Деспотовъ-Зеновичей, Корсаковъ и мн. др.

Раньше другихъ принялъ католичество князь Юрій Юрьевичъ Олельковичъ - Слуцкій, женившійся на дочери Станислава Тенчинскаго, воеводы Краковскаго, Екатеринѣ. Знаменитый Левъ Сапѣга еще въ юности изъ православія перешелъ въ кальвинизмъ, а теперь былъ уже католикомъ и основателемъ 70 костеловъ, изъ коихъ большая часть въ Бѣлоруссіи. Важнымъ пріобрѣтеніемъ также было совращеніе Ивана Глѣбовича, воеводы трокскаго (бѣлорусса), Петра Веселовскаго, Тышкевичей и многихъ другихъ.

Главная задача іезуитовъ состояла въ томъ, чтобы обратить въ католицизмъ все дворянское сословіе. На мѣщанъ и крестьянъ они не обращали вниманія. По тогдашнимъ понятіямъ политическая сторона не требовала этого; но въ догматическомъ отношеніи важно было только то, чтобы народъ греческой вѣры признавалъ папу главою церкви. Съ этою цѣлію и придумана была *унія*, какъ переходное состояніе. Іезуиты много согрѣшили передъ Польшей. Ежели бы они постарались обращать народъ хотя постепенно прямо въ латинство, то, въ теченіе двухъ слишкомъ столѣтій, они всю Бѣлоруссію сдѣлали бы польскою. Унія же принималась народомъ безсознательно, по приказанію владѣльцевъ. Обрядность, языкъ оставались прежніе и народъ не замѣчалъ даже или не понималъ основной перемѣны, именно въ признаніи главенства папы. Православное духовенство въ то время было такъ грубо и необразованно, что не могло вліять благотворно на сельское сословіе, не могло соперничать съ іезуитами и по отношенію къ высшимъ сословіямъ.

Мы не станемъ разсказывать исторіи уніи. Она хорошо извѣстна. Она легко привилась по деревнямъ и селамъ, какъ мы сказали, почти безсознательно. Но дѣятели по введенію уніи и конечно сами руководители уніатскихъ владыкъ, іезуиты, не надѣялись встрѣтить такого сильнаго отпора въ городахъ, особенно въ Полоцкѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Витебскѣ, вызвавшаго даже кровавыя столкновенія и потомъ возстаніе въ Витебскѣ противъ архіепископа Кунцевича, окончившееся его убіеніемъ.

По вызову гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, въ 1620 пріѣхалъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Θеофанъ. Онъ поставилъ митрополитомъ Іова Борецкаго, а Мелетія Смотрицкаго назначилъ архіепископомъ полоцкимъ. Смотрицкій, какъ ученый, какъ ревнитель православія, былъ уже извѣстенъ, пользовался большимъ довѣріемъ и уваженіемъ у православныхъ. Прежде онъ жилъ въ Минскѣ и здѣсь боролся всѣми силами противъ уніи и былъ руководителемъ народа. Когда онъ пріѣхалъ въ Полоцкъ, уже какъ архіепископъ, понятно, къ нему обратились всѣ православные, какъ къ своему защитнику и покровителю. Кунцевичъ находился временно въ Варшавѣ, и Смотрицкій безпрепятственно посѣтилъ главные города своей епархіи, Витебскъ, Оршу, Могилевъ, Мстиславль и другіе, вездѣ возбуждая народъ крѣпко держаться своей вѣры. Когда (12 ноября 1623 г.) Кунцевичъ былъ убитъ въ Витебскѣ, сильное подозрѣніе въ подговорѣ къ возстанію и убійству Кунцевича пало на Смотрицкаго. Онъ принужденъ былъ бѣжать и нашелъ убѣжище въ Константинополѣ у патріарха Кирилла Лукариса, котораго онъ зналъ еще въ юности. Проживъ здѣсь четыре года, онъ возвратился на родину и, къ удивленію всѣхъ, принялъ унію. Въ 1629 г. участвовалъ въ уніатскомъ соборѣ во Львовѣ

и здѣсь заявилъ себя сильнѣйшимъ поборникомъ уніи. Его примѣръ, его громкая извѣстность какъ ученаго, его краснорѣчіе, понятно, много помогли дѣлу уніи. Смотрицкій умеръ въ 1633 году въ званіи архіепископа прополитанскаго, коимъ былъ пожалованъ папою Урбаномъ VIII, и архимандрита Дерманьскаго монастыря, одного изъ богатѣйшихъ въ то время.

Съ переходомъ большинства знаменитѣйшихъ вельможъ въ Бѣлоруссіи прямо въ католичество, со смертію, или еще прежде, съ отреченіемъ отъ православія главнаго борца, Смотрицкаго, дѣло уніи не встрѣчало уже препятствій къ распространенію по всему краю.

Замѣчательно то, что унія весьма мало коснулась такъ называемаго Пинско-мозырскаго полѣсья, древней Туровской области, какъ будто не проходимыя болота, лѣса и трущобы воспрепятствовали ея распространенію. Близъ Брагина обращенъ былъ православный Селецкій монастырь въ базиліанскій — но успѣхи его были не велики. Не было даже прихода уніатскаго. То же самое было въ Давидъ-городкѣ, Туровѣ, Любчѣ, Лоевѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Янъ-Казиміръ отрекается на сеймѣ отъ престола.

Но Пинско-мозырьское полѣсье составляло только исключеніе. По всему остальному пространству Бѣлоруссіи раскинулась сѣть католическихъ и уніатскихъ (базиліанскихъ) монастырей, великолѣпныхъ костеловъ и многія сотни католическаго бѣлаго и монашествующаго духовенства. При большинствѣ монастырей заведены были второстепенныя училища, высшими же считались іезуитскіе коллегіумы въ Полоцкѣ, въ Оршѣ, въ Витебскѣ, въ Динабургѣ и въ другихъ городахъ. Іезуиты стояли въ авангардѣ; бернардины, доминиканцы, кармелиты и др. были пособниками въ общемъ дѣлѣ. Базиліане играли важную роль — они предались всецѣло воспитанію юношества; въ ихъ школы поступали не одни дворянскія, но мѣщанскія и купеческія дѣти. Базиліане были очень образованны и, въ отношеніи къ уніатамъ, играли такую же роль, какъ іезуиты въ отношеніи католиковъ. Духовенство уніатское, бѣлое, было бѣдно, грубо, необразованно. На него мало обращали даже вниманія — оно вѣдь служило только народу. Архіепископы и архіереи уніатскіе, большею частью изъ базиліанъ, или даже католиковъ, владѣли большими имѣніями и, когда основная идея уніи была осуществлена, немногіе думали и заботились о своихъ паствахъ. Въ духовныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ весьма часты были примѣры перехода въ католичество и изъ народа. Монастыри, надобно имъ отдать справедливость, служили пріютами для сиротъ и вообще бѣдныхъ. Ихъ учили, одѣвали, кормили, и изъ нихъ многіе выходили потомъ въ люди. Вотъ почему, когда первая буря миновала, когда страсти поулеглись, когда не стало такихъ борцовъ какъ Смотрицкій, Зизаній и др., католическіе монастыри пользовались уваженіемъ народа. Православіе, конечно въ меньшинствѣ, держалось еще въ большихъ городахъ. Сохранились и братства у православныхъ, но были брат-

ства также у католиковъ и у уніатовъ. Братства послѣднихъ тоже много содѣйствовали къ утвержденію какъ латинства, такъ и уніатства въ странѣ.

Владиславъ IV утвердилъ даже для православныхъ особаго епископа, Іосифа Бобрикевича, коего каѳедра была въ Могилевѣ. Но для него борьба была немыслима. Дѣло уже было совершено.

Отношенія уніатскаго духовенства къ католическому всегда были натянуты, принужденны и не разъ обнаруживали скрываемое злорадство. Уніатское духовенство, какъ по своей бѣдности, такъ еще болѣе по необразованности, было въ пренебреженіи. Сами базиліане, пользовавшіеся большимъ почетомъ, свысока и даже презрительно смотрѣли на сельское уніатское духовенство. Наконецъ владыки уніатовъ никогда не могли забыть, что ихъ лишали сенаторскаго кресла, хотя это было имъ торжественно обѣщано Сигизмундомъ III.

VI.

Иначе подѣйствовала унія на южныя области, особенно въ царствованіе Іоанна Казиміра. Она вызвала тамъ продолжительныя смуты, имѣвшія гибельныя для Польши послѣдствія. Когда возсталъ Хмельницкій и вожди его Небаба, Напаличъ и Хвесько вступили съ 20,000 войска въ предѣлы Бѣлоруссіи, чтобы взволновать ее, то Гомель, Лоевъ, Брагинъ добровольно отворили имъ свои ворота. Потомъ, когда в. гетманъ Радзивиллъ разбилъ ихъ на берегахъ Припети, жители Пинска пріютили у себя многихъ казаковъ и отказались выдать ихъ. За это Пинскъ былъ взятъ, разграбленъ и большая часть жителей погибла (1648). Затѣмъ произошли народныя волненія въ Слуцкѣ, Быховѣ, Могилевѣ, Рѣчицѣ, Мозырѣ, Бобруйскѣ. Но казаки не имѣли успѣха и бѣлорусскія возстанія были усмирены, а города съ окрестностями страшно разорены. Особенно пострадали Рѣчица, Мозырь и Бобруйскъ. Жители послѣдняго, получивъ отъ великаго гетмана обѣщаніе всеобщей амнистіи, рѣшились на выдачу казаковъ и зачинщиковъ возстанія — но послѣдніе сами подожгли свои жилища и всѣ до единаго погибли въ пламени.

Въ 1654 войска Алексѣя Михайловича вступили въ Бѣлоруссію. Взяли Витебскъ, Полоцкъ, Быховъ, Оршу, Шкловъ, Могилевъ, Гомель, Мстиславль, Мозырь, Рѣчицу, Невель. Князь Трубецкой, командовавшій подъ Мстиславлемъ, истребилъ почти всѣхъ жителей, такъ что долго послѣ того уцѣлѣвшихъ жителей Мстиславля называли *недосѣками*. Вел. гетманъ Радзивиллъ разбилъ Черкасскаго подъ Шкловомъ, но кн. Трубецкой нанесъ ему страшное пораженіе подъ Рогачевомъ.

Въ томъ же году Радзивиллъ былъ опять разбитъ на берегахъ Березины, и тогда Минскъ, Пинскъ, Витебскъ и другіе города достались побѣдителю почти безъ боя. Потомъ, подъ конецъ года, князь Черкасскій нанесъ пораженіе королевскимъ войскамъ при Чериковѣ, въ іюнѣ же 1655 года гетманъ Михаилъ Пацъ встрѣтился съ Черкасскимъ въ Могилевѣ. Произошла ожесточенная битва, продолжавшаяся цѣлый день; побѣда клонилась на сторону Черкасскаго, располагавшаго большими силами; но на слѣдующее утро выступили на валы жители Могилева съ городскими пушками, убили самого Черкасскаго и прогнали его войско.

Въ 1659 гетманъ Чарнецкій разбилъ сильную рать Хованскаго подъ Полоцкомъ и положилъ на мѣстѣ 15,000. Успѣхи оружія Чарнецкаго и другихъ вождей Іоанна Казиміра, наконецъ грабежи московскихъ войскъ, заставили возстать жителей Могилева. Въ 1662 г., 1 февраля, колокольный звонъ былъ сигналомъ для общаго возстанія, и весь московскій гарнизонъ былъ вырѣзанъ. Преданіе говоритъ, что спасся только одинъ человѣкъ. Въ слѣдующемъ году гетманъ Сапѣга разбилъ московское войско, осаждавшее Быховъ и Шкловъ.

Это были послѣдніе выдающіеся факты этой продолжительной и злосчастной войны, окончательно раззорившей несчастную Бѣлоруссію. Обѣ воюющія стороны сознали наконецъ необходимость мира. Переговоры тянулись долго, наконецъ, 30 января 1667 года, заключено было перемиріе на тринадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ въ Андрусовѣ, между Краснымъ и Мстиславлемъ. Вся Бѣлоруссія, а также Инфлянты, признанные уже собственностью Польши, по Оливскому договору 1660 года, остались за Польшею. Смоленскъ присоединенъ къ Россіи. Въ 1678 возобновлено было перемиріе еще на 13 лѣтъ. Велижъ и Себѣжъ, захваченные уже послѣ Андрусовскаго мира, также были возвращены Польшѣ.

Недолго отдыхала Бѣлоруссія. Война Карла XII съ Петромъ Великимъ, хотя отчасти, коснулась и ея. Спѣша въ Малороссію, Карлъ XII переправилъ свои войска чрезъ Березину при Головчинѣ и черезъ Днѣпръ при Могилевѣ. Петръ В. тревожилъ армію Карла XII, имѣлъ небольшія стычки, какъ, напр., при Добромъ, 28 августа 1708 г., и чтобы лишить непріятельское войско провіанта, жегъ окрестные города и села, такъ что Карлъ встрѣчалъ на пути однѣ развалины. 28 сентября 1708 произошла кровавая битва при деревнѣ Лѣсной, недалеко отъ Пропойска, въ Быховскомъ уѣздѣ, и Шведы были на голову разбиты.

То, къ чему стремились Василіи и Іоанны, Алексѣй Михайловичъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, Петръ I., за что пролито такъ много крови и несчастная Бѣлоруссія почти около двухъ столѣтій была постояннымъ театромъ военныхъ дѣйствій, совершилось при Екатеринѣ II. Борьба, начавшаяся еще въ XI ст. между сѣверо-западною и юго-западною Русью, окончилась присоединеніемъ обѣихъ половинъ къ Восточной Руси.

По первому раздѣлу Польши 25 іюля 1775 г. Бѣлоруссія, или земли лежащія между Западною Двиною, Днѣпромъ и Друтью, а также Литовская Лифляндія, или Инфлянты присоединены къ Россіи, а именно, воеводства: Полоцкое, Витебское, Мстиславльское и Инфлянтское.

По второму же раздѣлу Польши 27 марта 1793 г. отошли къ Россіи воеводства Минское и Новогрудское, изъ коихъ, а также части Брестскаго воеводства (Пинскій уѣздъ) 3 мая 1795 г. образована Минская губернія.

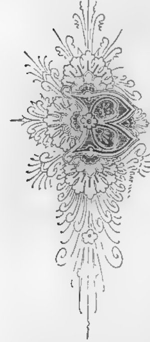
Въ 1772 г. октября 23 Бѣлоруссія, присоединенная по 1 раздѣлу, раздѣлена на двѣ губерніи: Псковскую и Могилевскую. Воеводства Полоцкое и Витебское, переименованныя въ провинціи и, Инфлянтское, переименованное въ Двинскую провинцію, присоединены къ Псковской губерніи; къ Могилевской губерніи отнесены земли Мстиславльская, Оршанская, Рогачевская и Могилевская. Первымъ генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ. Потомъ въ 1777, 22 марта, губерніи преобразованы въ Могилевскую и Полоцкую. Наконецъ 27 февраля 1802, вмѣсто Полоцкой, учреждена Витебская губернія.

Въ отношеніи духовнаго управленія, православное духовенство состояло изъ двухъ епархій: Могилевской и Псковской, потомъ Полоцкой и наконецъ Витебской. Бѣлорусскимъ архіереемъ былъ извѣстный Георгій Конискій. Полоцкимъ уніатскимъ епископомъ оставался Ясонъ Смогоржевскій. Послѣдній вскорѣ назначенъ былъ уніатскимъ митрополитомъ и переселился въ Варшаву. Спустя нѣкоторое время, уніатскимъ епископомъ въ Полоцкѣ Екатерина II назначила весьма достойнаго пастыря, Ираклія Лисовскаго, съ наименованіемъ его архіепископомъ бѣлорусскимъ, совершенно независимымъ отъ Смогоржевскаго. Католической епархіи не было въ Бѣлоруссіи; она, какъ мы уже знаемъ, входила въ составъ Виленской епархіи. Поэтому Екатерина II, 22 ноября 1773, учредила Бѣлорусскую католическую епархію, и первымъ епископомъ назначенъ былъ, съ утвержденія папы, Станиславъ Богушъ Сестрженцевичъ, съ резиденціею въ Могилевѣ. Въ январѣ 1782 года Сестрженцевичъ возведенъ былъ въ санъ могилевскаго архіепископа. Наконецъ Минской епархіи тоже не было. Она учреждена Екатериною II, въ 1798 году. Первымъ епископомъ назначенъ былъ Яковъ Дедерко, рукоположенный, по повелѣнію папы, нунціемъ графомъ Литтою 28 апрѣля 1798. Епархія его составилась изъ части Виленской епархіи и части Брестъ-Луцкой, къ которой принадлежалъ Пинскій уѣздъ.

Въ Бѣлоруссіи было много старостинскихъ имѣній. Екатерина II значительное число изъ нихъ раздала русскимъ сановникамъ, какъ напр. Потемкину, Чернышеву, Румянцеву, Зубову, Зоричу и мн. др. Какъ въ XVI и XVII столѣтіи іезуиты употребляли усилія, чтобы посредствомъ смѣшанныхъ браковъ бѣлорусскихъ вельможъ съ коренными польками, содѣйствовать ополяченію страны, такъ точно теперь Екатерина II, въ видахъ обрусѣнія края, покровительствовала брачнымъ союзамъ русскихъ вельможъ съ польками и поляковъ съ русскими. Примѣрами такихъ союзовъ могутъ служить кн. Четвертынскіе, гр. Браницкіе, Потоцкіе, Вельгорскіе, Соллогубы и др.

По свѣдѣніямъ 1774 года, православныхъ монастырей и церквей въ Бѣлоруссіи, присоединенной по первому раздѣлу, было 50; уніатскихъ монастырей (базиліановъ) 21, приходскихъ церквей 500; римско-католическихъ монастырей 24 и приходскихъ костеловъ 21, съ 6 благочинными (деканами). Число іезуитовъ простиралось въ то время до 200. У нихъ было шесть коллегій: въ Полоцкѣ, Оршѣ, Витебскѣ, Мстиславлѣ, Могилевѣ и Динабургѣ и, кромѣ того, много миссій и резиденцій. Извѣстно, что папа Климентъ XIV, изданнымъ имъ бреве 21 іюля 1773, уничтожилъ орденъ іезуитовъ. Бѣлорусскіе іезуиты, пользовавшіеся покровительствомъ Екатерины II, не послушались папскаго бреве и остались по прежнему іезуитами и въ Бѣлоруссіи.

VII.

Въ отечественную войну 1812 года, особенно во время бѣгства Французовъ, Бѣлоруссія была свидѣтельницею и участницею многихъ трагическихъ явленій. Бѣдствія полчищъ Наполеона достигли здѣсь крайнихъ предѣловъ. Но и разореніе края достигло тоже крайнихъ предѣловъ. Война 1812 года напомнила Бѣлоруссіи страшные, опустошительные годы временъ Іоанна Казимира, и долго, долго она не могла оправиться послѣ пережитыхъ невзгодъ, неистовствъ Французовъ, грабежей и всевозможныхъ насилій. Замѣчательно еще то, что по географическому положенію, во время войны съ Наполеономъ наиболѣе пострадали тѣ самыя мѣстности, которыя такъ много претерпѣли во время войны съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Французы съумѣли быть столь же дикими, кровожадными, такими же грабителями, какъ и полчища Трубецкаго и нѣкоторыхъ другихъ вождей временъ Алексѣя Михайловича, или даже Петра Великаго, когда на значительныхъ пространствахъ сожигались до тла деревни, хлѣбъ, скотъ, все жилое и все съѣстное, лишь бы не досталось непріятелю. Непріятелю точно ничего не оставалось, но и тысячи несчастныхъ жителей оставались безъ пищи, безъ пріюта и безъ всякихъ средствъ къ жизни.

6 іюля 1812 г. Французы, подъ начальствомъ барона Кольберта, заняли Оршу и захватили большіе запасы, которыхъ русскіе не успѣли истребить. 8 іюля маршалъ Даву занялъ Могилевъ и тоже захватилъ значительные хлѣбные магазины. Графъ Толстой, второпяхъ оставляя Могилевъ, хотя и выѣхалъ изъ него послѣднимъ, неуспѣлъ выпроводить даже своего малолѣтняго сына, находившагося у священника подъ чужимъ именемъ. 10 іюля, въ десяти верстахъ отъ Могилева, между деревнями Солтановкою и Фатавою произошло сраженіе. Генералы Раевскій и Паскевичъ принуждены были отступить къ мѣстечку Дашкову. Не менѣе того, по реляціямъ Французовъ, пало до 4000. 30 іюля Французы двинулись къ Смоленску, а въ Могилевъ вступилъ отдѣлъ корпуса князя Іосифа Понятовскаго. Генералъ Домбровскій охранялъ Могилевъ, Минскъ и сообщеніе между ними. Шкловъ былъ тоже занятъ Французами, и отсюда поддерживалось постоянное сообщеніе съ Оршею и Могилевомъ.

11 іюля вице-король Евгеній Богарне занялъ мѣстечко Бѣшенковичи на лѣвомъ берегу Двины. 12-го же прибылъ и самъ Наполеонъ съ Мюратомъ. Отсюда Наполеонъ отправился къ

мѣстечку Островну, куда двинулись силы Мюрата, а принцъ Евгеній направился къ Витебску.

14 іюля занятъ былъ Полоцкъ маршаломъ Удино, а когда онъ былъ раненъ въ сраженіи, его мѣсто занялъ маршалъ Сенъ-Сиръ. Полоцкіе іезуиты въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ продовольствовали весь штабъ Удино, а потомъ Сенъ-Сира.

Передъ вступленіемъ Французовъ въ Витебскъ, произошла стычка на правомъ берегу Лучесы; Французы много потеряли: два генерала умерли отъ ранъ, убито 100 офицеровъ; не менѣе того фельдмаршалъ Барклай де Толли со всѣми войсками отступилъ къ Смоленску, мѣстныя власти, духовенство, купцы бѣжали въ Невель, а на слѣдующій день, 16 іюля, Французы вступили въ городъ. Въ этотъ же день торжественно въѣхалъ въ городъ Наполеонъ, окруженный маршалами и блестящею свитою. Сегюръ разсказываетъ, что вскорѣ по прибытіи въ Витебскъ Наполеонъ сказалъ: «Я здѣсь остановлюсь, ознакомлюсь съ мѣстностью, соединю корпуса моей арміи, дамъ ей отдохнуть *и устрою Польшу.*» Эта послѣдняя фраза разошлась по всему краю, ее повторяли во всѣхъ слояхъ общества, она сулила возстановленіе Польши въ древнихъ границахъ. Наполеону вѣрили, и все дворянство спѣшило жертвовать ему всѣмъ. Такъ понята была фраза «устрою Польшу», и не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ, произнося ее, имѣлъ въ виду эксплоатацію Польши, т. е. — изъ населявшихъ Бѣлоруссію Поляковъ извлечь наиболѣе пользы, сдѣлать изъ нихъ слѣпыхъ исполнителей своей воли. Такъ онъ и сдѣлалъ. Дворянство всецѣло предалось ему. — Не только дворяне, но и всѣ вообще жители Витебска и другихъ городовъ обязаны были принять присягу на вѣрноподданство императору Французовъ. Исполнившій присягу получалъ цвѣтную кокарду, которую обязанъ былъ носить на рукавѣ. У кого не было такой кокарды, тотъ подвергался всяческимъ оскорбленіямъ и побоямъ отъ солдатъ.

Наполеонъ 16 дней пробылъ въ Витебскѣ. Онъ оставилъ Витебскъ, укрѣпленный баррикадами, построенными по его же указаніямъ. Ихъ ставили поперекъ улицъ изъ высокаго остроконечнаго частокола, съ насыпнымъ землянымъ валомъ впереди. Даже храмы обращены были въ крѣпостцы: изъ окошекъ подѣлали амбразуры и въ нихъ ставили орудія.

Въ это самое время вице-король Евгеній находился въ Суражѣ, гдѣ была главная квартира его корпуса, занявшаго Велижъ, Порѣчье, Усвятъ и др.

Наполеонъ еще былъ въ Витебскѣ, какъ уже въ арміи чувствовался недостатокъ въ продовольствіи, слышался ропотъ, дисциплина была поколеблена, грабежи, поруганія храмовъ, всякаго рода насилія оставались безнаказанными. Мародеры и фуражиры разъѣзжали по деревнямъ, усадьбамъ и господскимъ домамъ. Кто былъ лично извѣстенъ высшимъ вождямъ или самому Наполеону, тотъ получалъ охранный листъ и залогъ изъ нѣсколькихъ солдатъ. Но при отступленіи и охранные листы не помогали.

Мародеры и фуражиры забирали все съѣстное, вино, деньги. Они не довольствовались тѣмъ, что имъ предлагали сами хозяева, но производили формальные обыски, разбивали сундуки, комоды, шкафы, распарывали тюфяки, подушки, поднимали полы, ломали стѣны, если по звуку догадывались, что тамъ могло быть что нибудь замуровано, потомъ нападали на амбары, кладовыя, погреба и забирали все, что только попадалось подъ руку, забирали лошадей, скотъ, даже и птицъ.

Безпрестанные переходы войскъ, непомѣрныя требованія, своеволіе квартирующихъ солдатъ, грабежи мародеровъ довели до послѣдней крайности жителей. Фактъ, подтверждаемый очевидцами, что много было случаевъ, когда полдеревни вымирало съ голоду. Очевидцы разсказываютъ слѣдующій не лишенный значенія анекдотъ. Какой-то польскій генералъ, квартировавшій въ Могилевѣ, проходя мимо огорода, замѣтилъ старуху, которая, согнувшись, тщательно чего-то искала. Генералъ спросилъ ее, чего она тамъ ищетъ? — Та отвѣчала, что ищетъ, неосталось ли хоть чего нибудь изъ овощей послѣ грабежа Французовъ. Тогда генералъ спросилъ,

помнитъ ли она такое тяжелое время для жителей? — А какъ же, отвѣчала старуха, помню, было такое время, когда налетѣвшая саранча все истребила, да тогда наступили морозы и саранча погибла.

Всѣ упомянутыя нами мѣстности до самой осени были заняты Французами. Во время отступленія Полоцкъ былъ первый отнятъ графомъ Витгенштейномъ. 6 октября началось страшное, памятное въ лѣтописяхъ сраженіе. Въ три часа ночи съ 7 на 8 октября двѣнадцатая дружина С.-Петербургскаго ополченія, подъ начальствомъ полковника Николева, первая ворвалась въ Полоцкъ; за нею другія войска. Улицы были завалены трупами, дома горѣли, и среди всего этого начался ужаснѣйшій рукопашный бой. 8 октября Полоцкъ былъ совершенно очищенъ отъ Французовъ, а 9 числа въ церкви св. Софіи уже служили благодарственный молебенъ. Полоцкъ былъ въ развалинахъ. Нужда была такъ велика, что, какъ передаютъ современники, во время занятія Полоцка Французами, однихъ Евреевъ умерло болѣе двухъ тысячъ почти съ голоду.

Рано утромъ, 26 октября, отрядъ гр. Витгенштейна приблизился къ Витебску. Французы сняли верхній помостъ на мосту на Двинѣ и подожгли перекладины. Тогда охотники - ополченцы бросились подъ перекрестнымъ огнемъ на мостъ, потушили огонь, пробѣжали по перекладинамъ, отняли орудія, проникли въ городъ и здѣсь начали кровавый бой. Сопротивленіе было непродолжительно. Французы бѣжали. Губернаторъ Витебска генералъ Паже и комендантъ Шеаре взяты въ плѣнъ. Провіантскій магазинъ съ большимъ количествомъ провіанта и фуража достался побѣдителямъ. Бѣшенковичи отняты 20 октября такъ же отрядомъ гр. Витгенштейна, поспѣшившимъ изъ Чашникъ, взятыхъ наканунѣ княземъ Яшвилемъ. Гр. Витгенштейнъ укрѣпился въ Чашникахъ и оставался здѣсь до 10 ноября.

Въ ноябрѣ, послѣ сраженія подъ Краснымъ, Ляды, Дубровна, Толочинъ играли видную роль. Въ Лядахъ была главная квартира Наполеона. Когда Мортье былъ отброшенъ за Ляды, Наполеонъ очутился между нимъ и непріятелемъ. Въ Дубровнѣ, Оршѣ и Толочинѣ были главные провіантскіе магазины Французовъ. Наполеонъ изъ Лядъ отправился въ Дубровну, имѣніе князя Любомирскаго. Отсюда въ Теолинъ, имѣніе графа Феликса Струтынскаго, предсѣдателя I-го Департамента въ Могилевѣ (т. е. Гражданской Палаты), а въ то время подпрефекта Наполеона. По выступленіи изъ Дубровны, въ трескучій морозъ, по глубокому снѣгу, Наполеонъ нѣкоторое время шелъ пѣшкомъ, опираясь на палку, окруженный остатками старой гвардіи, и говорилъ имъ рѣчь, стараясь внушить, что среди всеобщей неурядицы въ арміи отъ нихъ зависитъ ея спасеніе.

7 ноября Наполеонъ прибылъ въ Оршу. Между тѣмъ и графъ Платовъ съ своими казаками приблизился къ Оршѣ. Тогда Наполеонъ сжегъ нѣкоторыя свои бумаги и 60 понтоновъ со всѣми къ нимъ принадлежностями и отправился въ Толочинъ, гдѣ у него происходили совѣщанія съ генераломъ Додомъ, знавшимъ теченіе Березины и совѣтовавшимъ идти на Лепель, Глубокое, къ Вильнѣ, ибо Борисовъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, былъ уже занятъ Русскими.

Въ то время, когда происходили эти совѣщанія, русскія войска постоянно изгоняли Французовъ изъ занимаемыхъ ими городовъ. Такъ, 12 ноября, генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій успѣлъ захватить Могилевъ, гдѣ Французы собирались уже поджечь городъ. Ожаровскій нашелъ значительный магазинъ съ 34,000 кулей. Въ то же время генералъ баронъ Винценгероде занялъ Суражъ. Французы, уходя, затопили въ Двинѣ шесть пушекъ, но жители успѣли ихъ вытащить. Когда Наполеонъ оставилъ Толочинъ и 12 ноября прибылъ въ Борисовъ, узнавъ, что Удино успѣлъ занять этотъ городъ, генералъ Карповъ того же числа занялъ Толочинъ, захвативъ 600 человѣкъ плѣнныхъ.

Поляки въ Бѣлоруссіи, увлеченные примѣромъ царства Польскаго и Литвы, увѣровавшіе въ геній и могущество Наполеона, послѣ взятія Полоцка и другихъ городовъ, когда увидѣли, что этотъ геній побѣжденъ, что всѣ ихъ надежды рушились, боясь наказанія, рѣшились спасаться

бѣгствомъ, или слѣдовать за остатками разбитой арміи. Тогда Кутузовъ 9 ноября, въ мѣстечкѣ Ланникахъ, издалъ слѣдующій приказъ по войскамъ:

«Вступая съ арміею въ Бѣлоруссію, въ тотъ край, гдѣ, при нашествіи непріятеля, нѣкоторые изъ неблагонамѣренныхъ, пользуясь бывшими замѣшательствами, старались разными лживыми увѣреніями ввести въ заблужденіе мирныхъ поселянъ и отклонить ихъ отъ священныхъ и присягою запечатлѣнныхъ обязанностей законному ихъ Государю, я нахожу нужнымъ всѣмъ арміямъ, мною предводительствуемымъ, строжайше воспретить всякій духъ мщенія и нареканія въ чемъ либо жителямъ бѣлорусскимъ, тѣмъ паче причиненія имъ обидъ и притѣсненій. Напротивъ, да встрѣтятъ они отъ насъ, яко соотчичи и подданные всемилостивѣйшаго Государя нашего, братьевъ, защитниковъ отъ общаго врага и утѣшителей во всемъ томъ, что они потеряли въ краткую бытность подъ игомъ чуждой и насильственной власти, и съ пришествіемъ нашимъ да водворится между ними тишина и спокойствіе!»

«Обывателямъ же бѣлорусскимъ объявляется — отнюдь не дѣлать непріятелю никакихъ пособій ни прямымъ, ни посторонвимъ образомъ, не способствовать ему извѣстіями, и кто отъ сего времени въ противность сему поступитъ, сужденъ будетъ и казнь получитъ по военнымъ законамъ. Добрымъ же поведеніемъ и послушаніемъ сему приказу моему могутъ загладить и тѣ впечатлѣнія, которыя нѣкоторые изъ нихъ поступками своими о себѣ подали.» (Отеч. война 1812 г. А. Н. Попова, Рус. Стар. 1877).

Приказъ этотъ объявленъ былъ не только по войскамъ, но и всѣмъ жителямъ Бѣлоруссіи. Императоръ Александръ собственноручнымъ письмомъ отъ 19 ноября благодарилъ фельдмаршала за этотъ приказъ. Этотъ приказъ имѣлъ громадное значеніе для края и отвратилъ много печальныхъ послѣдствій, а затѣмъ манифестъ 12 декабря 1812 г. въ Вильнѣ, изрекшій *забвеніе прошлаго, всеобщее прощеніе,* возвратилъ на родину всѣхъ удалившихся, пріостановилъ дальнѣйшее слѣдованіе нѣкоторыхъ за погибавшею арміею, главное же—предотвратилъ эмиграцію, всегда и вездѣ столь пагубную для государства.

4 ноября гр. Ламбертъ занялъ Минскъ, истребивъ защищавшій этотъ городъ отрядъ Козецкаго, состоявшій изъ 5000 человѣкъ, изъ коихъ 4 тысячи съ 63 офицерами взято въ плѣнъ. Въ Минскѣ нашли большіе запасы продовольствія. Еще прежде графъ Ламбертъ занялъ Несвижъ и Ново-Сверженъ, а отрядъ О'Рурка взялъ Миръ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ находились отряды, посланные губернаторомъ Минска, по назначенію Наполеона, Брониковскимъ. Несвижъ принадлежалъ князю Доминику Радзивиллу, который, на свой счетъ, поставилъ цѣлый полкъ Наполеону. Полкъ этотъ почти весь былъ истребленъ. Адмиралъ Чичаговъ доносилъ Императору, что уцѣлѣвшихъ воиновъ князь Радзивиллъ отправилъ въ Несвижъ, съ обозомъ изъ пятидесяти возовъ съ награбленною въ Москвѣ добычею. Обозъ этотъ попалъ въ руки Русскихъ. Адмиралъ Чичаговъ присовокупляетъ въ своемъ донесеніи, «что князь Радзивиллъ позволилъ себѣ по этому случаю оскорбительные для русскихъ войскъ намеки. За это, пишетъ Чичаговъ, я позволилъ порыться въ подвалахъ его дома. Тамъ нашли сокровища: жемчугъ, брилліанты и т. д. Я увезъ все, что могъ; это будетъ сложено въ Бобруйскѣ или другомъ мѣстѣ, и Вы изволите рѣшить, что съ этимъ дѣлать. Я не видалъ, но говорятъ, есть вещи достойныя музеевъ. Все оцѣниваютъ болѣе, нежели на милліонъ рублей». *(Поповъ).*

Сокровища, накопленныя Радзивиллами въ Несвижѣ цѣлыми столѣтіями, цѣнились не на одинъ милліонъ рублей. Тамъ были предметы искусствъ, древности, достопамятности. Любопытно, куда все это дѣвалось? Но адмиралъ Чичаговъ не упоминаетъ, что при этомъ даже фамильный склепъ Радзивилловъ не былъ пощаженъ, кости выброшены изъ гробницъ и многія гробницы разрушены.

Очевидцы, сами же французскіе писатели, рисуютъ страшную картину ужасовъ, какую представляло отступленіе великой арміи. Вся дорога отъ Краснаго до Орши, и отъ Орши до Борисова, покрыта была изломанными повозками, зарядными ящиками, брошенными орудіями и

ружьями, мертвыми лошадьми, убитыми или умершими отъ голода и ранъ и замерзшими непріятелями. Въ мѣстахъ, гдѣ происходили сраженія, среди труповъ, много было раненыхъ умирающихъ, вокругъ которыхъ бродили толпами или порознь оборванные, обросшіе бородами, полузамерзшіе, закоптѣлые отъ дыма бивуачныхъ костровъ, бросившіе оружіе несчастные воины. Вмѣсто стройныхъ колоннъ, за Наполеономъ двигались толпы какихъ-то привидѣній, покрытыхъ рубищами, въ женскихъ шубахъ, окутанныхъ клочками ковровъ, грязными и прожженными шинелями, съ ногами, обвитыми всевозможнымъ тряпьемъ. Въ такомъ именно видѣ представилъ Французовъ очевидецъ, талантливый минскій живописецъ Дамель.

Нѣтъ возможности въ краткомъ очеркѣ передать все то, что пишутъ и что передавали намъ очевидцы этого страшнаго, бѣдственнаго отступленія.

Мы не станемъ повторять подробностей переправы Наполеоновскихъ войскъ черезъ Березину при деревнѣ Студзіонкѣ подъ Борисовомъ. Онѣ хорошо извѣстны, принадлежа къ замѣчательнѣйшимъ страницамъ исторіи 1812 года. Здѣсь-то именно могъ быть захваченъ самъ Наполеонъ съ своими вождями и остатками великой арміи. Но геній Наполеона еще разъ восторжествовалъ, а оплошность, самонадѣянность, нераспорядительность адмирала Чичагова дозволили ему совершить великій подвигъ и лишить Россію возможности, еще въ своихъ предѣлахъ, положить конецъ самовластію и властолюбію поработителя царствъ и народовъ. Недаромъ писалъ Кутузовъ по этому случаю къ своей супругѣ: «баринъ ушелъ, и Чичаговъ будетъ причиною, если еще много прольется крови».

8 ноября графъ Ламбертъ занялъ Жодинъ. Узнавъ отъ плѣнныхъ, что генералъ Домбровскій спѣшитъ къ Борисову, гр. Ламбертъ ночью пошелъ къ нему на встрѣчу. Между тѣмъ Домбровскій уже занялъ укрѣпленія. Когда подошелъ гр. Ламбертъ, началось сраженіе. Домбровскій былъ разбитъ и прогнанъ, но гр. Ламбертъ раненъ въ ногу и долженъ былъ оставить командованіе отрядомъ. На другой день, т. е. 10-го прибылъ въ Борисовъ адмиралъ Чичаговъ. Здѣсь начинается рядъ страшныхъ ошибокъ, упущеній, недоразумѣній со стороны Чичагова. Мы повторять ихъ не станемъ. Онѣ очевидны изъ прекраснаго послѣдняго труда А. Н. Попова. 11 ноября маршалъ Удино съ своимъ корпусомъ приблизился къ Борисову. Никакихъ мѣръ для обороны принято не было. Заслышавъ о приближеніи непріятеля, адмиралъ приказалъ отступить войскамъ за Березину, а за ними послѣдовалъ и самъ. Завязалась битва. Войска адмирала потерпѣли полное пораженіе, потеряли много плѣнными, много обозовъ, экипажей, всю канцелярію и даже фургонъ съ серебромъ адмирала. Удино занялъ Борисовъ, но князь Щербатовъ, отступая, успѣлъ сжечь мостъ на Березинѣ. Разбитый Чичаговъ, въ ожиданіи подкрѣпленій войсками гр. Витгенштейна, Платова, Ермолова и Милорадовича, владѣлъ правымъ берегомъ Березины, господствующимъ надъ лѣвымъ.

Удино, занявъ Борисовъ, тотчасъ распорядился объ устройствѣ переправы, но не въ Борисовѣ, а при деревнѣ Студзіонкѣ, а дабы ввести въ заблужденіе Чичагова, велѣлъ дѣлать большія приготовленія къ наведенію моста передъ Борисовомъ. Успокоенный этимъ Чичаговъ продолжалъ наблюдать за приготовленіями и не думая разузнать, что дѣлается въ окрестныхъ мѣстахъ по берегу Березины.

12 ноября, какъ уже мы сказали, въ Борисовъ прибылъ самъ Наполеонъ съ гвардіею — и узнавъ въ чемъ дѣло, велѣлъ еще усилить мнимыя приготовленія, что окончательно убѣдило Чичагова въ намѣреніи непріятеля переправиться подъ Борисовомъ.

Между тѣмъ Наполеонъ поспѣшилъ въ Студзіонку, самъ руководилъ работами, слѣдилъ за ихъ исполненіемъ, поощрялъ и днемъ и ночью не сходилъ съ мѣста. Его одно присутствіе побѣждало, казалось, неотвратимыя препятствія. Строились одновременно два моста, въ разстояніи 80 саженъ одинъ отъ другаго, длиною въ 35 саженъ. 14 ноября одинъ мостъ былъ уже готовъ, и Наполеонъ при себѣ переправилъ по немъ корпусъ Удино. Послѣдній отбросилъ передовые отряды генерала Чаплица и самъ занялъ весьма выгодную позицію. Въ тотъ же

день оконченъ былъ къ вечеру второй мостъ, и затѣмъ переправа продолжалась безостановочно, несмотря на тѣсноту, давку и безпорядки, которыхъ отвратить не было никакой возможности. Много при этомъ погибло людей. Когда пришла очередь переправы обозовъ, при коихъ было не мало экипажей съ женами и дѣтьми разныхъ чиновъ, слѣдовавшихъ за арміею, никакого порядка и послѣдовательности не было, да и быть не могло. Отъ чрезмѣрнаго накопленія экипажей, фургоновъ съ тяжестями, мосты разрушались и люди гибли.

А Чичаговъ все стоялъ на правомъ берегу Березины подъ Борисовомъ и, вдавшись въ обманъ, съ любопытствомъ слѣдилъ за мнимыми приготовленіями. Наконецъ гр. Ламбертъ, генералъ Чаплицъ и др. даютъ ему знать, что переправа въ Студзіонкѣ совершается, что войска направляются къ Зембину.

Не смотря на это, Чичаговъ не только далъ возможность Французамъ устроить мосты и переправиться, но не воспрепятствовалъ имъ даже свободно слѣдовать къ Зембину, гдѣ путь былъ совершенно открытый и гдѣ даже плотины и мосты не были уничтожены. Простоявъ столько времени понапрасну подъ Борисовомъ, онъ отправился безъ всякой обдуманной цѣли къ Шабашевичамъ и едва 16 ноября рѣшился возвратиться и напасть на маршала Удино. Послѣдній былъ раненъ. Мѣсто его заступилъ Ней. Наполеонъ лично присутствовалъ во время сраженія. Въ то же время Витгенштейнъ пришелъ отъ Стараго Быхова и напалъ на маршала Виктора. Рѣшительной побѣды не было, но Наполеонъ достигъ своей цѣли: онъ переправился на другую сторону Березины и обезпечилъ себѣ путь къ бѣгству. Не менѣе того, какъ говоритъ французскій писатель (m. Chambray): «При Березинѣ окончилась судьба великой арміи, заставлявшей трепетать Европу; она перестала существовать въ военномъ отношеніи, и ей не оставалось другаго способа для спасенія, какъ бѣгство».

Наполеонъ съ послѣдними своими силами бѣжалъ изъ Борисова и Студзіонки на Камень, Плещеницу, Хотаевиче, Нестановиче, Молодечну, Сморгоне, Вильно. Точно также за сто лѣтъ предъ тѣмъ, этимъ же путемъ спѣшилъ на свою погибель Карлъ XII!

О событіяхъ 1812 г. въ Литвѣ мы уже сказали при описаніи Литовскаго полѣсья.

Въ какомъ отчаянномъ положеніи находились Борисовъ и Студзіонка съ ихъ окрестностями послѣ отступленія Наполеона, оставилъ намъ вѣрное описаніе графъ Е. П. Тышкевичъ въ сочиненіи своемъ о Борисовскомъ уѣздѣ.

«Ужасный видъ представляла Студзіонка: деревня до основанія сожжена, жители разогнаны, поля залиты кровью, устланы трупами, тяжело ранеными, издающими дикіе звуки ропота, мольбы; морозъ трескучій выколачивалъ душу изъ полуобнаженныхъ тѣлъ. Вода въ Березинѣ поднялась до неимовѣрной высоты, потому что въ воду сбрасывали людей, лошадей, экипажи и т. п.» Не лучше было и съ Борисовомъ. И здѣсь большая часть города сгорѣла; улицы устланы трупами; въ каждомъ домѣ десятки раненыхъ всевозможныхъ народностей. Хуже всего было положеніе мародеровъ и другихъ плѣнныхъ. Положеніе ихъ было ужасно. Сострадянія къ нимъ не было. Были случаи, когда, согнанные въ овинъ, они сами поджигали солому и гибли въ пламени. Многіе изъ гражданскихъ чиновъ, состоявшихъ при войскахъ, ремесленники, даже солдаты сколько-нибудь образованные находили пріютъ по деревнямъ въ господскихъ домахъ. Нѣкоторые изъ нихъ были потомъ гувернерами, учителями, дослужились чиновъ и орденовъ.

Послѣ переправы Наполеона, мѣстныя власти распорядились объ очисткѣ поля, гдѣ происходило сраженіе, а также самой Березины, загроможденной экипажами, фургонами, лошадьми и т. п., обрушившимися во время переправы, особенно 16 ноября, когда отъ скопленія множества экипажей и людей произошла страшная давка, мостъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрушился, и Березина была затоплена принадлежностями обоза. Согнали людей почти съ цѣлаго уѣзда. Собраны тысячи труповъ на поляхъ Студзіонки, сотни павшихъ или убитыхъ лошадей. Всѣхъ ихъ зарыли вмѣстѣ въ нѣсколькихъ большихъ могилахъ. Изъ воды вытаскивали опрокинутыя кареты, а въ нихъ попадались трупы женщинъ и дѣтей. Много было найдено въ ка-

ретахъ, фургонахъ, ящикахъ — денегъ, драгоцѣнностей. Все это забирали крестьяне, развозили по господскимъ домамъ и продавали за безцѣнокъ. Золотые часы, цѣпочки, кольца, серебряные сосуды и несессеры продавались за нѣсколько копѣекъ. Желѣзныхъ разныхъ издѣлій собрано было столько, что въ господскихъ домахъ и у крестьянъ желѣза хватило для домашняго употребленія лѣтъ на двадцать. Находили много такихъ предметовъ, которые ужь никакъ не были подъ-стать военному времени, напр. мраморныя статуи, большія картины и т. п. Конечно, всѣ эти предметы были награблены. Еще до послѣдняго времени крестьяне, купаясь въ Березинѣ, находили разныя цѣнныя вещи; такъ, одинъ крестьянинъ нашелъ большой золотой крестъ съ цѣпью, вѣроятно *дистинкторіумъ* прелата или какого-нибудь каноника.

* * *

Дѣйствіе Литовскаго статута въ Бѣлоруссіи прекращено нѣсколькими годами ранѣе, чѣмъ въ Литвѣ и Малороссіи, именно въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Въ Минской губерніи замѣна статута русскими законами послѣдовала въ 1840 году. Права, дарованныя императоромъ Павломъ, уничтожены императоромъ Николаемъ I; въ 1831 г. упразднены: Литовскій трибуналъ, суды гродскіе и подкоморскіе, званія маршаловъ губернскихъ и уѣздныхъ, хорунжихъ, подкоморіевъ, коморниковъ, возныхъ и др. Присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ присвоены наименованія общерусскія. Русскій языкъ введенъ въ судопроизводство во всемъ краѣ.

Въ Бѣлоруссіи главнѣйшимъ образомъ совершился знаменательный фактъ возсоединенія уніатовъ. Уніатская церковь существовала въ Западныхъ губерніяхъ 243 года. Подробности о мѣрахъ, принятыхъ къ возсоединенію, разсказаны очевидцемъ и участникомъ въ дѣлѣ архіепископомъ минскимъ Антоніемъ въ статьѣ «О Греко-уніатской церкви въ Западномъ краѣ» (помѣщенной въ Рус. Вѣстн. 1864 г.). Приготовленія продолжались долго и начались съ введенія служебника московской печати. Вотъ что по этому случаю говоритъ архіепископъ Антоній: «Какъ не всѣ вдругъ приняли служебники московской печати, такъ не всѣ вдругъ дали и подписки о желаніи общаго возсоединенія съ православіемъ: это дѣло продолжалось два года, не считая времени предварительнаго приготовленія, начавшагося съ 1827 года и продолжавшагося во время раздачи московскихъ служебниковъ». Изъ семисотъ священниковъ Литовской епархіи (по числу приходовъ), говоритъ архіепископъ Антоній, «только четыре отказались дать подписки. Они были удалены изъ своихъ приходовъ».

Когда всѣ приготовленія были сдѣланы и подписки взяты, къ 12 февраля 1839 г. съѣхались въ Полоцкѣ всѣ бывшіе въ Россіи уніатскіе епископы съ главнѣйшимъ своимъ духовенствомъ и послѣ общаго совѣта, за подписью всѣхъ присутствовавшихъ на съѣздѣ, отъ лица всѣхъ уніатовъ, послали съ епископомъ Іосифомъ (потомъ литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко) просьбу къ Государю Императору, прося присоединить ихъ къ православной церкви. 25 марта того же года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ V.

УМСТВЕННЫЯ СИЛЫ И СРЕДСТВА ОБРАЗОВАНІЯ.

Проявленія народнаго творчества.—Пословицы и поговорки.—Школы въ Туровской епархіи.—Католическія, кальвинскія и православныя братскія школы.—Іезуитскіе коллегіумы.—Базиліанскія и другихъ орденовъ школы.—Типографіи въ Бѣлоруссіи.—Іезуиты при Екатеринѣ.—Вице-генералъ Черневичъ.—Іезуитскіе новиціаты.—Генералъ іезуитовъ Груберъ.—Павелъ I покровительствуетъ іезуитамъ.—Пій VII возстановляетъ іезуитовъ въ Россіи.—Ректора коллегіумовъ.—Трагическая кончина Грубера.—Генералъ іезуитовъ Бржозовскій.—Гр. Де-Местръ.—Основаніе Полоцкой Академіи.—Ея факультеты, библіотека, кабинеты, музей.—Великолѣпіе жилища іезуитовъ, ихъ гостепріимство.—Закрытіе Академіи и удаленіе іезуитовъ изъ Россіи.—Основаніе новыхъ школъ.—Кадетскіе корпуса въ Шкловѣ и Могилевѣ.—Учебное заведеніе для бѣдныхъ дѣвицъ въ Пипенбергѣ.—Горы-Горѣцкій Земледѣльческій Институтъ.—Вольное Экономическое Общество.—Школа въ Радковщизнѣ Монюшки.—Замѣчательные уроженцы Бѣлоруссіи.—Слово о полку Игоревѣ.—Св. Кириллъ Туровскій.—Туровское Евангеліе.—Лѣтопись Аврамка.—Лѣтописецъ Генрихъ Лотышъ.—Скорина.—Симеонъ Полоцкій.—Смотрицкій.—Поэты: Маньковскій, Марцинкевичъ, Верига, Сырокомля.—Сборники народныхъ пѣсенъ.—Польскіе и русскіе писатели о Бѣлоруссіи.—Польскіе поэты, писатели и артисты — Бѣлорусскіе уроженцы.—Настоящій составъ учебныхъ заведеній въ Минской губерніи.

«Теперь таковъ
У насъ обычай; отправляемъ
Мы молодежь въ столицу, тамъ
Ей средства всѣ предоставляемъ
Учиться,— и пріятно намъ,
Что наши сыновья и внуки,
Усвоивъ знанья всѣхъ вѣковъ,
Вникаютъ глубже стариковъ
Въ премудрость — въ книжныя науки.
Но — вижу я: науки нѣтъ
Одной совсѣмъ у нихъ; предметъ
Забытъ важнѣйшій: наши дѣти
Не узнаютъ, что значитъ — «свѣтъ»,
Какъ надо жить съ людьми на свѣтѣ.

МИЦКЕВИЧЪ.

Со времени присоединенія къ Литвѣ и ранѣе, при туземныхъ князьяхъ, не смотря на введеніе христіанства, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, никто не думалъ о развитіи умственныхъ силъ народа въ Бѣлорусскомъ краѣ. Не было школъ, не было никакихъ средствъ учиться, и грамотный крестьянинъ считался рѣдкостью. Школы стали заводиться для народа едва въ нынѣшнемъ столѣтіи, сначала въ городахъ и мѣстечкахъ и только въ послѣднее время по деревнямъ.

Народъ въ умственномъ отношеніи предоставленъ былъ самому себѣ. Никто его не направлялъ, никто ему не объяснялъ значенія великихъ и таинственныхъ силъ природы, природы полудикой, причудливой, поражающей своимъ величіемъ, своими фантастическими проявленіями, такъ сильно дѣйствующими на воображеніе необразованнаго человѣка.

А между тѣмъ въ этомъ народѣ испоконъ вѣка таилось много творческихъ силъ, воображеніе было живое, умъ отъ природы сосредоточенный, склонный къ гипотезамъ, къ неестественнымъ предположеніямъ, къ своеобразнымъ истолкованіямъ. Вотъ гдѣ надобно искать источника этой богатой фантазіи въ объясненіи разныхъ явленій природы, въ упорномъ сохраненіи древнихъ языческихъ обрядовъ.

Народное творчество проявлялось въ народныхъ пѣсняхъ, легендахъ, преданіяхъ, поговоркахъ, пословицахъ. Все это слагалось цѣлыми столѣтіями. Кто были эти поэты, эти разсказщики, никому не извѣстно, но ихъ произведенія живутъ въ устахъ народа и передаются изъ рода въ родъ. По этимъ пѣснямъ, по этимъ пословицамъ, поговоркамъ, можно-бы прослѣдить всю жизнь Бѣлорусса въ былое и настоящее время. Это исторія его быта, его вѣрованій, тяжкихъ испытаній, бѣдственной жизни и немногихъ радостей. Тяжелая трудовая жизнь выработала свои особыя воззрѣнія на людей и событія. Остроуміе и способность анализировать всего нагляднѣе выражаются въ пословицахъ и поговоркахъ. Однѣ заимствованы и общи съ другими славянскими народами; другія же самобытныя, несомнѣнно бѣлорусскаго происхожденія и ужъ отсюда перешедшія къ другимъ народамъ.

Продолжительный гнетъ древняго невольничества, а потомъ крѣпостной зависимости породилъ много типичныхъ поговорокъ, нелишенныхъ остроумія и своеобразныхъ философскихъ взглядовъ. «Кали ня вѣруць — не божися; кали бьюць — не прасися». Вотъ лучшая характеристика отношеній Бѣлорусса къ его владѣльцу. Это же отношеніе выражается въ другой пословицѣ: «кабы не паньски розумъ, а не нашая хитросць, пропалибъ». Въ случаѣ перемѣны владѣльца или управляющаго, Бѣлоруссъ говоритъ: «Чортъ безъ болота ня будзѣць, а болото безъ чорта».— Когда весною голодъ и нужда заставятъ продать послѣднюю одежду, а экономъ или и самъ помѣщикъ бранятъ за это, Бѣлоруссъ отвѣчаетъ: «якъ не даяси (не доѣшь), то и карету продаси».— По какому-то случаю помѣщикъ показывалъ мужику шелковую ткань, поясняя, что это *атласъ*. Мужикъ, будто не разслышавъ, отвѣчалъ: «ага, *ат насъ!*» — Отсюда и вышла пословица: «не атласъ, а атъ насъ». Несговорчивому говорятъ: «Попъ сваіо, чортъ сваіо, аддай маю малитву». Когда Бѣлоруссъ загуляетъ, онъ утѣшается: «па насъ (послѣ насъ), ня будзѣць насъ».—«Якъ пьянъ, такъ капитанъ; якъ прасыпицца, такъ и свиньи баицца».—Про слабаго характеромъ человѣка говорятъ: «Іонъ добры челавѣкъ: што укусиць, то зъѣсьць». Про неповоротливаго говорятъ: «ни сюды, ни туды, мае милые дуды» (дуда инструментъ, играя держать его неудобно и надобно для этого особенное умѣнье). Кто на все и со всякимъ соглашается, говорятъ: «Якъ дуды надмешъ, такъ дуды играюць». Про человѣка изнуреннаго, ослабѣвшаго, говорятъ: «Бывъ конь, да зъѣздзився». Когда кто говоритъ не кстати: «Ни сѣла, ни пала, дай баба сала». Если объ одномъ предметѣ вдругъ всѣ разомъ заговорятъ: «Утри сѣкачи сякўць, аднаго рака пякуць».—«Моцъ (сила, воля) Божая! Я отъ плоту, а яна да плоту», т. е. пьяный хочетъ идти отъ плота, а она, т. е. воля Божья, тащитъ его къ плоту. Тутъ воля Божья, просто водка. Замѣчательна пословица: «Не адзинъ Гаврила у Полоцку».

Такихъ пословицъ и поговорокъ можно бы привести множество.

И. Зеленскій, авторъ Статистическаго описанія Минской губерніи, приводитъ изъ записки игумена Анатолія слѣдующія извѣстія: «Въ Туровской епархіи съ самаго начала оной, возникло въ Туровѣ училище, которое никогда не закрывалось, даже въ періодъ уніи.

«Рядомъ съ Туровскимъ училищемъ возникли школы въ Пинскѣ, Мозырѣ, Слуцкѣ и Минскѣ. Представителемъ Туровской школы является св. Кириллъ; представителемъ Пинской — Митрофанъ лѣтописецъ; Слуцкой—іерей Евгеній; Минской — Баянъ, пѣвецъ Всеслава (!).» Игуменъ Анатолій не приводитъ намъ источниковъ, изъ которыхъ почерпнуто имъ это извѣстіе. Онъ упоминаетъ только про отрывки изъ монастырскихъ лѣтописей и другія епархіальные источники, которые однако, по его же словамъ, требуютъ критическаго разбора. Что онъ увлекается, видно уже изъ того, что у него полумиѳическій Баянъ является учителемъ Минской школы.

Надобно думать, что какъ въ Туровѣ, такъ точно въ Полоцкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ, при монастыряхъ могли быть заведены школы; но слѣдовъ ихъ дѣятельности мы вовсе не видимъ. Суцественная польза отъ школъ въ распространеніи грамот-

ности дѣлается замѣтною едва въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ, когда братства стали заводить школы. Въ средѣ иноковъ конечно были люди образованные по своему времени, были духовные проповѣдники и хроникеры, но они не могли распространять просвѣщеніе въ народѣ, ежели-же при монастыряхъ кое-гдѣ и учили грамотѣ, то больше городскихъ жителей.

Первыя католическія школы основаны были въ Гайнѣ, въ Борисовскомъ уѣздѣ, при мѣстномъ костелѣ, около 1522 г., и въ Медвѣдицахъ, въ Слуцкомъ уѣздѣ, около 1545 г.

Письменность на бѣлорусскомъ языкѣ быстро распространяется со второй половины XV столѣтія. Высшія сословія стали уже изучать польскій и латинскій языки; городскіе классы писали и читали на родномъ языкѣ — сельскіе же жители оставались безграмотными. Что сознавалась нужда въ книгахъ, это подтверждается основаніемъ типографій, сначала въ Литвѣ, а потомъ и въ Бѣлоруссіи. Высшее сословіе въ XVII столѣтіи, особенно во второй половинѣ получало образованіе въ кальвинскихъ школахъ, нѣкоторые учились въ Краковской Академіи и вообще за границею. Князь Николай Радзивиллъ Черный основалъ кальвинскую гимназію въ Слуцкѣ, кромѣ того училища въ Новогрудкѣ, Несвижѣ, Заславѣ, Оршѣ, Минскѣ, Свислочи, Шкловѣ и Витебскѣ. Почти одновременно для православнаго населенія основаны были братствами училища въ Полоцкѣ, Пинскѣ, Оршѣ и потомъ на основаніи граматы Сигизмунда III, въ 1592 г., въ Минскѣ. Въ этихъ училищахъ преподавались кромѣ русскаго и греческій языкъ. езуитъ Ростовскій говоритъ, что православные жители Пинска въ 1640 г., желая оттянуть своихъ единовѣрцевъ отъ іезуитскихъ школъ, основали собственное училище, въ которомъ преподавали все то, чему учили іезуиты. Училище это однако не долго сушествовало: стараніями ревнителя іезуитовъ князя Радзивилла, оно было закрыто.

Мы уже знаемъ, что первый іезуитскій коллегіумъ въ Бѣлоруссіи основанъ былъ Баторіемъ въ Полоцкѣ въ 1580 году; затѣмъ въ 1585 году князь Николай Христофоръ Радзивиллъ основалъ такой же коллегіумъ въ Несвижѣ; около 1600 Сигизмундъ III въ Оршѣ и въ Динабургѣ; въ 1616 Петръ Пацъ основалъ коллегіумъ въ Мстиславлѣ; въ 1635 князь Альбрехтъ Станиславъ Радзивиллъ въ Пинскѣ; въ 1640 г. воевода Александръ Корвинъ Гонсѣвскій въ Витебскѣ; въ 1657 г. епископъ князь Иронимъ Сангушко основалъ коллегіумъ въ Минскѣ и въ 1696 г. Станиславъ Лещинскій въ Слуцкѣ.

Всѣ іезуитскіе коллегіумы образованы были на одинъ ладъ. При каждомъ коллегіумѣ состояла гимназія изъ 5-ти классовъ, кои назывались: *инфима*, *грамматика*, *синтаксисъ*, *поэтика* и *риторика*. Главнымъ предметомъ преподаванія въ трехъ низшихъ классахъ былъ латинскій языкъ, потомъ греческій. Два высшіе класса назывались *гуманіора*. Это была школа свѣтская. Особая духовная школа предназначалась собственно для тѣхъ, кои желали поступить въ орденъ іезуитовъ. Эта школа имѣла семилѣтній курсъ: трехлѣтній философіи и четырехлѣтній богословія.

Кромѣ коллегіумовъ были учреждены въ XVII и XVIII столѣтіяхъ особыя среднія училища при іезуитскихъ резиденціяхъ: въ Бобруйскѣ, Могилевѣ, Слонимѣ, Борисовѣ, Юревичахъ (въ Мозырскомъ уѣздѣ) и въ другихъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, въ XVII столѣтіи, особенно со второй половины, высшее и среднее образованіе находилось всецѣло въ рукахъ іезуитовъ. Изъ кальвинскихъ школъ уцѣлѣла едва одна Слуцкая гимназія. Православныя школы закрывались сами собою, поддерживать ихъ было некому. Базиліане-уніаты заводили школы при своихъ монастыряхъ. Вначалѣ въ Бѣлоруссіи былъ одинъ только Базиліанскій монастырь въ Березвечѣ; потомъ въ Мстиславльскомъ, три православные монастыря: мужскіе—Пустынскій, Онуфріевскій и дѣвичій Мазаловскій обращены въ базиліанскіе, и при всѣхъ трехъ были заведены училища.

Впослѣдствіи и другіе ордена тоже содержали училища въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи. Бернардины содержали гимназію, состоявшую изъ шести классовъ, въ Мстиславлѣ. Гимназія эта просуществовала до 1831 года. Мало кому извѣстенъ фактъ, что какъ Мстиславльская гим-

назія, такъ и другія духовныя училища, содержимыя католическими монахами, были упразднены вслѣдствіе донесенія объ отсутствіи въ нихъ всякаго педагогическаго направленія, бывшаго профессора С.-Петербургскаго Университета О. И. Сенковскаго (барона Брамбеуса), который былъ командированъ для обревизованія ихъ. Монахи кармелиты содержали училище въ Глубокомъ (прежде въ Полоцкомъ, нынѣ въ Дисненскомъ уѣздѣ, Виленской губ.). Преобразователи системы народнаго образованія, піаристы, содержали въ Бѣлоруссіи одну только гимназію, именно въ Любешевѣ (въ Пинскомъ уѣздѣ) и при ней конвиктъ для бѣдныхъ воспитанниковъ. Это было лучшее учебное заведеніе въ Бѣлоруссіи. У піаристовъ была богатая библіотека, ботаническій садъ, даже лабораторія и аптека.

Эдукаціонная коммисія, заправлявшая учебнымъ вѣдомствомъ послѣ удаленія іезуитовъ изъ Польши, могла распоряжаться въ одной только Минской губерніи, какъ извѣстно, присоединенной къ Россіи по второму раздѣлу. Поэтому только въ этой губерніи она учредила свѣтскія школы, болѣе соотвѣтствовавшія педагогическимъ требованіямъ. Школы раздѣлялись на высшія изъ шести и низшія изъ трехъ классовъ. Были и приходскія школы при монастыряхъ и костелахъ; но собственно народныхъ школъ вовсе не было. Народныя школы стали понемному учреждаться едва въ нынѣшнемъ столѣтіи, но число ихъ было самое ограниченное и самое устройство болѣе произвольное. Эпоха развитія народныхъ школъ начинается едва въ 1861—1862 г., когда было положено болѣе твердое начало какъ заведенію школъ, такъ и правильной ихъ организаціи. Съ этого времени въ народныхъ школахъ стали преподавать: законъ Божій, русскій языкъ, чтеніе по книгамъ гражданскимъ и церковнымъ, письмо, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и церковное пѣніе.

Первая типографія въ Бѣлоруссіи основана была въ Несвижѣ княземъ Николаемъ Радзивилломъ Чернымъ. Кальвинскимъ министромъ или проповѣдникомъ въ то время состоялъ извѣстный ученый Лаврентій Кржишковскій, заправлявшій дѣлами кальвиновъ въ Несвижѣ, а слѣдовательно и типографіею. Въ 1562 году напечатана здѣсь первая книга кирилицей. Это былъ катехизисъ, составленный и изданный подъ руководствомъ Симеона Буднаго, Матвѣя Кавѣчинскаго и Л. Кржишковскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что катехизисъ былъ кальвинскій, но уже съ примѣсью началъ социніанскихъ, которыми уже тогда былъ проникнутъ Будный. Изданіе же его кирилицею ясно доказываетъ цѣль распространенія ученія въ городскомъ населеніи и въ средѣ шляхты, незнакомыхъ съ польскимъ языкомъ. Въ томъ же году напечатана ими на бѣлорусскомъ языкѣ книга, подъ заглавіемъ «Объ оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ». Потомъ подъ редакціею Даніила изъ Ленчицы здѣсь же перепечатана Брестская кальвинская библія на польскомъ языкѣ. Послѣ смерти князя Николая Чернаго (1565) обстоятельства измѣнились. Кржишковскій началъ явно приставать къ аріанизму и усвоилъ его себѣ. Найдя сочувствіе у мѣстныхъ дворянъ и помощь со стороны несвижскаго старосты Ковѣчинскаго и его братьевъ, Кржишковскій сдѣлалъ Несвижъ гнѣздомъ литовскихъ и бѣлорусскихъ аріанъ. Несвижская типографія, которою тогда управлялъ Даніилъ изъ Ленчицы, начала печатать исключительно аріанскія книги, сочиненія извѣстныхъ реформаторовъ—Григорія Паули, Буднаго и самого Кржишковскаго. Въ 1570 году напечатана здѣсь социніанская библія, переведенная на польскій языкъ самимъ Буднымъ. Вѣроятно она была встрѣчена сочувственно и быстро распространилась, потому что черезъ два года, въ 1572 году, видимъ уже второе изданіе этой библіи въ томъ же Несвижѣ. Между аріанами и социніанами въ ихъ вѣрованіяхъ почти не было разницы, также какъ въ главныхъ сектахъ, на кои раздѣлялся аріанизмъ: эбіонистовъ, меннонистовъ, унитаріевъ, антитринитаріевъ анабаптистовъ, новокрещенцевъ, раковянъ, куявянъ и нурковъ. Библія Буднаго удовлетворяла всѣхъ, ибо основная задача ученія состояла въ томъ, что Іисусъ Христосъ былъ боговдохновеннымъ человѣкомъ, но не Сыномъ Божіимъ. Какъ социніане, такъ и аріане, со всѣми ихъ разноименными послѣдователями, не вѣрили въ св. Троицу, отвергали откровеніе святыхъ, крещеніе и нѣкоторыя другія таинства. Послѣднее аріанское сочиненіе Григорія Паули (Anti-

ditum) напечатано въ Несвижѣ въ 1578 или въ 1579 г.; но еще прежде, около 1575 года, сынъ князя Николая Чернаго, Николай Христофоръ Сирота, уже ревностный католикъ, отдалъ іезуитамъ кальвинскій соборъ, а вскорѣ послѣ того отнялъ или пріобрѣлъ отъ Ковечинскихъ типографію и подарилъ тоже іезуитамъ. Несвижская типографія опять сдѣлалась собственностью Радзивилловъ. Когда Августъ II посѣтилъ Несвижъ, въ этой же типографіи печаталась газета.

Послѣ несвижской старѣйшія типографіи были въ Любчѣ и въ Слуцкѣ, основанныя подъ конецъ XVI столѣтія. Затѣмъ слѣдуютъ типографіи въ Заславѣ, въ Могилевѣ, въ Полоцкѣ, Минскѣ, Пинскѣ, Бялыничахъ.

«Вы за сими (іезуитами) наипаче недреманно смотрѣть имѣете, яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ, ибо у нихъ безъ согласія начальниковъ подчиненные ничего предпріять не могутъ». Такъ писала Екатерина II въ своемъ наказѣ отъ 28 мая 1772 г. бѣлорусскому генералъ-губернатору Чернышеву. Такъ она думала о іезуитахъ, а между тѣмъ, когда громъ ударилъ въ орденъ, когда папа Климентъ XIV въ 1773 году уничтожилъ орденъ іезуитовъ, Екатерина приняла находившихся въ присоединенныхъ къ Россіи по первому раздѣлу Польши областяхъ (т. е. въ предѣлахъ нынѣшнихъ Могилевской и Витебской губерній) іезуитовъ подъ свое покровительство и даже не позволила обнародовать папское бреве.

Іезуитовъ въ то время въ Бѣлоруссіи, въ шести коллегіумахъ и 9 резиденціяхъ, было 200 человѣкъ. Провинціаломъ литовско-бѣлорусскихъ іезуитовъ состоялъ Казиміръ Соболевскій. Какъ подданный Польши, гдѣ бреве было обнародовано, онъ тотчасъ же сложилъ съ себя званіе провинціала и поступилъ въ бѣлое духовенство. Но въ Бѣлоруссіи жилъ вице-провинціалъ и въ то же время ректоръ полоцкаго коллегіума Станиславъ Черневичъ. Пользуясь благосклонностію Екатерины, онъ не послушался папы и принялъ бразды правленія надъ всѣми іезуитами, оставшимися въ Бѣлоруссіи. Черневичъ былъ человѣкъ умный и дальновидный. Еще за годъ до уничтоженія ордена, когда, въ 1772 г., Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи, когда не только католическое, но и уніатское духовенство не торопилось принесеніемъ присяги новой монархинѣ, Черневичъ со всѣми іезуитами, первые присягнули, мало того — во всѣхъ своихъ храмахъ совершили съ особенною торжественностью благодарственное молебствіе и произнесли проповѣди, восхваляя Екатерину. Конечно, все это не могло не понравиться Екатеринѣ, тѣмъ болѣе, что іезуиты увлекли за собою шляхту и народъ. Императрица измѣнила свое мнѣніе и увидѣла, что она въ іезуитахъ можетъ имѣть точныхъ исполнителей своей воли. Въ то же время іезуиты успѣли снискать довѣріе и особенное расположеніе генералъ-губернатора Чернышева и, что еще важнѣе, успѣли заручиться покровительствомъ могущественнаго князя Потемкина.

Съ упраздненіемъ ордена, немыслимо было увеличеніе числа іезуитовъ новыми членами. Вопросъ этотъ въ особенности занималъ Черневича. Чтобы упрочить навсегда существованіе іезуитовъ въ Бѣлоруссіи, а затѣмъ и во всей Россіи, ему необходимо было устроить новиціатъ, т. е. пріемъ желающихъ поступить въ орденъ, съ правомъ, по окончаніи ими наукъ, посвященія въ орденъ іезуитовъ. Эта мѣра совершенно противорѣчила изданному папою бреве. Папа, узнавъ о намѣреніи Черневича, прибѣгъ къ посредству разныхъ дворовъ, кои писали и умоляли Императрицу не нарушать каноническаго догмата католицизма. Но Екатерина не обратила вниманія на эти просьбы, и по ея повелѣнію 30 іюня 1779 г., епископъ Сестренцевичъ обнародовалъ свое посланіе о разрѣшеніи учрежденія іезуитскаго новиціата въ Полоцкѣ и о пріемѣ въ оный желающихъ поступить въ орденъ іезуитовъ: 2 февраля 1780 года новиціатъ былъ торжественно открытъ. При первой вѣсти объ этомъ событіи, обезпечивавшемъ іезуитамъ существованіе ихъ ордена вопреки папскому распоряженію, бывшіе іезуиты стали стекаться въ Полоцкъ изъ Польши, Франціи, Германіи и Италіи.

Вслѣдъ затѣмъ былъ открытъ новый новиціатъ въ Динабургѣ. Но іезуиты еще не достигли своей цѣли: — у нихъ былъ новиціатъ, но не было генерала, т. е. главнаго начальника, по правиламъ ордена, который бы сосредоточивалъ бразды правленія въ своихъ рукахъ.

Сильное заступничество Потемкина устранило и это неудобство. Екатерина разрѣшила избрать главнаго начальника, назвавъ его до поры до времени вице-генераломъ, но съ правами и властью, присвоенными орденскими статутами генераламъ.

Вице-генераломъ избранъ былъ тотъ же Черневичъ, а послѣ его смерти Ленкевичъ. Потемкинъ на собственный счетъ построилъ для нихъ въ Полоцкѣ большое зданіе для помѣщенія вице-генерала и профессовъ. Гр. Чернышевъ учредилъ въ собственномъ имѣніи Чечерскѣ резиденцію іезуитовъ.

Средства ихъ въ это время были громадныя. Они владѣли имѣніями, въ которыхъ считалось 14,000 душъ, имѣли суконныя и другія фабрики, водочные и разные другіе заводы, получали значительную плату отъ пансіонеровъ въ коллегіумахъ.

Однимъ изъ умнѣйшихъ іезуитовъ былъ австрійскій уроженецъ, пріѣхавшій изъ Вѣны, Груберъ. Когда скончалась Императрица Екатерина, Груберъ поспѣшилъ въ Петербургъ, проникъ во дворецъ и успѣлъ расположить Императора Павла I въ свою пользу. Расположеніе это было такъ велико, что Павелъ склонилъ даже папу Пія VII возстановить орденъ іезуитовъ въ Россіи.

Въ 1802 году, послѣ смерти Керау, избранъ былъ генераломъ Груберъ. Новый генералъ поселился въ Петербургѣ и отсюда заправлялъ дѣлами ордена не въ одной Россіи, но уже и въ Неаполитанскомъ королевствѣ,—гдѣ особымъ бреве, даннымъ Груберу въ 1804 году, Пій VII тоже возстановилъ іезуитовъ, — въ многочисленныхъ іезуитскихъ миссіяхъ въ Китаѣ и въ разныхъ мѣстахъ, на Востокѣ, на Кавказѣ, въ Сибири, въ Грузіи, въ Ригѣ и т. д.

Груберъ не измѣнилъ системы образованія, но усилилъ средства коллегіумовъ, умѣлъ привлекать сыновей вельможъ и богатѣйшихъ дворянъ. При немъ провинціаломъ (т. е. первымъ лицомъ послѣ генерала) былъ полоцкій ректоръ Люстигъ. Во всѣ остальные коллегіумы Груберъ назначилъ ректорами поляковъ: такъ, въ Оршѣ былъ Вихертъ, въ Динабургѣ Рогалинскій, въ Могилевѣ Тыванкевичъ, въ Мстиславлѣ Обромпальскій, въ Витебскѣ Ржевускій. Генеральнымъ секретаремъ ордена былъ Бржозовскій.

Груберъ былъ замѣчательнѣйшимъ дѣятелемъ въ орденѣ Лойолы. Необыкновенный этотъ человѣкъ прибылъ въ Россію простымъ монахомъ, но въ теченіе двадцати лѣтъ (1785 — 1805), своимъ умомъ, находчивостью, настойчивостью, добился огромнаго вліянія на дѣла іезуитовъ, и даже еще пока не былъ генераломъ, собственно онъ заправлялъ всѣмъ. Значеніе его было очень велико не только въ Россіи, но и въ Римѣ, въ Неаполѣ, на Востокѣ. Груберъ былъ отличный механикъ, архитекторъ, физикъ, изобрѣтатель нѣсколькихъ физическихъ инструментовъ, гидравликъ, математикъ, химикъ, музыкантъ, отлично владѣлъ шестью языками, былъ даровитымъ живописцемъ, превосходно зналъ исторію, имѣлъ много свѣдѣній въ медицинѣ и былъ опытнымъ и искуснымъ зубнымъ врачемъ. Наконецъ этотъ самый Груберъ былъ изысканнымъ маэстро-кондитеромъ. Начавъ съ того, что вылечилъ отъ зубной боли Императрицу Марію Өеодоровну, онъ втерся такимъ образомъ во дворецъ, приготовлялъ Императору Павлу шоколадъ какимъ-то особеннымъ, ему извѣстнымъ способомъ, сдѣлался домашнимъ человѣкомъ у всѣхъ знатныхъ лицъ, дарилъ имъ свои картины, въ которыхъ знатоки видѣли въ немъ талантливаго художника по части перспективной живописи, въ Академіи наукъ читалъ публичныя лекціи, добился общаго уваженія, славы и наконецъ достигъ величайшей, послѣ папской, въ католической церкви власти, именно генерала іезуитскаго ордена.

Кончина этого необыкновеннаго человѣка весьма печальна: онъ погибъ въ пламени, въ собственной квартирѣ, на 65 году жизни, во время пожара іезуитскаго дома въ Петербургѣ 26 марта 1805 года.

Преемникомъ ему избранъ былъ секретарь ордена, Бржозовскій. Онъ не владѣлъ талантами Грубера, но былъ такъ-же настойчивъ и исполнителенъ по осуществленію завѣщанныхъ ему предшественникомъ плановъ. При немъ число іезуитовъ достигло 400 человѣкъ, изъ коихъ въ одномъ Полоцкѣ считалось 119.

У Грубера былъ другъ, сподвижникъ, заступникъ, ходатай, іезуитъ во фракѣ, извѣстный графъ Де-Местръ. Теперь онъ сдѣлался главнымъ пособникомъ и даже во многомъ руководителемъ Бржозовскаго. Задушевною мыслію Грубера, еще въ царствованіе Императора Павла I и потомъ при Александрѣ I,—было завладѣть виленскимъ университетомъ. Но тамъ былъ попечителемъ князь Адамъ Чарторыскій, человѣкъ близкій Государю, и онъ, хотя и преданный іезуитамъ, отстоялъ университетъ. Тогда родилась мысль преобразовать полоцкій коллегіумъ въ академію, съ правами предоставленными университетамъ. Бржозовскій съ Де-Местромъ много поработали, пока осуществили эту мысль. Наконецъ они успѣли исходатайствовать (въ 1811 г.) Высочайшее повелѣніе о возведеніи полоцкаго коллегіума на степень академіи, съ присвоеніемъ оной преимуществъ, дарованныхъ университетамъ. 10 іюня 1812 г., послѣдовало торжественное открытіе академіи въ присутствіи герцога Виртембергскаго, тогдашняго генералъ-губернатора Бѣлоруссіи. Совершена была процессія изъ зданія въ костелъ; воспитанники несли 70 знаменъ съ гербами разныхъ народовъ и областей, подвластныхъ Россіи; грамату, врученную герцогомъ Виртембергскимъ, несли на золотой подушкѣ. Въ костелѣ указъ, данный Сенату, и самая грамата были прочтены во всеуслышаніе. Во время богослуженія, грамата лежала на особо устроенномъ тронѣ, украшенномъ бюстомъ Императора. Говорились рѣчи, прочитаны стихотворенія на семи языкахъ. Восхвалялся Императоръ, герцогъ Виртембергскій, министръ просвѣщенія графъ Разумовскій, главный сподвижникъ въ этомъ дѣлѣ гр. Де-Местра и Бржозовскаго. Храмъ былъ украшенъ символами и эмблемами, представлявшими добродѣтели Государя.

Полоцкая академія состояла изъ трехъ факультетовъ: 1) лингвистическаго, въ которомъ преподавались языки и словесность: русская, польская, французская, нѣмецкая, латинская, греческая и еврейская; 2) свободныхъ наукъ, именно: философіи, поэзіи, риторики, философіи нравственной, логики, метафизики, физики общей, частной и опытной, химіи, математики чистой и прикладной, архитектуры гражданской и военной, естественнаго права; римскаго и народнаго права, исторіи всеобщей и исторіи естественной; 3) богословскаго, въ которомъ преподавались нравственное богословіе, догматическое, священное писаніе, каноническое право и церковная исторія. Въ академію могли поступать люди всѣхъ званій и вѣроисповѣданій. Кончившіе курсъ получали чинъ 14 класса и кромѣ того, какъ въ университетахъ, раздавались ученыя степени. Академія безпошлинно и безъ таможенной ревизіи могла выписывать изъ-за границы книги и разные инструменты.

Число студентовъ простиралось до 600. Преподавателей было 39. Учебный годъ начинался съ 5 сентября и продолжался по 5 іюля. За содержаніе студента въ конвиктѣ взималось 600 руб. асс. въ годъ. Библіотека полоцкихъ іезуитовъ была весьма значительна и славилась, какъ одна изъ лучшихъ въ краѣ. Славились также музей достопримѣчательностей, разные кабинеты съ научными пособіями, изъ коихъ въ особенности физическій былъ очень богатъ и превосходно составленъ. Богаче другихъ былъ механическій кабинетъ, превосходно устроенный Груберомъ. Здѣсь помѣщалось не мало предметовъ, имъ самимъ изобрѣтенныхъ. Химическая лабораторія тоже была весьма замѣчательна. Въ музеѣ, обращавшемъ на себя общее вниманіе и считавшемся чѣмъ-то почти волшебнымъ, много было драгоцѣнныхъ предметовъ, имѣвшихъ научное значеніе; но, въ общемъ, это было собраніе разныхъ фокусническихъ орудій и предметовъ, имѣвшихъ цѣлію дѣйствовать на воображеніе, возбуждать страхъ и удивленіе. Такъ, напримѣръ, чудовищною рѣдкостью, приводившею въ восторгъ и трепетное любопытство — служила колоссальная говорящая человѣческая голова. Высоко въ стѣнѣ, почти

подъ потолкомъ, вдѣлана была голова старца съ длинными сѣдыми волосами. Подвижная, съ глазами, принимавшими разныя выраженія, и главное говорящая на всѣхъ болѣе употребительныхъ языкахъ, голова эта понятно приводила въ недоумѣніе, восторгъ и въ то же время возбуждала страхъ. Іезуитъ, сопровождавшій посѣтителей музея, приглашалъ ихъ задавать, какіе имъ угодно и на какомъ угодно языкѣ, вопросы чудесной головѣ. Голова немедленно отвѣчала внятно, громко, логично, съ полнымъ знаніемъ обстоятельствъ и обстановки спрашивавшаго, такъ что тотъ приходилъ просто въ ужасъ. Какова должна была быть вѣра въ мудрость и почти сверхъестественную силу іезуитовъ, когда никому не приходило на мысль, что за стѣною сидѣлъ опытный механикъ, приводившій въ движеніе глаза и все лицо головы и отвѣчавшій за нее. Всѣ вѣрили, никто не смѣлъ сомнѣваться, а если у кого и являлись подозрѣнія, тотъ не смѣлъ и пикнуть. Были и разные другіе оптическіе снаряды, которыхъ механизма никто не зналъ и съ помощью котораго показывались разные фокусы. Все, что составляло новость, чего въ Бѣлоруссіи нигдѣ нельзя было видѣть, все это вмѣщалъ іезуитскій музей. Былъ напр. большой китайскій билліардъ, составлявшій въ то время большую рѣдкость; были разные музыкальные инструменты и т. п. Конечно, въ музеѣ были не одни только фокусы. Было довольно древняго оружія, разныхъ достопамятностей и рѣдкихъ произведеній искусства.

О великолѣпіи жилища іезуитовъ и ихъ учрежденій можно и теперь судить по сохранившимся зданіямъ, въ которыхъ нынѣ помѣщается военная гимназія. Разсказываютъ, что въ этихъ зданіяхъ, въ подвальныхъ этажахъ, для постороннихъ совершенно недоступныхъ, устроены были водочный, пивной и медоваренный заводы.

Нигдѣ не было такихъ старыхъ винъ, медовъ и водокъ, а также разныхъ наименованій настоекъ и наливокъ, какъ вообще въ іезуитскихъ коллегіумахъ и въ особенности въ Полоцкой академіи. Іезуиты славились своими изысканными блюдами, особеннымъ умѣньемъ приготовлять ветчину и копченую рыбу, копчеными двинскими циртами и многими другими произведеніями кулинарнаго искусства. Гостепріимство ихъ было извѣстно во всей странѣ:—но они не только угощали у себя дома, но еще дѣлились съ своими благодѣтелями и милостивцами, отправляя цѣлые караваны въ Крымъ Потемкину, въ Петербургъ Разумовскому, въ Витебскъ Чернышеву, потомъ Пассеку и наконецъ герцогу Виртембергскому.

Полоцкая іезуитская академія существовала восемь лѣтъ. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь Голицынъ не былъ благопріятелемъ іезуитовъ. По его докладу, въ которомъ іезуиты главнымъ образомъ обвинялись въ томъ, что совращали ввѣренное ихъ попеченію православное юношество въ римско-католическую вѣру, Императоръ Александръ I 13 марта 1820 года, повелѣлъ: «1) іезуитовъ, какъ забывшихъ священный долгъ не только благодарности, но и подданнической присяги, и потому недостойныхъ пользоваться покровительствомъ россійскихъ законовъ, выслать, подъ присмотромъ полиціи, за предѣлы государства и впредь ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ не впускать въ Россію; 2) Полоцкую іезуитскую академію и подвѣдомственныя ей училища упразднить». Разрѣшалось однако іезуитамъ, кои пожелаютъ вступить въ другой орденъ или въ бѣлое духовенство, а также находившимся въ искусѣ, не принявшимъ священническихъ степеней и изъявившимъ желаніе выйти изъ ордена, остаться въ предѣлахъ Россіи съ воспрещеніемъ имъ именоваться іезуитами и пользоваться привиллегіями сего ордена. Сравнительно немногіе остались, всѣ же прочіе отправлены были за границу.

Монастыри полиція окружала часовыми, потомъ читали іезуитамъ высочайшій указъ, опечатывали имущества, предоставляя каждому сохранить при себѣ собственныя вещи, выдавали на дорогу старшему іезуиту по 50, а младшему по 25 червонцевъ и затѣмъ на почтовыхъ отправляли на границу въ Радзивилловъ, а оттуда въ Австрію.

Много книгъ, особенно рѣдкихъ, изъ Полоцкой академіи пропало. Большая часть перевезена въ Петербургъ и Москву; небольшое число поступило въ Витебскую гимназію. Боль-

шая часть физическаго и другихъ кабинетовъ отправлены въ Петербургъ. Типографія перевезена въ Кіевъ. Великолѣпный органъ полоцкихъ іезуитовъ перевезенъ въ Вильно, гдѣ онъ и теперь находится въ костелѣ св. Яна. Въ Полоцкѣ костелъ обращенъ въ православную церковь, въ зданіяхъ, принадлежавшихъ іезуитамъ, помѣщенъ полоцкій кадетскій корпусъ, основанный въ 1835 году и впослѣдствіи преобразованный въ военную гимназію. Имѣнія взяты въ казну. Наличныхъ суммъ найдено у бѣлорусскихъ іезуитовъ только 1,000 р. с. и до 4,000 ассигнаціями.

Іезуиты дѣйствовали и просвѣщали дворянское сословіе въ Бѣлоруссіи 240 лѣтъ (съ 1580 по 1820 г.). Такое продолжительное, постоянное, ничѣмъ и никогда не измѣняемое, настойчивое исполненіе предвзятыхъ идей и системы образованія, понятно, не могло не отразиться на жителяхъ, на ихъ характерѣ и умственномъ направленіи.

По удаленіи іезуитовъ Бѣлоруссія почти два года оставалась безъ училищъ. Едва въ 1822 году открыты вновь училища въ Полоцкѣ піаристами, въ Оршѣ доминиканами, въ Мстиславлѣ бернардинами, въ Витебскѣ базиліанами. Мы уже знаемъ, что эти училища закрыты въ 1830—1831 г., по докладу О. И. Сенковскаго. Кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ учреждены свѣтскія училища.

Въ Шкловѣ, Могилевской губерніи, генералъ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ основалъ училище для дѣтей бѣлорусскихъ дворянъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ этомъ училищѣ обучалось до 500 человѣкъ. Павелъ I преобразовалъ это училище въ кадетскій корпусъ, переведенный сначала въ Гродно, оттуда въ Смоленскъ и наконецъ въ Москву, гдѣ онъ существовалъ подъ названіемъ перваго московскаго кадетскаго корпуса.

Нѣкоторое время существовалъ кадетскій корпусъ въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ.

Въ м. Пропойскѣ существовало женское училище. Въ 1828 году оно переведено въ Шпенбергъ, въ 5 верстахъ отъ Могилева, и названо женскимъ учебнымъ заведеніемъ для бѣдныхъ дѣвицъ.

Въ Горы-Горкахъ существовалъ Земледѣльческій институтъ, подъ названіемъ Горы-Горѣцкаго, въ 1864 году переведенный въ Петербургъ на мѣсто Лѣснаго.

12 января 1826 г., учреждено было въ Бѣлоруссіи вольное экономическое общество; но о дальнѣйшихъ судьбахъ его намъ ничего неизвѣстно.

Изъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи намъ извѣстно одно особенно примѣчательное, какъ по своему устройству, такъ и по благимъ послѣдствіямъ, какія оно принесло. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Минской губерніи, помѣщикъ Доминикъ Монюшко (род. въ 1788, ум. 1848) значительное имѣніе свое Радковщизну предоставилъ въ пользу своихъ крестьянъ, оставивъ себѣ небольшой участокъ. Всю жизнь свою онъ посвятилъ образованію ихъ и улучшенію ихъ экономическаго положенія. Благія его стремленія увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Училище, основанное имъ, состояло изъ двухъ отдѣленій, приготовительнаго и высшей школы. Въ нихъ преподавались законъ Божій, языки: славянскій, русскій и польскій, ариѳметика, начальныя понятія изъ технологіи, садоводство, агрономія, лѣсоводство, пчеловодство, начальныя свѣдѣнія о медицинѣ, анатоміи и ветеринаріи; кромѣ того калиграфія, черченіе, рукодѣлья и разныя ремесла. Въ высшихъ классахъ воспитанникамъ особенно отличающимся и болѣе способнымъ преподавались географія, исторія и землемѣріе. Въ 1824 г., тамъ-же, въ Радковщизнѣ основанъ былъ особый пріютъ (конвиктъ) для содержанія и воспитанія крестьянскихъ дѣвушекъ. Заведены аптека и лабораторія, а также для практическихъ работъ и изученія сады ботаническій, овощный и фруктовый. Воспитанное Монюшкою поколѣніе совершенно преобразилось. Это были умные, честные, трудолюбивые и нравственные земледѣльцы. Въ 1839 году все это рухнуло и уничтожилось. Не менѣе того и до сихъ поръ крестьяне Радковщизны во многомъ отличаются отъ своихъ сосѣдей, а имя Монюшки и теперь высоко чтится въ крестьянской средѣ.

Намъ остается указать на замѣчательнѣйшихъ уроженцевъ Бѣлорусскаго полѣсья въ литературномъ и научномъ отношеніи.

Къ неопровержимымъ фактамъ принадлежитъ житіе Св. Кирилла, епископа Туровскаго, и его вдохновенныя произведенія. У него событія, передаваемыя въ евангеліи, украшены поэтическими разсказами, представляющимися, нерѣдко въ разговорной формѣ, въ драматическомъ изображеніи. Проповѣди его (изданныя Калайдовичемъ въ «Памятникахъ словесности XII вѣка») высоко цѣнятся въ духовной литературѣ. До вступленія на епископскую каѳедру, въ монастырѣ онъ былъ учителемъ, изъяснителемъ откровенныхъ истинъ. Поэтому предположеніе игумена Анатолія, что Св. Кириллъ былъ представителемъ туровской школы, не лишено вѣроятія.

Не только въ XII, но даже въ XI ст. въ Туровской области письменность была уже распространена въ средѣ князей и вельможъ и въ монастыряхъ. Въ 1865 году въ Туровѣ открыты Н. И. Соколовымъ въ отрывкахъ Евангельскія чтенія, писанныя на пергаментѣ. Переплетенныя въ корешекъ, онѣ хранились въ Туровской Спасо-преображенской церкви. Въ Евангеліи находились двѣ записки князя Константина Ивановича Острожскаго. И. И. Срезневскій и А. Ѳ. Бычковъ признали, что листы эти писаны въ XI столѣтіи, и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ послѣдняго, они хромолитографированы въ факсимиле и изданы подъ заглавіемъ «Туровское Евангеліе одиннадцатаго вѣка» (въ Вильнѣ, въ типографіи Сыркина, въ 1869 г.). Кромѣ того открыта западно-русская лѣтопись раба божія Аврамка (изданная въ XVI томѣ «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей»). Тотъ-же игуменъ Анатолій свидѣтельствуетъ, что сами князья собственноручно списывали евангелія для церквей. Къ числу замѣчательнѣйшихъ рукописныхъ евангелій онъ относитъ: Слуцкаго монастыря — князя Олельки, Щорсовской церкви — Любарта Хрептовича, Новогрудскаго Борисо-глѣбскаго собора, тоже Хрептовича.

Въ Лифляндіи, собственно въ такъ названныхъ потомъ Инфлянтахъ (Витебской губерніи), въ землѣ Латышей, въ XII столѣтіи является лѣтописецъ Генрихъ Лотышъ. Нѣмецкій епископъ еще въ молодости взялъ его на свое попеченіе, окрестилъ и потомъ сдѣлалъ священникомъ. Латышъ пишетъ только то, чему самъ былъ очевидцемъ. Разсказываетъ, какъ Нѣмцы появились въ Инфлянтахъ на берегахъ Двины, какъ обращали народъ въ католичество, исчисляетъ первыхъ епископовъ и какъ образовался орденъ Меченосцевъ. Лѣтопись его доведена до 1226 г.

Къ XV и началу XVI столѣтія относится знаменитый дѣятель на пути народнаго просвѣщенія, Юлій Францъ Скорина, полоцкій мѣщанинъ, о которомъ мы уже говорили въ очеркахъ Литовскаго полѣсья, переводчикъ библіи, акаѳиста, псалтыря и мн. др., печатавшихся въ Прагѣ и потомъ въ Вильнѣ, съ 1517 г.

Симеонъ Полоцкій, воспитатель царевича Ѳеодора Алексѣевича, авторъ «Жезла правленія», написаннаго въ опроверженіе раскольниковъ, «Блуднаго сына», «Царя Навуходоносора» и др., тоже былъ полоцкимъ уроженцемъ. Извѣстный Мелетій Смотрицкій, знаменитый авторъ Славянской грамматики, до сихъ поръ уважаемой учеными, хотя уроженецъ южныхъ губерній, но главная его просвѣтительная и учено-литературная дѣятельность происходила въ Минскѣ и Полоцкѣ.

Подъ конецъ прошлаго столѣтія и въ первой половинѣ нынѣшняго, замѣчательнѣйшимъ бѣлорусскимъ поэтомъ былъ Маньковскій, долго служившій сначала совѣтникомъ въ Могилевѣ, а потомъ вице-губернаторомъ въ Витебскѣ. Онъ написалъ «Энеиду на изнанку», въ родѣ малорусской Энеиды Котляревскаго, въ которой описываетъ жизнь и народный бытъ Бѣлоруссовъ. «Энеида» Маньковскаго написана въ концѣ прошлаго столѣтія, на бѣлорусскомъ народномъ языкѣ; тѣмъ не менѣе она пользовалась большою извѣстностью въ средѣ бѣлорусскаго образованнаго общества. До сихъ поръ у многихъ сохранились отрывки изъ этой замѣчательной поэмы. Авторъ отлично зналъ народъ, его преданія, нравы, обычаи и владѣлъ языкомъ, какъ немногіе. Его юморъ, умѣнье передавать народныя сцены знаменуютъ геніальныя способности.

Изъ современныхъ бѣлорусскихъ поэтовъпользуются большою популярностью Викентій Дунинъ Марцинкевичъ и Артемій Даревскій Верига. Первый извѣстенъ подъ именемъ *Дударя бѣлорусскаго,* минскій уроженецъ. Въ 1846 г. онъ напечаталъ оперу въ двухъ актахъ подъ заглавіемъ «Селянка», съ музыкою Станислава Монюшко, составленною изъ народныхъ мотивовъ. Его народные разсказы «Гапонъ», «Дожинки» и др. весьма интересны. Но важнѣйшимъ трудомъ Марцинкевича считается переводъ на бѣлорусскій языкъ «Пана Тадеуша» Мицкевича, изданный въ 1859 г. Переводчикъ побѣдилъ непреодолимыя трудности. Переводъ не только вѣренъ, но языкъ вездѣ гармониченъ, понятенъ и особенно мягокъ.

Даревскій Верига уроженецъ Витебской губерніи. Лучшія изъ его сочиненій: «Гутарка зъ пліондроўки (поѣздки) по земли латышской»; «Повротъ (возвращеніе) Михалка»; «Быховъ», и др. Верига перевелъ на бѣлорусскій языкъ «Конрада Валенрода» Мицкевича. Къ сожалѣнію переводъ этотъ нигдѣ не напечатанъ. Но онъ довольно распространенъ въ рукописяхъ. Какъ Марцинкевичъ, такъ и Верига своими переводами оба доказали, сколько богатства и силы въ бѣлорусскомъ языкѣ.— Оба поэта кромѣ того написали много бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Онѣ поются и до сихъ поръ на всемъ протяженіи Бѣлорусскаго полѣсья.

Извѣстный польскій поэтъ Сырокомля не только отлично зналъ языкъ бѣлорусскій, но зналъ народъ, любилъ его, понималъ его нужды, его желанія, проникалъ всю глубину его чувства, зналъ его преданія, поговорки. Поэтому неудивительно, что его бѣлорусскія пѣсни особенно любимы народомъ. Ихъ поютъ вездѣ, хотя немногіе уже знаютъ, кто былъ ихъ авторомъ.

Писали еще по-бѣлорусски въ новѣйшее время Іуліанъ Мрочекъ, Викентій К. и др.

По части бѣлорусской этнографіи собирателей народныхъ пѣсенъ и другихъ проявленій народнаго творчества было очень много. Мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыя, покрайней мѣрѣ, изданія по этой части.

Въ польской литературѣ давнымъ-давно обращено было серьезное вниманіе на бѣлорусскій языкъ и бѣлорусское творчество. Довольно упомянуть имена Линде, Чацкаго, Голембіовскаго, Лелевеля, Войцицкаго и мн. др., кои относились къ Бѣлоруссіи вполнѣ безпристрастно съ научной точки зрѣнія. Собраніе народныхъ пѣсенъ издано Чечотомъ, но большею частью въ переводѣ на польскій языкъ. Въ разныхъ монографіяхъ и сборникахъ помѣщались тоже народныя пѣсни. Гр. Евстафій Тышкевичъ въ 1847 г. издалъ описаніе Борисовскаго уѣзда, въ которомъ помѣщено много пѣсенъ. Въ 1851 г. напечатаны пинскія пѣсни, собранныя Ромуальдомъ Зенкевичемъ. Въ 1858 г. въ этнографическомъ сборникѣ русскаго географическаго общества напечатаны собранныя мною бѣлорусскія пѣсни. Извѣстны также сборники бѣлорусскихъ пѣсенъ М. А. Дмитріева и П. Гильдебрандта. Къ особенно замѣчательнымъ трудамъ по этой части слѣдуетъ отнести собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ Петра Безсонова 1871 г. съ весьма дѣльными этнографическими объясненіями, замѣтками и примѣчаніями, а также П. В. Шейна большой сборникъ съ описаніемъ обрядовъ и обычаевъ (1874).

Мы можемъ гордиться тѣмъ, что *первые* составили небольшой объяснительный бѣлорусскій словарь, приложенный къ нашей этнографіи. Въ 1870 г. изданъ большой словарь Носовича. Шейнъ тоже приложилъ объяснительный словарь къ своему сборнику.

Изъ числа бѣлорусскихъ уроженцевъ, писавшихъ по-польски, но преимущественно о Бѣлоруссіи, достойны вниманія: Стебельскій, полоцкій монахъ базиліанскаго ордена, написавшій въ 4 томахъ жизнь Св. Евфросиніи, и въ ней помѣстилъ много свѣдѣній, касающихся Полоцкаго княжества. Въ Краковской академіи наукъ найдена рукопись, дополняющая означенное сочиненіе; этотъ неизвѣстный доселѣ трудъ изданъ академіею подъ редакціею д-ра В. Середынскаго.

Иванъ Барщевскій — поэтъ-этнологъ, авторъ «Шляхтича Завальни, или Бѣлоруссіи въ фантастическихъ разсказахъ». Содержаніе взято изъ народныхъ преданій и повѣрій (4 т. СПБ., 1844—1846). Барщевскій съ 1840 г. издавалъ сборникъ (5 т.) подъ заглавіемъ «Незабудка»,

въ которомъ тоже много статей преимущественно о Бѣлоруссіи. «Незабудка» имѣла большой успѣхъ и значительное вліяніе на молодое поколѣніе въ Бѣлоруссіи.

Почти одновременно инфлянтскій помѣщикъ Казиміръ Буйницкій началъ издавать тоже сборникъ подъ заглавіемъ «Рубонъ» *(древнее названіе Двины)*, котораго вышло семь томовъ. Въ «Рубонѣ» принимали участіе мѣстные инфлянтскіе помѣщики-писатели: графъ Михаилъ Борхъ, графъ Адамъ Платеръ, три брата Гржималовскіе и друг. Особенно замѣчательны «Записки не Іордана», историческій разсказъ Буйницкаго изъ инфлянтскихъ событій.— Графъ Борхъ написалъ замѣчательное сочиненіе о Св. Евфросиніи и Предиславѣ изъ дѣяній Полоцка XIII вѣка. Гр. Платеръ извѣстенъ важнымъ трудомъ о Двинѣ и нѣкоторыми другими. Игнатій Храповицкій написалъ философскій взглядъ на бѣлорусское творчество. Александръ Обромпальскій, Викентій Гоздава Реуттъ, Семенъ Верига, Іосифъ Жаба исключительно занимались исторіею Бѣлоруссіи.

Изъ русскихъ писателей, писавшихъ о Бѣлоруссіи, болѣе извѣстны Шпилевскій, Носовичъ, Безкорниловичъ, Турчиновичъ, Сементовскій, о которомъ мы уже не разъ упоминали, Кукцинскій, съ любовію занимающійся археологіею Бѣлоруссіи. Нельзя наконецъ не упомянуть о Бантышъ-Каменскомъ, котораго «Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи» (1795) преимущественно относится къ дѣятелямъ Бѣлоруссіи.

Изъ числа польскихъ поэтовъ и писателей многіе по рожденію принадлежатъ Бѣлоруссіи: великій Мицкевичъ, Владиславъ Сырокомля (Лудовикъ Кондратовичъ), Ѳома Занъ, Иванъ Чечотъ, Викентій Коротынскій, современный поэтъ и добросовѣстный писатель — все это уроженцы Новогрудскаго уѣзда, Минской губерніи; Іуліанъ Корсакъ, другъ и товарищъ Мицкевича, переводчикъ «Divina Commedia» Данте, родился въ Слонимскомъ уѣздѣ; Игнатій Шидловскій, переводчикъ Байрона, редакторъ 64 томовъ виленскаго сборника подъ заглавіемъ «Wizerunki»—въ Борисовскомъ уѣздѣ; знаменитѣйшій польскій историкъ, епископъ Нарушевичъ, въ Пинскомъ уѣздѣ; знаменитые археологи, проложившіе путь къ дальнѣйшимъ ученымъ изслѣдованіямъ, Зоріанъ Доленга-Ходаковскій, собственно Адамъ Чарноцкій, и родные братья, графы Константинъ и Евстафій Піевичи Тышкевичи — въ Минской губерніи, первый въ Слуцкомъ, послѣдніе въ Борисовскомъ уѣздѣ (въ Логойскѣ). Замѣчательный польскій повѣствователь Янъ Ходзько, авторъ «Пана Яна изъ Свислочи, странствующаго торгаша», признаннаго классическимъ сочиненіемъ и обязательнымъ для чтенія въ народныхъ училищахъ, переведеннаго на литовскій языкъ, а также сыновья его, Александръ, нынѣ профессоръ славянскихъ литературъ въ Парижѣ, и генералъ Іосифъ, извѣстный своимъ изслѣдованіемъ Арарата и тріангуляціонными работами на Кавказѣ— въ Минской губерніи, въ Вилейскомъ уѣздѣ (нынѣ причисленномъ къ Виленской губ.). Польскіе писатели, пользующіеся извѣстностью, Адамъ Плугъ (собственно Антонъ Петкевичъ), Антонъ Мошинскій, прелатъ, бывшій ректоръ піарскаго коллегіума въ Любешевѣ, въ Минской губерніи.

Наконецъ къ числу знаменитыхъ уроженцевъ Бѣлорусскаго края принадлежатъ извѣстный композиторъ Станиславъ Монюшко и талантливый живописецъ Дамель.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ VI.

ПРИРОДА БѢЛОРУССІИ.

Море Геродота.—Рѣки Геродота.—Природа Бѣлоруссіи.—Холмы и возвышенности.—Геогностическія особенности.—Нѣманскій, Днѣпровскій и Западно-Двинскій бассейны.—Каналы.—Озера.—Болота.—Звѣри.—Птицы.—Охота.—Рыбная ловля.—Садоводство.—Пчеловодство.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа, —
Край родной долготерпѣнья!..

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Ѳ. ТЮТЧЕВЪ.

Дика и величественна, разнообразна и измѣнчива природа Бѣлоруссіи. Много въ ней такихъ особенностей, какихъ вы не встрѣтите нигдѣ, развѣ на крайнемъ Сѣверѣ. Воды, болота, земля и лѣса составляютъ канву, на которой тысячелѣтія избороздили самые причудливые узоры, то открывая ихъ наготу, то закутывая гущею непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, и дѣлая почти недосягаемыми для человѣческаго глаза.

Тысячелѣтія отдѣляютъ насъ отъ той эпохи, когда вся долина Припети, или такъ называемое Пинское полѣсье, была тоже залита водою,—*моремъ Геродота,* страною водъ и тумановъ, какъ ее называетъ Дарій Гистаспъ въ своемъ походѣ на Скиѳовъ. Существуетъ до сихъ поръ непроходимое болото Гричинъ (въ 10 в. отъ Слуцка), которое по народному преданію будто бы и теперь имѣетъ подземное сообщеніе съ Чернымъ моремъ. Геродотъ говоритъ, что народъ Будины, или Вудины, живетъ надъ большущимъ озеромъ (моремъ), въ которое вливаются четыре большія рѣки: Оаръ, Сюргисъ, Ликъ и Танаисъ. Думаютъ, что древняя рѣка Оаръ — нынѣшняя Горынь, Сюргисъ — Стырь, Ликъ — Случъ. Танаисомъ назывался Донъ, который въ этой странѣ вовсе не протекаетъ, и о какой рѣкѣ говоритъ Геродотъ,—опредѣлить трудно.

Бассейны рѣкъ, прорѣзывающихъ Бѣлоруссію, придаютъ ей совершенно отличныя черты. Такъ по теченію Нѣмана и его притокамъ (Ложѣ, Уссѣ, Сулѣ, Ушѣ, Сервечѣ) мѣстность холмиста, весьма живописна, разнообразна. Въ Новогрудскомъ уѣздѣ (Минской губерніи), Нѣманъ, протекая по сѣверо-восточной границѣ, придаетъ особенную картинность мѣстности, вообще возвышенной, перерѣзанной холмами, среди коихъ пространныя надбрежныя долины во многомъ напоминаютъ живописныя мѣстности Трокскаго уѣзда, тоже по теченію Нѣмана.

Совершенно другое зрѣлище представляютъ намъ побережья Днѣпра. Здѣсь природа величественна, сурова. Нѣтъ того разнообразія, той игривости картинъ, какія видимъ по теченію Нѣмана.

Днѣпръ, большею частію протекая среди дремучихъ лѣсовъ, поднимая на своихъ водахъ барки и байдаки, съ высокими *щеглами*, придаетъ окрестнымъ мѣстамъ видъ хотя и мрачный, даже мѣстами полудикій, не менѣе того запечатленный кипучею дѣятельностью. По берегамъ его вы видите сотни людей, въ тяжеломъ трудѣ приспособляющихъ смолу, деготь, клепку и т. д. Здѣсь и самая физіономія народа отличается особыми типами: народъ видимо удрученъ работою, угрюмъ, молчаливъ. Здѣсь и пѣсня другая: она щемитъ вамъ душу, она рисуетъ вамъ такъ много горькаго, неприглядная, пережитаго этимъ страждущимъ народомъ.

На побережьяхъ Западной Двины какъ будто сливается картинность Нѣмана съ суровостью Днѣпра, образуя нѣчто среднее между ними, но не лишенное особенностей и картинности. Въ этомъ отношеніи Инфлянты (Витебской губерніи), съ многочисленными озерами, развалинами древнихъ замковъ, могилами и городищами представляютъ живописную суровую природу, связанную съ воспоминаніями о кровавомъ давно-минувшемъ прошломъ этой страны.

Совсѣмъ другой міръ представляетъ намъ долина Припети, это Геродотово море. Для естествоиспытателя, даже для поэта, здѣсь найдется такое обиліе предметовъ для изученія, для наблюденій, какого почти невозможно встрѣтить въ другихъ мѣстахъ. Составляя самую болотистую часть едва ли не во всей Россіи, долина Припети мѣняетъ свой видъ и производимое имъ впечатлѣніе, по временамъ года. Изборожденная рѣками, рѣчками, ручьями, разливами, протоками, усѣянная озерами, озерками, бродами, залегаемая непроходимыми болотами, она весною и теперь имѣетъ видъ моря, будучи почти на третью часть залита водами. Недаромъ полѣшукъ говоритъ, что Припеть слѣдуетъ назвать *три-пять*, т. е. трижды пять, потому что въ нее впадаетъпятнадцать рѣкъ. Лѣтомъ—другая картина, особенно когда лѣто знойное. Болота, еще недавно залитыя водою, подергиваются прозрачною дымкою тумана, теряющагося въ дальней синевѣ. Мѣстами виднѣются высокіе бугры, какъ будто островки. Ихъ покрываетъ значительная растительность, да и все болото имѣетъ видъ, какъ будто покрыто растительностью. Эти бугры для неопытнаго, незнакомаго съ мѣстностью весьма опасны. Иногда, въ жаркое время, хотя и съ большимъ трудомъ, кое-какъ можно добраться до нихъ, можно и вскарабкаться на самый холмикъ и продержаться на немъ нѣсколько минутъ, но тонкое сплетеніе корешковъ растеній, образующее холмикъ, не выдержитъ тяжести, оно прорвется, и тогда разверзается адская пучина, готовая поглотить неопытнаго. Были такіе несчастные случаи.

По разсказамъ старожиловъ, случается, что при весьма сильныхъ жарахъ болота высыхаютъ на столько, что дѣлаются доступными человѣку и даже на нихъ сѣятъ просо; но это бываетъ въ нѣсколько лѣтъ разъ.

Поражающее явленіе, страшная картина, когда въ знойное лѣто воспламенится болотный торфъ. Пламя охватываетъ громадныя пространства. Ночью все небо пылаетъ величественными столбами зарева. Звѣри съ ужасомъ бѣгутъ, ища спасенія въ водѣ, другіе забѣгаютъ даже въ деревни. Никто не тушитъ этихъ пожаровъ; да и нѣтъ никакой возможности ихъ потушить, ежели проливной и продолжительный дождь не подоспѣетъ на помощь.

Въ 1828 году лѣто было очень знойное. Самыя отдаленныя и непроходимыя болота сдѣлались доступными. Нѣсколько крестьянъ, воспользовавшись этимъ, зашли далеко отъ своихъ жилищъ. Каково же ихъ было удивленіе, когда, въ мѣстности весьма отдаленной и совершенно имъ неизвѣстной, неожиданно натолкнулись они на двѣ высокія сосны, между которыми вставлена была перекладина и на ней висѣлъ небольшой церковный колоколъ. Вокругъ были явственные слѣды человѣческаго жилья, кости животныхъ, разбросанные обломки посуды и т. п.; виднѣлись и небольшія насыпи съ истлѣвшими крестами. Пораженные этимъ, крестьяне спѣшили возвратиться въ деревню и разсказали про видѣнныя ими чудеса. Никто не могъ объяснить, что это значило и какимъ образомъ очутился тамъ церковный колоколъ. Наконецъ въ сосѣдней деревнѣ нашелся старѣйшій изъ старцевъ, который вспомнилъ, что отецъ

его разсказывалъ, какъ во время шведской войны, когда никому не было пощады, а морозы были до того люты, что большая часть болотъ замерзла, крестьяне, набравъ съ собою досокъ, устраивали, гдѣ оказывалась необходимость, плотины и такимъ образомъ зашли въ самую глушь, на выдающійся островъ, загнали туда немного скота, снесли съѣстные припасы, построили небольшіе шалаши, устроили даже родъ часовни и повѣсили колоколъ. Такъ прожили они десять недѣль. Потомъ, когда узнали, что непріятель ушелъ, возвратились домой, захвативъ что понужнѣе и предполагая вновь отправиться, чтобы снять колоколъ и забрать остальное имущество. Но вслѣдъ за симъ наступила оттепель и добраться до колокола не было уже никакой возможности. Такъ онъ и оставался тамъ до 1828 года, когда крестьяне торжественно возвратили колоколъ въ свою приходскую церковь. Разсказъ этотъ, вѣроятно, относится къ 1706 году, когда, какъ извѣстно, Карлъ XII прибылъ въ Пинскъ съ многочисленнымъ войскомъ, намѣреваясь отсюда отправиться на Волынь; но, постоявъ мѣсяцъ и убѣдившись въ невозможности совершить такой походъ по необозримымъ болотамъ, оставилъ Пинскъ. Приведенный выше разсказъ не согласуется только съ историческимъ фактомъ во времени года, ибо, на сколько намъ извѣстно, Карлъ XII посѣтилъ этотъ край не зимою — но въ маѣ. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что неистовствовавшіе отряды войскъ Карла XII могли явиться гораздо раньше, еще зимою.

Среди болотныхъ пущъ встрѣчаются глубокіе, холодные ручьи. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ нихъ не замерзаютъ даже при двадцатиградусныхъ морозахъ.

Въ глубинѣ лѣсовъ, далеко отъ человѣческаго жилья попадаются большія озера, извѣстныя весьма немногимъ изъ туземцевъ. Доступъ къ нимъ возможенъ только во время знойнаго лѣта, или въ большіе морозы. Но нѣкоторыя изъ озеръ почти никогда не замерзаютъ, такъ что на нихъ всю зиму цѣлыя стаи дикихъ гусей и утокъ свободно плаваютъ, находя обильную поживу въ мелкой рыбѣ и особенно въ вьюнахъ. Онѣ жирѣютъ до такой степени, что почти теряютъ способность летать, и мѣстные охотники, когда есть возможность добраться до озера, убиваютъ ихъ цѣлыя сотни.

Въ эти-то озера изливаются сотни ручьевъ и небольшихъ рѣчекъ, во множествѣ прорѣзывающихъ по всѣмъ направленіямъ долину Припети. Но есть и такія озера, къ которымъ доступъ совершенно невозможенъ ни въ какое время года.

Еще недавно беззаботно и почти въ совершенной безопасности жили здѣсь, въ узкихъ рѣченкахъ, въ большомъ количествѣ бобры и выдры. Рѣчка Случь испещрена была замысловатыми постройками бобровъ. Въ настоящее же время на Случѣ ихъ совсѣмъ уже нѣтъ, да и вообще очень мало осталось бобровъ и выдръ. Охотники истребляютъ ихъ страшно, выручая за хорошаго бобра до двадцати, иногда и болѣе рублей, а за выдру отъ трехъ до пяти руб.

Какъ въ цѣломъ Бѣлорусскомъ полѣсьѣ, такъ въ особенности въ долинѣ Припети, лѣса составляютъ главное богатство края. Въ лѣсахъ владѣльцы, по мѣстному выраженію, *гонятъ* деготь, смолу, выдѣлываютъ поташъ, строевые брусья, доски, драны, гонтъ, клепку, даже мачты для кораблей, *щегла* (тоже родъ мачты) для байдаковъ. Зимою гнутъ полозья, дуги, ободья, оси, оглобли и т. д. Всѣ эти предметы на мѣстныхъ судахъ отправляются въ Данцигъ, въ Кенигсбергъ, въ Кременчугъ и другія мѣста, откуда въ замѣнъ получаются соль и другіе предметы.

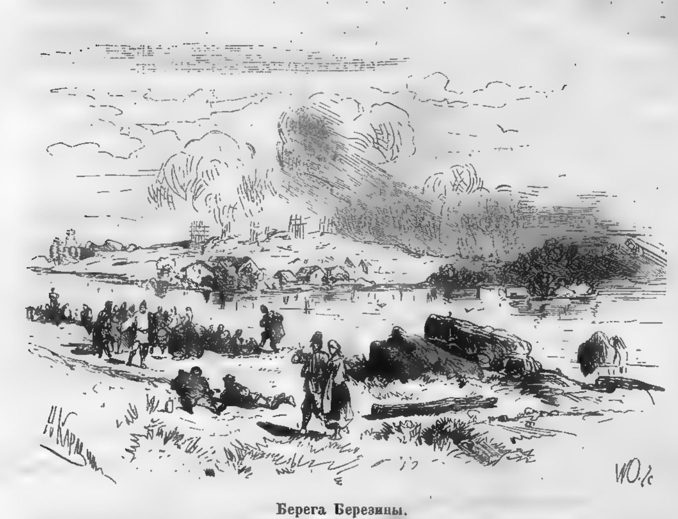
Въ послѣдніе годы, конечно, многое измѣнилось; много лѣсовъ истреблено, но въ долинѣ Припети пройдутъ сотни лѣтъ, а лѣса не истребятся. Это свой особый, угрюмо-мрачный и дикій лѣсной міръ, къ которому даже осушеніе болотъ не скоро проложитъ свободный путь. Это міръ, въ которомъ привольно живутъ медвѣди, волки, лоси, дикія козы, черныя россомахи. Только бури и ураганы производятъ безнаказанно страшныя опустошенія въ этихъ лѣсахъ, особенно на окраинахъ. Сотни деревъ вырываются съ корнемъ, гигантскія сосны перерѣзываются на-двое; опустошенія бываютъ такъ велики, что потомъ надобно много усилій, чтобы очистить путь.

Въ Минской губерніи количество лѣсовъ составляетъ 60% общаго пространства. Въ Могилевской и Витебской до 35%.

Минская губернія справедливо называется страною тумановъ или озеръ. Небольшіе холмы и возвышенности замѣчаются только въ сѣверной и сѣверо-западной части губерніи и служатъ водораздѣломъ Балтійскаго и Чернаго морей. Исключеніе составляетъ Новогрудскій уѣздъ, гдѣ поверхность вообще болѣе возвышенна, перерѣзана холмами. Но самый высокій холмъ находится въ Минскомъ уѣздѣ, извѣстный подъ именемъ *Лысой горы*, вышиною въ 161 сажень.

Геогностическій составъ почвы губерніи во многихъ мѣстахъ заключаетъ въ себѣ много задатковъ для богатаго земледѣльческаго промысла. Осадки болотъ и озеръ образуютъ сѣрую землю и покрываютъ глину, мергель, супескъ, песокъ и обыкновенные камни.

Сѣверо-западная часть губерніи принадлежитъ къ третичной формаціи, юго-восточная же часть вся состоитъ изъ наносныхъ и дилювіальныхъ осадковъ позднѣйшаго образованія; поэтому-то здѣсь на огромныхъ пространствахъ залегаетъ торфъ и торфяныя болота.

Берега Березины.

Въ Витебской губерніи почти вся площадь принадлежитъ къ девонской формаціи, восточная же часть принадлежитъ къ каменноугольной. Изъ горныхъ породъ замѣчаются пласты красныхъ песчаниковъ и известняка. Окаменѣлости попадаются преимущественно въ высокихъ берегахъ Западной Двины. Холмы Витебской губерніи служатъ продолженіемъ Авратынской выси. Продолженія Валдайскихъ возвышенностей служатъ здѣсь водораздѣломъ бассейновъ Финскаго залива и Западной Двины.

Въ Могилевской губерніи, въ сѣверной части девонская формація, въ западной и южной части губерніи — нижняя третичная формація. Сѣверная часть перерѣзана кряжемъ холмовъ, продолженіемъ Валдайской возвышенности; южная же часть болѣе ровная.

Изъ минераловъ въ Могилевской губерніи находятся: желѣзныя руды въ Могилевскомъ, Быховскомъ, Рогачевскомъ и частію Чаусовскомъ уѣздахъ; глины кирпичныя, горшечныя и фаянсовыя въ разныхъ мѣстахъ; въ Горѣцкомъ уѣздѣ встрѣчается красная земля, употребляемая для окраски кровель. Оршанскій уѣздъ богатъ известью, которую въ большомъ числѣ сбываютъ по Днѣпру въ другія губерніи. Около г. Сѣнно находятся минеральные источники. Вблизи г. Горокъ есть родникъ, содержащій въ себѣ желѣзо.

Въ Могилевѣ есть ключи, содержащіе соленую воду.

Въ Минской губерніи находятся желѣзныя руды, известнякъ и мѣлъ въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, а также въ Новогрудскомъ.

Рѣки въ Бѣлорусскомъ полѣсьѣ принадлежатъ къ тремъ главнымъ бассейнамъ: Нѣманскому, Днѣпровскому и Западно-Двинскому. Важнѣйшій, конечно, Днѣпровскій бассейнъ, къ которому принадлежатъ Березина и Припеть, составляющія, какъ по величинѣ площади, ими занимаемой, такъ и по богатству водъ, какъ бы два отдѣльныхъ бассейна. Теченіе Нѣмана въ Минской губерніи простирается на 211 верстъ; изъ этого числа 89 верстъ внутри губерніи и

Половодье.

122 по границѣ Виленской губерніи, такъ что только лѣвый берегъ принадлежитъ Минской губерніи. Нѣманъ придаетъ здѣсь особый живописный характеръ мѣстности. На протяженіи площади, занимаемой Нѣманомъ, въ него впадаютъ Ложа, Усса, Сула, Уша, Сервечъ. Важную роль играетъ здѣсь притокъ Нѣмана Шара (о которой мы уже говорили при описаніи Гродненской губерніи). Вытекая изъ Новогрудскаго уѣзда, она течетъ съ сѣвера на югъ до границъ Пинскаго уѣзда, гдѣ соединяется съ Огинскимъ каналомъ.

Въ Борисовскомъ уѣздѣ есть еще небольшая рѣка Эсса, принимающая въ себя устье Веребскаго канала, соединяющаго Западную Двину съ Березиной. Эсса впадаетъ въ Лепельское озеро Витебской губерніи.

Днѣпръ течетъ по границѣ Минской губерніи на протяженіи 230 верстъ, принадлежа губерніи правымъ своимъ берегомъ и принимая въ себя двѣ главныя рѣки этой губерніи: Березину и Припеть. Въ Могилевской же губерніи Днѣпръ своимъ бассейномъ занимаетъ почти всю площадь губерніи и непосредственно принимаетъ въ себя 97 рѣкъ и 152 рѣчки. Главный притокъ Днѣпра здѣсь рѣка Сожъ, которая одна принимаетъ въ себя 88 рѣкъ и 245 рѣчекъ, такъ что Могилевская губернія едва-ли не богаче всѣхъ губерній Россіи обиліемъ рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ, составляющихъ громадное число, болѣе тысячи. Днѣпръ протекаетъ губернію на протяженіи 410 верстъ. До м. Шклова онъ течетъ въ тѣсныхъ и крутыхъ берегахъ; а близь Орши берега представляютъ обнаженные песчаники и доломиты девонской формаціи. Лѣвый берегъ выше праваго, но отъ Орши, гдѣ рѣка поворачиваетъ на югъ, правый берегъ становится возвышеннымъ, а лѣвый отлогимъ. Ниже Могилева замѣчаются рыхлыя породы нижней третичной формаціи. Наибольшая ширина Днѣпра достигаетъ 160 саженъ, весною же разливы его простираются на нѣсколько верстъ.

Березина, въ Минской губерніи, течетъ на протяженіи 590 верстъ. Бассейнъ ея состоитъ изъ 146 рѣкъ и рѣчекъ. Наибольшій изъ притоковъ Березины—Свислочъ, протекающій 211 верстъ.

О Припети мы скажемъ въ особомъ очеркѣ.

Сожъ протекаетъ по Могилевской губерніи около 300 верстъ и въ м. Лоевѣ впадаетъ въ Днѣпръ. Правый берегъ ея возвышенъ и мѣстами живописенъ. Лѣса, луга, озера придаютъ ея долинѣ особенную картинность. Во время разливовъ она затопляетъ почти всю долину и горизонтъ водъ возвышается до пяти саженъ.

Послѣ Днѣпра важнѣйшею рѣкою считается въ Бѣлорусскомъ полѣсьѣ Западная Двина. Она главнымъ образомъ принадлежитъ Витебской губерніи, гдѣ ея теченіе простирается на 680 верстъ. На сѣверовостокѣ она на протяженіи 30 верстъ отграничиваетъ Витебскую губернію отъ Псковской. Точно также по границѣ Могилевской губерніи протекаетъ 27 верстъ.

Берега Западной Двины высоки и круты; одинъ берегъ постоянно господствуетъ надъ покатостями другаго. Какъ паденіе рѣки неравномѣрно (отъ 4 до 42 саженъ), такъ теченіе, ширина, глубина и самое дно весьма измѣнчивы. Наибольшее паденіе въ порогахъ, круто поднятыхъ одинъ надъ другимъ. Пороги эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идутъ каменными грядами черезъ всю ширину рѣки, препятствуя свободному плаванію судовъ съ грузами, которое вполнѣ безопасно и удобно только весною и осенью. Самые опасные пороги за мѣстечкомъ Крейцбургомъ, гдѣ на протяженіи пяти верстъ девять пороговъ, имѣющихъ общее названіе *Перекоришъ*. Теченіе Западной Двины мѣстами, тамъ, гдѣ берега болѣе сжаты, очень быстро и равняется 1,5 ф. Ширина отъ 50 до 200 саженъ. Дно то песчаное, то каменистое, перегораживамое мелями, островками, каменистыми грядами, плитняковыми уступами. Несмотря на всѣ эти препятствія, судоходство по ней весьма значительно.—Западная Двина около 230 дней въ году свободна отъ льда. Глубина ея достигаетъ четырехъ саженъ и болѣе.

Изъ множества притоковъ Западной Двины мы упомянемъ важнѣйшіе: Межа, Каспля, Улла. Всѣ онѣ менѣе или болѣе судоходны, и въ этомъ отношеніи нѣкоторыя весьма важны для торгово-промышленной дѣятельности края. По одной Касплѣ судорабочихъ бываетъ болѣе шести тысячъ человѣкъ.

Въ Витебской губерніи есть еще рѣки, непосредственно впадающія въ озера Ильмень, Псковское, Лубань; такъ напр. Великая, впадающая въ Псковское озеро, Ловать въ озеро Ильмень.

Кромѣ такого множества рѣкъ и рѣчекъ, въ Бѣлорусскомъ полѣсьѣ замѣчательны еще слѣдующіе каналы: Огинскій, въ Минской губерніи, сооруженный въ началѣ второй половины XVIII столѣтія великимъ гетманомъ Огинскимъ, для соединенія р. Шары, впадающей въ Нѣманъ, съ р. Яселдою, притокомъ Припети. Каналъ проходитъ черезъ два озера: Вулько и Выгоновское. Первое, глубокое, съ твердыми берегами, служитъ удобною пристанью для зимовки судовъ, послѣднее же находится на возвышенной плоскости. Оно составляетъ главный резервуаръ канала. Вмѣстѣ съ озерами каналъ имѣетъ протяженія $44^1/_2$ версты; ширина по дну до пяти саженей, глубина до трехъ футовъ.

Сергучовскій или Березинскій каналъ прорытъ въ 1804 году для обхода нижней части рѣки Сергуча, гдѣ она по весьма узкому и извилистому теченію не способна для судоходства. Длина канала 8 верстъ 300 саженъ, ширина $11^1/_2$ саженъ, по дну 5 саженъ, глубина 10 футовъ. Каналъ этотъ въ послѣднее время требовалъ значительныхъ исправленій. Поэтому, по распоряженію правительства, 8 октября 1879 года приступлено къ работамъ, именно къ очисткѣ канала отъ наносовъ въ открытой его части между рѣкою Березиною и первымъ шлюзомъ, на протяженіи 530 пог. саж.

Веребскій каналъ вырытъ въ 1802 г., для соединенія рѣки Берешты съ Эссою. Длина его двѣ версты 228 саженей. Каналъ этотъ находится на границѣ Борисовскаго уѣзда Минской съ Витебскою губерніею, собственно въ Лепельскомъ уѣздѣ.

Каналъ, соединяющій озеро Плавію съ озеромъ Берештою, длиною семь верстъ 300 саженъ, шириною пятнадцать, а по дну 8 саженъ.

Всѣ эти каналы входятъ въ составъ Березинской системы, посредствомъ Западной Двины и Днѣпра, вспомогательныхъ вѣтвей, какъ-то: озеръ и каналовъ, соединяющей Балтійское море съ Чернымъ.

Кромѣ этихъ каналовъ въ составъ Березинской системы входятъ, въ томъ-же Лепельскомъ уѣздѣ, Лепельскій каналъ, соединяющій рѣку Эссу съ Лепельскимъ озеромъ, и Чашниковскій, сооруженный для обхода изгибовъ на рѣкѣ Уллѣ при мѣстечкѣ Чашникахъ.

Бѣлорусское полѣсье богато озерами, изъ коихъ большая часть не имѣютъ никакихъ названій. Въ Минской губерніи, кромѣ озера Выговичи, отличающагося своимъ возвышеннымъ, положеніемъ и служащаго резервуаромъ водъ для р. р. Яселды и Шары, замѣчательно озеро Князь или Жидъ, въ Мозырскомъ уѣздѣ, богатое рыбою. Расположенное среди дремучихъ лѣсовъ, оно занимаетъ около 43 квад. верстъ пространства (длина 16 и ширина 5 верстъ). Жители прибрежныхъ деревень Пуховичи, Ляховичи, селенія Князь-Озеро и Дяковичи, производятъ значительную торговлю рыбою изъ этого озера съ Минскомъ, Житомиромъ, Слуцкомъ и другими городами Западной Россіи. Сохранилось нѣсколько преданій объ этомъ озерѣ и странныхъ названіяхъ онаго, впрочемъ исторически ничѣмъ не подтверждаемыхъ. Народное преданіе говоритъ, что посреди озера, на островѣ существовалъ замокъ, принадлежавшій князьямъ Слуцкимъ-Олельковичамъ. Одинъ изъ этихъ князей, поссорившись съ своимъ братомъ, заточилъ его въ этотъ замокъ. Спустя нѣкоторое время, когда князь еще былъ въ замкѣ, воды озера сильно поднялись, затопили островъ и разрушили замокъ, причемъ конечно погибъ несчастный князь. Были случаи, когда со дна озера добывали кирпичъ, разную утварь, обломки

желѣза и между прочимъ, будто-бы, нѣкоторые части разбитыхъ въ дребезги царскихъ дверей. Наконецъ увѣряютъ, что на днѣ озера сохранились даже каменные своды.

Въ Новогрудскомъ уѣздѣ замѣчательно озеро *Свитезь*, прославленное Мицкевичемъ. Здѣсь онъ просиживалъ многіе часы подъ тѣнью вѣковыхъ дубовъ и здѣсь написалъ свою прекрасную балладу «Свитезь», въ которой выходятъ на сцену озерныя нимфы «Свитезянки». Это тѣ же русалки, или «Гоплянки», какъ ихъ называютъ въ Познани отъ озера «Гопло». Великій поэтъ наложилъ на это озеро печать чего-то волшебнаго. Оно и въ самомъ дѣлѣ не похоже на другія. Озеро небольшое, имѣетъ видъ продолговатаго круга, со всѣхъ сторонъ окаймлено дубовыми и березовыми рощами. Берега какъ будто нарочно вымощены разноцвѣтными камешками. Вода чистая, какъ въ источникѣ. Дно твердое, покрытое мелкими камешками и бѣлымъ пескомъ. Кто въ первый разъ пріѣзжаетъ въ Новогрудокъ, непремѣнно посѣтитъ и Свитезь, находящееся недалеко отъ города. На берегу озера, въ лѣсу, была хижина лѣсника, мѣстнаго сторожила. Когда я посѣтилъ это озеро (1856 г.), лѣсникъ съ горестью говорилъ мнѣ: «съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ *паничъ* (Мицкевичъ), *паненки* (т. е. свитезянки, или русалки) уже больше не появляются на озерѣ». — А при немъ появлялись? — спросилъ я. «А якъ-же, отвѣчалъ добродушный старикъ, всѣ ихъ видѣли, да онъ же и описалъ ихъ.»

Въ Витебской губерніи насчитываютъ болѣе 2,500 озеръ, изъ коихъ многія не имѣютъ даже названія. Большею частію озера лежатъ среди возвышенныхъ береговъ, поросшихъ лѣсомъ. Въ Лепельскомъ уѣздѣ замѣчательны озера: Лепельское и Черствяны, величиною каждое въ одиннадцать кв. верстъ. Изъ Лепельскаго озера вытекаетъ рѣка Улла. На западной сторонѣ озера, на полуостровѣ находился древній замокъ; теперь тамъ церковь. Городъ расположенъ на южномъ берегу озера. Небольшой ручей соединяетъ озеро Черствяны съ озеромъ Тетча, гдѣ на восточномъ берегу стоялъ городъ Лебедь. Въ Динабургскомъ уѣздѣ самыя большія озера Сиверъ въ 39 кв. верстъ и Рушона въ 36 кв. верстъ. Изъ Сивера истекаетъ рѣка Дубна, впадающая въ Западную Двину. На озерѣ Рушона десять небольшихъ островов, поросшихъ березовыми рощами. Въ Дриссенскомъ уѣздѣ глубокое и бурное озеро Освей, имѣющее 42 кв. версты поверхности. На южномъ берегу озера находится замѣчательное мѣстечко Освей. Въ сѣверо-западной части есть большой островъ, называвшійся въ прежнее время Ду. На этомъ островѣ находится небольшая деревушка; въ прежнее время здѣсь была церковь Рождества Богородицы. Озеро Освей соединено съ озеромъ Лисно, имѣющимъ $21\frac{1}{2}$ кв. верстъ поверхности, посредствомъ канала въ 14 верстъ длины. Кромѣ того Лисно соединяетъ притокъ съ рѣкою Свольною, впадающею въ Дриссу. Этотъ соединительный путь служитъ для сплава лѣса. Въ Полоцкомъ уѣздѣ озеро Нещарда, или Несчерда, имѣющее болѣе 24 кв. верстъ поверхности. Сѣверный берегъ его, усѣянный высокими холмами и селеніями, весьма красивъ. На восточной сторонѣ озера есть полуостровъ, на которомъ войска Іоанна Грознаго построили сильно укрѣпленный замокъ, называвшійся также Несчерда. Замокъ этотъ 13 декабря 1579 года взятъ былъ и сожженъ польскими войсками. Въ Себежскомъ уѣздѣ большія озера Осына и Свибло, имѣющія до 14 кв. верстъ поверхности. Послѣднее славится необыкновенной величины лещами. Озеро Неведро на границѣ уѣздовъ Невельскаго съ Себежскимъ. Самое значительное изъ озеръ, на сѣверо-западной границѣ Рѣжицкаго уѣзда, Лубань, занимающее площадь до 73 кв. верстъ. Топи и болота, окружающія озеро, доказываютъ, что въ прежнее время оно занимало еще большую площадь. Изъ озера идетъ каналъ на протяженіи 15 верстъ, соединяющій его съ рѣкою Евикштою. Эта же рѣка беретъ и свое начало изъ этого озера. Въ сѣверной сторонѣ находится довольно значительный луговой островъ. Весьма живописное озеро Розно въ юго-восточной части того же уѣзда, котораго площадь занимаетъ до $48\frac{1}{2}$ кв. верстъ. Оно окружено со всѣхъ сторонъ горами, на коихъ разбросаны деревни и посады. Глубина озера до двадцати саженъ. На сѣверѣ образуется заливъ, именуемый озеромъ Дукисты-галомъ. Озеро Ешо имѣетъ въ длину семь верстъ, шириною болѣе двухъ, замѣча-

тельно тѣмъ, что на немъ разбросано 25 небольшихъ островов, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ. Проливъ соединяетъ его съ озеромъ Золва, очень узкимъ, длиною въ 6 верстъ.

Въ Могилевской губерніи мало озеръ. Они разсѣяны между Днѣпромъ и Западною Двиною и отличаются возвышенными берегами; напротивъ, съ южной стороны, между Днѣпромъ и Сожею имѣютъ низменные берега, окруженные луговыми долинами.

Южная часть Минской губерніи славится своимъ болотнымъ царствомъ. Это такъ называемое Пинское полѣсье, собственно долина Припети, о которой мы поговоримъ въ особой статьѣ. Въ остальныхъ двухъ губерніяхъ, болотъ относительно немного. Въ Могилевской губерніи, въ сѣверной части, есть значительныя болота Веретея, имѣющія 25 верстъ въ длину и 15 въ ширину.

Возвращеніе съ охоты на медвѣдя.

Въ Витебской губерніи самыя значительныя болота въ сѣверо-западной части. Болото около озера Лубани, о которомъ мы говорили, имѣетъ болѣе 120 кв. верстъ. Большая часть болотъ окружаетъ озера, или примыкаетъ къ верховьямъ рѣкъ. Во всей губерніи считаютъ до 432 тысячъ десятинъ болотистаго пространства. Особенно много болотъ въ Динабургскомъ уѣздѣ, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ величиною въ 136 кв. верстъ, и въ уѣздѣ Полоцкомъ. Болото Лонница занимаетъ здѣсь 77 кв. верстъ и на немъ семь небольшихъ озеръ. Съ сѣвера оно примыкаетъ къ рѣкѣ Дриссѣ, съ юга къ Полотѣ.

Увѣряютъ, что въ прежнее время въ Минской губерніи водились зубры и соболи. Нынѣ нѣтъ ихъ вовсе. О зубрахъ, соболяхъ, дикихъ лошадяхъ упоминается въ Литовскомъ статутѣ 1588 г. Дикіе звѣри живутъ привольно въ лѣсахъ бѣлорусскихъ. Во всѣхъ трехъ губерніяхъ водятся во множествѣ медвѣди, волки, лоси, дикія козы, серны, кабаны, лисицы, выдры, куницы, рыси, норки, барсуки, зайцы, рѣдко россомахи и др. Оленей немного. Бобры еще существуютъ, но далеко не въ такомъ количествѣ, какъ бывало прежде. Впрочемъ, въ настоящее время землевладѣльцы стали очень заботиться объ ихъ сохраненіи.

Обиліе лѣсовъ и водъ снабжаетъ жителей во множествѣ дичью и рыбою разныхъ видовъ. Изъ дичи водятся глухари, куропатки, тетерева, рябчики, утки, бекасы, дупеля, дрофы и др. Изъ рыбъ извѣстны различныхъ сортовъ щуки, лещи, караси, окуни, плотва, налимы, угри, судаки, большущіе сомы; попадается даже форель, падуста и селява, но отличная видомъ и вкусомъ отъ прославленной трокской селявы.

Охота какъ на зайцевъ и птицъ, такъ въ особенности на дикаго звѣря (облавы), также какъ въ Литовскомъ полѣсьѣ, составляли любимое занятіе дворянства и въ Бѣлоруссіи. Пріемы тѣ же какъ и въ Литвѣ. Тѣ же приживальцы (резиденты), командующіе охотою, стрѣльцы, стаи собакъ и т. д. Конечно, теперь многимъ не до охоты, да и нѣтъ прежнихъ удобствъ. Крестьянъ нельзя согнать на охоту, съ зачетомъ имъ проведеннаго на охотѣ времени за барщину. Впрочемъ, охоты на дикаго звѣря и теперь совершаются такъ-же торжественно, хотя гораздо рѣже. Очевидецъ и конечно самъ охотникъ, бѣлоруссъ, почтенный генералъ Безъ-Корниловичъ, вотъ какъ описываетъ охоту въ Бѣлоруссіи, въ недавнее время (1855): «Если стрѣльцы донесутъ, что обошли лося, медвѣдя или напали гнѣздо волковъ, тогда помѣщикъ даетъ знать сосѣдямъ, приглашая ихъ къ себѣ въ назначенный день на охоту: собираетъ стрѣльцовъ и крестьянъ. Охотники устраиваютъ облаву, размѣщая крестьянъ полукругомъ по дорогѣ или просѣкѣ; другой полукругъ занимаютъ стрѣльцы; стремянный ведетъ собакъ вокругъ отъѣзжаго поля и оттуда ихъ спускаетъ въ лѣсъ, чтобы гнали звѣря на охотниковъ; самъ верхомъ скачетъ за собаками, ободряя ихъ трубнымъ звукомъ. По особому лаю гончихъ, охотникъ узнаетъ, что собаки напали на слѣдъ звѣря, разставленные по дорогѣ крестьяне крикомъ и стукомъ принуждаютъ звѣря бѣжать въ ту сторону, гдѣ стоятъ стрѣльцы, которые ихъ убиваютъ. Всѣ убитые на облавѣ звѣри принадлежатъ хозяину».

Къ этому мы можемъ прибавить, что въ числѣ дворовыхъ людей и даже крестьянъ есть записные охотники, отличающіеся не только мѣткою стрѣльбою, но необыкновенною смѣлостью, находчивостью и удалью. Безъ всякихъ приготовленій, такой охотникъ, одинъ съ плохимъ, полуизломаннымъ ружьемъ да ножемъ за поясомъ, выслѣдитъ медвѣдя или другаго крупнаго звѣря, подпуститъ его къ себѣ на нѣсколько шаговъ и мѣткимъ выстрѣломъ положитъ на мѣстѣ. Есть и такіе молодцы, которые безъ ружья, съ ножемъ да сѣкирою бросаются на звѣря и одолѣваютъ его.

Рыбная ловля въ Минской губерніи составляетъ значительный промыселъ и доставляетъ большія выгоды. Въ другихъ губерніяхъ Бѣлорусскаго полѣсья тоже весьма значительная рыбная ловля неводами, бреднями, сѣтями, мережами и бучами. У прибрежныхъ жителей рѣкъ и озеръ рыболовство входитъ въ народные обычаи, соединяется съ извѣстною увѣковѣченною обрядностію и сопровождается весьма древними пѣснями.

Садоводство весьма распространено въ цѣломъ Бѣлорусскомъ полѣсьѣ. Положительно можно сказать, что нѣтъ ни одного помѣщичьяго имѣнія, въ которомъ бы не было фруктоваго сада. Много садовъ въ бѣлорусскихъ городахъ и мѣстечкахъ; но пріятнѣе то, что и многіе изъ крестьянъ имѣютъ небольшіе фруктовые садики. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, владѣлецъ имѣнія Дубровна и многихъ другихъ въ Оршанскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, князь Любомирскій, большой любитель и знатокъ садоводства, почти силою заставлялъ своихъ крестьянъ заводить сады. Много было ропота по этому поводу; но послѣдствія были самыя благопріятныя: садоводство развилось повсемѣстно въ имѣніяхъ князя, сдѣлалось необходимостью, породило подражателей и поддерживается до нашихъ дней. Есть много богатыхъ, отлично содержимыхъ оранжерей въ большихъ имѣніяхъ.

Извѣстно, что медъ былъ любимымъ напиткомъ, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Бѣлоруссіи. Медовареніемъ занимались даже монастыри разныхъ орденовъ, но въ особенности іезуитскіе. Медъ іезуитскій славился повсюду. Поэтому и на пчеловодство было обращено особенное вниманіе. Пчеловодствомъ занимались не одни помѣщики, но и крестьяне. У зажиточнаго кресть-

янина бывало до 80 и болѣе ульевъ. Въ настоящее время пчеловодство значительно упало, но нельзя сказать, чтобы страсть къ нему и любовь уменьшились. И теперь весьма многіе какъ помѣщики, такъ и крестьяне содержатъ пасѣки, нѣкоторые даже значительныя. Но выдѣлка меда весьма ограниченная. Крестьяне больше всего разсчитываютъ на продажу воска, котораго цѣна, въ сравненіи съ прежнимъ, постоянно возрастаетъ. Медовареніемъ преимущественно занимаются Евреи въ городахъ. А еще мы помнимъ время, когда за барскимъ столомъ вино подавалось только въ особенныхъ случаяхъ, зато медъ и превосходныя наливки (изъ вишень, малины, смородины, крыжевника и т. д.) составляли любимый напитокъ.

Во всей Бѣлоруссіи пчеловодствомъ занимаются болѣе крестьяне. Помѣщики содержатъ такъ называемыхъ *домовыхъ* пчелъ, для которыхъ ставятъ *пасѣки*, т. е. собраніе ульевъ въ саду, огородѣ, или въ особо огороженныхъ мѣстахъ. У крестьянъ же пчелы лѣсныя. Дерево, изъ котораго выдолблена середина, называется *борть* или *барть*. Ихъ ставятъ въ лѣсахъ, и въ нихъ пчелы охотно поселяются. Другіе же дѣлаютъ ульи и ставятъ ихъ на высокихъ деревьяхъ, преимущественно въ липовой или березовой рощѣ. Крестьяне *напыскаютъ* ульи, т. е. окропляютъ уксусомъ, медомъ и растворами изъ травъ и цвѣтовъ пахучихъ, что привлекаетъ пчелъ въ уставленный на деревѣ улей. Придуманы даже средства, какъ защитить улей отъ медвѣдя. Для этого устраиваютъ такъ называемые *подкуры*, заключающіеся въ томъ, что къ дереву, на которомъ уставленъ улей, прикрѣпляютъ особое бревно, препятствующее медвѣдю взобраться на дерево. Бревно такъ устроено, что, когда медвѣдь хочетъ сбросить его, оно сильно ударяетъ медвѣдя. Есть еще и другіе способы защиты отъ медвѣдя, придуманные крестьянами, какъ напр. набивка дерева большими желѣзными гвоздями, устройство вокругъ дерева толстыхъ остроконечныхъ кольевъ и т. п. Вообще пчеловодство, особенно въ Могилевской губерніи, для крестьянъ весьма выгодно. Къ сожалѣнію, однако, въ послѣднее время гораздо менѣе *бортей* или ульевъ на деревьяхъ, потому что завелись охотники выбирать изъ нихъ чужой медъ. Это тѣмъ прискорбнѣе, что въ прежнее время такія дѣйствія считались ужаснѣйшимъ преступленіемъ.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ VII.

ДОЛИНА ПРИПЕТИ.

Пинское полѣсье и Полѣшуки.—Морское судно.—Бассейнъ Припети и Пинскія болота.—Болото Гричинъ.—Болота Волхова и др.—Песчаные бугры.—Сухопутные и водяные пути сообщенія.—Желѣзная дорога.—Значеніе Пинска въ торговомъ отношеніи.—Народная жизнь.—Жилища.—Пища.—Скота.—Рыболовство.—Обработка земли.—Одежда.—Колтунъ.—Народная нравственность.—Набожность и остатки язычества.—Преданія о камняхъ.—Оборотни.—Знахари, волшебники, вѣдьмы.—Чортова свадьба.—Происхожденіе медвѣдя.—Смертоносная дѣва.—Народные праздники.—Осушеніе Пинскихъ болотъ.

„Болота, окружающія Пинскъ, множество рѣкъ и рѣчекъ, пересѣкающихъ край, и весенніе ихъ разливы, затопляющіе огромныя пространства, были, вѣроятно, причиною существующаго и теперь преданія, что нѣкогда Черное море простиралось до самаго Пинска; но какой-то могущественный князь Кіевскій раскопалъ горы и спустилъ задерживаемыя ими воды, отчего на мѣстѣ моря остались одни болота. Въ доказательство этого приводятъ якоря, находимые при обработкѣ полей, но гдѣ эти якоря, когда и кѣмъ найдены—это неизвѣстно."

I. И. КРАШЕВСКІЙ.

(Wspomnienia Wolynia, Polesia, Litwy).

Церковь въ Пинскѣ.

Доказательства того, что преданія о якоряхъ имѣютъ фактическое основаніе, нашлись вскорѣ послѣ того времени, какъ Крашевскій писалъ вышеприведенныя строки. Не только якоря, но и цѣлыя суда, въ родѣ небольшихъ кораблей, найдены были въ долинѣ Припети, обыкновенно называемой географами и статистиками Бѣлорусскимъ, или *Пинскимъ полѣсьемъ*, жителей котораго называются *Полѣшуками.*

Довольно важный документъ имѣется въ археологическомъ отдѣленіи Краковской академіи наукъ — а именно, подлинное, собственноручное удостовѣреніе отъ 26 іюля 1818 года, Модеста Гриневецкаго, профессора догматическаго богословія и прокуратора, въ томъ, что «по свидѣтельству очевидца Бенедикта Орачевскаго, въ 1786 году, въ Мозырскомъ уѣздѣ (Минской губерніи), на границѣ Овручскаго уѣзда (Волынской губерніи), вблизи деревень Друнки и Молочки, принадлежавшихъ Овручскому римско-католическому аббатству, въ болотахъ найдена была передняя часть большаго корабля, окованная желѣзомъ. Длина желѣза составляла

14 локтей (около 13 аршинъ). Оно было привезено въ овручскій монастырь, гдѣ его осматривали всѣ жители Овруча и съѣхавшіеся въ то время дворяне по случаю пограничной тяжбы между Прозорами и Оскеркой. Орачевскій былъ викарнымъ священникомъ въ овручскомъ монастырѣ (впослѣдствіи суперіоромъ добромильскимъ), настоятелемъ же монастыря или аббатомъ былъ Іосафатъ Охоцкій».

Мы привели этотъ фактъ, какъ никому неизвѣстный и вполнѣ достовѣрный. Описанія отысканнаго корабля не имѣется, какъ равно нѣтъ свѣдѣній, что съ нимъ сдѣлалось; но во всякомъ случаѣ, самая длина желѣза, снятаго съ передней только части корабля, въ 13 аршинъ, доказываетъ, что ежели это и не былъ корабль, то во всякомъ случаѣ большое судно, и что теперешнія болота составляли если и не море, то одно большое озеро. Деревни Дунки и Молочка расположены на окраинѣ непроходимыхъ болотъ, тянущихся по обѣимъ сторонамъ Припети.

Собственно Полѣсье, т. е. долина Припети, занимаетъ три южные уѣзда Минской губерніи: Пинскій, Мозырскій и Рѣчицкій; но, по однородности почвенныхъ условій, къ этому же Полѣсью относятъ все пространство, начинающееся за Слонимомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ и тянущееся на югъ до Ковеля, Клеваня и Радомысля, включая также всю мѣстность отъ Буга до Днѣпра, между Кобрыномъ и Лоевымъ. Вся эта площадь называется Полѣсьемъ; она собственно и составляетъ котловину рѣки Припети, которой лѣвая сторона называется Бѣлорусскимъ, или Пинскимъ полѣсьемъ, а правый берегъ носитъ названіе Волынскаго полѣсья.

Весь бассейнъ Припети со множествомъ притоковъ, озеръ, ручьевъ, порождающихъ необъятную влажность, давно извѣстенъ подъ общимъ названіемъ *Пинскихъ болотъ*. Громадная эта площадь граничитъ съ юга съ Волынскою губерніею и Галиціею, съ запада — съ срединою Гродненской губерніи, съ сѣвера — съ возвышенною частью Минской губерніи и съ востока — съ водораздѣломъ по верховьямъ притоковъ Березины и Птичи. Длина ея, съ сѣвера на югъ, отъ верховьевъ рѣки Птичи до верховьевъ рѣки Случа, по прямому направленію составляетъ болѣе четырехсотъ верстъ; съ запада же на востокъ, отъ верховьевъ до устья Припети болѣе 600 верстъ. Вся площадь долины занимаетъ пространство до 24,000 кв. верстъ.

Рѣка Припеть или какъ, другіе пишутъ, *Припять*, имѣетъ до такой степени свой отличительный характеръ, что ее справедливо причисляютъ къ замѣчательнѣйшимъ рѣкамъ не только Россіи, но и всей Европы. Она вытекаетъ въ двадцати верстахъ отъ Буга, недалеко отъ мѣстечка Опалина, въ Волынской губерніи. Принимая въ себя 123 рѣки и рѣчки, множество болотистыхъ ручьевъ, соединяясь посредствомъ каналовъ съ озерами, она течетъ неправильными изгибами, то развѣтвляясь на многіе рукава, то опять соединяясь, на протяженіи 770 верстъ Припеть даже названій имѣетъ нѣсколько. Такъ отъ озера Любять до озера Нобель, на протяженіи 20 верстъ ее называютъ Пирокъ; потомъ Стоходъ, Струмень. Настоящее свое имя, уже неизмѣняемое, т. е. Припеть, она сохраняетъ отъ соединенія ея съ Ясельдою, или Яцолдою, при деревнѣ Коченовичи, близъ Пинска, и потомъ отъ деревни Беречи, гдѣ она сливается съ рѣкою Стыромъ. Такимъ образомъ, три рѣки Струмень или Припеть, Ясельда и Стыръ, сливая свои воды, даютъ начало уже неизмѣняемому названію Припети. Берега Припети, низменные и болотистые, имѣютъ грунтъ рыхлый, котораго влажность никогда не высыхаетъ. Есть однако нѣкоторыя исключенія въ отношеніи береговъ. Такъ въ Мозырскомъ уѣздѣ, отъ деревни Дорошевичи, лѣвый берегъ довольно высокъ и крутъ. Вблизи впаденія рѣки Птичи, при мѣстечкѣ Скрыгалово, прибрежная мѣстность съ правой стороны дѣлается крутою, ниспадая къ рѣкѣ обрывами. Ширина рѣки отъ 20 саженъ при верховьяхъ достигаетъ 200 саженъ. Глубина весьма различна и на небольшихъ протяженіяхъ часто измѣняющаяся, такъ что отъ одного аршина глубина неожиданно достигаетъ нѣсколькихъ саженъ.

Мы не можемъ исчислить здѣсь всѣ многочисленные притоки Припети, рѣки, рѣчки, ручьи, коими изрѣзана вся болотистая долина Припети. Укажемъ только на Ясельду, которая,

принимаетъ южную часть Огинскаго канала, между тѣмъ какъ къ притоку ея Пинѣ примыкаетъ каналъ Днѣпровско-Бугскій; далѣе на Стыръ, Горынь и Птичъ, какъ на весьма значительныя по своему протяженію.

Ствига проходитъ по Мозырскому уѣзду 102 версты. Убортъ течетъ на протяженіи 240 верстъ, въ Минской же губерніи только 90.

О главныхъ озерахъ, Выговичахъ и Князь или Жидъ мы уже упоминали. Выговичи входятъ въ систему Огинскаго канала и расположены среди болотъ на такой возвышенности, что служатъ резервуаромъ какъ для Ясельды, такъ и для Шары, притока Нѣмана, входящаго тоже въ систему Огинскаго канала. Но кромѣ этихъ озеръ, какъ уже мы знаемъ, находится множество другихър асположенныхъ среди недоступныхъ болотъ, а потому неимѣющихъ даже названій.

Болота въ долинѣ Припети занимаютъ $^1/_4$ часть всего пространства. Болота эти можно раздѣлить на открытыя и на поросшія лѣсомъ и камышемъ. Большая часть ихъ совершенно недоступна, непроходима, съ рѣдкими исключеніями во время сильныхъ жаровъ или большихъ морозовъ. Вообще большая часть Пинскаго уѣзда представляетъ болотистую почву, такъ что пахатныя поля и луга разбросаны только кое-гдѣ клочками среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ. Но большая часть этого же уѣзда, преимущественно южная, по низменному болотистому берегу Пины, особенно замѣчательна. Она называется *Зарѣчьемъ* и заключается между рѣкою Пиною, частью Ясельды и Припети; съ другой стороны, Стырь, Гнилая Припеть, Струмень, озера Нобель и Любять. Кромѣ того Зарѣчье пересѣкается множествомъ рукавовъ Припети, рѣками Стоходомъ, Струменемъ, Стыремъ и мн. др. Всѣ эти рѣки, рѣчки, ручьи составляютъ здѣсь одну непрерывную сѣть рѣкъ и протоковъ, лавирующихъ въ разныхъ направленіяхъ на протяженіи 1,400 кв. верстъ, или около 150,000 десятинъ. Можно себѣ представить характеристику этого Зарѣчья, когда мы скажемъ, что на всемъ этомъ значительномъ протяженіи, въ сѣверо-восточной части имѣется едва около 70 небольшихъ поселеній, расположенныхъ на песчаныхъ холмахъ, возвышающихся среди болотъ и покрытыхъ слоемъ наносной почвы. Легко наконецъ составить себѣ понятіе, какова жизнь этихъ болотныхъ обитателей, когда мы вспомнимъ, что со вскрытіемъ рѣкъ воды ихъ сливаются съ водами такого множества рукавовъ, притоковъ, ручьевъ и образуютъ одно громадное озеро, на которомъ кое-гдѣ только виднѣются небольшіе острова. Это-то и есть тѣ холмы, о которыхъ мы упомянули, съ ихъ несчастными жителями, въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ совершенно отрѣзанными отъ всякихъ сообщеній съ людьми. Даже между собою эти жители холмиковъ съ трудомъ, и подвергаясь нерѣдко большой опасности, могутъ сообщаться на лодкахъ. То же самое повторяется осенью, да иногда и лѣтомъ во время продолжительныхъ дождей. Единственное вознагражденіе немногочисленныхъ жителей Зарѣчья за всѣ претерпѣваемыя ими невзгоды—это богатство камыша или черета, употребляемаго на крыши и на топливо, а также множество луговъ, дающихъ хотя и болотное, но отличное сѣно, котораго здѣсь такъ много, что по краткости времени нѣтъ возможности скосить и третьей части луговъ. Обиліе травъ и сѣна представляетъ обитателямъ Зарѣчья возможность содержать много скота, а потому и отлично удобрять свои небольшія пахатныя поля, такъ что несмотря на всѣ претерпѣваемыя бѣды и трудности замкнутой жизни—крестьяне здѣшніе богаче и зажиточнѣе другихъ частей Пинскаго полѣсья.

Противоположная Зарѣчью сторона, съ западной стороны, между Ясельдою и Пиною, представляетъ пространство болѣе возвышенное, сухое и болѣе заселенное. Здѣсь лежитъ Пинскъ, а за нимъ вся дальнѣйшая территорія называется *Загородьемъ*.

Зарѣчье представляется еще благодатнымъ въ сравненіи съ дальнѣйшими болотами. За Зарѣчьемъ, къ сѣверо-востоку, по обоимъ берегамъ Припети, между устьями Стыра и Горыни съ правой стороны и между Ясельдою и Смертью съ лѣвой, тянутся широкою полосою непроходимыя болота и болотные лѣса на пространствѣ 860 кв. верстъ. Мѣстность эта совсѣмъ почти необитаема. По окраинамъ только кое-гдѣ разбросаны селенія, а внутри этой дикой долины

находится едва четыре околицы, именно: Стаховъ, Березцы, Кудричи и Молодильчичи. Сообщеніе между ними возможно только водою. На берегахъ Припети устраиваютъ, если есть возможность, временныя корчмы, въ родѣ куреней или шалашей, но и этихъ на всемъ громадномъ пространствѣ едва двѣ, три.

Еще большее пространство, именно около 1,360 кв. верстъ занимаютъ непрерывные лѣса и болота къ югу отъ р. Шары, окружающія озеро Выговичи. Болота эти переходятъ съ одной стороны въ Гродненскую губернію, а съ другой тянутся чрезъ южную часть Слуцкаго и сѣверную Мозырскаго, гдѣ соединяются съ знаменитымъ болотомъ Гричинъ. Часть этихъ болотъ, идущая къ востоку отъ озера Выговичи, называется Качай-болото. На всемъ этомъ протяженіи 1,360 кв. верстъ находится только 7 населенныхъ мѣстностей, въ томъ числѣ селеніе Хотыничи, лежащее на почтовой дорогѣ изъ Минска въ Пинскъ. Это единственный почтовый трактъ, проходящій по этой безлюдной странѣ, но и то не во всякое время года доступный для проѣзжихъ. Другихъ путей не существуетъ вовсе, и сообщеніе возможно только зимою и въ жаркое лѣто.

Пинское болото.

Въ южной части Слуцкаго уѣзда, по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Цны, Лани, Морочи и Случи залегаютъ лѣса и болота какъ продолженіе уже описанныхъ нами. Нѣкоторыя изъ этихъ болотъ имѣютъ свои названія, именно: Стрижъ, Одрино, Жерново, Гайдзинъ, Гвозса, Одръ. Самое значительное открытое болото, по обѣимъ сторонамъ рѣки Мороча, называется Лютень, занимающее пространства около 130 кв. верстъ. Дороги, какія здѣсь существуютъ, даже лѣтомъ покрыты водою.

Въ сѣверной части Мозырскаго уѣзда, близъ границы съ Слуцкомъ, частію и въ Пинскомъ находится знаменитое болото Гричинъ, величаемое заливомъ бывшаго моря, о которомъ мы уже упомянули. Болото Гричинъ замѣчательнѣе другихъ тѣмъ, что оно непрерывное, открытое и непроходимое. Поверхность его занимаетъ не менѣе 500 верстъ. Иногда только въ весьма жаркое лѣто оно доступно для сообщенія, но и то только для опытныхъ старожиловъ и не иначе, какъ по водѣ.

На протяженіи 450 верстъ въ томъ же Мозырскомъ уѣздѣ тянется другое болото, начиная

отъ лѣваго берега Случи въ сѣверной части Мозырскаго уѣзда. Среди этого болота находится озеро Князь или Жидъ, близъ котораго находятся селенія Пуховичи и Ляховичи, единственные оазисы, оживляющіе эту пустынную страну. На границахъ этого болота находятся селеніе Князь-озеро, деревня Дяковичи и четыре другія деревни. Между этими поселеніями сообщеніе вообще весьма затруднительно и не всегда возможно.

Четыре пятыхъ пространства Мозырскаго уѣзда составляютъ непроходимую низменность, покрытую лѣсами и болотами. Только лѣвый берегъ Припети, а также окрестныя мѣста Мозыря и Турова болѣе возвышенны и удобны для жительства. Въ остальныхъ же частяхъ поселенія удалены одно отъ другаго на десятки верстъ и лишены иногда продолжительное время всякаго съ собою сообщенія. Даже близъ Турова, между границею Пинскаго уѣзда и рѣкою Убортью, на 5,680 десятинъ земли приходится едва одна деревушка. Мѣстность же, прорѣзанная рѣкою Ствигою, покрытая непрерывными лѣсами и болотами, носящими названіе Волховыхъ—вовсе не заселена, такъ что на пространствѣ 90 верстъ въ длину и до 15 въ ширину нѣтъ ни одного населеннаго мѣста. Вообще въ Мозырскомъ уѣздѣ, на пространствѣ 1.468,000 десятинъ находится только 362 населенныя мѣстности.

Ночь въ долинѣ Припети.

Въ Рѣчицкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ много болотъ, но какъ по занимаемому пространству, такъ равно и по почвеннымъ условіямъ, они не столь замѣчательны.

Профессоръ Эйхвальдъ въ своей геогнозіи между прочимъ говоритъ: «Примѣчательна песчанистая степь въ полѣсьѣ, т. е. сѣверной части Волынской губерніи, гдѣ, особенно въ окрестностяхъ г. Ковеля, встрѣчается сыпучій песокъ, какъ на морскомъ берегу Балтійскаго моря, и далѣе болотистая низменность по Пинскому и Мозырскому уѣздамъ. Вся эта непроходимая песчанистая и болотистая равнина составляетъ слѣды огромнаго озера, существовавшаго тамъ, во время Геродота, въ землѣ древнихъ Буддиновъ и соединявшаго нѣкогда ее съ Балтійскимъ моремъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно то, что въ мѣстахъ нѣсколько возвышенныхъ, рядомъ съ большими болотами, находятся песчаные бугры. Изъ этого ясно, что самыя болота составляютъ осадки ила и другихъ веществъ, нанесенныхъ бывшею водою, заливавшею все это пространство.

Долина Припети, картину которой наглядно мы старались изобразить, представляетъ едва-ли не единственное не только въ Россіи, но и въ Европѣ явленіе въ томъ отношеніи, что какъ жители оной, такъ и мѣстныя власти весною, осенью, иногда даже лѣтомъ лишаются всякой возможности правильнаго сообщенія. Легко представить себѣ, что стоитъ здѣсь содержаніе и ежегодное исправленіе дорогъ, мостовъ, гатей, когда мы скажемъ, что, по исчисленію статистика Минской губерніи И. Зеленскаго, въ теченіе 8 лѣтъ потребовалось на починку почтовыхъ, военныхъ и проселочныхъ дорогъ, мостовъ и гатей—820,945 подводъ и 1.228,393 рабочихъ! Каково здѣсь дорожное положеніе, еще убѣдительнѣе говорятъ слѣдующія данныя: почтовая дорога изъ Минска въ Пинскъ и далѣе на Волынь идетъ на протяженіи 353 верстъ; на ней 54 моста и 113 гатей, изъ которыхъ мосты занимаютъ 640 саженей, а гати 13,795 саж.—Дорога изъ Минска на Слуцкъ въ Мозырь, на протяженіи 324 верстъ, имѣетъ 19 мостовъ въ 284 са-

жени протяженія и 182 гати, коихъ протяженіе 23,645 саженъ. Надобно при этомъ замѣтить, что вышеприведенныя дороги, выходя изъ Минска, не нуждаются въ гатяхъ, и что послѣднія составляютъ принадлежность долины Припети. Мы приведемъ еще одинъ примѣръ: дорога отъ мѣстечка Петрикова въ Мозырскомъ уѣздѣ, проведенная параллельно теченію Припети до станціи Лыщи Пинскаго уѣзда, составляетъ 218 верстъ. На ней 47 мостовъ и 83 гати. Мосты занимаютъ 529 саженъ, гати 14,406 саженъ! Каждая весна, каждая осень изуродуетъ эти мосты и гати до такой степени, что нерѣдко даже почтовое сообщеніе совершенно прекращается. О проселочныхъ дорогахъ и говорить нечего. Тамъ дороги покрываются водою, гати размываются, мосты разрушаются и уносятся иногда на далекое разстояніе. Дороги заранѣе обозначаются вѣхами, но и вѣхи уносятся водою. Мѣстные жители хорошо знакомы съ направленіемъ дорогъ, но во время разливовъ и они не рѣшаются подвергаться видимой опасности. Остается одно средство, сообщаться на лодьяхъ, но во время бури и этотъ способъ сообщенія представляется крайне-рискованнымъ.

Водные пути сообщенія въ долинѣ Припети представляютъ гораздо болѣе удобствъ для сплава и вообще доставки мѣстныхъ произведеній въ торговые пункты. Но и въ этомъ отношеніи сообщенія эти непостоянны и въ сухое лѣто даже невозможны. Пути Днѣпровскаго водоема, какъ и вездѣ, раздѣляются на сплавные, по которымъ производится движеніе только по теченію рѣкъ, преимущественно плотами, и судоходные, по которымъ, кромѣ плаванія по теченію, суда могутъ ходить и противъ него. Къ первому разряду относятся всѣ рѣки, впадающія въ Днѣпръ и главные его притоки; ко второму, кромѣ Днѣпра, принадлежитъ Припеть, Березина и Десна. Но отправители транспортовъ никогда не могутъ быть увѣрены въ успѣшной доставкѣ, такъ какъ таковая зависитъ отъ климатическихъ условій. Судоходство по Днѣпру между Кіевомъ и Кременчугомъ, начавшись съ самаго весенняго вскрытія водъ, продолжается безостановочно до поздней осени, какъ на пароходахъ, такъ и на большихъ размѣровъ байдакахъ, берлинкахъ, баркахъ. Между тѣмъ въ Припети въ сухіе годы, нерѣдко уже въ іюнѣ мѣсяцѣ воды бываетъ такъ мало, что даже у Мозыря во многихъ мѣстахъ открываются броды. По мѣрѣ же приближенія къ Пинску, съ минованіемъ устья каждаго изъ притоковъ Припети, вода до того уменьшается, что слѣдованіе на парусахъ становится весьма неудобнымъ.

Не смотря на всѣ неудобства путей сообщенія, какъ сухопутнаго, такъ и воднаго, значеніе Пинска въ торговомъ отношеніи весьма важно, и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ можетъ сдѣлаться вторымъ Нижнимъ-Новгородомъ. Случь, Горынь, Стырь представляютъ возможность своза въ Пинскъ произведеній Волыни; посредствомъ же Припети сюда доставляются сырые продукты Кіевской, Полтавской, частію Минской, какъ равно Черниговской, Могилевской и другихъ губерній. Къ Пинску доставляются разнаго рода хлѣба, назначаемые для заграничнаго отпуска чрезъ балтійскіе порты, а равно крымская соль, сало, пенька, ленъ, табакъ, овечья шерсть, сырыя кожи, клепка, поташъ и много другихъ произведеній.

Мы должны прибавить къ этому, что, какъ извѣстно, уже послѣдовало утвержденіе проекта инженеръ-дѣйств. стат. совѣт. Хржановскаго о постройкѣ желѣзной дороги изъ Брестъ-Литовска въ Пинскъ, на протяженіи 150 верстъ. Такое соединеніе съ сѣтью нашихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія, какъ для Пинска, такъ и для всей долины Припети.

Еще подъ конецъ прошедшаго столѣтія Англичане обратили особенное вниманіе на Пинское полѣсье, которому предсказывали славную будущность. Образовавшаяся съ этою цѣлью компанія пріобрѣла покупкою Туровъ и уже начинала свои дѣйствія на основаніи широкой эксплоатаціи, но Императоръ Павелъ I остановилъ Англичанъ и не дозволилъ осуществиться ихъ дальновиднымъ планамъ. Мы еще возвратимся къ этому предмету, говоря о Туровѣ.

Ежели мы успѣли познакомить читателя съ природою этого мрачнаго и полудикаго края, то легко себѣ представить, что и человѣкъ, живущій подъ вліяніемъ этой природы, долженъ былъ сохранить свои отдѣльныя черты, что въ жизни его не мало этнографическихъ особен-

ностей, отличающихъ его отъ ближайшихъ даже сосѣдей Бѣлоруссовъ или Малоруссовъ. Вотъ почему мы бросимъ еще бѣглый взглядъ на жизнь Полѣшука и его выдающіяся особенности.

На пространствѣ 33,950 кв. верстъ (3.657,200 десятинъ, собственно только въ уѣздахъ Пинскомъ, Мозырскомъ и Рѣчицкомъ), среди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, живетъ около полумилліона такъ-называемыхъ Полѣшуковъ, по нѣсколько мѣсяцевъ въ году отрѣзанныхъ отъ остальнаго міра и только на ладьяхъ, иногда съ опасностью жизни, сообщающихся съ своими ближайшими сосѣдями.

Разсказываютъ анекдотъ, что, когда спросили Полѣшука: что ты за человѣкъ?—онъ отвѣчалъ: «я не человѣкъ, я Пинчукъ». Анекдотъ, положимъ, выдуманный, но не лишенный мѣткости въ опредѣленіи того исключительнаго положенія, въ которомъ живетъ этотъ не-человѣкъ, а Пинчукъ.

Деревня близь Припети.

А между тѣмъ эти Пинчуки и вообще Полѣшуки — автохтоны этой страны, потомки древнѣйшаго славянскаго племени Будиновъ, заселявшихъ, по словамъ Геродота, всю страну отъ верховьевъ Припети до Дона. Ученые труды и изысканія проф. Эйхвальда и О. И. Сенковскаго достаточно въ этомъ убѣждаютъ (Биб. для Чт., 1838, т. 27).

Жизнь этихъ людей, обреченныхъ на вѣчную борьбу съ природою и умѣющихъ однако побѣждать тѣ жизненныя препоны и затрудненія, которыя имъ ставитъ на пути эта природа, должна была сложиться иначе, нежели у ихъ сосѣдей. Она выработала особыя черты, взгляды, понятія, выработала безъ всякаго посторонняго вліянія науки, школы, даже живаго слова, доходящаго до слуха Полѣшука только въ исключительныхъ случаяхъ. Не можетъ же онъ часто посѣщать не только города и мѣстечки, но даже сосѣднія села и деревни, отстоящія одна отъ другой на пятьдесятъ и болѣе верстъ. Христіанство водворилось здѣсь крѣпко. Полѣшукъ религіозенъ, набоженъ, любитъ обрядность; но онъ не могъ отрѣшиться отъ унаслѣдованныхъ въ теченіе многихъ столѣтій суевѣрій, предразсудковъ и того поэтическаго настроенія, которое сохранилось у него во взглядахъ на жизнь и атмосферическія явленія, присущихъ прапраотцамъ его еще во времена язычества. Вотъ почему наши этнографы такъ высоко цѣнятъ пинскія пѣсни и обряды, въ которыхъ еще такъ часто и такъ живо рисуется миѳологическая подкладка.

Сама природа указала Полѣшуку пути для его неутомимой дѣятельности. Она сдѣлала его земледѣльцемъ, скотоводомъ, охотникомъ, рыболовомъ. Она же предоставила ему всевозможныя средства къ преодолѣнію трудностей, поставляемыхъ климатическими условіями. И, въ самомъ дѣлѣ, въ сферѣ указанной ему дѣятельности онъ достигъ возможнаго совершенства. А эти успѣхи не легко достались ему, они — слѣдствіе той неутомимой тысячелѣтней борьбы, которую онъ ведетъ съ стихіею, слѣдствіе опытности, которая поставила его внѣ условій, обще-употребительныхъ въ другихъ мѣстностяхъ, но непримѣнимыхъ къ его мрачной, полудикой природѣ. Поселите на берегахъ Припети изъ другихъ странъ поселянина, онъ пропадетъ. Полѣшукъ же, относительно, преуспѣваетъ. Полѣшукъ—консерваторъ по принципу. Онъ дитя своей природы, онъ вѣренъ завѣтамъ своихъ предковъ, какъ въ нравахъ и обычаяхъ, такъ въ веденіи своего хозяйства и прибавочныхъ занятій, для него прибыльныхъ и пріятныхъ. Заброшенный въ безконечные, дремучіе лѣса, среди непроходимыхъ болотъ и тундръ, онъ не зна-

комъ ни съ какими нововведеніями и улучшеніями; его обстановка, родъ занятій, привычекъ, даже самая наружность не измѣнились въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Есть такіе жители, которымъ не удавалось побывать даже въ своемъ уѣздномъ городѣ. Только торговцы, разъѣзжающіе по городамъ съ своими произведеніями, да жители мѣстностей, ближайшихъ къ пристанямъ судоходныхъ рѣкъ, или совершающіе плаваніе на байдакахъ и баркахъ—переняли кое-что отъ другихъ; но они не имѣютъ никакого вліянія на большинство, на массы этихъ болотно-лѣсныхъ обитателей, для которыхъ самый міръ оканчивается за предѣлами роднаго селища. Онъ даже дико посматриваетъ на всякое нововведеніе и не вѣритъ въ его цѣлесообразность.

Жилища Полѣшуковъ незатѣйливы и у всѣхъ почти одинаковы. Избы у нихъ курныя, но просторныя, потому что въ одной избѣ помѣщается вся семья; здѣсь же и малыя животныя: теленокъ, поросята, домашнія птицы и весь скарбъ крестьянскій. Исключенія весьма рѣдки—только бывалые, прогрессисты, строятъ свои дома изъ двухъ избъ и клѣти, или особой перегородки. У большинства же внутри избы главную роль играетъ громадная печь; къ ней придѣлана вверху деревянная лежанка; затѣмъ полати, большой столъ, длинныя во всю стѣну скамьи; подъ потолкомъ широкая полка, на которой сушатъ лучину; отъ печи до самой стѣны идетъ досчатый помостъ, составляющій общую для всѣхъ живущихъ въ избѣ кровать. Вверху устроена особая перекладина, на которой вѣшаютъ платье, бѣлье для сушки и т. п. На полкахъ, по угламъ, стоитъ разная посуда и утварь.

Освѣщеніе избы бываетъ различно. Полѣшукъ придумалъ для этого особый снарядъ, именно *лучникъ*, сдѣланный изъ толстыхъ лубковъ, съ узкимъ отверстіемъ вверху и широкимъ внизу. Въ потолкѣ устроено отверстіе, чрезъ которое во время топки выходитъ дымъ изъ избы. Въ это же отверстіе вкладываютъ лучникъ узкимъ концомъ и прикрѣпляютъ посредствомъ особыхъ крючковъ. Къ широкому же концу лучника прикрѣпляютъ желѣзными крючками желѣзную рѣшетку, называемую *посвѣтъ*. На эту рѣшетку кладутъ мелкія полѣнца и сердцевину смолистой сосны и зажигаютъ. Выходитъ освѣщеніе очень яркое. Отверстіе въ потолкѣ, когда въ немъ нѣтъ нужды, задвигается особымъ засовомъ. Этотъ способъ освѣщенія, дешевый и удобный, самый употребительный. Но другіе устраиваютъ иначе освѣщеніе. Лучникъ приспособляютъ изъ толстаго холста, покрытаго слоемъ мѣла, къ которому привѣшиваютъ посвѣтъ. Наконецъ во многихъ деревняхъ придерживаются обыкновеннаго въ цѣлой Бѣлоруссіи способа освѣщенія, именно посредствомъ лучины, воткнутой въ желѣзныя вилки, прикрѣпленныя къ деревянной подставкѣ.

Не много крестьянъ, не только въ Бѣлоруссіи, но и въ другихъ мѣстахъ, имѣютъ такую обильную и даже прихотливую пищу, какъ Полѣшукъ. Мы уже упомянули, что онъ охотникъ и рыболовъ, а какъ для охоты, такъ и для рыболовства ему нѣтъ надобности ходить далеко. У него все подъ рукою. Вотъ почему у него за обѣдомъ вы встрѣтите дикую утку, рябчика, бекаса, куропатку; продавать некому, въ городъ идти далеко, да и не всегда возможно. Онъ и съѣдаетъ въ свое удовольствіе, а ежели появится Еврей-покупщикъ, ему стоитъ только не много потрудиться—и дичи сколько угодно. Онъ скупъ на порохъ и не считаетъ дичь достойною зарядовъ. Заряды онъ прячетъ на лося, на дикаго кабана или дикую козу. Для дичи онъ придумалъ иные способы. Для нея ему достаточно палки и сѣти. Онъ выдумалъ такъ-называемую *манькуту*, т. е. чучело, устроенное наподобіе птицы, подъ которой посыпается зерно гречихи. Тетерева слетаются къ манькутѣ и, когда ихъ соберется десятокъ или два, Полѣшукъ затягиваетъ ихъ въ сѣть и потомъ бьетъ палкою. А то есть у него и другой способъ. У него приспособлена ручная утка, которой лапки онъ прикрѣпляетъ къ деревянному кружку, вокругъ посыпаетъ зерно и пускаетъ кружокъ на воду, обыкновенно въ кустарники. Кружокъ прикрѣпляется длинною бичевкою къ шесту, вколоченному въ землю, а въ кустарникахъ разставлено много силковъ. Ученая утка подымаетъ гвалтъ, селезни летятъ къ ней и падаютъ въ силки. Такимъ образомъ добываютъ десятки, даже сотни селезней. Ихъ солятъ

въ боченкахъ, коптятъ какъ ветчину и, если есть возможность сбыта, продаютъ на мѣстѣ, или же передаютъ на коммиссію своимъ землякамъ, ежегодно отправляющимся для сбыта рыбы, дичи и т. п. въ Вильно и другіе города. Зайцевъ Полѣшуки не жалуютъ и рѣдко убиваютъ.

Полѣшукъ лакомится и лучшими сортами рыбы. Ея такъ много, и она такъ дешева, что отъ продажи выручается очень мало; но и самая продажа возможна только при случаѣ, когда Еврей завернетъ въ деревню, ѣхать же для этого иногда за 50 и даже за 100 верстъ въ городъ или мѣстечко нѣтъ возможности даже лѣтомъ. Зимою, на базарахъ, за лучшихъ сортовъ мерзлую рыбу платятъ отъ 3 до 5 коп. за фунтъ. И несмотря на такую дешевизну, въ мѣстахъ, недалеко отъ базара отстоящихъ, рыболовы получаютъ по сто и болѣе рублей за одну рыбу. Этого мало. Въ мѣстахъ, гдѣ представляется особенно удобная ловля рыбы, нѣкоторые изъ поселянъ исключительно занимаются рыболовствомъ и заготовляютъ сушеную рыбу въ большихъ количествахъ. Вьюновъ, отличающихся здѣсь особеннымъ вкусомъ, нанизываютъ на тоненькіе прутики, поджариваютъ на огнѣ, а потомъ сушатъ. Этого рода торговцы развозятъ свою рыбу по разнымъ городамъ, въ особенности же ѣдутъ въ Кіевъ и Вильно, гдѣ еще съ XV столѣтія на Большой улицѣ, въ части, называемой *амбары*, Пинчуки продаютъ свои товары, какъ-то: сушеную и копченую рыбу, свиное сало, окорока, разнаго рода ветчину, соленыхъ утокъ въ бочонкахъ, сушеные грибы и т. п. Кромѣ того продаютъ воскъ, медъ, холстъ, особую тонкую ткань (по-польски называемую *rzędzina*) для завѣшиванія оконъ для защиты отъ нападеній мухъ и комаровъ, шляпы, картузы домашняго издѣлія, плетеные изъ мелкихъ деревянныхъ прутиковъ или пластинокъ, лукъ и разныя огородныя овощи. Жители Давидъ-Городка и Петрикова присылаютъ своей работы непромокаемые сапоги, пропитанные дегтемъ, продававшіеся въ прежнее время по рублю сер.! Изъ виленскихъ доходныхъ городскихъ росписей за прежнее время видно, что торговля этого рода была весьма значительна. Но барышами пользуются преимущественно мѣщане, жители городовъ и мѣстечекъ, коимъ крестьяне продаютъ свои произведенія, или же вручаютъ на коммиссію. Жители болѣе отдаленныхъ мѣстъ, для которыхъ сообщеніе затруднительно, вовсе не участвуютъ въ этой розничной торговлѣ, ограничиваясь только продажею дичи, рыбы и другихъ предметовъ кочевникамъ Евреямъ, посѣщающимъ ихъ деревни и отъ перепродажи получающимъ значительные барыши. Впрочемъ Евреи сбываютъ эти предметы на ярмаркахъ христіанамъ, мѣщанамъ торговцамъ, разъѣзжающимъ по большимъ городамъ. Ярмарки на Полѣсьѣ вообще весьма оживленны, сосредоточивая всѣ классы населенія. Для людей замкнутыхъ въ тѣсной средѣ, не покидающихъ своихъ жилищъ цѣлые мѣсяцы, понятно, ярмарка имѣетъ особенный интересъ и она даже весьма картинна.

Но возвратимся еще къ рыбной ловлѣ. Пинчуки и вообще Полѣшуки производятъ ее большею частью обыкновеннымъ неводомъ, сѣтями разной величины, особенно придуманными удочками, называемыми *рогульками, блеснею, дорожками,* наконецъ *вершами* и *остями,* т. е. баграми. Самый замысловатый способъ—это *ловля въ закатъ*. Закатомъ собственно называютъ Полѣшуки притокъ рѣки. Орудіе, употребляемое для ловли рыбы именно въ притокахъ, называется также закатомъ. Во время половодья, извѣстно, рыба стремится въ притокъ, а когда вода начинаетъ убывать, тогда и устраивается ловко придуманная западня. Закатъ состоитъ изъ деревянныхъ пластинокъ, вышиною въ четыре аршина, перевитыхъ бичевкою. Его укрѣпляютъ кольями въ самомъ узкомъ мѣстѣ притока. Этотъ способъ весьма удаченъ и доставляетъ много пользы. Ловятъ еще посредствомъ *ѣзъ*, составляемыхъ изъ толстыхъ брусковъ, вколачиваемыхъ въ видѣ свай въ рѣку. Къ ѣзу привязываютъ въ срединѣ прочную сѣть, куда и попадаетъ рыба, а прикрѣпленный къ сѣти колокольчикъ, при малѣйшемъ сотрясеніи звонитъ, и тогда рыболовы мгновенно затягиваютъ сѣть, послѣ чего, конечно, добыча уже не уйдетъ. Ѣзы впрочемъ устраиваются преимущественно на большихъ осетровъ, на рѣкѣ Случѣ. Осетры направляются въ Припеть, въ которую Случь впадаетъ близъ Турова.

Можетъ случиться, что у Полѣшука въ неурожайный годъ не хватитъ хлѣба, но въ дичи и рыбѣ у него никогда не бываетъ недостатка. Прибавьте къ этому необыкновенное обиліе грибовъ, которые онъ сушитъ и солитъ, ягодъ разныхъ породъ, орѣховъ, наконецъ обиліе меду. Въ садикахъ у него водятся фрукты; въ огородахъ — огородныя овощи.

Изъ этого мы видимъ, что, несмотря на отчужденность Полѣсья отъ всего міра, на замкнутую его жизнь среди болотъ и водныхъ разливовъ на цѣлые мѣсяцы, жизнь Полѣшука въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ обезпечена и даже при существованіи крѣпостнаго права предоставляла ему много средствъ заработка, особенно въ прибрежныхъ мѣстахъ у пристаней и близъ городовъ и мѣстечекъ.

Способъ обработки земли, орудія для этого употребляемыя до сихъ поръ еще немногимъ отличаются отъ временъ первобытныхъ. Никакихъ улучшеній, нововведеній въ этомъ отношеніи не существуетъ, да никто объ этомъ и не заботился. Поля обрабатываютъ волами, случается и такъ, что запрягаютъ вола и корову, а то и лошадь съ коровою. Главный, самый тяжелый трудъ лежитъ на мужчинѣ: онъ коситъ, пашетъ, сѣетъ, молотитъ. Женщина жнетъ, обрабатываетъ огороды. Собираніе сѣна—дѣло общее всѣхъ половъ и даже возрастовъ.

Для склада хлѣбовъ устраиваютъ досчатый полъ на четырехъ столбикахъ съ деревянными кружками на верху, для защиты отъ мышей; на нихъ складываютъ хлѣбъ въ скирды, т. е. стоги. Другой способъ склада хлѣба замысловатѣе. Укрѣпляютъ въ землю два высокихъ столба; между ними стелютъ перекладины, на такомъ одна отъ другой разстояніи, чтобы промежъ нихъ пролѣзалъ снопъ, колосьями внизъ и такъ далѣе, одинъ снопъ возлѣ другаго. Этотъ способъ считаютъ весьма практичнымъ, ибо зерно защищается отъ мышей, отъ птицъ и даже отъ дождя. Такое устройство называется *озероды*.

Луговъ даже у самаго бѣднаго Полѣшука такое обиліе, что онъ не всегда въ состояніи собрать все сѣно. Только въ мѣстахъ ближайшихъ къ городамъ и мѣстечкамъ сѣно имѣетъ какую-нибудь цѣнность, до такой степени ничтожную, что за большой возъ даютъ едва 10 фунтовъ соли.

Зато Полѣшуки, какъ мы уже говорили, вообще держатъ много скота. Мѣстныя условія дозволяютъ даже бѣднѣйшимъ крестьянамъ содержать много свиней. Любимая пища свиней, жолуди, здѣсь въ изобиліи. Замѣчательно то, что во многихъ мѣстахъ хозяева на цѣлое лѣто выгоняютъ своихъ свиней въ лѣсъ и до глубокой осени вовсе не заботятся объ нихъ. Лѣсная природа, болота, жолуди—представляютъ для свиней всевозможныя удобства. Онѣ жирѣютъ и плодятся въ лѣсу. Оригинальна оборона свиней отъ волковъ и даже медвѣдей. Свиньи всегда держатся вмѣстѣ, ходятъ гурьбой; въ случаѣ нападенія на нихъ, онѣ умѣютъ такъ тѣсно сплотиться, образуя четыреугольникъ и забравъ всѣхъ меньшихъ въ средину, подымутъ такой ревъ, что и самые свирѣпые волки не рѣшаются сдѣлать на нихъ нападеніе, а были случаи, когда одиночные волки были растерзаны свиньями.

Осенью для хозяевъ много хлопотъ возвратить въ деревню одичалое стадо свиней. Въ этомъ успѣваютъ только женщины, которыя прошлою зимою кормили ихъ. Онѣ умѣютъ приманить ихъ къ себѣ, голосъ ихъ узнаютъ старыя свиньи и послѣ многихъ, иногда продолжительныхъ ухаживаній, слѣдуютъ за женщинами, а за старыми идутъ и молодыя. Является мужская помощь, и такимъ образомъ, постоянно заманивая голосомъ и бросая ломти хлѣба, приводятъ ихъ въ деревню. Пинчуковское сало и копченое мясо славятся въ Литвѣ и конечно доставляютъ хозяевамъ большія выгоды.

Мѣстныя условія содѣйствуютъ также сильному распространенію пчеловодства. Ульи содержатся обыкновенно въ лѣсу, на соснахъ. Ихъ защищаютъ особо придуманными западнями отъ *медоѣдовъ*, т. е. медвѣдей. Объ устройствѣ этихъ западней мы уже говорили въ предъидущемъ очеркѣ.

Какъ въ жизни и домашней обстановкѣ, такъ и въ одеждѣ, Полѣшукъ также консервати-

венъ. Онъ не любитъ нововведеній и придерживается прадѣдовскихъ обычаевъ. Кромѣ шапки да ради праздника сапогъ, вся его одежда домашняго издѣлія, а матеріаломъ для него служатъ ленъ, пенька, шерсть, овчина, лыко. Зимой и лѣтомъ онъ носитъ суконный, очень толстый, совершенно бѣлый зипунъ, т. е. свиту. Бываютъ однако зипуны и сѣрые или пестрые. Это зависитъ отъ достаточности средствъ хозяина. У кого много бѣлыхъ овецъ, у того и свита бѣлая, но у кого разношерстныя овцы, у того и свита пестрая, до того пестрая, что напр. рукава черные, передъ бѣлый, а спина бурая. Свита да зимою полушубокъ составляютъ главную принадлежность одежды Полѣшука. Никакихъ особыхъ затѣй, камзоловъ, платковъ—онъ не знаетъ. Всѣ носятъ красные пояса домашней работы. На головѣ лѣтомъ пoярковая шляпа, зимою шапка изъ сѣрыхъ барашковъ. Съ лѣвой стороны у него виситъ *шабета*, т. е. калита съ деньгами, кремнемъ, трутомъ и непремѣнно складной ножъ. На ногахъ лапти съ бѣлыми онучами, обвязанными до колѣнъ ремешками или обыкновенными бичевками. Сапоги надѣваютъ только въ праздники, отправляясь въ церковь, на ярмаркахъ въ городѣ или мѣстечкѣ. Одна пара сапогъ служитъ иногда цѣлой семьѣ, мужчинамъ и женщинамъ. Послѣднія надѣваютъ ихъ зимою, когда идутъ на рѣчку для стирки бѣлья.

Типы мѣщанъ изъ Давидъ-городка.

Женщины носятъ синіе или зеленые чугаи, юпки суконныя, обшитыя лентой, или изъ ситца. Многія носятъ запаски и плахты, состоящія изъ куска клѣтчатаго домашняго издѣлія шерстянаго толстаго холста. Плахта эта обвиваетъ все тѣло очень узко отъ стана, немного ниже колѣнъ. Такой нарядъ очень идетъ къ красивымъ дѣвушкамъ и молодымъ женщинамъ. На головѣ носятъ родъ высокаго кокошника, называемаго *головой*, котораго передняя часть украшена цвѣтною матеріей, а затѣмъ кокошникъ обвивается кускомъ бѣлаго холста, котораго концы спускаются сзади до пояса, спереди же, такой-же кусокъ холста окутываетъ щеки и уши, а концы загибаются между кокошникомъ и верхнею обвивкою. Такой точно головной уборъ мы видимъ на прилагаемомъ рисункѣ. Собственно это типы мѣщанъ изъ Давидъ-городка, но женскій головной уборъ совершенно схожъ съ тѣмъ, который носятъ сельскія жительницы. Впрочемъ, оригинальный этотъ уборъ уже начинаетъ выходить изъ употребленія. Какъ головные уборы, такъ и вообще костюмы женщинъ примѣняются къ обычаямъ Бѣлоруссовъ или Малоруссовъ.

Казалось-бы, что климатическія условія, вѣчная сырость, болотныя испаренія, туманы должны имѣть самое вредное вліяніе на здоровье жителей. Между тѣмъ, глубокій знатокъ Полѣсья, Эремичъ, свидѣтельствуетъ, что народъ здѣсь здоровѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Несмотря на тяжелый трудъ, которымъ были обременены мѣстные крестьяне во время крѣпостнаго права, Полѣшуки здоровы, сильны и долговѣчны. Столѣтній старецъ или старуха здѣсь не рѣдкость. Чахоточныхъ здѣсь почти не бываетъ. Лѣсной воздухъ, пропитанный смоляными испареніями, кажется, болѣе всего содѣйствуетъ сохраненію здоровья. Этому же вѣроятно помогаетъ обильная мясная и рыбная пища, недоступная крестьянамъ въ другихъ мѣстахъ. Холера дѣйствовала довольно слабо только на окраинахъ, гдѣ болѣе частыя сношенія съ сосѣдними городами. Внутри же Полѣсья ея вовсе не было.

Есть однако въ долинѣ Припети привиллегированная, такъ сказать, болѣзнь—это колтунъ. Колтуномъ собственно называютъ сбившіеся въ одну большую кучу волосы на головѣ, спутавшіеся, склеившіеся и образующіе иногда въ цѣлый аршинъ длины безобразную массу, спадающую на плечи и обтягиваемую холстомъ, а кто побогаче—клеенкой.

Отчего зарождается этотъ колтунъ, есть-ли это, въ самомъ дѣлѣ, какъ полагаютъ, принадлежность этой низменной и болотистой мѣстности, или же просто образуется вслѣдствіе неряшества, которымъ грѣшатъ Полѣшуки—рѣшить трудно. Многіе ученые медики вовсе не признаютъ колтуна особою болѣзнею. Но страннѣе то, что, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, колтунъ считается скорѣе спасительнымъ лекарствомъ, освобождающимъ отъ худосочія, ломоты въ костяхъ, колотья, головныхъ болей, язвъ и другихъ болѣзней. Когда колтунъ совьется, всѣ эти болѣзни уступаютъ. Человѣкъ совершенно здоровъ и только ропщетъ на тяжесть, которую поневолѣ долженъ двигать на головѣ и плечахъ. Такъ продолжается иногда десятки лѣтъ, а потомъ колтунъ самъ собою отдѣляется, подъ сгущенной, безобразной массой на головѣ выростаютъ волосы и тогда вполнѣ созрѣвшій колтунъ отпадаетъ. Иногда его отрѣзываютъ, что не всегда безопасно. Преждевременная отрѣзка возвращаетъ прежнія болѣзни и въ особенности проявляется язвами на ногахъ.

Надобно еще замѣтить, что колтунъ вовсе не исключительная принадлежность Пинскаго полѣсья. Съ колтуномъ можно встрѣтить людей изъ высшаго круга какъ въ Литвѣ, такъ и Бѣлоруссіи, а также въ Польшѣ и въ Венгріи.

Въ нравственномъ отношеніи жители Пинскаго полѣсья во многомъ превосходятъ своихъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ сосѣдей.

Скученная жизнь, представляющая возможность надзора другъ за другомъ, придаютъ этой жизни характеръ патріархальный, относительное довольство, покрайней мѣрѣ въ пищѣ и одеждѣ, а главное отсутствіе соблазна, какой представляютъ города и мѣстечки, помѣщаемые Полѣшукомъ очень рѣдко — всѣ эти условія, понятно, не допускаютъ развиваться порокамъ. Пороки, конечно, есть, но и они порождаются мѣстными условіями жизни и не всегда считаются даже пороками, напр. близкія соотношенія половъ, но отнюдь не изъ корыстныхъ видовъ. За то разбои, грабежи, поджоги, святотатство, не знаемъ какъ теперь, но еще въ недавнее время были совершенно неизвѣстны. Воровство случается, но очень рѣдко. Ужаснѣйшимъ изъ преступленій по народнымъ понятіямъ считается похищеніе меду изъ улья. Встарину же, какъ гласитъ преданіе, подобное дѣяніе вызывало страшное, варварское наказаніе: похитителю вырѣзывали пуповину и приколачивали ее гвоздемъ къ соснѣ, на которой стоялъ улей, изъ коего украденъ медъ. Несчастнаго вора гоняли вокругъ сосны до тѣхъ поръ, пока онъ съ дикимъ, истерическимъ хохотомъ не падалъ мертвый. Похищеніе меду до такой степени приводитъ въ гнѣвъ Полѣшуковъ, что даже и теперь старики, разсказывая объ описанныхъ нами выше омерзительныхъ наказаніяхъ, находятъ это въ порядкѣ вещей, по пословицѣ,—по дѣломъ вору мука.

Набожность среди населенія въ Пинскомъ краѣ очень сильна. Исполненіе религіозныхъ обрядовъ соблюдается повсемѣстно. И несмотря на это, христіанская обрядность до такой степени перепутана здѣсь съ древне-языческою, что народъ не умѣетъ даже отличить одной отъ другой. Духовенство не всегда озабочивается вразумлять и наставлять въ этомъ отношеніи своихъ прихожанъ. Но нельзя слишкомъ и винить духовенство, когда вспомнимъ, что деревни и поселки отстоятъ отъ прихода на десятки верстъ и что прихожане на цѣлые мѣсяцы бываютъ отрѣзаны отъ своего пастыря во время разливовъ. Консервативное начало развито въ народѣ такъ сильно, что онъ не посмѣлъ-бы даже нарушить въ чемъ либо завѣтовъ прошлаго и не исполнить того или другаго обряда, установившагося обычаемъ. Народъ поетъ разныя священныя пѣсни, конечно, мало понимая ихъ содержаніе; но въ то же время, безсознательно и едва ли понимая истинное значеніе—онъ поетъ пѣсни съ воззваніями къ Черно-богу, какъ наприм.:

Быў на Руси *Черный богъ*,
Предъ нимъ стояў Туровъ рогъ и т. д.

Или: Пане круку, пане круку (воронъ),
Черна бога старшій внуку!

Пѣсни этого рода вы и теперь услышите въ окрестностяхъ Пинска, Турова и въ другихъ мѣстахъ Полѣсья.

Мы уже познакомили читателя съ большею частью здѣшнихъ обрядовъ; укажемъ еще на нѣкоторые, особенно выдающіеся.

Мы знаемъ, какое уваженіе питалъ первобытный человѣкъ къ камню. Значеніе камня, въ легендѣ, въ пѣснѣ, и до сихъ поръ еще живо у всѣхъ славянскихъ народовъ. Оно живетъ въ цѣлой Бѣлоруссіи и въ долинѣ Припети. Древнія преданія о камняхъ перепутались съ христіанскими легендами. Сказанія о превращеніяхъ въ камни, въ главныхъ основаніяхъ, повторяются въ разныхъ мѣстностяхъ одни и тѣ же. Такъ напр. въ Вилейскомъ уѣздѣ, недалеко отъ мѣстечка Курженца есть камень, называемый Гомсинъ. Преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ жилъ сапожникъ Гомсинъ. Народъ, проходя мимо ко всенощной, приглашалъ и его съ собою; но Гомсинъ отвѣчалъ, что если теперь наступаетъ *великъ день*, то онъ вмѣсто одной сошьетъ двѣ пары сапогъ. Когда же народъ возвращался изъ церкви, то на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла хижина сапожника, лежалъ этотъ камень. Хижина и самъ Гомсинъ превратились въ камень, который съ этого времени и называется Гомсинъ.

Въ Пинскомъ полѣсьѣ существуетъ такого же рода легенда. Полѣшукъ въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенья запрягъ воловъ и началъ пахать землю, объясняя точно такъ же какъ Гомсинъ, что въ великъ день онъ вдвое больше вспашетъ поля. За это и онъ вмѣстѣ съ волами и сохой были превращены въ камни.

Такихъ разсказовъ о превращеніи въ камни очень много. Разсказывающіе убѣждены, что они видятъ на камняхъ человѣческія лица, животныхъ и т. д., слышатъ даже жалобные стоны, выходящіе изъ-подъ камней, прибавляя, что отцы и дѣды ихъ видѣли струившуюся кровь изъ камня. Къ поддержанію суевѣрныхъ мнѣній о превращеніи въ камни какъ людей, такъ и животныхъ, даже неодушевленныхъ предметовъ, много содѣйствуетъ то, что въ особенности въ Пинскомъ полѣсьѣ, въ болотахъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ дѣйствительно много камней, имѣющихъ необыкновенныя формы, которымъ досужая фантазія придаетъ фантастическія уподобленія. Камни эти, дѣйствіемъ водъ, изборождены рытвинами, на другихъ образовались выпуклости, или глубокія впадины, нѣкоторые имѣютъ округленные выступы, что имъ придаетъ видъ головы. Все это тѣ же фетиши, которымъ первобытные люди придавали значеніе воплощенныхъ божествъ. Во многихъ мѣстахъ народъ безсознательно почитаетъ ихъ; извѣстно, что нѣкоторые камни скоблятъ, и образующійся отъ этого порошекъ служитъ лекарствомъ.

И теперь, когда въ полѣ замѣтятъ заломъ, или такъ называемую завитку во ржи, что конечно считается дѣломъ колдуна или *чаровника*, если и не самого чорта, то приглашаютъ священника, чтобы онъ выдернулъ завитку и совершилъ молебствіе. Вырванная же завитка сожигается непремѣнно на щепахъ осины, разбитой громомъ.

Еще Геродотъ увѣрялъ, что Невры, жившіе будто бы близъ р. Пины и потомъ поселившіеся среди славянскаго племени Будиновъ, т. е. первобытныхъ жителей долины Припети, всѣ были волшебниками-чародѣями, что каждый изъ нихъ покрайней мѣрѣ разъ въ годъ превращался на нѣсколько дней въ волка. Надобно думать, что существовалъ обычай носить шубу шерстью вверхъ и что это именно дало поводъ къ предположенію о мнимомъ превращеніи въ волка. Неменѣе того, вѣра въ такое превращеніе и теперь, по истеченіи 2240 лѣтъ, существуетъ не только въ Пинскомъ полѣсьѣ, но и въ цѣлой Бѣлоруссіи. Такой *оборотень* у Полѣшуковъ имѣетъ даже свое названіе: *вовкулакъ*.

Мы не станемъ удивляться, что Полѣшуки, этотъ до сихъ поръ младенческій народъ, вѣрятъ въ колдуновъ, чародѣевъ, волшебниковъ, въ бабу-ягу, о которой и теперь поютъ пѣсню:

Баба-яга, косцяная нога,
На ступѣ ѣдзець, тоукачомъ паганяець,
Мятлой сляды заметаець.

Все сверхъестественное, не находя существеннаго объясненія, поражаетъ воображеніе младенчествующаго народа; а люди поумнѣе умѣютъ пользоваться суевѣріемъ, принимая на себя роль волшебниковъ, доставляющую имъ выгоды.

Вліяніе такихъ знахарей, чаровниковъ сильнѣе всякаго другаго. Чаровникъ умѣетъ объяснять значеніе тѣхъ грозныхъ явленій, которыми такъ обильна дикая природа. Объясненія же эти, конечно, направлены къ тому, чтобы возбуждать еще большій ужасъ, чтобы мечтательный, суевѣрный Полѣшукъ не переставалъ вѣрить въ лѣшихъ, русалокъ; чтобы въ завываніи вѣтра, въ неистовомъ ревѣ бури ему слышался то хохотъ русалокъ, то голосъ лѣшаго, то стоны вампира (упира). А этотъ упиръ сосетъ кровь спящаго человѣка. Ударитъ громъ — это перунъ, или, по современному представленію Полѣшука, это Илья пророкъ, разъѣзжающій по небу въ огненной колесницѣ и изъ-подъ копытъ лошадей котораго сыплются искры—молніи. Вѣрованіе это общее всѣмъ почти Бѣлоруссамъ; но Полѣшукъ прибавляетъ, что каждая такая искра, упавшая на землю, убиваетъ дьявола. Чтобы спастись, послѣдній обращается въ черную собаку, но искра небесная не щадитъ и оборотня.

Какъ повсюду въ Бѣлоруссіи, такъ и здѣсь нельзя тушить пожара, возникшаго отъ громоваго удара. Только богатый человѣкъ можетъ потушить такой пожаръ, но не иначе, какъ заливая его молокомъ. Когда во время грозы вихрь образуетъ столбъ пыли, это значитъ, что нечистая сила гуляетъ; если подобраться подъ такой столбъ и уткнуть остріе ножа въ землю, то изъ земли прыснетъ кровь. Въ страшныхъ лѣсныхъ ураганахъ, разрушающихъ сотни деревъ, Полѣшукъ видитъ *чортову свадьбу*. Чаровникъ, глазу котораго доступны всѣ дьявольскія продѣлки, объясняетъ народу, какъ надъ лѣсомъ мчится дьявольскій свадебный поѣздъ, показываетъ, гдѣ сидитъ новобрачная, гдѣ дружки и т. д.; въ то же время онъ обращаетъ вниманіе на музыку, сопровождающую свадебный поѣздъ, музыку, которую всѣ слышатъ: это гулъ, завыванье, стоны урагана.

Любопытно сказаніе о происхожденіи медвѣдя. Богъ расхаживалъ по землѣ. Какому-то человѣку пришла мысль напугать Бога. Онъ выворотилъ тулупъ шерстью вверхъ, закутался въ него и на четверенькахъ подползъ къ Богу. Но Богъ, конечно, не испугался, узналъ продѣлку человѣка и въ наказаніе опредѣлилъ быть ему медвѣдемъ.

Холера, повальныя болѣзни, не являются сами собою. Это послѣдствія пришествія смертоносной дѣвы, расхаживающей съ огненнымъ вѣнкомъ на головѣ, съ кровавой холстиной въ рукахъ. Она проникаетъ всюду, и гдѣ только появится, люди мрутъ сотнями.

Да и обыкновенныя болѣзни порождаются не случайностями, не естественнымъ путемъ, но навожденіемъ голыхъ, простоволосыхъ вѣдьмъ, или знахарей, владѣющихъ тайною *наврочить*, т. е. сглазить. Опытному знахарю очень легко испортить человѣка. Достаточно, если онъ подброситъ подъ уголъ дома зачарованное яйцо или зелье, броситъ въ колесо телеги засушенную лягушку. Опаснѣе же всего, если напоитъ водкою, заправленною змѣинымъ ядомъ. Такая водка кипитъ какъ на огнѣ, почему знахарь обыкновенно и подноситъ ее въ потьмахъ, чтобы человѣкъ ничего не замѣтилъ и выпилъ. Ядъ добываетъ знахарь отъ живой змѣи. Поймавъ живую змѣю, знахарь умудряется вложить ей въ пасть зерно боба, а затѣмъ сѣчетъ ее розгой до тѣхъ поръ, пока не околѣетъ. Вынутый изъ пасти бобъ, онъ сажаетъ въ землю, а цвѣтъ отъ него и служитъ страшнѣйшимъ ядомъ. Но это средство употребляетъ знахарь только въ крайнихъ случаяхъ, когда ему нужно совсѣмъ извести человѣка.

Мы разсказывали о Церешкѣ, какъ онъ нашелъ въ Купалину ночь цвѣтъ папоротника, какъ сталъ всевѣдущимъ и какъ потомъ лишился этого цвѣтка. Полѣшукъ иначе передаетъ такой же случай. Онъ случайно тоже наступилъ на такой цвѣтъ, который попалъ ему въ лапоть, и въ ту же минуту сталъ всезнающимъ, всепонимающимъ и всемогущимъ. Онъ слышалъ и понималъ, что говорятъ между собою деревья, птицы, собаки, звѣри. Изъ бесѣды сосенъ, вороновъ и собакъ онъ узналъ, гдѣ зарыты клады, и добылъ ихъ. Вѣщій даръ открылъ

ему тайны, никому невѣдомыя, указалъ на страшныхъ преступниковъ, на которыхъ даже никакое подозрѣніе не падало. Все это сдѣлало его богатымъ и знаменитымъ. Но такое блаженное состояніе недолго продолжалось. Случайно перешагнулъ онъ черезъ колоду дерева, сваленнаго бурею. Цвѣтъ исчезъ, а съ нимъ исчезло и его могущество. Богатство пошло прахомъ.

Праздникъ Коляды, весенняго Егора, Русальной недѣли, или Куста, Купалы, Дзядовъ и др. имѣютъ такое значеніе, какъ и въ остальной Бѣлоруссіи. О знаменитой козѣ мы тоже говорили. Всѣхъ же обрядовъ, унаслѣдованныхъ тысячелѣтіями, исчислить невозможно. Они повторяются при всевозможныхъ случаяхъ. Конечно, большая часть ихъ примѣнена къ христіанскимъ праздникамъ; но подкладка чисто языческая.

Общеизвѣстная пословица «Бога люби и чорта не гнѣви» особенно примѣнима къ Полѣшуку. Въ самомъ дѣлѣ, онъ почитаетъ Бога, какъ силу благодатную, но понятіе о Его всемо-

Осушенныя болота

гуществѣ у него смутно. Онъ знаетъ, что всякое добро происходитъ отъ Бога и что, слѣдовательно, Богъ ему не сдѣлаетъ зла; всякое же зло происходитъ отъ чорта и его клевретовъ. Вотъ почему онъ страшно боится чорта. Чортъ, какъ сила злая, грозная, истребительная, вѣчно у него передъ глазами. Онъ постоянно долженъ защищаться отъ проявленій этой грозной силы, и вотъ онъ прибѣгаетъ подъ покровительство чортовыхъ адептовъ, знахарей, чаровниковъ, вѣдьмъ. Онъ у нихъ заискиваетъ, задобриваетъ ихъ; ибо, по его понятіямъ, только они могутъ его предохранить отъ всякихъ случайныхъ невзгодъ. Черезъ ихъ посредство онъ можетъ пріобрѣсть богатство, откупиться отъ тяжкой болѣзни, ожидать исполненія своихъ желаній, осуществленія надеждъ.

Если же не задобрить этихъ страшныхъ адептовъ сатаны, они могутъ вредить человѣку на каждомъ шагу, навести болѣзнь и самую смерть, испортить скотину и т. д. Сама природа заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ столько явленій, наводящихъ ужасъ на человѣка, что онъ считаетъ необходимостью для защиты себя и своихъ ближнихъ прибѣгать подъ покровительство знахаря, не брезгая указываемыми имъ разными колдовствами и нечистою обрядностью.

Колядки считаются на Полѣсьѣ самымъ торжественнымъ праздникомъ, а главная ихъ принадлежность—кутья или куцья составляетъ не только необходимость, но предметъ символическаго значенія. Не въ одни Колядки, но и въ теченіе цѣлаго года, при всѣхъ особенно важ-

ныхъ случаяхъ, кутья всегда играетъ видную роль. Безъ кутьи не бываетъ ни похоронъ, ни поминокъ. Она связана съ воспоминаніями объ умершихъ до такой степени, что на Полѣсьѣ самый обрядъ, когда подаютъ на столъ кутью, называется *дзѣдами*. Дѣдамъ всегда ставятъ кутью на подоконникѣ, и многіе вѣрятъ, что покойники ее съѣдаютъ. Въ сочельникъ же не только дѣдовъ, но и *морозъ* приглашаютъ на кутью. Приглашеніе это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сопровождается стрѣльбою изъ ружья или пистолета. Понятно, что въ этомъ случаѣ морозъ, или Зюзя, имѣетъ миѳическое значеніе. Это и есть черный демонъ, Карачунъ, или Ситивратъ, подземное существо, у котораго супруга Морана, т. е. смерть. Мы видимъ здѣсь повтореніе общей черты—боязни и желанія задобрить черную силу.

Праздникъ весенняго Ярилы, т. е. св. Георгія, также какъ и вездѣ въ Бѣлоруссіи, отправляется не только въ деревняхъ, но и въ городахъ, и мѣстечкахъ. Почти все населеніе спѣшитъ въ этотъ день въ поле, гдѣ и пируетъ до глубокой ночи. Это у нихъ называется «выходомъ на росу».

Существуетъ и здѣсь извѣстный «Рахманскій вялыкъ дзѣнь», но здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, онъ называется «Навскимъ». Празднуется онъ не такъ, какъ напр. у Галицкихъ Русиновъ, въ двадцатый день послѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья, но постоянно на Ѳоминой недѣлѣ. Значеніе праздника здѣсь опредѣляется ясно: это день Свѣтлаго Христова Воскресенья у покойниковъ. Любопытно еще то, что въ Навскій день, отправляясь на кладбище съ краснымъ яйцомъ, Полѣшуки говорятъ: «идемъ христосоваться съ покойниками», причемъ яйца одни съѣдаютъ, другіе оставляютъ на могилахъ. Но этимъ дѣло не оканчивается — на кладбищахъ до поздней ночи происходитъ страшная оргія.

Картина Пинскаго полѣсья, или долины Припети, которую мы здѣсь начертили, отчасти относится уже къ прошлому. Мы старались коснуться по возможности всѣхъ его особенностей именно потому, что уже началось культурное преобразованіе Пинскаго полѣсья. Конечно, это только починъ. Не легко измѣнить природу страны въ ея дикихъ и грозныхъ проявленіяхъ, природу, на образованіе которой такою, какъ она есть, вліяли перевороты земные и тысячелѣтія; не легко измѣнить и характеръ, обычаи и всѣ этнографическія особенности народа, въ которомъ эта же природа, забросившая его какъ будто на край свѣта и окружившая всевозможными естественными препонами къ его культурному развитію, выработала особаго рода консерватизмъ, не легко податливый и готовый всегда отстаивать свои бытовыя отношенія.

Многое измѣнится въ долинѣ Припети. Усиленное судоходство, желѣзныя дороги, удобренная почва, фабрики и заводы, которые появятся на пространствахъ непроходимыхъ доселѣ болотъ, систематическое лѣсное хозяйство и много другихъ усовершенствованій преобразуютъ край и людей, укажутъ имъ новые пути заработка и промысла; предположимъ даже, что увеличенное число народныхъ школъ, выборъ любящихъ дѣло и хорошо приспособленныхъ учителей сильно повліяетъ на народное образованіе и народную нравственность; тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что въ этнографическо - археологическомъ отношеніи Полѣсье много и много еще лѣтъ будетъ служитъ живымъ богатымъ матеріаломъ для изыскателей, для миѳологовъ и этнографовъ.

Борьба человѣка съ природою началась здѣсь въ 1873 году. Этимъ борцомъ явился ученый геодезистъ, уроженецъ Виленской губерніи, І. Ип. Жилинскій, нынѣ генералъ-маіоръ. Иниціатива дѣла принадлежитъ ему. Онъ первый составилъ планъ осушенія Пинскихъ болотъ, и ему поручило министерство государственныхъ имуществъ осуществленіе плана, которое и продолжается съ тѣхъ поръ весьма энергично на средства того же министерства, при содѣйствіи нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Съ 1873 по 1878 годъ (включительно) произведена нивелировка на пространствѣ 20,000 верстъ. Въ сорока пунктахъ генералъ Жилинскій изслѣдовалъ грунтъ болотистой мѣстности, до глубины отъ 40 до 80 футовъ. Въ долинахъ притоковъ рѣки Припети произведены изслѣдованія гидрометрическія, и для сравненія метеорологическихъ данныхъ въ мѣстностяхъ, уже осу-

шенныхъ, съ такими же данными на пространствахъ, покрытыхъ болотами, произведены самыя тщательныя наблюденія въ четырехъ метеорологическихъ обсерваторіяхъ, учрежденныхъ въ 1877 году въ Пинскѣ, Мозырѣ и въ деревнѣ Дорошевицахъ, расположенныхъ среди окружающихъ ихъ болотъ, а также въ деревнѣ Василевичевой, лежащей въ мѣстности, совершенно осушенной. Обсерваторіи эти снабжены термометрами, барометрами и всѣми приборами, необходимыми для наблюденій направленія и силы вѣтра, а также и влажности воздуха.

Канализація для осушки Пинскихъ болотъ къ концу 1878 года произведена въ мѣстности, по которой протекаютъ: рѣка Ведречъ, отъ мѣста ея впаденія въ Днѣпръ до самыхъ ея истоковъ, рѣки Витъ и Закованько, притоки рѣки Припети, рѣки Свѣдь и Жердянка, притоки рѣки Березины, долина рѣки Словечны, рѣки Тремля, Синяйя и Цитовка. Всѣ эти работы дали возможность установить свободное и правильное движеніе водъ на пространствѣ 450 верстъ. Сверхъ того изъ болотистыхъ мѣстностей, обѣщающихъ современемъ быть особенно полезными, произведены были частныя осушенія въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ долинѣ рѣки Утвахи и на болотистыхъ мѣстахъ, окружающихъ озеро Жидъ, на пространствѣ слишкомъ въ 100,000 десятинъ; 2) въ луминскихъ казенныхъ помѣстьяхъ, и наконецъ 3) въ западной части Полѣсья, на пространствѣ, лежащемъ между линіей московско-брестской желѣзной дороги и Ясельдою. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ проведено каналовъ на протяженіи 211 верстъ, которые, съ прежде устроенными каналами, составляютъ въ сложности болѣе 730 верстъ каналовъ. Главные каналы имѣютъ въ ширину отъ пяти до пятнадцати аршинъ, при глубинѣ отъ одного до трехъ аршинъ. Боковые каналы шириною отъ трехъ съ четвертью до пяти аршинъ, при глубинѣ въ одинъ или въ одинъ съ четвертью аршина. При пересѣченіи каналовъ съ дорогами, черезъ каналы къ 1879 уже устроено было 38 мостовъ. Этого мало. Въ мѣстахъ, гдѣ по случаю разливовъ цѣлые мѣсяцы не было сообщенія, теперь заботятся уже объ устройствѣ шлюзовъ при каналахъ, вблизи рѣкъ, для спуска въ каналы водъ во время засухи.

Въ то же время по осушеннымъ мѣстностямъ проводятся новыя дороги, сокращаются прежнія, такъ какъ онѣ проводились въ обходъ болотъ.

Работы по осушенію Пинскихъ болотъ ежегодно продолжаются. Къ исходу 1881 году осушеніе будетъ исполнено вообще на пространствѣ 1,200,000 десятинъ.

Послѣдствія этого осушенія уже теперь очевидны. Сотни тысячъ десятинъ, еще недавно покрытыхъ мокрыми зарослями и лѣсами, постоянно заливаемыми, совершено осушены, и на нихъ появляется богатая растительность, въ то же время и ростъ лѣса значительно улучшается. Лѣса, отстоявшіе на 15 до 40 верстъ отъ сплавныхъ рѣкъ и вовсе не предназначавшіеся для сбыта за недоступностью болотъ, теперь сплавляются по проведеннымъ каналамъ въ Днѣпръ, Припеть, Березину и другія рѣки.

Осушенныя болота уже и теперь даютъ доходы, превосходящіе всякое ожиданіе, хотя осушка, исполненная въ два или три послѣдніе года, еще не успѣла окончательно повліять на перерожденіе травъ. Для примѣра, возьмемъ, по имѣющимся у насъ даннымъ, доходъ за сѣнокосы на осушенныхъ болотахъ въ Василевичской дачѣ. Въ 1878 году доходъ этотъ составилъ 2668 руб.; въ 1879 году — 3,004 руб., а въ 1880 году уже 5,862 руб., тогда какъ до осушенія болота доходъ не прывышалъ 150 руб. — То же самое и вездѣ, гдѣ болота осушены, такъ что въ общей сложности доходность одной десятины осушеннаго болота составляетъ отъ трехъ до пяти рублей, въ среднемъ же около четырехъ рублей. Въ Мозырскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ озера Жидъ, въ долинѣ и бассейнѣ рѣки Утвохи, гдѣ болота были недоступны и большею частію вовсе не скашивались, теперь, по осушеніи 15 тысячъ десятинъ, они даютъ чистаго дохода около 45,000 рублей въ годъ.

Всѣ, весьма значительные расходы по осушенію болотъ правительство производитъ изъ собственныхъ источниковъ; частныя же лица изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, заинтересованныя въ дѣлѣ осушенія болотъ, спѣшатъ принести съ своей стороны посильную помощь для

ускоренія работъ. Такъ еще въ 1878 году пожертвовано на этотъ предметъ 26,000 руб., и сверхъ того нѣкоторые помѣщики заявили готовность пожертвовать для той же цѣли, въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ, еще до 100,000 руб. — Расходы казны по 1878 годъ простирались до 560,000 рублей.

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ VIII.

ПОСЕЛЕНІЯ ВЪ БѢЛОРУССКОМЪ ПОЛѢСЬѢ.

Минскъ.—Изяславъ.—Прилуки.—Дукора.—Койдановъ.—Столбцы.—Новый Свержень.—Ивенецъ.—Дуброва.—Борисовъ.—Логойскъ.—Докшицы.—Черен.—Гайна.—Игуменъ.—Березина.—Смиловичи.—Равиничи.—Слуцкъ.—Копыль.—Несвижъ.—Клецкъ.—Могильна.—Ляховичи.—Старобино.—Новогрудокъ.—Брицянка.—Чемброва.—Валевка.—Городище.—Кораличе.—Ловчице.—Каменка.—Логотки.—Щорсы.—Лавришевъ.—Миръ.—Любчъ.—Полонка.—Новая мышь.—Старая мышь.—Бобруйскъ.—Глускъ.—Паричи.—Чирковичи.—Любань.—Любаничи.—Пинскъ.—Городище.—Поржече.—Альбрехтовъ.—Любешевъ.—Лагичинъ.—Городня.—Зсжанъ-городокъ.—Мозырь.—Туровъ.—Давидъ-городокъ.—Скрыгаловъ.—Петриковъ.—Барбаровъ.—Лахва.—Ельскъ.—Копытковичи.—Рѣчица.—Лоевъ.—Горваль.—Брагинъ.—Василевичи.

...Здѣсь невесело живется
Но, средь бѣднаго народа,
Нѣтъ ни праздныхъ, ни лѣнивыхъ...
Онъ, въ мечтахъ своихъ правдивыхъ,
Цѣнитъ дивнымъ даромъ неба
Драгоцѣнною свободой
И кускомъ насущнымъ хлѣба.
Даннымъ мачихой-природой.

(*Изъ поэмы «Полѣсье» Н. Д*).

Къ древнѣйшимъ поселеніямъ въ Бѣлорусскомъ полѣсьѣ принадлежатъ Полоцкъ и Туровъ, а также нѣкоторыя мѣстности въ нынѣшней Минской губерніи. Полоцкъ въ историческомъ отношеніи надобно считать столицею Бѣлоруссіи. Онъ игралъ такую же видную роль, какъ Кіевъ и Вильно. Но для послѣдовательности мы начнемъ нашъ очеркъ указаніемъ значительнѣйшихъ и болѣе достопамятныхъ по историческимъ воспоминаніямъ мѣстностей *Минской губерніи.*

I. МИНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Въ древней отчизнѣ Кривичей, Дреговичей, Полочанъ и Черноруссовъ, т. е. въ предѣлахъ нынѣшней Минской губерніи, находилось четырнадцать удѣльныхъ княжествъ, именно: Изяславское, Соломерецкое, Минское, Туровское, Пинское, Мозырское, Клецкое, Новогрудское, Пересопецкое, Свислочское, Логойское, Степанское, Борисовское и Слуцкое. Историческій разсвѣтъ этихъ княжествъ, покрайней мѣрѣ главныхъ городовъ, отъ которыхъ и самые удѣлы получили свои названія, начинается съ XI и XII столѣтій; но о Туровѣ и Изяславлѣ лѣтописи упоминаютъ уже въ концѣ X столѣтія. Съ этого времени стало водворяться здѣсь христіанство восточнаго обряда. Конечно, самостоятельное существованіе этихъ удѣльныхъ княжествъ было

непродолжительно: одни зависѣли отъ Полоцка, другія отъ Кіева, пока Литва въ XIII и даже въ XII столѣтіи совершенно не поглотила ихъ.

Мы уже знаемъ о судьбахъ Минскаго княжества изъ историческаго очерка; знаемъ, что въ XII столѣтіи, послѣ Полоцкаго, оно играло болѣе видную роль, распространяясь на развалинахъ и порабощеніи другихъ мелкихъ удѣловъ.

Минскъ, на рѣкѣ Свислочи и рѣчкѣ Нѣмигѣ, лежитъ собственно въ землѣ древнихъ Кривичей и былъ долгое время театромъ опустошительныхъ войнъ и продолжительной борьбы между потомками Владиміра В., князьями кіевскими и полоцкими. Мы уже говорили, что пѣвецъ пѣсни о полку Игоря хорошо зналъ Минскъ. Въ лѣтописяхъ же въ первый разъ упоминается о Минскѣ (Менескъ, Minscum) подъ годомъ 1067 по случаю битвы между Всеславомъ Полоцкимъ и сыновьями Ярослава Кіевскаго. Въ 1078 Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи взяли Минскъ, всѣхъ мужчинъ перебили, а женъ и дѣтей роздали воинамъ. Потомъ, въ 1084 Владиміръ Мономахъ взялъ Минскъ и отнялъ у жителей всѣхъ рабовъ и скотъ. Знаменитѣйшимъ изъ минскихъ удѣльныхъ князей былъ Глѣбъ, сынъ Всеслава Полоцкаго, княжившій съ 1101 по 1116. Онъ велъ безпрестанную борьбу съ Олегомъ Святославичемъ и Ярополкомъ Владиміровичемъ. Въ 1116 Мономахъ вторично завоевалъ Минскъ, плѣнилъ Глѣба и отослалъ его въ Кіевъ. Сынъ Мономаха, Мстиславъ отдалъ Минскъ племяннику своему Изяславу (1129); но потомъ наслѣдники Глѣба, Ростиславъ, Володарь и Всеславъ снова владѣли по очереди Минскомъ до 1195, когда Литовцы распространили здѣсь свою власть.

Послѣ знаменитой побѣды, одержанной Рингольдомъ надъ союзными князьями русскими, на правомъ берегу Нѣмана, у деревни Могильны, Минское княжество находилось въ полнѣйшей зависимости отъ литовскихъ князей. Послѣднимъ удѣльнымъ минскимъ княземъ считаютъ Ѳедора Святославича, княжившаго подъ началомъ литовскихъ князей около 1326 г. Въ этомъ году онъ пріѣзжалъ въ Новгородъ для переговоровъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ великаго князя Гедимина.

Мы уже знаемъ о нападеніяхъ Монголовъ и славной побѣдѣ, одержанной надъ ними въ 1241 при Койдановѣ. Минскъ былъ спасенъ отъ ихъ порабощенія. Въ это же время городъ былъ сильно укрѣпленъ. Вокругъ него сооружены были земляные валы и построенъ сильный замокъ на р. Нѣмигѣ и Свислочи. Еще недавно во рвахъ, окружавшихъ замокъ, найдено было нѣсколько каменныхъ ядеръ, удивляющихъ своею величиною. Одно изъ нихъ (доставленное мною въ Виленскій музей древностей) имѣло въ окружности до двухъ метровъ. Изъ развалинъ замка сооруженъ былъ въ нынѣшнемъ уже столѣтіи частный домъ Малафѣева, перешедшій потомъ къ Чоглокову, а въ послѣднее время къ Минковскому. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія (1806) видны были каменныя стѣны особой крѣпости, за Троицкою горою, на предмѣстьѣ Коморовкѣ, на островѣ, который въ прежнее время окружало большое озеро. Среди этихъ развалинъ, тогдашній директоръ гимназіи, Петръ Цейсъ, нашелъ нѣсколько замѣчательныхъ древнихъ бронзовыхъ издѣлій и въ томъ числѣ превосходной работы фигуру, изображавшую римскаго пастыря Фаустула. Окружной городской валъ разрушенъ былъ во время войны съ Карломъ XII, но почти совершенно уцѣлѣлъ редутъ Св. Троицы со стороны Борисовской заставы. Въ этомъ-то редутѣ, въ 1780 г. ученики гимназіи случайно открыли шесть пушекъ, заклепанныхъ и зарытыхъ въ землю. Тогдашній минскій староста, Войцѣхъ Володковичъ, такъ былъ радъ этой находкѣ, что, какъ пишетъ С. Г. въ современной запискѣ, на свой счетъ угостилъ учениковъ гимназіи, пригласивъ ихъ на маевку, которая обошлась ему въ 500 злотыхъ. Орудія эти были исправлены и помѣщены въ замкѣ; слѣдовательно, въ 1780 г. замокъ еще не былъ совершенно разрушенъ.

Минскъ назначенъ былъ воеводскимъ городомъ еще въ 1413 году, но самое воеводство окончательно образовано едва въ 1500. Оно состояло изъ трехъ уѣздовъ: Минскаго, Мозырскаго и Рѣчицкаго. Магдебургское право даровано городу въ 1499 г. Для Минска оно имѣло

большое значеніе: жители получили личную свободу; независимо отъ воеводъ и старостъ, избирали себѣ войтовъ, бургомистровъ и лавниковъ.

При введеніи уніи жители Минска сильно отстаивали свою старую вѣру. Ими руководилъ извѣстный Мелетій Смотрицкій, когда еще былъ свѣтскимъ человѣкомъ, по возвращеніи изъ за границы съ молодымъ княземъ Соломерецкимъ, нѣкоторое время жившій въ Минскѣ. Здѣсь онъ сочинилъ свой «Плачъ Восточной церкви», подъ псевдонимомъ Ортолога. Минскія братства въ особенности отличались своимъ усердіемъ и преданностію къ вѣрѣ; но всѣ ихъ усилія оказались тщетными съ водвореніемъ въ краѣ іезуитовъ.

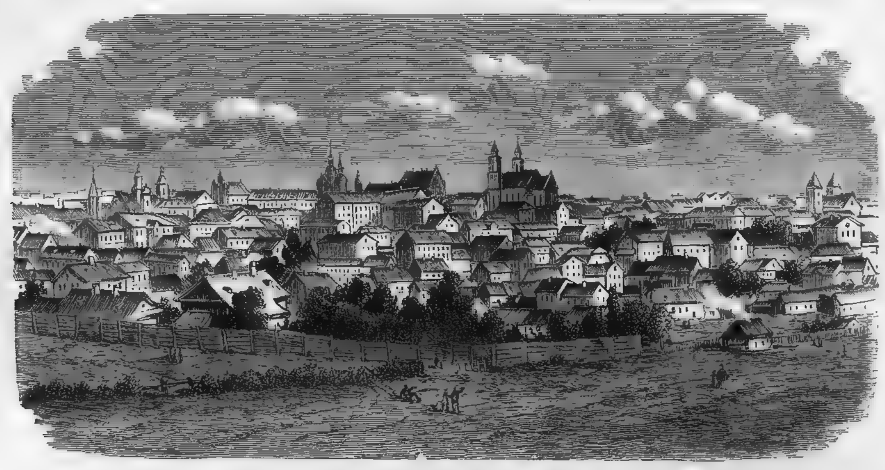
Христіанскіе храмы существовали въ Минскѣ съ XI столѣтія. Древнѣйшими считались мужскіе монастыри: Св. Духовъ, Козьмо-Демьянскій и Петропавловскій, и женскій Св. Духовскій; существовалъ и другой женскій монастырь, неизвѣстный по имени; въ XVII ст. воздвигнутъ новый, Петропавловскій. Вообще въ XV столѣтіи въ Минскѣ считалось тринадцать церквей. Королева Елена, супруга Александра Ягеллона, построила и возобновила въ Минскѣ нѣсколько церквей. Вознесенскому же монастырю подарила населенное имѣніе Тростенецъ. Этому же монастырю сдѣлалъ значительные вклады кіевскій воевода князь Дмитрій Путята. Въ самомъ замкѣ находилось большое зданіе, въ которомъ останавливались митрополиты, когда пріѣзжали въ Минскъ, такъ какъ новогрудскій соборъ 1415 года, въ числѣ городовъ, въ которыхъ назначено мѣстопребываніе митрополита, упомянулъ и Минскъ.

Полагаютъ, что начало епископской каѳедры относится къ XIII столѣтію; но опредѣленныхъ данныхъ мы не имѣемъ. Скорѣе предположить, что первоначально Минскъ зависѣлъ отъ древнѣйшей туровской епископской каѳедры. По присоединеніи Минска къ Россіи, послѣ втораго раздѣла Польши, императрица Екатерина II, 13 апрѣля 1794 года, учредила Минское архіепископство, въ составъ котораго вошло сорокъ монастырей и двѣсти пятьдесятъ приходскихъ церквей въ предѣлахъ тогдашнихъ губерній Минской, Изяславской и Брацлавской. Первымъ минскимъ архіепископомъ назначенъ былъ переяславскій епископъ, Викторъ Садковскій, именовавшійся минскимъ и волынскимъ архіепископомъ, коадъюторомъ кіевской митрополіи и слуцкимъ архимандритомъ. Викаріемъ его Екатерина назначила Варлаама Шпацкаго, наименовавъ его епископомъ житомирскимъ. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ самостоятельнымъ житомирскимъ епископомъ. Одновременно при слуцкомъ св. Троицкомъ монастырѣ учреждена для Минской епархіи духовная семинарія. Послѣ третьяго раздѣла Польши и образованія по манифесту 14 декабря 1795 изъ бывшихъ воеводствъ Виленскаго, Трокскаго и княжества Жмудскаго, или Самогитскаго, двухъ губерній: Виленской и Слонимской, православное духовенство съ своею паствою въ этихъ губерніяхъ подчинено минскому архіепископу. Послѣ возсоединенія уніатовъ 23 іюля 1839 г., когда образовано въ Вильнѣ Литовское архіепископство, съ подчиненіемъ ему губерній Виленской, Ковенской и Гродненской, Минское архіепископство ограничено предѣлами одной Минской губерніи. Распредѣленіе церквей по епархіямъ назначено Высочайшимъ повелѣніемъ 17 апрѣля 1840 г.; архіепископу повелѣно именоваться минскимъ и бобруйскимъ и тогда же семинарія изъ Слуцка переведена въ Минскъ. Въ составъ Минской епархіи входитъ 6 штатныхъ монастырей (4 мужскихъ и 2 женскихъ), 10 соборныхъ церквей, 532 приходскихъ и 540 приписныхъ. Кромѣ семинаріи существуетъ также уѣздное духовное училище. Но возвратимся еще къ архіепископамъ. Первый изъ нихъ, Садковскій въ 1796 г. переведенъ въ Черниговскую епархію; вторымъ былъ Іовъ Потемкинъ по 1812 г., въ которомъ переведенъ въ Екатеринославскую епархію; третьимъ Серафимъ Глаголевскій, изъ епископовъ смоленскихъ, въ 1816 г. возведенный въ санъ митрополита петербургскаго; четвертымъ, Анатолій Максимовичъ изъ епископовъ полтавскихъ, въ 1832 переведенный въ Симбирскъ; пятымъ, Евгеній Боженовъ, изъ епископовъ тамбовскихъ, въ 1834 г. переведенный въ Кахетинскую епархію; шестымъ Никаноръ Клементьевскій изъ епископовъ калужскихъ, въ 1840 г. переведенный въ Волынскую епархію; седьмымъ Антоній Зубко, одинъ изъ сподвижниковъ митрополита

Іосифа по возсоединенію уніатовъ, въ 1848 г. уволенъ на покой; восьмымъ Михаилъ Голубовичъ, тоже изъ уніатовъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей, бывшій викарій брестскій, въ 1868 уволенъ на покой; девятымъ Александръ, бывшій епископъ ковенскій; десятымъ Евгеній.

Первый римско-католическій костелъ основанъ въ Минскѣ въ 1390 г. Въ XVII же столѣтіи (начиная съ 1628) постепенно вводились монашескіе ордена и строились костелы: бернардиновъ, бернардинокъ, доминикановъ, францискановъ, бенедиктиновъ, бонифратеровъ. Іезуиты основали здѣсь свой коллегіумъ въ 1682 г.

Во время польскаго владычества вся нынѣшняя Минская губернія входила въ составъ Виленской римско-католической епархіи, за исключеніемъ только Пинскаго уѣзда, принадлежавшаго къ Луцкой епархіи. Учрежденіе Римско-католической епархіи въ Минскѣ относится ко временамъ Екатерины II. По ея желанію, папа римскій повелѣлъ апостолическому нунцію Лаврентію

Минскъ.

Литта открыть Минскую епархію, что имъ и исполнено 28 апрѣля 1798 г. Первымъ минскимъ епархіальнымъ епископомъ былъ Іаковъ Дедерко (+ 1829); вторымъ Матвѣй Липскій (+ 1841); затѣмъ управлялъ епархіею епископъ-суфраганъ (викарій) Павелъ Рава, послѣ смерти котораго въ 1853 г. назначенъ третій и послѣдній епархіальный епископъ Адамъ Войткевичъ. Просуществовавъ 71 годъ, въ 1869 г. Минская епархія упразднена, подвѣдомственные же ей костелы вошли въ составъ Виленской епархіи. Епископъ Войткевичъ переѣхалъ на жительство въ Вильно, гдѣ вскорѣ умеръ.

Около 1556 князь Николай Радзивиллъ Черный основалъ въ Минскѣ кальвинскій сборъ. Евангелическо-реформатское исповѣданіе было сильно распространено между дворянствомъ въ Минской губерніи, пока не было подавлено и почти совсѣмъ уничтожено іезуитами. Весьма немногіе дворянскіе роды сохранили впрочемъ и до сихъ поръ это исповѣданіе.

Кромѣ Евреевъ въ Минскѣ по сіе время живутъ Татары, переселенные въ Литву вел. кн. Витовтомъ изъ Крыма.

По второму раздѣлу Польши 27 марта 1793 г., по повелѣнію императрицы Екатерины отъ 13 апрѣля, образовано въ числѣ прочихъ Минское намѣстничество. Присутственныя мѣста открыты въ Минскѣ 2 октября 1795 г. Императоръ Павелъ I въ числѣ другихъ даровалъ Минской губерніи право пользоваться тѣми преимуществами и правами, которыя она имѣла во время польскаго владычества. Вмѣсто введеннаго Екатериною учрежденія о губерніяхъ 1775 г. возстановлены Литовскій трибуналъ, гродскіе и подкоморскіе суды, званія маршаловъ, хорунжихъ, подкоморіевъ, коморниковъ, возныхъ и разныхъ другихъ учрежденій и должностей. Въ

Древній костелъ въ Новогрудкѣ.

то же время губернія была раздѣлена на десять уѣздовъ. Съ 1831 г. всѣ прежнія льготы и особыя права стали постепенно уничтожаться; въ 1840 г. Литовскій статутъ отмѣненъ и введено русское законоположеніе и русскій языкъ въ судопроизводствѣ. Въ 1843 г. послѣдовало новое распредѣленіе уѣздовъ: Вилейскій и Дисненскій уѣзды отошли къ Виленской губерніи, а взамѣнъ ихъ присоединенъ Новогрудскій уѣздъ, отдѣленный отъ Гродненской губерніи. Такимъ образомъ губернія составлена изъ девяти уѣздовъ. Такой составъ губерніи и по сіе время существуетъ.

Во время кампаніи 1812 г. Французы овладѣли Минскомъ. 4 ноября графъ Ламбертъ изгналъ Французовъ и занялъ городъ.

Минскъ съ древнѣйшихъ временъ славился своею торговлею съ Ганзейскими городами и съ Восточною Русью. Московскіе купцы имѣли здѣсь свои торговые склады. Большое количество воска, меду, смолы, а также звѣриныя кожи отправлялись отсюда заграницу. Въ торгово-промышленномъ отношеніи Минскъ и по сіе время имѣетъ свое значеніе. Въ недавнее еще время минскіе *контракты*, съ ярмаркою, въ маѣ мѣсяцѣ привлекали много мѣстныхъ помѣщиковъ и иногородныхъ промышленниковъ. Съ проведеніемъ линіи желѣзной дороги чрезъ Минскъ, соединившей его съ центральными пунктами внутренней Россіи, значеніе контрактовъ упало, но не менѣе того Минскъ, какъ главный городъ богатой и многолюдной губерніи, не пересталъ быть довольно значительнымъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи пожары нѣсколько разъ истребляли почти совсѣмъ городъ; несмотря на это, онъ каждый разъ отстраивался и всегда къ лучшему. Въ прошломъ 1881 г. пожаръ тоже истребилъ большую часть города.

Хотя въ Минскѣ большинство жителей изъ низшихъ сословій православнаго исповѣданія — общій народный характеръ города чисто-польскій. Разговорный, общеупотребительный во всѣхъ слояхъ общества языкъ — польскій. Въ западныхъ губерніяхъ мѣриломъ національности могутъ служить Евреи. Въ Витебскѣ, въ Могилевѣ, гдѣ русскій языкъ господствующій — Евреи по-польски почти совсѣмъ не говорятъ; въ Минскѣ же, также какъ въ Вильнѣ, Гроднѣ и Ковнѣ, всѣ Евреи очень хорошо говорятъ по-польски. Въ Минскѣ только пріѣзжіе чиновники служатъ представителями русской интеллигенціи; все же коренное населеніе, какъ дворяне, такъ и городскіе жители, принадлежатъ къ польской національности.

Въ 24 верстахъ отъ Минска, въ Минскомъ же уѣздѣ, между рѣками Свислочью и Чарницею, находится городъ *Изяславъ*, переименованный потомъ въ *Заславъ*, основанный Владиміромъ, вел. кн. кіевскимъ и составлявшій удѣлъ Изяслава, сына Владиміра и Рогнѣды. Изяславовъ удѣлъ, собственно въ землѣ Кривичей, былъ весьма обширенъ. Много кровавыхъ битвъ происходило въ этой землѣ изъ-за постоянной вражды между князьями кіевскими и полоцкими. Во время литовскаго владычества, когда Ольгердъ съ Кейстутомъ изгнали изъ Вильно младшаго брата своего Евнутія, ему дали въ удѣлъ Изяславъ. Наслѣдники его именовались уже князьями Изяславскими, или Заславскими. По женской линіи Изяславъ въ XVI столѣтіи достался въ руки Ивана Глѣбовича, ревностнаго кальвиниста. Онъ устроилъ здѣсь изъ фарнаго католическаго костела кальвинскій сборъ и основалъ типографію, въ которой въ 1574 году напечатана Даніиломъ изъ Ленчицы Библія Симеона Буднаго, нынѣ составляющая большую библіографическую рѣдкость. Въ XVII столѣтіи (1678) Изяславъ перешелъ къ Сапѣгамъ, а въ XVIII (1755) къ Пржездецкимъ. Въ послѣднее время это опустошенное маленькое мѣстечко, принадлежавшее казнѣ, послѣ событій 1863 г. перешло въ руки русскаго чиновника Хоментовскаго. Древнее величіе столицы обширнаго удѣла сохранилось еще въ земляныхъ насыпяхъ вблизи города, окружавшихъ замокъ и омываемыхъ водами большаго пруда. Въ самомъ же городѣ былъ другой замокъ, изъ развалинъ котораго воздвигнутъ былъ впослѣдствіи монастырь и костелъ доминикановъ. Одна изъ готическихъ башенъ костела составляла прежде замковую башню. И этотъ замокъ точно также былъ окруженъ валомъ, съ крѣпостными воротами со сводами.

Заслуженный польскій историкъ Михаилъ Балинскій, въ своей *Starożytnéj Polsce*, а за нимъ и другіе, смѣшиваютъ Заславъ (Изяславъ) Минскій съ Заславомъ Волынскимъ. Балинскій думаетъ, что Минскій Заславъ основанъ волынскими князьями Заславскими.

Дѣйствительно, были князья Заславскіе въ Минской землѣ, были и на Волыни. Существуетъ тамъ и городъ Заславъ, основанный точно князьями Заславскими, но едва въ XV столѣтіи, тогда какъ Минскій Заславъ, или Изяславъ, основанъ Владиміромъ В. въ X столѣтіи. Дѣло въ томъ, что въ XV столѣтіи князь Василій Ѳедоровичъ Острожскій, раздѣливъ свои волости между сыновьями Юріемъ и Иваномъ, предоставилъ первому Заславъ на Волыни, а послѣднему Острогъ. Съ этого времени владѣтели Заслава, стали именоваться князьями Заславскими, владѣтели же Острога—Острожскими. Въ началѣ XVII столѣтія князь Александръ Ивановичъ Заславскій женился на дочери князя Януша Константиновича Острожскаго, краковскаго кастелана, Евфросиніи, и, по пресѣченіи рода Острожскихъ въ мужскомъ колѣнѣ, принялъ фамилію Заславскихъ - Острожскихъ. Подъ конецъ же XVII столѣтія и этотъ родъ пресѣкся, когда дочь князя Владислава-Доминика, именовавшагося графомъ на Тарновѣ, умершаго въ 1655 году, Ѳеоѳила, во второмъ бракѣ вышла за Іосифа Любомирскаго, короннаго маршала, и когда братъ ея князь Александръ-Владиславъ, графъ на Тарновѣ, умеръ бездѣтнымъ и послѣднимъ изъ рода князей Острожскихъ - Заславскихъ въ 1673 году, тогда и знаменитая Острожская ординація перешла въ родъ Любомирскихъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что между Заславомъ Волынскимъ и Заславомъ или Изяславомъ Минскимъ нѣтъ ничего общаго, точно также какъ нѣтъ ничего общаго между родами князей Заславскихъ на Волыни и Подолѣ и князя Изяслава Владиміровича въ Бѣлоруссіи.

Первая почтовая станція изъ Минска въ Новогрудокъ (чрезъ Несвижъ), *Прилуки*, въ 16 верстахъ отъ Минска,—мѣстность, замѣчательная своею древностью,—нѣкогда вотчина Огинскихъ. Здѣсь были двѣ православныя церкви, Троицкая и Успенская, гдѣ хоронились Огинскіе, нѣкоторые изъ рода князей Вишневецкихъ и Стешкевичей. Здѣсь же Анна Стешкевичъ, урожденная Огинская, основала православный монастырь. Потомъ Прилуки перешли въ родъ Ивановскихъ. Здѣсь-то находился, прославленный балладою извѣстнаго польскаго поэта А. Э. Одынца, заколдованный замокъ. По женской линіи имѣніе перешло отъ Ивановскихъ къ Ошторпу, долгое время бывшему минскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Оштorpъ былъ прекрасный человѣкъ, хлѣбосолъ, большой гастрономъ. Въ другомъ его имѣніи, *Дукоръ*, у него былъ театръ, картинная галлерея, и здѣсь гости пировали цѣлыя недѣли. Когда Оштorpъ умеръ, польскій поэтъ-юмористъ, Легатовичъ, никого нещадившій въ своихъ язвительныхъ эпиграмахъ, написалъ слѣдующіе два стиха:

Śmierć Osztorpa w Dukorze zrobi zmianę znaczną:
Panowie pić przestaną, chłopi jeść zaczną!

т. е. смерть Оштorpа въ Дукорѣ произведетъ большую перемѣну: господа перестанутъ пить, а мужики начнутъ ѣсть.—Прилуки достались знаменитому агроному Оттону Горватту, за которымъ была дочь Оштorpа. Горваттъ изъ заколдованнаго замка устроилъ великолѣпный палацо въ готическомъ стилѣ, при немъ большой садъ, съ оранжереею и башенными часами.

Дальше, памятный въ лѣтописяхъ *Койдановъ*, при рѣкѣ Нетечи, въ XII столѣтіи извѣстный подъ именемъ Крутогорья. Вблизи этого мѣстечка Татары понесли два жестокія пораженія, въ 1241 г. подъ начальствомъ князя Скирмунда, а потомъ въ 1249, когда Миндовгъ разбилъ на голову Койдана и его союзниковъ Даніила и Василька, князей Галицкихъ. По этому случаю и самое мѣстечко получило названіе Койданова. На древнемъ, возвышенномъ городищѣ здѣсь стоялъ сильно укрѣпленный замокъ, изъ котораго князь Радзивиллъ Рыжій, братъ королевы Варвары, устроилъ евангелическій сборъ.

Затѣмъ, вы приближаетесь къ Нѣману, и здѣсь весьма удобная пристань въ мѣстечкѣ *Столбцахъ.* Ничтожное, маленькое мѣстечко, изъ трехсотъ съ чѣмъ-то домовъ состоящее,—во время крымской войны играло весьма видную роль. Столбцы сосредоточили въ себѣ мѣстные торговые обороты, и отсюда на судахъ товары отправлялись далѣе по Нѣману. Въ теченіе одного года мѣстечко совершенно преобразилось, явились магазины, склады; свезено множество хлѣба, льна, вина и т. п. Явилось около двадцати оптовыхъ промышленниковъ, записавшихся въ первую гильдію, когда предъ тѣмъ не было ни одного. Такую же роль игралъ *Новый Сверженъ*, гдѣ первая пристань на Нѣманѣ, откуда собственно и начинается судоходство по Нѣману. И здѣсь, какъ въ Столбцахъ, явились купцы и негоціанты, множество разныхъ торговцевъ и промышленниковъ; торговая дѣятельность кипѣла, съ каждымъ днемъ расширяясь и усиливаясь; сотни и тысячи подводъ прибывали сюда съ разныхъ сторонъ и здѣсь продавались привезенные предметы, преимущественно хлѣбъ, вино, ленъ, пенька и т. д., оптовымъ купцамъ, или же заключались условія съ транспортными промышленниками, отправлявшими эти продукты далѣе по Нѣману. Съ окончаніемъ войны, съ возстановленіемъ нормальнаго положенія, все это рушилось; не менѣе того остался въ памяти у всѣхъ наглядный примѣръ, какую важную роль въ торговлѣ могли-бы занять Столбцы и Новый Сверженъ во всякое время, если-бы по Нѣману учреждено было правильное пароходство.

Ивенецъ на р. Волшѣ, притокѣ Ислочи, нѣкогда составлялъ вотчину знаменитаго рода Довойновъ - Соллогубовъ; въ мѣстечкѣ былъ монастырь францисканов и кальвинскій сборъ.

Въ Бѣлоруссіи есть двѣ замѣчательныя мѣстности, носящія названіе *Дуброва* или *Дубровна* и обѣ составлявшія нѣкогда собственность Глѣбовичей. Одна Дуброва въ Могилевской губерніи, другая недалеко отъ Минска. Послѣдняя отъ Глѣбовичей по женской линіи перешла къ Сапѣгамъ, а подъ конецъ прошлаго столѣтія принадлежала Хмарѣ, минскому воеводѣ.

Въ цѣлой Бѣлоруссіи нѣтъ ни одного уѣзда, который былъ бы описанъ съ такою подробностію въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, какъ Борисовскій уѣздъ, бывшимъ уѣзднымъ борисовскимъ предводителемъ дворянства, основателемъ виленскаго музея древностей, графомъ Евстафіемъ Тышкевичемъ, при содѣйствіи брата его, тоже извѣстнаго археолога, Константина. Конечно, въ настоящее время многія изъ приводимыхъ ими данныхъ уже устарѣли, но во всякомъ случаѣ и теперь еще представляютъ богатый матеріалъ для изслѣдователя. *Борисовъ* между разливами Березины и Схи, по словамъ лѣтописей, основанъ Борисомъ Всеволодовичемъ, княземъ минскимъ, около 1102 года. Здѣсь были два замка, сильно укрѣпленные, и содержался значительный гарнизонъ. Православная церковь въ Борисовѣ считается одною изъ древнѣйшихъ въ краѣ. Римско-католическій костелъ основанъ въ XVII столѣтіи. Магдебургскіе законы дарованы Борисову Сигизмундомъ-Августомъ въ 1563 г. и подтверждены его наслѣдниками. Борисовъ принадлежалъ къ Оршанскому уѣзду, а въ 1795 году, по присоединеніи этого края къ Россіи, назначенъ уѣзднымъ городомъ Минскаго намѣстничества. Борисовъ былъ старостамъ и состоялъ во владѣніи Огинскихъ, а потомъ Радзивилловъ. Къ старосту принадлежали огромныя пущи, и оно считалось однимъ изъ богатѣйшихъ въ странѣ. Здѣсь сосредоточивалась значительная торговля, особенно увеличившаяся со времени устройства въ 1798 году Березинской системы и съ прорытіемъ каналовъ Березинскаго или Сергучевскаго, Веребскаго и другихъ. Мы уже говорили о печальныхъ событіяхъ 1812 года, театромъ которыхъ былъ Борисовъ, и о памятной переправѣ Французовъ черезъ Березину.

Къ замѣчательнѣйшимъ поселеніямъ въ Борисовскомъ уѣздѣ принадлежитъ *Логойскъ*, въ 45 верстахъ отъ Минска. Лѣтописи говорятъ, что Логойскъ былъ крайнимъ пунктомъ завоеваній Владиміра Мономаха. Въ 1127 году имъ завладѣлъ Изяславъ Мстиславовичъ. Логойскъ составлялъ особый удѣлъ и имѣлъ собственныхъ князей. Ягайло отдалъ Логойскъ въ числѣ прочихъ владѣній брату своему Скиригайлѣ, но вскорѣ послѣ того Витовтъ отдалъ его своему племяннику Андрею Владиміровичу, отъ котораго потомъ перешелъ къ князьямъ Кобринскимъ

и затѣмъ къ Чарторыскимъ. Въ 1595 году Татары сожгли и опустошили замокъ и его окрестности и взяли въ плѣнъ дѣтей Семена Александровича Чарторыскаго. На дочери этого Семена женился Василій Тышка, родоначальникъ Тышкевичей. Съ этого времени Логойскъ находится въ постоянномъ владѣніи Тышкевичей и нынѣ принадлежитъ графу Оскару Константиновичу, сыну знаменитаго археолога, графа Константина Піевича Тышкевича, умершаго въ 1868 году. До сихъ поръ сохранились валъ и рвы, окружавшіе древній замокъ. Четыре православныя церкви въ Логойскѣ принадлежатъ къ древнѣйшимъ въ краѣ, въ одной изъ нихъ былъ склепъ, въ которомъ хоронились Тышкевичи православнаго исповѣданія. Въ 1699 году Александръ Тышкевичъ основалъ фарный римско-католическій костелъ, въ которомъ устроенъ фамильный склепъ и гдѣ хоронятъ Тышкевичей, Логойской линіи, католическаго исповѣданія. Во время войнъ съ Россіею въ 1519, 1535 и особенно 1655 Логойскъ много пострадалъ, а въ 1796 году Шведы совершенно сожгли замокъ и цѣлый городъ Окрестности Логойска богаты древними городищами, замками и множествомъ кургановъ, изъ коихъ значительная часть въ подробности изслѣдована покойнымъ владѣльцемъ Логойска гр. К. П. Тышкевичемъ. Добытые предметы древностей положили основаніе замѣчательному музею доисторическихъ древностей, который и нынѣ помѣшается въ логойскихъ палатахъ. По числу предметовъ и высокому научному значенію музей этотъ можетъ быть сравненъ только съ Виленскимъ и Краковскимъ при Ягеллонскомъ университетѣ. Здѣсь большая коллекція каменнаго оружія, богатое собраніе бронзовыхъ издѣлій, много желѣзныхъ предметовъ, добытыхъ изъ кургановъ, наконецъ коллекція череповъ, предметы изъ золота, серебра, глины и мн. др. — Покойный гр. К. П. Тышкевичъ не ограничился однѣми доисторическими древностями; онъ собралъ много оружія, старинныхъ знаменъ, гетманскихъ булавъ, маршальскихъ жезловъ и много другихъ достопримѣчательностей, изъ коихъ значительная часть поступила отъ племянницы короля Станислава Августа, бывшей въ супружествѣ за референдаріемъ Лудовикомъ Тышкевичемъ. При музеѣ находится библіотека, въ которой также хранится значительное собраніе рукописей, коллекціи гравюръ и пр.

Мы уже упомянули описывая Литовское полѣсье, о *Докшицахъ*. состоящихъ въ Борисовскомъ уѣздѣ, но часть которыхъ, отдѣленная верховьями Березины, принадлежитъ Дисненскому уѣзду Виленской губерніи. Православная церковь въ Докшицахъ очень древняя; римско-католическій костелъ основанъ въ 1698 году епископомъ жмудскимъ Станиславомъ Кишкою. Докшицы принадлежали знаменитому роду Кишковъ. Съ учрежденіемъ Минскаго намѣстничества Докшицы назначены были уѣзднымъ городомъ, но въ 1795, когда уѣздъ переведенъ въ Борисовъ, Докшицы остались заштатнымъ городомъ.

Недалеко отъ Борисова (собственно между Борисовомъ и Оршею, нынѣ уже въ Могилевской губерніи) есть мѣстечко *Череи*, гдѣ еще въ XV столѣтіи митрополитъ Мисаилъ основалъ православный монастырь св. Троицы. Въ 1614 году монастырь отданъ былъ базиліанамъ. Левъ Сапѣга сдѣлалъ въ пользу ихъ значительную запись, основалъ больницу и приходское училище. Потомъ Сигизмундъ III здѣсь помѣстилъ чудотворную икону Божіей Матери, вывезенную имъ изъ Смоленска. Икона эта и въ Череи славилась чудесами. Объ этомъ упоминаетъ извѣстный Стебельскій (II, 52). Настоятель же, или суперіоръ базиліанскаго монастыря въ Череи, Храпковичъ, въ 1764 году напечаталъ цѣлуюкнигу объ этой иконѣ, основываясь на сочиненіи іезуита Вильгельма Гумпенберга, подъ заглавіемъ Atlas-Marianus. Въ Борисовскомъ же уѣздѣ находится мѣстечко Гайна, при р. Гайнѣ, гдѣ въ 1387 году Ягайло по строилъ одинъ изъ первыхъ семи костеловъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи; собственно же въ Бѣлоруссіи это былъ первый римско-католическій храмъ. Ягайло, Витовтъ, потомъ Сигизмундъ I надѣлили этотъ храмъ богатыми вкладами.

Игуменъ при р. Игуменѣ, въ 66 верстахъ отъ Минска, уѣздный городъ, беднѣе всѣхъ прочихъ въ Минской губерніи. Вблизи города сохранилось городище, какъ доказательство древ-

ности этого поселенія. Послѣдующія судьбы его намъ мало извѣстны. Въ XVII столѣтіи оно принадлежало къ числу такъ называемыхъ столовыхъ имѣній виленскихъ епископовъ. Вблизи города было большое озеро, нынѣ почти совсѣмъ высохшее; но въ 1798 г. Карлъ XII, когда русскія войска препятствовали Шведамъ переправиться черезъ Березину, чтобы обмануть непріятеля, двинулся на Игуменъ и едва не утонулъ въ этомъ озерѣ. Въ 1795 году Игуменъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Минскаго намѣстничества, а въ слѣдующемъ—Минской губерніи. Березина и Свислочь, главныя рѣки Игуменскаго уѣзда, придаютъ и городу нѣкоторую жизнь. Березиною сплавляются мѣстныя произведенія, какъ напр. лѣсъ, лѣсныя издѣлія, смола и т. п. Здѣсь пять пристаней, именно: въ мѣстечкѣ Березинѣ, Каменье, Божинѣ,

Якшицахъ и Ямно. Три мѣстности въ Игуменскомъ уѣздѣ, именно м. *Березина*, *Смиловичи* и *Раваничи* извѣстны своею фабричною дѣятельностью. Во всѣхъ этихъ мѣстечкахъ устроены довольно значительныя суконныя и кортовыя фабрики.

Слуцкъ, древній *Случескъ*, расположенный по обѣимъ сторонамъ рѣки Случи, главное поселеніе Дреговичей, существовалъ еще въ X столѣтіи; въ XII столѣтіи былъ уже столицею отдѣльнаго княжества. Здѣсь была вотчина славнаго рода князей Слуцкихъ и Копыльскихъ, потомковъ в. кн. Ольгерда. Нѣкоторые изъ этого рода сидѣли на кіевскомъ столѣ; другіе были князьями Новгорода Великаго. Олелько Владиміровичъ, внукъ Ольгерда, былъ родоначальникомъ князей Олельковичей-Слуцкихъ. Сынъ его, рожденный отъ Анастасіи, дочери Василія Дмитріевича, в. кн. Московскаго, а внукъ великаго Витовта, котораго дочь Софія была за Василіемъ, Симеонъ, былъ княземъ кіевскимъ; братъ его Михаилъ былъ княземъ копыльскимъ и казненъ въ Вильнѣ въ 1482 году по повелѣнію короля Казиміра, наконецъ внукъ Олельки, сынъ Семена кіевскаго, Василій, былъ княземъ слуцкимъ. Послѣднимъ княземъ слуцкимъ былъ Юрій Юрьевичъ, женатый на Екатеринѣ Тенчинской. У нихъ были три сына Юрій, Иванъ-Семенъ и Александръ. Всѣ они перешли въ римскую вѣру и умерли бездѣтными. Но оставался двоюродный братъ ихъ, князь Юрій Семеновичъ, внукъ казненнаго Михаила, умершій въ 1586 году и похороненный въ слуцкомъ каѳедральномъ соборѣ. Онъ былъ женатъ на Варварѣ Кишка. У нихъ была единственная дочь княжна Софія Юрьевна Олельковичь-Слуцкая, вышедшая замужъ 1 ноября 1600 года за князя Януша, сына князя Христофора Радзивилла. Она была послѣднею въ родѣ. Умерла въ Слуцкѣ и похоронена въ Св. Троицкомъ монастырѣ, гдѣ и теперь лежитъ въ свинцовой ракѣ, надъ которою надпись: «1617 года марта 19 преставися благовѣрная Софія ксенжна Слуцкая Олельковна Юрьевичевна, Ольгердова племя, и положена бысть въ Слуцку, въ монастыре Святое Живоначальное Тройцы». Мощи ея считаются нетлѣнными. Въ народѣ сохранилась память этой благочестивой княгини, и въ день совершенія о ней панихиды, 17 сентября, народъ всегда собирается во множествѣ.

Княгиня Софія была единственною наслѣдницею Олельковичей.

Поэтому вся Слуцко-Копыльская вотчина перешла во владѣніе Радзивилловъ. Вотчина эта одна изъ богатѣйшихъ въ Бѣлоруссіи. Она простиралась слишкомъ на тридцать миль; богато орошенная водами Случи, Лани, Мазы и Ореса, стремящихся съ одной стороны къ Балтійскому морю, а съ другой къ Припети и Днѣпру, она считалась самою плодородною. Пшеница и ленъ въ то уже время произрастали здѣсь въ большомъ изобиліи. Въ Слуцкомъ и Копыльскомъ княжествахъ считалось 32 большія имѣнія и семь городовъ съ замками, именно: Слуцкъ, Копыль, Романовъ, Старобокъ, Пясечна, Ленинъ и Любань.

Князь Янушъ Радзивиллъ вмѣстѣ съ Зебржидовскимъ руководилъ возстаніемъ противъ Сигизмунда III. Онъ умеръ въ Чарлинѣ въ 1620 году, на 41 году жизни, похороненъ въ Дубинкахъ. Въ Слуцкѣ онъ основалъ евангелическо-реформатскій сборъ и высшее училище. Его наслѣдникъ, князь Богуславъ, былъ тоже покровителемъ кальвинистовъ. Онъ устроилъ въ Слуцкѣ сильную крѣпость, считавшуюся одною изъ лучшихъ въ странѣ, постоянно содержалъ четыре полка на свой счетъ и, когда въ 1655 году князь Трубецкой оса-

дилъ городъ съ большими силами, не смотря на двукратныя нападенія не успѣлъ взять замка. Слуцкъ постоянно находился во владѣніи Радзивилловъ, хотя Сапѣги на правахъ наслѣдства по женской линіи предъявили на него притязаніе и вели продолжительную тяжбу, окончившуюся едва въ 1732 году въ пользу Радзивилловъ. Послѣднею владѣлицею Слуцка изъ этого рода была княжна Стефанія, вышедшая замужъ за князя Льва Витгенштейна, почему, послѣ смерти ея, Слуцкъ перешелъ въ собственность сына ихъ князя Петра Львовича Витгенштейна. Въ 1846 году Слуцкъ купленъ въ казну за 342,821 рубль.

Во все время владѣнія Слуцкомъ князьями Радзивиллами, послѣдніе были постоянными покровителями какъ реформатскаго исповѣданія, такъ и православія. Въ этомъ отношеніи особенно памятенъ другой князь Янушъ, сынъ князя Христофора, храбраго литовскаго гетмана. Онъ много жертвовалъ на поддержаніе кальвинскихъ сборовъ и православныхъ церквей, а вторая супруга его, Марія, дочь Василія Лупуллы, господаря Молдавскаго, въ 1669 году завѣщала 600,000 польскихъ злотыхъ на литовскіе православные монастыри. Она похоронена въ 1661 году въ томъ же Св. Троицкомъ монастырѣ. Въ томъ же склепѣ находится небольшой гробъ съ останками неизвѣстнаго князя - отрока. По преданію, это былъ сынъ кн. Януша и Маріи Лупуллы, отравленный нянькою, которая, будучи подкуплена врагами ихъ, разрѣзала пополамъ яблоко ножомъ, котораго одна половина была отравлена; одну часть съѣла сама, а другую, къ которой прикоснулось отравленное лезвіе, дала ребенку, отъ чего онъ и умеръ. Наслѣдницею князя Януша осталась дочь, Марія - Анна, отъ перваго брака съ Екатериною Потоцкою. Она вышла замужъ за двоюроднаго брата своего отца, князя Богуслава, послѣдняго изъ линіи Николая Рыжаго. У нихъ тоже была одна только дочь, Лудовика-Каролина въ супружествѣ съ Лудовикомъ маркграфомъ Бранденбургскимъ, послѣ его смерти вступившая въ бракъ съ Карломъ-Филиппомъ герцогомъ Нейбургскимъ. Лудовика-Каролина была послѣднею изъ рода Радзивилловъ покровительницею кальвинистовъ и православныхъ. Она подарила слуцкому Преображенскому монастырю островъ Кочовъ въ Домоновичахъ, при кенигсбергскомъ университетѣ учредила двѣнадцать стипендій для протестантовъ, посвятившихъ себя духовному званію. Кромѣ того много жертвовала на воспитаніе литовскихъ протестантовъ въ оксфордскомъ университетѣ, во Франкфуртѣ-на-Одерѣ и въ Берлинѣ. Послѣ ея смерти въ 1695 году, Слуцкая вотчина и всѣ другія имѣнія достались единственной дочери ея Елисаветѣ - Софіи, въ замужествѣ княгини Зульцбахъ, и слѣдовательно перешли въ чужія руки. Но впослѣдствіи линія Радзивилловъ Несвижскихъ и Олыкскихъ выкупила всѣ эти имѣнія, т. е. все бывшее владѣніе княжествъ Слуцкаго и Копыльскаго.

Слуцкъ дѣлится на старый и новый городъ. Въ старомъ, на высокой горѣ стоялъ сильно укрѣпленный замокъ, называвшійся верхнимъ, потому что у подошвы горы стоялъ другой, нижній замокъ. Оба замка были окружены валомъ. Такой же валъ окружалъ и весь старый Слуцкъ съ четырьмя воротами: Виленскими, Польскими, Островскими и Урѣчскими. Новый Слуцкъ воздвигнутъ едва въ XVII столѣтіи; сейчасъ же за его предѣлами замѣтны слѣды другаго замка, тоже окруженнаго валомъ. Въ Новомъ Слуцкѣ находится св. Троицкая церковь, отъ чего вся эта часть города называется *Тройчаны*. Наконецъ есть еще особая часть города, несомнѣнно древнѣйшая, гдѣ находится величественное городище, на которомъ тоже стоялъ замокъ. Здѣсь же находился древнѣйшій храмъ, каѳедральный соборъ. Соборъ и Троицкая церковь были истреблены пожаромъ, но въ нынѣшнемъ столѣтіи отстроены вновь. Существовали здѣсь монастыри Св. Иліи и другіе. Нынѣ находится Троицкій монастырь и 8 церквей. Древнѣйшій католическій костелъ фарный. Поэтому-то во время происходившихъ споровъ и религіозной борьбы съ протестантами сложена пѣсня (въ кантычкахъ), въ которой между прочимъ говорится:

Starsza słucka fara
Niż niemiecka wiara.

т. е. слуцкая фара по-старше нѣмецкой вѣры. Фара эта существуетъ и нынѣ. Былъ здѣсь монастырь бернардиновъ и іезуитская коллегія. Евангелическій соборъ и теперь существуетъ.

Старовольскій, въ половинѣ XVII столѣтія, считалъ Слуцкъ значительнѣйшимъ городомъ въ странѣ. Не смотря на разныя невзгоды, нападенія Татаръ, войны съ Россіею, внутреннія междоусобія, Слуцкъ славился своею торговою и промышленною дѣятельностью. Самымъ цвѣтущимъ для него временемъ было XVII столѣтіе подъ опекою Радзивилловъ. Кальвинисты постоянно содержали здѣсь гимназію и большую типографію. Вообще покровительство и защита протестантовъ были столь сильны, что ихъ единовѣрцы даже изъ-за границы пріѣзжали сюда, избѣгая преслѣдованій и ища защиты у Радзивилловъ. Такъ изъ Шотландіи сюда пріѣхало большое число колонистовъ. Они здѣсь поселились и своею неутомимою дѣятельностью и знаніемъ дѣла много содѣйствовали развитію фабрикъ, торговли и промышленности. Фабрикъ было много разныхъ, но въ особенности славилась на всю Литву и Польшу фабрика слуцкихъ поясовъ, составлявшихъ украшеніе и необходимость для каждаго не только магната, но и обыкновеннаго шляхтича. Поэтому-то эти пояса были доступны всякому по цѣнѣ и продавались отъ 10 до 50 и 100 дукатовъ за штуку. Ни одна фабрика не могла сравниться съ Слуцкою въ отношеніи отдѣлки, красоты цвѣтовъ, отличнаго выбора узоровъ и прочности. Во многихъ польскихъ богатыхъ домахъ и теперь еще можно видѣть эти пояса, хранимые какъ дорогое наслѣдіе; въ Галиціи же, гдѣ теперь усвоенъ польскій костюмъ, замѣняющій во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ офиціальныхъ, такъ и семейныхъ, форменные мундиры, за слуцкіе пояса платятъ большія деньги. Всѣ слуцкіе пояса обозначены вышитыми золотомъ русскими надписями, или же, на нѣкоторыхъ, словами: Factus est Sluciae.

Съ упраздненіемъ самостоятельнаго княжества, Слуцкъ былъ причисленъ къ Новогрудскому воеводству; уѣзднымъ городомъ Минской губерніи назначенъ въ 1795 году. Жителей въ Слуцкѣ нынѣ считаютъ около 18 тысячъ.

Копыль, бывшая столица удѣльнаго княжества, нынѣ незначительное мѣстечко, со всѣхъ сторонъ окруженное древними курганами, въ которыхъ въ весьма значительномъ числѣ находили орудія изъ камня и костей, что конечно доказываетъ древность поселенія.

Исторія Копыля тѣсно связана съ Слуцкомъ и не представляетъ особыхъ выдающихся событій; но, какъ поселеніе, Копыль несомнѣнно гораздо старше Слуцка. Замокъ здѣшній былъ сильно укрѣпленъ. Въ 1506 году, когда Татары напали на Копыль, княгиня Анастасія Васильевна, супруга отсутствовавшаго князя Олельки, сама предводительствовала гарнизономъ и нетолько отстояла замокъ, но нанесла большой уронъ Татарамъ. Въ XVII столѣтіи ремесленный промыселъ процвѣталъ въ Копылѣ. Особенно славились ткацкое и шапочное ремесла. Здѣсь существуетъ древняя православная церковь, католическій костелъ и евангелическій сборъ. Копыль вмѣстѣ съ Слуцкомъ, послѣ смерти княжны Софіи Юрьевны, перешелъ къ Радзивилламъ.

Кто хочетъ ближе познакомиться съ жизнію и всѣми ея особенностями литовско-бѣлорусскихъ вельможъ, изучить дурныя и хорошія стороны этой жизни, тотъ долженъ глубже всмотрѣться въ различные образы проявленій этой жизни въ *Несвижѣ*, главной резиденціи богатѣйшихъ и знаменитѣйшихъ вельможъ Литвы и Руси, Радзивилловъ. Несвижъ, своими богатствами, блескомъ, великолѣпіемъ, накопленіемъ разныхъ замѣчательныхъ произведеній науки и искусствъ, нетолько былъ первымъ въ цѣлой Литовской Руси, но превосходилъ во многомъ даже многія второстепенныя столицы. Князья Острожскіе несомнѣнно были еще богаче Радзивилловъ; не менѣе того Несвижъ всегда превосходилъ Острогъ и превосходилъ не разгуломъ, причудами и всякими излишествами барской жизни,—этого было много какъ въ Острогѣ, такъ и въ Несвижѣ,—но своею эстетическою стороною, своими рѣдкими собраніями, кабинетами, библіотекою, архивомъ, картинною галлереею, театромъ и т. д., наконецъ самою жизнію, въ которой среди всевозможныхъ барскихъ затѣй было много проблесковъ утонченности, гуманности, высшихъ взглядовъ и стремленій, наконецъ даже самоотверженія. Ничего не осталось отъ

прежняго величія Несвижа; но сохранился архивъ, котораго описи, инвентари, акты достаточно убѣдятъ каждаго, сколько богатства накоплялось здѣсь въ теченіе цѣлыхъ столѣтій для науки, для искусства, для мануфактуры.

Несвижъ нынѣ въ Слуцкомъ уѣздѣ, при верховьяхъ р. Уши. Это тоже одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ Бѣлоруссіи. Лѣтописи упоминаютъ уже о Несвижѣ въ началѣ XIII столѣтія какъ о столицѣ удѣльнаго княжества. Въ 1224 году Юрій, князь Несвижскій, убитъ надъ рѣкою Калкою въ сраженіи съ Татарами. Въ половинѣ XIII столѣтія Литва распространила свою власть надъ княжествомъ; несмотря на это довольно долго еще существовалъ родъ князей Несвижскихъ, владѣвшихъ наслѣдственнымъ удѣломъ. Предѣлы его были довольно значительны. Извѣстны князья Несвижскіе Григорій и Иванъ около 1388 года, зависѣвшіе отъ Дмитрія Корибута, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Около 1430 года господствовалъ въ Несвижѣ

Несвижъ.

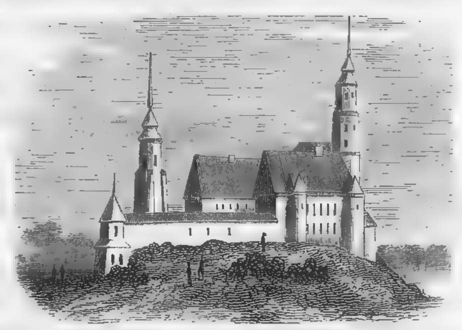
нѣкто Федко изъ рода князей Литовскихъ. Около 1496 года Несвижъ перешелъ въ частное владѣніе знаменитаго рода Кишковъ. Около 1533 года Анна Кишка вышла за Ивана Николаевича Радзивилла, прозваннаго Бородатымъ, отца знаменитаго князя Николая Чернаго. Несвижъ перешелъ въ родъ Радзивилловъ и сдѣлался центромъ огромныхъ нхъ имѣній. Изъ удѣльной столицы онъ сталъ столицею Радзивилловъ, которыхъ владѣнія далеко превосходили бывшій удѣлъ. Здѣсь была главная ихъ резиденція. Понятно послѣ этого, какими колоссальными средствами располагалъ городъ, когда сюда стеклись сотни людей, когда самый княжескій дворъ состоялъ изъ тысячъ людей, составлявшихъ придворный штатъ князя, когда на охоту выѣзжало съ княземъ, сотни двѣ и три однихъ обязательныхъ охотниковъ, кромѣ съѣзжавшихся отовсюду гостей. Первый изъ Радзивилловъ, владѣлецъ Несвижа, Иванъ Бородатый построилъ крѣпость и обнесъ городъ валомъ. Сынъ его Николай Черный, получившій отъ Карла V княжескій титулъ, именовался уже—«княземъ на Несвижѣ и Олыѣ». Православная церковь существовала здѣсь съ древнѣйшихъ временъ; католическій костелъ воздвигли Кишки. Князь Николай Черный, приверженецъ кальвинизма, обратилъ костелъ въ евангелическій сборъ, въ которомъ проповѣдовалъ ученый Лаврентій Кржишковскій. Кромѣ того построено было еще нѣсколько сборовъ. Послѣ смерти князя Николая Чернаго, Кржишковскій перешелъ въ аріанство, и вскорѣ Несвижъ сталъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ аріанъ въ Литвѣ. Въ 1568 году

Полоцкъ. Видъ города съ западной стороны, послѣ пожара.

извѣстный Даніилъ изъ Ленчицы напечаталъ здѣсь Новый Завѣтъ, примѣненный къ аріанскому ученію, переводъ библіи Симеона Буднаго, имѣвшей здѣсь два изданія, въ 1570 и 1579 гг., полемическія сочиненія Григорія Паули и другія книги, собственно дла аріанъ предназначенныя. Главнымъ покровителемъ аріанъ былъ Матвей Кавечинскій, главноуправляющій Несвижскимъ княжествомъ. Большая часть дворянъ, жившихъ въ окрестностяхъ Несвижа и Новогрудка, еще при Николаѣ Черномъ перешедшая въ кальвинизмъ, теперь обратилась въ аріанство.

Но торжество несвижскихъ аріанъ было непродолжительно. Извѣстно, что всѣ сыновья князя Николая Чернаго были обращены Скаргою и Варшевицкимъ въ католичество, а младшій изъ нихъ, князь Юрій, еще юношею назначенъ виленскимъ епископомъ. Несвижъ достался князю Николаю Христофору, прозванному *Сиротой*. Послѣдній произвелъ совершенный переворотъ въ своей вотчинѣ. Бывшій фарный костелъ, обращенный въ сборъ, опять обращенъ въ костелъ; въ 1588 году основана въ Несвижѣ іезуитская коллегія. Ломка всего прежняго пошла страшная, а какъ успѣшно дѣйствовали іезуиты—намъ уже извѣстно. Вскорѣ послѣдовало совершенное преобразованіе, и Несвижскій край сталъ католическимъ. Конечно, это преобразованіе вовсе не касалось народа.

Палаты Альба въ Несвижѣ.

Еще князь Николай Черный въ 1547 году на древнемъ городищѣ построилъ великолѣпный замокъ. Онъ былъ постоянно улучшаемъ, отлично содержимъ и представлялъ крѣпкую твердыню, неоднократно съ успѣхомъ громившую нападающихъ враговъ. По его же старанію Сигизмундъ-Августъ даровалъ городу разныя льготы, содѣйствовавшія распространенію торгово-промышленной дѣятельности. Въ 1586 году даровано было городу Магдебургское право и особый гербъ.

Во время войны въ 1654 году русскія войска взяли городъ и большую часть его сожгли. Много пострадалъ и замокъ. Въ 1706 году новое бѣдствіе постигло городъ: напали Шведы и разграбили. Но богатства и значенія Радзивилловъ дозволяли очень скоро возстановлять прежнее его благоденствіе. Во время Барской конфедераціи, въ 1768 году русскія войска опять заняли городъ и уничтожили большую часть укрѣпленій; но они были вскорѣ возстановлены. Окончательное уничтоженіе крѣпости послѣдовало въ 1792 году, когда русскія войска взяли Несвижъ штурмомъ, и городъ, вмѣстѣ съ краемъ, присоединенъ былъ къ Россіи. Памятенъ наконецъ для Несвижа по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ и раззоренію 1812-й годъ. Мы уже упомянули объ этомъ въ историческомъ очеркѣ.

Мы представили печальные дни изъ жизни Несвижа; но въ общемъ, она представляетъ болѣе свѣтлую картину. Несмѣтныя богатства Радзивилловъ и добрая ихъ воля всегда представляли возможность скоро залечивать нанесенныя раны. Несмотря на бѣдствія войнъ и разоренія, городъ всегда скоро поправлялся, торговля его всегда была значительна, и княжеская резиденція представляла великолѣпіе и богатство, какими не всегда могутъ владѣть и царственныя лица. Еще Николай Сирота началъ собирать въ Несвижскомъ замкѣ картинную галлерею. Она постоянно возрастала, и въ 1779 году, несмотря на военные грабежи, по описямъ считалось 984 картины, на холстѣ и деревѣ, извѣстнѣйшихъ въ то время художниковъ. Особенно богата была коллекція портретовъ королей, всѣхъ членовъ рода Радзивилловъ и лицъ родственныхъ съ ними. Князь Михаилъ Радзивиллъ, съ 1726 года, не только возобновилъ и отстроилъ послѣ шведскихъ грабежей замокъ, храмы, укрѣпленія, но еще увеличилъ арсеналъ, устроилъ литейный заводъ, улучшилъ картинную галлерею и библіотеку. Жена его была писатель-

ница и въ устроенной новой типографіи печатала свои сочиненія и издаваемую ею газету. Всѣ эти учрежденія возрастали и процвѣтали при наслѣдникахъ князя Михаила. Въ Несвижѣ было нѣсколько разныхъ фабрикъ и между прочимъ такая же фабрика поясовъ, какъ въ Слуцкѣ, хотя качествами своихъ издѣлій нѣсколько уступавшая слуцкой. Въ замкѣ была особая кладовая, въ которой хранились сокровища и достопамятности рода Радзивилловъ. Читая инвентари и описи нагроможденныхъ здѣсь сокровищъ, кажется почти невѣроятнымъ, какимъ образомъ частные люди могли столько накопить и сохранить въ теченіе цѣлыхъ столѣтій; но эти частные люди были богаче многихъ царствующихъ, и накоплялось все это вѣками. Въ кладовой хранилось много драгоцѣнныхъ камней, слитки и разные сосуды изъ золота и серебра, богатое оружіе, булавы и жезлы гетмановъ и маршаловъ Радзивилловъ, парчи, ткани необыкновенно цѣнныя и превосходной работы, гобелены, фарфоръ, хрусталь и тысячи другихъ предметовъ. Въ замкѣ помѣщались, кромѣ картинной галлереи, библіотека изъ пятидесяти слишкомъ тысячъ томовъ книгъ, нумизматическій кабинетъ, кабинетъ достопамятностей, много издѣлій изъ слоновой кости, оружіе, панцыри, латы, кольчуги, кирасы рода Радзивилловъ, Собѣскаго, Баторія, Валахскихъ господарей, разные подарки папъ, римскихъ императоровъ и другихъ государей, въ томъ числѣ Петра Великаго, и множество другихъ предметовъ. Здѣсь же помѣщался архивъ, въ которомъ хранились не только всѣ акты, граматы, привиллегіи, до рода Радзивилловъ относящіяся, а также корреспонденція и много писемъ разныхъ царствующихъ лицъ, но и большая часть государственнаго архива великаго княжества Литовскаго со временъ Ягайлы, на основаніи особой привиллегіи Сигизмунда-Августа, коею Радзивиллы назначались хранителями всѣхъ государственныхъ литовскихъ актовъ.

Въ XVIII столѣтіи громкою извѣстностью въ цѣлой Европѣ пользовался князь Карлъ Радзивиллъ, прозванный отъ пословицы, которую онъ постоянно повторялъ, *Panie Kochanku*. Это была типичная личность, въ полномъ смыслѣ дитя своего вѣка. Всевозможныя чудачества, эксцентрическія выходки, магнатское высокомѣріе смѣшивались въ немъ съ благороднѣйшими, истинно-рыцарскими проявленіями характера, славянскимъ гостепріимствомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, добродушіемъ и щедростью. Это былъ одинъ изъ немногихъ *неподкупныхъ*, честныхъ и истинно преданныхъ сыновъ отечества. Онъ не любилъ короля Понятовскаго, считая его по происхожденію ниже себя, выскочкою; но какъ короля, когда дрязги и препирательства между ними были покончены, онъ принималъ его у себя въ Несвижѣ съ величайшими почестями, хотя при встрѣчѣ не обошлось безъ высокомѣрной выходки. Радзивиллъ выѣхалъ на встрѣчу королю въ старенькомъ полинявшемъ кунтушѣ. Король это ему замѣтилъ, на что Радзивиллъ отвѣчалъ: «Panie Kochanku! Легко В. В. наряжаться во все новенькое, когда вы и сами новенькій; а я, чтобы почтить васъ, надѣлъ старѣйшій кунтушъ, который цѣлыя столѣтія служилъ моимъ предкамъ!»

Даже въ польской литературѣ нѣтъ безпристрастной, исчерпывающей предметъ, біографіи Карла Радзивилла. Недавно во Львовѣ изданы записки о его жизни, почерпнутыя изъ несвижскаго архива; но въ нихъ много преувеличеній, много лести, и безпристрастною книгу эту никакъ нельзя назвать. Не менѣе того обиліе приводимыхъ фактовъ, не подлежащихъ сомнѣнію, рисуетъ намъ этого человѣка совершенно иначе, нежели какъ себѣ усвоила беллетристическая литература, въ которой онъ играетъ весьма видную роль. Изъ этихъ записокъ видимъ, что Радзивиллъ любилъ народъ и много заботился о его пользахъ; любилъ изящныя искусства и науку, не жалѣя ничего для пріобрѣтенія замѣчательныхъ произведеній или для поощренія и обезпеченія подвизавшихся на этихъ поприщахъ тружениковъ. Въ литературѣ разсказываютъ про его чудачества, представляютъ его даже неучемъ. Чудачества, правда, бывали; но подъ ними не разъ скрывалась болѣе глубокая мысль; неучемъ же назвать его никакъ нельзя — это былъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ по времени. Его пребываніе въ Венгріи и Вѣнѣ, гдѣ его ласкали Іосифъ и Марія-Терезія, его ухаживанія за Таракановою въ Италіи, требовали

большихъ суммъ, отчего онъ и прослылъ расточителемъ; но у него были свои виды въ этомъ случаѣ, не лишенные политическаго оттѣнка. Такъ въ Несвижѣ, гдѣ онъ жилъ почти постоянно, когда былъ въ краѣ, подъ видомъ забавы, развлеченій, основывались такія учрежденія, которыя принесли бы много пользы государству и которыя въ то же время доказываютъ умъ дальновидный и желаніе быть полезнымъ. Въ Несвижѣ онъ основалъ артиллерійское училище и положилъ начало устройству школы мореходства. Вблизи Несвижа построилъ онъ дома и палаты, назвавъ ихъ *Альба*, вырылъ пруды, прорылъ каналы и завелъ маленькую флотилію. Жившіе въ этой колоніи подчинялись особому уставу, а для юношества было заведено училище; были и опытные моряки, которые преподавали практически мореплаваніе. Въ Несвижѣ были театръ и оркестръ, считавшіеся лучшими въ странѣ. Радзивиллъ любилъ садоводство и много на него жертвовалъ, заботясь о его процвѣтаніи въ многочисленныхъ своихъ имѣніяхъ.

Въ 1784 году король Станиславъ-Августъ посѣтилъ Несвижъ и прожилъ здѣсь съ 16 по 22 сентября. Генералы Моравскій, Пацъ, Юдицкій, все дворянство Виленскаго и Новогрудскаго воеводствъ, многочисленныя свиты магнатовъ, полкъ Радзивилла въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, выѣхали на встрѣчу короля. Гостей, прибывшихъ въ Несвижъ, считали до пяти тысячъ человѣкъ. Обѣды, балы, ежедневныя театральныя представленія, охоты, смотры радзивилловскихъ войскъ, упражненія артиллерійскихъ кадетъ и моряковъ въ Альбѣ занимали все время. Но король находилъ также свободные часы для подробнаго осмотра кабинетовъ, галлерей, достопамятностей и архива, который въ особенности интересовалъ его. Передъ нами выписка изъ офиціальнаго протокола, въ которомъ описанъ каждый часъ пребыванія короля въ Несвижѣ. Читая, кажется, видишь передъ собою сцены изъ «Тысячи и одной ночи».

Князь Радзивиллъ Сирота учредилъ ординацію въ Несвижѣ, которая существовала двѣсти лѣтъ, до кончины князя Доминика въ 1813 году. Несвижъ нѣкоторое время принадлежалъ кн. Витгенштейну, а потомъ, по семейному договору, поступилъ въ собственность прусскихъ Радзивилловъ, кои и нынѣ имъ владѣютъ. Въ 1795 г. Несвижъ сдѣланъ былъ уѣзднымъ городомъ Минскаго намѣстничества, но въ 1796 г. оставленъ заштатнымъ.

Библіотека перевезена въ Петербургъ еще въ 1772 году; картинная галлерея очутилась въ Берлинѣ въ палатахъ прусскихъ Радзивилловъ; латы, доспѣхи и пр. Радзивилловъ перевезены въ Верки кн. Витгенштейна (близъ Вильно); сокровища и достопамятности разграблены войсками Чичагова въ 1812 году. Остались только воспоминанія и развалины. Уцѣлѣлъ еще хотя отчасти архивъ.

Въ 18 верстахъ отъ Несвижа другое маіоратское имѣніе Радзивилловъ, замѣчательное своею древностью. Это *Клецкъ*, древній *Клеческъ*, столица удѣльнаго княжества въ землѣ Дреговичей. Клецкъ находился при рѣкѣ Лани, нынѣ въ Слуцкомъ уѣздѣ. По присоединеніи къ Литвѣ съ 1442 г. составлялъ удѣлъ Михаила Сигизмундовича, внука Кейстута. Сигизмундъ-Августъ отдалъ Клецкъ Радзивилламъ, гдѣ одинъ изъ нихъ, Ольбрахтъ, а также Николай, Христофоръ и Станиславъ учредили особый маіоратъ въ 1586 году. Замокъ здѣшній, построенный на древнемъ городищѣ, окруженъ пространными болотами. Въ окрестности много кургановъ. Замокъ былъ сильно укрѣпленъ. Здѣсь князь Михаилъ Глинскій 7 августа 1506 года одержалъ знаменитую побѣду надъ Татарами, когда ихъ погибло около 20 тысячъ. Трупами своими они запрудили цѣлое озеро, такъ что вода въ немъ приняла цвѣтъ красноватый, отчего оно и прозвано *Красный ставъ*. Во время Николая Чернаго ученіе Кальвина было здѣсь сильно распространено, и министромъ кальвиновъ въ Клецкѣ состоялъ извѣстный Симеонъ Будный. Когда послѣдній сдѣлался поборникомъ аріанизма и переѣхалъ въ Лоскъ, министромъ въ Клецкѣ назначенъ былъ тоже извѣстный Ѳома Фальконіусъ Соколовскій, но и этотъ кончилъ аріанизмомъ. Впрочемъ кальвинизмъ существовалъ здѣсь не долго. Сынъ Николая Чернаго, князь Альбертъ, отнялъ кальвинскій сборъ и обратилъ его въ католическій костелъ. Въ XVII столѣтіи основанъ былъ монастырь доминикановъ. Православныя церкви считаются здѣсь весьма древними.

Могильна, на Нѣманѣ, отъ Пацовъ перешла къ Радзивилламъ, памятна побѣдою одержанною вел. кн. лит. Рингольдомъ надъ союзными князьями русскими, въ 1235 году.

Въ 20 верстахъ отъ Клецка находится мѣстечко *Ляховичи*, при рѣкѣ Вѣдзмянкѣ или Вѣдняжкѣ. Здѣсь была знаменитѣйшая крѣпость въ цѣлой Бѣлоруссіи. Основателемъ ея былъ извѣстный полководецъ Янъ-Карлъ Ходкѣвичъ. Ляховичи сначала принадлежали къ королевскимъ староствамъ, потомъ перешли къ Ходкевичамъ и наконецъ къ Сапѣгамъ. Во время казацкихъ войнъ крѣпость была четыре раза осаждаема, но всегда безуспѣшно; въ 1660 г. въ теченіе шести мѣсяцевъ осаждалъ ее воевода Хованскій, но не успѣлъ взять, потерпѣвъ окончательное пораженіе 26 іюня. Жители были доведены до крайней нищеты, такъ что сеймъ освободилъ ихъ на девять лѣтъ отъ податей и повинностей. Потомъ, съ 1706 года Ляховичи сдѣлались центральнымъ пунктомъ, откуда русскія войска и казаки дѣлали нападенія на Шведовъ. Наконецъ шведскіе полководцы Траутфеттеръ и Крейцъ штурмомъ взяли крѣпость.

Въ здѣшнемъ католическомъ костелѣ почиваетъ Ѳома Рейтанъ, посолъ новогрудскій, пользующійся громкою извѣстностью въ исторіи Польши за послѣдніе годы ея существованія. — Въ Ляховичахъ существуетъ магометанская мечеть для Татаръ, переселенныхъ въ Новогрудскій уѣздъ еще во времена Витовта.

Недалеко отсюда мѣстечко *Старобино*, послѣдняя населенная мѣстность при рѣкѣ Случѣ, ибо далѣе берега этой рѣки вовсе не заселены.

Перейдемъ теперь въ такъ называемую украину бѣлорусскую, въ Новогродскую землю, отличающуюся не только своимъ плодородіемъ, но и очаровательнымъ мѣстоположеніемъ, много напоминающимъ живописный Трокскій уѣздъ, особенно по теченію Нѣмана. И здѣсь множество рѣчекъ, ручьевъ и озеръ, прорѣзывающихъ уѣздъ по всѣмъ направленіямъ и сливающихся въ двѣ главныя рѣки, въ величавый Нѣманъ на сѣверо-востокѣ и Шару на югѣ. Высокіе холмы, пространныя долины, вездѣ богатая растительность, дубовыя рощи, темные лѣса украшаютъ Новогродскую землю, разнообразятъ постоянно мѣняющіеся виды и не даютъ отдыха взорамъ. Много пережила эта древнѣйшая славянская земля, орошенная потоками бѣлорусской и литовской крови. Много и памятниковъ временъ первобытныхъ сохранилось здѣсь до нашихъ дней. Прекрасный и достопамятный по историческимъ воспоминаніямъ край этотъ находится какъ-бы на рубежѣ мрачнаго, туманнаго, болотистаго Мозырскаго полѣсья, отдѣляемый отъ него, на югѣ, Шарою.

Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ по древности и высокому историческому значенію столицѣ славнаго Миндовга, *Ново-городку*, *Parva Nowogardia*, или нынѣшнему *Новогрудку*. Онъ расположенъ въ 15 верстахъ отъ Нѣмана; въ городѣ же протекаетъ небольшой притокъ Нѣмана. Древность поселенія доказывается городищемъ большихъ размѣровъ, на которомъ въ XI или XII столѣтіи воздвигнутъ былъ замокъ. Кто именно былъ его основателемъ, съ опредѣленностью сказать трудно. Полагаютъ, что Владиміръ В. или Ярославъ I, другіе же относятъ основаніе къ 1116 г. Ярополкомъ сыномъ Мономаха. Подъ годомъ 1128 лѣтописи упоминаютъ о Новогрудкѣ, какъ о столицѣ удѣльнаго княжества, а подъ годомъ 1227 упоминается удѣльный князь новогрудскій, Изяславъ. Въ 1240 г. Койданъ, вождь монгольскій, разорилъ городъ, взялъ и разрушилъ замокъ. Вскорѣ послѣ этого Эрдзивиллъ, князь литовскій, присоединивъ къ Литвѣ Новогрудокъ, возобновилъ и укрѣпилъ замокъ и отстроилъ городъ. Съ этого времени, или, какъ полагаютъ другіе, еще съ 1235 г., Новогрудокъ является столицею Литовско-русскаго княжества, и сюда переѣхалъ потомъ на постоянное жительство керновскій князь Миндовгъ. Впрочемъ, по сказанію лѣтописи Быховца, Новогрудкомъ завладѣлъ отецъ Миндовга, Рингольдъ, именно въ 1235 году, одержавъ побѣду надъ друцкимъ княземъ Дмитріемъ и его союзниками. Мы уже знаемъ о томъ высокомъ значеніи, какое получилъ этотъ городъ въ царствованіе славнаго короля Миндовга. Мы уже говорили и о его коронаціи. Когда вел. кн. Гедиминъ поселился въ Трокахъ, а потомъ въ Вильнѣ, Новогрудокъ поступилъ во владѣніе

сына его Коріата, а потомъ перешелъ къ сыну послѣдняго Ѳедору. Около 1352 г. здѣсь властвовалъ Дмитрій Корибутъ, сынъ Ольгерда. Въ царствованіе Витовта Новогрудокъ пользовался особеннымъ его уваженіемъ. Нѣкоторые важнѣйшіе государственные акты совершались именно здѣсь, какъ напр. въ 1415 г. образованіе новой Литовско-русской митрополіи, состоявшееся въ Новогрудкѣ. Король Ягайло, въ 1432, здѣсь вступилъ въ бракъ съ прекрасною Сонкою, дочерью князя Гольшанскаго и Вяземскаго. Въ 1444 бывшая великокняжеская столица сдѣлана главнымъ воеводскимъ городомъ, къ которому причислены Волынскъ, Слонимъ и Слуцкъ. Въ 1448 году здѣсь происходилъ сеймъ въ присутствіи короля Казиміра. Магдебургскими законами городъ сталъ пользоваться едва въ 1511 году на основаніи граматы Сигизмунда I. Городъ много выстрадалъ отъ нападеній Монголовъ, галицкихъ князей, Рыцарей, Русскихъ. Послѣдніе владѣли имъ съ 1654 по 1660 годъ. Съ 1581 по 1775 годъ здѣсь черезъ каждые два года собирался трибуналъ. Въ 1751 пожаръ истребилъ большую часть города, и съ этого времени Новогрудокъ потерялъ прежнее значеніе столичнаго города, постепенно нисходя на степень небольшого городишка. По присоединеніи въ 1795 году къ Россіи, въ слѣдующемъ году Новогрудокъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Слонимскаго намѣстничества, въ 1797 г. Литовской губерніи, въ 1801 Гродненской, а въ 1842 Минской.

Замокъ Миръ.

Древнее городище, на которомъ еще видны развалины замка, окружено было двумя валами, изъ коихъ первый имѣетъ въ окружности 539, а второй 382 метра. Сохранившіеся глубокіе рвы были шириною до 79 метровъ. Видъ съ валовъ простирается на 70 и болѣе верстъ. Замокъ состоялъ изъ 7 башенъ съ орудіями. Нынѣ замокъ въ развалинахъ; сохранились только двѣ башни и полуразрушенныя стѣны съ бойницами. Насупротивъ городища, или Замковой горы, есть еще высокая насыпная гора, называемая и до сихъ поръ горою Миндовга. Здѣсь-ли почилъ литовскій герой, положительно неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ эта курганная насыпь свидѣтельствуетъ о той любви и уваженіи, которыя питалъ къ нему не только литовскій, но и русскій народъ.

Еще въ началѣ XVII столѣтія въ Новогрудкѣ было десять церквей. Древнѣйшій храмъ основанъ былъ въ XI столѣтіи. Въ древней церкви Бориса и Глѣба находилась чудотворная икона Божіей Матери. Нынѣ двѣ церкви. Костелъ фарный основанъ въ началѣ XV столѣтія будто-бы на томъ мѣстѣ, гдѣ было капище Перкуна, что едва-ли достовѣрно; по крайней мѣрѣ, о капищахъ языческихъ въ Новогрудкѣ XIV и XV ст. мы ничего не знаемъ. Въ этомъ костелѣ замѣчателенъ довольно изящный мраморный памятникъ, воздвигнутый новогродскимъ кастеланомъ Иваномъ Рудоминою въ память его соратниковъ, погибшихъ въ сраженіи подъ Хотиномъ въ 1621 году. На памятникѣ изображенъ самъ Рудомина, стоящій на колѣняхъ, а около него девять безголовыхъ воиновъ, съ головами сложенными въ ногахъ, означающими, что онѣ были отрублены Турками.

Въ Новогрудкѣ существовала коллегія іезуитовъ, а также монастыри доминикановъ, францисканововъ, бонифратеровъ. Кальвинисты и аріане имѣли свои сборы.

Въ Новогрудкѣ и въ окрестностяхъ живутъ въ небольшомъ числѣ Татары, потомки переселенныхъ еще Витовтомъ изъ Крыма.

Указываютъ еще домъ, въ которомъ провелъ юношескіе годы Адамъ Мицкевичъ, принадлежавшій отцу поэта, занимавшемуся нѣкоторое время адвокатурою въ Новогрудкѣ, а послѣ его смерти проданный оставшимися тремя сыновьями регенту Біолту. Въ этомъ же домѣ умеръ впослѣдствіи Іуліанъ Корсакъ, тоже замѣчательный поэтъ и другъ Мицкевича.

Какъ цѣлый Новогрудскій уѣздъ, такъ и въ особенности ближайшія его окрестности богаты древними городищами и могильными курганами. Въ трехъ съ половиною верстахъ отъ города, въ имѣніи *Брицянка*, принадлежавшемъ іезуитамъ, а въ 1774 году купленномъ литовскимъ писаремъ Юріемъ Бялопіотровичемъ, множество кургановъ бронзоваго вѣка (въ 1856 г. изслѣдованныхъ мною). Далѣе, слѣдуя Валевскимъ трактомъ на *Гнилицы, Прилуки,* принадлежащія къ имѣнію Карповича, *Чомброва,* въ лѣсу, на лѣвой сторонѣ, недалеко отъ корчмы, множество кургановъ. Еще болѣе ихъ близъ деревни *Валевки* (казенное имѣніе, бывшее Незабытовскихъ). Слѣдуя трактомъ въ казенное имѣніе *Городище*, за озеромъ Свитезь, о которомъ мы уже упоминали, встрѣчаемъ также много кургановъ. Въ 20 верстахъ отъ Новогрудка, по тракту въ Миръ, есть имѣніе *Кореличе*, принадлежавшее къ маіоратству Несвижскому, а нынѣ кн. Витгенштейна, въ которомъ большой сахарный заводъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ почва самая плодородная. Въ трехъ верстахъ отъ Кореличъ находится деревня *Ловчице*, заселенная Татарами, имѣющими здѣсь свою мечеть. Въ Ловчицахъ тоже много кургановъ. На значительной возвышенности, въ семи верстахъ отъ Новогрудка, расположено имѣніе *Каменка* гр. О'Рурка, замѣчательное тѣмъ, что съ этой возвышенности открывается видъ на три губерніи и четыре уѣзда, именно: Минскую, Виленскую и Гродненскую; отсюда отчетливо видны довольно отдаленные костелы въ Ивье въ Ошмянскомъ и въ Лидѣ, а также Здзѣнціолъ въ Слонимскомъ. По пути изъ Каменки въ Лиду, на протяженіи 22 верстъ, тянутся дремучіе лѣса. Точно также въ имѣніи *Логоткахъ* (Петровичей) есть высокая гора, съ которой открывается прекрасный видъ на 20 слишкомъ верстъ (Новогрудокъ, Миръ, Турецъ, Здзѣнціолъ).

Въ Новогрудскомъ уѣздѣ находится вотчина графовъ Хрептовичей, *Щорсы*, гдѣ, какъ мы уже говорили, извѣстный Іоахимъ Хрептовичъ основалъ знаменитое книгохранилище, значительно увеличенное въ нынѣшнемъ столѣтіи Адамомъ Хрептовичемъ. Оно сохранилось до сихъ поръ и замѣчательно тѣмъ, что въ немъ собраны всѣ, какія когда либо и гдѣ либо изданы были, географическія карты Литвы и Польши.

Вблизи Щорсъ находится *Лавришевъ*, памятный однимъ изъ древнѣйшихъ православныхъ монастырей въ краѣ, основаннымъ въ 1260 году Войшелгомъ, сыномъ Миндовга. Сложивъ съ себя бразды великокняжескаго правленія, Войшелгъ самъ нѣкоторое время проживалъ въ этомъ монастырѣ. Просуществовавъ 340 лѣтъ, монастырь этотъ въ 1600 году обращенъ былъ въ базиліанскій.

Миръ, древній *Myrch*, при р. Миронкѣ, принадлежалъ Илиничамъ, потомъ въ XVI столѣтіи поступилъ во владѣніе Радзивилловъ; Николай-Христофоръ Сирота основалъ здѣсь величественный замокъ съ валомъ и рвами. Развалины замка, главныя ворота и четыре бастіона уцѣлѣли до сихъ поръ, конечно полуразрушенными. Въ 1812 году здѣсь произошло кровавое сраженіе между аріергардомъ короля Вестфальскаго и Платовымъ, причемъ древній Мирскій замокъ много пострадалъ отъ пороховаго взрыва. Мы уже знаемъ, что здѣсь жили *короли* Цыганъ. Карлъ Радзивиллъ, *Panie Kochanku*, покровительствовалъ имъ и бывалъ даже на пиршествахъ у короля Марцинкевича. Замѣчательно, что мирскіе Цыгане были осѣдлыми жителями Мира, и не только занимались ремеслами, но даже основывали фабрики суконныя, полотняныя и кожевенныя. Еще въ недавнее время нѣкоторые Цыгане занимались выдѣлкою холста. Бѣлоруссы насмѣхаются надъ издѣліями Цыганъ; у нихъ даже есть пословица: «майстаръ зъ Мира, що цявъ, то дзира», т. е. мастеръ изъ Мира, гдѣ ни коснись тамъ и дира.» Однако сохра-

нились еще кое-гдѣ прежнія издѣлія мирскихъ Цыганъ, отличающіяся (особенно холстъ) прочностью и хорошею отдѣлкою. Миръ славился своими конскими ярмарками, въ дни св. Николая, 9 мая и 6 декабря. Сюда приводили на продажу лошадей изъ заводовъ Хрептовичей, Верещаковъ, Обуховичей, Войниловичей, Раецкихъ, Рдултовскихъ и др. Обѣ ярмарки продолжались по четыре недѣли, и это придавало особенную жизнь мѣстечку. Нынѣ какъ ярмарки, такъ и самое мѣстечко въ упадкѣ.

Въ Новогрудскомъ уѣздѣ замѣчательны еще мѣстности: *Любчъ* при Нѣманѣ, въ 40 верстахъ отъ Новогрудка, подаренный Александромъ Ягеллономъ Ѳедькѣ Хрептовичу, своему письмоводителю; потомъ имъ владѣли Гастольды, а затѣмъ Кишки. Янъ Кишка, виленскій кастеланъ, будучи покровителемъ протестантовъ, около 1592 года основалъ здѣсь типографію, существовавшую 63 года, въ которой печатались разныя книги собственно для протестантовъ и аріанъ. Книги эти составляютъ нынѣ большую рѣдкость.—*Полонка*, памятная побѣдою литовскихъ гетмановъ, князя Михаила Глинскаго и Станислава Кишки, надъ Татарами въ 1506 году. Потомъ въ 1660 году здѣсь же гетманы Чарнецкій и Сапѣга нанесли жестокое пораженіе воеводѣ князю Хованскому и захватили весь его обозъ.—*Новая Мышь*, вмѣстѣ съ *Старою Мышью*, подарены Сигизмундомъ-Августомъ жмудскому старостѣ Іерониму Ходкевичу, который, какъ равно его наслѣдники, именовались графами на Мыши.

На правомъ возвышенномъ берегу Березины, при впаденіи въ нее рѣчки Бобруйки, лежитъ городъ и крѣпость *Бобруйскъ*. Въ 1508 г. здѣсь существовало незначительное мѣстечко. Во время войны в. кн. Василія съ королемъ Сигизмундомъ, русскія войска достигли этого пункта. Въ томъ же столѣтіи здѣсь воздвигнутъ былъ замокъ, потомъ сгорѣвшій въ 1649 г. По присоединеніи этого края къ Россіи, Бобруйскъ назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ Минской губерніи. Крѣпость основана въ началѣ царствованія императора Александра I, по плану графа Остермана, главнымъ осуществителемъ идеи котораго былъ инженеръ-капитанъ Ѳ. Е. Нарбуттъ, извѣстный историкъ Литвы. Въ царствованіе Николая I крѣпость усовершенствована и поставлена на ряду съ лучшими въ Европѣ. Крѣпость построена на возвышенномъ мѣстѣ, при самомъ впаденіи Бобруйки въ Березину, въ одной верстѣ отъ города. На правомъ берегу Бобруйки расположено укрѣпленіе, названное фортомъ Фридриха-Вильгельма. Бобруйскъ—довольно значительный городъ, съ 27,000 жит. При городѣ на Березинѣ пристань, къ коей привозятъ хлѣбъ и соль изъ южныхъ губерній.

Въ Бобруйскомъ уѣздѣ болѣе значительное мѣстечко *Глускъ*, при р. Птичи; оно упоминается въ актахъ XV столѣтія. Въ то время Глускъ принадлежалъ къ вотчинѣ князей Гольшанскихъ. Здѣсь князь Михаилъ Глинскій велъ переговоры съ послами Василія Іоанновича, послѣдствіемъ коихъ было бѣгство его изъ Литвы въ Москву. Въ 1551 г. князь Павелъ Гольшанскій завѣщалъ Глускъ съ цѣлою волостью Сигизмунду-Августу, который въ 1568 году подарилъ его Яну Ходкевичу, съ титуломъ графа на Глускѣ. Въ XVII столѣтіи Глускъ перешелъ во владѣніе князей Полубинскихъ, а потомъ Бржозовскихъ. Изъ другихъ мѣстечекъ упомянемъ *Паричи* на правомъ берегу Березины, съ пристанью; *Чирковичи; Любань* на берегу Ореса, ведетъ довольно значительную торговлю; *Любаничи*, при рѣкѣ Любановкѣ, и др.

Перейдемъ теперь въ царство болотъ и лѣсовъ полѣсскихъ, въ знаменитую долину Припети, о которой мы уже много говорили. Намъ остается только указать на немногочисленныя жилыя поселенія въ этомъ пустынномъ и мало заселенномъ краѣ.

Пинскъ надъ рѣкою Пиною, которая, соединясь вблизи съ рѣчкою Струменемъ, образуетъ знаменитую рѣку Припеть. Пинскъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ славянскимъ. Объ немъ упоминается Несторомъ въ первый разъ подъ годомъ 1097; но несомнѣнно, что Пинскъ, вмѣстѣ съ Туровомъ, съ которымъ судьбы его тѣсно связаны, не только существовалъ, но былъ центральнымъ пунктомъ пространной вотчины. По словамъ лѣтописи, Пинскъ въ 1097 году принадлежалъ Святополку Кіевскому; въ 1132 г. вел. кн. соединилъ Пинскія вла-

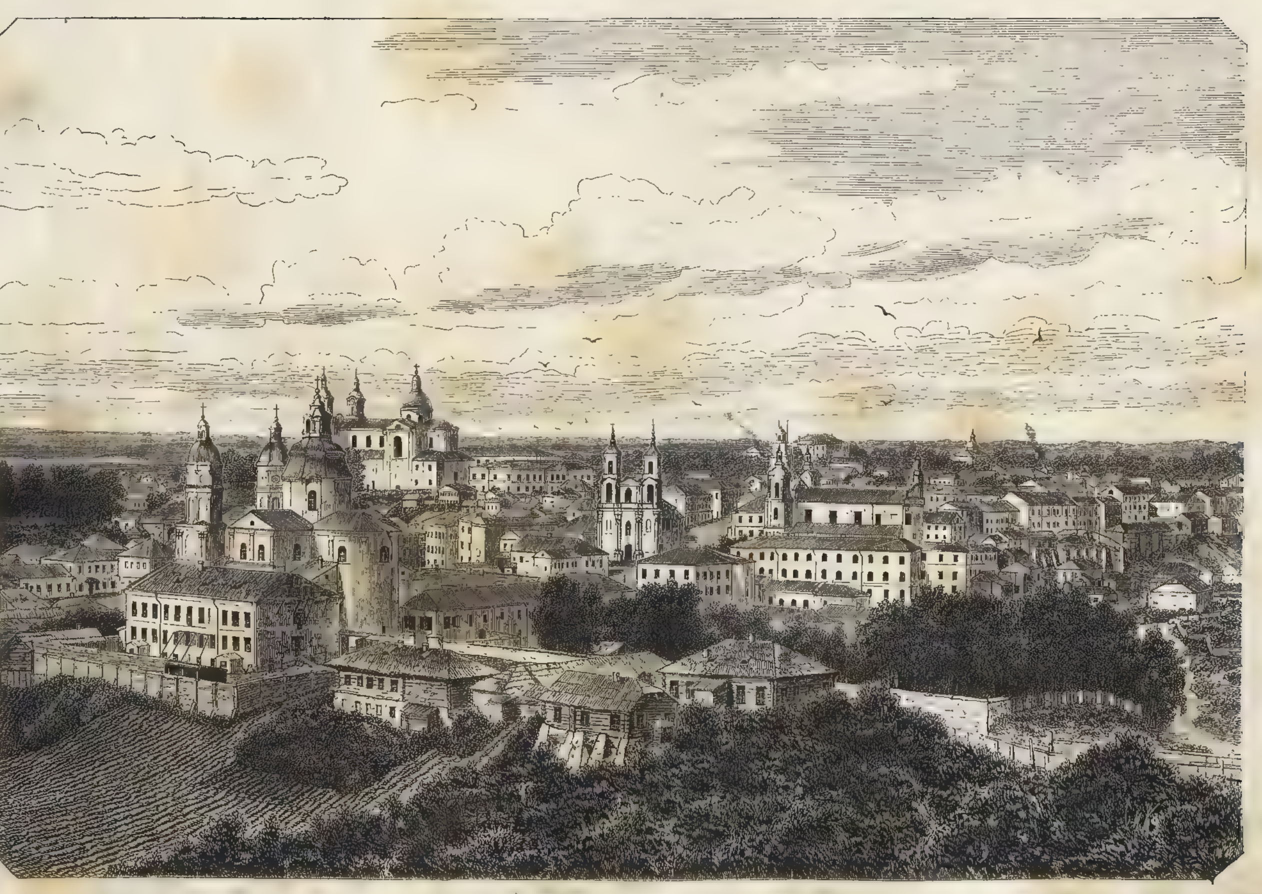
дѣнія съ Туровскими и присоединилъ къ Минскому княжеству подъ властью Изяслава. Въ 1150 Пинскъ вмѣстѣ съ Туровомъ, Пересопицею и Дорогобужемъ принадлежалъ Андрею Юрьевичу, сыну вел. князя кіевскаго. Въ XIII столѣтіи мы видимъ уже самостоятельное Пинское княжество, хотя не имѣемъ возможности исчислить послѣдовательный рядъ пинскихъ князей. Знаемъ, что въ 1246 году владѣлъ Пинскомъ князь Михаилъ, признававшій надъ собою власть литовскихъ князей; несомнѣнно также, что пинскіе князья, хотя и владѣвшіе удѣломъ, подчинялись вел. князю Миндовгу. Въ это время Даніилъ и Василько Романовичи, князья галицкіе, вмѣшивались въ дѣла Пинскаго княжества и навязывались защищать его отъ Литовцевъ, но князь Михаилъ принялъ ихъ недоброжелательно. Въ 1262 г. пинскіе князья Ѳедоръ, Демидъ и Юрій являлись въ станъ Василька Романовича для поздравленія его съ побѣдою, одержанною надъ Литовцами подъ Невелемъ; но въ войнѣ его съ Литовцами никакого участія не принимали.

Пинскъ.

Сынъ Миндовга, Войшелгъ, въ Пинскѣ, послѣ смерти отца, выжидалъ послѣдующихъ событій и отсюда въ 1265 году, оставивъ монашескую рясу, съ помощью пинскихъ князей пошелъ на Новогрудокъ и овладѣлъ имъ. Послѣднимъ удѣльнымъ княземъ пинскимъ изъ рода Святополка Изяславича считается Юрій Владиміровичъ, скончавшійся въ 1292 году. Сынъ его Дмитрій Юрьевичъ долженъ былъ окончательно уступить свои владѣнія Литвѣ, такъ что сынъ сего послѣдняго, внукъ Юрія, Данило Дмитріевичъ около 1340 года сдѣлался вотчинникомъ Острога на Волыни.

Гедиминъ отдалъ Пинскъ сыну своему Наримунду. При наслѣдникахъ его и постоянномъ стремленіи къ уничтоженію удѣловъ, Пинскъ передаваемъ былъ великими князьями литовскими разнымъ лицамъ. Такъ въ 1471 г. отданъ былъ въ кормленіе княгинѣ Маріи, женѣ кіевскаго князя Симеона Олельковича и ихъ дѣтямъ. Потомъ Пинскомъ владѣла нѣкоторое время Бона Сфорчія, супруга Сигизмунда I. Въ 1569 году Пинскъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Брестскаго воеводства, а въ 1581 г. Стефанъ Баторій даровалъ ему магдебургское право. Паденіе древней княжеской столицы собственно начинается съ 1648 года, когда казачій полковникъ войскъ Богдана Хмельницкаго, Небаба, занялъ городъ. — Великій гетманъ литовскій Янушъ Радзивиллъ осадилъ городъ, начался продолжительный штурмъ, во время котораго, какъ свидѣтельствуютъ современники, погибло четырнадцать тысячъ жителей и сгорѣло пять тысячъ домовъ. Потомъ во время войны съ Россіею, въ 1654 г. московскій воевода князь Волконскій захватилъ Пинскъ и, простоявъ здѣсь два дня, сжегъ городъ и всѣ посады и отплылъ по Припети. Новое бѣдствіе

Видъ города Витебска.

постигло городъ въ 1706 году, когда Карлъ XII съ многочисленнымъ войскомъ занялъ Пинскъ, простоялъ здѣсь два мѣсяца и потомъ велѣлъ сжечь палаты мѣстнаго старосты Вишневецкаго и принадлежавшія ему слободы.

Въ 1795 году Пинскъ назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ сначала намѣстничества, потомъ Минской губерніи.

Къ примѣчательнѣйшимъ древностямъ Пинска относятся развалины замка и православный, монастырь въ которомъ жилъ извѣстный пинскій лѣтописецъ Митрофаній. Мы знаемъ, что здѣсь епископская каѳедра существовала уже въ XII, если не въ XI столѣтіи. Каѳедральный соборъ былъ вновь великолѣпно возобновленъ и отдѣланъ великимъ княземъ Витовтомъ, который также сдѣлалъ ему значительныя записи. Подъ конецъ XIV столѣтія Сигизмундъ Кейстутовичъ основалъ здѣсь римско-католическій фарный костелъ, настоятелемъ котораго въ настоящее время—извѣстный ученый польскій писатель, прелатъ Антоній Мошинскій. Въ Пинскѣ жилъ нѣкоторое время извѣстный польскій историкъ епископъ Нарушевичъ. Здѣсь же нѣкоторое время находилось тѣло іезуита Андрея Боболи, убитаго въ Яновѣ 16 мая 1657 г. Въ царствованіе Сигизмунда III, кромѣ францисканскаго, существовавшаго прежде, основаны были монастыри: доминикановъ, бернардиновъ, кармелитовъ босыхъ, маріавитокъ, конгрегація кс. комунистовъ и коллегія іезуитовъ.

Пинскъ.

Мы уже указывали, какъ важно значеніе Пинска въ торгово-промышленномъ отношеніи. Теперь, съ осушеніемъ Пинскихъ болотъ, съ ожидаемымъ проведеніемъ желѣзной дороги изъ Брестъ-Литовска до Пинска, будущность города конечно будетъ самая блестящая. Пинскъ и теперь служитъ какъ-бы центральнымъ пунктомъ торговой дѣятельности, будучи соединенъ р. Пиною съ богатыми приднѣпровскими губерніями, Днѣпровско-Бугскимъ каналомъ съ Пруссіею и царствомъ Польскимъ и Огинскимъ каналомъ съ при-нѣманскими губерніями. Главная, кипучая дѣятельность города во время навигаціи; въ остальное время, по недостатку удобныхъ путей сообщенія, онъ остается какъ-бы въ усыпленіи. Вотъ почему проведеніе желѣзной дороги до Пинска весьма важно.—Жителей въ Пинскѣ нынѣ считаютъ около 18 тысячъ.

Въ семи верстахъ отъ Пинска находится весьма древнее славянское поселеніе, сохранившее названіе *Городища*.

Недалеко отъ Пинска два значительныя имѣнія замѣчательны своею фабричною дѣятельностью. Это *Поржече* (Порѣчье), о которомъ мы уже упомянули, помѣщика Скирмунта, и *Альбрехтовъ*. Въ первомъ съ 1837 года существуетъ фабрика суконъ и кортовъ, вырабатывающая въ годъ на сумму до 500,000 р., а также свекло-сахарный заводъ, на которомъ вываривается въ годъ до 10 тыс. пудовъ сахарнаго песку; во второмъ—же свѣчно-мыловаренный заводъ, вырабатывающій на сумму до 300,000 р. въ годъ.

Любешевъ, или *Новый Дольскъ*, при р. Струмень, нѣкогда вотчина князей Дольскихъ, изъ коихъ Янъ Дольскій, маршалъ литовскій, въ 1693 году основалъ костелъ и коллегію піаристовъ. Послѣдніе содержали здѣсь гимназію, считавшуюся лучшею въ цѣломъ краѣ. У піаристовъ была значительная библіотека, физическій кабинетъ, аптека, садъ. У нихъ также устроенъ былъ конвиктъ для бѣдныхъ воспитанниковъ. Въ Любешевѣ существовалъ кромѣ

того монастырь капуциновъ. *Лагичинъ* Радзивилловскій—мѣстечко, расположенное среди глубокихъ лѣсовъ.—*Городня*, или *Городно*, между рѣками Стырью и Горынью, весьма древнее поселеніе, неоднократно упоминаемое въ лѣтописяхъ.—*Кажанъ-городокъ*, при Цнѣ и Припети, довольно значительное мѣстечко съ ярмаркою.

Мозырь, уѣздный городъ, на довольно возвышенномъ берегу Припети, при поворотѣ ея на юго-востокъ. О Мозырѣ лѣтописи упоминаютъ въ 1155 году. Нѣкоторое время, въ XII столѣтіи онъ составлялъ даже небольшой особый удѣлъ. Князь Юрій Долгорукій отдалъ его Святославу Ольговичу, князю черниговскому; но онъ потомъ былъ отнятъ кіевскимъ княземъ Изяславомъ Давидовичемъ. Дольше всего онъ принадлежалъ Туровскому княжеству, князья котораго, а также епископы именовались Туровскими и Мозырскими. Мозырь многократно былъ разоряемъ Татарами и Русскими, особенно въ 1227 и 1241 годахъ, когда Татары разграбили городъ и его окрестности; потомъ въ 1497 г. Перекопскіе Татары разорили и разграбили городъ, а въ 1521 г. сожгли его. Въ 1508 г. Мозырь былъ взятъ княземъ Михаиломъ Глинскимъ, передавшимся Василію Ивановичу, но потомъ возвращенъ Литвѣ. Въ 1535 г. русскіе воеводы опять разорили его. Литовское владычество началось здѣсь еще въ XIII столѣтіи, послѣ побѣды, одержанной литовскимъ военачальникомъ Скирмунтомъ надъ Мстиславомъ, княземъ Туровскимъ, слѣдствіе которой было овладѣніе Туровомъ, Пинскомъ и Мозыремъ, упрочившее владычество Литовцевъ въ бассейнѣ Припети. Потомъ, входя въ составъ Туровскаго княжества, Мозырь не имѣлъ уже отдѣльной самостоятельности.

Въ 1569 году Мозырь назначенъ уѣзднымъ городомъ Минскаго воеводства; король Михаилъ Вишневецкій въ 1670 г. подтвердилъ еще прежде дарованное городу магдебургское право.

Послѣ страшнаго пожара въ 1609 г., опустошившаго цѣлый городъ, при пособіи, оказанномъ со стороны правительства, уже въ 1613 г. онъ былъ возобновленъ; въ то же время исправленъ замокъ и цѣлый городъ обведенъ валомъ съ 7 башнями и фортами. И теперь еще видны слѣды прежняго укрѣпленія.

Мозырь отошелъ къ Россіи въ 1793 году; въ 1795 г. назначенъ уѣзднымъ городомъ Минскаго намѣстничества, а въ 1796 году Минской губерніи. Древними храмами считаются Пятницкая церковь и каѳедральный соборъ, вновь отстроенный. Католическій костелъ основанъ Сигизмундомъ III въ 1610 г. Были здѣсь также монастыри бернардиновъ и монахинь маріавитокъ.

Въ торговомъ отношеніи Мозырь занимаетъ довольно видное мѣсто. Мѣщане преимущественно занимаются рыболовствомъ на Припети и кожевеннымъ производствомъ. Мозырскія кожи пользуются извѣстностью, отличаясь прочностью выдѣлки. Навигація ежегодно доставляетъ много занятій мѣстнымъ жителямъ. Въ городѣ бываетъ двѣ ярмарки, 6 января и 6 августа. Въ прежнее время онѣ были значительны, особенно торговлею скотомъ и лошадьми, а также ленъ, пенька, сало, рыба, рыбій жиръ и въ особенности кожи играли на ярмаркахъ немаловажную роль. На ярмарки съѣзжались даже иностранные купцы изъ Пруссіи и Познани. Въ Мозырскомъ уѣздѣ найдены признаки желѣзной руды, но ближайшихъ изслѣдованій никто до сихъ поръ не сдѣлалъ. Мѣстные крестьяне однако умудрились и домашними средствами выучились пользоваться этою рудою, выдѣлывая изъ нея сохи и разныя хозяйственныя орудія.

Въ историческомъ отношеніи древнѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ поселеніемъ надобно считать *Туровъ*, нынѣ незначительное, бѣдное мѣстечко, на правой сторонѣ Припети, въ верстѣ отъ города. Мы уже упоминали о Туровскомъ удѣльномъ княжествѣ. Туровъ былъ его столицею. По преданію, какой-то Варягъ Туръ, соратникъ Рогволода, основалъ этотъ городъ въ IX столѣтіи. Здѣсь была древнѣйшая, съ X ст., каѳедра православныхъ епископовъ. Лѣтописи упоминаютъ, что князь Туровскій воевалъ съ Греками и по договору 907 г. получалъ дань съ побѣжденныхъ. И до сихъ поръ существующая Замковая гора

сохранила всѣ признаки древняго городища, на которомъ былъ воздвигнутъ замокъ. Въ нижнихъ насыпныхъ слояхъ горы замѣчаются уголь и рыбная чешуя. Народныя преданія о Туровѣ чрезвычайно поэтичны. Ихъ много, и всѣ вмѣстѣ взятыя они доказываютъ, что въ народѣ живетъ память о древнемъ величіи и значеніи Турова. Историческія извѣстія спутались съ баснословными, рисуя намъ какіе-то фантастическіе образы изъ давно минувшей жизни. Туровцы не только и теперь вѣруютъ въ баснословнаго Тура, основателя Турова, но даже его именемъ до сихъ поръ называютъ колодезь и оказываютъ ему особенное уваженіе. Колодезь «Туръ» не обыкновенный какой-нибудь колодезь. Въ немъ три дна: мѣдное, серебряное и золотое. Когда прорвется золотое дно — конецъ міру; земля обратится въ одинъ великій океанъ! У Туровцевъ есть и своя царевна, но царевна—чаровница, только добрая чаровница: посредствомъ чаръ она не разъ избивала враговъ и спасала отъ нихъ городъ. Даже мѣсто, гдѣ она чаровала, из-

Туровъ.

вѣстно и называется *Передолы*. Много и другихъ мѣстъ, связанныхъ съ воспоминаніями о разныхъ событіяхъ. Такъ напр. есть мѣсто, называемое *Семирядцы*, потому что здѣсь семь старшинъ рядили и судили Туровцевъ. За рѣкою есть высокій курганъ: это могила погибшихъ Татаръ; съ этой же стороны рѣки, мѣсто, гдѣ нанесено было имъ страшное пораженіе, называется *Кричевъ*, потому что, когда ихъ Туровцы прижали къ рѣкѣ, Татары подняли страшный крикъ. Кто успѣлъ переплыть рѣку, того доконали на той сторонѣ. Надъ ними-то и насыпанъ курганъ. Замѣчательны еще каменные кресты, какъ увѣряютъ мѣстные жители, привезенные издалека при введеніи христіанства. Что они доставлены сюда издалека, не подлежитъ сомнѣнію, потому что въ окрестностяхъ, по самому свойству почвы, нѣтъ нигдѣ ни одного камня. Народъ и теперь чтитъ эти камни, скоблитъ ихъ и собранныя пылинки употребляетъ какъ лекарство отъ разныхъ болѣзней.

Исторія Турова тѣсно связана съ исторіею Пинска. Князья у нихъ большею частію были общіе. Со временъ Владиміра Святославича, который отдалъ Туровъ племяннику своему Святополку, отсюда въ 1015 году вызванному на великокняжескій престолъ, князьями Туровскими

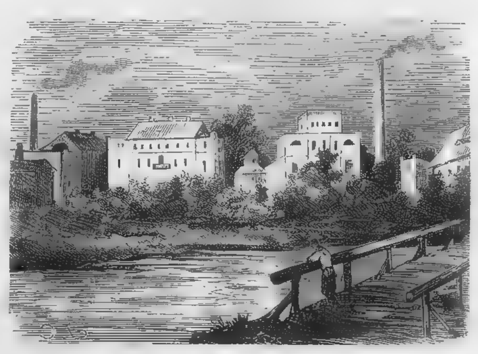
до присоединенія края къ Литвѣ были изъ рода Владиміра. Походы Литовцевъ на Пинскъ и Туровъ, какъ уже мы говорили, начались рано, но окончательное присоединеніе Турова къ вел. кн. Литовскому, кажется, послѣдовало не ранѣе временъ Миндовга.

Татары нѣсколько разъ нападали на Туровъ; особенно памятенъ набѣгъ Менгли-Гирея, разорившаго городъ въ 1502 году. Нѣкоторое время Туровъ былъ собственностью извѣстнаго князя Михаила Глинскаго, но потомъ причисленъ къ королевскимъ староствамъ и отданъ графу Соллогубу. Въ 1793 году по присоединеніи этого края къ Россіи, вслѣдствіе переговоровъ, которые велъ извѣстный англійскій министръ Питтъ съ кн. Огинскимъ съ 1790 года, составилась большая компанія на акціяхъ въ Англіи и исходатайствовала дозволеніе пріобрѣтать имѣнія по теченію Припети. Компанія командировала своего уполномоченнаго Форстера, который началъ съ покупки отъ гр. Соллогуба Турова со всѣми къ нему принадлежащими имѣніями и лѣсами за 800,000 рублей (ассигнаціи тогда стояли по $^{92}/_{100}$ на серебро) и отъ генерала Селябина пожалованную ему часть туровскихъ владѣній за 56,000 рублей.—Планъ англійской компаніи состоялъ въ томъ, чтобы, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, всѣ силы исключительно обратить на рубку лѣса и потомъ сплавлять его въ Херсонъ и другія мѣста; остающіяся же земли съ крестьянами продавать въ раздробь туземцамъ, хотя бы даже по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Однимъ Туровомъ компанія не думала ограничиться: планы ея были самые широкіе; предполагалось скупать имѣнія съ лѣсными дачами по теченію всей Припети, основывая весь разсчетъ на эксплоатаціи лѣсовъ. Когда же рубка началась, гр. Соллогубъ спохватился и откровенно разъяснилъ все дѣло лично императору Павлу. Тогда по особому Высочайшему повелѣнію деньги, уплаченныя Англичанами, были имъ возвращены изъ казны, дальнѣйшее пріобрѣтеніе имѣній для истребленія лѣсовъ запрещено, а Туровъ поступилъ въ казну. Англичане должны были и купленную ими землю съ лѣсами отъ Селябина распродать частнымъ образомъ мѣстнымъ помѣщикамъ. Такъ кончилось трехлѣтнее хозяйничанье англійской компаніи. Въ настоящее время Туровъ, кромѣ воспоминаній о минувшемъ величіи, о значеніи его въ историческомъ отношеніи, ничѣмъ особеннымъ незамѣчателенъ.

На островахъ рѣки Горыни расположено мѣстечко *Давидъ-городокъ.* Легенда, ничѣмъ положительнымъ не подтверждаемая, приписываетъ основаніе этого поселенія Ятвягамъ, а именно князю ихъ, принявшему при крещеніи имя Давида. По присоединеніи этого края къ Россіи, Давидъ-городокъ назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ, но въ 1796 г. оставленъ за штатомъ. Въ мѣстечкѣ на р. Горыни есть пристань. Торговля довольно значительная, какъ въ центрѣ, куда стекались даже изъ дальнихъ мѣстностей окрестные жители, чтобы продать, или же передать коммиссіонерамъ для развоза по другимъ городамъ, свои домашнія заготовленія, какъ напр. ветчину, сушеную рыбу, дичь въ разныхъ видахъ, грибы, сушеныя сливы и т. п. Но главное, чѣмъ славились сапожники Давидъ-городка, это—высокіе, съ длинными голенищами сапоги. Все это ежегодно привозится въ Вильно и въ другіе города. Мѣстные жители также извѣстны отличною отдѣлкою плетеныхъ бричекъ, въ родѣ извѣстныхъ «нетычанокъ».

При той же Припети находится древнее поселеніе *Скрыгаловъ*, бѣдное мѣстечко. Но оно замѣчательно великолѣпнымъ городищемъ, которое народъ зоветъ *Городкомъ*. Городище окружено высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Вблизи протекаетъ небольшая рѣчка, которая вѣроятно была въ соединеніи со рвами и въ случаѣ надобности заливала ихъ водою. На городищѣ видны слѣды существовавшаго большаго зданія, вѣроятно укрѣпленнаго замка, хотя объ немъ и не упоминаютъ лѣтописи. По крайней мѣрѣ на самой вершинѣ городища или городка находятъ во множествѣ кирпичъ, камни и даже мраморныя плиты. Вблизи городища, въ лѣсахъ, около деревушки *Слободы Скрыгаловской* много кургановъ. Въ 1497 году, въ Скрыгаловѣ Крымскіе Татары убили, ѣхавшаго въ Кіевъ, митрополита Западной Руси Макарія (святаго), посвященнаго въ этотъ санъ въ Вильнѣ въ 1794 году. Прахъ его перевезенъ въ Кіевъ, гдѣ

и почиваетъ открыто въ Софійскомъ соборѣ. При мѣстечкѣ на Припети есть пристань. Далѣе, тоже при Припети, противъ устья р. Уборти, довольно значительное мѣстечко *Петриковъ*, или *Петриково*, по преданію будто-бы основанное ятвяжскимъ княземъ въ X столѣтіи и названное такъ отъ Петра, т. е. имени, которое принялъ этотъ князь при крещеніи. Здѣсь былъ сильно укрѣпленный замокъ, построенный князьями Олельковичами, которымъ принадлежала эта мѣстность. Замокъ разрушенъ въ 1535 году русскимъ воеводою Овчиной. Въ XVII столѣтіи Петриковъ принадлежалъ Ходкевичамъ и снова подвергся разоренію отъ русскихъ войскъ. Тоже при Припети и на берегу большаго озера расположенъ *Барбаровъ*, съ развалинами большаго замка, съ башнями, валами и рвами, вотчина Оскерковъ. *Лахва*, при рѣкѣ Смерти, недалеко отсюда впадающей въ Припеть. Наконецъ есть еще мѣстечко *Ельскъ* на почтовой дорогѣ изъ Овруча въ Мозырь и *Копытковичи* при рѣкѣ Птичи, принадлежащіе Еленскимъ, съ довольно значительною ярмаркою 1 сентября. Во всѣхъ этихъ мѣстечкахъ есть православныя церкви, рим.-кат. костелы и еврейскіе молитвенные дома.

Поржече.

Рѣчица, уѣздный городъ, на правомъ берегу Днѣпра, при впаденіи въ него Ведричи, или Ведрицы, съ развалинами древняго замка; въ прежнее время составляла староство. Былъ здѣсь монастырь доминикановъ, основанный минскимъ воеводою Александромъ Слушкой въ 1634 г. Нынѣ есть двѣ церкви, католическій костелъ и еврейская синагога. Жителей слишкомъ 5 тысячъ.

Въ Рѣчицкомъ уѣздѣ болѣе замѣчательныя мѣстечки: *Лоевъ*, или *Лоёвъ*(Лоіовъ)*-градъ*, при Днѣпрѣ, съ развалинами древняго замка, разрушеннаго войсками Хмельницкаго. Принадлежалъ князьямъ литовскимъ; нѣкоторое же время составлялъ собственность рода Юдицкихъ. Въ 1505 г. Перекопскіе Татары раззорили городъ; потомъ онъ подвергался частымъ набѣгамъ Русскихъ. Въ 1649 году казаки подъ начальствомъ Подобайлы взяли городъ, но скоро были изгнаны Янушемъ Радзивилломъ; не менѣе того городъ былъ страшно разоренъ. Есть здѣсь двѣ церкви, костелъ и синагога. На Днѣпрѣ значительная пристань — *Горваль*, при впаденіи Березины въ Днѣпръ. Пристань здѣшняя имѣетъ большое значеніе. На ней ежегодно грузится товаровъ на сумму до полумилліона рублей. Базары здѣсь ежедневно. Среди болотъ, на берегу Брагинки и небольшаго озера, мѣстечко *Брагинъ*. Наконецъ большая казенная деревня *Василевичи* лежитъ на рубежѣ непроходимыхъ болотъ, называемыхъ Хмельницкими. Здѣсь—три церкви и одинъ костелъ. Недалеко отъ Василевичъ находятся колодцы, называемые Іовжинами. Преданіе говоритъ, что они сооружены по приказанію вел. кн. Ольги. Это послѣдніе жилые пункты. Далѣе тянется царство тумановъ, лѣсовъ и болотъ.

Какъ ни малозначительны эти мѣстечки, они имѣютъ здѣсь громадное значеніе. Это оазисы среди мрачной и пустынной природы, куда хоть разъ или два въ годъ стекаются жители такихъ же меньшихъ оазисовъ, чтобы удовлетворить свои нужды, чтобы взглянуть на людей и убѣдиться въ собственномъ существованіи. Они важны для окрестныхъ жителей и въ торговомъ отношеніи, какъ пункты, гдѣ они могутъ продать или отдать на коммиссію свои произведенія.

Заканчивая на этомъ нашъ очеркъ бѣлорусской природы, быта жителей Бѣлоруссіи и краткое, бѣглое описаніе ея населенныхъ мѣстъ, мы должны оговориться, по поводу одного пробѣла, который мы сознательно допустили въ нашемъ изложеніи, но который многимъ мо-

жетъ показаться, пожалуй, весьма важнымъ упущеніемъ въ текстѣ составленныхъ нами статей. Мы нигдѣ не упомянули о Смоленскѣ, который, однакожъ, историческими судьбами послѣднихъ двухъ вѣковъ тѣсно связанъ съ Бѣлоруссіею. Замѣтимъ, однакоже, что мы позволили себѣ это сдѣлать только въ виду того, что описаніе «Бѣлорусской Смоленщины» принялъ на себя извѣстный русскій туристъ и талантливый бытописатель, С. В. Максимовъ, который и посвятилъ этому предмету особую обширную статью, предлагаемую читателямъ «Живописной Россіи» вслѣдъ за моими статьями.

II. ВИТЕБСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Витебскъ.—Марковъ.—Суражъ.—Городокъ.—Озерище.—Лепель.—Воронечъ.—Красное.—Чашники.—Улла.—Бѣшенковичи.—Ушачъ.—Суша.—Туровля.—Гомель.—Себежъ (Иванъ городъ на Себежѣ).—Утюжицы.—Неведра.—Яковцово.—Суражъ.—Усвятъ (Свячь).—Велижъ.—Ильино.—Невель.—Дрисса.—Освей.—Полоцкъ.—Соколище.—Ситно.—Несцерда.—Сивошино.—Динабургъ.—Краславъ.—Крейцбургъ (Герсикъ, Кражбургъ).—Ликсна.—Ливенгофъ.—Люцинъ.—Маріенгаузенъ.—Ляудеръ.—Рѣжица.—Аглона.—Волькенбергъ.—Давгда.—Преле.—Воркляны.

итебскъ, котораго исторія намъ уже отчасти знакома, лежитъ по обоимъ берегамъ Западной Двины и впадающей въ нее рѣчки Витьбы. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, *Витьбескъ* упоминается подъ годомъ 1021, когда Ярославъ Кіевскій уступилъ этотъ городъ Брячиславу Полоцкому. Ярославъ могъ возвратить Витебскъ, какъ завоеванный имъ, полоцкому князю; но нѣтъ сомнѣнія, что городъ и прежде принадлежалъ къ Полоцкому княжеству и только временно могъ подпасть подъ власть кіевской линіи. Затѣмъ наслѣдники Всеслава Полоцкаго раздѣлили княжество на удѣлы, въ томъ числѣ и Витебскій, образовавшій особое удѣльное княжество, подвластное полоцкому столу. Первымъ удѣльнымъ витебскимъ княземъ считаютъ Давида, начавшаго княжить въ 1107, т. е. послѣ смерти Всеслава. Линія князей витебскихъ продолжалась 219 лѣтъ, и послѣднимъ княземъ былъ Ярославъ Васильевичъ, имѣвшій одну только дочь, Марію, которую выдалъ за князя Ольгерда Гедиминовича въ 1318 году. Послѣ же смерти Ярослава, въ 1320 году, княжество перешло къ Ольгерду, который, вступивъ на великокняжескій престолъ, присоединилъ его къ Литвѣ. Ольгердъ съ супругою Маріею построили въ Витебскѣ двѣ церкви, одну въ нижнемъ замкѣ, насупротивъ Пречистенской башни, во имя Благовѣщенья Пресвятой Богородицы, другую же за оврагомъ и ручьемъ, въ мѣстности, называвшейся Заручевье, во имя Св. Духа. При этой церкви вторая супруга Ольгерда, Іуліанія Александровна, княжна Тверская, основала дѣвичій Свято-Духовъ монастырь. Послѣ смерти Ольгерда, эта же Іуліанія, нѣкоторое время жила въ Витебскѣ и здѣсь основала церковь Св. Іоанна Богослова.

Ягайло намѣстникомъ своимъ назначилъ въ Витебскѣ ловчаго Ѳедора Весну. Тогда братъ Ягайлы, Свидригайло, желавшій самъ владѣть Витебскомъ, съ помощью рыцарей, напалъ на городъ и овладѣлъ имъ. Весна былъ сброшенъ съ замковой стѣны и утонулъ въ Двинѣ. Недолго однако Свидригайло господствовалъ въ Витебскѣ. Витовтъ окружилъ городъ; цѣлый мѣсяцъ продолжалась осада; наконецъ замокъ былъ взятъ, а въ это же время наемныя войска Свидригайла взбунтовались и выдали его Витовту, который отправилъ его подъ конвоемъ къ королю Ягайлу (1396).

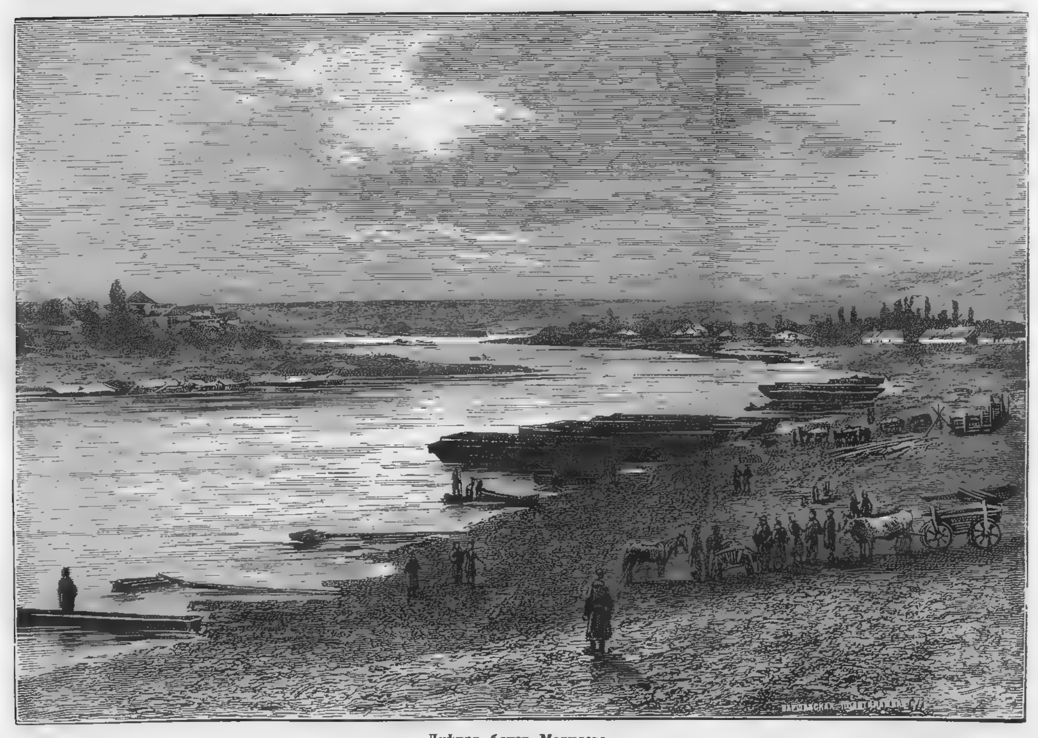
Послѣ смерти Витовта, когда началась междоусобная борьба между тѣмъ же Свидригайломъ и Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, жители Витебска сами отворили ворота Свидригайлу. Вступивъ въ городъ, онъ прежде всего отомстилъ своему врагу, приверженцу Сигизмунда, князю Семену Гольшанскому, приказавъ умертвить его и бросить въ Двину. Къ этому же времени относится умерщвленіе другаго врага его, престарѣлаго князя Михаила Пеструцкаго, котораго, положивъ въ мѣшокъ, бросили въ прорубь въ Двинѣ. Наконецъ къ варварскимъ жестокостямъ Свидригайла этого же времени относится неслыханное въ Литвѣ и Руси страш-

ное дѣяніе, именно: сожженіе на кострѣ митрополита Герасима. Объ ужасномъ этомъ событіи такъ намъ передаютъ лѣтописи (Степ. кн. и Псков. лѣт.): «Того же лѣта (1433) князь литовскій Ширдигело (Свидригайло) пойма митрополита Герасима въ г. Смоленскѣ, и окова твердо желѣзы, спровади въ Витебскъ, держа въ крѣпости четыре мѣсяца, сожже огнемъ іюля 26 за такую вину, что перевѣтъ на него держалъ къ князю Жигимонту, и выня у него граматы перевѣтныя».

Свидригайло недолго продержался въ Витебскѣ. Началась осада города войсками Сигизмунда Кейстутовича, подъ начальствомъ сына его Михаила. Шесть недѣль простоялъ онъ здѣсь, но замкомъ не успѣлъ завладѣть. Въ слѣдующемъ году (1436) храбрые защитники Витебска должны были покориться Сигизмунду. Впрочемъ, они всегда славились своимъ мужествомъ и преданностью законнымъ князьямъ, а потомъ королямъ польскимъ, крѣпко держась своей вѣры и народности. Князья и короли отличали ихъ за эти качества передъ другими городами, и почти каждый изъ нихъ даровалъ городу разныя права и преимущества. Въ XV столѣтіи городъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи, и населеніе его было значительно, что доказывается граматою короля Казимира Ягеллона, данною въ Брестѣ въ 1441 году, въ которой Витебскъ считался въ числѣ пятнадцати значительнѣйшихъ городовъ Литовскаго вел. княжества. Въ 1479 г. у короля просили покровительства два брата великаго князя московскаго, Андрей и Борисъ Васильевичи, и король назначилъ имъ жительство въ Витебскѣ. Въ слѣдующемъ году они возвратились въ Москву. Право судиться магдебургскими законами даровано было городу Казимиромъ; Александръ Ягеллонъ въ 1503, потомъ Сигизмундъ I въ 1509 подтвердили эти права. Витебское воеводство учреждено около 1506 года. Первымъ воеводой назначенъ былъ Юрій Глѣбовичъ. Благосостояніе города постепенно увеличивалось; торговля процвѣтала. Жители Витебска Двиною сплавляли большое количество звѣриныхъ кожъ и мѣховъ, а равно другихъ произведеній, изъ Риги отправлявшихся въ Лейпцигъ. Въ составъ воеводства входили самыя обширныя и богатыя староства, какъ напр. Суражское, Усвятское, Любошанское, Оршанское, Велижское и др., снабжавшія городъ хлѣбомъ и разными произведеніями.

Въ 1562 году князь Курбскій напалъ на городъ и выжегъ предмѣстья его. Это было начало бѣдствій и разореній города, которыя сулила ему продолжительная война съ Россіею. Во все это время жители неоднократно являли самоотверженную храбрость въ защитѣ города. Витебскіе мѣщане устраивали даже особыя дружины, выбирали себѣ начальниковъ; нападали на непріятеля и дрались отчаянно. Русскія войска въ первый разъ захватили Витебскъ въ 1563 году; но вскорѣ были вытѣснены, чему въ особенности способствовала моровая язва, появившаяся въ городѣ и истребившая много народа. Въ 1569 русскія войска опять были въ Витебскѣ и сожгли часть города.—Въ 1597 году Сигизмундъ III, видя воинственныя наклонности жителей и ихъ храбрость, возложилъ на нихъ обязанность защиты города отъ непріятеля и вообще исполненіе всякаго рода воинскихъ повинностей. Войтъ былъ главнымъ начальникомъ, другіе же начальники избирались изъ среды жителей. За это король подтвердилъ городу магдебургское право, по желанію жителей воспретилъ Евреямъ жительство въ городѣ, освободилъ мастеровыхъ отъ обязательной службы въ замкѣ, подарилъ городу собственный загородный дворецъ Лукишки съ принадлежащими къ нему деревнями (Трубачи, Туромшино, Октановичи, Луки, Новики и Власовъ), отдалъ имъ перевозъ на р. Лучосѣ, установилъ ярмарку въ день Петра и Павла и даже утвердилъ гербъ для города, соотвѣтствующій ихъ воинскимъ наклонностямъ: въ немъ, на голубомъ полѣ, изображенъ былъ Спаситель, а подъ нимъ обнаженный красный мечъ. Запрещеніе Евреямъ селиться въ городѣ существовало до 1679 года, когда Янъ Собѣскій разрѣшилъ имъ строить синагоги, жить въ городѣ и заниматься торговлею. Съ этого времени еврейское населеніе въ городѣ стало постоянно увеличиваться.

Вскорѣ витебскіе ополченцы доказали, что они достойны королевскихъ милостей. Во 1602 году казацкій атаманъ Дубина съ большою силою напалъ на Витебскъ. Граждане-воины, безъ всякаго участія со стороны регулярнаго войска, не только прогнали казаковъ съ большимъ урономъ, но успѣли захватить самого атамана съ двѣнадцатью его товарищами, вывезли ихъ на Заручайскіе Волотовки и тамъ посадили на колъ. Потомъ, черезъ три года, въ 1605 году, витебская дружина изъ пятисотъ человѣкъ подъ начальствомъ гражданина Марка Ильина Лытки сдѣлала внезапное нападеніе на русскія войска подъ Феллиномъ (въ Лифляндіи) и одержала побѣду. За это Лытко возведенъ въ дворянское достоинство и получилъ фамилію Фелинскаго. Не такъ удачно было нападеніе витебскихъ гражданъ въ 1614 году подъ Глозомичами, гдѣ они потерпѣли пораженіе, а затѣмъ въ 1616 г. казаки сожгли часть Витебска.

Днѣпръ близъ Могилева.

Мы видимъ, что витебскіе граждане не только защищались у себя дома, но даже формировали отряды и нападали на непріятелей внѣ своего города. Организація и воинская дисциплина была у нихъ сильная. Это были люди закаленные въ бою, люди смѣлые и рѣшительные, всегда готовые отстаивать свое родное пепелище, свою вѣру и народность.

Дѣло введенія уніи хорошо извѣстно, и мы не станемъ повторять фактовъ, знакомыхъ читателю изъ другихъ источниковъ. Мы упомянемъ только объ одномъ печальномъ событіи, котораго послѣдствія были весьма горестны для жителей Витебска.

Бѣлорусскіе города вообще и въ особенности Полоцкъ и Витебскъ сильно сопротивлялись введенію уніи. Архіепископъ уніатскій Іосафатъ Кунцевичъ, самый усердный ревнитель уніи, сталъ принимать рѣшительныя и крутыя мѣры къ распространенію уніи. Какого рода были эти мѣры, видно изъ жалобъ, поданныхъ депутатами на сеймѣ 1622 года. Онѣ

еще рельефнѣе выступаютъ въ извѣстномъ письмѣ великаго канцлера литовскаго, Льва Сапѣги, писанномъ 12 марта 1622 года къ Кунцевичу, въ которомъ, между прочимъ, онъ предсказываетъ возмущеніе жителей, сжели не будутъ возвращены имъ ихъ церкви. Но архіепископъ упорствовалъ. Въ Витебскѣ всѣ православныя церкви были запечатаны. При каждомъ отнятіи церкви народъ волновался; но мѣстный кастеланъ Николай Завиша успѣвалъ до времени не допускать до открытаго возстанія. Предсказаніе Сапѣги сбылось очень скоро. 11 ноября 1623 года, архіепископъ возвратился въ Витебскъ изъ своей поѣздки по епархіи. Еще въ дорогѣ его предувѣдомили о грозившей ему опасности; но онъ не повѣрилъ и безпрепятственно въѣхалъ въ свои палаты на Лысой горѣ, возлѣ Пречистенской церкви (гдѣ нынѣ Успенскій соборъ). На другой день, 12 ноября, онъ служилъ обѣдню. Между тѣмъ протодіаконъ архіепископа Дороѳей ударилъ православнаго священника Илію, отправлявшагося на требу, и заперъ въ архіепископскихъ палатахъ. Народъ взволновался. Ударили въ вѣчевой колоколъ на башнѣ Ратуши. Народъ бросился на палаты и сталъ бить служителей. Архіепископъ поспѣшилъ къ бушевавшей толпѣ, и сталъ ее увѣщевать. Но было уже поздно. Сильный ударъ въ голову повергъ архіепископа на землю; потомъ двумя ударами бердыша разсѣкли ему голову, сорвали съ него одежду и выволокли на дворъ, гдѣ разсвирѣпѣвшая толпа,—даже женщины — долго еще ругалась надъ трупомъ, потомъ бросила въ Двину въ завязанномъ мѣшкѣ, къ которому прикрѣпили камни. Священники, находившіеся въ палатахъ, были избиты, самыя палаты и церковь разрушены. Тѣло Кунцевича было найдено въ Двинѣ на третій день и перевезено на лодкѣ въ Полоцкъ, гдѣ и похоронено въ Софійскомъ соборѣ. Въ 1624 году папа Урбанъ VIII призналъ Іосафата Кунцевича *блаженнымъ* и велѣлъ праздновать его память 16 сентября. Въ наше время, 2 мая 1865 года, папа Пій IX обнародовалъ декретъ, коимъ Іосафатъ причисленъ къ лику святыхъ.

11 декабря 1623 года назначена была слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ в. канцлера Льва Сапѣги, изъ витебскаго воеводы Самуила Сангушки, референдарія Александра Гонсѣвскаго, оршанскаго старосты Александра Сапѣги и при участіи князя Друцкаго-Соколинскаго и кастелана Завиши. 25 января 1624 коммиссія постановила слѣдующій приговоръ: 74 человѣкъ казнить смертію; жителей лишить правъ судиться магдебургскими законами; вѣчевой колоколъ на Ратушѣ, а равно колокола всѣхъ церквей снять и изъ нихъ вылить одинъ большой колоколъ съ надписью о постигшемъ наказаніи за совершенное преступленіе. Зданіе Ратуши разрушить. На мѣсто разрушенной Пречистенской церкви построить на счетъ жителей новую для уніатовъ церковь. Управленіе дѣлами города передать вѣдѣнію воеводы.— Приговоръ этотъ исполненъ въ точности; но изъ числа осужденныхъ, 55 человѣкъ успѣли скрыться; остальнымъ 19 отрубили головы и трупы бросили въ Двину. Историки разсказываютъ, что граждане не столько были поражены казнью, сколько разрушеніемъ Ратуши и снятіемъ вѣчеваго колокола. Весь городъ рыдалъ.

Лишенные своихъ правъ и привиллегій, граждане Витебска не измѣнили однако своимъ воинскимъ обязанностямъ. Въ 1641 году витебскій отрядъ одержалъ побѣду надъ русскими войсками подъ Кашевичами. За это Владиславъ IV простилъ жителей Витебска, возвратилъ имъ магдебургское право и всѣ прежнія привиллегіи; но церкви, уже обращенныя въ уніатскія, такъ и остались въ томъ же видѣ. Жители поспѣшили воздвигнуть новое зданіе Ратуши, повѣсили на ней вѣчевой колоколъ; въ силу приговора построили для уніатовъ и церковь Пречистенскую, впрочемъ такъ плохо, что она скоро обветшала. На мѣсто ея въ 1682 Кисель построилъ монастырь съ церковью для базиліанъ. Пожары нѣсколько разъ истребляли эти зданія, и едва въ 1743 году сами базиліане озаботились постройкою новой церкви, монастыря и конвикта для учениковъ, которыхъ у нихъ считалось болѣе 100 человѣкъ, исключительно дѣтей дворянскихъ. Постройки эти не были однако вполнѣ окончены, и только въ 1775 году, уже по присоединеніи Витебскаго края къ Россіи, по распоряженію губернатора

Кречетникова, возобновлены постройки, оконченныя въ 1785 году. По упраздненіи же монастыря базиліанъ, церковь эта передѣлана въ Успенскій соборъ (1840).

Съ 1654 года начинается рядъ событій, доведшій городъ до конечнаго разоренія. Въ этомъ году воевода Шереметевъ почти четыре мѣсяца осаждалъ Витебскъ и наконецъ овладѣлъ замками; много было убитыхъ, плѣнныхъ же разослали въ дальніе города. По Андрусовскому договору (1667) Витебское воеводство вполнѣ было возвращено Литвѣ. Въ 1701 г. здѣсь помѣщался генеральный штабъ и часть русскихъ войскъ. Витебскіе граждане держали сторону Станислава Лещинскаго, котораго поддерживалъ Карлъ XII: они сложились даже и отправили для шведскаго войска семь тысячъ талеровъ. Поэтому Петръ Великій, чтобы не имѣть въ тылу сильнаго врага, велѣлъ Калмыкамъ поджечь городъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Городъ сгорѣлъ и уже никогда не возстановлялся въ прежнемъ величіи. Число жителей уменьшилось, торговое значеніе его упало.

Въ 1772 году Витебскъ присоединенъ къ Россіи и причисленъ, какъ провинціальный городъ, къ Псковской губерніи; въ 1777 г., когда были учреждены бѣлорусскія губерніи, онъ отошелъ къ Полоцкой; затѣмъ въ 1796 г., по соединеніи Полоцкой съ Могилевскою въ одну Бѣлорусскую губернію, сдѣланъ губернскимъ городомъ сей послѣдней. Наконецъ, въ 1802 г., когда эта губернія раздѣлена на двѣ: Могилевскую и Витебскую, Витебскъ сдѣланъ губернскимъ городомъ послѣдней.

Тяжелыя событія 1812 года и пребываніе императора Наполеона въ Витебскѣ намъ уже знакомы изъ историческаго очерка. Положеніе города было отчаянное, и надобно было много времени, чтобъ сколько нибудь заживить нанесенныя раны.

Первые бѣлорусскіе генералъ-губернаторы, гр. Чернышевъ, Пассекъ, Римскій-Корсаковъ, жили въ Могилевѣ; послѣ назначенія послѣдняго въ Вильно, въ 1807 г., мѣсто его заступилъ И. И. Михельсонъ, который выбралъ для себя мѣстопребываніе въ Витебскѣ (потому что деревни его были въ Витебской губерніи, — замѣчаетъ Добрынинъ въ своихъ запискахъ). Затѣмъ въ 1810 году прибылъ тоже въ Витебскъ генералъ-губернаторомъ герцогъ Александръ Виртембергскій, и здѣсь же потомъ жили генералъ-губернаторы Бѣлоруссіи—кн. Хованскій и Игнатьевъ, до упраздненія этого званія. По изгнаніи непріятеля, герцогъ Виртембергскій, возвратясь въ Витебскъ, старался по возможности оживить городъ и способствовать благоденствію жителей.

Въ 1831 году въ Витебскѣ, въ гостяхъ у генералъ-губернатора князя Хованскаго, скоропостижно скончался, 27 іюня, временно пребывавшій въ Витебскѣ великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

До 1833 года въ Витебскѣ существовали римско-католическіе монастыри: іезуитовъ (съ 1644 г.), бернардиновъ (съ 1731 г.), піаристовъ (съ 1753 г.), доминикановъ (съ 1771 г.), тринитаріевъ (съ 1760 г.) и монастырь базиліанъ. Іезуиты, піаристы и базиліане содержали училища. Всѣ монастырскіе костелы обращены въ православныя церкви.

Въ послѣднее время Витебскъ постепенно улучшается, и число жителей увеличивается. Торговля и теперь довольно значительна. Витебскъ находится какъ бы на перепутьи между Москвою, Ригою и Одессою. Благодаря желѣзной дорогѣ и своему положенію при судоходной рѣкѣ, онъ постоянно расширяетъ свою торгово-промышленную дѣятельность.

Въ Витебскѣ было два замка, верхній и нижній, оба построенные вел. кн. Ольгердомъ. Какъ по величинѣ, такъ и устройству, они превосходили всѣ извѣстные замки въ Бѣлоруссіи. Верхній замокъ былъ обнесенъ каменной, а нижній деревянной стѣной; оба съ каменными башнями. Стѣны верхняго замка, по описанію Сементовскаго, шли лѣвымъ берегомъ рѣки Витьбы до ея устья и угловой башни, называвшейся Устьянскою; потомъ берегомъ рѣки Двины, до другой угловой башни, называвшейся пречистенскою, насупротивъ Благовѣщенской церкви. Здѣсь сходились стѣны обоихъ замковъ, а затѣмъ одна поворачивала влѣво на Замковую гору, другая же, пройдя берегомъ ручья до Криваго моста, потомъ надо рвомъ, соединявшимъ

ручей съ Витьбою, и дойдя до угла, поворачивала влѣво, гдѣ, продолжая идти берегомъ Витьбы, упиралась въ башню верхняго замка. Оба замка занимали значительное пространство въ центрѣ нынѣшняго города, въ кварталахъ между Двиной и Витьбой, гдѣ теперь Замковая и Театральная улицы. Въ нижнемъ замкѣ находилась церковь Благовѣщенія. Слѣдовъ отъ этихъ громадныхъ крѣпостныхъ сооруженій не сохранилось вовсе. Только на вершинѣ такъ называемой Воксалъ-горы еще замѣтны слѣды фундамента каменныхъ и кирпичныхъ стѣнъ; замѣтенъ и искусственный профиль той стороны Воксалъ-горы, которая обращена къ Витьбѣ.

Въ двухъ верстахъ отъ города Витебска, на правомъ берегу Зап. Двины, находится въ *Марковѣ* Троицкій монастырь, съ тремя церквами. На этомъ мѣстѣ въ началѣ XVII стол. какой-то отшельникъ, Марко Землянинъ построилъ часовню и окружилъ себя монахами. Тогда князь Левъ Самуилъ Огинскій построилъ церковь во имя св. Троицы, сынъ же его, князь Семенъ, въ 1687 г. воздвигъ монастырское зданіе. Въ 1751 году уніаты завладѣли монастыремъ. Здѣсь поселились базиліане, а иноковъ выгнали. Въ 1772 году, по присоединеніи края къ Россіи, монастырь опять сдѣланъ православнымъ, а базиліанъ выгнали.

Въ Витебскомъ уѣздѣ находится заштатный городъ *Суражъ* (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ уѣзднымъ городомъ Суражемъ Витебской губерніи или съ Суражемъ, заштатнымъ городомъ Бѣлостокскаго уѣзда Гродненской губерніи). На значительной возвышенности, по обоимъ берегамъ Западной Двины, при впаденіи въ нее справа рѣчекъ Рацвина, Ананьевы и Зуевы, а слѣва р. Каспли, съ впадающими въ нее р. Суражкой и ручьемъ Столдиномъ, около 1565 года, по повелѣнію короля Сигизмунда-Августа, витебскій воевода князь Збаражскій построилъ крѣпость для защиты отъ нападеній московскихъ войскъ. Послѣднія однако два раза, въ 1616 и 1654 гг., захватывали городъ и жгли его. По присоединеніи къ Россіи, Суражъ въ 1777 году назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ Полоцкой губерніи, въ 1796 г.—Бѣлорусской, а въ 1802 г.—Витебской. Въ 1866 г. остался за штатомъ и причисленъ къ Витебскому уѣзду. Въ 1812 г. здѣсь жилъ вице-король италіанскій Евгеній.

Городокъ, уѣздный городъ, при рѣкахъ Нещедрѣ и Горожанкѣ. Самое названіе города свидѣтельствуетъ о древности поселенія. Городокъ или укрѣпленное городище сохранилось и до сихъ поръ на правомъ берегу р. Горожанки, въ видѣ четырехугольнаго землянаго укрѣпленія, а на лѣвомъ берегу видны еще фундаменты замка. Съ 1772 года состоитъ уѣзднымъ городомъ.

Въ Городковскомъ уѣздѣ замѣчательно мѣстечко *Озерище*, при озерѣ того же названія. На сѣверномъ концѣ полуострова, образуемаго озеромъ, уцѣлѣли еще земляные окопы, окружавшіе сильно укрѣпленный замокъ. Въ 1565 году Шереметевъ и Токмаковъ осадили этотъ замокъ, въ которомъ былъ значительный гарнизонъ. Витебскій воевода Пацъ послалъ отрядъ подъ начальствомъ Снѣпорода въ помощь осажденнымъ. Послѣдній, неожиданно напавъ на московскія войска, разбилъ ихъ и возвратился въ Витебскъ. Войска, составлявшія гарнизонъ замка, торжествовали побѣду и загуляли. Между тѣмъ Токмаковъ, собравъ остальныя свои силы, напалъ на замокъ и истребилъ весь гарнизонъ. Озерище оставалось за Россіею до 1579 года, когда Стефанъ Баторій отнялъ его, причемъ замокъ былъ сожженъ и возобновленъ едва въ 1616 году мѣстнымъ старостою княземъ Соколинскимъ. На берегу того же озера, съ южной стороны, находится прекрасный большой домъ, тоже называемый замкомъ, въ которомъ лѣтомъ проживалъ витебскій генералъ-губернаторъ герцогъ Александръ Виртембергскій, владѣвшій этимъ староствомъ.

Лепель, уѣздный городъ, на южномъ берегу Лепельскаго озера, между рѣчками Уллою и Эссою. Здѣсь было село, называвшееся Старый Лепель. Сынъ великаго князя Сигизмунда Кейстутовича, Михаилъ, подарилъ его витебскому костелу. Въ 1563 году, по взятіи Полоцка, Русскіе сожгли Лепель, на его мѣстѣ основали укрѣпленіе и оставили сильный гарнизонъ. Но укрѣпленіе съ гарнизономъ недолго существовало. Литовцы отняли Лепель, уничто-

жили укрѣпленія и истребили гарнизонъ. Въ 1580 году нѣкоторое время здѣсь жилъ король Стефанъ Баторій. Въ 1586 году Лепель пріобрѣтенъ былъ великимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою, который по духовному завѣщанію отказалъ его виленскому Свято-Михайловскому монастырю бернардинокъ, имъ же основанному. Находясь на лѣвомъ берегу Западной Двины, Лепель по первому раздѣлу остался за Литвою, такъ какъ З. Двина назначена была границею государствъ, но по второму раздѣлу присоединенъ къ Россіи и въ 1802 г. назначенъ уѣзднымъ городомъ Витебской губерніи, все еще оставаясь монастырскимъ владѣніемъ, а въ 1805 году перечисленъ въ казенное вѣдомство.

Въ 1812 г., во время отступленія французскихъ войскъ изъ Полоцка, Лепель былъ разоренъ. Французы испортили шлюзъ, сожгли подъемный мостъ, выгнали изъ госпиталя русскихъ раненыхъ. Грабежи, убійства, пожары распространились по всему уѣзду; къ мародерамъ присоединилась часть крестьянъ: они нападали на господскіе дома, грабили и истребляли все находившееся въ нихъ.

Собственно нынѣшній уѣздный городъ называется Старый-Лепель, потому что существуетъ еще Новый или Бѣлый Лепель, тоже принадлежавшій Льву Сапѣгѣ.

На западномъ берегу озера Воронечъ находится м. *Воронечъ,* гдѣ въ древности существовалъ сильно укрѣпленный замокъ. Когда Полоцкая земля была покорена Іоанномъ Грознымъ, Воронечъ считался псковскимъ пригородомъ. Потомъ Баторій отнялъ этотъ пригородъ, но при заключеніи мира онъ былъ оставленъ за Россіею и возвращенъ къ Литовскимъ владѣніямъ во время самозванцевъ. Воронечъ присоединенъ къ Россіи по второму раздѣлу Польши. Въ XVIII столѣтіи онъ принадлежалъ полоцкимъ уніатскимъ епископамъ, а потомъ полоцкимъ іезуитамъ, нынѣ же считается въ числѣ государственныхъ имуществъ.

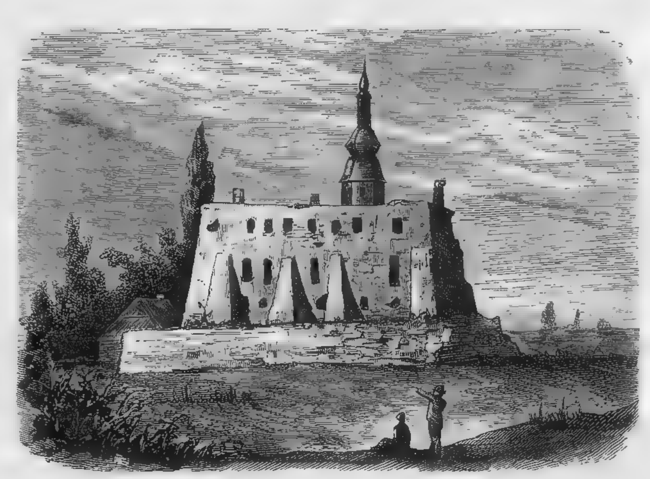
На перешейкѣ, отдѣляющемъ озеро Островито отъ озера Плюсно, лежитъ м. *Красное,* составлявшее вотчину Реутовъ. По стратегическому положенію мѣстечка, въ XVI столѣтіи здѣсь были воздвигнуты укрѣпленія съ замкомъ и тремя башнями. Въ 1564 году Русскіе взяли замокъ, но въ 1579 году войска Стефана Баторія отняли его и по повелѣнію короля разрушили укрѣпленія.

На правомъ берегу Уллы лежитъ м. *Чашники,* замѣчательное многими историческими воспоминаніями. Здѣсь существовалъ замокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ р.-католическое кладбище съ часовнею. Чашники особенно памятны кровопролитнымъ сраженіемъ, 23 января 1564 года, между войсками, предводимыми княземъ Николаемъ Радзивилломъ, и княземъ Петромъ Ивановичемъ Шуйскимъ. Русскія войска были разбиты на голову. Самъ Шуйскій, тяжело раненный, спасался бѣгствомъ, но, узнанный какимъ-то крестьяниномъ, палъ отъ удара топоромъ въ голову. Прахъ его погребенъ въ Вильнѣ въ Пречистенскомъ соборѣ. Убиты также князья: Прозоровскій, Одоевскій, Кунторовы, Палецкіе, воеводы: Колычевъ, Быковъ, Захарьинъ. Вообще убитыхъ считаютъ до девяти тысячъ. Многіе взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ двѣнадцать воеводъ и много дѣтей боярскихъ. Захваченъ былъ обозъ, состоявшій изъ трехъ тысячъ возовъ. Здѣсь же на поляхъ у Чашниковъ, въ 1568 г. храбрый князь Романъ Сангушко разбилъ князя Палецкаго и начальника отряда Татаръ Амурата. Оба они пали въ битвѣ. Въ 1580 г. Стефанъ Баторій принималъ здѣсь посла отъ Іоанна Васильевича, Ѳедора Шимшарева. Въ 1708 г. здѣсь же происходилъ генеральный совѣтъ у князя Меньшикова и фельдмаршала графа Шереметева, на которомъ рѣшено удерживать непріятеля по теченію рѣкъ, не допуская къ переправамъ. Въ Чашникахъ существовалъ доминиканскій монастырь, основанный лит. хорунжимъ Адамомъ Слушкою въ 1674 г.

Въ 1812 г., во время отступленія, Чашники были заняты Французами подъ начальствомъ генерала Леграна. 19 октября князь Яшвиль вытѣснилъ ихъ оттуда, и вслѣдъ затѣмъ прибылъ сюда гр. Витгенштейнъ и укрѣпилъ городъ. Маршалъ Викторъ старался отнять Чашники, но

послѣ сраженія 2 ноября подъ деревнею Смолянцы, понеся большія потери, принужденъ былъ отступить.

На лѣвомъ берегу З. Двины, при впаденіи въ нее Уллы, находится м. *Улла*, принадлежавшее знаменитому роду Кишковъ. Завоевавъ Полоцкую землю, Іоаннъ Грозный въ 1563 г. построилъ здѣсь замокъ съ обводною стѣною и башнями, и оставилъ въ немъ гарнизонъ. Староста жмудскій Янъ Иронимъ Ходкевичъ долго осаждалъ замокъ и потерялъ много людей, но все напрасно. Зато храбрый Романъ Сангушко, съ отрядами Войны, Тышкевича и Лукомскаго, взялъ замокъ, истребилъ гарнизонъ, захватилъ 300 человѣкъ въ плѣнъ и сжегъ укрѣпленія. Русскія войска потомъ на томъ же самомъ мѣстѣ построили новый замокъ, но и этотъ былъ вскорѣ разрушенъ Литовцами. Во время войны съ Алексѣемъ Михайловичемъ, Улла опять была взята Русскими и укрѣпленія сожжены. Нынѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ замокъ, находится православная церковь. Помянутый Лукомскій въ 1678 г. основалъ въ Уллѣ монастырь доминикановъ.

Замокъ въ Себежѣ.

На высотахъ крутаго лѣваго берега З. Двины находится красивое мѣстечко *Бѣшенковичи*. Оно принадлежало Сапѣгамъ, потомъ Огинскимъ, нынѣ графу Хрептовичу. Здѣсь великолѣпный господскій домъ, сады, цвѣтники, оранжереи. На большой площади четырехъ-угольный каменный гостиный дворъ съ шестьюдесятью лавками, предназначенный собственно для купцовъ, пріѣзжающихъ сюда на Петропавловскую ярмарку, продолжающуюся съ 29 іюня по 24 іюля. Церковь основана виленскимъ воеводою Казиміромъ Огинскимъ; римско-католическій костелъ основанъ въ 1650 г. Казиміромъ Сапѣгою. Бѣшенковичи съ каменною мостовою, красивыми домами — имѣютъ весьма приличный видъ, а во время ярмарки, обороты которой въ прежнее время достигали 100 т. и болѣе, съ увеличеніемъ населенія, стали похожи на значительный городъ. Весною Бѣшенковичи особенно оживлены. Сюда пристаетъ множество барокъ и другихъ судовъ, плывущихъ Двиною въ Ригу съ товарами. Здѣсь они нанимаютъ лоцмановъ, рабочихъ и запасаются харчами. Въ 1708 г. въ мартѣ, здѣсь нѣкоторое время жилъ Петръ Великій. Въ 1812 г. 11 іюля, сюда прибылъ Евгеній Богарне, а на другой день императоръ Наполеонъ съ королемъ Мюратомъ. Наполеонъ уѣхалъ 14 іюля и ночевалъ въ палаткѣ, разбитой *на курганѣ* близъ деревни Куковачь, на пути къ Островнѣ. Французы занимали Бѣшенковичи по 20 октября, когда отрядъ гр. Витгенштейна вытѣснилъ ихъ оттуда, захвативъ обозъ и много плѣнныхъ. Александръ I въ 1822 году здѣсь производилъ смотръ гвардейскому корпусу, расположенному въ окрестностяхъ Бѣшенковичъ.

По обѣимъ сторонамъ рѣчки Ушачи расположено небольшое мѣстечко *Ушачъ*. Послѣ перваго раздѣла Польши въ 1772 г., когда лѣвая сторона рѣки Двины, принадлежавшая къ Полоцкому воеводству, осталась за Польшею, польское правительство назначило Ушачъ главнымъ городомъ этой Задвинской части,— каковымъ и оставался онъ до втораго раздѣла, когда эта часть присоединена была къ Россіи. Нынѣ Ушачъ входитъ въ составъ Лепельскаго уѣзда. Въ Ушачѣ былъ монастырь доминикановъ, основанный воеводою Жабою въ 1740 году. Они со-

держали здѣсь училище до 1839 года, т. е. до упраздненія монастыря. Въ 1812 г. здѣсь стоялъ отрядъ маршала Сенъ-Сира, подъ начальствомъ Леграна, и былъ разбитъ генераломъ Штенгелемъ. Въ окрестности очень много кургановъ.

На полуостровѣ между озерами Островки и Чеменица, соединяющимися узкимъ каналомъ, расположено село *Суша*, принадлежавшее князьямъ Острожскимъ. Въ 1566 г., по повелѣнію Іоанна Васильевича, на этомъ полуостровѣ воеводы князь Петръ Серебряный, Василій Палецкій и Токмаковъ построили четырехугольный замокъ съ семью башнями и двумя воротами и назвали его *Копіе*. Замокъ былъ сильный и хорошо укрѣпленный. Несмотря на это, въ слѣдующемъ году, литовскій гетманъ князь Романъ Сангушко разбилъ и взялъ въ плѣнъ князя Осипа Щербатова и Юрія Баратынскаго, а также Тегитъ-Мурзу, предводительствовавшаго тремя тысячами Татаръ. Вслѣдъ затѣмъ Литовцы вторично напали на Сушу, убили Василія Палецкаго и взяли въ плѣнъ князя Серебрянаго. Въ 1579 году, послѣ взятія Баторіемъ Полоцка, воевода Туренинъ, съ цѣлымъ гарнизономъ Суши, сдался гетману Мелецкому, который дозволилъ всему гарнизону съ имуществомъ возвратиться въ Россію. Въ замкѣ же гетманъ захватилъ 26 большихъ орудій, 136 гаковницъ, 60 рушницъ, 100 бочекъ пороху, 4822 ядра, и много разныхъ запасовъ. Тогда же замокъ былъ совершенно разрушенъ. На этомъ мѣстѣ теперь крестьянскіе дворы.

На берегу Туровки находится селеніе *Туровля*, гдѣ тоже стоялъ замокъ съ пятью башнями, построенный Литовцами въ 1563 году. Русскіе завладѣли замкомъ; но когда Баторій взялъ Полоцкъ, той же участи подвергся и замокъ въ Туровлѣ. Большая часть гарнизона бѣжала ночью, остальные взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ орудіями, снарядами и запасами.

На берегу той-же Туровки, въ м. *Гомель*, на крутомъ пригоркѣ видны еще слѣды землянаго укрѣпленія, построеннаго по повелѣнію Сигизмунда-Августа; сохранились еще валъ и слѣды рва. Кажется, что для этого сооруженія употреблено было древнее городище.

Лепельскій уѣздъ вообще богатъ слѣдами древнѣйшихъ, первобытныхъ поселеній, могильными курганами, городищами. Къ счастію, въ этомъ уѣздѣ, въ средѣ помѣщиковъ нашелся археологъ, М. Ф. Кусцинскій, съ любовью занимающійся изслѣдованіями. Но обратимся къ Себежскому уѣзду.

На границѣ Псковской губерніи находится довольно значительное озеро Себежское, занимающее пространство болѣе четырехъ кв. верстъ. При этомъ озерѣ лежитъ городъ *Себежъ*. О существованіи его упоминаетъ лѣтописецъ Стрыйковскій. Онъ считался пригородомъ Пскова и былъ сожженъ вел. кн. Витовтомъ въ 1414 году, когда онъ шелъ противъ Псковитянъ. Въ 1535 году, во время малолѣтства вел. кн. Іоанна Васильевича, когда русскія войска подъ начальствомъ кн. Шуйскаго заняли часть Литвы, воевода Бутурлинъ, на возвышенномъ мѣстѣ полуострова, построилъ укрѣпленный замокъ. Съ трехъ сторонъ воды Себежскаго озера омывали замокъ и только съ одной стороны узкій перешеекъ соединялъ его съ материкомъ. Высокій земляной валъ, по окружности имѣвшій 170 саженъ, окружалъ укрѣпленіе; самое же зданіе замка было деревянное. Замокъ самъ по себѣ былъ ничтоженъ, но избранная мѣстность, въ стратегическомъ отношеніи, представляла большія удобства для защиты. Одновременно съ замкомъ построены были въ городѣ три церкви: св. Іоанна Предтечи, Константина и Елены и св. Николая. Для освященія посланъ былъ архіепископъ Макарій, который и самый городъ съ замкомъ назвалъ *Иванъ-Городомъ на Себежѣ*. Замокъ этотъ послужилъ яблокомъ раздора между Московскимъ и Литовскимъ государствами и неоднократно переходилъ изъ рукъ въ руки. Уже въ 1536 году войска Сигизмунда I напали на замокъ подъ начальствомъ кіевскаго воеводы Немиры, но были отброшены съ большимъ урономъ. Дѣло было зимою, ледъ на озерѣ проломился, и много Литовцевъ потонуло. По этому случаю правительница Елена велѣла построить въ Себежѣ церковь во имя св. Троицы. По договору 1537 года Себежъ остался за Россіею. Въ 1562 году Литовцы опять напали на него, взяли и сожгли

замокъ. Спустя восемь лѣтъ по новому договору онъ опять предоставленъ Россіи. Когда Стефанъ Баторій покорилъ Полоцкую землю, Себежъ достался ему, но потомъ, по миру въ Ямѣ Запольскомъ въ 1582 году, возвращенъ Россіи; затѣмъ по договору, заключенному близъ Вязьмы въ 1634 году между послами Казимиромъ Сапѣгою и псковскимъ намѣстникомъ Өедоромъ Шереметевымъ, Себежъ перешелъ къ Литвѣ. Въ несчастную войну при Іоаннѣ-Казимірѣ, въ 1654 году, Русскіе снова завладѣли Себежемъ и возвратили его Литовцамъ едва въ 1678 г. Надобно замѣтить, что еще въ 1649 г. Себежъ отданъ былъ въ вѣчное и потомственное владѣніе литовскому гетману князю Радзивиллу. Во время шведской войны, въ 1705 г., Петръ В. нѣкоторое время жилъ въ Себежѣ, русскія же войска занимали городъ до 1707 года.

По первому раздѣлу Польши въ 1772 г., Себежъ вошелъ въ составъ Россіи и назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ Полоцкой губерніи; въ 1796 г. оставленъ за штатомъ, а въ 1802 году вновь назначенъ уѣзднымъ городомъ Витебской губерніи, какимъ состоитъ и донынѣ.

Въ отечественную войну 1812 года Себежъ, какъ стратегическій пунктъ, игралъ немаловажную роль. Гр. Витгенштейнъ, на высотахъ передъ Себежемъ, соорудилъ укрѣпленія, и Себежъ сдѣлался центральнымъ пунктомъ для воспрепятствованія непріятелю при движеніи на Псковъ и къ Петербургу. Слѣды этихъ укрѣпленій замѣтны еще по лѣвому берегу озера, въ западной части города. — Въ 1625 году здѣсь основанъ былъ женскій манастырь базиліанъ.

Себежскій уѣздъ богатъ доисторическими памятниками. Мы уже говорили (въ археологическомъ очеркѣ) о Чортовомъ мостѣ на оз. Свибло и другихъ древностяхъ. А. Сементовскій насчитываетъ въ этомъ уѣздѣ четыре городища и 270 могильныхъ кургановъ, которые у мѣстныхъ жителей называются *сопками*. Одно изъ городищъ находится на землѣ казеннаго имѣнія *Утюжицы*, при рѣчкѣ Вороухѣ; другое, извѣстное подъ именемъ *Иваниха*, на земляхъ того же имѣнія, съ западной стороны. Оба имѣютъ въ окружности около ста саженъ, а ширина рвовъ до 6-ти аршинъ. Любопытно городище въ казенномъ имѣніи Неведрѣ, устроенное на высокой горѣ. Четвертое городище на мысѣ озера Езерища, въ чертѣ казенныхъ земель Езерійскаго сельскаго общества, близъ деревни Яковцево; оно замѣчательно тѣмъ, что имѣетъ видъ подковы, окружностью около трехъ четвертей версты. Сопки, или курганы находятся при рѣкѣ Устьѣ и озерѣ Братиловѣ, близъ деревень: Горы, Зекры и Забѣговъ.

На лѣвомъ берегу З. Двины, при впаденіи въ нее рѣчекъ Сурожки и Каспли, въ XVI столѣтіи существовало помѣстье Сапѣговъ, Држевелики. Какъ въ пограничной съ русскими владѣніями мѣстности, Сигизмундъ-Августъ велѣлъ построить тутъ укрѣпленный замокъ. Въ 1563 году витебскій воевода князь Стефанъ Збаражскій исполнилъ королевское порученіе. Тогда же мѣстность эта названа *Суражемъ* и отчуждена отъ владѣнія Сапѣговъ, которымъ въ вознагражденіе дана другая вотчина. Слѣды замка сохранились и понынѣ въ остаткахъ вала и закрытаго постройками рва. Сигизмундъ-Августъ, заботясь о заселеніи города, предоставилъ въ 1570 г. суражскимъ мѣщанамъ тѣ же права и вольности, какія даны были витебскимъ мѣщанамъ. Кромѣ того надѣлилъ ихъ землею, прилегавшею къ городу, на 7 верстъ со всѣхъ сторонъ, учредилъ безпошлинныя для заѣзжихъ купцовъ ярмарки, уменьшилъ пошлину съ соли и воску, предоставилъ право ловли и продажи рыбы въ мѣстныхъ рѣкахъ и озерахъ. Всѣ эти милости заботливаго короля немного содѣйствовали благоденствію города, хотя онъ и началъ оживляться. Въ 1616 г. Русскіе сожгли городъ, а въ 1654 г. взяли замокъ, едва въ 1668 г. возвращенный Литвѣ. По присоединеніи къ Россіи, Суражъ, въ 1777 г., назначенъ уѣзднымъ городомъ. Въ 1812 г. въ Суражѣ находился вице-король Евгеній и отсюда двинулся съ своимъ корпусомъ къ Смоленску. Во время отступленія, баронъ Винценгероде вытѣснилъ Французовъ изъ Суража. Они, уходя, затопили въ Двинѣ шесть пушекъ, но жители успѣли ихъ вытащить.

Въ Суражкомъ уѣздѣ находится одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ Бѣлоруссіи. Это лѣтописный Свячь, нынѣ *Усвять*. Здѣсь было древнее городище, называемое Межеве, на кото-

ромъ Іоаннъ Грозный велѣлъ построить замокъ. Усвятъ или Свячь, иначе Всвячь находится на сѣверномъ берегу Городецкаго озера, соединяющагося съ большимъ Усвячскимъ озеромъ, принимающимъ въ себя рѣку Усвячъ. По сказаніямъ лѣтописцевъ, Ярославъ I, въ 1021 году, городъ Всвячь, вмѣстѣ съ Витьбескомъ (т. е. Витебскомъ), отдалъ полоцкому князю Брячиславу. Въ 1226 близъ Усвята произошла битва Русскихъ съ Литовцами. Здѣсь же Александръ Невскій одержалъ побѣду надъ Литовцами. Въ 1580 г. Усвятскій замокъ взятъ Стефаномъ Баторіемъ, гарнизонъ истребленъ, воеводы Вельяминовъ и Ашаровъ отпущены на родину. Въ 1633 г. Владиславъ IV на свой счетъ велѣлъ исправить замокъ и привести въ оборонительное положеніе. Не менѣе того въ 1654 г. онъ былъ взятъ и разоренъ Русскими. Усвятское староство принадлежало къ значительнѣйшимъ: оно приносило доходу 54000 злотыхъ. Въ 1787 г. императрица Екатерина II, на пути въ южную Россію, посѣтила Усвятъ и обѣдала у генералъ-прокурора князя Вяземскаго. Въ 1812 г. 19 іюля Французы заняли Усвятъ и оставались здѣсь до декабря.

По обоимъ берегамъ Двины, при устьѣ впадающей въ нее Велижки, расположенъ уѣздный городъ *Велижъ*. Здѣсь тоже былъ замокъ, построенный въ 1536 году русскимъ воеводой княземъ Иваномъ Барбашинымъ на древнемъ городищѣ. Замокъ былъ деревянный съ девятью башнями. Сѣверо-западная сторона его защищалась крутымъ берегомъ З. Двины, а остальныя рвами, кои наполнялись водою изъ ручья Коневца. Въ 1580 г., когда Баторій воевалъ Полоцкую землю, гетманъ Замойскій калеными ядрами сжегъ замокъ до основанія. Видны еще осыпавшійся валъ и полузаплывшій ровъ. Въ 1817 г., говоритъ Сементовскій, на углу замковища стояло старинное, каменное, четырехугольное зданіе. Баторій даровалъ городу гербъ и разныя привиллегіи. За то мѣщане обязаны были исправить замокъ. Въ 1655 Велижъ взятъ Русскими, но въ 1658 г. возвращенъ Литвѣ. Въ 1772, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, Велижъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Полоцкой губерніи. Въ 1787 Екатерина II посѣтила Велижъ. Велижскіе купцы и промышленники ведутъ довольно значительную торговлю по Двинѣ, преимущественно съ Ригою. Пристань здѣсь довольно значительна; на ней грузится товару на 200 и болѣе тысячъ рублей. Жители строятъ суда: барки, лайбы и пр., выдѣлываютъ деревянную посуду, сани, обшевни, колеса и пр. На судахъ сплавляютъ хлѣбъ, ленъ, льняное сѣмя, получая взамѣнъ изъ Риги соль, сахаръ и разные бакалейные товары. Въ Велижскомъ уѣздѣ находится торговое мѣстечко *Ильино* съ четырьмя ярмарками. Вся торговля въ рукахъ Евреевъ. Въ этомъ же уѣздѣ замѣчательна по своей величинѣ могила-курганъ. Высота ея, по показанію Сементовскаго, одна сажень, окружность же до 16 саженъ. Она находится близъ деревни Асановцы на казенныхъ земляхъ Вязьменскаго сельскаго общества.

На возвышенности, вдающейся въ Витовтово озеро, какъ оно называлось еще во времена Баторія, а нынѣ называемое Невельскимъ, еще замѣтны, при устьѣ рѣчки Еменки, слѣды укрѣпленій, окружавшихъ *Невельскій* замокъ, памятный многими кровопролитными битвами. Мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, до сихъ поръ называется «замкомъ». Глубокій ровъ отдѣлялъ замокъ отъ города *Невеля*, расположеннаго на покатостяхъ береговъ рѣчки Еменки и по сѣверо-восточной части берега озера. Когда основанъ замокъ — неизвѣстно; но съ XVI ст. съ нимъ тѣсно связаны печальныя судьбы какъ города, такъ и всей окрестной страны. Въ 1562 году во время войны Іоанна съ Сигизмундомъ-Августомъ, послѣ кровопролитнаго боя, несмотря на мужество начальствовавшаго въ Невельскомъ замкѣ Довойны, Русскіе взяли замокъ. Вскорѣ однако четыре тысячи литовскаго войска подступили къ Невелю; на нихъ напалъ князь Курбскій съ 15 т. отборнаго войска: но, несмотря на столь значительныя силы, былъ разбитъ Литовцами. Не менѣе того замокъ оставался въ рукахъ Русскихъ до 1580 г., когда полоцкій воевода Дрогостайскій, съ отрядомъ Венгерцевъ подъ начальствомъ Борнамиса, успѣлъ пробраться черезъ ровъ и поджечь замковыя стѣны; тогда весь гарнизонъ, не слушаясь своихъ воеводъ, отворилъ ворота, вышелъ изъ замка и просилъ пощады. Въъ 1584 г. по мирному до-

говору Невельскій зáмокъ снова достался Русскимъ. Въ немъ находилось тогда: двѣ пушки длиною въ полторы сажени, съ гербами Сигизмунда-Августа, ядра ихъ — въ гусиное яйцо, двѣ пушки длиною болѣе сажени, русскихъ пушекъ четыре, изъ коихъ двѣ длиною въ полторы сажени; пушекъ меньшаго калибра четыре, ручницъ 120. Едва въ 1634 Невель по мирному договору возвращенъ Литовцамъ; но въ 1655 г. былъ разоренъ русскими войсками и только въ 1668 снова поступилъ въ литовское владѣніе. Іоаннъ-Казимиръ подарилъ Невельское староство съ замкомъ гетману Янушу Радзивиллу, отъ котораго оно перешло къ дочери его Каролинѣ-Лудовикѣ, супругѣ пфальцъ-графа Нейбургскаго и Рейнскаго. Староство приносило ежегоднаго дохода 21000 злотыхъ. Послѣ перваго раздѣла Польши, Невель въ 1777 году обращенъ въ уѣздный городъ Полоцкой губерніи. Въ 1810 г. въ Невелѣ былъ православный Преображенскій монастырь и шесть церквей. Нынѣ въ Невелѣ три церкви и католическій костелъ. На казенныхъ земляхъ Карулинскаго сельскаго общества, близъ деревень Прудка и Карулина, находятся три городища.

Освей.

При сліяніи Западной Двины съ Дриссою, гдѣ нынѣ городъ *Дрисса*, находился замокъ. Время основанія его положительно неизвѣстно; но въ 1386 году онъ былъ взятъ и сожженъ княземъ Андреемъ Ольгердовичемъ. Сигизмундъ-Августъ, въ числѣ прочихъ, велѣлъ отстроить и Дриссенскій замокъ, снабдивъ его орудіями и снарядами. Нынѣ не осталось даже слѣдовъ существованія замка; городъ Дрисса назначенъ уѣзднымъ городомъ въ 1777 г. Это бѣднѣйшій изъ городовъ Витебской губерніи.

Въ Дриссенскомъ уѣздѣ замѣчательно, при большомъ Освейскомъ озерѣ, мѣстечко *Освей*, древняя полоцкая волость. Въ договорѣ между Александромъ-Ягеллономъ и вел. кн. Іоанномъ, 1503 г., упоминается Освей. Въ XVI ст. онъ принадлежалъ Кишкамъ, отъ нихъ перешелъ къ іезуитамъ, потомъ къ Сапѣгамъ, а въ половинѣ XVIII ст. — къ Гильзенамъ. Нынѣ Освей принадлежитъ Шадурскимъ. Одинъ изъ Гильзеновъ, графъ Іосифъ, воевода Мстиславльскій, извѣстенъ своею благотворительностью и заботою о народномъ образованіи. Въ 1783 году, по духовному завѣщанію, онъ назначилъ половину всѣхъ своихъ доходовъ (въ имѣніяхъ его числилось 8,000 душъ) на вспомоществованіе нуждающихся крестьянъ, воспитаніе юношества, поощреніе наукъ и искусствъ, устройство госпиталей. Въ Освеѣ основанъ былъ госпиталь и при немъ монастырь сестеръ милосердія. Впослѣдствіи дѣти, воспитывавшіяся на счетъ Гильзена въ Освеѣ и другихъ мѣстахъ, переведены были въ Витебскую гимназію, и въ Витебскѣ учрежденъ Гильзеновскій конвиктъ, на содержаніе котораго наслѣдники Гильзеновъ, Шадурскіе, ежегодно вносили по 5,000 рублей сер.

Изъ другихъ мѣстечекъ, менѣе значительныхъ, извѣстны: *Волынцы*, *Кохановичи*, *Николаево*, *Придруйскъ*, *Росица*, *Юхновичи*.

Судьбы Полоцка, главной столицы Бѣлорусскаго края, намъ уже знакомы изъ историческаго очерка. Мы укажемъ только на нѣкоторыя выдающіяся стороны изъ жизни этого древняго города. Полоцкъ лежитъ при впаденіи рѣки Полоты въ Западную Двину. Развалины, много каменныхъ храмовъ и вообще самый наружный видъ города (хотя населенность его не превосходитъ 18 т., ясно говорятъ, что это только остатки древняго величія и славы, что здѣсь съ IX столѣтія кипѣла жизнь, бушевало вѣче, властвовали мудрые и храбрые князья и много, много было пролито крови. Въ углу, на значительной возвышенности при впаденіи Полоты въ Двину, гдѣ въ глубокой древности вѣроятно было городище, находился верхній зáмокъ, обнесенный стѣною съ семью башнями. Съ восточной стороны, внизу, стоялъ нижній

за́мокъ, обнесенный глубокимъ рвомъ, также обведенный стѣною и съ башнями, соединявшійся съ верхнимъ за̀мкомъ посредствомъ подъемнаго моста, переброшеннаго черезъ ровъ. Въѣздъ въ за̀мки былъ со стороны Заполотья по мосту на Полотѣ, и другой, съ восточной стороны нижняго замка, по дорогѣ, въ древности называвшейся кривичанскою, ведущей въ Витебскъ. Въ стратегическомъ отношеніи полоцкіе замки были грозны и сильно укрѣплены. По мѣрѣ того, какъ совершенствовались оружіе и системы укрѣпленій, совершенствовались и укрѣпленія Полоцкихъ за́мковъ, такъ что, начиная съ Всеслава и до Баторія, за̀мки эти служили главнѣйшею твердынею въ цѣлой странѣ, а съ ними связана исторія не одного Полоцкаго княжества, но и всей семивѣковой жизни Бѣлоруссіи, представителемъ которой былъ всегда Полоцкъ.

Независимо отъ за̀мковъ, слѣдовъ древнѣйшаго поселенія на берегахъ Полоты и Двины, можетъ быть, еще древнѣе земляное укрѣпленіе въ Задвинской части города, еще обозначавшееся на планахъ 1780 года, но нынѣ едва замѣтное.

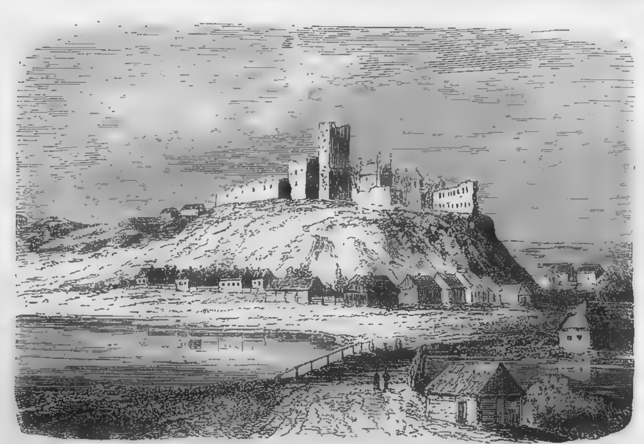
Краславъ.

Историческій разсвѣтъ Полоцка, или лѣтописнаго *Полтеска*, *Полотеска*, *Полотска*, начинается съ 862 г. Подъ этимъ годомъ упоминаетъ о немъ Несторъ, какъ о градѣ *Полотьскихъ Кривичей*. Ежели признать Рогволода самостоятельнымъ княземъ полоцкимъ, то и самостоятельность княжества начинается съ 980 года. Изяславъ же Владиміровичъ, сынъ прославленной Рогнѣды, начинаетъ рядъ князей полоцкихъ. Мы уже знакомы съ дѣяніями его наслѣдниковъ, съ славнымъ пятидесяти-семилѣтнимъ царствованіемъ полоцкаго героя Всеслава; мы уже знаемъ продолжительную борьбу полоцкихъ князей съ кіевскими, потомъ вмѣшательства князей литовскихъ, несомнѣнно происходившихъ изъ того же полоцкаго дома, наконецъ присоединеніе Полоцкаго княжества при Миндовгѣ къ великому княжеству Литовскому; но этимъ не прекращается рядъ князей полоцкихъ. Во времѐна Ольгерда и Витовта окончательно рушится самобытность Полоцка, какъ столицы удѣльнаго княжества, господствовавшаго надъ мелкими удѣлами: Изяславскимъ, Минскимъ, Друцкимъ, Логойскимъ, Лукомльскимъ и др. Княжество переименовано въ воеводство, городъ получилъ въ 1408 г. магдебургское право и впослѣдствіи разныя другія привиллегіи. Кончена борьба съ кіевскими князьями; но съ XVI столѣтія начинается новая, кровопролитная борьба съ Московскимъ государствомъ. Пять разъ (1500 —1518) пытались овладѣть Полоцкомъ, но всегда неудачно; наконецъ, 15 февраля 1563 года, Іоаннъ Грозный вступилъ въ городъ и тотчасъ же присвоилъ себѣ титулъ вел. кн. полоцкаго. Всего только шестнадцать лѣтъ тѣшился Грозный своимъ пріобрѣтеніемъ. Въ 1579 (30 августа) Стефанъ Баторій отнялъ Полоцкъ. Этимъ борьба не окончилась. Въ 1654 г. русскія войска опять успѣли захватить городъ; но владѣли имъ только до 1667, когда по Андрусовскому договору онъ возвращенъ Литвѣ. Окончательно Полоцкъ присоединенъ къ Россіи послѣ перваго раздѣла Польши, въ 1772 г., и сдѣланъ сначала провинціальнымъ городомъ Псковской губерніи; а съ 1777 г., съ образованіемъ Полоцкой губерніи, губернскимъ. Послѣ же соединенія Полоцкой и Могилевской губерній въ одну Бѣлорусскую, Полоцкъ, въ 1796 г., сдѣланъ уѣзднымъ

городомъ, а въ 1802 г. отошелъ къ Витебской губерніи. Послѣднимъ полоцкимъ воеводою былъ Жаба. Первымъ губернаторомъ Бѣлорусско-Псковской губ., къ которой причисленъ былъ Полоцкъ, былъ генералъ Кречетниковъ; первымъ же полоцкимъ губернаторомъ Иванъ Михайловичъ Ребиндеръ.

Въ 1495 г. Полоцкъ торжественно принималъ въ своихъ стѣнахъ дочь вел. кн. московскаго Іоанна Васильевича, Елену, ѣхавшую въ Вильно, гдѣ, какъ извѣстно, она бракосочеталась съ Александромъ Ягеллономъ, вел. кн. литовскимъ и потомъ королемъ польскимъ.

Король польскій Казиміръ Ягеллонъ въ 1450 пріѣзжалъ въ Полоцкъ, потомъ, въ 1470 году, съ супругою своею Елисаветою прожилъ въ Полоцкѣ цѣлую недѣлю. Мы уже знаемъ о пребываніи здѣсь Іоанна Грознаго и Стефана Баторія. Въ 1656 г. 5 іюля прибылъ сюда царь Алексѣй Михаиловичъ и прожилъ десять дней. Въ октябрѣ того же года онъ вторично посѣтилъ Полоцкъ и издалъ повелѣніе о возвратѣ всѣхъ имѣній, переданныхъ во время Баторія іезуитамъ, православному духовенству. Мѣстному архіепископу Каликсту онъ велѣлъ именоваться архіепископомъ смоленскимъ и мстиславльскимъ. — 12 іюня 1705 г. прибылъ въ Полоцкъ Петръ В. и прожилъ въ Спаскомъ монастырѣ цѣлый мѣсяцъ. Ему сопутствовали сынъ его Алексѣй Петровичъ, кн. Меньшиковъ, Шереметьевъ и многіе другіе. День своего тезоименитства Петръ I праздновалъ въ коллегіумѣ іезуитовъ, гдѣ ректоръ Казиміръ Бѣльскій угощалъ его великолѣпнымъ обѣдомъ, во время котораго стрѣляли изъ пушекъ, поставленныхъ на площади передъ коллегіумомъ. Пиръ продолжался почти цѣлый день, съ 12 часовъ дня до 11 часовъ ночи.

Развалины Люцинскаго замка.

Мы уже упомянули о посѣщеніи Полоцка императрицею Екатериною II. Тринадцать дней пробыла императрица въ древней полоцкой столицѣ, съ 9 по 22 мая, съ многочисленною свитою изъ Русскихъ и Поляковъ, и въ продолженіе всего этого времени происходили невиданныя и неслыханныя полочанами торжества. Намѣстникъ гр. Чернышевъ, православный архіерей Иннокентій, уніатскій епископъ Смогоржевскій, іезуитскій провинціалъ Черневичъ, епископъ-суфраганъ Пусловскій, каждый по своей части старались разнообразить и увеличить эти торжества. Кромѣ богослуженій, совершаемыхъ въ храмахъ всѣхъ исповѣданій, происходили балы, обѣды, даже маскарады, великолѣпныя иллюминаціи, фейерверки. Іезуиты изъ среды себя составили оркестръ и играли на башняхъ костела.

Императоръ Александръ I троекратно посѣщалъ Полоцкъ, въ 1802, 1807 и 1812 г.

Въ отечественную войну, 14 іюля 1812 года маршалъ Удино занялъ Полоцкъ. Потомъ его смѣнилъ маршалъ Сенъ-Сиръ. Полоцкъ оставался въ рукахъ Французовъ по 8 октября, когда, послѣ трехъ-дневнаго сраженія, графъ Витгенштейнъ взялъ городъ совершенно опустошенный, съ храмами и зданіями поврежденными отъ ядеръ, полуразрушенными или сгорѣвшими. Въ томъ же мѣсяцѣ посѣтилъ Полоцкъ Александръ I.

Въ 1839 г. 12 февраля, въ Полоцкѣ подписанъ уніатскимъ духовенствомъ актъ о присоединеніи уніатовъ къ православной церкви.

Въ 1850 году 26 августа, въ присутствіи покойнаго государя, тогда государя наслѣдника

цесаревича Александра Николаевича, открытъ памятникъ, вылитый изъ чугуна, поставленный въ самомъ городѣ, противъ церкви, на корпусной площади, въ память воиновъ, павшихъ во время штурма полоцкихъ окоповъ въ 1812 году.

Послѣ Туровской, Полоцкая православная епархія древнѣе всѣхъ въ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Полагаютъ, что она основана въ XII столѣтіи и что первымъ епископомъ былъ Мина. Въ XIII ст. полоцкіе епископы именовались полоцкими, бѣлгородскими и юрьевскими. Въ царствованіе Витовта, по его волѣ, Θеодосій началъ первый именоваться архіепископомъ. Со временъ Александра Ягеллона архіепископы употребляли титулъ полоцкаго и витебскаго, а при Сигизмундѣ I прибавлено и мстиславльскаго. Въ числѣ архипастырей были лица изъ знаменитѣйшихъ бѣлорусскихъ родовъ, какъ напр. Германъ Хрептовичъ, Иванъ Гарабурда и др. При введеніи уніи учреждено Сигизмундомъ III уніатское архіепископство, хотя независимо отъ

Развалины Маріенгаузенскаго замка.

сего было и православное, но назначеніе архіепископовъ было непостоянно, съ частыми перерывами. Уніатскіе архіепископы, начиная съ Гермогена Загорскаго, существовали постоянно до Якова Мартусевича. Въ 1839 году съ возсоединеніемъ уніатовъ, каѳедра православныхъ архіепископовъ перенесена въ Витебскъ, съ сохраненіемъ титула полоцкаго. Древнѣйшимъ православнымъ храмомъ считался соборъ св. Софіи, основанный княземъ Святославомъ, или Георгіемъ Всеславичемъ, правнукомъ Изяслава Владиміровича, въ XII столѣтіи. Дочь этаго князя Предислава, въ монашествѣ Евфросинія, причисленная къ лику святыхъ, основала два монастыря, Богородицкій и Спасскій, гдѣ она жила инокинею и настоятельницею. Въ 1173 г. она отправилась къ Гробу Господню въ Іерусалимъ, и тамъ скончалась въ томъ же году. Мощи ея перевезены въ Кіевъ и погребены въ Печерской лаврѣ. Въ храмѣ Богородицы, нынѣ несуществующемъ, положена была ею икона Богородицы, по преданію, писанная св. Лукою, присланная ей въ даръ императоромъ Еммануиломъ и патріархомъ Лукою. Икона эта во время смутъ перевезена въ Кіевъ, потомъ во Владиміръ и наконецъ въ Москву, гдѣ и нынѣ находится въ Успенскомъ соборѣ. Спасской же монастырской церкви Евфросинія подарила драгоцѣнный крестъ съ частицею древа Господня, какъ полагаетъ Сементовскій, полоцкой работы

(другіе увѣряютъ, что присланъ изъ Іерусалима), хранящійся и нынѣ въ Полоцкомъ Спасо-Евфросиніевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Въ надписи изображена воля Евфросиніи, чтобы этотъ крестъ, положенный ею въ церковь монастыря св. Спаса, оставался въ ней навсегда и никѣмъ не былъ отчужденъ, иначе «да не буди ему помощникъ честный крестъ ни во сій вѣкъ, ни во будущій.» (Рисунокъ креста и подробное описаніе у Сементовскаго: «Памятники старины».) Въ XVI столѣтіи, до завоеванія Стефаномъ Баторіемъ Полоцка, въ немъ было 11 православныхъ монастырей, одинъ дѣвичій и 18 церквей. Въ одномъ только Богоявленскомъ монастырѣ уцѣлѣла церковь, всѣ остальныя обращены были въ уніатскія. Католическіе монастыри существовали въ Полоцкѣ: бернардиновъ съ 1498 года, іезуитовъ съ 1582, доминикановъ съ 1670 г., францискановъ съ 1684 г. Базиліанскій монастырь основанъ былъ въ 1668 году. По удаленіи іезуитовъ нѣкоторое время были здѣсь піаристы. Нынѣ существуетъ 10 церквей, 6 монасты-

Развалины Рѣжицкаго замка.

рей, 1 костелъ (подоминиканскій) и двѣ часовни. Въ административно-духовномъ отношеніи Полоцкъ принадлежалъ къ Виленской римско-католической епархіи, а со временъ Екатерины II къ Могилевской архіепископіи. Пожары и войны довели древній знаменитый Полоцкъ до значенія маловажнаго города. Торговля, которою онъ славился, нынѣ самая ничтожная.

За Полотою, въ полѣ, находится озеро Воловое. О немъ сохранилось преданіе, будто бы оно находилось въ самомъ городѣ и при немъ стояло капище Перуна. Въ окрестностяхъ Полоцка и въ уѣздѣ насчитываютъ 111 кургановъ и одно городище. О могилѣ Рогнѣды мы уже упомянули.

Вблизи Полоцка, памятенъ древній *Соколъ,* нынѣ *Соколище,* при устьѣ рѣчки Ниши, впадающей въ р. Дриссу. Здѣсь въ 1566 г. русскія войска построили замокъ съ башнями, деревянною стѣною, валомъ и рвами. Замокъ этотъ, сильно вооруженный, просуществовалъ едва 13 лѣтъ. По приказанію Стефана Баторія, гетманъ Мелецкій въ 1579 г. (11 сентября) взялъ замокъ, захватилъ всю казну и оружіе. Много убито и взято въ плѣнъ.

Ситно, на крутомъ берегу озера Ситно. Здѣсь былъ весьма древній и сильно укрѣпленный замокъ; Русскіе завладѣли имъ въ 1566 году, а въ 1579 г. войсками Баторія онъ былъ отнятъ и раз-

рушенъ. Такой же замокъ существовалъ въ *Несцердѣ*, взятый въ 1571 г. Шереметьевымъ, а въ 1579 г. разрушенный воеводою Дорогостайскимъ. Вблизи Несцердовъ есть могила-курганъ, которую народъ называетъ Княжею-могилою. Здѣсь будто бы похороненъ какой-то князь, зарывшій свои сокровища въ землю. Случайно крестьяне находили здѣсь какія-то древнія монеты, бусы, оружіе и пр. При рѣкѣ Дриссѣ находится селеніе *Сивошино*, памятное разбитіемъ русскаго отряда въ 1812 г. и смертію его командира, генерала Кульнева, которому здѣсь поставленъ памятникъ (похороненъ въ Ильзенбергѣ).

* * *

Перейдемъ теперь въ землю Латышей, соплеменниковъ Литовцевъ. Они живутъ въ трехъ уѣздахъ Витебской губерніи: Динабургскомъ, Люцинскомъ и Рѣжицкомъ и въ небольшомъ числѣ въ Дриссенскомъ. Весь этотъ край принадлежалъ Полоцкому княжеству. Въ 1186 году

Развалины Волькенбергскаго замка.

пріѣхалъ въ Полоцкъ римско-католическій священникъ Мейнгардъ и испросилъ позволеніе проповѣдывать христіанство въ землѣ Латышей. Послѣдствія этого извѣстны: въ 1200 г. уже основанъ былъ орденъ Ливонскихъ Рыцарей и началось кровавое обращеніе огнемъ и мечемъ. Извѣстно также, что эта область съ четырьмя староствами: Маріенгаузенскимъ, Динабургскимъ, Люцинскимъ и Рѣжицкимъ, въ 1561 году, передана послѣднимъ гросмейстеромъ, Готардомъ Кетлеромъ, въ Вильнѣ, Сигизмунду-Августу. Изъ этой области образовано въ 1600 г. Инфлянтское воеводство, въ 1772 г. перешедшее къ Россіи и переименованное въ Двинскую провинцію.

Главнымъ городомъ, какъ во времена Рыцарей, такъ и впослѣдствіи, былъ *Динабургъ* (Dynembork, Dünaburg, Dyneburg) при озерѣ Щупе и З. Двинѣ. Литовское или латышское поселеніе существовало здѣсь съ древнѣйшихъ временъ; Рыцари же, воспользовавшись выгодными условіями мѣстности въ стратегическомъ отношеніи, въ 1278 г. построили на правомъ берегу Двины сильно укрѣпленный замокъ и назвали его Динабургомъ. Едва окончены были постройки, какъ литовскій князь Тройденъ напалъ на замокъ, но не успѣлъ его взять. Борьба этимъ не прекратилась; литовскіе князья поставили себѣ задачею разрушить этотъ пограничный зàмокъ и въ 1315 году успѣли въ томъ: зàмокъ былъ разрушенъ до основанія. Вскорѣ однако

Ливонцы воздвигли новыя укрѣпленія, сильнѣе прежняго, потомъ Витовтъ двукратно захватывалъ зàмокъ въ 1403 и 1418; борьба длилась попрежнему съ перемѣннымъ счастьемъ, пока наконецъ Динабургъ окончательно не поступилъ во власть Литвы въ 1561 г. Но и тогда борьба не прекратилась. Въ 1577 г. Іоаннъ Грозный овладѣлъ зàмкомъ, а въ слѣдующемъ году гр. Вильгельмъ Платеръ отнялъ его. Замокъ, основанный Рыцарями, находился въ семи верстахъ ниже теперешняго Динабурга, на правомъ берегу Двины. Онъ былъ построенъ на возвышенности, между двумя оврагами, имѣлъ 18 метровъ въ ширину и около 60 въ длину, въ видѣ продолговатаго четырехугольника, съ 6 башнями. Стѣны нижнихъ укрѣпленій построены были на крутомъ скатѣ горы, расширяясь книзу и образуя при самомъ берегѣ рѣки, на небольшой площадкѣ, квадратъ. Мѣсто это и теперь называется Старымъ Зáмкомъ.

Нынѣшняя крѣпость основана Стефаномъ Баторіемъ въ 1582 году. Тогда и городъ перенесенъ на эту сторону. Постройка ея съ назначеніемъ первоклассною началась въ 1811 году; но въ 1812 г. французскій генералъ Рикардъ занялъ крѣпость и во многомъ испортилъ ее. Затѣмъ устройство крѣпости соотвѣтственно современнымъ требованіямъ стратегики послѣдовало въ 1825 и послѣдующихъ годахъ. Нынѣ она составляетъ важнѣйшій пунктъ на Двинской линіи.

Въ 1777 г. Динабургъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Полоцкой, а потомъ Витебской губ.

Въ 1629 г. воевода Гонсѣвскій основалъ здѣсь коллегіумъ іезуитовъ.

Динабургъ состоитъ изъ четырехъ частей: крѣпости, въ долинѣ, на правомъ берегу Двины; большаго новаго форштадта въ одной верстѣ отъ крѣпости; стараго форштадта въ полуверстѣ отъ крѣпости, по южному берегу озера Щупа, и изъ мѣстечка Грива, на лѣвомъ берегу Двины, принадлежавшаго Курляндіи, но съ 1831 г. перечисленнаго къ Витебской губерніи и подчиненнаго вѣдѣнію динабургскаго коменданта. Жителей около 40000. Пристань на Двинѣ довольно значительна, годичный оборотъ простирается свыше милліона рублей. Мѣстная торговля въ рукахъ Евреевъ, незначительна и нѣсколько оживленнѣе во время ярмарокъ, въ іюнѣ и концѣ декабря, во время Рождественскихъ праздниковъ.

Къ древнѣйшимъ поселеніямъ въ этой странѣ принадлежитъ *Краславъ* (Креславль, Краславка), на правомъ берегу З. Двины, при устьѣ рѣчки Краславки. Во время господства Рыцарей Краславъ принадлежалъ Плюмперу, потомъ Брюну, Вольфу, Коссову, Чапскимъ и наконецъ Замойскимъ, отъ которыхъ перешелъ во владѣніе Платеровъ около 1730 года. Въ XVI столѣтіи здѣсь были схвачены два сына Андрея Суздальскаго, бѣжавшіе изъ заточенія, въ которое были брошены Іоанномъ Грознымъ. Въ 1680 г. іезуитъ Юрій Вольфъ основалъ здѣсь іезуитскую миссію. Владѣлецъ Краслава, воевода мстиславльскій Людовикъ Платеръ, около 1752 г. возвелъ Краславъ на степень красивѣйшей и превосходно застроенной мѣстности. На самой высотѣ праваго берега Двины онъ построилъ великолѣпныя палаты, а на береговой крутизнѣ раскинулъ прекрасный садъ, простиравшійся до самаго мѣстечка, въ которомъ, на площади, вокругъ застроенной каменными домами, воздвигъ зданіе ратуши съ башнею, построилъ гостиный дворъ, госпиталь и при немъ монастырь сестеръ милосердія. Во вновь построенныхъ домахъ поселилъ ремесленниковъ, выписанныхъ изъ Германіи и Варшавы. Воздвигъ великолѣпный костелъ, который предполагалось сдѣлать каѳедральнымъ соборомъ Инфлянтской епархіи, объ учрежденіи которой была уже получена булла папы, съ назначеніемъ Краслава епископскою резиденціею; но политическій переворотъ не дозволилъ этому осуществиться. Въ особомъ двуэтажномъ домѣ помѣщалась большая библіотека. Даже каменная еврейская синагога была построена Платеромъ. Въ предположеніи устройства Инфлянтской епархіи, въ 1757 основана была епархіальная семинарія, подъ руководствомъ ксендзовъ ордена Миссіонеровъ. Семинарія эта существовала до 1842 г., когда была перенесена въ Могилевъ. Миссіонеры содержали здѣсь уѣздное училище, замѣненное потомъ свѣтскимъ. Оно помѣщалось въ зданіи бывшей библіотеки. Краславъ славился своими превосходными издѣліями ковровъ, бархата, сукна, ситцевъ, польскихъ картъ, разнаго рода оружія, экипажей, золотыхъ и сереб-

ряныхъ издѣлій. Четыре ярмарки доставляли возможность удобнаго сбыта этихъ издѣлій въ Россію и Польшу. Краславъ и нынѣ превосходитъ многія этого рода мѣстности, оставаясь собственностью Платеровъ. Жители и теперь производятъ значительную торговлю льномъ, льнянымъ сѣменемъ и пенькою.

Мы знаемъ изъ лѣтописей о существованіи города *Герсика*, столицы удѣльнаго небольшаго княжества, зависѣвшаго отъ полоцкихъ князей; въ то же время, князья Герсики, также какъ и Кокенгаузена, тоже расположеннаго по Двинѣ, дѣйствовали заодно съ Литовцами. Объ этихъ двухъ княжествахъ говорятъ лѣтописцы Генрихъ Латышъ и Германъ Вартбергъ (подъ годомъ 1201). Латышъ разсказываетъ, что князь Всеволодъ изъ Герсики не только состоялъ въ тѣсномъ союзѣ съ Литовцами и содѣйствовалъ имъ при нападеніяхъ на Нѣмцевъ въ Ливоніи, но и женился на дочери литовскаго вождя Дангерута. Въ отмщеніе за это рижскіе епископы неоднократно нападали на Герсику и наконецъ совершенно ее истребили. Не безъ основанія полагаютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ была Герсика, въ 1229 г. епископъ Николай основалъ зàмокъ *Крейцбургъ*, на правомъ берегу Двины, противъ курляндскаго города Якобштадта. Развалины зàмка и до сихъ поръ замѣтны. Мѣсто это находится въ одной верстѣ отъ нынѣшняго мѣстечка Крейцбурга, и въ двухъ верстахъ отъ Штокмазова. Груды развалинъ лежатъ между известковыми скалами. Есть еще и слѣды глубокаго рва съ южной стороны.— Въ 1577 г. Крейцбургъ былъ покоренъ Іоанномъ Грознымъ. Лѣтописи называютъ его *Кражборгомъ*. Потомъ, при Баторіѣ, возвращенъ Литвѣ. Во время шведской войны, въ 1626 г., здѣсь произошла кровавая битва между шведскимъ полководцемъ Горномъ и литовскими вождями Александромъ Гонсѣвскимъ и Львомъ Сапѣгою. Литовцы одержали блистательную побѣду. Во все время сраженія тутъ же находился король Густавъ-Адольфъ: подъ нимъ была даже убита лошадь. Къ Россіи Крейцбургъ отошелъ въ 1772 г. Крейцбургъ былъ собственностью бароновъ Корфовъ.

Прели, графовъ Борховъ.

Ликсна, на границѣ между бѣлорусскими и инфлянтскими, т. е. латышскими уѣздами; рѣчка Индрица, впадающая въ Двину, отдѣляла два племени, такъ что на лѣвомъ берегу слышится рѣчь бѣлорусская, а на правомъ латышская. Въ Ликснѣ, лежащей при впаденіи р. Ликсны въ Двину, во время владычества Рыцарей, жили кунторы, наблюдавшіе за дѣйствіями Литовцевъ. Въ 1626 г. тотъ же Гонсѣвскій одержалъ побѣду надъ тѣмъ же шведскимъ полководцемъ Горномъ и взялъ въ плѣнъ полковника Ляскопеля. Литовцы преслѣдовали Шведовъ до рѣки Евикшты, гдѣ съ ними соединился Густавъ-Адольфъ. Подъ королемъ опять убило ядромъ лошадь, разорвало сѣдло и пистолеты, и король упалъ съ лошади. Это навело ужасъ на Шведовъ, и они бѣжали къ зàмку Далену. Въ 1770 г. инфлянтскій воевода Іосафатъ Зибергъ построилъ костелъ и великолѣпныя палаты, до сихъ поръ существующія.

Ливенгофъ, мѣстечко съ костеломъ во имя св. Михаила, славящагося чудесами. Ежегодно въ день св. Михаила, 29 сентября, сюда стекаются тысячи молящихся.

Мы представляемъ здѣсь видъ развалинъ Люцинскаго замка, до сихъ поръ сохранившихся.

Древній этотъ замокъ построенъ на крутой возвышенности юго-западнаго берега озера Большая-Лужа, рыцаремъ Конрадомъ фонъ Торберхомъ въ 1285 году; другіе же полагаютъ, что основателемъ замка былъ рѣжицкій войтъ Венемаръ фонъ-Баркгенъ въ 1399 г. Возвышенность, на которой построенъ былъ замокъ, отдѣлялась отъ материка глубокимъ рвомъ съ подъемнымъ мостомъ. Замокъ съ шестью башнями, если принять въ соображеніе уцѣлѣвшія развалины, имѣлъ около 65 саженъ длины. Въ немъ было трое воротъ: однѣ съ подъемнымъ мостомъ; другія со стороны озера, и третьи на сѣверной сторонѣ. Замѣтны и нынѣ слѣды этихъ воротъ. Уѣздный городъ *Люцинъ* (Лудзенъ, Лужа, Луйценъ) расположенъ между озерами Большая и Малая Лужа, недалеко отъ замка. Люцинъ неоднократно подвергался нападеніямъ Литовцевъ и Русскихъ. Послѣ присоединенія къ Литвѣ онъ былъ главнымъ городомъ тракта (Инфлянты раздѣлялись на тракты) и староства Люцинскаго, считавшагося богатѣйшимъ въ Инфлянтахъ. По присоединеніи къ Россіи, Люцинъ назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ въ 1777 г. Полоцкой, въ 1796 г. Бѣлорусской и въ 1802 г. Витебской губерніи.

Въ Люцинскомъ уѣздѣ замѣчательны также развалины *Маргенгаузенскаго* замка, построеннаго рыцарями, на небольшомъ продолговатомъ островѣ среди озера. Сохранился еще и ровъ подъ замкомъ, наполнявшійся водою изъ озера. Въ 1569 г. Русскіе напали на замокъ, въ которомъ защищались князья Иванъ и Александръ Полубинскіе. Они не только заставили Русскихъ снять осаду, но преслѣдовали ихъ до Изборска, взяли въ плѣнъ Нащокина и многихъ воиновъ. Зато въ 1577 году Русскіе разорили замокъ и жителей увели въ плѣнъ. Замокъ былъ окончательно разрушенъ въ началѣ XVIII ст. во время Сѣверной войны. Въ Люцинскомъ уѣздѣ есть еще развалины рыцарскаго замка въ имѣніи *Ляудернъ*.

На правомъ берегу рѣки Рѣжицы, соединяющей два большія озера, Рушонское съ Любинскимъ, на значительной и крутой возвышенности, съ юга и запада омываемой рѣкою и съ двухъ другихъ сторонъ отдѣленной глубокимъ рвомъ, виднѣются весьма живописныя развалины стѣнъ и фундамента *Рѣжицкаго* замка, построеннаго въ 1285 году рѣжицкимъ войтомъ Вильгельмомъ фонъ-Харбурхомъ. Замокъ имѣлъ форму неправильнаго продолговатаго осьмиугольника, обведеннаго каменною стѣною съ бойницами. Замокъ былъ трехэтажный съ обширными погребами. Очень высокая гать, устроенная черезъ рѣку Рѣжицу, служила сообщеніемъ съ городомъ. Замокъ этотъ, а съ нимъ и городъ *Рѣжица* (Rositten), подвергались многократнымъ нападеніямъ. Русскіе взяли замокъ въ 1567 г., но вскорѣ были вытѣснены. Спустя десять лѣтъ, Іоаннъ Грозный опять взялъ замокъ, но, по договору 1582 г., Рѣжица осталась за Литвою. Во время шведской войны, въ царствованіе Іоанна-Казиміра, Шведы разрушили замокъ. Въ такомъ положеніи онъ остался и до сихъ поръ. По присоединеніи Инфлянтъ къ Литвѣ, изъ войтовства, образовано Рѣжицкое староство, одно изъ значительнѣйшихъ, со многими деревнями, 58 озерами и нѣсколькими десятками верстъ лѣсу. Послѣ присоединенія къ Россіи, Рѣжица входила сначала въ составъ Псковской губерніи, въ 1777 г. назначена уѣзднымъ городомъ Полоцкой, а впослѣдствіи Витебской губерніи. Въ Рѣжицѣ нынѣ около десяти тысячъ жителей. Соборный храмъ красивой архитектуры, зданіе почтовой конторы и станціи въ готическомъ стилѣ и дебаркадеръ желѣзной дороги въ итальянскомъ стилѣ—служатъ лучшими украшеніями города.

На правомъ берегу З. Двины лежитъ мѣстечко *Аглона*, съ великолѣпнымъ костеломъ доминикановъ. Въ главномъ престолѣ помѣщена икона Божіей Матери, славящаяся чудесами. Икона эта совершенно сходна съ извѣстною чудотворною иконою въ Трокской фарѣ, подаренною императоромъ Мануиломъ вел. кн. Витовту. Сходство такъ велико, что не только живопись, размѣры, но даже надписи на оборотной сторонѣ одинаковыя. Во время продолжительныхъ войнъ, въ царствованіе Іоанна-Казиміра, Трокская икона взята была изъ костела и сопутствовала королю въ походахъ. Потомъ ее оставили въ Аглонѣ. Послѣ войны трокскіе доминиканцы потребовали свою икону, и она немедленно была возвращена въ Троки, но въ Аглонѣ осталась такая же, и тоже чудотворная. Поэтому рождается вопросъ, которая изъ

этихъ двухъ иконъ подлинная? Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ Аглонѣ сдѣлана была точная копія, но такъ хорошо и отчетливо, что трудно рѣшить, отослана-ли въ Троки подлинная, или же копія? Въ прошедшемъ столѣтіи объ этомъ много было писано; вопросъ однако остался неразрѣшеннымъ. Но вотъ еще любопытный случай. Лѣтъ двадцать тому, когда я посѣтилъ аглонскій костелъ, бросилась мнѣ въ глаза богатая серебряная лампада, висѣвшая передъ иконой. Лампада рѣзко отличалась отъ прочей костельной обстановки и невольно вызвала на объясненія, которыя и сообщилъ мнѣ настоятель. Лампада прислана была изъ Петербурга отъ неизвѣстнаго лица, вмѣстѣ съ значительною суммою денегъ, во-первыхъ, какъ приношеніе въ пользу монастыря, во-вторыхъ на масло для лампады и въ-третьихъ (нѣсколько сотъ рублей) для передачи тому лицу, которое помнитъ мальчика Ваньку *(Янка)*, жившаго лѣтъ пятьдесятъ тому слишкомъ въ аглонскомъ монастырѣ на его содержаніи. Такой человѣкъ дѣйствительно нашелся, мѣстный, слишкомъ семидесятилѣтній старецъ-садовникъ, который помнилъ мальчика сироту Ваньку, внезапно исчезнувшаго изъ Аглоны. Въ письмѣ неизвѣстный господинъ заявляетъ, что онъ дѣйствительно тотъ *Янекъ*, часто молившійся передъ иконой, что убѣжавъ изъ монастыря, онъ очутился въ Петербургѣ, гдѣ тоже не переставалъ молиться той же иконѣ, и такимъ образомъ долголѣтнею службою добился состоянія, чина тайнаго совѣтника и трехъ звѣздъ!

На югозападной сторонѣ озера Разно (въ Рѣжицкомъ уѣздѣ) находится *Вольхенбергъ,* гдѣ на высокой горѣ видны развалины рыцарскаго замка. — Мы упомянемъ еще о *Давгдѣ,* съ большимъ костеломъ, основаннымъ Гильзенами; о *Преляхъ*, вотчинѣ гр. Борховъ, съ красивымъ домомъ съ башнями, наконецъ о *Ворклянахъ,* тоже Борховъ, изъ коихъ Михаилъ Борхъ, воевода белзскій, въ своихъ палатахъ, въ Ворклянахъ, устроилъ богатую библіотеку и собралъ много разныхъ научныхъ коллекцій.

III. МОГИЛЕВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Могилевъ. — Шкловъ. — Круглое. — Круча. — Головчинъ. — Друцкъ. — Бялыничи. — Толочинъ. — Орша. — Дубровна. — Бабиновичи. — Обольце. — Коханово. — Любавичи. — Рудня. — Смольняны. — Микулино городище. — Горы — Горки. — Копысь. — Ляды. — Сѣнно. — Лукомль. — Крупка. — Мстиславль. — Захарино. — Хославичи. — Шамово. — Мазаловщизна. — Конюхово. — Чаусы. — Дрибинъ. — Горы. — Радомля. — Рясна. — Сухары. — Чериковъ. — Краснополье. — Малятичи. — Студенецъ. — Климовичи. — Кричевъ. — Струкайлы. — Костюковичи. — Лозовице. — Старый Быховъ. — Новый Быховъ. — Матеушевъ. — Пропойскъ. — Лѣсна. — Солтановка. — Журовичи. — Рогачевъ. — Стрѣшинъ. — Жлобай. — Чечерскъ. — Корма. — Люшевъ. — Гомель. — Носовичи. — Хальчъ. — Вѣтка. — Макарьевъ.

Надобно думать, что въ землѣ Радимичей Радомля, въ отдаленномъ прошломъ, была главнымъ поселеніемъ, но она не оставила намъ слѣдовъ своей минувшей дѣятельности, хотя небольшое мѣстечко подъ этимъ названіемъ и до сихъ поръ существуетъ. Лѣтописи и историческіе акты до XIV столѣтія ничего намъ не говорятъ и о нынѣшнемъ губернскомъ городѣ Могилевской губерніи, *Могилевѣ.* Самое названіе Могилева для нѣкоторыхъ историковъ съ досужимъ воображеніемъ представляетъ возможность дѣлать разныя догадки, ни на чемъ впрочемъ неоснованныя, о его происхожденіи. Такъ одни объясняютъ его смертью Льва Владимірскаго, другіе—Льва Могучаго Полоцкаго, отъ которыхъ произошло названіе Могилы-Льва, Могилева. Другіе увѣряютъ, что здѣсь была деревня Могиляки, заселенная рыболовами, но самое отношеніе сихъ послѣднихъ къ Могилеву или къ Могилякамъ, ничего неизвѣстно. Въ земляхъ Славянскихъ много мѣстностей, получившихъ названіе отъ могилъ. Есть Могила, Могильна, Могиляны, Могильница, есть и другой Могилевъ при Днѣстрѣ. Поэтому, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что и Могилевъ при Днѣпрѣ получилъ названіе отъ древнихъ языческихъ

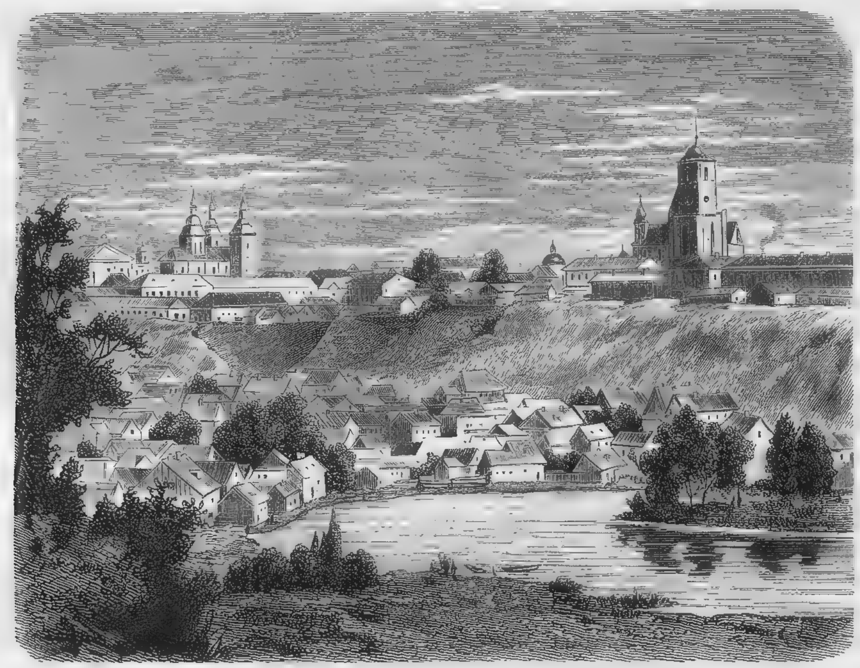
могилъ. Древность поселенія доказывается городищемъ надъ Днѣпромъ, которое потомъ входило въ составъ замковыхъ укрѣпленій съ валами. Оно составляло какъ бы особый редутъ среди укрѣпленій и было гораздо возвышеннѣе всей окружающей мѣстности. Оно уничтожено при раскопкѣ валовъ и устройствѣ бульваровъ надъ Днѣпромъ, послѣ 1831 года; но старожилы хорошо помнили эту возвышенность, какъ бы упиравшуюся въ Днѣпръ.

Могилевъ лежитъ въ очаровательной мѣстности. Величавый Днѣпръ прорѣзываетъ городъ, расположенный на значительной возвышенности; его окружаетъ съ одной стороны Днѣпръ, а съ другой—Дубровенка, тутъ же впадающая въ Днѣпръ. За Днѣпромъ предмѣстье Луполово; между рѣкою и самимъ городомъ пространная равнина версты въ двѣ, ежегодно во время разливовъ залитая водою. Высокая гора Костра отдѣляетъ самый городъ отъ равнины и Днѣпра. Вокругъ всего города проведенъ земляной насыпной валъ, замѣненный теперь красивыми бульварами.

Хотя въ 1386 г. лѣтописи упоминаютъ про какого-то князя Андрея *Могилевскаго*, но о существованіи удѣльнаго Могилевскаго княжества не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Могилевъ съ обширными землями принадлежалъ попеременно то Мстиславльскому, то Витебскому княжествамъ. Витовтъ покорилъ эту землю около 1395 года. Съ этого времени назначались великокняжескіе намѣстники, управлявшіе староствомъ Могилевскимъ и завѣдывавшіе замкомъ, который, если не былъ вновь воздвигнутъ, то несомнѣнно былъ сильно-укрѣпленъ Витовтомъ. Въ 1501 г. Александръ Ягеллонъ отдалъ Могилевъ во владѣніе своей супругѣ Еленѣ Іоанновнѣ, которая владѣла имъ до своей кончины, на основаніи граматы Сигизмунда I, подтвердившаго права ея на владѣніе послѣ смерти Александра. Съ кончиною Елены начинается рядъ могилевскихъ старостъ. Первымъ былъ, кажется, Янъ Щитъ; затѣмъ старостами были: Юрій Деспотъ Зеновичъ, Юрій Шитовичъ, Иванъ Нарушевичъ, князья Соломерецкіе, Александръ Ходкѣвичъ, Ямонтовичъ, Димитрій Халецкій, Левъ Сапѣга и др. Жители зависѣли отъ старосты и подвѣдомственныхъ ему лицъ, отъ чего происходили разныя злоупотребленія и стѣсненія, особенно въ XVI ст., когда торговое значеніе Могилева усилилось и когда онъ сталъ посылать свои суда въ Кіевъ, Каневъ и Черкасы; кромѣ того посылалъ свои произведенія въ Торнъ, Гданскъ (Данцигъ), Королевецъ (Кенигсбергъ). Въ числѣ отправляемыхъ произведеній важную роль играли: медъ, воскъ, сало, постное масло, деготь; вывозилось даже вино. Жители жаловались королю и просили о предоставленіи имъ самостоятельныхъ правъ. Сигизмундъ-Августъ въ 1561 даровалъ имъ такъ-называемое малое магдебургское право, вмѣнивъ имъ въ обязанность починку валовъ съ башнями, постройку кладовыхъ, содержаніе стражи и пушкарей въ замкѣ. Не смотря на это, хотя жители имѣли уже своего войта, рѣшеніе дѣлъ все еще зависѣло отъ замковаго присуда. Поэтому могилевскій староста Ходкѣвичъ просилъ Стефана Баторія о предоставленіи городу тѣхъ льготъ и преимуществъ, какими пользуются другіе города. Тогда король въ 1578 г. даровалъ городу въ полномъ объемѣ магдебургское право, на основаніи котораго жители зависѣли уже отъ суда войта и муниципальнаго совѣта. Первымъ могилевскимъ войтомъ избранъ былъ Николай Ясинскій. Городъ построилъ себѣ ратушу и завелъ училище. Права эти подтверждены Сигизмундомъ III, и, кромѣ того, послѣдній даровалъ городу разныя льготы. Православное духовенство получило отъ него привилегію безпошлиннаго приготовленія меда. Могилевское староство состояло изъ значительныхъ имѣній въ Часовскомъ и Чериковскомъ уѣздахъ. Староство управлялось особою властію, старостами, или же было отдаваемо въ аренду, какъ напр. при Баторіѣ отдано было князьямъ слуцкимъ Семену и Александру Олельковичамъ подъ залогъ, за сумму, взятую у нихъ королемъ на военныя издержки. Могилевъ же, какъ городъ, не подлежащій замковой власти, не только управлялся самъ собою, но и доходами распоряжался по собственному усмотрѣнію. Торгово-промышленная дѣятельность Могилева усиливалась и простиралась даже до Москвы, куда жители отправляли свои произведенія.

Во время введенія уніи, жители Могилева твердо стояли за свою вѣру, но замѣчательно, что и со стороны Сигизмунда III, и въ особенности при Владиславѣ IV, оказывалось имъ нѣкоторое снисхожденіе. Такъ, Сигизмундъ III возвратилъ имъ Спасскій монастырь со всѣми принадлежавшими къ нему имѣніями и угодьями, приказавъ передать оныя гражданамъ въ ихъ завѣдываніе; но въ 1619 году этотъ же монастырь отданъ базиліанамъ. Въ 1602 г. при церкви Богоявленія Господня православные основали братство, и Сигизмундъ III утвердилъ его, присовокупивъ, что въ заведенной при немъ школѣ должны быть преподаваемы языки: славянскій, русскій, греческій, латинскій и польскій. Въ концѣ XVI ст. въ Могилевѣ было восемь церквей: Спаса, Ильи, Успенія, Николы, Троицы, Рождества Богородицы, Вознесенія Господня, Козьмы и Дамьяна (за Днѣпромъ). Когда архіепископъ полоцкій Германъ Загорскій, къ епархіи котораго принадлежалъ Могилевъ, принявъ унію, пріѣхалъ въ 1599 г. въ Могилевъ, то граждане объявили ему, что

Могилевъ.

они его не признаютъ болѣе своимъ владыкою. Потомъ, когда Кунцевичъ пріѣхалъ въ Могилевъ, жители не впустили его въ городъ. Тогда, по жалобѣ послѣдняго, королевскимъ повелѣніемъ 1619 г. православному духовенству Могилева велѣно во всемъ повиноваться архіепископу Кунцевичу, и на этомъ основаніи послѣдній приказалъ запечатать всѣ церкви. Народъ сталъ собираться за городомъ, гдѣ совершалось богослуженіе въ палаткахъ. Жители жаловались королю, и послѣдній велѣлъ немедленно отпечатать церкви, что и исполнено, но уже послѣ смерти архіепископа. Затѣмъ послѣдовалъ дѣлежъ церквей: четыре церкви—Успенія, Воскресенія, Вознесенія и св. Троицы — оставлены православнымъ; остальныя отданы уніатамъ, а въ Спасскій монастырь введены базиліане. Наконецъ, къ радости православныхъ, сеймовымъ постановленіемъ 1632 года въ Могилевѣ учреждена особая бѣлорусская православная епархія, совершенно независимая отъ уніатскихъ архіепископовъ въ Полоцкѣ. Въ 1633 г. братство на свой счетъ начало постройку церкви Богоявленія, оконченную въ 1636. Владиславъ IV особою граматою (1633) утвердилъ эту церковь за провославными. Въ 1646 г. Владиславъ IV разрѣшилъ православнымъ построить цер-

ковь св. Никола и при ней женскій монастырь. Открытіе монастыря и при немъ школы для воспитанія дворянскихъ и мѣщанскихъ дѣвушекъ послѣдовало съ разрѣшенія Яна-Казиміра. Въ 1672 король Михаилъ Вишневецкій разрѣшилъ постройку Воскресенской церкви, а въ слѣдующемъ году Успенія. Терпимость польскаго правительства въ отношеніи православныхъ жителей Могилева простиралась даже до такой степени, что въ 1674 г. у базиліанъ отнятъ Спасскій монастырь, находившійся въ ихъ вѣдѣніи въ продолженіе 66 лѣтъ, и отданъ на жительство православному епископу Ѳеодосію и его премникамъ. Августа 11 разрѣшено Богоявленскому братству основать типографію для печатанія русскихъ и польскихъ книгъ. Въ 1725 могилевскимъ епископомъ былъ Сильвестръ, князь Четвертинскій. Королевскимъ декретомъ наложенъ на него штрафъ въ 4000 копъ литовскихъ грошей за то, что онъ не допускалъ свободнаго выбора игумена въ одномъ изъ монастырей. Любопытенъ еще слѣдующій фактъ: московскій патріархъ Никонъ наложилъ клятву на жителей Могилева за ослушаніе въ 1666 г. Митрополитъ же кіевскій Іосифъ Тукальскій пастырскимъ посланіемъ освободилъ ихъ отъ этой клятвы, какъ несправедливой. — Наконецъ последній король, Станиславъ-Августъ, въ 1768 г., разрѣшилъ постройку духовнаго училища при церкви св. Николая и основаніе типографіи.

Могилевъ.

Много претерпѣлъ городъ отъ нападенія казаковъ. Въ 1588 напалъ на Могилевъ атаманъ Матюшка Гультай и ограбилъ городъ. Потомъ, въ 1596 г. явился здѣсь Семенъ Наливайко, двѣ недѣли грабилъ и разорялъ, потомъ зажегъ городъ и ушелъ. Наконецъ въ 1648 г. казаки подъ начальствомъ Гладкаго завладѣли Могилевомъ и почти цѣлый годъ здѣсь свирѣпствовали, пока гетманъ Радзивилъ не очистилъ отъ нихъ города.

Въ 1610 г. произошло событіе, невполнѣ разъясненное въ исторіи Могилева. Знаемъ только, что жители взбунтовалась противъ своего магистрата, завладѣли вѣчевымъ колоколомъ и стали управляться самовольно. Войтомъ былъ тогда Ярошъ Воловичъ. Онъ жаловался королю, по повелѣнію котораго, послѣ произведеннаго слѣдствія, казнены пять человѣкъ зачинщиковъ: Иванъ Харько, Никита Мильковичъ, Максимъ Ялбишовъ, Гаврила Ивановъ и Михайло Чеботарь. Они казнены 23 іюля, на Ильинской горѣ.

Во время войны съ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ 1654 русскія войска осадили городъ. Игуменъ оршанскаго Кутейнскаго монастыря Іоилъ Труцевичъ сталъ убѣждать жителей добровольно сдаться на милость царя. Жители послушались и сдались, требуя только подтвержденія своихъ правъ и привиллегій, какими пользовались до того времени отъ польскаго правительства. Царь Алексѣй обрадовался этому и особою граматою подтвердилъ магдебургское право и всѣ другія привиллегіи. Семь лѣтъ (1654—1661) оставался Могилевъ во власти Русскихъ. Войска, здѣсь расположенныя, и ихъ воеводы, несмотря на то, что городъ имъ сдался безъ борьбы, смотрѣли на жителей какъ на враговъ. Солдаты неистовствовали, грабили, всячески обижали жителей. Воеводы же Горчаковъ и Полуехтовъ всѣ жалобы оставляли безъ послѣдствій. Составился заговоръ: истребить всѣхъ Русскихъ, квартировавшихъ въ Могилевѣ. Солдаты жили по квартирамъ. Условлено

было, въ назначенный срокъ, 1 февраля 1661, вынуть кремни изъ ихъ ружей. Заговоромъ руководили члены магистрата и самъ бургомистръ Леоновичъ. Рано утромъ многіе изъ жителей толпились въ ратушѣ, скрывая подъ одеждою оружіе, какое у кого было: сабли, бердыши, топоры, ломы и т. п. Солдаты, ничего не подозрѣвая, разгуливали по площади и хватали калачи у торговокъ. Торговки подняли крикъ. Бургомистръ Леоновичъ выбѣжалъ изъ магистрата со всѣми членами и закричалъ: «пора, пора!» — Въ ту же минуту вѣчевой колоколъ ударилъ набатъ; почти всѣ жители высыпали на площадь и улицы. Леоновичъ первый бросился на солдатъ съ мечомъ, который употреблялъ палачъ при исполненіи казней. Началась страшная рѣзня. Солдаты, хотя безоружные, успѣли сомкнуться, и въ рукопашномъ боѣ отнимали оружіе у мѣщанъ и нападали на нихъ. Вся площадь залилась кровью. Тогда члены магистрата направили толпу къ тюрьмѣ, гдѣ содержались плѣнные польскіе воины, и не только ихъ, но и колодниковъ выпустили на свободу, приглашая съ собою бить москалей. Борьба началась отчаянная. Много мѣщанъ было ранено. Весь гарнизонъ, въ числѣ семи тысячъ человѣкъ, былъ истребленъ за исключеніемъ только одного, какого-то Силы, который остался въ живыхъ, обязавшись тотчасъ же записаться въ мѣстные мѣщане. Воеводы Горчаковъ и Полуехтовъ, стрѣлецкій голова Чекинъ, нѣсколько офицеровъ, взяты были въ плѣнъ. Объ этомъ подвигѣ донесла королю особо-снаряженная депутація изъ войта Петра Казановича, бургомистра Осира Леоновича, ратмановъ Шишкевича и Филькревича и писаря Кликунова. Депутація явилась въ Варшаву во время сейма и лично представила королю русскихъ воеводъ. Всѣ депутаты тогда же возведены были въ дворянское достоинство, получили офицерскіе чины, почетныя сабли за храбрость; Леоновичу же прибавлено къ фамиліи слово «пора», т.е. кличъ, которымъ онъ созвалъ къ нападенію. Съ того времени онъ и его наслѣдники пишутся «Пора-Леоновичъ». — Могилеву дарованы права и преимущества, какими пользовалась только Вильна. Могилевскимъ мѣщанамъ разрѣшено пріобрѣтать недвижимыя имѣнія съ крестьянами, что давало имъ возможность дѣлаться дворянами. Убитые воины погребены были на Самусевой горѣ, которая по этому случаю прозвана Костерней. Такъ пишетъ Безъ-Карниловичъ; намъ бы казалось, что это названіе древнѣе, что здѣсь могло существовать еще языческое кладбище. Наконецъ гора Костра, нынѣ находящаяся въ самомъ городѣ, не могла и во второй половинѣ XVII столѣтія считаться загороднымъ мѣстомъ и потому едва-ли вѣроятно, чтобъ здѣсь были похоронены воины, погибшіе во время рѣзни 1 февраля 1661 года.

Былъ еще печальный случай поголовнаго истребленія безоружныхъ людей, о которомъ передаетъ извѣстіе въ своихъ запискахъ игуменъ Орестъ. По занятіи Могилева въ 1654, царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ всѣхъ Евреевъ выгнать изъ города, а дома ихъ — конфисковать. Несмотря на это, значительная ихъ часть оставалась въ Могилевѣ. Начальствовавшій надъ войскомъ въ Могилевѣ Константинъ Поклонскій принудилъ всѣхъ оставшихся удалиться за городъ, на сборный пунктъ, близъ деревни Тарасовичъ и возлѣ полковецкой дороги, обѣщая прислать имъ туда провожатыхъ. Вмѣсто провожатыхъ, Поклонскій явился самъ съ отрядомъ. Всѣ Евреи, безъ различія пола и возраста, были изрублены, а трупы ихъ ограблены. Евреи попрятали свое золото и разныя драгоцѣнности въ хлѣбѣ и въ волосахъ Евреекъ. Въ прежнее время, могилевскіе Евреи ежегодно въ день избіенія выходили толпами на это мѣсто и тамъ молились за погибшихъ въ тотъ день своихъ единовѣрцевъ.

Въ 1665 году Могилевъ занятъ былъ литовскими войсками подъ начальствомъ виленскаго воеводы Михаила Паца. Русскій воевода князь Черкасскій, съ князьями Прозоровскимъ и Воротынскимъ, при значительныхъ силахъ подошли къ Могилеву и расположились лагеремъ за виленскою заставою. Началось сраженіе. Побѣда уже, казалось, клонилась на сторону Русскихъ, какъ въ полдень одинъ изъ могилевскихъ мѣщанъ, отличный пушкарь, такъ мѣтко навелъ пушку на шатеръ князя Черкасскаго, въ которомъ тотъ обѣдалъ съ другими военачальниками, что ядро попало какъ разъ въ князя. Войска были этимъ такъ поражены, что немедленно отступили.

Много пострадалъ Могилевъ во время Сѣверной войны. 1701 году прозошло сраженіе подъ Могилевомъ за Быховскою заставою, между Сапѣгою, пиредавшемся на сторону Карла XII, и саксонскими войсками Августа II. Сапѣга долженъ былъ отступить. Съ этого времени начинаются бѣдствія города. Свои и чужіе грабили, забирали, налагали контрибуціи. Въ маѣ 1706 года къ Могилеву стали стекаться русскія войска на царскій смотръ. Петръ I прибылъ въ Могилевъ Днѣпромъ на байдакѣ, 22 іюня. Жители встрѣтили егосъ хлѣбомъ-солью, на дорогомъподносѣ. 14 марта 1708 г. пріѣхалъ въ Могилевъ князь Меньшиковъ съ большою свитою. Кажется почти невѣроятнымъ, сколько припасовъ обязанъ былъ ежедневно городъ доставлять къ столу Меньшикова. Не только водку, пиво и медъ, цѣлыя бочки венгерскаго и французскаго вина, все съѣстное въ огромныхъ количествахъ, мясо, пшеничную муку, рыбу и всякаго рода масло, грибы тысячами; но и заграничные предметы — какъ прованское масло, лимоны, оливки, сахаръ, изюмъ, винныя ягоды, и все это ежедневно магистратъ сдавалъ секретарю Меньшикова, а ежели чего недоставало, потому что съ 14 марта по 19 мая все уже было забрано, членовъ магистрата сажали подъ арестъ. Игуменъ Орестъ, съ ужасомъ описывая сумабродныя вымогательства этого «проклятаго червя, который гложетъ городъ», какъ онъ говоритъ о Меньшиковѣ, присовокупляетъ, что и всего этого было еще мало: — жители Могилева понуждаемы были давать для него балы.

Въ августѣ прибылъ Карлъ XII въ Могилевъ. Опять контрибуціи, грабежи церквей, изъ коихъ захватили все церковное серебро, — насилія и своеволіе. Шведы разорили и разграбили также Буйницкій монастырь.

Но болѣе ужасное бѣдствіе, окончательный погромъ Могилевцевъ — былъ еще впереди. Петръ I замѣтилъ зажиточность жителей Могилева и, опасаясь, чтобъ Карлъ XII не избралъ его пунктомъ опоры въ военныхъ движеніяхъ, повелѣлъ двумъ полкамъ, калмыцкому и татарскому, сжечь городъ. И это ужасное повелѣніе, 8 сентября 1708 года, въ точности было исполнено. Сперва жители были совершенно ограблены, а потомъ городъ съ нѣсколькихъ сторонъ былъ зажженъ. Весь городъ обращенъ былъ въ развалины и пепелище. Сгорѣли церкви, растопились колокола, разрушились золоченые куполы, тысячи жителей остались безъ крова, безъ пищи, почти безъ платья. Многіе оставили навсегда сожженный городъ, ушли въ другіе литовскіе города, къ роднымъ и знакомымъ, и тамъ поселились. Оставшіеся жили въ наскоро устроенныхъ шалашахъ за городомъ; многіе нашли пріютъ въ православныхъ и католическихъ монастыряхъ, хотя и полуразрушенныхъ; наконецъ большинство искало убѣжища за Днѣпромъ въ предмѣстьѣ Луполово, котораго, за неимѣніемъ лодокъ, припрятанныхъ жителями, не успѣли зажечь.

Много надобно было времени, чтобы залѣчить нанесенныя раны. Правительство съ своей стороны оказывало возможную помощь. Разоренные купцы и мѣщане нашли сочувствіе у иногородныхъ промышленниковъ, съ которыми вели значительную торговлю. Могилевъ понемногу отстроился; въ то же время починялись храмы Божіи. Больше всего пострадала Спасская церковь; она сгорѣла почти до основанія. Сначала построили деревянную часовню; въ 1740 г. заложена каменная, оконченная стараніями бѣлорусскаго епископа Георгія Кониcскаго едва въ 1762 г. Въ общемъ же Могилевъ лишился надолго своего прежняго значенія богатаго промышленнаго города.

Послѣ перваго раздѣла Польши, въ 1772 г., Могилевъ присоединенъ къ Россіи и назначенъ губернскимъ городомъ Могилевской губерніи, въ составъ которой вошли земли Мстиславльская, Оршанская, Рогачевская и Могилевская. Первымъ намѣстникомъ или генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ. 4 іюля 1778 года гр. Чернышевъ весьма торжественно, при съѣздѣ дворянства всей губерніи, открылъ могилевское намѣстническое правленіе. Зданіе намѣстничества было воздвигнуто вновь.

Въ 1780 году назначено было свиданіе между Екатериною II и императоромъ Іосифомъ въ Могилевѣ. Императоръ Іосифъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна, сопровождаемый Румянце-

вымъ, прибылъ въ Могилевъ 21 мая, гдѣ его привѣтствовалъ отъ имени императрицы князь Потемкинъ. 23 мая прибыла императрица Екатерина изъ Полоцка. Въ Могилевѣ они оставались до 29-го мая и потомъ вмѣстѣ отправились, чрезъ Шкловъ и Оршу, — въ Смоленскъ. Отсюда императрица уѣхала въ Петербургъ, а императоръ въ Москву, потомъ въ Тулу. Для пріема высокихъ гостей, гр. Чернышевъ умѣлъ устроить все съ такимъ великолѣпіемъ, что маленькій, недавно сожженный Могилевъ походилъ скорѣе на столицу. Городъ былъ украшенъ тріумфальными арками, фестонами, прозрачными символическими картинами и пр. Собрано было десять тысячъ войска; съѣхалось все дворянство обѣихъ губерній, Могилевской и Полоцкой. Изъ Петербурга выписана итальянская опера и придворная капелла. Въ числѣ артистовъ отличалась тогдашняя знаменитость, Бонафина. Извѣстный въ то время архитекторъ Бригонзи построилъ театръ и колоссальныхъ размѣровъ бальную залу. 29 мая, въ память своего пребыванія въ Могилевѣ, императрица и императоръ положили основные камни для фундамента каменной церкви во имя Св. Іосифа. Императоръ Іосифъ, по возвращеніи въ Вѣну, по этому же случаю велѣлъ построить новый костелъ во имя Св. Екатерины. Черезъ два года церковь эта уже была окончена и въ ней совершалось богослуженіе; съ могилевскимъ же храмомъ дѣло окончательной его постройки и освященія затянулось до 1798 года. Гавріилъ Ивановичъ Добрынинъ въ своихъ запискахъ *(Русск. Старина, 1871, 115)* объясняетъ намъ причину такой медленности. Въ 1782 г. гр. Чернышевъ назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Москву, а на его мѣсто генералъ-губернаторомъ назначенъ сенаторъ Петръ Богдановичъ Пассекъ, покровительствуемый Потемкинымъ. Пассекъ прежде былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Могилевѣ. «Подрядчика строенія церкви купца Чирьева генералъ-губернаторъ Пассекъ почтилъ отличнымъ своимъ покровительствомъ, для того, что онъ, тѣмъ же матеріаломъ и работниками, отдѣлывалъ ему мызу Пипенбергъ, названную такъ по имени *Пипинки,* побочнаго его сына». Когда соборъ былъ оконченъ, не было никого изъ тѣхъ лицъ, кои присутствовали при его закладкѣ. Умерла Екатерина, умеръ и Іосифъ. Не было уже въ живыхъ и знаменитаго архіепископа Конисскаго; скончался и первый бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, гр. Чернышевъ, а его наслѣдника, Пассека, императоръ Павелъ отставилъ отъ службы и сослалъ въ его смоленскую вотчину, Яковлевичи, съ воспрещеніемъ выѣзда оттуда. Православнымъ епископомъ былъ тогда Аѳанасій Волховскій, который, по словамъ Добрынина, знакомое ему евангеліе не могъ читать безъ ошибокъ и частыхъ остановокъ.

Церковь Глѣба.

Большая ратуша.

Первый католическій костелъ основанъ въ Могилевѣ въ 1604 году. Іезуитская миссія основана въ 1668 году; бернардинскій монастырь въ 1687 году; кармелитовъ — въ 1698. Послѣ перваго раздѣла Польши, въ Обольцахъ, о которыхъ мы уже говорили, былъ епископомъ-суфраганомъ Богушъ Сестренцевичъ, — личность весьма замѣчательная. Кальвинистъ по происхожденію отъ родителей-кальвинистовъ, студентъ нѣсколькихъ европейскихъ университетовъ, офицеръ прусскихъ гусаръ, потомъ капитанъ Литовской гвардіи, учитель жирмунскихъ Радзивиловъ,

затѣмъ обращенный въ католицизмъ, ксендзъ, любимецъ епископа князя Масальскаго, настоятель богатыхъ приходовъ въ Гомелѣ и Бобруйскѣ, виленскій каноникъ, временно управлявшій даже Виленскою епархіею, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, — Сестренцевичъ, въ 1773 г. обратилъ на себя вниманіе всѣхъ коронованныхъ особъ въ Европѣ. По случаю покушенія въ Варшавѣ на жизнь Станислава-Августа, онъ произнесъ въ Вильнѣ въ каѳедральномъ соборѣ проповѣдь и послалъ ее въ рукописи королю. Послѣдній былъ ею такъ восхищенъ, что велѣлъ перевести ее на разные языки, напечатать и разослать къ царствующимъ лицамъ. Вотъ начало блистательной карьеры прусскаго гусара. Понятно, что и императрица Екатерина обратила на него вниманіе. Вскорѣ возведенный въ санъ епископа-суфрагана и живя въ Обольцахъ, по первому раздѣлу, онъ сдѣлался подданнымъ Екатерины, которая и поручила ему управленіе католической паствою въ Бѣлоруссіи, совершенно отдѣленной отъ виленской епархіи. Папа Пій VI, буллою 15 августа 1778 года, подтвердилъ права его на управленіе, а затѣмъ Екатерина, 17 января 1782 г., учредила Могилевское архіепископство; папскій же нунцій Архетти, 29 января 1784 г., возложилъ на Сестренцевича архіепископскій палліумъ. Вслѣдъ за симъ онъ наименованъ митрополитомъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Имперіи, съ правомъ, дарованнымъ папою, носить кардинальское облаченіе краснаго цвѣта. Архіепископъ, митрополитъ, апостольскій легатъ, командоръ и великій милостынераздаватель ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, Сестренцевичъ правилъ епархіею въ теченіе пятидесяти лѣтъ и умеръ въ 1826 году на 94-мъ году отъ роду. Какъ ученый, какъ славистъ, онъ пользовался европейскою извѣстностью. Послѣ него митрополитомъ назначенъ былъ епископъ пинскій Казиміръ Цѣцишовскій (по 1831 г.). Третьимъ митрополитомъ, послѣ одиннадцати-лѣтняго перерыва, назначенъ былъ епископъ - суфраганъ Корвинъ-Павловскій—по 1842; четвертымъ—виленскій епископъ-суфраганъ Казиміръ Дмоховскій, по 1851; пятымъ, епископъ-суфраганъ, извѣстный польскій писатель, ректоръ духовной академіи Игнатій Головинскій, по 1855; шестымъ, виленскій епископъ Венцеславъ Жилинскій, по 1863 г. Наконецъ, нынѣшній, седьмой митрополитъ, бывшій епископъ каменецкій, Антоній Фіалковскій. Въ послѣднее время каѳедра могилевскаго архіепископства перенесена въ Петербургъ, съ капитуломъ, консисторіей и семинаріей. Архіепископство это едва-ли небольше всѣхъ по занимаемому имъ пространству; ему подчинены, кромѣ Бѣлорусскихъ губерній, всѣ три Балтійскія губ., Финляндія, Москва и вся внутренняя Россія, гдѣ только есть костелы, и, сверхъ этого, Кавказъ и Сибирь съ Амурскою областью.

Въ настоящее время, въ Могилевѣ два мужскихъ православныхъ монастыря: Братскій-Богоявленскій и Преображенскій. Первый изъ нихъ отличается великолѣпною и изящною постройкою. Церквей 29, изъ коихъ весьма красивы — соборъ Св. Іосифа Обручника и церковь Воскресенья, передѣланная изъ іезуитскаго костела. Римско-католическихъ костеловъ нынѣ два и одинъ заштатный женскій монастырь марьявитокъ. Есть также протестантская церковь.

Въ отечественную войну 8 іюля маршалъ Даву занялъ Могилевъ. Его потомъ смѣнили генералы Іосифъ Понятовскій, Домбровскій, Дюмуйстъ и др. 12 ноября русскія войска подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго изгнали непріятеля и заняли городъ. Мы уже знаемъ подробности этого смутнаго времени изъ историческаго очерка. Но нельзя еще не упомянуть о замѣчательномъ фактѣ измѣны со стороны лица, отъ котораго менѣе всего можно было ожидать этого. Мы уже говорили, что многіе изъ польскихъ землевладѣльцевъ слѣпо вѣрили въ незыблемость счастія и непобѣдимость Наполеона. Въ него также увѣровалъ православный могилевскій епископъ Варлаамъ. 14-го іюля онъ принесъ присягу на вѣрноподданство Наполеону, особыми циркулярами (писанными на польскомъ языкѣ) предписывалъ подвѣдомственному духовенству исполнить присягу и удовлетворять всѣ требованія французскихъ властей. Игуменъ Орестъ увѣряетъ, что преосвященный Варлаамъ твердо вѣрилъ, что Бѣлоруссія достанется Польшѣ и что въ Польшѣ, по ея возстановленіи, неминуемо будетъ учреждено патріаршество православной церкви, и наконецъ, что при покровительствѣ Наполеона

именно онъ будетъ назначенъ патріархомъ въ Польшѣ. По изгнаніи Французовъ обращено было вниманіе на Варлаама; онъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Спасскій монастырь въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

По возвращеніи арміи изъ-заграницы, въ Могилевѣ назначена была главная квартира первой арміи и главнокомандующаго генералъ-фельдмаршала князя Остенъ-Сакена. Многочисленная свита фельдмаршала, главный штабъ, постоянный съѣздъ офицеровъ изъ арміи, понятно, не могли не отразиться на благоденствіи города. Главная квартира переведена изъ Могилева въ Кіевъ въ 1829 г.

Впослѣдствіи здѣсь помѣщался округъ Путей Сообщенія, что тоже имѣло большое значеніе. Путейцы были богаты, строили отличные дома, жили роскошно. — Въ настоящее время въ Могилевѣ около 50,000 жителей, торгово-промышленная дѣятельность весьма оживленная, но въ мануфактурномъ отношеніи городъ не отличается ничѣмъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города находится небольшое имѣніе *Щеглицъ*, которое помѣщикъ Паскевичъ получилъ въ приданое за женою, рожденною Коробанько. Здѣсь родился князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій. Впослѣдствіи здѣсь былъ устроенъ маіоратъ, но потомъ Щеглицъ былъ проданъ и нынѣ находится въ чужихъ рукахъ.

Въ окрестностяхъ города, въ очаровательной мѣстности, на высокомъ берегу Днѣпра находится *Пипенбергъ*, о которомъ мы уже упомянули, прекрасно отстроенный на счетъ собора Св. Іосифа. Когда Пассекъ палъ, Пипенбергъ купленъ былъ извѣстнымъ богачемъ Яншинымъ, а потомъ поступилъ въ казну и въ немъ, въ 1828 г., устроено женское учебное заведеніе для бѣдныхъ дѣвицъ. Вблизи находится Буйницкій Св. Духовскій женскій монастырь, при которомъ учрежденъ особый пріютъ для сиротъ дѣвицъ. *Буйничи* небольшое мѣстечко, въ которомъ, въ концѣ XVI ст., князь Богданъ Соломерецкій основалъ мужской монастырь, разоренный до основанія Шведами въ 1708 г., но возстановленный впослѣдствіи. Изъ мужскаго въ женскій онъ обращенъ въ 1635 г.

Къ замѣчательнымъ мѣстностямъ Могилевской губерніи принадлежитъ м. *Шкловъ*, еще не очень давно славившееся своею торговлею. Шкловъ для здѣшней мѣстности былъ тоже, что Бердичевъ для южныхъ губерній. Поселеніе здѣсь весьма древнее. Это доказывается городищемъ на правомъ берегу Днѣпра. Шкловъ много разъ подвергался нападеніямъ русскихъ войскъ. Въ 1535 Шуйскій, а въ 1563 Курбскій — выжгли окрестности Шклова. Въ 1580 здѣсь убитъ воевода Бутурлинъ. Шкловъ принадлежалъ Ходкевичамъ. Они подписывались графами на Быховѣ и Шкловѣ. Извѣстный полководецъ, гетманъ Янъ-Карлъ Ходкевичъ, на древнемъ городищѣ, построилъ сильно укрѣпленный замокъ. Ходкевичи были протестанты и основали здѣсь кальвинскій сборъ; но въ 1619 г. Александръ Ходкевичъ, воевода трокскій, уже ревностный католикъ, уничтожилъ сборъ и основалъ доминиканскій монастырь. Онъ же снабдилъ монастырь богатою библіотекою. Въ 1654 г. литовскій гетманъ, Янушъ Радзивиллъ, былъ здѣсь разбитъ русскими. Отъ Ходкевичей Шкловъ поступилъ въ собственность кн. Чарторыйскихъ, а послѣ присоединенія къ Россіи подаренъ Екатериною въ 1773 г. кн. Потемкину, который завелъ здѣсь фабрику часовъ. Въ 1788 поступилъ въ собственность генерала Семена Гавриловича Зорича, родомъ Серба. Онъ-то прославилъ Шкловъ своею барскою жизнію, но еще болѣе благодѣтельнымъ учрежденіемъ училища, преобразованнаго потомъ въ корпусъ. Онъ построилъ въ Шкловѣ великолѣпный домъ и театръ. Императрица Екатерина съ императоромъ Іосифомъ, 31 мая 1780 г., прибыли въ Шкловъ и пробыли здѣсь цѣлыя сутки. Энгельгардъ въ своихъ запискахъ говоритъ о великолѣпіи, съ какимъ гостепріимный хозяинъ принималъ своихъ царственныхъ гостей. Онъ же упоминаетъ, что одинъ фарфоръ, нарочно выписанный по этому случаю изъ Дрездена, стоилъ 60,000 руб. Съѣздъ въ Шкловѣ былъ необыкновенный. Кромѣ многочисленной свиты, сюда съѣхалось почти все дворянство губерніи. Послѣ смерти Екатерины, Зорича потребовали на службу. Театръ его велѣно разломать. Зоричъ за болѣзнію возвратился въ Шкловъ и вскорѣ умеръ (1799). Наслѣд-

никомъ его былъ тоже Сербъ, генералъ Дымцевичъ. Въ послѣднее время Шкловъ былъ собственностью Воейкова. Когда въ Могилевѣ была главная квартира первой арміи, въ Шкловѣ учреждено было главное интендантское управленіе подъ начальствомъ знаменитаго потомъ министра финансовъ гр. Канкрина, затѣмъ гр. Санти и наконецъ Пирогова, изъ рядовыхъ дослужившагося до чина генерала-отъ-артиллеріи. Здѣшняя пристань играла довольно видную роль. Отсюда Днѣпромъ отправлялись разныя мѣстныя произведенія, особенно лѣсныя, въ большихъ количествахъ. Въ Шкловѣ былъ гостиный дворъ. На ярмарки сюда съѣзжались купцы изъ Петербурга, Москвы и Нижняго Новгорода. Еще въ 1866 г. считалось здѣсь около двухъ тысячъ домовъ съ 12,000 жителей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пожаръ страшно опустошилъ Шкловъ; съ проведеніемъ желѣзной дороги, торговое его значеніе совершенно упало.

На правомъ берегу Друца, при озерѣ Ситнѣ, лежитъ м. *Круглое.* Татары оставили въ немъ по себѣ память: есть въ немъ улица и кладбище, называемыя татарскими. Вблизи находится небольшое мѣстечко *Круча* при Осликѣ.

Среди дремучихъ лѣсовъ, недалеко отъ Могилева, при рѣкѣ Вабичи или Бабичи, лежитъ мѣстечко *Головчинъ.* Отсюда происходитъ знаменитый родъ Рюриковичей, князей Головчинскихъ. Они сначала жили въ Ряполовѣ, въ землѣ Суздальской, и назывались князьями Ряполовскими (а не Рафаловскими, какъ ошибочно пишетъ Несѣцкій). Въ 1071 г. Ярополкъ Изяславовичъ, подъ Головчиномъ, одержалъ побѣду надъ полоцкимъ княземъ Всеславомъ. Не знаемъ достовѣрно, путемъ-ли наслѣдства по женской линіи, или же завоеваніемъ пріобрѣли князья Ряполовскіе Головчинъ; скорѣе всего, породнившись съ родомъ князей полоцкихъ, они получили его въ удѣлъ, зависѣвшій отъ Полоцка. Въ XVI ст., во второй половинѣ, Головчинскіе были уже протестантами и основали здѣсь кальвинскій сборъ. Въ XVII ст. родъ кн. Головчинскихъ угасъ, и Головчинъ, вмѣстѣ съ м. Езно (въ Виленской губ.) достался Пацамъ. Впослѣдствіи имъ владѣли Слушки. Въ 1708 г., войска Карла XII одержали здѣсь побѣду надъ войсками Петра Великаго. Это была послѣдняя побѣда короля шведскаго. Нынѣ Головчинъ небольшое, населенное преимущественно Евреями, мѣстечко.

Въ Могилевскомъ же уѣздѣ находится другая столица удѣльнаго княжества. Это знаменитый лѣтописный Друческъ, потомъ *Друцкъ,* на рѣкѣ Друцѣ и при большомъ озерѣ, чрезъ которое Друцъ проходитъ. На островѣ озера видны еще слѣды вала и рва, окружавшаго замокъ. Лѣтописи упоминаютъ о Друцкѣ подъ годомъ 1115, когда Владиміръ Мономахъ послалъ противъ Друцка сына своего Ярополка, князя смоленскаго. Друцкъ принадлежалъ тогда, вмѣстѣ съ Минскомъ, Глѣбу Всеславичу, сыну Всеслава полоцкаго. Ярополкъ овладѣлъ Друцкомъ, разорилъ его, жителей переселилъ въ городъ Зельны, нынѣ Зеленово, неподалеку отъ Смоленска. Но городъ вскорѣ отстроился и до XVI ст. постоянно былъ столицею удѣльнаго княжества. Посягательства на Друцкъ со стороны удѣльныхъ князей были очень часты. Въ 1151 г. въ Друцкѣ княжилъ Глѣбъ Ростиславичъ. Въ 1158 изгнанный изъ Полоцка князь Рогволодъ завладѣлъ Друцкомъ и потомъ передалъ сыну своему Глѣбу. Въ 1181 Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій съ Новгородцами напалъ на Друцкъ и опустошилъ его. Зависимость этого княжества отъ Полоцкаго весьма замѣтна; съ половины же XIII ст. явственно начинаетъ преобладать вліяніе литовскихъ князей. Во времена Ольгерда въ Друцкѣ сидѣлъ князь Іоаннъ; Ольгердъ изгналъ его и посадилъ сына своего Димитрія. Но въ 1508 г. видимъ еще владѣтельныхъ князей Друцкихъ; ихъ склонилъ на свою сторону извѣстный князь Михаилъ Глинскій, и три брата Друцкіе вмѣстѣ съ Глинскимъ передались великому князю московскому. Кажется, съ этого времени не было уже удѣльныхъ Друцкихъ князей. Но родъ ихъ былъ многочисленъ и раздѣлился на нѣсколько вѣтвей. Извѣстны пять линій этого рода, изъ коихъ нѣкоторые еще существуютъ и нынѣ; были князья «Друцкіе-Любецкіе», «Друцкіе-Соколинскіе», «Друцкіе-Горскіе», «Друцкіе-Подбергскіе» и «Друцкіе-Озерскіе». Изъ этого же рода происходили князья Бокриновскіе, а также князья Путяты, или Путятычи.

Въ *Соколинѣ*, откуда Друцкіе-Соколинскіе получили прозваніе, еще недавно существовала часовня, въ склепахъ которой покоились предки князей Соколинскихъ. Одинъ изъ нихъ, князь Михаилъ Друцкій-Соколинскій былъ протестантомъ и основалъ кальвинскій сборъ въ Соколинѣ.

На лѣвомъ берегу р. Друци находится довольно большое мѣстечко *Толочинъ*, въ XVI ст. принадлежавшее знаменитому канцлеру Льву Сапѣгѣ, который, въ 1604 г., основалъ здѣсь костелъ, школу и больницу. По присоединеніи Бѣлоруссіи, въ Толочинѣ, какъ въ пограничномъ пунктѣ, учреждена была таможня.

Наконецъ, въ Могилевскомъ же уѣздѣ, тоже на лѣвомъ берегу Друци, находятся *Бялыничи*, прославленные чудотворною иконою Богородицы. Въ этомъ отношеніи Бялыничи были тѣмъ-же для бѣлорусскихъ католиковъ, чѣмъ Ченстохово для Поляковъ, Острая брама въ Вильнѣ — для Литовцевъ и Шидловъ — для Жмуди. Бялыничи были собственностью того же Льва Сапѣги. Онъ здѣсь построилъ великолѣпный костелъ и монастырь для кармелитовъ. Сынъ Льва, Казиміръ Сапѣга, украсилъ икону драгоцѣнными камнями и весь престолъ обложилъ серебромъ. Тысячи народа стекались сюда, особенно въ храмовые праздники. При монастырѣ существовала типографія. Послѣ 1831 г., когда монастырь былъ упраздненъ, костелъ назначенъ приходскимъ. Въ 1859 г. страшный пожаръ уничтожилъ храмъ, но икона была спасена. Настоятелемъ былъ извѣстный, талантливый проповѣдникъ, могилевскій каноникъ Лукіанъ Годлевскій. Онъ, изъ добровольныхъ приношеній, въ скоромъ времени воздвигъ новый прекрасный костелъ. Въ 1877 г. умеръ Годлевскій, а вскорѣ послѣ этого костелъ обращенъ въ православную церковь. Бялыничи принадлежали потомъ кн. Огинскимъ, въ новѣйшее же время Кожуховскимъ, а теперь г. Медвѣдеву.

Костелъ въ Бялыничахъ.

Вблизи Могилева, при р. Лахвѣ, есть еще небольшое мѣстечко *Княжичи*, или *Княжицы*. Въ 1501 г. король Александръ Ягеллонъ подарилъ его супругѣ своей, Еленѣ Іоанновнѣ. Во время войны съ Іоанномъ IV, Василій Шуйскій сжегъ Княжичи.

На правомъ берегу Днѣпра, при впаденіи въ него Оршицы, находится одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ Бѣлоруссіи, *Рша*, нынѣ *Орша*, о которой уже въ 1067 г. упоминаютъ лѣтописи. Здѣсь именно измѣннически захваченъ былъ Изяславомъ Кіевскимъ Всеволодъ, кн. Полоцкій, и отвезенъ въ Кіевъ. Потомъ, въ 1116 г., Орша была завоевана Вячеславомъ, сыномъ Мономаха. Въ XIII столѣтіи племянникъ Миндовга, Товтивиллъ, лишившись полоцкаго удѣла, нѣкоторое время былъ намѣстникомъ Орши. Она входила въ составъ Витебскаго княжества, которое, какъ извѣстно, досталось Витовту по праву наслѣдства и навсегда присоединено къ Литовскому государству, хотя смоленскіе князья простирали на нее свои притязанія. Въ 1386 г. смоленскій князь Святославъ Ивановичъ даже захватилъ Оршу и производилъ здѣсь страшныя неистовства надъ жителями. Святославъ въ томъ же году былъ убитъ подъ Мстиславлемъ. Потомъ, въ 1396 г., во время междоусобной борьбы съ Свидригайломъ, послѣдній взялъ Оршу и посадилъ здѣсь намѣстникомъ князя Ивана Михайловича. Витовтъ, разбивъ Свидригайла и взявъ его самого въ плѣнъ подъ Витебскомъ, отнялъ и Оршу, гдѣ велѣлъ казнить князя Ивана Михайловича. Древнее городище, на берегу Днѣпра, уже предъ тѣмъ было обращено въ замокъ. Теперь замокъ былъ исправленъ и сильно укрѣпленъ, а въ 1500 г. король Александръ окружилъ городъ деревяннымъ острогомъ. Орша памятна многими кровавыми битвами. Такъ, въ 1508 г., король Сигизмундъ I съ Михаиломъ Фирлѣемъ совершенно разбили русскія войска, предводимыя княземъ Михаиломъ Глинскимъ, измѣнившимъ Сигизмунду и передавшимся Василію Іоанновичу. Этотъ же Глинскій, спустя шесть лѣтъ, въ 1514, близъ Орши, бѣжалъ изъ

русскаго стана къ королю Сигизмунду, но былъ настигнутъ и въ оковахъ отосланъ къ великому князю московскому. Тотъ же 1514 годъ памятенъ блистательною побѣдою, одержанною великимъ гетманомъ литовскимъ, княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, надъ боярами, княземъ Булгаковымъ-Голицею и Иваномъ Челядинымъ. Сраженіе происходило на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ трехъ верстахъ отъ Орши, между деревнями *Городней* и *Антониномъ*. Оба предводителя, вмѣстѣ съ воеводами и 37 князьями, взяты въ плѣнъ, захваченъ весь обозъ, знамена, оружіе; насчитываютъ до 30,000 человѣкъ убитыхъ. Въ томъ же году, по присоединеніи Смоленска къ Россіи, Орша, какъ пограничная крѣпость, получила особенное значеніе и подвергалась частымъ нападеніямъ со стороны Русскихъ. Литовцы, съ своей стороны, старались поддерживать укрѣпленія, которыя, при Сигизмундѣ-Августѣ, мѣстнымъ старостою Филономъ Кмитою Чарнобыльскимъ доведены были до возможнаго совершенства. Орша считалась одною изъ лучшихъ крѣпостей въ государствѣ. За то окрестныя мѣста подвергались частымъ нападеніямъ; въ 1563 князь Курбскій предалъ огню всѣ мѣста вокругъ Орши. Въ 1564 г. тотъ же староста Кмито жестоко отомстилъ за это Русскимъ. На поляхъ Иваньскихъ, между Оршею и Улою, онъ совершенно разбилъ русскаго воеводу, князя Оболенскаго. Во время продолжительной войны при Алексѣѣ Михайловичѣ, Орша, съ 1564 по 1661 годъ, принадлежала Россіи; но потомъ Литовцы ее отняли.

По завоеваніи Смоленска и учрежденіи Смоленскаго воеводства, Орша съ городами Копысемъ, Шкловомъ, Сокольней, Друцкомъ, Лукомлемъ, Толочинымъ, а также Горы-Горками и Бялыничами была причислена къ этому воеводству; когда же Смоленскъ былъ отнятъ отъ Польши, эти же города составляли такъ называемую *землю Оршанскую* и были присоединены къ Витебскому воеводству. Въ 1772, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, Орша назначена провинціальнымъ городомъ Оршанской провинціи, въ 1777 г.—уѣзднымъ городомъ Могилевской губерніи, въ 1796—отошла къ Бѣлорусской губерніи, а съ 1802 г. состоитъ уѣзднымъ городомъ Могилевской губерніи. Въ 1840 году къ Оршанскому уѣзду присоединенъ Бабиновичскій уѣздъ вмѣстѣ съ городомъ Бабиновичами.

О событіяхъ 1812 года въ Оршѣ мы уже упомянули. 6 іюля 1812 г. Французы заняли городъ. Наполеонъ съ старою гвардіею прибылъ въ Оршу 7 ноября. 9-го же ноября, когда Платовъ приблизился къ Оршѣ, Французы зажгли городъ и ушли къ Коханову, оставивъ въ городѣ 26 орудій.

Древнѣйшимъ православнымъ храмомъ въ Оршѣ считаютъ церковь св. Николая, а также соборъ Рождества Богородицы и церкви Воскресенія и св. Ильи за Днѣпромъ, за городомъ. При впаденіи рѣчки Кутейны въ Днѣпръ, въ 1623 году новогрудскій кастеланъ Ѳеодоръ Стеткевичъ и его супруга Елена, рожденная княжна Соломерецкая, основали Богоявленскій мужской монастырь, называемый Кутеинскій. Монастырь этотъ существуетъ и нынѣ. Онъ приписанъ къ оршанскому Покровскому (бывшему базиліанскому) монастырю и называется Загороднымъ. При той же рѣчкѣ есть женскій монастырь, основанный въ началѣ XVII ст. Стеткевичемъ, мстиславльскимъ подкоморіемъ, и его матерью Анною, рожденною княжною Огинскою. Алексѣй Михайловичъ, въ 1656 г., посѣтилъ этотъ монастырь и сдѣлалъ значительныя въ пользу его пожертвованія. Всѣ церкви обращены были въ уніатскія. Православными остались только Ильинская и Воскресенская. Іезуиты прибыли въ Оршу въ 1604 г. Левъ Сапѣга построилъ для нихъ костелъ и коллегіумъ. Сигизмундъ III, въ 1611 г., возвращаясь изъ Смоленска, былъ въ Оршѣ и обезпечилъ ихъ положеніе. Они содержали здѣсь школы до изгнанія ихъ изъ Россіи. Въ 1636 г. Андрей Млоцкій основалъ монастырь и костелъ бернардиновъ; въ 1650 князь Іеронимъ Друцкій-Соколинскій основалъ монастырь съ костеломъ доминикановъ; въ 1680 нѣкто Колковскій основалъ монастырь съ костеломъ францисканов; въ 1714 г., Саковичи—монастырь тринитаріевъ; Иванъ Лепковскій, староста поликопскій и оршанскій, съ согласія брата своего, ротмистра Михаила, какъ сонаслѣдника, въ 1758 г. основалъ монастырь и церковь базиліановъ.

Иванъ Лепковскій самъ потомъ вступилъ въ орденъ базиліановъ, принявъ въ монашествѣ имя Іосифа. Достигнувъ званія архіепископа смоленскаго, онъ умеръ въ Оршѣ, въ 1771 г.,и похороненъ въ основанномъ имъ храмѣ (нынѣ Покровскомъ). Лепковскаго, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти, считали почти святымъ. Замѣтимъ при этомъ, что Сигизмундъ III, послѣ взятія Смоленска, захвативъ тамошняго архіепископа Сергія, отправилъ его плѣнникомъ въ Мальборгъ, откуда онъ освобожденъ уже въ 1619 году, и умеръ въ Москвѣ. Въ Смоленскѣ же Сигизмундъ учредилъ архіепископство уніатское, первымъ архіепископомъ коего былъ Левъ Кревза Ржевускій, а послѣднимъ Михаилъ Пашковскій. Затѣмъ, хотя по Андрусовскому миру Смоленскъ отошелъ къ Россіи, польское правительство именовало архіепископовъ смоленскихъ титулярно, хотя они никогда на каѳедрѣ не возсѣдали. Ихъ было десять; въ томъ числѣ князья: Митрофанъ Друцкій-Соколинскій (1671) и Лаврентій Друцкій-Соколинскій (1719); а послѣднимъ — Лепковскій (1771). Всѣ эти монастыри, а также женскіе — маріавитокъ и базиліанокъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, упразднены и ихъ костелы обращены въ церкви; оставленъ только костелъ доминикановъ для католиковъ. Нѣкоторое время существовалъ здѣсь кальвинскій сборъ, въ XVI столѣтіи. Въ окрестностяхъ Орши очень много могилъ - кургановъ. Доисторическія могилы смѣшались здѣсь съ могилами новѣйшихъ временъ, хотя отличить ихъ для опытнаго археолога весьма не трудно. Около *Орши* есть каменоломни известняка. Ломка его и выжиганіе извести составляютъ значительный промыселъ жителей. Нынѣ городъ въ упадкѣ, торговля незначительна, дѣятельность на пристани — ничтожна.

Городня, близъ Орши, о которой мы уже упомянули, съ древнимъ городищемъ, принадлежитъ, какъ поселеніе, къ доисторической эпохѣ.

На лѣвомъ берегу Днѣпра, при впаденіи въ него Крапивны, среди дремучихъ лѣсовъ, въ живописной мѣстности, лежитъ *Дуброва* или *Дубровна*, въ 17 верстахъ отъ Орши. Дубровна съ древнѣйшихъ временъ считалась городомъ и составляла собственность знаменитаго рода Глѣбовичей, подписывавшихся «графами на Дубровнѣ». Съ нею связано много воспоминаній; въ концѣ же прошлаго столѣтія, уже подъ русскимъ владычествомъ, здѣсь совершались дѣянія, въ наше время кажущіяся почти невѣроятными. Одинъ изъ Глѣбовичей, Николай, въ 1630 году, основалъ здѣсь монастырь бернардиновъ. Послѣднею изъ рода Глѣбовичей была Кристина, вышедшая замужъ за виленскаго воеводу Казимира Сапѣгу. Къ нему перешло графство Дубровна съ большими имѣніями и мѣстечками: Любавичи, Ляды, Теолинъ и др. Сапѣги владѣли этимъ графствомъ до 1774 года. Въ 1739 г. графство раздѣлилось на двѣ половины; одна составляла собственность Кристины, княгини Массальской, въ пожизненномъ владѣніи матери ея, княгини Сапѣга, рожденной Солтанъ; а другая принадлежала гетману Сапѣгѣ. Послѣдній, еще во время шведской войны, былъ въ сношеніяхъ съ княземъ Меньшиковымъ и занялъ у него 22 тысячи дукатовъ (по другимъ источникамъ, 59 тысячъ талеровъ).—Изъ-за этого возникла продолжительная тяжба, рѣшенная литовскимъ трибуналомъ въ пользу Сапѣги. Меньшиковъ желалъ завладѣть Дубровной, такъ какъ долгъ его былъ обезпеченъ залогомъ этихъ имѣній; но трибуналъ присудилъ, чтобы онъ доплатилъ 100 тысячъ талеровъ. Въ свое время тяжба эта, много лѣтъ продолжавшаяся, обращала на себя общее вниманіе. Матушевичъ, въ своихъ запискахъ, разсказываетъ, что Меньшикову хотѣлось скрыть свое низкое происхожденіе и приписаться къ литовской шляхтѣ, на что соглашался гетманъ Людовикъ Поцѣй и другіе. Меньшиковъ купилъ отъ Сапѣговъ Горы-Горки; но недолго владѣлъ ими. Послѣ перваго раздѣла Польши и присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи, Дубровна со всѣми принадлежавшими къ ней имѣніями была конфискована, и Екатерина подарила ее князю Потемкину.

Въ юго-западныхъ губерніяхъ, еще въ то время принадлежавшихъ Польшѣ, однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ считался князь Ксаверій Любомирскій, коронный подскарбій (министръ финансовъ). Ему принадлежало 300 деревень и 14 городовъ. Главная его резиденція была въ Смилѣ, гдѣ онъ на свой счетъ устроилъ сильныя укрѣпленія и содержалъ значительный гарнизонъ. Любо-

мирскій — личность типичная, дитя своего вѣка. Онъ строилъ монастыри и костелы, былъ благодѣтелемъ своихъ крестьянъ, хотя и отличался суровостью въ обращеніи съ ними; но крестьяне считали его справедливымъ. Онъ много жертвовалъ на богоугодныя дѣла, на пользу просвѣщенія и въ то же время былъ гордъ, властолюбивъ, мстителенъ, жестокъ, не хотѣлъ никому и ничему подчиняться, даже самому королю. Онъ вооружилъ противъ себя магнатовъ и короля до такой степени, что преданъ былъ суду и ему угрожала *банницгя,* т. е. изгнаніе изъ края. Тогда Любомирскій прибѣгъ подъ покровительство князя Потемкина и вошелъ съ нимъ въ сдѣлку по обмѣну имѣній. Около 1783 г. сдѣлка эта состоялась: Потемкинъ сдѣлался владѣльцемъ Смилы со всѣми городами и деревнями, а Любомирскій получилъ Дубровну со всѣми имѣніями, да еще въ придачу большую сумму денегъ, чинъ русскаго генерала и ленту. Переѣхавъ въ Бѣлоруссію и поселившись въ Дубровнѣ, онъ освободился отъ суда и преслѣдованій своихъ враговъ. Дубровна закипѣла жизнію и сдѣлалась центромъ съѣздовъ дворянства и чиновнаго люда съ цѣлой губерніи. У князя была дочь Клементина. Онъ былъ вдовъ, послѣ кончины жены, гр. Потоцкой, родной сестры извѣстнаго Щенснаго-Потоцкаго. Въ началѣ царствованія императора Павла, Любомирскому понадобилось съѣздить въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ онъ поручилъ губернатору, т. е. управляющему въ Дубровнѣ, Лускину, чтобы всѣ требованія княжны исполнялись въ точности. Братъ Лускина былъ маршаломъ въ Оршѣ. Онъ далъ балъ въ честь княжны. Въ числѣ гостей былъ молодой, небогатый, но красивый собою помѣщикъ, Петръ Кройеръ. Молодые люди сошлись, танцовали весь вечеръ и покончили дѣло. На другой день, весьма секретно, явился Кройеръ въ Дубровнѣ, особымъ входомъ вошелъ съ свидѣтелями въ комнаты княжны, гдѣ уже все было приготовлено и гдѣ ихъ ожидалъ монахъ изъ монастыря. Монахъ ихъ обвѣнчалъ. Затѣмъ княжна пригласила къ себѣ Лускина, который ничего не зналъ о происшедшемъ, и велѣла ему принести всю наличную сумму, какая имѣется въ кладовой. Когда значительная сумма была ей вручена, молодые немедленно уѣхали въ Могилевъ, гдѣ просили защиты губернатора, которому объявили, что жизнь Кройера въ опасности, что отецъ непремѣнно убьетъ его. Увѣдомленный о случившемся, Любомирскій поспѣшилъ въ Дубровну. Пріѣхалъ къ вечеру, разспросилъ какъ что было, поужиналъ и легъ спать. Вдругъ ночью вспыхнулъ страшный пожаръ; загорѣлся монастырь и сгорѣлъ до тла со всѣмъ имуществомъ. Никто его и не спасалъ; отстояли только костелъ. На другой день вытащили изъ Днѣпра двухъ утопленниковъ: это были монахъ, вѣнчавшій молодыхъ, и другой, бывшій свидѣтелемъ. Прочіе монахи бѣжали въ лѣсъ и потомъ пріютились въ другихъ монастыряхъ. Вѣсть объ этомъ скоро разнеслась по всему краю. Всѣ были убѣждены, что князь велѣлъ сжечь монастырь и утопить монаховъ. Вѣсть эта достигла и Петербурга. Императоръ Павелъ велѣлъ генералъ-губернатору Пассеку изслѣдовать лично дѣло на мѣстѣ. Пассекъ пріѣхалъ въ Дубровну, конечно, съ секретаремъ. Князь принялъ его отлично, угостилъ и предложилъ поиграть въ карты. Пассекъ, какъ извѣстно, былъ страстный игрокъ. Играли долго, и Пассекъ много выигралъ. На другой день повторилось то же; Пассекъ опять выигралъ, а между тѣмъ, секретарь производилъ слѣдствіе, скоро окончилъ и представилъ рапортъ къ подписи, въ которомъ генералъ-губернаторъ доносилъ императору, что слухи оказались ложными, что монастырь сгорѣлъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, а монахи утонули тоже по неосторожности, случайно; что на все была воля Божія, а преступленія никто не совершилъ никакого. Рапортъ отправили съ фельдъегеремъ прямо изъ Дубровны. Пассекъ, по приглашенію Любомирскаго, оставался въ Дубровнѣ столько времени, сколько было нужно по разсчету, чтобы донесеніе попало въ руки императора. Говорили, что Пассекъ вообще выигралъ болѣе 100,000. Вотъ какія дѣла творились въ Дубровнѣ. Преданіе объ этомъ еще недавно было свѣжо въ Бѣлоруссіи. Дубровна и теперь принадлежитъ Любомирскимъ. Князь Ксаверій оставилъ добрую память въ своихъ имѣніяхъ: онъ любилъ садоводство и заставлялъ своихъ крестьянъ заводить сады при каждой усадьбѣ. Садами и теперь славятся деревни, принадлежащія къ Дубровнѣ.

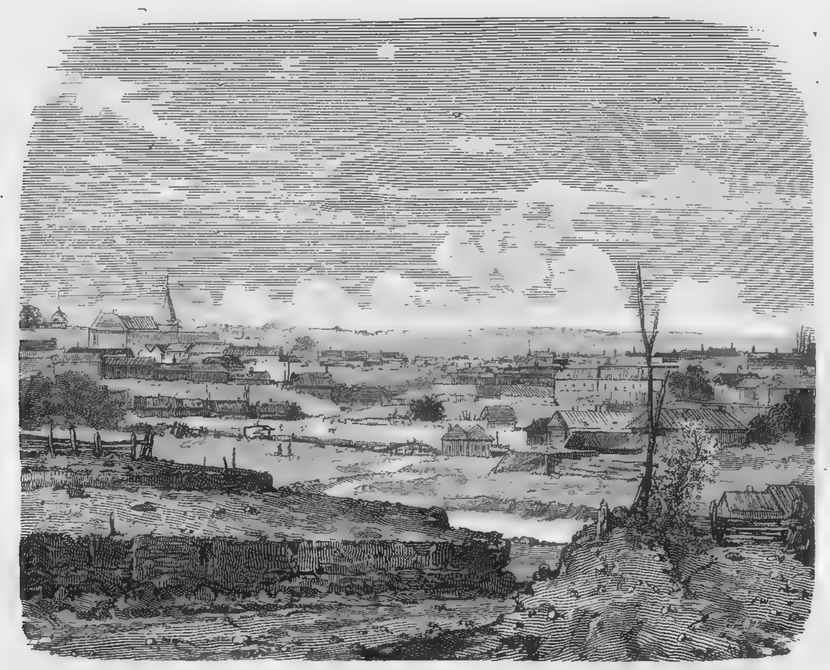
Отъ второй жены Любомирскаго, дочери гетмана Станислава Ржевускаго (съ которою онъ развелся и въ третій разъ женился на Маріи Львовнѣ Нарышкиной, дочери оберъ-гофъ-маршала), дочь ихъ Каролина вышла за графа Феликса Струтынскаго и получила въ приданое имѣніе *Теолинъ*. Здѣсь Струтынскій принималъ Наполеона въ 1812 г. Въ Теолинѣ было собрано много драгоцѣнныхъ предметовъ искусствъ, и, между прочимъ, здѣсь находилась въ свое время извѣстная картинная галлерея Милорадовича, послѣ смерти послѣдняго купленная Струтынскимъ. Послѣдній былъ замѣчательнымъ віолончелистомъ, а сынъ его, Юлій, русскій маіоръ, извѣстенъ въ польской литературѣ подъ именемъ Берлича-Саса.

Кройеру досталось мѣстечко *Любавичи,* при р. Березинѣ, долгое время славившееся своею крещенскою ярмаркою, на которую съѣзжалось много купцовъ и дворянства. Оборотъ ярмарки простирался до полумилліона рублей. Въ Любавичахъ живетъ главный раввинъ еврейской секты Хассидовъ. Этотъ *великій раввинъ,* какъ его величаютъ, въ то же время—лекарь, судья, пророкъ. Къ нему стекаются со всѣхъ сторонъ тысячи Евреевъ и дорого платятъ за каждое его слово, совѣтъ, даже лицезрѣніе. Но возвратимся еще разъ къ Кройеру. Изъ скромнаго, молодаго человѣка, въ котораго влюбилась княжна Любомирская, онъ превратился въ деспота, эксцентрика, и въ цѣломъ краѣ былъ извѣстенъ своими чудачествами. Два раза приглашалъ духовенство и сосѣдей на свои похороны, а когда входили въ залу для отпѣванія, встрѣчалъ ихъ въ гробу съ бокаломъ шампанскаго. Когда же дѣйствительно умеръ, никто не вѣрилъ и не хотѣлъ ѣхать на похороны. Можно было бы цѣлые томы написать о его выходкахъ и сумасбродствахъ. Сынъ его, отставной гвардіи полковникъ, убитъ дворовыми людьми за жестокое обращеніе. Нынѣ, какъ Теолинъ, такъ и Любавичи опять принадлежатъ Любомирскимъ.

Бабиновичи, заштатный городъ, лежитъ на довольно значительной возвышенности при р. р. Верхитѣ и Черницѣ, а также при озерѣ Бабиновецкомъ. Бабиновичи составляли королевское староство; въ 1777 назначены уѣзднымъ городомъ Могилевской губ., а въ 1840, по упраздненіи уѣзда, заштатнымъ. — Мы уже упомянули объ *Обольцахъ*, гдѣ Ягайло основалъ первый католическій костелъ въ Бѣлоруссіи въ 1378 г., а при Сигизмундѣ III назначено благочиніе (деканатъ) на всю Бѣлоруссію, и гдѣ потомъ учреждена суфраганія (викаріатъ) виленскаго епископства. Въ лѣтописяхъ Обольцы упоминаются подъ именемъ *Обльче*. Нынѣ—ничтожное мѣстечко. При р. Смолянкѣ, въ 29 верстахъ отъ Орши, находится небольшое мѣстечко *Коханово*, о которомъ мы тоже уже упомянули, достопримѣчательное находящимся близъ него большимъ камнемъ, называемымъ Рогволодовымъ, который мы причисляемъ къ древнимъ дольменамъ. — При рѣчкѣ Дерновкѣ лежитъ незначительное мѣстечко, съ ярмарками, *Смоляны*; въ XV ст. оно принадлежало Бѣльскимъ; потомъ король Александръ Ягеллонъ, въ 1501 г. подарилъ его своей супругѣ Еленѣ Іоанновнѣ, а послѣ ея смерти оно перешло во владѣніе князя Константина Острожскаго и затѣмъ Сигизмундомъ-Августомъ подарено извѣстному князю Курбскому, послѣ побѣга его отъ Іоанна Грознаго. Курбскій боялся жить близъ русскихъ границъ и потому промѣнялъ Смоляны съ Обольцами, тоже ему принадлежавшими, на Ковель въ Волынской губерніи, принадлежавшій Сангушкѣ, и сталъ именоваться княземъ на Бѣломъ Ковлѣ. Ошибочно полагаютъ нѣкоторые, что будто-бы здѣсь жила Бона, супруга Сигизмунда I. Въ Смолянахъ, на древнемъ городищѣ, построенъ былъ замокъ, а такъ какъ Бона дѣйствительно исправила или построила нѣсколько замковъ, то въ Литвѣ чуть не каждый замокъ называютъ замкомъ Боны. Послѣдняя умерла еще при жизни сына Сигизмунда-Августа въ 1557 г., и потому не могла давать привиллегіи на переименованіе Смолянъ въ мѣстечко въ 1678 г., какъ ошибочно пишутъ нѣкоторые. Замокъ въ Смолянахъ, котораго слѣды еще видны, разрушенъ Русскими въ 1708 г., причемъ захваченъ въ плѣнъ шведскій генералъ Канниферъ. — При р. Березинѣ находится мѣстечко *Рудня*, о которой упоминается подъ именемъ Родни, когда ее завоевалъ полоцкій князь Андрей Ольгердовичъ. Она принадлежала тогда Смоленскому княжеству. Въ здѣшней церкви находится чудотворная икона Богородицы, извѣстная подъ именемъ Руденской, празднуемая 12 октября.

Она явилась въ 1687 г. — Близъ смоленской границы, при оз. Голобаѣ, сохранились слѣды древняго городища, окруженнаго озерами. Оно извѣстно подъ именемъ *Микулино-городище;* объ немъ упоминается въ лѣтописяхъ въ XIV ст. Потомъ, въ XVII ст. оно входило въ составъ Витебскаго повѣта и было сборнымъ пунктомъ для войскъ, шедшихъ къ Москвѣ.

Горы-Горки, на возвышенныхъ берегахъ рѣки Прони и рѣчекъ Паросицы и Копылки, уѣздный городъ съ 1861 г., вмѣсто Копыся по упраздненіи Копысскаго уѣзда, вмѣсто котораго учрежденъ Горѣцкій съ отведеніемъ въ составъ онаго частей Могилевскаго, Оршанскаго и б. Копысскаго уѣздовъ. Горы-Горки назывались прежде Горки-Малыя и принадлежали къ большой вотчинѣ князей Друцкихъ-Горскихъ, которой главнымъ поселеніемъ были Горы-Большія. Въ XVI столѣтіи вотчина эта поступила во владѣніе Сапѣговъ. Изъ нихъ знаменитый канцлеръ Левъ Сапѣга даровалъ жителямъ какъ Большихъ, такъ и Малыхъ Горъ особыя права,

Горы — Горки.

въ родѣ магдебургскихъ, дозволивъ мѣщанамъ учредить собственный судъ. Горы-Большія принадлежатъ къ древнимъ поселеніямъ. Здѣсь на городищѣ построенъ былъ замокъ съ семью башнями. Въ половинѣ XVII ст. Горки поступили во владѣніе князей Мирскихъ, а въ XVIII сдѣлались собственностью Соллогубовъ, кои подписывались графами на Горкахъ. Въ началѣ же этого столѣтія, какъ мы уже замѣтили выше, нѣкоторое время принадлежали князю Меньшикову. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Горки отличались великолѣпіемъ, блескомъ и роскошью барской жизни генеральши графини Соллогубъ, рожденной Нарышкиной. Послѣ битвы подъ Лѣснымъ, во время шведской войны, Карлъ XII, въ 1708 г., окопался въ Горкахъ. Окопы эти и до сихъ поръ существуютъ полуразрушенными, и народъ называетъ ихъ «шведскими». Здѣсь же существовалъ, извѣстный подъ именемъ Горыгорѣцкаго, земледѣльческій институтъ, на правахъ высшаго учебнаго заведенія. При институтѣ находилось земледѣльческое училище, учебная ферма и чугунно-литейный заводъ, на которомъ приготовлялись разныя земледѣльческія машины. Первымъ директоромъ и образователемъ института былъ Александръ Антоновичъ

Де-ла-Гарди. Какъ печальное послѣдствіе мятежа 1863 года и извѣстной битвы въ Горы-Горкахъ, земледѣльческій институтъ, въ 1864 году, переведенъ въ Петербургъ на мѣсто Лѣснаго.

На лѣвомъ берегу Днѣпра лежитъ *Копысь*, весьма древнее поселеніе. При устьѣ небольшой рѣчки, впадающей въ Днѣпръ, находится древнее городище и на немъ построенъ былъ замокъ. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ Копысѣ, въ 1059 году, умеръ, на возвратномъ пути изъ Кіева въ Новгородъ, архіепископъ новгородскій Лука Жидята. Въ 1116 г. Копысь былъ завоеванъ Владиміромъ Мономахомъ, потомъ въ половинѣ XII ст. считался въ княжествѣ Смоленскомъ. Съ начала XVI ст., если не ранѣе, Копысь принадлежалъ князьямъ Острожскимъ. Отъ нихъ перешелъ къ Радзивилламъ, какъ приданое княжны Екатерины Острожской, вышедшей за литовскаго канцлера и виленскаго воеводу князя Христофора Радзивилла. Послѣдній основалъ здѣсь кальвинскій сборъ, существующій и до нынѣ. Копысь неоднократно подвергался нападеніямъ и разоренію со стороны русскихъ и козаковъ, а также во время Шведской войны. Въ 1708 г. здѣсь былъ Петръ В.—Наконецъ, въ 1812 г., храбрый партизанъ Давыдовъ, 9 ноября, напалъ на переправлявшихся черезъ Днѣпръ французовъ, взялъ большое число въ плѣнъ и захватилъ ихъ обозъ, а 12 ноября здѣсь же переправился черезъ Днѣпръ фельдмаршалъ Кутузовъ съ арміею. Въ 1777 г., Копысь назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ; въ 1796 оставленъ за штатомъ, въ 1802 снова сдѣланъ уѣзднымъ и въ 1861, съ упраздненіемъ уѣзда, снова остался заштатнымъ.

Въ Горыгорѣцкомъ уѣздѣ есть еще небольшое мѣстечко *Ляды* при рѣкѣ Мереѣ. Уже самое названіе его доказываетъ глубокую древность поселенія. Надобно полагать, что здѣсь могло существовать капище богини Лады или Ляды, о которой воспоминанія и до сихъ поръ живы въ народѣ, которой имя упоминается въ пѣсняхъ купальныхъ (24 іюня), а также въ праздникъ Ярилы, или св. Георгія, 24 апрѣля.— Въ Лядахъ около 3 т. жит., бываютъ 3 ярмарки, но торговые обороты незначительны.

Сѣнно, при озерѣ того же имени, на возвышенныхъ мѣстахъ, самый бѣдный и мало-заселенный изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Могилевской губерніи. Болѣе примѣчательное по своей древности и историческимъ воспоминаніямъ поселеніе въ Сѣннинскомъ уѣздѣ —это *Лукомль*, расположенный на лѣвомъ берегу у истока рѣчки Лукомли изъ озера Лукомльскаго—бывшая столица удѣльнаго княжества. Сохранившіеся слѣды вала и рва, окружавшихъ городище, на которомъ построенъ былъ замокъ, доказываютъ его древность. Когда, въ 1078 г., Всеславъ Полоцкій сжегъ Смоленскъ, Владиміръ Мономахъ, въ отмщеніе сжегъ Лукомль. Послѣдній одновременно съ Полоцкомъ, отъ котораго зависѣлъ, подпалъ подъ власть Литвы, но имѣлъ своихъ удѣльныхъ князей Лукомльскихъ. Андрей Ольгердовичъ, старшій братъ Ягайлы, не хотѣлъ ѣхать въ Краковъ на крещеніе и бракосочетаніе брата съ Ядвигою. Онъ даже возсталъ противъ великаго князя и короля, пригласилъ на помощь рыцарей и съ ними напалъ на Лукомль; укрѣпленія были такъ сильны, что только послѣ продолжительной осады и штурма Андрей успѣлъ захватить замокъ, но вскорѣ былъ схваченъ и отосланъ плѣнникомъ въ Краковъ. Изъ князей Лукомльскихъ извѣстенъ Иванъ, ѣздившій въ Москву съ намѣреніемъ лишить вел. кн. Іоанна Васильевича жизни, за что былъ казненъ въ 1493. Но родъ этихъ князей не прекратился. Они владѣли Лукомлемъ даже во время Стефана Баторія. 25 ноября 1576 г. король писалъ къ воеводѣ полоцкому Дорогостайскому, «чтобы онъ наблюдалъ за границею между воеводствами, рѣкою Оболя, внизъ до Двины и далѣе Двиною *до самой границы князей Лукомльскихъ*». Князья Лукомльскіе назывались также и Стародубскими (Черниговской губ.). Извѣстно, что вторая супруга знаменитаго Витовта, Марія, была дочерью Андрея, князя Лукомльскаго и Стародубскаго. Изъ этого же рода происходили князья Полубинскіе, владѣтели Лубна. Родъ князей Лукомльскихъ, или Лукомскихъ существовалъ въ Литвѣ еще подъ конецъ XVII столѣтія, во внутренней же Россіи, кажется, и теперь еще существуетъ.— Въ Сѣннинскомъ уѣздѣ находится мѣстечко *Островно*, памятное трехдневною битвою 13—15 іюля 1812 года съ Францу-

зами.— Есть еще незначительное мѣстечко *Крупка* при р. Крупкѣ, впадающей въ Бобръ, съ большою мельницею, крупчаткой, на которой выдѣлываютъ въ годъ болѣе тридцати тысячъ пудовъ крупъ на сумму свыше 30 т. р. Ее развозятъ отсюда въ отдаленные даже города.

Какъ по древности, такъ и по историческимъ воспоминаніямъ, къ замѣчательнѣйшимъ городамъ Могилевской губерніи принадлежитъ уѣздный городъ *Мстиславль*, при рѣкѣ Вехрѣ, недалеко отсюда впадающей въ Сожъ, нѣкогда столица удѣльнаго княжества, потомъ главный городъ Мстиславльскаго воеводства. За оврагомъ, возлѣ бывшаго кармелитскаго костела, есть высокая гора, несомнѣнно древнее городище, на которомъ былъ замокъ и въ немъ древнѣйшая въ Мстиславлѣ церковь св. Троицы, сожженные Русскими въ 1654. Замокъ былъ отстроенъ вновь и сильно укрѣпленъ въ 1676 г. — На берегу Вехры, вблизи кладбища, есть мѣстность, съ незапамятныхъ временъ называемая *Дѣвичій городокъ,* названіе, конечно, относящееся къ глубокой древности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мстиславль, вмѣстѣ съ Радомлемъ и Рясною, были древнѣйшими поселеніями въ землѣ Радимичей; но когда Мстиславль сталъ удѣльною столицею — положительныхъ свѣдѣній нѣтъ. Ежели предположить, что названіе произошло отъ Мстислава, основателя столицы, то Мстиславовъ, потомковъ Владиміра В., владѣтелей разныхъ удѣловъ, было много. Есть мнѣніе, что основателемъ былъ въ началѣ XI столѣтія Мстиславъ Вадиміровичъ, т. е. сынъ Владиміра Равноапостольнаго; но лѣтописи объ этомъ молчатъ. Въ 1150 г. смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ обложилъ Мстиславль податью, состоявшею изъ лисицъ; сынъ его Романъ Ростиславичъ около 1180, отдалъ Мстиславль сыну своему Мстиславу Романовичу. Такъ говоритъ Воскр. Лѣт., но отдача въ удѣлъ еще не значитъ основанія города несомнѣнно уже существовавшаго. Послѣ смерти отца, Мстиславъ, занявъ Смоленское княжество, господствовалъ въ то же время и въ Мстиславлѣ. Кажется, съ этого времени зависимость отъ Смоленска продолжалась до 1358 г., когда вел. кн. Ольгердъ присоединилъ его къ Литвѣ и потомъ назначилъ удѣльнымъ княземъ сына своего Симеона Лугвенія, котораго считаютъ родоначальникомъ князей Мстиславльскихъ. Удѣлъ этотъ состоялъ изъ нынѣшняго Мстиславльскаго уѣзда и отчасти Чаусовскаго и Чериковскаго съ древними городами Радомлемъ и Рясною. Мы уже знаемъ о страшной битвѣ подъ Мстиславлемъ въ 1386 г., въ которой были разбиты Святославъ Смоленскій съ союзниками его Крестоносцами. Симеонъ былъ женатъ на сестрѣ вел. кн. московскаго Василія Дмитріевича. Ему наслѣдовалъ сынъ его Юрій, около 1440; потомъ сынъ послѣдняго Иванъ около 1463; далѣе нѣкто Михаилъ Ивановичъ Жеславскій, женившійся на единственной дочери князя Ивана, Іуліаніи, которому король въ 1499 дозволилъ именоваться княземъ Мстиславскимъ и владѣть удѣломъ. Съ нимъ прекращается родъ князей этого удѣла; одинъ сынъ его умеръ при жизни отца, другой уѣхалъ въ Россію и тамъ остался навсегда. Тогда князь Мстиславльскій, съ согласія короля Сигизмунда Стараго, въ 1527 г., усыновилъ королевича Сигизмунда-Августа и ему отказалъ княжество. Фактъ весьма замѣчательный, тѣмъ болѣе, что у него были четыре дочери, изъ коихъ одна была за княземъ Степаномъ Андреевичемъ Збаражскимъ, а другая — за княземъ Андреемъ Сангушко. Дочерямъ и второй своей супругѣ, Василисѣ Ивановнѣ, онъ оставилъ волости, замки и наличными деньгами дочерямъ по 500 копъ лит. грошей, а супругѣ 1000 копъ грошей чешскихъ. Такимъ образомъ Мстиславльское княжество превратилось въ староство и первымъ старостою назначенъ былъ князь Иванъ Соломерецкій. Въ 1569 г. учреждено Мстиславльское воеводство. Первымъ воеводою былъ Юрій Остикъ. Въ 1634 г. городъ получилъ магдебургское право.

Князь Семенъ Ольгердовичъ, въ 1407 г., построилъ въ 15 верстахъ отъ города монастырь Онуфріевскій. Въ монастырской церкви, обращенной въ приходскую, хранились портреты сына его Юрія Семеновича и его супруги Софіи. Въ 1537 г. вдова князя Михаила Ивановича построила, вмѣсто деревянной св. Троицкой церкви, существовавшей въ замкѣ, каменную и при ней монастырь, называвшійся *нагорнымъ*. Онѣ сгорѣли вмѣстѣ съ замкомъ въ 1645 г. Въ 1641 г.

нѣкто Маскевичъ построилъ Тупическій Духовъ монастырь. Въ послѣднее время считалось въ самомъ городѣ два монастыря и 9 церквей (съ монастырскими) и одинъ костелъ. Первый римско-католическій костелъ въ Мстиславлѣ построенъ былъ Петромъ Пацомъ, старостою мстиславльскимъ въ 1626 г. Около 1638 возлѣ Замковой горы основанъ костелъ и монастырь кармелитовъ; около 1676 года Дажибогъ Каминскій построилъ монастырь и костелъ доминиканцевъ; около 1727 витебскій хорунжій Иванъ Гурко основалъ монастырь бернардиновъ. Іезуиты имѣли здѣсь свою миссію съ 1616 г.; въ 1640 они основали здѣсь коллегіумъ и построили великолѣпный костелъ. Съ того же времени они содержали училище, существовавшее до самаго ихъ удаленія. Потомъ бернардины содержали здѣсь шестиклассную гимназію до 1831 года. Былъ въ Мстиславлѣ и женскій католическій монастырь, при которомъ прочіе содержали училище для дѣвицъ. Кармелитскій костелъ обращенъ въ приходскій; всѣ монахини обращены въ православныя церкви. Іезуитскій коллегіумъ съ костеломъ обращены въ Никольскій монастырь; въ зданіи же, гдѣ помѣщалось іезуитское училище, теперь помѣщается училище духовное. Пустынскій монастырь былъ обращенъ въ базиліанскій, а послѣ 1839 г. въ православный. Въ монастырской церкви находится чудотворная икона Божіей Матери. Въ 10 верстахъ отъ города, въ с. *Мазановщизнѣ*, существуетъ преображенскій женскій монастырь, основанный въ 1665 г. Маріанною Суходольскою. Въ 1727 г. обращенъ въ уніатскій, а въ 1778 опять въ православный. Наканунѣ Вознесенія Господня изъ Мстиславля совершается въ Мозановщизну крестный ходъ съ иконою Богородицы изъ Никольскаго монастыря. Икона остается здѣсь до 9-го четверга по Пасхѣ, послѣчего опять торжественно относится въ Мстиславль. — Мстиславль былъ театромъ многихъ кровавыхъ битвъ, нападеній, пожаровъ. Памятны и до сихъ поръ неистовства и ужасы, какіе здѣсь производилъ кн. Трубецкой въ 1654 г. Но о важнѣйшихъ событіяхъ мы уже упомянули въ историческомъ очеркѣ. — По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, въ 1772 г., Мстиславльское воеводство переименовано въ провинцію, въ 1777 г. Мстиславль сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Бѣлорусской губерніи, а въ 1796 г. — Могилевской. — Императрица Екатерина посѣтила Мстиславль въ 1780 г. — Мстиславль и нынѣ ведетъ довольно значительную торговлю, преимущественно пенькою, хлѣбомъ и лошадьми.

Мстиславль.

Среди прекрасныхъ окрестностей Мстиславля, въ четырехъ верстахъ отъ города, есть большое озеро и селеніе, называемое *Святозерье* или *Киркорово*. Святозерьемъ названо потому, что, по народному преданію, на этомъ мѣстѣ стояла церковь, но въ землѣ образовался провалъ, церковь обрушилась въ него, и на мѣстѣ провала образовалось озеро. Жители съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаютъ, что надъ озеромъ бываетъ слышенъ колокольный звонъ и въ водѣ даже видны башни церкви. Понятно, что въ зеркальной поверхности воды можетъ отражаться одна изъ башенъ мстиславльскихъ храмовъ, можно услышать и звонъ городскихъ храмовъ Такихъ преданій о провалившихся храмахъ много на Руси. Но весьма вѣроятно, что въ доисторическое время могло здѣсь существовать озерное жилище.

Въ Мстиславльскомъ уѣздѣ семь мѣстечекъ: *Захарьино, Кадинъ, Казимірова Слобода, Монастырщина, Татарскъ, Хославичи* и *Шамово.* Изъ нихъ только Хославичи на Сожѣ замѣчательны Борисо-Глѣбовскою ярмаркою, особенно на лошадей. Владѣльцы мѣстечка, гр. Салтыковы, содержали большой лошадиный заводъ. — Въ этомъ же уѣздѣ находится имѣніе *Конюхово,* съ XVI ст. находившееся во владѣніи Кирковъ и только въ нынѣшнемъ столѣтіи перешедшее въ чужія руки.

На значительной возвышенности, перерѣзанной оврагами, при рѣкѣ Басѣ или Бощи, впадающей въ Проню, лежатъ *Чаусы,* уѣздный городъ. Чаусы принадлежали къ экономіи Могилевскаго староства. Въ 1653 Николай Казиміръ Подбипента основалъ здѣсь монастырь кармелитовъ. Въ городѣ три церкви. Костела нѣтъ. Чаусы ведутъ довольно значительную торговлю. Изъ мѣстечекъ въ Чаусовскомъ уѣздѣ болѣе примѣчательны: *Дрибинъ,* при рѣкѣ Пронѣ и Голышѣ. Мѣщане здѣшніе славятся отличною выдѣлкою жернововъ и ведутъ довольно значительную торговлю хлѣбомъ и пенькой. *Горы,* при рѣкѣ Быстрой. По записи Мстиславльскаго князя Горы были подарены Никольскому Нагорному монастырю въ Мстиславлѣ. *Радомля* или *Радомль* и *Рясна,* древнѣйшія поселенія въ этой странѣ, — нѣкогда значительные города, нынѣ незначительныя мѣстечки. Въ Радомлѣ существовалъ приходскій костелъ. Мѣстечко принадлежало Ходкѣвичамъ. Былъ здѣсь и замокъ, существовавшій въ XVI столѣтіи, отданный на житье Өедору Михайловичу Мстиславльскому; отсюда онъ бѣжалъ въ Москву въ 1526 году. *Сухарь* или *Сухаревичи* принадлежали къ Могилевскому замку. У меня хранится грамата короля Сигизмунда-Августа отъ 30 ноября 1569 г., данная Павлу Киркору, коею дарится ему *мѣстность* въ Сухаревичахъ, при рѣкѣ Басѣ, за его воинскія заслуги, и, что любопытнѣе,—за то еще, что онъ владѣлъ иностранными языками. Въ граматѣ сказано: «а къ тому тежъ ведаючи о немъ, же ся и въ иншихъ разахъ службами своеми сгодыты можеты, по у многыхъ посторонныхъ земляхъ бывалыхъ и разныхъ языковъ турецкаго, татарскаго, больгарскаго, сербскаго и волоскаго маетны.»

Уѣздный городъ *Чериковъ,* на правомъ берегу Сожи. Древнее поселеніе, съ сохранившимися остатками земляной насыпи, вѣроятно городища. Въ 1604 г. Сигизмундъ III селеніе Чериковъ переименовалъ въ городъ. Въ 1649 г. казацкія полчища потерпѣли здѣсь большое пораженіе. Въ 1708 г. Карлъ XII хотѣлъ здѣсь переправить свои войска черезъ Сожъ, но былъ разбитъ Русскими. Уѣзднымъ городомъ Чериковъ назначенъ въ 1775 г.

Въ Чериковскомъ уѣздѣ болѣе замѣчательныя мѣстечки: *Малятичи* при Черной Натонѣ. Здѣсь митрополитъ Сестренцевичъ построилъ великолѣпный костелъ, въ архитектурномъ отношеніи подражая извѣстному храму св. Петра и Павла въ Римѣ. Костелъ этотъ, въ 1835 году обращенъ въ православную церковь. *Краснополье* при р. Турсѣ. Здѣсь четыре ярмарки въ году, и Евреи ведутъ значительную торговлю пенькою. *Студенецъ* при р. Бѣседи, мѣстечко довольно населенное.

На границѣ Чериковскаго и Климовицкаго уѣздовъ лежитъ *Кричевъ,* древнѣйшее поселеніе въ странѣ, на правомъ берегу Сожи и по обѣимъ сторонамъ рѣчки Кричевки, или Кричеватки. На берегу Сожи, на высокой горѣ было городище, съ теченіемъ времени замѣненное сильно укрѣпленнымъ замкомъ съ валами и рвами. Черезъ главный ровъ сдѣланъ былъ подъемный мостъ на цѣпяхъ. Площадка, на которой стоялъ замокъ, равняется въ діаметрѣ почти 250 метрамъ. Еще недавно видны были слѣды развалинъ замка. Сохранились отчасти валъ и рвы и даже подземные ходы, вѣроятно, существующіе со временъ городища. При литовскомъ владычествѣ въ этихъ подземельяхъ заключали преступниковъ. О Кричевѣ сохранилось много преданій, относящихъ существованіе поселенія ко временамъ язычества. По преданію, церковь св. Николая построена на фундаментахъ бывшаго языческаго капища. Основаніе поселенія приписываютъ еще Кривичамъ. Но есть другое преданіе о происхожденіи названія Кричева. Оно приписывается чуду: именно, когда язычники приносили жертвы своимъ богамъ, раздался гласъ свыше, повелѣвавшій оставить язычество и креститься, что и было исполнено. Отъ

крика, раздавшагося надъ ихъ головами, назвали Кричевъ и на томъ мѣстѣ построили монастырь. Историческое значеніе города начинается съ 1359 г., когда Кричевъ, вмѣстѣ съ Мстиславлемъ, присоединенъ былъ къ Литвѣ и когда удѣльнымъ княземъ назначенъ былъ Семенъ (Лугвеній) Ольгердовичъ. Въ 1410 г. былъ въ Кричевѣ король Ягайло. Городъ неоднократно подвергался нападеніямъ Русскихъ. Въ 1507 литовскій гетманъ Станиславъ Кишка на кричевскихъ поляхъ разбилъ князя Михаила Глинскаго. Въ слѣдующемъ году московскій воевода Образцовъ былъ убитъ съ замковыхъ укрѣпленій изъ пищали; зато князь Щеня и бояринъ Захарьинъ выжгли окрестные села и посады. Въ послѣдующіе годы борьба продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ, но самый тяжелый ударъ нанесенъ былъ кн. Шуйскимъ въ 1535 г. Наиболѣе страдали окрестности, потому что самымъ замкомъ не удавалось завладѣть. Когда Мстиславльское княжество было подарено, какъ мы уже знаемъ, Сигизмунду-Августу, тогда и Кричевъ съ принадлежащими къ нему мѣстечками: Милославичи, Хотимскъ, Забычавье и Студенецъ, объявлены были староствами. Собственно, первое отдѣленіе отъ Мстиславля послѣдовало въ 1511 году, когда Сигизмундъ I повелѣлъ слѣдующую дань вносить непосредственно въ казну. Какъ староство, оно было жалуемо разнымъ лицамъ. Такъ, попеременно старостами были: братья Шолухи, князь Соломерецкій, князь Лукомльскій, графъ Веселовскій, Пацъ, князь Радзивиллъ, маршалъ Мнишекъ. Владиславъ IV въ 1634 и 1637 гг. даровалъ городу магдебургское право и разныя преимущества. Жители содержали два гостиныхъ двора, и по случаю раззорительныхъ набѣговъ и грабежей со стороны казаковъ, не разъ были освобождаемы отъ податей. Въ 1664 г. князь Черкасскій разбилъ польское войско, которымъ предводительствовалъ самъ король Іоаннъ-Казимиръ; въ 1708 году, на лугу, на берегу Сожи, стоялъ съ войскомъ Петръ Великій, чтобы воспрепятствовать Карлу XII переправиться черезъ рѣку. Мѣсто это и теперь называютъ Петровъ лугъ. На этомъ лугу и до сихъ поръ совершаются въ день св. Троицы игрища—остатокъ древняго празднества въ честь богини Дивы. Послѣ Полтавской битвы, Карлъ XII опять былъ въ Кричевѣ и здѣсь построилъ два моста на Сожи, черезъ которые проходили остатки его арміи. Въ 1740 г. нѣкто Иванъ Васчило, владѣлецъ села Селиче, набралъ шайку, и съ нею грабилъ и убивалъ въ особенности Евреевъ и раскольниковъ. Въ 1743 онъ напалъ даже на Кричевъ и здѣсь ограбилъ многихъ жителей. Только тогда приняты были рѣшительныя мѣры; командированныя сюда войска нѣкоторыхъ разбойниковъ убили въ стычкѣ, другихъ повѣсили за ребра или посадили на колъ, но Васчила успѣлъ бѣжать въ Малороссію.

Изъ шести церквей въ Кричевѣ древнѣе всѣхъ церковь св. Николая, о которой мы уже упомянули. Церковь св. Ильи построена королемъ Казимиромъ Ягеллономъ въ память спасенія его супруги, едва не утонувшей при переправѣ черезъ Сожъ.— Послѣ перваго раздѣла Польши, Екатерина II Кричевское староство съ десятью тысячами душъ подарила князю Потемкину. Въ Бѣлоруссіи сохранилось воспоминаніе, не лишенное интереса, о томъ, какимъ образомъ такое громадное имѣніе отъ Потемкина перешло къ бѣлорусскому шляхтичу. Событіе это разсказываютъ различно, конечно, съ неизбѣжными прикрасами; но мы передадимъ только суть дѣла, какъ характеризующую дѣйствующихъ лицъ и духъ времени. Кричевское староство занимало значительное пространство въ одномъ обрубѣ. Но въ срединѣ его находилась небольшая усадьба принадлежавшая помѣщику Ивану Голынскому, владѣльцу другихъ имѣній, но не очень богатому. Великолѣпному князю Тавриды не могло нравиться, что среди его обширнаго графства (титулъ присвоенный староству) сидитъ на клочкѣ земли бѣлорусскій шляхтичъ, и онъ поручилъ своему управляющему купить у Голынскаго эту небольшую усадьбу. Но не таковъ былъ Голынскій. На него не дѣйствовали никакія предложенія, никакія обѣщанія наградъ, которыя предлагались ему сверхъ хорошей уплаты за его имѣньице. Онъ на-отрѣзъ отказался продать отцовское наслѣдіе. Тогда управляющій прибѣгъ къ разнаго рода прижимкамъ; усадьба была какъ-бы въ осадѣ: Голынскаго стѣсняли, дѣлали ему тысячи непріятностей, заводили съ нимъ разныя тяжбы, которыхъ, конечно, онъ не выигрывалъ. Несмотря на все это, упрямый шляхтичъ не сдавался. Но

вотъ дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ. Извѣстно, что у Потемкина были враги при дворѣ, старавшіеся подорвать его значеніе. Враги его (какъ говорили, главнѣйшимъ образомъ, Павелъ Зубовъ), вѣроятно, при участіи или содѣйствіи генералъ-губернатора гр. Чернышева, ненавидѣвшаго Потемкина, подослали агентовъ, чтобы уговорить нѣсколькихъ помѣщиковъ воспользоваться ожидаемымъ посѣщеніемъ императрицею Бѣлоруссіи и подать лично жалобы на Потемкина, обѣщая съ своей стороны покровительство и защиту; разумѣется, прежде всего обращено было вниманіе на Голынскаго, какъ на дѣйствительно-тѣснимаго управляющимъ Потемкина. Ему написали жалобу, вручили и велѣли подать. Голынскій ничего не отвѣтилъ, только улыбался. Не знаемъ, на которомъ изъ представленій дворянства въ Могилевѣ, или въ Кричевѣ, гдѣ императрица обѣдала и ночевала, подговоренныя лица подали жалобы на Потемкина. Тутъ же рядомъ съ ними стоялъ и Голынскій. Подойдя къ нему, императрица спросила «что жь, и у тебя жалоба?» — Нѣтъ, В. В.; мнѣ написали жалобу и велѣли подать; но я этого не сдѣлаю — и тутъ же разсказалъ про всю интригу, подговоры и т. д., засвидѣтельствовавъ, что всѣ поданныя жалобы несправедливы. Легко вообразить, какъ была довольна императрица. Спустя нѣкоторое время, Голынскаго потребовали въ Петербургъ, къ Потемкину. Послѣдній сказалъ ему: «ты не хотѣлъ мнѣ продать свой клочекъ земли среди моихъ владѣній, такъ купи у меня Кричевъ со всѣми волостями». Кончилось тѣмъ, что Голынскому вручили документы на владѣніе Кричевскимъ графствомъ, квитанцію съ уплаты договоренной суммы, будто бы имъ уплаченной, да еще дали ему чинъ статскаго совѣтника и орденъ св. Анны съ бриллiантами. Потомъ Голынскій былъ губернскимъ предводителемъ дворянства и, умирая, передалъ своимъ сыновьямъ въ наслѣдство честность, прямодушіе и благородство. Сыновья его, Михаилъ, Игнатій и Гаудентій преемственно были долгое время губернскими предводителями, а четвертый, Викентій, которому достался самый Кричевъ, служилъ сенаторомъ въ Петербургѣ.

Уѣздный городъ *Климовичи*, при рѣкѣ Калиницѣ, ничѣмъ незамѣчателенъ. Въ 1626 году здѣсь былъ основанъ монастырь доминикановъ. Изъ мѣстечекъ Климовицкаго уѣзда болѣе замѣчательны по торговымъ оборотамъ и населенію *Шумячи*, *Хотимскъ*, *Костюковичи*, *Лозовица*. Въ Лозовицѣ была миссія іезуитовъ и монастырь доминикановъ, основанный въ началѣ XVII ст. Киркорами. Вблизи Кричева находится имѣніе *Строкайлы* (Саковичей), замѣчательное тѣмъ, что здѣсь возлѣ церкви и кладбища — много кургановъ.

На правой возвышенной сторонѣ Днѣпра, при впаденіи въ него рѣчки Супои, или Сапѣжанки лежитъ уѣздный городъ *Старый Быховъ*. *Старымъ* названъ въ отличіе отъ *Новаго Быхова*, о которомъ сейчасъ скажемъ. Старый Быховъ получаетъ извѣстность съ того времени, когда Сигизмундъ-Августъ, въ 1568 г., пожаловалъ Старо-Быховское староство Яну Ирониму Ходкевичу, жмудскому старостѣ и инфлянтскому губернатору, съ правомъ именоваться графомъ на Быховѣ. Въ 1590 г. Янъ-Карлъ Ходкевичъ построилъ здѣсь сильную крѣпость и весь городъ окружилъ валомъ и каменною стѣною. Отъ Ходкевичей Старый Быховъ перешелъ въ родъ Сапѣговъ, кои тоже поддерживали крѣпость и владѣли городомъ до 1831 года. Земляное укрѣпленіе, съ глубокими рвами и двумя каменными воротами сохранилось до нашихъ дней. Быховъ игралъ важную роль въ казацкихъ войнахъ и во время шведской войны. Казаки нѣсколько разъ осаждали городъ, но всегда безуспѣшно. Въ 1655 г. извѣстный Золотаренко очень долго осаждалъ городъ, но крѣпость не сдалась. Затѣмъ, въ 1663 г., кн. Долгорукій и Лобановъ едва послѣ тридцатинедѣльной осады успѣли взять городъ, но въ слѣдующемъ году Поляки снова отняли его. Во время Шведской войны замѣтную роль играетъ Синницкій, комендантъ замка въ Могилевѣ, потомъ въ Быховѣ, управлявшій могилевскою и быховскою экономіями, взяточникъ и деспотъ, вынимавшій лучшіе изразцы изъ печей могилевскихъ гражданъ для своихъ великолѣпныхъ палатъ, воздвигнутыхъ въ семи верстахъ отъ Могилева, въ Полыковичахъ. Онъ держался то Петра Великаго, то Карла XII, измѣняя попеременно тому и другому, и наконецъ, въ 1707 г., былъ сосланъ въ Сибирь. Послѣ перваго раздѣла Польши, Старый Быховъ, въ 1773 г., назначенъ уѣзд-

нымъ городомъ; въ 1796 г. оставленъ заштатнымъ, а въ 1802 г. опять назначенъ уѣзднымъ городомъ Могилевской губерніи. — *Новый Быховъ* — мѣстечко, тоже на правомъ берегу Днѣпра, также какъ и Старый Быховъ, принадлежало сначала Ходкевичамъ, потомъ Сапѣгамъ. Ходкевичи основали здѣсь кальвинскій сборъ. Каменная церковь построена Францомъ Сапѣгою. Въ 1654 г. Новый Быховъ занималъ Золотаренко. Въ 1812 г. здѣсь переправился черезъ Днѣпръ князь Багратіонъ. Въ окрестностяхъ Стараго и Новаго Быхова много кургановъ-могилъ. Въ 12 верстахъ отъ Стараго Быхова находится въ *Борколабовѣ* женскій православный монастырь. Борколабовъ, съ замкомъ, принадлежалъ князьямъ Соломерецкимъ, но потомъ перешелъ къ Богдану Стеткевичу, мстиславскому подкоморію, за женою кн. Еленою Богдановною Соломерецкою. Супруги построили этотъ монастырь на урочищѣ Борокъ въ 1623 году. Въ монастырской церкви Вознесенія находится икона Богородицы, подаренная княземъ Пожарскимъ въ 1659 году. Недалеко отъ Быхова находится имѣніе *Матеушовъ*, весьма замѣтное въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Оно принадлежало полковнику Бржозовскому, отличавшемуся необыкновеннымъ гостепріимствомъ. Сюда съѣзжалось дворянство изо всей губерніи. У Бржозовскаго былъ свой театръ, на которомъ играли большею частію дворовые крѣпостные, но завѣдывалъ театромъ извѣстный виленскій актеръ Анчицъ. Оркестромъ управлялъ извѣстный въ то время скрипачъ и композиторъ, Серделевичъ; изъ числа музыкантовъ, одинъ, по имени Іосифъ (фамиліи не помню), необыкновенно способный, попалъ въ оркестръ императорскихъ театровъ въ Петербургѣ и былъ тамъ замѣтнымъ солистомъ. Въ этомъ же уѣздѣ находится деревня *Лѣсно*, памятная страшною битвою въ 1708 году, въ которой Петръ Великій разбилъ шведскаго полководца Левенгаупта. Императоръ Николай осматривалъ въ подробности поле битвы. Былъ даже проектъ воздвигнуть на этомъ мѣстѣ памятникъ въ честь воиновъ, павшихъ въ этомъ сраженіи. Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, на возвышенномъ правомъ берегу Сожи, при впаденіи въ нее р. Прони, находится древній историческій *Пропойскъ*. Полагаютъ, что сраженіе 986 г., о которомъ упоминаютъ лѣтописи и въ которомъ воевода Владиміра Великаго Волчій Хвостъ разбилъ Радимичей на р. Пешанѣ, происходило въ окрестностяхъ Пропойска. Въ XIV ст. Ягайло отдалъ Пропойскъ Скиригайлѣ. Былъ здѣсь замокъ, свидѣтель постоянныхъ кровавыхъ битвъ и нападеній со стороны Русскихъ, Казаковъ, Шведовъ. Съ 1511 г. Пропойскъ считался староствомъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія старостою былъ Солтанъ. Въ началѣ нынѣшняго же вѣка Пропойскъ принадлежалъ Дмитрію Янчину, сыну откупщика, оставившему ему милліоны. Янчинъ былъ человѣкъ образованный, любилъ изящныя искусства и былъ знатокомъ въ нихъ. Былъ добръ, благотворителенъ, но, несмотря на громадное состояніе, не умѣлъ уравновѣсить своихъ средствъ съ издержками, съ благотворительностью, съ страстью къ блеску и роскоши, съ необузданностью широкой натуры. Великолѣпныя палаты его вмѣщали сокровища: библіотеку, картинную галлерею, мраморныя и мозаическія издѣлія, драгоцѣнныя античныя бронзы и тысячи разныхъ предметовъ, много стоившихъ, но не имѣвшихъ опредѣленнаго назначенія и цѣли. Онъ любилъ жить эпикурейцемъ. Любители кутежа съѣзжались къ нему изъ отдаленныхъ мѣстъ. Все, что только утонченный вкусъ, гастрономическія затѣи, своевольная прихоть могутъ выдумать, все это было въ Пропойскѣ. Его пиры и обѣды пользовались громкою извѣстностью. Въ то же время его благотворительность не знала предѣловъ. Конечно, многіе злоупотребляли его добротою. Наконецъ подъ пьяную руку онъ дарилъ безъ счету людямъ, вовсе того не стоившимъ. Какой-то пріѣзжій стихотворецъ, во время пирушки, по его желанію произнесъ экспромтомъ слѣдующее четырехстишіе:

«Не Димитрій ты Донской,
Не Димитрій Самозванецъ;
Но Димитрій Пропойской,
Словомъ,—пьяница изъ пьяницъ.»

Эти стишонки такъ понравились Янчину, что онъ тутъ же подарилъ ему цѣлую деревню. Извѣстному польскому писателю Іосифу Быховцу, долго у него гостившему, подарилъ на

прощанье 15 т. рублей. Такъ все пошло прахомъ. Милліонное состояніе улетучилось, и Янчинъ умеръ на соломѣ. Часть картинной галлереи купилъ гр. Милорадовичъ, послѣ смерти котораго пріобрѣлъ ее гр. Струтынскій, какъ уже мы упомянули, и помѣстилъ въ Теолинѣ. Пропойскъ и теперь довол но значительное мѣстечко. Здѣсь есть пристань, и нѣкоторые изъ жителей ведутъ большую торговлю.

Солтановка, въ 12 верстахъ отъ Могилева, нѣсколько столѣтій принадлежала гр. Солтанамъ, впослѣдствіи отъ нихъ поступила къ Сапѣгамъ и наконецъ къ Гриневичамъ. Солтановка памятна ожесточенною битвою съ Французами 23 іюля 1812 г. Съ необыкновеннымъ мужествомъ и отчаянною храбростью сражались здѣсь отряды генерала Багратіона, Кулебякина и Паскевича съ преобладающими силами Даву, вынудившими Багратіона оставить занимаемую позицію. Солтановскія поля испещрены множествомъ могильныхъ насыпей, покрывающихъ тысячи павшихъ въ этой битвѣ съ обѣихъ сторонъ.

Гомель.

Журавичи, довольно большое мѣстечко съ ярмарками. Здѣшніе Евреи ведутъ значительную торговлю. Нѣкоторые неправильно смѣшиваютъ Журавичи съ Жировицами, Гродненской губерніи, вотчиной того же Солтанова, гдѣ въ Успенскомъ монастырѣ находится чудотворная икона. Въ окрестностяхъ Журавичъ много доисторическихъ кургановъ.

На правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра, при впаденіи въ него р. Друти, лежитъ уѣздный городъ *Рогачевъ*, весьма древнее поселеніе, съ городищемъ, на которомъ потомъ построенъ былъ замокъ, существовавшій до 1780 года; слѣды его въ земляной насыпи, обведенной рвомъ, и до сихъ поръ видны. Рогачевъ, несомнѣнно, былъ поселеніемъ въ доисторическое время; въ этомъ удостовѣряютъ какъ городище, такъ и множество кургановъ въ окрестности, въ которыхъ случайно находили бронзовыя и каменныя издѣлія. Нѣкоторые идутъ далѣе и производятъ имя Рогачевъ отъ литовскаго слова *ragas*, алтарь. что не имѣетъ никакаго основанія; чтобы Литовцы имѣли свои поселенія въ нынѣшней Могилевской губерніи въ доисто-

рическое время, — этому нѣтъ никакихъ доказательствъ и ничто не наводитъ на самую мыслъ объ этомъ. Производство слова Рогачевъ отъ «рога», образуемаго крутымъ поворотомъ р. Друти при устьѣ, тоже довольно эксцентрично, но все же имѣетъ нѣкоторый смыслъ. По лѣтописямъ, Рогачевъ дѣлается извѣстнымъ съ XII столѣтія, именно съ 1142 г., когда вел. кн. Всеволодъ Ольговичъ отдалъ его своему брату Игорю. Рогачевъ еще во времена Гедимина подпалъ подъ власть великихъ князей литовскихъ и принадлежалъ пинскимъ князьямъ. Въ 1509 г. пинскій князь Ѳеодоръ Ярославовичъ и его супруга Елена—завѣщали, въ числѣ прочихъ городовъ, и Рогачевъ королю Сигизмунду I (Старому). Рогачевъ съ XV столѣтія служилъ яблокомъ раздора между Москвою и Литвою. Іоаннъ III посылалъ даже въ Краковъ посла своего Беклешева къ королю Казиміру, но король именно въ это время умиралъ въ Гроднѣ, и объ уступкѣ Рогачева не могло быть рѣчи. Тогда вел. кн. московскій, считая для себя важнымъ обладаніе Рогачевымъ, какъ стратегическимъ пунктомъ, направилъ свои войска на этотъ городъ, и въ томъ же году Рогачевъ былъ взятъ. Вскорѣ однако Литовцы отняли его, и съ того времени борьба возобновлялась часто, а Рогачевъ переходилъ изъ рукъ въ руки, — то къ Литовцамъ, то къ Русскимъ. Окончательно имъ завладѣли Русскіе только послѣ перваго раздѣла Польши. Рогачевъ сдѣланъ былъ сперва провинціальнымъ, а потомъ, съ 1802 г., уѣзднымъ городомъ. Пристань на рѣкѣ способствуетъ развитію торговли. Предметы торговли, главнѣйшимъ образомъ, лѣсъ и издѣлія изъ него. Отправляютъ также, хотя не всегда, хлѣбъ, булыжный камень, скипидаръ, смолу, овощи.

Къ не менѣе древнимъ поселеніямъ принадлежитъ также *Чечерскъ,* при впаденіи рѣки Чечоры въ Сожъ. И здѣсь въ окрестности множество кургановъ, а на городищѣ построенъ былъ замокъ, отъ котораго уцѣлѣли часть вала и ровъ. На мѣстѣ замка чечерскіе старосты построили палаты, въ которыхъ Екатерина II ночевала во время своего посѣщенія Бѣлоруссіи и бытности въ Чечерскѣ у супруги генералъ-губернатора гр. Чернышевой. Въ XII столѣтіи въ Чечерскѣ былъ княземъ Олегъ Святославовичъ, сынъ князя черниговскаго. Здѣсь же, въ Чечерскѣ, въ 1168 г., Олегъ угощалъ тестя своего великаго князя Ростислава Мстиславовича, когда тотъ ѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ. Но Чечерскъ никогда не былъ удѣльнымъ княжествомъ и входилъ въ составъ Черниговскаго. Потомъ, при литовскомъ владычествѣ, сдѣланъ былъ старостовомъ. Съ 1621 г. старостою былъ Александръ Сапѣга. Екатерина II подарила Чечерскъ генералъ-губернатору гр. Чернышеву.

Изъ другихъ мѣстечекъ Рогачевскаго уѣзда мы упомянемъ *Стрѣшинъ*, при р. Днѣпрѣ. Стрѣшинъ или Стрѣжева въ XII ст. принадлежалъ Полоцкому княжеству, и нѣкоторое время Черниговскому; при литовскомъ владычествѣ, въ концѣ XIV ст. онъ былъ причисленъ къ имѣніямъ виленской капитулы.—*Люшевъ*, со многими другими имѣніями въ Пинской землѣ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій находился во владѣніи Солтановъ и нынѣ принадлежитъ гр. Михаилу Солтану. Весьма рѣдкое, а въ этой странѣ едва ли не единственное явленіе, чтобы имѣніе преемственно переходило въ теченіе цѣлыхъ столѣтій изъ рукъ въ руки въ одномъ родѣ. Здѣсь же и фамильный склепъ съ гробницами Солтановъ. Костелъ здѣсь основанъ въ началѣ XVII столѣтія. *Жлобай* при Днѣпрѣ. Здѣшніе жители почти исключительно занимаются постройкою судовъ.—*Корма* при рѣкахъ Сожѣ и Парачевкѣ, съ пристанью на правомъ берегу Сожи.

Гомель, лѣтописный Гомъ (Гомы, Гомій), на высокомъ и крутомъ берегу Сожи, былъ древнѣйшимъ поселеніемъ въ землѣ Радимичей. Въ XII столѣтіи онъ принадлежалъ Черниговскому княжеству. Въ 1142 г. былъ занятъ смоленскимъ княземъ Ростиславомъ. Потомъ Изяславъ Давидовичъ Кіевскій завладѣлъ Гомомъ, а когда его изгнали изъ Кіева, онъ, въ 1159 г. сюда и удалился. Въ XIV ст. Гомель съ цѣлою Сожскою землею былъ уже во власти Литвы. Когда Василій Ярославовичъ, князь Боровскій, шуринъ ослѣпленнаго князя Василія, преслѣдуемый Шемякою, бѣжалъ въ Литву, король Казиміръ-Ягеллонъ, въ 1446 г., отдалъ ему

съ нѣкоторыми другими городами на житье и кормленіе г. Гомель. Потомъ онъ былъ отданъ другому выходцу изъ Москвы, Іоанну Андреевичу Можайскому, а послѣ его смерти король Александръ предоставилъ Гомель сыну его Симеону, который, въ 1500 г., возвратился въ Москву, но удержавъ за собою Гомель; Іоаннъ же III положилъ условіемъ, чтобы владѣнія этого Симеона не воевать. Въ 1535 году князь Радзивиллъ безъ боя взялъ городъ, ибо жители сами отворили ему ворота. Съ этого времени Гомель назначенъ былъ староствомъ, жалуемымъ королями разнымъ лицамъ. Въ 1648 г. Богданъ Хмѣльницкій овладѣлъ Гомелемъ и вырѣзалъ 1500 человѣкъ жителей. Потомъ въ 1655 г. жители ужь сами предались казакамъ. Несмотря на это, по Андрусовскому миру, Гомель остался за Литвою. Послѣднимъ гомельскимъ старостою былъ князь Михаилъ Чарторыйскій, который возобновилъ существовавшій съ древнихъ временъ замокъ, воздвигъ новыя дубовыя зданія и укрѣпленія, съ бойницами, стѣнами, рвомъ и подъемными мостами. По присоединеніи Бѣлоруссіи по первому раздѣлу Польши, Гомель назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ Рогачевской провинціи, но, въ 1777 г., упраздненъ. Екатерина II пожаловала Гомель со всѣми принадлежащими къ нему деревнями фельдмаршалу графу Петру Румянцеву-Задунайскому. Послѣдній, вмѣсто деревяннаго, построилъ каменный великолѣпный замокъ. Въ 1795 году, по наслѣдству послѣ фельдмаршала, Гомель достался сыну его, знаменитому канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцеву. Онъ любилъ Гомель и заботился объ его украшеніи. Имъ же воздвигнуты здѣсь церкви св. Петра и Павла, св. Троицы и Преображенія Господня на кладбищѣ; въ склепѣ Петро-Павловской церкви почиваетъ канцлеръ, скончавшійся въ 1826 г. Канцлеромъ построены также: католическій костелъ, съ большимъ зданіемъ для духовенства духовное, училище, ланкастерская школа, школа для благородныхъ воспитанниковъ, гостинные ряды, аптека и др. Канцлеръ въ духовномъ завѣщаніи своемъ включилъ условіе, что если бы его наслѣдники пожелали продать Гомель, то могутъ продать не иначе, какъ фельдмаршалу или канцлеру. Воспользовался этимъ фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, князь Варшавскій и, въ 1834 году, купилъ Гомель отъ наслѣдника канцлера, роднаго его брата. Нынѣ Гомель принадлежитъ сыну фельдмаршала, генералъ-адъютанту графу Ѳедору Паскевичу-Эриванскому, князю Варшавскому.

Тутъ же при Гомелѣ находилось селеніе *Бѣлица*, которое, въ 1777 г., обращено въ уѣздный городъ; въ 1852 г. онъ оставленъ заштатнымъ, а уѣзднымъ городомъ назначенъ Гомель. Затѣмъ, въ 1854 г., Бѣлица присоединена къ Гомелю, какъ предмѣстье города.

Князь Варшавскій, подобно канцлеру Румянцеву, заботился объ украшеніи замка и самаго Гомеля. Прекрасный, великолѣпный мостъ, на высокихъ аркахъ, длиною въ 280 саженъ, ведетъ черезъ Сожь въ городъ. Мостъ этотъ, замѣчательный въ архитектурномъ отношеніи, оконченъ въ 1857 г. Подъ нимъ свободно проходятъ суда. Къ замку пристроена четырехугольная башня, соединенная съ замкомъ крытою галлереею съ колоннами. Передъ замкомъ построена высокая, круглая эспланада, на которой стоятъ орудія, подаренныя фельдмаршалу императоромъ Николаемъ. Внутри, въ богатой ниши изъ настоящаго агата, поставленъ бюстъ императора Николая изъ каррарскаго мрамора, прекрасной работы. Разныя трофеи двухъ фельдмаршаловъ, собраніе рѣдкихъ достопримѣчательностей, дорогіе подарки царствующихъ лицъ, богатое собраніе разныхъ предметовъ изящныхъ искусствъ, дѣлаютъ гомельскій замокъ настоящимъ историко-археологическимъ музеемъ. Вообще, такого великолѣпія и богатства, особенно по отношенію къ садамъ и паркамъ, въ имѣніи частнаго человѣка нѣтъ въ цѣлой Бѣлоруссіи, да немного подобныхъ и въ цѣлой Россіи.

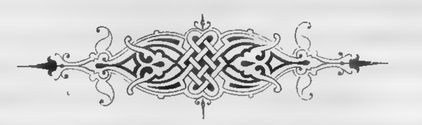
Въ 1856 г. былъ страшный пожаръ, истребившій въ Гомелѣ 540 домовъ; но заботливостью владѣльца и щедротами монарха, онъ скоро обновился еще въ лучшемъ видѣ. Въ настоящее время Гомель—лучшій изъ уѣздныхъ городовъ Бѣлоруссіи. Гр. Паскевичъ, въ 1848 г., основалъ здѣсь сахарный заводъ; есть и другіе заводы; въ торговомъ отношеніи значеніе города весьма важно. Мѣстное купечество торгуетъ лѣсомъ, отправляемымъ въ Херсонъ, шерстью, пенькою,

льнянымъ и конопленымъ масломъ, отправляемымъ въ Ригу и Варшаву. Пристань весьма оживлена. Три ярмарки въ году: въ Новый годъ, въ Духовъ день и Воздвиженіе креста, привлекаютъ много иногородныхъ купцовъ, особенно изъ Москвы, Тулы и другихъ мѣстъ. Предмѣстье Слобода заселено почти исключительно старообрядцами; у нихъ есть своя молельня.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ, при р. Сожѣ находится *Вѣтка,* гнѣздо раскольниковъ, гдѣ они постоянно находятъ пріютъ съ XVII вѣка. Мѣстность эта принадлежала шляхтичу Халецкому. При Алексѣѣ Михайловичѣ большое число старообрядцевъ бѣжало въ Бѣлоруссію. На земляхъ Халецкаго они основали нѣсколько слободъ и главную изъ нихъ назвали Вѣткой. Для Халецкаго это было очень выгодно; пустопорожнія, незаселенныя земли, большею частію лѣсистыя, по заключеннымъ условіямъ, стали приносить ему доходъ. Старообрядцы платили хорошо, а потомъ стали пріобрѣтать земли въ собственность. Число ихъ постоянно увеличивалось, такъ что въ 1695 году ихъ насчитывали уже болѣе 40000 человѣкъ. Никто и не зналъ въ Россіи объ этихъ бѣглецахъ. Но когда вспыхнула Шведская война, раскольники образовали изъ себя настоящія дружины, нападали на Шведовъ, однихъ убивали, другихъ брали въ плѣнъ и приводили къ Петру. Потомъ они поступили въ полную его команду и усердно исполняли всѣ его приказанія. Петръ былъ ими доволенъ и простилъ ихъ за побѣгъ. У нихъ была уже въ Вѣткѣ Покровская церковь, освященная Ѳеодосіемъ, котораго они признаютъ основателемъ поповщинской секты. Въ царствованіе Анны Іоанновны, въ Вѣткѣ нашелъ убѣжище нѣкто Епифаній Яковлевъ, кіевскій монахъ, по подложнымъ документамъ посвященный ясскимъ митрополитомъ въ санъ чигиринскаго епископа. Въ этомъ санѣ онъ началъ посвящать раскольниковъ въ священники и діаконы. Онъ былъ уличенъ и сосланъ въ Сибирь, но раскольники успѣли его освободить и привезли въ Вѣтку. По этому случаю, по приказанію императрицы въ 1735 г., полковникъ Сытинъ съ войскомъ отправился въ Бѣлоруссію, окружилъ Вѣтку и захватилъ 40000 раскольниковъ, которыхъ и привелъ съ собою въ Россію. Мѣра эта не помогла; — въ самое короткое время Вѣтка и другія слободы опять заселились раскольниками. Потомъ, въ 1754 г., Екатерина II командировала генерала Маслова съ войскомъ для захвата вѣтковцевъ. Тотъ вывелъ ихъ до 20000, но уже въ Сибирь. Несмотря на это, раскольники и до сихъ поръ занимаютъ Вѣтку, хотя уже въ меньшемъ количествѣ. Живутъ они достаточно; пристань у нихъ очень удобная; бываютъ ярмарки, базары, строятся плоты, и вообще ведутъ довольно значительную торговлю. Вѣтка сдѣлана мѣстечкомъ, и потому здѣсь живутъ и Евреи, соперничающіе съ раскольниками въ торговлѣ. Въ Вѣткѣ есть раскольничья молельня. Есть и православная церковь; но православныхъ здѣсь немного. У раскольниковъ былъ и мужской монастырь, въ Макарьевѣ, въ 15 верстахъ отъ Гомеля. Онъ былъ основанъ еще въ половинѣ XVIII ст. Въ 1845 году, по старанію архіепископа Антонія, монастырь принялъ единовѣріе и потомъ признанъ штатнымъ единовѣрческимъ монастыремъ. По упраздненіи Чонскаго и Лаврентьевскаго раскольничьихъ монастырей, вся богатая церковная утварь и иконы переданы въ Макарьевскій монастырь. Одна риза Тихвинской Богородицы, переданная изъ Чонскаго монастыря, стоила 30000 рублей, другая — Владимірской Божіей Матери 15000 руб. Нынѣ онѣ составляютъ собственность Макарьевскаго монастыря.

Изъ мѣстечекъ Гомельскаго уѣзда болѣе значительны по населенію *Носовичи* и *Хальчъ.*

А. К. Киркоръ.

ОЧЕРКЪ IX.

БѢЛОРУССКАЯ СМОЛЕНЩИНА СЪ СОСѢДЯМИ.

Полѣхи и Полѣшки. — Бабьи рабочія артели. — Рядчики. — Орловскіе сосѣди. — Степь и лѣса. — Три полѣсья. — Десна и Брянскъ. — Лѣсные промыслы Калужскаго полѣсья. — Свиные шляхи. — Рогожники. — Промыслы Орловскаго и Черниговскаго полѣсья. — Пеньковое производство. — Полевики. — Три сосѣда. — Племенная смѣсь. — Туковщина и Погуковщина. — Марковцы. — Водораздѣлъ Полѣсья и его характеръ. — Естественныя племенныя границы. — Значеніе волоковъ. — Пункты встрѣчъ. — Двѣ несходныя половины Смоленщины. — Восточная и сѣверная граница ея. — Смоленская Сибирь. — Мхи и болота. — Ихъ характеръ и разновидности. — Молодой Тудъ. — Поволжскіе Бѣлоруссы. — Осташи. — Страна великихъ водораздѣловъ. — Географическіе предѣлы всей Бѣлоруссіи. — Панцырные бояре. — Подлясье. — Степняки и бѣлорусскіе помѣщики. — Типическія черты характера. — Пинчуки. — Бѣлорусскія деревни. — Хаты и ихъ постройка. — Лошади и упряжь. — Внутренность жилищъ. — Кубелъ. — Отсутствіе стариковъ. — Мужской и женскій нарядъ. — Старшая сноха. — Праздничная и ежедневная страва. — Пушной хлѣбъ. — Земледѣльцы. — Ихъ общія черты. — Суборъ. — Насмѣшки и присловья. — Удачное мѣстожительство. — Старообрядцы и ихъ характерныя особенности. — Смоленскъ. — Его исторія. — Слѣды страданій и упадка города. — Ожерелье Россіи. — Смоленская городская стѣна. — Преданіе о ней. — Проломы. — Окрестныя развалины. — Святыня. — Историческія преданія. — Любопытный рынокъ. — Смоленскіе пригороды. — Городъ Мстиславль. — Смоленская шляхта. — Ея бытъ и черты племеннаго характера. — Корчма. — Города: Рославль, Вязьма, Гжатскъ и друг. — Курганы и ихъ значеніе. — Картина контрастовъ на границахъ родственныхъ племенъ. — Патріоты. — Извѣстные уроженцы Смоленской губерніи.

Гжатскъ.

I. ПОЛѢХИ.

Полѣха, полѣха! Га, бадѣ паняй! — Заворотень!

ъ такимъ привѣтствіемъ обратился подгулявшій орловскій дворовый человѣкъ къ одному изъ случайныхъ посѣтителей «Притыннаго» кабачка, столь-извѣстнаго всей читающей русской публикѣ изъ разсказа знаменитаго нашего охотника, И. С. Тургенева, также зашедшаго сюда послушать состязаніе «пѣвцовъ». Среди другихъ лицъ рѣзко выдѣлялась фигура мужичка въ узкой, изношенной свитѣ, съ огромной дырой на плечѣ. Выдѣлялся онъ до такой степени, что по нѣсколькимъ словамъ разговора призналъ былъ въ немъ человѣкъ особой породы.

„Полѣхами (объясняетъ нашъ авторъ) называются обитатели Южнаго полѣсья — длинной лѣсной полосы, начинающейся на границахъ Болховскаго и Жиздринскаго уѣздовъ. Они отличаются многими особенностями въ образѣ жизни, нравахъ и языкѣ; «заворотнями» же ихъ зовутъ за подозрительный и тугой нравъ. Они прибавляютъ почти къ каждому слову восклицаніе «га!» и «бадѣ», а «паняй» говорятъ, вмѣсто погоняй.

«Кому случалось (пишетъ И. С. Тургеневъ въ другой повѣсти о «Хорѣ и Калинычѣ») изъ Болховскаго уѣзда перебираться въ Жиздринскій, того, вѣроятно, поражала рѣзкая разница между породой людей въ Орловской губерніи и калужской породой.

«Орловскій мужикъ невеликъ ростомъ, сутуловатъ, угрюмъ, глядитъ исподлобья, живетъ въ дрянныхъ осиновыхъ избенкахъ, ходитъ на барщину, торговлей не занимается, ѣстъ плохо, носитъ лапти.

«Калужскій мужикъ обитаетъ въ просторныхъ сосновыхъ избахъ, высокъ ростомъ, глядитъ смѣло и весело; лицомъ чистъ и бѣлъ; торгуетъ масломъ и дегтемъ и на праздникахъ ходитъ въ сапогахъ.

«Орловская деревня (мы говоримъ о восточной части Орловской губерніи) обыкновенно расположена среди распаханныхъ полей, близъ оврага, кое-какъ превращеннаго въ грязный прудъ. Кромѣ немногихъ ракитъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, да двухъ - трехъ тощихъ березъ, деревца на версту кругомъ не увидишь; изба лѣпится къ избѣ, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротивъ, большею частію окружена лѣсомъ; избы стоятъ вольнѣй и прямѣй, крыты тесомъ; ворота плотно запираются, плетень на задворкѣ не разметанъ и не вывалился наружу, не зоветъ въ гости всякую проходящую свинью... И для охотника въ Калужской губерніи лучше. Въ Орловской губерніи послѣдніе лѣса и площади (большія сплошныя массы кустовъ) исчезнутъ лѣтъ черезъ пять, а болотъ и въ поминѣ нѣтъ. Въ Калужской, напротивъ, засѣки тянутся на сотни верстъ, и не перевелась еще благородная птица — тетеревъ, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка, своимъ порывистымъ взлетомъ, веселитъ и пугаетъ стрѣлка и собаку.»

Предсказаніе сбылось. Навѣстивъ Орловскую губернію, именно восточную ея часть (уѣзды Мценскій и Малоархангельскій) въ 1878 году, ровно черезъ 20 лѣтъ послѣ перваго его посѣщенія, я не нашелъ на завѣдомыхъ мѣстахъ не только какихъ-либо лѣсовъ, но даже и признаковъ перелѣсковъ. Знаменитый Рогозинскій (Корсунскій) лѣсъ представлялъ изъ себя изнывающую лѣсосѣку, въ которой торопливо и настойчиво подрубался съ корня даже послѣдній дровяникъ. Медвѣдевскаго лѣса мы совсѣмъ почти не нашли, а въ прежнее время припугивали насъ даже тѣмъ, что надо ѣхать съ оглядкой, ибо-де «пошаливаютъ». Признаки лѣсной растительности, какъ степные оазисы, проявлялись лишь въ ракитовыхъ алеяхъ, обозначавшихъ въѣзды въ помѣщичьи усадьбы, да въ группахъ фруктовыхъ садовъ, въ которыхъ грушевыя и яблочныя деревья почти всѣ превратились въ дичку, и яблони, вмѣсто 30—35 сортовъ, стали давать 5 или 10. Нѣкоторые сады совсѣмъ вырублены, а оставшихся ожидаетъ та же участь по тому прямому разсчету, что и садовая земля представляетъ собою ту же толщу чернозема на два и на три аршина въ глубину, какъ и та, которая залегла по неоглядньимъ полямъ всего Малоархангельскаго уѣзда и поднимаетъ роскошную, тяжелую зерномъ, рожь, а въ уѣздахъ Ливенскомъ и Елецкомъ даже и пшеницу. Избаловавшійся въ крайность земледѣлецъ напрягаетъ все вниманіе на то, чтобы оторвать еще клочекъ земли подъ пашню не только изъ-подъ сада, но и изъ-подъ усадьбы, изъ-подъ перваго попавшагося подъ руки заветшавшаго или показавшагося лишнимъ строенія. Купецъ, съемщикъ или дворянскій кредиторъ распахалъ подъ рожь даже усадебные огороды. На руслахъ рѣчушекъ очутились сухія балки; старые овраги затянуло свѣжимъ наплывнымъ черноземомъ и сравняло въ ту обширную площадь, которая кажетъ на десяткахъ верстъ ровную степь, гдѣ неоглядныя, почти сплошныя ржаныя поля утомляютъ путника до тоски.

Въ началѣ іюня, когда на этихъ роскошныхъ поляхъ отцвѣтшая рожь начнетъ наливаться и спѣть, на усадебныхъ дворахъ появляются новыя лица. Пріѣзжаютъ они на прочносколоченныхъ телегахъ, непремѣнно съ бочками дегтя, съ долблеными колодами для коновязей и съ кое-какимъ инымъ мелкимъ лѣснымъ товаромъ. Это — опять-таки тѣ же Полѣхи изъ Калужской губерніи. Пріѣхали они однако не исключительно для торговли: захватили съ

«Въ полѣ». Пахари въ Смоленской губерніи.

собой лѣсныя издѣлія лишь про всякій случай на охотника; пріѣхали собственно не торговцы, а рядчики, за тѣмъ, чтобы приторговаться у большихъ хозяйствъ, гдѣ засѣяно рожью по 100 и 200 десятинъ чернозема. Рядчики вступаютъ въ договоры на жнитво не за деньги, а за извѣстное количество мѣръ зерна съ десятины. Являются они сюда уже не первый десятокъ лѣтъ. Жать будутъ серпами и, стало быть, бережнѣе вязать и полнѣе сдавать снопъ, меньше терять зерна (орловскіе крестьяне рожь косятъ). Жать придутъ, впрочемъ, не мужики, а бабы, и рядчики при бабьей артели (обыкновенно два) поочередно вступаютъ въ отправленіе бабьей должности: въ качествѣ стряпухъ, будутъ заботливо искать и усердно подбирать по задворьямъ всякую щепку и хворостинку, разводить въ оврагахъ огонь и въ котелкахъ варить кашу, щи и кашицу. Они же принимаютъ хозяйскій хлѣбъ и сало, бѣгаютъ за солью къ торговцамъ, моютъ и убираютъ посуду. На этихъ бородатыхъ стряпухъ ворчатъ и съ нихъ строго взыскиваютъ бабы, которыя, кромѣ полевыхъ работъ, ничего больше знать не хотятъ во все это страдное время. Хорошо помнимъ мы этихъ здоровыхъ, неутомимыхъ въ трудѣ и веселыхъ бабъ «Полѣшекъ». Пришло ихъ 30: — двѣ телѣги привезли ихъ носильный скарбъ, а за телѣгами прибыли пѣшкомъ сами работницы, сдѣлавъ эти 150 — 200 верстъ въ какихъ-нибудь пять — шесть дней и принявъ эту путину за прогулку. Явились онѣ недѣли три спустя послѣ рядчиковъ, въ началѣ іюля, когда орловская рожь совершенно вызрѣваетъ. Какъ пришли онѣ къ мѣсту, такъ сейчасъ и вырядились во все чистое и праздничное. Какъ принарядились, такъ и запѣли веселыя пѣсни и пѣли до тѣхъ поръ, пока не подошелъ срокъ ложиться на ночлегъ, тутъ же въ чистомъ полѣ, притулившись къ заплоту или къ стѣнѣ риги, амбара и т. под. Съ первымъ утреннимъ свѣтомъ, бабы были уже въ полѣ, на работѣ. Не разгибая спины, жали онѣ полосы до сумерекъ, въ промежуткахъ раза три въ день ѣли рядчикову кашу и пили промышленное имъ молоко. Вернувшись съ работы, бабы опять пѣли пѣсни, а нѣкоторыя и поплясали. Въ первое воскресенье пѣсни эти пѣли бабы, не закрывая рта цѣлый день, а вечеромъ ходили медвѣдемъ: одна въ вывороченномъ на изнанку полушубкѣ, другая — въ рядчиковой шапкѣ и армякѣ. Откуда взялось лукошко, козій нарядъ, медвѣжья цѣпь, гармоника! Откуда взялась сила пѣть цѣлый день и возиться въ комедіи и пляскѣ, такъ же неустанно и невоздержно, какъ и на полевой работѣ! И послѣ безконечныхъ пѣсенъ и глупыхъ плясокъ долго не могли угомониться эти шаловливыя, бѣдовыя бабы, представляющія поразительный контрастъ съ орловскими бабами.

Эти послѣднія приходили къ группѣ «Полѣшекъ» какъ на представленіе, искренно давались диву и, увлекаясь ихъ веселостью, запѣвали свои пѣсни, нерѣдко тѣ же самыя, но такъ, да не такъ. Орловскія пѣвицы стараются сдерживать мотивы пѣсни на низкихъ тонахъ, силятся пѣть басомъ или, какъ говорятъ онѣ сами, «толстымъ» голосомъ. Пѣніе выходитъ грубое, крикливое, съ пѣтушьими манерами. У Полѣшекъ всѣ голоса работаютъ на чистоту, и звонкія контральто опредѣлительно выдѣляются отъ свѣтлыхъ дискантовъ; мотивы нѣжнѣе, пѣніе мелодичнѣе, тактъ идетъ ускореннѣе, и пѣсня «играется» гораздо пріятнѣе, не вдаваясь ни въ похоронный, ни въ церковный тонъ.

Мы пробовали продолжать сравненіе и безъ особыхъ усилій пришли къ прямому выводу, что эти ломовыя работницы изъ-подъ Жиздры и въ дѣлѣ изящнаго вкуса перещеголяли этихъ пахотницъ изъ-подъ Дроскова. Онучки на ногахъ жиздринскихъ бабъ словно сейчасъ вымыты и новенькія оборы лаптей обхлестали ногу во всей ея природной простотѣ; рубахи—какъ бѣлый снѣгъ; на плечахъ и по подолу — занавѣски (фартуки), замысловато - вышитыя нитками разныхъ цвѣтовъ и узоровъ своего рукодѣлья и досужества. Орловскія паневы прямой выкройки въ три полотнища; полѣховскія кокетливо собраны у пояса въ родѣ туники затѣмъ, чтобы видны были изъ-подъ нихъ рубашки, также вышитыя по подолу. Лапти аккуратно сплетены, очень небольшіе, очень плотно и не безъ претензіи на щегольство и кокетство обхватываютъ ступню. У орловскихъ бабъ ноги какъ бревна, для чего онѣ подъ чулки на-

рочно набиваютъ всякихъ тряпокъ, и на замѣчаніе о безобразіи такого пріема, — отвѣчаютъ: «у насъ уже такъ всегда водится», «нельзя отставать отъ другихъ». Украшенія на занавѣски эти женщины покупаютъ на сельскихъ торжкахъ готовыми, машиннаго дѣла: сами къ рукодѣлью не особенно охотливы и привычны; рубахи забываютъ лишній разъ помыть, и паневы носятъ мрачныхъ, темныхъ цвѣтовъ. Костюмъ Полѣшки виднѣе, лицомъ онѣ пригляднѣе: правильно налаженный трудъ развилъ мускульную систему, и взглядъ сталъ осмысленнѣе, смѣлѣе и веселѣе. Онѣ большія хохотуньи и ни одна не прячется у другой за плечомъ. Главная изъ нихъ, уставщица и всякому дѣлу и веселью заторщица — бой-баба на всѣ руки въ полномъ значеніи слова, съ открытымъ, всегда веселымъ и улыбающимся лицомъ. Молодыя дѣвушки всѣ въ яркихъ цвѣтахъ и умѣютъ прицѣпить кокетливыя ленточки, замѣнить лапти кожаными башмаками. Отъ орловскихъ держатся онѣ особнякомъ, но зато эти къ нимъ пристаютъ и приходятъ слушать пѣсни и смотрѣть пляски, т. е. любоваться на эту согласную и красивую смѣсь дѣла съ бездѣльемъ.

Отъ привычныхъ рукъ, при дружномъ и неустанномъ усиліи, оголяются полосы густо-заросшихъ ржаныхъ полей подъ серпами Полѣшекъ. На сжатыхъ полосахъ стройными рядами встаютъ снопы; снопы складываются въ крестцы, въ здѣшнихъ хлѣбородныхъ мѣстахъ по 13 сноповъ на крестецъ. А когда хлѣбъ въ снопахъ прочахнетъ, появляются и самыя копны по 52 снопа или по четыре крестца на копну. Работа Полѣшекъ этимъ оканчивается. Онѣ однако не задумываются передъ новой задачей владѣльцевъ полей и принимаются за новый трудъ молотьбы сжатаго ими хлѣба. Въ тѣхъ же бѣлыхъ рубахáхъ, плотно застегнутыхъ у подбородка, и въ простенькихъ рабочихъ паневахъ, онѣ собственно не бѣгутъ ни отъ какого дѣла и идутъ на новую работу съ новаго подряда. На молотьбу хлѣба идутъ поденно. У орловскихъ бабъ другой обычай: выходя на тѣ полевыя работы, которыя предоставляются имъ, онѣ, гребутъ ли сѣно, выдираютъ-ли замашки, стараются вырядиться понаряднѣе.

Тѣмъ же пѣшимъ способомъ, обходя обѣ желѣзныя дороги, ведущія на городъ Орелъ, эти рабочія земледѣльческія женскія артели тянутся обратно около телегъ рядчиковъ черезъ городъ Болховъ на родную сторону, въ свое Полѣсье. Отсюда, когда будетъ обмолоченъ, провѣянъ и усчитанъ весь хлѣбъ, уже зимнимъ путемъ, по первому снѣгу, въ черноземныхъ мѣстахъ появляются снова тѣ же калужскіе рядчики за условленною платою натурой, т. е. зерновымъ хлѣбомъ. Этимъ хлѣбомъ они будутъ пропитываться всю зиму. Безъ этого стариннаго отхожаго промысла въ Полѣсьѣ плохо живется: земля тамъ неблагодарная, неплодородная. Лѣса все еще не поддаются волѣ и силѣ человѣка. Они растутъ либо борами по обширнымъ песчанымъ пространствамъ, либо чернолѣсьемъ по низменнымъ покатостямъ водораздѣла двухъ большихъ рѣкъ: Десны и Оки, и по зыбучимъ болотамъ этого Полѣсья, особенности котораго поразили нашего поэта и художника - охотника. Лѣса дѣйствительно все еще тянутся длинною полосою, но не въ такихъ малыхъ размѣрахъ, какіе указаны И. С. Тургеневымъ. Орловская лѣсная полоса Полѣсья начинается гораздо южнѣе Трубчевска, изъ-за Новгорода-Сѣверскаго и отъ Сѣвска, придержавшись лѣваго берега Десны, между Брянскомъ и Карачевымъ, она дальше дробится на двѣ отдѣльныя гривы, изъ которыхъ наименьшая направляется на сѣверо-востокъ, т. е. на Болховъ, Жиздру и Козельскъ до Сухиничъ. Это именно то самое Полѣсье, съ представителями котораго мы старались сейчасъ ознакомиться. Другая — наибольшая лѣсная грива Полѣсья, огибая городъ Жиздру съ западной стороны, уходитъ изъ Калужской губерніи въ Смоленскую и тянется вплоть до гор. Ельны. Такимъ образомъ въ Калужской губ. Полѣсье не составляетъ одного Жиздринскаго уѣзда, но захватываетъ въ себя части уѣздовъ: Масальскаго, Козельскаго и Лихвинскаго, а южнѣе Болхова уѣзды: Карачевскій, Брянскій, Трубчевскій, Новгородъ-Сѣверскій и другіе сѣверные уѣзды Черниговской губерніи. Передъ Смоленскомъ оказывается лѣсной перерывъ и послѣдній конецъ того Полѣсья, на которомъ остановили наше вниманіе знакомые намъ Полѣхи.

II. ПОЛѢСЬЕ.

Ахъ, вы, лѣсы, лѣсы темные!
Подходили лѣсы къ городу Смоленскому;
Горы-тѣ высокія Сорочинскія;
Чисты-поля подходили ко городу ко Опскову;
Мхи да болота ко Бѣлу-Озеру;
Рѣки — озера ко Синю-морю.
ИЗЪ СТАРИНЫ «СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ».

Намъ еще подъ Карачевымъ бросаются въ глаза лѣса́, совершенно видоизмѣняющіе ландшафтъ; они обѣщаютъ совсѣмъ иныя впечатлѣнія въ этой западной половинѣ Орловской губерніи, не тѣ, которыми даритъ восточная черноземная и хлѣбородная часть. Группы деревьевъ не накрапаны темными пятнами на желтомъ фонѣ неоглядныхъ полей, а идутъ серьезными сплошными насажденіями, останавливая взоръ и не давая ему большаго простора.

Лѣса однако все еще лиственные, преимущественно березовые; есть даже селеніе и станція подъ названіемъ «Девять дубовъ». Земля стала примѣтно хуже. Съ приближеніемъ къ Брянску чувствуется, что и самая температура замѣтно понизилась: ощущалась сырость; въ городѣ Брянскѣ насъ встрѣтили дожди, такъ что ежедневно мѣшали осмотру города; между тѣмъ въ покинутой нами Малоархангельской сторонѣ въ то же время пекло солнце и шла спѣшная уборка озимой ржи. Тамъ отошла земляника, — здѣсь еще только начинаютъ ее продавать; сливы недавно лишь стали поспѣвать, и если много вишни, то зато яблоки немногихъ сортовъ — стало быть, здѣсь и садоводство гораздо плоше. За двѣ станціи до Брянска выступилъ на встрѣчу настоящій густой лѣсъ, въ которомъ рѣзко выдѣлялась сосна, хотя и смѣшанная съ другими видами лѣсныхъ деревъ. Послышалось названіе селенія и монастыря «Бѣлые берега» и, въ подкрѣпленіе слова, въ Брянскихъ борахъ стали обнаруживаться песчаные холмы «бѣлаго» песку. Этотъ песокъ сдѣлался далѣе по пути на столько же господствующимъ, какъ тамъ, за Орломъ къ Ельцу и Ливнамъ, черноземъ. Попадающіяся рѣки кажутся многоводнѣе, и не роются, медленно двигаясь, въ рыхлыхъ низенькихъ берегахъ, но какъ Десна съ присущимъ всѣмъ большимъ рѣкамъ обычаемъ, силятся дѣлать высокіе берега на правой сторонѣ своего теченія. Когда Брянскій боръ отступилъ назадъ и дорога вышла на открытое мѣсто, проявилось съ одной стороны обширное болото — эта рѣдкость восточной полосы губерніи — и потянулся сплошной хребетъ горъ съ такими видами и подробностями, которые лѣсного уроженца прямо и непосредственно переносятъ на его родину. На одной половинѣ этого горнаго хребта выяснилась та пріятная для глазъ и знакомая съ дѣтства густая синева лѣсовъ; на другой — увлекательная картина жилаго мѣста въ видѣ большаго города, притянувшаго къ себѣ и удержавшаго около себя массу селъ и деревень. Деревни около города тянутся по горѣ на четырехъ, пяти верстахъ безъ всякаго перерыва, и одна изъ нихъ длиною на двѣ версты. Въ подтвержденіе древняго обычая, вынуждавшаго для взаимной защиты селиться кучей, здѣсь сельское населеніе жмется съ одной стороны къ воинствовавшему нѣкогда укрѣпленію города, съ другой — къ крѣпости Свѣнскаго монастыря, до сихъ поръ сохраняющаго четыре крѣпкія башни. Городъ Брянскъ, раскинутый по покатостямъ хребта и по подолу рѣки Десны, со множествомъ церквей, представляетъ дѣйствительно такую картину, которою можно залюбоваться. Она привлекательна начиная съ того мѣста, гдѣ выступаетъ изъ горнаго узла первая гора съ Петровскимъ женскимъ монастыремъ, и оканчивая той горой, которая выше и круче другихъ, находится уже въ трехъ верстахъ отъ города и увѣнчана однимъ изъ древнѣйшихъ русскихъ монастырей — Свѣнскимъ. Подъ горами вьется извилинами довольно широкая, оживленная судами и криками сплавщиковъ, Десна. За ней разстилается

великолѣпная огромная равнина съ роскошными поемными лугами. За лугами тянутся иные лѣса, въ которыхъ нельзя не замѣтить видимой силы растительности, какъ въ дубкахъ, липахъ и ракитахъ, такъ и въ сосѣдяхъ ихъ—соснахъ и еляхъ. За Окой, въ черноземной полосѣ, всю землю стараются вспахать и подъ луга оставляютъ только самую худую и то въ такомъ маломъ количествѣ, что отъ отсутствія веселыхъ зеленыхъ луговъ можно заскучать. На Деснѣ земля подъ поля тяжела и требуетъ удобренія, а потому та, которая отбилась отъ рукъ или которую не успѣли приготовить, пускаютъ подъ луга. Дерева такъ много, что имъ совсѣмъ не дорожатъ: по улицамъ города Брянска валяются щепы и гніющія бревна безъ всякаго вниманія и призора. На городскихъ мостахъ перила и накаты изъ толстыхъ бревенъ, комнатные столы изъ толстыхъ брусьевъ, тогда какъ по ту сторону Оки, въ черноземной полосѣ, какъ говорятъ, «нечѣмъ въ зубахъ поковырять». Рѣзко бросается въ глаза даже на брянскихъ площадяхъ обиліе свиней — обитательницъ города, окруженнаго дубовыми рощами. Въ продажѣ много дичи и между прочимъ вкуснѣйшая изъ нихъ, лакомый кусочекъ — молодыя тетерки, по 25 — 35 коп. пара. Городскія улицы вымощены камнемъ, и его вообще такое множество, что оно послѣ черноземной степи рѣзко бросается въ глаза. Теперь и здѣсь мы не видимъ уже ничего похожаго на черноземную, восточную полосу губерніи, — не видимъ и не слышимъ, потому что измѣнилось все основное и существенное.

Уцѣлѣвшіе боры, выросшіе на пескахъ, не въ силахъ соблазнить самаго терпѣливаго хлѣбопашца, а цѣлые ряды песчаныхъ холмовъ, набитыхъ вѣтромъ тамъ, гдѣ лѣса истреблены вовсе, довели земледѣльца до отчаянія. Лѣса сберегли обширныя болота, и съ ними утратилась послѣдняя надежда на хлѣбопашество. Въ силу этихъ обстоятельствъ и племеннаго характера, во всемъ обширномъ Полѣсьѣ (Орловскомъ и Калужскомъ) выродилось стремленіе къ различнымъ промысламъ. Эти промыслы: или отхожіе — въ видѣ уже знакомой намъ уборки хлѣбовъ, либо на сплавы судовъ изъ Десны въ Днѣпръ и обратно, на фабрики и заводы Брянскаго уѣзда и даже на нищенство около большихъ торговыхъ пунктовъ и въ такихъ богатыхъ городахъ, какъ Москва, — или промыслы *домашніе*, указанные непосредственно самою природою. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ лѣснымъ промысламъ во всемъ ихъ разнообразіи, за исключеніемъ пчелинаго или бортеваго, который, съ истребленіемъ липовыхъ лѣсовъ, совершенно упалъ. Нѣкогда пчеловодство составляло богатство Брянскаго уѣзда; тамошній медъ доставлялся къ царскому столу, представляя собою оброчную статью. Лѣсныя насажденія Полѣсья были такъ густы, что солнечный свѣтъ не проникалъ до почвы, а деревья были такой толщины, что только головы рабочихъ были видны изъ-за срубленнаго дерева. Остатки пней огромныхъ дубовъ попадаются повсемѣстно въ южныхъ частяхъ уѣздовъ Лихвинскаго, Козельскаго и Жиздринскаго.

Сохранившіеся, въ нѣкоторомъ изобиліи, въ уѣздахъ Масальскомъ и Жиздринскомъ липовые лѣса, вызвали совершенно иной промыселъ съ весьма давняго времени, именно: производство рогожъ, которымъ занимаются до ста селеній, окружающихъ Спасъ-Деминскій, Масальскаго уѣзда. Здѣсь въ каждомъ домѣ по одному и по два рогожаныхъ стана, на которыхъ, при участіи трехъ рабочихъ, выдѣлываются: пудовка или кулевая рогожа, тридцатка или обшивная, полупудовка или покрышка. Эти же рогожники занимаются въ Калугѣ и отхожимъ промысломъ — нищенствомъ. Впрочемъ и самый рогожаный промыселъ сталъ кочевать, такъ какъ онъ считается въ числѣ тѣхъ неблагопріятныхъ причинъ, которыя способствуютъ значительному истребленію лѣса. Давно уже къ Спасу-Деминскому возятъ мочало изъ-подъ смоленскаго городка Ельны, а теперь даже съ нижегородской ярмарки. Давно уже рогожники стали большими партіями ходить въ дальнія лѣсныя мѣстности (между прочимъ въ Корчевскіе и Брянскіе лѣса), гдѣ скупаютъ участки и, за явку въ лѣсъ, платятъ съ каждаго топора владѣльцамъ извѣстную подать. Въ лѣсахъ дерутъ лыко; содранное сматываютъ въ клубки и несутъ домой, чтобы тамъ въ досужее зимнее время разсортировать, обработать и продать

въ Карачевѣ или въ какомъ-нибудь изъ степныхъ городовъ. Ивовое и дубовое корье главнымъ образомъ продается въ гор. Болховѣ, въ большомъ количествѣ, до милліона пудовъ. Въ хлѣбныхъ мѣстахъ на вырученныя деньги Полѣхи покупаютъ хлѣбъ. Но чѣмъ дороже становится лѣсъ и лыко, и удешевляется издѣльный трудъ, чѣмъ больше рѣдѣютъ и удаляются липовые лѣса, — тѣмъ подвижнѣе становится и промыселъ. Теперь онъ перешелъ въ самыя мѣста оптовой закупки и отправки хлѣбныхъ товаровъ (Гжатскъ, Зубцовъ, Бѣлой), преимущественно же въ самый губернскій городъ Калугу. Сюда рогожники приходятъ цѣлыми партіями, и ткутъ одновременно рогожи и кули, по найму и по заказамъ.

Полѣхъ ходитъ въ свой лѣсъ между прочимъ и для нижеслѣдующихъ цѣлей: съ осени онъ рубитъ осину для лопатъ и корытъ, различнаго возраста дубъ для обручей, санныхъ вязьевъ и полозьевъ, для ободьевъ и клепокъ на бочки; рубитъ кленъ — для гребней и кулачьевъ (зубцовъ) на мельничныя колеса. Сверхъ того Полѣхъ выбираетъ годныя деревья — березу и кленъ на выдѣлку клещей для хомутовъ, просушиваетъ ихъ лѣтомъ на солнцѣ, зимою въ избахъ, распиливаетъ на 2, 3 и 4 части, отдѣлываетъ топоромъ, снова просушиваетъ, отдѣлываетъ на-чисто и продаетъ сотню по 6—7 рублей купцамъ изъ Калуги, Жиздры, Бѣлева, Болхова. Чаще онъ отвозитъ товаръ свой въ степь (Курскъ, Щигры, Ливны, Елецъ и Орелъ), гдѣ обмѣниваетъ на рожь или продаетъ за наличныя деньги, но уже по 9 и 10 руб. за сотню; кромѣ того Полѣхъ гонитъ деготь, приготовляетъ золу и уголь, пилитъ дрова на тесъ и доски. Весною онъ входитъ въ меженя, т. е. низменныя мѣста, поросшія осиновымъ кустарникомъ, гдѣ деретъ кору и лыко. Весной же онъ сгоняетъ плоты въ Оку и Десну. Зимой громаднымъ большинствомъ Полѣхи отправляются въ извозъ или, по мѣстному, — бандюжить.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ Полѣху поблагопріятствовали счастливое географическое положеніе его страны или тѣ мокрые и болотистые лѣса, которые даютъ истокъ и пищу многимъ рѣкамъ, текущимъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ и открывающимъ путь въ различныя стороны: въ торговыя и хлѣбородныя мѣста, т. е. безлѣсныя и малолѣсныя, на югъ и на востокъ, по бассейнамъ Оки и Десны.

Полѣсье расположилось на водораздѣлѣ восточныхъ и западныхъ рѣкъ земли Русской. На обширномъ плато въ западной части Масальскаго уѣзда, окаймленномъ съ с.-в., ю. и ю.-з., цѣпью весьма низкихъ холмовъ, находится легкій склонъ, состоящій изъ обширныхъ торфяныхъ болотъ. Здѣсь главный водораздѣлъ притоковъ Волжской и Днѣпровской системъ, — здѣсь беретъ начало р. Болва — притокъ Десны и находятся верховья Угры — притока Оки, сначала едва замѣтныя въ болотистой почвѣ, текущія неслышно и вяло большею частію въ отлогихъ берегахъ. Все же Полѣсье представляетъ собою равнину, слегка возвышающуюся на западѣ до водораздѣльной черты, которую можно опредѣлить прямою линіею къ истокамъ рѣки Жиздры и на гор. Карачевъ. Линія отъ гор. Юхнова къ Гжатску служитъ западною окраиною Московской котловины. Лѣсной характеръ свой Полѣсье сохраняетъ на всемъ протяженіи непрерывно и неизмѣнно даже съ тою особенностію, что и древнѣйшіе города этой мѣстности удержали за собою лѣсныя имена, начиная съ южнаго Бреста (или Берестья Литовскаго) и Брянска (древняго Дебрянска), Сосницы, Стародуба и оканчивая двумя сѣверными, Смоленскомъ и Ельнюю. Бытъ населенія, характеръ жителей всего Полѣсья составляетъ переходъ отъ восточнаго Славянскаго племени къ западному. Здѣсь Бѣлоруссы смоленскаго типа и Великоруссы — Полѣхи, съ оттѣнками западныхъ сосѣдей, живутъ плечо-о-плечо, и такъ, что отдѣлить бѣлорусскія деревни отъ великорусскихъ почти невозможно. Водораздѣльные лѣса стали одинаково племенною границею здѣсь на востокѣ Бѣлоруссіи, какъ не перестаютъ быть межею подобные же густые лѣса на югѣ, востокѣ сѣверѣ обширнаго Бѣлорусскаго края, съ племенами: Малорусскимъ, Литовскимъ и Латышскимъ и опять съ Великорусскимъ. Именно въ этомъ обстоятельствѣ, въ значеніи полѣсья, какъ границы обширной страны, насъ занимающей и поставленной въ заголовкѣ настоящей статьи

мы представляемъ оправданіе этому предисловію. Имъ мы достигли той цѣли, что, характеризуя орловское и калужское полѣсье, описали восточную границу Бѣлоруссіи. Отмѣтивъ ея особенности, намъ немного остается дополнить къ характеристикѣ западной границы или, что то же, Южнаго полѣсья.

Оно непосредственно примыкаетъ къ сплошной полосѣ лѣсовъ Орловскаго (т. е. Трубчевскаго и Брянскаго) полѣсья и тянется параллельно теченію Десны отъ того мѣста, гдѣ эта рѣка начинаетъ принимать югозападное направленіе; здѣсь съ древнѣйшихъ временъ существуетъ порубежная племенная защита въ видѣ крѣпости Новгорода-Сѣверскаго, умѣвшей, въ особенности во время самозванцевъ, показать, въ рукахъ Басманова, въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ, всю свою силу и значеніе какъ укрѣпленнаго пограничнаго пункта придеснинскаго полѣсья. Это мѣсто, сверхъ того, замѣчательно еще тѣмъ, что нѣкоторыя селенія въ немъ носятъ названіе «рубежа, рубежнаго», что уже указываетъ въ данномъ вопросѣ на благонадежность признаковъ. Это также, на большую часть — чернолѣсье, выросшее на сѣрой почвѣ, т. е. на супескѣ и глинѣ. Здѣсь, точно также какъ и вездѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были боры, теперь лежитъ настоящій песокъ, и точно также это Южное полѣсье явилось на смѣну и въ рѣшительный контрастъ мѣстамъ, лежащимъ по ту сторону Десны. Тамъ черноземная степь съ богатыми урожаями ржи и овса и съ плугами, въ которые, для обработки полей, надо впрягать отъ двухъ до трехъ паръ воловъ; трава слаще и сытнѣе; всякій скотъ крупнѣе и сильнѣе. Здѣсь въ этомъ Южномъ или Черниговскомъ Полѣсьѣ, на худой землѣ, много чести и мало дѣла и для одноконной безколесной великорусской сохи. Травы здѣсь только выше ростомъ и гуще, но не питательны; мѣстный скотъ мельче и слабѣе. Эта мѣстность встарину называлась Сѣверомъ, а теперь названа полѣсьемъ тѣми «Полевиками» или «Хохлами», которые сыто ѣдятъ и богато живутъ по лѣвую сторону Десны, въ южной полосѣ Черниговской губерніи. Точно такъже, какъ уже и подъ Карачевымъ и Брянскомъ, стихаютъ разговоры обо ржи и совсѣмъ не говорятъ о пшеницѣ, и здѣсь — въ Черниговскомъ полѣсьѣ — хорошо знаютъ, что озимая пшеница возрастаетъ тамъ, гдѣ-то дальше, подъ Полтавой, что на большомъ пространствѣ здѣшней земли урожай не вознаграждаетъ посѣва: земля уѣздовъ Мглинскаго и Сурожскаго такова, что давно уже жители почти ежегодно принуждены питаться круглый годъ хлѣбомъ съ мякиною.

Вслѣдствіе того, во всей этой обширной лѣсной мѣстности, начиная отъ Новгорода-Сѣверскаго и восходя къ сѣверу вплоть до истоковъ Десны и крайняго пункта всего полѣсья, одна надежда и однѣ усиленные хлопоты о воздѣлываніи конопли и обработкѣ пеньки, начиная съ «коноплянаго праздника» (дня Св. Ѳерапонта, 27 мая) и оканчивая Покровомъ. Впрочемъ, такъ какъ конопля растеніе двудомное (мужскія особи растенія называются «замашкою», по-бѣлорусски «посконью», а женскія собственно *коноплей),* то съ первыхъ чиселъ августа начинаютъ брать первую, еще въ цвѣту; она въ это время даетъ самое бѣлое и нѣжное волокно. Послѣ отцвѣта замашка скоро засыхаетъ и желтѣетъ; собранная въ сентябрѣ даетъ темное волокно съ синеватымъ оттѣнкомъ. Собранная конопля, не иначе какъ вымоченная, смятая на мялѣ и вытрепанная, или проще сказать — превращенная въ пеньку, принимается купцами и покупается за деньги. Въ этихъ видахъ почти все удобреніе обращается на коноплянники, которые доведены до замѣчательнаго совершенства. Все же пеньковое производство даетъ столь значительное оживленіе полѣсью, что на окраинахъ его образовались бойкіе торговые пункты, какъ мѣста сбора пеньки: для Калужскаго полѣсья — Козельскъ и Сухиничи, для Орловскаго — Брянскъ и Рославль, для Черниговскаго или Южнаго — Новозыбковъ, Стародубъ, Почепъ и проч. Но главная биржа для торговли пенькою изо всѣхъ полѣсскихъ мѣстностей собирается около 1-го октября въ 3 верстахъ отъ г. Брянска при Свѣнскомъ монастырѣ, во время ярмарки, когда производятся самыя значительныя сдѣлки по продажѣ и покупкѣ. Состоявшіяся здѣсь цѣны во весь годъ до слѣдующаго урожая руководятъ торговцами.

Кромѣ закупа самими торговцами въ ближнихъ мѣстностяхъ, пенька по зимамъ свозится на многочисленные еженедѣльные базары. Въ закупахъ принимаютъ наибольшее участіе городскіе торговцы и въ особенности Евреи, покупая на пуды и перепродавая товаръ различнымъ капиталистамъ на берковцы. Для трепанья пеньки стекается каждую зиму большое количество рабочихъ, среди которыхъ видное мѣсто принадлежитъ все тѣмъ же калужскимъ Полѣхамъ. Разсортированная и сложенная въ бунты пенька отправляется, предназначенная въ Ригу, черезъ гор. Порѣчье, гдѣ вновь перебирается и грузится на суда, и гдѣ черниговская пенька встрѣчается съ орловскою и смоленскою. Рядомъ съ пеньковымъ и въ связи съ нимъ вызваны къ жизни производство коноплянаго масла и торговля имъ, и одновременно льнянымъ и коноплянымъ сѣменами. Этимъ дѣломъ озабочено все Полѣсье, и ему принадлежитъ здѣсь несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ, даже и въ томъ отношеніи, что пеньковое дѣло служило объединяющимъ началомъ, обезпечивающимъ неизбѣжность сближенія Бѣлоруссовъ съ Великоруссами.

Въ силу указанныхъ хозяйственныхъ заботъ и многосложнаго промышленнаго движенія, на характерѣ жителей Южнаго или Черниговскаго полѣсья отразились рѣзкія черты контраста, которыя извѣстны намъ по первымъ встрѣчамъ въ этой полосѣ Россіи. Въ то время, когда сочный и крѣпкій черноземъ успѣлъ облѣнить «Полевиковъ» въ степи, изъ Полѣшуковъ, не смотря на ихъ вообще небольшой ростъ, при худомъ питаніи, живущихъ на неблагодарной почвѣ, въ самыхъ дурныхъ бытовыхъ условіяхъ, выродился народъ трудолюбивый, проворный и рѣшительный.

Въ особенности (и на этотъ разъ) выдѣлились тѣ изъ нихъ, которые, отъ частаго сближенія съ сосѣдями на торжкахъ, базарахъ и ярмаркахъ, не умѣли вполнѣ сохранить всѣ племенныя особенности, а въ быту, нравахъ и языкѣ представляютъ нѣкотораго рода помѣсь. Эта-то помѣсь и получила самостоятельныя прозванія Полѣховъ, Полѣшуковъ и Пинчуковъ (послѣдними, какъ извѣстно, называются жители громаднаго Пинскаго полѣсья въ уѣздахъ Мозырскомъ, Слуцкомъ и Пинскомъ). Въ первыхъ изъ нихъ еще нѣтъ подлинныхъ Великоруссовъ, но осталось наибольшее количество чертъ и особенностей этого элемента. Во вторыхъ мало осталось малороссійскихъ чертъ, но въ Полѣшукахъ черниговскихъ еще не вполнѣ сложился бѣлорусскій типъ, а въ Пинчукахъ минскихъ еще сильно и упорно борются особенности южно-русскихъ элементовъ въ смѣси съ сѣверо-западными или бѣлорусскими. Въ жителяхъ Черниговскаго полѣсья, называемыхъ также совершенно невѣрно «Литвинами», — сосѣднихъ съ трудолюбивымъ и промышленнымъ старообрядскимъ населеніемъ тамошнихъ городовъ, слободъ и посадовъ, а также и въ тѣхъ, которые живутъ около границъ губерній Орловской и Смоленской, вліяніе Великорусскаго племени стало отчасти примѣтнымъ и благотворнымъ въ отношеніи экономическомъ. Теперь въ томъ и задача наша, чтобъ указать послѣдствія того взаимодѣйствія и отмѣтить особенности характера Бѣлорусскаго племени, населяющаго Смоленскую украину, для которой Черниговское полѣсье составляетъ южную границу.

III. ТРИ СОСѢДА.

Хиба лихо озме Литвина, щобъ винъ не дзекнувъ— говорятъ малороссы.

Кали Маскаль каже суха, то паднимайся до вуха: бо ёнъ бреше.

Адъ чорта адхрисьцисься, а адъ Маскаля не адмалисься: адъ Маскаля полы урѣжь, да уцѣкай— толкуютъ бѣлоруссы.

Литва — безпятая лапотница; мезговники, мякинники; бѣлошапошники; магерки.

Волынка да гудокъ, собери нашъ домокъ; соха да борона разорила наши дома— отвѣтно насмѣхаются великоруссы.

Уже въ городѣ Брянскѣ, на базарѣ, подлѣ нижняго собора, преобладаетъ *бѣлая магерка*—классическій бѣлорусскій колпакъ или низенькая шляпа безъ полей, и та *коротенькая* и *узенькая* свита, которая отличаетъ Бѣлорусса отъ Малоросса. Тѣ же колпаки, и непремѣнно бѣлые, продаются и въ лавкахъ, и во всемъ этомъ Орловскомъ полѣсьѣ издавна—бѣлая овечья шерсть въ оптовой покупкѣ всегда стоитъ дороже черной. Замѣчается впрочемъ здѣсь некоторое стремленіе приблизить форму головнаго убора къ формѣ великорусской шляпы (тулья не такъ узка кверху, пониже и пошире, какъ и указано на нашемъ рисункѣ) и выдѣлиться отъ коренныхъ Бѣлоруссовъ черными и коричневыми (некрашеными) свитами. Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи большая смѣсь: либо при бѣломъ колпакѣ сѣрая свита, либо тотъ и другая сѣрые, какъ признакъ того, что брянскій базаръ стоитъ на рубежѣ и тутъ еще не оконченъ споръ изъ-за наряда (въ особенности головнаго), составляющаго во всякомъ случаѣ одинъ изъ существенныхъ этнографическихъ признаковъ. Несомнѣнно однако, что въ 90 верстахъ отъ Брянска, на западъ, но еще въ уѣздѣ этого города, является на жителяхъ (напр. Окулецкой волости) подлинный и безпримѣсный бѣлорусскій нарядъ у мужчинъ и женщинъ: тамъ бѣлый цвѣтъ исключителенъ; подъ Брянскомъ бѣлая магерка сдружилась съ сѣрой свитой, а подъ Карачевымъ онѣ обѣ сѣрыя. Отсюда понятно прозваніе орловскихъ Полѣховъ «бѣлоголовыми», усвоенное имъ жителями западной половины губерніи. Та же встрѣча объуженнаго кверху колпака съ великорусской шляпой гречневикомъ и съ торчащими, въ защиту отъ солнца, полями происходитъ на всѣхъ базарахъ Калужскаго полѣсья и даже на ярмаркѣ въ Дорогобужѣ, какъ характерно выразилъ настоящій, снятый съ натуры, рисунокъ. На еженедѣльныхъ торжкахъ въ городѣ Смоленскѣ, бѣлыя магерка и свита уже очень примѣтны. Точно также круглая шляпа съ широкими полями или типическій малороссійскій «бриль» вступаетъ въ споръ съ узенькой магеркой по всему Черниговскому полѣсью, преобладая однако надъ послѣдней подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, Сѣвскомъ и Трубчевскомъ. Такое же различіе замѣчается и въ говорѣ, въ произношеніи самыхъ обыденныхъ словъ, напр. въ полѣсьѣ говорятъ: конь, волъ, ножъ — по-бѣлорусски; въ Глуховѣ и Нѣжинѣ — кунь, вулъ, нужъ, а за Лубнами — кинь, вилъ, нижъ, уже по-украински. Самъ Бѣлоруссъ, прозванный «Литвиномъ», задисненскихъ жителей началъ звать «Хохликами», а на базарахъ носитъ общее бранное прозвище «хомутъ». Однимъ словомъ—на этихъ окраинахъ естественнымъ образомъ обликъ Бѣлорусскаго племени не могъ окончательно и цѣликомъ выказаться, и сосѣди, такъ сказать, сами еще не разобрались между собою. Скажемъ больше: они еще и сами себя не спознали въ смыслѣ самостоятельной племенной группы. Эта путаница тонко выражена въ присловьѣ, обращаемомъ въ насмѣшку именно этимъ «нито, ни сё»:

— Якой губерніи? — Смоленьской. — Якого уѣзда? — Города Дорогобужска. — Якой воло-

сти? — Демьяновой посады. — Якого села? — Съ Ивановой усадьбы. — Якого боярина? — Про то не вѣдамъ.

Названіе «Бѣлоруссъ» — искусственное, книжное и офиціальное. Сами себя потомки Кривичей подъ этимъ именемъ не знаютъ, хотя въ сущности ни одного эпитета нельзя подобрать болѣе типичнаго. Бѣлоруссы они настоящіе: бѣлый цвѣтъ преобладаетъ; у коренныхъ все бѣлое: лицо, волоса, рубаха, колпакъ, панталоны, кожухъ и свита. На женщинахъ также бѣлая наметка, бѣлый фартукъ, и даже бѣлевая обора идетъ крестъ-на-крестъ по бѣлой онучѣ, прикрѣпляя на ногѣ лапти. Вопреки всему этому поличному, у Бѣлоруссовъ даже есть такая пѣсня:

Прилецѣли гуси
Да съ бѣленькой Руси,
Сѣли-пали на крыпицы,
Стали они воду пици.

Видъ Дорогобужа съ ярмарки.

Значитъ, подъ именемъ Бѣлой Руси разумѣетъ тамошній народъ Великороссію, а во времена недавняго національнаго возбужденія, явившагося послѣдствіемъ послѣдняго польскаго возстанія, мѣстная интеллигенція начала считать названіе «Бѣлоруссомъ» даже обиднымъ, признавая себя безъ ограниченій чистыми «Русскими», болѣе древняго и чистаго происхожденія. До этого же времени, простой народъ считалъ и называлъ себя просто «хлопами». Только минскій Полѣшукъ умѣлъ отвѣчать за себя на вопросъ: что ты за человѣкъ? — я не человѣкъ, а «Пинчукъ» (т. е. уроженецъ пинскихъ или мозырскихъ болотъ). При вопросѣ: кто владѣетъ полѣсьемъ и кому Пинчуки повинуются? — ссылались не такъ давно, и еще на нашей памяти, на «королеву Бону» (т. е. жену короля Сигизмунда, Бона Сфорца, отравленную своимъ докторомъ въ 1557 году), полумиѳическое лицо, которому народная память приписываетъ постройку всѣхъ сохранившихся каменныхъ замковъ, башенъ и т. п. въ цѣломъ Бѣлорусскомъ краѣ.

Именно здѣсь, въ Пинскомъ полѣсьѣ, тамъ, гдѣ оно входитъ въ Гродненскую губернію и составляетъ естественную и дѣйствительную границу двухъ племенъ, Малороссійскаго и Бѣлорусскаго, въ особенности характерно выразилось въ народѣ разумѣніе племенной разницы. Выразилось же оно не только въ насмѣшливыхъ присловьяхъ, но и въ цѣльныхъ разсказахъ и анекдотахъ о простотѣ и наивности этихъ, «темныхъ» людей. То же самое повторилось и на Днѣпрѣ, гдѣ, южнѣе Гомеля, близъ устья Припети, кончается сѣверъ Украйны и начинается южная граница Бѣлорусскаго племени. Народъ здѣшній также нѣчто среднее, отставшее отъ одного и не приставшее къ другому. Въ особенности зла насмѣшка и сильна сплетня на этой границѣ, гдѣ Бѣлоруссовъ одновременно спознали и старообрядцы Великороссы, и кіевскіе Малороссы, съ извѣстной народной привычкой своей «пожартовать», посмѣяться. Около слободы Добрянки, населенной раскольниками, лежитъ селеніе Марковичи — здѣшнее Пошехонье, сосѣднее также съ «Хохлами задрипанцами». Эта Марковщина носитъ приватное прозваніе «Туковщины», сочиненное по нижеслѣдующему случаю:

Шли эти Марковцы съ сѣнокоса,— видятъ, выстроена церковь: такого большаго строенія не видывали. Вошли внутрь, еще больше удивились. Всѣмъ захотѣлось крикнуть, попробовать, разсѣется-ли голосъ. Стали приставать,— просить позволенія. — Нельзя—говорятъ:— это домъ Божій, свято мѣсто. Опять пристаютъ: «позволь хоть разъ тукнуть».— Если станете давать каждый годъ съ каждой избы по полупуду меду, кричите. — Согласились. Съ той поры для духовенства установилась особая подать подъ именемъ «туковщины» и «погуковщины» (но подъ названіемъ послѣдней, въ другомъ мѣстѣ, хотя также въ сѣверной пограничной части кіевской губерніи, за посѣщеніе церкви — священнику).

Въ-то же время про Марковцевъ разсказываютъ еще слѣдующее. Они, чтобы не трудиться ежегодно ѣздить въ Крымъ за солью, сыпали ее въ колодцы въ разсчетѣ сдѣлать воду навсегда соленой. Чтобы больше родилось воловъ, рубили на мелкіе куски одного вола и сѣяли куски по полю, и запахивали. Чтобы не трудиться толочь пшено, сѣяли его толченымъ, ибо, по причинѣ безлѣсья, ступъ не изъ чего дѣлать. Они же «съѣли сучку», а сталось это такъ: приготовляли Марковцы въ лѣсу ладо подъ пашню, стали жечь срубленныя деревья. Въ это время прибѣжала собака, бросилась въ огонь и сгорѣла. Когда пришли Марковцы, огнище потухло. Видятъ жаренаго звѣря: «мабуть заяцъ?» А зайца съ роду не ѣдали. Съ голоду стали сучку ѣсть да похваливать. Пришелъ хозяинъ сучки — увидѣлъ дѣло, увидѣлъ хвостъ, узналъ свою собаку и выговорилъ: «Зайка, зайка! хвостикъ якъ ногайка: вѣдь вы это мою сучку съѣли». Съ той поры при любомъ Марковцѣ нельзя поманить собаки, не только напомнить имъ объ этомъ прискорбномъ событіи:— кольями изобьютъ. Другой разъ Марковцы увидали, какъ полемъ прошелъ медвѣдь и скрылся въ лѣсу. Такого звѣря еще не видывали; пошли спрашивать у попа, что за звѣрь такой: «походило-погуляло, въ лѣсъ ушло». Пошелъ съ ними попъ въ лѣсъ; увидѣли нору, стали совѣщаться, кому первому лѣзть. «Полѣзай, батько, ты поменьше ростомъ». Взяли его за ноги, сунули въ яму головой: медвѣдь оторвалъ голову. Когда вытащили попа, удивились: «кажись, была голова, а мабуть нѣтъ». Пошли спросить попадью: чи была у батьки голова, чи ни? — Утромъ была,— говоритъ:—я ему блины пекла, ѣлъ, помню— и бородою въ то время трёсъ! А тамъ ужь не знаю: взялъ ли онъ ее съ собой, или въ церковь снесъ, а въ хатѣ поповой головы нѣтъ». И такъ далѣе.

Остановясь на встрѣчныхъ пунктахъ великорусскихъ Полѣховъ со смоленскими Бѣлоруссами уѣздовъ Рославскаго, Ельнинскаго и Смоленскаго, мы очутились на той водораздѣльной возвышенности, гдѣ берутъ начало рѣки въ одномъ только направленіи въ Днѣпръ при посредствѣ Десны и Сожа. Около Смоленска мы вступаемъ въ ту область, гдѣ находятся истоки обѣихъ этихъ рѣкъ и самаго Днѣпра — главнѣйшей артеріи всего Бѣлорусскаго края и третьей по величинѣ рѣки во всей Европейской Россіи. Эта возвышенность залегла между Сожомъ и Десною и замѣчательна тѣмъ, что, начавшись (подъ Трубчевскомъ отъ поворота рѣки на юго-западъ),

лежитъ въ области ея теченія съ правой стороны, бѣдной притоками (слѣва 23 притока, справа только 9, и всѣ почти внѣ предѣловъ этого водораздѣла). Этимъ обстоятельствомъ съ древнѣйшихъ временъ практически воспользовалась торговля. Она проложила здѣсь три пути, извѣстные подъ именемъ «свиныхъ шляховъ», т. е. тѣхъ дорогъ, по которымъ гоняли съ юга животныхъ, давшихъ имя дорогѣ и, какъ извѣстно, неспособныхъ къ переправамъ вплавь, требующихъ сухопутья и мелкихъ рѣкъ или такихъ, чрезъ которыя класть можно легкіе скороспѣлые мосты (нѣкоторые не безъ основанія производятъ отъ тѣхъ же причинъ и названіе Брянскаго монастыря, какъ сборнаго пункта и начальнаго мѣста шляховъ, встарину дѣйствительно называвшагося Свинскимъ). Собственно для насъ этотъ водораздѣлъ именно тѣмъ и замѣчателенъ, что представляетъ точную границу между двумя встрѣчными племенами. Здѣсь произошла встрѣча въ давнія, незапамятныя времена разселенія Славянскихъ племенъ по обширнымъ раснинамъ Русской Земли. Здѣсь совершилось то полюбовное размежеваніе и остановка поступательнаго движенія одновременно съ запада и востока или въ то время, когда запоздалые надвинулись на мѣста прибылыхъ. Естественное право, выродившееся изъ взаимнаго уваженія къ тяжкому труду, понесенному обѣими встрѣчными сторонами по расчисткѣ дремучихъ лѣсовъ, велѣло жить въ сосѣдствѣ и дружбѣ, и выговорило законъ, облеченный въ формулу: «владѣть землею только по то мѣсто, куда топоръ и соха ходили». Въ сущности естественныхъ преградъ, въ смыслѣ указанія на прямыя границы, тутъ не было: ни высокихъ горъ, ни обширныхъ болотъ и озеръ, ни тѣхъ непролазныхъ лѣсовъ, которые владѣютъ, между прочимъ, замѣчательнымъ свойствомъ дѣлаться естественными племенными границами. Здѣсь возвышенія уровня почвы столь незначительны, что, безъ инструментальнаго измѣренія высотъ, они не могутъ быть отличены отъ равнинъ. Раздѣляющаго простѣнка нѣтъ; горба мы обыкновенно вовсе не замѣчаемъ, а напротивъ, видимъ, что самая ничтожная возвышенность въ состояніи раздѣлить области такихъ большихъ рѣкъ, какъ Волга и Днѣпръ, какъ Двина и Нева, какъ верховья Десны, Сожа и Днѣпра. Что же касается болотъ, то они въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, послужили движенію и сближенію племенъ тѣмъ, что дали пищу и возможность прорѣзаться естественнымъ и легчайшимъ путямъ народныхъ переселеній, каковы во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена — рѣки. Если даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ болотныя рѣки не сдѣлались мѣстами осѣдлости, то вездѣ сослужили службу тѣмъ, что остались большими дорогами, передаточными пунктами, хотя бы и на тѣ водораздѣлы, которые носятъ простое народное имя «волоковъ». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ берега этихъ рѣкъ, какъ на большихъ моряхъ, или какъ высокія горы — сдѣлались племенными гранями. Такъ, между прочимъ, на западной бѣлорусской границѣ, въ Гродненской губ. около Бреста-Литовскаго, течетъ рѣчка Пелеса. Вся она заплыла грязью, покрыта тиной, едва движется. Крестьяне, живущіе на лѣвомъ ея берегу, вовсе не знаютъ по-литовски, жители праваго берега — настоящіе Литовцы по языку и обычаямъ. Точно также въ Полоцкомъ уѣздѣ (Витебской губ.) на правомъ берегу рѣчки Пещаны — притока Западной Двины живутъ Латыши, на лѣвомъ — Бѣлоруссы; рѣчка Орловка въ древнѣйшемъ псковскомъ пригородѣ Изборскѣ, раздѣляетъ Ливовъ отъ Великороссовъ, и т. д.

Волока — опять-таки на столько ничтожныя возвышенія, что черезъ нихъ безъ большаго труда можно переносить челноки изъ одной рѣки въ другую, а въ самыхъ рѣкахъ, при многократно извивающихся линіяхъ, нельзя опредѣлить, какое направленіе слѣдуетъ принять за главное. На этихъ волокахъ, впослѣдствіи, образовались естественные пункты встрѣчъ и сближеній, потомъ торговые центры, наконецъ мѣста племенной ассимиляціи, гдѣ сильное и живое племя имѣетъ возможность взять перевѣсъ и дать ходъ и дальнѣйшее развитіе своей національности. Чѣмъ значительнѣе рѣки, сближающія свои верховья, тѣмъ скорѣе накопляется сила въ объединяющихъ пунктахъ и могущественнѣе дѣйствуетъ вліяніе ихъ дальше предѣловъ волока, — на все прирѣчное населеніе всѣхъ тѣхъ рѣкъ, которыя между собою сблизились истоками или устьями. Отсюда понятно народное и правительственное значеніе такихъ сильныхъ властителей,

какъ Кіевъ (черезъ Днѣпръ, Десну и Припеть), какъ Новгородъ (Мста, Волховъ и черезъ Ильмень, Шелонь, Ловать, Полисть и проч.), и наконецъ, въ интересующей насъ мѣстности — Смоленскъ. Возвышаясь надъ Днѣпромъ, онъ обязательно расположился вблизи истоковъ трехъ рѣкъ, изъ которыхъ Сожъ беретъ начало едва не подъ самымъ городомъ, а Десна въ разстояніи двухъ «лошадиныхъ перегоновъ» или «упряжекъ», достаточныхъ ровно на столько, чтобы, отправившись на мѣсто обмѣна, торга или на совѣщанія, не утомить лошадь, ѣдучи не кормя, и, покормивъ ее, на вторыя сутки успѣть возвратиться домой. Рѣка Каспля, игравшая въ серединѣ прошлаго столѣтія весьма серьезную роль и теперь все еще судоходная, соединяетъ и привлекаетъ побережья Двины къ пущему возрастанію самаго древнѣйшаго и кореннаго бѣлорусскаго города, главной столицы Кривичей, — Смоленска. Городъ Порѣчье, лежащій на этой послѣдней рѣкѣ, до сихъ поръ сохраняетъ огромное значеніе для всего Смоленскаго края, какъ пристань для склада пеньки и хлѣба и для заграничной торговли этими продуктами народнаго хозяйства Смоленской и Черниговской страны и Орловскаго полѣсья.

Иконостасъ Свѣнскаго монастыря.

Разсмотрѣнный теперь водораздѣлъ дѣлитъ Смоленскую губернію на двѣ части. Въ восточной остаются уѣзды Сычевскій и Вяземскій, и если мы присоединимъ къ нимъ Гжатскій и Юхновскій и восточную (наибольшую) часть Бѣльскаго, то такимъ образомъ отдѣлимъ великорусскую Смоленщину. Затѣмъ уже все остальное, далеко за политическую границу губерніи, будетъ Бѣлоруссія. Такимъ образомъ оказывается (по свѣдѣніямъ 1860 г.), что Бѣлоруссовъ въ губерніи 1.122,000, а Великороссовъ 520 тыс., или 68% : 32%. Разница здѣсь заключается лишь въ томъ, что Великороссы живутъ плотнѣе, скученнѣе, нежели Бѣлоруссы. Это, впрочемъ, одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей бѣлорусскаго племени, живущаго, на громадное большинство случаевъ, деревнями въ 4, 3, 2 двора и иногда въ одинъ дворъ гдѣ-нибудь въ лѣсу. По этой причинѣ у нихъ, во время работъ, домъ часто обокраденъ, ребята — калѣки, скотъ безъ надзора пастуховъ рѣжетъ волкъ и т. д.

Оставляя восточную границу бѣлорусской Смоленщины для новыхъ встрѣчныхъ мѣстъ съ Великороссами на сѣверѣ, упомянемъ кстати о двухъ примѣчательныхъ въ данномъ вопросѣ мѣстахъ. Въ 40 верстахъ отъ Вязьмы, на большой дорогѣ къ Смоленску, лежитъ селеніе Зарубежье, съ которымъ соединено преданіе о томъ, что здѣсь была политическая граница, установленная съ Польшею 15 іюня 1634 года. Въ Юхновскомъ уѣздѣ, въ 30 верстахъ отъ той же Вязьмы, въ селѣ Волстѣ была крайняя сѣверозападная граница древняго Черниговскаго кня-

жества и періодическихъ литовскихъ владѣній. Стоялъ тутъ мѣдный большой столбъ (по преданію), на мѣстѣ котораго недавно устроена часовня. Тѣмъ не менѣе Вязьма, черезъ которую шелъ древній путь на Кіевъ и куда пришелъ преподобный Ефремъ изъ Ростова по пути на р. Альту, чтобы взять тѣло брата своего Георгія, убитаго вмѣстѣ съ св. княземъ Борисомъ, — городъ Вязьма — несомнѣнно-великорусскаго характера. Въ немъ уже видимъ промышленное движеніе, чего недостаетъ бѣлорусскимъ городамъ (какъ новое племенное отличіе): существуютъ заводы, сверхъ классическаго пряничнаго производства, извѣстнаго цѣлой Россіи. Для спасенія отъ Ляховъ, въ 1661 году, Вязьмѣ понадобилось чудо преп. Аркадія; еще Іоаннъ III построилъ на городской стѣнѣ сторожевую пограничную башню; здѣсь въ 1407 году заключилъ онъ перемиріе съ Витовтомъ и отдалъ Вязьму сыну, а Іоаннъ IV, для окончательнаго закрѣпленія города за Русью, роздалъ вяземскія земли опричникамъ. Впрочемъ, за вяземскими крестьянами нѣкоторые

Городъ Вязьма.

не признаютъ полнаго усвоенія великорусскаго характера, основывая этотъ выводъ на томъ, что они не стараются улучшить своего быта какимъ-либо прибыльнымъ ремесломъ, и уѣздъ, по общему числу промышленныхъ крестьянъ, занимаетъ между великорусскими уѣздами послѣднее мѣсто.

Если поднимемся мы отъ Смоленска на сѣверъ, черезъ Духовщинскій уѣздъ, въ Бѣльскій и Порѣчскій, мы вступимъ снова въ область громаднаго полѣсья, которому судила исторія стать естественною границею сѣверной Великороссіи съ Бѣлоруссами Смоленской и Витебской губерній. Лѣса эти на столько первозданны, мало доступны и пустынны, что Бѣльскій уѣздъ получилъ названіе Смоленской «Сибири». Уже въ 8 верстахъ отъ уѣзднаго города — Бѣлаго — начинаются громадныя болота (по большей части носящія мѣстныя названія — «мховъ»). Эти болота, простираясь на сѣверъ, покрываютъ всю сѣверозападную часть уѣзда и соединяются въ неизмѣримую даль съ таковыми же Порѣчскаго уѣзда. Между рѣчкою Тросною, Мглайкою и рѣкой Межей такъ называемые «мхи Пилецкіе» занимаютъ около 200 кв. верстъ; мохъ Сот-

ховскій по р. Кремянкѣ имѣетъ въ длину 12 верстъ, Свитскіе мхи (по р. Свити), покрытые множествомъ небольшихъ озеръ, занимаютъ около 25 кв. верстъ: длиною въ 12 верстъ и шириною отъ 1 до 4 верстъ. Эти мхи или чистыя болота покрыты рѣдкимъ сосновымъ кустарникомъ (мокрыя мѣста обросли смѣшанымъ дровянымъ лѣсомъ). Мхи непроходимы во все лѣтнее время, и охотники, гоняющіеся за лосями въ сухое лѣто, здѣсь очень часто безвозвратно погибаютъ. Наблюдателю рельефа земли и различнаго характера почвы представляетъ здѣсь богатый матеріалъ и даже для филолога новые синонимы. Здѣсь напр. зовутъ собственно болотомъ мокрыя мѣста, покрытыя мѣшанымъ дровянымъ лѣсомъ («пуща»), потому что слой моха очень не толстъ и корни деревьевъ могутъ проникать въ грунтъ земли, — мѣста въ сухое время проходимыя человѣкомъ. «Мхи» (бѣлорусская «нимяреча») или «мяреча» проросли мохомъ въ толщину нѣсколькихъ саженъ и, кромѣ рѣдкаго сосняка, ничего не выращаютъ. Окраины мховъ густо заростаютъ ивнякомъ и березникомъ, и на нихъ-то цѣпляются немногія и рѣдкія селенія. Въ мяречахъ попадаются именно тѣ непроходимыя мѣстности, гдѣ гибнутъ заблудившіеся люди, и которыя носятъ названіе «нѣтры». Еще страшнѣе ихъ бываютъ «твани» — самый безнадежный и ужасный видъ болотъ. Это бывшія нѣкогда озера, поверхность которыхъ заросла не особенно толстымъ моховымъ слоемъ, но густаго сплетенія. На нихъ послѣ первыхъ поселенцевъ: водорослей, водныхъ мховъ и низшихъ растеній, вымершихъ и истлѣвшихъ, образовалась уже почва для другихъ болотныхъ растеній. Подъ мохомъ этихъ болотъ содержится разжиженная грязь, сквозь которую свободно проходятъ шесты въ 3 — 5 саженъ длиною. Здѣсь и бездонныя пропасти, называемыя «виреями» или «окнами»; ничего древеснаго не растетъ, и вся поверхность — «дрогва́» настоящая, съ поразительнымъ подобіемъ киселя. Не говоримъ уже о «багнахъ», тѣхъ топкихъ мѣстахъ, которыми укрыта вся эта мокрая палестина, заросшая травою «ситникомъ» — мелкимъ камышемъ, употребляемымъ на постели. Озера не замерзаютъ вовсе, отчего прямыхъ сообщеній между селеніями не существуетъ: вмѣсто 5 верстъ прямика приходится дѣлать до 15 — 20 верстъ объѣзда. По Свитскимъ мхамъ впрочемъ идутъ обозы изъ Торопца въ Ржевъ, а черезъ Пилецкіе мхи, идущіе изъ Торопца въ Бѣлый, — два зимніе пути. Многія изъ этихъ мшистыхъ болотъ ничто иное, какъ скрытыя озера, затянутыя тонкимъ слоемъ моха и различныхъ водяныхъ растеній: добраться до дна ихъ шестами нѣтъ никакой возможности. Взоръ путника встрѣчаетъ лишь мѣшаный дровяной лѣсъ: мелкій березнякъ, ельникъ, ольшаникъ и вересковые кустарники, на болотахъ или мхахъ рѣденькій сосновый кустарникъ да тѣ лужи, которыя носятъ характеристическое названіе «виръ или оконъ», въ сущности представляющихъ собою бездонныя пропасти. Отмѣтимъ и то немаловажное явленіе, что рѣки, направляющіяся въ бѣлорусскую сторону, имѣютъ быстрины и теченіе стремительное, которое не только весьма затрудняетъ сношенія, но и дѣлаетъ вовсе невозможнымъ для плоскодонныхъ барокъ обратный путь. Зато Волга съ весьма тихимъ и равномѣрнымъ теченіемъ обезпечила съ древнѣйшихъ временъ сношенія и открыла свободный путь для колонизаціонныхъ разливовъ.

Эти болота до такой степени стѣснили и обездолили всю страну, что только по берегамъ рѣкъ могло пріютиться осѣдлое населеніе и поставить жилья возлѣ узкихъ полосъ обработанныхъ полей. Не такъ давно одинъ корреспондентъ «Русск. Міра» счелъ событіемъ чрезвычайной важности посѣщеніе мѣстнымъ епископомъ этихъ забытыхъ мѣстъ, до сихъ поръ еще не видавшихъ ни одного изъ высшихъ лицъ духовной іерархіи. Жители этого Полѣсья у ближайшихъ сосѣдей своихъ слывутъ подъ прозвищемъ «темныхъ», и въ самомъ дѣлѣ: при одинаковой платѣ оброка съ сосѣдями (жителями «Полевщины», восточной части уѣзда, у которыхъ размѣръ озимаго посѣва въ худшіе годы выходитъ отъ 6 до 9 мѣръ на душу), жители Полѣсья при томъ же сравнительно безобидномъ надѣлѣ (въ 4½ дес.) не могутъ дѣлать посѣвовъ свыше 5, 4 и даже 3 мѣръ. Треть надѣла у нихъ залегаетъ подъ порослями, каменьями и болотами. Есть волости, въ которыхъ на ревизскую душу едва приходится по ½ лошади и по одной ко-

ровѣ. Сюда будто-бы графъ Борисъ Шереметевъ, герой Петровскихъ временъ, ссылалъ безнравственныхъ крестьянъ и тѣмъ какъ бы усилилъ на половину уѣзда великорусское вліяніе. Потомковъ высланныхъ считаютъ теперь до 1 тысячи человѣкъ (въ 100 вер. къ сѣверу отъ г. лаго среди неисходныхъ лѣсовъ, въ сторону города Торопца).

Вся поверхность Порѣчскаго уѣзда наполнена озерами, образующими обширную водную сѣть, почти непрерывную. Большая часть озеръ соединена между собою такъ называемыми «межитоками». При этомъ озера нигдѣ не служатъ границами, но лежащія вблизи всегда снабжены укрѣпленіями, замками и городищами. Вообще обиліе стоячихъ, текущихъ и подземныхъ водъ во всемъ этомъ сѣверномъ Смоленскомъ Полѣсьѣ такъ громадно, что одна изъ величайшихъ рѣкъ Россіи — Днѣпръ, получила здѣсь свое начало въ болотѣ Мшара, между деревнями Клецевой и Аксюниной. Здѣсь же нашла себѣ крупную поддержку въ рѣкѣ Касплѣ многоводная Западная Двина; попользовалась и матушка-Волга, посредствомъ рѣки, носящей своеобразное названіе Молодаго Туда.

Глядя на это бездолье страны и гигантскія препятствія для народныхъ движеній, кажется, что человѣку и не продраться здѣсь не только съ сохой, но и съ топоромъ. И въ самомъ дѣлѣ, эта мѣстность Бѣльскаго уѣзда, составляющая $^1/_5$ часть всего пространства губерніи, населена слабѣе всѣхъ уѣздовъ. Лѣсная область дѣйствительно легла опредѣленною гранью между двумя племенами одного народа. Мокрая страна съ страшными болотами надолго сдержала народныя переселенія, упорно мѣшала племеннымъ сношеніямъ и объединенію, помогла Пскову и Новгороду дольше другихъ удержать независимость и самостоятельность, но въ концѣ концовъ все-таки открыла пути и дозволила проложить дороги. Съ теченіемъ времени однако здѣсь переселенцу удалось преодолѣть природныя препятствія. На рѣкѣ этого полѣсья — Молодомъ Тудѣ, довольно глубокомъ, бѣгущемъ извилинами въ крутыхъ берегахъ, мы находимъ Бѣлоруссовъ, извѣстныхъ подъ мѣстнымъ названіемъ «Тудовлянъ». Рѣка эта вывела Бѣлоруссовъ съ верховьевъ Двины и Днѣпра на верховья Волги. Тудъ впадаетъ въ селѣ Сковородѣ, при Самаринской мельницѣ, въ Волгу. Течетъ Тудъ быстро, а потому усѣянъ столь выгодными здѣсь мельницами и богатъ рыбой (столѣтними, замѣчательныхъ размѣровъ, щуками, головлями, окунями и лососками). Въ жителяхъ сохраняются, вмѣстѣ съ говоромъ и нарядомъ, добрыя черты бѣлорусскихъ нравовъ: честность, кротость и терпѣливость съ новымъ придаткомъ — гостепріимства. Ходятъ они въ узкихъ и короткихъ полушубкахъ, которые называютъ «кунтышемъ». Промысловъ тоже никакихъ не знаютъ и не ведутъ; занимаются исключительно земледѣліемъ; здѣсь и неизмѣнное дзеканье, и наконецъ классическая дуда — кожаный, круглый мѣшокъ съ приставной къ отверстію дудкой, — дуда, играющая не только, когда въ нее дуютъ и водятъ пальцами, но и когда дуть перестанутъ. Тутъ живы еще разсказы о капитанѣ-исправникѣ Бабаѣ, рѣшавшемъ людскія ссоры и прегрѣшенія отеческимъ судомъ, по старинѣ.

Поверхность земли по этой рѣкѣ усѣяна мелкимъ булыжнымъ камнемъ, который, однако, какъ и въ великомъ множествѣ мѣстъ по Бѣлоруссіи, не останавливаетъ жителей отъ земледѣлія: камни приносятъ даже пользу тѣмъ, что удерживаютъ подъ собою въ сухія лѣта сырость. И также, какъ въ Бѣлоруссіи, здѣсь на зимнихъ ярмаркахъ (крещенской и никольской) торгуютъ главнѣе всего товарами домашняго приготовленія: холстами и сукнами низшаго сорта и привозными самой дешевой цѣны и сомнительнаго качества. И это производится на скорую руку, изъ боязни, чтобы не помѣшали болота, которыя замерзаютъ лишь на это *злобное* зимнее время отъ Николы, кующаго гвозди, до Крещенья, когда на «Водокрещи» морозъ трещитъ въ послѣдній разъ. Затѣмъ вскорѣ болота начинаютъ вскрываться. Главный пунктъ и мѣстная вліятельная столица въ поволжской Бѣлоруссіи — село Молодой Тудъ, состоящее изъ 40 дворовъ, и при немъ 45 деревень, а въ нихъ до 500 дворовъ. Нѣкоторые (напр. г. Преображенскій въ описаніи Тверской губерніи) насчитываютъ Бѣлоруссовъ въ Тверской губерніи до 125 тысячъ, конечно, не только ржевскихъ, зубцовскихъ, но и осташковскихъ. Послѣдняя мѣстность, столь

сходственная почвою, столь сродственная по обычаямъ, въ оны времена передвиженій бѣлорусскаго племени съ юга на сѣверъ не могла быть обойдена при облегченныхъ путяхъ сообщенія и не могла остаться безъ бѣлорусскаго вліянія. Оно чувствуется въ говорѣ деревенскихъ жителей, въ сходствѣ нѣкоторыхъ обычаевъ и въ самомъ городѣ Осташковѣ (древнемъ Кличевѣ, переименованномъ при Дмитріѣ Донскомъ) сохраняетъ слѣды обоюдной связи и давняго тяготѣнія. На этотъ разъ доказательства свойства и родственныхъ связей выказались въ самомъ безспорномъ и живомъ народномъ началѣ — религіозности, выражающейся привязанностію къ родной патрональной святынѣ. На томъ концѣ города, гдѣ начинается дорога въ Новгородъ, давно построенъ монастырь (женскій) Знаменскій. На томъ мѣстѣ, въ сторону Смоленска, гдѣ издревле было «церковище» (остатки церкви на Житномъ островѣ), выстроился мужской монастырь въ честь иконы Смоленской Божіей Матери. Царь Алексѣй Михайловичъ принужденъ былъ въ Осташковѣ, какъ пограничномъ пунктѣ, учредить таможню и построить крѣпостцу.

Излишне говорить о томъ, насколько святыя мѣста и святыни служили объединяющимъ началомъ для единовѣрныхъ народностей и сосредоточивали около себя пункты встрѣчъ и общеній, какъ въ данномъ случаѣ Нилова пустынь. Сюда ходятъ не только смоленскіе Великоруссы, но и Бѣлоруссы (черезъ г. Бѣлый), не смотря на то, что эта пустынь лежитъ дальше, еще въ 180 верстахъ за Осташковымъ. Похожее на осташковское явленіе двойственныхъ симпатій повторилось и въ тверскомъ городѣ Ржевѣ, который въ тѣ времена, когда назывался еще «Ржевой Володиміровой», т. е. во времена новгородской независимости, со всею своею волостію платилъ половину дани и судныхъ пошлинъ великому князю литовскому, а другую половину Великому Господину Новгороду. Около этого же города разбирались споры Суздальцевъ съ Новгородцами.

Безполезная борьба съ природой сдѣлала жителей угрюмыми, сосредоточенными въ себѣ до меланхоліи, а неплодородіе почвы — наложило на нихъ какъ-бы печать отчаянія. Народъ побѣжалъ искать заработковъ на югъ. Съ незапамятныхъ временъ всѣ громадныя рыбныя озера витебской Бѣлоруссіи берутся въ аренду и облавливаются исключительно сумрачными «Осташами», которыхъ суевѣрный туземный народъ считаетъ колдунами и чортовыми братьями. Думаешь вытащить сѣть съ цѣлымъ стадомъ лещей, вытаскиваешь разныхъ большеголовыхъ страшилищъ съ огненными глазами и съ кожаными перепончатыми крыльями. Все бѣдокуритъ Осташъ. Одна легенда разсказываетъ, что самого чорта видѣли въ образѣ Осташа, т. е. рыбакомъ въ кожаномъ фартукѣ, съ широкой бородой и круглымъ краснымъ лицомъ. Сидитъ онъ на гниломъ пнѣ и оретъ нескладнымъ голосомъ пѣсни. Отъ пѣнія его, какъ сумасшедшія, взлетаютъ на воздухъ утки; звѣри выбѣгаютъ изъ лѣсовъ и мчатся, какъ угорѣлые, по доламъ и горамъ; воютъ собаки; у людей пробѣгаетъ дрожь по тѣлу и волоса становятся дыбомъ. А въ пѣснѣ его все хвастовство: «все — говоритъ — мое», всѣ озера его: и Ситно, и Глубокое, и Лазно, и Нещедра, и Невядра и Невельское. — «Якъ мое, дакъ мое, усе мое», т. е. всѣ большія и рыбныя озера. Поетъ съ вечера до полуночи.

Тѣмъ не менѣе подобный путь сближеній очень живъ, а чрезъ то и поддержка издревле схожихъ чертъ быта, языка и нравовъ дѣйствительна. Впрочемъ, самый городъ Осташковъ, какъ и всѣ другіе неблагонадежные въ національномъ консерватизмѣ, по нахожденію своему на распутьи многихъ дорогъ, отличается рѣшительнымъ преобладаніемъ великорусскаго облика. Въ этомъ чистенькомъ городѣ сильно развиты промыслы и ремесла, сверхъ извѣстнаго всей Россіи сапожнаго, еще и кустарное, желѣзное — производство разныхъ домашнихъ орудій. Точно также красивый и живописный Ржевъ, промышленный городъ на всѣ руки, какъ истый великорусскій городъ московскаго пошиба. Ржевъ извѣстенъ уже разнообразными заводскими и фабричными производствами, начиная отъ кожевенныхъ, канатныхъ и веревочныхъ до красочныхъ (баканъ и карминъ) и кондитерскихъ заведеній (пастила). Отхожіе промыслы здѣсь

и тамъ разнообразятся до безконечности; такъ напр. изъ Зубцовскаго уѣзда (изъ древняго посада Погорѣлаго Городища) ѣздятъ даже за Кавказъ, подъ Ленкорань, за пьявками.

Осташковскій уѣздъ ввелъ насъ въ ту страну великихъ водораздѣловъ, которая съ сѣвера замкнута группою холмовъ, носящихъ несвойственное имъ прозвище Валдайскихъ горъ и Алаунской или Волжской возвышенности. Здѣсь тянулся тотъ древній Оковскій лѣсъ, который былъ всегда порубежнымъ для Новгорода, Литвы и Твери. Здѣсь черта, отдѣляющая водоемъ Волги отъ Западной Двины, находится всего верстахъ въ девяти отъ водораздѣльной черты, отдѣляющей Волгу отъ невскаго бассейна и при томъ такъ, что между озеромъ Двинецъ, выпускающимъ Двину, залегло довольно большое озерко (Орлино) со стокомъ (р. Орлинкой) къ Волгѣ. На востокѣ, черезъ болотные лѣса, эта черта уходитъ въ Бѣльскій уѣздъ; на западѣ она огибаетъ верховья рѣки Межи и у деревни Московки на торопецкой дорогѣ отдѣляетъ притоки рѣки Березы, впадающей въ Межу. Здѣсь-то (съ захватомъ г. Торопца въ нижнюю часть окружности) была народная граница, съ опредѣленнымъ указаніемъ на то въ самомъ названіи рѣки Межи. На ней, какъ и на Касплѣ, до сихъ поръ сохранилась у судовыхъ рабочихъ, называемыхъ здѣсь «сходными», идущими до Риги, обычай называть лѣвый берегъ обѣихъ рѣкъ литовскимъ, а правый—русскимъ, по тому же праву, какъ во Псковской губерніи, на подобномъ же племенномъ рубежѣ, второй ледъ, идущій сверху изъ Витебской губерніи (ледъ синій, первый бѣлесоватый) по рѣкамъ Ловати и Коломенкѣ, называется «полякомъ». Этимъ послѣднимъ льдомъ рѣка и становится.

Вблизи этого же водораздѣла опредѣлена была и политическая граница въ 1441 году по договору литовскаго князя Казиміра Королевича съ Новгородомъ, гласившему, что «Торопчанамъ, Витеблянамъ и Полочанамъ не быти на Березовцѣ, на Стержи, на Жабнѣ»: все то Литвѣ. «А въ Новгородской области не надобѣ ни што иное Литвѣ ни на Демяни, ни на Цнѣ, ни на Полоновѣ; не надобѣ брати черноѣ куны, ни иное ничтожъ». Торопецъ на р. Торопѣ, впадающей въ Двину, имѣвшій сначала своего князя и вѣче, а потомъ принужденный подчиниться, вошелъ въ составъ не Псковской земли, а Смоленскаго княжества. Будучи порубежнымъ, онъ много терпѣлъ отъ Литвы и всегда принимался въ разсчетъ и соображеніе при мирныхъ договорахъ. По окончаніи войнъ Поляки принимали на себя всегдашнее обязательство «Торопецъ не воевати и ничѣмъ не защепляти». Зато нигдѣ, какъ здѣсь, не сохраняется столько преданій о литовскихъ разореніяхъ и въ мѣстныхъ курганахъ все ищутъ зарытыхъ въ то время денегъ. Теперь за Торопчанами остается тоже бранное прозвище «мезговниковъ» (за подмѣсь къ мукѣ для пищи сосновой мезги или заболони)—прозвище, присвоенное множеству городовъ въ Бѣлоруссіи, но приличное всѣмъ городамъ и деревнямъ этого малохлѣбнаго края, съ рѣдкими лишь исключеніями.

Рѣки Торопа, Межа и Каспля, посредствомъ Западной Двины, вводятъ насъ въ ту губернію, жители которой давно и рѣшительнымъ образомъ заявили протестъ противъ родины и бѣгутъ изъ нея, куда глаза глядятъ. Отсюда «копачи», т. е. землекопы, ходятъ артелями и выносятъ изъ дому только полотняные, а иные суконные бѣлые штаны, небольшую сумку, рубаху (конечно, побѣлорусски, съ прямымъ воротомъ), за поясомъ топоръ, на плечѣ заступъ, да дня на три печенаго хлѣба,-- и только. Въ такомъ видѣ уходятъ витебскіе на работу верстъ за 500 въ качествѣ и званіи «грабарей», или землекоповъ. Другаго промысла они не знаютъ, но зато этотъ исполняютъ такъ, какъ никто. Пограничная черта приводитъ насъ сѣвернѣе мѣстечка Усвята (Велижскаго уѣзда Витебской губерніи) на политическую границу перваго изъ трехъ Инфлянтскихъ уѣздовъ (Динабургскій, Люцинскій и Рѣжицкій), населенныхъ Латышами. Эта линія захватываетъ верховья рѣкъ Ловати и Великой и характерно выражается цѣлымъ рядомъ развалинъ крѣпостей и замковъ, выстроенныхъ польскими королями и московскими царями (послѣдними—Велижъ, Себежъ и Невель). Въ особенности, этотъ сѣверный бѣлорусскій рубежъ замѣчателенъ тѣмъ, что опредѣлился по уѣздамъ Невельскому, Себежскому и Городец-

кому линіею поселеній, дожившихъ до нашего времени такъ называемыхъ «панцырныхъ бояръ»— остатковъ древней польской земщины, обязанныхъ именно охранять границы и нести пограничную военную службу. Линія, идя на Себежъ, включаетъ въ Бѣлоруссію часть Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи и въ этой послѣдней совпадаетъ съ той прямой пограничной чертой, которою отдѣлилъ Шафарикъ мѣстопребываніе Литовскаго племени. Замѣчательно при этомъ что на границѣ Латышей и Великоруссовъ, въ бѣлорусскомъ Себежскомъ уѣздѣ (въ с.-з. части) лежитъ болото въ 136 кв. верстъ. Чешскій ученый ведетъ пограничную черту отъ Печоръ и Изборска (Псковскаго уѣзда) на селеніе Занкевичи на р. Виліи, при соприкосновеніи трехъ уѣздовъ Виленской губерніи: Свѣнцянскаго, Виленскаго и Ошмянскаго. Далѣе идетъ она на селеніе Берштьі около Гродна, на Бѣлостокъ и Заблудово и на юго-востокѣ до того извѣстнаго Полѣсья, часть котораго носитъ названіе Бѣловѣжской пущи. Около Свислочи, Крынокъ, Яловки и м. Гродка живутъ уже настоящіе (какъ называютъ тамъ) «дзѣкалы» или дэкалы со своимъ языкомъ, называемымъ здѣсь литовскимъ. Вся эта мѣстность извѣстна болѣе подъ именемъ «Подлясья». Здѣсь въ мокрыхъ мѣстахъ нѣкогда выжили и выродились Ятвяги, а теперь остался троякій рубежъ. Отдѣляя Бѣлоруссовъ отъ Литвы и отъ Малоруссовъ, онъ въ то же время тянется по мѣстамъ жительства ляхитскаго племени, говорящаго двоякимъ языкомъ: мазовецкимъ и королевскимъ. Такимъ образомъ на долю Бѣлоруссовъ и на этотъ разъ, въ подтвержденіе общаго правила для всѣхъ безсильныхъ племенъ, достались верховья рѣкъ: Нѣмана, Западнаго Буга и Нарева, но съ тѣмъ исключеніемъ, что на двухъ послѣднихъ рѣкахъ Бѣлоруссамъ принадлежатъ только лѣвые берега. Точно также жители Пружанскаго и Волковысскаго уѣздовъ Гродненской губерніи называютъ всю землю, лежащую по правую сторону рѣки Буга, «Подляхіей» (подъ Ляхами), а жителей (т. е. всѣхъ живущихъ въ бывшей Бѣлостоцкой области) «Полѣшуками». Полѣшуки, а чаще «Пинчуки» остаются такимъ образомъ обитателями настоящаго Полѣсья, какъ потомки древнихъ Дряговичей—жителей огромной дрягвы или болотъ. Этотъ переходъ отъ Бѣлоруссіи къ Малороссіи не особенно типично выражается въ говорѣ, а съ извѣстною постепенностію. Для примѣра возьмемъ первое попавшееся слово: бѣлорусская «хадзили» въ первой по тракту изъ Минска въ Пинскъ деревнѣ Хотыничахъ является уже съ твердымъ *о:* «ходзили», въ слѣдующей деревнѣ Бобровкѣ говорятъ «ходили», а еще далѣе въ Плоскиняхъ — «ходылы».

Сѣвернѣе Слонима племенная граница входитъ въ Минскую губернію, гдѣ тянется по самой южной окраинѣ уѣзда Новогрудскаго и по серединѣ Слуцкаго. Въ Слуцкомъ уѣздѣ она отдѣляетъ сѣверныхъ «Полянъ», сидящихъ на воздѣланныхъ поляхъ и почти безлѣсныхъ мѣстахъ, отъ «Полѣшуковъ», населяющихъ знаменитое Babприпетское полѣсье. Отъ устьевъ Сожа, пограничная линія идетъ далѣе, отдѣляя пять сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губ., и пересѣкаетъ то Черниговское полѣсье, о которомъ мы уже говорили. Направляясь параллельно берегу Десны, эта линія выдѣляетъ весь Рославскій уѣздъ Смоленской губерніи, населенный коренными Бѣлоруссами, подлежащими описанію по задачѣ статьи нашей, и составляющій южную часть бѣлорусской Смоленщины.

IV. СМОЛЕНСКІЕ БѢЛОРУССЫ.

Чего, чорце, у балотѣ сядзишь? — Бо привыкъ.
Накволо вода,—въ серединѣ бѣда.

БѢЛОРУССКІЯ ПОГОВОРКИ.

Ой, ня всхожіе маи сямена,
Ня взрощоная мая мацъ-земля.

ИЗЪ НАРОДНОЙ ПѢСНИ.

Къ области Десны, сухощавому, довольно высокому, надѣленному крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, черноволосому степняку, Малороссу природа противопоставляетъ бѣлокураго Бѣлорусса, небольшаго роста (рѣдко выше 2 арш. 3 вер.), слабаго тѣлосложеніемъ, съ вялымъ взоромъ, при свѣтлыхъ глазахъ и бѣлой одеждѣ. Степнякъ сбрилъ бороду, опустилъ книзу усы и на своихъ длинныхъ ногахъ ходитъ тою медленною походкою, которая столько въ немъ характерна и отличительна и показываетъ собою полную безпечность характера съ увѣренностію въ томъ, что вовсе некуда спѣшить и незачѣмъ бѣгать. Бѣлоруссъ съ рѣденькой бородой клиномъ, на томъ же базарѣ отличается проворствомъ и легкостью въ движеніяхъ, стремленіемъ хитрить и недовѣрчивостью при торговыхъ сдѣлкахъ. Но и въ немъ сквозитъ нѣкоторая распущенность съ придаткомъ вялости, столь характернымъ во всякомъ лѣнивомъ человѣкѣ. Впрочемъ это только на первый взглядъ: въ сущности — самодовольная, сановитая лѣнь степняка ничто иное, какъ естественное спокойствіе сытаго человѣка, получившаго сполна все то, чего желалъ, и въ то же время лишеннаго всякой возможности надѣяться получить неизвѣстное большее. Земля съ избыткомъ вознаграждаетъ его трудъ,— отсюда извѣстнаго рода беззаботность и порывы къ веселью, потому что есть на что выпить и притомъ некуда дѣться этому исконному домосѣду. Бѣлорусская безпечность тоже кажущаяся: въ сущности это — самый трудолюбивый человѣкъ, котораго скудная почва и природа-мачиха выучила безпримѣрному терпѣнію, безграничной готовности ко всякой работѣ; но у него отнялись руки. Онъ перепробовалъ многое и нигдѣ не нашелъ удачи; чрезмѣрные труды надорвали силы, постоянныя бѣды довели до состоянія отчаянія. Онъ сталъ казаться апатичнымъ только въ силу того, что природа надѣлила его слишкомъ мягкимъ и нѣжнымъ характеромъ, и оказался лишеннымъ всякой энергіи по силѣ предвходящихъ историческихъ причинъ. Бѣлоруссъ пьетъ водку и напивается до безчувствія уже не потому, что дешева у него горилка и «мае гроши», а уже прямо съ неключимаго и неисходнаго горя.

— Рандаръ, рандаръ! атчини вароты: дай гарилки! Ахъ-ци якая мяцелица: саусимъ перезябли, и кони чуць цягнуць, и ночь цёмная, ничаго ня видна, и дорогу такъ замяло, што и найци ня можно. Рандаръ, рандаръ, атчини вароты, наливай гарилки!

Въ шинкахъ и корчмахъ покупаютъ водку не на деньги, которыхъ въ особенности мало, а на все, что въ домѣ попадется подъ руку, и больше на то, изъ чего гонится и самая эта водка. Она есть одинъ изъ тѣхъ рычаговъ, на которомъ крѣпко сидитъ и вертится вся печальная и скучная жизнь здѣшняго деревенскаго жителя.

Насколько здѣшній крестьянинъ любитъ горилку, настолько онъ охотникъ до «файки» или «люльки», т.-е. любитъ покурить нѣжинскіе корешки, кстати сказать — большими обозами проходящіе по пяти трактамъ Бѣлоруссіи въ Москву и Петербургъ.

Бѣлоруссъ также домосѣдъ, неспознавшій выхода изъ тяжелаго положенія и успѣвшій въ одной изъ своихъ тоскливыхъ пѣсенъ высказаться такъ:

Чужая сторóна
Тугóю орана,
Слезками полúвана.

Да и своя не лучше. Вотъ для образца тотъ уголъ Черниговской губерніи (уѣзды Мглинскій и Суражскій), который населенъ Бѣлоруссами чистаго, безпримѣснаго типа, а уголокъ Минскаго уѣзда непосредственно примыкаетъ къ Рославскому. Здѣсь живутъ также необлыжные Бѣлоруссы, каковыхъ даже перестали называть «Литвинами». Почва здѣсь — либо глина съ пескомъ, и въ такомъ случаѣ подпочва также песокъ,—либо глина съ самымъ малымъ количествомъ песку, но съ известковою подпочвою и оттого на низинахъ влажная и холодная. Урожаи не вознаграждаютъ посѣва, и земли принадлежатъ къ самымъ скуднымъ во всей Бѣлоруссіи. Для смежной южной части Рославскаго уѣзда природа, не послушавшись политической границы (каковыя вообще въ этнографическомъ и экономическомъ отношеніи утратили значеніе), не сдѣлала исключенія: одинаковое безплодіе,— какъ черта самая характерная.

Нѣтъ хлѣба, соли,
Нѣтъ счастья, доли!
Поле пусцѣець,
И нечѣмъ сѣець.
Не будземъ жици,
Пойдзимъ блудзици —

тоскуетъ пѣсня на безплодныхъ и неблагодарныхъ поляхъ, но лишь про домашній обиходъ, на очистку совѣсти, а не для фактическаго примѣненія на дѣлѣ. Въ мѣстныхъ архивахъ остались слѣды всеобщаго ропота и неудовольствія, какими встрѣчено было проведеніе дорогъ при Екатеринѣ II, сдѣланныхъ превосходно. Однако дорогамъ этимъ не удалось указать путей для выхода изъ бездолья: не вывели онѣ домосѣдовъ на вольный просторъ. Въ сущности, смоленскіе Бѣлоруссы блуждаютъ только въ предѣлахъ своей страны не дальше Порѣчья и пристаней на Днѣпрѣ и Двинѣ, занимаясь самымъ дешевымъ по вымыслу промысломъ извоза. Выручаютъ ихъ въ этомъ случаѣ такія же маленькія, но такія же терпѣливыя и устойчивыя на ходу хохлатыя лошадки. Больше 15 пудовъ на нихъ не кладутъ, для чего приспособлены и телѣги легонькія, самаго нехитраго устройства, на очень низкихъ колесахъ, никогда необшитыхъ желѣзными шинами. Въ телѣгѣ нѣтъ ни одного гвоздя; всѣ части ея деревянныя, даже желѣзныя втулки почитаются рѣдкостью. Телѣга состоитъ изъ деревянной рамки, укрѣпленной на двухъ низенькихъ подушкахъ, укрѣпленныхъ на осяхъ. Въ четырехъ концахъ рамки маленькіе столбики, сквозь которые продѣты деревянныя дужки, концами въ рамку. Въ дужки вдѣваются драницы соразмѣрно съ длиною телѣги и такъ низко, что на большихъ кочкахъ, при неосторожности, приходилось черезъ края телѣги вываливаться въ грязь и терять путевыя вещи. Этотъ экипажъ одинаковаго устройства, безъ всякихъ измѣненій, распространенъ по всей странѣ. Въ немъ на гладкихъ мѣстахъ дороги приходилось любоваться на ту добросовѣстную настойчивость, съ какою тянула пара лошадокъ нашу собственную тяжесть, и всматриваться на досугѣ въ тѣ украшенія, которыми снабдилъ бѣдный хозяинъ своего вѣрнаго друга. Хомутина рѣдко обшита кожей, чаще холстомъ, а бывало, что просто-напросто жгутомъ, свитымъ изъ соломы. Дуга тоненькая, низенькая, смѣшная, а сѣделки сплошь и рядомъ совсѣмъ не оказывалось. Шлея связывается изъ пеньковой и посконной тесьмы, а частенько случалось, что и шлеи мы не видали,— думали: «поторопился ямщикъ, или забылъ»,— на самомъ дѣлѣ,— таковъ свычай-обычай по бѣдности. Она сквозитъ и въ возжахъ, и въ оброти, и въ гужахъ: они всѣ лычныя и на лучшій конецъ веревочныя-пеньковыя, но не ременныя. Точно для этого народа еще не наступилъ желѣзный вѣкъ, а все еще продолжается каменный (Бѣлоруссъ между прочимъ не умѣетъ пилить бревенъ, а пока еще колетъ клиномъ и тѣшетъ ихъ тупымъ, чуть не каменнымъ топоромъ).

Вмѣсто лошадей въ той же упряжи, подъ дугой и въ оглобляхъ ходитъ бычокъ. Смѣшную фигуру его въ такомъ неприличномъ нарядѣ можно видѣть даже въ губернскихъ городахъ на базарахъ, гдѣ покупаютъ между прочимъ и дуги изъ тонкой ветлы или молодаго дубка за 7—10 копѣекъ; оглобли, точно по заказу, всегда кривыя, дѣлаются дома, изъ ворованнаго лѣсу.

При этомъ для покупокъ Бѣлоруссы по базару ходятъ всегда втроемъ или вчетверомъ, гуськомъ, и такъ, что передній оказывается самымъ опытнымъ и посмѣлѣе другихъ, а потому и водитъ за собою товарищей, въ качествѣ эксперта.

Въ деревушкѣ, которую надо считать большою, потому что въ ней 12 дворовъ, мы увидимъ очень подержанныя избы, которыя, нешутя, почти всѣ точно по указу покосились на бокъ и плаксиво глядятъ на насъ подслѣповатыми окошечками, точно щелками. Мы разохотились было искать на гумнѣ сараевъ, но нашли только закоптѣлый маленькій курятникъ. Это — ёвня, похожая на овинъ лишь лексически, на самомъ же дѣлѣ, имѣющая съ нимъ общее только въ назначеніи сушить сжатый хлѣбъ. Къ великому удивленію мы не нашли во всей деревнѣ того, чѣмъ красно всякое великорусское селеніе, даже одинокое, безъ чего оно дня не живетъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ,—мы не нашли бани. Впослѣдствіи отыскивали ихъ въ другихъ деревняхъ, но какъ рѣдкость: одну, двѣ на всѣхъ жителей. Точно также и съ трубами: въ одной деревнѣ Гродненской губерніи, состоящей изъ 43 дворовъ, мы насчитали только три трубы, выведенныя на крышу и конечно деревянныя.

Идемъ въ избу, или собственно, по-тамошнему, въ хату, потому что хотя въ Бѣлой Руси и сохранилось въ словѣ «истопка» прямое указаніе на корень слова «изба» и его толкованіе, но здѣсь «изобка, истопка», а кое-гдѣ даже и просто «стебка» означаетъ холодную, нетопленую горенку, служащую кладовою, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пристроенную къ самой хатѣ. Осмотримся здѣсь. Замѣчательно, что въ одной—все то же и тамъ же, какъ и во всѣхъ другихъ: подобнаго настойчиваго стремленія не отличаться отъ другихъ рѣдко можно гдѣ-нибудь встрѣтить. Вотъ кубелъ — большой ушатъ (а не сундукъ), въ которомъ хранится вся одежда, вотъ и колыска (колыбель), въ которой пищитъ маленькій ребенокъ, «божница» въ красномъ углу, гдѣ хранятся не только иконы, но и денежная казна семейства, рядомъ съ желтенькой грошовой восковой свѣчкой, поминальникомъ и записками должника. Подъ божницей столъ на козюляхъ, т. е. на двухъ крестахъ. Вотъ и благодѣтельница печь,— конечно безъ трубы по всему «дзекающему» краю, но при этомъ, прямо противъ чела печи прорублена дыра, которая называется окномъ волоковымъ (выволакивающимъ изъ курной избы дымъ). Кромѣ этой дыры, задвигаемой доской наглухо, бываетъ еще окно «красное», также обязательное для всякой хаты: безъ него нельзя. Кто хочетъ щегольнуть, пускаетъ его въ вышину четверти на три. Отъ печки до противоположной стѣны настланы доски, что служитъ спальнею и называется во всей Россіи полатями, а здѣсь «поломъ». Собственно же «полъ» (обыкновенно изъ осиновыхъ досокъ, всегда нестерпимо-грязный), величаютъ «мостомъ», если въ самомъ дѣлѣ намощенъ. Обыкновенно же настилки вовсе нѣтъ, а замѣняется она землею, крѣпко утрамбованною и поверху покрытою глиной. Эта глина перемѣшана съ конскимъ каломъ, для того, чтобы не отставала пластинами или чешуей, или не трескалась. Зимою этотъ полъ очень холоденъ и въ такомъ случаѣ требуетъ снаружи устройства заваленки, набитой кострой, а сверху накрытой землей. Отъ этого въ избѣ тепло и не сквозитъ, но полъ всегда холоденъ, и всегда на немъ валяются или ползаютъ полунагія ребятишки, покрытыя толстымъ слоемъ грязи, въ неизбѣжномъ сосѣдствѣ съ теленкомъ и поросятами, съ пѣтухомъ и курами. Мы не иначе вспоминаемъ теперь эту избу, какъ либо ребенокъ свернулся калачикомъ на холодномъ полу подлѣ теленка и спитъ, обогрѣваемый этимъ сосѣдомъ, либо курица долбонула его въ голову, при чемъ отняла у него кусокъ хлѣба, и вызвала неистовый плачъ, который кончается, послѣ истощенія силъ, глубокимъ и крѣпкимъ сномъ. Домашнихъ нѣтъ ни души: никто не можетъ, да и не любитъ сидѣть дома, оттого и ребята всѣ на полу, потому что съ полатей они могутъ свалиться и изуродоваться.

Хаты строятся просто. Вотъ построенная на славу и стоившая хозяину 40 рублей. Въ землю вкопаны 12 стульевъ, и всѣ эти бревна для прочности на одномъ концѣ обуглены и этимъ концомъ врыты въ землю. Въ каждый уголъ заложено по большому камню, и на нихъ

положены всѣ вѣнцы изъ бревенъ: толстыхъ на низу, потоньше къ верху до потолка, выше котораго вѣнцы идутъ все короче и короче въ треугольникѣ, и замѣняютъ собою стропила. Въ основаніе крыши легли жердины, укрѣпленныя концами на вѣнцахъ и прикрытыя дранью въ лѣсистыхъ мѣстахъ, соломой въ безлѣсныхъ мѣстахъ. Дранью кроется изба скоро, но не прочно, а потому солома во всѣхъ деревняхъ бьетъ въ глаза чаще и больше дерева. Дрань потребовала жолобовъ (стрѣха—по здѣшнему «руцешка») для укрѣпленія концовъ и стока воды, и «покрыши» изъ толстаго осиноваго бревна, обтесаннаго въ трехъугольникъ и укрѣпленнаго на самомъ верху крыши. Но дрань отъ дождей и снѣга обыкновенно загниваетъ, перекладины и упорки слѣдуютъ ея примѣру. Въ жолобахъ безъ стока вода постоянно застаивается, и не прошло два года, крыша испортилась: и смѣшно, и обидно! Ухитили крышу соломой; тутъ чернѣютъ остатки гнилой драни, а здѣсь солома, прикрѣпленная жердочками, выставила свои неостриженные хохлы. Вѣтеръ колышетъ лапками ельника или хворостинкой, брошенными сюда, больше для очистки совѣсти, чѣмъ въ видѣ гнета на помощь соломѣ. Не смотря на этихъ притѣснителей, солома ползетъ себѣ да ползетъ долой и вѣтромъ сносится на клѣть, либо на избу сосѣда. А въ самой избѣ текутъ на потолокъ и сквозь него неугомонные потоки. Надо сказать правду, что и соломой Бѣлоруссы укрывать свои утлыя хаты не умѣютъ.

Не для полноты картины унылаго вида деревни, сказали мы раньше, что всѣ бѣлорусскія хаты кривыя, всегда погнуты на какой-либо бокъ:— причина тому очевидна. Если по заваленкѣ мы выучились судить о томъ, что, значитъ, въ той хатѣ битый земляной полъ, то привыкли также распознавать, что если хата скривилась на тотъ или другой бокъ,— значитъ въ томъ углу — печка. Во всей Бѣлоруссіи, при устройствѣ печи такой пріемъ: основаніемъ служитъ деревянный опечекъ, поставленный прямо на переводинахъ пола у самой стѣны, въ которую и врублены связи. Черезъ два года изба начинаетъ осаживать именно въ этотъ уголъ. Углы спѣшатъ разойтись; сквозь нихъ проходитъ духъ; они начинаютъ прѣть, гнить, и изба кривится на бокъ. Только въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ Великороссами, выучились устраивать опечекъ на особыхъ столбахъ и въ разстояніи отъ стѣны на поларшина. Въ этомъ переулочкѣ хозяйка ставитъ ухваты, помело, кочергу; оттуда услышишь кудахтанье курицъ, мяуканье кошки или визгъ щенка. Въ этихъ мѣстахъ и соломенныя крыши дѣлаются подъ щетку и стоятъ лѣтъ 40, и, покрытыя соломенными снопами, безукоризненно служатъ по 10-ти лѣтъ.

У печки, какъ на почетномъ и главномъ мѣстѣ, находится всегда старшая въ домѣ, т. е. старшая сноха (а не мать); у ней въ подручныя взята изъ чужихъ людей вторая сноха. Вообще вездѣ ведутъ домъ молодые люди; старики въ полной отставкѣ, и такой, о которой Великороссія не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Остановленные на этомъ явленіи, мы усиленно всматривались въ домашній бытъ, спрашивали: гдѣ эти большаки — уставщики, отъ тяжелыхъ рукъ которыхъ трещатъ чубы у дѣтей и внуковъ, а изъ ежевыхъ рукавицъ еще никто не вывертывался? Обычай ссаживалъ ихъ въ 60 лѣтъ съ тягла, но изъ воли ихъ выходить никто не рѣшался. Умны были старушки и умѣли править не только избой, но и міромъ, и не только мужчины, но и женщины, вдовы, для которыхъ сложился на Руси давній законъ: овдовѣть—поумнѣть. По пословицѣ: «и не великъ большакъ, да булава при немъ», всѣ смотрѣли на стариковъ, какъ на уставщиковъ, совѣтниковъ и заступниковъ не изъ одного страха, но и изъ полнаго, сознательнаго уваженія къ ихъ мудрымъ совѣтамъ, крѣпкимъ и вѣрнымъ по опыту жизни. Наоборотъ — въ Бѣлоруссіи мы искали старика и не нашли вовсе въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ. Здѣсь вообще скоро старѣютъ, на дурной пищѣ, отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и, съ небольшимъ въ 30 лѣтъ, готовъ старикъ подлинный. Какъ только сталъ онъ ослабѣвать, не поспѣвая за другими, его гонятъ на печь и велятъ молчать. Въ самомъ дѣлѣ, въ любой хатѣ стариковъ ищи гдѣ-нибудь въ темномъ углу безропотными, забитыми и молчаливыми. У стариковъ три дороги: первая — ступай въ дѣды и ходи «дзядулей» по подоконьямъ

съ ранняго утра и на «Лазаря» выпѣвай овсяные блины. И въ Бѣлоруссіи, говоря словами мѣстной пословицы, «старцу сяло (село) не накладъ», т. е. вездѣ они у богатыхъ мужиковъ найдутъ хлѣбъ-соль и временную угрѣву. Вторая дорога для престарѣлыхъ: ложись въ сырую землю, а не беретъ смерть—впрягайся въ самую тяжелую работу: «надѣвай ярмо въ самомъ дѣлѣ воловье». Бѣлорусскій старикъ въ одно время и сторожъ, и гуменникъ; онъ присматриваетъ и за пчелами, чтобы рой не ушелъ; онъ собираетъ крапиву для кормовыхъ свиней, для которыхъ полагается особое мѣсто жительство — «котуха» — особое помѣщеніе въ сѣняхъ вмѣстѣ съ птицей, телятами и поросятами. Старикъ въ бѣлорусской семьѣ найди, за всѣмъ вышеуказаннымъ, часъ и время взять въ руки «коцатыкъ» или «спику», т. е. кривое костяное шило и «подковыряй» лапти для молодухъ. Онъ же обязанъ на ручныхъ жерновахъ намолоть муки на хлѣбъ для всей семьи и для скота. Имъ командуютъ рѣшительно всѣ, кому только не лѣнь и не жалко. Въ этомъ случаѣ по достоинству и услугѣ цѣна, и учетъ производится самымъ строгимъ образомъ, по смыслу и значенію въ скудномъ и тяжеломъ домашнемъ хозяйствѣ, а совсѣмъ не по принципу или народному безсердечію. Надо видѣть въ то же время, сколько холи, баловства и послабленій тамъ чужому человѣку или сироткѣ, оставшемуся безъ отца и матери. Сиротъ стараются наперерывъ другъ передъ другомъ взять въ семью «примнемъ» или «примакомъ» безъ разбору: будетъ-ли то дѣвочка или «хлопчикъ». Изъ мальчика выйдетъ молодой работникъ со свѣжими силами, а дѣвочка возьметъ къ себѣ парня въ «приставни», т. е. въ ту же хату хозяиномъ и такимъ же безплатнымъ рабочимъ. Сироты растутъ всѣмъ довольные и обезпеченные, и еще не было примѣра, чтобы примакъ или примачка оставили хату и хозяйство своего пріемщика; благодарность — одно изъ живыхъ и явныхъ чувствъ въ этомъ скрытномъ и замкнутомъ въ себѣ народѣ.

Не выходя изъ хаты, осмотримъ кстати «кубелъ», т. е. узнаемъ, во что мужикъ и баба одѣваются, чѣмъ богаты они, и въ чемъ состоитъ ихъ движимое имущество. Вотъ холстъ на новыя рубахи изъ поскони, такъ дурно вычищенной и торопливо сотканной, что будетъ обдирать живое тѣло и по нашему едва-едва годится на базарные мѣшки, и то подъ зерновой хлѣбъ. Осмотрѣнное нельзя похвалить — да и не хвастаются. Вотъ эта красная «хустка» — бумажный платокъ — на «красникъ» (т. е. на красномъ торгу) куплена для дочки Ганки, а рядомъ и «косникъ», тамъ же пріобрѣтенная лента въ косу второй дочки Проси (Евфросиньи) и «камзелька» (жилетъ), вымѣненный у еврея на хлѣбъ для обоихъ сыновей Автуха (Евтихія) и Атроха (Трофима), чтобы носили оба по праздникамъ и поочереди. Если порыться въ кубелѣ еще, попадемъ пожалуй на «крали», т. е. красныя, зеленыя и желтыя бусы, которыя бережетъ старшая сноха въ домѣ для себя и надѣваетъ ихъ на шею въ праздникъ, когда идетъ въ церковь къ обѣднѣ, вмѣстѣ съ мѣднымъ крестомъ, выпущеннымъ сверхъ платья на красной шерстяной тесемкѣ. Тутъ же подлѣ и въ томъ же кубелѣ — праздничные «ходаки», т. е. родъ кожаныхъ башмаковъ, при которыхъ полагаются для окрутки ноги, вмѣсто лычныхъ веревокъ, черныя суконныя «оборы». Если, при осмотрѣ кубела, поразспросить старшую сноху, то окажется, что тутъ же, въ этомъ небольшомъ сосудѣ, и скопленное приданое невѣсты: сверхъ того что на ней, — «ковалка» два-три, аршина въ три длиною, домашняго холста на рубашечный станъ, новый кабатъ, новый андаракъ, да и все. При этомъ несчастная движимость эта столь высока въ цѣнѣ, что, со смертью жены, вдовецъ долженъ возвратить эти приданыя вещи обратно тещѣ. Все остальное богатство, все носильное платье — на себѣ не снимаемо и не смѣняемо, пока не превратится въ труху, за исключеніемъ зимняго коротенькаго полушубка, надѣваемаго подъ лѣтнюю свиту. Полушубокъ валяется на полу, т. е. на полатяхъ.

«И у людзи, и у кабакъ все адзинъ андаракъ» — говорятъ эти бѣдные люди. «Андаракъ» женскій нарядъ — праздничная, суконная синяго цвѣта юпка, лѣтомъ и зимой одна и та же. Къ нему пришивается кабатъ — суконный же лифъ всегда краснаго цвѣта безъ рукавовъ, и оба домашняго издѣлія (Евреи считаютъ унизительнымъ для себя шитье грубыхъ крестьянскихъ

одеждъ). Для этого имѣются особые мастера, которые здѣсь называются противъ нашего наоборотъ: «кравецъ», сшивающій овчины на полушубки, а «шевецъ» или «швецъ» здѣсь означаетъ сапожника. Мѣстечко Могилевской губерніи Дребенъ прославилось тѣмъ, что отсюда выходятъ «шаповалы» и выкатывающіе изъ войлочнаго лоскута тѣ классическіе колпаки, которые называются магерками и которые Бѣлоруссъ снимаетъ только передъ Богомъ, да передъ паномъ, да когда ложится спать. Спать ложится прямо на полъ, не раздѣваясь, и въ томъ, въ чемъ ходилъ цѣлый день (свита — одежда и одѣяло), выставивъ ноги въ лаптяхъ тоже домашняго приготовленія. Это собственно лапти, т. е. легкіе, сдѣланные на скору-руку, не совсѣмъ прочные, но изъ лыка, либо густо-сплетенные на русскій манеръ, крѣпкіе, на которые идетъ лыка втрое больше и которые называются «похлопни», либо «наконецъ щегольскіе и аристократическіе «каверзни», самые крѣпкіе и прочные, потому что подплетаются пенькой.

Послѣ одежды и жилища (и не выходя изъ послѣдняго) слѣдуетъ говорить о пищѣ, перечислить то, что ѣдятъ. Вотъ тутъ задача не малая и трудная; отвѣтъ подобрать нелегко. А все-таки надо попробовать.

Пришла старшая сноха въ праздникъ отъ обѣдни, вмѣстѣ съ ребятами: въ чистой и бѣлой на головѣ наметкѣ изъ куска холста въ 4 аршина длины, навитаго на голову такъ, что концы на поларшина висятъ на плечахъ: что-то въ родѣ чалмы — не красиво, но типично, потому что наметки носятъ только однѣ бѣлорусскія женщины, и въ этомъ для насъ также этнографическій признакъ племени. Дѣвушку въ этой наметкѣ можно распознать только по волосамъ, виднымъ изъ-подъ повязки, тогда какъ замужнія—волосы совершенно прячутъ. Младшая сноха тѣмъ временемъ все приготовила: у ней на столѣ цѣлый столбъ свѣжихъ, но простывшихъ овсяныхъ блиновъ, сложенныхъ на деревянной тарелкѣ. Въ печи верещатъ щи и лежитъ, подлѣ деревянной солонки и деревянной (тоже домашняго досужества) кружки съ квасомъ въ видѣ ведра, большой «боханъ» (каравай) хлѣба, того самаго, который извѣстенъ подъ именемъ «пушнаго» и за который всѣхъ Бѣлоруссовъ прозвали «мякинниками», отъ котораго у малыхъ ребятъ большіе вздутые животы, у большихъ—частыя колики и постоянное худосочіе. «Пушномъ» здѣсь называется мякина, и въ надломленномъ кускѣ эти не отвѣянные ржаные усы, вмѣстѣ съ стеблями, дѣлаютъ изъ куска хлѣба рѣшительное подобіе комка грязи, взятой прямо съ улицы и высушенной: гдѣ соломинка, а гдѣ и цѣлый кусокъ щепки; некрасиво и грязно и непривычными зубами не гложется. Впрочемъ для прихотливыхъ и у богатыхъ имѣется въ подспорье «сковородникъ»—лепешка, испеченная на сковородѣ, и въ придачу эти блины, замѣняющіе пироги, которыхъ Бѣлоруссы не знаютъ вовсе; пожалуй, и клецки, т. е. галушки, и «колтуны» или пельмени, и «грибокъ», дрочона, и «латки»—оладьи, «налѣсники», прѣсные блинчики. Вмѣсто щей,— «панцакъ» или «груца» — супъ изъ толченыхъ ячныхъ крупъ или «крупникъ», похлебка съ крупой. У кого есть корова, у того и «сколотины» — пахтанье, и «сырники» — вареники съ творогомъ, и «постоялка» — прѣсное молоко. Впрочемъ, все больше овощи: «снытка», ботвинье изъ свекольнаго листа, «ражинка»—брюква, «губы» или грибы, но все квашеное и ничего соленаго (приготовленнаго въ крѣпкій прокъ)—квашеное за дороговизною и крайнимъ недостаткомъ соли. Зато у всѣхъ и у каждаго «шмалецъ» — соленое свиное сало, безъ котораго Бѣлоруссу и не жить на бѣломъ свѣтѣ. Сало это и въ договорахъ на работу на первомъ мѣстѣ, и въ большіе праздники дома на розговѣнье, и въ дорогѣ за пазухой, какъ о томъ давно сказано: «кто свиню мае, той и недзѣлю (праздникъ воскресенья) знае». Свиньи, исправляя роль городскихъ санитаровъ, до того овладѣли правомъ гражданства, что даже въ губернскихъ городахъ остаются свободными и независимыми, рядомъ съ еврейской козой, пропитывающейся также на общественный счетъ и на коштъ зазѣвавшагося на базарѣ мужика. Здѣшнія черныя свиньи носятъ большіе, торчащіе клыки, какъ бы въ доказательство

того, что онѣ очень часто огуливаются съ дикими лѣсными кабанами. Возвращаясь изъ лѣсовъ въ ноябрѣ, онѣ приводятъ за собой огромныя стада приплода: у нашего знакомаго девять свиней привели сорокъ двѣ штуки молодиковъ. Словомъ — сало для Бѣлорусса то же, что сельдь для всего Сѣвера, сушеный судакъ для всей лѣсной Великороссіи, чехонь и вобла для Поволжья; то же, что сельдь съ кофейными переварками для петербургской бѣдности и кухарокъ.

Если присчитать ко всему упомянутому *школондзу* — толстую копченую колбасу да нѣсколько обѣтныхъ, праздничныхъ блюдъ (осенью — курочку или поросенка), то и весь разносолъ или «страва» почти перечисленъ, а затѣмъ опять «шкода» и еще «шкода», т. е. бѣда повсюдная и горе житейское непокрытое, и неизбывное, въ хатѣ и въ полѣ. Ѣдучи осенью по Днѣпру, мы видѣли замѣчательно рослыхъ бабъ (составляющихъ здѣсь рѣдкое исключеніе изо всего Бѣлорусскаго края), видѣли въ деревнѣ всѣ печи затопленныя, по окончаніи ломовыхъ осеннихъ работъ, и, удивившись поздней топкѣ, спрашивали:

— Бульбу варятъ,—отвѣчали намъ: бульбу, т. е. одинъ только картофель да пушной хлѣбъ, а затопили печи сегодня въ первый еще разъ,— значитъ завтракали въ сухомятку.

Насколько народъ неприхотливъ въ пищѣ, настолько же онъ неразборчивъ на воду. Дурная колодезная и вредная болотная играютъ видную роль, потому что народъ привыкъ селиться безъ разбора, лишь-бы удалиться въ лѣсную глушь, спрятаться подальше отъ большаго проѣзжаго тракта и отъ многолюднаго сосѣдства. На приболотныхъ мѣстахъ дѣти замѣчательно медленно растутъ, вялы, одутловаты; мышцы слабо развиты; грудь узкая, животъ большой.

Не умывшись, Бѣлоруссъ садится ѣсть и ѣдетъ работать, но обязательно умывается, когда идетъ въ церковь молиться Богу или на «крыницу» (колодезь или родникъ) за водой. Онъ никогда не станетъ точить топоръ, когда хлѣбы сидятъ въ печи; въ то же время женщины стараются не сажать насѣдокъ, чтобы не испортить яйца. Пока хлѣбъ прозябаетъ въ землѣ, даже когда еще задумываютъ его сѣять, а тѣмъ больше когда его убираютъ,— у Бѣлоруссовъ разнообразный и безконечный циклъ обычаевъ, примѣтъ и суевѣрій, какъ и слѣдуетъ быть у неудачливаго, но исконнаго и исключительнаго земледѣльца. Изъ группировки этихъ вѣрованій составляется полная миѳологія, вся языческая славянская вѣра до христіанскаго культа, сохранившаяся подъ шумокъ борьбы двухъ коренныхъ исповѣданій (православнаго и католическаго) и безличнаго третьяго (уніи). Краткій разсказъ нашъ не вмѣститъ во всей полнотѣ этихъ языческихъ, цѣльныхъ и живыхъ вѣрованій, какъ характернаго и типичнаго народнаго достоянія.

Основаніе всего быта этого племени — земледѣліе. Бѣлоруссы-земледѣльцы попреимуществу и пахари исключительные, давно уже выговорившіе завѣтное правило: «умирать собираешься, а хлѣбъ сѣй». На тѣхъ земляхъ, съ которыхъ Великоруссы давно уже убѣжали въ отхожіе промыслы, эти основываютъ надежды существованія съ упрямствомъ, настойчивостью и постоянствомъ При этомъ трудъ и надежды обращаются на каменистыя и песчаныя почвы и на такія земли, которыя не успѣли отдохнуть подъ паромъ и по нѣскольку лѣтъ не унаваживались. Въ результатѣ, при лучшихъ условіяхъ, урожай среднимъ счетомъ не свыше пяти зеренъ, но ниспадаетъ въ иныхъ мѣстахъ до $2^1/_2$. Десять десятинъ весьма часто не обезпечиваютъ жизни. Дробные дѣлежи малосемейныхъ стали обыкновенными и еще болѣе усугубили несчастіе.

Среди такихъ злыхъ и враждебныхъ силъ, смоленскіе Бѣлоруссы выросли и воспитались въ ту особицу, у которой получились рѣзкія отличія отъ всѣхъ сосѣдей. Вотъ что наблюдается въ Смоленской губерніи, въ обѣихъ ея разнородныхъ половинахъ. Восточный житель (Великоруссъ) — говорятъ опытные наблюдатели — смѣтливъ, дѣятеленъ, заботливъ въ семьѣ, изворотливъ въ отысканіи средствъ къ жизни, зажиточенъ и опрятенъ, бодръ и свѣжъ видомъ. Жители западной полосы Смоленской губерніи (Бѣлоруссы) вялы, малорослы, мѣшковаты, пренебрегли удобствами жизни, отличаются недостаткомъ смѣтливости; любовь къ труду соединена съ терпѣніемъ и нѣкоторымъ добродушіемъ не по сознанію, а по лѣности. Ко всему этому при-

соединяются лукавство и скрытность, ловкая уклончивость въ прямыхъ отвѣтахъ, даже на дешовые обыденные вопросы,— свойства, какъ продуктъ исторической жизни и политическаго воспитанія. Бѣлоруссъ между прочимъ отличается самыми яркими чертами скопидомства, доводимаго до крайней скаредности. Какъ бы ни былъ богатъ и зажиточенъ крестьянинъ, хотя-бы у него хранились въ ямахъ еще дѣдовскіе хлѣбные запасы въ зернѣ: онъ помнитъ часъ смертный и ѣстъ хлѣбъ съ мякиной. У него на этотъ разъ имѣется еще новый сортъ хлѣба, называемый «суборомъ». Это — смѣсь овса, гречи, ячменя и немного ржи, смолотыхъ, по обычаю, на скверныхъ домашнихъ жерновахъ, вмѣстѣ съ шелухой и соломой. Такая пища недаромъ развила въ народѣ худосочіе, выражающееся характернымъ видомъ болѣзни волосъ, такъ называемымъ колтуномъ (plica polonica), развивающимся только въ этой болотистой странѣ. Въ какой степени Бѣлоруссъ не развитъ въ ростѣ и строеніи груди, очень характерно объясняетъ таблица, вычисленная по племенному составу новобранцевъ Сѣверо-западнаго края въ 1875 году. Годные къ военной службѣ, по процентному отношенію, расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: Литовцы 75,52, Поляки 71,85, Жмудины 67,61, Русскіе 66,20, Бѣлоруссы 65,35, Евреи 32,57.

Замѣчательно при этомъ то, что, лишь только кончаются плодородныя земли, сейчасъ же начинаются жилища Бѣлоруссовъ со всѣхъ сторонъ бѣлаго свѣта, безъ исключенія. Какъ только кончились эти уединенныя, намѣренно обѣгающія другъ-друга жилища, чтобы не потѣснить и не обидѣть бѣднѣйшаго сосѣда, начинаются деревни народа, хлопотливаго въ ремеслѣ, находчиваго на промыслы, у котораго мыслительныя способности дотого живы и изощрены, что устремляются и на духовные предметы, на вопросы вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не замѣтить той особенности по границамъ Бѣлорусскаго племени, что онѣ неизбѣжно сопровождаются селеніями старообрядцевъ различныхъ толковъ и вновь измышленныхъ сектъ. Въ старообрядцахъ и раскольникахъ пограничныхъ происходили при этомъ, благодаря ослабленному надзору, самая энергическая борьба, сильное движеніе и волненія, вызывавшія экстренныя правительственныя мѣры и продолжительныя преслѣдованія. Извѣстны всѣмъ движенія въ стародубскихъ слободахъ, организація въ нихъ особаго сильнаго и самостоятельнаго толка «лужковскаго», исторія Вѣтки и закрытіе многолюдныхъ строптивыхъ монастырей, богатыхъ вкладами, древними иконами и старопечатными книгами, съ огромными церквами, при высочайшихъ колокольняхъ и т. д. Въ Орловской губ. (въ Сѣвскѣ, Кромахъ и Болховѣ), въ Калужской, въ Опочковскомъ уѣздѣ Псковской губерніи появлялись скопцы, въ смоленскомъ городѣ Юхновѣ—хлысты, въ Болховскомъ—иконоборцы и «Спасово согласіе». Эта собственно приволжская вѣра забралась сюда при помощи учителя изъ посадскихъ черниговскихъ слободъ. Коренное и давнее старообрядство сидитъ по всѣмъ торговымъ городамъ, и съ особенно-упорнымъ характеромъ въ калужскихъ Сухиничахъ, въ псковскихъ Сольцахъ, въ смоленскомъ Гжатскѣ и т. д. Въ черниговскомъ селеніи Крупцахъ проявлялись даже раскольничьи мощи, въ слободѣ Клинцахъ основана была типографія; въ Себежскомъ уѣздѣ Витебской губерніи въ деревнѣ Обители собирался соборъ ѳедосеевцевъ, постановившій 48 правилъ, касавшихся религіозной и общественной жизни. Въ деревнѣ Носѣ, близъ Чудскаго озера, когда построена была церковь, разсерженные раскольники съ публичнымъ пѣніемъ и кадильницами, огромной толпой, похоронили православнаго по старовѣрскому обычаю. Даже, не уходя столь далеко отъ смоленскихъ Бѣлоруссовъ, припоминаемъ очень недавній случай такого рода. Въ 20 верстахъ отъ г. Сычовки, въ самомъ центрѣ раскольничьяго населенія, лежитъ село Бехтѣево, въ которомъ жило нѣсколько старовѣрскихъ поповъ, устроены «молельни» и хранились «походныя церкви». Около 20 лѣтъ назадъ здѣсь построена была православная церковь. Когда звонили на колокольнѣ ея, Бехтѣевцы закладывали и завѣшивали окна и двери; всего лѣтъ десять назадъ въ смоленскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло, гдѣ въ качествѣ обвиняемыхъ фигурировало до десятка бабъ, устроившихъ въ томъ же селѣ смѣхотворное подобіе крестнаго хода на Святой недѣлѣ по обычаю православныхъ. Когда однажды загорѣлись дома церковниковъ и отворена была церковь

для выноса церковныхъ вещей, въ нее ворвалась толпа раскольниковъ подъ предводительствомъ своего попа Іуды. Толпа разрушила и разбила все, попадавшееся подъ руку: иконы, колонки; добралась до алтаря, разломала царскія двери и самый престолъ съ криками: «раззоряй, раззоряй вражье гнѣздо!»

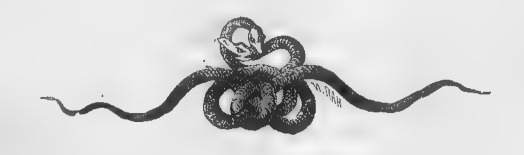
Словомъ — въ то время, когда повсюду кругомъ происходили разныя энергическія движенія, доходившія до крайностей фанатизма, — Бѣлоруссы оставались всегда и неизмѣнно совершенно безразличными и равнодушными. Еще до сихъ поръ никто не могъ указать, чтобы какой-нибудь уголокъ этой неподвижной страны увлекся ученіемъ сосѣдей и плѣнился ихъ старой вѣрой и ученіемъ. А между тѣмъ—какъ извѣстно—раскольники изъ пограничныхъ мѣстъ, и уже очень давно, врѣзались въ самую глубь страны и поселились не только въ городахъ слободками, но и цѣлыми деревнями. Безпоповцы преобладаютъ въ сѣверной части Сѣверо-западнаго края, поповщина сильнѣе и виднѣе на югѣ его. Селились тѣ и другіе на свободныхъ помѣщичьихъ и церковныхъ земляхъ, и предпочитали лѣсистыя мѣста, самыя уединенныя пущи. Первоначальная аренда ограничивалась орѣхами, ягодами, грибами и медомъ. Когда пришельцы обстроились и воздѣлали дикія земли, цѣна за землю возвысилась, появились контракты, и помѣщики начали забирать вольныхъ и безпаспортныхъ людей въ свои руки, записывали ихъ даже въ крѣпостные. Въ одной Витебской губерніи насчитываютъ старообрядцевъ болѣе 50 тысячъ, и изъ нихъ филипоновъ или филиповцевъ и ѳедосѣевцевъ до 40 тысячъ. Живя здѣсь, прежде всего они остаются вѣрными языку, бородѣ, длиннымъ кафтанамъ и высокимъ сапогамъ, а потомъ и тому духу изворотливости, изобрѣтательности и предпріимчивости, которыя столь знаменательны въ промышленномъ Великорусскомъ народѣ. Отъ Бѣлоруссовъ старовѣры отличаются трезвостью, чистоплотностью и достаткомъ. Они горды и недовѣрчивы, но честное слово въ торговыхъ сдѣлкахъ идетъ за вексель. Мы видѣли ихъ скупщиками меду и воску, бѣлыхъ грибовъ, полотенъ и нитокъ, основателями кафельныхъ и кирпичныхъ заводовъ; знаемъ лѣсопромышленниками, подрядчиками, торговцами скотомъ и лошадьми, арендаторами садовъ, а въ городахъ и мѣстечкахъ — огородниками. Этими Великоруссами исключительно продовольствуется тамъ другой классъ Великорусскаго народа — служилое сословіе. Вѣроятно, по той причинѣ, что большинство старообрядцевъ — горожане, а коренные Бѣлоруссы исключительно сельскіе жители, великорусское вліяніе не привилось, и уже не первое столѣтіе бьетъ мимо и работаетъ только про себя. Къ сосѣдямъ Бѣлоруссы совершенно равнодушны и съ ними незнакомы. Мы тщательно искали у нихъ отзыва о сосѣдяхъ въ присловьяхъ и пословицахъ и нашли только два.

По второму эпиграфу, выбранному нами для III главы настоящей статьи, видно, какое понятіе составилъ себѣ Бѣлоруссъ о Великоруссахъ. Про запасъ онъ держитъ еще другое:

«Тату, тату, лѣзе чорце у хату! — Дарма! абы не маскаль».

Но и обѣ эти поговорки не своего изобрѣтенія, а взяты на прокатъ у Малороссовъ.

Подъ наибольшимъ вліяніемъ Великороссіи оказывается лишь городъ Смоленскъ, нѣкогда прозванный «ожерельемъ Москвы и Россіи».

V. ОЖЕРЕЛЬЕ РОССІИ.

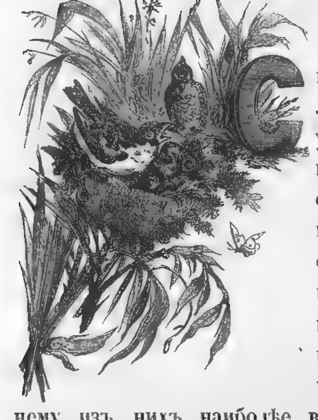
Азовъ славенъ, Смоленскъ грозенъ, а Вильна дивна.

РУССКОЕ ПРИСЛОВЬЕ.

За мязгой въ городъ ѣздилъ, въ красные ряды ходилъ.

Хоть бейся объ малаховскія ворота (такая нужда и бѣдность въ городѣ).

МѢСТНЫЯ ПОГОВОРКИ.

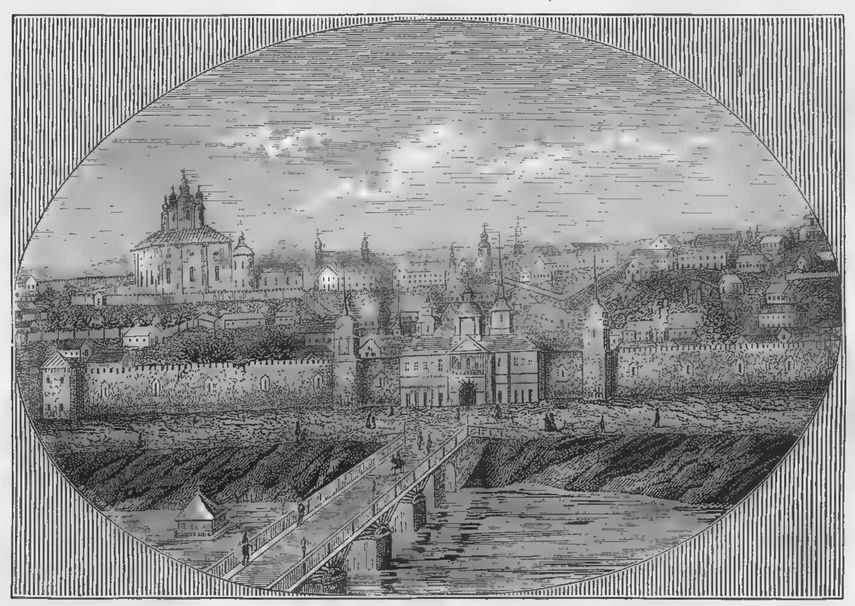
Смоленскъ извѣстенъ еще съ тѣхъ поръ, когда Бѣлоруссы назывались Кривичами. Въ лѣтописныхъ сказаніяхъ онъ одновременно упоминается съ Кіевомъ, Псковомъ и Новгородомъ, вмѣстѣ съ которыми историческія судьбы судили ему впослѣдствіи стать оплотомъ возраставшаго на востокѣ государства противъ притязаній сильныхъ сосѣдей, каковы Литва, Польша, Швеція и Тевтонскіе рыцари. И если по количеству нападеній и ихъ силъ, выпавшихъ на долю всѣхъ этихъ четырехъ окрайныхъ упнктовъ, станемъ судить о степени услугъ Великорусскому племени каждаго изъ нихъ, то, во всякомъ случаѣ, первое мѣсто принадлежитъ двумъ пограничнымъ съ Бѣлоруссіею—Пскову и Смоленску, и послѣднему изъ нихъ наиболѣе видное и важное.

Въ тѣ времена, когда Смоленскъ былъ вѣчевымъ или народнымъ городомъ, и когда онъ сталъ потомъ стольнымъ или княжескимъ, и наконецъ подвластнымъ Литвѣ и Москвѣ, ему многое благопріятствовало. Счастливое географическое положеніе выразилось его удачнымъ положеніемъ на такой рѣкѣ, какъ Днѣпръ, который беретъ начало тамъ, гдѣ плоскій характеръ водораздѣльныхъ высотъ, какъ-бы спускающихся уступами, послужилъ причиною скопленія всякихъ водъ (озеръ, рѣкъ, рѣчекъ, болотъ) на значительныхъ пространствахъ. Отъ этого воднаго обилія и Днѣпръ, какъ всѣ другія большія рѣки, имѣющія здѣсь свои истоки (Двина, Волга, Мста), сталъ судоходнымъ не въ далекомъ разстояніи отъ истока. Это обстоятельство усилилось еще тѣмъ, что въ близкомъ разстояніи отъ города получили начало другія двѣ рѣки (Сожъ и Десна), какъ единственные и притомъ облегченные пути для торговыхъ сношеній и колонизаціоннаго движенія. Здѣсь же и тотъ волокъ, на восточномъ склонѣ котораго начинаются притоки главныхъ рѣкъ Московскаго княжества. Съ незапамятныхъ временъ шелъ тутъ лѣтописный «путь изъ Варягъ въ Греки» и, при помощи Каспли, устроилось мѣсто для сношеній съ Ганзою, Ливонскими рыцарями и Балтійскимъ моремъ. У смоленскихъ князей такимъ образомъ былъ въ рукахъ ключъ къ областямъ Двинскимъ, Волжскимъ и Днѣпровскимъ. Кто владѣлъ Смоленскомъ, тотъ требовалъ Кіева, а въ силу этихъ важныхъ обстоятельствъ явились послѣдствіемъ тѣ безконечныя войны, которыя часто велись государствами Московскимъ и Литовскимъ. Смоленскъ стоялъ между двухъ огней и служилъ постояннымъ яблокомъ раздоровъ. Когда Татары овладѣли Русью, онъ подпалъ подъ власть Литвы. Въ 1239 году городъ опять имѣлъ своихъ князей русскаго имени и племени, на которыхъ черезъ сто лѣтъ (въ 1340 г.) объявила притязанія возраставшая Москва: московскія войска, вмѣстѣ съ татарскими, ходили опустошать смоленскія волости. Въ 1351 году Ольгердъ защищалъ Смоленскъ отъ Москвы, а вскорѣ самъ ходилъ на него войною, опустошалъ смоленскіе пригороды, взялъ Мстиславль. Его примѣру слѣдовалъ и Витовтъ, занявшій Смоленскъ въ 1395 году и владѣвшій имъ пять лѣтъ, и затѣмъ во второй разъ взявшій его подъ свою власть, послѣ чего вся Смоленская область потеряла самостоятельность до 1514 года. Тогда князь Василій Василье-

вичъ присоединилъ городъ съ пригородами къ Москвѣ, которая впослѣдствіи (въ 1599 — 1604) постаралась защитить его такою же твердынею, какая была во Псковѣ, и которая сохранилась до нашихъ дней. Новая стѣна однако не удержала 12-ти тысячъ всадниковъ польскаго короля Сигизмунда IV (въ 1609 г.). По Деулинскому миру (въ 1613) Смоленскъ отданъ былъ Литвѣ, а по Андрусовскому (1654) возвращенъ и навсегда присоединенъ къ Московскому государству.

Въ 1812 году на смоленскія стѣны навалились новыя полчища негаданныхъ завоевателей,— Французовъ, шедшихъ здѣсь на Москву. Только послѣ этого умилостивилась судьба, дѣйствовавшая до тѣхъ поръ какъ-бы по заказу, но самый городъ былъ ослабленъ вконецъ и уже не имѣлъ силъ подняться и поправиться.

Тревожная жизнь, неизбѣжно сопровождавшаяся крайними жестокостями и самыми круп-

Смоленскъ.

ными разрушеніями, со временъ которой деревянный городъ превращался въ пепелъ, а въ каменныхъ сооруженіяхъ не оставлялось камня на камнѣ, такая тревожная жизнь оставила яркіе слѣды свои до нашихъ дней. Если въ теченіе семи столѣтій, при спокойномъ движеніи городской жизни, земная толща успѣваетъ обогатиться новыми пластами, то нѣтъ ничего удивительнаго, когда нынѣшній Смоленскъ съ его строеніями, не перемѣняя мѣста на новое и оставаясь все на томъ же старомъ, стоитъ не на первоначально избранной почвѣ. Подъ нимъ лежатъ груды прежнихъ развалинъ на толстомъ земномъ пластѣ, прикрывающемъ въ свою очередь наиболѣе древніе остатки первобытныхъ жильевъ и первобытныхъ укрѣпленій. Изъ древнѣйшихъ городовъ земли Русской едва ли найдется другой, гдѣ-бы такъ мало сравнительно сохранилось надземныхъ остатковъ старины, но гдѣ бы въ то же время было такое ихъ множество, скрытыхъ подъ толстыми пластами наносной земли. Развалины всякаго рода во множествѣ окружаютъ и наполняютъ городъ: часть ихъ отрыта, открыта и объяснена; другая еще ждетъ раскопокъ и земляныхъ работъ.

До начала второй половины настоящаго столѣтія найдены остатки четырехъ каменныхъ сооруженій; въ текущей половинѣ самымъ случайнымъ образомъ нашли еще три. При рѣчкѣ Смя-

дынкѣ, давно пересохшей, оказались слѣды развалинъ Борисоглѣбскаго мужскаго монастыря, построеннаго (между 1126—1160 гг.) смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславовичемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ муромскій князь Глѣбъ (1015 г.). На Покровской горѣ, близъ нынѣшней кладбищенской церкви, по правую сторону Днѣпра, найдены развалины другаго монастыря — Крестовоздвиженскаго, неизвѣстнаго по времени основанія, но памятнаго тѣмъ, что въ немъ, въ началѣ XII вѣка, жилъ преподобный Авраамій, перешедшій сюда изъ Успенскаго монастыря, въ 6-ти верстахъ отъ города, гдѣ теперь Селище или село Богородицкое (по Рославской дорогѣ). По правую сторону Днѣпра, на западъ, близъ деревни Чернушки, отрыты развалины мужскаго монастыря Спасскаго, годъ основанія и время упраздненія котораго неизвѣстны; уцѣлѣлъ только колоколъ, сохраняющійся на соборной колокольнѣ, съ польскою надписью. При небольшой рѣчкѣ, между предмѣстьемъ Рачевкою и деревнею Шеиновою открыты слѣды фундамента Святодухова монастыря, существовавшаго еще въ XVI вѣкѣ, потому что на виленскомъ соборѣ 1509 года находился игуменъ этого монастыря Аѳанасій. На нашихъ глазахъ, при посѣщеніи Смоленска въ 1868 году, когда строилась желѣзная дорога, для надобностей ея понравился строителямъ каменный курганъ въ 2 в. отъ города и въ 1 верстѣ отъ деревни Шеиной, на томъ мѣстѣ, которое называется Крупцомъ (за то, что тутъ дѣйствительно течетъ «крупецъ», т. е. небольшая рѣчка, вышедшая изъ горы, короткая, въ родѣ ручья, со всегдашней свѣтлой, чистой и холодной родниковой водой). Когда сняли верхніе пласты земли и начали выламывать камень, ломы рабочихъ арестантовъ стали попадать въ пустоты. Затѣмъ на выломанныхъ одна за другой плитахъ оказались рисунки, въ которыхъ ясно обозначались настѣнныя живописныя изображенія святыхъ. Когда работы стали производиться тщательнѣе и правильнѣе, обнаружилась подземная церковь, отрыты были черепа. Подобныя же развалины попались и на самомъ полотнѣ дороги, и такія же развалины древняго строенія, также погребеннаго подъ землею, подозрѣваются смоленскими археологами въ томъ мѣстѣ, гдѣ одна изъ загородныхъ дорогъ перекидывается черезъ примѣтное возвышеніе, въ видѣ бугра.

Внутри города находится древнѣйшій изъ монастырей, основанный въ началѣ XII столѣтія, при сынѣ Мономаха Мстиславѣ, преп. Аврааміемъ Смоленскимъ. Во время гостьбы въ городѣ короля Сигизмунда, онъ былъ взорванъ, а царемъ Алексѣемъ возстановленъ уже на новомъ мѣстѣ. Мощи смоленскихъ угодниковъ св. Авраамія и Меркурія исчезли въ то же время. Тогда же погребена подъ развалинами и видѣнная нами церковь на Крупцѣ во имя великомученицы Екатерины, бывшая нѣкогда великокняжескою и построенная въ первыя времена смоленскаго христіанства. Видѣнныя нами стѣнныя иконы (Богоматери, архангеловъ Гавріила и Михаила) самаго первобытнаго грубаго письма; на стѣнахъ сохранились еще апокалипсическія эмблемы и между прочими ромбъ и въ немъ кругъ, — извѣстная эмблема вѣчности. Церковь очень большая; кирпичи тонкіе и широкіе, похожіе на тѣ, изъ которыхъ складена и лучшая въ городѣ церковь, болѣе другихъ характерная, Петропавловская въ Заднѣпровьѣ (близъ новаго вокзала желѣзной дороги). У этой послѣдней четыре яруса оконъ. Въ нее ведутъ двѣ каменныя крытыя лѣстницы, похожія на таковыя же у московскаго Василія Блаженнаго. Съ площадки лѣстницъ открывается прелестный видъ на городъ, лежащій по ту сторону Днѣпра и соединенный съ пригородомъ деревяннымъ мостомъ на плашкоутахъ. Такъ какъ весь городъ разбросанъ на отлогой и длинной горѣ, изрытой оврагами и ручьями, то и всѣ церкви его и всѣ достопамятности выдаются рельефно съ господствующимъ надо всѣмъ величественнымъ Успенскимъ соборомъ, принадлежащимъ къ числу самыхъ грандіозныхъ сооруженій въ Россіи и уступающимъ въ красотѣ очень немногимъ соборамъ. Не даромъ пощадилъ его и Наполеонъ.

Видъ на Смоленскъ изъ-за Днѣпра особенно тѣмъ поразителенъ, что весь городъ тонетъ въ зелени садовъ и, развернутый на широкомъ пространствѣ, весь окруженъ каменною стѣною, одною изъ величайшихъ въ Россіи, имѣющей въ окружности около семи верстъ, 36 готическаго стиля башенъ, зубцы въ два ряда. Толщина стѣны вездѣ имѣетъ три сажени. Это — та

скрижаль, уже съ истлѣвающими письменами, къ сожалѣнію небрежно содержимая и разрушающаяся, на которой кровавыми красками написана послѣдующая исторія города и самые тяжелые эпизоды жизни всей Русской земли и ея народа, въ 1612 и 1812 годахъ. На смоленскихъ стѣнахъ, читая исторію города, читаемъ и самыя яркія и знаменательныя страницы отечественной исторіи.

Городская стѣна начата постройкою въ 1599 году, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, и производилась подъ наблюденіемъ царскаго шурина и ближняго боярина Бориса Годунова. При царѣ Ѳедорѣ она не могла быть достроена и окончена уже тогда, когда самъ Борисъ сдѣлался царемъ и на излюбленное имъ дѣло могъ прислать значительную, по тому времени, сумму денегъ. При такихъ условіяхъ стѣна могла быть окончена въ три года, не смотря на то, что бѣлый камень привозился изъ-за 200 и болѣе верстъ. Таковы историческія свидѣтельства. Однако мы слышали въ городѣ Смоленскѣ о постройкѣ стѣны слѣдующее характеристическое преданіе:

«Годуновъ, окончивъ стѣну, явился къ царю Ѳедору и сталъ похваляться:

«— Построилъ я такую красоту неизглаголанную, что подобной ей уже нѣтъ во всей поднебесной. Однѣхъ башенъ на стѣнѣ 36 и по верху ея свободно поѣзжай на тройкѣ. Какъ на сытой и толстой боярынѣ красовито лежитъ аксамитное многоцѣнное ожерелье, прибавляя ей красоты и горделивости, такъ и смоленская стѣна стала теперь ожерельемъ всей Руси православной, драгоцѣнностью своей на зависть враговъ и на гордость Московскаго государства.

«Царь Ѳедоръ словамъ Бориса не совсѣмъ повѣрилъ. Онъ послалъ въ Смоленскъ скораго гонца узнать у тамошняго воеводы Трубецкаго:—правду-ли говоритъ Борисъ и по заслугамъ-ли похваляется?

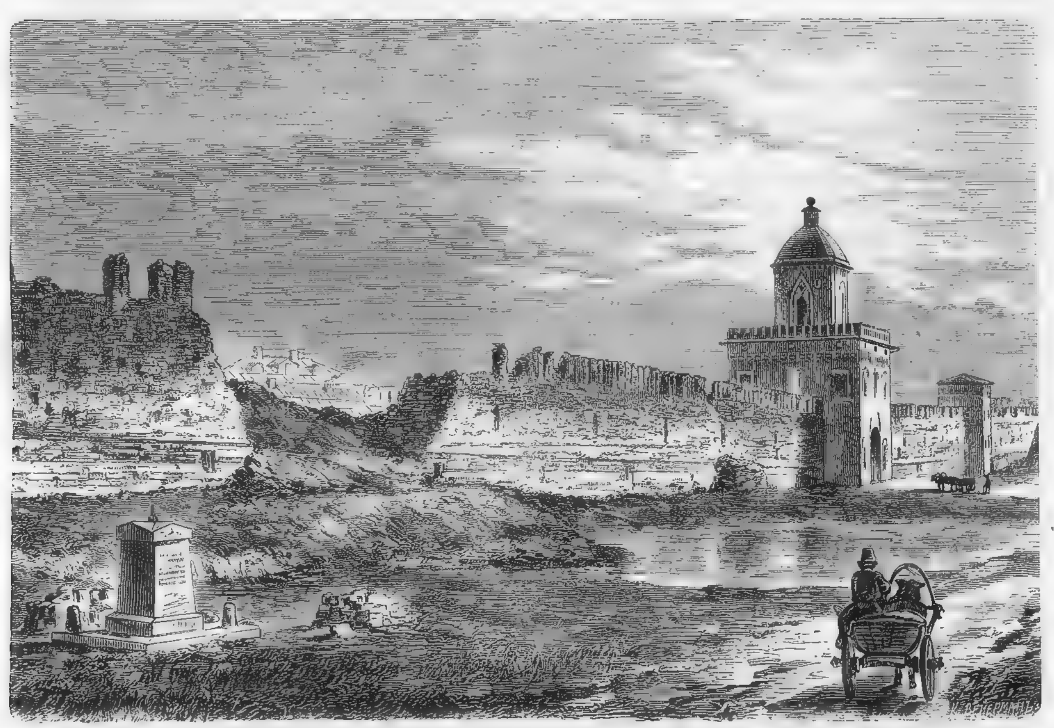
«Принесъ гонецъ такой отвѣтъ воеводы:

«— Правду говоритъ Годуновъ: и на ожерелье боярыни смоленская стѣна похожа, и башенъ счетомъ тридцать шесть, и зубцы въ два ряда по стѣнѣ, безъ смѣты числомъ, и каждый зубецъ крѣпко выкрытъ листовымъ желѣзомъ. Да боится смоленскій воевода, чтобы промежъ красивыми башнями и тмочисленными крѣпкими зубцами не завелись *вши* и гниды.»

«Вскорѣ страхъ воеводы, какъ сонъ въ руку, оправдался: пришли Поляки, и круль Сигизмундъ кантовалъ тутъ не одинъ годъ.»

Вотъ и слѣды этого тяжелаго для города событія: подлѣ Малаховскихъ воротъ «Шеиновъ проломъ» и на мѣстѣ круглой башни, разбитой бояриномъ М. Б. Шеинымъ во время приступа къ Смоленску въ 1632 году, земляной бастіонъ (см. рисунокъ). Воевода Шеинъ на этотъ разъ отбивалъ у Поляковъ тотъ самый городъ, который 12 лѣтъ тому назадъ защищалъ отъ нихъ же столь храбро. По истеченіи 20 мѣсяцевъ, вторая неудача стоила ему жизни: его казнили въ Москвѣ, какъ измѣнника. Другой круглой башни, гдѣ этотъ храбрый воевода скрывался отъ Поляковъ, уже овладѣвшихъ городомъ въ 1612 году, также не существуетъ. Сохраняются однако остатки землянаго укрѣпленія, названнаго Королевскимъ Проломомъ и насыпаннаго на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла круглая Годуновская башня, разбитая Поляками въ 1612 году. Вотъ и *Иверская башня* четырехугольная, взорванная въ 1812 году Французами, но теперь возобновленная,— мѣсто Никулинской башни, также взорванной по повелѣнію Наполеона при выходѣ французскихъ войскъ изъ города 4 ноября; мѣсто Богословской, бывшей четырехугольной, также и въ то же время взорванной на воздухъ вмѣстѣ съ четвертой четырехугольной Безъименной, пятой 4-хугольной Голышевской и шестой Лазаревской. Большая башня, стоявшая подлѣ Малаховскихъ воротъ, снабженныхъ проѣзжими воротами и землянымъ равелиномъ для прикрытія, также взорвана въ томъ же 1812 году. Три башни изгрызло время, и онѣ были разобраны, но четвертая—Черепаховая или Костыревская — уничтоженная такимъ же способомъ, возобновлена иждивеніемъ императора Николая I. Отъ Сигизмундовыхъ временъ осталось еще: 1) Королевская крѣпость съ проломомъ, черезъ который Поляки вошли въ городъ, и гдѣ произошла страш-

ная сѣча (улица, идущая здѣсь, до сихъ поръ носитъ названіе «Рѣзницкой»), и 2) Сигизмундовъ шанецъ на югѣ отъ города, вырытый польскими войсками. На правой сторонѣ Днѣпра, въ верстѣ отъ Московской заставы, на «Дѣвичьей горѣ», находятся остатки земляныхъ укрѣпленій и мѣсто лагеря царя Алексѣя Михайловича, лично управлявшаго осадою Смоленска въ 1655 году, отданнаго царю на капитуляцію польскимъ комендантомъ Обуховичемъ. Въ 1706, по повелѣнію Петра I, устроена была, для прикрытія днѣпровскаго моста, новая земляная крѣпость, но она во многихъ мѣстахъ теперь срыта. Лучше сохраняется Французскій редутъ прямо противъ Королевской крѣпости, гдѣ Коновницынъ, Дохтуровъ и Паскевичъ выдержали неоднократные жестокіе натиски французскихъ отрядовъ. Вправо отъ Малаховскихъ воротъ, за озеромъ, въ одномъ изъ остатковъ рвовъ, окружавшихъ нѣкогда всю крѣпостную стѣну, въ большомъ небреженіи, видимъ мы и памятникъ Павлу Ивановичу Энгельгардту, разстрѣлянному

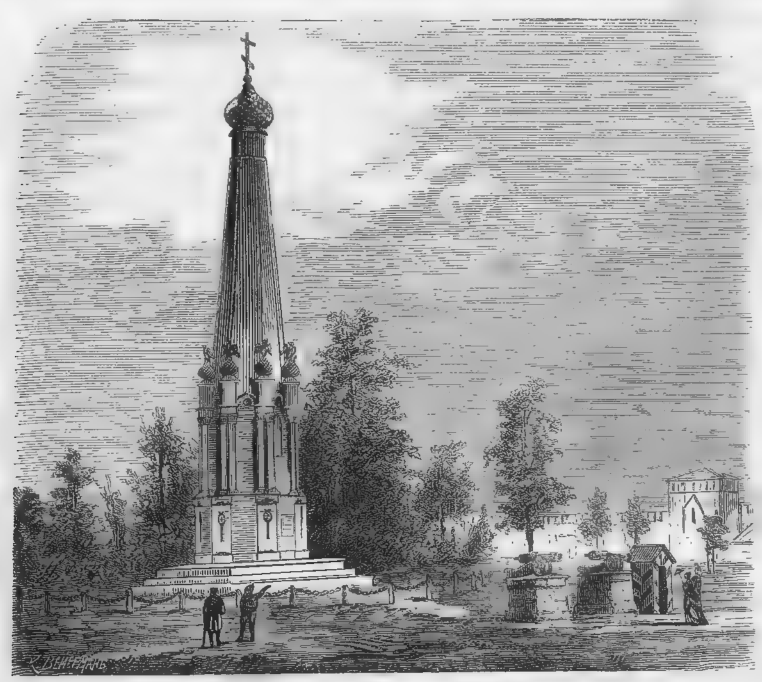

Проломъ стѣны у Малаховскихъ воротъ и памятникъ полковнику Энгельгардту.

здѣсь по приказанію Наполеона за то, что онъ, вмѣстѣ съ коллеж. ассесоромъ Шубинымъ, показалъ особую ревность при истребленіи Французовъ. Отечественныя услуги самаго города Смоленска почтены особымъ памятникомъ 1812 года, воздвигнутымъ въ 1841 году на площади, противъ Королевскаго бастіона, бывшаго главнымъ пунктомъ сраженія 5 августа. Памятникъ вылитъ изъ чугуна, въ византійско-готическомъ стилѣ. Видимъ мы за рвомъ и остатки древняго земляного вала, нѣкогда окружавшаго всю крѣпость, а теперь раскапываемаго для глины, но въ другихъ мѣстахъ отлично сохранившагося. Нѣкоторый ревнитель старины изъ смоленскихъ губернаторовъ, видя, что по готовымъ колеямъ, вырытымъ для глины, вода творитъ свое разрушительное нападеніе и стѣнѣ грозитъ опасность, обложилъ скаты горъ камнемъ, но въ наши дни и онъ проданъ на выломку для полотна желѣзной дороги. Ни водостоковъ, ни контрафорсовъ у стѣны нѣтъ. Стѣна мало-по-малу разсыпается, такъ что боль-

шой проломъ зіяетъ громадной пустотой, которую мы могли различать даже въ 14 верстахъ отъ города по дорогѣ въ Витебскъ, откуда въ особенности красивъ и рельефенъ Смоленскъ, укрѣпившійся на высокой горѣ. Отсюда можно было разобрать и четырехугольныя большія въѣзжія въ крѣпость ворота съ башней, называемой Днѣпровской, гдѣ нѣкогда висѣлъ набатный колоколъ, а подъ шатромъ, покровительница города — икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи.

Во время нашествія Наполеона Смоленская икона, при вступленіи нашихъ войскъ въ Смоленскъ, была перенесена въ армію на Покровскую гору, къ кладбищенской Георгіевской церкви. Здѣсь всю ночь на 6 августа, отправлялось предъ нею молебствіе. Въ день Преображенія она препоручена была 1-й ротѣ 3 артиллерійской бригады, при которой и была возима, поставленная на ходу взорваннаго заряднаго ящика, обшитая холстомъ. По изгнаніи непрія-

Памятникъ 1812 года.

теля, эта святыня, столь тѣсно связанная съ воспоминаніями объ отечественной войнѣ, возвращена изъ-подъ города Краснаго въ Смоленскъ. Сначала она была поставлена въ Успенскомъ соборѣ, но потомъ (въ 1813 году) перенесена въ надворотную Спасскую церковь по освященіи ея. Здѣсь она находится и понынѣ. Въ Успенскомъ соборѣ показываютъ желѣзный шишакъ и желѣзные башмаки съ кривыми носками оригинальной формы, въ которыхъ — по преданію — преп. Меркурій бился съ богатыремъ Батыевыхъ полчищъ, когда приведены они были подъ Смоленскъ московскимъ княземъ въ наказаніе за непокорность Татарамъ всей Смоленской области.

Внутри города, подлѣ женскаго Вознесенскаго монастыря, на горкѣ, жилъ Петръ Великій — по выслушанному нами преданію — съ большою осторожностію: одна только мать-игуменья имѣла къ нему свободный доступъ. Только тѣ кушанья ѣлъ царь, которыя приготовляла эта старица, сама приносила и прежде пробовала. А приносила игуменья только три

блюда: щи, похлебку и кашу. Впослѣдствіи этой старицѣ удалось услужить стрѣльцамъ, жившимъ въ башняхъ на стѣнѣ, а жены ихъ населяли слободку по другую сторону оврага на горѣ, теперь скудно заселенную и до сихъ поръ носящую названіе «бабьей». Стрѣльцы приговорены были къ смерти и для того поставлены рядами подлѣ монастыря, на площадкѣ. Игуменья бросилась къ ногамъ Петра: и смиловался царь,— отмѣнилъ казнь.

Въ особенности много воспоминаній въ Смоленскѣ о Наполеонѣ. Указываютъ между прочимъ каменный домъ надъ оврагомъ, близъ Авраамiева монастыря, гдѣ первоначально жилъ императоръ Французовъ. Боясь подкопа со стороны оврага, онъ перебрался въ городъ, въ Солдатскую слободку, гдѣ, при нашемъ посѣщеніи, еще цѣлъ былъ деревянный домикъ, совсѣмъ заветшавшій и вросшій въ землю. Помнятъ Наполеона сидѣвшимъ верхомъ на складномъ стулѣ, въ особенности же помнятъ, сколько зла нанесъ своими выстрѣлами городу Понятовскій, стоявшій на Бабьей горѣ. Одно ядро, пущенное имъ, до сихъ поръ сохраняется въ стѣнѣ, примыкающей къ Авраамiеву монастырю.

До сихъ поръ открываютъ въ землѣ каменныя ядра временъ царей Михаила и Алексѣя, зарытыя послѣ отступленія нашихъ войскъ. У одного любителя древности (П. А. Васильева) мы видѣли французскія карты Россіи, которыми руководились Наполеоновы войска и которыя пріобрѣтены у крестьянина, явившагося съ ними на рынокъ. Видѣли палашъ Петра I, сдѣланный въ Голландіи и тамъ подаренный царю, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись. Старинныя монеты польской и русской чеканки сплошь и рядомъ выкапываются крестьянами на поляхъ и даже въ самомъ городѣ. При прорытіи полотна чугунки тоже высыпались деньги, непремѣнно въ горшкахъ, неизмѣнно-залитыхъ воскомъ, завязанныхъ и опутанныхъ веревками.

Одними преданіями о славной старинѣ приходится довольствоваться и жить этому древнѣйшему изъ городовъ русскихъ, вслѣдъ за другими лѣсными и сѣверными городами пришедшему въ совершенный упадокъ. Настоящее его бѣдно—и неинтересно съ тѣхъ поръ, какъ измѣнились пути и обошли Смоленскъ далекой стороной: на востокѣ черезъ Гжатскъ, на западѣ черезъ Порѣчье. Упадокъ виденъ и въ томъ, что теперь весь городъ исключительно замкнутъ въ предѣлахъ своей каменной стѣны, а 5 — 6 слободокъ внѣ ея слишкомъ малы, чтобы увеличивать объемъ города. Онъ остался на горѣ и въ сторонѣ, когда по Заднѣпровью прошла московско-смоленская желѣзная дорога и вокзалъ ея потребовалъ съ своей стороны большаго шумнаго рынка съ бойкою базарною торговлею, и застроился тутъ новый Смоленскъ. Въ старомъ, крѣпостномъ Смоленскѣ, рѣзко бросаются въ глаза множество незастроенныхъ пустырей и та запущенность и распущенность, какія неизмѣнно являются вездѣ тамъ, гдѣ безсиліе опустило руки и выродилась полная апатія. Скаты овраговъ размыла вода; деревянная лѣстница въ одномъ изъ нихъ, ведущая на дно, гдѣ сочится какой-то ручеекъ, грозитъ опасностію и пригодна только привычнымъ ходокамъ, и способна соблазнить лишь самыхъ смѣлыхъ. Отъ нищихъ нѣтъ проходу, въ особенности у Пречистой въ воротахъ и около Спасской церкви, гдѣ они неотвязчивы до дерзости, очевидно живутъ плотными артелями, и нищенствуютъ на обѣ руки: по бѣдности и лѣности, какъ тотъ же «клепенскій мужикъ» (изъ села Клепени, Сычовскаго уѣзда), который вошелъ даже въ пословицу. Видимое паденіе города обозначилось такими явленіями и признаками запустѣнія, съ которыми не могутъ сладить никакія власти, въ отчаяніи махнувшія на городъ рукой. Набережной, напримѣръ, здѣсь — по обычаю всѣхъ Бѣлорусскихъ городовъ — нѣтъ вовсе: берега предоставлены всевозможнымъ громаднымъ складамъ камня, бревенъ, дровъ и т. под. Сейчасъ же за городомъ днѣпровскіе берега обросли тальникомъ и ивнякомъ. Рѣка пробила себѣ глубокое русло, очевидно доказывающее, что она была несравненно глубже нынѣшней, извивающейся дробными колѣнами. Смоленскій Днѣпръ, особенно въ лѣтнее время, рѣка незавидная, мало внушающая уваженія.

Торговля въ городѣ до очевидности слаба, хотя въ частности, судя по нѣкоторымъ сортамъ товаровъ, видна здѣсь встрѣча Москвы съ Ригой, какъ въ населеніи смѣсь — Польши съ

Россіей. Самобытнаго мы долго искали и ничего не нашли; даже столь всѣмъ извѣстная смоленская крупа — не городскаго дѣла. Въ городѣ съ нѣкотораго времени прославилось кондитерское дѣло въ приготовленіи, на манеръ кіевскихъ, сухихъ конфектъ изъ фруктовъ, ягодъ и плодовыхъ листьевъ. Этому способствуетъ обиліе садовъ, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ губерніи, въ захудалыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Смоленскія конфекты впрочемъ перещеголяли кіевское варенье и въ особенности замѣчательны изящною укладкою въ деревянныхъ ящикахъ.

Смоленскіе рынки съ базарами для насъ занимательны тѣмъ, что здѣсь можно наблюдать интересныя встрѣчи. Бѣлая безъ околыша магерка, обыкновенно старая, поношенная и рваная, стало быть, настоящая бѣлорусская, здѣсь мѣшается съ такой,—которая либо вся коричневая, либо бѣлая съ коричневыми, также подогнутыми кверху, краями. Это изъ-подъ Смоленска. Тотъ же валеный колпакъ, наподобіе опрокинутаго горшка, въ которомъ здѣсь держатъ молоко, явившійся изъ-подъ города Бѣлаго, встрѣчается съ магеркой, имѣющей сходство съ желѣзнымъ ведромъ, изъ котораго поятъ своихъ лошадей извощики. Эту послѣднюю принесли сюда изъ-подъ Вязьмы и показываютъ рядомъ съ настоящей шляпой, на манеръ петербургскихъ дѣтскихъ. Эта — изъ-за Вязьмы. Свиты сзади по таліи и по краямъ кармановъ у коренныхъ Смоляковъ обшиты чернымъ или синимъ шнуркомъ. Замѣчено также, что ямщики за Вязьмой просятъ у проѣзжихъ «на чай», подъ Смоленскомъ, по дорогамъ къ Красному и Порѣчью — «на водку», близъ Могилевской и Витебской границы — на «кавалокъ хлѣба».

VI. СМОЛЕНСКІЕ ПРИГОРОДЫ.

Глупая Вязьма, бестолковый Дорогобужъ.
Вязьма въ пряникахъ увязла.
Мстиславцы — недосѣки.
Мсциславь не одного сциснувъ (т. е. въ немъ не проживешь).

Торопчане — фараонитяне, чортовы паставныя головы.
Рославцы — дегтяри; торопчане — кожевенники.

НАРОДНЫЯ ПРОЗВИЩА И ПРИСЛОВЬЯ.

Какъ исторически-вѣрно то, что на чемъ рѣшалъ главный вѣчевой городъ, на томъ стояли и пригороды, такъ точно, когда непріятель хотѣлъ объявить войну области, онъ занималъ и опустошалъ какой-нибудь изъ его пригородовъ, и народная рать или княжеское войско обязательно шло на выручку или, въ свою очередь, разоряло ближайшій пригородъ вражеской области. Ольгердъ, желавшій завладѣть Смоленскомъ, занялъ его пригородъ — Мстиславль и посадилъ въ немъ своего намѣстника, а сынъ его занялъ Ржевъ, въ то время бывшій также смоленскимъ пригородомъ. Святославъ Смоленскій, заступившись за свою вотчину, былъ убитъ подъ Мстиславлемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, рѣшившійся отнять Смоленскъ у Литвы и овладѣвшій имъ послѣ осады, немедленно послалъ Трубецкаго на Мстиславль. Жестокій Трубецкой дѣйствовалъ съ такою энергіею, что всѣхъ до единаго изъ жителей города истребилъ, оставивъ до настоящаго времени память въ народѣ объ этой людской бойнѣ, подъ именемъ «Трубецкой сѣчи». Нынѣшніе жители обзываются въ насмѣшку «недосѣками», т. е. какъ-бы потомками остальцевъ, ускользнувшихъ отъ истребленія въ 1654 году. Въ городскомъ кармелитскомъ костелѣ, подлѣ хоръ, направо, сохранилась фреска, изображающая это кровавое событіе: одни воины въ шлемахъ убиваютъ ксендзовъ, другіе заходятъ; часть лѣзетъ на гору, на которой бѣлѣется несуществующая уже православная церковь; виденъ и самый костелъ.

Итакъ — прежде всего о Мстиславлѣ — древнѣйшемъ изъ смоленскихъ пригородовъ, не смотря на то, что современная политическая граница, по обыкновенію, мало обращавшая внима-

нія на племенное сходство и народныя связи и симпатіи, отдѣлила этотъ городъ отъ Смоленской земли и присоединила его къ Могилевской губерніи. Искусственный пріемъ сдѣлалъ однако кое-что свое: мстиславскій Бѣлоруссъ называетъ своего ближняго сосѣда изъ Красненскаго уѣзда «полячкомъ съ русскаго боку» (бокъ — сторона), точно также какъ красненскій называетъ Мстиславца «полячкомъ съ польскаго боку». На этомъ собственно и оканчивается все различіе: оба сосѣда съ ногъ до головы похожи другъ на друга, потому что оба — родные братья, сыновья одной матери.

Самое основаніе Мстиславля принадлежитъ смоленскому князю Роману Ростиславичу, назвавшему это новое укрѣпленіе, ближайшее къ Кіеву, именемъ сына, которому вся ближняя волость въ 1180 г. и отдана была въ удѣлъ. Но самостоятельнымъ княжествомъ эта мѣстность оставалась недолго: до 1359 года городъ пребывалъ подъ властію Смоленска. Когда въ этомъ

Мстиславль.

году взялъ его Ольгердъ, смоленскій князь опять пытался отнять свой пригородъ, хотя — какъ извѣстно — и неудачно. Оставаясь подъ властью Литвы, а потомъ Польши, Мстиславль мало-по-малу утрачивалъ свою самобытность и то сходство, которое онъ имѣлъ съ древнимъ Смоленскомъ. Осталось лишь разительное подобіе въ мѣстоположеніи. Городъ стоитъ на такой же крутой горѣ, надъ узкою долиною, прорѣзанною такою же извилистою рѣкою, Вёхрою. Одна изъ высотъ (повидимому, искусственная) въ этой долинѣ у самой городской горы носитъ также смоленское имя «Дѣвичьей», хотя съ ней и соединено преданіе такого рода, что будто-бы натаскана сюда земля въ фартукахъ дѣвицами-богатырями на могилу любимаго ими добраго молодца. Также, какъ и въ Смоленскѣ, здѣсь не досчитываются пяти церквей, упоминаемыхъ въ актахъ, и между прочимъ самыхъ древнѣйшихъ изъ нихъ, Троицкой и Ильинской, но на этотъ разъ съ тѣмъ различіемъ, что не дорылись и до фундаментовъ ихъ. При Троицкой церкви съ 1537 года существовалъ даже монастырь, называвшійся «нагорнымъ» и выстроенный вдовою мстиславскаго князя Михаила Ивановича. Жители и сами князья были православнаго исповѣданія, а потому, когда политическій интересъ католической Литвы требо-

валъ наибольшаго закрѣпленія этой мѣстности, здѣсь явились въ 1616 году іезуиты, основавшіе коллегіумъ и костелъ св. Николая (обращенный теперь въ православный монастырь). За іезуитами прибыли кармелиты, построившіе величественный костелъ, сохранившійся до настоящаго времени. За кармелитами прибыли доминикане и наконецъ бернардины: всѣ со своими церквами. Въ противодѣйствіе имъ, православные основали въ верстѣ отъ города деревянный монастырь Тупичевскій (одновременно съ Кутеинскимъ въ городѣ Оршѣ) въ 1641 г., съ назначеніемъ быть преимущественно миссіонерскимъ. Но политическое значеніе всего этого мѣста настолько было важно въ глазахъ Польши, что въ 5 верстахъ отъ города устроенъ былъ монастырь «Пустынскій» базиліанами, а въ 16 верстахъ уніатскій монастырь съ архіепископскою каѳедрою въ селеніи Онуфріевѣ. Въ тѣхъ же видахъ, съ давнихъ временъ поселена была въ этихъ мѣстахъ околицами и застѣнками шляхта, до сихъ поръ сохраняющая племенныя черты народнаго характера.

Шляхтичъ брѣетъ бороду, отпускаетъ усы. Вмѣсто свиты, надѣваетъ камзолъ, родъ однобортнаго длиннаго сюртука при широкихъ шароварахъ и картузѣ съ козырькомъ. Всѣ сосѣди согласны въ томъ, что обыкновенно шляхтичъ разгуленъ, беззаботенъ, немного сварливъ, но откровененъ, словоохотливъ, привѣтливъ. Онъ большой хлѣбосолъ и, при грязной избѣ, въ которой у него также живутъ свиньи и птица, старается пристроить горенку. Онъ задоренъ и хвастливъ: громко говоритъ, не прочь и подраться, а въ корчмѣ—въ этомъ клубѣ для отдыха, въ этомъ залѣ для совѣщаній, брани, плясокъ и драки, и въ то же время, торговой биржѣ и денежномъ банкѣ,— въ корчмѣ или шинкѣ шляхтичъ требуетъ почета. Не получая таковаго, всегда готовъ онъ навострить кулаки, передъ которыми Бѣлоруссъ отступаетъ; но старовѣръ споритъ, берется зубъ-за-зубъ. Въ корчму, играющую громадную роль въ бѣлорусскомъ быту, тамошній крестьянинъ ходитъ посидѣть и «погомонить» (потолковать), послушать новостей и свидѣться съ нужнымъ человѣкомъ. Этотъ кафэ — къ нашему общему удивленію — играетъ даже роль столичныхъ кухмистерскихъ: въ нихъ справляются свадьбы, сопровождаемыя столь обильнымъ количествомъ обрядовъ, что все торжество кажется цѣльнымъ языческимъ священнодѣйствіемъ, въ православную старину носившимъ имя *требища*. Вообще здѣшній крестьянинъ всегда найдетъ предлогъ зайти въ насиженное имъ и милое сердцу заведеніе, которое и строится очень просторнымъ, даже почти всегда на двѣ половины. Шляхтичъ однако не брезгаетъ заходить похвастаться и въ черную половину.

Торопецъ.

Шляхтичъ передъ высшими почтителенъ, льстивъ, предупредителенъ и угодливъ. Въ домашнемъ хозяйствѣ живетъ спустя-рукава. Окна украшаетъ бальзаминами, гортензіей, геранью; дочерямъ и женѣ покупаетъ перчатки; шляхтянки одѣваются въ бѣлыя, какъ снѣгъ, юпки, въ бѣлыя кофточки или рукава и въ праздничное время распускаютъ зонтики; но на дворѣ грязь не чистятъ, въ избѣ половъ не настилаютъ, ходятъ по земляному, битому. Околицы раскидываютъ самымъ безпутнымъ образомъ: все какъ-то наляпано, напутано. Тутъ началась повиди-

мому широкая улица и вдругъ свернула она въ узкій переулокъ, притупилась закоулкомъ: стоитъ домъ, но за заборомъ. Заборъ разсыпался, ворота покривились. А то вдругъ выступятъ плетни и потянутся безъ конца и безъ толку и, очевидно, въ ненужномъ избыткѣ, даже до роскоши. Но зато видишь веселенькій садикъ, всегда пасѣку, огородецъ. Скотъ у шляхтича не такъ изнуренъ, какъ у крестьянъ, хотя такой же хохлатый и малорослый. Вообще шляхтичъ зажиточнѣе, меньше пьетъ, опрятнѣе; чище и рослѣе. А круглолицыя, румяныя, веселыя дѣвушки-шляхтянки на сумрачномъ фонѣ бѣлорусскихъ картинъ выдѣляются яркими, привлекательными пятнышками. Онѣ оттого шаловливы и веселы, что сыты и течетъ въ ихъ жилахъ горячая кровь. Намъ попались, по выѣздѣ изъ Мстиславля въ Кричевъ, цѣлыя группы шляхтянокъ, и мы залюбовались ихъ открытыми лицами, граціозной легкой походкой, кокетливостью съ легкимъ задоромъ и насмѣшкой, въ контрастъ нашему молодому парню — ямщику Бѣлоруссу. Этотъ сидитъ на козлахъ кулемъ, поднявъ плечи, не взглянетъ на нихъ, не присвиснетъ и не пріударитъ кнутомъ лошадей, словно онъ самъ застыдился. Идутъ шляхтянки молиться Богу и чудотворной Пустынской иконѣ Богоматери въ Пустынскомъ монастырѣ, гдѣ тогда былъ праздникъ (между мстиславской шляхтой много православныхъ). Эта шляхта охотливо учится грамотѣ, охотно идетъ на службу. Изъ нея вышли всѣ мѣстные чиновники уѣздные и губернскіе и образовалось почти все тамошнее православное и католическое духовенство. Такова и смоленская шляхта, въ средѣ которой также иные успѣвали богатѣть и дѣлались панами, исключая Рославскаго уѣзда, преимущественно передъ другими населеннаго этими дворянами безъ крестьянъ и нигдѣ не служившими. Эти остатки древнихъ польскихъ и литовскихъ фамилій, переселившихся сюда во времена Сигизмундовъ въ количествѣ до 21 тыс. душъ, живутъ отдѣльными селами. «Они, по словамъ писателя — губернатора Хмѣльницкаго,—какъ деревья приросли къ своему грунту и сдѣлались неподвижными». Правительство предоставило этимъ бѣднымъ дворянамъ право на переселеніе въ Самарскую и Тобольскую губерніи, гдѣ даже приготовлены были участки земли по 60 десятинъ на душу въ вѣчное владѣніе. Однако немногіе изъ нихъ воспользовались этимъ правомъ.

Мы поспѣшили оставить Мстиславль за тѣмъ, что и въ немъ взять нечего: городъ бѣдный и не торговый. Обезсилили его Хославичи — мѣстечко, нѣкогда замѣчательное своими ярмарками, шумными и буйными, а обездолило вконецъ то, что черезъ городъ идетъ только одна дорога, да и то почтовая. Нѣкоторая часть мѣщанъ принуждена выработать особенный промыселъ, не совсѣмъ чистый и честный, извѣстный подъ именемъ «кубрачества», т. е. хожденія по Россіи съ книжками для сбора подаяній на церкви. Церквамъ впрочемъ «кубраки» нисколько не помогли; изъ старинныхъ деревянныхъ не выстроили ни одной каменной, но, по правилу, «грошъ въ ящикъ, пятакъ за сапогъ», успѣли вырядить женъ въ тѣлогрѣйки изъ парчи, жертвованной въ Москвѣ на ризы, и сами одѣлись въ картузы и сибирки на манеръ настоящихъ великорусскихъ мѣщанъ.

Прямая дорога изъ Мстиславля проведетъ насъ въ другой старинный смоленскій пригородъ, Красный (на этотъ разъ уже въ предѣлахъ Смоленской губерніи); но этотъ городъ ничѣмъ не замѣчателенъ, какъ совершенно забытый и заброшенный и выдѣлившійся изъ числа прочихъ только по сраженію въ 1812 году. О третьемъ смоленскомъ пригородѣ, болѣе другихъ выдающемся по древности и историческимъ воспоминаніямъ и по нѣкоторому экономическому значенію — о Торопцѣ, мы уже имѣли случай говорить въ своемъ мѣстѣ (см. нашу статью «Города озерной области»), потому что и онъ отчисленъ къ другой губерніи (Псковской). Четвертый смоленскій пригородъ — Велижъ, также выдѣленъ изъ Смоленской области и состоитъ теперь за Витебскомъ, вмѣстѣ съ ближнимъ сосѣдомъ своимъ, городомъ Себежемъ, который однако въ старыя времена (напр. въ 1414 г.) считался уже пригородомъ Пскова на равныхъ правахъ съ Опочкой и Великими-Луками.

Стоитъ городъ Велижъ на Двинѣ. Берега рѣки обрывисты и круты. Строятъ барки, лайбы;

дѣлаютъ посуду, сани, обшевни и колеса; торгуютъ съ Ригой и поживляются кое-чѣмъ отъ проходящихъ судовъ. Ничего замѣчательнаго не имѣется. Мы старательно искали, на чемъ-бы остановиться — и ничего не нашли. И здѣсь вся жизнь въ прошломъ, и все прошлое въ развалинахъ, либо подъ новыми наносными пластами земли. Уберeглись еще, какъ древнее достояніе православнаго смоленскаго пригорода, 10 церквей. О многомъ приходится говорить гадательно и — навѣрное — ошибаться. Вотъ для примѣра еще смоленскій городъ, но опять-таки бывшій пригородомъ не нынѣшняго губернскаго города, а уже Чернигова — Рóславль.

Рославль, говорятъ, построенъ Владиміромъ Святымъ и назвался такъ потому, что отданъ имъ былъ въ удѣлъ сыну Ярославу (?). А въ подкрѣпленіе этого гадательнаго предположенія приводятъ торговое село Рогнѣдино, названное въ свою очередь этимъ именемъ будто-бы потому, что здѣсь нашла убѣжище несчастная полоцкая княжна Рогнѣда, бывшая супруга св. князя. Кстати имѣется мѣстечко Заславль или Сеславль, напоминающее имя ея сына отъ Владиміра — Изяслава, и еще вдобавокъ Княгинино, гдѣ для пущей натяжки — допущена первоначальная остановка Рогнѣды (кстати эта деревня находится отъ Рогнѣдина всего въ 2 верстахъ, отъ Рославля въ 57). Но, къ сожалѣнію, имѣется другой претендентъ на историческую славу, другой Заславъ — мѣстечко Минской губ. въ 20 верстахъ отъ губернскаго города, около ландварово-роменской желѣзной дороги: мѣстечко маленькое (1500 душъ жителей), но съ курганомъ, въ которомъ будто-бы и покоится прахъ Рогнѣды. Есть еще и третій Заславъ — уѣздный городъ Волынской губерніи, а кургановъ по всему Бѣлорусскому краю такъ много, что они попадаются не только вблизи селеній, но и въ непроходимыхъ лѣсахъ, посреди обширныхъ и топкихъ болотъ.

По берегу Днѣпра, отъ самой Орши до Кіева, курганы тянутся сплошнымъ, почти непрерывнымъ рядомъ, въ десяткахъ разнообразныхъ направленій и положеній. Это можетъ указывать лишь на то, что въ бѣлорусскихъ краяхъ нынѣшнее племя живетъ на старыхъ пепелищахъ другой отжившей жизни, погребенной въ неизвѣстности и оставившей лишь темные слѣды въ могильныхъ насыпяхъ и въ какихъ-то укрѣпленіяхъ, кого-то и отъ чего-то оборонявшихъ.

Рельефъ страны измѣнялся въ извѣстные періоды лѣтъ. Истощенная почва обростала негоднымъ кочкарникомъ и сгоняла народъ прочь. Равновѣсіе силъ природы и ея экономіи постоянно и безразсчетно нарушалось: ослабѣла дѣятельность лѣсовъ, и болота поспѣшили на свою сокрушительную работу. Кое-какъ налаженная жизнь вымерла; курганы стали признаками этой прекратившейся жизни, послѣдніе слѣды которой затягиваются мхомъ и заростаютъ лѣсными пущами несомнѣнно уже не въ первомъ (и не въ послѣднемъ) поколѣніи породъ растительнаго царства. Нѣкоторые курганы прямо указываютъ на то, что они были нѣкогда людскими жилищами (кромѣ гнилушекъ ничего не откапывается), а группа ихъ въ одномъ мѣстѣ—на тотъ порядокъ домовъ, въ какомъ они были расположены въ селеніи. Другіе дѣйствительно обнажаютъ человѣческія кости съ серебряными и мѣдными остатками языческихъ временъ. Иные курганы стоятъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили битвы и стычки, ни однимъ историкомъ не упомянутыя, но столь многочисленныя и почти непрерывныя во всей этой странѣ, бывшей театромъ всевозможныхъ кровавыхъ разсчетовъ между единоплеменными и разноплеменными сосѣдями. Другой подобной страны въ этомъ значеніи уже нѣтъ на всемъ пространствѣ громадной Россіи. Въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи можно указать много такихъ мѣстъ, про которыя самъ народъ говоритъ, какъ объ урочищахъ, смѣнившихъ не только селенія, но и города. Одни на верхушкахъ горъ провалились сквозь землю и въ нижнихъ пустотахъ возвышенностей предлагаютъ умѣлымъ и смѣлымъ цѣлыя кладовыя съ золотомъ и серебромъ. Другіе города затонули въ свѣтлыхъ озерахъ, и во многихъ изъ нихъ до сихъ поръ, ежедневно на восходѣ и закатѣ солнца, можно слышать колокольный звонъ. Собственно историческихъ преданій Бѣлоруссіи осталось поразительно мало: народъ все простилъ и забылъ, а на вопросы

о видимыхъ остаткахъ отдаленной и близкой старины даетъ одинъ отвѣтъ: «была какая-то руина»; «насыпано во времена этой самой руины»... А сама «руина» — въ этомъ случаѣ самое тусклое отвлеченное понятіе, съ мистическимъ оттѣнкомъ — ничего яснаго и образнаго собою не представляющимъ. Для археологовъ въ Бѣлой Руси — еще далеко непочатое поле. Для насъ, по принятой послѣдовательности разсказа, ясно только то, что историческая жизнь напр. Рославля начинается съ самаго начала XV вѣка, а прежнее экономическое процвѣтаніе города давно уже кончилось.

Въ 1494 году Рославль отошелъ отъ Литвы къ Москвѣ, а потомъ по нѣскольку разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока Алексѣю Михайловичу не удалось, по андрусовскому договору, окончательно закрѣпить его за Москвою, но не слить съ нею. И здѣсь поселенная шляхта, вызванная изъ Польши, упорно удерживала свои особенности и вліяніе. Цари московскіе принуждены были принимать противъ этого свои мѣры. Также извѣстно, что Рославль былъ живымъ торговымъ пунктомъ и въ особенности значительную торговлю производилъ воскомъ и медомъ. Эти продукты домашняго хозяйства закупали Нѣмцы и отправляли за границу. Уменьшеніе лѣсовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ упадокъ пчеловодства, историческія событія XVIII вѣка, прекращеніе подвоза товаровъ изъ Риги и Кіева, основаніе Петербурга и завоеваніе Риги съ балтійскими городами вычеркнуло Рославль изъ списка торговыхъ городовъ. Теперь эта мѣстность только деготь гонитъ, а мѣщане скупаютъ мелкими партіями пеньку, которая идетъ черезъ Порѣчье въ Ригу. Стеченіе рабочихъ для трепанія пеньки водворило въ городѣ особый родъ торговли солониной и горшками, съ которыми ѣздятъ по деревнямъ и обмѣниваютъ на зерновой хлѣбъ. При дегтѣ торгуютъ еще лыками. Впрочемъ изъ с. Кошелева вывозятъ въ годъ до 120 тыс. штукъ мочальныхъ цыновокъ.

Торопецъ.

Въ своей губерніи Рославль уступилъ торговое первенство городу, лежащему въ восточной половинѣ губерніи на р. Гжати, соединяющейся съ Вазузою и впадающей при г. Зубцовѣ въ Волгу. На Гжатскую пристань стекается уже обиліе всякихъ товаровъ для дальнѣйшаго сплава, въ слѣдующемъ порядкѣ, по количеству ихъ и степени значенія: пенька и пеньковыя издѣлія, разнаго рода хлѣбъ въ зернѣ, мука, льняное и конопляное сѣмя, желѣзо, чугунъ и желѣзныя вещи, сало, солодъ, стекла и т. д. Петръ Великій подспорилъ здѣсь торговое движеніе искусственнымъ образомъ черезъ поселеніе здѣсь переведенцевъ — знатнѣйшихъ купцовъ изъ городовъ: Калуги, Можайска, Боровска, Вереи и другихъ сосѣднихъ. Образовалась сначала слобода, которая до 1775 г. называлась «Пристанью», а съ этого года стала зваться городомъ Гжатскомъ, который къ тому же, для большаго процвѣтанія, очутился на шоссейной дорогѣ изъ Смоленска и Вязьмы въ Москву. Городъ выстроилъ 6 каменныхъ церквей, завелъ фабрики и заводы, и, по требованію хлѣбной торговли, настроилъ по берегамъ рѣки множество дворовъ, амбаровъ и сараевъ. Вообще, по мѣрѣ удаленія отъ Смоленска, тускнѣютъ черты Бѣлорусскаго края, а великорусскія выступаютъ въ крупныхъ и яркихъ краскахъ: вмѣсто ма-

ленькихъ деревушекъ тянутся селенія большія и длинныя, какъ города, и тѣмъ многолюднѣе и скученнѣе, чѣмъ ближе они къ племеннымъ границамъ. Такимъ образомъ здѣсь замѣчается то же явленіе, какъ и въ Псковской губерніи, въ пограничныхъ уѣздахъ. По поводу границы и сосѣдства Бѣлоруссіи, провожающій насъ ямщикъ, между Новоржевымъ и Великими-Луками, послѣ того какъ мы передъ огромнымъ селомъ Ашевой, переѣхали по мосту черезъ довольно узкую и текущую въ песчаныхъ берегахъ р. Алту, на берегахъ которой убитъ былъ Борисъ,— ямщикъ толковалъ:

— Здѣсь вотъ мы чай любимъ и пьемъ его въ трактирахъ. Заведеній этихъ у насъ много даже и по селамъ. А тамъ у нихъ въ «Польщѣ» (т. е. подъ Велижемъ) чаю не знаютъ: все водка, и корчмы для того у нихъ не только въ деревняхъ, но и по дорогамъ.

Толкуетъ ямщикъ просто и границу объясняетъ типично и справедливо.

Въ великорусскихъ городахъ и селахъ каменныя церкви вмѣсто тѣхъ деревянныхъ, которыя среди сосновыхъ рощъ можно распознать только по желѣзному кресту, поднимающемуся надъ верхушками деревьевъ. При церквахъ настоящія отдѣльныя колокольни, а не тѣ два сосновыхъ столба, на перекладинѣ которыхъ висятъ 2 — 3 колокола. По деревнямъ жизнь и движеніе и въ каждомъ окнѣ избы любознательныя лица, а не мертвая тишина полнаго безлюдья. Ситцевыя платья яркихъ цвѣтовъ и такіе же сарафаны смѣнили однообразныя паневы; молодежь завязываетъ хороводы и распѣваетъ свои пѣсни, а старики на завалинкахъ обсуждаютъ мірскія дѣла. Темные боры, подобно облакамъ висѣвшіе на горизонтѣ, исчезли: пошли все поля; начались мѣста густо-населенныя, стали попадаться люди, наладившіеся на сухую прозаическую жизнь, далекую отъ первобытной природы, хотя-бы и такой дикой, какъ въ покинутой нами Бѣлоруссіи. Перестали бить въ глаза и тѣ группы крестовъ на дорогахъ и въ сторонѣ, которыя какъ-бы намѣренно дѣлаютъ цѣлую страну похожею на кладбище.

При одинаковыхъ условіяхъ со Гжатскомъ, Вязьма, ко времени возрастанія этого близкаго своего сосѣда, имѣла уже 24 церкви и 2 монастыря и около ста заводовъ и фабрикъ. Благодаря примѣси чернозема къ основнымъ почвамъ, уѣздъ Вяземскій сдѣлался плодороднѣйшимъ въ губерніи и завелъ торговлю хлѣбомъ и мукою по близости и сосѣдству со Гжатскомъ. Скопленіе въ городѣ и около него этихъ продуктовъ дало возможность развиться самостоятельному промыслу печенія пряниковъ или коврижекъ со вкусной начинкой и безграмотнымъ надписаніемъ. Кто печетъ пряники, тотъ и продаетъ ихъ. Въ работѣ трудъ раздѣленъ: мужчины мнутъ пряничное тѣсто, женщины пекутъ. Ремесло не хитрое, но таково, что одно не кормитъ, а требуетъ подспорья другимъ промышленнымъ занятіемъ и притомъ капризное: одинъ печетъ лучше, другой хуже. Теперь, при возрастаніи цѣнъ на хлѣбъ и муку, стало печеніе пряниковъ невыгоднымъ. Мѣщане гжатскіе, воспользовавшись тѣми же удобствами, поступили практичнѣе, выпекая для проходящихъ судовыхъ рабочихъ булки и баранки. Да и эти стали жаловаться, что много товару остается на рукахъ непроданнымъ: хоть самъ ѣшь. Около вяземскихъ пряниковъ приладились столяры со своимъ досужествомъ,—дѣлаютъ ящики подъ сладкій хлѣбный товаръ завѣтнаго желтаго цвѣта, но весьма непрочныхъ крѣпъ. Но теперь и столяры также стали жалобиться. Эта великорусская половина губерніи останавливаетъ насъ еще на одномъ явленіи, котораго нельзя пройти молчаніемъ.

Въ какой мѣрѣ, здѣсь, на этой окраинѣ, отразилось вліяніе московскаго элемента и русскаго духа, могутъ служить тѣ патріотическіе подвиги, которые съ такою энергіею выказались въ отечественную войну. Одновременно съ разстрѣляннымъ, по приказанію Наполеона, П. И. Энгельгардтомъ, дѣйствовали извѣстный въ свое время патріотъ и авторъ «Писемъ Русскаго офицера» Сергѣй Николаевичъ Глинка и Григорій Антоновичъ Глинка (уроженцы Духовщинскаго уѣзда): послѣдній также, какъ авторъ и воспитатель Императора Николая Павловича. Сергѣй Николаевичъ издавалъ журналъ «Русскій Вѣстникъ» и не прекращалъ его даже въ то время, когда поступилъ въ московское ополченіе первымъ ратникомъ и первымъ же принесъ денежное

пожертвованіе на военныя надобности. Въ литературѣ за нимъ осталось имя «писателя-патріота». Авторъ оперъ «Жизнь за царя», «Русланъ и Людмила», «Камаринская» и проч., Михаилъ Ивановичъ Глинка,— геніальный народный композиторъ и творецъ русской музыки,— также родился въ Смоленской губерніи и принадлежитъ къ одному дворянскому роду съ предъидущими.

Городъ Юхновъ — тоже молодой, какъ и Гжатскъ, но уже рѣшительно ничѣмъ не замѣчателенъ, а приписанный къ нему уѣздъ совершенно безплодный. Духовщина—точно такой же новый и такой же бѣдный и ничѣмъ незамѣчательный городъ, а Дорогобужъ имѣетъ передъ нимъ лишь то преимущество, что существуетъ давно и, какъ старинный городъ, при малолюдьи и безсиліи, обилуетъ каменными церквами. Дорогобужъ — предметъ постоянныхъ споровъ между Русью и Литвою (въ его окрестностяхъ дана извѣстная Ведрошская битва) — главною частію лежитъ на крутизнѣ лѣваго берега Днѣпра. Онъ, какъ и Смоленскъ, раскиданъ по обоимъ берегамъ, также имѣетъ очень красивый видъ и также сохраняетъ остатокъ старины, въ видѣ земляной крѣпости, въ которой имѣется и валъ, и ровъ. Больше городъ ничѣмъ не замѣчателенъ. Ельня, по крайней мѣрѣ, хотя тѣмъ прославилась, что въ 7 верстахъ отъ нея вытекаетъ изъ болота Десна и наполняется столь быстро, что въ городѣ на ней стоитъ уже большая о двухъ поставахъ мельница. Въ 1522 году въ договорѣ о перемиріи между Русью и Литвой здѣсь намѣченъ «éленскій рубежъ», и городъ оставленъ былъ за Москвой.

Для насъ это обстоятельство важно тѣмъ, что мы вернулись обратно туда, откуда вышли, а потому и разсказъ свой можемъ на этомъ кончить.

С. В. Максимовъ.

ОЧЕРКЪ X.

БѢЛОРУССКАЯ ОБЛАСТЬ ВЪ ЕЯ СОВРЕМЕННОМЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ.

Что мы разумѣемъ подъ Бѣлорусскою областью.— Пространство ея, климатическая и физическая область.— Отличіе отъ сосѣдней Литовской области.— Численность и распредѣленіе населенія.— Нѣсколько встрѣчающихся въ области типовъ мѣстностей.— Два главные типа: типическая Бѣлорусская мѣстность и Пинско-березинское полѣсье.— Переходныя мѣстности: Минская къ Литовской области, Инфлянтская къ Балтійской, Верхне-двинское полѣсье къ Озерной и Вяземская мѣстность къ Московской промышленной области. — Этнографическій религіозный составъ населенія, его размѣщеніе по населеннымъ мѣстностямъ.— Неимовѣрный приростъ населенія съ 1861 года и причины этого прироста.— Распредѣленіе поземельной собственности и пахотныхъ земель въ области.— Главныя занятія жителей: земледѣліе и скотоводство. — Мѣстные промыслы.— Неразвитіе мѣстныхъ (кустарныхъ) промысловъ и большое развитіе отхожихъ промысловъ.— Фабричная и заводская промышленность.— Торговля.— Прекрасная сѣть водныхъ и желѣзныхъ путей, движеніе по нимъ и вліяніе проведенія черезъ область важныхъ желѣзнодорожныхъ линій.— Зависимость историческихъ судебъ Бѣлорусской области отъ ея географическаго положенія, физическихъ свойствъ страны и состава ея населенія.

Подъ именемъ Бѣлорусскихъ губерній разумѣютъ обыкновенно только три губерніи западной Россіи, а именно: Минскую, Могилевскую и Витебскую, въ которыхъ дѣйствительно народныя массы главнымъ образомъ принадлежатъ къ Бѣлорусскому племени. Но, при группировкѣ всѣхъ губерній имперіи, для удобства ихъ разсмотрѣнія въ естественномъ культурно-историческомъ отношеніи мы отнесли къ Бѣлорусской области и губернію Смоленскую. Причины, побудившія насъ къ тому, заключаются не только въ томъ, что большая половина населенія этой губерніи дѣйствительно относится къ Бѣлорусскому племени, которое въ бо́льшей юго-западной половинѣ губерніи представляется даже почти сплошнымъ, но и потому, что и по положенію своему въ верховьяхъ Днѣпровской системы и по общему своему естественному типу большая часть Смоленской губерніи ничѣмъ не отличается отъ самыхъ типическихъ частей Бѣлоруссіи, съ которыми имѣетъ гораздо болѣе сходства, чѣмъ съ сосѣдними областями: озерною, московскою промышленною и центральною земледѣльческою; при чемъ, конечно, различія Смоленской губерніи отъ этихъ областей выражаются лишь въ общихъ, совокупныхъ ея чертахъ, но до крайности сглаживаются на гра-

ницахъ ея соприкосновенія съ поименованными областями. При томъ же, какъ мы разъяснимъ это далѣе, не только при первоначальномъ занятіи Славянами-Руссами нынѣшней Бѣлоруссіи, но и при выработкѣ того русскаго типа, который впослѣдствіи получилъ названіе Бѣлоруссовъ, Смоленская губернія играла роль не меньшую, чѣмъ и остальныя губерніи нашей Бѣлорусской области.

Въ означенномъ нами составѣ четырехъ губерній, Бѣлорусская область занимаетъ 210 т. кв. верстъ или 4,344 кв. геогр. миль, т. е. пространство, вдвое большее сосѣдней Литовской области, и какъ разъ равное Италіи безъ принадлежащихъ ей острововъ. Бѣлорусская область расположена по преимуществу въ рѣчныхъ областяхъ верхняго Днѣпра и его притоковъ (напримѣръ, Березины, Припяти и Сожа) и верхней половины теченія Западной Двины.

Физическія условія Бѣлорусской области представляются вообще менѣе благопріятными, чѣмъ въ сосѣдней Литовской. Такъ климатъ Бѣлорусской области нѣсколько суровѣе, чѣмъ въ Литовской, лежащей съ нею подъ однимъ градусомъ широты. А именно средняя температура года, вмѣсто 6 до 8° Ц. простирается отъ 5 до 7°; температура холоднѣйшаго мѣсяца (января) вмѣсто — 4 до — 6, отъ — 6 до — 9° Ц., теплѣйшаго (іюля) та же, что и въ Литовской области, + 17 до + 19°.

Бѣлорусская область очень хорошо орошена, въ сѣверной своей задвинской части, прилегающей къ Озерной области, богата озерами, въ южной, а именно въ бассейнѣ р. Припяти, чрезвычайно болотиста и вообще еще болѣе покрыта лѣсными зарослями, чѣмъ даже Литовская область, такъ какъ лѣсныя площади Бѣлорусской области занимаютъ около половины (48%) ея пространства. Но лѣса Бѣлоруссіи, за исключеніемъ тѣхъ ея частей, которыя мы называемъ Пинско-Березинскимъ Полѣсьемъ и Минскою мѣстностью, не могутъ сравниться съ литовскими: они представляютъ собою лѣсныя площади, вообще сильно порубленныя и несравненно хуже содержимыя, чѣмъ въ области Литовской.

Но главная, сравнительно невыгодная, черта Бѣлорусской области заключаются въ гораздо болѣе скудной и менѣе плодородной ея почвѣ, не дающей мѣстному населенію хлѣбныхъ избытковъ, за исключеніемъ впрочемъ тѣхъ мѣстностей области, которыя прилежатъ къ Литовской и о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Самая пропорція пахатныхъ земель представляется несравненно менѣе выгодною въ Бѣлорусской области, чѣмъ въ Литовской, а именно: она составляетъ въ первой 28, а во второй 39%.

Другое существенное отличіе Бѣлорусской области отъ Литовской заключается въ составѣ ея населенія, между которымъ русская народность, а именно бѣлорусское племя, рѣшительно преобладаетъ по своей численности, да и польскій или ополячившійся элементъ въ высшемъ землевладѣльческомъ сословіи является преобладающимъ лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ области, а именно: въ Минской и части Витебской губерніи.

Наконецъ и самая плотность населенія Бѣлорусской области совершенно иная, чѣмъ въ Литовской, такъ какъ въ послѣдней на кв. версту приходится 30 жителей, а въ Бѣлорусской области — только нѣсколько болѣе 20.

Абсолютная цифра населенія Бѣлорусской области составляетъ нынѣ до $4^1/_2$ милліоновъ жителей, но жители эти распредѣляются неравномѣрно по пространству области, такъ что, по размѣщенію и даже составу населенія, пропорціи лѣсовъ и пахатныхъ земель и даже состоянію земледѣльческой промышленности въ области, можно различить нѣсколько мѣстностей, довольно несходныхъ между собою въ поименованныхъ отношеніяхъ.

Изъ всей Могилевской губерніи, такъ называемыхъ Бѣлорусскихъ уѣздовъ Витебской губерніи (кромѣ Велижскаго) и шести южныхъ (Бѣлорусскихъ) уѣздовъ Смоленской, мы образуемъ одну обширную мѣстность Бѣлорусской области, которую и признаемъ наиболѣе типичною для Бѣлоруссіи. Въ такомъ видѣ *типическая Бѣлорусская мѣстность* занимаетъ простран-

ство болѣе 85 тыс. кв. верстъ или 1,760 кв. миль и содержитъ населенія около 2.100,000, т. е. около 25 жит. на кв. версту. Пропорція пахатныхъ земель составляетъ здѣсь 31% пространства, т. е. менѣе чѣмъ въ Литовской области; почва вообще принадлежитъ (за исключеніемъ южной части Могилевской губерніи) къ наименѣе плодороднымъ почвамъ въ Европейской Россіи, и потому избытка въ пищевыхъ хлѣбахъ при среднихъ урожаяхъ мѣстность не имѣетъ. Лѣса или, лучше сказать, лѣсныя заросли занимаютъ здѣсь 35% всего пространства мѣстности, но находятся въ худшемъ состояніи, чѣмъ въ Литовской области. Главнымъ занятіемъ жителей все-таки представляется земледѣліе; обработывающая и вообще мѣстная промышленность мало развита. Въ способѣ пользованія землею здѣсь также есть существенное различіе съ Литовскою областью, а именно въ подворномъ пользованіи состоитъ здѣсь только 20% крестьянскихъ земель, а остальныя крестьянскія земли находятся въ пользованіи общинномъ.

Другую обширную и весьма характерную мѣстность мы образуемъ, подъ именемъ *Пинско-Березинскаго Полѣсья*, изъ наиболѣе лѣсныхъ и болотистыхъ и наименѣе населенныхъ уѣздовъ Минской губерніи: Пинскаго, Мозырскаго, Рѣчицкаго, расположенныхъ вдоль Припяти, Бобруйскаго, Игуменскаго и Борисовскаго — вдоль Березины. Въ такомъ объемѣ Полѣсье занимаетъ болѣе 64 тыс. кв. верстъ или 1,330 кв. геогр. миль и представляется полѣсьемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, уже потому, что 60% его пространства покрыто лѣсными зарослями и лѣса этого полѣсья представляются еще относительно хорошо сохраненными и достаточно защищенными отъ хищнической эксплуатаціи перемежающимися съ ними обширными и трудно проходимыми площадями болотъ. Вся совокупность этихъ болотъ и лѣсовъ, представляющая собою въ этой части юго-западной Россіи какъ-бы громадную губку, впитывающую и сохраняющую въ себѣ влагу, имѣетъ большое вліяніе на климатъ сосѣднихъ и въ особенности прилегающихъ на югѣ плодородныхъ пространствъ Малороссійской и даже Новороссійской областей и поддерживаетъ отъ окончательнаго обмелѣнія постепенно мелѣющее теченіе Днѣпра. Вліяніе Пинско-Березинскаго Полѣсья на поддержку текущихъ по нему и изъ него рѣкъ ясно видно изъ обилія водами и богатства гидрографической сѣти правыхъ лѣсныхъ бѣлорусскихъ притоковъ Днѣпра, представляющихъ столь рѣзкое отличіе отъ лѣвыхъ малороссійскихъ притоковъ, протекающихъ по мѣстностямъ, въ коихъ лѣса уже истреблены. Пинско-Березинское Полѣсье содержитъ менѣе 300 тыс. жит., т. е. имѣетъ ничтожную плотность населенія въ 12 жит. на кв. версту. Пахатныя земли занимаютъ здѣсь только 20% всего пространства, такъ какъ и земель удобныхъ для хлѣбопашества среди болотъ и лѣсовъ не такъ много, какъ въ другихъ частяхъ области; зато здѣшняя почва, иловатая и болѣе свѣжая, значительно плодороднѣе Бѣлорусской, такъ что Полѣсье при среднихъ урожаяхъ даетъ еще нѣкоторые хлѣбные избытки. По способу пользованія землею, Пинско-Березинская мѣстность также отличается отъ типической, такъ какъ здѣсь болѣе 95% крестьянскихъ земель находятся въ подворномъ пользованіи.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ мѣстностей, занимающихъ 71% пространства всей области, остальныя мѣстности расположены по окраинамъ области и представляютъ какъ бы естественные отъ нея переходы къ сосѣднимъ областямъ.

Первую изъ такихъ мѣстностей мы образуемъ изъ трехъ лучшихъ и смежныхъ съ Литовскою областью уѣздовъ Минской губерніи (Минскаго, Новогрудскаго и Слуцкаго) и назовемъ *Минскою мѣстностью*. При небольшомъ, относительно, пространствѣ въ 16 тысячъ квадр. верстъ или 330 кв. геогр. миль, мѣстность эта содержитъ населеніе до 500 тыс. жителей, т. е. 31 жителя на кв. версту, что представляетъ плотность населенія, одинаковую съ Литовскою областью. Минская мѣстность есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая земледѣльческая и плодородная во всей области, а именно она имѣетъ 44% пахатныхъ земель и при среднихъ урожаяхъ даетъ постоянные хлѣбные избытки. Пропорція лѣсовъ здѣсь почти та же (30%), какая въ Ли-

товской области; однимъ словомъ — очевидно, что Минская мѣстность составляетъ естественный переходъ отъ Пинско-Березинскаго полѣсья къ Литовской области, съ которою она имѣетъ еще и то сходство, что всѣ безъ исключенія крестьянскія земли Минской мѣстности находятся въ подворномъ пользованіи. Другая переходная мѣстность расположена въ сѣверо-западномъ углу области: это четыре такъ называемые Инфлянтскіе уѣзда Витебской губерніи (Динабургскій, Дриссенскій, Люцинскій и Рѣжицкій), занимающіе небольшое пространство въ 15 тыс. квадр. верстъ или 310 кв. геогр. миль. Жителей въ этой мѣстности, которая и въ положеніи 19 февраля 1861 года получила названіе *Инфлянтской*, до 400 тыс., т. е. 26 жит. на кв. версту, нѣсколько менѣе, чѣмъ въ сосѣдней Литовской области, но болѣе, чѣмъ въ сосѣдней Балтійской. По пропорціи лѣсовъ (31%) Инфлянтская мѣстность не отличается отъ Литовской области, а по пропорціи пашень (29%) стоитъ ниже ея. Тѣмъ не менѣе при тщательной интенсивной культурѣ и довольно хорошей почвѣ Инфлянтскіе уѣзды при среднихъ урожаяхъ даютъ избытокъ даже пищевыхъ хлѣбовъ. Важное отличіе Инфлянтской мѣстности состоитъ въ томъ, что главная масса сельскаго ея населенія состоитъ изъ Латышей, которые и усвоили способъ культуры и хозяйственные порядки изъ сосѣднихъ и соплеменныхъ съ ними частей Лифляндіи, вслѣдствіе чего и аграрныя отношенія Инфлянтской мѣстности въ законѣ 19 февраля 1861 года опредѣлены особымъ мѣстнымъ положеніемъ. Въ Инфлянтской мѣстности до 92% всѣхъ крестьянскихъ земель находятся въ подворномъ пользованіи. Вообще говоря, Инфлянтская мѣстность есть переходная къ сосѣдней Балтійской области.

Изъ Велижскаго уѣзда Витебской губерніи, Порѣчскаго и Бѣльскаго Смоленской мы образуемъ особую мѣстность подъ именемъ *Верхнедвинскаго полѣсья*. Мѣстность эта, при пространствѣ въ 18,730 кв. верстъ или 382 кв. геогр. миль, имѣетъ только 250 тыс. жит., т. е. на кв. версту 13 жителей, слѣдовательно населена столь же скудно, какъ и Пинско-Березинское Полѣсье. Названіе же Полѣсья она заслуживаетъ потому, что около половины ея пространства занято лѣсными зарослями. Пропорція пахатныхъ земель въ Верхнедвинскомъ Полѣсьѣ самая невыгодная во всей области, а именно только 15% всего пространства находится подъ пашнями. Почва мало плодородна, пищеваго хлѣба въ обыкновенные годы не достаетъ на мѣстное потребленіе. Пользованіе землею почти исключительно-общинное, такъ какъ только 3% крестьянскихъ земель находятся въ подворномъ пользованіи. По всѣмъ признакамъ мѣстность эта представляется переходной къ Озерной области.

Наконецъ послѣдняя изъ переходныхъ мѣстностей, составляющая переходъ къ сосѣдней Московской промышленной области, занимаетъ крайній сѣверовосточный уголъ области. Это: Гжатскій, Сычевскій, Вяземскій и Юхновскій уѣзды Смоленской губерніи, изъ коихъ мы образуемъ мѣстность, которую можно назвать по древнему княжеству, въ немъ находившемуся, *Вяземскою*. Мѣстность эта занимаетъ пространства въ 12,300 кв. вер. или 254 квад. геогр. миль, имѣетъ до 320 т. жит., что составитъ на кв. вер. 25 жителей, исключительно Великорусскаго племени. Подъ пашнями здѣсь 36% всѣхъ земель, т. е. болѣе чѣмъ въ остальныхъ частяхъ области; пропорція лѣсовъ здѣсь наименьшая въ области, такъ какъ лѣса сильно истреблены. Земледѣліе составляетъ здѣсь главное занятіе жителей, но при скудости почвы оно не даетъ имъ хлѣбныхъ избытковъ, а потому въ этой мѣстности наиболѣе изо всей области развились отхожіе промыслы, чему способствуетъ и близость столицы. Способъ пользованія землею преобладаетъ общинный, только 4% всѣхъ крестьянскихъ земель находятся въ подворномъ пользованіи.

Бѣлорусская область относительно этнографическаго состава своего населенія отличается тѣмъ отъ сосѣдней Литовской области, что она, по составу этому, представляется несомнѣнно *русскою*, а не инородческою областью. Такъ, изъ 4½-милліоннаго ея населенія къ Русскому племени принадлежитъ 82%, а именно: 64% падаютъ на Бѣлоруссовъ, а 17% на Великоруссовъ и отчасти въ небольшомъ количествѣ на Малороссіянъ. Для инородческаго же населенія оста-

ются весьма скромныя пропорціи, а именно: на Евреевъ приходится 8%, то есть нѣсколько менѣе, чѣмъ въ Литовской области, на Поляковъ 5% — также менѣе, чѣмъ въ Литвѣ, на Литовцевъ только 5%, Нѣмцевъ считается во всей области не болѣе 12 тыс., живущихъ преимущественно въ Инфлянтской мѣстности, наконецъ Татаръ въ Минской губерніи 1,700 чел.

По отношенію къ религіозному составу населенія, Бѣлорусская область также представляется попреимуществу православною, а именно: 80% ея населенія исповѣдываютъ православную вѣру (изъ нихъ 2% старовѣровъ), 12% приходится на католиковъ, 8% на евреевъ, а количество протестантовъ (до 14 тыс.) и магометанъ (менѣе 2 тыс.) сравнительно ничтожно.

Въ городахъ Бѣлорусской области живетъ 10% ея населенія: это та же пропорція, что и въ Литовской области. Сельскія поселенія Бѣлорусской области, какъ и во всѣхъ лѣсистыхъ и хорошо орошенныхъ мѣстностяхъ Россіи, представляются вообще довольно мелкими, особливо въ мѣстностяхъ Инфлянтской, Минской и Пинско-Березинскомъ Полѣсьѣ. На каждое крестьянское селеніе приходится среднимъ числомъ 103 жит. и 17 дворовъ, что впрочемъ нѣсколько болѣе, чѣмъ въ Литовской области, гдѣ на селеніе приходится только по 90 жит. и 12 дворовъ. Вообще, сельское населеніе области размѣщается въ 60 тыс. поселкахъ, изъ которыхъ крестьянскія селенія составляютъ болѣе половины, а именно 34 тыс., остальные же поселки: 7,700 владѣльческихъ усадьбъ, 3,300 хуторовъ, 3,700 поселковъ разносословныхъ собственниковъ и другихъ лицъ, живущихъ на своихъ или владѣльческихъ земляхъ и образующихъ разносословныя селенія, 3,200 караулокъ въ лѣсахъ, вдоль дорогъ и т. п. Такимъ образомъ поселковъ, подходящихъ подъ принятое Центральнымъ статистическимъ комитетомъ при его обслѣдованіи опредѣленія *хуторовъ*, въ Бѣлорусской области вчетверо менѣе, чѣмъ въ Литовской, что и указываетъ на сравнительно-меньшее развитіе хуторскаго хозяйства въ Бѣлорусской области по сравненію съ Литовскою. Подъ хуторомъ Центральный статистическій комитетъ разумѣетъ небольшой поселокъ изъ одного или нѣсколькихъ строеній, устроенныхъ преимущественно для сельскохозяйственной эксплоатаціи того участка земли, на которомъ онъ построенъ и отличающійся отъ *владѣльческой усадьбы* количествомъ и свойствомъ строеній, такъ какъ строенія владѣльческой усадьбы приспособлены не для однѣхъ хозяйственныхъ цѣлей, но и для пребыванія зажиточнаго владѣльческаго семейства.

Всѣ сельскіе поселки области заключаютъ въ себѣ болѣе 700 тыс. строеній, изъ коихъ на каждое крестьянское селеніе приходится по 17, а на каждый остальной поселокъ среднимъ числомъ по 5 дворовъ. Крестьянскія селенія почти исключительно построены изъ дерева, какъ и во всѣхъ еще достаточно лѣсистыхъ мѣстностяхъ имперіи; въ остальныхъ поселкахъ пропорція каменныхъ строеній достигаетъ до 1½%, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ въ Литовской области, гдѣ владѣльческія усадьбы вообще богаче обстроены, чѣмъ въ Бѣлорусской области, да и фабричные поселки многочисленнѣе и крупнѣе.

Замѣчательно, что, не смотря на скудную, вообще мало производительную почву Бѣлорусскаго края и отсутствіе въ странѣ мѣстныхъ промысловъ и выгодныхъ заработковъ — сравненіе цифры сельскаго населенія ревизскаго по уставнымъ граматамъ съ населеніемъ по семейнымъ спискамъ конца 1877 года даетъ неимовѣрный приростъ для сельскаго населенія Бѣлорусской области, а именно въ 27% въ 20-лѣтіе; что пропорція эта нисколько не преувеличена, доказывается тѣмъ, что по имѣющимся метрическимъ свѣдѣніямъ естественный приростъ населенія, т. е. избытокъ рожденій передъ смертями съ 1861 по 1877 годъ включительно составлялъ до 32%, т. е. еще болѣе чѣмъ фактическій; разность эта объясняется тѣмъ, что изъ Бѣлорусскихъ губерній и особливо Смоленской были значительныя выселенія и что при развитіи отхожихъ промысловъ, особливо въ губерніяхъ Смоленской и Витебской, часть сельскаго населенія умираетъ внѣ предѣловъ области и не попадаетъ въ мѣстныя записи смертности.

Вникая въ причины столь значительнаго фактическаго прироста сельскаго населенія Бѣло-

русской области, послѣ 1861 года, мы не можемъ объяснить этотъ приростъ иначе какъ тѣмъ, что выходъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости поставилъ ихъ въ несравненно лучшія условія, чѣмъ они были прежде, а также и тѣмъ, что выходъ этотъ совершился въ большей части Бѣлоруссіи въ особенно выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ.

Первое изъ высказанныхъ заключеній достаточно доказывается тѣмъ, что до 1861 года крѣпостное населеніе вовсе не прирастало. Такъ, по VIII ревизіи въ четырехъ губерніяхъ Бѣлорусской области было 1.210,000 ревизскихъ душъ м. п. владѣльческихъ крестьянъ, по IX-й—1.171,000, по X-й—1.152,000, въ трехъ Литовскихъ по VIII-й ревизіи до 574 тыс., по IX-й—566 тыс., по X-й—до 543 тыс. Такимъ образомъ съ 1835 по 1859 годъ численность владѣльческихъ крестьянъ постепенно уменьшалась, а съ 1861 года быстро возрастала: въ Бѣлорусскихъ по 25%, въ Литовскихъ по 31% и притомъ даже болѣе, чѣмъ у крестьянъ государственныхъ, между тѣмъ какъ въ большинствѣ другихъ обширныхъ областей имперіи, численность государственныхъ крестьянъ увеличилась въ большей пропорціи, чѣмъ численность бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ.

Что же касается того, что сельское населеніе вообще и особливо бывшее крѣпостное увеличилось въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ сильнѣе, чѣмъ въ обширныхъ областяхъ Центральной и восточной Россіи, вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ совершилось освобожденіе крестьянъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, то заключеніе это подтверждается тѣмъ, что Смоленская губернія,— въ которой не было повѣрочныхъ коммисій, а слѣдовательно и пониженій выкупныхъ платежей, достигавшихъ здѣсь въ 1878 году среднимъ числомъ до 6 руб. 60 коп. съ душеваго участка, при скудной почвѣ, по своимъ качествамъ мало отличающейся отъ Бѣлорусскихъ уѣздовъ Витебской губерніи,— обнаружила фактическій приростъ населенія у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ на 11%, между тѣмъ какъ въ Витебской губерніи, гдѣ дѣйствовали повѣрочныя коммисіи и гдѣ выкупные платежи при большихъ надѣлахъ были понижены до 4 руб. 90 коп. на душевой участокъ, приростъ населенія оказался втрое болѣе, какъ и въ Литовской области, и во всей той части Бѣлоруссіи, въ которой дѣйствовали повѣрочныя коммисіи и было пониженіе выкупныхъ платежей.

Нынѣ поземельная собственность въ Бѣлорусской области распредѣляется слѣдующимъ образомъ: земли крестьянскаго надѣла составляютъ 35% всѣхъ земель, земли личной собственности—57% (въ томъ числѣ 50% принадлежатъ дворянамъ и только 7% остальнымъ сословіямъ), менѣе 7% принадлежатъ государству и только нѣсколько болѣе 1% остальнымъ категоріямъ собственности. Такимъ образомъ, несмотря на то, что крестьяне въ Бѣлорусской области получили весьма значительные надѣлы, а именно 4,8 дес. на ревизскую душу, нынѣ вслѣдствіе сильнаго прироста населенія превратившіеся въ 3,8 дес. на наличную душу,— общая цыфра владѣльческихъ земель значительно превосходитъ цыфру земель крестьянскихъ, а именно на 100 дес. крестьянскихъ приходится 165 владѣльческихъ, т. е. совершенно наоборотъ, чѣмъ въ сосѣдней плодородной и густо населенной Центральной земледѣльческой области, гдѣ на 100 десятинъ крестьянскихъ приходится только 46 владѣльческихъ.

Совершенно иначе представляется распредѣленіе земель, когда дѣло идетъ только о земляхъ пахатныхъ. Въ то время какъ крестьяне Бѣлорусской области распахиваютъ 57% своихъ земель, владѣльцы распахиваютъ только 12% своихъ земель, такъ что изъ всѣхъ пахатныхъ земель области 72% принадлежатъ крестьянамъ, 26%—личнымъ землевладѣльцамъ и только 2% государству и другимъ учрежденіямъ.

Такимъ образомъ очевидно, что главнымъ и преобладающимъ промысломъ сельскаго населенія всего края является *земледѣліе*. На наличную душу муж. пола приходится здѣсь по 3 дес. пашни, т. е. бѣлорусскій хлѣбопашецъ эксплоатируетъ несравненно болѣе земли, чѣмъ селянинъ въ областяхъ: Бѣломорской, Финляндской, Озерной и даже Московской и немного менѣе, чѣмъ Литовскій крестьянинъ.

Самою земледѣльческою мѣстностью представляется вышеозначенная переходная къ Литвѣ Минская. Здѣсь бывшіе владѣльческіе крестьяне распахали 70% своихъ земельныхъ надѣловъ, оставивъ остальное, т. е. все-таки достаточное количество земли, подъ пастбища и другія угодья. Немного отстали отъ нихъ бывшіе государственные крестьяне, у которыхъ подъ пашнями 66% ихъ надѣловъ. Гораздо менѣе эксплоатируютъ здѣсь земли для хлѣбопашества личные землевладѣльцы и, разумѣется, тѣмъ менѣе, чѣмъ крупнѣе ихъ поземельная собственность. У владѣльцевъ, обладающихъ менѣе чѣмъ 100 дес., подъ пашнями еще 54% ихъ земель, у владѣльцевъ отъ 100 до 500 дес.— 41%, отъ 500 до 1,000 дес.— 36%, отъ 1,000 до 5,000 дес.— 31%, свыше 5000 дес.— 25%. При этомъ, благодаря плодородію своей почвы, Минская мѣстность имѣетъ, какъ и сосѣдняя Литовская область, постоянные хлѣбные избытки даже и пищевыхъ хлѣбовъ.

Затѣмъ имѣетъ еще хлѣбные избытки *Инфляндская* мѣстность, въ которой какъ бывшіе владѣльческіе, такъ и бывшіе государственные крестьяне распахиваютъ 58% своихъ надѣльныхъ земель и притомъ весьма тщательно, отчасти даже интенсивно, при посредственной почвѣ. Личные владѣльцы все еще являются значительными эксплоататорами своихъ земель, хотя въ меньшей степени, чѣмъ въ Минской области. Минскіе землевладѣльцы, владѣющіе менѣе чѣмъ 100 дес., распахиваютъ 43% своихъ надѣловъ, средніе отъ 100 до 500 дес.—30%, а отъ 500 до 1,000 — 26%, крупные отъ 1,000 до 5,000 еще 19%, а свыше 5,000 — очень мало занимаются земледѣліемъ, а именно распахиваютъ только 5% своей земли.

Въ самой обширной *типической* мѣстности Бѣлорусской области, при малоплодородной почвѣ, пищевыхъ хлѣбовъ уже недостаетъ на мѣстное потребленіе, хотя земледѣліе есть все-таки преобладающее занятіе сельскаго населенія. Такъ, бывшіе владѣльческіе крестьяне, при болѣе земельномъ скудномъ надѣлѣ, распахиваютъ еще 60% своего надѣла, бывшіе государственные крестьяне только 52%, мелкіе землевладѣльцы 39%, средніе 19% и 14%, крупные 9% и 7%. Въ еще болѣе невыгодныхъ обстоятельствахъ по отношенію къ земледѣлію находится, переходная къ Московской области, *Вяземская* мѣстность. Хотя бывшіе владѣльческіе крестьяне распахиваютъ все еще 60% своихъ земель, какъ и въ типической Бѣлорусской мѣстности, но остальные землевладѣльцы распахиваютъ уже меньшую пропорцію земель, а именно бывшіе государственные крестьяне 49%, мелкіе владѣльцы 38%, средніе 11% и 7%, крупные 6% и самые крупные только 2%. Хлѣба здѣсь, конечно, недостаетъ для мѣстнаго потребленія даже и тѣхъ жителей, которые не уходятъ въ отхожіе промыслы.

Еще меньшую пропорцію земель занимаютъ пашни въ обоихъ малолюдныхъ Полѣсьяхъ края, въ обширномъ *Пинско-Березинскомъ* и небольшомъ *Сѣверо-Двинскомъ*, служащемъ переходомъ къ малолюдной Озерной области. А именно: въ Пинско-Березинскомъ Полѣсьѣ крестьяне, какъ бывшіе владѣльческіе, такъ и государственные, распахиваютъ 34% своихъ земель, мелкіе владѣльцы менѣе 33%, средніе однако все еще 21% и 19%, крупные 11% и 7%. Меньшая, по сравненію съ типическою частію Бѣлоруссіи, пропорція пахатныхъ земель у крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ показываетъ, что пропорція земель неудобныхъ для хлѣбопашества, а именно мѣстъ слишкомъ сырыхъ и болотистыхъ и лѣсныхъ зарослей, при болѣе обширныхъ крестьянскихъ надѣлахъ, въ Пинско-Березинской мѣстности большая, чѣмъ въ типической; а бо̀льшая пропорція запашекъ у среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ показываетъ, что хлѣбопашество въ этой мѣстности представляется болѣе выгоднымъ, чѣмъ въ типической. И дѣйствительно, почва здѣсь въ Полѣсьѣ свѣжѣе и плодороднѣе, чѣмъ въ типической области, и даетъ хлѣбопашцу въ хорошіе годы даже хлѣбные избытки.

Но наименьшее значеніе имѣетъ хлѣбопашество въ Верхнедвинскомъ полѣсьѣ. Здѣсь у крестьянъ подъ пашнями только 40% и 37% ихъ надѣловъ, у мелкихъ помѣщиковъ только 13%, а остальные помѣщики почти вовсе не эксплоатируютъ своихъ земель для хлѣбопашества, такъ какъ средніе держатъ подъ пашнями только 6% и 3% своихъ земель, а крупные — 2% и 1½%.

Общее количество производимаго Бѣлорусскою областью хлѣба (по оффиціальнымъ свѣдѣ-

ніямъ за 4-лѣтіе 1870—74 года, конечно, нѣсколько низшимъ противъ дѣйствительности), составляло среднимъ числомъ ежегодно въ круглыхъ цифрахъ: ржи $4^1/_2$ милл. четвертей, пшеницы 380 тыс. четв., ячменя $1^1/_2$ мил. четв., т. е. общее количество этихъ главныхъ пищевыхъ хлѣбовъ какъ разъ почти равнялось количеству тѣхъ же хлѣбовъ сосѣдней Литовской области; сверхъ того собиралось еще гречи до 800 тыс. четв. да картофеля до 5 мил. Если принять въ соображеніе, что абсолютная цифра населенія Бѣлорусской области почти на $1^1/_2$ мил. болѣе, чѣмъ населеніе Литовской области, то окажется, что въ Бѣлорусской области, при среднихъ урожаяхъ, хлѣба не можетъ достать на мѣстное потребленіе (за исключеніемъ впрочемъ Минской и Инфлянтской мѣстности и отчасти даже Пинско-Березинскаго Полѣсья), и недостатокъ долженъ пополняться привозомъ изъ сосѣднихъ областей, отчасти Литовской, отчасти Малороссійской и Центральной земледѣльческой, чему конечно способствуютъ пересѣкающіе область водные и желѣзные пути. Овса область производитъ 4 мил. четвертей, т. е. несравненно болѣе, чѣмъ сосѣдняя Литовская область, и овесъ конечно служитъ однимъ изъ предметовъ вывоза изъ области, такъ какъ количество его далеко превосходитъ мѣстное его потребленіе.

Кромѣ хлѣбовъ сельское населеніе области разводитъ въ немаломъ количествѣ ленъ и пеньку. Ленъ разводится въ значительномъ количествѣ въ Витебской губерніи и въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Минской и въ Вяземской мѣстности Смоленской губерніи. Эта часть Бѣлоруссіи доставляетъ преимущественно къ Рижскому порту до 500 тыс. пуд. льна, на сумму до 1 милліона рублей. Пенька разводится въ Могилевской и южной части Смоленской губерніи; вывозится ея изъ области не менѣе милліона пудовъ на сумму болѣе $1^1/_4$ милліон. руб.

Скотоводство въ Бѣлорусской области имѣетъ достаточное развитіе, благодаря обилію сѣнокосовъ и пастбищъ. Лошадей въ области, также какъ и въ Литовской, причитается среднимъ числомъ болѣе 2-хъ на дворъ, а именно болѣе 1 милліона; но крупнаго рогатаго скота уже сравнительно менѣе, чѣмъ въ Литовской области, хотя все еще значительное количество, а именно отъ $2^1/_2$ до 3 головъ (всего до $1^1/_2$ милліон.). Овцеводство также, какъ и въ Литовской области, сравнительно мало развито, такъ какъ лѣсисто-болотистый характеръ мѣстности не представляетъ удобствъ для развитія овцеводства. Овецъ приходится не болѣе 3-хъ головъ на дворъ, общее ихъ количество превосходитъ $1^1/_4$ милліон. головъ. Зато свиноводство достаточно развито, хотя уступаетъ свиноводству Литовской области; на дворъ приходится по 2 свиньи, а общее число ихъ достигаетъ до 900 тыс. штукъ.

Хотя количественно скотоводство въ Бѣлорусской области находится не только не въ худшемъ, но даже въ лучшемъ положеніи, чѣмъ во многихъ другихъ частяхъ имперіи, но качественно оно стоитъ на низкой ступени. Бѣлорусскія лошади, какъ и вообще это замѣчается въ лошадяхъ полѣсьевъ,—малорослы, какъ будто крупныя породы лошадей мало способны къ передвиженію въ лѣсныхъ чащахъ и между деревьями. При этомъ бѣлорусскія лошади довольно малосильны, хотя и отличаются выносливостью. Хорошіе конскіе заводы и улучшенныя породы лошадей въ Бѣлоруссіи встрѣчаются очень рѣдко. Крупный рогатый скотъ — преимущественно литовской породы и вообще довольно мелокъ. Въ особенно изнуренномъ состояніи скотъ находится въ Смоленской губерніи, гдѣ онъ, при недостаточности крестьянъ и недостаткѣ соломы, содержится дурно. Тонкорунныхъ овецъ въ области вовсе нѣтъ.

Пчеловодство въ нѣкоторыхъ частяхъ области, какъ и въ сосѣдней Литовской, въ прежнія времена славилось и процвѣтало, и хотя оно нынѣ находится сравнительно въ упадкѣ, можетъ быть, отчасти вслѣдствіе уменьшенія спроса на воскъ, однако же и въ настоящее время оно достаточно развито въ нѣкоторыхъ частяхъ Минской и Смоленской губерній и даетъ порядочныя выгоды, такъ какъ обыкновенная цѣна меда на мѣстѣ 5 руб., а воска — по 20 руб. пудъ.

Огородничество и садоводство мало развиты въ области, и большею частью удовлетворяютъ только мѣстнымъ нуждамъ. Однако же въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губерніи, особливо

въ Вяземской мѣстности садоводство перешло въ крестьянскій, народный промыселъ; пригородныя селенія Вязьмы занимаются продажею не только плодовъ, но и садовыхъ деревьевъ.

Хотя земледѣліе и скотоводство въ Бѣлорусской области и составляетъ главное занятіе жителей, но при скудости почвы занятіе это далеко не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ сельскаго населенія, которое потому самому вынуждено обращаться и къ другимъ отраслямъ промышленности.

Обиліе во многихъ частяхъ Бѣлорусской области лѣсовъ и лѣсныхъ зарослей, облегающихъ ея болѣе или менѣе обширныя пашни и поля, даетъ сельскому жителю возможность искать себѣ заработковъ на лѣсныхъ ея площадяхъ. Не говоря уже о Пинско-Березинскомъ и Сѣверо-Двинскомъ полѣсьяхъ, въ которыхъ лѣсные промыслы, послѣ хлѣбопашества, стоятъ на первомъ планѣ, — и во всѣхъ остальныхъ частяхъ области лѣсные промыслы играютъ довольно важную роль въ экономической жизни населенія. Промыслы эти состоятъ въ рубкѣ, обдѣлкѣ, какъ на государственныхъ, такъ и на частныхъ дачахъ, доставкѣ къ сплавнымъ рѣкамъ и сплавѣ лѣса, гонкѣ смолы и дегтя, въ приготовленіи поташа, драни, досокъ, теса и гонта, мочалъ, лубья, лыка, рогожъ, ободьевъ, колесъ, полозьевъ, саней, дугъ, деревянной посуды, кленовыхъ гребней и другихъ деревянныхъ издѣлій, въ обжиганіи угля, судостроеніи и пр., однимъ словомъ во всѣхъ разнообразныхъ лѣсныхъ промыслахъ развитыхъ въ русскихъ полѣсьяхъ. Лѣсной промыселъ во всей области занимаетъ нѣсколько десятковъ тысячъ рукъ; такъ, напримѣръ, въ одномъ Борисовскомъ уѣздѣ рубкою лѣса въ 1879 г. было занято до 4000 человѣкъ, при чемъ хорошіе работники зарабатывали отъ 7 до 9 руб. въ мѣсяцъ, а работникъ съ лошадью, занимающійся вывозкою лѣса,—до 25 руб. въ мѣсяцъ. Промыселъ этотъ тѣмъ болѣе представляетъ выгодъ для сельскаго населенія, что совершается въ зимнее или, вообще, свободное отъ полевыхъ работъ время. Довольно богатая сѣть сплавныхъ и судоходныхъ рѣкъ и желѣзныхъ путей облегчаетъ вывозъ лѣса и лѣсныхъ произведеній области въ разныхъ направленіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и способствуетъ въ значительной мѣрѣ лѣсоистребленію, идущему въ значительныхъ размѣрахъ, особливо въ типической части области, въ которой лѣса, и въ особенности на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, уже сильно порублены, а въ составъ крестьянскихъ надѣловъ вошли въ малой степени и служатъ крестьянамъ только для удовлетворенія ихъ домашнихъ нуждъ. Вполнѣ уцѣлѣли лѣса только въ обширныхъ казенныхъ дачахъ, въ дачахъ очень крупныхъ собственниковъ, — въ Минской и Инфлянтской мѣстностяхъ, благодаря правильному лѣсному хозяйству, а также въ Пинско-Березинскомъ полѣсьѣ благодаря тому, что здѣсь они защищены облегающими ихъ болотами, —вмѣстѣ съ которыми образуютъ громадное сплошное влажное пространство, часто и нынѣ на большихъ протяженіяхъ покрытое водою, а въ древнія времена можетъ быть и дѣйствительно занятое большими озерами, что и дало поводъ Геродоту считать его внутреннимъ моремъ.

Въ этомъ-то Полѣсьѣ всего болѣе сохранилась первобытная природа бѣлорусскихъ лѣсовъ, съ ихъ растительнымъ и животнымъ міромъ, такъ что *охота* имѣетъ здѣсь еще значеніе народнаго промысла. Кромѣ медвѣдей, волковъ, зайцевъ и птицъ, здѣсь бьютъ кабановъ, лосей, сернъ, выдръ, куницъ, рысей, барсуковъ и даже бобровъ, и такимъ образомъ охотничій промыселъ въ Полѣсьѣ даетъ заработки немалому количеству сельскихъ жителей Полѣсья. Гораздо меньшее значеніе въ Бѣлорусской области имѣетъ *рыболовство*, удовлетворяющее въ большинствѣ случаевъ только мѣстнымъ нуждамъ. Какъ промыселъ, оно существуетъ только въ озерахъ Витебской губерніи, которыя отдаются въ арендное содержаніе. Впрочемъ, результатъ добычи, на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, расходится въ самой области.

Минеральныя естественныя богатства края мало эксплоатируются. Въ болотной желѣзной рудѣ нѣтъ недостатка во всей области; въ прежнія времена она разрабатывалась въ достаточномъ количествѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Могилевской губерніи, но нынѣ вообще разрабатывается весьма мало, да и то только преимущественно въ Пинско-Березинскомъ Полѣсьѣ, гдѣ изъ нея выдѣлы-

вается, еще первобытными способами, довольно плохаго качества желѣзо. Торфъ, встрѣчающійся въ большихъ залежахъ, еще почти вовсе не разрабатывается, такъ какъ, при маломъ развитіи фабричной промышленности, область еще не ощущаетъ недостатка въ топливѣ. Предметами добычи изъ минеральныхъ богатствъ служатъ только минеральныя краски, особливо: охра, глины кирпичныя, горшечныя и фаянсовыя, но всего болѣе—известь, въ Могилевской и Смоленской губерніяхъ. Оршанская известь славится своею доброкачественностью; изъ Орши по Днѣпру сплавляются ежегодно сотни тысячъ пудовъ извести.

Кустарные промыслы въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. промышленныя занятія въ крестьянскихъ жилищахъ, имѣющія цѣлью переработку сырыхъ произведеній въ какія-либо издѣлія и совершаемыя отдѣльными мелкими рабочими, но преимущественно семейными группами и притомъ занимающимися въ цѣломъ селеніи или даже цѣлой мѣстности однимъ и тѣмъ же промысломъ,—въ Бѣлорусской области почти вовсе не развиты, кромѣ развѣ тѣхъ промысловъ, которые находятся въ непосредственной связи съ эксплоатаціею мѣстныхъ богатствъ края. Сюда относится, напримѣръ, выдѣлка деревянныхъ издѣлій, горшковъ и глиняной посуды и пенькотрепаніе.

Зато во всей типической мѣстности Бѣлорусской области, а также въ мѣстности Вяземской развиты промыслы *отхожіе.* Это объясняется тѣмъ, что именно въ этихъ мѣстностяхъ сельскому населенію области земледѣльческихъ занятій рѣшительно недостаточно для обезпеченія продовольствія и уплаты повинностей, а мѣстныхъ близкихъ заработковъ, при ограниченной земледѣльческой эксплоатаціи владѣльческихъ земель и отсутствіи правильнаго лѣснаго хозяйства на лѣсныхъ площадяхъ, почти не существуетъ. Поэтому не только лишніе для земледѣльческаго труда работники изъ многорабочихъ семей, но и большинство работниковъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время весьма охотно идутъ на отхожіе промыслы. Такими отхожими промыслами въ предѣлахъ области служатъ работы по сплаву на водныхъ путяхъ, ремонтъ и постройка желѣзныхъ дорогъ, а внѣ предѣловъ области нѣкоторыя ея мѣстности, напримѣръ Вяземская и нѣкоторые другіе уѣзды Смоленской губерніи, высылаютъ камнетесовъ, штукатуровъ, плотниковъ, но еще болѣе землекоповъ, чѣмъ въ особенности славятся *юхновцы* изъ Смоленской губерніи. Менѣе всего въ отхожіе промыслы высылаютъ тѣ мѣстности, которыя имѣютъ хлѣбные избытки (Минской и Инфлянтской) или тѣ, въ которыхъ сельское населеніе, еще довольно рѣдкое, находитъ мѣстные заработки въ окружающей его лѣсной стихіи (Пинско-березинское и Верхнедвинское Полѣсья). Не малое количество сельскаго населенія Бѣлорусской области привлекается и столицами; такъ по переписи декабря 1869 г. въ составѣ населенія Петербурга оказалось до 11 тыс. человѣкъ крестьянъ изъ Смоленской и Витебской губерніи, число же крестьянъ изъ Могилевской и Минской губерніи оказалось совершенно ничтожно, такъ какъ отхожіе промыслы Могилевской губерніи направляются преимущественно на югъ въ Кіевъ и Новороссійскій край, а изъ Минской губерніи сельское населеніе почти вовсе не выходитъ. Смоленская губернія и въ особенности Вяземская мѣстность впрочемъ еще болѣе тяготѣетъ къ Москвѣ, чѣмъ къ Петербургу.

По отношенію къ развитію перерабатывающей, т. е. вообще фабричной и заводской промышленности, Бѣлорусская область занимаетъ довольно скромное мѣсто между областями Европейской Россіи. Число рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ области, едва большее, чѣмъ въ сосѣдней, гораздо менѣе обширной области Литовской, а именно въ 1880 г. оно простиралось отъ 14 до 15 тыс. человѣкъ, что составитъ 1% всего населенія края, находящагося въ рабочемъ возрастѣ. Сумма производства по офиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1880 г. отъ 18 до 19 мил. руб. (въ Литовской мѣстности отъ 15 до 16 мил.).

Первое мѣсто между заводами края занимаютъ заводы *винокуренные, водочные и пивоваренные;* всѣ они въ 1880 году, при 2,600 рабочихъ, производятъ вина и водокъ на 7,900,000

руб., а пива на 700 тыс., т. е. вина вдвое менѣе. Это прямо указываетъ на то, что населеніе Литовской области потребляетъ менѣе вина, чѣмъ въ области Бѣлорусской.

Прядильныя фабрики, возникшія нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Смоленской губерніи, въ 1880 году при 2,700 рабочихъ, вырабатывали пряжи на 2.800,000 руб., при чемъ преобладающее значеніе имѣла одна только фабрика въ Духовщинскомъ уѣздѣ; это весьма уже важный зародышъ развитія мануфактурной промышленности въ краѣ, который, при достаточно благопріятныхъ условіяхъ, а именно при отсутствіи недостатка въ топливѣ и рабочихъ рукахъ, можетъ впослѣдствіи принести плоды, очень важные для будущности края.

Еще нѣкоторую важность имѣетъ кожевенное производство, особенно развитое въ губерніяхъ Витебской и Смоленской: при количествѣ рабочихъ до 1,000 чел., кожевенные заводы края производили кожъ на 1.900,000 руб.

Всѣ остальныя производства уже гораздо менѣе значительны и болѣе или менѣе находятся въ тѣсной зависимости отъ эксплоатаціи мѣстныхъ произведеній края. Такъ заводы, переработывающіе *лѣсныя издѣлія*, при 1,300 рабочихъ, вырабатывали произведеній на 560 тыс. руб., преимущественно смолы, дегтя, скипидара, а отчасти и пиленаго лѣса; *писчебумажныя*, *оберточно-бумажныя и картонныя* фабрики, изъ которыхъ главная (кн. Паскевича) находится въ Гомельскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, производили, при 440 рабочихъ, на сумму свыше 500 тыс. руб.; матеріалы для себя эти фабрики находятъ въ обиліи края тряпьемъ. *Салотопенные*, свѣчносальные, стеариновые и *мыловаренные клеевые* заводы, переработывающіе продукты здѣшняго скотоводства, при 200, рабочихъ производятъ на 400 тыс. руб. *Маслобойные* заводы, перерабатывающіе льняное и конопляное сѣмя въ масло, при 340 раб. производятъ также на 400 тыс. руб. *Стеклянные и хрустальные* заводы, размѣщающіеся обыкновенно въ безплодныхъ песчаныхъ мѣстностяхъ, обилующихъ лѣсомъ, при 900 до 1,000 рабочихъ вырабатываютъ стекла и хрусталя на сумму отъ 400 — 500 тыс. руб. Въ Минской губерніи есть еще и суконныя фабрики, выдѣлывающія, при 540 рабочихъ суконъ, на 350 т. руб., и наконецъ въ области есть еще нѣкоторое количество табачныхъ фабрикъ, выдѣлывающихъ при 250 рабочихъ, табаку на 250 тыс. руб. Остальныя фабричныя производства области совершенно ничтожны.

Бѣлорусская область, хотя и поставлена по отношенію къ торговлѣ и торговымъ путямъ въ несравненно менѣе выгодное положеніе, чѣмъ Литовская область, при всемъ томъ обладаетъ весьма хорошею сѣтью водныхъ и желѣзныхъ путей.

Главныхъ линій водныхъ путей въ Бѣлорусской области, собственно говоря, три. Первый пересѣкаетъ съ востока на западъ сѣверную часть области. Это путь *Западной Двины*, начинающійся отъ верховыхъ ея пристаней: Бѣльской, расположенной на Обшѣ, притокѣ Межи, и Порѣчской на Касплѣ въ Смоленской губерніи. Путь этотъ простирается до выхода Западной Двины изъ предѣловъ Витебской губерніи, не доходя до Курляндскаго города Якобштадта. До открытія желѣзной дороги, которая, начиная отъ Витебска, идетъ вдоль Западной Двины до самой Риги, водный путь этотъ имѣлъ для торговли несравненно бо́льшее значеніе, чѣмъ нынѣ. Въ четырехлѣтіе 1859 — 62 года на этомъ пути грузилось въ предѣлахъ области среднимъ числомъ ежегодно 7 мил. пуд., на $5^1/_2$ мил. руб., при чемъ главными грузами были, хлѣба (2.800,000 пуд.), сѣмя льняное и конопляное (1.140,000 пуд.), пенька (1.330,000 пуд.) и ленъ (до 400 т. пуд.). Въ новѣйшее время, напримѣръ въ 1876 г., грузилось въ предѣлахъ области по этому пути уже вчетверо менѣе грузовъ, а именно 1.750,000 пуд., въ томъ числѣ всего болѣе хлѣба (1.100,000 пуд., преимущественно овса 750 т. пуд., ржи 260 т. пуд.), а отчасти конопляное и льняное сѣмя (324 т. пуд.). Измѣненіе это произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что немало грузовъ, подвозимыхъ прежде гужевыми путями и притомъ транзитомъ изъ-за предѣловъ разсматриваемой нами области къ Бѣлорусской и Порѣчской пристанямъ, нывѣ перехватывается Орловско-Витебскою и Ряжско-Вяземскою желѣз-

ными дорогами и на водный путь уже вовсе не попадаетъ, а отчасти и оттого, что во многіе мѣстные грузы области и въ особенности наиболѣе цѣнные грузятся не на Двинской пристаняхъ, а на станціяхъ паралельной съ Двиною Витебско-Рижской желѣзной дорогой. Такимъ образомъ Двинскій водный путь, послѣ проведенія Орловско-Витебско-Рижской желѣзной дорожной линіи изъ транзитнаго превратился въ мѣстный торговый путь для громадныхъ и далекихъ грузовъ и транзитнымъ остался для весьма небольшаго количества товаровъ, выходящихъ въ Двину черезъ Березинскій каналъ и р. Уллу съ верховьевъ Днѣпра.

Гораздо болѣе важнымъ и притомъ преимущественно транзитнымъ является второй водный путь области, пересѣкающій съ востока на западъ всю южную часть ея. Это водный путь Припяти, проходящій черезъ область почти отъ самаго устья этой рѣки до верхнихъ частей ея теченія, гдѣ онъ еще въ предѣлахъ области, нѣсколько ниже Пинска, развѣтвляется на двѣ судоходныя вѣтви: одну ведущую черезъ Пину и Днѣпровскобугскій каналъ въ Вислу, другую черезъ Ясельду и Огинскій каналъ въ Нѣманъ. На всемъ этомъ пути, съ притоками его текущими въ предѣлахъ области, въ 4-лѣтіе 1859 — 62 грузилось среднимъ числомъ ежегодно до 1.300,000 пуд. исключительно мѣстныхъ грузовъ, между которыми главную роль играли лѣсъ и лѣсныя произведенія, камень и хлѣбъ, да сверхъ того притоками Припяти, Горынью и Стырью, приходило изъ Полѣсья сосѣдней Малороссійской области 900 т. пуд., не говоря о весьма значительномъ транзитѣ съ Днѣпра изъ самыхъ плодородныхъ и производительныхъ частей области.

Чрезвычайно интересны для изученія вліянія на торговое движеніе желѣзныхъ путей тѣ измѣненія въ движеніи грузовъ по воднымъ путямъ, которыя произошли вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ. Весь водный путь р. Припяти попалъ внутрь большаго и правильнаго параллелограмма, образуемаго пересѣченіемъ двухъ параллельныхъ желѣзныхъ путей идущихъ отъ Бахмача до Минска (часть Роменско-Либавской дороги) и отъ Казатина до Бреста (часть Бресто-Граевскаго пути) съ двумя другими параллельными между собою желѣзными путями, а именно отъ Бахмача до Казатина (часть Курско-Кіевско-Жмеринской линіи) и отъ Пинска до Бреста (часть Московско-Брестской дороги). Судоходная линія Припяти образуетъ какъ разъ длинную діагональ параллелограмма.

Замѣчательно, что нагрузка мѣстныхъ грузовъ по всей этой судоходной линіи въ предѣлахъ области не только не уменьшилась вслѣдствіе проведенія упомянутыхъ желѣзныхъ путей, но значительно увеличилась. Такъ съ 1876 г. вмѣсто прежнихъ 1300 т. пуд. грузилось на томъ же судоходномъ пути въ предѣлахъ области 1.900,000 пуд., т. е. нагрузка увеличилась въ $1^1/_2$ раза. При этомъ замѣчательно также, что главные предметы нагрузки остались тѣ же, а именно лѣсныя произведенія (дрова, строительные матеріалы, деревянныя издѣлія, смола, деготь, варъ, скипидаръ, всего 1.200,000 пуд.), камень, гранитъ, плита, кирпичъ, глина, (всего до 360 т. пуд.) и хлѣбъ (170 т. пуд.). Зато желѣзнодорожная линія Кіево-Казатинская оттянула съ юга большую часть грузовъ, доставляемыхъ Припяти изъ Малороссійскаго (Волынскаго) Полѣсья, ея притоками — Стырью съ Иквою и Горынью съ Случью, такъ какъ количество этихъ грузовъ изъ 900 тыс. пуд. въ 1876 г. сократилось до 150 тыс. На транзитъ же, идущій изъ приднѣпровской Малороссіи проведеніе желѣзныхъ путей, пересѣкающихъ Днѣпръ имѣло конечно нѣкоторое вліяніе, оттянувъ съ воднаго пути наиболѣе цѣнные грузы, но едвали общее количество направляющихся въ Припять изъ Днѣпра грузовъ значительно изимѣнилось. Такимъ образомъ водный путь Припяти удержалъ и въ послѣднее 20-лѣтіе почти тоже транзитное значеніе, а мѣстное его значеніе для области въ полтора раза увеличилось.

Третій важный водный путь области идетъ наперекрестъ упомянутымъ двумъ параллельнымъ воднымъ путямъ, а именно: Двинскому и Припятскому. Путь этотъ съ юга отъ устья Припяти проходитъ черезъ область къ сѣверу и скоро развѣтвляется на двѣ линіи: Березинскую, выводящую черезъ Березинскій каналъ и р. Уллу къ Западной Двинѣ, и Днѣпровскую, подни-

мающуюся до Могилева. До Смоленска судоходство уже не доходитъ, и вообще Смоленская губернія въ торговомъ движеніи на Днѣпровскомъ водномъ пути почти никакой роли не играетъ, кромѣ совершенно ничтожнаго сплава лѣса по Днѣпру. До проведѣнія желѣзныхъ путей, напримѣръ въ 4-лѣтіе 1859 — 62, на всемъ упомянутомъ пути грузилось среднимъ числомъ ежегодно до 5.400,000 пуд., и грузъ состоялъ преимущественно изъ тѣхъ же предметовъ, какъ и на всѣхъ другихъ водныхъ путяхъ области, а именно болѣе всего изъ лѣса и лѣсныхъ издѣлій, изъ камня и нѣкотораго количества хлѣба. Камень и хлѣбъ большею частію передвигаются въ предѣлахъ области, лѣсъ идетъ главнымъ образомъ внизъ по Днѣпру въ нижнія части его теченія. Проведеніе желѣзныхъ путей мало измѣнило общій характеръ судоходнаго движенія по Днѣпру, Березинѣ и Сожу въ предѣлахъ Бѣлорусской области ни относительно рода товаровъ, ни относительно ихъ направленія, такъ какъ ни одинъ желѣзный путь не прошелъ параллельно этому водному пути, а всѣ дороги пересѣкли. Только общее количество грузимыхъ на этомъ пути въ предѣлахъ области грузовъ нѣсколько уменьшилось, а именно въ 1880 г. съ 5.400,000 пуд. уменьшилось до 4.400,000 пуд. Уменьшеніе это весьма естественно объясняется повидимому тѣмъ, что часть лѣсныхъ грузовъ, грузимыхъ прежде на пристаняхъ Двины, Березины и Сожа, нынѣ потребляется и увозится желѣзными путями.

Желѣзные пути эти проведены черезъ область преимущественно въ послѣднее 10-лѣтіе и пересѣкаютъ ее столь же выгодно, какъ и водные. А именно двѣ большія и важныя параллельныя линіи Орловско-Рижская и Роменско-Либавская пересѣкаютъ область отъ ю.-в. къ с.-з. а Московско-Брестская вдоль наибольшаго протяженія области отъ востока къ западу.

Первая линія—*Орловско-Рижская* вступаетъ въ область между Брянскомъ и Рославлемъ, въ Витебскѣ пересѣкаетъ Западную Двину, а затѣмъ слѣдуетъ вдоль ея праваго берега до окрестностей Якобштадта, противъ котораго уже уходитъ въ Лифляндію. Линія эта проводитъ черезъ область громадный транзитъ къ Рижскому порту. Транзитъ этотъ вмѣстѣ съ грузами, идущими къ Ригѣ изъ разсматриваемой области, составлялъ въ 1876 году до 20 милл. пуд. и если торговое движеніе по водному пути къ Ригѣ черезъ область уменьшилось вчетверо (на $5^{1}/_{4}$ мил. пуд.), то общее движеніе (т. е. по водному и желѣзному пути) въ направленіи къ Ригѣ черезъ Бѣлорусскую область увеличилось втрое (на $4^{1}/_{2}$ милл. пуд.). Количество товаровъ, грузимыхъ на разсматриваемой линіи въ предѣлахъ области, простиралось въ 1876 г. до 9 мил. пуд., но и число разгружавшихся товаровъ простиралось до той же цыфры, что достаточно показываетъ, что если область не вывозитъ за свои предѣлы большаго количества своихъ произведеній, именно по направленію разсматриваемаго пути, то все-таки Орловско-Рижская линія дала большое оживленіе торговому движенію внутри области. Однакоже, часть товаровъ, грузимыхъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ разсматриваемыхъ линій, а также часть товаровъ, грузимыхъ въ области на Двинскихъ притокахъ, направляется къ Рижскому порту, а именно: овесъ въ 1876 г. въ количествѣ $1^{1}/_{2}$ мил. пудовъ, льняное сѣмя въ количествѣ 1.200,000 пуд., ленъ въ количествѣ полумилліона пудовъ и пенька въ количествѣ 400 тыс. пудовъ. Взамѣнъ того приходятъ сюда и разгружаются изъ болѣе плодородныхъ частей Россіи не достающія для мѣстнаго потребленія пшеница и пшеничная мука (1.100,000 пуд.), рожь и ржаная мука, гречневая крупа и пшено.

Другая желѣзнодорожная линія —*Роменско-Либавская* вступаетъ въ область въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, пересѣкаетъ Сожъ въ Гомелѣ, Днѣпръ въ Жлобинѣ, Березину въ Бобруйскѣ, а за Минскомъ уходитъ въ Литовскую область, собирая на своемъ пути не малое количество грузовъ, направляющихся къ Либавскому порту. Значеніе этого пути для Бѣлорусской области выясняется изъ слѣдующихъ данныхъ. По немъ вступило напр. въ 1876 году въ предѣлы области до 9 мил. пудовъ грузовъ изъ сосѣдней Малороссійской области. Часть ихъ разгружается на станціяхъ Бѣлорусской области, но большая часть проходитъ транзитомъ къ Вильнѣ и Либавѣ. Кромѣ того, желѣзный путь этотъ собираетъ въ области свыше 6 милл. пу-

довъ груза, а разгружаетъ въ ней, какъ своего внутренняго, такъ и внѣшняго, приходящаго съ одной стороны изъ Малороссіи, а съ другой изъ Литвы—свыше 4 мил. пудовъ. Между грузами, идущими по Роменской дорогѣ транзитомъ изъ Малороссіи черезъ Бѣлорусскую область, самые главные рожь и ржаная мука (въ количествѣ до 3½ мил. пуд.), овесъ (1¼ мил. пуд.), пшеница и пшеничная мука (400 тыс. пуд.). Между товарами, грузящимися въ Бѣлоруссіи: рожь (преимущественно въ Минской мѣстности, всего свыше 1 мил. пуд.), овесъ, льняное сѣмя и пенька.

Третья желѣзнодорожная линія — *Московско-Брестская* вступаетъ въ область, не доходя до Гжатска, у Вязьмы соединяется съ входящею на маломъ протяженіи оконечностью Ряжско-Вяземской линіи, далѣе слѣдуетъ на Смоленскъ и Минскъ и далѣе переходитъ въ предѣлы Слонимскаго уѣзда Гродненской губерніи. Линія эта есть, собственно, самая важная для области, такъ какъ она въ предѣлахъ области собираетъ грузовъ до 20 мил. пуд., а разгружаетъ около 5 милліоновъ, не говоря уже о весьма значительномъ транзитѣ, проходящемъ по линіи, которая соединяетъ Москву съ Варшавою и Пруссіею. Такъ какъ перевѣсъ товаровъ, грузимыхъ по этой линіи въ области, надъ разгруженными составляетъ 15 мил. пудовъ, то очевидно, что ни одна желѣзнодорожная и водная линія не выноситъ столько произведеній области за ея предѣлы, какъ именно эта. Между этими произведеніями первое мѣсто конечно занимаетъ лѣсъ и лѣсные товары и издѣлія, составляющія болѣе половины вывоза изъ области; затѣмъ рожь, преимущественно Минской мѣстности, выходящая по разсматриваемой линіи за предѣлы области въ количествѣ отъ 1¾ до 2 мил. пуд., овесъ въ количествѣ болѣе милліона пудовъ, льняное сѣмя и ленъ въ количествѣ отъ 500 до 600 т. пуд. и т. п.

Вообще на всѣхъ пристаняхъ водныхъ путей и станціяхъ желѣзныхъ дорогъ Бѣлорусской области грузилось въ 1876 г. 43 мил. пуд., разгружалось менѣе 21 мил. пуд. Между предметами, которыхъ отпускъ въ значительной мѣрѣ превышаетъ привозъ, первое мѣсто занимаютъ лѣсныя произведенія, затѣмъ область имѣетъ еще избытокъ овса (до 3 мил. пудовъ), ржи (въ юго-западной своей части до 2 мил. пуд.), льнянаго сѣмени (до 2 мил. пуд.), льна (600 т. пуд.) и пеньки (также 600 т. пуд.).

Изъ всего сказаннаго ясно, что проведеніе черезъ область трехъ столь важныхъ желѣзныхъ путей, какими представляются Орловско-Рижская, Роменско-Либавская и Московско-Брестская линіи, дали Бѣлорусской области, въ связи съ пересѣкающими ее водными путями, весьма выгодное положеніе въ отношеніи къ сбыту ея произведеній и вообще къ торговымъ сношеніямъ, а выгодныя для сельскаго населенія условія, въ которыхъ совершился выходъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости съ 1861 г. по 1863 г., несомнѣнно и быстро подняли въ Бѣлорусской области благосостояніе народныхъ массъ и самую производительность области, несмотря на скудость ея почвы и несовсѣмъ благопріятныя физическія условія, въ которыхъ она находится.

Улучшеніе положенія народныхъ массъ отразилось отчасти и на успѣхахъ народнаго образованія въ области. Число учебныхъ заведеній въ четырехъ губерніяхъ области составляло до 1850, съ болѣе чѣмъ 60 тыс. учащимися, изъ коихъ на сельскія школы приходится болѣе 38 тыс. абсолютно. Это немного болѣе, чѣмъ въ Литовской области, но относительно менѣе, такъ какъ количество учащихся для мальчиковъ не превосходитъ 24% учебнаго возраста, а для дѣвочекъ 3%.

Постараемся теперь выяснить то вліяніе, которое имѣло географическое положеніе области и условія ея природы на ея историческія судьбы.

Наша Бѣлорусская область занимаетъ верхнія части обширнаго и многовѣтвистаго Двинскаго бассейна, а также верхнія и среднія части бассейна Западно-двинскаго. Такимъ образомъ Бѣлоруссія находилась какъ разъ на срединѣ столь важнаго съ древнѣйшихъ временъ русской исторіи

пути *изъ Варягъ въ Греки*, на полу-пути между Великимъ Новгородомъ и Кіевомъ, то есть двумя главными культурными центрами первоначальной исторіи русскаго славянства.

Великій водный путь изъ Варягъ въ Греки пересѣкавшій всю Европейскую русскую равнину отъ Балтійскаго моря до Чернаго, шелъ, — какъ извѣстно,— Невою, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ, Ильменемъ, Ловатью, а затѣмъ пересѣкалъ Двину и выходилъ на верховье Днѣпра, внизъ по которому и слѣдовалъ до Чернаго моря. Но гдѣ именно пересѣкалъ этотъ путь р. Двину — въ точности неизвѣстно. Знаменитый нашъ историкъ Соловьёвъ полагаетъ, что путь шелъ вверхъ по Ловати только до нынѣшняго Холма, оттуда сворачивалъ вверхъ по рѣкѣ Куньѣ, правомъ притокѣ Ловати, затѣмъ по притоку Куньи Сережъ, и отъ ея верховьевъ переходилъ черезъ 30-ти-верстный волокъ въ Торопу, правый притокъ Западной Двины, спускался сначала по Торопѣ а потомъ на Западной Двинѣ, по послѣдней верстъ на 150 до впаденія въ нее р. Каспли, затѣмъ поднимался по Касплѣ, а съ нея черезъ волокъ верстъ около 25-ти выходилъ на Днѣпръ немного ниже Смоленска.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что переходъ верхняго пути съ Двины на Днѣпръ могъ съ удобствомъ совершиться только при посредствѣ судоходной Каспли, мы находимъ, что предположеніе Соловьева о томъ, что путь изъ Варягъ въ Греки уклонялся отъ Холма съ многоводной Ловати въ несравненно менѣе многоводный ея притокъ Кунью, а далѣе шелъ совершенно ничтожной рѣчкой Сережой почти по всей длинѣ ея и переваливалъ черезъ широкій 30-ти-верстный волокъ для того, чтобы достигнуть весьма извилистой и неудобной для судоходства Торопы,— представляется нѣсколько характернымъ. Гораздо естественнѣе предположить, что отъ Холма великій путь вовсе не уклоняется отъ многоводной Ловати и направлялся вверхъ ея теченія мимо Великихъ Лукъ, до того пункта, гдѣ удобный 6-ти-верстный волокъ отдѣляетъ теченіе Ловати отъ озера Усвята, изъ котораго рѣчка Усвятъ въ совершенно прямомъ направленіи течетъ въ Двину, въ которую и впадаетъ почти противъ устья Каспли. За этотъ путь говоритъ во-первыхъ то, что онъ верстъ на 60 или 70 короче Торопскаго и что онъ такъ непосредственно приводитъ къ устью Каспли, что Двина не играетъ никакой роли, а потому и не упоминается на этомъ пути, между тѣмъ какъ на пути, указываемомъ Соловьевымъ, нельзя не упомянуть о Двинѣ проходя по ней, на протяженіи почти 150 верстъ. Сохраненіе Ловатью своего имени отъ истока до устья, говоритъ также въ пользу изложеннаго предположенія. И дѣйствительно, еслибы первые Славяне, прокладывающіе великій путь, шли съ юга по Куньѣ, то за Холмомъ, гдѣ сливаются Кунья и Ловать, при чемъ соединенная рѣка продолжаетъ скорѣе направленіе Куньи чѣмъ Ловати, Славяне распространяли на нижнее теченіе соединенной рѣки названіе Кунья а не Ловати. Если же бы наоборотъ первые піонеры, не зная, прокладывали его съ сѣвера, то, поднимаясь по Ловати же за Холмами войдя въ Кунью не измѣнивъ своего направленія, они назвали-бы Кунью Ловатью, а Ловати дали-бы какое-либо иное названіе. Для славянской же колонизаціи гораздо естественно, выйдя на Двину при устьѣ Каспли, направиться вверхъ по впадающему противъ нее Усвяту и, достигнувъ озера Усвята, узнать о томъ, что въ 6 вер. отъ этого озера протекаетъ р. Ловать — главный южный притокъ Ильменя.

Конечно можетъ быть, что послѣ того, какъ путь на Усвятъ служилъ долгое время главнымъ путемъ колонизаціи и сообщеній, найденъ былъ и другой, нѣсколько обходный путь на Торопу, но во всякомъ случаѣ, усвятскій путь представляется болѣе древнимъ, какъ и возникшій на немъ городъ Усвятъ, упоминаемый лѣтописью уже подъ 1021 годомъ, когда онъ былъ уступленъ В. кн. Ярославомъ вмѣстѣ съ Витебскомъ Брячиславу Полоцкому, гораздо древнѣе возникшаго только впослѣдствіи Торопца.

Племена Славянскія, осѣвшія собственно въ Бѣлорусской области, именовались Древлянами на границахъ Волынскаго полѣсья до Припяти, Дреговичами между Припятью и Двиною, Полочанами и Кривичами на Западной Двинѣ и въ верховьяхъ Днѣпра. Очень рано образовались въ предѣлахъ области русскія княжества. Такъ уже съ X вѣка было извѣстно княжество По-

лоцкое на Двинѣ и немного позже Смоленское на верховьяхъ Днѣпра. Въ краткіе періоды единодержавія Русскаго государства волости Полоцкая и Смоленская управлялись мужами поставленными отъ Великихъ князей, но при развитіи удѣльной системы превращались въ удѣльныя княжества. При дальнѣйшемъ развитіи удѣльной системы возникли еще и новыя удѣльныя княжества, какъ напр. Минское, Новогрудское, Пинское, Витебское, а на сѣверныхъ предѣлахъ области, на волокахъ ведущихъ съ Двины къ Ловати, княжество Торопецкое.

Всѣ эти княжества сохранили свою тѣсную связь съ Русскимъ государствомъ, но связь эта была тѣснѣе для тѣхъ княжествъ, которыя, какъ напр. Смоленское и Торопецкое, стояли непосредственно на великомъ пути, а не въ сторонѣ его, какъ Полоцкое, Минское, Новогрудское. Столы первыхъ двухъ княжествъ были занимаемы ближайшими сродниками великихъ князей и удѣльные князья Смоленскіе и Торопецкіе нерѣдко переходили на престолы Кіевскій и Новгородскій, или, по крайней мѣрѣ, играли несравненно большую роль въ историческихъ событіяхъ русскаго государства, чѣмъ князья окраинныхъ удѣловъ Бѣлоруссіи. Зато эти послѣдніе находились въ болѣе тѣсной связи съ сосѣдней Литовской областью, на которую и имѣли несомнѣнное вліяніе.

Такое положеніе Бѣлоруссіи продолжалось до тѣхъ поръ, пока сохранялъ для русской земли свое преобладающее значеніе великій водный путь изъ Варягъ въ Греки, покуда Кіевъ и Новгородъ были главными культурными центрами русскихъ славянъ и покуда центръ тяжести русскаго государства находился въ Днѣпровской области. Но мало по малу обстоятельства измѣнились. Сгустилось русское поселеніе въ болѣе обширной, просѣченной болѣе многоводными рѣками въ верхневолжской области, обнимающей вверхъ отъ сліянія Оки съ Волгою обѣими своими главными вѣтвями съ ихъ притоками необъятныя пространства, на которыхъ Великой Руси жилось привольнѣе, чѣмъ Малой и Бѣлой Руси, окруженнымъ многочисленными иноплеменниками и врагами, начиная отъ кочевыхъ Половцевъ до осѣдлыхъ Поляковъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, захватившихъ устья Двины и Шведовъ — державшихъ устья Невы.

Младшіе Мономаховичи, устроившіеся въ ничтожномъ городкѣ Владимірѣ, такъ хорошо поняли значеніе для Русскаго государства Великой Руси — верхневолжской области, что когда въ 1155 году Андрей Боголюбскій взятіемъ Кіева нанесъ рѣшительный ударъ Днѣпровской Малой Руси, то онъ будучи признанъ всѣми русскими князьями Великимъ княземъ, уже не промѣнялъ своего ничтожнаго и бѣднаго Владиміра на богатый Кіевъ: поворотъ въ русской исторіи совершился: центръ тяжести государства изъ меньшей Верхнеднѣпровской области перешелъ въ большую верхневолжскую, изъ Малой въ Великую Россію.

Въ половинѣ XIII вѣка страшная волна татарскаго нашествія наводнила всю Россію, поработила русское государство, задержала надолго развитіе русской цивилизаціи, но почти не измѣнило уже выяснившагося относительнаго значенія верхнеднѣпровской и верхневолжской областей, Великой или Малой Руси, а если и измѣнила, то скорѣе въ пользу Великой Руси. Верхневолжская Россія хотя медленно, но постепенно оправлялась отъ татарскаго погрома и направила всѣ свои силы для того, чтобы собрать во едино по крайней мѣрѣ ту часть русской земли, катора́я занимала громадный верхневолжскій бассейнъ выше сліянія Оки съ Волгою. Малая Русь послѣ страшнаго раззоренія Батыемъ Кіева уже не могла оправиться, иноплеменные или иновѣрные сосѣди со всѣхъ сторонъ старались добить потрясенную и полуразрушенную Днѣпровскую Россію.

Съ паденіемъ Кіева совершенно измѣнилось и положеніе Бѣлоруссіи. Великій водный путь изъ Варягъ въ Греки почти утратилъ свое значеніе, живительное вліяніе такого культурнаго центра, какимъ былъ для сосѣднихъ Бѣлоруссовъ Кіевъ—исчезло. Взамѣнъ того усилилось значеніе сосѣдняго Литовскаго государства и Бѣлорусская область очутилась на длинномъ гужевомъ пути между близкою Вильною и отдаленнымъ Владиміромъ, а потому весьма естественно стала болѣе тяготѣть къ литовской, чѣмъ къ русской столицѣ, такъ что въ концѣ XIII вѣка кня-

зьямъ литовскимъ уже удалось подчинить себѣ всю западную Бѣлоруссію, а во второй четверти XIV вѣка князья литовскіе уже завершили собираніе Русской земли подъ свое владычество почти во всей Верхнеднѣпровской области, какъ собрали ее въ Верхневолжской области князья московскіе.

Правда, что центръ тяжести Великой Руси, съ переходомъ своимъ изъ Владиміра въ Москву, приблизился къ Бѣлоруссіи, и восточная и западная оконечности области очутились въ одинаковомъ разстояніи отъ великорусской и литовской столицъ, но это не улучшило положенія Бѣлоруссіи. Растянутая на длинномъ и неудобномъ пути, соединявшемъ Вильну съ Москвою, который, на 3/4 своего протяженія, проходилъ по Бѣлоруссіи,—эта несчастная, обдѣленная природою страна должна была, можно сказать, разорваться въ своихъ тяготѣніяхъ: часть ея, лежащая къ востоку отъ великаго воднаго пути, изъ Варягъ въ Греки, потянула къ Москвѣ, а часть, лежащая къ западу — къ Литвѣ.

Еще хуже стало положеніе Бѣлой Руси съ тѣхъ поръ, какъ въ XV вѣкѣ литовскіе великіе князья сѣли на польскій престолъ, вслѣдствіе чего Литва соединилась съ Польшею, а центръ тяготѣнія соединеннаго государства перешелъ въ Варшаву.

Вмѣсто того, чтобы служить соединительнымъ звеномъ между восточною и западною столицами Славянъ, какъ въ прежнія времена она связывала сѣверный и южный культурные русскіе центры — Кіевъ и Новгородъ,— Бѣлоруссія сдѣлалась только театромъ борьбы и яблокомъ раздора между Россіею и Польшею, такъ какъ и самыя отношенія между ними были совершенно иныя, чѣмъ между Кіевомъ и Новгородомъ. Если Кіевъ и Новгородъ и вступали иногда въ столкновенія, то эти столкновенія и войны имѣли домашній, междоусобный характеръ и никогда не принимали, какъ отношенія между Россіею и Польшею, характера борьбы разновѣрныхъ и сдѣлавшихся уже на столько разноплеменными народовъ, что весь строй ихъ духовной культуры, по слишкомъ рѣзкому своему различію, не допускалъ между ними добровольнаго слиянія.

Весьма естественно, что Бѣлоруссія очутилась не между двухъ свѣтлыхъ точекъ, какъ это было во время существованія Кіева и Новгорода, но между двухъ огней, которые, то съ одного конца, то съ другаго—жгли многострадальную Бѣлоруссію. Уже въ началѣ XV вѣка опустошительная для Бѣлоруссіи война лишила Россію даже Смоленска. Затѣмъ частыя столкновенія и борьбы, возникавшія между Русью и Польшею, разыгрывались главнымъ образомъ въ предѣлахъ Бѣлоруссіи и страшно опустошали эту и безъ того уже бѣдную область. Такимъ опустошеніямъ область подвергалась въ половинѣ и въ исходѣ XV вѣка, въ XVI вѣкѣ, въ 1507, 1512—14 годахъ, когда Смоленское княжество было возвращено Россіи, въ 1534, 1580 годахъ, а въ XVII вѣкѣ, въ смутный періодъ 1611—18 г., когда Смоленскъ снова достался Польшѣ, въ 1632—34 годахъ и 1654 году, когда Смоленскъ окончательно возвращенъ Россіи.

Вообще, съ половины XVII вѣка, т. е. со времени возсоединенія Малой Руси съ Великою Русью и возвращенія Россіи бывшаго Смоленскаго княжества, положеніе Бѣлоруссіи начинаетъ измѣняться.

Въ началѣ XVIII вѣка, т. е. при Петрѣ Великомъ, присоединеніе къ Россіи Балтійской области и окончательное упроченіе русскаго владычества въ Малороссіи, послѣ Полтавской битвы, окружило Бѣлоруссію, сильно пострадавшую во время борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII, московскими землями съ двухъ сторонъ, такъ что верховья и низовья двухъ главныхъ бѣлорусскихъ рѣкъ, Днѣпра и Двины, принадлежали Россіи, а на среднихъ ихъ теченіяхъ еще господствовала, хотя отчасти, Польша. Такое положеніе было противоестественно и неустойчиво: первый раздѣлъ Польши положилъ ему конецъ: теченія Днѣпра и Двины въ 1772 присоединены были къ Россіи, а двадцать лѣтъ спустя, при второмъ раздѣлѣ Польши, вошли въ составъ Русскаго государства, вмѣстѣ съ Литвою, и Пинско-березинское Полѣсье и Минская мѣстность, т. е. всѣ остальныя части Бѣлоруссіи.

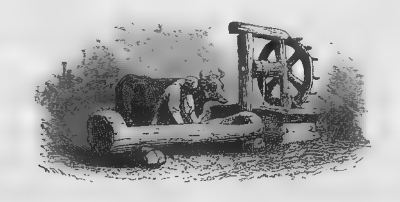
Но не скоро могло подняться возвратившееся въ свое исконное отечество, загнанное и по-

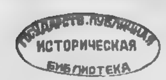
ставленное самою природою въ весьма трудныя отношенія бѣлорусское племя. Между нимъ и единовѣрною ему соплеменною государственною властью стояло въ большей, западной половинѣ области польское или ополяченное высшее сословіе, вооруженное своимъ могущественнымъ крѣпостнымъ правомъ, и иноплеменное, пришлое среднее сословіе, состоящее по преимуществу изъ Евреевъ съ чуждыми сельскому населенію экономическими интересами, съ чуждымъ его народному говору жаргономъ. Въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка бѣлорусское сельское населеніе попрежнему питалось своимъ такъ называемымъ пушнымъ хлѣбомъ, попрежнему исполняло, не для своихъ конечно выгодъ, тяжелый обязательный трудъ. Хотя прежнія раззорительныя войны Россіи съ Польшею прекратились, но еще въ 1812 году Бѣлорусская область потерпѣла страшный погромъ, бывшій слѣдствіемъ вторженія въ Россію и двукратнаго прохожденія черезъ нее несмѣтныхъ Наполеоновскихъ войскъ и сначала отступавшей, а потомъ преслѣдовавшей ихъ русской арміи. Долго не могло поправиться сельское населеніе Бѣлоруссіи отъ своего погрома, да и экономическія условія, въ которыхъ оно находилось, тому не способствовали.

Только выходъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости въ 1861 году и событія 1863 года измѣнили къ лучшему положеніе сельскаго населенія въ Бѣлорусской области. Нельзя не сознаться, что польское возстаніе 1863 года, искусственно перенесенное въ предѣлы Бѣлоруссіи до Могилевской и Витебской губерній, т. е. тоже за Двину и за Днѣпръ, до крайности улучшило тѣ условія, въ которыхъ населеніе Бѣлоруссіи вышло изъ своихъ крѣпостныхъ отношеній.

Результаты освобожденія бѣлорусскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости выразились въ громадномъ приростѣ населенія именно въ тѣхъ частяхъ Бѣлоруссіи, гдѣ крестьяне получили свои надѣлы на наиболѣе льготныхъ условіяхъ. Всякій, кто только былъ знакомъ съ бытомъ сельскаго населенія, до и послѣ 1863 года, поражается неимовѣрнымъ улучшеніемъ этого быта, особливо въ Минской и Витебской губерніяхъ, а отчасти и въ Могилевской. Не только средній уровень благосостоянія бѣлорусскихъ крестьянъ возвысился, но выдвинулись между ними такія зажиточныя семьи, какихъ не бывало прежде. Проведеніе прекрасной сѣти желѣзныхъ путей еще болѣе подняло экономическое благосостояніе страны и крѣпко связало ее въ ея экономическихъ интересахъ съ остальными частями Россіи — Великою и Малою Русью. Народная школа должна довершить въ дѣлѣ умственнаго развитія то, что уже совершилось въ дѣлѣ развитія экономическаго, а какъ только умственное развитіе будетъ идти рука-объ-руку съ экономическимъ, то для Бѣлорусской области наступитъ лучшее время и, несмотря на скудость своей почвы, обдѣленность Бѣлорусской области дарами природы, Бѣлоруссъ займетъ въ своей родной русской землѣ принадлежащее по праву происхожденія мѣсто, не между ея пасынками, а между родными ея сынами.

П. П. Семеновъ.

ТОМА III-го, ЧАСТИ I-ой.

ЛИТОВСКОЕ ПОЛѢСЬЕ.

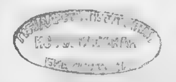

ТОМА III-го ЧАСТИ II-ой.

БѢЛОРУССКОЕ ПОЛѢСЬЕ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ «НОВЬ» НА 1894 ГОДЪ
№ 7—12. МАЙ ПО ОКТЯБРЬ